РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1874 г.

ТОМЪ XI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49— 2).
1874.

Библиотека "Руниверс"

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА

ЛОПУХИНА.

1699—1763.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31 іюля 1874 г.

Типографія В. С. Балашева, Бол. Сад., № 49—2.

Библиотека "Руниверс"

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА ЛОПУХИНА.

1699—1763.

„Лопухинское дѣло“ 1743 года принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ эпизодовъ въ борьбѣ придворныхъ партій, окружавшихъ престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Изъ этихъ партій, почти съ первыхъ же мѣсяцевъ ея царствованія (25-го ноября 1741 г.), особенно выдѣлились, съ одной стороны, партія, предводимая лейбъ-медикомъ Лестокомъ, а съ другой—вице-канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина. Сторонники первой, дѣйствуя въ интересахъ Франціи, склоняли государыню къ уступкамъ Швеціи и были чрезвычайно сильны значеніемъ Лестока при дворѣ и вліяніемъ его на государыню, собственныя симпатіи которой были на сторонѣ Франціи; но во главѣ противниковъ былъ весьма умный и искусный дипломатъ, гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, а за нимъ бо́льшая часть сановниковъ, стоявшихъ у кормила правленія и лучше иноземца Лестока понимавшихъ тогдашніе интересы Россіи. Эта партія была вполнѣ русская; въ интересахъ своего отечества ратовала она за союзъ съ Австріей, поддержка которой была необходима для противодѣйствія возраставшему могуществу Пруссіи. Успѣхъ сопровождалъ дѣйствія русской партіи: Швеціи не только не было сдѣлано никакихъ уступокъ, но война съ нею продолжена, и шведская армія, дѣйствовавшая въ Финляндіи, сложила оружіе предъ русскими войсками.

Маркизъ де-ла-Шетарди, представитель Франціи при русскомъ дворѣ, уѣхалъ въ Парижъ. Чѣмъ важнѣе были успѣхи партіи Бестужева, тѣмъ настойчивѣе дѣйствовалъ Лестокъ въ интересахъ французскаго двора, платившаго ему крупную пенсію. При этомъ Лестокъ, тѣмъ болѣе негодовалъ на Бестужева, что считалъ себя виновникомъ его возвышенія и теперь, встрѣчая въ немъ противодѣйствіе своимъ планамъ, рѣшился его свалить и передать управленіе иностранными дѣлами Александру Ивановичу Румянцову, человѣку менѣе Бестужева искус-

Библиотека "Руниверс"

ному и свѣдущему въ дѣлахъ дипломатическихъ, но болѣе податливому. Свалить, однако, графа Алексѣя Петровича было нелегко; новое правительство, сославъ въ Сибирь прежнихъ министровъ: гр. Миниха, гр. Остермана, гр. Михаила Головкина и другихъ, не видѣло вокругъ себя никого, кромѣ Бестужева, который-бы могъ, столь хорошо какъ онъ, вѣдать дѣла иностранной политики; необходимость въ этомъ человѣкѣ вполнѣ сознавала императрица Елисавета... Но если не свалить, то значительно умалить „кредитъ“ искуснаго вице-канцлера и ослабить его всерѣшающій голосъ могло обвиненіе его родичей и сторонниковъ, въ особенности представителя Вѣнскаго двора, маркиза де-Ботта,. въ соучастіи въ какомъ-нибудь заговорѣ противъ персоны государыни.... Такимъ образомъ, открытіе хотя бы измышленнаго, мнимаго заговора, къ которому можно было бы прямо или косвенно припутать, если не гр. А. П. Бестужева-Рюмина, то хотя его ближнихъ, являлось для Лестока вполнѣ надежнымъ орудіемъ для достиженія своекорыстныхъ цѣлей. Въ іюлѣ 1743 года, весьма кстати, представился Лестоку случай сочинить таковой заговоръ. Къ лейбъ-медику явился поручикъ кирасирскаго полка, Бергеръ, родомъ курляндецъ, человѣкъ продувной, и объявилъ, что онъ, получивъ назначеніе ѣхать въ Соликамскъ, на смѣну начальника караула при сосланномъ туда, въ 1742 г., графѣ Левенвольдѣ, видѣлся съ подполковникомъ Иваномъ Лопухинымъ, который далъ ему, Бергеру, секретное порученіе отъ своей матери. Статсъ-дама Наталья Ѳедоровна Лопухина просила Бергера передать ссыльному поклонъ, увѣрить въ неизмѣнной ея памяти о немъ и ободрить бывшаго графа, чтобы онъ не отчаявался, но твердо надѣялся на лучшія времена.

Бергеръ, сильно не желавшій ѣхать въ Соликамскъ, передалъ секретъ Лестоку, заручился его обѣщаніемъ, что командировка не только будетъ отмѣнена, но доноситель удостоится щедраго награжденія, и затѣмъ получилъ обстоятельное наставленіе — вывѣдать у Лопухина, въ чемъ состоятъ основанія надеждъ его матери на лучшія времена.

Благодаря наставленію Лестока и извѣту Бергера, возникаетъ кровавое „Лопухинское дѣло“; прикосновенными къ нему оказываются: представитель вѣнскаго двора, маркизъ де-Ботта, перемѣщенный предъ тѣмъ посломъ въ Берлинъ, и десятка два лицъ, выхваченныхъ изъ высшаго общества обѣихъ столицъ. Къ дѣлу привлечены: статсъ-дама, украшенная портретомъ царствовавшей государыни, Наталья Ѳедоровна Лопухина (род. 11-го ноября 1699 г.), рожденная Балкъ, родная племянница знаменитой Анны Монсъ и камергера Монса, сложившаго

Библиотека "Руниверс"

голову на плахѣ въ 1724 г.; мужъ ея контръ-адмиралъ, генералъ-кригсъ-коммиссаръ, камергеръ, кавалеръ св. Александра Невскаго, Степанъ Васильевичъ Лопухинъ (двоюродный братъ первой супруги Петра Великаго) и сынъ ихъ, подполковникъ, бывшій камеръ-юнкеръ, Иванъ Лопухинъ — оба представители стариннаго боярскаго рода Лопухиныхъ, изъ котораго столь многіе подверглись опалѣ и казнены въ царствованіе Петра Великаго; статсъ-дама, также украшенная портретомъ императрицы, графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина, дочь великаго канцлера гр. Головкина, супруга оберъ-гофмаршала, гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина; дочь гр. Анны Гавриловны, отъ перваго ея брака съ генералъ-прокуроромъ Ягужинскимъ,— графиня Настасья Павловна Ягужинская; камергеръ Лиліенфельдъ и его жена Софья Васильевна, рожд. княжна Одоевская (бывшая фрейлина правительницы Анны Леопольдовны); княгиня Гагарина, падчерица графини Бестужевой; оберштеръ-кригсъ-коммиссаръ флота Александръ Ефимовичъ Зыбинъ; гвардіи капитанъ кн. Иванъ Путятинъ, нѣсколько офицеровъ гвардіи и нѣкоторыя другія лица, а всего двадцать-пять человѣкъ.

Подробное и сколь возможно обстоятельное изложеніе подлиннаго о нихъ дѣла составляетъ предметъ настоящей статьи.[1])

Ред.

---

[1]) Судьба Натальи Ѳедоровны Лопухиной не разъ уже обращала на себя вниманіе изслѣдователей русской исторіи XVIII вѣка. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г., кн. 17-я, напечатана о ней статья пишущаго эти строки: «Н. Ѳ. Лопухина, 1699—1763. Эпизодъ изъ ея жизни» (стр. 5—52), причемъ статья была составлена, главнымъ образомъ, по донесеніямъ иноземныхъ пословъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ, а также по Полному Собранію Законовъ и по нѣкоторымъ другимъ русскимъ и иностраннымъ печатнымъ источникамъ. Подлинное производство дѣла о Лопухиныхъ 1743 года не было еще намъ тогда извѣстно. Впервые остановился на немъ въ печати С. М. Соловьевъ, отведя Лопухинскому дѣлу въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» (т. XXI-й, М., 1871 г.), соотвѣтственно размѣрамъ своего труда, шесть страницъ; но, очевидно, шесть страницъ не могли исчерпать множества интересныхъ подробностей, какими изобилуетъ это обширное дѣло; оно даетъ богатый матеріалъ для характеристики нѣсколькихъ лицъ, выдвинутыхъ переворотомъ 25-го ноября 1741 года въ ряды правителей; дѣло это очерчиваетъ нравы тогдашняго русскаго общества, знакомитъ съ порядкомъ производства дѣлъ по обвиненіямъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, рисуетъ положеніе политическихъ ссыльныхъ, наконецъ, даетъ множество подробностей для біографій столь интересныхъ личностей, каковы статсъ-дама Наталья Ѳедоровна Лопухина и графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина.

Относительно матеріаловъ для настоящей статьи, считаемъ необходимымъ замѣтить, что, кромѣ подлиннаго «Лопухинскаго дѣла», въ виду нашемъ была записка изъ него, весьма обязательно сообщенная А. А. Краевскимъ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

I.

Встрѣча Ивана Лопухина съ Бергеромъ. — Доносъ. — Указъ императрицы Елисаветы.—Первый допросъ Лопухина.—Лица имъ оговоренныя: мать, отецъ, князь Путятинъ, Аргамаковъ, маркизъ Ботта.—Очная ставка съ доносчиками.—Дальнѣйшія показанія Ивана Лопухина —Арестъ его матери и допросы.—Показанія Настасьи Ягужинской.—Допросъ Бестужевой.—Показанія Лопухиной.—Мошковъ и Ржевскій.—Очная ставка Ивана Лопухина съ матерью и Бестужевой.—Александръ Зыбинъ.—Софья Лиліенфельдъ.

17-го іюля—1-го августа 1743 г.

Вечеромъ, 17-го іюля 1743 г., въ Петербургѣ, въ вольномъ домѣ Берглера—любимомъ пріютѣ разгульной гвардейской молодежи того времени, веселился молодой подполковникъ Иванъ Степановичъ Лопухинъ, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ, лейбъ-кирасирскаго полка поручикомъ Бергеромъ. Поручикъ долженъ былъ скоро отправиться въ Соликамскъ—мѣсто ссылки Левенвольда. близкія отношенія котораго къ Н. Ѳ. Лопухиной были извѣстны всему городу; вещи ссыльнаго, уцѣлѣвшія отъ конфискаціи, хранились у нея въ домѣ. Командируемый въ Соликамскъ, Бергеръ, обласканный Лопухиными, могъ услужить Натальѣ Ѳедоровнѣ: передать отъ нея вѣсточку Левенвольду, а ей сообщить о томъ, какъ живетъ бывшій ея возлюбленный.

Поручикъ Бергеръ былъ угоденъ Лопухиной, какъ посредникъ въ ея сношеніяхъ съ ссыльнымъ; сынъ Натальи Ѳедоровны, Иванъ Степановичъ, любилъ Бергера, какъ лихаго собутыльника. Они часто пировали и погуливали вмѣстѣ. Такъ было и въ воскресенье 17-го іюля. Выпили порядочно, особенно Лопухинъ, которому вино отуманило голову и развязало языкъ. Бергеръ на этотъ разъ пилъ и говорилъ меньше, а больше слушалъ. Натѣшившись въ трактирѣ, Лопухинъ пригласилъ Бергера къ себѣ на квартиру—еще выпить и по душѣ побесѣдовать; тотъ охотно согласился. Дома Лопухинъ сталъ еще разговорчивѣе. Зашла бесѣда о весельи, о развлеченіяхъ вообще; Лопухинъ сказалъ, что нынѣ, супротивъ прежняго времени, не въ примѣръ скучнѣе...

— «Должна-же быть тому какая-нибудь причина?» спросилъ Бергеръ.

— «Та и есть причина», отвѣчалъ Лопухинъ, «что нынѣ веселье никому на умъ нейдетъ. Вотъ, хоть на себя укажу. При дворѣ принцессы Анны Леопольдовны былъ я камеръ-юнкеромъ,

Библиотека "Руниверс"

въ рангѣ полковника, а нынѣ опредѣленъ въ подполковники, да и то невѣдомо куда,—въ гвардію или армію. Это не обида? Обида мнѣ, что каналья какая-нибудь—Лялинъ или Сиверсъ въ чины произведены: одинъ изъ матросовъ, другой изъ кофешенковъ? а сказать тебѣ за что? За скверное дѣло. Нынѣ, другъ любезный, веселится только наша государыня. Въ Царское Село со всякими непотребными людьми ѣздитъ, аглицкимъ пивомъ напивается, а тѣ....» Лопухинъ ввернулъ недоброе слово.

— «Дѣйствительно», сказалъ Бергеръ, «императрица очень весело проводитъ время».

«Императрица!» усмѣхнулся Лопухинъ. «Да знаешь-ли ты, что ей и императрицей-то быть не слѣдовало? Незаконная—разъ; другое: фельдмаршалъ князь Долгоруковъ сказывалъ, что въ тѣ поры, когда императоръ Петръ II скончался, хотя-бъ и надлежало Елисавету Петровну къ наслѣдству допустить, да она беременна была. Теперь она Ивана Антоновича и принцессу Анну Леопольдовну, со всѣмъ семействомъ, въ Ригѣ подъ карауломъ держитъ, а того не знаетъ, что рижскій караулъ очень къ принцу и къ принцессѣ склоненъ и съ лейбъ-компаніей потягается. Думаешь, не сладитъ съ тремя стами канальями? Прежній караулъ и крѣпче былъ, да сдѣлали дѣло. Ежели бы Петру Семеновичу Салтыкову можно было выттить, то-бъ онъ и самъ ударилъ въ барабанъ.... За что его и отъ двора удалили, самъ знаешь! Плохо подъ бабьимъ правительствомъ».

— «Такъ ты думаешь, что принцу Іоанну Антоновичу...»

— «Самъ увидишь, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ перемѣна. Недавно мой отецъ къ матери писалъ, чтобы я не искалъ никакой милости у государыни. Мать перестала ко двору ѣздить, а я былъ на послѣднемъ маскарадѣ и больше не буду».[1])

Живо заинтересованный болтовнею Лопухина, Бергеръ отъ него отправился къ своему другу, маіору Фалькенбергу; въ слѣдующіе дни, съ 18-го по 21-е іюля 1743 года, былъ неразлученъ съ Лопухинымъ, тщетно стараясь вызвать его на откровенную бесѣду; только 21-го числа, когда они проходили мимо

---

[1]) Весь разговоръ, отъ слова до слова, заимствованъ изъ показаній Бергера и объясненій Ивана Лопухина въ подлинномъ дѣлѣ Лопухиныхъ. См. также у С. Соловьева, т. XXI, стр. 286. Ред.

Библиотека "Руниверс"

дома князя Трубецкаго, у Лопухина опять сорвалось съ языка неосторожное слово.

— «Трубецкой, да принцъ Гессенъ-Гомбургскій—гунстфаты. Князь Долгоруковъ прежде былъ не добръ къ государынѣ, а нынѣ доброжелательствуетъ, да у нея такихъ немного: наша знать ее вообще не любитъ, она же все простому народу благоволитъ для того, что сама живетъ просто».

— «А принцу Іоанну недолго быть сверженну?» напомнилъ Бергеръ.

— «Недолго!»

На этотъ разъ Бергеръ, вмѣстѣ съ Фалькенбергомъ, поспѣшили къ Лестоку,[1]) который въ тотъ же день далъ имъ возможность представиться императрицѣ.

Елисавета Петровна, запуганная постоянными извѣтами Лестока и двумя недавно открытыми заговорами, не могла оставить безъ вниманія доноса Бергера и Фалькенберга. Приказавъ имъ повывѣдать еще отъ Лопухина о той близкой перемѣнѣ, на которую онъ уже дважды намекалъ Бергеру, императрица приказала заготовить и подписала слѣдующій именной указъ, лишь черезъ четыре дня приведенный въ исполненіе:

«Указъ нашимъ—генералу Ушакову, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ князю Трубецкому и Лестоку.

«Сего числа доносили намъ словесно поручикъ Бергеръ, да маіоръ Фалькенбергъ на подполковника Ивана Степанова сына Лопухина, въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся противъ насъ и государства; того ради повелѣваемъ вамъ помянутаго Лопухина тотчасъ арестовать, а у Бергера и Фалькенберга о тѣхъ дѣлахъ спросить и взять у нихъ о томъ, въ чемъ доносятъ, на письмѣ, и по тому изслѣдовать, и что по допросамъ Лопухина касаться будетъ до другихъ кого, то, не смотря на персону, въ Коммиссію свою забирать, изслѣдовать, и что по слѣдствію явится, доносить намъ, а для произведенія того дѣла указали мы, съ вами быть отъ Кабинета нашего стат-

---

[1]) Домъ его, кажется, находился на Фонтанкѣ, между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами. Нынѣ онъ принадлежитъ купцу Бовыкину (складъ строительныхъ матеріаловъ) и, повидимому, сохранилъ свою первобытную архитектуру. Не отъ имени-ли Лестока произошло названіе Лештукова переулка? Ред.

Библиотека "Руниверс"

скому совѣтнику Демидову». «Елисаветъ. Іюля 21-го дня 1743 года».

Этотъ указъ вошелъ въ силу только 25-го числа іюля. За три дня передъ тѣмъ, Матвѣй Фалькенбергъ и Бергеръ были въ компаніи съ Лопухинымъ и, подпоивъ свою жертву, вывѣдали отъ него еще нѣсколько новыхъ данныхъ о предполагаемомъ заговорѣ. Говорилъ Лопухинъ, что-де «нынѣшніе управители государственные всѣ негодные, не такъ какъ прежде были Остерманъ и Левенвольдъ; только одинъ Лестокъ проворная каналья». Говоря о принцѣ Іоаннѣ, онъ употреблялъ титулъ императорскій; сказывалъ, что «ему прусскій король будетъ помогать, а наши, по его мнѣнію, за ружье не примутся». Фалькенбергъ спросилъ: «скоро-ли все это будетъ?» Лопухинъ отвѣчалъ: «скоро».

— «Тогда ты меня не забудешь?» напомнилъ Фалькенбергъ.

— «Конечно, не забуду...»

«Али нѣтъ кого и повыше тебя, къ кому забѣжать?»

Лопухинъ пожалъ плечами.

— «Маркизъ де-Ботта», сказалъ онъ при этомъ, «принцу вѣрный слуга и доброжелательный».

Клевреты Лестока не замедлили пополнить прежній доносъ новыми показаніями. Этого было достаточно. Иванъ Лопухинъ былъ арестованъ; доносчики подверглись задержанію при коммиссіи. Начались приготовленія къ допросамъ. Допрашивали люди, закаленные въ крови: Ушаковъ — этотъ Малюта Скуратовъ трехъ царствованій; князь Никита Трубецкой и Лестокъ, съ искусствомъ безчувственнаго фельдшера соединявшій жестокосердіе палача.

Допросы начались, разумѣется, съ главнаго виновника — Ивана Лопухина, въ первый же день полученія именнаго указа, т. е. 25-го іюля.

Ивана Лопухина допрашивали по 17-ти пунктамъ:

— 17-го іюля былъ-ли ты, вмѣстѣ съ Бергеромъ, въ вольномъ домѣ у Берляра?

— «Были оба».

— Былъ у тебя въ домѣ поручикъ Бергеръ и какія ты слова употреблялъ про ея императорское величество, и про принца Іоанна?

— «Былъ у меня Бергеръ, вмѣстѣ со мной пришелъ. Спра-

Библиотека "Руниверс"

шивалъ: въ какомъ я чинѣ? я отвѣчалъ: подполковникомъ, а прежде былъ камеръ-юнкеромъ; за что обиженъ, не знаю. «Развѣ у тебя патроновъ (покровителей) нѣтъ?» спросилъ Бергеръ. Есть — отвѣчалъ я — просилъ ихъ, а они обѣщали помогать мнѣ впредь. Не знаю, за что я такъ несчастливъ? Вины моей никакой нѣтъ; отецъ былъ арестованъ нѣсколько мѣсяцевъ— Богъ вѣстъ за что. О ея величествѣ у насъ зашла рѣчь такимъ образомъ. Спросилъ Бергеръ, каковы ко мнѣ были прежніе владѣтели, т. е. принцесса Анна? я сказалъ: милостива; ибо тогда я былъ камеръ-юнкеромъ и въ рангѣ полковника, а нынѣ подполковникъ. Бергеръ сказалъ: «я-де чаю, что и линія къ наслѣдству принцессѣ (Аннѣ) ближе, такъ какъ линія Петра Великаго уже пресѣклась; удивительно, что за подлый народъ ваша лейбъ-кампанія: за что они государыню на престолъ возвели? Чего ваши министры смотрѣли?» На это я отвѣчалъ Бергеру: «не наше дѣло разсуждать и ты больше объ этомъ мнѣ не говори».

— Какое ты намѣреніе имѣлъ и съ кѣмъ къ низверженію съ престола ея императорское величество, къ возведенію на оный принца Іоанна и какимъ образомъ и когда это исполнить хотѣлъ?

— «Никогда и ни съ кѣмъ подобнаго намѣренія не имѣлъ и за другими ни за кѣмъ подобнаго не зналъ».

— Почему ты знаешь, что обрѣтающійся караулъ у принца Іоанна держитъ его сторону и доброжелателенъ?

— «Сего я не вѣдаю. Въ разговорахъ съ Бергеромъ говорилъ о возведеніи ея величества на престолъ лейбъ-кампаніею; онъ спрашивалъ, доброжелателенъ-ли у принцессы (Анны Леопольдовны) къ ней караулъ? Я отвѣчалъ на то: знаю, что доброжелателенъ, понеже къ ней привыкли. «Не за то-ли», сказалъ Бергеръ, «насъ изъ цитадели въ другое мѣсто перевели?» я сказалъ: можетъ быть.

— Почему ты высочайшую особу безстрашно и безсовѣстно отважился поносить? въ какой надеждѣ и какія слова употреблялъ?

— «Я говорилъ, что ея величество изволитъ ѣздить въ Царское Село для того, что любитъ англинское пиво кушать; что ея величество до вступленія родителей въ бракъ за три года

Библиотека "Руниверс"

родилась; [1]) говорилъ я еще, что мы подъ бабьимъ правительствомъ находимся. Все сіе говорилъ съ продерзости, думая, что будетъ перемѣна, чему и радовался».

— Министровъ и придворныхъ кавалеровъ для чего ты поносилъ и уничтожалъ?

— «Говорилъ, что нынѣшніе министры не такіе, какіе были прежде: Остерманъ и др., а про придворныхъ, что Лялинъ изъ квартирмистровъ, Сиверсъ — изъ кофишенковъ, а Либгардъ — изъ ничего да въ камеръ-юнкеры пожалованы, а я — подполковникъ».

— Съ кѣмъ отецъ твой въ Москвѣ имѣетъ компанію, какими вредными для государства дѣлами занимается и гдѣ письмо то, которое онъ писалъ къ матери твоей, чтобы ты у двора никакой милости не искалъ?

— «Ѣздятъ къ отцу князь Иванъ Путятинъ, да Михайло Аргамаковъ для забавы; о дѣлахъ ихъ, чтобъ къ поврежденію государства касалось — я не вѣдаю; а о письмѣ ничего не знаю... Полагаю, что для того писалъ, что не хотѣлъ, чтобы я былъ придворнымъ».

— Для чего ты ея императорское величество и его императорское высочество за наслѣдниковъ къ россійскому престолу не признаваешь, и съ кѣмъ о томъ имѣлъ разговоры?

— «За наслѣдниковъ (ихъ) признавалъ, а что противное тому съ Бергеромъ и Фалькенбергомъ говорилъ, то въ томъ винюсь».

— Марки де-Ботта съ чего ты похвалялъ и почему вѣдаешь, что онъ принцу Іоанну вѣрный слуга и доброжелателенъ?

— «Не похвалялъ и не вѣдаю; Фалькенбергъ говорилъ, будто о возведеніи ея величества на престолъ старался французскій посолъ Шетарди, а я сказалъ: не онъ, а лейбъ-кампанія. Фалькенбергъ говоритъ: «зачѣмъ марки де-Ботта не хотѣлъ столько денегъ терять, а то-бъ и онъ принцессу и принца выручилъ». Я молвилъ: можетъ статься.

---

[1]) Елисавета Петровна родилась въ 1709 г., а торжество бракосочетанія ея родителей — Петра I-го и Екатерины I-й совершено въ 1712 г. Это обстоятельство не разъ при ея жизни служило предметомъ пустыхъ толковъ; это же обстоятельство въ 1730 г. было упоминаемо «верховниками», при избраніи преемницы Петру II-му. См. «Русскую Старину» изд. 1870 г., т. II, записки кн. Щербатова, стр. 47 и 48. Ред.

Библиотека "Руниверс"

— Съ какого намѣренія ты говорилъ Фалькенбергу: «можетъ статься», о томъ покажи сущую правду?

— «Сказалъ безъ всякаго умысла и ни съ кѣмъ никакого противъ ея величества намѣренія не имѣлъ».

— За что ты лейбъ-кампанію бранилъ и, по намѣренію своему, принцу Іоанну что учинить хотѣлъ?

— «Лейбъ-кампанію не бранилъ и намѣренія противъ принца никакого не имѣлъ. Говорилъ мнѣ Бергеръ: «я-де не знаю, что смотрятъ и молчатъ большіе господа? Какъ-де такая каналья только триста человѣкъ лейбъ-кампаніи ея величество на престолъ возвели и ежели-бъ большіе хотѣли, то-бъ возвели прежнихъ владѣтелей; ибо, можетъ быть, есть и такіе, которые больше любятъ принцессу, нежели ея величество». Я сказалъ: «то правда».

— Почему ты вѣдаешь, что прусскій король будетъ помощникомъ къ возведенію на престолъ Іоанна?

— «Того не вѣдаю, а говорилъ съ Фалькенбергомъ, безъ умыслу, что король прусскій—принцу свой; удивляюсь, для чего-де онъ за него не вступится».

— Въ какой надеждѣ ты обѣщалъ, при будущей перемѣнѣ, Фалькенберга не забыть?

— «Онаго я ему не обѣщалъ и такихъ словъ не говорилъ».

— Для чего принца Іоанна въ разговорахъ императоромъ титуловалъ?

— «Императоромъ не титуловалъ, а называлъ бывшимъ государемъ и принцемъ».

— Идучи мимо двора фельдмаршала князя Трубецкаго, что про него и зятя его—принца Гессен-Гомбургскаго [1]) и про фельдмаршала князя Долгорукова и про другое, касающееся къ поврежденію ея величества чести, говорилъ, и съ кѣмъ?

— «Идучи мимо онаго двора, говорилъ я съ Бергеромъ, что тутъ два фельдмаршала живутъ, а оба глупы. Бергеръ улыбнулся и сказалъ: «каковъ-де къ ея величеству фельдмаршалъ князь Долгоруковъ?» Я сказалъ: не знаю; думаю, что доброжелателенъ. Противъ того Бергеръ говорилъ: «я-де того не чаю, понеже и прежде (въ 1730 г.) онъ не допустилъ ея величество къ престолу».

---

[1]) Принцъ Людвигъ Гессен-Гомбургскій былъ женатъ на вдовѣ князя Димитрія Кантемира, Анастасіи Ивановнѣ, рожденной княжнѣ Трубецкой, дочери фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Я на то сказалъ: развѣ для того, что она прежде родилась, за три года до брака родителей. Онъ сказалъ: «о томъ-де весь свѣтъ говоритъ и долго-ли намъ такъ безсчастнымъ быть, что мы подъ бабьимъ правленіемъ находимся?» Я сказалъ: что-де дѣлать, когда такъ пришлось.... а онъ: «нажили мы было тихое житіе, какъ была принцесса Анна, да недолго того было». Кромѣ сего, ничего не говорилъ и отъ кого что слышалъ—не помню».

— Для чего ты о такихъ словахъ Бергера и Фалькенберга не доносилъ?

— «На оное никакого оправданія приносить не имѣю и въ томъ винюся».

— Въ вѣрности службы ея величеству и его императорскому высочеству у присяги былъ-ли и для чего оную нарушилъ?

— «У обѣихъ оныхъ присягъ былъ, здѣсь, въ церкви Вознесенія—ея величеству, а въ Москвѣ—его высочеству, а въ нарушеніи оныхъ виновна себя признаваю».

Послѣ допроса прочли Лопухину показанія Бергера и Фалькенберга, но онъ ни въ чемъ не винился. Ввели доносчиковъ, дали обвиненному очную ставку съ ними и уличенный Лопухинъ, подтвердивъ ихъ показанія, сказалъ, что прежде не винился со страха.

Къ числу замѣчательныхъ явленій въ этомъ злополучномъ дѣлѣ особеннаго вниманія заслуживаютъ — неутомимая дѣятельность слѣдователей (достойная лучшей цѣли) и быстрота ихъ распоряженій объ арестованіи лицъ, оговариваемыхъ на допросахъ. Допрашиваемымъ достаточно было назвать кого-либо, чтобы немедленно въ тотъ же часъ послѣдовало повелѣніе привести названнаго предъ слѣдователей, домъ его опечатать, бумаги отобрать. При Биронѣ, находившихся подъ слѣдствіемъ, водили по петербургскимъ улицамъ и, по указанію этихъ «языковъ» (какъ ихъ называли), хватали того, кто попадалъ имъ подъ руку. Въ слѣдственномъ «Лопухинскомъ» дѣлѣ при Елисаветѣ Петровнѣ захватывали лицъ по первому же оговору. Аресты производились во время самыхъ допросовъ; за ними посылали нарочныхъ, не затрудняясь разстояніемъ; протоколы, прямо изъ слѣдственной коммиссіи, препровождались къ императрицѣ и, сообразуясь съ ними, Лестокъ и его партія, именемъ императрицы давали указы въ руководство слѣдователямъ.

Библиотека "Руниверс"

Первый допросъ Ивана Лопухина происходилъ 25-го іюля 1743 года. На слѣдующій день (26-го іюля), императрица, выслушавъ докладъ о допросахъ Лопухина, «указала: маіора Фалькенберга и поручика Бергера въ коммиссіи не держать, а быть имъ свободными, и чтобъ они о томъ дѣлѣ, о которомъ на Лопухина доносили и съ нимъ разговоры имѣли, и въ чемъ въ коммиссіи спрашиваны — никому не объявляли, и забвенію предали, въ томъ взять у нихъ подписку подъ смертною казнію».

Посланы были указы находившемуся тогда въ Москвѣ камергеру Александру Ивановичу Шувалову и московскому генералъ-губернатору Александру Борисовичу Бутурлину. Первому повелѣно было: ѣхать въ домъ генералъ-лейтенанта Степана Лопухина—арестовать его, содержать подъ карауломъ; письма и бумаги отобрать, запечатать и прислать въ Петербургъ. Вмѣстѣ со Степаномъ Лопухинымъ арестовать бывшихъ офицеровъ гвардіи, князя Ивана Путятина и Михайла Аргамакова. Въ указѣ къ Бутурлину повелѣно ему было содѣйствовать со своей стороны Шувалову, выдать ему, «для разныхъ дѣлъ», офицеровъ и солдатъ, сколько онъ потребуетъ, и прогонныхъ денегъ, по его усмотрѣнію.

Иванъ Лопухинъ, приведенный въ Коммиссію, въ дополненіе наканунѣ данныхъ имъ показаній объявилъ, что его мать, въ бытность въ Москвѣ, сказывала ему, что пріѣзжалъ къ ней маркизъ де-Ботта (бывшій австрійскій посолъ при русскомъ дворѣ) и говорилъ, что не прежде будетъ спокоенъ, какъ поможетъ принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ), и что прусскій король будетъ также помогать, о чемъ онъ будетъ стараться. Сіи слова Наталья Ѳедоровна Лопухина сообщила сыну, когда у нея была Анна Гавриловна (Бестужева) съ дочерью Настасьею (Ягужинскою), на что Анна Гавриловна сказала: «гдѣ это де-Боттѣ сдѣлать?... а можетъ статься!» Къ этому Иванъ Лопухинъ присовокупилъ, что отца его въ то время въ Москвѣ не было. Кромѣ того, слыхалъ онъ отъ отца и отъ матери, что они противъ прежняго безвинно обижены: отнята деревня и отецъ отставленъ безъ награжденія. Въ компанію къ матери ѣздятъ графъ Михайло Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ съ женой, да Софья Лиліенфельдъ, отъ которыхъ онъ никакихъ разговоровъ не слыхалъ. Наконецъ, съ Бергеромъ и Фалькенбергомъ онъ говорилъ о

Библиотека "Руниверс"

принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ) и принцѣ Іоаннѣ въ той надеждѣ, что они, какъ иностранцы, имъ доброжелательствуютъ. Ни съ кѣмъ изъ русскихъ онъ о бывшей правительницѣ не говорилъ.

Слѣдователи: князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, Ушаковъ и Лестокъ, немедленно отправились къ Натальѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной и производили допросъ, у нея же на дому, по слѣдующимъ пунктамъ:

— Въ Москвѣ и здѣсь (въ Петербургѣ) съ маркизомъ де-Ботта какіе, когда и при комъ имѣла ты разговоры о вспомогательствѣ принцессѣ Аннѣ и ея сыну быть опять на россійскомъ престолѣ?

— «Маркизъ де-Ботта въ домъ ко мнѣ ѣзживалъ; о вспомогательствѣ принцессѣ Аннѣ (у насъ) разговоровъ не было; говорилъ только, что отъѣзжаетъ въ Берлинъ, а когда я спросила: зачѣмъ? то онъ ничего не сказалъ... Иногда говаривалъ, что ему здѣсь воздухъ нездоровъ».

— Кто къ тому помогательству имѣются сообщники и какія мѣры воспріять намѣрены? Ты, мужъ твой и сынъ Иванъ, какія къ тому мѣры принимали и кого въ согласіе приводили?

На оба вопроса отвѣты отрицательные.

— Когда маркизъ де-Ботта тебѣ говорилъ, что онъ не прежде будетъ спокоенъ, какъ поможетъ принцессѣ Аннѣ и что король прусскій будетъ ей помогать, почему ты не донесла и сыну запрещала говорить? Какіе при томъ разговоры еще о ея императорскомъ величествѣ къ лишенію россійскаго императорскаго престола и къ возведенію на оный принца Іоанна употребляли, и при комъ?

— «Когда онъ говорилъ мнѣ эти слова, то я ему сказала, чтобъ они не заваривали каши и не дѣлали въ Россіи безпокойствъ, а старались бы только принцессу освободить и отпустить къ ея деверю. Говорила я это изъ сожалѣнія; когда же онъ вторично сталъ говорить, что будетъ стараться, чтобы принцессѣ по прежнему быть на россійскомъ престолѣ, то я ничего не возражала. Не донесла потому, что, не имѣя у ея величества милости, думала не изволитъ повѣрить».

— Мужъ твой объ этомъ вѣдаетъ-ли?

— «Ничего отъ меня не зналъ и я утаивала; но говорилъ-ли ему объ этомъ де-Ботта — того не знаю».

Библиотека "Руниверс"

— Графиня Анна Бестужева какіе разговоры съ тобою имѣла и кто еще участвовалъ, и что у васъ на мѣрѣ постановлено?

— «Разговоры имѣла о томъ же, что Ботта сказывалъ. И она говорила, что Ботта сообщалъ ей; при этомъ никого не было и на мѣрѣ ничего не постановлено. Въ Москвѣ спрашивалъ у меня князь Путятинъ: нѣтъ-ли какого извѣстія о принцессѣ Аннѣ и не отпустятъ-ли ее къ деверю? на что я сказала, что ничего не вѣдаю и не слыхала».

— Какое неудовольствіе отъ ея императорскаго величества вы имѣете и съ какимъ намѣреніемъ объ этомъ разглашаете?

— «Что деревня отнята и сынъ не камеръ-юнкеромъ.. но сіе не разглашается и говорится безъ умыслу».

— Какія слова, вредительныя къ чести ея величества, съ сыномъ и съ другими вы говаривали?

— «Ничего и ни съ кѣмъ не говаривала».

По донесеніи императрицѣ о допросѣ Н. Ѳ. Лопухиной, послѣдовалъ указъ: «графиню Анну Бестужеву арестовать и допрашивать, а мужу ея графу Михайлѣ Бестужеву объявить ея императорскаго величества указъ, чтобъ онъ со двора до указу не выѣзжалъ, а письма ихъ запечатать».

Въ исполненіе высочайшей воли, слѣдователи отправились къ Бестужевой, но «какъ ея, такъ и мужа ея и дочерей въ домѣ не наѣхали, а объявили люди, что они на приморскомъ дворѣ...». Послѣдовалъ новый указъ: «послать за Бестужевой и за дочерью ея нарочнаго и привесть ихъ въ домъ, гдѣ ея императорское величество будучи цесаревною жить изволила».[1])

Графиня привезена была одна; мужу ея повелѣно было оставаться на приморскомъ дворѣ безотлучно. Между тѣмъ статскій совѣтникъ Демидовъ съ капитанъ-поручикомъ гвардіи Кутузовымъ опечатали въ домѣ Бестужевыхъ двери кабинета, въ которомъ хранились всѣ бумаги. Здѣсь же они нашли остававшуюся въ городѣ дочь Бестужевой — дѣвицу Настасью Ягужинскую и привезли ее въ тотъ же домъ, на Красной улицѣ, въ которомъ заключили ея мать. Отвѣты Настасьи Ягужинской были болтовней перепуганной до нельзя дѣвушки.

— «Въ домѣ Лопухиныхъ съ матерью своею Анною Бестуже-

[1]) На тогдашней Красной улицѣ, вдоль нынѣшняго Царицына луга, близь Мойки. Ред.

Библиотека "Руниверс"

вою она бывала; слышала ихъ разговоры о томъ, какъ принцеса была къ нимъ милостива; онѣ желали, чтобы ей быть по прежнему; маркизъ де-Ботта говаривалъ о своемъ старательствѣ у прусскаго короля, чтобы ей принцессѣ «быть по прежнему». Сынъ Лопухиной, Иванъ, при ихъ разговорахъ присутствовалъ, «много, горячо говаривалъ, желая ей быть по прежнему, отчего и матери, его и ея, унимывали, чтобъ говорить пересталъ. Тако-жъ и мать его Ивана многажды о ней принцессѣ съ доброжелательствомъ горячо и много говаривала, а мать ея, графиня, оттого ее унимала».

Показанія графини Бестужевой были довольно уклончивы:

— «Маркизъ де-Ботта изъ пріятства ѣзживалъ въ мой домъ, но разговоровъ о семъ дѣлѣ (о возведеніи на престолъ принцессы Анны) никакихъ не было. Не говорилъ, что ѣдетъ въ Берлинъ и что король будетъ помогать принцессѣ; сказывалъ, что его туда назначили, но ему не хочется. Ничего, что показано въ вопросномъ пунктѣ, ни отъ него и ни отъ кого не слыхала. У Лопухиной неоднократно бывала въ Москвѣ и однажды здѣсь. О словахъ де-Ботты ни сама ей не говорила, ни отъ нея ничего не слыхала. Не говаривала ей: «гдѣ ему, Боттѣ то сдѣлать» и «можетъ быть». Не помню, была-ли дочь моя Настасья со мною у Лопухиныхъ. Не упомню, бывалъ-ли Иванъ Лопухинъ при нашихъ разговорахъ съ его матерью. Никакого старанія о принцессѣ Аннѣ не имѣла; никого не знаю, кто бы о ней старался; говорила не тайно—не помню именно съ кѣмъ: дай Богъ, чтобы ихъ когда въ отечество отпустили».

Замѣтимъ, что слѣдователи, предлагая графинѣ Бестужевой вопросные пункты, говорили ей *вы*, а не *ты*.

Вечеромъ того же 26-го числа іюля, послѣдовалъ новый высочайшій указъ: «Ивана Лопухина и мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать подъ караулъ въ крѣпость», куда и отвезены; а дочь оной Бестужевой, по указу ея же императорскаго величества, отпущена въ домъ ея и велѣно держать ее тамъ подъ карауломъ.

27-го іюля (третій день допросовъ), присутствующіе ѣздили въ крѣпость, были у гр. Анны Бестужевой; спрашивали о подробностяхъ ея вчерашняго признанія, именно: о разговорахъ, съ Лопухиною, о намѣреніяхъ маркиза Ботты въ пользу принцессы

Библиотека "Руниверс"

Анны Леопольдовны... долго ее увѣщевали, но она твердо стояла на прежнемъ своемъ показаніи, т. е., «что отъ маркиза де-Ботта ничего не слыхала, съ Натальей Лопухиной и ни съ кѣмъ разговоровъ у нея не бывало и ничего она не знаетъ». Послѣ Бестужевой особо спрашивали Лопухину, которая, въ дополненіе перваго допроса, призналась, что Ботта и при ея мужѣ иногда проговаривался о принцессѣ, но когда Лопухины спрашивали его подробнѣе, онъ отвѣчалъ: «чтобы я еще вамъ, русскимъ, объ этомъ сказалъ?» а ее, Наталью, даже выбранилъ... Лопухинъ выражалъ своей женѣ опасенія, чтобы Ботта и «вправду, чего не сшалилъ». Съ Бестужевой она, Наталья, говорила о разговорахъ Ботты, не зная подлиннаго его намѣренія, такъ какъ онъ тщательно и отъ всѣхъ его скрывалъ. Всѣ отзывы Лопухиной объ императрицѣ ограничивались словами: «суди ее Богъ», и эти слова вырывались у Натальи Ѳедоровны только при воспоминаніи объ огорченіяхъ, отъ Елисаветы Петровны вынесенныхъ.

Подписывая это показаніе (по-нѣмецки, такъ какъ русской грамоты она не знала), Лопухина очевидно разсчитывала, если не на совершенное свое оправданіе, то, по крайней мѣрѣ, на благополучную развязку дѣла. Выгораживая себя и всѣхъ своихъ близкихъ, она обвиняла маркиза Ботту въ умыслахъ противъ императрицы; не вдаваясь въ подробности, онъ проговаривался о своемъ доброжелательствѣ принцессѣ: ему, какъ иноземцу, подобные умыслы могли приходить въ голову, оговаривать же его можно смѣло, такъ какъ онъ не находится уже въ Россіи. Эта хитрость Лопухиной могла бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы у слѣдователей не было самаго горячаго желанія допытаться до открытія заговора и всѣхъ его участницъ и участниковъ, къ числу которыхъ особенно было желательно притянуть Бестужевыхъ.

Принялись за Ивана Лопухина: если женщины были упрямы и скрытны, за то онъ давалъ своему языку туже самую волю при допросахъ, какъ и на свободѣ. Страхъ пытки вынудилъ у него показанія, какъ нельзя лучше соотвѣтствовавшія желаніямъ слѣдователей. Въ дополненіе къ прежнимъ показаніямъ Иванъ Лопухинъ, приведенный уже въ застѣнокъ, повинился еще въ слѣдующемъ:

— «Усердно желалъ, чтобы принцессѣ Аннѣ и сыну ея быть,

Библиотека "Руниверс"

по прежнему, на россійскомъ престолѣ. Не донесъ правительству, слыша отъ своей матери и вѣдая, что маркизъ де-Ботта всегда въ безпокойствѣ былъ и въ совершенномъ намѣреніи находился принцессѣ помогать и для возведенія ея съ сыномъ на престолъ, по прежнему, стараться короля прусскаго противъ Россіи къ войнѣ возбудить и привесть. Бергеру и Фалькенбергу, что та перемѣна скоро будетъ, говорилъ, обѣщая послѣдняго изъ нихъ не оставить. Въ той надеждѣ, ея величество, все министерство, придворныхъ и прочихъ вѣрныхъ слугъ ея величества не только презиралъ, но безъ всякой другой причины непристойными и зловредными словами поносилъ и не въ одно время. Принца Іоанна, будучи въ компаніяхъ, титуловалъ императоромъ».

Коммиссія, выслушавъ все это, находила, что Иванъ Лопухинъ именно «о подлинномъ своемъ къ произведенію въ дѣйство злаго намѣренія, когда и съ кѣмъ оное совершенно исполнить хотѣлъ—не объявляетъ», а потому объявила ему послѣднюю волю императрицы, что ежели сущей правды онъ не покажетъ въ томъ, то поступать съ нимъ, «какъ съ сущимъ злодѣемъ — жестокимъ розыскомъ».

Иванъ Лопухинъ «въ застѣнкѣ, еще не раздѣванный», отвѣчалъ, что умыслу никакого злаго ни съ кѣмъ противъ государыни и его высочества (Петра Ѳедоровича) не было и къ злому начинанію, чтобы противу того касалося, онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ; о своемъ же неудовольствіи за пониженіе чиномъ, и что у матери деревня отнята, отецъ безъ награжденія отставленъ,— обо всемъ томъ говорилъ съ гвардіи Измайловскаго полка поручикомъ Иваномъ Мошковымъ, да съ дворяниномъ Николаемъ Юрьевымъ сыномъ Ржевскимъ. И тѣ говорили ему, что нельзяде и не обижаться; а Мошковъ при томъ жаловался ему, что принцъ Гессен-Гомбургскій нѣсколько разъ обходилъ его производствомъ въ чинъ; что онъ, Мошковъ, радъ бы былъ, ежели бы осталось прежнее правленіе принцессы Анны. Отецъ и мать Ивана Лопухина и графиня Анна Бестужева говорили между собой, что государыней недовольны, но злаго умысла не имѣли, и Иванъ Лопухинъ таковаго ни за кѣмъ не знаетъ.

Этими показаніями слѣдователи не удовольствовались. Основываясь на доносахъ Бергера и Фалькенберга, они по пунктамъ принялись вывѣдывать у Лопухина его образъ мыслей о прави-

Библиотека "Руниверс"

тельствѣ, о дворѣ, о недавнихъ политическихъ переворотахъ... Допросъ принялъ характеръ травли: Ивана Лопухина загоняли въ разставленныя ему тенета, и несчастный запутался въ нихъ, наплетая на себя новыя напраслины. Онъ повинился, стоя «въ застѣнкѣ», т. е. въ виду орудій пытки, что злословилъ императрицу по злобѣ; сначала сказалъ, что о ея беременности, незаконности и т. п. ни отъ кого не слыхалъ, потомъ сослался на своего отца, Степана Лопухина, будто тотъ ему говорилъ. О переворотѣ, который возвелъ Елисавету на престолъ, слыхалъ отъ своей матери; она же говорила ему о принцессѣ Аннѣ, объ умыслахъ Ботты; съ графинею Бестужевою часто объ этомъ же говорила, ко двору не ѣздила по неимѣнію парадnаго (петергофскаго) платья. Тайнаго совѣтника Лестока онъ, Иванъ Лопухинъ, не бранилъ, а называлъ «проворнымъ» въ похвалу; принца Іоанна титуловалъ императоромъ потому, что любилъ его... Припомнилъ онъ еще, что его мать называла Ботту человѣкомъ умнымъ и сказывала, что ежели прусскій король за принца Іоанна вступится и войну объявитъ, то чаятельно, что наши солдаты и за ружья не возьмутся; кромѣ того, слышалъ отъ матери или отъ Анны Бестужевой,— того не упомнитъ, что марки де-Ботта съ сожалѣніемъ говорилъ: «я бы-де не пожалѣлъ и своихъ денегъ на то употребить, ежели-бъ сыскалъ случай освободить прежнихъ министровъ: Остермана, Левенвольда, Головкина и другихъ доброжелательныхъ принцессѣ Аннѣ». Анна Бестужева говаривала его матери: «охъ, Наталюшка! Ботта и страшенъ, а иногда и увеселитъ».

Въ этотъ же день допрашивали оговоренныхъ Лопухинымъ— Мошкова и Ржевскаго. Эти перепуганные, въ свою очередь, оговорили еще нѣсколько постороннихъ лицъ. Сущность отвѣтовъ Мошкова состояла въ томъ, что онъ неоднократно бывалъ въ компаніи съ Иваномъ Лопухинымъ. Раза три или четыре Лопухинъ говорилъ при адъютантѣ Степанѣ Степановичѣ Колычевѣ и при Ржевскомъ, что очень любитъ принцессу, что она его въ камеръ-юнкеры пожаловала, а нынѣ его, Лопухина, въ подполковники написали и къ службѣ куражъ отняли; говорилъ, будто слышалъ отъ вѣрнаго человѣка, что принцессу скоро въ Брауншвейгъ отпустятъ, а съ нею весь штатъ, въ томъ числѣ молодаго Миниха; онъ-же, Лопухинъ, будетъ, по прежнему,

Библиотека "Руниверс"

ея камеръ-юнкеромъ. Мошковъ спросилъ: отъ кого же все это слышалъ Лопухинъ? и тотъ назвалъ Александра Зыбина, который сказывалъ это его матери; самъ же Зыбинъ слышалъ это отъ камеръ-юнкера Алексѣя Хитрова. Поносительныя слова о государынѣ Иванъ Лопухинъ произносилъ раза три или четыре и такія слова, что Мошковъ своимъ языкомъ и сказать не можетъ; не доносилъ же онъ на Лопухина въ той надеждѣ, что принцесса, по прежнему, будетъ правительницею, и тогда Лопухинъ не оставитъ его своимъ покровительствомъ. Вспомнилъ еще Мошковъ, что солдаты Семеновскаго полка, роты, бывшей Лопухина, встрѣчаясь съ прежнимъ командиромъ, говорили: «а, отецъ нашъ, Иванъ Степановичъ!»

Мошкова подъ карауломъ отправили въ крѣпость. Въ коммиссію явился истребованный ею Николай Ржевскій. Онъ показалъ, что былъ знакомъ съ Лопухинымъ, Мошковымъ, Колычевымъ и вице-ротмистромъ Лилiенфельдомъ; Лопухинъ неоднократно жаловался на пониженіе чиномъ; онъ, Ржевскій, говорилъ ему на это, что и нельзя ему быть тѣмъ довольнымъ... Ржевскаго отпустили на волю, но черезъ два дня, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ заключенъ въ крѣпость.

Главное маховое колесо интриги Лестока, направленной преимущественно противъ Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, съ каждымъ днемъ втягивало въ гнусную махинацію людей, совершенно чуждыхъ мнимому заговору. Несмотря на то, что лицъ, вызываемыхъ въ слѣдственную коммиссію, обязывали подписками, «подъ опасеніемъ смертной казни», никому о Лопухинскомъ дѣлѣ не сообщать, молва о немъ разнеслась по городу, повергая въ ужасъ множество семействъ.

Главною заботою членовъ коммиссіи—было раскрытіе заговора въ пользу принцессы Анны, душею котораго были будто бы маркизъ де-Ботта, а его соучастниками—Лопухины и ихъ сродники. Что иностранный посолъ, не жалѣя золота на подкупы, могъ произвести въ Россіи значительную смуту—это было несомнѣнно. Не подлежало сомнѣнію и то, что маркизъ де-Ботта, обладая большими средствами, могъ бы также отважиться на смѣлое предпріятіе—освобожденіе Брауншвейгской фамиліи, что́, можетъ быть, и замышлялъ, но не прибѣгая къ содѣйствію Лопухиныхъ

Библиотека "Руниверс"

и Бестужевой.[1]) Предлогъ къ ихъ обвиненію былъ самый благовидный; онъ служилъ личиною мщенія Лестока Бестужевымъ и былъ орудіемъ личной ненависти императрицы Елисаветы къ Натальѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной. Ненависть эта была давняя... Дочь Матрены Балкъ, родная племянница Анны и Вилима Монсовъ, не могла пользоваться расположеніемъ дочери Петра Великаго. Вилимъ Монсъ былъ виновникомъ предсмертной размолвки Петра съ супругою.....

Не мало обидъ и притѣсненій перенесла Елисавета, дочь Петра Великаго, отъ временщиковъ, русскихъ выскочекъ и иноземныхъ проходимцевъ. Красавица Наталья Лопухина, пользовавшаяся особенной благосклонностью Анны Леопольдовны, не умѣла, или не хотѣла, смириться передъ Елисаветою, кичась красотой, дерзая даже состязаться съ императрицею въ нарядахъ. Извѣстно, что щегольство было слабостью Елисаветы. Придворнымъ дамамъ было строжайше воспрещено на балахъ быть въ платьяхъ одинаковаго цвѣта съ платьями императрицы. Натальѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной, какъ статсъ-дамѣ, это запрещеніе было, конечно, извѣстно; при всемъ томъ, она не всегда соблюдала это условіе придворнаго этикета, изъ упрямства, или изъ желанія чѣмъ-нибудь досадить императрицѣ. Еще незадолго до постигшаго ее несчастія, Лопухина, какъ разсказываютъ на основаніи преданія, явилась на придворномъ балу въ розовомъ платьѣ съ розою на напудренныхъ волосахъ: платье и головной уборъ были совершенными подобіями бывшихъ въ тотъ вечеръ на императрицѣ. Не владѣя собою, Елисавета приказала подать ей ножницы, подозвала Лопухину, срѣзала съ головы ея розу и дала дерзкой красавицѣ нѣсколько пощечинъ. Съ Лопухиной сдѣла-

[1]) Въ архивѣ князя А. Б. Куракина (принадлежащемъ барону М. Н. Сердобину и благосклонно предоставленномъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины») сохранилось любопытное письмо графа С. Р. Воронцова къ князю А. Б. Куракину, въ которомъ нашъ знаменитый дипломатъ, упоминая о своемъ свиданіи съ маркизомъ де-Боттою, много времени спустя послѣ Лопухинскаго дѣла, говоритъ, что Ботта, разсказывая ему о своемъ заточеніи, въ Австріи, въ крѣпость, по поводу этого событія, сознавался, что «былъ дѣйствительно виноватъ», не позволяя себѣ при этомъ ни малѣйшей укоризны памяти императрицы Елисаветы Петровны. Маркизъ де-Ботта, тогда уже удалившійся отъ дѣлъ, могъ бы слагать съ себя всякія обвиненія, однакоже, повторяемъ, признавалъ себя виноватымъ, въ чемъ откровенно сознался гр. С. Р. Воронцову.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

лось дурно. «Ништо ей, дурѣ!» сказала разгнѣванная Елисавета Петровна. Послѣ этой обиды Лопухина перестала ѣздить ко двору. Сынъ ея, умалчивая о настоящей причинѣ, проговорился Бергеру, что Лопухина не ѣздитъ ко двору по неимѣнію парадныхъ платьевъ.... Такъ говорила и сама Наталья Ѳедоровна и въ этихъ словахъ нельзя не видѣть злой иронiи, намека на приключеніе во дворцѣ.

28-го іюля дана была очная ставка графинѣ Аннѣ Бестужевой съ Иваномъ Лопухинымъ и его матерью. Обѣ стороны стояли на прежнихъ показаніяхъ. Бестужева дополнила ихъ, приписывая Лопухиной о маркизѣ Боттѣ, такія рѣчи, касательно освобожденія принцессы: «гдѣ ему-де, Боттѣ, то сдѣлать».... «чтобы онъ не заваривалъ каши и того-бъ не заводилъ и въ Россіи безпокойства не дѣлалъ, а старался бы только принцессу съ сыномъ освободить и отпустить къ деверю ея». Ботта отвѣтствовалъ о принцессѣ: стараніе будетъ имѣть, чтобъ ей быть, по прежнему, на престолѣ. Слова ея, Бестужевой, приведенныя Иваномъ Лопухинымъ: «охъ, Натальюшка, Ботта страшенъ, а иногда и увеселитъ», были употреблены, «въ такой силѣ, разсуждая, что страшное: можетъ-ли чрезъ помощь его намѣреніе сдѣлаться; а увеселительное: когда сдѣлается, чаю быть полезному». По поводу ссылки ея брата (Головкина), она, Бестужева, говорила съ Боттою, который, по дружбѣ къ нему и Остерману, говаривалъ, что «не пожалѣлъ бы своихъ денегъ, чтобы сыскать случай ихъ освободить». Затѣмъ, графиня прибавила, что подобныхъ разговоровъ не имѣла болѣе ни съ кѣмъ, даже и съ мужемъ.

За очною ставкою слѣдовали одиночные допросы: флота оберштеръ-кригс-коммиссара Александра Ефимовича Зыбина и Натальи Лопухиной.

Зыбинъ показалъ, что о принцессѣ Лопухина отзывалась съ сожалѣніемъ; онъ ее унималъ, говоря, что слова эти подозрительны; Лопухина же сказала: «развѣ тебѣ будетъ первый кнутъ?» Поносительныя слова противъ ея величества слыхалъ, но не отъ Лопухиной; не доносилъ, боясь допроса и истязаній.

Зыбина увели въ крѣпость. Начался допросъ Натальи Ѳедоровны. Она отвѣчала, по прежнему, невозмутимо, съ достоинствомъ, никого не оговаривая, ни на кого не ссылаясь. На вопросъ: «унималъ-ли ее Зыбинъ, когда она говорила о принцессѣ,

Библиотека "Руниверс"

и сулила-ли она ему кнутъ?» Лопухина отвѣчала отрицательно. Въ поносительныхъ словахъ повинилась.

Того же 28-го іюля, вечеромъ, происходилъ допросъ ея сына. На этотъ разъ, подтверждая прежнія свои показанія, онъ оговорилъ жену камергера Лиліенфельда, Софью, и подпоручика Преображенскаго полка, Нила Акинфова.

На другой день (29-го іюля) императрица, выслушавъ протоколъ допроса, чиненнаго наканунѣ Ивану Лопухину, указала слѣдователямъ: «въ томъ имъ, Иваномъ Лопухинымъ, розыскивать и спрашивать: 1) Что онъ, по своему злому намѣренію, надъ ея императорскимъ величествомъ учинить хотѣлъ и съ кѣмъ тотъ злой умыселъ у него былъ? 2) Въ поношеніи высочайшей ея императорскаго величества чести, кто съ нимъ были согласники? 3) Кто съ нимъ былъ въ намѣреніи къ измѣнѣ? И что съ розыску покажетъ, доложить ея величеству».

Розыскъ (т. е. пытка) обѣщалъ слѣдователямъ обильную поживу. Оставивъ, однако, до времени, въ покоѣ Ивана Лопухина, они прилежно занялись допросами оговоренныхъ лицъ, продолжавшимися до 1-го августа. Начали съ Софьи Лиліенфельдъ (рожденной княжны Одоевской), женщины беременной, не въ мѣру говорливой и неосторожной на слово. Ее привели въ бывшій домъ цесаревны Елисаветы, на Красной улицѣ. Съ простосердечіемъ, въ крайнемъ испугѣ, Софья Лиліенфельдъ показала, что Анна Бестужева и Наталья Лопухина при ней говорили, что императрица «непорядочно, просто живетъ; всюду и непрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ». Говорено это было при князѣ Гагаринѣ и его женѣ, при мужѣ Лиліенфельдовой и при Лопухинѣ. Тѣже, Лопухина и Бестужева, говаривали про принцессу: «лучше бы-де намъ было, когда бы она была, а можетъ-де быть и сдѣлается; а когда-де того не сдѣлается, то-бъ хотя ее выпустили».

Тридцатый день іюля 1743 года былъ ознаменованъ особеннымъ усердіемъ слѣдователей: кромѣ Натальи Лопухиной и Анны Бестужевой, допрашивали: Нила Акинфова, княгиню Прасковью Павловну Гагарину, слугу вице-ротмистра Лиліенфельда—Илью Иванова, адъютанта Степана Колычева; арестовали братьевъ Лопухиной, камергеровъ Петра и Якова Ѳедоровича Балковъ.

Въ отвѣтъ на прочитанное Лопухиной показаніе, данное на-

Библиотека "Руниверс"

канунѣ Софьей Лиліенфельдъ, она сказала, что оно совершенно правдиво; что и она, Лиліенфельдъ, говорила о принцессѣ: «сама пропала и насъ погубила и въ подозрѣніе привела». Ботта говорилъ: «Вотъ-де я нынѣ сравненъ съ какими! Иной взятъ съ поварни, иной съ другаго мѣста – и камеръ-юнкеромъ, а именно: Лялинъ, Сиверсъ и Вожжинской». Происходили-ли эти разговоры при князѣ Гагаринѣ съ женою и при Лиліенфельдѣ,—того она, Лопухина, не припомнитъ...»

Точно такое же показаніе дала и гр. Анна Бестужева.

Вся вина Нила Акинфова заключалась въ его знакомствѣ съ Иваномъ Лопухинымъ и въ недонесеніи правительству о томъ, что этому «преступнику» случалось говорить подъ хмѣлькомъ. Тѣмъ не менѣе, его удержали подъ арестомъ. Кромѣ Акинфова, Иванъ Лопухинъ упомянулъ о другомъ своемъ знакомцѣ, ротмистрѣ Лиліенфельдѣ, и на него слѣдователи обратили свое пытливое вниманіе.

Княгиню Прасковью Павловну Гагарину допрашивали у нея на дому; узнали немногое: княгиня со своимъ мужемъ, княземъ Сергѣемъ Гагаринымъ, бывала у графини Бестужевой; встрѣчалась въ компаніяхъ съ Лопухинымъ, Лиліенфельдомъ и ихъ женами, равно и съ маркизомъ Боттою. Никакихъ разговоровъ о принцессѣ отъ нихъ не слыхала, ни сама подобныхъ ни съ кѣмъ не водила. Никакихъ сожалѣній о принцессѣ и дерзкихъ отзывовъ объ императрицѣ Ботта при ней, Гагариной, не выражалъ.

Пригрозивъ опрошенной строжайшимъ взысканіемъ, въ случаѣ какой-либо утайки, слѣдователи возвратились въ коммиссію и здѣсь занялись допросомъ Ильи Иванова, слуги ротмистра Лиліенфельда. И этотъ допросъ, подобно предъидущему, былъ пустою тратою времени. Иванова привлекли къ отвѣтственности за то, что въ понедѣльникъ (25-го іюля), въ девятомъ часу вечера, баринъ посылалъ его къ поручику Мошкову за сукномъ, которое ротмистръ Лиліенфельдъ желалъ получить въ счетъ уплаты долга. Не заставъ Мошкова дома, Ивановъ отправился въ домъ Лопухиныхъ, такъ какъ люди Мошкова сказали ему, не тамъ-ли ихъ баринъ. У дома Лопухиныхъ Ивановъ увидѣлъ караулъ и, узнавъ, что Иванъ Лопухинъ взятъ подъ стражу, возвратился къ ротмистру Лиліенфельду и сказалъ ему объ этомъ. Лиліенфельдъ послалъ его къ адъютанту Колычеву, котораго онъ,

Библиотека "Руниверс"

Ивановъ, не засталъ дома и послѣ того уже никуда посылаемъ не былъ. Слѣдователи допытывались, не посылалъ-ли его ротмистръ Лиліенфельдъ къ Мошкову съ извѣстіемъ объ арестѣ Лопухина? Отвѣты Иванова ясно доказали, что дѣло было на оборотъ: въ домѣ Мошкова онъ узналъ впервые объ арестѣ. Отпустивъ Иванова, слѣдователи задались новымъ вопросомъ: нельзя-ли чего новаго вывѣдать отъ Степана Колычева? Въ прежнихъ своихъ допросахъ онъ показалъ, что у него съ Лопухинымъ никакихъ разговоровъ не было, а ротмистръ Лиліенфельдъ сказалъ, что были: какіе-же именно? Колычевъ признался, что Лопухинъ при немъ сѣтовалъ на свое пониженіе въ чинѣ, а онъ, Колычевъ, пожелалъ ему счастья, такъ какъ Лопухину обѣщано было возвращеніе въ гвардію. Къ этому Колычевъ прибавилъ, что на первомъ допросѣ умолчалъ о подобныхъ своихъ словахъ потому, что оторопѣлъ. При всемъ злоумышленіи слѣдователей, изъ показанія Колычева невозможно было извлечь и малѣйшаго признака какого-либо заговора. Чтобы достойнымъ образомъ закончить день, или лучше сказать, чтобы вознаградить себя за безполезную трату времени на допросы людей, совершенно невинныхъ, слѣдователи допрашивали Ивана Лопухина о томъ. что ему извѣстно о рижскомъ караулѣ и его отношеніяхъ къ принцессѣ? Лопухинъ сказалъ, что «слыхалъ отъ своей матери, будто генералъ Василій Салтыковъ съ принцессою, временемъ, очень жестоко поступаетъ, а иногда и снисходительно». Эти немногія слова были новою находкою для слѣдователей: откуда Лопухинымъ знать о томъ, что дѣлается въ Ригѣ? Стало быть у нихъ есть тамъ свои агенты? Ведется переписка?

31-го іюля происходили дополнительные допросы Софьи Лиліенфельдъ и ея мужу въ ихъ собственномъ домѣ. По случаю болѣзни жены, Карлу Лиліенфельду, согласно его просьбѣ, всемилостивѣйше было разрѣшено находиться при ней.

II.

Захватъ писемъ Бестужевой и Лопухиныхъ.—Дальнѣйшіе допросы.—Письма гофмаршала М. П. Бестужева.—Допросы князя Ивана Путятина.—Приказъ о вскрытіи писемъ.—Письмо Натальи Лопухиной.—Пытка Ивана Лопухина.—Подсудимыя въ застѣнкѣ.—Показанія Камынина.

Мысль о существованіи секретной переписки между «заговорщиками» побудила слѣдователей обратить на этотъ пред-

Библиотека "Руниверс"

метъ особенное вниманіе. 1-го августа гвардіи капитанъ-поручикамъ Никитѣ Коковинскому и Ивану Кутузову повелѣно было произвести обыски въ домахъ Степана Лопухина и Анны Бестужевой и всѣ найденныя письма, забравъ, представить въ коммисію. Коковинскій привезъ небольшой узелъ, а Кутузовъ двѣ скрыни, секретарь (бюро) Бестужева, ящикъ, на подобіе подголовка, на которомъ пишутъ. Представляя свои находки, Кутузовъ донесъ, что остался еще кабинетъ въ отхожей палатѣ, который онъ не осматривалъ, а запечаталъ, такъ какъ «отъ того кабинета ключа не было». Разборка писемъ препоручена была людямъ свѣдущимъ. Между письмами Лопухиныхъ ни одного подозрительнаго найдено не было, и всѣ онѣ были сложены и запечатаны въ особый пакетъ.

Покуда происходилъ пересмотръ бумагъ Бестужевыхъ, слѣдователи, 1-го августа, допрашивали въ тайной канцеляріи гр. Анну Бестужеву, Наталью Лопухину, Александра Зыбина и дали очную ставку Ивану Лопухину съ Мошковымъ. Вопросы, задаваемые допрашиваемымъ, имѣли тонъ предостереженія, или вѣрнѣе сказать, эти вопросы были предисловіями предстоявшихъ пытокъ, въ случаѣ дальнѣйшаго запирательства. Слѣдователи настоятельно спрашивали: какіе умыслы имѣли подсудимые къ возведенію принцессы Анны на престолъ; съ кѣмъ вели переписку; не получали-ли писемъ отъ Юліаны Менгденъ,[1]) отъ маркиза Ботты? Александру Зыбину предлагали, ради очищенія души, ничего не утаивать, показать по сущей правдѣ: не знаетъ-ли еще за Лопухиными, или за кѣмъ-либо другимъ, чего-нибудь подлежащаго откровенію? предлагали ему принести императрицѣ «чистую повинную, не приводя себя къ тяжкому истязанію и розыску...»

Бестужева и Зыбинъ не имѣли ничего прибавить къ ихъ прежнимъ показаніямъ; имъ оставалось развѣ выдумывать на себя небылицы и сознаваться въ небывалыхъ преступленіяхъ. Лопухина призналась, что маркизъ Ботта говорилъ ей, будто генералъ Салтыковъ содержитъ принцессу канальски, бранитъ ее... когда же Лопухина спросила Ботту, почему онъ это знаетъ? Ботта отвѣчалъ: «что тебѣ до того дѣла?»

Очная ставка Мошкова съ Иваномъ Лопухинымъ привела къ

---

[1]) Любимая фрейлина бывшей правительницы Анны Леопольдовны. Ред.

Библиотека "Руниверс"

довольно важному открытію. Мошковъ еще 27-го іюля показывалъ, что «когда я Лопухина наединѣ спросилъ: куда марки де-Ботта ѣдетъ, то Лопухинъ отвѣтствовалъ: ѣдетъ въ отечество, а оттуда поѣдетъ посломъ къ прусскому двору, и станетъ стараться о принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ), чтобъ прусскій король старался о ея свободѣ, а ежели освобождена не будетъ, то надѣюсь, что война будетъ, и когда меня пошлютъ противъ прусскихъ войскъ, я драться не буду, а уйду въ ихъ войска...» «Для чего ты хочешь это сдѣлать?» спросилъ Мошковъ. Лопухинъ отвѣчалъ: «развѣ мнѣ самому противъ себя драться? Чаю, что и многіе драться не станутъ, и меня къ тому не склонятъ!» На это показаніе при очной ставкѣ съ Мошковымъ, Лопухинъ сознался, что тѣ слова дѣйствительно говорилъ, но въ томъ смыслѣ, что ежели король прусскій будетъ помогать принцу Іоанну, то сражаться противъ него едва-ли кто пойдетъ, такъ какъ Іоаннъ былъ нашимъ государемъ; тоже говорилъ и самъ Мошковъ; но умыслу — передаться пруссакамъ у Лопухина не было.

Послѣ очной ставки слѣдователи, имѣя въ виду послѣднее показаніе Лопухиной о содержаніи рижскаго караула, задали ея сыну еще нѣсколько вопросовъ:

— Понеже ты самъ въ своихъ распросахъ показалъ, что о рижскомъ караулѣ у васъ съ матерью разсужденія были, да въ прошедшую субботу (30-го іюля) предъ собраніемъ упоминалъ, что генералъ Василій Салтыковъ съ принцессою, временемъ, очень жестоко поступаетъ, а иногда и снисходительно, того ради долженъ показать сущую правду о караулѣ и поступкахъ Салтыкова: почему извѣстенъ и въ чемъ онъ поступалъ жестоко и снисходительно?

— «О караулѣ больше ничего не вѣдаю, что показалъ въ прежнихъ отвѣтахъ, о чемъ слышалъ отъ матери, также и о поступкахъ Салтыкова говорила мать».

— Съ кѣмъ ты о томъ корреспонденцію имѣлъ изъ тамошнихъ караульныхъ оберъ- и унтеръ-офицеровъ, солдатъ и другихъ посторонникъ и кто что сообщалъ?

— «Корреспонденціи никакой не имѣлъ, а только писалъ ко мнѣ Камынинъ о здоровьи».

Библиотека "Руниверс"

— Кто другіе изъ компаніи вашей такую корреспонденцію имѣли?

— «Завсегда корреспонденцію имѣетъ съ Камынинымъ Степанъ Колычевъ, который посылаетъ письма къ нему при рапортахъ къ маіору Корфу и отъ него тако-жъ получаетъ, а о чемъ писали—я не знаю и писемъ не видалъ».

Напомнивъ подсудимому о его дерзкихъ рѣчахъ на счетъ императрицы, слѣдователи настоятельно требовали отъ него подробностей объ участникахъ въ «заговорѣ».

— Въ какой надеждѣ онъ разными словами ея величество оскорблялъ?

Отвѣты прежніе.

— Не былъ-ли въ согласіи и зломъ умыслѣ надъ ея величествомъ съ прапорщикомъ Ивашкинымъ и камеръ-лакеемъ Александромъ Турчаниновымъ? [1])

— «Въ согласіи съ ними не былъ».

Слѣдователи требовали отъ Ивана Лопухина, чтобъ онъ показалъ все, что знаетъ о намѣреніяхъ отца и матери, о ихъ разговорахъ, обо всемъ, что до настоящаго дѣла касается и проч.

— «Никакого намѣренія отъ нихъ не слыхалъ», отвѣчалъ Лопухинъ.

Послѣдовало распоряженіе о присылкѣ изъ Риги упомянутаго Камынина.

На другой день (2-го августа 1743 г.), камергеръ Александръ Ивановичъ Шуваловъ писалъ изъ Москвы докладъ о своихъ распоряженіяхъ объ арестованіи Степана Лопухина, князя Ивана Путятина и Михаила Аргамакова. Въ Москвѣ изъ упомянутыхъ лицъ двухъ на жительствѣ не оказалось, и потому за ними отправленъ конвой для сыску: за Лопухинымъ—въ Калугу, а за Аргамаковымъ—въ Арзамасскій и Суздальскій уѣзды. Это донесеніе немногимъ опередило арестованныхъ, которые были привезены въ Петербургъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Того же 2-го августа, поручено было гвардіи капитанъ-поручикамъ Коковинскому и Кутузову забрать письма въ квартирѣ

[1]) Этотъ заговоръ въ пользу Анны Леопольдовны былъ открытъ Лестокомъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1742 года. Мнимыхъ, или истинныхъ заговорщиковъ 13-го декабря 1742 г. наказали кнутомъ, при этомъ: Турчанинову урѣзали языкъ и вырвали ноздри, а Ивашкину и сержанту Сновидову только ноздри, и всѣхъ троихъ сослали въ каторгу. Ред.

Библиотека "Руниверс"

лейбъ-гвардіи коннаго полка адъютанта Колычева и въ домѣ Бестужевой (въ отхожей палатѣ въ кабинетѣ). Посланные привезли узелъ и длинный ящикъ, оклеенный нерповою кожею, и рапортовали при этомъ, что болѣе никакихъ писемъ, какъ у Колычева, такъ и у Бестужевой, не осталось.

Такимъ образомъ, вся переписка «государственныхъ преступниковъ» была захвачена слѣдственною коммиссіею. Послѣ тщательнаго пересмотра массы бумагъ, между ними оказались четыре письма (два—изъ бумагъ Бестужевой, и два — Колычева), по мнѣнію слѣдователей, подозрительнаго содержанія. Приводимъ два письма гр. М. П. Бестужева-Рюмина, 1742 или 1743 г., къ его невѣстѣ, гр. А. Г. Ягужинской, на которой онъ вскорѣ, въ томъ же 1743 г., женился.

1.

Каково вы, другъ мой Аннушка, сію ночь почивали? Я худо спалъ для того, что болѣзнь моя вчера вечеру немного прибавилась, нежели днемъ была, а тепере о нихъ ничего не слышу и никакого знака на ногѣ нѣтъ; я бы очень желалъ завтре ко двору выѣхать — должность мою исправить.

Понеже сего дни куртаку (куртага) не будетъ, пожалуй пріѣдь ко мнѣ, другъ мой, пробавимъ вечеръ вмѣстѣ; мнѣ грустно, когда васъ не вижу, хотя, вамъ и не такъ-то, для меня учините.

Невѣстушка вчера опять у меня была, да не такъ поздно, будучи у васъ и Воронцовой, и оттуда ко мнѣ заѣхала, я чаю, показать себя, что она лучше одѣта была, нежели третьяго дня.

А къ брату (гр. Алексѣю Петровичу) писалъ, и онъ обѣщалъ по вашему желанію исполнить; во вторникъ будутъ писать о томъ въ Ригу.

2.

Видѣлся я вчера съ господиномъ Корфомъ, былъ у меня и я ему пространно о порученной мнѣ отъ васъ комисіи говорилъ, нашолъ его весма къ тому склонна, только-де време еще неудобно, надобна-де пообождать, а между тѣмъ хотѣлъ стараніе свое къ тому прилагать. А что до меня касается, то я не премину, гдѣ надлежитъ и гдѣ полезность увижу, крайнее стараніе и попеченіе о томъ имѣть, ибо уже вамъ видно и примѣтно о моей истинной къ вамъ преданности и особливой венераціи; и ничего такъ на свѣтѣ не желаю, яко и съ вашей стороны такихъ же сентиментовъ къ вашему вѣрному слугѣ, въ какихъ я къ вашей дражайшей и любезнѣйшей персонѣ нахожусь; сіи слова не суть комплементы, но изъ истиннаго сердца произходятъ.

Третьяго дня, будучи у господина Лестока, вы изволили мнѣ позволить къ себѣ писать; я въ той надеждѣ къ вамъ и пишу, не сумнѣвался, что вы удостоите меня своимъ благосклоннымъ и пріятнымъ извѣтомъ, еже много поспѣшитъ моему облегченію; весма мнѣ прискорбно, что я не сподоблюся на куртакѣ васъ видѣть; когда вы туда мимо моего двора поѣдете, хоть уже тогда спамятуйте обо мнѣ, вашемъ вѣрномъ слугѣ, который отъ сердца любитъ и почитаетъ и дражайшія ваши ручки цѣлуетъ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдователи потребовали отъ графини нѣкоторыхъ поясненій:

По первому письму: о чемъ онъ писалъ къ брату и тотъ обѣщалъ, по вашему желанію исполнить — «во вторникъ будутъ писать о томъ въ Ригу?»

— «Я просила о деревнѣ брата своего, графа Александра Головкина, которая по его дѣлу описана была; то хотѣли указъ въ Ригу послать: ее изъ описи выключить».

По второму письму: свиданіе съ Корфомъ; готовность приложить стараніе и попеченіе?

— «Я просила, чрезъ мужа своего, его, Корфа, о братѣ своемъ, Михаилѣ Головкинѣ, чтобъ у ея императорскаго величества какіе способы сыскать, милости просить, дабы пожаловала (и) указала хотя въ дальнихъ деревняхъ ему быти; также и его, мужа своего, просила о томъ же, что онъ за извѣстіе мнѣ не сообщилъ».

Какъ говорится, «за одинъ походъ» слѣдователи тутъ же допытывались отъ графини Бестужевой объясненій, по поводу показаній Софіи Лиліенфельдъ (29-го іюля); эта говорливая госпожа, подъ страхомъ пытки, или вслѣдствіе своего интереснаго положенія, оговорила Бестужеву и Лопухину, будто онѣ отзывались объ императрицѣ: «непорядочно, просто живетъ; всюду и непрестанно ѣздитъ и бѣгаетъ.»

— «Оныя слова съ Лопухиною говорила въ сердцахъ».

Про принцессу говорили: «лучше бы намъ было, когда-бъ она была; если того не сдѣлается, то хотя-бъ ее выпустили?»

— «Говорено въ такомъ разсужденіи, какъ и прежде».

Для подтвержденія этихъ показаній, въ тайную канцелярію привели Лопухину. Ея отвѣты:

— «Можетъ быть, что и было говорено,—не упомню». Къ слову о принцессѣ говорила: «хорошо, что мы желаемъ принцессы, да когда она будетъ и по прежнему, тогда что-жъ будетъ—все ничто!»

Слова, почти совершенно безсмысленныя, показались слѣдователямъ двусмысленными: онѣ были внесены въ протоколъ, пріобщенный къ дѣлу.

Письма Камынина, «преступнаго содержанія», оказались еще безгрѣшнѣе писемъ М. П. Бестужева. Въ одномъ изъ нихъ Камынинъ благодарилъ Колычева за участіе къ себѣ, называя себя

Библиотека "Руниверс"

«пропащимъ и скукой мучимымъ человѣкомъ»... Это-ли не «государственная измѣна»: молодой человѣкъ, волею начальства, заброшенный въ Ригу, для гарнизонной службы, дерзаетъ жаловаться на скуку.

Указомъ, отъ 7-го августа 1743 г., князю Трубецкому и Лестоку повелѣно было отобрать портреты императрицы у Лопухиной и Бестужевой,[1]) а алмазныя вещи, у нихъ въ домахъ находящіяся, опечатать. Портреты у обѣихъ статсъ-дамъ были отобраны и поднесены императрицѣ, съ приложеніемъ брилліантовыхъ серегъ, захваченныхъ у гр. А. Г. Бестужевой.

8-го августа, въ слѣдственной коммиссіи происходилъ допросъ привезеннаго изъ Москвы, бывшаго гвардіи капитана князя Ивана Путятина. Его показанія окончательно погубили Лопухиныхъ.

— «Дружбы дальней съ генералъ-поручикомъ Степаномъ Лопухинымъ не имѣю, а по старому знакомству, что онъ былъ при дворѣ камергеромъ, а я—пажемъ, съ малолѣтства находился всегда въ его благосклонности, а потому содержалъ его за благодѣтеля. Вѣживалъ къ нему часто; совѣтовъ никакихъ не имѣлъ. При мнѣ бывали у него Владиміръ и Петръ Лопухины, да однажды графиня Анна Бестужева. Были-ль какіе у нихъ совѣты—того не знаю и не слыхалъ. Михайло Аргамаковъ бывалъ у него при мнѣ; былъ-ли безъ меня—того не знаю; а во время бытности у Лопухина, слыхалъ я отъ него самого и отъ жены его, что принцесса была къ нимъ милостивѣе, нежели ея величество, что̀ я и самъ говаривалъ и въ томъ приношу мою вину. Они же, Лопухины, говорили, что отъ ея величества обижены: деревня отнята, а вины за собой они никакой не знаютъ, и жалѣли, что не принцесса Анна Леопольдовна въ правительствѣ. Еще говорили, что ея величество жалуетъ такихъ, которые непотребны и не столько заслужили, какъ они, и нынѣ камеръ-юнкеровъ потому и узнаешь, кто въ красномъ платьѣ... при томъ упоминали о принцессѣ съ сожалѣніемъ: «чтобы они были хотя освобождены и отпущены...» Это и я говаривалъ. Иванъ Лопухинъ обижался, что чина лишенъ. Аргамакова и другихъ

[1]) Анна Гавриловна Бестужева была пожалована въ статсъ-дамы Екатериною I, еще въ бытность свою замужемъ за Ягужинскимъ; Наталья Ѳедоровна Лопухина уже была статсъ-дамою при коронаціи Анны Ивановны. См. «Русская Старина», т. II, ноябрь 1870 г., стр. 481 и 486. Ред.

Библиотека "Руниверс"

при семъ никого не было. При мнѣ Ботта у нихъ не бывалъ, а сказывали мнѣ Лопухины: когда онъ чрезъ Ригу проѣхалъ, а принцессу съ сыномъ изъ цитадели въ Динаминдъ перевели, «что-де знатно для его, Боттова, проѣзду тотъ переводъ учиненъ»; при томъ говаривали, что прусскій король—принцу (мужу Анны Леопольдовны) свой; можетъ о томъ просить ея величество, чтобы они освобождены были, а ежели ихъ не свободятъ, то, уповательно, прусскій король и войну противъ Россіи имѣть будетъ: тогда поневолѣ принуждены будемъ выпустить. Говорили они еще: «Ботта человѣкъ умный, знаетъ что дѣлать!» Когда же увидѣли, что ея величество изволила отъ прусскаго короля кавалерію (т. е. ленту съ орденомъ) на себя принять, тогда говорили: «слава Богу! Знатно, ея императорское величество съ прусскимъ королемъ аллiансъ имѣть изволитъ, и знатно принцу Іоанну Антоновичу здѣсь уже пропадать!» «О поносительныхъ словахъ слыхалъ я, какъ Степанъ Лопухинъ и жена его говаривали: «чортъ-де знаетъ, что нынѣ такіе непорядки! Всегда танцы, веселье и пьянство здѣсь». А Лопухина говорила: «ея величество ѣздитъ въ Царское и тамъ вольно живутъ и пьютъ, а дѣлъ никакихъ не дѣлаютъ... я-де не могу получить, чтобъ челобитной подать!» Другихъ ея словъ мнѣ и показать не можно. Сынъ ихъ при томъ бывалъ и смѣялся; другихъ никого не было, а я ничего не говорилъ. У присяги я былъ; никакого умыслу не имѣлъ и отъ другихъ не слыхалъ; никакой корреспонденціи не имѣлъ; виноватъ, что не доносилъ и усердствовалъ принцессѣ, понеже отъ нея въ капитаны пожалованъ былъ».

Въ полной надеждѣ, что въ письмахъ къ подсудимымъ могутъ найтись важныя улики, члены тайной коммиссіи исходатайствовали у императрицы о задержаніи писемъ на почтѣ. 10-го августа, почтмейстеру Ашу приказано было препровождать въ коммиссію письма, адресованныя слѣдующимъ персонамъ:

«Графу Михайлѣ Бестужеву-Рюмину, женѣ его, графинѣ Аннѣ, и дочери ея Настасьѣ; Степану, Натальѣ и Ивану Лопухинымъ».

«Камергерамъ: Петру и Якову Балкамъ, Лиліенфельду и князю Сергѣю Гагарину съ ихъ женами».

«Гвардіи офицерамъ: поручику Ивану Мошкову, подпоручику Нилу Акинфову, адъютанту Степану Колычеву, князю Ивану

Библиотека "Руниверс"

Путятину, Михаилу Аргамакову, вице-ротмистру Лилiенфельду».

«Обер-штеръ-кригс-коммиссару Александру Зыбину и дворянину Николаю Ржевскому».

11-го августа, князь Иванъ Путятинъ, приведенный въ тайную канцелярію, въ дополненіе къ прежнимъ показаніямъ, сказалъ, что Степанъ Лопухинъ говорилъ о министрахъ нынѣшнихъ: «какіе-де министры—все злодѣи; только что ея величество приводятъ народу въ озлобленіе». Говаривали еще Степанъ Лопухинъ и жена его: «ахъ, какъ бы-де была нынѣ принцесса, намъ бы-де лучше было».

По пересмотрѣ писемъ Степана Лопухина, найдено было подозрительнымъ одно письмо (отъ жены изъ Петербурга въ Москву, съ припискою отъ сына), да роспись пожиткамъ, оставленнымъ у Лопухиныхъ бывшимъ графомъ Левенвольдомъ.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

Батюшка мой дорогой Степанъ Васильевичъ, здравствуй, и съ дѣтьми!

Здѣсь у насъ ничего больше нѣтъ, только то, что я къ вамъ въ прежнемъ письмѣ писала. Государыня изволитъ сей день отъѣзжать въ Петергофъ, а сказываютъ, что изволитъ тамъ до тѣхъ поръ пробыть, пока здѣсь все изготовятъ къ мирному празднеству.[1]) Слышала я, что большой праздникъ и пиръ будетъ на Москвѣ, а здѣсь не столько, и всеконечно изволитъ быть къ Москвѣ по первому пути, и отсюдова изволитъ ѣхать въ самое въ такое время, какъ съ Москвы, чтобъ опять рожденіе свое отпраздновать въ Новгородѣ. Писала я вамъ въ прежнемъ моемъ письмѣ о стѣнныхъ шандальцахъ, пожалуй, мой батюшка, изволь мнѣ ихъ купить, и прикажи сколько; меня ничто такъ нельститъ, какъ эти бездѣлички; мнѣ хочется у себя въ верху, въ трехъ палатахъ, а вы сколько изволите себѣ приказать. Письма, которыя вы ко мнѣ прислали, получила, и письмо одно къ Ивану Ивановичу Лестоку я послала съ сыномъ, а ѣздилъ онъ съ братомъ моимъ, Яковомъ Ѳедоровичемъ (Балкомъ), и онъ его очень ласково принялъ и обѣщалъ просить и трудиться объ немъ; а письмо къ Михаилу Ларіоновичу (Воронцову) еще у меня—для того, что его здѣсь нѣтъ, а поѣхалъ онъ въ деревню въ Славянку съ женою и съ Мартиномъ Карловичемъ (Скавронскимъ) лечиться, воду пить; когда будетъ, то ему вручу письмо, и что скажетъ, къ вамъ отпишу. Еще же сказываютъ, что будетъ брата Якова Ѳедоровича (Балка) свадьба въ Петергофѣ; а такъ не такъ-ли—подлинно не знаю. На Никиту Гавриловича (Лопухина) не прогнѣвайся, что онъ къ вамъ это письмо не писалъ; а онъ на караулѣ, смѣнится въ субботу, и когда ко мнѣ будетъ, то я покажу ему ваше письмо. Сей день у меня въ передней, передъ спальней, кусокъ превеликой подмазки отпалъ, и я буду смотрѣть, ежели возможно будетъ починить, то починю, а только надѣюся неровно у всего потолока подмазка слаба и худа, то надобно будетъ всю новую, и въ спальной мѣстами очень растрескалась, того и гляжу, что

[1]) Абовскій миръ съ Швеціею, подписанный 16-го іюня 1743 г. Ред.

Библиотека "Руниверс"

кусокъ превеликой гдѣ-нибудь отпадетъ; однакоже, освѣдомлюся прежде, что станутъ просить за весь потолокъ, или ежели годится за починку, и обо всемъ стану Ивану писать. При семъ остаюсь вамъ, мой батюшка, вѣрная ваша жена. (Подписано): «Наѳалїа Ѳорифїпа». Іюля 7-го дня 1743 года.

Дѣтки мои дорогіе, здравствуйте, будь надъ вами милость Божія и мое благословеніе! Степашенька, другъ мой, благодарствую за твое писаніе и прошу впредь пиши, мой свѣтъ, ко мнѣ, я буду думать, будто я сама съ тобой говорю.[1])

(Приписка сына): Милостивый государь батюшка! За письма ваши государь батюшка, которые изволили къ Михайлѣ Ларіоновичу Воронцову и къ Ивану Ивановичу Лестоку писать, за оные покорно благодарствую, и я уже господину Лестоку и подалъ, и принялъ онъ меня ласково, и обѣщалъ стараться, сколько его возможности будетъ; а Михайла Ларіоновича здѣсь нѣтъ, уѣхалъ на Славянку пить воду, а воду отсель съ собой взялъ и у насъ какую лѣкарственную нашелъ. А егерю я отказалъ по приказу вашему, а другаго еще найти не могу, а какъ скоро найду, то къ вамъ, государь батюшка, немедля писать буду и остаюсь съ покорностію моею; благословенія вашего прошу. Сынъ вашъ Иванъ Лопухинъ. 7-го іюля 1743 года.

Въ тотъ же день Никита Лопухинъ былъ приведенъ въ тайную канцелярію и спрашиванъ, какого содержанія письма писалъ онъ къ Степану Лопухину; не заключали-ли онѣ чего касающагося лично императрицы, принцессы Анны; не имѣлъ-ли онъ, Никита, со Степаномъ Лопухинымъ какихъ особенныхъ разговоровъ? Допрашиваемый отвѣтилъ, что писалъ къ Степану Лопухину о дѣлахъ домашнихъ и о публичныхъ, но о прочемъ никогда не писалъ, и не говорилъ. По отобраніи подписки, о храненіи въ тайнѣ всего, о чемъ былъ спрашиваемъ, Никита Лопухинъ былъ отпущенъ на волю.

Затѣмъ, въ тайную канцелярію приведена Наталья Лопухина. Спросили: подтверждаетъ-ли она показанія князя Путятина? Призналась, что приведенные имъ разговоры имѣла, только при оныхъ никого посторонняго не было. Говорила и о проѣздѣ маркиза де-Ботты черезъ Ригу въ томъ смыслѣ, что, жалѣя принцессу, любопытствовала знать, не предпринялъ-ли де-Ботта чего къ ея освобожденію? Когда же узнала, что ея императорское величество прусскую кавалерію (орденъ съ лентою) принять изволила, то сказала: «знатно, что принцу и его матери

[1]) Наталья Ѳедоровна, кромѣ сына Ивана, подполковника, имѣла еще сыновей: Авраама и Степана (род. въ 1732 г.), и дочерей: Анастасію и Прасковью. Наталья Ѳедоровна вышла замужъ за Степана Васильевича Лопухина въ 1718 г., но обручена была уже въ началѣ 1717 г., что видно изъ письма ея бабушки, Модесты Монсъ, къ Виниму Монсу, отъ 28-го февраля 1717 г.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

пропадать!» Дерзкія слова произносила объ императрицѣ вслѣдствіе огорченія за отнятую деревню и отстраненіе сына отъ придворной службы; злыхъ же умысловъ никакихъ не имѣла; оговорила князя Путятина, опасаясь навлечь на себя истязанія и въ этомъ винится...

Перешли къ письмамъ, и по этому поводу предложили Лопухиной слѣдующіе вопросы: О чемъ писала мужу въ прежнихъ письмахъ? Что имъ писалъ Никита Лопухинъ; за какое письмо она проситъ мужа на него не гнѣваться? Какое письмо хотѣла показать Никитѣ Лопухину? Кому она диктовала свое письмо отъ 7-го іюля 1743 г.? [1])

Отвѣты были слѣдующіе: писала о пожалованіи чинами и лентами; никакихъ тайныхъ писемъ Никита Лопухинъ, ни ей, ни мужу не писалъ; хотѣла показать ему письмо мужа объ уплатѣ денегъ морскому офицеру (имени его не помнитъ) за покупку послѣднимъ припасовъ въ городѣ Архангельскомъ; деньги были присланы, но не всѣ; письмо, 7-го іюля, писалъ человѣкъ брата Лопухиной, Якова Балка, Иванъ (отчества и прозванія не знаетъ).

Спросили о пожиткахъ Левенвольда и получили въ отвѣтъ, что всѣ его пожитки, хранившіеся въ домѣ Лопухиныхъ, въ Москвѣ, всѣ погорѣли во время бывшаго тамъ пожара. Новый вопросъ: не ходилъ-ли къ Лопухиной кто-нибудь изъ людей Левенвольда, не говорила-ли она съ нимъ чего-нибудь особеннаго? Отвѣты отрицательные.

Измучивъ подсудимыхъ нравственно, истощивъ допросами и ихъ терпѣніе, и свое собственное, слѣдователи приступили къ розыску, т. е. къ пыткѣ. [2])

Того же 11-го августа Иванъ Лопухинъ, приведенный въ застѣнокъ, былъ поднятъ на дыбу и пытанъ: прежде дано 11, нынѣ 9 ударовъ. Не исторгли никакихъ новыхъ показаній. Снятому съ дыбы, истерзанному тѣлесно и душевно, ему была дана очная ставка съ матерью. Спрошенная о «Царскомъ Селѣ», Наталья Лопухина объявила, что о тамошнихъ забавахъ ей говорилъ

---

[1]) Выше уже упомянуто, что Наталья Ѳедоровна Лопухина не умѣла писать по-русски. Ред.

[2]) См. подробное и обстоятельное описаніе «обряда какъ обвиняемый пытается», въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. III, стр. 58. Ред.

Библиотека "Руниверс"

Василій, поваръ Левенвольда: «ея величество изволитъ за охотою ѣздить и гуляетъ»; говорилъ-ли онъ при этомъ о пьянствѣ и о прочемъ—того она, Наталья, не упомнитъ и отъ другихъ придворныхъ ничего подобнаго не слыхала. О принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ), кромѣ какъ съ Анной Бестужевой, говорила она еще у себя въ домѣ съ княгиней Катериной Черкасской, съ графиней Прасковьей Салтыковой и съ Марьей Наумовой. Вѣдаютъ-ли о томъ ихъ мужья — она не знаетъ, отъ собесѣдницъ же своихъ ничего особеннаго не слыхала...

Приведенная въ застѣнокъ, Анна Гавриловна Бестужева отрицалась отъ всякихъ разговоровъ съ Лопухиною, хотя и проговорилась, выгораживая своего мужа, графа Михайлу Бестужева, что онъ ничего не знаетъ и ему она о разговорахъ своихъ съ де-Боттою ничего не сказывала.

На другой день допрашивали привезеннаго изъ Риги Камынина: какая у него была переписка съ Колычевымъ; не касалась-ли она Брауншвейгской фамиліи?

Показанія Камынина, родственника гр. Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, были совершенно тождественны съ показаніями Колычева; онъ имѣлъ только неосторожность сказать, что Салтыковъ заподозрилъ его (взялъ суспицію) въ расположеніи къ принцессѣ, такъ какъ онъ, Камынинъ, свой человѣкъ съ Бестужевымъ.

III.

Допросъ Степана Лопухина.—Дыба и виска.—Докладъ императрицѣ.—Замѣтка Елисаветы Петровны и резолюція.—Показанія Софьи Лиліенфельдъ.—Очная ставка съ Лопухиною.—Докладъ Коммиссіи.—Реэстръ собранія генеральнаго суда.—Статьи закона.—Приговоръ.

14-го августа 1743 г., наканунѣ праздника Успенія, допрашивали привезеннаго изъ Москвы Степана Лопухина. Допросные пункты (въ числѣ 36-ти), ему предложенные, были повтореніемъ предъидущихъ: отвѣты большею частью были отрицательные. Противъ вопросовъ о правахъ Елисаветы на наслѣдство престола, о законности ея происхожденія, Степанъ Лопухинъ показалъ:

— «Не признавалъ ея величество наслѣдницею къ россійскому престолу потому, что отъ императрицы Анны Іоанновны удостоенъ былъ наслѣдникомъ принцъ Іоаннъ; потому, думалъ, ей быть нельзя».

Библиотека "Руниверс"

— «Слыхалъ я такимъ образомъ: когда государь императоръ Петръ II скончался, тогда, меня призвавъ, фельдмаршалъ князь Голицынъ, князь Димитрій Голицынъ, да фельдмаршалъ князь Долгорукій спрашивали: «Не подписывалъ-ли его величество какой духовной?» и я сказалъ: не видалъ. При томъ они имѣли разсужденіе, кого выбрать на престолъ: и сперва говорили о царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ, что она уже стара; потомъ о царевнахъ Екатеринѣ и Прасковьѣ—что ихъ нельзя... сказавъ нѣкоторыя слова непристойныя; потомъ о ея императорскомъ величествѣ молвилъ изъ нихъ, какъ помнится, фельдмаршалъ князь Долгоруковъ, что она въ такое время, какъ въ вопросномъ написано пунктѣ (т. е. до брака, незаконно), родилась — и за тѣмъ, и за другимъ, сказавъ еще нѣкоторыя непристойныя слова, выбрать нельзя, и потомъ положили на мѣрѣ къ выбору на императрицу Анну Іоанновну».

Показанія свои Степанъ Лопухинъ заключилъ сознаніемъ, «что ему въ его винѣ нѣтъ оправданія и онъ всеподданнѣйше проситъ милосердія, хотя для бѣдныхъ малолѣтныхъ своихъ дѣтей».

Послѣ допроса Степана Васильевича Лопухина, въ тайной канцеляріи наступило зловѣщее затишье, длившееся три дня: палачи и слѣдователи, собираясь съ силами, дали время и подсудимымъ приготовиться къ предстоящимъ пыткамъ. Ивана Лопухина щадили почти три недѣли; Лопухину и Бестужеву вели къ застѣнку путемъ томительныхъ допросовъ, запугивая ихъ, покуда только видомъ орудій истязанія... Къ Степану Лопухину отнеслись иначе: изъ тайной канцеляріи въ крѣпость, изъ крѣпости—въ застѣнокъ. [1])

17-го августа Степана Васильевича Лопухина привели въ застѣнокъ и вздернули съ вывороченными руками назадъ на дыбу; висѣлъ на дыбѣ десять минутъ; потомъ съ дыбы спущенъ; ему дали очную ставку съ женой, а затѣмъ съ княземъ Путятинымъ. Лопухинъ-отецъ оставался при прежнихъ показаніяхъ, но под-

[1]) Достойно замѣчанія, что тотъ же самый кн. Никита Трубецкой, который теперь «истязывалъ» Степана Лопухина, былъ обязанъ ему спасеніемъ своей жизни въ царствованіе Петра II. См. объ этомъ разсказъ кн. М. М. Щербатова, въ его запискахъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», изд. 1870 г. т. II, стр. 45. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

твердилъ доносъ князя о дерзкихъ выраженіяхъ противъ императрицы. Достойно замѣчанія, что на очной ставкѣ Наталья Ѳедоровна, выгораживая мужа, показала, что разговоры съ де-Боттою вела она по-нѣмецки, а мужъ ея по-нѣмецки-де неумѣетъ.

Наталья Лопухина и Анна Бестужева, въ тотъ же день поднятыя на дыбу, не дополнили прежнихъ показаній новыми: палачи слышали только хрустъ суставовъ, да истерическіе вопли истязуемыхъ...

Дѣло близилось къ концу.

Изъ послѣднихъ показаній подсудимыхъ секретная коммиссія составила нижеслѣдующій докладъ о вновь оговоренныхъ знатныхъ персонахъ и представила его, 18-го августа 1743 г, императрицѣ:

1. Наталья Лопухина, будучи въ застѣнкѣ, сего августа 11-го числа показала, какія слова отъ маркиза де-Ботта слышала она о вспомогательствѣ принцессѣ, объ оныхъ въ Москвѣ сказывала она, Наталья, въ домѣ своемъ, княгинѣ Катеринѣ Черкасской, графинѣ Прасковьѣ Салтыковой и Марьѣ Наумовой, когда онѣ къ ней пріѣзживали, по одиначкамъ, а не всѣмъ вмѣстѣ; онѣ тому смѣялись и говорили, сожалѣя принцессу, чтобъ далъ Богъ имъ свободу; а чтобъ «быть ей по прежнему», такого желанія въ нихъ не примѣтила, и отъ нихъ того не слыхала, а другихъ словъ, что отъ ней, Натальи, съ Бестужевою происходили, кромѣ Боттиныхъ разговоровъ, ничего съ ними не говаривала и отъ нихъ не слыхала; а мужей помянутыхъ персонъ при вышеобъявленныхъ разговорахъ не было, и вѣдаютъ-ли они про то—того не знаетъ и ни отъ кого изъ нихъ того не слыхала-жъ; и оныя дамы въ томъ еще не допрашиваны, понеже изъ нихъ Салтыкова въ Москвѣ, а Наумова—больна, и затѣмъ дѣло продолжать-ли или послѣ то дослѣдовать?

2. Степанъ Лопухинъ показалъ о непристойныхъ словахъ, которыя онъ сказывалъ сыну своему о рожденіи вашего величества, зачѣмъ, будто бы, и наслѣдницею россійскому императорскому престолу вашему величеству быть не надлежало, слышалъ онъ при разсужденіи генераловъ-фельдмаршаловъ: князей Голицына и Долгорукова, и князя Димитрія Голицына, по кончинѣ государя императора Петра II, какъ они избирали, кому быть на престолѣ, и какъ дошло до имени вашего величества, то-де, помнится ему, молвилъ то изъ нихъ князь Долгорукой, будто затѣмъ (незакон. рожд.) на престолъ в. в. избрать нельзя, и потомъ, когда и положили выборъ на императрицу Анну Іоанновну, и объ ономъ слѣдовать-ли?

3. На дѣвицу Настасью Ягужинскую Иванъ Лопухинъ показалъ, что при разговорахъ матери его съ матерью же ея о маркизѣ де-Боттѣ, что онъ, Ботта, о вспомогательствѣ принцессѣ говорилъ матери его, была и она, Настасья; на что она сказала, что была и слышала, только всѣхъ рѣчей, какія ей, Лопухиной, Ботта сказывалъ—не упомнитъ; притомъ же слышала она, какъ мать ея съ Лопухиной говорили, что принцесса была къ нимъ милостива и желали ей быть по прежнему, въ чемъ онѣ и признались, и объ оной Ягужинской къ

Библиотека "Руниверс"

разсмотрѣнію и рѣшенію въ генеральный экстрактъ писать-ли, или что ваше величество безъ генеральнаго суда съ нею учинить повелите?

4. На маіоровъ Фалькенберга и поручика Бергера Иванъ Лопухинъ, въ первомъ своемъ допросѣ, на ихъ показаніе говорилъ, что въ разговорахъ съ нимъ и они нѣкоторыя непристойныя слова употребляли, и другое, многое превращая, что самъ съ ними, говорилъ на нихъ сказывалъ, и потомъ во всемъ ихъ показаніи признался. Понеже не безъизвѣстно вашему императорскому величеству, что оные, Фалькенбергъ и Бергеръ, хотя нѣкоторыя слова въ разговорахъ съ нимъ и употребляли, но больше выѣдывая изъ него дальніе его замыслы, безъ чего имъ и доносить было не можно и опасно, и того ради объ оныхъ въ генеральный экстрактъ Лопухина показаніе вносить-ли, понеже когда о томъ въ экстрактѣ написать, то судящіе за невѣдѣніемъ объ нихъ обстоятельства, котораго показать нельзя, могутъ и имъ вину причесть?

5. На князя Сергѣя Гагарина и на жену его показала Софья Лиліенфельтова, будто при нихъ говорилъ маркизъ де-Ботта съ Бестужевою и съ Лопухиною о принцессѣ (Аннѣ Леопольдовнѣ) съ сожалѣніемъ, что она неосторожно жила, завсегда слушалась фрейлины Юліи (Менгденъ) и чрезъ то правленіе свое потеряла. На что онѣ, Бестужева, Лопухина и Лиліенфельтова ему отвѣтствовали, что то совершенная правда, и сама она пропала и ихъ погубила, и въ подозрѣніе вашему величеству привела; притомъ же-де онъ, Ботта, говорилъ поносительныя слова о камеръ-юнкерахъ Лялинѣ, Сиверсѣ и Вожжинскомъ; да онымъ Бестужева, Лопухина и Лиліенфельтова говорили, сожалѣя принцессу, чтобъ имъ свобода дана была гдѣ-нибудь жить; Лопухина же и Бестужева говорили, яко бы ваше величество непорядочно и просто живете, всюду и непрестанно ѣздите и бѣгаете; а князь Гагаринъ и жена его въ томъ во всемъ не признались, а сказали, что такихъ разговоровъ ни отъ кого никогда не слыхали; а Лопухина и Бестужева въ томъ признались, о помянутомъ же князѣ Гагаринѣ и о женѣ его показали, что были-ль они при тѣхъ разговорахъ — того не помнятъ, а очной ставки въ томъ Лиліенфельтовой съ нимъ, Гагаринымъ, и съ женою его не дано, за болѣзнію ея, Лиліенфельтовой, и объ ономъ ваше величество что повелите?

6. Адъютантъ Лукьянъ Камынинъ, по показанію на него отъ Ивана Лопухина и адъютанта Колычева, взятъ былъ потому, что онъ нѣкоторыя сомнительныя письма Колычеву писалъ, а по допросу его, какъ въ томъ, такъ и въ другихъ корреспонденціяхъ, важности и подозрѣнія не признавается и объ ономъ ваше величество что повелите?

Подписали: Андрей Ушаковъ, князь Н. Трубецкой, Lestocq.

По сему докладу послѣдовала слѣдующая резолюція собственной руки императрицы Елисаветы Петровны: «Сіе дѣло мнѣ пришло въ память, когда оная Лиленьфелтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежитъ ихъ въ крѣпость всѣхъ взять и очьною ставкою произъводить, несмотря на ея болезнь; понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутофъ и наипаче желеть не для чего, луче чтобъ и векъ ихъ не слыхать нежели еще отъ нихъ плодофъ ждать. А что они запирались, и въ томъ верить нельзя, понеже, можетъ быть, они

Библиотека "Руниверс"

въ той надеждѣ были, что только спросятъ, а ничего не здѣлаютъ, то для того и не хотѣли признаться». (Подпись ниже подъ дальнѣйшимъ рѣшеніемъ): «Елисаветъ».

Повелѣно было: слѣдствіе о княгинѣ Черкасской, графинѣ Салтыковой, Марьѣ Наумовой, до указу удержать; о генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Долгоруковѣ вовсе оставить; о Настасьѣ Ягужинской вписать въ экстрактъ къ генеральному суду; маіору Фалькенбергу и поручику Бергеру, за ихъ истинное показаніе, отъ сего дѣла быть свободными; о князѣ Сергѣѣ Гагаринѣ, и съ женою, въ экстрактъ не вносить; адъютанта Камынина опредѣлить въ полкъ по прежнему къ командѣ.

Согласно высочайшему повелѣнію, въ тотъ же день (18-го августа), Софья Лиліенфельдъ, съ мужемъ, и князь Сергѣй Гагаринъ приведены были въ крѣпость; въ тайной канцеляріи былъ произведенъ допросъ Софьи Лиліенфельдъ.

Подтверждая первое свое показаніе, она созналась, что въ домахъ Бестужевой и Лопухиныхъ Ботта часто говорилъ о принцессѣ, жалѣя ее: «жила неосторожно и правленіе свое черезъ то потеряла; завсегда слушала фрейлину Юлію; сама пропала и ихъ погубила и въ подозрѣніе ея величеству привела». Бестужева, Лопухина и она, Лиліенфельдъ, соглашаясь съ этимъ, говорили: «правда»; обижались, что сравнены съ людьми ничтожнаго происхожденія (Лялинъ, Сиверсъ, Вожжинскій). Хотя разговоры эти и происходили при князѣ Гагаринѣ, но едва-ли онъ, или жена его, понимали, о чемъ идетъ рѣчь, такъ какъ дамы говорили съ Боттою (большею частью за картами) по-нѣмецки: князь и княгиня этого языка не знаютъ...

Кн. Гагаринъ вполнѣ подтвердилъ показаніе Софьи Лиліенфельдъ; незнаніе нѣмецкаго языка спасло его, можетъ быть, отъ урѣзанія собственнаго. Мужъ Софьи, камергеръ Карлъ Лиліенфельдъ, далъ показаніе въ томъ, что ничего, никогда и ни отъ кого не слыхалъ и никакихъ разговоровъ о принцессѣ ни съ кѣмъ не водилъ; въ истинѣ своего показанія ручался головою.

Затѣмъ дана была очная ставка Софьѣ Лиліенфельдъ съ Натальей Лопухиной. Особеннаго разнорѣчія не было.... Припомнила Лопухина, что какъ-то, во дворцѣ мимоходомъ спросила Софью: слышала-ли она, что Ботта говорилъ?—а та отвѣчала ей: «ну его къ чорту!» На это показаніе Лиліенфельдъ отозвалась за-

Библиотека "Руниверс"

памятованіемъ: можетъ быть и говорила эти слова, можетъ быть и нѣтъ.

Изъ всей массы допросовъ, сопровождавшихся тѣлесными и нравственными истязаніями допрашиваемыхъ, можно было сдѣлать развѣ одинъ только выводъ: болтливыя женщины, болѣе или менѣе несправедливо обиженныя правительствомъ Елисаветы Петровны, въ дружескихъ бесѣдахъ съ иностраннымъ посломъ, сѣтовали объ утратѣ недавняго счастья и виднаго мѣста при дворѣ; о домашней жизни Елисаветы отзывались непочтительно, указывая, однакоже, на темныя стороны ея характера, извѣстныя каждому изъ ея придворныхъ; свидѣтелями разговоровъ оказались люди, не знающіе нѣмецкаго языка, на которомъ разговоры велись; сама же «главная заговорщица» Лопухина, не умѣя писать по-русски, диктовала свои письма грамотному крѣпостному человѣку... Гдѣ тутъ опасность, угрожавшая престолу Елисаветы Петровны или безопасности ея жизни?...

Но иными глазами смотрѣли на это дѣло тогдашніе правители и мужи государственные, Лестокъ и его приспѣшники: Ушаковъ, кн. Никита Трубецкой, принцъ Гессенъ-Гомбургскій и толпа другихъ лицъ, либо обязанныхъ фортуною новому правительству, либо горѣвшихъ желаніемъ загладить излишнее свое усердіе его предмѣстникамъ; всѣ эти лица имѣли въ виду сдѣлать законъ орудіемъ своекорыстныхъ интригъ, а самое слѣдствіе — источникомъ поживы: забирая у подсудимыхъ бриллианты, наличныя деньги, въ чаяніи значительной доли и отъ конфискованныхъ недвижимостей...

Вечеромъ, 18-го августа, подписанъ былъ слѣдующій указъ:

«Указъ собраннымъ для генеральнаго суда персонамъ въ нашемъ сенатѣ:

«Понеже бывшій подполковникъ Иванъ Степановъ сынъ Лопухинъ, съ отцомъ своимъ и съ матерью, и съ ними графиня Анна Бестужева и другіе явились въ важныхъ, не только противъ нашей персоны, но и въ прочихъ, касающихся къ бунту и измѣнѣ, дѣлахъ, о чемъ въ учрежденной нашей особой коммиссіи по слѣдствію явно оказалось, того ради оному собранію повелѣваемъ: то дѣло немедленно разсмотрѣть и что кому по правамъ учинить надлежитъ, подписавъ свое мнѣніе, для нашей обрабаціи (аппробаціи) намъ подать, а кому въ томъ судѣ при-

Библиотека "Руниверс"

сутствовать, прилагается при семъ реэстръ.» «Елисаветъ».

Реэстръ, кому въ собраніи быть:

Изъ синода: архіепископы псковской, суздальской, архимандритъ Троицы-Сергіева монастыря.

Сенаторы: всѣ и генералъ-прокуроръ.

Да сверхъ сената: генералъ-фельдмаршалъ принцъ Гомбургскій, тайный дѣйствительный совѣтникъ Лештокъ, генералъ и гофмаршалъ Шепелевъ.

Генералъ-лейтенанты и того ранга: Степанъ Игнатьевъ, князья Василій и Юрій Рѣпнины, князь Борисъ Юсуповъ, Петръ Измайловъ, Степанъ Апраксинъ, Бреверпъ, Петръ Шиповъ, Михайло Воронцовъ, Ѳедоръ Наумовъ.

Генералъ-маіоры и того ранга: Алексѣй Шереметевъ, князь Василій Хованской, Иванъ Брылкинъ, князь Яковъ Шаховской, Петръ Воейковъ, Осипъ Гампфъ, Иванъ Шиповъ, Димитрій Чернцовъ, Алексѣй Шубинъ, Александръ Головинъ, князь Михайло Бѣлосельскій, Петръ Пушкинъ, Иванъ Козловъ, Петръ Самаринъ, Иванъ Косаговъ, князь Петръ Черкасскій, князь Сергѣй Голицынъ, князь Владиміръ Долгоруковъ, Петръ Мельгуновъ.

Маіоры гвардіи: Полонской, Никита Соковнинъ, Петръ Чеадаевъ, Иванъ Салтыковъ. (Подписала): «Елисаветъ».

Подлинные указъ и реэстръ оставлены были въ сенатѣ у секретарскихъ дѣлъ. По распечатаніи оныхъ предъ собраніемъ и по прочтеніи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-прокуроромъ и кавалеромъ, княземъ Никитою Трубецкимъ, объявлено всему собранію, чтобы оное дѣло «содержано было секретно».

Собраніе происходило въ сенатѣ 19-го августа 1743 года. Съѣздъ начался въ восьмомъ часу пополуночи, слушаніе экстракта — въ девятомъ, сентенцію заключили въ четыре часа.

Въ экстрактѣ значилось, что всѣ обвиняемыя лица въ преступленіяхъ своихъ сознались. Слѣдователямъ, для увѣнчанія ихъ юридической дѣятельности, оставалось подъискать подходящія статьи закона. Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича обрѣли главы II-й, пункты: 1, 2, 19-й; въ Военномъ Артикулѣ, блаженныя памяти императора Петра Великаго, главы III-й артикулы 19, 20, съ толкованіями главы XVII-й, артикулы 135, 136,

Библиотека "Руниверс"

137; сослались на указы: Екатерины I-й (30-го января 1727 г.), Анны Ивановны (10-го апрѣля 1730 и 13-го февраля 1733 гг.). Разумѣется, въ каждой изъ этихъ статей присуждалась смертная казнь за преступленія, къ категоріи которыхъ никакъ не подходили «злодѣйства» Лопухиныхъ, т. е., болтливость гуляки и неосторожныхъ женщинъ; но какъ ихъ, такъ и прочихъ обвиненныхъ съ ними, подвели подъ статьи военнаго артикула и произнесли сентенцію:

Лопухиныхъ, Бестужеву и всѣхъ лицъ, этому дѣлу причастныхъ, какъ уличенныхъ государственныхъ преступниковъ, единогласно приговорили къ смертной казни; при этомъ Степана, Ивана и Наталью Лопухиныхъ и Анну Бестужеву къ урѣзанію языковъ и колесованію; Мошкова и князя Путятина—къ четвертованію; Зыбина и Софью Лиліенфельдъ—къ обезглавленію.

Подъ приговоромъ подписались, въ числѣ 19-ти человѣкъ, члены генеральнаго суда; между ними были слѣдователи: Лестокъ, кн. Никита Трубецкой и Ушаковъ; лица духовныя: Кириллъ, архимандритъ троицкій, Симонъ, епископъ суздальскій, Стефанъ, епископъ псковскій; лица въ дѣлѣ заинтересованныя: кн. Иванъ Трубецкой, принцъ Гессенъ-Гомбургскій; наконецъ деверь Анны Гавриловны Бестужевой, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ... Того же числа сентенція была представлена на высочайшую «опробацію».

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

О портретѣ Н. Ѳ. Лопухиной.

Приложенный къ этой книгѣ портретъ Натальи Ѳедоровны Лопухиной снятъ съ подлинной миньятюры, писанной масляными красками на деревѣ, (вышина $1^{3}/_{4}$ вершка, ширина $1^{1}/_{2}$ верш.), оправленной въ старинную, тяжелую, бронзовую рамку; миньятюра эта принадлежитъ нынѣ собранію портретовъ князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго. Она находилась на выставкѣ портретовъ историческихъ лицъ XVI—XVIII вѣковъ, устроенной, въ 1870 году, въ Петербургѣ, Обществомъ поощренія художниковъ (см Каталогъ выставки, изд. второе, № 537, стр. 151).

На этой миньятюрѣ Н. Ѳ. Лопухина изображена въ цвѣтущихъ лѣтахъ, во всемъ блескѣ красоты, въ нарядѣ модницы 1740-хъ годовъ. Веселому выраженію лица и щегольскому одѣянію противорѣчитъ изображенная, въ правой сторонѣ портрета, желѣзная рѣшетка. Желалъ-ли художникъ, изобразивъ эту рѣшетку, намекнуть на несчастную участь Н. Ѳ. Лопухиной, на ея пребываніе въ крѣпости, въ застѣнкѣ и въ ссылкѣ? Портретъ первоначально принадлежалъ фамиліи гр. Шуваловыхъ, изъ которыхъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, какъ изложено выше, принималъ довольно живое участіе въ розыскѣ по Лопухинскому дѣлу и впослѣдствіи, въ теченіе всего царствованія Елисаветы Петровны управлялъ тайною канцеляріею.

Съ подлинной миньятюры портретъ, нѣсколько увеличивъ, нарисовалъ для нашего изданія художникъ Шпакъ, гравировалъ академикъ, граверъ Е. И. Величества Л. А. Сѣряковъ.

Библиотека "Руниверс"

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ.

Воспоминанія К. С. Сербиновича.

Тайный совѣтникъ Константинъ Степановичъ Сербиновичъ, скончавшійся въ С.-Петербургѣ, 18-го февраля 1874 г., оставилъ послѣ себя обширное собраніе бумагъ и переписки, результатъ многолѣтней, весьма разнообразной его дѣятельности. Въ его семейномъ архивѣ сохранились, между прочимъ, нѣсколько десятковъ, въ малую восьмушку, весьма убористо исписанныхъ тетрадокъ; это—дневникъ покойнаго, веденный имъ почти съ перваго года пріѣзда въ Петербургъ (1818 г.). На основаніи этого дневника, покойный Сербиновичъ, незадолго до своей кончины, вслѣдствіе неоднократныхъ нашихъ просьбъ, составилъ «Воспоминанія о Н. М. Карамзинѣ». Этотъ трудъ, тщательно переписанный подъ его наблюденіемъ, былъ совершенно приготовленъ имъ къ печати, но Константинъ Степановичъ не успѣлъ передать намъ своихъ «Воспоминаній» лично; это весьма обязательно исполнила его вдова, Надежда Карловна Сербиновичъ, которой мы и свидѣтельствуемъ глубочайшую признательность отъ лица всѣхъ почитателей памяти Н. М. Карамзина.

Представляемыя «Воспоминанія» носятъ на себѣ слѣдъ ежедневныхъ краткихъ замѣтокъ. Во многихъ мѣстахъ К. С. Сербиновичъ не измѣнилъ даже настоящаго времени на прошедшее. Читатель найдетъ въ этихъ замѣткахъ довольно живой, интересный матеріалъ для характеристики нравственной личности исторіографа. Пламенный почитатель его, К. С. Сербиновичъ, вводитъ насъ въ семью своего благодѣтеля, въ его рабочій кабинетъ, въ его библіотеку, наконецъ, знакомитъ съ сужденіями и взглядами Н. М. Карамзина на нѣкоторые историческіе и нравственные вопросы...

Вмѣстѣ съ «Воспоминаніями» своего супруга о Карамзинѣ, Надежда Карловна передала намъ тридцать шесть подлинныхъ писемъ и записочекъ исторіографа; болѣе интересныя изъ нихъ вставлены покойнымъ въ печатаемыя здѣсь «Воспоминанія». **Ред.**

Съ глубокою благодарностію къ Промыслу вспоминаю то счастливое время молодости моей, когда я около восьми лѣтъ пользовался отеческою обо мнѣ заботливостію незабвеннаго Николая Михайловича Карамзина. Я не могу отказать самъ себѣ въ истинномъ наслажде-

Библиотека "Руниверс"

ніи — сдѣлать обозрѣніе моихъ къ нему отношеній. Необходимо начать съ того, что̀ именно влекло меня къ Карамзину и что̀ приготовило къ сближенію съ нимъ. Я не принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ, которыхъ талантъ, ученость, знатность ввели въ кругъ его знакомства. На долю мою выпалъ самый скромный, почти безгласный трудъ, но ниспосланный мнѣ самимъ Провидѣніемъ, чтобы я могъ этимъ способомъ привлечь къ себѣ вниманіе нашего знаменитаго писателя и, наконецъ, удостоиться его любви, которой цѣну нельзя мнѣ не чувствовать до самаго гроба. Жалѣю, что я не записывалъ съ подробностію всѣхъ назидательныхъ бесѣдъ его: это сдѣлало бы мое обозрѣніе любопытнымъ и для его біографовъ; а теперь оно едва-ли можетъ удовлетворить ихъ; оно дорого болѣе для моего сердца, которому пріятно и то, что для другихъ вовсе не интересно. При этомъ я коснулся и нѣкоторыхъ постороннихъ обстоятельствъ, не относившихся собственно до Николая Михайловича, но поясняющихъ мои къ нему отношенія и отчасти дающихъ понятіе о тогдашнемъ времени.

К. С. Сербиновичъ.

1796—1817 гг.

Вмѣстѣ съ первыми впечатлѣніями дѣтства, слышалось мнѣ имя Карамзина изъ устъ отца моего, который, съ 1797 года находясь на службѣ въ Вильнѣ, какъ ревностный любитель чтенія, выписывалъ изъ обѣихъ столицъ, отъ книгопродавцевъ Глазуновыхъ, русскія книги и журналы,[1]) не только для себя, но и для своихъ русскихъ сослуживцевъ, и перечитывалъ почти все важнѣйшее, выходившее тогда у насъ изъ печати (а выходило ихъ не очень много, не такъ много, какъ послѣ). Съ начала 1802 г. я замѣчалъ на батюшкиномъ столѣ каждый мѣсяцъ новую книжку, въ розовой бумажной обёрткѣ. Это былъ „Вѣстникъ Европы“. Я читалъ только оглавленія, но и они уже оставались надолго въ памяти моей. Собственно же мнѣ давали „Дѣтское чтеніе для сердца и разума“, которое за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ издавалось въ Москвѣ, при университетскихъ вѣдомостяхъ, и для котораго Карамзинъ, еще въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, переводилъ разныя статьи. Прекрасный выборъ ихъ и легкій, пріятный, по тогдашнему, слогъ дѣлали этотъ сборникъ лучшимъ чтеніемъ

[1]) Очень помню, что въ Вильнѣ тогда была заведена и русская книжная лавка тѣми же книгопродавцами, на Замковой улицѣ; твердо помню и нѣкоторыя изъ книгъ, какія мы оттуда получали; но она уже не существовала послѣ 1812 года. К. С.

Библиотека "Руниверс"

для дѣтей и любимѣйшимъ, если не считать такимъ же и „Дѣтскую Библіотеку"—Кампе, переведенную другимъ дѣятелемъ нашей словесности, А. С. Шишковымъ. Обѣ эти книги имѣли нѣсколько изданій.

По выходѣ моего отца въ отставку, мы переселились, въ 1809 году, въ Полоцкъ, гдѣ жить было дешевле; здѣсь я занялся ученіемъ классическимъ въ тамошней іезуитской коллегіи. Въ наступившую войну 1812 года мы нашли временное для себя убѣжище въ Петербургѣ, гдѣ открылось болѣе возможности доставать книги; здѣсь „Письма Русскаго Путешественника" уносили мое воображеніе въ чужіе края и знакомили меня съ именами и заслугами мужей, украсившихъ своимъ талантомъ прошлый вѣкъ, съ которыми такъ занимательно описалъ Карамзинъ встрѣчу свою; здѣсь же прочелъ я въ первый разъ повѣсти его: „Бѣдную Лизу" и „Наталью—боярскую дочь". Прошла зима, и мы опять въ Полоцкѣ. Тамошняя коллегія была преобразована въ академію; преподаваніе въ ней происходило на латинскомъ и отчасти на польскомъ языкѣ. Но іезуитскій орденъ, сохраненный Россіею, имѣлъ въ главномъ своемъ предметѣ не Польшу, а торжествующую Россію. [1]) Воспитывая въ Бѣлоруссіи польское юношество, безъ ненависти къ Россіи, онъ въ тоже время гордился русскими воспитанниками въ своей петербургской коллегіи. Всѣ члены ордена обязаны были упражняться въ русскомъ языкѣ; нѣкоторые испытывали силы свои даже и въ русскомъ стихотворствѣ. Ни въ одномъ учебномъ заведеніи западнаго края, ни въ университетѣ Виленскомъ, не могъ бы я почерпнуть столько свѣдѣній о русской словесности; а тутъ изъ богатой академической библіотеки охотно давали мнѣ, по желанію моему, всѣ церковно-славянскія и русскія книги, начавъ съ лѣтописи Несторовой и Четьи Миней до послѣднихъ журналовъ; въ пять лѣтъ легко мнѣ было перечитать Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Хемницера, Петрова, Державина, Дмитріева, а въ журналахъ восхищаться стихами Жуковскаго, Батюшкова и баснями Крылова. Желая найти между русскими писателями такого, который (подобно Цицерону между латинскими) возвышался бы передъ прочими плѣнительною гармоніею слога, я не могъ не почувствовать, что пальма первенства принадлежала Карамзину. Въ то время онъ уже молчалъ для публики, готовя въ своемъ уединеніи безсмертный трудъ—„Исторію Государства Россійскаго", о которой тогда еще

[1]) Когда при возстановленіи Царства Польскаго, нѣкоторые студенты выразили не умѣренную радость, профессоръ Гласко остановилъ ихъ напомнивъ, что это не касается до нихъ: здѣсь не Польша, а Россія.

К. С.

Библиотека "Руниверс"

никто не могъ имѣть понятія. Но уже и прежнія его творенія, дышавшія добротою сердца, благородствомъ и нѣжностію чувствъ и безусловною покорностію Промыслу, оставили въ душѣ моей глубокое впечатлѣніе. Еще не случалось мнѣ видѣть его портрета, а идеалъ, какой я составилъ себѣ объ этомъ любезномъ писателѣ, рисовалъ моему воображенію черты умнаго лица его, съ яснымъ взглядомъ и добродушнымъ выраженіемъ. Тогда это была одна мечта, наконецъ мечта осуществилась.

1818 г.

31-го января 1818 года я пріѣхалъ въ Петербургъ, а 15-го мая, по испытаніи въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, принятъ на службу съ чиномъ актуаріуса, но безъ жалованья. Это заставило меня искать себѣ средствъ къ жизни, чтобы не быть въ тягость роднымъ.

Лѣтомъ зашелъ я во французскій книжный магазинъ (бывшій нѣкогда Клостермана), на Невскомъ проспектѣ, противъ Казанскаго собора. Здѣсь встрѣтилъ моего полоцкаго соученика, Ѳедора Ивановича Руско (брата извѣстнаго тогда архитектора); мы оба обрадовались; я сообщилъ ему желаніе заняться переводами съ иностранныхъ языковъ, а онъ сказалъ, что знаетъ француза, который намѣренъ перевести недавно вышедшую въ свѣтъ „Исторію Государства Россійскаго“. Это былъ Сен-Тома (St. Thomas), воспитатель сына генерала Бороздина. Онъ искалъ русскаго, способнаго дѣлать для него вѣрный буквальный переводъ, который облекалъ бы онъ потомъ въ изящныя формы французскаго слога. Спустя нѣсколько дней, я уже видѣлся съ нимъ, условился за самое малое вознагражденіе, и мы начали съ предисловія. Я не могъ не понимать всей важности труда, который требовалъ самой строгой точности, и потому предисловіе стоило мнѣ особенныхъ усилій. Карамзинъ одобрилъ нашъ первый опытъ, указавъ въ немъ только одну существенную ошибку. Сен-Тома былъ очень радъ, а я просто въ восторгѣ. Къ половинѣ августа окончѣнъ переводъ 1-го тома. Сен-Тома безпрестанно твердилъ мнѣ, что желаетъ всѣ 8 томовъ отвезти къ веснѣ въ Парижъ. Я долженъ былъ удвоить свою дѣятельность. Къ счастію, ни мало ей не мѣшали мои тогдашнія легкія служебныя занятія безъ жалованья; чтобы лучше достигнуть цѣли, я рѣшился попеременно одну ночь спать, другую—работать напролетъ: молодость (22-й годъ) выдержала эту пытку. Иногда случалось и задремать, выронивъ перо изъ руки, и, очнувшись, смѣяться надъ своими послѣдними строками: то было или смѣшеніе двухъ-трехъ языковъ, или буква на буквѣ, такъ

Библиотека "Руниверс"

что я и самъ не могъ разобрать этихъ вензелей. Но съ освѣженными силами снова прочитанное и снова переведенное давало настоящій смыслъ текста. Особенно я долженъ былъ заботиться о возможно правильной передачѣ звука русскихъ собственныхъ именъ, которыя, къ сожалѣнію, часто передавались по принятому на западѣ способу, занятому отчасти у поляковъ (Czar, Jaroslas, Brześcié, Polock. и пр., какъ потомъ, къ сожалѣнію, видѣли мы даже долгое время и въ „Journal de St.-Pétersbourg“). Я удивлялся, какъ могутъ русскіе повторять это. Я думалъ, почему бы для передачи русскаго звука *я* не употреблять Ya (Yaroslaf, Yaropolk). Такъ и принято, такъ и одобрено Карамзинымъ. Мнѣ, однакожъ, было много хлопотъ съ горячимъ французомъ, у котораго на умѣ было только: скорѣе и скорѣе! Своей окончательной редакціи онъ мнѣ не показывалъ и я уже немогъ замѣчать его невѣрности: онъ прямо относилъ къ Карамзину, который съ величайшимъ терпѣніемъ читалъ и выправлялъ. Николай Михайловичъ былъ всегда доволенъ слогомъ Сен-Тома, но собственно переводъ не удовлетворялъ его, а тѣмъ менѣе изданіе его въ Парижѣ съ такими ошибками и опечатками, которыхъ, въ именахъ собственныхъ, могъ бы избѣгнуть только русскій корректоръ.

Почти въ одно время съ Сен-Тома, другой французъ Жоффре, преподаватель французскаго языка въ Смольномъ, предпринималъ также переводить „Исторію Государства Россійскаго“ и также обращался къ Карамзину. Этотъ французъ довольно хорошо зналъ русскій языкъ и почти не нуждался въ помощникѣ. Николай Михайловичъ не желалъ, чтобы кто-нибудь изъ обоихъ остался въ убыткѣ, и потому старался соперничество ихъ превратить въ союзъ къ общей пользѣ. Они, по его убѣжденію, сблизились и раздѣлили между собою трудъ. Одни томы (I-й, меньшая половина II-го, весь IV-й, половина VI-го и наконецъ VIII-й) остались на долю Сен-Тома и мою, другіе (большая половина II-го, весь III-й, V-й и половина VI-го) на долю Жоффре.

Однажды я сказалъ моему Сен-Тома: „я очень счастливъ, что служу дѣлу, знакомящему Францію съ знаменитымъ трудомъ нашего исторіографа, котораго люблю съ самаго моего дѣтства; но странно будетъ, ежели, трудясь надъ его твореніемъ, не удостоюсь случая сдѣлаться ему извѣстнымъ лично: я этого очень желаю“. Въ скоромъ времени Сен-Тома объявилъ мнѣ, что Карамзинъ радъ будетъ видѣть меня.

И такъ, въ назначенный день (въ первой половинѣ ноября 1818 г.) Сен-Тома отправился со мною въ домъ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой, возлѣ Аничкова моста (куда Карамзинъ только что пе-

Библиотека "Руниверс"

рѣхалъ съ Захарьевской улицы). Я былъ внѣ себя, когда мы подошли къ крыльцу и всходили по лѣстницѣ. Отворилась дверь въ гостиную, ярко освѣщенную и оживленную говоромъ посѣтителей, изъ которыхъ я не зналъ никого и никто не зналъ меня. Сен-Тома представилъ меня тому, къ кому такъ стремилось сердце мое, которое тутъ еще сильнѣе забилось. Николай Михайловичъ всталъ, привѣтливо подалъ руку намъ обоимъ, представилъ меня и супругѣ, и когда лакей подалъ намъ стулья, Карамзинъ посадилъ меня возлѣ себя.

Понемногу сталъ я осматривать комнату и всѣхъ въ ней. Екатерина Андреевна сидѣла на диванѣ, стоявшемъ возлѣ правой отъ входа стѣны. Передъ диваномъ на круглый столъ принесены были чайный сервизъ съ самоваромъ. Разливала чай старшая 16-ти-лѣтняя дочь Николая Михайловича, Софья Николаевна. Подлѣ нея была младшая 12-ти-лѣтняя сестра ея, Екатерина Николаевна; вокругъ стола бесѣдовали посѣтители. Нѣсколько поодаль, съ той стороны стола, которая ближе отъ входа, сидѣлъ Николай Михайловичъ, такъ что отсюда могъ удобнѣе принимать входящихъ. Я понялъ, что занимаю самое счастливое мѣсто, будучи подлѣ него самаго. Бесѣдуя со всѣми, Карамзинъ обращалъ и ко мнѣ разные вопросы, и это доставило мнѣ возможность не только безъ смущенія, а даже съ полнымъ удовольствіемъ оставаться въ этомъ обществѣ до самаго разъѣзда гостей. Между ними я болѣе всѣхъ замѣтилъ Батюшкова и Александра Ивановича Тургенева. Батюшкова я видѣлъ здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ. Онъ собирался въ Италію для поправленія здоровья. Я тотчасъ узналъ его по сходству съ недавно видѣннымъ портретомъ его. Онъ былъ небольшаго роста, имѣлъ выразительную физіономію и пріятный голосъ. Говорили о Жуковскомъ и жалѣли, что онъ не пріѣхалъ за болѣзнію. Не могу теперь вспомнить, о чемъ еще бесѣдовали. Я былъ погруженъ болѣе въ чувство. Мнѣ пріятно было смотрѣть на геніальнаго мужа, котораго прекрасная душа столько же, какъ и свѣтлый умъ, подчиняли вліянію своему лучшее образованное русское общество. Мнѣ казалось, что я вижу его точно такимъ, какимъ воображалъ; но съ его голосомъ, съ тономъ рѣчи его я познакомился впервые. Онъ спросилъ меня, какое получаю жалованье, и тотчасъ хотѣлъ познакомить съ Тургеневымъ, но остановился, когда услышалъ отъ меня, что есть причины подумать мнѣ объ этомъ особенно. Время пролетѣло незамѣтно; всѣ стали разъѣзжаться. Когда же и Екатерина Андреевна удалилась, Николай Михайловичъ сталъ еще подробнѣе разспрашивать меня о моихъ родителяхъ, семействѣ, службѣ, лѣтахъ, воспитаніи, и сказалъ, что надѣется и послѣ видѣть меня у себя.

Библиотека "Руниверс"

Невозможно описать состояніе моего духа, когда я возвращался домой. Былъ уже второй часъ ночи. Полная луна освѣщала мнѣ путь по набережной Фонтанки, отъ Аничкова моста до Измайловскаго. Этотъ вечеръ запалъ на всю жизнь въ душу мою, и я тутъ еще, въ первый разъ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, чувствовалъ какое-то сладостное спокойствіе. Мнѣ казалось, что я переродился, началъ жизнь новую. И дѣйствительно, эти минуты были началомъ важнѣйшаго переворота въ моей жизни и службѣ.

Нѣсколько дней прошло, и я, вовсе не думая, къ чему ведетъ такое лестное знакомство, оставался только подъ упоительнымъ вліяніемъ того, что видѣлъ, слышалъ. Я спѣшилъ подѣлиться моею радостію съ лучшими друзьями: съ добрымъ, незабвеннымъ для моего сердца, сослуживцемъ моимъ, Дмитріемъ Николаевичемъ Васьковымъ, сыномъ ярославскаго помѣщика, и съ бывшими полоцкими соучениками моими изъ русскихъ: двумя братьями Еліашевичами [1]) и Павломъ Сварацкимъ-Сварикомъ (съ первыми двумя я вмѣстѣ пріѣхалъ въ Петербургъ по дружескому расположенію отца ихъ къ моимъ родителямъ; а послѣдній, тоже сынъ стариннаго пріятеля отца моего, слушалъ, послѣ Полоцка, курсъ наукъ еще и въ Московскомъ университетѣ). Никому не важны эти подробности. Но мнѣ отрадно помнить, кто первый порадовался моему счастію.

Спустя нѣсколько времени, я опять былъ у Карамзина, поутру, и объяснилъ, что не могу оставить моего нынѣшняго начальника (правителя канцеляріи коллегіи Василія Алексѣевича Полѣнова), который въ то время, когда нужда уже заставляла меня противъ воли соглашаться на переходъ въ одно изъ губернскихъ мѣстъ, обѣщалъ исходатайствовать мнѣ жалованье, и еще не прошло мѣсяца, какъ исполнилъ это обѣщаніе, и хотя назначено жалованье небольшое, но по искреннему его ко мнѣ расположенію. Карамзинъ отвѣчалъ мнѣ: „вижу, что вы совѣстливы: это хорошо, благодарность дѣлаетъ честь сердцу; но я думаю, что начальникъ вашъ и самъ бы порадовался, если бы узналъ, что для васъ открывается новое поприще съ бо́льшею выгодою. Я радъ быть вамъ полезенъ и иначе; у меня въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ добрый пріятель, графъ Каподистрія, но онъ теперь за границею. Развѣ не поговорить-ли объ васъ съ Стурдзою, или съ Сѣверинымъ?“

Не зная, чѣмъ доказать чувства мои къ тому, кто былъ издавна,

[1]) Старшій изъ нихъ, Петръ Ѳедоровичъ Еліашевичъ, былъ впослѣдствіи директоромъ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, князя Варшавскаго (находясь и въ родствѣ съ нимъ), окончилъ службу въ званіи сенатора.

К. С.

Библиотека "Руниверс"

могу сказать, путеводною звѣздою судьбы моей, прежде даже чѣмъ я имѣлъ счастіе узнать его, я задумалъ поднести ему списанное мною, въ Полоцкѣ, съ подлинника, изображеніе семисотъ-лѣтняго креста преподобной Евфросиніи, и сверхъ того самыя чувства свои излилъ въ стихахъ, написанныхъ отъ всей полноты души, хотя и неискусно, со всѣми пріемами Ломоносовской оды. Я не засталъ Николая Михайловича дома и, оставивъ у него то и другое, признаюсь, радъ былъ, что не отдалъ лично, потому что избѣгнулъ необходимости покраснѣть за стихи.

О Рождествѣ былъ я у него въ четвертый разъ и встрѣтилъ его на лѣстницѣ. Николай Михайловичъ, какъ и прежде, обласкалъ меня, благодарилъ за изъясненныя чувства и за приношеніе, и сказалъ, что онъ уже знакомъ съ полоцкимъ крестомъ, видѣвши рисунокъ его у канцлера графа Румянцева (Румянцевъ имѣлъ его отъ полоцкихъ же іезуитовъ, по желанію которыхъ былъ мною снятъ съ креста этотъ рисунокъ для отсылки къ канцлеру).

Тѣмъ и кончились мои отношенія къ Николаю Михайловичу въ этомъ году.

1819 г.

Въ 1819 году я былъ у Карамзина о Пасхѣ, но болѣе не смѣлъ безпокоить его.

Между тѣмъ Сен-Тома уѣхалъ въ Парижъ съ французскимъ переводомъ и приступилъ къ печатанію его, подъ заглавіемъ: „Histoire de l'Empire de Russie, par M. Karamsin, traduite par M. M. St. Thomas et Jauffret. Paris. De l'imprimerie de A. Belin. 1819".

Лѣтнее время проведено мною въ Полоцкѣ, въ домашнемъ отпуску, благодаря средствамъ, которыя я пріобрѣлъ переводомъ Исторіи что составило хотя и маленькую, но для меня весьма важную сумму.

Въ Полоцкѣ я давалъ знакомымъ іезуитамъ прочесть печатный экземпляръ французскаго перевода предисловія къ Исторіи Карамзина. Оно имъ очень понравилось, все съ начала до конца и въ особенности заключительныя слова: „Que la Russie prospere!... au moins bien longtemps, puisqu'il n'y a rien sur la terre d'immortel, que l'âme humaine".

Въ ноябрѣ, съ возвращеніемъ въ Петербургъ, я узналъ о возвращеніи Карамзина изъ Царскаго Села и немедленно отправился къ нему. Онъ собирался на вечеръ, въ черномъ фракѣ съ Анненскою звѣздою: въ этомъ нарядѣ увидѣлъ я его въ первый разъ и очень любовался. Онъ принялъ меня на нѣсколько минутъ, въ которые, на вопросъ о моихъ обстоятельствахъ, я успѣлъ высказать, что у меня не проходитъ желаніе продолжать службу въ иностранной

Библиотека "Руниверс"

коллегіи, но что радъ бы заняться посерьезнѣе, только не имѣю случая, а самъ не смѣю домогаться.

Здѣсь кстати прибавлю, что, служа уже болѣе года въ коллегіи, я часто слышалъ о высокихъ достоинствахъ графа Каподистрія и считалъ, что это былъ бы верхъ моего счастія, если бы я удостоился быть при такомъ сановникѣ, въ которомъ тонкій дипломатическій умъ тѣсно соединялся съ благороднымъ характеромъ и сердцемъ горячимъ къ добру. Уваженіе мое къ нему еще увеличивалось оттого, что онъ былъ друженъ съ Карамзинымъ, а въ это время уже ожидали возвращенія графа изъ чужихъ краевъ.

Николай Михайловичъ сказалъ мнѣ: „Онъ у насъ бываетъ и я при первомъ удобномъ случаѣ переговорю съ нимъ о васъ".

19-го декабря я узналъ, что онъ видѣлъ графа во дворцѣ и просилъ къ себѣ откушать, и что, съ своей стороны, все скажетъ въ мою пользу.

Въ день Рождества Христова Николай Михайловичъ, сказавши, что графъ желаетъ видѣть меня, далъ мнѣ собственноручную къ нему записку, съ которою я долженъ былъ къ нему явиться на другой день поутру.

Графъ Каподистрія жилъ на дворцовой площади, въ такъ-называвшемся канцлерскомъ домѣ, тамъ, гдѣ теперь красуется великолѣпное полукруглое зданіе. Канцлерскій домъ приходился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь министерство иностранныхъ дѣлъ. Дежурный фельдъегерь, взявъ отъ меня записку, доложилъ обо мнѣ и графъ тотчасъ принялъ меня. Мнѣ еще ни разу не случалось представляться ни одному министру и я былъ внѣ себя отъ одной мысли, что судьба привела меня къ такому, который могъ называться украшеніемъ своего вѣка. Онъ всталъ изъ-за письменнаго стола и, подошедши ко мнѣ, сталъ подробно разспрашивать о причинахъ, побуждающихъ меня желать именно дипломатическаго поприща, о моей родинѣ, образованіи и занятіяхъ въ иностранной коллегіи, и, обѣщая мнѣ свое покровительство, сказалъ, что велитъ занять меня чѣмъ-нибудь поважнѣе, въ экспедиціи иностранныхъ газетъ, или въ азіатскомъ департаментѣ, чтобы проложить мнѣ дорогу въ собственную его канцелярію; въ тоже время, изъявивъ желаніе видѣть опыты моихъ упражненій въ русскомъ и французскомъ языкахъ, поручилъ мнѣ написать что-нибудь, напримѣръ, письмо къ нему о томъ, чего прошу. „Изъ него я познакомлюсь съ вашею нравственною физіономіею". Я поспѣшилъ исполнить волю его, но сочиненныя мною письма разсудилъ, изъ предосторожности, показать прежде Карамзину. Онъ благосклонно исправилъ мнѣ два выраженія въ русскомъ письмѣ, а о

Библиотека "Руниверс"

французскомъ сказалъ: „для этого есть у меня лучшій знатокъ. Сонюшка, поди сюда!“ и тотчасъ вошла Софья Николаевна, съ веселымъ видомъ и со всею готовностію сдѣлать ему угодное. Она замѣтила слишкомъ много словъ съ окончаніемъ ance, а въ прочемъ нашла письмо очень порядочнымъ. Письма мои я подалъ графу чрезъ дежурнаго.

1820 г.

Въ самый первый день 1820 года я увидѣлъ перемѣну обстоятельствъ службы моей къ лучшему. Мнѣ объявлена денежная награда въ 400 руб., и когда я пришелъ благодарить моего начальника, Василія Алексѣевича Полѣнова, я узналъ отъ него объ участіи графа Каподистрія въ моей судьбѣ и о желаніи его, чтобы я какъ можно болѣе занимался дѣлами и особенно французскимъ языкомъ, потому что онъ намѣренъ перевести меня въ свою собственную канцелярію при первой вакансіи. Василій Алексѣевичъ прибавилъ, что, по волѣ графа, самъ будетъ занимать меня. Съ тѣхъ поръ каждая моя бумага была представляема ему и собственноручно имъ исправлялась.

Въ томъ же январѣ Карамзинъ порадовалъ меня первымъ своимъ порученіемъ. Онъ далъ мнѣ перевести съ польскаго языка, изъ Львовскаго журнала, разсказъ очевидца о плѣненіи, кончинѣ и погребеніи царя Василія Шуйскаго. Можно судить, съ какою точностію старался я выполнить это дорогое для меня порученіе. 24-го января я отнесъ Николаю Михайловичу мой переводъ.

Еще болѣе я порадованъ былъ тѣмъ, что Карамзинъ остался доволенъ моею работою. Похваливъ меня за точность, онъ вынесъ ко мнѣ второй томъ изданной въ 1819 году, въ Варшавѣ, книги: „Дѣянія Сигизмунда III“ (Dzieje panowania Zygmunta III), сочиненія Нѣмцевича: въ этомъ томѣ, въ нѣсколькихъ главахъ, заключался любопытный эпизодъ о Димитріи Самозванцѣ. Николай Михайловичъ просилъ меня заняться переводомъ не иначе, какъ на досугѣ. Само собою разумѣется, я занялся имъ какъ самымъ важнѣйшимъ для меня дѣломъ послѣ служебныхъ занятій.

На святой недѣлѣ Николай Михайловичъ, спрашивая объ успѣхѣ моего перевода, повторилъ, чтобы я не спѣшилъ, а только бы заботился о точности, особенно при переводѣ помѣщенныхъ въ концѣ книги документовъ. При этомъ далъ мнѣ замѣтить, что, кромѣ упражненія въ переводѣ, такое занятіе пригодится мнѣ и впослѣдствіи; что я еще молодъ и неизвѣстно, къ чему буду употребленъ. „Спѣшить же“, сказалъ онъ, „теперь не къ чему, потому что я только еще приближаюсь къ окончанію IX тома или царствованія Іоанна Грознаго, а до эпохи Самозванцевъ дойду не скоро“.

Библиотека "Руниверс"

Въ этотъ вечеръ предметомъ разговора была тогдашняя свѣжая новость — о высылкѣ іезуитовъ изъ Россіи, съ упраздненіемъ и полоцкой академіи. Въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, главнымъ дѣятелемъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ, тогдашній директоръ департамента духовныхъ дѣлъ. Какъ при высылкѣ іезуитовъ изъ столицы, въ 1815 году, такъ и при высылкѣ, въ 1820 году, изъ Полоцка и прочихъ мѣстъ за границу, дѣло ведено было такъ секретно, что патеры могли развѣ догадываться объ угрожавшей имъ опасности, но положительныхъ свѣдѣній не имѣли. Генерала своего, Бржозовскаго, они уже схоронили; новаго не назначено. И какъ прежде въ Петербургѣ указъ о высылкѣ ихъ въ Полоцкъ былъ объявленъ имъ предъ праздникомъ Рождества, въ самую минуту высылки, такъ и теперь тоже случилось въ Полоцкѣ, предъ самымъ праздникомъ Пасхи. Объявлено также, что желающіе снять съ себя званіе членовъ общества могутъ остаться въ Россіи, а всѣ прочіе должны ѣхать за границу, объявивъ, куда именно каждый желаетъ: на дорогу снабжены были всѣмъ нужнымъ. Здѣсь не мѣсто распространяться о прочихъ подробностяхъ. Николай Михайловичъ хотя и не имѣлъ ничего противъ этой государственной мѣры, но сожалѣлъ, ежели мѣстное юношество останется надолго безъ образованія. Обратясь ко мнѣ, сказалъ: „вашъ батюшка находилъ же полезнымъ отдать васъ въ это учебное заведеніе, и вы могли же пріобрѣсти въ немъ познанія, которыя проложили вамъ дорогу къ службѣ отечеству. У насъ еще мало учебныхъ заведеній и надобно бы побольше заботиться объ умноженіи ихъ“. Въ тогдашнее время вообще шла хорошая молва объ основательности ученія въ іезуитскихъ коллегіяхъ: одна изъ нихъ, въ Оршѣ, дала, какъ извѣстно, первоначальное образованіе нашему первому министру народнаго просвѣщенія, графу Завадовскому; особенно же іезуиты стали славиться въ Петербургѣ. Впрочемъ, когда Николай Михайловичъ и его посѣтители заговорили собственно о самихъ іезуитахъ, не обошлось безъ воспоминанія о Поссевинѣ и вообще о томъ, какъ старались они покорить Россію духовному владычеству папъ. Конечно, они и теперь всѣмъ сердцемъ желали бы этого; но, по крайней мѣрѣ, они не проповѣдывали польскаго патріотизма, подобно Виленскому университету, и всячески уклонялись отъ его вліянія. Во время нашествія французовъ они всѣ, кромѣ стариковъ, удалились въ Псковскую и Новгородскую губерніи, отъ души ненавидя Наполеона, какъ врага папы.

2-го мая 1820 г., я отнесъ Карамзину переписанный на-бѣло первый отдѣлъ моего перевода изъ „Сигизмундовой исторіи“, и когда опять зашелъ къ нему 5-го числа, онъ благодарилъ меня и сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

„Вы знаете, какое я беру участіе въ васъ и какъ желаю, чтобы вы могли поступить въ канцелярію графа, моего истиннаго пріятеля; но хотя онъ и расположенъ къ вамъ самымъ лучшимъ образомъ, однако-жъ исполнить обѣщанія не можетъ, пока у него нѣтъ вакансіи и обстоятельства еще не позволяютъ. Онъ же часто отвлекается за границу, а мнѣ хочется имѣть васъ поближе къ себѣ. Я уже и прежде говорилъ вамъ о Тургеневѣ: у него вы тотчасъ получили бы больше жалованья и нашли бы въ немъ также начальника добраго, умнаго, благороднаго, умѣющаго цѣнить труды подчиненныхъ. Подумайте хорошо и вмѣсто того, чтобы откладывать свою судьбу вдаль и пускаться въ неизвѣстность, примите мой искренній совѣтъ. Тургеневу нужно имѣть при себѣ чиновника надежнаго, знающаго и польскій языкъ. Скажу вамъ, что я рекомендовалъ ему васъ необыкновеннымъ образомъ, ручался за васъ, и онъ предлагаетъ вамъ на первый разъ окладъ въ 1,000 рублей, а потомъ и больше. Предоставляю все это совершенно на вашу волю; графъ Каподистрія не будетъ на васъ сѣтовать: это я беру на себя. Могу еще прибавить, что въ министерствѣ духовномъ, кромѣ жалованья, и самое производство въ чины пойдетъ успѣшнѣе“.

Я принялъ предложеніе съ глубокою благодарностію. Николай Михайловичъ былъ очень радъ и совѣтовалъ мнѣ поскорѣе побывать у Тургенева, который хочетъ меня видѣть.

И такъ, на другой же день я былъ у Александра Ивановича. Онъ принялъ меня, какъ говорится, съ отверзтыми объятіями: „Давно я хотѣлъ познакомиться съ вами и мнѣ очень пріятно, что будете служить со мною.' Я поклоночу у графа Нессельроде объ увольненіи васъ изъ коллегіи“.

Александръ Ивановичъ у графа Нессельроде видѣлся и съ графомъ Каподистрія и съ Полѣновымъ; все объяснилъ, все кончилъ; и 9-го мая испросилъ у князя Александра Николаевича Голицына разрѣшеніе опредѣлить меня сверхъ штата, но съ жалованьемъ въ 1,000 рублей....

13-го мая я былъ встревоженъ извѣстіемъ, что Царское Село горитъ и что туда полетѣли пожарныя трубы изъ Петербурга.

На другой день Тургеневъ успокоилъ меня на счетъ Николая Михайловича, жившаго въ то время въ Царскомъ, объявивъ, что онъ и семейство его здоровы, но были въ опасности, и домъ, гдѣ живутъ, остался цѣлъ, хотя и загорался. Здѣсь увидѣлъ я въ первый разъ князя Петра Андреевича Вяземскаго, пріѣхавшаго изъ Варшавы. Онъ былъ уже предваренъ обо мнѣ и тотчасъ заговорилъ со мною о польской литературѣ, съ которою ознакомился въ Варшавѣ.

Библиотека "Руниверс"

Пользуясь первымъ удобнымъ случаемъ побывать въ Царскомъ Селѣ, я поѣхалъ туда 16-го мая. Николай Михайловичъ жилъ въ небольшомъ, отведенномъ для него, домѣ, возлѣ стараго сада, на углу улицъ Садовой и Леонтьевской, противъ квартиры управляющаго Царскимъ Селомъ. Я шелъ медленно отъ дворца по Садовой и прежде хотѣлось мнѣ насмотрѣться на домъ, гдѣ жилъ Карамзинъ. У крыльца я узналъ, что онъ самъ только-что возвратился изъ-подъ Краснаго Села, а Екатерины Андреевны еще не было дома. У него сидѣлъ въ это время важный человѣкъ—графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, и я долженъ былъ еще погулять по саду; наконецъ, я нашелъ Николая Михайловича одного, вручилъ ему мою работу, и первое слово было о пожарѣ, потомъ о моемъ новомъ начальникѣ Тургеневѣ и, наконецъ, объ Исторіи. Карамзинъ сказалъ мнѣ, что онъ теперь описываетъ покореніе Сибири, которое особенно занимаетъ его, какъ интереснѣйшій эпизодъ нашей исторіи, съ такими картинами, какихъ еще въ ней не бывало. Здѣсь онъ нѣсколько распространился о характерѣ Ермака, о превращеніи его изъ разбойника въ героя и о тѣхъ высокихъ нравственныхъ условіяхъ и обѣтахъ, которыми онъ обязалъ своихъ сподвижниковъ и чрезъ которые получилъ столь блестящій успѣхъ. Эта первая бесѣда, которой удостоилъ меня нашъ знаменитый историографъ, произвела на меня пріятнѣйшее впечатлѣніе: я никогда не могъ забыть ее и тѣмъ съ бо́льшимъ наслажденіемъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, читалъ въ вышедшемъ изъ печати IX томѣ Исторіи то, что слышалъ прежде изъ устъ самаго Карамзина.

Новый мой начальникъ, А. И. Тургеневъ, хотя и причислилъ меня въ департаментѣ ко 2-му отдѣленію (по римско-като́лическимъ дѣламъ), но употреблялъ и самъ лично по разнымъ предметамъ. При моемъ вступленіи въ департаментъ, довелось мнѣ читать получавшіяся тамъ донесенія объ отправляемыхъ за границу іезуитахъ. Кому какъ угодно, но мнѣ грустно было видѣть въ этихъ донесеніяхъ имена моихъ бывшихъ профессоровъ. Въ тоже время я встрѣтилъ въ департаментѣ уже служащихъ тамъ, какъ моего прежняго полоцкаго сослуживца, Павла Ивановича Гаевскаго,[1]) такъ и бывшихъ здѣшнихъ іезуитскихъ воспитанниковъ: князя Николая Николаевича Голицына, Карла Егоровича Франка и другихъ. Вообще, всѣ мы не могли забыть добраго обхожденія съ нами удаляемыхъ за границу патеровъ, къ сожалѣнію, ультрамонтановъ и притомъ неизлечимыхъ.

Мнѣ уже не удалось болѣе, въ продолженіе лѣта, быть въ Цар-

[1]) Впослѣдствіи директоръ департамента народнаго просвѣщенія и членъ главнаго управленія училищъ, окончилъ службу съ чиномъ д. т. совѣтника.
К. С.

Библиотека "Руниверс"

скомъ Селѣ. Причинами были неокончаніе работы моей для Николая Михайловича, дурная погода и извѣстія о жестокомъ ревматизмѣ, которымъ онъ страдалъ.

Осенью, Николай Михайловичъ переѣхалъ въ Петербургъ. При свиданіи съ нимъ, говорено было объ архивѣ Бакчіарелли. Департаментъ духовныхъ дѣлъ, чрезъ посредство князя Петра Андреевича Вяземскаго, пріобрѣлъ этотъ архивъ покупкою въ Варшавѣ отъ Бакчіарелли, бывшаго секретаремъ при послѣднемъ польскомъ королѣ. Александръ Ивановичъ Тургеневъ поручилъ мнѣ разсмотрѣть архивъ, и я нашелъ въ немъ связку собственноручныхъ писемъ извѣстной принцессы Елисаветы (Таракановой), выдававшей себя за дочь императрицы Елисаветы Петровны и обѣщавшей римскому двору содѣйствіе къ распространенію въ Россіи латинской вѣры, ежели только будетъ поддержано ея намѣреніе—взойти на всероссійскій престолъ. Въ это дѣло былъ тогда замѣшанъ папскій нунцій въ Варшавѣ, который сообщалъ польскому двору ея письма: отъ того они и нашлись въ упомянутомъ архивѣ. Я перевелъ ихъ на русскій языкъ и составилъ изъ нихъ записку (вошедшую гораздо послѣ въ составъ подробнѣйшей, приготовленной по другимъ оффиціальнымъ документамъ, графомъ Дмитріемъ Николаевичемъ Блудовымъ, для государя Николая Павловича).

При прощаніи Николай Михайловичъ далъ мнѣ адресъ одного бѣднаго отставнаго чиновника, Щелкунова, отъ котораго получилъ онъ просительное письмо; я отыскалъ его съ малолѣтными дѣтьми, близъ Вознесенія, въ домѣ Шелковникова. Трудно было угадать, все-ли правда, что онъ говорилъ о себѣ, но нельзя было сомнѣваться въ томъ, что доказывали на рукахъ его отмороженные пальцы; этому бѣдствію онъ подвергся въ страшную зиму 1812 года. Николай Михайловичъ поручилъ мнѣ передать ему 25 рублей.

27-го октября, Карамзинъ разсказывалъ о вечерѣ, проведенномъ имъ съ семействомъ у Александра Ивановича Тургенева, гдѣ между прочимъ Плещеевъ читалъ французскую комедію. Теперь же Николай Михайловичъ собирался ѣхать къ Шишкову.

14-го ноября, я возвратилъ Николаю Михайловичу книгу „Dziejow Zygmunta III“, и представилъ тетради моихъ переводовъ VII, VIII и IX главы съ примѣчаніями.

16-го ноября, онъ далъ мнѣ для перевода сочиненіе Нарушевича: „Historya Chodikewieza“. Онъ уже собирался было ѣхать, но еще остался на нѣсколько времени, поговорить со мною о переводахъ Сен-Тома и Жоффре. „Лучше бы сдѣлали, если бы не такъ спѣшили“. Изъ городскихъ же новостей говорено о раскаяніи семеновскихъ

Библиотека "Руниверс"

солдатъ, вовлеченныхъ въ ослушаніе новому ихъ командиру Шварцу, послѣ добраго Потемкина, котораго они любили и уважали. А Софьѣ Николаевнѣ особенно пріятно было разспрашивать меня о полоцкихъ іезуитахъ, о способѣ ихъ ученія, о проповѣдникахъ: патерѣ Журданѣ и другихъ, не далѣе какъ за пять лѣтъ весьма извѣстныхъ въ Петербургѣ.

Въ праздникъ Рождества, будучи у Карамзина утромъ, я увидѣлъ въ его кабинетѣ одного изъ моихъ сослуживцевъ, Веселкова; онъ имѣя четкій почеркъ, присланъ отъ Александра Ивановича Тургенева для переписыванія примѣчаній. Въ это время Александръ Ивановичъ былъ очень болѣнъ хиагрою и не менѣе того огорченъ сильными непріятностями съ министромъ юстиціи, княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ; очень долго никуда не выѣзжалъ, и Карамзинъ бралъ въ немъ горячее участіе.

Въ вечеру я слышалъ очень замѣчательныя сужденія Николая Михайловича о старинныхъ русскихъ пѣсняхъ. Онъ сказывалъ, что давно самъ намѣревался собрать лучшія и напечатать.

Мой начальникъ отдѣленія, Григорій Ивановичъ Карташевскій, предложилъ мнѣ, не пожелаю-ли быть преподавателемъ русскаго и латинскаго языковъ сыновьямъ графа Виктора Павловича Кочубея. Разумѣется, я прежде всего обратился за совѣтомъ къ Николаю Михайловичу. Онъ одобрилъ намѣреніе мое трудиться съ цѣлію помогать родителямъ, и съ большимъ чувствомъ сказалъ: „Дающій отцу своему, даетъ въ заемъ Богу: награда ему сыщется. Нѣтъ на свѣтѣ добраго человѣка, который не любилъ бы, и даже горячо, своихъ родителей“. Николай Михайловичъ обѣщалъ за меня замолвить слово Кочубею; разспрашивалъ еще о моемъ здоровьѣ, и замѣтивъ, что я очень мнителенъ, не одобрилъ этой слабости; совѣтовалъ не поддаваться воображенію, и спокойно ввѣрять себя Промыслу, пекущемуся о каждомъ.

1821 г.

Я былъ у графа Кочубея; но не прежде какъ въ мартѣ мѣсяцѣ удалось мнѣ настоящимъ образомъ переговорить съ нимъ. Онъ разспрашивалъ, какимъ образомъ я познакомился съ Карамзинымъ. Главнымъ съ его стороны условіемъ было, чтобы я лѣтомъ постоянно жилъ у него въ Царскомъ Селѣ. Этого я не могъ принять, не оставляя вовсе Тургенева.

20-го марта Карамзинъ говорилъ со мною о присланныхъ изъ Полоцка книгахъ. Послѣ удаленія іезуитовъ изъ Россіи, предписано было присылать въ департаментъ духовныхъ дѣлъ изъ оставшихся

Библиотека "Руниверс"

послѣ нихъ библіотекъ тѣ книги, которыя касаются отношеній ихъ ордена къ Россіи. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ касались эпохи самозванцевъ, и объ нихъ-то интересовался Николай Михайловичъ, оканчивая тогда царствованіе Ѳедора Іоанновича и приступая къ Борису Годунову. Но въ разговорѣ нашемъ упомянулъ онъ и о времени междуцарствія и въ особенности поручалъ мнѣ прилежно замѣчать, не найдется-ли въ Нарушевичѣ какого-нибудь слѣда тайныхъ якобы сношеній съ польскимъ королемъ Пожарскаго, на котораго завистники взводили эту клевету и охладили къ нему царя Михаила Ѳеодоровича. Я, однакожъ, ничего такого не нашелъ.

5-го апрѣля (1821 г.), видѣлъ я у Николая Михайловича Василія Тимоѳеевича Болотникова (которому, какъ я послѣ узналъ, Николай Михайловичъ оказалъ, въ 1819 году, благодѣяніе). Этотъ набожный русскій разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Останковъ на богомолье. Завязался любопытный разговоръ объ исповѣди, грѣхахъ и пересудахъ, о вѣрѣ русскаго народа къ святымъ мѣстамъ, о вѣрности его къ престолу. Между тѣмъ, зашла рѣчь о взяткобрательствѣ, какъ естественномъ слѣдствіи нужды приказныхъ людей въ губерніяхъ при ничтожномъ жалованьѣ. Николай Михайловичъ выражалъ соболѣзнованіе къ участи этихъ бѣдныхъ людей, которые, слѣдуя строгой честности и въ тоже время избѣгая всѣхъ лишнихъ издержекъ, должны уклоняться даже отъ брачнаго союза и лишать себя этого законнаго человѣческаго утѣшенія.

Изъ Венеціи Карамзинъ получилъ въ это время три первые тома исторіи своей, переведенной съ французскаго на итальянскій г. Москини. На нѣмецкій языкъ переводилъ ее директоръ Царскосельскаго лицейскаго пансіона Гауеншильдъ.

Николай Михайловичъ ушелъ на всенощную къ хозяйкѣ своей, Муравьевой. Тогда была Страстная недѣля.

Въ маѣ мѣсяцѣ, передъ отъѣздомъ въ Царское Село, онъ читалъ со мною корректуру послѣднихъ страницъ текста IX тома. На прощанье получилъ я III-й томъ Сигизмундовой исторіи—Нѣмцевича, въ которомъ до 200 страницъ о Россіи.

Лѣтомъ удалось мнѣ быть въ Царскомъ Селѣ 28-го іюля. Въ этотъ день Карамзинъ, съ супругою и старшею дочерью, обѣдали въ Павловскѣ. Возвратясь оттуда, Николай Михайловичъ еще на нѣкоторое время отлучался во' дворецъ; и уже очень поздно разсматривалъ мои переводы.

Библиотека "Руниверс"

1822 г.

Николай Михайловичъ занялъ меня выписками и извлеченіями изъ старинной итальянской книги: „Il Demetrio Historia Tragica", изданной въ Венеціи вскорѣ послѣ убіенія самозванца.

16-го февраля я доставилъ ему начало моихъ извлеченій и пробылъ у него довольно долго, слушая занимательные разговоры. Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ сообщалъ любопытныя свѣдѣнія о нашемъ, или лучше сказать, греческомъ писателѣ Гульяновѣ, правильнѣе Гульяносѣ, который препирается съ Шамполіономъ о египетскихъ іероглифахъ. Отсюда перешли къ разсужденію о всеобщей грамматикѣ и о происхожденіи языковъ. Графъ, между прочимъ, утверждалъ, что нашъ вспомогательный глаголъ есмь, участвуетъ не только въ страдательномъ залогѣ другихъ глаголовъ, но и въ дѣйствительномъ и въ среднемъ; напр.: двигаяй есмь, (гдѣ яй перемѣняется на ю, а есмь опускается—двигаю); двигаяй еси (двигаеши); двигаяй есть (двигаетъ); двигаяй есмы (двигаемъ) двигаяй есте (двигаете); двигаяй суть (двигаютъ)... Потомъ онъ разсказывалъ много о временахъ Людовиковъ XV и XVI-го; о своемъ пребываніи въ Парижѣ въ 1783 году; о Гриммѣ и Мирабо; о пребываніи въ Берлинѣ. Пріѣхалъ Плещеевъ: разговоръ перешелъ къ живымъ картинамъ при дворѣ.

21-го февраля я получилъ отъ Николая Михайловича присланную изъ московскаго архива книгу XVII столѣтія, о войнѣ шведовъ съ Россіею подъ начальствомъ Понтуса де-ла-Гардія, сочиненіе Видекинда. Карамзинъ просилъ меня дѣлать однѣ лишь выписки и извлеченія и отдавать ему вчернѣ. Онъ прибавилъ, что мои труды облегчаютъ его.

20-го февраля Николай Михайловичъ былъ посаженымъ отцемъ у Чиколини, моего прежняго сослуживца, жившаго въ томъ же домѣ, Е. Ѳ. Муравьевой, но тутъ переѣхавшаго на наемную квартиру. Онъ былъ въ дружбѣ съ Никитою Муравьевымъ; онъ раздѣлялъ его литературныя убѣжденія; отъ него я зналъ о критическомъ взглядѣ молодыхъ либераловъ на исторію Карамзина. Къ счастію, Чиколини не былъ жертвою ихъ политическихъ увлеченій, отъ которыхъ они пострадали.

Въ первыхъ числахъ мая, Карамзинъ уѣхалъ на лѣтнее жительство въ Царское Село.

8-го іюля, ранехонько утромъ, беру съ собою „Видекиндову Исторію", съ оконченнымъ переводомъ, и отправляюсь съ острововъ, гдѣ нанималъ дачу. У крѣпости, переѣзжая Неву на яликѣ, встревоженъ

Библиотека "Руниверс"

незнакомымъ сосѣдомъ, который оглядывался на воду и будто чего-то боялся. Невольно пришло на мысль, что везу съ собою 4-хъмѣсячный трудъ. Неужели не довезу до берега?

Изъ города весело покатилъ я въ Царское Село. Ищу квартиры Николая Михайловича. Она теперь уже въ Китайской деревнѣ.

Здѣсь Николай Михайловичъ сидѣлъ въ кругу семейства; но Екатерины Андреевны не видать было: она нездорова. Я вручилъ ему переводъ Видекинда и получилъ любопытныя статьи „О древнихъ хазарахъ и башкирахъ", переведенныя академикомъ Френомъ съ арабскаго языка на латинскій. Говорили мы немного, потому что было 12-ть часовъ вечера. Узнавъ, что я остаюсь въ Царскомъ Селѣ на слѣдующій воскресный день, Николай Михайловичъ пригласилъ меня на завтра къ обѣду.

9-го іюля утро посвящено было обозрѣнію Павловска и всѣхъ его достопримѣчательностей. Тутъ въ одномъ изъ домиковъ сада лежала книжка для вписыванія именъ посѣтителей съ тѣми ихъ мыслями, которыя желательно имъ было бы сдѣлать извѣстными августѣйшей хозяйкѣ; въ этой книжкѣ вписаны были и рукою Карамзина мысли и чувства его, внушенныя личными достоинствами императрицы.[1])

Я спѣшилъ къ нему къ тремъ часамъ. За обѣдомъ было немного постороннихъ. Послѣ, въ гостиной, я почти безъ умолку говорилъ съ Софьей Николаевной, сидѣвшей за пяльцами. Перебрали всѣ журналы и издателей ихъ, кончили греками и турками. Была тогда и для дѣтей придумана игра: Les Grecs et les Turcs. Когда гости уѣхали, вошелъ лакей доложить, что подали линейку. Я былъ приглашенъ къ прогулкѣ въ Баболово: Николай Михайловичъ, Екатерина Андреевна, Екатерина Николаевна и одна дама сѣли по одну сторону, по другую—Софья Николаевна, мадамъ, я и гувернеръ. Человѣкъ стоялъ позади, держа съ собой Андрюшу и Сашу. Въ полторы четверти часа мы уже были въ Баболовѣ, гдѣ видѣлъ я прекрасный домикъ съ купальнею государя. Карамзину нравится это мѣсто по его сельскому виду. Мы напились чистой воды, струящейся изъ горы. Проходили чухонскія дѣвушки и показывали свое искусство въ пѣньѣ и пляскѣ. Николай Михайловичъ хотѣлъ узнать содержаніе одной пѣсни, но бѣдныя пѣвицы едва съумѣли изъяснить на ломаномъ русскомъ языкѣ, что она начинается такъ: „Пѣсню пою: мать не даетъ мнѣ масла, а братъ солонины". Мы разсмѣялись и не настаивали на продолженіе поэмы.

---

[1]) См. «Неизданныя сочиненія и письма Н. М. Карамзина». С.-Петербургъ, 1863 г. К. С.

Библиотека "Руниверс"

Пришла осень. 31-го октября, проходя по набережной Фонтанки, я увидѣлъ свѣтъ въ квартирѣ Николая Михайловича и узналъ, что онъ въ городѣ. На другой же день былъ я у него вечеромъ, видѣлъ тамъ Дмитрія Николаевича Блудова и Александра Ивановича Тургенева и слушалъ ихъ бесѣду объ исторіи. Карамзинъ оканчиваетъ царствованіе Годунова. Теперь онъ приступаетъ и къ моимъ переводамъ изъ Нѣмцевича.

3-го ноября я кончилъ и доставилъ ему переводъ письма о Лжедимитріи, а для новыхъ извлеченій получилъ книги, присланныя изъ библіотекъ іезуитскихъ.

26-го ноября занимался въ департаментѣ выписками изъ исторіи „Литовской провинціи іезуитскаго ордена".

Послѣ обѣда, въ тотъ же день, засталъ я Карамзина одного. Отдаю ему сдѣланную выписку о второмъ Лжедимитріи и сынѣ его. Мы говорили объ Азентини — италіянскомъ путешественникѣ: онъ былъ отпущенъ изъ Москвы Борисомъ Годуновомъ въ Астрахань, но вмѣсто того свернулъ, чрезъ Кіевъ, прямо въ лагерь къ Самозванцу. Это путешествіе напечатано въ Венеціи, въ 1617 г., и потомъ вошло въ сочиненіе Буррье. Далѣе рѣчь шла о критикѣ Арцыбашева на „Исторію Государства Россійскаго" и о польской исторіи—Бѣльскаго.

Николай Михайловичъ далъ мнѣ прочесть собственноручное письмо государя (Александра I) къ Екатеринѣ Андреевнѣ. Въ другомъ письмѣ, къ Николаю Михайловичу, государь пишетъ, что откладываетъ до своего пріѣзда въ Петербургъ переговорить съ нимъ о своихъ замѣчаніяхъ на нѣкоторыя мѣста присланныхъ къ нему тетрадей исторіи.

Занимаюсь переводомъ любопытныхъ извѣстій іезуитовъ, бывшихъ въ Москвѣ при убіеніи Самозванца, изъ книги, найденной въ Оршинскомъ поіезуитскомъ монастырѣ.

1-го декабря былъ у Николая Михайловича, ибо это день его рожденія, и оставилъ у него записку о книгѣ: „Mémoires d'Azentini".

2-го декабря занялся выписками изъ исторіи смоленской іезуитской коллегіи.

6-го декабря. День Св. Николая и день Ангела Николая Михайловича. Послѣ обѣда я принесъ ему мой переводъ объ осадѣ Смоленска и изъ исторіи тамошней іезуитской коллегіи.

Журналъ Булгарина „Сѣверный Архивъ" наполняется теперь рецензіею виленскаго профессора Лелевеля (этого польскаго ученаго помню: когда я жилъ съ родителями въ Вильнѣ, Лелевель слушалъ лекціи въ тамошнемъ университетѣ, въ одно время съ моими старшими братьями). Не принадлежа къ числу русскихъ писателей, онъ не могъ принадлежать ни къ одной изъ партій ихъ, и мы вправѣ

Библиотека "Руниверс"

были требовать отъ него сужденій безпристрастныхъ. Но онъ смотритъ съ другой точки зрѣнія, имѣетъ совершенно другой образъ мыслей до такой степени, что сомнѣвается даже назвать Карамзина историкомъ. Гораздо скромнѣе и осторожнѣе объясняется объ этомъ предметѣ ученый Германъ въ „Геттингенскихъ Ученихъ Вѣдомостяхъ". Предоставляя потомству судить о великомъ трудѣ, онъ прибавляетъ: „кажется, что Карамзинъ можетъ спокойно ожидать этого суда". Впрочемъ, досадѣ вышли въ Россіи критики большею частію исполненныя личностей, колкостей и придирокъ, недостойныхъ благонамѣреннаго пера.

1823 г.

Въ воскресенье, 14-го января, мнѣ удалось быть въ публичномъ собраніи Россійской Академіи. Съѣхались всѣ члены академіи и нѣкоторые важнѣйшіе посѣтители первые заняли свои мѣста за большимъ круглымъ столомъ: посреди — президентъ академіи, Шишковъ, по правую его руку—Карамзинъ, за тѣмъ—митрополитъ Сестренцевичъ, и такъ далѣе; а по лѣвую—секретарь академіи, Соколовъ, далѣе—Гнѣдичъ, Крыловъ, Жуковскій и прочіе. Противъ нихъ, съ другой стороны стола, сидѣли почетные члены: Кочубей, Аракчеевъ, Мордвиновъ, Голицынъ, Лобановъ-Ростовскій, Милорадовичъ, Сперанскій, Оленинъ и другіе. Секретарь Соколовъ открылъ засѣданіе чтеніемъ отчета. Затѣмъ, какъ только Карамзинъ взялъ въ руки свою тетрадь, воцарилось глубокое молчаніе и во все продолженіе чтенія не слышалось ни малѣйшаго шороха; слухъ каждаго, кажется, старался не проронить ни одного слова. Онъ читалъ изъ исторіи отрывокъ объ убіеніи царевича Димитрія и о вступленіи Годунова на царство, гдѣ изображенъ характеръ властолюбца и средства, употребленныя имъ для достиженія цѣли. Потомъ были читаны: Жуковскаго — переводъ изъ Виргиліевой Энеиды, Гнѣдича — переводъ изъ Иліады и Воейкова — „Искусства и науки". Соколовъ прочелъ изъ своего перевода исторіи Тита Ливія отрывокъ о взятіи Рима галлами. Читая описаніе перваго неудачнаго покушенія ихъ на Римъ, о которомъ римляне узнали по крику разбуженныхъ гусей, онъ слегка взглянулъ на Крылова и сорвалъ съ устъ его легкую улыбку, которая пробѣжала и по всему собранію. Князь Шаховской заключилъ чтеніе отрывкомъ изъ Аристофана. Наконецъ, при всеобщемъ рукоплесканіи, поднесена золотая медаль нашему знаменитому баснописцу Крылову.

14-го февраля представляю Николаю Михайловичу мой переводъ изъ польскаго историка Бѣльскаго.

Въ этотъ вечеръ были у него: графъ Сергѣй Петровичъ Румян-

Библиотека "Руниверс"

цовъ, Шевалье де-Мальвирадъ и Пушкинъ—отецъ поэта. Предметомъ разговора была французская литература и въ особенности творенія Шатобріана.

25-го февраля я получилъ отъ Николая Михайловича исторію Бѣльскаго для новыхъ выписокъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ Николай Михайловичъ переѣхалъ на лѣто въ Царское Село, а я началъ собираться въ домовый отпускъ. Ѣдучи мимо Царскаго Села, я зашелъ къ Карамзинымъ проститься. Всѣ желаютъ мнѣ счастливаго пути и пріятнаго свиданія съ родными. Особенно Екатерина Андреевна. Съ тѣхъ поръ, какъ Николай Михайловичъ полюбилъ меня, она постоянно раздѣляла съ нимъ чувство особеннаго доброжелательнаго участія во мнѣ. Я удивлялся тѣмъ, которые говорили про ея холодность: они такъ заключали по ея наружному виду, прекрасному, благородному, но всегда сдержанному, который поэтому и могъ казаться холоднымъ, и очень ошибались. Подъ мнимою холодностью скрывалось сердце нѣжное, глубоко сострадательное, исполненное примѣрнаго постоянства въ привязанностяхъ къ роднымъ и добрымъ знакомымъ,—словомъ, сердце истинно достойное ея супруга.

Въ Полоцкѣ нашелъ я большія перемѣны. Бывшее прежде іезуитское зданіе, находилось уже во владѣніи другаго латинскаго ордена—Піаровъ (Scholarum piarum, т. е. благочестивыхъ школъ). На публичномъ актѣ ихъ, я въ первый разъ съ удовольствіемъ узналъ, что профессоръ русской исторіи, вмѣсто польскихъ источниковъ, принимаетъ за ея основаніе Несторову лѣтопись, хотя такая уступка исторической истинѣ не ослабляла у него польскаго взгляда на послѣдующія времена. Но вотъ другое, болѣе утѣшительное: древняя Спасская церковь преподобной Евфросиніи, княжны Полоцкой, уже теперь не считалась латинскою, при бывшемъ загородномъ іезуитскомъ домѣ: она принята въ православное епархіальное вѣдомство, только еще не имѣла ни особаго причта, ни постояннаго богослуженія, въ ожиданіи лучшихъ временъ, а драгоцѣнный крестъ преподобной Евфросиніи все по прежнему хранился въ Софійской ризницѣ полоцкихъ уніатскихъ архіепископовъ.

Среди моего безмятежнаго спокойствія, вдругъ грянуло изъ Петербурга извѣстіе о тяжкой болѣзни моего благодѣтеля. „Извѣстно-ли вамъ“ (писалъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей), „въ какомъ мы находились страхѣ. Николай Михайловичъ былъ отчаянно болѣнъ, и мы за него трепетали. Теперь, слава Богу! ему легче. Нельзя быть не проникнутымъ до глубины сердца тѣмъ попеченіемъ, какое прилагала высочайшая фамилія о сохраненіи столь драгоцѣнной оте-

Библиотека "Руниверс"

честву жизни. Я слышалъ, что государь нѣсколько разъ былъ у него и сидѣлъ по часу, несмотря на опасность болѣзни (нервной горячки), а лейбъ-медикъ Вилліе и жилъ въ Царскомъ Селѣ, почти не выходя отъ Николая Михайловича".

Новыя извѣстія были успокоительнѣе.

Въ концѣ августа я возвратился въ Петербургъ. Явясь къ Александру Ивановичу Тургеневу, я узналъ, что Николай Михайловичъ нашелъ въ городѣ другую квартиру: на Моховой, въ домѣ купца Мижуева, и что онъ просилъ Тургенева поручить, кому знаетъ лучше, досмотрѣть за перемѣщеніемъ его библіотеки. И такъ я пріѣхалъ очень кстати; и тотчасъ предложилъ мои услуги. Заняться этою библіотекою было для меня истиннымъ наслажденіемъ. Къ 19-му октября, я окончилъ составленіе реэстра всѣмъ книгамъ: оказалось ихъ болѣе 400 названій. Чтобы ускорить дѣломъ, я не приводилъ книгъ въ систематическій порядокъ, но записалъ въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ стояли на каждой полкѣ и послѣ разставилъ на новой квартирѣ, въ томъ же порядкѣ, на тѣхъ же полкахъ. Какъ пріятно было мнѣ потомъ прочесть, въ запискѣ Николая Михайловича къ Тургеневу: „Прилагаю письмецо къ Сербиновичу. Не знаю, какъ благодарить его за все, что онъ для меня дѣлалъ и дѣлаетъ".

Письмецо ко мнѣ, о которомъ здѣсь упоминается, было первое, которое я получилъ отъ него:

„Сердечно благодарю васъ, любезный нашъ пріятель, за перенесеніе моихъ книгъ. Мнѣ даже совѣстно, что вы взяли на себя такой трудъ; по крайней мѣрѣ, умѣю чувствовать (всю) цѣну вашего одолженія. Мы желаемъ еще пожить здѣсь недѣли двѣ-три. Впрочемъ, какъ Богъ дастъ. Будьте между тѣмъ здоровы и любите любящаго васъ. Н. Карамзинъ.

Царское Село. 4-го октября 1823 г.

Провинціалъ Піарскій прислалъ Тургеневу рукопись Вишневецкихъ, о которой я провѣдалъ въ Полоцкѣ. Теперь (въ ноябрѣ 1823 г.) ее разсматриваю.

6-го декабря имянины Николая Михайловича. Въ этотъ день происходилъ въ зимнемъ дворцѣ обрядъ обрученія великаго князя Михаила Павловича съ принцессою Виртембергскою, Фридерикою-Шарлотою, нынѣ великою княгинею Еленою Павловною.

Рано утромъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ послалъ искать меня и одного изъ моихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобъ мы явились въ канцелярію государственнаго совѣта, къ князю Александру Николаевичу Голицыну, гдѣ и онъ также ожидалъ насъ. Намъ велѣно

Библиотека "Руниверс"

наблюсти за перепискою составленнаго манифеста и приготовленіемъ исполнительныхъ бумагъ по духовному вѣдомству. Кончивъ работу, мы оба поѣхали поздравить Николая Михайловича съ днемъ ангела. Я остался тамъ и обѣдать, и опять оторванъ былъ отъ его бесѣды, чтобы заниматься въ департаментѣ.

Вечеромъ опять былъ у Карамзиныхъ; удовольствіе мое видѣть тамъ большое собраніе гостей и танцы прервано было конвертомъ отъ князя Голицына къ Тургеневу, который со мною удалился въ кабинетъ Николая Михайловича для дальнѣйшихъ распоряженій, и это совершенно лишило меня возможности оставаться долѣе на вечерѣ.

1824 г.

Начало новаго года было для меня и временемъ окончанія переводовъ изъ исторіи Бѣльскаго. Затѣмъ я приступилъ къ переводу „Дневника Машкевича“, поляка, находившагося въ Москвѣ во времена Самозванцевъ. Этотъ любопытный дневникъ былъ присланъ изъ витебскаго поіезуитскаго монастыря.

Николай Михайловичъ чувствовалъ себя нездоровымъ. 2-го февраля я принесъ ему начало моего перевода изъ Машкевича. Къ концу обѣда пріѣхалъ къ нему князь Оболенскій и прислано было отъ государя спросить о здоровьѣ.

Обѣдалъ 16-го февраля у Карамзина. Послѣ Николай Михайловичъ читалъ со мною корректуру послѣднихъ листовъ XI тома. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ моего произношенія; сказалъ нѣчто объ употребленіи двоеточія и семиколона, и о томъ, почему онъ пишетъ лечить, а не лѣчить, какъ всѣ другіе. Это потому, что смыслъ слова есть легчить, т. е., облегчать отъ болѣзни. Онъ говорилъ, что видѣлъ это правописаніе въ старинныхъ памятникахъ нашей письменности. Впрочемъ, относительно употребленія буквы *ъ* онъ придерживается церковныхъ книгъ, въ которыхъ сохранилось древнее правописаніе, утвердившееся вѣками не безъ истинныхъ причинъ словопроисхожденія.

Я видѣлъ напечатанную Жуковскимъ маленькую брошюрку, въ трехъ страницахъ, сказочку 8-ми-лѣтняго Александра Николаевича Карамзина, съ самымъ точнымъ соблюденіемъ его тогдашняго правописанія: всѣгда нокозаніе зо упрямство. Въ предисловіи Василій Андреевичъ остроумно придалъ сказочкѣ шуточную важность.[1])

8-го марта Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ X и

[1]) Эту брошюру можно найти теперь только въ Императорской Публичной Библіотекѣ. К. С.

Библиотека "Руниверс"

XI томовъ, только-что вышедшихъ въ свѣтъ, и я въ тотъ же вечеръ насладился у себя чтеніемъ первыхъ главъ царствованія Ѳедора Іоанновича.

15-й день марта достопамятенъ для меня тѣмъ, что я у Карамзиныхъ познакомился съ Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и это знакомство дало мнѣ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ его жизни, наслажденіе пользоваться его постоянною, искреннею пріязнію.

Въ Вербное воскресенье, 30-го марта, я сказалъ Николаю Михайловичу о видѣнной мною „Литовской Лѣтописи“, писанной на западно-русскомъ нарѣчіи и напечатанной польскими литерами въ „Виленскомъ Дневникѣ“ (Dziennik Wileński). Въ этотъ вечеръ Николай Михайловичъ сообщилъ мнѣ многое, касающееся грамматическихъ правилъ. Пріѣхавшіе графъ Сергѣй Румянцевъ, Плещеевъ, Тургеневъ, обратили его разговоръ къ другимъ предметамъ.

4-го апрѣля я доставилъ ему книжку „Виленскаго Дневника“, гдѣ помѣщенъ Литовскій Лѣтописецъ.

Въ праздникъ Пасхи Николай Михайловичъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Хотя это не могло возвысить его въ общественномъ мнѣніи, но всѣ его почитатели порадовались вниманію государя къ нему — предмету ихъ сердечнаго уваженія.

14-го мая, оставляя на лѣто Петербургъ, Николай Михайловичъ просилъ меня, хотя и отдаленнаго мѣстомъ жительства отъ его квартиры, но по мѣсту служенія бывающаго неподалеку, имѣть нѣкоторое наблюденіе за нею и за продажею X и XI томовъ на этой квартирѣ, къ чему приставленъ былъ выбранный мною грамотный рядовой, изъ сторожей департамента духовныхъ дѣлъ.

Сладостно имѣть великаго мужа предметомъ своего глубокаго уваженія и любви. Мнѣ дорого было каждое слово Карамзина, самый взглядъ его. Меня въ высшей степени занимали его правила, склонности, привычки, самая обстановка. Пріятно было сознавать, что я именно, по его желанію, смотрю за его достояніемъ и особенно за библіотекою, которая столько лѣтъ служила и продолжаетъ служить ему пособіемъ въ его знаменитыхъ трудахъ. Когда онъ уѣхалъ въ Царское Село, я имѣлъ обязанность осмотрѣть его кабинетъ, запереть всѣ шкафы съ книгами; но я пересмотрѣлъ и то, что онъ бросилъ, какъ ненужное. Полъ усѣянъ былъ черновыми листами его послѣднихъ тетрадей. Изъ нихъ нѣсколько я сохранилъ для себя на память и берегу какъ рѣдкость, и нѣсколько также брошенныхъ листовъ корректурныхъ.[1])

[1]) Эти черновые листы пригодились для его біографіи, изданной М. П. Погодинымъ, ко дню юбилея Карамзина, въ 1866 году. К. С.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ наступила великая перемѣна въ моей службѣ и судьбѣ. Уже и передъ отъѣздомъ Карамзиныхъ въ Царское Село былъ слухъ, что князь Александръ Николаевичъ Голицынъ недолго останется министромъ. Многимъ приходило на мысль, зачѣмъ Тургеневъ, извѣстный своимъ ученымъ и литературнымъ образованіемъ, не былъ сдѣланъ директоромъ департамента просвѣщенія, тогда какъ это мѣсто занималъ Поповъ, набожный мистикъ. Но Поповъ по этой же причинѣ не могъ бы удовлетворить и обязанностямъ директора департамента духовныхъ дѣлъ. Странно же было бы ему мечтать преобразовать нашу церковь, отрасль древней Вселенской, по идеямъ англійскихъ квакеровъ и методистовъ, нѣмецкихъ юнговъ-штилинговъ, шведскихъ сведенборговъ и вообще всякихъ сектаторовъ, лишь бы только не православныхъ учителей. Впрочемъ, хотя ему и не былъ порученъ департаментъ духовный, тѣмъ не менѣе онъ неизмѣнно помогалъ министру, и едва-ли не болѣе самъ увлекалъ его, въ мистическомъ направленіи. Въ его рукахъ была цензура книгъ; онъ поощрялъ изданіе мистическихъ, которыя министръ распространялъ и въ духовенствѣ, даже по монастырямъ. Такое направленіе дѣлъ, противное духу всякой церковной власти, не могло быть пріятно и латинскому духовенству, особенно когда оно, къ изумленію своему, увидѣло нарочно выписанныхъ изъ Баваріи нѣмецкихъ проповѣдниковъ, сперва Линдля, потомъ Госнера, распространявшихъ идеи о вѣрѣ, независимо отъ іерархіи. Довольными могли быть только протестанты, и то не всѣ, впрочемъ болѣе другихъ тѣ, которые принадлежали къ обществамъ библейскимъ и думали, чрезъ нихъ, склонять умы къ протестантизму. Съ другой стороны, кажется, нечего и говорить о бывшемъ тогда направленіи народнаго просвѣщенія, насильно подчиненнаго духу библейскихъ обществъ, съ намѣреніемъ подчинить и все преподаваніе наукъ тому же взгляду, какой угодно было имѣть Магницкому и его товарищамъ.

Какъ ни прекрасно было желаніе правительства, выраженное при соединеніи дѣлъ просвѣщенія съ дѣлами духовными въ одномъ министерствѣ, чтобъ христіанское благочестіе было основаніемъ истинному просвѣщенію, но это желаніе не могло быть достигнуто мистицизмомъ.

Дальнѣйшія, въ томъ же смыслѣ, дѣйствія угрожали вредомъ и церкви, и наукѣ, стѣсняя свободу и той и другой.

Разложеніе министерства было неминуемо. Судьба его рѣшилась, вслѣдствіе смѣлаго представленія старѣйшаго изъ нашихъ іерарховъ, Серафима, объ опасности, угрожавшей церкви и народу русскому отъ противоправославнаго направленія дѣлъ. Церковь освободилась

Библиотека "Руниверс"

отъ навязываемыхъ ей книгъ, ученій, внушеній. При ней, по прежнему, остался одинъ оберъ-прокуроръ.

Для этого департаментъ духовныхъ дѣлъ раздѣлился. Отдѣленіе православное (по тогдашнему грекороссійское) отошло къ оберъ-прокурору. Три остальныя отдѣленія образовали изъ себя департаментъ иностранныхъ исповѣданій. Съ распаденіемъ духовнаго департамента, невозможно было оставаться на службѣ и Александру Ивановичу, неповинному въ мистическихъ дѣлахъ Попова.

Адмиралъ Шишковъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій; департаменты же поручены старшимъ начальникамъ отдѣленій: департаментъ народнаго просвѣщенія—Балеману (послѣ него Языкову), а департаментъ иностранныхъ исповѣданій — Карташевскому. Я остался въ семъ послѣднемъ.

При этомъ переворотѣ, Николай Михайловичъ не забылъ меня и 20-го мая писалъ ко мнѣ:

„Я сердечно тронутъ перемѣною въ вашемъ министерствѣ по искреннѣйшей любви моей къ рѣдко-доброму Александру Ивановичу. Но совѣтую вамъ остаться при своемъ мѣстѣ: вы служите государству и государю, къ которому я душевно привязанъ. Объ этомъ поговоримъ при свиданіи.

„Дружески постарайтесь, чтобы нашъ домъ не остался безъ человѣка и книги безъ продавца.... Даю вамъ полную волю.

„Будьте здоровы и спокойны. Любящій васъ Н. Карамзинъ“.

Въ тотъ же день былъ я въ Царскомъ Селѣ къ 9-ти часамъ вечера. Николай Михайловичъ только-что возвратился съ прогулки. Онъ утѣшалъ меня въ перемѣнѣ обстоятельствъ служебныхъ, въ потерѣ добраго начальника, ободрялъ, прибавилъ даже, что онъ говорилъ государю не только о Тургеневѣ, но и обо мнѣ, какъ о лицѣ, котораго онъ коротко знаетъ и въ которомъ принимаетъ живѣйшее участіе. Объ Александрѣ Ивановичѣ онъ говорилъ мнѣ съ душевнымъ волненіемъ: „Я давно знаю его чистую, открытую душу, чуждую интригъ и лести, его рѣдкое стремленіе къ добру. Такихъ людей у насъ мало. Онъ лишается мѣста, а могъ бы украшать собою отечество. Для насъ же, для нашего дома онъ незамѣнимъ“. Собственно ко мнѣ онъ промолвилъ: „пока я живъ, нечего вамъ о себѣ безпокоиться“. Мы перешли въ гостиную, гдѣ сидѣло все семейство, тутъ былъ и А. И. Тургеневъ; говорили о томъ, на чемъ остановиться въ Исторіи: „Дай Богъ мнѣ“, сказалъ Николай Михайловичъ, „дойти до Романовыхъ; а о Петрѣ Великомъ и не думаю: для опи-

Библиотека "Руниверс"

санія одного царствованія его, въ небольшомъ размѣрѣ, понадобилось бы, по крайней мѣрѣ, пять лѣтъ, а я уже старъ".

Возвращаюсь (изъ Царскаго въ Петербургъ) съ А. И. Тургеневымъ, который много бесѣдовалъ со мною объ обстоятельствахъ времени.

Между тѣмъ, мой новый директоръ, Карташевскій, котораго добрымъ расположеніемъ и прежде я могъ всегда хвалиться, поручилъ мнѣ бывать каждое утро у новаго министра и принимать отъ него всѣ получаемыя имъ бумаги. И такъ, я немедля явился къ Александру Семеновичу (Шишкову), жившему на Фурштадтской улицѣ, въ собственномъ своемъ небольшомъ двухъ-этажномъ домѣ, противъ Аннинской лютеранской церкви. Я думалъ увидѣть вельможу съ важнымъ видомъ, въ роскошной обстановкѣ, и увидѣлъ, въ скромномъ сюртукѣ морскаго вѣдомства, старца добродушнаго, убѣленнаго сѣдиною, съ лицомъ, еще не потерявшимъ румянца и съ кроткимъ взглядомъ. Онъ стоялъ подлѣ открытаго окна и кормилъ слетавшихся къ нему голубей, подозвалъ меня къ себѣ, чтобы я посмотрѣлъ, какъ они спѣшатъ наперерывъ пользоваться тѣмъ, что бросала имъ щедрая рука. Это было его обыкновенное утреннее развлеченіе на нѣсколько минутъ.

Съ тѣхъ поръ являлся я къ министру каждое утро, а 26-го мая, ввечеру, нашелъ у себя письмо отъ Николая Михайловича:

„Любезный Константинъ Степановичъ. Вотъ письмо къ вашему новому министру о васъ (и о вашемъ товарищѣ). Желаю, чтобы вы его сами отдали.

„Я писалъ къ князю Александру Николаевичу Голицыну и прошу Александра Ивановича, равно какъ и васъ, доставить ему сундукъ съ извѣстными вамъ бумагами.

„Будьте здоровы. Вашъ покорнѣйшій Н. Карамзинъ".

Письмо же къ Александру Семеновичу, о которомъ здѣсь упоминается, было слѣдующее:

„Милостивый государь Александръ Семеновичъ. Примите мое усерднѣйшее поздравленіе. Вы всегда любили истинное просвѣщеніе и старались распространять его вашими полезными трудами. Достойное — достойному.

„Увѣренный въ вашемъ добромъ ко мнѣ расположеніи, прошу ваше высокопревосходительство о милостивомъ вниманіи къ двумъ чиновникамъ, которые теперь имѣютъ честь служить подъ вашимъ начальствомъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ: NN..... и Константину Степановичу Сербиновичу. Первый можетъ быть извѣстенъ вамъ своими стихотвореніями и драматическими сочиненіями; второй — также хорошо и правильно пишетъ, знаетъ древніе и новые языки. Оба (что еще важнѣе) отличаются благонравіемъ и поведеніемъ безпо-

Библиотека "Руниверс"

рочнымъ. Я коротко знаю ихъ и люблю искренно. Они достойны вашего покровительства.

„Сердечно желая вамъ добраго здоровья, съ душевнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ".

Царское Село. 25-го мая 1824 г.

Въ слѣдующій день, 27-го мая, я подалъ это письмо министру, а племянникъ его поспѣшилъ представить меня супругѣ Александра Семеновича, Дарьѣ Алексѣевнѣ, дамѣ преклонныхъ лѣтъ, доброй сердцемъ, степенной нравомъ, искушенной горестями и болѣзненными страданіями. Отъ нея я узналъ, какъ Николай Михайловичъ, въ первый день своего знакомства съ Александромъ Семеновичемъ, удивилъ его своею скромностію и благородствомъ открытаго обращенія, такъ что съ того же дня исчезли въ ея супругѣ всѣ сомнѣнія на счетъ истинныхъ чувствъ Карамзина къ писателямъ, хотя и не согласнымъ съ его убѣжденіемъ, но трудящимся добросовѣстно для общей пользы.

Скоро и Александръ Семеновичъ, и Дарья Алексѣевна очень полюбили меня.

Въ тоже время я имѣлъ отъ Карамзина порученіе — возвратить бывшему моему министру, князю А. Н. Голицыну, управлявшему и кабинетомъ, взятый изъ кабинетскаго архива сундукъ съ дѣломъ объ Артеміи Волынскомъ. Оно, съ высочайшаго соизволенія, находилось у Николая Михайловича, желавшаго имѣть вѣрное понятіе о настоящихъ причинахъ паденія этого несчастнаго сановника Анны Іоанновны.[1]) Князь, принимая меня, прежде всего извинился, что не вдругъ узналъ меня, и когда я почелъ долгомъ благодарить его за вниманіе, оказанное къ службѣ моей въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, и изъяснить сожалѣніе мое, что долженъ разстаться съ добрымъ начальствомъ моимъ,—„да", отвѣчалъ онъ, „что дѣлать. Это маленькое испытаніе, посланное отъ Бога, которое должно перенести. Я доволенъ былъ всѣми вами. Въ департаментѣ было между всѣми единодушіе. Впрочемъ, вы, съ хорошимъ поведеніемъ, съ усердіемъ, съ талантомъ, вездѣ найдете себѣ счастіе. Покорнѣйше благодарю васъ".

Князь Александръ Николаевичъ былъ необыкновенно любезенъ въ ласкахъ своихъ.

---

[1]) Въ послѣдствіи, уже въ 1835 году, составлено мною, по порученію графа Д. Н. Блудова, подробная записка объ Артеміи Волынскомъ, для чего вытребовано имъ было не только это дѣло изъ кабинетскаго архива, но и все то, что оказалось въ архивѣ сенатскомъ, а особенно важныя бумаги въ кабинетѣ императора Павла I. К. С.

Библиотека "Руниверс"

7-го іюня министръ мой (Шишковъ) ѣздилъ въ Павловскъ, къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и по пути заѣзжалъ въ Царское Село къ Карамзину.

Николай Михайловичъ писалъ ко мнѣ въ слѣдующій день: „Александръ Семеновичъ вчера былъ у меня, и вами очень доволенъ. Мысленно васъ обнимаю".

Скоро потомъ и мнѣ случилось быть въ Царскомъ Селѣ: я гулялъ тамъ въ саду съ дѣтьми Николая Михайловича и слушалъ зорю съ прекраснымъ ея гимномъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", о которомъ Николай Михайловичъ говорилъ мнѣ, что онъ сочиненъ московскими масонами, но музыка его, по трогательному голосу, введена въ употребленіе при вечерней зарѣ. За чаемъ Николай Михайловичъ говорилъ о московскихъ окрестностяхъ.

Въ письмѣ, отъ 6-го іюня, онъ, давая мнѣ не важныя порученія, извѣстилъ, что вчера Софья Николаевна испугала всѣхъ своимъ нездоровьемъ, и что только сегодня онъ за нее спокойнѣе. Работая умомъ, онъ жилъ сердцемъ, и съ тѣми, кого любилъ, дѣлился чувствами своими, вѣря ихъ сердечному сочувствію.

Послѣ я былъ въ Царскомъ Селѣ уже 28-го іюня.

На другой день, въ праздникъ св. Петра и Павла, послѣ чаю, собралась къ обѣдни, въ дворцовую церковь, Екатерина Андреевна, съ обѣими дочерьми, пригласивъ и меня съ собою. Въ церкви была императрица. Оттуда домой. Послѣ обѣда, гдѣ пили за здоровье имянинника князя Петра Андреевича Вяземскаго, Николай Михайловичъ, нѣсколько отдохнувъ, пошелъ гулять со мною, указывая достопамятности сада: памятникъ Орлову-Чесменскому, мостъ изъ греческаго мрамора, египетскую пирамиду, съ сочиненными графомъ Сегюромъ надгробіями любимымъ собачкамъ Екатерины, башню въ развалинахъ какъ знакъ не далекаго разрушенія Оттоманской имперіи. Когда мы оттуда проходили по берегу пруда, приближаясь къ адмиралтейству, встрѣтили императрицу Елисавету Алексѣевну; она остановила его и заняла своимъ разговоромъ.

31-го іюля ѣздилъ я въ Царское Село съ А. И. Тургеневымъ. За обѣдомъ были онъ и Екатерина Ѳедоровна Муравьева.

Николай Михайловичъ получилъ письмо отъ Сен-При объ изданіи „Mémoires de M-me Genlis", въ настоящемъ положеніи которой принималъ участіе. Гуляю въ паркѣ съ Софьей Николаевной, Екатериною Николаевной и Тургеневымъ. Возвратясь, нашли Жуковскаго, послѣ того были еще Николай Николаевичъ Новосильцевъ и его правитель канцеляріи Байковъ, также Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ и г-жа Безобразова.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ продолжаю получать отъ Николая Михайловича разныя порученія въ письмахъ, которыхъ у меня накопилось не мало. [1])

6-го сентября онъ писалъ эти, драгоцѣнныя для меня, строки: „Любимъ васъ сердечно и благодарны вамъ за всѣ дружескія услуги"; и далѣе: „въ нынѣшнее утро простились мы съ Александромъ Ивановичемъ (Тургеневымъ), поѣхалъ въ Москву. Будьте здоровы. Всѣ мои вамъ кланяются. Мы рады, что вы помѣстились въ домѣ у министра.[2]) Преданный вамъ Н. Карамзинъ".

„Изъ писемъ къ Яну П. Сапѣгѣ не можете-ли перевести для меня письмо Димитрія, 3-го сентября 1608 г., о томъ, чтобы Сапѣга, оставивъ нѣсколько войска при царицѣ, спѣшилъ къ нему? Что Машкѣвичъ?".

Въ письмѣ же отъ 11-го сентября: „Очень благодарю васъ за письмо къ Сапѣгѣ. Нѣтъ-ли чего любопытнаго въ письмѣ отъ 12-го мая 1609 и въ другомъ—отъ іюля 1609 г.? Я желалъ бы имѣть ихъ. Не можете-ли доставить мнѣ все переведенное вами изъ Машкѣвича? Тутъ уже должно быть много о второмъ Лжедимитріи. Будьте здоровы и любите всегда вашего покорнѣйшаго Н. Карамзина".

4-го октября я собрался въ Царское Село. Думалъ теперь дать Николаю Михайловичу отчетъ въ моихъ трудахъ и везъ ему деньги, собранныя у книгопродавцевъ за Исторію. Но, къ великой досадѣ, я не засталъ его. Онъ въ Гатчинѣ у императрицы и пробудетъ тамъ до поздна. Вручивъ Екатеринѣ Николаевнѣ деньги и вексель, оставляю Николаю Михайловичу подробную записку на цѣломъ листѣ.

На другой день я получилъ въ отвѣтъ: „Какъ мнѣ жаль, что вы были у насъ, а мы васъ не видали. За все, полученное мною, изъявляю вамъ искреннѣйшую благодарность".

24-го октября 1824 г., давая мнѣ нѣкоторыя порученія, заключилъ:

---

[1]) Порученія эти, какъ видно изъ подлинныхъ писемъ Карамзина, были самыя разнообразныя: отправка подписчикамъ книгъ: «Исторія Государства Россійскаго»; получка съ почты и отъ магазиновъ денегъ; нѣкоторыя покупки для семейства Карамзина; наемъ слугъ (за 30 р. въ мѣсяцъ); уплата по счетамъ въ магазины, закупка чая и прочихъ запасовъ. «Исторію» Карамзина К. С. Сербиновичъ отдавалъ на коммиссію въ книжные магазины: Свѣшникова, Сленина, Заикина, по 50 или по 100 экз., подъ роспись, съ обязательствомъ уплатить за нихъ чрезъ 3, 4 или 6 мѣсяцевъ. На чистыя деньги «Исторія» продавалась со скидкою 4-хъ процентовъ съ рубля. Ред.

[2]) Въ августѣ мѣсяцѣ Ал. Сем. Шишковъ переѣхалъ изъ собственнаго дома въ казенную квартиру, на улицѣ Почтамтской, гдѣ и мнѣ приказалъ отвести квартиру, желая имѣть меня при себѣ. Онъ поручилъ мнѣ смотрѣть за порядкомъ бумагъ въ его кабинетѣ. К. С.

Библиотека "Руниверс"

„Царь нашъ вчера, въ 9-ть часовъ вечера, благополучно прибылъ; но мы его еще не имѣли счастія видѣть".

Съ этихъ дней уже замѣчаемо было усиленіе морскаго вѣтра и часто флаги и фонари на адмиралтействѣ и пушечные выстрѣлы давали знать жителямъ Петербурга о возвышеніи воды; всѣ, по обыкновенію, заключали, что въ галерной гавани и въ другихъ низменныхъ мѣстахъ было не безопасно, но никому на мысль не приходило то, что случилось такъ неожиданно въ 7-й день ноября. Нева выступила изъ береговъ, затопила большую часть улицъ и даже дорогъ, ведущихъ къ городу, а изъ себя представила какъ бы отрывокъ бурнаго моря, яростными волнами котораго уносились даже деревянные небольшіе дома, сорванные съ фундаментовъ въ мѣстахъ близкихъ къ устью. Прежде чѣмъ наступила эта рѣшительная минута, любопытство увлекло меня посмотрѣть на Неву, но я уже едва могъ возвратиться домой, почитая себя счастливымъ, что не утонулъ на улицахъ, быстро наполнявшихся водою. Въ министерскомъ домѣ, въ мою маленькую квартиру, набѣжали чиновники, не успѣвшіе уйти изъ департамента. Министръ прислалъ намъ обѣдъ, котораго мы вовсе не имѣли бы, если бы онъ не подумалъ о насъ. Только поздній вечеръ успокоилъ всѣхъ, когда, при перемѣнѣ вѣтра, вода стала повсемѣстно опадать. Ужасно было на другой день смотрѣть на слѣды этого бѣдственнаго событія. Вездѣ изъ подваловъ выкачивали воду; среди Торговой улицы, противъ дома митрополита Сестренцевича (гдѣ теперь Комитетъ призрѣнія нищихъ) стоялъ пароходъ. Барки торчали на краю набережныхъ Невы, своротивъ ихъ гранитныя перила; гауптвахты, цѣлые деревянные мосты, сдвинутые съ своихъ мѣстъ, лежали на другихъ мѣстахъ; караульныя будки, занесенныя далеко, валялись гдѣ попало; даже могильные кресты съ Смоленскаго кладбища очутились въ Лѣтнемъ саду; вездѣ въ булочныхъ не стало хлѣба и нигдѣ нельзя было найти чистой воды для питья; вездѣ была только грязная, мутная. Нѣсколько дней въ цѣломъ городѣ только и было разговора о несчастныхъ случаяхъ и разореніяхъ.

„Мы поражены бѣдствіемъ Петербурга", писалъ ко мнѣ Николай Михайловичъ 11-го ноября. „Завтра отпускаю часть обоза въ городъ. Дѣтей думаемъ отправить въ пятницу, а сами переѣхать въ субботу къ обѣду. До свиданія. Мысленно васъ обнимаю".

Въ субботу, 15-го ноября, я обѣдалъ у Н. М. Карамзина на городской его квартирѣ; все время шелъ разговоръ о наводненіи и о состраданіи государя къ несчастнымъ жертвамъ бѣдствія.

Въ слѣдующій понедѣльникъ, 17-го ноября 1824 г., провелъ я у нихъ и вечеръ. Здѣсь Левъ Пушкинъ читалъ наизусть новое стихотво-

Библиотека "Руниверс"

реніе своего брата: „Цыгане“. Очень интересно было это чтеніе. Левъ Пушкинъ имѣлъ удивительную память: всѣ стихотворенія брата, до малѣйшихъ подробностей, онъ зналъ наизусть и произносилъ ихъ какъ по книгѣ. Но онъ дѣлалъ это только наизусть и никому не давалъ рукописей, которыя берегъ, какъ зѣницу ока, пока не отдавалъ въ цензуру.

Въ день великомученицы Екатерины, день ангела Екатерины Андреевны, я провелъ вечеръ у Карамзиныхъ, на которомъ были, между прочими, графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ и Василій Андреевичъ Жуковскій.

30-го ноября я опять у нихъ, ввечеру, слушалъ бесѣду Николая Михайловича съ Полетикою и Дашковымъ о торговлѣ и податяхъ. Екатерина Андреевна говорила болѣе съ Сѣверинымъ, Софья Николаевна и Екатерина Николаевна—съ Аксаковымъ, младшимъ братомъ Сергѣя Тимоѳеевича, Николаемъ, который обязательно доставалъ имъ новыя книги для чтенія. Николай Михайловичъ, поговоривъ со мною о моемъ помѣщеніи у министра, о расположеніи ко мнѣ и его, и всего его семейства, прощаясь, сказалъ отъ души: „я очень радуюсь: о васъ можно сказать, что вы теперь подъ крыломъ счастія“.

Въ первый день праздника Рождества Христова я пробылъ у него весь вечеръ. Впечатлѣніе петербургскаго бѣдствія отъ воды дало поводъ поговорить о перемѣнахъ погоды и объ астрономѣ Шубертѣ, которому безпрерывно приписывались въ народѣ предсказанія, какихъ онъ и не дѣлалъ. Онъ былъ однажды жестоко разсерженъ, переѣзжая Неву на яликѣ, когда его спутники, простые люди, не зная его въ лицо, стали говорить о его мнимыхъ предсказаніяхъ. Но это было потому, что слава о немъ распространилась и въ простомъ народѣ.

28-го декабря 1824 г. памятно для меня тѣмъ, что Василій Андреевичъ Жуковскій былъ у моего министра и читалъ ему „Онѣгина“, прежде чѣмъ отдалъ его въ цензуру.[1])

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ дополненіе къ автобіографическимъ даннымъ, приводимымъ К. С. Сербиновичемъ, упомянемъ, на основаніи его формуляра, слѣдующее: онъ окончилъ курсъ въ Полоцкой іезуитской академіи, со степенью кандидата, въ 1817 г. Въ службу вступилъ въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ въ 1818 г.; переведенъ въ департаментъ духовныхъ дѣлъ 24-го мая 1820 г. Произведенъ въ титулярные совѣтн. въ 1823 г.; пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ за отлично-усердную службу 21-го января 1824 г. Былъ употребляемъ, сверхъ должности, министромъ народнаго просвѣщенія и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, адмираломъ Шишковымъ, для разныхъ порученій съ 16-го ноября 1824 г. по 1-е марта 1825 г. Ред.

Библиотека "Руниверс"

ВОСТОЧНАЯ ПОЭМА НА СМЕРТЬ А. С. ПУШКИНА.

1837.

Въ 1834 году, въ канцелярію главноуправлявшаго въ Грузіи, барона Григорія Владиміровича Розена, поступилъ, въ качествѣ переводчика, молодой мусульманинъ изъ нухинскихъ жителей, по имени Мирза-Фетх-Али (Ахундовъ), нынѣ полковникъ и въ той же должности. Спустя три года, ему случилось познакомиться съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ (въ литературѣ извѣстнымъ подъ громкимъ нѣкогда псевдонимомъ Марлинскаго), проживавшимъ тогда въ Тифлисѣ у полковника Потоцкаго, и учить его татарскому языку. Около того же времени, на Кавказѣ было получено извѣстіе о смерти Александра Сергѣевича Пушкина. Обстоятельство это послужило какъ бы толчкомъ Мирзѣ-Фетх-Али, при помощи нѣкотораго поэтическаго дарованія, написать небольшую поэму и представить ее барону Розену, который не могъ не отнестись съ большою похвалою къ самой идеѣ, побудившей молодаго кавказскаго мусульманина быть отголоскомъ той скорби, которую вызвала во всѣхъ концахъ Россіи вѣсть о безвременной кончинѣ великаго поэта. Въ маѣ того же 1837 года была предпринята экспедиція въ Цебельду, подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, взявшаго съ собою между прочими Фетх-Али и Бестужева, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ генерала. По приведеніи въ покорность цебельдинцевъ, отрядъ нашъ возвратился въ Сухумъ, гдѣ его уже ожидали суда, на которыхъ онъ долженъ былъ отправиться къ мысу Адлеру, для наказанія горцевъ. За три дня до отплытія въ море, Бестужевъ, въ числѣ другихъ, обѣдалъ у барона Розена, который, между прочимъ, спросилъ его: читалъ-ли онъ поэму Мирзы-Фетх-Али (присутствовавшаго тутъ же), и когда получилъ отрицательный отвѣтъ, то просилъ его переложить поэму на русскій языкъ при содѣйствіи автора. Это

Библиотека "Руниверс"

было посмертнымъ произведеніемъ пера Бестужева: нѣсколько дней спустя, высадившись у мыса Адлера, онъ былъ убитъ горцами.

Оригиналъ поэмы утраченъ; подлинникъ же перевода переданъ авторомъ въ полное мое распоряженіе.

Сообщая его нынѣ на страницахъ „Русской Старины", я имѣлъ въ виду не какія-либо особенныя достоинства самой поэмы, а скорѣе желаніе не упустить случая вспомнить о злополучномъ А. Бестужевѣ, одно время поглощавшемъ своими произведеніями вниманіе всего русскаго читающаго міра, и выставить новое доказательство, что кончина незабвеннаго Пушкина потрясла своею неожиданностью не только одну внутреннюю Россію, но произвела глубокое впечатлѣніе даже среди мусульманскаго населенія, въ одной изъ дальнихъ окраинъ нашего обширнаго отечества.

Ад. Берже.

Не предавая очей сну, сидѣлъ я въ темную ночь и говорилъ своему сердцу: О, родникъ жемчужинъ тайны! Отчего забылъ пѣсни соловей цвѣтника твоего? Отчего замолкъ попугай твоего краснорѣчія?

Отчего сталось, что запалъ путь твоей поэзіи? Отчего сталось что гонецъ мечтаній твоихъ остановился?

Взгляни кругомъ — наступила весна, и всѣ растенія красуются юною прелестью, словно дѣвы! Берега ручейковъ, бѣгущихъ по лугу, подернулись фіалками. Огнистыя почки розы вспыхнули въ цвѣтникахъ. Степь изукрашена какъ невѣста: угорье, мнится, собрало всѣ цвѣты въ полу свою, чтобы осыпать ее ими, какъ драгоцѣнными камнями.

Въ невозмутимомъ величіи, въ коронѣ цвѣтовъ, какъ царь, возвышается дерево посреди сада, а лилія и ясминъ, будто вельможи, пьютъ въ честь его росу изъ чашечекъ тюльпана.

Лугъ до того ярко блещетъ ясминами, что отъ взора на него помутились очи упоеннаго нарциса. Привѣтливый соловей несетъ въ даръ гостю листикъ розы.

Готово облако обрызнуть цвѣтникъ дождемъ, а вѣтерокъ — отдать ему свое благоуханіе.

Сладко поютъ птички: красавица-зелень, прогляни изъ-подъ фаты праха!

Все живое знакомо съ какимъ-нибудь художествомъ — отъ каждаго есть приношеніе на торжищѣ природы.

Одно величается красотою или плѣнительными взорами; другое — стенаніемъ выражаетъ любовь свою. Все теперь наслаждается и веселится, распростившись съ печалью.

Библиотека "Руниверс"

Все, кромѣ тебя, сердце мое. Не участникъ ты въ общей радости и восторгѣ; не просыпаешься ты изъ безмолвія.

И въ глубинѣ твоей, нѣтъ ни къ чему склонности, нѣтъ ни къ кому любви. Далеко ты отъ страсти къ славѣ и отъ мечты поэзіи.

Развѣ ты не то самое сердце, что погружалось въ море мыслей, на ловлю стиховъ, подобныхъ жемчужинамъ царскимъ, и дарило цѣлыя нити ихъ, въ украшеніе тысячамъ игривыхъ выраженій, будто красавицамъ?

Откуда же теперь печаль твоя? Не знаю. Для чего теперь ты стенаешь и сокрушаешься, какъ плакальщица похоронная?

Отвѣчало на это сердце: Товарищъ моего одиночества, оставь меня теперь самому себѣ.

Еслибъ я, наравнѣ съ красавицами луга, не вѣдало, что за вешнимъ вѣтеркомъ дуютъ вихри осенніе—о, тогда я препоясало бы мечемъ слова станъ наѣздника поэзіи на славную битву; но мнѣ знакомо вѣроломство судьбы и жестокость этой измѣнницы. Я предвижу конецъ мой.

Безумна птица, которая, однажды увидѣвъ сѣть своими глазами, для зерна вновь летитъ на опасность!

Что такое громъ славы, что такое хвала за доблести, какъ не отклики звуковъ внутри этого коловратнаго свода! Не говори мнѣ о поэзіи! Я не знаю, чѣмъ это небо награждаетъ своихъ поклонниковъ.

Развѣ ты, чуждый міру, не слыхалъ о Пушкинѣ, о главѣ собора поэтовъ? О томъ Пушкинѣ, которому стократно гремѣла хвала со всѣхъ концовъ свѣта, за его игриво текущія пѣснопѣнія! О томъ Пушкинѣ, отъ котораго бумага жаждала потерять свою бѣлизну, лишь бы его перо рисовало черты на лицѣ ея!

Въ мечтаніяхъ его, какъ въ движеніи павлина, являлись тысячи радужныхъ отливовъ словесности.

Ломоносовъ красотами генія украсилъ обитель поэзіи—мечта Пушкина водворилась въ ней. Державинъ завоевалъ державу поэзіи—но властелиномъ ея Пушкинъ былъ избранъ свыше.

Карамзинъ наполнилъ чашу виномъ знанія—Пушкинъ выпилъ вино этой полной чаши. Разошлась слава его по Европѣ, какъ могущество царское, отъ Китая до Татаріи.

Свѣтлотою ума былъ онъ любимцемъ сѣвера, такъ какъ взоръ молодой луны драгоцѣненъ востоку.

Такого остроумнаго, такого даровитаго сына не рождали доселѣ четыре матери отъ семи отцовъ (т. е. стихіи и семь небесъ).

Съ удивленіемъ теперь внимай мнѣ: эти родители не устыдились быть къ нему жестокосерды.

Библиотека "Руниверс"

Прицѣлились въ него смертной стрѣлой. Исторгли корень его бытія. Черная туча, по волѣ ихъ, одною градиною побила плодъ его жизни. Грозный вѣтеръ гибели потушилъ свѣтильникъ его души. Какъ тюрьма, стало мрачно его тѣло.

Старый садовникъ—свѣтъ пересѣкъ его станъ безжалостною сѣкирою, какъ юную вѣтку своего цвѣтника.

Глава его, въ которой таился кладъ ума, волей змѣенравнаго рока стала виталищемъ змѣй. Изъ сердца, подобнаго розѣ, въ которой пѣлъ соловей его генія, растутъ теперь тернія. Будто птица изъ гнѣзда, упорхнула душа его—и всѣ, старъ и младъ, сдружились съ горестью. Россія въ скорби и воздыханіи восклицаетъ по немъ: Убитый злодѣйской рукою разбойника—міра!

И такъ, не спасъ тебя, отъ оковъ колдовства этой старой волшебницы—судьбы, талисманъ твой! Удалился ты отъ земныхъ друзей своихъ—да будетъ же тебѣ въ небѣ другомъ милосердіе Божіе! Бахчисарайскій фонтанъ шлетъ тебѣ, съ весеннимъ зефиромъ, благоуханіе двухъ розъ твоихъ. Сѣдовласый старецъ — Кавказъ отвѣчаетъ на пѣснопѣніи твои стономъ въ стихахъ Сабухія.[1])

Сообщ. **Ад. П. Берже.**

[1]) Псевдонимъ мирзы-Фетх-Али. **А. В.**

Библиотека "Руниверс"

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БУЛАТОВЪ.

1760—1825.

V.[1])

Въ маѣ мѣсяцѣ 1809 года, М. Л. Булатовъ получилъ отъ генералъ-аудитора, князя Сергѣя Ивановича Салагова, бумагу слѣдующаго содержанія:

„Милостивый государь мой, Михайло Леонтьевичъ! Его И. В. Г. императоръ в—ше повелѣть мнѣ соизволилъ: разсмотрѣть слѣдственное дѣло, производившееся о сраженіи, бывшемъ подъ Революксомъ, 15-го апрѣля 1808 года, съ тѣмъ, чтобы я требовалъ и отъ вашего превосходительства, какія нужны будутъ по сему дѣлу, объясненія. Почему, пріобщая у сего записку мою: какія потребны мнѣ объ упомянутомъ сраженіи отъ васъ свѣдѣнія, покорно прошу, сдѣлавъ на каждый пунктъ ваши поясненія, возвратить ко мнѣ для дальнѣйшаго соображенія.

„Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. Князь Салаговъ".

№ 567. Мая 2-го дня 1809 года.

Въ отвѣтъ на эту бумагу, М. Л. Булатовъ при рапортѣ препроводилъ къ князю Салагову подробную реляцію о Революксомъ сраженіи. Привожу этотъ документъ, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанный, цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій.

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 667—682.

Библиотека "Руниверс"

Битва при Револаксѣ.

1) Апрѣля 9-го, отрядъ мой, по предписанію дивизіоннаго начальника, изъ Пулкала, для соединенія съ войсками всей дивизіи, къ Брагештату слѣдовавшій, въ киркѣ Вихандъ, остановленъ, а мнѣ велѣно пріѣхать къ генералъ-лейтенанту Тучкову, куда прибылъ 10-го числа, получилъ словесное, а возвратясь къ своему посту, въ тотъ же день и письменное повелѣніе о занятіи Револакса; въ сходство котораго, 11-го числа послѣ полудня, съ отрядомъ въ него и вступилъ.

Селеніе Револаксъ, по обыкновенію тѣхъ мѣстъ, было разбросанное, раздѣленное рѣкою, окруженное лѣсомъ, и находилось между двухъ дорогъ, изъ коихъ одна шла версты за полторы въ право отъ Брагештата и расходилась на Повало и оттуда (къ) Лимингу и Францилѣ, занятымъ сильными непріятельскими деташементами, и къ Вихандъ, съ коей стороны войскъ мы совсѣмъ не имѣли; другая — отъ лѣваго фланга къ Люміокамъ, гдѣ находился ихъ же авангардъ; а третья — прямо черезъ лѣсъ, въ Лимингъ. Слѣдовательно, самая необходимость требовала, сколько рачительнаго, столько-жъ и сильнаго на всѣхъ пунктахъ охраненія; въ отрядѣ же моемъ пѣхоты, артиллеріи, гусаръ и казаковъ всего считалось съ небольшимъ тысяча боевыхъ людей.

По осмотрѣніи всего съ надлежащею точностью, войска размѣщены по квартирамъ. Правый флангъ занимали Пермскій мушкатерской баталіонъ и казаки сотни Любичева, середину — Могилевскій гренадерскій баталіонъ, съ двумя орудіями артиллеріи, и эскадронъ Гродненскаго гусарскаго полка, а лѣвый флангъ — Пермскій гренадерскій баталіонъ, съ двумя-жъ орудіями, и казаки команды хорунжаго Серебрякова; учреждены, приличные обстоятельствамъ, пѣшіе и конные пикеты и назначены денные и ночные разъѣзды по всѣмъ дорогамъ, и данъ приказъ, чтобы, при случаѣ тревоги, по сигналу пушечному, первые два баталіона сбирались у батареи первой, баталіону гренадерскому Пермскому — при своихъ орудіяхъ, ибо онъ закрывалъ дороги, идущія въ Люміоки и Сикаіоки къ непріятельскому и къ нашему авангардамъ, и выстрѣлами пушечными очищалъ всю переднюю часть нашихъ квартиръ и рѣку, по которой только и можно было отъ Лиминга и Повало къ намъ подойти; артиллеристамъ разтвержено, какъ и когда дѣйствовать; гусарамъ назначено стать между пѣхотныхъ отдѣленій подъ закрытіемъ стрѣлковъ, а казакамъ — на рѣкѣ у лѣваго фланга; вообще же всѣмъ войскамъ велѣно имѣть въ резервѣ третью часть, которыя по ночамъ и сидѣли съ ружьями;

Библиотека "Руниверс"

остальныя всѣ также въ нѣсколько минутъ могли быть готовы, ибо цѣлые баталіоны имѣли (лишь) по одной избѣ, (такъ что) солдаты и офицеры за тѣснотою не раздѣвались; всѣ, однакожъ, были здоровы, веселы и не терпѣли ни въ пищѣ и ни въ чемъ недостатка; а чтобы обезпечить себя при переходѣ изъ Виханда къ Революксу, то съ вечера, прежде вступленія отряда, отправлена была партія пѣшихъ стрѣлковъ на подводахъ, съ капитаномъ Леонтьевымъ и часть казаковъ съ хорунжимъ Серебряковымъ въ Повало, и приказано имъ осмотрѣть всѣ его окрестности и развѣдать, сколько можно лучше, о непріятелѣ; которые, исполнивъ порученное, возвратились прямою на Революксъ дорогою подъ вечеръ къ отряду и рапортовали, что открыли за Повалою къ Лимингу, верстахъ въ трехъ, шведскій пикетъ; о чемъ командующему дивизіею тогда же донесеніе и послано.

Командирамъ пикетовъ и посылаемымъ въ партіи офицерамъ давались каждому отъ меня наставленія для лучшаго исполненія поручаемыхъ имъ должностей, и рапорты отъ нихъ исправно въ свое время получались; а какъ отрядъ мой подведенъ уже былъ къ непріятелю столь близко, то казалось, что и самая необходимость требовала рѣшительнѣе дѣйствовать, или сдѣлать лучшее всей дивизіи расположеніе, и потому 12-го апрѣля, по утру послалъ я части квартирмейстерской капитана Соснина, съ словеснымъ объясненіемъ о настоящемъ положеніи отряда и всѣхъ обстоятельствъ, къ командующему дивизіей, и (съ предложеніемъ) неблагоугодно-ли будетъ, не теряя времени, шведовъ атаковать, пока они не примутъ подобныхъ съ своей стороны мѣръ; но, ни съ возвращеніемъ Соснина на другой день и ни въ послѣдующіе (дни), никакого отвѣта не получилъ.

Для произведенія того (нападенія) въ дѣйство, мое мнѣніе было такое: главной части дивизіи изъ Брагештата подвинуться къ Повало, пересѣчь ближайшее соединеніе Лиминга съ Францилою и озаботить корпусъ фельдмаршальской; авангарду нашему въ назначенное время сдѣлать покушеніе на Люміоки и занимать авангардъ, а мой отрядъ, усилившись 23-мъ егерскимъ полкомъ, долженъ напасть на Францилу ночью и находящіяся тамъ войска разбить, что конечно бы и удалось, ибо непріятель, увидѣвъ нечаянное наступленіе съ боку и будучи отрѣзанъ съ сей стороны отъ главнаго корпуса, съ другой же — отъ Пулкала на ихъ аванпосты напалъ бы подполковникъ Обуховъ, то шведы, кои, при Юнкелаксѣ и въ окрестностяхъ Куопіо, въ одинъ день неоднократно мною разбитые, изъ двухъ крѣпкихъ дефилеевъ вытѣсненные, изъ деревни Пайволы тою же ночью выгнанные, и безостановочно затѣмъ къ Улеаборгу уходившіе, не съ большою бы упорностію защищали сей постъ свой; а когда бы (мы) въ томъ пред-

Библиотека "Руниверс"

пріятіи успѣли, то, сдѣлавъ маленькое движеніе за Франциду, войска мои были бы во флангѣ корпуса Лимингскаго, дивизія могла тогда наступать всѣми силами, авангардъ, подъ командою Г. Кульнева, легко бы тогда управился съ непріятельскимъ, и шведамъ неоставалось бы другаго средства, какъ оверами идти въ Улеаборгъ, а не имѣвъ никакого укрѣпленія и ни малѣйшихъ резервовъ, не могли бы и тамъ удержаться, и мы, по слѣдамъ ихъ и безъ затрудненія, взошли бы въ городъ, а можетъ статься, притѣсня такъ финляндцевъ, имѣющихъ особенные свои интересы, получили бы и другіе свои выгоды; въ противномъ же случаѣ, ничего хуже съ нами не могло быть, какъ отступили бы назадъ, что и безъ этого учинила послѣ дивизія, и въ чемъ никогда и ничто бы (тому отступленію) не воспрепятствовало, ибо дороги всѣ занимались нашими войсками и произвесть мы могли оное всегда съ лучшими средствами, безъ потери такихъ обширныхъ областей, съ учрежденными въ нихъ лазаретами, магазинами, и идущихъ съ разными запасами транспортовъ; также уцѣлѣли бы роты Могилевскаго полку, погибшія съ подполковникомъ Обуховымъ въ Пулкалѣ, и непопались бы въ руки непріятеля ни одна сотня солдатъ, выздоровѣвшихъ, шедшихъ разными командами изъ Копіосскаго лазарета, къ своимъ полкамъ въ дивизію.

2) Предписаніе отъ 12-го апрѣля, чтобы послать въ Повало сильный отрядъ и тамъ оный содержать, какъ изъ объясненія по дѣлу видно, на роздыхѣ въ кирхѣ Вихандъ я получить не могъ, ибо 11-го еще съ отрядомъ моимъ переведенъ въ Революксъ; а въ немъ будучи 12-го-ли вечеромъ, или 13-го по утру, за долговременностію (т. е. за давностію) точно не помню, получено было отъ г-на генералъ-лейтенанта Тучкова предписаніе — послать въ Повало и къ Франциѣ партію для развѣдыванія о непріятелѣ, и по которому тогда же и послана была часть стрѣлковъ и казаки съ прежними офицерами; но они встрѣчены за нѣсколько верстъ, не доходя уже Повало, непріятельскимъ пикетомъ, вновь поставленнымъ, и принуждены тѣмъ были безъ всякаго успѣха воротиться, о чемъ тотъ же часъ и донесено дивизіонному начальнику. А изъ всего вышеписаннаго довольно значится, что послѣ двухъ или трехъ дней, проведенныхъ въ совершенной нами недѣятельности, и учредить такого поста мы возможности не имѣли, да и Повало находилось между двухъ сильныхъ отрядовъ: фельдмаршала Клингспора и Кронштета и черезъ него была у нихъ коммуникація; отрядъ же мой около сего времени состоялъ всего-на-все съ небольшимъ изъ тысячи человѣкъ; то не только посланное отъ него какое отдѣленіе, и весь оный въ серединѣ непріятеля, и въ такомъ удаленіи отъ дивизіи, занимать того былъ

Библиотека "Руниверс"

недостаточенъ; но если бы имѣлъ предписаніе, то, исполняя всегда и все начальствомъ повелѣваемое съ должнымъ послушаніемъ, не пропустилъ бы, конечно, и по сходству онаго съ такою же точностью сдѣлать, а между тѣмъ, по поводу, что случай сей требовалъ прилежнѣйшаго и основательнаго разсмотрѣнія и каковыхъ безъ уваженія оставлять нельзя, конечно бы сдѣлалъ обстоятельствамъ и времени приличное представленіе, какъ незадолго передъ тѣмъ и встрѣтилось. Начальникъ дивизіи, предписавъ отряду моему идти въ соединеніе къ прочимъ ея (т. е. дивизіи) войскамъ, назначилъ оставить часть бывшей со мною конницы въ Пулкало, дабы маскировала отступленіе отряда, и занимала всего непріятеля, во Франциліѣ находившагося, которой у меня не было и ста человѣкъ; я представилъ тогда же, что не только часть, но и вся она къ тому недостаточна, да и за глубиною снѣга она (т. е. кавалерія) ни дѣйствовать, ни отойти не можетъ, ее обойдутъ и вся пропадетъ, и начальникъ справедливость мою уважилъ.

3) Хотя изъ слѣдствія еще и значится, что 14-го апрѣля дано мнѣ повелѣніе—послать находящійся въ Повало отрядъ для открытія непріятеля во Франциліѣ, но изъ объясненія моего во второмъ пунктѣ видно, что тамъ его никогда и не было, слѣдовательно и посылать онаго оттуда предписывать не можно; я же по утру въ тотъ день писалъ своею рукою къ г-ну генералъ-лейтенанту Тучкову и просилъ, чтобы прислалъ ко мнѣ 23-й егерскій полкъ поскорѣе, который безо всякой пользы за Брагештатомъ находился, и дабы, усиливши имъ отрядъ мой, удобнѣе охранить дистанцію, мною занимаемую, ибо по движеніямъ непріятеля не мудрено было предвидѣть, что дѣйствія рѣшительныя начнутся, хотя и не съ нашей стороны; но отвѣта также на оное никакого небыло. А подъ вечеръ уже получилъ и предписаніе—командировать сильную партію опять къ Повало и къ Франциліѣ, и чтобы она непремѣнно въ послѣднемъ мѣстѣ непріятеля открыла, и записку, чтобы пріѣхать мнѣ въ Синаіоки, въ коей сказано, что нужно посовѣтовать, гдѣ находился тогда и г-нъ дивизіонный начальникъ. Изъ рапорта моего, по возвращеніи партіи, съ пикетомъ непріятельскимъ повстрѣчавшейся, передъ Повалою посланнаго, хотя и весьма уже значится, что отъ движенія такой частицы войскъ успѣха ожидать (было) не можно, но, повинуясь начальству, тою же ночью отправилъ капитана Леонтьева и подпоручиковъ Григорова и Павленко, съ 60-ю выбранными изъ всѣхъ баталіоновъ стрѣлками и 40 человѣкъ гусаръ и казаковъ, съ ихъ офицерами, и приказалъ употребить имъ всевозможныя средства достигнуть къ назначеннымъ мѣстамъ и исполнить данное предписаніе;

Библиотека "Руниверс"

самъ же, съ наступленіемъ дня и дождавшись рапорта отъ начальника партіи о ея движеніяхъ, хотѣлъ ѣхать въ Сикаіоки за принятіемъ вышеупомянутаго наставленія, но передъ разсвѣтомъ съ пикета, верстахъ въ пяти отъ Революкса, на дорогѣ Люміокской учрежденнаго, получено извѣстіе, что шведскіе егеря въ большомъ числѣ на него наступили и наши стрѣлки, при помощи лѣса и защищая дорогу перестрѣлкою къ другому пикету, который былъ отъ лѣваго фланга не съ большимъ въ верстѣ, отходили; а когда и соединенные пикеты не могли удержаться, то послана къ нимъ еще часть стрѣлковъ, и приказалъ я Пермскаго полка штабъ-офицеру подкрѣпить ихъ съ цѣлою ротою; тогда шведы не только остановлены, но и съ урономъ прогнаны около 10-ти верстъ назадъ; пикеты заняли свои мѣста, стрѣлки и рота, бывшіе въ дѣлѣ, также прибыли; я осмотрѣлъ оба гренадерскіе баталіона, возвратился на квартиру и хотѣлъ писать рапортъ обо всемъ случившемся къ начальствующему дивизіей, но вдругъ получилъ отъ капитана Леонтьева извѣстіе, что партія повстрѣчалась верстахъ въ 15-ти съ идущимъ къ Революксу непріятелемъ, то оставя оное на время, поѣхалъ и занялся у передныхъ частей нужнѣйшими приготовленіями. Нечаянно къ отряду моему непріятель нигдѣ и никогда не приближался и не могъ, ибо пикеты рачительно стерегли вездѣ и всѣ дороги, какія только были; партія же и разъѣзды мелкихъ войскъ вседневно наблюдали, гдѣ только нужно за его движеніями; чиновники и рядовые, въ таковыя отдѣленія посылаемые, исполняли должность свою всегда исправно и осторожно, и во все время командованія моего войскомъ ни одинъ человѣкъ исплошенъ и шведами захваченъ не былъ; а если кто, по особымъ видамъ, при случаѣ встрѣтившагося со мною несчастія, и находилъ себѣ полезнымъ доносить о томъ что-либо несходное съ истинной, то не только цѣлый отрядъ войскъ, со мною находившихся— отъ перваго офицера и до послѣдняго рядоваго всѣхъ службъ, будучи всечасные свидѣтели дѣлъ моихъ — утвердятъ мною сказанное, но и сами непріятели могутъ уличить въ составленіи той ощутительной несправедливости и откроютъ и слабость души, и неопытность въ службѣ его совершенно.

4) Мѣста своего не занялъ баталіонъ подполковника Медосытова, которому, по приказу, въ отрядъ отданному, надлежало быть у орудіевъ первымъ съ гренадерами могилевскими, изъ коихъ двѣ роты также были въ сраженіи и послѣ присоединились; но онъ не только отошелъ безъ позволенія къ лѣвому флангу, но даже и не извѣстилъ меня, что его къ тому принудило, и я, дожидавшись довольно долго напрасно и считая, не притѣсненъ-ли отъ непріятеля,—

Библиотека "Руниверс"

за темнотою отъ сильнаго снѣгу издали видѣть было не можно,—принужденъ (былъ) посылать освѣдомляться, гдѣ онъ находится и тѣмъ много времени безполезно пропущено; баталіонъ же гренадерской Пермскій, гдѣ находился и шефъ, мѣсто свое безъ приказа оставилъ, которое весьма было нужно, ибо подъ его обороной надлежало отступить правому флангу, въ случаѣ необходимости, на лѣвой и онъ охранялъ дорогу нашу къ Сикіокамъ; оба же баталіона вмѣстѣ наконецъ отошли такъ поспѣшно, что и меня не извѣстили, и пушку, и патронные ящики свои, совсѣмъ запряженные, не взяли, слѣдовательно, подполковникъ Медосытовъ и генералъ-маіоръ Гарнаультъ, какъ начальники тѣхъ частей, по всей справедливости, должнаго не исполнили, а были дѣйствительною причиною тѣмъ гибельнымъ происшествіямъ.

5) Отъ объясненія личнаго съ г-мъ генералъ-лейтенантомъ Тучковымъ, я той пользы надѣялся, что, представленіями моими о настоящемъ дѣлѣ и о положеніи обстоятельствъ, удобнѣе преклоню или рѣшительнѣе дѣйствовать, или перемѣнить невыгодное войскъ нашихъ расположеніе, ибо дивизія тогда уклонилась совсѣмъ въ уголъ къ заливу и была вся почти противъ праваго непріятельскаго фланга, лѣвой же оставался свободенъ и могъ дѣйствовать съ совершенной своей выгодой; но проведенные нѣсколько дней въ нашей недѣятельности и атака 15-го числа шведами, на отрядъ учиненная, не допустила успѣть въ желаемомъ и повергла меня съ частью храбрыхъ офицеровъ и солдатъ въ столь чрезвычайное несчастіе, тогда какъ совсѣмъ тому быть не надлежало. Дивизія же, потерявъ меня съ однимъ неполнымъ баталіономъ и имѣя десять или болѣе другихъ такихъ же еще на лицо, безъ сильнаго принужденія, удалилась весьма поспѣшно внутрь земли, и оставила непріятеля и области беззащитныя и другими многими пожертвовала преимуществами; а это все и подтверждаетъ, что мнѣніе мое—предварить тѣмъ слѣдствіемъ было справедливо, ибо когда десять частей не могли послѣ себя на тѣхъ мѣстахъ удерживать, то что же за польза была медлить и не рѣшиться на лучшее прежде, имѣвъ лишній одинъ баталіонъ.

6) Въ какое время присланный отъ капитана Леонтьева гусаръ Лещовъ или другой, кто именно, не знаю, донесъ мнѣ, что партія, верстахъ въ 15-ти, встрѣтилась съ непріятелемъ, точно я не помню, ибо, занимаясь вещами, въ такихъ случаяхъ нужнѣйшими, замѣтить оное не приходило мнѣ и въ мысли; но, отправивъ его въ ту же минуту назадъ, велѣлъ сказать капитану, чтобы располагалъ свои дѣйствія, смотря по движеніямъ и силамъ непріятельскимъ, и, занявъ лѣсъ около дороги стрѣлками, берегся, чтобы не отрѣзали, и ста-

Библиотека "Руниверс"

рался, буде возможно, остановить, а если подлинно силы усмотритъ превосходныя, то, не теряя напрасно людей, въ порядкѣ бы отходилъ. А какъ могла встрѣтиться съ ними и такая же партія, какую по утру отъ лѣваго фланга отбили, и потому, дабы не тревожить другихъ частей по слуху, не весьма еще увѣрительному, и не посылалъ о томъ донесенія моего въ ожиданіи точнѣйшаго увѣдомленія. А какъ вскорѣ затѣмъ пріѣхалъ сотникъ Лобачевъ и сказывалъ, что шведовъ идетъ много, и наши, отстрѣливаясь, отступаютъ, тотъ же часъ послалъ я казака съ словеснымъ донесеніемъ обо всемъ, что дотолѣ происходило, къ дивизіонному начальнику, а Лобачева — къ его мѣсту, съ подтвержденіемъ Леонтьеву прежняго приказанія, и чтобы онъ, при удобныхъ случаяхъ, фланкерами конными пособлялъ стрѣлкамъ.

7) Генералъ-маіоръ Гарнаультъ о болѣзни своей, при случаѣ насланнаго повелѣнія отъ дивизіоннаго начальника — отправить его къ бригадѣ съ дивизіей, къ Вазѣ слѣдующей, рапортовался письменно еще въ Куопіо; о чемъ и отъ меня тогда же по командѣ представлено; но онъ никогда, однакоже, не былъ въ такомъ безсиліи, чтобы принужденъ былъ отказаться отъ полку, управлялъ и частію экономическою безъ малѣйшаго упущенія, на маршѣ же, и къ Улеаборгу и къ Революксу, находился всегда при полку, и ѣхалъ передъ своимъ баталіономъ; впослѣдствіи же времени, хотя не рапортовался по обыкновенію, но казался совсѣмъ здоровымъ, а въ день перестрѣлки, 15-го числа, поутру, пріѣхалъ ко мнѣ верхомъ и въ мундирѣ, былъ до самаго того часа, какъ получено извѣстіе, что идутъ шведы съ другой стороны, и когда я занялся распоряженіями по разнымъ частямъ, онъ поѣхалъ къ своему баталіону верхомъ же, слѣдовательно имѣлъ силы командовать имъ и при сраженіи; полкъ также никому другому порученъ не былъ и шефъ никогда отъ него не отказывался, а равно знаменъ не только не оставлялъ, но, какъ мнѣ послѣ сказывалъ бригадъ-адъютантъ Менщиковъ, впередъ ихъ съ собою увелъ съ сраженія и, явясь къ командующему дивизіей, доносилъ, что ихъ одни лишь и успѣлъ спасти; баталіонные же и частные начальники, при случаѣ отдѣленіевъ, получали однѣ приказанія, имъ приличныя; а какъ, въ бывшую перестрѣлку, Пермскому полку патронные ящики и партикулярныя повозки отосланы были шефомъ весьма рано на правый флангъ, то, при всемъ баталіонѣ гренадерскомъ, приказывалъ я, и особенно маіору Баумгартену, чтобы впередъ ни малѣйшихъ какихъ отдѣленіевъ, безъ позволенія моего, не дѣлать, и тотчасъ возвратить ящики и повозки въ свои мѣста; а ежели они тогда не перевезены и послѣ затруднили войскамъ дорогу, то безъ изъятія,

Библиотека "Руниверс"

виноватъ генералъ-маіоръ Гарнаультъ, зачѣмъ ихъ отослалъ и для чего не успѣлъ возвратить опять. Когда и зачѣмъ маіоръ Баумгартенъ шелъ ко мнѣ на подкрѣпленіе—совсѣмъ не знаю, ибо баталіону гренадерскому именно и предписано, и словесно подтверждено мною—быть на своемъ мѣстѣ, гдѣ онъ, будучи, охранялъ дорогу къ нашему авангарду, куда можно было намъ отступить, препятствовалъ непріятелю приближаться и вредить намъ съ той стороны; а пушка, при немъ находившаяся, очищала выстрѣлами рѣку и дорогу береговую совершенно; слѣдовательно, оставивъ безъ разсужденія свой постъ, ускорить только могъ пользамъ непріятеля; а требовано отъ баталіона одной присылки роты, и то тогда, какъ усилился присоединеніемъ къ нему мушкатеръ, и которой могилевскія повозки, состоявшія изъ простыхъ саней, съ малымъ числомъ сухарей и овса, пройтить, конечно, не помѣшали; бо́льшую же часть запасовъ, за неимѣніемъ хлѣба въ полкахъ дивизіи совсѣмъ, по предписанію командующаго дивизіей, еще за день къ тѣмъ войскамъ отосланы.

8) Стрѣлковъ повседневно для стражи на пикетахъ было по 70-ти человѣкъ, изъ коихъ 20 — отъ баталіона мушкатерскаго, съ 5-ю гусарами, находились на дорогѣ, идущей изъ Брагейштадта на Повало, 20 — отъ Могилевскаго гренадерскаго баталіона стояли за казачьимъ постомъ, противъ дороги Лимингской; 20—отъ Пермскаго гренадерскаго баталіона, съ 15-ю казаками, на ближнемъ, и 10-ть, съ 5-ю казаками, на дальнемъ, по дорогѣ къ Люміокамъ; первые три отряжались при офицерахъ, а послѣдній—съ унтеръ-офицеромъ, которые обыкновенными своими разъѣздами, содѣйствуя вседневно посылаемымъ партіямъ, охраняли всѣ пункты и обезпечивали весь отрядъ совершенно; а какъ въ партіи, такъ и въ другія отдѣленія, не всегда посылалось равное число, но по обстоятельствамъ, чего и когда польза службы требовала, и всегда по приказу и по назначенію моему; въ ночь же передъ сраженіемъ, по предписанію начальника дивизіи, отправлено сверхъ того 60 человѣкъ, слѣдовательно, всѣхъ въ расходѣ было 130, а на одномъ правомъ флангѣ — 100; другіе же отъ ротъ и баталіоновъ въ подкрѣпленіе посылаемые стрѣлки, находились близъ своихъ частей и могли безъ замедленія соединиться съ ними; а въ продолженіи дѣла при Револаксѣ и изъ первыхъ отдѣленіевъ хорошіе солдаты почти всѣ къ баталіонамъ своимъ возвратились.

9) Перваго мушкатерскаго баталіона квартира была у самой кирки,[1]) въ которой также изъ лѣсу выходила дорога, то и оста-

[1]) Или «въ киркѣ» по неразборчивости почерка трудно прочесть. Д. В.

Библиотека "Руниверс"

вался онъ тамъ весь нѣсколько времени, для прикрытія ея нарочно; когда же непріятель за стрѣлками нашими шелъ по рѣкѣ одною колонною и сталъ приближаться, то велѣно подполковнику Медосытову сначала послать своихъ стрѣлковъ въ пособіе къ прежнимъ, въ которую должность употреблялась всегда одна задняя шеренга, потомъ и со всѣмъ баталіономъ подкрѣплять сражающихся, въ чемъ и Могилевскія двѣ роты съ другаго берега ему содѣйствовали, а если уже нельзя будетъ непріятеля удержать, отходить съ произвожденіемъ перестрѣлки въ назначенныя по приказу мѣста, и болѣе ему никакого приказанія отъ меня даваемо не было; донесеніе же, что дѣлаетъ будто по моему приказу, оставаясь съ 16-ю и послѣ съ 6-ю человѣками при киркѣ, не только несправедливо, но и съ здравымъ разсудкомъ ни мало ни сходно, ибо и мѣсто оное никакой не имѣло возможности, и команду въ числѣ, имъ означенномъ, и подъ руководствомъ его самого оставить, и ожидать чего-нибудь полезнаго; и самому дурному солдату выдумка была бы непростительна, но ему надлежало быть и по порядку службы при баталіонѣ; и такъ, я думалъ, что вездѣ съ нимъ онъ находился, а если не былъ, то видно самъ изыскивалъ средства, почему-либо особенно отъ него отдѣлаться; 10 человѣкъ, онъ говоритъ, посланы закрыть дорогу къ Сикаіокамъ! а какъ и ему, и всѣмъ, по приказамъ, извѣстно, что тамъ стоялъ цѣлый гренадерскій баталіонъ, то къ чему же понадобился его десятокъ?

10) Маіору Захарову идти къ ротѣ капитана Золотухина и обще съ нею дѣйствовать, и потомъ возвратиться къ батареѣ было приказано; а подкрѣплять гусаръ, какъ онъ показываетъ, никогда не велѣно, ибо они закрывались стрѣлками. Нарочно отъ пикета назначенная конница занимала мѣсто свое точно по предписанію, а послѣ, когда не можно было, за глубиною снѣга, ее употреблять, и чтобы не мѣшали пушкамъ и пѣхотѣ при случаѣ отступленія, велѣно отойти за лѣвый флангъ; слѣдовательно, штабъ-ротмистръ Гротусъ дѣлалъ свое дѣло; а маіора Захарова, когда рота Золотухина и другая, съ поручикомъ Малиновскимъ, присоединились, я уже невидалъ, куда онъ дѣвался—не знаю, и могу точно увѣрить, что донесеніе его о подкрѣпленіи имъ гусаръ совсѣмъ несправедливо.

11) Объяснивъ подробно въ предыдущихъ пунктахъ всѣ обстоятельства, отъ самаго занятія Революкса и до начала сраженія, съ отрядомъ моимъ повстрѣчавшіяся, съ точнымъ наблюденіемъ порядка, какіе получены отъ начальства предписанія, а о чемъ и когда дѣланы отъ меня донесенія командующему дивизіей, представить у сего честь имѣю и о слѣдствіяхъ окончательныхъ:

Библиотека "Руниверс"

Когда присланный отъ капитана гусаръ увѣдомилъ, что партія повстрѣчалась, верстахъ въ 15-ти, съ непріятелемъ, какъ выше означено, я отправилъ его назадъ съ приказаніемъ и ожидалъ о слѣдствіяхъ того подтвержденія, затѣмъ получилъ вскорѣ свѣдѣніе, нѣсколько обстоятельнѣе, чрезъ сотника Лобачева, послалъ съ донесеніемъ казака къ начальствующему дивизіей генералъ-лейтенанту Тучкову, велѣлъ сотнику ѣхать къ своему мѣсту, подтвердить Леонтьеву прежнее приказаніе, и чтобы стараться, буде можно, шведовъ остановить; а если силы ихъ дѣйствительно превосходны, то, занявъ по сторонамъ дороги лѣсъ стрѣлками, дабы не быть отрѣзану, въ порядкѣ отступать, и партія наша, невзирая на многолюдство наступающихъ, безо всякой потери съ произвожденіемъ безпрестанной перестрѣлки, къ пикету, на дорогѣ Брагештатской находившемуся, отошла; отъ него же, идучи рѣкою, гдѣ дѣйствовала и бывшая съ нею часть конницы. Хотя шведы и стрѣляли изъ пушекъ картечами, но партія во всемъ устройствѣ къ отряду приближалась; пикетные стрѣлки заняли лѣсъ съ права и соразмѣрно тѣмъ къ первой батареи подавались; непріятель усиливался, но число его, за изгибами береговъ и за лѣсомъ, еще было невидно; притомъ же, за глубиною снѣга, ни обойтить насъ, ни употребить всѣхъ силъ своихъ не могъ, и дорога была только одна, и та подъ обороною батареи и баталіоновъ нашихъ,— что все и подавало полную надежду намъ постъ свой удерживать, или, открывъ непріятеля, подраться и потомъ отступить. Для чего приказалъ я отъ двухъ ротъ могилевскихъ съ берега послать стрѣлковъ и гусарскому эскадрону, разсыпавшись между пѣшими и казачьими фланкерами, каждый шагъ непріятелю оспаривать; подполковнику-жъ Медосытову, съ мушкатерскимъ баталіономъ при киркѣ бывшему, сперва отдѣлить также стрѣлковъ, а потомъ совсѣмъ баталіономъ подкрѣплять велѣно сражающихся и стараться шведовъ остановить, а если и затѣмъ непріятель усилится, то, подъ обороною разсыпанныхъ стрѣлковъ, идти къ назначеннымъ, для сбору, мѣстамъ. Между тѣмъ привезена на берегъ пушка и брошено нѣсколько ядеръ навѣсными выстрѣлами въ непріятеля, для ободренія своихъ, и послѣ возвращена она на батарею. Капитану Соснину, коего исправность въ прежнихъ сраженіяхъ мною замѣчена, поручилъ я наблюдать за порядкомъ всѣхъ дѣйствующихъ, а бригадъ-адъютанта Менщикова послалъ на пикетъ, дорогу Лимингскую стерегущій, чтобы оный, при случаѣ отступленія сражающихся на рѣкѣ, согласно отошелъ и, занявъ дворъ противъ интервала пѣхоты, закрывалъ гусарскій фронтъ. Распорядясь же все, пріѣхалъ къ батареи, гдѣ должны сбираться могилевскій гренадерскій и Пермскій мушкатерскій баталіоны. Мѣсто оное

Библиотека "Руниверс"

было возвышенное и выстрѣлами пушечными очищало во всѣ стороны по расположенію нашихъ войскъ. Такъ какъ атака ведена (была) справа, то я велѣлъ привезти ещу пушку съ лѣваго фланга; для стрѣльбы-жъ вдоль рѣки по фронту, въ подкрѣпленіе стрѣлковъ, достаточно было и одного орудія, и къ двумъ ротамъ, при мнѣ оставшимся, отъ баталіона гренадерскаго Пермскаго еще одной придтить. Въ это время стрѣлки наши въ лѣсу справа потѣснены сильнѣе преслѣдующими ихъ отъ самаго пикета егерями, то послалъ я сперва стрѣлковъ первой роты Могилевскаго баталіона, а потомъ и всю четвертую роту, съ капитаномъ Ивановымъ, на помощь, и тѣмъ они удержаны. Время прошло довольно долго и наши повсюду шведовъ оспаривали, но наши, дабы удобнѣе дѣйствовать подъ выстрѣлами пушечными, отступили; Могилевскія роты и гусары скоро назначенныя мѣста заняли, но Пермскаго мушкатерскаго баталіона не было; непріятель же одной колонною потянулся къ киркѣ, двумя — выходилъ справа на берегъ и былъ нѣсколько далѣе пушечнаго выстрѣла, и одна — показалась на дорогѣ, которою долженствовало идти нашему баталіону. А какъ тогда шелъ большой снѣгъ и за темнотою погоды издали различить ничего было не можно, то послалъ я поручика Зорича осмотрѣть, нашъ-ли шелъ баталіонъ?—и съ возвращеніемъ его узналъ, что тамъ стояли шведы, а баталіонъ подполковника Медоситова, въ противность приказа, прошелъ рѣкою на лѣвый флангъ. Находясь же въ такомъ положеніи, хотя батарея хорошо начала дѣйствовать,— стрѣлки, коимъ должно, подошли же, и вообще дѣлалъ (я) непріятелю вредъ ощутительный, но, увидавъ его превосходство, приказалъ я гусарскому эскадрону и санямъ съ остаточными сухарями и овсомъ ѣхать за лѣвый флангъ, на дорогу Сикаіокскую, и послалъ (приказаніе), чтобы еще рота гренадерская шла къ правому флангу, ибо передъ тѣмъ пришло только человѣкъ до 30-ти, а лѣвый — имѣлъ уже и баталіонъ мушкатерской, слѣдовательно постъ тотъ былъ крѣпокъ; и ожидалъ возвращенія моего посланнаго поминутно, чтобы узнать о проѣздѣ конницы и повозокъ; и хотѣлъ тотъ же часъ велѣть везти пушки и за ними идти баталіону Могилевскому, подъ прикрытіемъ разсыпанныхъ стрѣлковъ, рота же, повстрѣчавшись, умножила бы оборону и возвратилась вмѣстѣ, а соединя отрядъ на дорогѣ Сикаіокской, построиться, дать сраженіе и принудить наступающихъ предпринятое намѣреніе оставить; ибо, занявъ дорогу 4-мя пушками, подъ закрытіемъ трехъ баталіоновъ, и поставя конницу съ лѣваго фланга на рѣкѣ, а стрѣлковъ кругомъ всѣхъ, дѣйствіе же нашихъ орудій гораздо шведскихъ превосходнѣе, то, если не совсѣмъ отбить, могли столько ихъ удерживать, пока имѣли бы

Библиотека "Руниверс"

въ томъ надобность; непріятель ни дѣйствовать всѣми силами, ни обойти насъ совершенно не могъ; на случай же отступленія къ авангарду, дорога оставалась за нами и все бы было обезпечено. Но посланный мой прискакалъ и увѣдомилъ, что полкъ Пермскій, увидя отъѣздъ и конницы, и повозокъ, знамена и гренадерскій его баталіонъ впередъ, а мушкатерскій—сзади, вмѣстѣ съ ними пошелъ къ Сикаіокамъ; непріятель, пользуясь тѣмъ случаемъ, спѣшилъ занимать ту дорогу и пересѣкъ всѣ способы къ нашему отступленію; да и остальная часть такъ уже стала безсильна, что и предпринять онаго никакъ не можно было, безъ потери всего до остатка, и надлежало избирать лучшія средства себѣ въ пособіе; такимъ образомъ одинъ неполный баталіонъ гренадеръ могилевскихъ и малая часть гренадеръ пермскихъ, съ 3-мя орудіями артиллеріи, были оставлены. Отличная твердость духа и на все стремительная готовность офицеровъ и солдатъ увеличивали общія силы и ласкали меня надеждою, безстрашно сражаться и удерживать свой постъ до полученія подкрѣпленія отъ дивизіи, или, съ приличною чести русскаго солдата имени—храбростію, умереть; ибо постыдное спасеніе себя бѣгствомъ или еще унизительнѣйшая вольность, пріобрѣтаемая на условіяхъ въ подобныхъ случаяхъ несчастными, съ правилами (моими) никогда несогласовались; а чтобы раздѣлить участь вполнѣ съ моими товарищами, отдалъ мою лошадь, послалъ двухъ казаковъ къ дивизіонному начальнику съ донесеніемъ, что Пермскій полкъ отошелъ, мы окружены, но драться будемъ до послѣдней крайности. Между тѣмъ стрѣлки и пушечные выстрѣлы убивали многихъ шведовъ; они составляли пять отдѣленіевъ, два—стояли по продолженію дороги къ Сикаіокамъ, а тремя—шли на насъ, но такъ тихо, что едва только подвигались, и потому судить можно, что побѣдою надъ нами еще не льстились. Я рѣшился испытать одно надежное и послѣднее средство, чтобы, при помощи двора пасторскаго, который имѣлъ одинъ входъ и другой выходъ, прикрыть своихъ людей и сберегать заряды сколько можно болѣе на предстоящій случай, для чего и учредилъ такимъ порядкомъ: караулъ, бывшій у знаменъ и у артиллеріи, поставилъ на дворъ въ одномъ незакрытомъ онаго углѣ и приказалъ адъютанту моему, поручику Шулиніусу, оный съ ними защищать; пермскихъ гренадеръ, что прежде пришли, съ ихъ офицеромъ, помѣстилъ при выходѣ изъ двора къ лѣсу съ такимъ же наставленіемъ; гренадерская рота, имени моего, приготовлена была ударить на часть непріятельскую, идущую справа, какъ только приблизится, въ штыки и ее истребить, а при движеніи ея подвинуть двѣ пушки къ входу и одну—къ выходу, что было очень близко и весьма удобно къ исполненію; двѣ роты могилевскія,

Библиотека "Руниверс"

закрывающія батарею, и одна, находившаяся у подкрѣпленія стрѣлковъ въ лѣсу, тогда же взошли бы на дворъ и заняли всѣ его строенія и отверстія сильнѣе, куда, исполнивъ предназначенное, и остающаяся рота и стрѣлки послѣдніе также бы собрались, и шведамъ весьма было трудно превозмочь насъ въ такомъ оборонительномъ положеніи и, не имѣвъ столь исправной артиллеріи, какая была у насъ. Во время сихъ распоряженій и какъ приказывалъ наводить единорогъ на непріятельское отдѣленіе, прострѣленъ пулею изъ лѣваго боку въ правый навылетъ и вскорѣ раненъ еще въ руку; жестокость ранъ моихъ поколебала-было нѣкоторыхъ изъ солдатъ, но когда увидѣли, что сношу ихъ терпѣливо, занимаюсь по прежнему распоряженіемъ, и увѣреніемъ, что получилъ только одну контузію, возвратилась у всѣхъ твердость и всѣ кричали: „Готовы побѣдить или умереть!“ Дѣйствія были довольно продолжительны и, можетъ быть, не такъ скоро еще кончились; но когда ожидаемая часть шведовъ подошла въ мѣру и выстрѣломъ картечнымъ изъ единорога вдругъ убито нѣсколько человѣкъ, отчего фронтъ сталъ рѣже и зашатался, что хорошую предвозвѣщало намъ удачу,—я построилъ уже роту и все готово было съ полнымъ стремленіемъ на нихъ ударить, какъ съ словомъ „въ штыки!“ (я) прострѣленъ пулею-жъ въ грудь навылетъ и упалъ за-мертво, между батареею и ротою храбрыхъ офицеровъ и солдатъ моихъ; тогда оставило многихъ мужество, рушилось устройство и все приняло другой видъ: лучшіе офицеры и солдаты убиты, ранены или взяты въ плѣнъ, а остальные нашли способъ, чрезъ лѣсъ и безъ дороги, пройдти къ дивизіи.

Отрядъ мой былъ, конечно, малъ для сопротивленія въ четверо сильнѣйшему непріятелю, на него наступившему, во всякое другое время, но тогда глубина снѣга не позволяла никакъ употребить ему превосходныхъ своихъ силъ; дорога же была занята нами и, по исправности нашей артиллеріи, никакъ онъ не могъ льститься отнять ее и преодолѣть насъ, еслибы малодушіе преждевременно, двухъ третей изъ числа со мною бывшихъ, не увлекло искать спасенія въ бѣгствѣ; остальная же часть, по твердости духа своего, хотя долго была непобѣдима, но смертельное мое безпамятство, въ коемъ упалъ я отъ жестокости полученныхъ ранъ, въ тотъ самый моментъ сдѣлало сильное вліяніе и на ее безстрашіе, и скоро затѣмъ повергло въ совершенную всѣхъ гибель. Впрочемъ, войска, мною командуемыя, не разъ были въ подобномъ сему положеніи, но благость Божеская, неутомимая дѣятельность и усердіе всѣхъ чиновъ къ службѣ его императорскаго величества преодолѣвали всѣ затрудненія; ибо, по разбитіи, весьма удачномъ, мною, шведовъ въ окрестностяхъ Куопіо, начальникъ

Библиотека "Руниверс"

дивизіи, возвратя его съ слѣдовъ побѣды назадъ въ тотъ городъ, уменьшилъ до половины, а другой велѣлъ идти за дивизіей къ Вавѣ и частію провожать за нею же транспорты съ провіантомъ; на представленіе же мое, что послѣ такихъ отдѣленіевъ къ предстоящимъ дѣйствіямъ онъ будетъ безсиленъ, писалъ, что часть моя остается уже оборонительною и скоро болѣе еще раздробится, но, спустя около двухъ недѣль, предписалъ съ нею же идти къ Улеаборгу; почему, достигнувъ Пулкала, отъ коего идутъ и по сторонамъ къ Вихандъ и къ Алку двѣ дороги, я узналъ, что въ 33-хъ верстахъ, въ Франциле, находится сильный отрядъ непріятельской, и аванпосты свои еще 15-ю верстами ближе имѣющій, то, дабы не быть отрѣзану, принужденъ былъ остановиться и, нанявъ мужика на собственныя деньги, послать тайно съ рапортомъ обо всемъ къ г-ну генералъ-лейтенанту Тучкову, и велѣлъ ему отыскивать какъ можно, гдѣ находилась тогда дивизія, ибо, при повелѣніи идти на непріятеля, и сего мнѣ знать не дано; но съ возвращеніемъ того посланника присланъ адъютантъ и предписано, какъ можно, соединиться съ дивизіей, въ Брагештатѣ тогда расположенною, куда слѣдуя, проходилъ самыми труднѣйшими дорогами лѣтними, по коимъ зимой никто не ѣздитъ; пушки и ихъ принадлежности безпрестанно вязли въ снѣгу, люди шли поодиночкѣ, и былъ слишкомъ сутки въ 2-хъ только миляхъ все около непріятельскаго корпуса и, при малѣйшемъ его движеніи, могъ бы потерять всѣ безъ остатка. Провидѣніе и тамъ сохранило; но, послѣ начавшимъ медленіемъ и нерѣшительностію, кончилось малодушіемъ, званія солдатскаго недостойнымъ, и часть весьма хорошихъ офицеровъ и солдатъ доведена была столь бѣдственно погибнуть въ Ревлаксѣ.

Поощренъ же будучи безпримѣрнымъ человѣколюбіемъ всемилостивѣйшаго нашего государя императора, подавшимъ спасительное средство — объяснить поведеніе мое при случаѣ Ревлакскаго сраженія, противъ неимовѣрныхъ извѣтовъ неопытными описателями соучаствовавшихъ со мною чиновниковъ, въ оправданіе свое приноровленными двумыслія̀ми, и съ явною несправедливостію учиненныхъ, коими единственное мое достояніе — доброе имя отнять и прямое усердіе къ службѣ государя императора затмить стремились, а какъ и прежде для сохраненія одного, и по священнѣйшей обязанности къ другой — не щадилъ я никогда ни трудовъ, ни жизни моей, въ чемъ не только всѣ благомыслящіе подчиненные, отъ офицера до солдата, но и многія (мои) раны свидѣтельствовать могутъ; такъ и впередъ столь же всеохотно и всѣмъ пожертвую, отъ меня зависящимъ, и надѣюсь, что милосердіе государя императора и благотворное правосудіе, внявъ совершенной истинѣ, прикажутъ, силою зако-

Библиотека "Руниверс"

новъ умолкнуть неправоизвѣтствующимъ, и удостоятъ меня сравнить въ отличіяхъ со всѣми, подобно мнѣ, противу шведовъ служащими.

Къ сему же пріобщить смѣю и двѣ копіи, одну съ точнаго моего донесенія г-ну генералъ-лейтенанту (Тучкову) о дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ города Куопіо, отрядомъ войскъ, подъ командою моею, произведенныхъ, и другую, что, получа оную отъ меня, дивизіонный начальникъ сдѣлалъ донесеніе по командѣ; несходство оныхъ по содержанію весьма ясно показываетъ, сколько должны различествовать и прямыя дѣла въ нашихъ заключеніяхъ; но я былъ дѣйствительный и одинъ распорядитель и свидѣтель всего, и на всякомъ шагу, а г-нъ генералъ-лейтенантъ (Тучковъ) пріѣхалъ и подъ Куопіо тогда, какъ уже непріятель (былъ) прогнатъ и генералъ-маіоръ Гарнаультъ съ баталіономъ шелъ въ городъ для занятія карауловъ къ обезпеченію совершеніому жителей; онъ туда же въѣхалъ и остался, а я пошелъ преслѣдовать и продолжать дѣйствія; слѣдовательно, зналъ все въ подробности, не могъ позволить себѣ столь грубой ошибки въ донесеніи къ начальнику, и что было бы противно и чести, и совѣсти; изъ рапорта-жъ, мною тогда отправленнаго, видѣть можно, что и всякому изъ чиновниковъ отдана мною безпристрастная справедливость; но представленіе дивизіоннаго командира (Тучкова), отъемля у меня честь, вполнѣ мнѣ принадлежащую, приписываетъ разбитіе одного только непріятельскаго аріергарда и похваляетъ необъяснимые какіе-то мои благоразуміе и храбрость. А какъ шведы, при всѣхъ перемѣнахъ расположенія своего, состояли изъ одного отдѣленія и ни авангардовъ, ни аріергардовъ не было, и я дѣйствительно самъ въ дефилеяхъ при всѣхъ затрудненіяхъ и во всѣхъ другихъ оборотахъ, въ виду притомъ всего войска, одинъ приказывалъ и пѣхотѣ, и артиллеріи, и конницѣ, то справедливо принадлежатъ мнѣ и употребляемымъ мною (войскамъ) и всѣ случаи превозможенія надъ непріятелемъ; но, ждавъ онаго долго и неполучивъ, принужденъ уже крайнею необходимостью прибѣгнуть къ правосудію, и потому пріемлю честь всепокорнѣйше просить, повергнувъ меня къ священнѣйшимъ стопамъ государя императора, довесть до высочайшаго свѣдѣнія и всеподданнѣйшее мое представленіе. Въ справедливости же мною объясняемаго, жизнію и честію свидѣтельствую и готовъ всего лишиться, если дерзнулъ и помыслилъ что-либо неправое, но также и смѣю ласкаться, что и неправо объяснившему происшедшее замѣчена будетъ ошибка столь явная.

Библиотека "Руниверс"

VI.

Добавлять что-либо къ донесенію генерала Булатова кн. Салагову, я считаю совершенно излишнимъ. Изъ донесенія видно ясно, кто былъ виною бѣдствія при Ревелаксѣ, и исполнилъ-ли Булатовъ свой долгъ, какъ истинный и вѣрный сынъ отечества. Послѣдствія сраженія извѣстны. Замертво поднятый Булатовъ, былъ на плащахъ перенесенъ шведскими офицерами въ болѣе спокойное для раненаго помѣщеніе; затѣмъ отправленъ въ Стокгольмъ, гдѣ, въ присутствіи самого короля, ему дѣлали операцію — вырѣзываніе пули, остановившейся въ груди, близъ сердца. Изъ Стокгольма, по выздоровленіи, перемѣщенъ въ Норкепингъ. Счастливый соперникъ Булатова въ Ревелакскомъ сраженіи — фельдмаршалъ графъ Морицъ Клингспоръ, писалъ своему сыну, Вильгельму Клингспоръ, по поводу перемѣщенія моего дѣда, слѣдующее письмо:

«Mon cher fils. Cette lettre Vous sera remise par le général Boulatow qui part d'ici pour Norkioping, où il restera comme prisonnier de guerre jusqu'à ce qu'il sera échangé ou jusqu'à la paix. Comme je l'ai fais prisonnier de guerre et que c'est un trés braf et galant homme, Vous me feriez grand plaisir de le recommander de ma part à Vos amis et connaissances à Norkioping,— et de lui faire Vous même quelques politesses. Cet homme aurait été digne d'un meilleur sort et j'aurais souhaité de pouvoir faire quelque chose de plus pour lui. (Signé) Mauritz Klingspor, Feldmaréchal, gouverneur général et chevalier, commandeur de tous les ordres de Suéde, à Guillaume Klingspor Maréchal de la Cour et chevalier de l'ordre militaire».

Переговоры объ освобожденіи Булатова изъ плѣна длились долго, и только почти черезъ годъ предложена ему свобода, при слѣдующемъ письмѣ къ нему отъ короля шведскаго Густава-Адольфа:

«Monsieur le général-major de Boulatow. Par une suite de l'éstime que je porte pour la bravoure d'un guerrier, quoique ennemi de mon royaume, lorsqu'elle est jointe à une conduite irréprochable, j'avais d'abord essayé de Vous procurer le retour dans Votre patrie, au moyen d'un échange des prisonniers de guerre. L'Empereur Votre Maitre s'étant refusé à cet échange pour ce qui regarde les officiers supérieurs, je n'ai cependant pas voulu m'en prévaloir pour Vous retenir plus longtemps loin de Votre épouse et de Vos parents et je Vous accorde, par la présente, la liberté de retourner en Russie, moyennant Votre promesse de ne point servir contre la Suède ni contre ses alliés, jusqu'à ce que Vous soyez dûement échangé. Et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le général-major de Boulatow, en sa sainte et digne garde étant Votre bien affectionné Gustave-Adolphe».

Au Chateau de Haga.
le 6 Février 1809.

Воспользоваться свободою, давъ слово не служить противъ шведовъ или ихъ союзниковъ до извѣстнаго времени, Булатовъ не счи-

Библиотека "Руниверс"

талъ себя вправѣ безъ соизволенія на то государя, а потому, почтительно благодаря короля за дозволеніе ѣхать, онъ отклонилъ отъ себя это предложеніе; чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ новое письмо отъ Густава-Адольфа слѣдующаго содержанія:

«Monsieur le général-major de Boulatow. Lorsque par ma lettre, en date du 6 de ce mois, j'exigeais comme une condition pour Votre retour en Russie, que Vous donniez Votre parole de ne point servir, ni contre la Suède, ni contre ses alliés, jusqu'à ce que Vous soyez duement échangé, j'avais cru que cette promesse ne pouvait nullement Vous compromettre, étant consacrée par l'usage entre toutes les nations civilisées, et que par conséquent l'Empereur Votre Maître, par une suite de ce même principe, n'aurait rien à objecter contre Votre conduite en donnant une promesse pareille. Comme j'ai appris cependant par Votre lettre du 17 Février, que Vous craignez le contraire, je ne veux néanmoins par Vous empêcher de revoir Votre famille et de continuer Votre voyage. Car si Vous étez forcé de servir contre la Suède et ses alliés — le blâme n'en retombera pas sur Vous. Je n'ajouterai qu'une condition: c'est que si l'Empereur se prête enfin une fois à l'échange d'officiers supérieurs, Vous soyez compté alors comme équivalent d'après Votre grade à quelques-uns d'officiers Suédois faits prisonniers de guerre par l'armée Russe.

«Et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le général-major de Boulatow, en sa sainte et digne garde, étant Votre bien affectionné. Gustave-Adolphe».

Au Chateau de Stokholm.
le 20 Février 1809.

Слѣдствіемъ этого письма былъ отъѣздъ Булатова изъ предѣловъ Швеціи. Вернувшись въ Петербургъ, Булатовъ письменно благодарилъ короля за позволеніе—вернуться въ дорогое отечество и отдохнуть въ кругу нѣжно-любимаго имъ семейства; на это письмо онъ вновь получилъ отвѣтъ, но уже отъ преемника короля Густава-Адольфа IV— дяди его Короля Карла XIII (бывшаго герцога Зюдерманландскаго); отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Monsieur le général Boulatow! Votre lettre du 30 Mars, vient de m'être remise et je Vous prie d'être persuadé de ma satisfaction, si j'ai pu en quelque façon Vous avoir rendu quelque service. Je regrette cependant bien sensiblement que les circonstances d'alors m'ont privé de suivre mon penchant naturel de pouvoir selon mes désirs Vous témoigner tout l'intérêt qu'un militaire, aussi brave que digne, le méritait à tout égard et de Vous procurer le séjour de ma patrie aussi agréable que je le souhaitais. En Vous félicitant sur Votre heureux retour dans une famille chère et aimable, je conserverai toujours avec un profond contentement le souvenir de notre connaissance, Vous assurant du parfait estime et de la considération, avec laquelle je suis, Monsieur le général Boulatow, Votre très affectionné. Charles».

le 13 d'Avril 1809.

Между тѣмъ лица, заинтересованныя въ дѣлѣ Революкскаго сраженія, продолжали свои нападки и свою подземную войну; они давали сбивчивыя показанія, противорѣчили одинъ другому и проч., такъ что

Библиотека "Руниверс"

генералъ-аудиторъ князь Семенъ Ивановичъ Салаговъ вновь, 4-го іюня 1809 года, обратился къ Булатову съ просьбой доставить ему новыя свѣдѣнія объ этомъ событіи.

На это требованіе Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ отвѣчалъ рапортомъ отъ 23-го іюня 1809 года (какъ видно изъ копіи съ онаго, сохранившейся между его бумагами). Изложивъ обстоятельства дѣла, онъ, между прочимъ, говоритъ въ рапортѣ: „и потому вынуждаюсь самою необходимостью покорнѣйше просить ваше сіятельство, хотя во уваженіе понесенныхъ мною на службѣ государя императора прямо усердныхъ трудовъ и претерпѣнныхъ отъ ранъ и пролитой крови жестокихъ болѣзней, избавить меня отъ подобныхъ симъ переписокъ. Я готовъ жертвовать жизнію повсечастно прямому долгу, но убивать себя горестями, препинаясь съ людьми, совершенно должнаго неисполнившими, и потерять глаза отъ переписки, превращая показаніе ихъ изъ неправаго въ правое — есть дѣло одному мнѣ тягостное и неприличное; ихъ же дѣйствія и сами себя довольно изобличаютъ".

Всякой согласится, что говорить такъ могъ только человѣкъ „безъ страха и упрека". Послѣдствія подтвердили его правоту: это положительно доказывается тѣтъ, что Булатовъ не былъ лишенъ довѣрія государя, и, по возвращеніи изъ плѣна, немедленно, по волѣ Александра I, посланъ въ Дунайскую армію. Доблестныя дѣянія Михаила Леонтьевича въ войнѣ противъ турокъ изложены выше въ очеркѣ его боевой службы.

Д. А. Булатовъ.

г. Ростовъ (Ярославской губ.).

Библиотека "Руниверс"

КН. М. С. ВОРОНЦОВЪ и Н. Н. МУРАВЬЕВЪ.

(Изъ служебныхъ воспоминаній М. П. Щербинина).

I.

Въ первомъ томѣ біографіи гр. Михаила Николаевича Муравьева, составленной г. Кропотовымъ, собрано весьма много интересныхъ свѣдѣній и матеріаловъ. Тѣмъ прискорбнѣе встрѣтить въ этомъ трудѣ неточности въ характеристическихъ очертаніяхъ личностей, одновременно съ Муравьевымъ служившихъ Россіи. Такъ напримѣръ, на стр. 25, по поводу указанія на дѣятельность Николая Николаевича Муравьева, во время его намѣстничества на Кавказѣ, находится слѣдующая оцѣнка дѣятельности его предмѣстника, по мнѣнію моему, крайне ошибочною: „Послѣ расточительнаго и роскошнаго намѣстничества князя Воронцова, экономическое и скупое управленіе Н. Муравьева должно было показаться нѣсколько суровымъ. Но, при тогдашнемъ положеніи Россіи, необходимо было оставить азіятскую пышность, многочисленный дворъ и множество барскихъ затѣй его предшественника, обременительныхъ для государственнаго казначейства".

Князь Воронцовъ, обладая значительнымъ состояніемъ, дѣйствительно имъ щедро пользовался для оказанія вспомоществованій нуждающимся, для облагодѣтельствованія многихъ; но домашняя его жизнь всегда отличалась простотою, далеко не азіятскою роскошью въ подражаніе нашимъ старинным барамъ; жизненная обстановка его дышала лишь тѣмъ комфортомъ, въ коемъ онъ съ малолѣтства былъ взрощенъ. Если и можно допустить какой либо ему укоръ, это развѣ въ томъ, что примѣрами его увлеклись нѣкоторые туземцы, которые, для улучшенія своего быта, стали прибѣгать къ безразсчет-

Библиотека "Руниверс"

нымъ затратамъ; обвинять же кн. Воронцова въ расточительности, обременительной для государственнаго казначейства, было бы верхомъ несправедливости.

Въ теченіе 20-ти-лѣтняго своего управленія Новороссіею и Бессарабіею, князь Воронцовъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи тѣхъ казенныхъ денежныхъ средствъ, которыя впослѣдствіи, на Кавказѣ, были ему предоставлены; но пламенно радѣя о развитіи благосостоянія во ввѣренной ему странѣ, сознавая, что, для полученія обильной жатвы, не слѣдуетъ щадить насажденія плодотворныхъ сѣмянъ,— на свой собственный счетъ, выписывалъ изъ-за границы тонкорунныхъ племенныхъ барановъ и овецъ, виноградныя лозы и плодовыя растенія; создалъ своими примѣрами и поощреніями обширное овцеводство, винодѣліе, всякаго рода сельскую промышленность; приводилъ въ дѣйствіе всѣ, могущія оказаться успѣшными, мѣропріятія къ оживленію торговли, къ устройству водянаго и сухопутнаго сообщенія, къ развитію добыванія каменнаго угля, изысканію источниковъ доходовъ и проч.; и сѣмена, насажденныя рукою геніальнаго, опытнаго сѣятеля, стали приносить обильные плоды; затраты, имъ, на собственный счетъ, совершенныя, сторицею вознаградились; ими пользуется нынѣ обширная страна, омываемая волнами Чернаго и Азовскаго морей, Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ. Между прочими созданіями кн. Воронцова, Бердянскъ подъемлется пышнымъ памятникомъ оплодотворенія обширныхъ земель, его окружающихъ, пріобрѣвшихъ житницу, для склада и сбыта своихъ богатѣйшихъ произведеній. Не опасаюсь, чтобы мною здѣсь высказанное встрѣтило возраженія со стороны познакомившихся, въ 1825 г., съ Одессою и Новороссійскимъ краемъ и въ послѣдніе годы посѣщавшихъ эту перерожденную страну.

Обращаясь къ дѣятельности кн. Воронцова на Кавказѣ, не могу не повторить, что никакой азіятской пышности имъ не было тамъ водворяемо; многочисленнымъ дворомъ себя не окружалъ, а состояли при немъ, какъ и при всѣхъ главнокомандующихъ, адъютанты и канцелярія походная и центральная въ Тифлисѣ, для дѣлъ гражданскихъ, какъ по Кавказу и Закавказью, такъ и по Новороссійскому краю, остававшемуся въ главномъ завѣдываніи кн. Воронцова; сверхъ того, при немъ состояли, какъ и при каждомъ главномъ начальникѣ, чиновники для исполненія особыхъ порученій. Нельзя, кажется, именовать барскими затѣями, установленные имъ на время пребыванія его въ Тифлисѣ еженедѣльные вечера, балы и концерты, имѣвшіе цѣлью сліяніе туземцевъ съ русскими и уничтоженіе едва-ли не враждебной розни, искони существовавшей между разнородными и разноплеменными обитателями Кавказа; затѣи же этого рода не ложи-

Библиотека "Руниверс"

лись бременемъ на государственное казначейство, а совершались на иждивеніе богатаго вельможи, коему ввѣрено было управленіе, слѣдовательно, и обрусѣніе края.

Имѣя въ своемъ распоряженіи, отпускаемую изъ казны, особую сумму на полезныя предпріятія, кн. Воронцовъ, дѣйствительно, не накоплялъ и не сберегалъ эту сумму, не обрекалъ ее на безплодное заточеніе въ казначейскихъ хранилищахъ, но давалъ ей направленіе, соотвѣтствующее ея цѣли. Изъ этого источника выдавались ссуды на разведеніе садовъ плодовыхъ и виноградныхъ, на оживленіе всякаго рода сельской промышленности, на учрежденіе въ разныхъ мѣстностяхъ разсадниковъ деревъ и другихъ растеній; сдѣланы опыты къ усиленію разведенія сарачинскаго пшена, шафрана и хлопчатника; выписаны сѣмяна табаку изъ Крыма, Смирны и Албаніи; приняты мѣры къ поощренію шелководства, разведенію марены и другихъ мануфактурныхъ растеній, къ розысканію мѣсторожденій и добыванію каменнаго угля, оживленію нефтяныхъ промысловъ и другихъ, въ нѣдрахъ Кавказа заключающихся, минеральныхъ богатствъ, улучшенію путей сообщенія, къ учрежденію пароходства по Ріону и Курѣ; выдаваемы были денежныя вспомоществованія предпріимчивымъ обывателямъ городовъ на возведеніе, по указываемымъ планамъ, зданій, отдаваемыхъ, по сооруженіи ихъ, въ наемъ подъ казенныя учрежденія; основана въ Тифлисѣ публичная библіотека покупкою у бывшаго ректора С.-Петербургскаго университета, профессора Дегурова, богатаго собранія книгъ; устроенъ, съ немалыми затрудненіями, чрезъ отличавшуюся неимовѣрною быстротою рѣку Куру, постоянный мостъ, посредствомъ коего соединено съ городомъ постепенно расширявшееся и достигшее во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣйшаго значенія предмѣстье Куки, подвергавшееся незадолго предъ тѣмъ набѣгамъ лезгинскихъ партій и хищниковъ; основано въ Тифлисѣ литейно-механическое заведеніе, учреждена гранильная фабрика для обработки яшмъ, мраморовъ и другихъ твердыхъ породъ, въ обиліи и превосходнаго качества добываемыхъ; для поощренія разведенія овецъ и шерстяной промышленности, равно какъ съ цѣлію основанія мѣстной выдѣлки и, слѣдовательно, удешевленія армейскаго сукна, устроена суконная фабрика и пр.

Не мѣсто здѣсь представлять подробный перечень всему, что совершилъ кн. Воронцовъ, въ теченіе 9-ти-лѣтняго своего намѣстничества на Кавказѣ, всего, чему имъ были положены благія начала. Нельзя, конечно, утверждать, что всѣ его предположенія и начинанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ; но какой же самый опытный сѣятель можетъ поручиться, что насажденныя имъ сѣмяна повсюду достигнутъ

Библиотека "Руниверс"

желаемаго роста и не подвергнутся внѣшнимъ, атмосферическимъ и всякаго рода вліяніямъ?

Вполнѣ справедливо сказано г. Кропотовымъ, что до Н. Муравьева Кавказъ не только не приносилъ дохода казнѣ, но еще поглощалъ значительныя суммы, присылаемыя изъ имперіи; но нельзя не принять во вниманіе, что субсидіи эти, главнымъ образомъ, служили на покрытіе громадныхъ издержекъ, непрерывно, въ теченіе многихъ лѣтъ, требуемыхъ военными дѣйствіями противъ горцевъ. Не имѣя надлежащихъ для того данныхъ, не смѣю подтвердить показаніе, что первые четыре милліона рублей дохода отъ Кавказа были доставлены за время 2-хъ-лѣтняго управленія Николая Николаевича Муравьева. Знаю только, что дѣйствительно, въ теченіе одного года, мною проведеннаго подъ его начальствомъ, по его распоряженію, было взыскано много долговъ казнѣ и усилены мѣры къ пресѣченію въ казначействахъ размѣновъ, столь для казначеевъ прибыльныхъ, золота на кредитныя бумажки.

Могу, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявить, что кн. Воронцовъ, израсходывая суммы, въ его распоряженіи состоявшія, на предпріятія, имѣвшія цѣлью развитіе обильныхъ и мало еще извѣстныхъ источниковъ благосостоянія, повсюду разсѣянныхъ въ странѣ обширной, надѣленной самыми разнородными дарами природы, въ тоже время неусыпно заботился объ изысканіи средствъ и приведеніи въ исполненіе мѣропріятій къ увеличенію доходовъ и уменьшенію расходовъ на Кавказѣ и въ Закавказьѣ.

Такъ, чрезъ соединеніе двухъ закавказскихъ казенныхъ палатъ, Тифлисскую и Шемахинскую, въ одну, произошло сбереженіе суммы 13,500 руб.; съ закрытіемъ, въ тѣхъ же губерніяхъ, палатъ государственныхъ имуществъ и сосредоточеніемъ завѣдыванія дѣлами по этой части въ учрежденной, при главномъ управленіи Закавказскимъ краемъ, экспедиціи, расходы сократились на 55,920 руб.; на содержаніе сей экспедиціи назначено было, въ 1852 году, 117,073; доходовъ же отъ податей съ поселянъ и оброчныхъ статей исчислено было къ поступленію въ томъ же году 925,298 руб. Съ отдачею акциза съ хлѣбнаго вина и разныхъ сладкихъ водокъ, портера и рома, привозимыхъ въ Закавказскій край изъ внутреннихъ губерній — на откупъ, съ 1-го января 1850 по 1-е января 1854 года, съ платежемъ по 130,115 руб. въ годъ, и упраздненіемъ всѣхъ акцизныхъ управленій, достигнуто болѣе 20 т. руб. ежегоднаго приращенія дохода по этой части; съ приведеніемъ же въ дѣйствіе, съ 1-го января 1851 г., на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, положенія объ акцизѣ съ горячихъ напитковъ, ввозимыхъ въ предѣлы

Библиотека "Руниверс"

этого края и о вольной ихъ продажѣ, съ прекращеніемъ существовавшихъ на черноморской береговой линіи, анапскаго и новороссійскаго винныхъ откуповъ, акцизный сборъ сталъ доставлять по 59,750 руб. въ годъ. Мѣрами, безъ устали принимаемыми, къ усиленію производительности и оживленію внѣшней торговли, вывозъ мѣстныхъ произведеній, не превышавшій до 1845 г. цифры 780 т. р., дошелъ, въ 1851 г., на сумму 1,307,976 р., и доходы казны, составлявшіе до 1845 г. не свыше 310 т. руб., достигли, въ 1851 г., до 649 т. руб. Съ отдачею въ откупное содержаніе Салянскихъ рыбныхъ промысловъ, доставлена возможность упразднить тамъ казенное управленіе, сопряженное съ значительными издержками, и ежегодный доходъ казны увеличился почти на 55 т. р.; таковою же отдачею соляныхъ и нефтяныхъ промысловъ, въ Шемахинской (нынѣ Бакинской) и Дербентской губерніяхъ, на четыре года за 111 т. руб., достигнуто превышеніе дохода казны на 4,068 р.; продажа каменной соли, добываемой на Кульпинскихъ и Нахичеванскихъ промыслахъ, съ 1-го марта 1851 г. по 1-го марта 1855 г., съ ежегодною платою въ казну по 69,120 р., превышеніе чистаго дохода составила по 20 т. р. ежегодно; добываніемъ соли изъ Чалгирскаго озера, въ сѣверной части Ставропольской губерніи, и перевозкою въ ставропольскій магазинъ по $10^{3}/_{4}$ к. за пудъ, замѣнилось пропорціально привозомъ въ тотъ же магазинъ соли изъ Астраханской губерніи по $25^{3}/_{4}$ к.; казна чрезъ это получила прибыли по 15 к. съ пуда. Регулярными пароходными сообщеніями, установившимися съ персидскими портами, не говоря объ облегченіи всякаго рода сношеній, увеличились доходы по Астраханской губерніи: съ 1844 до 1846 г. они составляли 69,009 р.; съ 1848 по 1850 г. они достигли 130,268 р. Съ введеніемъ въ Шемахинской губерніи податной системы деньгами, вмѣсто прежде существовавшей—натурою, доходъ въ казну сталъ получаться болѣе 100 т. р. противъ прежняго.

Вообще въ 1845 г. доходы съ Закавказскаго края простирались до 1,649,151 р.; по составленнымъ, въ 1849 г., нормальнымъ смѣтамъ, предположено было доходовъ съ небольшимъ 2,000,000; поступило же дѣйствительно по 1852 годъ 6,226,492 р., такъ что въ сложности приходилось на каждый годъ 2,075,000 руб.

Подобно Бердянску, на другой оконечности Азовскаго моря, возникнувшій, въ 1848 г., г. Эйскъ, открывая сбытъ произведеніямъ не только Черноморіи, но и Ставропольской губерніи, которая должна была, предъ учрежденіемъ порта въ Эйскѣ, направлять свою пшеницу и другіе продукты въ Ростовъ, сталъ развиваться съ неимовѣрною быстротою. Общій оборотъ по привозу и отвозу товаровъ въ

Библиотека "Руниверс"

Эйскому порту простирался въ 1850 г. на сумму 110 т. руб., въ 1851 г. на 189,987 руб.

Изъ этого, далеко неполнаго, но на непреложныхъ данныхъ основаннаго, обозрѣнія 9-ти-лѣтнихъ усилій кн. Воронцова къ достиженію того, чтобы развитіемъ жизненныхъ силъ страны, его управленію ввѣренной, постепенно вознаграждалось коренное отечество за полувѣковыя громадныя пожертвованія его на устройство этой страны, нельзя, кажется, не заключить, что кн. Воронцовъ не расточалъ безполезно государственное казначейство и состоявшія въ его распоряженіи денежныя средства употреблялъ не на пустыя барскія затѣи, а на насажденія, неминуемо долженствовавшія, въ болѣе или менѣе отдаленной будущности, приносить обильныя жатвы, прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ неусыпныя старанія къ преобразованію учебной части на Кавказѣ и въ Закавказьѣ, распространенію просвѣщенія, улучшенію существовавшихъ и открытію новыхъ школъ, улучшенію путей сообщенія, учрежденію пароходства и пр.

II.

Въ послѣднее время нерѣдко стали появляться въ нашей періодической печати отзывы о намѣстничествѣ Николая Николаевича Муравьева на Кавказѣ. Поводомъ имъ послужила статья Ад. П. Берже, помѣщенная въ октябрьской, 1873 года, книгѣ „Русской Старины“, (т. VIII, стр. 599—632). Прочитавъ эту статью, я тогда же намѣревался дополнить ее изложеніемъ тѣхъ впечатлѣній, которыя я вынесъ изъ годоваго моего служенія при генералѣ Муравьевѣ; но, будучи постоянно проникнутъ той истиною, которую столь основательно высказалъ Г. Ѳ. Тимирязевъ въ статьѣ своей („Р. А.“ 1873 г.), „что дѣятельность лицъ, коимъ ввѣряемы высшія государственныя должности, не иначе должна быть обсуждаема, какъ съ самою строгою всестороннею внимательностію“; признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что если подвиги этихъ лицъ, совершенные на поприщѣ служенія отечеству, подлежатъ сужденію исторіи, неумолимый приговоръ которой основывается на неопровержимыхъ фактахъ, то оцѣнка личныхъ и частныхъ свойствъ и качествъ этихъ дѣятелей зависитъ большею частію отъ взглядовъ цѣнителей, коихъ точки зрѣнія могутъ быть діаметрально противуположны одна другой,—я уклонился отъ сужденій, касающихся неоффиціальной и не вполнѣ мнѣ извѣстной дѣятельности Муравьева на Кавказѣ.....

Съ другой стороны, имѣя въ виду, что жизнь Николая Николаевича Муравьева до сихъ поръ не имѣетъ еще біографіи, и полагая, что самыя ничтожныя, поверхностныя очертанія характеристики исто-

Библиотека "Руниверс"

рическаго дѣятеля, каковъ былъ и Н. Н. Муравьевъ, могутъ быть не безполезными для будущаго его біографа и послужатъ ему, быть можетъ, основаніями для выводовъ о болѣе или менѣе косвенномъ вліяніи личныхъ качествъ Николая Николаевича на служебную его дѣятельность, рѣшаюсь передать тѣ воззрѣнія, которыя во мнѣ сложились въ краткое мое при немъ служеніе.

Меня къ этому въ особенности побуждаетъ желаніе выполнить почитаемый мною долгъ совѣсти, сказать слово въ защиту моего стараго сослуживца, А. П. Берже, снискавшаго себѣ всеобщее уваженіе сколько отличнымъ своимъ служеніемъ, столько въ особенности своими замѣчательными трудами по званію предсѣдателя Кавказской Археографической Коммиссіи и заслугами своими отечественной исторіи, отъ взводимаго на него, въ майской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1874 г. (т. X., стр. 139—151), статьѣ, подписанной „Любитель Кавказа и Закавказья“, обвиненія въ клеветѣ, столь недостойной г. Берже.

Представленный имъ характеристическій очеркъ Николая Николаевича Муравьева, несомнѣнно вѣренъ во многихъ отношеніяхъ; но очеркъ этотъ, конечно, грѣшитъ отсутствіемъ оттушовки, необходимой для смягченія слишкомъ рѣзкихъ красокъ его картины. Если попытка моя къ воспроизведенію этой оттушовки и не удастся, если замѣтка моя и не послужитъ достаточнымъ разъясненіемъ разнорѣчивыхъ отзывовъ г. Берже и его оппонентовъ о Н. Н. Муравьевѣ, то, во всякомъ случаѣ, замѣтка эта является чуждою всякаго пристрастія или увлеченія. Нельзя не признать аксіомою неопровержимою сказанное достопочтеннымъ редакторомъ „Русской Старины“, въ своемъ примѣчаніи къ помянутой статьѣ, въ майской книгѣ помѣщенной, что, дабы судъ отечественной исторіи произносилъ приговоры праведные и нелицемѣрные, онъ долженъ видѣть предъ собою обѣ стороны, долженъ спокойно выслушивать и хвалу, нерѣдко восторженную, и порицаніе, зачастую рѣзкое.

Взглядъ А. П. Берже на личность Н. Муравьева, дѣйствительно, является нѣсколько односторонним; это, по мнѣнію моему, происходитъ оттого, что онъ не находился въ близкихъ неоффиціальныхъ сношеніяхъ съ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ; что ему недоступны были тайники сердца человѣка, который, несомнѣнно, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей минувшаго царствованія. По мѣрѣ ближайшаго моего знакомства, въ теченіе года, съ Николаемъ Николаевичемъ, я неоднократно имѣлъ случаи убѣждаться, что въ немъ совмѣщались двѣ противуположныя натуры. Между тѣмъ какъ въ жизни частной, у себя въ кабинетѣ, съ глаза

Библиотека "Руниверс"

на глазъ съ своимъ собесѣдникомъ, онъ являлся человѣкомъ мягкимъ, кроткимъ, доступнымъ, терпящимъ возраженія; изумлялъ разнородными своими познаніями; вселялъ къ себѣ чувства не только уваженія, но и привязанности, сужденіями, обличающими самую высокую нравственность, твердость правилъ, безукоризненную честность, истинно религіозное настроеніе, пламенную любовь къ отечеству, стремленіе къ содѣйствію всему, могущему служить къ его преуспѣянію,— тотъ же Николай Николаевичъ въ мірѣ оффиціальномъ принималъ на себя личину начальника непомѣрно строгаго, суроваго, черезъ-чуръ взыскательнаго, придирчиваго и мелочнаго; крутымъ, жесткимъ своимъ обхожденіемъ онъ всѣхъ отъ себя отталкивалъ, вселялъ страхъ и неудовольствіе; однимъ словомъ, систематически являлся букою и, какъ бы въ противность всѣмъ людямъ, коимъ свойственно желаніе казаться лучшими, чѣмъ они въ самомъ дѣлѣ, Николай Николаевичъ какъ бы употреблялъ стараніе казаться суровѣе и жестокосерднѣе, нежели былъ въ дѣйствительности. И вотъ эта замѣчательная двойственность натуры его и вызвала столь много порицателей его дѣйствій.

Совершенно справедливо говоритъ г. Берже, что со страхомъ и трепетомъ ожидали на Кавказѣ назначеннаго, 29-го ноября 1854 года, намѣстникомъ кавказскимъ генерала Муравьева: „Настали времена террора", говорили многіе. На чемъ основано было это повѣріе,—не берусь объяснять; но что дѣйствительно назначеніе Муравьева породило во всѣхъ кавказцахъ чувства страха, въ томъ ссылаюсь на засвидѣтельствованіе бывшихъ моими современниками на Кавказѣ. Знаменитое письмо Николая Николаевича къ А. П. Ермолову, каковому письму дано было, намѣренно, какъ можно болѣе огласки, и которое, во многихъ спискахъ, ходило по всему Кавказу и въ Тифлисѣ читалось задолго до прибытія туда новаго намѣстника, не могло не способствовать утвержденію всеобщаго предположенія, что непріязненно взираетъ онъ на все, что совершалось на Кавказѣ.

Что касается до меня собственно, то, вспоминая о столкновеніяхъ, происшедшихъ въ 1835 г. между кн. Воронцовымъ и Муравьевымъ во время управленія первымъ Новороссійскимъ краемъ и командованія послѣднимъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ томъ краѣ расположенномъ, столкновеніяхъ, имѣвшихъ для Муравьева самыя непріятныя послѣдствія; предполагая, что по свойству несовершенства естества человѣческаго, въ сердцѣ Николая Николаевича не могли храниться дружелюбныя чувства ни къ кн. Воронцову, ни къ тѣмъ личностямъ, которыя, подобно мнѣ, были неразлучными, ближайшими исполнителями его начертаній, я съ грустію думалъ о необходимости,

Библиотека "Руниверс"

въ которую буду поставленъ, покинуть Кавказъ и ожидалъ прибытія новаго намѣстника въ Тифлисъ для полученія отъ него приказанія, кому ему угодно, чтобы я передалъ свою должность директора его канцеляріи? Между тѣмъ, кн. Воронцовъ, по полученіи, за границею, увѣдомленія о своемъ увольненіи, писалъ мнѣ изъ Дрездена относительно назначенія его преемникомъ Муравьева, что лучшаго, болѣе счастливаго, выбора невозможно было сдѣлать при тогдашнихъ обстоятельствахъ, требовавшихъ назначенія главнокомандующимъ энергичнаго, вполнѣ обладающаго знаніемъ военнаго искусства. При этомъ кн. Михаилъ Семеновичъ выражалъ надежду, что я сойдусь съ новымъ начальникомъ и останусь на своемъ посту.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1854 года, прискакавшій ночью въ Тифлисъ адъютантъ генерала Муравьева, г. Жуковъ, объявилъ мнѣ приказаніе намѣстника—явиться съ самонужнѣйшими дѣлами въ Душетъ (въ 40 верстахъ отъ Тифлиса), куда онъ, переночевавъ въ Ананурѣ, намѣревался прибыть утромъ и заняться съ начальникомъ главнаго штаба, генералъ-интендантомъ кавказской арміи, и со мною. Созвавъ немедленно начальниковъ отдѣленій управляемой мною канцеляріи и собравъ самыя спѣшныя бумаги, требовавшія скорѣйшаго разрѣшенія, я поспѣшилъ въ назначенную мѣстность. Вскорѣ послѣ меня пріѣхалъ въ Душетъ генералъ Муравьевъ. Явясь къ нему, я засталъ его крайне опечаленнымъ, стоявшимъ у камина. Обливаясь слезами, онъ мнѣ сообщилъ о полученной имъ въ ту ночь скорбной, всѣхъ поразившей, роковой вѣсти о кончинѣ императора Николая Павловича. „Теперь уже не до выслушанія докладовъ“, сказалъ мнѣ намѣстникъ, „надобно отправляться въ Тифлисъ, для распоряженій о принесеніи присяги вопарившемуся государю“. Затѣмъ, позвавъ меня въ другую комнату, Николай Николаевичъ удостоилъ меня бесѣдою самою интимною, чуждою всякой оффиціальности. Эта первая съ нимъ бесѣда возродила во мнѣ впечатлѣнія, діаметрально противуположныя тѣмъ, которыя сложились въ моемъ воображеніи; въ продолженіе разговора съ намѣстникомъ, разговора, въ высшей степени занимательнаго, я постепенно сталъ убѣждаться въ ошибочности моихъ ожиданій встрѣчи съ начальникомъ грознымъ, суровымъ и недоброжелательнымъ къ лицамъ, находившимся при его предмѣстникѣ.

На слѣдующій день, 2-го марта 1855 г., принесена была, на Александровской площади, въ Тифлисѣ, войскомъ и народомъ присяга Августѣйшему преемнику въ Бозѣ почившаго императора, а 8-го марта представлены были намѣстнику лица, занимавшія гражданскія должности въ Тифлисѣ, и чиновники какъ состоявшіе при немъ для особыхъ порученій, такъ и его канцеляріи.

Библиотека "Руниверс"

Все сказанное по сему случаю г. Берже совершенно вѣрно; но прибавлю, что здѣсь впервые обличилась истина, выраженная въ майской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1874 г., „Любителемъ Кавказа и Закавказья“, что „Н. Н. Муравьевъ былъ рыцаремъ чести и отличался благороднымъ забвеніемъ обидъ, а не мстительностью“. Къ сожалѣнію, должно замѣтить, что многіе изъ служившихъ на Кавказѣ, знавшіе о размолвкѣ, происшедшей, въ старые годы, между Муравьевымъ и кн. Воронцовымъ, полагали, что нельзя лучше угодить новому начальнику, какъ порицая распоряженія его предмѣстника. Такъ, одно изъ представлявшихся лицъ, съ которымъ Николай Николаевичъ занялся болѣе другихъ разговоромъ, вслѣдствіе близкаго своего знакомства съ родственникомъ этого лица, сосѣда Муравьева по имѣнію, на вопросъ: какую онъ имѣетъ служебную должность? отвѣчалъ: „Я былъ тѣмъ-то, но князь Воронцовъ смѣстилъ меня и передалъ мою должность одному изъ своихъ любимцевъ, имъ съ собою привезенныхъ“. Отступивъ нѣсколько шаговъ назадъ, Николай Николаевичъ сказалъ: „у князя Воронцова любимцевъ на службѣ не могло быть, и онъ назначалъ на мѣста не любимцевъ своихъ, а тѣхъ, которыхъ признавалъ способными занимать эти мѣста и оказывать наиболѣе пользы“; и отошелъ отъ разочаровавшагося въ результатѣ своей выходки помянутаго лица.

Первое время пребыванія Муравьева въ Тифлисѣ было имъ посвящено исключительно дѣламъ военнымъ, по званію главнокомандующаго войсками, расположенными на Кавказѣ; но въ продолженіе этого времени, въ одну изъ ежедневныхъ прогулокъ, въ 6-мъ часу утра, необходимыхъ для его здоровья, по великолѣпному саду при домѣ намѣстника, узнавъ, что въ той части дома этого, мимо которой онъ проходилъ, помѣщалась его канцелярія, Николай Николаевичъ спросилъ: здѣсь-ли директоръ канцеляріи? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ велѣлъ провести себя ко мнѣ; и я былъ очень изумленъ, когда двери моего кабинета отворились, и вошелъ намѣстникъ. Съ тѣхъ поръ эти посѣщенія повторялись каждое утро; закуривая трубку, Николай Николаевичъ велъ со мною разговоръ совершенно частный, въ продолженіе коего, повторяю, во мнѣ все болѣе и болѣе усиливалось чувство уваженія къ нему при обличеніи высокихъ качествъ его души и богатства разнородныхъ его научныхъ свѣдѣній. Дорожа временемъ, Николай Николаевичъ прекращалъ бесѣду приглашеніемъ меня съ собою въ садъ, и при словахъ: time is money, [1]) выслушивалъ на ходу словесные мои доклады по

[1]) Время—деньги.

Библиотека "Руниверс"

нѣкоторымъ дѣламъ, тутъ же призывалъ онъ начальника главнаго штаба, генералъ-интенданта, коменданта, полиціймейстера и пр.

Первый мой оффиціальный многосложный докладъ, по дѣламъ гражданскаго управленія Кавказомъ и Закавказьемъ, состоялся въ самое Свѣтлое Христово воскресеніе, вечеромъ. На этомъ и на послѣдующихъ, всегда вечернихъ, докладахъ, продолжавшихся по нѣсколько часовъ, я имѣлъ случаи въ подробности познакомиться съ оффиціальною стороною существа Николая Николаевича, и признаюсь, она оставила во мнѣ тяжелыя воспоминанія. При ограниченной, сколько мнѣ казалось, опытности въ сферѣ администраціи, генералъ Муравьевъ являлся крайне мелочнымъ, придирчивымъ, неномѣрно взыскательнымъ, обращающимъ вниманіе болѣе на формы, чѣмъ на сущность дѣла, и въ высшей степени недовѣрчивымъ. Приходилъ я къ нему съ многочисленными дѣлами, по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія обширнѣйшей окраины имперіи, а возвращался отъ него съ весьма незначительною частію этихъ дѣлъ—разрѣшенными, отчего неминуемо долженъ былъ послѣдовать застой въ дѣлопроизводствѣ и усложненіе переписки. Нельзя при этомъ не замѣтить, что, подобно своему предмѣстнику, Муравьевъ прибылъ на Кавказъ съ сильными предубѣжденіями противъ всего, что тамъ творилось, и въ особенности противъ многихъ въ краю дѣятелей. Онъ мнѣ показывалъ списокъ служащимъ лицамъ, съ отмѣтками, имъ сдѣланными на татарскомъ языкѣ, изъ каковыхъ отмѣтокъ я могъ заключить о крайне ошибочной оцѣнкѣ, ему сообщенной, способностей и качествъ нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ.

Недовѣрчивость генерала Муравьева относилась не только къ служащимъ при немъ и исполнителямъ его указаній, но и къ самому себѣ; онъ не считалъ свое мнѣніе вполнѣ безошибочнымъ, а контролировалъ его мнѣніями другихъ и, передавая соображенія одного лица другому, составлялъ изъ свода разнородныхъ соображеній, имъ собранныхъ, собственное свое, уже непреклонное убѣжденіе. Подобно тому, какъ въ судебныхъ мѣстахъ, приступается къ сужденію о дѣлѣ не прежде, какъ по выслушаніи тяжущихся сторонъ и ихъ адвокатовъ, когда вопросъ достаточно разъяснится,—Муравьевъ не прежде давалъ рѣшеніе, по какому-либо вопросу, какъ по всестороннему его обсужденію. Таковая система, конечно, вполнѣ правильна и раціональна; но нельзя не сознаться, что въ такой странѣ, какъ Кавказъ, гдѣ такъ много зависитъ отъ случайностей, отъ быстро измѣняющихся обстоятельствъ, пунктаторство не можетъ не повести иногда къ послѣдствіямъ, весьма вреднымъ, какъ напр.: подряды на поставки продовольственныхъ припасовъ, перевозку тяжестей и пр., которые

Библиотека "Руниверс"

сегодня были бы законтрактованы по такимъ-то цѣнамъ, завтра уже, по случаю климатическихъ или другихъ какихъ-либо вліяній, порчи дорогъ, или неожиданно возродившихся затрудненій, при весьма ограниченномъ въ краѣ числѣ конкурентовъ на предпріятія, могутъ непомѣрно возвыситься или даже вовсе не состояться.

При всѣхъ своихъ истинно благородныхъ качествахъ, Муравьевъ не чуждъ былъ наушничеству, охотно допускалъ лесть и не равнодушенъ былъ къ воздаваемымъ ему хваламъ. Однимъ словомъ, онъ представлялъ непонятную смѣсь самыхъ высокихъ доблестей съ далеко незаслуживающими похвалы слабостями; самыя широкія теоретическія воззрѣнія съ необыкновенною узкостью въ примѣненіи ихъ на практикѣ; и не мудрено, что о немъ сложились самыя разнорѣчивыя мнѣнія.

Я упомянулъ о благородной чертѣ въ Н. Н. Муравьевѣ, проявившейся при представленіи ему, 8-го марта 1855 г., чиновниковъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи, представить еще другой примѣръ отличавшей его рыцарской чести. Предъ отъѣздомъ своимъ подъ Карсъ, Николай Николаевичъ, озабоченный требуемыми, по этому случаю, распоряженіями, передавая мнѣ бумагу къ подписи ему поднесенную, по одной отрасли гражданскаго управленія, не входившую въ сферу обязанностей лежавшихъ на его канцеляріи, приказалъ мнѣ, просмотрѣвъ эту бумагу, доложить ему мое по оной мнѣніе. Потребовавъ къ себѣ все дѣло, о которомъ шла рѣчь, я составилъ, по извлеченіи изъ онаго потребныхъ свѣдѣній, другое отношеніе и доложилъ намѣстнику, что, при сохраненіи существа дѣлаемаго ему представленія, разница въ прежде поднесенномъ ему къ подписи отношеніи въ кавказскій комитетъ и мною заготовленнаго, состояла лишь въ томъ, что въ первомъ, въ рѣзкихъ выраженіяхъ, порицалась мѣра, принятая его предмѣстникомъ; во второмъ, излагая пользу и благопріятныя послѣдствія, имѣвшіяся въ виду у кн. Воронцова, при допущеніи этой мѣры, она, къ сожалѣнію, не увѣнчалась желаемымъ успѣхомъ и потому испрашивается разрѣшеніе на ея отмѣну. Выслушавъ меня, Николай Николаевичъ сказалъ: „благодарю васъ, что оградили меня отъ поступка низкаго, меня недостойнаго“.

Вполнѣ справедливо сказано г. Берже, что, съ пріѣздомъ Муравьева, общественная жизнь въ Тифлисѣ видимо стала утрачивать ту привлекательность, которая придавала ей какой-то особенный отпечатокъ. Все какъ-будто замерло. Какъ истый спартанецъ древнихъ временъ, Николай Николаевичъ велъ жизнь необыкновенно строгую и воздержную, соблюдалъ всѣ посты, не дозволялъ себѣ никакихъ общественныхъ удовольствій, никакого развлеченія, лишь изрѣдка

Библиотека "Руниверс"

партіи въ шахматы. Неуклонно взыскивающій съ подчиненныхъ своихъ точнаго, безъ малѣйшаго упущенія, выполненія лежавшихъ на нихъ обязанностей и даваемыхъ имъ порученій, Муравьевъ не менѣе строгъ былъ къ самому себѣ. Все его время, всѣ досуги, посвящаемы были службѣ. Педантизмъ его въ этомъ отношеніи доходилъ до геркулесовыхъ столбовъ. Въ одинъ изъ приходовъ его въ кабинетъ моей канцеляріи, я пригласилъ его, между прочимъ, посѣтить театръ, доказывая, что вполнѣ заслуживаетъ поощренія учрежденіе, имѣющее несомнѣнное вліяніе на развитіе науки и вкуса, изощреніе нравовъ и сліяніе туземцевъ съ русскими. Николай Николаевичъ согласился на мое предложеніе и присутствовалъ на одномъ театральномъ представленіи. На слѣдующее утро, на вопросъ мой, доволенъ-ли онъ остался спектаклемъ? намѣстникъ отвѣчалъ: „да, хорошо; но я на васъ сердитъ за то, что вы отняли у меня нѣсколько часовъ, принадлежавшихъ службѣ". На это я осмѣлился замѣтить, что кн. Воронцовъ, который безъ устали цѣлый день посвящалъ дѣламъ, по военной и гражданской частямъ, по вечерамъ уже ничѣмъ не занимался; любилъ собирать у себя общество и съ удовольствіемъ принималъ участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ; „и потому-то", отвѣтилъ Муравьевъ, „такъ мало при немъ сдѣлано въ сравненіи съ тѣмъ, что могло бы быть совершено!"

Къ сказанному г. Берже о русской банѣ, выстроенной, по приказанію Муравьева, въ саду при намѣстническомъ домѣ, прибавлю, что Николай Николаевичъ до того простиралъ бережливость казенныхъ денегъ и скупость на затраты изъ нихъ, что его тревожило то, что рѣшился издержать нѣсколько сотенъ рублей на постройку этой бани. На выраженное имъ по сему сѣтованіе, я отвѣчалъ ему, что если Государю Императору благоугодно было поставить его на столь высокій, имъ занимаемый, постъ, то, конечно, его величество былъ увѣренъ въ пользѣ, которую принесетъ онъ на этомъ посту; а какъ для возможности осуществленія этой пользы первымъ условіемъ является здоровье, и что для поддержанія его здоровья баня составляетъ необходимость, то, конечно, казна не пожалѣетъ ничтожную на то употребленную затрату.

Семейство свое Николай Николаевичъ не привезъ въ Тифлисъ. Въ частныхъ бесѣдахъ со мною онъ любилъ говорить о своей супругѣ, Натальѣ Григорьевнѣ, рожденной графинѣ Чернышевой; съ чувствомъ нѣжнѣйшей привязанности и самаго глубокаго уваженія показывалъ мнѣ иногда свою переписку съ ней, на англійскомъ языкѣ, и съ восторгомъ упоминалъ о высоконравственномъ воспитаніи, въ коемъ взросли его дочери.

Библиотека "Руниверс"

Совершенно справедливо говоритъ г. Кропотовъ, что бывшіе въ прикосновеніи съ Николаемъ Николаевичемъ сохранили къ нему уваженіе и привязанность. Въ этомъ нельзя было не убѣдиться изъ писемъ, имъ получаемыхъ отовсюду, отъ бывшихъ его подчиненныхъ и близко знакомыхъ. Я же былъ лично свидѣтелемъ той преданности къ нему, той точной безропотной исполнительности самыхъ мелочныхъ его приказаній, коими были одушевлены его адъютанты. Не мало удивляло меня невозмутимое терпѣніе, съ коимъ они присутствовали, по нѣсколько часовъ стоя при докладахъ, которые не могли имъ казаться безусловно занимательными. „Имъ надобно учиться", говаривалъ Муравьевъ, „сами они, когда будутъ занимать высшія служебныя должности, поблагодарятъ меня за пріобрѣтенныя ими при мнѣ: знанія, навыкъ и опытность".

При этомъ случаѣ долженъ указать на ошибочность мнѣнія, что чрезъ снисходительность кн. Воронцова, ласковое и кроткое обращеніе съ его подчиненными породилась между ними распущенность и пренебреженіе всякой дисциплины. Князь Воронцовъ дѣйствительно обращался съ служащими при немъ не какъ съ чиновниками, а какъ съ сотрудниками, рука объ руку съ нимъ стремящимися къ достиженію одной благой цѣли; онъ охотно допускалъ шутки, но никогда никто не осмѣливался предъ нимъ забываться, никогда не нарушалась должная подчиненность. Всѣ, его окружающіе, любили и почитали какъ отца; всѣ наперерывъ старались наиуспѣшнѣе выполнить его порученія; страшились не грознаго гнѣва его, но и малѣйшаго признака его неудовольствія или неодобренія; отсутствіе на устахъ его той очаровательной улыбки, которая на всѣхъ дѣйствовала притягательною силою, было для каждаго чувствительнѣе выговора.

Не стану касаться дѣйствій генерала Муравьева подъ Карсомъ не потому, чтобы я вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе „Любителя Кавказа и Закавказья", что гражданскій чиновникъ, съ канцелярскими взглядами, не долженъ отваживаться на обсуживаніе стратегическихъ дѣйствій и военныхъ достоинствъ заслуженаго человѣка, но потому, что мнѣ неизвѣстны причины, побудившія генерала Муравьева поспѣшить штурмомъ. Не могу, однако, не сказать въ подтвержденіе приведеннаго г. Берже, что командовавшій въ Карсѣ генералъ Вилліамсъ, съ коимъ я близко познакомился въ Тифлисѣ, выхваляя мѣры, принятыя Муравьевымъ для блокады крѣпости, какими мѣрами пресѣчена была возможность доставленія туда продовольственныхъ припасовъ и гарнизонъ былъ доведенъ до совершеннаго голода и изнуренія, отзываясь съ восторгомъ о мужествѣ нашего войска, съ кото-

Библиотека "Руниверс"

рымъ, по его словамъ, можно бы овладѣть вселенною,— выражалъ удивленіе, что, въ виду неминуемой необходимости сдачи крѣпости, гарнизонъ коей недолго еще былъ въ состояніи держаться, русскіе рѣшились безъ фашинъ, лѣстницъ и достаточныхъ крѣпостныхъ орудій лѣзть на штурмъ. Какъ бы то ни было, но неоспоримо, что взятіе Карса есть событіе громадной важности; вѣсть о немъ преисполнила всѣхъ сыновъ Россіи безпредѣльнымъ восторгомъ. Кн. Воронцовъ, находившійся тогда въ Петербургѣ, сообщилъ мнѣ, что съ всеобщей радостью столица узнала объ этомъ событіи. „Ты не можешь себѣ представить", писалъ онъ мнѣ „глубокую признательность, которою меня преисполнило милостивое сообщеніе мнѣ Государемъ Императоромъ, тотчасъ по полученіи имъ донесенія Муравьева. Я немедленно поспѣшилъ во дворецъ, для принесенія его величеству поздравленія, и былъ свидѣтелемъ радости и восторга, всѣми овладѣвшихъ". Не менѣе справедливо, что паденіе грозной твердыни, почитавшейся нашими врагами несокрушимой, имѣло громадное вліяніе на условія парижской конференціи о мирѣ.

Отправляясь, 10-го мая 1855 г., къ дѣйствующему корпусу на кавказско-турецкой границѣ, Муравьевъ возложилъ на князя Бебутова рѣшеніе дѣлъ по гражданскому управленію Кавказомъ и Закавказьемъ. Съ обширною административною опытностію кн. Василія Осиповича, съ его совершеннымъ знаніемъ края и людей, съ его проницательнымъ умомъ и неусыпною дѣятельностью, снятъ былъ тормазъ съ груза накопившихся дѣлъ; онѣ приняли безостановочное теченіе и доставляемы были Муравьеву въ лагерь всему производившемуся меморіи, которыя возвращались съ замѣчаніями и вопросами, нерѣдко обличавшими мелочное обращеніе болѣе къ формѣ, нежели къ существу дѣла.

Изъ-подъ Карса Николай Николаевичъ писалъ Бебутову о своемъ намѣреніи представить меня къ присутствованію въ правительствующемъ сенатѣ. Признаюсь, невыразимо грустно мнѣ было мыслить, что мнѣ придется покинуть очаровательную страну, къ которой я привязался душою, разстаться съ сферою дѣятельности, съ которою я сроднился, которую я почиталъ самою живительною, самою плодотворною; но, конѣчно, я съ благодарностью принялъ сдѣланное мнѣ лестное предложеніе.

Въ январѣ 1856 г. послѣдовало высочайшее назначеніе меня сенаторомъ, присутствующимъ въ 7-мъ департаментѣ сената.

Разставаніе мое съ Н. Н. Муравьевымъ, было поистинѣ сказать, вполнѣ дружеское. Какъ ни тяжело было мнѣ подъ часъ служеніе мое при немъ, но никогда не изгладится изъ моего сердца призна-

Библиотека "Руниверс"

тельная память, за благосклонное, имъ постоянно оказываемое ко мнѣ, расположеніе. Прощаясь со мною, Николай Николаевичъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: „я убѣдился, что на Кавказѣ болѣе честныхъ, способныхъ, добросовѣстныхъ и усердно исполняющихъ свой долгъ людей, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Не полагаю, чтобы мнѣ еще долго пришлось оставаться на своемъ посту, прошу васъ посѣтить меня въ Скорняковѣ.[1]) Тамъ мы будемъ ѣсть русскіе пироги и бесѣдовать о дорогомъ нашемъ Кавказѣ".

Не удалось мнѣ воспользоваться приглашеніемъ генерала Муравьева, но, по оставленіи имъ управляемой страны, я имѣлъ удовольствіе съ нимъ видѣться нерѣдко въ Москвѣ, какъ у него самого, такъ и у меня, и у брата его, Александра Николаевича, присутствовавшаго, вмѣстѣ со мною, во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента сената. Бесѣды мои съ Николаемъ Николаевичемъ все болѣе и болѣе знакомили меня съ высоконравственнымъ, истинно-религіознымъ его настроеніемъ и съ обширными многосторонними его научными свѣдѣніями; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти бесѣды утвердили во мнѣ убѣжденіе, что при неоцѣненномъ, неусыпномъ стремленіи Н. Н. Муравьева къ благоустройству ввѣренныхъ ему частей, къ преслѣдованію и искорененію повсюду могущихъ вкрасться злоупотребленій, къ водворенію порядка, благочинія и охраненія славы Россіи, онъ не обладалъ тою творческою предпріимчивостью, которая помогла кн. Воронцову исторгнуть изъ состоянія младенчества Новороссію и Бессарабію, развить ихъ жизненныя силы и положить начало той степени возмужалости, на которой нынѣ находятся Кавказъ и Закавказье.

М. П. Щербининъ.

---

[1]) Пмѣніе Николая Николаевича Муравьева въ Воронежской губерніи, въ Задонскомъ уѣздѣ. **М Щ.**

Библиотека "Руниверс"

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разсказы Очевидца.

1861—1864.

Въ настоящее время необыкновенное богатство историческихъ матеріаловъ за-частую весьма затрудняетъ составленіе справедливой, вѣрной и безпристрастной исторіи данной эпохи. Геній, конечно, не потеряется въ этой массѣ самыхъ разнорѣчивыхъ данныхъ, но что касается даже до талантливыхъ писателей и новѣйшихъ историковъ, то они, по большей части, составляютъ преднамѣренный планъ, на основаніи личнаго воззрѣнія на событія, отличаютъ нѣкоторыхъ дѣятелей, какъ людей избранныхъ, и даже при неудачѣ видятъ въ нихъ жертву, поставленную, стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ невозможность дѣйствовать какъ должно и какъ бы они хотѣли. Точно также историкъ произноситъ приговоры, и даже весьма рѣзкіе, о своихъ нелюбимцахъ и выставляетъ ихъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ; и затѣмъ, при обиліи фактовъ, теряясь въ массѣ противорѣчивыхъ данныхъ, сообщаетъ событію совершенно иной характеръ, нежели какой былъ у него въ дѣйствительности; между тѣмъ, таковой разсказъ сдается въ исторію и дѣлается ея достояніемъ, а оттуда переходитъ въ народъ и его преданія.

Припомнимъ, сколько есть неправдъ, въ особенности въ нашей исторіи, неправдъ, сдѣлавшихся общимъ убѣжденіемъ; припомнимъ также, что какъ ни стараются ихъ опровергнуть на основаніи подлинныхъ документовъ, большинство читающихъ говоритъ: все это хорошо, а между тѣмъ, „всѣмъ извѣстно“, что дѣло было вотъ какъ, и затѣмъ повторяется старая басня.

Отъ такого рода ошибокъ неизъяты весьма замѣчательныя записки „О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ“—Н. В. Берга (Москва, 1874 г., въ 8-ю д.), и хотя Н. В. Бергъ читалъ ихъ покойному генералъ-фельдмаршалу графу Бергу, но этотъ, дѣйствительно за-

Библиотека "Руниверс"

служенный и почтенный старецъ, уже предсталъ на судъ Божій, и его дѣйствія, а также дѣйствія окружавшей его среды, сдѣлались достояніемъ исторіи; она оцѣнитъ по достоинству дѣйствія людей, которые, при всѣхъ ихъ заслугахъ, на столько мало были русскими людьми, что даже въ припадкахъ расположенія хорошаго духа (а это случалось очень рѣдко), говорили, послѣ 50-ти лѣтъ, проведенныхъ въ рядахъ русскаго войска: „это карашо, орхи — карашо и даже порѣдочно....“

Уважаемый Н. В. Бергъ въ особенности грѣшилъ противъ истины въ характеристикѣ и очеркѣ дѣятельности быстро смѣнявшихся, послѣ князя Горчакова, намѣстниковъ Царства Польскаго: Сухозанета, Ламберта, Лидерса и помощника Ламберта — Герштенцвейга. Въ разсказѣ объ этомъ времени встрѣчаются замѣчательные пропуски и недомолвки; набрасывается тѣнь на дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ и возвышаются, совершенно незаслуженно, одни на счетъ другихъ. На первый разъ рѣшаемся пополнить пропуски въ разсказѣ о времени управленія Царствомъ Польскимъ генерала Сухозанета, а потомъ сдѣлаемъ тоже для времени управленія Ламберта — этого умнаго и высоко-честнаго человѣка; затѣмъ Лидерса, имя котораго можно поставить на ряду съ именемъ Баярда—въ это грустное и страшное время. Лидерсъ и его дѣятельность еще требуютъ исторіи; въ заключеніе мы представимъ очеркъ десятилѣтней дѣятельности фельдмаршала графа Берга, руководствуясь правиломъ: Suum cuique (каждому свое).

I.

Время генерала Сухозанета.

1861

Удрученный лѣтами и болѣзнями, герой Севастополя, князь Михаилъ Димитріевичъ Горчаковъ внезапно увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ издавна готовившимся революціоннымъ переворотомъ. Мятежная толпа, внезапно явившаяся предъ королевскимъ замкомъ 15-го (27) февраля 1861 г., закрывала себя живою стѣною изъ женщинъ и дѣтей; князь Горчаковъ зналъ и умѣлъ громить полки непріятельскіе, но тутъ онъ впервые дрогнулъ; отступилъ въ замокъ, принялъ депутаціи и адресъ; разрѣшилъ торжественныя похороны пяти убитыхъ; и совершенно утратилъ всякую рѣшимость послѣ манифестаціи 8-го апрѣля 1861 г., гдѣ онъ лично старался вразумить безумцевъ, но долженъ былъ дать приказаніе стрѣлять.

Библиотека "Руниверс"

Новые тревожные слухи, полученные въ Петербургѣ изъ Варшавы, о преуспѣяніи мятежа и болѣзненномъ состояніи главнокомандующаго, требовали скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ; замѣна намѣстника другимъ лицомъ казалась неизбѣжною, и временнымъ преемникомъ князя Горчакова назначенъ военный министръ, генералъ Сухозанетъ.

Назначеніе этого, также престарѣлаго, генерала въ Варшаву было совершенно внезапное и, кажется, основывалось на томъ, что онъ, какъ начальникъ артиллеріи дѣйствующей арміи при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, жилъ весьма долго въ Варшавѣ, имѣлъ тѣсное знакомство со всѣми лучшими польскими фамиліями и принималъ у себя избранное польское общество. По происхожденію и воспоминаніямъ ранняго дѣтства, Сухозанетъ зналъ и любилъ польскій языкъ, и даже, въ весьма немногочисленномъ тогдашнемъ русскомъ кружкѣ, въ Варшавѣ, онъ приближалъ къ себѣ и наиболѣе довѣрялъ тѣмъ, кто, вслѣдствіе продолжительной жизни въ Польшѣ, сдѣлался полуполякомъ.

Сухозанетъ, по своему званію военнаго министра, не былъ младше намѣстника Царства Польскаго и ни въ какомъ случаѣ не могъ считаться его соперникомъ. По естественному ходу вещей, власть выскользала, какъ бы сама собою, изъ ослабѣвшихъ рукъ князя Горчакова, и его временному преемнику слѣдовало энергически взяться за кормило правленія, ободрить робкихъ, одушевить мужественныхъ и возстановить порядокъ и уваженіе къ власти законной.

Можно было надѣяться, что изъ всѣхъ русскихъ генераловъ, Сухозанетъ будетъ самымъ популярнымъ въ взволнованномъ краѣ; тѣмъ болѣе, что помощникомъ его назначенъ былъ, одновременно съ Сухозанетомъ (28-го мая 1861 года), генералъ Мерхилевичъ, уроженецъ западныхъ губерній и католикъ, начавшій службу въ артиллеріи, въ Варшавѣ, подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича.

Неоспоримо, что вліянію Сухозанета слѣдуетъ приписать назначеніе Мерхилевича главноуправляющимъ гражданскою частію въ Царствѣ Польскомъ. Оба они были артиллеристы и, какъ собратія по оружію, одинаково были готовы поддерживать порядокъ, но не имѣли понятія о гражданскомъ управленіи и оба никогда не были, во всю свою службу, самостоятельными начальниками, а все это, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, вело ихъ къ ряду постоянныхъ ошибокъ. Но добродушный Мерхилевичъ искупалъ ихъ своею ласковостію, тогда какъ Сухозанетъ держалъ себя необыкновенно гордо и былъ сначала самонадѣенъ, заносчивъ и недоступенъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался значительно мягче.

Библиотека "Руниверс"

Припомнимъ, что князь Горчаковъ, давно знавшій Сухозанета и долго бывшій его начальникомъ, особенно рекомендовалъ его, по окончаніи крымской войны, какъ отличнаго и опытнаго администратора, пророча въ немъ будущаго Барклая-де-Толли, и даже, когда Сухозанетъ сдѣлался военнымъ министромъ, въ оффиціальной перепискѣ между нимъ и главнокомандующимъ княземъ Горчаковымъ, они писали одинъ другому: „мой уважаемый другъ". Могъ-ли же послѣ этого Сухозанетъ допустить какія-либо посягательства на власть князя Горчакова или подумать о смѣнѣ его, даже въ то время, когда мужественный и доблестный старецъ былъ одною ногою въ могилѣ и боролся съ предсмертною агоніею, оживая минутно для какого-либо, невсегда счастливаго, распоряженія?

Князь Горчаковъ держалъ Сухозанета въ страхѣ Божіемъ, ставилъ себя неизмѣримо выше его и, такъ сказать, снисходилъ до дружескихъ съ нимъ отношеній, по капризу знатнаго барина и родоваго князя.

Понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ дѣйствіямъ князя Горчакова его преемникъ; онъ лучше всѣхъ зналъ, что поѣздка его въ Варшаву была временная. Въ Петербургѣ совершенно неожиданно узнали, что князь Горчаковъ находится при послѣднемъ издыханіи и потому назначеніе Сухозанета и отъѣздъ его послѣдовали почти одновременно. Надобно было торопиться; герой Севастополя, отстаивавшій столь долго „многострадальный" городъ передъ превосходными силами непріятеля, смѣжилъ на вѣки глаза свои, оставивъ по себѣ память искуснаго вождя, мужественнаго и дерзко-храбраго генерала и прямодушнаго человѣка.

Военный министръ, при отправленіи изъ Петербурга, объявилъ на прощаньи своимъ подчиненнымъ, что ѣдетъ въ Польшу „ad interium" (вмѣсто ad interim) и скоро возвратится.

Онъ, дѣйствительно, какъ истый артиллеристъ-техникъ, хотѣлъ поступить съ Польшею, какъ съ приготовляемымъ для обтачиванія орудіемъ;—онъ намѣревался „оболванить" [1]) Царство Польское, потерявшее всякій образъ благоустроеннаго государства и представлявшее безобразную массу, для того, чтобы рѣзецъ искуснаго ваятеля сдѣлалъ изъ нея впослѣдствіи превосходную статую; онъ желалъ приготовить и обрубить кусокъ мрамора, изъ котораго новый Пигмаліонъ создалъ бы Галатею! (Надобно сказать, что за Польшею, въ

---

[1]) Вмѣсто «обдѣлать вчернѣ» — любимое выраженіе генерала Сухозанета, сохранившееся въ резолюціи на имя директора канцеляріи Брискорна или «Прискорна», какъ писалъ Н. О. Сухозанетъ. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

политическомъ отношеніи, всегда была репутація Оффенбаховой Галатеи).

Зная по преданію, что поляки прежде всего любятъ то, что французы называютъ: prestige, а мы, русскіе — обаяніе, Сухозанетъ рѣшился явиться передъ варшавянами въ полномъ блескѣ своего величія. Тотчасъ по прибытіи въ Варшаву, 1-го іюня 1861 г., онъ приказалъ собрать въ замокъ, для представленія ему, именитѣйшихъ лицъ варшавскаго населенія.

Всѣ явились съ замирающимъ сердцемъ, потому что каждый чувствовалъ себя виновнымъ; тутъ были красные, бѣлые и безцвѣтные, тутъ было духовенство съ скрещенными на груди руками и лицемѣрно потупленнымъ взглядомъ; тутъ были поляки еврейскаго вѣроисповѣданія (евреевъ тогда не было); однимъ словомъ—всѣ, и правые и виноватые. Въ числѣ прочихъ находился извѣстный цѣлой Варшавѣ и здравствующій до сихъ поръ виноторговецъ Р—ъ. Для торжественнаго представленія своему старому знакомому, а нынѣ намѣстнику, Р—ъ напялилъ на себя давно ненадѣванный и потому необыкновенно узкій мундиръ и довершилъ свой уборъ, притащивъ и треугольную шляпу; въ особенности безпокоила его шпага, постоянно попадавшая между ногъ.

Съ краснымъ лицомъ, растопыренными руками и едва дыша, стоялъ Р—ъ, обливаясь горячимъ потомъ; вокругъ него отовсюду слышались насмѣшки надъ его узкимъ мундиромъ, его комической фигурой и „пирогомъ“... (такъ называли его треугольную шляпу).

Въ это время растворилась дверь въ сосѣднюю залу и появился давно жданный министръ, намѣстникъ и главнокомандующій въ особѣ генерала Сухозанета. Онъ вошелъ, гремя волочившеюся на портупеѣ саблею, закинувъ на лобъ синія очки и раскачиваясь на своихъ хилыхъ ногахъ. Издалека онъ узналъ своего давняго знакомца Р—на и, быстро подойдя къ помертвѣвшему отъ страха виноторговцу, крикнулъ: „Это что значитъ—руки по швамъ!“ Бѣднякъ, отчаяннымъ жестомъ, прижалъ руки къ тѣлу, и швы его узкаго мундира крякнули къ немалой потѣхѣ присутствующей публики.

1-го же іюня остановился въ Варшавѣ, проѣздомъ изъ-за границы, графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ (котораго общій голосъ называлъ будущимъ намѣстникомъ Царства Польскаго). Красивый, ловкій, сообщительный, графъ Ламбертъ, по своей молодости и какому-то особенному умѣнью привлекать людей своею привѣтливостью, составлялъ рѣзкую противоположность съ Сухозанетомъ, и если бы онъ занялъ постъ намѣстника въ настоящую минуту, кто знаетъ, какой бы ходъ приняли событія. Но Ламберту пришлось быть сви-

Библиотека "Руниверс"

дѣтелемъ первыхъ дѣйствій умиротворителя края и потомъ, съ высочайшаго соизволенія, Ламбертъ отправился въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ.

Желаніе произвести prestige не ограничилось однимъ оффиціальнымъ пріемомъ, сдѣланы были новыя попытки въ этомъ же родѣ. Недѣли черезъ двѣ, Сухозанетъ назначилъ разводъ на Саксонской площади, куда явилось много любопытныхъ. Намѣстникъ заставилъ долго ждать себя и, по прибытіи на площадь, поздоровался съ войсками, прошелъ по фронту ихъ и внезапно обратился къ стоявшему, нѣсколько впереди толпы, человѣку среднихъ лѣтъ, одѣтому съ большою изысканностью и видимо старавшемуся обратить на себя общее вниманіе.

Физіономія этого барина дышала внутреннимъ самодовольствіемъ; незнакомецъ смотрѣлъ загадочно и нѣсколько свысока, возбуждая общее любопытство; всѣ спрашивали, кто онъ? и всѣ недоумѣвали: его до сихъ поръ никто не видалъ въ Варшавѣ.

Въ минуту, когда подозвалъ его Сухозанетъ, я невольно выдвинулся изъ толпы и едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Спиною ко мнѣ, приподнявъ слегка бѣлую шляпу и небрежно склоня голову на-бокъ, стоялъ, хорошо извѣстный Петербургу, г. Илья Арсеньевъ, впослѣдствіи снискавшій извѣстность какъ редакторъ политическаго отдѣла „Сѣверной Почты", самостоятельный редакторъ „Заноды" и краснорѣчивый защитникъ самого себя въ судахъ, гдѣ также приходилось ему не разъ появляться.

Сухозанетъ громко заговорилъ съ г. Арсеньевымъ, видимо желая быть услышаннымъ всѣми.

— „Вы нашъ защитникъ передъ Европой и истолкователь нашихъ дѣйствій передъ Россіею; смотрите, наблюдайте за всѣмъ и пишите. Вашему перу будетъ теперь много пищи. Защищайте насъ, боритесь, покажите, что вы истинно русскій даровитый писатель".

Онъ протянулъ ему руку; потомъ быстро повернулся на каблукахъ и удалился, гремя волочившеюся по землѣ саблею.

Такое обращеніе намѣстника, съ неизвѣстнымъ господиномъ, видимо всѣхъ поразило.

Обстоятельства вызова г. Ильи Арсеньева въ Варшаву такъ странны, неожиданны и, можно сказать, забавны (если только совѣсть позволяла смѣяться въ такое грустное время), что я считаю обязанностью привести подлинную переписку, для подтвержденія моего разсказа. Публикуемые документы будутъ свидѣтельствовать, какъ понимали въ то время въ Варшавѣ характеръ розыгравшагося возстанія; какое понятіе имѣли высокопоставленные люди о нашей литературѣ вообще и русской

Библиотека "Руниверс"

журналистикѣ въ особенности; какъ странно раздавались въ былое, еще недавнее время, дипломы на литературную геніальность, представлявшіеся, какъ формулярные списки, при опредѣленіи людей на государственную службу по литературной части.

Вся эта переписка, какъ само собою разумѣется, велась „конфиденціально“ въ главномъ штабѣ дѣйствующей арміи; на письмѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Прянишникова (въ вѣдѣніи котораго состоялъ г. Илья Арсеньевъ) выставлена помѣтка: „По генеральному штабу“, 22-го іюня 1861 г., № 50; по общему журналу № 838.

Но прежде о томъ, какъ возникла эта переписка.

Любимецъ русскаго войска, Степанъ Александровичъ Хрулевъ, давно зналъ г. Арсеньева и, по возвращеніи изъ Севастополя, сдѣлался усерднымъ посѣтителемъ утреннихъ пріемовъ этого сотрудника „Экономическаго Указателя“. Посѣщенія Хрулева придавали особую торжественность этимъ собраніямъ. Степанъ Александровичъ, со всѣмъ простодушіемъ героя, оставшагося, при всей своей храбрости, заслугахъ и ранахъ, безъ средствъ къ жизни, искалъ частныхъ занятій у псевдо-патріота и временнаго литератора Кокорева; продавалъ, при посредствѣ своего бывшаго адъютанта Сироткина, „севастопольскій квасъ“, занимался метахромотипіею и сблизился съ нѣкоторыми изъ „золотыхъ юношей“ Петербурга, всюду внося свое добродушіе съ примѣсью лукавства и совершеннаго невѣдѣнія практической жизни.

Илья Арсеньевъ, конечно, понялъ, какую представительность давало присутствіе Хрулева его утреннимъ собраніямъ и не щадилъ ѳиміаму для прославленія подвиговъ героя. На утренникахъ г. Арсеньева всегда можно было встрѣтить обыкновенно молчаливую фигуру севастопольскаго льва — Хрулева, который молча курилъ свою трубку съ длиннымъ турецкимъ чубукомъ, изрѣдка издавая одобрительныя или неодобрительные звуки; иногда, одушевившись, Степанъ Александровичъ разсказывалъ свои, вѣчно-неизмѣнные анекдоты о Елабугскомъ гарнизонномъ начальникѣ, бывшемъ музыкантѣ Преображенскаго полка, и о вѣковой враждѣ Стерлитамакскаго этапнаго командира съ соборнымъ протопопомъ, прекратившейся по вмѣшательству графа Клейнмихеля.

Когда Хрулевъ былъ посланъ въ Варшаву и явился дѣйствующимъ лицомъ при усмиреніи манифестаціи, 8-го апрѣля 1861 г., на него обратили особое вниманіе, и онъ пріобрѣлъ большой вѣсъ у князя Горчакова, какъ человѣкъ храбрый и рѣшительный. Въ это время Степанъ Александровичъ получилъ отъ своего петербургскаго пріятеля, Ильи

Библиотека "Руниверс"

Арсеньева, письмо, съ просьбою „устроить ему литературную командировку въ Варшаву". Условія были самыя умѣренныя: по 200 р. сер. въ мѣсяцъ, квартира въ королевскомъ замкѣ и путевыя издержки.

Хрулевъ не замедлилъ доложить объ этомъ князю Горчакову, выставивъ Арсеньева даровитѣйшимъ публицистомъ. Ходатайство Хрулева было принято благосклонно; князь Горчаковъ самъ считалъ себя литераторомъ: онъ помѣщалъ когда-то свои переводы въ военномъ журналѣ Рахманова (имѣвшемъ въ свое время большую извѣстность); былъ пріятелемъ Ѳедора Глинки и даже, на старости, сочинилъ пѣсню на переходъ русскихъ, подъ его предводительствомъ, черезъ Дунай. Газетъ онъ не любилъ и часто, во время восточной войны, писалъ бывшему военному министру, князю Долгорукову, что чтеніе газетъ раздражаетъ его нервы. Несмотря на то, онъ присылалъ, при генералѣ Сухозанетѣ, офиціальныя замѣтки на статьи, появлявшіяся въ „Русскомъ Инвалидѣ" по поводу событій послѣдней войны; въ особенности не понравилась ему полемика объ Альминскомъ сраженіи, завязавшаяся между его братомъ и генералами Квитницкимъ и Кирьяковымъ.

О русской литературѣ и ея современныхъ дѣятеляхъ князь Горчаковъ имѣлъ самое смутное понятіе и потому легко склонился на призваніе г. Ильи Арсеньева въ Варшаву, что выразилъ въ письмѣ къ тогдашнему начальнику г. Арсеньева—Прянишникову.

Письмо намѣстника Царства Польскаго, князя Горчакова, отъ 11-го мая 1861 года, за № 134, Ѳ. И. Прянишникову.

(Конфиденціально). „Милостивый государь, Ѳедоръ Ивановичъ. Находя нужнымъ, на нѣкоторое время, имѣть при себѣ редактора для статей, помѣщаемыхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ въ Россіи и за границей, по всѣмъ предметамъ, относящимся до Царства Польскаго, и зная, что состоящій при вашемъ высокопревосходительствѣ чиновникомъ особыхъ порученій, г. Арсеньевъ, участвующій во многихъ періодическихъ изданіяхъ, можетъ, съ пользою для правительства, заниматься составленіемъ статей такого рода, я обращаюсь къ вамъ, м. г., съ покорнѣйшею просьбою, о временномъ командированіи г. Арсеньева въ Варшаву, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался въ моемъ распоряженіи.

„При семъ долгомъ считаю присовокупить, что находящійся нынѣ при мнѣ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, коротко знающій г. Арсеньева, сообщилъ мнѣ, что сей послѣдній, съ своей стороны, изъявилъ готовность прибыть въ Варшаву, если ваше высокопревосходительство не изволите найдти къ тому никакихъ препятствій.

Библиотека "Руниверс"

„Въ ожиданіи по сему предмету отвѣта отъ вашего высокопревосходительства, пользуюсь случаемъ увѣрить васъ, м. г., въ моемъ почтеніи и преданности".

Но едва письмо это было отправлено, князь Горчаковъ, изнемогавшій морально, совершенно изнемогъ физически, и спустя девять дней, новый намѣстникъ, въ особѣ генерала Сухозанета, прибылъ въ Варшаву поклониться безжизненному тѣлу своего знаменитаго предшественника, который, какъ мы уже сказали, въ часы великихъ битвъ, безстрашно являясь передъ рядами обожавшаго его войска, не могъ теперь совладать съ уличною революціею, утомился въ безплодной борьбѣ съ безконечными манифестаціями и,—желая въ одно и тоже время, съ одной стороны, избѣгнуть необходимыхъ, но крутыхъ мѣръ, для подавленія разгоравшагося возстанія, а съ другой—надѣясь миролюбиво утушить его,—палъ въ этой безвыходной борьбѣ, оставивъ по себѣ память благороднѣйшаго человѣка, храбраго воина и нерѣшительнаго администратора, приготовившаго послѣдующія бѣдствія.

Панегиристы князя Горчакова хотятъ, во что бы то ни стало, извинить послѣднія его дѣйствія предшествовавшими заслугами; но бивакированіе войскъ въ залахъ королевскаго замка, послѣ первой манифестаціи 15-го (27) февраля, сборъ ключей отъ всѣхъ дверей замка на столѣ въ кабинетѣ князя Горчакова и выдача ихъ, по его личному приказанію, останутся навсегда необъяснимыми свидѣтельствами человѣческой природы.

Какъ человѣкъ души и сердца, князь Горчаковъ не былъ въ состояніи проливать крокодиловыхъ слезъ при подписываніи смертныхъ приговоровъ; онъ имѣлъ рѣшимость громить непріятельскія колонны и уничтожать ихъ въ открытомъ бою, но онъ содрогнулся, увидѣвъ мятежниковъ, прикрывшихъ себя живою стѣною изъ женщинъ и дѣтей; благородной душѣ его было противно это зрѣлище, и онъ вступилъ съ мятежниками въ переговоры, а это имъ и было нужно для успѣха своихъ дѣйствій.

Рядомъ съ этою колеблющеюся тѣнью, встаетъ передъ нами образъ государственнаго мужа, усмирившаго Литву и показавшаго примѣръ, какъ одолѣть мятежъ въ Польшѣ,—образъ Михаила Николаевича Муравьева, имя котораго до сихъ поръ произносится въ Литвѣ съ истиннымъ уваженіемъ.—Нѣсколько сильныхъ, но рѣшительныхъ мѣръ его были достаточны, чтобы подавить крамолу; взволнованный край почувствовалъ руку, державшую бразды правленія; не было надобности бороться съ манифестаціями, потому что онѣ были немыслимы; подосланные изъ Варшавы убійцы схвачены и получили до-

Библиотека "Руниверс"

стойное наказаніе. Край вздохнулъ свободно и сдѣлался опять русскимъ краемъ, когда еще по лѣсамъ Царства Польскаго бродили повстанцы, дерзко нападая на войска, а въ Варшавѣ совершено было покушеніе на жизнь намѣстника графа Берга.

„Я за все берусь, по-русски, голыми руками, безъ перчатокъ", сказалъ разъ графъ Михаилъ Николаевичъ, и дѣйствительно, онъ считалъ несовмѣстнымъ съ достоинствомъ представителя русской власти пріобрѣсти названіе нѣмецко-рыцарской стальной руки въ бархатной перчаткѣ. Прямота въ достиженіи законной цѣли исключаетъ коварство.

Послѣднимъ административнымъ дѣломъ князя Горчакова было представленіе о назначеніи въ его распоряженіе писателя Ильи Арсеньева;—черезъ недѣлю знаменитый вождь Севастопольскихъ героевъ смѣжилъ на вѣки глаза свои.

Много было дѣла новому намѣстнику по утушенію безпорядковъ и еще болѣе занятій по управленію краемъ, военнымъ министерствомъ и арміею. Съ пріѣзда въ Варшаву, онъ началъ задумываться, самонадѣянность уступила мѣсто нерѣшительности и даже невѣроятной уступчивости. Сухозанетъ боялся встрѣчи съ открытымъ мятежемъ; ему казалось, что все его „прошедшее" запятнается пролитою кровью, и здѣсь причина тѣхъ приказовъ по войскамъ, подобныхъ отданному 21-го іюня ст. ст. 1861 г.: „въ крайнемъ случаѣ" разрѣшалось „стрѣлять", но въ концѣ сказано, что „если, во время слѣдованія караула, команды или патруля по улицамъ, изъ какого-либо дома будутъ сдѣланы выстрѣлы и брошены камни, то не отвѣчать пальбой, а только замѣтить домъ, откуда послѣдовалъ выстрѣлъ".

Приказъ этотъ (какъ говоритъ Н. В. Бергъ) былъ отданъ три мѣсяца предъ тѣмъ, марта 21-го ст. ст., княземъ Горчаковымъ; но онъ остался незамѣченнымъ, и только теперь, послѣ его повторенія, бросилась въ глаза его несообразность.... какого-жъ еще нужно крайняго случая, если выстрѣлъ по войскамъ не крайній случай? [1]).

Уличники и праздношатающіеся овладѣли Варшавою, принимая участіе во всѣхъ манифестаціяхъ; полиція и оберъ-полиціймейстеръ благоразумно уступили передъ толпою, и если и производили аресты, то лишь для приличія, выпуская арестованныхъ въ тотъ же день и повторяя эту операцію по нѣскольку разъ въ сутки. Приближенные Сухозанета разсказывали, что онъ въ то время, по цѣлымъ часамъ, шагалъ по террасѣ Бельведерскаго дворца и говорилъ стихи, кажется, имъ-же и сочиненные:

---

[1]) Н. В Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

Я считалъ дежурство вѣкомъ,
А вотъ скоро и пройдетъ;
Такъ бываетъ съ человѣкомъ —
Отдежуритъ и пойдетъ...

Видно, что духъ стихотворства еще виталъ тогда на уединенной террасѣ Бельведерскаго дворца, гдѣ часто хаживалъ князь Горчаковъ, напѣвая свою пѣсню на переходъ черезъ Дунай.

Но два мѣсяца суждено было Сухозанету „дежурить“ въ Варшавѣ, и даже, по смѣнѣ, 11-го августа ст. ст. 1861 г., Сухозанетъ, на короткое время, еще разъ вернулся въ Варшаву, чтобы лично видѣть мятежъ и безначаліе въ ихъ полномъ развитіи.

Между тѣмъ, будущій составитель статей о Польшѣ, для иностранныхъ и русскихъ журналовъ, будущій боецъ за честь и достоинство русскаго имени, г. Илья Арсеньевъ, не оставилъ столь счастливо начатаго дѣла. Жалованье, квартира и дружескія объятія генерала Хрулева, ждали его въ Варшавѣ, и онъ явился туда самъ, въ слѣдъ за генераломъ Сухозанетомъ, привезя послѣднему письмо отъ Ѳ. И. Прянишникова; къ письму былъ приложенъ дипломъ на безсмертіе, поднесенный г. Арсеньеву редакціею „Экономическаго Указателя“.

Письмо Ѳ. И. Прянишникова генералу Сухозанету, отъ 9-го іюля 1861 года.

„Милостивый государь, Николай Онуфріевичъ. Бывшій намѣстникъ Царства Польскаго, князь Михаилъ Димитріевичъ Горчаковъ, отношеніемъ отъ 11-го мая, за № 134, увѣдомилъ меня, что онъ находилъ бы полезнымъ, для опроверженія разсѣваемыхъ иностранными газетами ложныхъ слуховъ о событіяхъ въ Польшѣ, помѣщать въ русскихъ газетахъ и журналахъ статьи, въ которыхъ каждый могъ бы найти вѣрное и безпристрасное описаніе настоящаго положенія совершившихся уже событій въ Царствѣ Польскомъ.

„Съ этой цѣлію, покойный князь Горчаковъ просилъ меня командировать временно въ Варшаву чиновника, состоящаго при мнѣ по особымъ порученіямъ, г. Арсеньева, сотрудника большей части нашихъ періодическихъ изданій, который, по собраннымъ имъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, а также изъ источниковъ ему указываемыхъ, будетъ составлять журнальныя статьи, относящіяся до Царства Польскаго. За труды свои по этому предмету, согласно предложеннаго г. Арсеньевымъ условія, какъ увѣдомилъ меня покойный князь Михаилъ Димитріевичъ, назначено ему жалованье по 200 р. сер. въ мѣсяцъ и казенная квартира.

„Предписавъ нынѣ г. Арсеньеву отправиться въ Варшаву, для того, чтобы онъ находился въ распоряженіи вашего высокопревосходитель-

Библиотека "Руниверс"

ства, и поручая его милостивому вашему вниманію, я считаю обязанностью присовокупить, что г. Арсеньевъ, въ служебномъ отношеніи извѣстенъ мнѣ, какъ человѣкъ весьма дѣятельный и способный, а какъ сотрудникъ нашихъ періодическихъ изданій, пріобрѣлъ себѣ репутацію хорошаго писателя, труды котораго, постоянно удостоиваются лестныхъ отзывовъ въ печати.

„P. S. Желая доставить вамъ случай заранѣе ознакомиться со способностями г. Арсеньева и отзывами о немъ въ нашихъ журналахъ, препровождаю копію со статьи, помѣщенной о немъ въ „Экономическомъ Указателѣ".

Выписка изъ „Экономическаго Указателя" 11-го (23-го) іюня 1860 г. № 180.

„Не менѣе замѣчательны въ этомъ отношеніи (?) и труды публициста нашего, г. И. Арсеньева, сотрудника новой „Сѣверной Пчелы", статьи котораго отличаются, между прочимъ, гармоническимъ сліяніемъ элементовъ: юридическаго и политико-экономическаго, и потому обладаютъ такою логической и нравственной вообще силой, бороться съ которою рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Много было высказано здравыхъ, непреложныхъ истинъ въ журналахъ нашихъ по поводу хода дѣлъ и распоряженій въ главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ; но особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи статьи г. Арсеньева, рѣшительно выходящія изъ уровня обыкновенныхъ журнальныхъ статей и дышащія такою теплотою, такою добросовѣстностью, что нельзя не принести автору ихъ искренней благодарности за благородное и чистое его направленіе. Г. Арсеньевъ отличается, въ особенности, вѣрнымъ критическимъ взглядомъ своимъ, не измѣняющимъ ему никогда при разсмотрѣніи предмета, подлежащаго его обсужденію. Въ области политической экономіи, въ особенности у насъ въ Россіи и въ настоящее время, нельзя не дорожить такими благородно-даровитыми дѣятелями, которые не могутъ не принести рѣшительной пользы при обсужденіи современныхъ вопросовъ, такъ сильно интересующихъ все наше общество. Не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей и на слѣдующія статьи г. Арсеньева: „Сила истины", въ которой онъ говоритъ о началахъ свободной торговли (помѣщенной въ „Сѣверной Пчелѣ" 1860 г.); „О главномъ обществѣ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ" (въ журналѣ „Наше Время"), гдѣ онъ доказываетъ необходимость пріема обществомъ учетныхъ билетовъ коммерческаго банка, и на статью подъ названіемъ „Юридическая ошибка" (въ томъ же журналѣ), въ которой разсматриваетъ, съ нравственно-юридической стороны, не совсѣмъ удачную выходку одного изъ нашихъ ученыхъ дѣятелей въ области

Библиотека "Руниверс"

юриспруденціи. Мы бы желали, чтобы г. Арсеньевъ чаще дарилъ публику полезными критическими своими статьями, и продолжалъ вводить юридическій элементъ въ область политической экономіи, нуждающейся въ немъ, въ особенности всякій разъ, когда идетъ дѣло о примѣненіи теоріи къ практикѣ. Такого рода труды, особенно полезны въ настоящую минуту, при преобразованіи системы нашихъ банковъ и вообще всей нашей финансовой администраціи". [1])

Сотрудникъ „большей части нашихъ періодическихъ изданій" былъ, какъ мы видѣли, отлично принятъ генераломъ Сухозанетомъ и сопутствовалъ ему на всѣхъ смотрахъ, разводахъ и празднествахъ; всѣ видѣли его самодовольное лицо и бѣлую шляпу, всѣ ждали, чуть не съ замираніемъ сердца, когда начнетъ онъ громить мятежную Польшу тѣми молніеносными статьями, которыя (по словамъ „Экономическаго Указателя") „отличались, между прочимъ, гармоническимъ сліяніемъ элементовъ юридическаго и политико-экономическаго, и потому обладали такою логическою и нравственною вообще силою, бороться съ которою рѣшительно нѣтъ никакой возможности..." Всѣ ждали.... но Юпитеръ не разражался громами....

Въ Варшавѣ же манифестаціи принимали видъ возмущеній; мятежъ, не сдерживаемый и не укрощаемый съ необходимою твердостью, системою и постоянствомъ, открыто поднялъ свою голову. Въ безпорядкахъ, производимыхъ прежде мальчишками и гимназистами, принимали участіе и взрослые; кромѣ пѣній въ костелахъ и передъ костелами, началось разбитіе лавокъ, выбиваніе стеколъ въ квартирахъ, занимаемыхъ русскими генералами, кошачьи музыки и все, что могло изобрѣсти безумное воображеніе людей, безнаказанно игравшихъ въ революцію. На войска наши плевали или кидали въ нихъ камнями; на могилахъ „пяти жертвъ" на Повонзковскомъ кладбищѣ ежедневно происходили самыя возмутительныя сцены, а полиція спокойно глядѣла на совершавшееся передъ ея глазами, по примѣру своего главнаго тогдашняго начальника, смиренно сидѣвшаго въ своей квартирѣ въ ратушѣ, не смѣя показать носа на улицу.

Мятежъ изъ Варшавы раскинулся по всему краю; манифестаціи въ Ковнѣ и Гродлѣ — на двухъ противоположныхъ окраинахъ — открыто указывали виды возмутителей на Литву и Подолію (къ несчастію, оправдавшіеся послѣдующими произшествіями); власть повсюду казалась безсильною; да и могла-ли она проявить гдѣ-либо свою энергію, когда, 23-го іюля (4-го августа) 1861 г., намѣстникъ царства

[1]) На подлинномъ написано: «Вѣрно. Начальникъ 3-го отдѣленія почтоваго департамента, статскій совѣтникъ Чириковъ».

Библиотека "Руниверс"

выразилъ, какъ главнокомандующій, войскамъ свое неудовольствіе за то, что они выказывали нетерпѣніе, видя успѣхи крамолы?

„Вижу, что оскорбленія“ (писалъ, между прочимъ, Сухозанетъ командиру 2-го корпуса), „наносимыя иногда жителями войску, возбудили между господами офицерами сильное раздраженіе, начинающее выражаться громкимъ ропотомъ. Обстоятельство это, усиливая затрудненія правительства, показываетъ, что господа офицеры не съ надлежащей точки зрѣнія смотрятъ на свое положеніе здѣсь и неясно понимаютъ свой долгъ. Оскорбленія, коихъ виновники расчитываютъ всегда на возможность укрыться отъ отвѣтственности по законамъ, не составляютъ никакого безчестія для тѣхъ, которые бываютъ случайными ихъ жертвами. Надѣюсь, что господа офицеры, обдумавъ это, поймутъ, что въ такихъ обстоятельствахъ, хладнокровно переносить неизбѣжныя непріятности—есть долгъ истиннаго мужества“.[1])

Хорошо было учить истинному мужеству, когда самъ предписывавшій эти правила мчался по Варшавѣ, въ коляскѣ, съ конвоемъ изъ пятидесяти кубанцевъ; но каково было офицерамъ слышать постоянныя ругательства и терпѣливо сносить, что ихъ сталкивали съ тротуаровъ и плевали на ихъ мундиры!.. И все терпѣливо и почти безропотно переносила наша доблестная армія.

Революція окрѣпла, имѣя за собою все народонаселеніе края; дворянство, лавировавшее между долгомъ къ законному правительству и сочувствіемъ къ „народному“ (какъ тогда говорили) дѣлу, лицемѣрно одобряло злоумышленниковъ; духовенство открыто приняло мятежъ подъ свою защиту и благословляло его первыя проявленія. Революціонеры безнаказанно испробовали свою силу въ Варшавѣ и на самыхъ дальнихъ оконечностяхъ Польши; въ Литву, Подоль и Волынь были брошены первыя искры, столь ярко разгорѣвшіяся, въ особенности въ Литвѣ. Величіе и представительность власти, находившейся въ неумѣлыхъ рукахъ, совершенно потеряли свое обаяніе; казалось, что самый законъ склонилъ голову передъ мятежнымъ произволомъ.

А между тѣмъ, оберъ-полиціймейстеръ и начальникъ гражданскаго управленія скакали съ конвоемъ по Варшавѣ для рапортовъ о „благополучномъ“ состояніи города; а генералъ Сухозанетъ носился, какъ вихорь, съ своими кубанцами, съ одного полковаго праздника на другой; пилъ водкою здоровье нижнихъ чиновъ, говорилъ рѣчи, и когда

---

[1]) Н. В. Бергъ.

Библиотека "Руниверс"

кто-либо хотѣлъ отвѣчать ему, онъ вскрикивалъ: „молчать!“ и говорилъ снова.

Праздникъ Брянскаго полка былъ высшимъ проявленіемъ этихъ военныхъ угощеній: послѣ множества тостовъ, генералъ Веселитскій началъ похвальную рѣчь доблестямъ намѣстника. Генералъ Сухонетъ заткнулъ уши и, качая головою, говорилъ: „пощадите, пощадите!“ на что Веселитскій, не смущаясь, отвѣчалъ: „ваше высокопревосходительство, я сокращу, я сокращу“. Это препирательство продолжалось довольно долго.[1])

Руководители мятежа, между тѣмъ, дѣлали свое дѣло, и когда избранный довѣріемъ Государя Императора молодой, способный, проницательный и энергическій графъ Ламбертъ пріѣхалъ въ Варшаву, 11-го (23-го) августа 1861 г., край, въ два съ половиною мѣсяца, послѣ перваго его посѣщенія Варшавы, такъ измѣнился, что онъ не узналъ его, и предвзятый графомъ Ламбертомъ планъ не могъ уже имѣть своего мѣста.

Сухозанетъ стушевался; его отъѣзда не замѣтили. а „защитникъ интересовъ Россіи“, г. Илья Арсеньевъ, остался незамѣченнымъ; ему прекратили жалованье и отказали въ квартирѣ. Онъ напомнилъ о себѣ докладною запискою,—кажется, это была единственная офиціальная статья, написанная имъ въ Царствѣ Польскомъ, но записка осталась безъ отвѣта; на ходатайство же о выдачѣ жалованья сказано, что онъ уже получилъ его впередъ.

Разочарованный и раздосадованный, онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ скоро появилась брошюра, подъ заглавіемъ: „Для тѣхъ, кому вѣдать надлежитъ“; въ брошюрѣ этой повторялись, въ общихъ выраженіяхъ, нѣкоторыя отрывочныя извѣстія о происшедшихъ безпорядкахъ, прославлялись подвиги Хрулева и, въ нѣсколько юмористическомъ видѣ, разсказывались правительственныя дѣйствія Сухозанета.

Это было единственное воспоминаніе отъ времени управленія

---

[1]) Говорятъ, что во время этого обѣда, Сухозанетъ, обращаясь къ гостямъ и хозяевамъ, сказалъ: «Господа, предлагайте задушевные тосты». Тогда подошелъ къ нему подвыпившій молодой офицеръ и промолвилъ:

— «Предлагаю тостъ, ваше вы — ство!»

«Предлагайте».

— «За здоровье того, кто любитъ кого».

«Вы уполномочены произнести этотъ тостъ?»

— «Никакъ нѣтъ-съ».

«Такъ ступайте на свое мѣсто». **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

Польшею „ad interium“, съ 1-го іюня по 11-е августа 1861 г., генераломъ Сухозанетомъ.

Графу Ламберту предстояла ожесточенная борьба съ окрѣпшею крамолою, широко раскинувшею свои нити. Съ полнымъ достоинствомъ и рѣшимостью, приступилъ онъ къ умиротворенію, призвавъ къ участію въ этомъ дѣлѣ людей съ высшею интеллигенціею, какихъ онъ могъ выбрать въ краѣ; но мятежъ взялъ свою силу и увлекъ, или парализовалъ, ту благоразумную часть націи, на которую хотѣлъ опереться графъ Ламбертъ, и не его была вина, что онъ не вышелъ побѣдителемъ.

Очевидецъ.

Библиотека "Руниверс"

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КЛЮКИ-ФОНЪ-КЛУГЕНАУ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ

1818—1850.

Если со временъ Петра Великаго Россію наводняли иноземные авантюристы, видѣвшіе въ ней только золотой рудникъ для своей собственной разработки; если, въ числѣ ихъ, были люди не питавшіе никакихъ пріязненныхъ чувствъ къ странѣ, ихъ усыновлявшей, тѣмъ болѣе достойны доброй памяти тѣ честные труженики на поприщѣ гражданскомъ, тѣ славные дѣятели на ратномъ полѣ, которые, будучи иноземцы по происхожденію, собственной кровью и гражданскими подвигами купили неотъемлемое право быть включенными въ семью вѣрныхъ и доблестныхъ сыновъ Россіи. Не восходя къ временамъ, отдаленнымъ отъ насъ цѣлымъ вѣкомъ, не представляя довольно длиннаго перечня иноземцевъ, вѣрою и правдою служившихъ нашему отечеству, остановимъ вниманіе читателя на полувѣковой Кавказской войнѣ, доставившей многимъ русскимъ, иностраннаго происхожденія, выказать въ полномъ блескѣ свои дарованія и доказать свою пламенную любовь къ странѣ, съ которою они сроднились. Къ числу таковыхъ принадлежитъ Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клугенау, герой предлагаемаго очерка.

Имя Клугенау, мало извѣстное въ Россіи, громко на Кавказѣ, на ряду съ именами Альбранда, Граббе, Засса, Фрейтага, и нѣкоторыхъ другихъ доблестныхъ воиновъ съ иностранными именами, носившихъ въ груди русское мужество. Тридцатидвухлѣтняя боевая служба Франца Карловича принадлежитъ самой достопамятной эпохѣ въ военныхъ лѣтописяхъ Кавказа, такъ какъ она была ознаменована многими превратностями счастія для нашего оружія, великими подвигами и, попеременно, неудачами, вслѣдствіе неумѣлости командировъ или своеволія главныхъ начальниковъ. Чуждый самохваленія, не увлекаясь успѣхами, Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау удѣлялъ рѣдкіе свои досуги, если не веденію записокъ, то бѣглымъ замѣткамъ объ особенно важныхъ событіяхъ и довольно тщательному подбору оффиціальныхъ документовъ и бумагъ—матеріаловъ первичныхъ, послужившихъ основаніемъ предлагаемаго очерка.

Настоящая хроника составлена полковникомъ Исидоромъ Александровичемъ Гржегоржевскимъ, скончавшимся въ 1871 г. И. А. Гржегоржевскій до 1845 г. служилъ въ Апшеронскомъ пѣхотномъ полку (въ Дагестанѣ); въ чинѣ поручика, былъ полковымъ адъютантомъ при генералъ-маіорѣ Пассекѣ и пользовался репутаціею отлично образованнаго и весьма развитаго человѣка. Во время такъ называемой сухарной экспедиціи (10-го и 11-го іюля 1845 г.) отъ

Библиотека "Руниверс"

Дарго къ Анди и обратно, Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау, бывшій тогда начальникомъ 21-й дивизіи, лишившись убитыми 2-хъ личныхъ и одного старшаго дивизіоннаго адъютантовъ, пригласилъ на эту должность И. А. Гржегоржевскаго. Принявъ предложеніе Франца Карловича, Гржегоржевскій, состоя при немъ, занялся, подъ его руководствомъ, составленіемъ предлагаемаго очерка, пользуясь, помимо оффиціальныхъ документовъ, изустными разсказами генерала и его замѣтками на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. По отбытіи Ф. К. Клюки-фонъ-Клугенау въ Царство Польское, въ 1849 г., И. А. Гржегоржевскій перешелъ на службу въ департаментъ иррегулярныхъ войскъ военнаго министерства и занялся окончательною отдѣлкою своего труда, въ 1863 г. совершенно приготовленнаго къ печати. Послѣ кончины автора (въ 1871 г.), трудъ его, оставаясь въ посторонникъ рукахъ, могъ быть утраченъ, но благодаря заботливости сына покойнаго Франца Карловича,—полковника и командира 155-го пѣхотнаго Кубинскаго полка, Николая Францовича Клюки-фонъ-Клугенау, рукопись была имъ пріобрѣтена и затѣмъ предоставлена, вмѣстѣ со многими другими любопытными историческими документами, въ распоряженіе редакціи «Русской Старины». Ред.

I.

Дѣтство. — Поступленіе въ военную академію.—Производство въ офицеры.—Плѣнъ. — Участіе въ войнѣ за освобожденіе Германіи.—Смерть отца.—Переходъ въ русскую службу.

1791 — 1817.

Францъ Карловичъ Клюки-фонъ-Клугенау родился 13-го (25-го) сентября 1791 г. въ небольшомъ городкѣ Іозефштадтѣ, въ Богеміи. Отецъ его, происходившій отъ бѣдной фамиліи въ Моравіи, поступилъ на службу рядовымъ въ минерный корпусъ австрійской арміи въ 1778 г. Въ 1794 г., будучи фельдфебелемъ, онъ былъ произведенъ въ подпоручики за отличіе при штурмѣ французской крѣпости Валансіена, гдѣ былъ тяжко раненъ пулею въ ногу, и получилъ серебряную медаль за храбрость. Дѣтей у него было трое: дочь и два сына — Францъ и Карлъ. Молодой Францъ росъ на попеченіи матери, которая баловала его до слабости и мало заботилась о его воспитаніи, тѣмъ болѣе, что въ Іозефштадтѣ не было никакихъ учебныхъ заведеній. На 12-мъ году возраста, Францъ едва умѣлъ читать и писать, но и эти слабыя познанія пріобрѣлъ стараніемъ близкихъ знакомыхъ матери его, которые уговорили ее посылать шалуна учиться вмѣстѣ съ ихъ дѣтьми; наконецъ, отецъ его подалъ прошеніе правительству о принятіи сына въ какое-либо казенное заведеніе. Просьба ветерана была уважена и сынъ его поступилъ, въ 1803 году, въ винеръ-нейштадтскую военную академію. Францъ учился плохо, безпрестанно попадался въ разныхъ шалостяхъ, за что бывалъ наказываемъ, наконецъ рѣшительно объявилъ, что не намѣренъ учиться мертвымъ языкамъ—ла-

Библиотека "Руниверс"

тинскому и греческому, имѣя къ нимъ непреодолимое отвращеніе; при всемъ томъ, профессора и офицеры очень любили его за правдивость и бойкій характеръ.

Въ 1805 году, когда французская армія приближалась къ Винеръ-Нейштадту, молодой Францъ вздумалъ бѣжать изъ академіи и поступить во французскую службу, подговоривъ къ этому еще трехъ своихъ товарищей. Хозяинъ гостинницы, въ которой бѣглецы остановились ночевать, заподозривъ въ нихъ учениковъ академіи, далъ знать начальству. Шалуновъ посадили въ карету, отвезли обратно въ городъ, гдѣ и заключили на недѣлю въ карцеръ.

Несмотря на это, пылкій Францъ угрожалъ опять бѣжать и не прилежалъ къ наукамъ, а потому директоръ академіи представилъ его къ выключкѣ въ армію, вслѣдствіе чего онъ, 1-го марта 1808 г., былъ выписанъ кадетомъ въ пѣхотный Симпшена № 43-й полкъ, квартировавшій въ Лайбахѣ. Въ городѣ этомъ была учреждена школа для юнкеровъ, которыхъ въ то время было очень много въ полкахъ австрійской арміи, съ цѣлью занять ихъ чѣмъ-нибудь и отвлечь отъ праздной жизни и отъ шалостей. Въ эту школу поступилъ и Францъ Карловичъ, но ученіе шло плохо, тѣмъ болѣе, что носились уже слухи о близкой войнѣ съ французами. Дѣйствительно, въ 1809 г. всѣхъ юнкеровъ потребовали въ свои полки и произвели въ офицеры, кромѣ Клугенау, отставленнаго отъ производства за разныя шалости.

Послѣ сдачи лайбахской цитадели на капитуляцію маршалу Мармону, Клугенау, вмѣстѣ съ прочими юнкерами и офицерами, отпущенный на свободу, служилъ въ летучемъ отрядѣ, сформированномъ въ Карлштадтѣ. Въ первый офицерскій чинъ онъ былъ произведенъ 17-го августа 1809 года и затѣмъ четыре года провелъ въ скитаніяхъ изъ города въ городъ, на которыя были обречены австрійскіе армейскіе полки. Наконецъ Клугенау участвовалъ въ генеральномъ сраженіи подъ Дрезденомъ (15-го августа 1813 г.), исправляя должность баталіоннаго адъютанта. Плачевный, для австрійцевъ, исходъ этого сраженія, слишкомъ осторожныя дѣйствія генераловъ, ихъ искусство быть битыми по правиламъ и безъ правилъ породили въ Клугенау мысль продолжать боевую службу подъ болѣе побѣдоносными знаменами. 12-го сентября 1813 года, произведенный въ подпоручики, молодой Клугенау, на третій день лейпцигскаго сраженія (6-го октября), былъ сильно контуженъ ядромъ въ спину и до 1-го января 1814 г. пробылъ сперва въ альтенбургскомъ, потомъ въ прагскомъ госпиталяхъ. Награжденный чиномъ поручика, онъ получилъ въ команду выздоровѣвшихъ людей разныхъ полковъ и отправился съ ними въ главную квартиру въ Везуль. Затѣмъ, два года (съ 1814 по 1816),

Библиотека "Руниверс"

переводимый изъ одного полка въ другой, вслѣдствіе разныхъ преобразованій въ австрійской арміи, при весьма тугомъ производствѣ, Клугенау скучалъ бездѣйствіемъ, совершалъ утомительные переходы по безтолковымъ дислокаціямъ. По окончаніи войны за освобожденіе Германіи, онъ былъ награжденъ бронзовымъ пушечнымъ крестомъ (Kanonen-Kreuz).[1]) Затѣмъ дальнѣйшая его служба уже не сулила ему въ будущемъ ни отличій, ни повышеній.

Въ это время славныя побѣды русскихъ стяжали имъ всеобщее уваженіе и многіе иностранцы считали за честь служить въ рядахъ нашей арміи. Этотъ общій порывъ увлекъ и Клугенау.

Въ 1817 году скончался, въ Гайнбургѣ, отецъ Клугенау, вышедшій въ отставку, за ранами, маіоромъ послѣ 40-лѣтней службы въ австрійской арміи. Это обстоятельство еще болѣе укрѣпило въ его сынѣ рѣшимость перейти въ русскую службу. Въ это время австрійское правительство, желая избавиться отъ значительнаго сверхкомплекта офицеровъ, предложило единовременную выдачу 2-хъ годовыхъ окладовъ жалованья тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ выйти въ отставку. Клугенау поспѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и, получивъ увольненіе, немедленно отправился въ Варшаву. Имѣя привлекательную наружность и воинственную осанку, онъ обратилъ на себя вниманіе великаго князя Константина Павловича, предложившаго ему поступить въ гвардію, но, по недостаточному состоянію, Клугенау не могъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; притомъ же, онъ желалъ служить на Кавказѣ, и потому, дождавшись прибытія въ Варшаву императора Александра I, подалъ прошеніе объ опредѣленіи его въ русскую службу, въ которую былъ принятъ, 18-го марта 1818 г., поручикомъ съ опредѣленіемъ въ 8-й егерскій полкъ, квартировавшій въ Крыму. Полкъ этотъ былъ на маршѣ на кавказскую линію и Францъ Карловичъ присоединился къ нему въ Георгіевскѣ, а чрезъ два мѣсяца уже участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами.

II.

Дѣйствія Ермолова въ Чечнѣ и Дагестанѣ.—Участіе въ нихъ Клугенау.—Шуша.—Реутъ.—Аббас-мирза.—Блокада Шуши.—Переговоры Клугенау съ Аббас-мирзою.—Командированіе къ Ермолову.—Разбитіе Персіянъ княземъ Мадатовымъ.—Снятіе осады Шуши.

1818 — 1826.

Ермоловъ быстрыми и энергическими дѣйствіями въ короткое время положилъ основаніе прочному владычеству нашему за Тере-

[1]) Эти кресты чеканились изъ пушечнаго металла орудій, отбитыхъ у французовъ.

Библиотека "Руниверс"

комъ и Кубанью; онъ же обратилъ особенное вниманіе на Дагестанъ и лѣвый флангъ кавказской линіи. Дагестанъ, состоявшій изъ многихъ отдѣльныхъ, независимыхъ другъ отъ друга, владѣній, хотя и управлялся лицами, совершенно преданными нашему правительству, но въ немъ происходили частыя безпокойства отъ интригъ и междоусобій владѣльцевъ. Чеченцы, не взирая на сильное пораженіе, нанесенное имъ, въ 1807 году, генераломъ Булгаковымъ въ Ханкальскомъ ущельѣ, заставившее ихъ изъявить совершенную покорность съ выдачею аманатовъ, безпрестанно переходили за Терекъ для грабежа и разбоевъ. Для укрощенія хищниковъ, оставалось только учредить крѣпкій оплотъ въ ихъ землѣ, внушить имъ страхъ, заставивъ помышлять о спасеніи собственныхъ жилищъ.

Съ этою цѣлью собранный отрядъ явился внезапно на Сунжѣ и 29-го мая 1818 г., въ присутствіи корпуснаго командира, приступилъ къ заложенію и построенію крѣпости Грозной, недалеко отъ Ханкальскаго ущелья. Разумѣется, предпріятіе это не обошлось безъ непріязненныхъ дѣйствій; въ теченіе іюля и по октябрь, колонны, отряжаемые отъ главнаго отряда, находились въ безпрестанныхъ движеніяхъ для усмиренія и наказанія непокорныхъ. Клюки-фонъ-Клугенау принималъ участіе въ этой экспедиціи и находился въ дѣлахъ 29-го сентября при разбитіи чеченцевъ, близъ аула Амир-Ханъ-Кичу, а 4, 5 и 6-го октября — при истребленіи сунженскихъ ауловъ.

Между тѣмъ, возникшія безпокойства въ мехтулинскомъ ханствѣ, вслѣдствіе честолюбивыхъ замысловъ аварскаго хана, Султан-Ахмеда, вынудили Ермолова поспѣшить туда для возстановленія порядка. Выступивъ, 25-го октября, съ частію отряда изъ Грозной въ г. Тарку и пройдя шамхальскія владѣнія, онъ явился, 11-го ноября, среди непокорныхъ; 14-го ноября онъ взялъ штурмомъ Большой и Малый Дженгутай и, водворивъ тамъ тишину, возвратился на линію.

Клюки-фонъ-Клугенау въ этомъ походѣ особенно отличился, какъ свидѣтельствуетъ выданная ему высочайшая грамота, отъ 24-го мая 1819 г., въ которой изображено: „Въ воздаяніе ревностной службы вашей и отличной храбрости, оказанной въ сраженіи противу лезгинъ 1818 года, ноября 14-го, при городѣ Дженгутаѣ, гдѣ вы, на засѣвшаго непріятеля, бросились со взводомъ въ штыки, съ большою смѣлостью выгнали его и преслѣдовали, а укрывающихся въ мечети перекололи и заняли посты, пройдя городъ,—всемилостивѣйше пожаловали мы васъ кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени“. Произведенный, 23-го мая 1819 года, въ штабсъ-капитаны, онъ въ этомъ году участвовалъ при построеніи крѣпости Внезапной, на правомъ берегу р. Акташа, близъ дер. Ендери (Андреевская), гдѣ издавна произво-

Библиотека "Руниверс"

дилась торговля невольниками, 29-го августа—въ пораженіи лезгинъ подъ Байтугаемъ, а 19-го декабря въ достопамятномъ сраженіи подъ Лаваши противъ 15-ти-тысячнаго скопища акушинскаго союза, возникшаго по подстрекательству измѣнника Сурхаи-хана Казикумухскаго. Въ Дагестанѣ весьма долго былъ памятенъ этотъ разгромъ.

Въ 1820 году, 8-й егерскій полкъ былъ расформированъ, поступивъ на укомплектованіе кавказскихъ полковъ; лучшіе офицеры также остались на Кавказѣ и въ числѣ ихъ Клюки-фонъ-Клугенау перешелъ на службу въ славный Грузинскій гренадерскій полкъ, квартировавшій за Кавказомъ, въ сел. Загареджи. Въ 1821 г. полкъ этотъ перешелъ на новое мѣсто, урочище Мухравань, гдѣ устроилъ себѣ штабъ-квартиру.

Лезгины джарскіе, тогдашніе и теперешніе сосѣди кавказскихъ гренадеръ, превосходили всѣ горскія племена своимъ звѣрствомъ, хищничествомъ и разбоями; несчастная Кахетія постоянно страдала отъ ихъ набѣговъ, сопровождавшихся всегда разореніемъ жилищъ и увлеченіемъ въ плѣнъ множества семействъ. Неоднократныя пораженія, нанесенныя имъ нашими войсками, хотя и подчинили ихъ нѣкоторой зависимости нашему правительству, но не могли ихъ обуздать. Въ 1822 году они открыто взбунтовались и, засѣвъ близъ сел. Катехи на урочищѣ Капи-Дара, рѣшились сопротивляться, надѣясь на неприступность мѣстоположенія, которое, сверхъ того, было укрѣплено огромными завалами и засѣками. 3-го марта 1822 г., послѣ кровопролитнаго штурма, урочище Капи-Дара было взято гренадерами, и лезгины немедленно покорились, изъявивъ готовность уплачивать подати. Клюки-фонъ-Клугенау явилъ въ этомъ дѣлѣ новыя доказательства примѣрной храбрости и распорядительности; въ высочайшей грамотѣ (отъ 31-го октября 1822 г.) сказано, что, со ввѣренною ему ротою, онъ атаковалъ укрѣпленіе въ центрѣ и первый вошелъ въ него; чинъ капитана и орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ были наградами за этотъ подвигъ. Въ то время на Кавказѣ владимірскихъ кавалеровъ было очень мало; они были извѣстны всѣмъ и каждому поимянно, равно и отличія, за которыя удостоились награды этимъ орденомъ. Притомъ же Ермоловъ былъ очень разборчивъ и скупъ на награды; одни только блистательные подвиги мужества и неустрашимости, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ, награждались подобнымъ отличіемъ. Клюки-фонъ-Клугенау съ этого времени сдѣлался лично извѣстенъ знаменитому вождю, который самъ возложилъ на него крестъ. Въ этомъ дѣлѣ Клюки-фонъ-Клугенау, изрубивъ двухъ лезгинъ, едва самъ не лишился жизни: одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ

Библиотека "Руниверс"

него въ упоръ, но пуля попала въ пуговицу и скользнула въ сторону, разорвавъ только сюртукъ.

Съ производствомъ, 19-го августа 1825 г., въ маіоры, Клюки былъ переведенъ на службу въ 42-й егерскій полкъ, изъ котораго вышло такъ много отличныхъ штабъ-офицеровъ, прославившихся на Кавказѣ. Полкъ этотъ, составленный изъ старыхъ солдатъ, закаленныхъ въ бояхъ, квартировалъ тогда въ Карабагѣ, въ своей штабъ-квартирѣ, Чинахчи, въ 20-ти верстахъ отъ крѣпости Шуши.

Между тѣмъ давно уже носились слухи о разрывѣ съ Персіею; никто имъ не вѣрилъ, но именно въ это самое время до Тифлиса достигли тревожныя извѣстія объ истребленіи одного баталіона 42-го егерскаго полка и о вторженіи Аббас-мирзы въ Карабагъ. Ермоловъ получилъ свѣдѣніе, что мелкія шайки непріятеля нападаютъ на пограничные посты наши и даже прорываются внутрь страны, но о нашествіи персіянъ ничего еще не было слышно.

Призвавъ къ себѣ, въ іюлѣ 1826 г., Клугенау,[1]) Ермоловъ приказалъ ему немедленно отправиться въ полкъ, объявивъ о вѣроятномъ разрывѣ съ Персіей. Подъ вліяніемъ самыхъ пріятнѣйшихъ впечатлѣній, послѣ совершившагося обрученія, Францъ Карловичъ долженъ былъ оставить Тифлисъ. Доѣхавъ до Елисаветополя, Клюки-фонъ-Клугенау нашелъ поселившихся тамъ нѣмецкихъ колонистовъ въ чрезвычайномъ страхѣ. Они разсказали ему, что городскіе жители, татары, приготовляютъ оружіе: точатъ кинжалы и сабли и ожидаютъ только прибытія Угурлу-хана, чтобы истребить всѣхъ русскихъ.

Успокоивъ колонистовъ, Клюки-фонъ-Клугенау отправился въ Шушу, безъ всякой предосторожности, съ однимъ только деньщикомъ, не имѣя даже конвоя, ибо съ нижней дороги, по которой онъ ѣхалъ, были уже сняты полковникомъ Реутомъ всѣ казачьи посты. Не обративъ на это вниманія, такъ какъ въ сильные жары посты всегда уходятъ на верхнюю дорогу, онъ продолжалъ слѣдовать далѣе, ночуя въ открытой степи; на всемъ пути встрѣчались ему жители въ полномъ вооруженіи и съ удивленіемъ смотрѣли на него, повторяя слова: „кизыль-башъ, кизыль-башъ“, но онъ преспокойно ѣхалъ съ колокольчикомъ и къ утру, 18-го іюля, добрался до ханскаго сада, въ 12-ти верстахъ отъ Шуши. Такъ какъ лошади его очень устали (онъ ѣхалъ на собственныхъ) и день былъ чрезвычайно жаркій, то онъ рѣшился отдохнуть въ ханскомъ домѣ, а между тѣмъ послалъ своего деньщика на казачій постъ, чтобы приготовили ему верховую лошадь,

---

[1]) Клюки былъ въ это время въ Тифлисѣ, гдѣ посватался на дочери статскаго совѣтника Аннѣ Ефимовнѣ Виноградской.

Библиотека "Руниверс"

на которой онъ хотѣлъ ѣхать въ полковую штабъ-квартиру. Деньщикъ, возвратясь, доложилъ, что на посту никого нѣтъ и что тамъ все пусто. Вскорѣ дѣло разъяснилось. По дорогѣ въ крѣпость тянулись арбы и вьюки съ женщинами и дѣтьми и всякимъ домашнимъ скарбомъ, преимущественно изъ семействъ армянъ, жителей окрестныхъ деревень; нѣкоторые изъ мужчинъ, знавшіе немного по-русски, старались объяснить Клюки-фонъ-Клугенау, что штабъ-квартира полка уже оставлена и весь полкъ собрался въ Шушѣ; что персіяне въ Карабагѣ и проч. Не теряя времени, онъ написалъ записку шушинскому коменданту, маіору Чиляеву, съ просьбою — прислать ему верховую лошадь и нѣсколько вьючныхъ лошадей для подъема на шушинскую гору. Записку эту взялся доставить одинъ армянинъ, спѣшившій также въ крѣпость. Чрезъ три часа прискакалъ казачій офицеръ съ лошадьми и 10-ю казаками, съ помощью которыхъ Клюки-фонъ-Клугенау добрался благополучно до Шуши. Подъѣзжая къ воротамъ, онъ замѣтилъ чрезвычайную суматоху, какъ-будто непріятель былъ уже въ виду крѣпости; люди таскали камень, лѣсъ, дѣлали лѣстницы, поправляли стѣну, бѣгали, толпились. Онъ узналъ также, что полкъ бросилъ поспѣшно ночью свою штабъ-квартиру, оставивъ все полковое и ротное имущество: цейхгаузы съ значительными запасами суконъ, холста, годовыхъ вещей, желѣза и разныхъ другихъ матеріаловъ. Реутъ, обрадованный возвращеніемъ Клюки-фонъ-Клугенау, объявилъ ему, что съ часу-на-часъ ожидаетъ прибытія Аббас-мирзы съ цѣлою арміею. Однако, прошло три дня и непріятель не показывался. Тогда Клюки-фонъ-Клугенау предложилъ Реуту послать баталіоны въ Чинахчи за полковымъ и ротнымъ имуществомъ, которое даромъ досталось бы непріятелю, съ тѣмъ, чтобы всѣ вещи, въ которыхъ солдаты крайне нуждались, перевезти въ деревню Шушакендъ на повозкахъ, а оттуда на вьюкахъ — въ крѣпость. Это было исполнено. Въ первый день всѣ полковыя и ротныя повозки, подъ прикрытіемъ баталіона, успѣли два раза съѣздить въ Чинахчи и вернуться съ нагруженными повозками; на слѣдующій день повторилось тоже самое, безъ всякихъ затрудненій, и непріятеля нигдѣ не было видно; только на 3-й день появились небольшія шайки карабагскихъ татаръ, которые иногда перестрѣливались съ нашими солдатами; при всемъ томъ, конвоировавшій повозки капитанъ Заничъ не рѣшился продолжать перевозки и часть вещей досталась въ руки персіянъ.

Крѣпость Шуша находилась въ то время въ самомъ жалкомъ положеніи: стѣны ея во многихъ мѣстахъ обвалились и частью были разобраны жителями на постройку домовъ; рвы совершенно осыпались и крѣпостной артиллеріи вовсе не было; обширное пространство,

Библиотека "Руниверс"

занимаемое ею, требовало не менѣе 10-ти баталіоновъ, а у Реута оставалось только 9 слабыхъ ротъ, въ которыхъ было неболѣе 1,200 штыковъ, Донской казачій полкъ въ 500 человѣкъ и два полевыя орудія. Надо было привести Шушу въ оборонительное положеніе и обезпечить гарнизонъ продовольствіемъ, ибо полкъ вступилъ въ крѣпость съ восьми-дневнымъ запасомъ провіанта, а въ крѣпостномъ магазинѣ не было ни одной четверти. Поставку хлѣба въ магазины взялъ на себя, по условію съ казною, генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ, который, обыкновенно, покупалъ его у жителей еще на корнѣ, но приближеніе непріятеля препятствовало жителямъ убирать его. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ собранъ былъ военный совѣтъ, [1]) на которомъ Клюки-фонъ-Клугенау, какъ младшій изъ штабъ-офицеровъ, первый предложилъ: 1) уменьшить дачу провіанта однимъ фунтомъ и замѣнить его мясомъ, взявъ порціонный скотъ подъ росписки у жителей, которые охотно на это согласятся, такъ какъ, не имѣя чѣмъ кормить скотъ, они и такъ бы его лишились; 2) удалить изъ крѣпости всю татарскую молодежь, которая явно оказывала расположеніе къ персіянамъ; 3) обезоружить всѣхъ прочихъ татаръ, арестовать хановъ и бековъ, собравъ ихъ всѣхъ въ ханскій домъ, при которомъ имѣть достаточный караулъ; 4) преданныхъ намъ армянъ разставить по стѣнамъ вмѣстѣ съ нашими войсками, выдавъ имъ ружья, оставшіяся отъ некомплекта людей въ полку; 5) Гирюскія ворота и другіе проходы заложить на-глухо, испортивъ всѣ доступы къ нимъ, поставивъ имѣвшіяся два орудія тамъ, гдѣ, по ходу осады, будетъ необходимо, и наконецъ 6) назначить каждому штабъ-офицеру фасъ крѣпости и учредить сборные и резервные пункты. Всѣ эти предложенія были приняты единодушно и на Клюки-фонъ-Клугенау возложено было привести ихъ въ исполненіе. Онъ выбралъ для себя самый опасный фасъ — Елисаветопольскій.

Среди этихъ приготовленій, Аббас-мирза, съ 40 т. пѣхоты, 24-мя орудіями и огромными толпами иррегулярной кавалеріи, подступилъ, 25-го іюля 1826 г., къ крѣпости и, расположивъ свои войска лагеремъ, съ одной стороны — на высотѣ Топхане, а съ другой — противъ Елисаветопольскихъ воротъ, началъ устраивать батареи.

На другой день, ночью, прибылъ въ крѣпость чиновникъ тифлисской полиціи, изъ армянъ, посланный Ермоловымъ съ письмомъ къ Реуту; онъ искусно пробрался чрезъ непріятельскую цѣпь и доставилъ письмо по назначенію. Ермоловъ предписывалъ Реуту, ежели дѣйствительно подтвердится, что Аббас-мирза перешелъ границу

[1]) Изъ собственноручныхъ записокъ Клюки-фонъ-Клугенау. И. Г.

Библиотека "Руниверс"

(въ чемъ Ермоловъ еще сомнѣвался), то немедленно отправить роту женатыхъ солдатъ въ Тифлисъ, давъ имъ въ прикрытіе еще одну роту, дождавшись въ Елисаветополѣ двухъ ротъ, слѣдовавшихъ туда же изъ Шемахи, подъ начальствомъ маіора Погорѣлова; штабъ-квартиру полка, Чинахчи, укрѣпить, собравъ изъ армянъ достаточную милицію и запасшись провіантомъ у нихъ же; но ежели силы непріятеля слишкомъ значительны, что удержаться въ Чинахчи нельзя, то, истребивъ всѣ излишнія вещи и провіантъ, слѣдовать въ Тифлисъ, стараясь не быть отрѣзаннымъ въ Апшеронскомъ ущельѣ, но отъ какого-нибудь незначительнаго отряда не уходить и не спѣшить.

Предписаніе это ни въ какомъ случаѣ не могло быть исполнено потому, что Чинахчи совершенно невыгодно для обороны, будучи окружено со всѣхъ сторонъ значительными высотами, и тамъ нельзя было укрѣпиться съ двумя слабыми баталіонами; милиціи собрать было также нельзя, ибо армяне, по первому извѣстію о приближеніи непріятеля, бросали свои селенія и съ семействами и имуществомъ спѣшили въ Шушу. Не отступать отъ незначительныхъ силъ и въ тоже время, при появленіи сильнаго непріятеля, слѣдовать въ Тифлисъ, стараясь не быть отрѣзаннымъ въ Апшеронскомъ ущельѣ, едвали возможно было исполнить, ибо непріятель, превосходя насъ силами въ 10 разъ, успѣлъ бы всегда прямо изъ Асландуза поспѣть прежде насъ въ Шах-булахъ и не выпустить изъ ущелья; да ежели бы Аббас-мирза и не догадался сдѣлать подобнаго движенія, то одни карабагцы, возставшіе поголовно, могли задержать насъ въ горахъ до прибытія персидскихъ войскъ, не говоря уже о томъ, что по пути къ Тифлису нужно было еще проходить возставшія противъ насъ елисаветопольскую провинцію, шамшадильскую и казахскую дистанціи.

Можетъ быть Реутъ и исполнилъ бы это предписаніе, ежели бы оно дошло до него ранѣе, ибо, какъ видно изъ всѣхъ его распоряженій, онъ въ самомъ уже началѣ растерялся, бросивъ, въ полночь, свою штабъ-квартиру со всѣмъ имуществомъ, тогда какъ непріятель показался только спустя 8 дней; но, запершись въ Шушѣ, которая вскорѣ была обложена со всѣхъ сторонъ 40-тысячною арміею, ему оставалось только исполнить долгъ храбраго и сохранить честь предводимаго имъ полка.

Связанный съ Клюки-фонъ-Клугенау искреннею дружбою, онъ избралъ его ближайшимъ себѣ помощникомъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда прибѣгалъ прежде всего къ его совѣтамъ. Онъ не ошибся въ выборѣ. Клюки-фонъ-Клугенау совѣтовалъ Реуту отнюдь не объявлять никому о полученномъ предписаніи Ермолова, даже коменданту, во-первыхъ, потому, что исполнить

Библиотека "Руниверс"

его было уже невозможно, а во-вторыхъ, чтобы не распространить уныніе въ войскахъ, такъ какъ въ предписаніи говорится, что обстоятельства могутъ заставить насъ бросить Карабагъ, и вѣсть объ этомъ произвела бы весьма вредное для насъ впечатлѣніе на преданныхъ намъ жителей и армянъ.

Между тѣмъ Аббас-мирза, устроивъ свои лагери и батареи, 27-го іюля, передъ вечеромъ, прислалъ къ Реуту одного изъ своихъ офицеровъ изъ астраханскихъ армянъ, съ письменнымъ предложеніемъ— сдать ему крѣпость. Офицеръ этотъ былъ одѣтъ въ красномъ мундирѣ, въ эполетахъ и аксельбантахъ, довольно хорошо говорилъ по-русски, и настойчиво требовалъ пропуска въ крѣпость. Клюки-фонъ-Клугенау, находившійся въ то время у воротъ, остановилъ его, сказавъ:

— „Если его высочество намѣренъ вести переговоры о сдачѣ крѣпости съ нашимъ полковникомъ, то онъ вѣрно бы прислалъ для этого кого-либо изъ почетныхъ хановъ, а не простаго армянина".

Хотя армянинъ доказывалъ свою важность и называлъ себя адъютантомъ, но Клюки-фонъ-Клугенау приказалъ ему ѣхать обратно и самъ ушелъ. Чрезъ день Аббас-мирза прислалъ для переговоровъ одного почетнаго хана съ блестящимъ конвоемъ. Клюки-фонъ-Клугенау принялъ его у Елисаветопольскихъ воротъ, велѣлъ завязать ему глаза и повелъ прямо въ домъ, занимаемый Реутомъ, куда были призваны комендантъ и прочіе штабъ-офицеры. Войдя въ комнату, ханъ подалъ Реуту перехваченный дубликатъ съ предписанія Ермолова, о которомъ говорено было выше.

Послѣ того онъ предъявилъ требованіе Аббас-мирзы — сдать ему крѣпость, обѣщая выпустить весь гарнизонъ со всѣми почестями и оружіемъ; онъ говорилъ, что въ сдачѣ этой нѣтъ ничего для насъ безчестнаго, тѣмъ болѣе, что отступленіе въ Тифлисъ предписано Реуту самимъ корпуснымъ командиромъ. Предложеніе это произвело тяжкое впечатлѣніе. На совѣщаніи у Реута находились баталіонные командиры, храбрый подполковникъ Маклашевскій, отважный и пылкій Лузановъ; маіоры: Михайловъ, Клюки-фонъ-Клугенау и комендантъ Шуши, Чиляевъ. Послѣ краткихъ переговоровъ, они отвѣчали посланному: „что охотно исполнили бы предписаніе Ермолова, еслибы оно застало насъ еще въ Чинахчи; но какъ мы уже заняли крѣпость Шушу, много лишились имущества и не имѣемъ никакихъ средствъ поднять своихъ тяжестей, то, при всемъ великодушіи его высочества предоставить намъ свободное отступленіе, мы не можемъ имъ воспользоваться; а какъ съ того времени обстоятельства

Библиотека "Руниверс"

легко могли измѣниться, то, для оставленія Шуши и вмѣстѣ Карабаха, необходимо новое предписаніе начальства".

Желаніе—обезпечить свои сообщенія и опасеніе—оставить крѣпость въ тылу, побудили Аббас-мирзу употребить всѣ усилія къ овладѣнію ею, но прежде всѣхъ покушеній взять ее силою, онъ надѣялся еще склонить слабый гарнизонъ переговорами, оставить Карабахъ безъ кровопролитія. Дѣйствительно, на слѣдующій день тотъ же ханъ пріѣхалъ передать полковнику Реуту слова Аббас-мирзы, что онъ не исполняетъ приказаній своего начальства, что въ предписаніи, данномъ ему, ясно сказано, чтобы онъ оставилъ Карабагъ, всѣ лишнія вещи и провіантъ уничтожилъ или потопилъ; онъ же, Аббас-мирза, напротивъ, предлагаетъ ему потребное число подводъ для поднятія тяжестей, обязывается снабдить войска наши провіантомъ, обезпечить безопасное въ пути слѣдованіе, поручивъ заботу объ этомъ одному изъ надежнѣйшихъ своихъ хановъ, наконецъ, дозволяетъ выйти изъ крѣпости съ оружіемъ и всѣми военными почестями; что всѣ прочіе начальники давно уже исполнили предписаніе Ермолова и вслѣдствіе этого Шемаха, Куба и Нуха очищены нашими войсками. Не взирая на такія выгодныя предложенія, Реутъ рѣшительно отказалъ сдать крѣпость.

Послѣ этого отказа Аббас-мирза началъ дѣйствовать непріязненно. Сблизивъ войска свои къ крѣпости, онъ открылъ изъ всѣхъ батарей сильную канонаду по городу, но не причинилъ большаго вреда; только со стороны Елисаветпольскихъ воротъ, гдѣ строенія были близко къ стѣнѣ, нѣсколько домовъ были повреждены. Послѣ того онъ старался тѣснѣе обложить крѣпость и отрѣзать дорогу къ селеніе Шуша-кендъ, гдѣ находились мельницы и уничтожить ихъ; но старшина селенія, Сефер-Ага-бекъ, съ 50 челов. преданныхъ намъ армянъ, отразилъ непріятеля съ большимъ урономъ. Мельницы эти были единственныя, на которыхъ наши войска перемалывали хлѣбъ, и съ потерею ихъ, они должны были бы употреблять въ пищу зерно; поэтому Аббас-мирза, неоднократно покушался овладѣть ими, но стойкость жителей, а еще болѣе не приступная мѣстность, не дозволяли непріятелю имѣть здѣсь успѣха и всѣ его покушенія были тщетны.

Положеніе гарнизона нашего было отчаянное. Весь день на работахъ, получая только 1½ фунта хлѣба, солдаты изнурялись; ночь проводили подъ ружьемъ, ибо непріятель готовился къ штурму, дѣлалъ лѣстницы, туры и фашины; наконецъ, безпрерывные дожди не давали имъ высушить свое платье и число больныхъ начало возрастать. Сами жители много терпѣли отъ недостатка въ продовольствіи;

Библиотека "Руниверс"

скотъ ихъ, не имѣя подножнаго корма, падалъ въ значительномъ числѣ. Съ начала осады, казаки и жители ходили на фуражировку къ рѣчкѣ Ханкенды, гдѣ было много неубраннаго хлѣба, но со времени тѣснаго обложенія крѣпости и это средство сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ.

1-го августа, съ разсвѣтомъ, было выслано изъ крѣпости 200 егерей и 300 жителей на фуражировку къ рѣчкѣ Ханкенды, но лишь только они спустились внизъ, къ ущелью рѣчки, и разошлись по хлѣбамъ, какъ изъ за-горы, противъ Елисаветопольскихъ воротъ, на которой были устроены непріятельскія батареи и лагерь, показалась конная партія въ 500 человѣкъ и понеслась прямо на нашихъ фуражировъ, съ цѣлью отрѣзать имъ отступленіе въ крѣпость; конницу поддерживали 2 т. регулярной пѣхоты, въ числѣ коихъ находился баталіонъ, сформированый изъ русскихъ дезертировъ. Гибель нашихъ фуражировъ была неизбѣжна; но въ это время Клюки-фонъ-Клугенау, находясь постоянно на Елисаветпольскомъ фасѣ, не теряя ни минуты, вывелъ изъ крѣпости имѣвшійся всегда въ готовности резервъ изъ 120 егерей и намѣревался напасть на непріятеля съ тылу. Непріятельская пѣхота, увидѣвъ это, остановилась и перестала поддерживать свою конницу. Между тѣмъ Клюки-фонъ-Клугенау, занявъ егерями небольшую высоту, отдѣленную отъ непріятеля крутымъ оврагомъ, началъ перестрѣлку и тѣмъ привлекъ всю пѣхоту на себя. Тщетно персидскіе баталіоны нѣсколько разъ старались атаковать горсть нашихъ солдатъ, но всегда были отбиваемы мѣткимъ огнемъ съ большимъ урономъ; особенно дерзко наступалъ баталіонъ изъ дезертировъ. Непріятельская конница, не поддерживаемая пѣхотою, ничего не могла сдѣлать нашимъ фуражирамъ, которые, отстрѣливаясь, выбрались изъ ущелья къ самой крѣпости, но не могли уже попасть въ Елисаветопольскія ворота, ибо тутъ еще происходила сильная перестрѣлка съ резервомъ Клюки-фонъ-Клугенау; поэтому они направились къ Эриванскимъ воротамъ, но какъ они еще при началѣ осады были заложены камнемъ, то нужно было ихъ очистить, чтобы впустить фуражировъ. Когда это было исполнено и Клюки-фонъ-Клугенау получилъ извѣстіе, что всѣ фуражиры возвратились благополучно, тогда, не имѣя болѣе надобности удерживать свою позицію, онъ началъ отступать, разсыпавъ половину своего резерва въ стрѣлки. Персіяне не осмѣлились его преслѣдовать, и онъ вошелъ въ крѣпость почти безъ всякой потери. Съ этого дня фуражировки совсѣмъ прекратились.

Чрезъ нѣсколько дней получено было извѣстіе, что Аббас-мирза намѣренъ штурмовать крѣпость и что главныя его усилія будутъ

Библиотека "Руниверс"

обращены на Елисаветопольскій фасъ, противъ котораго былъ главный персидскій лагерь. Съ нашей стороны предосторожность была усилена, и на случай ночнаго нападенія приготовлены были свѣточи изъ тряпокъ, намоченныхъ нефтью, для освѣщенія пространства передъ крѣпостью. Дѣйствительно, въ одну мрачную ночь, часовой на валу, услышавъ шумъ отъ подходящаго непріятеля, далъ знать дежурному офицеру, который тотчасъ разставилъ людей по мѣстамъ; Клюки-фонъ-Клугенау приказалъ приготовить нефтяныя тряпки, но отнюдь не стрѣлять прежде сигнала. Персіяне подвигались впередъ осторожно, неся съ собою лѣстницы и туры, но лишь только они подошли на ружейный выстрѣлъ, какъ сигналъ былъ поданъ, вся окрестность мгновенно освѣтилась, и непріятель, встрѣченный убійственнымъ огнемъ, долженъ былъ отступить съ большимъ урономъ, побросавъ всѣ свои лѣстницы и туры, которыя на другой день были подобраны нашими солдатами.

Видя трусость своихъ войскъ, Аббас-мирза пожелалъ опять вступить въ переговоры съ полковникомъ Реутомъ. Вскорѣ послѣ неудачнаго ночнаго приступа, онъ прислалъ къ нему одного изъ своихъ хановъ просить, чтобы съ нашей стороны былъ присланъ въ лагерь къ нему штабъ-офицеръ для весьма важныхъ объясненій. Реутъ возложилъ это порученіе на Клюки-фонъ-Клугенау.

Одѣвшись въ мундиръ, шарфъ и шляпу, Клюки-фонъ-Клугенау поѣхалъ къ Аббас-мирзѣ съ переводчикомъ, капитаномъ Мурачевымъ, сопровождаемый персидскимъ конвоемъ; во время проѣзда его чрезъ непріятельскій лагерь, всѣ караулы становились въ ружье и отдавали ему честь. Подъѣхавъ къ палаткѣ Аббас-мирзы, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ толпѣ стоявшихъ тутъ знатнѣйшихъ хановъ и сановниковъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, Клюки-фонъ-Клугенау началъ осматривать стоявшихъ передъ палаткою, въ одну линію, персидскихъ тюфенчи или тѣлохранителей Аббас-мирзы: это были молодые люди лучшихъ фамилій, чрезвычайно красивой наружности и богато одѣтые; обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы сопровождать повсюду наслѣдника персидскаго престола. Тутъ же стояли знамена регулярныхъ полковъ, и возлѣ нихъ толпилось множество серхенговъ (полковниковъ) шахской гвардіи и офицеровъ сарбазскихъ баталіоновъ. Вскорѣ дали ему знать, что Аббасъ-Мирза желаетъ его принять и что первый министръ самъ представитъ его своему повелителю. Чрезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ палатки опустилась, и Клюки-фонъ-Клугенау, съ переводчикомъ, предсталъ предъ наслѣдника персидскаго престола.

Аббас-Мирза прежде всего началъ упрекать полковника Реута

Библиотека "Руниверс"

въ упрямствѣ и неисполненіи предписанія своего корпуснаго командира, увѣряя, что всѣ прочіе начальники давно уже очистили мусульманскія провинціи, онъ же одинъ не соглашается принять честныхъ предложеній, тогда какъ онѣ совершенно сообразны съ волею высшаго начальства; наконецъ сказалъ:

— „Я уже потерялъ всякое терпѣніе быть болѣе снисходительнымъ къ вамъ и жителямъ города; войска мои неотступно требуютъ штурма, но я, уважая васъ и не желая напраснаго кровопролитія, по сіе время ждалъ, полагая, что вы образумитесь и примите мои предложенія; теперь-же не въ моей власти удержать стремленіе моихъ храбрыхъ войскъ, я и такъ потерялъ много времени чрезъ свою снисходительность“.

Помолчавъ немного, Аббас-мирза продолжалъ: „Неужели вы думаете, что я пришелъ сюда съ войсками только для одной Шуши? У меня еще много дѣла впереди, ибо предваряю васъ, что ежели соглашусь заключить миръ, то не иначе какъ на берегахъ Москвы“.

Клюки-фонъ-Клугенау, выслушавъ эту хвастливую рѣчь, едва могъ скрыть улыбку, но Аббас-мирза, замѣтивъ это, сказалъ:

— „Вы не вѣрите мнѣ, но я честью увѣряю васъ, что вы напрасно надѣетесь на помощь; вы вѣрно не знаете, что государь вашъ ведетъ междоусобную войну съ своимъ старшимъ братомъ, слѣдовательно, ему теперь не до Кавказа, а Ермоловъ давно уже оставилъ Тифлисъ“.

Тутъ онъ велѣлъ привести нашихъ полицейскихъ чиновниковъ, захваченныхъ въ плѣнъ въ Елисаветполѣ, сказавъ:

— „Позволяю вашему полковнику послать своихъ офицеровъ во всѣ мусульманскія провинціи, для удостовѣренія, что тамъ нѣтъ уже русскихъ; я дамъ имъ безопасный конвой, и ежели они найдутъ хотя одного русскаго, то послѣ этого я дозволяю ему оставаться въ Шушѣ, сколько онъ хочетъ“.

Такая настойчивость со стороны Аббас-мирзы имѣла основаніе; онъ уже зналъ о сборѣ нашихъ войскъ въ Тифлисѣ, и потому старался всѣми способами занять Шушу, какъ важный опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Осажденные, хотя и находились въ крайнихъ обстоятельствахъ, но, отбивъ съ успѣхомъ одинъ штурмъ и удостовѣрясь въ трусости непріятеля, рѣшились защищаться до послѣдней капли крови. Клюки-фонъ-Клугенау отвѣчалъ Аббас-мирзѣ, что онъ не имѣетъ никакихъ приказаній относительно переговоровъ о сдачѣ крѣпости, кромѣ прежде уже объявленныхъ условій, т. е. полученіе повторительнаго предписанія по этому предмету генерала Ермолова, и что для этого удобнѣе всего послать къ нему штабъ-офи-

Библиотека "Руниверс"

цера въ Тифлисъ, на что потребуется не болѣе 10-ти дней. Къ этому онъ присовокупилъ:

— „Ваше высочество обвиняете полковника Реута въ упрямствѣ и не исполненіи приказаній начальства, но вы слишкомъ извѣстны всей просвѣщенной Европѣ и, безъ сомнѣнія, знаете наши обычаи, а также, въ чемъ заключается честь и долгъ каждаго воина къ своему государю и отечеству; поэтому я увѣренъ, что только одни вы можете отдать намъ должную справедливость; всѣ прочіе, окружающіе васъ, не разсуждаютъ о будущемъ, они только жаждутъ грабежа. По словамъ вашего высочества, Карабагъ есть достояніе вашихъ предковъ, отнятое будто бы отъ васъ русскими несправедливо; но неужели вы хотите ознаменовать первое ваше завоеваніе кровопролитіемъ и истребленіемъ вашихъ будущихъ подданныхъ, которые ни въ чемъ не виноваты? Имѣя сорокатысячную армію, ваше высочество, конечно, можете взять Шушу; нашъ малочисленный гарнизонъ, всего изъ 1,500 штыковъ, съ двумя орудіями, ослабленный трудами и недостатками всякаго рода, недолго можетъ сопротивляться; но эти 1,500 штыковъ, защищая свою честь и семейства, не дешево вамъ достанутся, и, вмѣсто богатаго населеннаго города, вы найдете одни развалины и войдете въ него по трупамъ вашихъ подданныхъ; и все это чрезъ подстрекательство неблагонамѣренныхъ людей, желающихъ только обогатиться грабежемъ, тогда какъ чрезъ нѣсколько дней вы займете крѣпость безъ всякой потери; ибо ежели удержаніе Карабага не входитъ въ соображеніе генерала Ермолова, то онъ, вѣроятно, согласится на предлагаемыя вами честныя условія".

Аббас-мирза, выслушавъ эту рѣчь, возразилъ:

— „Я все сдѣлалъ, что только могъ, и едва-ли въ состояніи буду удержать мой народъ отъ желанія — немедленно штурмовать городъ. Я слишкомъ уважаю васъ и, повѣрьте, умѣю цѣнить долгъ вашъ, въ доказательство чего даю вамъ еще нѣсколько дней на размышленіе и не отказываюсь отъ прежняго моего обѣщанія—оказывать вамъ всякое содѣйствіе при выступленіи изъ Карабага. Въ Тифлисъ же посылать вамъ не зачѣмъ, ибо я уже сказалъ, что русскихъ тамъ нѣтъ".

Въ заключеніе Аббас-мирза присовокупилъ, что это его послѣдняя воля и снисхожденіе, и что затѣмъ ежели что-либо случится, то онъ не будетъ считать себя виновнымъ и всю отвѣтственность слагаетъ на полковника Реута.

Этимъ кончилась аудіенція, въ продолженіе которой Аббас-мирза стоялъ по серединѣ своей палатки, что, по персидскимъ обычаямъ, доказываетъ большую внимательность къ нашему посланному.

Вскорѣ по окончаніи этихъ переговоровъ, замѣчено было въ не-

Библиотека "Руниверс"

пріятельскомъ лагерѣ большое передвиженіе войскъ; на высотахъ, передъ Елисаветопольскимъ фасомъ, устраивали батареи, со стороны Топханэ начались подземныя работы. Высланные изъ крѣпости лазутчики, дали знать, что персіяне приготовляются къ штурму и заготовляютъ туры, фашины и лѣстницы; между тѣмъ ежедневно производилась по крѣпости усиленная канонада. Гарнизонъ нашъ, ободряемый начальниками, исправлялъ всѣ поврежденія въ стѣнахъ, а ночью бодрствовалъ подъ ружьемъ, не имѣя совершенно отдыха. Такъ прошла цѣлая недѣля.

Штурмъ, предпринятый персіянами, окончился также неудачно, какъ и въ первый разъ: они вели атаку на Елисаветопольскій фасъ ночью и были подпущены къ стѣнамъ на полружейный выстрѣлъ; но лишь только нефтяныя тряпки были зажжены и выброшены осажденными, и окрестность освѣтилась, персіяне, бросивъ лѣстницы, пустились бѣжать безъ оглядки, провожаемые картечными и ружейными выстрѣлами. Трусость и малодушіе персіянъ, солдатъ и начальниковъ доходили до смѣшнаго. Посланные нами на другой день лазутчики донесли, что между Аббас-мирзою и измѣнившимъ намъ Мехти-Кули-ханомъ карабагскимъ завязался забавный споръ. Первый требовалъ, чтобы штурмовыя лѣстницы и туры несли передъ колоннами мирные Карабагскіе жители, собранные въ лагерь для разныхъ работъ; ханъ же ихъ, напротивъ, утверждалъ, что это дѣло не мужиковъ, а солдатъ, и не соглашался посылать своихъ подданныхъ на штурмъ иначе, какъ только въ тылу штурмовыхъ колоннъ, для относки раненыхъ. Споръ этотъ еще долго тянулся и Аббас-мирза ничего не предпринималъ.

Имѣя дѣло съ такимъ трусливымъ непріятелемъ, нашъ малочисленный гарнизонъ, хотя ослабленный болѣзнями, могъ долго еще сопротивляться сорока тысячной арміи Аббас-мирзы, тѣмъ не менѣе, положеніе его было отчаянное. Не имѣя никакихъ извѣстій о положеніи нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, полковникъ Реутъ посылалъ нѣсколько лазутчиковъ съ донесеніями о затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, но многіе изъ нихъ не возвратились и ни одинъ не принесъ никакихъ свѣдѣній. Между тѣмъ, опасность угрожала гарнизону внутри крѣпости: жители, не видя скорой помощи, начали сильно роптать; они желали видѣть скорѣе конецъ своимъ бѣдствіямъ; не имѣя уже никакихъ средствъ прокармливать свои семейства, многіе изъ татаръ вели тайные переговоры съ непріятелемъ; опасаясь за свои имущества, даже преданные намъ армяне поколебались и готовы были склониться на увѣщанія своего архіерея находившагося у Аббас-мирзы, который ручался, что, въ

Библиотека "Руниверс"

случаѣ добровольной покорности, они могутъ быть увѣрены въ своей безопасности и неприкосновенности ихъ имущества; въ противномъ случаѣ, ихъ постигнетъ неизбѣжная гибель. При такомъ настроеніи умовъ городскихъ жителей, гарнизонъ нашъ не могъ болѣе держаться и, въ случаѣ общаго возстанія, долженъ бы былъ погибнуть или сдаться военно-плѣннымъ.

Къ счастію, Аббас-мирза не потерялъ еще надежды овладѣть крѣпостью путемъ переговоровъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ послѣдняго неудачнаго штурма, онъ прислалъ къ полковнику Реуту одного хана съ просьбою—прислать къ нему, для объясненія, маіора Клюки-фонъ-Клугенау, который тотчасъ же и отправился въ Персидскій лагерь.

Первый вопросъ Аббас-мирзы былъ: „Ну, что одумался-ли вашъ полковникъ? Кажется, уже пора?“

— „Къ сожалѣнію“, отвѣчалъ Клюки-фонъ-Клугенау, „я долженъ доложить вашему высочеству, что на предметъ очищенія крѣпости Шуши я не имѣю никакихъ наставленій и знаю только, что первое условіе къ окончанію этого дѣла—отправить къ генералу Ермолову штабъ-офицера за приказаніями, а до полученія его заключить перемиріе“.

Долго Аббас-мирза не хотѣлъ склониться на это предложеніе; однако, послѣ разныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, возраженій, согласился, и наконецъ обратившись къ Клюки-фонъ-Клугенау, сказалъ:

— „Изъ личнаго моего уваженія къ вамъ, я предоставляю вамъ самимъ составить условія перемирія, и я ихъ утвержу, но съ тѣмъ, что вы же и отправитесь къ генералу Ермолову“.

На это Клюки-фонъ-Клугенау возразилъ, что поѣздка ни въ какомъ случаѣ отъ него не зависитъ и что посланный будетъ отправленъ самимъ полковникомъ Реутомъ; если же выборъ падетъ на него, то онъ, по долгу службы, не можетъ отъ этого порученія отказаться.

Послѣ того, Клюки-фонъ-Клугенау отвели палатку близъ занимаемой ханомъ гвардейскихъ войскъ; тамъ были имъ написаны условія перемирія, заключавшіяся въ слѣдующемъ:

1) За приказаніями къ генералу Ермолову отправится изъ крѣпости Шуши штабъ-офицеръ, до возвращенія котораго прекратить непріязненныя дѣйствія.

2) Войскамъ персидскимъ оставаться на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они въ этотъ день находились. Новыхъ укрѣпленій и батарей съ обѣихъ сторонъ не строить и вообще другъ другу не вредить.

Библиотека "Руниверс"

3) Персіанамъ очистить дорогу въ селеніе Шуша-кендъ и давать свободный пропускъ туда русскимъ для перемола хлѣба.

4) Въ случаѣ приказанія Ермолова оставить Карабагъ, весь Шушинскій гарнизонъ выйдетъ изъ крѣпости со всѣми почестями, оружіемъ и имуществомъ.

5) Персидское правительство обязывается снабжать гарнизонъ провіантомъ и нужнымъ числомъ подводъ во весь путь до присоединенія къ русскимъ войскамъ.

6) Въ случаѣ изъявленія желанія нѣкоторыми городскими жителями слѣдовать за гарнизономъ, то въ этомъ имъ не препятствовать.

7) Въ обезпеченіе исполненія всѣхъ этихъ условій, Аббас-мирза выдаетъ намъ двухъ знатнѣйшихъ хановъ въ аманаты.

На всѣ эти условія Аббас-мирза согласился, кромѣ, однако, пропуска двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушекъ; онъ никакъ не хотѣлъ уступить ихъ и настаивалъ, что это послѣдняя его воля. Напрасно Клюки-фонъ-Клугенау увѣрялъ его, что подъ словомъ оружіе разумѣются и пушки, ибо въ Шушѣ крѣпостной артиллеріи вовсе не было, но онъ не согласился. Тогда Клюки-фонъ-Клугенау, взявъ шляпу, хотѣлъ уже уѣхать въ крѣпость, но его окружили всѣ ханы и убѣждали уступить требованіямъ Аббас-мирзы; наконецъ, видя его непреклоннымъ, первый министръ, Мамед-Ага-ханъ, просилъ его подождать и обѣщалъ упросить принца не требовать отъ насъ пушекъ.

— „Скажите его высочеству", закричалъ ему вслѣдъ Клюки-фонъ-Клугенау, „что, располагая идти къ Москвѣ, онъ ихъ возьметъ сотни, стоитъ-ли изъ этихъ пустяковъ терять драгоцѣнное время".

Вскорѣ возвратился первый министръ съ веселымъ лицомъ и, принявъ торжественный видъ, громко сказалъ, что могущественный его повелитель, уважая мужество горсти нашихъ храбрецовъ, соглашается оставить при нихъ пушки.

Покуда условія перемирія переводили на персидскій языкъ, Аббас-мирза приказалъ хану гвардейскихъ войскъ показать ихъ Клюки-фонъ-Клугенау; всѣ баталіоны были выведены въ полной формѣ и проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ; но онъ нарочно не обращалъ никакого вниманія на этотъ сбродъ, за что ханы были не очень имъ довольны.

Полковникъ Реутъ отправилъ къ Ермолову Клюки-фонъ-Клугенау, который выѣхалъ изъ Шуши, 17-го августа 1826 г., подъ прикрытіемъ персидскаго конвоя. Проѣхавъ благополучно Елисаветополь, онъ встрѣтилъ авангардъ нашего корпуса, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Мадатова, и на четвертый день прибылъ въ Тифлисъ.

Ермоловъ былъ вообще недоволенъ дѣйствіями въ Карабагѣ. Ра-

Библиотека "Руниверс"

спросивъ Клюки-фонъ-Клугенау о положеніи дѣлъ, онъ выразилъ Реуту неудовольствіе свое въ слѣдующихъ двухъ предписаніяхъ, которыя мы приводимъ здѣсь потому, что они писаны имъ самимъ и въ нихъ выражены лестные отзывы полководца о Клюки-фонъ-Клугенау.

Первое отъ 23-го августа 1826 года:

«Получилъ письмо ваше отъ 5-го августа. Оно долго шло до меня и потому не скоро отвѣтъ.

«Защита крѣпости одна можетъ вамъ сдѣлать честь и поправить ваши ошибки.

«Извольте держаться, не принимать никакихъ предложеній, ибо васъ обманываютъ подлецы.

«Стыдно терять духъ, какъ то я уже вижу.

«Зачѣмъ прислали Клюки, который вамъ нуженъ? Онъ лучшій вамъ помощникъ.

«Защищайтесь. Соберите весь хлѣбъ отъ бековъ, пусть съ голоду умрутъ измѣнники. Великодушно обращайтесь съ армянами, ибо они хорошо служатъ.

«Какъ подло обманываютъ васъ Персіяне, что мы оставили Грузію. У насъ есть войска, еще идутъ новыя и скоро будутъ въ Карабагѣ.

«Объявите о семъ войскамъ вашимъ.

«Обнадежьте подателя богатою наградою».

Второе отъ 27-го сентября 1826 г.:

«Судя по дѣйствіямъ войскъ нашихъ, крѣпость Шуша должна уже быть свободна отъ обложенія непріятеля и вамъ надлежало бы донести мнѣ о томъ.

«Извольте съ полученія сего обстоятельно донести мнѣ о всѣхъ происшествіяхъ съ самаго выступленія вашего изъ Чинахчи и во все время блокады крѣпости; у васъ должна быть поденная записка.

«Дайте мнѣ знать въ подробности, что предпринималъ непріятель противъ крѣпости, или какія производилъ работы.

«Доставьте поимянно списки содержащимся подъ стражею бекамъ, и справедливъ-ли дошедшій до меня слухъ, что открыто намѣреніе ихъ—сдѣлать измѣну? Кто предостерегъ васъ въ томъ? Кто изъ бековъ первые возмутились противъ насъ и пристали къ хану, и были-ли изъ нихъ сохранившіе вѣрность?

«Кто изъ армянъ, бывшихъ въ крѣпости, наиболѣе усердствовалъ намъ, и какія дали они пособія нуждавшемуся въ продовольствіи гарнизону?

«При разбитіи непріятеля, когда обратился онъ въ бѣгство, сдѣлали-ли вы вылазку изъ крѣпости, и удалось-ли вамъ нанесть ему вредъ; или, если не сдѣлали вылазки, что вамъ въ томъ воспрепятствовало?

«При побѣгѣ непріятеля старались-ли армяне истреблять его, и не было-ли карабагцевъ, желавшихъ заслугами загладить свою измѣну?

«Донести, что могло побудить васъ дать Аббас-мирзѣ въ аманаты маіора Чиляева, а въ замѣнъ его, далъ-ли онъ кого вамъ въ аманаты? Справедливо-ли, что маіоръ Чиляевъ отправленъ подлымъ Аббасъ-Каджаромъ въ Персію?

«Что могло заставить васъ послать ко мнѣ маіора Клюки, лучшаго изъ вашихъ офицеровъ, когда въ немъ имѣли вы сами нужду?

«Донесите о подробностяхъ дѣйствій бывшаго баталіона, потерявшаго под-

Библиотека "Руниверс"

полковникомъ Н..., извѣстнымъ отличною своею глупостью, и который только, по неблагоразумію вашему, могъ получить команду въ важномъ мѣстѣ и въ важныхъ обстоятельствахъ, когда лучше бы поручить ее всякому другому».

Исполнивъ возложенное на него порученіе, Клюки-фонъ-Клугенау не могъ уже возвратиться въ Шушу, потому что персіяне въ значительныхъ силахъ были въ Елисаветополѣ; однако, крѣпость держалась противъ отчаянныхъ усилій Аббас-мирзы, и сорока-семи-дневная геройская оборона ея увѣнчана лестнымъ вниманіемъ императора Николая I, пожаловавшаго 42-му егерскому полку знамена, съ надписью объ оказанномъ имъ отличіи; память объ этомъ блистательномъ подвигѣ сохраняется и понынѣ въ полкахъ, въ которые поступили баталіоны славнаго 42-го егерскаго полка, по переформированіи, въ 1834 году, пѣхоты бывшаго отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

Стремясь участвовать въ предпринимаемомъ походѣ, Клугенау, по собственному желанію, былъ прикомандированъ къ 7-му карабинерному полку, коего 6 ротъ было въ составѣ корпуса, и какъ отличный штабъ-офицеръ, извѣстный своею храбростью, получилъ надъ ними начальство.

Первая кампанія этого года рѣшилась въ двѣ недѣли, считая отъ сбора корпуса до разгрома персидской арміи подъ Елисаветополемъ; но еще передъ этимъ доблестный генералъ князь Мадатовъ находившійся съ передовымъ отрядомъ въ Казахской дистанціи, успѣлъ разсѣять 10 т. непріятельскій корпусъ, шедшій изъ Елисаветополя, подъ начальствомъ сына Аббас-мирзы, Мамед-мирзы, и дяди его Амирхансардаря. 2-го сентября 1826 г. кн. Мадатовъ, съ восходомъ солнца, подходилъ къ рѣчкѣ Шамхору; въ тоже время, съ противоположной стороны, шли туда персіяне; густые облака пыли, подымавшіяся отъ поспѣшнаго слѣдованія нашего отряда и отставшаго обоза, ввели непріятеля въ заблужденіе о многочисленности русскихъ; и онъ, достигнувъ праваго берега рѣчки, остановился въ нерѣшительности и началъ устраиваться въ боевой порядокъ; но кн. Мадатовъ, не останавливаясь, велѣлъ переправиться кавалеріи черезъ рѣчку въ бродъ и стремительно атаковать; дѣло рѣшилось въ одно мгновеніе. Персіяне были сбиты и обращены въ бѣгство, казаки кололи ихъ пиками до изнеможенія силъ; въ рукахъ ихъ остались только одни обломки древокъ. Весь непріятельскій корпусъ, смѣшавшійся въ безпорядочную толпу, бѣжалъ безъ оглядки и отъ страха не могъ даже попасть въ Елисаветополь, гарнизонъ котораго, объятый ужасомъ, поспѣшно очистилъ крѣпость. Князь Мадатовъ занялъ ее только на другой день, потому что войска были крайне утомлены. Въ добычу побѣдителямъ достался весь лагерь, изъ котораго Мамед-мирза не успѣлъ даже вы-

Библиотека "Руниверс"

везти свою свиту изъ молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ, возимыхъ обыкновенно знатными азіятцами въ походахъ.... Амир-ханъ-сардарь, подавшій примѣръ къ бѣгству, былъ настигнутъ и убитъ казаками, которымъ досталась его лошадь съ великолѣпною сбруею и сѣдломъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

Ночью, 9-го сентября 1826 г., Паскевичъ соединился съ кн. Мадатовымъ въ Елисаветополѣ и, во исполненіе предначертаній генерала Ермолова, долженъ былъ дѣйствовать на крѣпость Шушу, но на слѣдующій день узналъ, что Аббас-мирза, снявъ блокаду этой крѣпости, идетъ къ нему на встрѣчу, съ 15 тыс. регулярной пѣхоты и до 20 тыс. иррегулярныхъ войскъ, и уже находится на р. Тертерѣ, въ 40 верстахъ отъ Елисаветополя, гдѣ онъ остановился въ ожиданіи соединенія разсѣянныхъ своихъ силъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ.

220. [1])

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.

Во время царствованія императрицы Екатерины, наслѣдникъ ея, великій князь Павелъ Петровичъ, терпѣлъ многія нужды и лишенія. Назначенныхъ на расходы его суммъ, недоставало ему даже на содержаніе своего двора. Когда же онъ началъ строить дворецъ въ Павловскѣ, то вошелъ въ долги до 500 тысячъ рублей. Это чрезвычайно его озабочивало. Къ довершенію непріятности, люди, подслуживавшіеся императрицѣ и находившіе удовольствіе подливать масло въ огонь, подучили подрядчиковъ и рабочихъ представить жалобу Екатеринѣ. Императрица разгнѣвалась, дѣлала самые строгіе выговоры сыну; а долги его все-таки оставались неуплаченными. Это довело Павла до того, что онъ принужденъ былъ просить денегъ у великолѣпнаго князя Потемкина, и тотъ „сдѣлалъ милость ему", заплатилъ за него долги. Положеніе невыносимо тягостное для такого пылкаго, кипящаго характера, какимъ былъ Павелъ!

221.

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ и камердинеръ Секретаревъ.

При князѣ Потемкинѣ былъ камердинеромъ Секретаревъ, изъ вольноотпущенныхъ. По смерти князя, этотъ камердинеръ умѣлъ

[1]) См. «Русск. Стар.» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772; т. VI, стр. 87—97; 285—290, 675—678; изд. 1874 г., т. X, стр. 772—787. Ред.

Библиотека "Руниверс"

скрыть и представилъ Екатеринѣ шкатулку съ ея письмами и другими секретными бумагами, важными для императрицы. За эту услугу онъ принятъ былъ камердинеромъ ко двору, и впослѣдствіи былъ коллежскимъ ассесоромъ. [1]) Вскорѣ по назначеніи Секретарева ко двору, въ день рожденія великой княгини Маріи Ѳеодоровны, императрица послала къ ней этого новаго камердинера.

— „Ея императорское величество“, сказалъ вошедшій Секретаревъ, „повелѣть мнѣ соизволила поздравить ваше императорское высочество съ днемъ рожденія и съ добрымъ утромъ“.

— „Благодарю, благодарю“, говорила великая княгиня, почтительно вставъ съ креселъ, „доложите матушкѣ-императрицѣ о моей чувствительнѣйшей благодарности; здорова-ли ея императорское величество?“

Потомъ, взявъ съ своего стола янтарныя пуговки, къ манишкѣ, выточенныя ею самой, сказала:

— „Прошу васъ принять это отъ меня на память“.

Секретаревъ, сдѣлавъ низкій поклонъ за эту милость, вышелъ. Павелъ, между тѣмъ, въ той же комнатѣ, стоялъ у окна, едва взглядывая изъ-подъ нахмуренныхъ бровей на камердинера. При выходѣ Секретарева, онъ слышалъ, что великая княгиня спрашивала у мужа: „кто этотъ камердинеръ? я прежде его не замѣчала у матушки-императрицы“.

— „Это“, сурово отвѣчалъ Павелъ, „бывшій холопъ ея Алкивіада!“ (Разсказъ Секретарева).

222.

Комедія Екатерины II: „Горе-богатырь Косометовичъ“.

Павелъ нѣсколько разъ просилъ дозволенія участвовать въ войнахъ противъ турокъ и потомъ противъ шведовъ. Императрица на

---

[1]) По кончинѣ императрицы, Павелъ тотчасъ подвергъ опалѣ первыхъ ея камердинеровъ. Изъ нихъ любимый ею, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зотовъ (извѣстный Захарушка), былъ заключенъ въ Петербургскую крѣпость, а трое другихъ, въ томъ числѣ Секретаревъ,—были сосланы въ Сибирь. Императоръ Александръ I-й, вступивъ на престолъ, освободилъ Зотова изъ крѣпости, а прочихъ—возвратилъ изъ Сибири. Но Зотовъ, еще въ крѣпости, потерялъ навсегда разсудокъ. На другихъ несчастіе подѣйствовало не столь губительно. Секретаревъ послѣ того жилъ долго, большею частію въ Москвѣ, и тамъ умеръ. Дочь его вышла замужъ за генералъ-маіора Барышникова, состоявшаго при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; сынъ дослужился до статскаго совѣтника, хотя и не имѣлъ разсудительности и добрыхъ свойствъ отца. **Прим. Собирателя.**

Библиотека "Руниверс"

это не соглашалась. Наконецъ, въ 1788 году, послѣ знаменитаго отвѣта на вопросъ сына: „Что скажетъ обо мнѣ Европа?" „Европа скажетъ, что ты послушный сынъ",—мать дозволила ему отправиться противъ шведовъ, въ Финляндію.[1]) Но скоро, узнавъ, что шведскій принцъ Карлъ, ищетъ случая сблизиться съ Павломъ, государыня отозвала наслѣдника своего изъ арміи въ Петербургъ.[2])

Вскорѣ послѣ того, Екатерина сочинила комическую оперу: „Горе-богатырь Косометовичъ". Содержаніе пьесы такое: Горе-богатырь занимался только тѣмъ, что таскалъ изюмъ изъ кладовой матери, да игралъ въ свайку, но и ту, по примѣру покойнаго отца своего, металъ невпопадъ, косо (отчего и отецъ его прозванъ былъ Косометовичемъ). Несмотря на это, молодецъ считалъ себя героемъ и просился у матери на войну. Нѣжная мать не пускала своего дитятку, какъ одну надежду и опору своихъ вотчинъ. Наконецъ, мать уговорили, и она, сказавъ: „Пусть онъ ѣдетъ; не взбѣсясь, собака не пропадаетъ", согласилась на желаніе сына. Но она придала ему двухъ пѣстуновъ,—Кривомозга и Торопа, которымъ приказала беречь его и не выпускать его изъ глазъ. Хотѣлъ-было Горе-богатырь сѣсть на коня бойкаго, надѣть шишакъ Еруслана Лазаревича, взять мечь-кладенецъ Ивана Архидѣича, палицу Петра Золотыхъ-Ключей. Кончилось, однакоже, тѣмъ, что онъ сѣлъ на мизерную кавурую клячу, надѣлъ латы изъ картузной бумаги, выкрашенныя подъ желѣзный цвѣтъ, вмѣсто шишака, косую, пушистую шапочку съ журавлиными перьями; палицу сдѣлали для него легонькую, въ родѣ свайки. Въ этомъ видѣ, похвалясь прежде передъ барынями, что завладѣетъ океанъ-моремъ и привезетъ имъ множество гостинцевъ, отправился Горе-богатырь, съ своими пѣстунами, на войну. Лишь только выѣхали они со двора, какъ вѣтеръ сдулъ съ головы рыцаря косую шапочку. Торопъ насилу ее поймалъ. Вѣря дурнымъ примѣтамъ и мало чувствуя въ себѣ храбрости, пѣстуны Горе-богатыря старались отвратить его отъ дальнѣйшаго путешествія. Но онъ еще хорохорился. Догадливый Торопъ прибѣгнулъ къ хитрости: отъѣхавъ впередъ, онъ началъ скакать по грибамъ-дождевикамъ и поднялъ страшную пыль. Кривомозгъ увѣрилъ Горе-богатыря, что

---

[1]) См. письма цесаревича Павла Петровича и отвѣты Екатерины II, относительно просьбъ наслѣдника отпустить его на войну, въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., т. VIII, стр. 856—860; 868—872. «Истор. матеріалы изъ библіотеки дворца города Павловска». Ред.

[2]) «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія», соч. Вейдемейера, ч. II, стр. 61, 62 и 64. Прим. Собир.

Библиотека "Руниверс"

это дымъ отъ стрѣльбы костоглотовъ (непріятелей), и совѣтовалъ объѣхать ихъ. Но рыцарь, чувствуя голодъ, хотѣлъ передъ битвой покушать и завернулъ въ первую избушку, въ которой всего было: старуха, маленькая дѣвочка, да однорукій старикъ. Горе-богатырь съ грубостью потребовалъ пищи; старикъ, готовый помочь всякому, кто проситъ честью, сказалъ, что наглымъ образомъ отъ него крошки не достанешь. Рыцари обнажили мечи и силой ломились въ избушку. Однорукій старикъ ухватомъ отбилъ приступъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и спустилъ съ цѣпи собаку. Между тѣмъ нѣжная мать послала къ нему казначея своего, Громкобая, поручивъ ему приказать Кривомозгу и Торопу, чтобы они убѣдили сына ея возвратиться домой. Напугать труса было легко. Тогда Горе-богатырь почивалъ на войлочкѣ, имѣя подъ головой сѣдло, по обычаю богатырскому. Пѣстуны подняли крикъ и затрубили въ рогъ, какъ дѣлается при травлѣ медвѣдей. Горе-богатырь вскочилъ отъ сна, прибѣжалъ испуганный и, чтобы медвѣдь не съѣлъ его, влѣзъ на дерево. Но пѣстуны увѣрили молодца, что онъ и тутъ не въ безопасности; сказали, что на нихъ идутъ: справа—непріятели, слѣва—лѣшіе, посрединѣ—колдуны; что вся эта сила ѣдетъ верхами на осинахъ, и онъ, на деревѣ, первый попадется въ ихъ руки. Горе-богатырь еще колебался, боясь стыда, которымъ покроется его бѣгство. Пѣстуны и на этотъ счетъ его успокоили: условились разсказать, что они побѣдили и старика, и непріятелей, и колдуновъ, и лѣшихъ. Послѣ этого всѣ они надѣли на головы вѣнки и съ торжествомъ возвратились къ матушкѣ. Тамъ уже ожидала Горе-богатыря невѣста, Гремила Шумиловна, столько же любившая звучное, громкое и шумное, какъ и женихъ. Возвратившійся Горе-богатырь разсказалъ тьму о своей храбрости.

Могу безъ хвастовства сказать,
Дѣлъ кучу храбрыхъ доказать;
Низринулъ множество оплотовъ,
Вездѣ и всѣхъ я побѣдилъ,
Прогналъ, разсыпалъ и побилъ
Медвѣдей, костоглотовъ
И лѣшихъ съ колдунами!
Они вѣдь защищали
И море съ островами;
Но всѣхъ повергъ и — пали!
О томъ спросите насъ:
Вотъ три свидѣтеля для васъ.

Мать ударила по рукамъ. Сговоренные поютъ:

Горе-богатырь съ Гремилой
Бракъ составятъ непостылой,

Библиотека "Руниверс"

Такъ согласны межъ собою,
Будто рапушка съ водою.

Опера оканчивается хоромъ:

Пословица сбылась:
Синица поднялась,
Вспорхнула, полетѣла,
И море зажигать хотѣла;
Но моря не зажгла,
А шуму сдѣлала довольно!

Современники (И. И. Дмитріевъ и Мих. Николаев. Макаровъ) увѣряли, что эта пьеса написана на в. к. Павла Петровича. Она была играна на Эрмитажномъ театрѣ и потомъ, въ 1789 году, напечатана. [1]) Трудно представить, какъ велики были сдерживаемыя досада и огорченіе такого пылкаго и крайне впечатлительнаго человѣка, какимъ былъ Павелъ!

Примѣчаніе. О сочиненіи и представленіи на театрѣ оперы «Горе-богатырь» говорится въ запискахъ Храповицкаго, на стр. 143 и 168. Графъ Сегюръ, въ запискахъ своихъ, на стр. 302 и 303, Устряловъ («Русская исторія», изд. 3-е, т. II, стр. 226) и Вейдемейеръ («Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи», т. II, стр. 66 и 67) пишутъ, что эта опера написана на шведскаго короля Густава III, неудачно воевавшаго тогда противъ Россіи. Вейдемейеръ прибавляетъ еще, что князь Потемкинъ отсовѣтовалъ играть оперу публично, чтобы публичная шутка не произвела публичнаго мщенія. Но сынъ, не царствующій, просящійся на войну, отпускаемый и возвращаемый матерью, равно какъ и всѣ подробности оперы, доказываютъ, что она направлена была не противъ Густава III, короля царствовавшаго и дѣйствовавшаго независимо ни отъ кого, а прямо противъ Павла. Тогда могли распустить слухи, будто опера сочинена на Густава, чтобы отвести вниманіе отъ насмѣшекъ матери-императрицы надъ сыномъ, и, вѣроятно, эти-то слухи послужили основаніемъ сказанію Устрялова и Вейдемейера. Умный совѣтъ кн. Потемкина также могъ относиться къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, на публичномъ театрѣ не стыдить наслѣдника русскаго престола. Собиратель.

223.

Павелъ и Новиковское общество.

Великій князь Павелъ Петровичъ принадлежалъ къ обществу Новикова. Когда дворянинъ-книгопродавецъ былъ арестованъ и со всѣми бумагами доставленъ въ Петербургъ, надъ нимъ учреждена была слѣдственная коммиссія. Въ число дѣлопроизводителей коммиссіи назначенъ былъ, имѣвшій незначительный чинъ, князь Григорій Але-

[1]) Опера «Горе-богатырь Косометовичъ» напечатана была въ немногихъ экземплярахъ; рѣдкіе имѣли ее и хранили въ тайнѣ; а продавалась она по 20 р. асс. (Каталогъ Смирдина, № 7,652), тогда какъ цѣна другимъ театральнымъ пьесамъ Екатерины II-й не превышала 4, 3 или 2 руб. асс. (тамъ же,

Библиотека "Руниверс"

ксѣевичъ Долгоруковъ, если не принадлежавшій къ обществу Новикова, то сочувствовавшій его мнѣніямъ и любившій великаго князя. При разборѣ бумагъ, князь Долгоруковъ, разсматривая книгу, гдѣ записаны были члены общества, и найдя листъ, на которомъ великій князь своей рукой вписался въ члены, Долгоруковъ, отойдя съ книгой въ сторону, вырвалъ этотъ листъ, разжевалъ его по частямъ и проглотилъ. Какъ скрытно ни старался онъ сдѣлать это, но нѣкоторые изъ членовъ коммиссіи замѣтили его поступокъ, и хотя открыть не могли истины, но осталось темное подозрѣніе о принадлежности великаго князя къ обществу. Это подозрѣніе увеличилось тѣмъ, что великій князь, на другой же день, ѣздилъ къ князю Долгорукову, жившему на Васильевскомъ Острову. Самъ же Долгоруковъ подвергся немилости императрицы и во все остальное время ея царствованія былъ въ забытьи.

Павелъ I-й, по восшествіи на престолъ, освободивъ Новикова изъ крѣпости, хотѣлъ пожаловать ему анненскую ленту. Но тотъ не принялъ ее, сказавъ:

— „Что будутъ говорить о покойной императрицѣ, когда вы пожалуете такой важный знакъ отличія тому, котораго она содержала въ крѣпости?“

Владиміра Лопухина, Сергѣя Плещеева и другихъ членовъ, бывшаго новиковскаго общества, Павелъ называлъ нашими, приближалъ къ себѣ и осыпалъ милостями. По какому-то странному случаю избавитель отъ бѣды, князь Долгоруковъ, былъ забытъ. Прямо напомнить о своей заслугѣ, по гордости, онъ не хотѣлъ. Нѣсколькимъ князьямъ Долгоруковымъ этотъ государь возвратилъ имѣнія, конфискованныя во времена бироновщины; князь Григорій Долгоруковъ, разными выходками, противными волѣ и вкусу Павла, старался обратить на себя его вниманіе; но императоръ не вспомнилъ о немъ до конца своего царствованія. Князь Григорій Алексѣевичъ остался въ бѣдности и передалъ ее потомкамъ своимъ, въ томъ числѣ правнуку, извѣстному магнетизеру, князю Алексѣю Владиміровичу Долгорукову.

224.

П. Х. Обольянииновъ.

Петръ Хрисанфовичъ Обольянииновъ, изъ бѣдныхъ дворянъ Псковской губерніи, служилъ въ разныхъ губерніяхъ, сначала мелкимъ чи-

№№ 7,041, 7,124, 7,253, 7,288, 7,323, 7,426, 7,696, 7,702, 7,740, 7,741). Въ 1849 г., эта опера сдѣлалась общимъ достояніемъ: она напечатана въ «Сочиненіяхъ императрицы Екатерины II», изд. Смирдина, т. 1, стр. 429—459. Прим. Собир.

Библиотека "Руниверс"

новникомъ, а потомъ совѣтникомъ по соляной части. Переходы по службѣ, изъ одного мѣста въ другое, дали ему возможность практически изучить почти всю Россію, и онъ сдѣлался знатокомъ своего отечества.

Неизвѣстно, по какому случаю Обольянииновъ попалъ на службу въ Гатчину. Тамъ онъ является въ чинѣ полковника, и хотя не былъ особеннымъ любимцемъ Павла Петровича, но успѣлъ оказать ему преданность свою и нѣкоторыя услуги. Этому способствовала жена Обольянинова, женщина невоспитанная, но умная и бойкая. Великій князь бывалъ въ такой нуждѣ, что иногда не имѣлъ хорошаго обѣда (?!). Обольянинова приносила къ нему сама, или присылала съ слугой, вкусные пироги и другія кушанья.

По восшествіи на престолъ Павла, Обольяниновъ не рѣшился ѣхать къ императору. Онъ притворился нездоровымъ и отправилъ въ Петербургъ своего человѣка узнать, что толкуютъ въ столицѣ о новомъ государѣ. Самъ-ли собой, или по наученію господина, слуга терся около дворца. Павелъ I-й, выходя изъ дворца, замѣтилъ этого слугу, когда-то приносившаго ему пироги въ Гатчинѣ, тотчасъ узналъ его и спросилъ:

— „Ты человѣкъ Обольянинова? Здоровъ-ли Петръ Хрисанфовичъ?“

Получивъ въ отвѣтъ, что Петръ Хрисанфовичъ нездоровъ, государь сказалъ:

— „Врешь ты, онъ здоровъ; скажи ему, чтобъ пріѣхалъ ко мнѣ“.

Отсюда началось быстрое возвышеніе Обольянинова.

Въ четыре года онъ достигъ до чина генерала отъ инфантеріи, получилъ ордена св. Анны, Александра, Андрея и Іоанна іерусалимскаго, всѣ съ бриллiантами, и 3,500 душъ крестьянъ.

Въ первые годы этого возвышенія онъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ. Между тѣмъ, генералъ-прокуроры, графъ А. Н. Самойловъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, князь П. В. Лопухинъ и А. А. Беклешовъ, смѣнялись одинъ за другимъ. Придумывая, кого бы назначить генералъ-прокуроромъ послѣ Беклешова, уволеннаго отъ этой должности 2-го февраля 1800 года, императоръ Павелъ прибѣгнулъ къ любимому имъ средству—метанью жеребья. Написавъ на бумажкахъ имена своихъ любимцевъ, онъ свернулъ бумажки, положилъ ихъ передъ образомъ, помолился и потомъ, перемѣшавъ, вынулъ одну изъ нихъ. На ней было имя Обольянинова. Вѣруя въ жребій, какъ въ указаніе свыше, Павелъ, 2-го февраля 1800 года, назначилъ Обольянинова генералъ-прокуроромъ и называлъ его: „Богомъ даннымъ“.

Библиотека "Руниверс"

Обольяниновъ не получилъ въ молодости образованія, и съ практическими познаніями, пріобрѣтенными на службѣ въ провинціяхъ, казалось бы только и могъ быть хорошимъ судьею или прокуроромъ. Но онъ имѣлъ много природнаго ума, вѣрный взглядъ на поступки человѣческіе и на производство дѣлъ, былъ смѣтливъ и остороженъ, говорилъ сильно и правдиво. Въ немъ было еще достоинство, важное для начальниковъ: держаться талантливыхъ подчиненныхъ и работать ихъ руками. Отъ прежнихъ генералъ-прокуроровъ, между другими чиновниками, достался ему М. М. Сперанскій. Довольно и одного такого чиновника, чтобы канцелярія была блестящею. Только стенографически написанное со словъ Обольянинова было хорошо; но если онъ принимался самъ писать, или даже диктовать, то выходило полуграмотно, въ родѣ записокъ изъ мелочной лавки. Передъ царемъ, объясняя дѣла на словахъ, онъ выдерживалъ докладъ съ честію, а бумаги въ канцеляріи его всегда писались превосходно—и все шло въ порядкѣ у „Богомъ даннаго“ генералъ-прокурора.[1])

Умѣя держать себя, при частыхъ вспышкахъ гнѣвнаго императора, и терпѣливо переносить непріятности, не выбѣгая впередъ передъ другими и съ точностью исполняя прямыя обязанности своей должности, Обольяниновъ былъ любимъ государемъ продолжительнѣе, чѣмъ многіе болѣе его образованные и талантливые люди, и на скользкомъ мѣстѣ генералъ-прокурора удержался до самаго конца царствованія Павла I-го. Преданный своему благодѣтелю, онъ, однакоже, не вовлекся ни въ низкое угодничество, ни въ жестокости того времени, и сохранилъ имя добраго человѣка.

Въ ночь, съ 11-го на 12-е марта 1801 года, Обольяниновъ сидѣлъ и писалъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ входитъ къ нему плацъ-маіоръ и объявляетъ: по высочайшему повелѣнію, вы арестованы и должны слѣдовать за мной на гауптвахту.

— „Тише говорите“, сказалъ Обольяниновъ, „не разбудите жены, она спитъ за этимъ простѣнкомъ, не потревожьте моихъ домашнихъ“.

Онъ самъ нашелъ шубу и шапку, одѣлся и, крадучись изъ своего дома, отправился за плацъ-маіоромъ. Генералъ-прокурора помѣстили на гауптвахтѣ, въ комнатѣ нечистой, наполненной запахомъ солдатскаго табаку. „Но я“—послѣ разсказывалъ Обольяниновъ—„ни о чемъ не зная, крѣпко спалъ во всю ночь“.

---

[1]) Любопытные разсказы о немъ см. въ книгѣ гр. М. А. Корфа: «Жизнь гр. Сперанскаго», т. I, стр. 51—55. Ред.

Библиотека "Руниверс"

На слѣдующее утро его освободили. Тутъ только узналъ онъ, что арестованъ былъ по распоряженію злонамѣренныхъ людей, и что императоръ Павелъ умеръ.

Онъ отправился во дворецъ поклониться тѣлу своего благодѣтеля.....

Императоръ Александръ I-й удерживалъ Обольянинова на службѣ, но онъ отказался. Старикъ видѣлъ, что при государѣ молодомъ, окружившемъ себя людьми новаго образованія,—и онъ другимъ, и другіе ему—будутъ чужды.

Испросивъ отставку, Обольянининовъ удалился въ Москву, по обычаю другихъ вельможъ того времени, и потому, что пожалованныя ему имѣнія находились ближе къ древней столицѣ, во Владимірской губерніи.

Во время коронаціи, на одномъ изъ баловъ, Александръ, подведя императрицу-супругу къ Обольянинову, сказалъ:

— „Вотъ нашъ почтенный Петръ Хрисанфовичъ".

Обольянининовъ низко поклонился и на вопросъ о здоровьѣ отвѣчалъ:

— „Ваше величество, я здѣсь молодѣю отъ радостей".

Государь отошелъ отъ него съ замѣтнымъ неудовольствіемъ.

Въ Москвѣ Обольянининовъ жилъ богато и держалъ себя большимъ бариномъ. Паденіе знатнаго и добраго человѣка возбуждаетъ въ другихъ участіе. Считавшійся обыкновеннымъ на мѣстѣ генералъ-прокурора, онъ сдѣлался въ отставкѣ лицомъ замѣчательнымъ. Всѣ уважали его и смотрѣли на него съ любопытствомъ.

Въ 1812 году онъ былъ избранъ московскимъ дворянствомъ въ число членовъ комитета, который былъ учрежденъ тогда для сбора и вооруженія ополченія. Императоръ Александръ, прибывъ изъ арміи въ Москву и принимая дворянъ, сказалъ Обольянинову:

— „Я радъ, Петръ Хрисанфовичъ, что вижу васъ опять на службѣ".

— „Я и не оставлялъ ее", отвѣчалъ бывшій генералъ-прокуроръ.

— „Какъ?" спросилъ государь.

— „Дворянинъ", продолжалъ Обольянининовъ, „который управляетъ крестьянами и заботится о нихъ, служитъ государю и отечеству".

Многіе старики считаютъ мальчиками тѣхъ, которые моложе ихъ, присвоиваютъ себѣ право быть смѣлыми со всѣми, говорить всякому истину безъ покрышки. Къ этому разряду людей принадлежалъ Обольянининовъ. Чѣмъ старше становился онъ, тѣмъ сильнѣй вы-

Библиотека "Руниверс"

сказывалъ свои мысли, и часто былъ рѣзокъ въ разговорѣ. Однажды императоръ Александръ, отойдя отъ него, сказалъ: „съ нимъ нельзя говорить въ перчаткахъ".

Несмотря на это, императоръ Александръ I пожаловалъ ему за труды по сбору и вооруженію ополченія орденъ св. Владиміра 1-й степени.

Послѣ того Обольянииновъ, сряду нѣсколько трехлѣтій, былъ избираемъ московскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители.

Къ Обольянинову съѣзжалась вся московская знать; но онъ былъ чувствителенъ ко всякому знаку уваженія и принималъ у себя, съ чрезвычайной благодарностью, даже небольшихъ чиновниковъ и дворянъ. Онъ и въ отставкѣ умѣлъ поддержать славу добраго человѣка. Многіе посѣщали его именно съ тѣмъ, чтобы имѣть покровителя и нерѣдко прибѣгали къ нему съ просьбами. Онъ не только не скучалъ ими, но тамъ-то и старался показать свое значеніе, гдѣ вызывали его на доброе дѣло. Въ этихъ случаяхъ онъ былъ твердъ и настойчивъ.

Однажды явившійся къ нему чиновникъ Апятовъ разсказалъ, что его вытѣснили изъ службы и оставили, съ семействомъ, безъ куска хлѣба. „Служи по выборамъ; я за тебя похлопочу", было отвѣтомъ Обольянинова. Послѣ того, при первыхъ дворянскихъ выборахъ, Апятовъ былъ избранъ въ засѣдатели гражданской палаты. Бѣднякъ былъ въ восторгѣ! Но дня черезъ два онъ прибѣжалъ къ своему покровителю и съ плачемъ разсказываетъ, что военный генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, не утверждаетъ его въ должности. Обольянииновъ вспыхнулъ; надѣваетъ мундиръ, всѣ ордена и самъ отправляется къ генералъ-губернатору. Тотъ, видя старика въ полномъ парадѣ, встрѣтилъ его съ удивленіемъ. „Ты,—сказалъ Обольянииновъ (онъ всѣмъ говорилъ *ты;* но никто, даже князь Д. В. Голицынъ, не объяснялись съ нимъ иначе, какъ чрезъ *вы*),— ты не хочешь утвердить Апятова, котораго, по моему предложенію, избрали всѣ дворяне, какъ человѣка способнаго?"

Князь доказывалъ, впрочемъ безъ доказательствъ, что Апятовъ уволенъ, хотя съ чистымъ аттестатомъ, но по сомнѣнію въ дѣлахъ нечистыхъ, спорилъ и не соглашался утвердить его въ должности засѣдателя.

Тогда Обольянииновъ, вставъ съ видомъ почтительнымъ, началъ убѣдительно просить за бѣдняка. Какъ и это не помогало, то онъ, гордо выпрямясь, сказалъ: „Ваше сіятельство" (перемѣна на титулъ и на *вы* означала на его языкѣ сильное негодованіе) „не утверждаете; такъ я отправляю къ государю императору донесеніе, что не могу

Библиотека "Руниверс"

болѣе оставаться губернскимъ предводителемъ, потому что попирается грамота, жалованная дворянству, ниспровергнуты правила выборовъ и оскорблено, въ лицѣ губернскаго предводителя, дворянство московской губерніи!"

Князь Голицынъ едва успокоилъ разгнѣваннаго старика и долженъ былъ уступить его ходатайству.

Такою настойчивостью Обольянииновъ поставилъ себя въ такое положеніе, что ему не смѣли отказывать, и многіе благословляли его имя.

Любопытны сужденія его о проступкахъ и преступленіяхъ политическихъ.

— „Я самъ", говорилъ онъ одному изъ служащихъ по высшей полиціи, „управлялъ этою частію [1]) и знаю ее. Не будь шпіономъ; умѣй обязанность свою сдѣлать святою. Не суди строго тѣхъ, которые невыгодно отзываются о правительствѣ или о государѣ; но разсмотри, изъ какого побужденія истекаютъ слова ихъ. Часто осуждаютъ потому, что любятъ. Кому дороги отечество и государь, тотъ не можетъ удержаться отъ упрека, если видитъ недостатки въ правительствѣ или въ государѣ. Не ищи заговорщиковъ и опасныхъ замысловъ вдали: революціи — у трона".

Не менѣе любопытно сужденіе его о хитрыхъ людяхъ. Кто-то выразилъ удивленіе, что и глупые люди бываютъ хитрыми, тогда какъ казалось бы, хитрость не можетъ быть безъ ума. Обольянииновъ сказалъ:

— „Вы смѣшиваете одно съ другимъ; хитрость—не умъ, но особое свойство; она замѣняетъ умъ у тѣхъ, которые не имѣютъ его. Истинный умъ—свѣтъ Божій: онъ простъ и ясенъ".

Обольянииновъ былъ неограниченно преданъ государямъ. Въ послѣдніе годы жизни, онъ уже никуда не выѣзжалъ и не могъ являться къ императору Николаю I во время пребываній его въ Москвѣ. Однажды слуги докладываютъ ему, что царь приближается къ ихъ дому, возвращаясь со смотра войскъ. Обольянииновъ приказалъ приподнять себя и подвести къ окну. Когда государь поровнялся противъ окна, хилый старикъ благоговѣйно поклонился.

— „Видѣлъ-ли", говорилъ онъ окружавшимъ, „не видѣлъ-ли государь меня, я доволенъ, что поклонился ему".

Объ этомъ въ тотъ же день узналъ государь. На другое утро къ дому Обольянинова подъѣхалъ молодой генералъ. Войдя въ перед-

[1]) Прежде и дѣла высшей полиціи были въ вѣденіи генералъ-прокурора. Прим. собирателя.

Библиотека "Руниверс"

[illegible] быстро сбросилъ съ себя шинель и сказалъ слугамъ: „я войду безъ доклада".

Старикъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, въ своемъ кабинетѣ, одѣтый въ шелковый, широкій сюртукъ, который онъ носилъ дома вмѣсто халата. Увидѣвъ внезапно вошедшаго генерала, онъ тотчасъ узналъ въ немъ особу августѣйшаго семейства. Обольяниновъ смутился, извинялся и не зналъ, что̀ дѣлать.

— „Прежде всего", сказалъ великій князь, „прошу васъ, Петръ Хрисанфовичъ, не безпокоиться и не думать одѣваться".

Усадивъ старика въ его большое кресло, великій князь сѣлъ противъ него и разговаривалъ съ нимъ болѣе часа. По отъѣздѣ великаго князя, Обольяниновъ, въ восторгѣ и сквозь слезы, разсказывалъ: „онъ говорилъ со мной о старинѣ; какой онъ добрый, какой онъ умный!"

Обольяниновъ дожилъ до глубокой старости. Въ послѣдніе два года онъ потерялъ употребленіе ногъ, его возили по комнатѣ на креслахъ, сдѣланныхъ въ видѣ колясочки. Это ослабленіе силъ, при незлобіи его, при его всегдашней добродушной привѣтливости, еще болѣе увеличивало уваженіе къ нему, которое доходило до того, что на него смотрѣли какъ бы на праведника. Даже дамы цѣловали у него руку и онъ, какъ бы чувствуя себя въ положеніи достойномъ этой чести, не отнималъ руки, когда кто-либо желалъ поцѣловать ее. Въ послѣдніе два дня онъ не то-что былъ болѣнъ, но, выражаясь евангельскимъ словомъ, скорбѣлъ; онъ приказалъ возить себя на креслахъ по всѣмъ комнатамъ, и каждому изъ домашнихъ своихъ говорилъ: „прости, прости!" Послѣ того онъ потребовалъ духовника, исполнилъ весь долгъ христіанскій и тихо навсегда уснулъ.

Это было въ 1848 году.

225 — 229.

Разсказы П. Х. Обольянинова объ императорѣ Павлѣ.

Въ характерѣ Павла I была смѣсь жестокости съ добротою, или, лучше сказать, въ разное время, онъ былъ совершенно различнымъ человѣкомъ.

Въ минуты гнѣва онъ былъ ужасенъ. Не было бездѣлицы, которая не показалась бы ему величайшимъ преступленіемъ, и не было границъ въ наказаніяхъ, кромѣ только смерти, которой онъ никому не изрекъ. Въ немъ было множество электричества. Во время силь-

Библиотека "Руниверс"

наго гнѣва, волосы на головѣ его всѣ вставали вверхъ..[1]). Кто не выносилъ грозы, тотъ погибалъ; но если навлекшій гнѣвъ, по придворному искусству или присутствію духа, умѣлъ выждать и перетерпѣть, то Павелъ скоро смягчался.

Въ расположеніи же спокойномъ и веселомъ, Павелъ былъ обворожителенъ. Онъ принималъ увлекательно, шутилъ съ своими приближенными, ласкалъ, щекоталъ ихъ, былъ больше другомъ, чѣмъ государемъ; нельзя было не предаться ему всею душою. Въ этомъ счастливомъ расположеніи не было мѣры его милостямъ и щедрости. Превышеніе мѣры и здѣсь производило вредъ своего рода. Нерѣдко чрезмѣрныя милости считались свыше заслуги и царская награда теряла свое значеніе.

Нецеремонное обращеніе и шутки съ докладчикомъ обыкновенно вдругъ прерывались словами: „пойдемте, сударь!“ Павелъ послѣ того велъ докладчика въ кабинетъ свой, садился за столикъ, самый маленькій, такъ что докладчики, которыхъ онъ всегда сажалъ противъ себя, были къ нему въ полномъ смыслѣ лицомъ къ лицу.[2]) Тутъ онъ уже нисколько не походилъ на прежняго Павла и, произнеся повелительно: „извольте, сударь, докладывать“, принималъ осанку гордую, царскую. Трудно было выдерживать его строгій, проницательный взглядъ.

Павелъ былъ много начитанъ, зналъ законъ, какъ юристъ, и, при докладахъ, вникалъ во всѣ подробности и тонкости дѣла. Нерѣдко онъ спорилъ съ докладчикомъ. Если по дѣлу кто-либо обвинялся, то Павелъ оправдывалъ его или выискивалъ обстоятельства къ извиненію преступленія; въ тяжбахъ бралъ сторону того, кому отказывалось въ искѣ; требовалъ отъ докладчика указать ему факты въ дѣлѣ или прочитать подлинникъ бумаги. Словомъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ адвокатомъ истца или отвѣтчика. Иногда государь вспыхивалъ и докладчикъ забывалъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, такъ что споръ доходилъ до шума и криковъ. Однажды Кутайсовъ, во время доклада Обольянинова, выбѣжалъ отъ страха изъ государева кабинета и послѣ спрашивалъ у Обольянинова:

— „Что у васъ происходило? Я думалъ, что вы подеретесь!“

Горе было тому докладчику, который увеличивалъ преступленіе обвиняемаго, неточно или лукаво излагалъ дѣло! Но если докладчикъ

---

[1]) Точное выраженіе Обольянинова. **Ав.**

[2]) Одинъ изъ такихъ маленькихъ столиковъ стоитъ понынѣ въ Павловскѣ, во дворцѣ, въ комнаткѣ близъ парадныхъ сѣней, во второмъ этажѣ, у окна. Тутъ же и стулъ, на которомъ сиживалъ Павелъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

побѣждалъ Павла истиною доводовъ и бралъ верхъ правдивостію взгляда, то императоръ бывалъ чрезвычайно доволенъ.

— „Хорошо, благодарю васъ“, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ, „что вы не согласились со мной, а то вамъ досталось бы отъ меня!“ .

Еще въ то время, какъ Обольянииновъ былъ генералъ-провіантмейстеромъ, Павелъ однажды потребовалъ его къ себѣ. Войдя въ залу, передъ государевымъ кабинетомъ, Обольянииновъ увидѣлъ поставленные на длинномъ столѣ горшки со щами и кашей, баклаги съ квасомъ и ковриги ржанаго хлѣба. Онъ не понималъ, что это значитъ. Великій князь, наслѣдникъ Александръ Павловичъ, выходя отъ государя, пожалъ руку Обольянинову и сказалъ: „Дурные люди всегда клевещутъ на честныхъ!“ Это привело Обольянинова еще въ бо́льшее изумленіе. Онъ вошелъ къ государю, который былъ уже веселъ и встрѣтилъ его словами:

— „Благодарю васъ, Петръ Хрисанфовичъ, благодарю: вы хорошо довольствуете солдатъ; а мнѣ донесли, будто ихъ кормятъ хлѣбомъ изъ тухлой муки, щами — изъ гнилой капусты и дурною кашей; все ложь; я приказалъ принести ко мнѣ изъ всѣхъ полковъ солдатскую пищу, самъ пробовалъ и нахожу ее превосходною; благодарю васъ“.

Обольянииновъ просилъ поручить довѣренному лицу освидѣтельствовать всѣ припасы въ магазинахъ. Но государь сказалъ:

— „Вѣрю, вѣрю, вамъ, Петръ Хрисанфовичъ, и опять благодарю“.

Когда Обольянииновъ былъ уже генералъ-прокуроромъ, Павелъ въ одно утро неожиданно посылаетъ за нимъ. Войдя въ кабинетъ, Обольянииновъ увидѣлъ, что государь широкими шагами ходитъ по комнатѣ и въ страшномъ гнѣвѣ.

— „Возьмите отъ меня вора!“ сказалъ Павелъ.

Обольянииновъ стоялъ въ недоумѣніи.

— „Я вамъ говорю, сударь, возьмите отъ меня вора!“

— „Смѣю спросить, ваше величество, кого?

— „Барона Васильева, [1]) сударь; онъ укралъ четыре милліона рублей“.

Обольянииновъ началъ-было оправдывать этого, славившагося честностію, государственнаго казначея.

— „Знаю!“ закричалъ Павелъ, „что вы пріятель ему; но мнѣ не надобно вора; дайте мнѣ другаго государственнаго казначея“.

---

[1]) Впослѣдствіи графъ и министръ финансовъ.

Библиотека "Руниверс"

— „Ваше величество", отвѣчалъ Обольянииновъ, „извольте назначить сами; я не имѣю ни на кого указать; или, по крайней мѣрѣ, дозвольте мнѣ подумать нѣсколько дней".

— „Нечего думать, назначьте сейчасъ и приготовьте указъ мой сенату".

— „Ваше величество", сказалъ Обольянииновъ, „указомъ нельзя сдѣлать государственнаго казначея".

Павелъ вышелъ изъ себя и подбѣжалъ къ генералъ-прокурору.

— „Какъ ты осмѣлился сказать, что мой указъ не сдѣлаетъ государственнаго казначея?"

Съ этими словами императоръ схватилъ Обольянинова за грудь и потомъ такъ его толкнулъ, что тотъ отлетѣлъ къ стѣнѣ. Обольянииновъ считалъ себя погибшимъ: губы его шептали молитву и онъ думалъ, что на землѣ это его послѣдняя молитва. Но Павелъ опомнился и началъ успокоиваться.

— „Почему-жъ вы, сударь, защищаете барона Васильева?"

— „Потому", съ твердостію отвѣчалъ Обольянииновъ, „что я его знаю, и увѣренъ, что онъ неспособенъ на подлое дѣло".

— „Но вотъ отчетъ его; смотрите, тутъ недостаетъ четырехъ милліоновъ!"

Обольянииновъ читаетъ и, дѣйствительно, видитъ этотъ недостатокъ. Полный удивленія, онъ говоритъ:

— „Ваше величество изволили справедливо замѣтить; но", прибавилъ онъ: „никогда не должно осуждать обвиняемаго, не спросивъ прежде у него объясненій; позвольте мнѣ сейчасъ съѣздить къ нему и узнать, что онъ скажетъ".

— „Поѣзжайте", сказалъ императоръ, „и отъ него тотчасъ опять ко мнѣ; я жду съ нетерпѣніемъ его отвѣта".

Обольянииновъ отправился. Вышло, что въ отчетѣ государственнаго казначея пропущены тѣ четыре милліона, на какіе-то чрезвычайные расходы, которые Павелъ самъ приказалъ не вносить въ общій отчетъ и подать о нихъ особую записку.

— „Доложите государю", говорилъ баронъ Васильевъ, „что я представилъ эту особую записку еще прежде, и его величество, сказавъ, что прочтетъ послѣ, изволилъ при мнѣ положить ее въ такой-то шкафъ, на такую-то полку, въ своемъ кабинетѣ".

Обрадованный генералъ-прокуроръ прискакалъ къ государю и доложилъ обо всемъ. Павелъ, ударивъ одною рукой себя по лбу, другой указывая на шкафъ, сказалъ: „ищите тутъ!" Записка найдена и все объяснилось къ чести государственнаго казначея. Павлу было и совѣстно, и весело.

Библиотека "Руниверс"

— „Благодарю васъ, Петръ Хрисанфовичъ", говорилъ онъ, „благодарю васъ, что вы оправдали барона Васильева и заставили меня думать о немъ, по прежнему, какъ о честномъ человѣкѣ; возьмите александровскую звѣзду съ бриллiантами, отвезите ее къ барону Васильеву и объявите, что я, сверхъ того, жалую ему пятьсотъ душъ крестьянъ".[1])

Тверской прокуроръ донесъ Обольянинову, что въ Тверь пріѣзжалъ фельдегерь и, по высочайшему повелѣнію, взявъ губернатора, повезъ его въ Петербургъ. Обольяниновъ приказалъ тотчасъ справиться въ сенатѣ о числѣ и положеніи дѣлъ въ Тверскомъ губернскомъ правленіи. Оказалось, что за этимъ правленіемъ считается 15 тысячъ нерѣшенныхъ дѣлъ: число, по тогдашнему времени, огромное! Вдругъ государь потребовалъ къ себѣ Обольянинова. Предугадывая причину, генералъ-прокуроръ былъ доволенъ, что предварительно запасся справкой. Павелъ былъ въ гнѣвѣ и первымъ вопросомъ его было:

— „Сколько дѣлъ въ Тверскомъ губернскомъ правленіи?"

— „15 тысячъ", отвѣчалъ генералъ-прокуроръ.

— „Да", продолжалъ императоръ, „15 тысячъ дѣлъ! Губернаторъ уже привезенъ сюда; я самъ сорвалъ съ него аннинскую ленту и посадилъ его въ крѣпость".

— „Этого мало", сказалъ Обольяниновъ; „заключеніе въ крѣпость отнесутъ къ какому-либо государственному преступленію и не принесетъ никакой пользы; надобно его судить, раскрыть запущенія по губерніи, строго наказать по законамъ и объявить во всеобщее свѣдѣніе, для примѣра и въ страхъ другимъ губернаторамъ".

— „Правда, правда, Петръ Хрисанфовичъ", говорилъ убѣжденный императоръ; „сейчасъ же отправься въ сенатъ, прикажи при-

---

[1]) Обольяниновъ былъ генералъ-прокуроромъ съ февраля 1800 г. и описанное здѣсь событіе должно произойти въ томъ же году, потому что въ исходѣ этого года баронъ Васильевъ былъ уволенъ отъ службы. Объ описанныхъ здѣсь случаѣ и наградахъ ничего нѣтъ въ жизнеописаніяхъ Васильева, помѣщенныхъ въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли», Бантыш-Каменскаго, изд. 1847 г., ч. I, стр. 198 — 205, и въ «Энциклопедическомъ лексиконѣ» Плюшара, т. 9, стр. 88—91. **Прим. собирателя.**

Не согласно съ разсказомъ Державина (см. его «Записки», въ изданіи Грота, стр. 732 — 738), который, напротивъ того, говоритъ, что Обольяниновъ всячески старался выставить Васильева неисправнымъ, желая этимъ обвиненіемъ угодить императору, или, вѣрнѣе, Кутайсову. Васильевъ былъ уволенъ 23-го ноября 1800 г., а на его мѣсто назначенъ Державинъ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

везти туда губернатора въ арестантской каретѣ и судить его въ 12 часовъ; потомъ доложи мнѣ о рѣшеніи".

Генералъ-прокуроръ исполнилъ въ точности волю государя. Черезъ 12-ть часовъ онъ явился во дворецъ.

— „Что?" спрашиваетъ Павелъ, „конченъ-ли судъ? къ чему приговоренъ губернаторъ?"

— „Сенатъ оправдалъ его, ваше величество", былъ отвѣтъ Обольянинова.

— „Какъ!" вскричалъ государь вспыхнувши.

— „Да", продолжалъ Обольяниновъ; „сенатъ нашелъ, что этотъ губернаторъ опредѣленъ въ Тверь только два мѣсяца тому назадъ, дѣла запущены еще до него, и не при одномъ его предмѣстникѣ, а при нѣсколькихъ губернаторахъ, и теперь не доберешься, который изъ нихъ положилъ начало безпорядку; привезенный же сюда губернаторъ, въ два мѣсяца, не могъ не только исправить, но и узнать положеніе старыхъ дѣлъ".

Павелъ болѣе и болѣе убѣждался справедливостью этого донесенія и, наконецъ, совершенно успокоившись, благодарилъ Обольянинова, поручилъ ему благодарить и сенатъ за прямодушное оправданіе невиннаго. Потомъ, сѣвъ къ своему столу, онъ собственноручно написалъ указъ о пожалованіи оправданнаго губернатора (дѣйствительнаго статскаго совѣтника) въ тайные совѣтники и сенаторы, повелѣвая ему присутствовать въ томъ самомъ департаментѣ сената, которымъ онъ оправданъ, а въ Тверь назначить другаго, опытнаго въ дѣлахъ, губернатора.

Еще разъ Обольяниновъ былъ, неожиданно, потребованъ во дворецъ и нашелъ государя также въ страшномъ гнѣвѣ.

— „Что это такое?" говорилъ Павелъ, „до чего я дожилъ? За что Господь Богъ меня наказываетъ? Близъ столицы появились и размножаются молоканы, которые въ изувѣрствѣ своемъ изрыгаютъ хулы на православную церковь нашу и на власть царскую! Я приказалъ схватить двухъ главныхъ изувѣровъ и представить ко мнѣ. Они здѣсь; прикажи ввести ихъ сюда".

Еретики вошли, сердито смотря изъ-подълобья; не поклонились государю и, забросивъ руки назадъ, прислонились къ стѣнѣ.

— „Почему вы не кланяетесь мнѣ?" грозно вскричалъ Павелъ.

— „А ты кто?" сказалъ старшій изъ нихъ, „развѣ ты Богъ? ты человѣкъ, какъ и мы, такой же грѣшный.... Богу одному подобаетъ кланяться!"

Озадаченный дерзкимъ отвѣтомъ, государь остался на минуту въ

Библиотека "Руниверс"

молчаніи, и потомъ, указывая на образъ, спросилъ: „а почему вы, войдя сюда, не перекрестились и не поклонились Богу?“

Изувѣръ отвѣчалъ кощунствомъ.

Павелъ былъ чрезвычайно набоженъ и глубоко уважалъ всѣ обряды вѣры. Дерзость молокана взволновала въ немъ кровь.... Гнѣвъ его разразился страшными криками.

— „Что ты сердишься?“ равнодушно говорилъ изувѣръ, „мы все дѣлаемъ, что отъ насъ требуютъ: налагаютъ подати на насъ—мы вносимъ ихъ; сдаютъ насъ въ рекруты—мы служимъ; гонятъ насъ на дороги и другія работы—мы идемъ и работаемъ; чего-жъ тебѣ еще надобно? Ты вѣруешь по своему, мы вѣруемъ—по своему; мы не трогаемъ тебя и ты насъ не трогай“.

Павелъ ходилъ по комнатѣ въ недоумѣніи и молчалъ. Обольянинновъ, наконецъ, прервалъ это молчаніе и рѣшился просить, чтобъ ему дозволено было употребить стараніе привести ихъ въ разсудокъ. Махнувъ рукою, Павелъ отрывисто сказалъ: „дѣлай съ ними, что хочешь!“ Обольянинновъ приказалъ посадить изувѣровъ въ крѣпость, назначилъ къ нимъ умнаго священника, для увѣщаній, запретилъ давать имъ книги, бумагу и всѣ письменныя принадлежности до того времени, когда они изъявятъ готовность написать повинную. Наставленія священника и заключеніе подѣйствовали. Черезъ двѣ или три недѣли молоканы потребовали бумаги, откровенно сознались, что вовлеклись въ ересь изъ корысти и просили пощады. Павелъ былъ чрезвычайно доволенъ такою развязкою дѣла; но повелѣлъ, чтобы раскаявшіеся еретики говѣли, исповѣдались у нашего священника, принесли бы въ церкви всенародное покаяніе и потомъ пріобщились по обряду православія. Все было исполнено. Императоръ нѣсколько разъ благодарилъ Обольянинова, покровительствовалъ новообращеннымъ и столько надѣлилъ ихъ деньгами, что они сдѣлались богатыми купцами.

230.

Императоръ Павелъ I-й и Я. П. Кульневъ.

(Разсказъ Я. П. Кульнева).

Изгоняя роскошь и желая пріучить подданныхъ своихъ къ умѣренности, императоръ Павелъ назначилъ число кушаньевъ по сословіямъ, а у служащихъ—по чинамъ. Маіору опредѣлено было имѣть за столомъ три кушанья. Яковъ Петровичъ Кульневъ, впослѣдствіи генералъ и славный партизанъ, служилъ тогда маіоромъ въ Сумскомъ гусарскомъ полку и не имѣлъ почти никакого состоянія. Павелъ, увидя его гдѣ-то, спросилъ:

Библиотека "Руниверс"

— „Господинъ маіоръ, сколько у васъ за обѣдомъ подаютъ кушаньевъ?“

— „Три, ваше императорское величество“.

— „А позвольте узнать, господинъ маіоръ, какія?“

— „Курица плашмя, курица ребромъ и курица боковъ“ отвѣчалъ Кульневъ.

Императоръ расхохотался.

231—237.

Разсказы кн. И. М. Долгорукова объ императорѣ Павлѣ.

Во время путешествія по Россіи, проѣзжая Владимірскую губернію, Павелъ былъ чрезвычайно доволенъ порядкомъ и устройствомъ. Во Владимірѣ ему отведенъ былъ домъ почтовой конторы, тогда лучшій во всемъ городѣ. Проведя ночь въ этомъ домѣ спокойно и въ пріятномъ снѣ, Павелъ на другой день всталъ необыкновенно веселъ. Принимая городскія власти и изъявляя въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарность губернатору Руничу, онъ приказалъ подать орденъ св. Анны 1-й степени. Орденъ принесли на серебряномъ блюдѣ; губернаторъ преклонилъ колѣни. Ударивъ его по плечу три раза шпагой, государь самъ возложилъ на него орденскіе знаки. Умный и находчивый Руничъ[1]), послѣ всеподданѣйшей благодарности, указывая на аннинскій крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, и нѣсколько разъ обращая глаза на губернскаго предводителя дворянства, Кузьмина-Караваева, спрашивалъ:

— „А этотъ крестъ, ваше величество, куда изволите приказать?“

Павелъ понялъ и, смѣясь, сказалъ:

— „Ну, хорошо, ваше превосходительство, пожалуйте прежній вашъ орденъ“.

Руничъ снявъ его, подалъ государю, который, съ тѣмъ же рыцарскимъ обрядомъ, надѣлъ его на Кузьмина-Караваева.

При томъ же представленіи властей во Владимірѣ, Павелъ подошелъ къ коменданту, генералъ-маіору Латышеву, и вдругъ выхватилъ у него шпагу. Комендантъ пришелъ въ ужасъ и совершенно растерялся Императоръ весело сказалъ: „жалую вамъ, господинъ комендантъ, аннинскую шпагу“. Тотчасъ принесли шпагу на серебряномъ

[1]) Павелъ Степановичъ Руничъ, впослѣдствіи сенаторъ. Весьма интересныя записки его о Пугачевщинѣ напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1870 г., т. II, стр. 117, 211 и 321. Ред.

Библиотека "Руниверс"

блюдѣ, и государь самъ вложилъ ее въ протупею едва опомнившагося коменданта.

На другой день, во Владимірѣ, случилось чудное событіе, на которомъ видимо явилось провидѣніе Божіе. Государь вздумалъ взглянуть на гарнизонъ и повелѣлъ быть разводу. Въ мирномъ городѣ и солдаты, и офицеры были очень плохи. Всѣхъ больше не понравился императору одинъ офицеръ, превосходившій другихъ и нерасторопностью и незнаніемъ службы. Павелъ страшно разгнѣвался и кричалъ: „въ солдаты его, въ Сибирь его!“ Этотъ приговоръ навелъ уныніе на всѣхъ жителей Владиміра, потому что офицеръ былъ добрый человѣкъ и возбуждалъ общее участіе къ себѣ. Въ тотъ же день къ государеву обѣду приглашены были всѣ власти. Павелъ за обѣдомъ опять развеселился. Ободренный этимъ, Руничъ завелъ рѣчь объ осужденномъ офицерѣ, хвалилъ его нравственность, представлялъ общее сожалѣніе о его несчастной участи и ходатайствовалъ о его помилованіи. Губернскій предводитель и другіе присоединили свои мольбы къ голосу губернатора. Павелъ призадумался; и, наконецъ, сказалъ: „хорошо, прощаю его; но сердце царево въ рукѣ Божіей, и вы увидите, что я не даромъ его осуждалъ!“ Въ словахъ этихъ крылось пророчество. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ императора изъ Владиміра, обнаружилось, что помилованный, года за три передъ тѣмъ, убилъ свою родную мать!

Въ Петербургѣ, проѣзжая по улицамъ, Павелъ увидѣлъ офицера, бѣдно-одѣтаго, самой невзрачной наружности, и у котораго дрожали руки и ноги. Государь остановился, подозвалъ къ себѣ офицера. Тотъ подошелъ и, отъ страха, принялъ еще болѣе жалкое положеніе.

— „Кто ты?“ грозно вскричалъ императоръ.

И безъ того нерасторопный, офицеръ совершенно растерялся и едва могъ выговорить:

— „Штабсъ-ка...капитанъ Ло...Ло...Лопухинъ“.

Павелъ какъ только послышалъ эту фамилію, вдругъ смягчился.

— „Не родственникъ-ли князю Петру Васильевичу?

Офицеръ, не помня себя, подтвердилъ это, хотя былъ вовсе не родственникъ и даже неизвѣстенъ князю Лопухину.

— „Жалую тебя во флигель-адъютанты“, сказалъ государь; „а есть у тебя состояніе?“

— „Никакого“, отвѣчалъ офицеръ.

— „Дарю 500 душъ и жалую васъ, сударь, въ генералъ-адъютанты“.

Библиотека "Руниверс"

Произнеся это, государь поѣхалъ далѣе. Офицеръ не зналъ, радоваться-ли ему, и приходилъ въ ужасъ отъ мысли: что будетъ съ нимъ, когда откроется обманъ. Опомнившись и придумывая, что ему дѣлать, онъ набрелъ на счастливую мысль и опрометью побѣжалъ къ княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, любимицѣ императора. Когда допустили его до княжны, онъ упалъ передъ нею на полъ, рыдая и издавая безсвязныя слова: „пощадите меня, спасите меня, я погибъ, испросите мнѣ помилованіе у государя"! Княжна подняла его, успокоила и заставила объяснить, въ чемъ дѣло. Разсказъ его разстрогалъ княжну; она сказала: „не бойтесь, будьте съ этого времени моимъ родственникомъ; я увѣрю государя, что вы точно нашъ родственникъ и предварю объ этомъ все наше семейство". Такъ она и сдѣлала дѣло. Лопухинъ получилъ 500 душъ и званіе генералъ-адъютанта. Но онъ, неприготовленный къ высокому мѣсту, не могъ удержаться на немъ, и вскорѣ былъ уволенъ въ отставку съ мундиромъ. Какъ Лопухинъ, при пожалованіи его въ генералъ-адъютанты, не былъ произведенъ въ генеральскій чинъ, и слѣдовательно оставался штабсъ-капитанамъ, то онъ назывался отставнымъ генералъ-адъютантомъ и носилъ мундиръ, присвоенный этому званію. Случай небывалый: потому что генералъ-адъютантство есть званіе, а не чинъ, и никто не увольняется въ отставку ни съ этимъ званіемъ, ни съ генералъ-адъютантскимъ мундиромъ. Но какъ Лопухинъ постоянно жилъ въ пожалованной ему деревнѣ, во Владимірской губерніи, и только изрѣдка пріѣзжалъ въ Москву, то странность ни кѣмъ не была замѣчена, и онъ слылъ отставнымъ генералъ-адъютантомъ во все царствованіе Александра I-го.

Въ одинъ изъ первыхъ пріѣздовъ въ Москву императора Николая I, Лопухинъ, желая видѣть новаго государя, явился ко двору. Затѣтивъ генералъ-адъютантскій мундиръ безъ эполетъ, и при томъ на человѣкѣ совершенно неизвѣстномъ, Николай I былъ изумленъ и спросилъ у военнаго генералъ-губернатора, князя Д. В. Голицына, что это значитъ? По объясненіи, что Лопухинъ не болѣе, какъ штабсъ-капитанъ, но былъ генералъ-адъютантомъ,—государь разрѣшилъ ему называться генералъ-маіоромъ и носить военный мундиръ отставныхъ генераловъ.

Въ установленіяхъ своихъ, Павелъ касался и до женскихъ нарядовъ. [1]) Между прочимъ было предписано, чтобы головные уборы

[1]) Мы нигдѣ не встрѣчали подобнаго установленія. Ред.

Библиотека "Руниверс"

(смѣсь чепца и повязки) дѣлались опредѣленнаго покроя и величины. Одна старая англичанка, чтобы скрыть безобразный наростъ, бывшій у нея на глазу, дѣлала чепцы свои такъ, что одна сторона спускалась со лба и закрывала испорченный глазъ. Съ этимъ удобствомъ она сшила и уборъ по новой формѣ. Разъ эта англичанка шла по Англійской набережной, когда проѣзжалъ тамъ Павелъ. Увидя головной уборъ, не совсѣмъ похожій на установленный и вовсе не красивый, императоръ остановилъ свою лошадь и гнѣвно закричалъ: „Что это значитъ, отчего уборъ не по формѣ?“ Англичанка, смѣлая по праву старости, приподнявъ нависшую часть чепца и открывъ такимъ образомъ безобразный глазъ, отвѣчала ломанымъ смѣшнымъ выговоромъ по-русски: „такъ надо, такъ надо“. Увидѣвъ отвратительный наростъ, Павелъ замахалъ рукою и, хохоча, говорилъ: „такъ надо, такъ надо“. Лошадь уже тронулась; но Павелъ, оборачиваясь, все еще махалъ рукою и съ хохотомъ продолжалъ: „такъ надо, такъ надо!“

Въ Гатчинѣ, между служителями великаго князя, былъ мелкій чиновникъ Квятковскій, который завѣдывалъ скотнымъ дворомъ. Этотъ чиновникъ, происходя изъ бѣдныхъ дворянъ Смоленской губерніи, соединялъ въ себѣ странности малороссіянина и поляка, былъ довольно грубъ и правдивъ, простъ и лукавъ, и говорилъ по русски не совсѣмъ правильно. За что-то Павелъ прогнѣвался на него и приказалъ прогнать его изъ Гатчины. Прошло нѣсколько лѣтъ; Павелъ воцарился; о Квятковскомъ не было и слуха. Разъ императоръ училъ гвардію на Царицыномъ лугу, былъ всѣмъ доволенъ и веселъ. По окончаніи ученья, объѣхавъ ряды войскъ и громко изъявивъ благодарность, онъ поворотилъ лошадь свою и привѣтствовалъ народъ. Зрители, стоявшіе вдали въ безчисленномъ множествѣ, всѣ низко кланялись. Одинъ только человѣкъ хотя имѣлъ шляпу подъ мышкой, но стоялъ опустивъ руки въ карманъ нижняго платья и отворотя лицо въ другую сторону. То былъ Квятковскій.

— „Кто этотъ невѣжда?“ грозно закричалъ императоръ, „узнать кто онъ и почему мнѣ не кланяется?“

Одинъ изъ адъютантовъ поскакалъ къ этому человѣку съ вопросами отъ имени императора.

— „А что ему до меня надобно“? отвѣчалъ Квятковскій. „Онъ меня довольно знаетъ и я его довольно знаю; что ему въ моей фамиліи. Скажи ему что я Квятковскій, котораго онъ прогналъ изъ Гатчины“.

Библиотека "Руниверс"

Адъютантъ возвратился къ государю и передалъ отвѣтъ Квятковскаго въ точности.

— „А, Квятковскій, Квятковскій!“—весело вскричалъ Павелъ и поскакалъ къ нему. „Здравствуй, Квятковскій“, говорилъ государь, „здоровъ-ли ты, гдѣ былъ, отчего ты мнѣ и поклониться не хочешь, за что сердишься?“

— „Да“, угрюмо отвѣчалъ Квятковскій, не перемѣняя прежняго своего положенія, „здоровъ-ли? гдѣ былъ? за что сердиться? Самъ прогналъ меня, оставилъ съ женкой и съ дѣтишками безъ куска хлѣба, а спрашиваешь—здоровъ-ли, гдѣ былъ! Я таскаюсь изъ угла въ уголъ, мнѣ ѣсть нечего съ женкой и дѣтишками; а за что прогналъ, и самъ не знаетъ!“.

— „Ну не сердись на меня, Квятковскій, не сердись“.

— „Чего не сердись“, продолжалъ тотъ, „сгубилъ меня, да еще не сердись на него! А за что прогналъ?....“

Павелъ утѣшалъ, просилъ примиренія и говорилъ: „приходи ко мнѣ, Квятковскій“, говорилъ Павелъ; „ты знаешь гдѣ я живу? приходи ко мнѣ“.

— „Знаю, вонъ тамъ ты живешь; но за чѣмъ я приду къ тебѣ, что я буду у тебя дѣлать? нечего у тебя дѣлать; еще опять осердишься, да опять прогонишь меня“.

— „Нѣтъ, не прогоню, приходи ко мнѣ, Квятковскій; да ты, я вижу, не придешь; иди подлѣ меня, я тебя не отпущу“.

Насилу убѣдивъ Квятковскаго, Павелъ поѣхалъ, а тотъ шелъ подлѣ лошади, и во всю дорогу до дворца продолжался между ними разговоръ въ томъ же тонѣ. Пріѣхавъ ко дворцу, Павелъ взялъ гостя съ собою и повелъ его прямо въ комнаты императрицы.

— „Иди, Квятковскій, за мною“, говорилъ онъ, „я тебя покажу императрицѣ и она тебѣ обрадуется. Ваше императорское величество“, сказалъ государь, войдя въ комнату Маріи Ѳеодоровны, „представляю вамъ нашего стараго друга Квятковскаго, что былъ у насъ въ Гатчинѣ; помните его?“

Императрица вовсе и не знала Квятковскаго; но видя Павла въ веселомъ расположеніи и привыкнувъ угождать ему, сказала: „а, помню, помню; здоровы-ли, вы, г. Квятковскій?“

Павелъ нѣсколько часовъ держалъ Квятковскаго въ своихъ комнатахъ, разговаривая и шутя съ нимъ. Между тѣмъ Павелъ приказалъ потребовать отъ генерала-прокурора справку, какія имѣются вакансіи. Не зная, для кого предназначается вакансія, и думая, что въ виду имѣется довольно значительный чиновникъ, генералъ-прокуроръ

Библиотека "Руниверс"

прислалъ справку, что есть вакансія директора одной изъ первоклассныхъ таможенъ.

— „Ну вотъ", сказалъ Павелъ Квятковскому, „тебѣ и мѣсто; опредѣляю тебя директоромъ таможни".

— „Нѣтъ, государь", возразилъ несамонадѣянный, но лукавый Квятковскій; „это мѣсто не для меня; куда мнѣ сладить съ таможней? А вотъ въ Лугѣ есть мой знакомый, городничій, умный и дѣльный; онъ будетъ славнымъ директоромъ таможни, а я буду порядочнымъ городничимъ".

Такъ и исполнилось. Лужскій городничій назначенъ былъ директоромъ таможни, а Квятковскій—городничимъ въ Лугу. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ нихъ, по своимъ способностямъ, чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ, и оба были счастливы.

Одинъ премьеръ-маіоръ екатерининской службы пріѣхалъ, по дѣламъ своимъ, изъ дальней губерніи въ Петербургъ. Время было около Пасхи. Дождавшись перваго дня праздника, онъ желалъ взглянуть на императора Павла и, надѣвъ форму, съ которой былъ уволенъ, отправился во дворецъ къ заутрени. Въ продолженіе христосованья, и премьеръ-маіоръ, высокій и выпрямленный, приближался за другими къ мѣсту, гдѣ стояли государь и императрица Марія Ѳеодоровна. Наконецъ, когда этотъ старикъ, отставшій отъ вѣка, сдѣлался впереди всѣхъ, онъ мѣрнымъ, воинственнымъ шагомъ подошелъ и похристосовался съ государемъ; потомъ, тою же поступью, приблизился къ императрицѣ и сталъ противъ нея, протянувъ руки и положивъ одну ладонь на другую. При Павлѣ христосовались съ нимъ однимъ, а императрицѣ только кланялись и никто не цѣловалъ у нея руки. Марія Ѳеодоровна въ нерѣшимости, что ей дѣлать, взглядывала то на государя, то на протянутыя къ ней руки. Наконецъ Павелъ вспыхнулъ. Поднявъ трость, онъ со всего размаха ударилъ по ладонямъ премьеръ-маіора. Старикъ вздрогнулъ отъ боли, и тутъ только понялъ, что цѣловать руку у императрицы не позволено. Низко поклонившись, онъ отошелъ обыкновеннымъ своимъ мѣрнымъ шагомъ и затерялся въ толпѣ.

Разъ, при разводѣ, императоръ Павелъ I-й, прогнѣвавшись на одного гвардейскаго офицера, закричалъ:

— „Въ армію, въ гарнизонъ его!"

Исполнители подбѣжали къ офицеру, чтобы вывесть его изъ фронта. Убитый отчаяніемъ, офицеръ громко сказалъ:

Библиотека "Руниверс"

— „Изъ гвардіи да въ гарнизонъ!—ну, ужъ это не резонъ!“ Императоръ расхохотался.

— „Мнѣ это понравилось, господинъ офицеръ“, говорилъ онъ; „мнѣ это понравилось; прощаю васъ!“

Разъ, на Царицыномъ лугу, во время парада гвардіи, недовольный Преображенскимъ полкомъ, Павелъ закричалъ: „на право кругомъ, маршъ... въ Сибирь!“ Повиновеніе русскихъ такъ велико, что полкъ, во всемъ своемъ составѣ, стройно прошелъ съ Царицына луга по улицамъ Петербурга до Московской заставы и потомъ отправился далѣе по сибирскому тракту. Уже близъ Новгорода этотъ полкъ былъ настигнутъ посланнымъ отъ государя, который объявилъ монаршее помилованіе и возвратилъ прощенныхъ въ столицу. [1])

Закрѣпощеніе дѣвушки священнику.

1803.

Извѣстно, что бѣлому духовенству въ Россіи не было предоставлено право имѣть крѣпостныхъ; тѣмъ не менѣе бывали случаи, какъ видно изъ ниже приводимаго документа, что помѣщики особаго рода условіями предоставляли священникамъ такія права надъ своими людьми, которыя совершенно закрѣпощали этихъ несчастныхъ власти священниковъ. Достойно замѣчанія, что настоящій документъ, находящійся въ обширномъ собраніи историческихъ и юридическихъ актовъ кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, относится къ первымъ годамъ царствованія Александра I, когда многія мѣры правительства клонились къ смягченію крѣпостныхъ путъ. **Ред.**

Честнѣйшій отецъ Василій Ивановичъ! Препровождая при семъ къ вамъ крѣпостную четырнадцатилѣтнюю крестьянскую дочь, дѣвку Катерину Яковлеву, доставшуюся мнѣ послѣ покойнаго родителя моего, секундъ-маіора Максима Васильевича Качалова, писанная по послѣдней пятой ревизіи за мною, Тихвинскаго уѣзда и Шугозерскаго погоста, въ деревнѣ Равдинѣ, покорно васъ прошу оную (дѣвку) желающимъ людямъ (продать) за извѣстную вамъ отъ меня цѣну и покупателю оной дать отъ имени моего отъ крѣпостныхъ дѣлъ съ вашимъ, вмѣсто меня, рукоприкладствомъ, со всею указною очисткою, купчую крѣпость и въ отдачѣ оной въ записной крѣпостной книгѣ росписаться. Полученныя за оную (дѣвку) деньги зачесть за имѣющій на мнѣ вашъ долгъ; а доколѣ таковой покупщикъ на оную не сыщется, позволяю вамъ держать (ее) въ вашей домашней работѣ или и постороннему въ таковую-жъ отдать; почему

---

[1]) Послѣдній разсказъ относится до кавалерійскаго полка и ошибочно отнесенъ къ пѣхотному полку. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

отъ меня, чрезъ сіе, единожды и навсегда ей предписывается жить у васъ или отъ васъ кому отдана будетъ, во всякомъ послушаніи, съ должнымъ повиновеніемъ и всѣ хозяйскія приказанія исполнять рачительно; словомъ сказать, препоручается (она) отъ насъ въ полное ваше хозяйское управленіе съ тѣмъ уполномочиваніемъ, ежели оная за ея грубости и непослушаніе подлежать будетъ къ наказанію, то и сіе надъ нею, по разсмотрѣнію вашему, чинить (надъ) ею позволяю. Въ чемъ я вамъ, и кому отъ васъ повѣрено будетъ, вѣрю, и что учините вы и вашъ повѣренный, спорить и прекословить впредь не буду. Впротчемъ, пребуду Тихвинской помѣщикъ, прапорщикъ Андрей Максимовъ сынъ Качаловъ.

19-го мая 1803 г.

Сіе принадлежитъ Тихвинскаго уѣзда, Спаскаго Шугозерскаго погоста, выставки Преображенской церкви священнику Иванову.

(Явлено «сіе письмо», 20-го мая 1803 г., въ Тихвинскомъ уѣздномъ судѣ самимъ помѣщикомъ Качаловымъ и явка удостовѣрена подписью засѣдателя суда, Ѳедора Бахтина, и проч. чиновъ суда, съ приложеніемъ печати).

Изъ замѣтокъ ветерана.

1.

Сергѣй Гавриловичъ Веселитскій.

Въ 1850 г. я состоялъ въ бригадѣ генер.-маіора Сергѣя Гавриловича Веселитскаго,[1]) съ которымъ былъ въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Разъ, бесѣдуя со мною о служебныхъ дѣлахъ, онъ говоритъ мнѣ:

— «Что это, братъ Н. М., въ полкахъ такъ много больныхъ?»

— А вы (говорю) полюбопытствуйте взглянуть, какимъ насъ хлѣбомъ кормятъ...

На другой же день, во время обѣда нижнихъ чиновъ, Веселитскій посѣтилъ кухни: хлѣбъ оказался сырой...

— «Ты самъ виноватъ; худо смотришь! хлѣбъ никуда не годится».

— И не будетъ лучше, отвѣчалъ я.

— «Это почему?»

— Въ мукѣ есть подмѣсь золы.

Желая убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, Веселитскій тотчасъ, тутъ же на кухнѣ, приказалъ испечь хлѣбъ,—и вышла сырая лепешка. Взялъ онъ ее съ собою и поѣхалъ къ корпусному командиру Панютину; тотъ доложилъ кн. Паскевичу. Казалось бы, что и дѣло съ концомъ; впрочемъ, дѣло, точно, было кончено, да только такъ, что и волки были сыты и овцы цѣлы. Черезъ нѣсколько дней послѣ доклада Панютина, кн. Паскевичъ нарядилъ коммиссію для освидѣтельствованія провіанта, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ четвертей застрахованнаго хлѣба. Коммиссія не торопилась приступить къ дѣлу, а во время этой проволочки хлѣбные амбары, волею Божіею, погорѣли. Коммиссія, прибывъ на мѣсто, находитъ, вмѣсто муки съ золой, груды чистой золы да уголья. Крупа, хранившаяся въ другомъ складѣ, оказалась до-

[1]) Сынъ одного изъ героевъ XII г.—генер.-лейтенанта Гавріила Петровича Веселитскаго (род. 10-го іюля 1774, † 30-го сентября 1829 г.). Ред.

Библиотека "Руниверс"

брокачественною и къ употребленію годною... Такимъ образомъ, концы были схоронены, если не въ воду, то въ огонь, виноватые сухи изъ воды вышли. Кн. Паскевичъ прогнѣвался на Веселитскаго, но, чтобы скрыть и замаскировать свое неудовольствіе, оказывалъ ему ласку и внимательность; въ своей коляскѣ неоднократно разъѣзжалъ съ нимъ по городу, а черезъ нѣсколько недѣль Веселитскій былъ принужденъ подать въ отставку. Кн. Горчаковъ, знавшій его лично, пригласилъ его на службу, и во время крымской кампаніи Веселитскій, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, командовалъ дивизіей.

Съ тѣмъ же солдатскимъ хлѣбомъ была еще и другая продѣлка, не хуже вышеприведенной.

Покойный государь императоръ Николай Павловичъ любилъ кушать ржаной солдатскій хлѣбъ и часто имъ лакомился. Прибылъ онъ съ августѣйшею фамиліею въ Лазенковскій дворецъ. Для содержанія карауловъ наряжена была цѣлая рота и пришлось мнѣ быть дежурнымъ. Пробили вечернюю зорю; Государь ужиналъ и потребовалъ чернаго хлѣба. На гауптвахту прибѣжалъ камеръ-лакей. «За хлѣбомъ», говоритъ, «въ госпиталь забыли послать; нѣтъ-ли у караульныхъ?» Стали искать по мѣшкамъ у солдатъ, нашли, да только неловко было подать на царскій столъ,—до того былъ плохъ. Ротный командиръ капитанъ Васильевъ и офицеры сказали-было камеръ-лакею, чтобы онъ доложилъ государю: «солдаты-де весь хлѣбъ поѣли», но я вмѣшался:

— «Не смѣю обманывать государя... Пусть онъ видитъ, какъ его обманываютъ».

Камеръ-лакей отнесъ хлѣбъ къ Государю. Отвѣдавъ его и полагая, что онъ изъ госпиталя, императоръ на другой же день, ѣдучи въ Варшаву, внезапно прибылъ въ госпиталь и какъ разъ во время обѣда больныхъ. Тогда военное хозяйство, что въ полкахъ, что въ госпиталяхъ, обыкновенно оказывалось «въ отличномъ порядкѣ» лишь тогда, когда недѣли за двѣ получали увѣдомленія о посѣщеніи государя, или высшаго начальства... Тутъ государь явился нежданно негадано и, по пословицѣ: досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Интендантъ былъ сослуживецъ кн. Паскевича по Кавказу. Намѣстникъ по докладу Веселитскаго, подвергъ его кабинетному взысканію... «Видно есть пушокъ на рыльцѣ», сказалъ по этому поводу честнѣйшій Веселитскій.

2.

П. Г. Каховскій.

Въ 1816 г., въ л.-г. егерскій полкъ опредѣлился юнкеромъ Петръ Григорьевичъ Каховскій, родомъ небогатый дворянинъ Смоленской губерніи. По просьбѣ его родныхъ, командиръ 1-го баталіона, полковникъ Свѣчинъ, пріютилъ Каховскаго у себя на квартирѣ, въ одномъ изъ нумеровъ дома Гарновскаго. Я помѣщался съ Каховскимъ въ одной комнатѣ, скромно меблированной. Это было въ великомъ посту. Тогда, къ Свѣтлому празднику, гвардейскіе офицеры, имѣвшіе, по большой части, собственные экипажи, заказывали себѣ новые, покупали лошадей, сбруи.. И къ полковнику Свѣчину пришелъ каретникъ, высокій мужчина, брюнетъ, съ живыми черными глазами. Помню, какъ теперь, когда онъ, не заставъ полковника дома, вошелъ въ нашу комнату; мы съ Каховскимъ лежали на своихъ кроватяхъ: онъ читалъ книгу, я, тоже тогда юнкеръ, готовилъ урокъ къ завтрашнему дню; было тутъ еще два-три человѣка

Библиотека "Руниверс"

посторонних. Каретник стоял несколько времени недвижно, всматриваясь попеременно, то в меня, то в Каховского, и вдруг произнес:

— «Вот что я вам скажу: один из вас будет повешен, другой—пойдет своей дорогою».

Мы улыбнулись, не обратив на это предсказание никакого внимания. Однако же оно, в отношении Каховского, через десять лет вполне оправдалось. В том же 1816 г., Каховский, за какую-то шалость разжалованный в рядовые, был сослан на Кавказ в линейные батальоны. По протекции был переведен в кавалерийский полк; в двадцатых годах дослужился до поручика, принимал деятельное участие в событии 14-го декабря, и 13-го июля 1826 г. подвергся участи, предсказанной ему каретником.

Ковно.

Сообщ. **Н. М. Новицкий.**

Н. С. Сулима.

«Командиру 2-го пехотнаго корпуса г. генералу от кавалерии и кавалеру барону Крейцу, начальника 5-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта и кавалера Сулима, рапорт.

«На повелѣние вашего высокопревосходительства, от 23-го января за № 36-м, коим спрашивать меня изволите, дѣйствительно-ли я дозволил убитому командиру Олонецкаго пехотнаго полка, полковнику Тухачевскаму, употребить на штурм гор. Варшавы находившихся тогда при командуемом им полку под судом и арестом Олонецкаго полка унтер-офицера Соловьева и лейб-гренадерскаго Финляндскаго фельдфебеля Данилова, на что сим почтеннейше имею честь ответствовать, что, сколько могу я припомнить то, желая умножить число храбрых и не имея в виду никакого законоположения, коим воспрещалось бы решительно подсудимым участвовать в подобной битве, ниже приказания оставить или сдать куда-либо, идя на штурм, арестантов, я разсудил за благо не удерживать их похвальнаго рвения и тогда же покойному полковнику Тухачевскому употребить их на штурм словесно дозволил, в чем и не раскаиваюсь, ибо они, сражаясь, как истинные герои, в полной мере оправдали мое ожидание; что и доказывается сделанным об них представлением от ближайшаго к ним начальства. Почему же в общих представлениях не было означено, что они находятся под судом, то полагаю, что произошло сие от того именно, что в представленном списке от полка, командир коего был убит, а равно и от бригады о семь объяснено не было, или от канцелярской ошибки, происшедшей также от того, что в изданных формах на счет представлений таковые случаи в графах не упомянуты, а сверх сего поспешность, с каковою тогда сии списки требовались и составлялись при безпрестанном передвижении войск, конечно, могли быть важнейшею причиною таковаго упущения, что и прошу ваше высокопревосходительство принять во уважение. Н. Сулима».[1])

№ 6-й. 1832 г., январь.

Сообщ. **С. Н. Сулима.**

---

[1]) Достойно замечания, что в кампанию 1828 г., при обложении крепости Силистрии, командовавший блокадным корпусом генерал от инфантерии Рот послал, но за наказание, пехотнаго офицера (имени не помню),

Библиотека "Руниверс"

Николай Николаевичъ Муравьевъ.[1])

Полагаю не безъинтереснымъ присоединить къ статьѣ о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, напечатанной въ «Русской Старинѣ» (томъ VIII, 1873 г., октябрь, стр. 599—632) и мои замѣтки—на основаніи древняго изрѣченія: выслушай же и противную сторону (nam audiatur et altera pars).

Во время командованія Николая Николаевича Муравьева гренадерскимъ корпусомъ, я неоднократно имѣлъ случай бывать у него, не столько по долгу службы, сколько въ качествѣ врача-консультанта. Это дало мнѣ возможность познакомиться съ нимъ довольно близко. Во многомъ подражая Суворову, покойный Николай Николаевичъ велъ жизнь регулярную, простую, избѣгая всякой роскоши, къ чему пріучалъ и дочерей своихъ. Спалъ онъ обыкновенно въ своемъ кабинетѣ, на соломенномъ тюфякѣ и таковой же точно подушкѣ, накрываясь шинелью. Вставая довольно рано, онъ, къ восьми часамъ, выходилъ къ утреннему чаю въ той же шинели, въ накидку; такъ принималъ и у себя въ кабинетѣ не только своихъ адъютантовъ, но и штабъ-офицеровъ, являвшихся къ нему по службѣ. Столъ его былъ русскій: сытный и не сложный; къ обѣду подавали, и то не всегда, по бутылкѣ бѣлаго и краснаго вина, но самъ Николай Николаевичъ почти ничего не пилъ, утоляя жажду простымъ квасомъ. Къ его прибору ставили обыкновенно большой, деревянный жбанъ (въ родѣ тѣхъ, какіе попадаются въ крестьянскихъ избахъ, да на постоялыхъ дворахъ) и при немъ ковшъ. Хотя Николай Николаевичъ любилъ нашу русскую баню, былъ страстный охотникъ попариться, но нѣжиться или «наслаждаться» этимъ не любилъ, вообще умѣя переносить жесточайшій холодъ. Въ самые трескучіе морозы онъ прогуливался въ одномъ сюртукѣ за городскую заставу въ казармы, и слѣдовавшему за нимъ офицеру, не имѣвшему не только фланелевой фуфайки, но, можетъ быть, даже и жилетки, приходилось порядкомъ зябнуть. Н. Н. Муравьевъ не любилъ изнѣженныхъ маменькиныхъ сынковъ, и замѣчая на комъ-либо изъ офицеровъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, дѣлалъ замѣчаніе, что-де такая шинель—роскошь для солдата; что онъ самъ шинели съ бобровыми воротниками никогда не нашивалъ. Съ каждымъ, являвшимися къ нему, офицеромъ онъ долго разговаривалъ, зондируя его со всѣхъ сторонъ, измѣряя степень его знаній, способностей и въ тоже время распрашивая испытуемаго о его родствѣ и связяхъ. Извѣстно, что Николай Николаевичъ зналъ многіе, не только европейскіе, но и восточные языки Говорили, помнится, будто директоръ Новгородской гимназіи, Ф. Н. Эрдманъ, бывшій профессоръ Казанскаго университета, при свиданіяхъ съ Николаемъ Николаевичемъ, велъ съ нимъ разговоры на какомъ-то восточномъ языкѣ,—но оба оріенталиста не всегда вполнѣ понимали другъ друга.

Сколько я могъ замѣтить, Николай Николаевичъ не проводилъ даже и часу

на шесть дней, въ передовую цѣпь, въ которой, исполняя должность офицера генеральнаго штаба, я, однако-жъ, отдежурилъ, но по порученію его же (какъ и значится въ моемъ формулярномъ спискѣ) безотлучно, съ 9-го іюля по 16-е августа 1828 г., и также остался цѣлъ. Какая разница въ понятіяхъ двухъ генераловъ по одному и тому же предмету! С. Сулима.

[1]) См. «Русская Старина», т. VIII, октябрь 1873 г., стр. 599—632 и т. X, май 1874 г., стр. 139—151.

Библиотека "Руниверс"

безъ дѣла. Утомленный серьезными занятіями, онъ, вмѣсто отдыха, училъ своихъ дочерей вести счеты, не только по домашнему хозяйству, но и по управленію имѣніемъ и для провѣрки отчетовъ старосты. Какъ мало заботился онъ о собственныхъ своихъ удобствахъ, доказательствомъ тому служило его довольствованіе однимъ экипажемъ...

Хотя къ вечернему чаю къ Николаю Николаевичу и собирались иногда немногочисленные его знакомые, но бесѣда какъ-то вообще не клеилась, все было принужденно и оффиціально до тѣхъ поръ, покуда хозяинъ (считавшій ниже своего достоинства тратить время на пустые разговоры) не удалялся въ кабинетъ; только тогда одушевлялась бесѣда, оживалъ общій разговоръ...

Всѣмъ извѣстно, что Николай Николаевичъ былъ строгъ къ самому себѣ и взыскателенъ съ подчиненными. Особенно доставалось его адъютантамъ и чиновникамъ штаба, завѣдывавшимъ письменною частью; но солдаты его любили: онъ мало налегалъ на фронтовую службу, заботясь болѣе о ихъ удобствахъ, довольствіи, помѣщеніи, даже о ихъ развлеченіяхъ. Къ подчиненнымъ своимъ, онъ, дѣйствительно, былъ недовѣрчивъ и, можетъ быть, не безъ причины. Вотъ случай, служащій тому доказательствомъ.

Какъ-то разъ, послѣ обыкновенной своей прогулки, Николай Николаевичъ зашелъ въ госпиталь и, замѣтивъ у одного гренадера, съ лѣвой стороны груди небольшое пятно на рубашкѣ, призвалъ меня и спросилъ:

— «Отчего пятно у моего гренадера?»

Я объяснилъ, что у больнаго застарѣлая грудная фистула, которая, будучи закрыта, можетъ произвести одышку и тоску. Тогда Н. Н. Муравьевъ приказалъ смотрителю госпиталя, капитану Мордвинову, озаботиться частою перемѣною бѣлья на больномъ и вышелъ изъ палаты въ другое отдѣленіе и мы всѣ за нимъ. Не прошло и часу какъ въ эту же самую палату пріѣхалъ адъютантъ Николая Николаевича удостовѣриться въ исполненіи его приказанія. Къ несчастью, рубашки на больномъ еще не успѣли перемѣнить, и адъютантъ обязанъ былъ доложить объ этомъ строгому начальнику. Черезъ нѣсколько времени въ контору госпиталя прибылъ дежурный по карауламъ офицеръ и объявилъ г. Мордвинову приказъ корпуснаго командира—отправиться на гауптвахту. Выдержавъ на ней смотрителя нѣсколько часовъ, ему возвратили саблю съ приказаніемъ явиться къ его высокопревосходительству. Николай Николаевичъ встрѣтилъ Мордвинова довольно ласково и, спросивъ о его прежней службѣ и связяхъ, сказалъ:

— «Хотя я съ вами, кажется, и въ дальнемъ родствѣ, но по службѣ шутить не люблю и привыкъ, чтобы мое приказаніе было тотчасъ исполняемо!»

Многіе охуждали Николая Николаевича за его холодность и недостатокъ состраданія къ ближнему. Вотъ случай, доказывающій, на сколько были справедливы эти укоризны.

По принятіи Н. Н. Муравьевымъ команды надъ гренадерскимъ корпусомъ, у меня, въ госпиталѣ, находился артиллерійскій штабсъ-капитанъ Р—ъ, въ продолженіе года мѣнявшій госпиталь на гауптвахту и—vice-versâ—гауптвахту на госпиталь. Обстоятельства его были до того незавидны, что онъ весьма часто нуждался въ самомъ необходимомъ; бывшіе же его начальники и товарищи находились въ Польшѣ. Дѣло Р—а было запутанное: кажется его обвиняли въ невѣрныхъ показаніяхъ и въ фамильярномъ обращеніи съ подчиненными или въ чемъ-то подобномъ. Дѣло тянулось года полтора, если не болѣе; изъ аудиторіата нѣсколько разъ получаемы были напоминанія о

Библиотека "Руниверс"

скорѣйшемъ окончаніи дѣла. Оберъ-аудиторъ явился къ корпусному командиру съ докладомъ о новомъ напоминаніи аудиторіата, а у Николая Николаевича одинъ лаконическій отвѣтъ: подождите. Это повторялось нѣсколько разъ...

Послѣ какого-то общаго представленія (кажется къ Пасхѣ), Николай Николаевичъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— «Вы, г. Европеусъ, подождите; мнѣ нужно съ вами переговорить».

Раскланявшись со всѣми, онъ попросилъ меня въ кабинетъ и началъ:

— «Садитесь, такъ какъ разговоръ нашъ будетъ довольно продолжительный. Вы, вѣроятно, слыхали о дѣлѣ г. штабсъ-капитана Р—а, который почти безотлучно находится у васъ въ госпиталѣ?»

— Я о дѣлѣ слыхалъ, но сущности его не знаю.

— «Г. Р—ъ обвиняется въ разныхъ неприличныхъ поступкахъ, хотя не криминальныхъ, но не менѣе того дѣлающихъ безчестіе офицеру. Мнѣ уже неоднократно напоминали кончить это дѣло, но мнѣ жаль было молодаго и способнаго офицера, котораго погубить недолго. Дабы ничего не имѣть на моей совѣсти, хотѣлось бы мнѣ узнать: каковъ по душѣ Р—ъ человѣкъ? Обратиться, кромѣ васъ, не къ кому, такъ какъ всѣ его товарищи въ Польшѣ. Вы должны знать его коротко, а потому скажите мнѣ по совѣсти: каковъ онъ человѣкъ? Ежели онъ мерзавецъ, то мнѣ его не жаль...»

— Сколько я, въ продолженіе всего этого времени,—отвѣчалъ я,—могъ его узнать поближе и быть свидѣтелемъ его тоски и отчаянія, могу васъ увѣрить, ваше высокопревосходительство, что Р—ъ человѣкъ души доброй, но какъ молодой, неопытный, вовлеченъ въ непристойные поступки.

— «Отчего же вы полагаете, что онъ человѣкъ добрый, еще неиспорченный и стоющій снисхожденія?»

— Оттого, ваше высокопревосходительство, что онъ лишилъ себя почти самого необходимаго, даже табаку, отправляя остатки своего скуднаго, половиннаго жалованья сестрѣ-вдовѣ, у которой двое дѣтей, кажется въ Псковскую губернію.

— «Благодарю Бога за мысль обратиться къ вамъ за справками. Теперь съ чистою совѣстью могу окончить это дѣло, которое меня такъ безпокоитъ!»

Дѣйствительно, Р—ъ вскорѣ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и дѣло кончилось, кажется, тѣмъ, что долговременное нахожденіе на гауптвахтѣ было ему вмѣнено въ наказаніе и онъ былъ уволенъ отъ службы, безъ лишенія преимуществъ.

Что у Николая Николаевича были свои странности, впрочемъ, безвредныя это могу подтвердить слѣдующимъ разсказомъ.

Не помню въ которомъ году именно, знаю только, что дѣло было лѣтомъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру адъютантъ Николая Николаевича и, не заставъ меня дома, передалъ моему деньщику желаніе генерала, чтобы я къ четыремъ часамъ пришелъ къ нему на обѣдъ, за-просто, въ сюртукѣ. Деньщикъ отвѣчалъ, что я врядъ-ли могу быть, такъ какъ вчера былъ посаженнымъ отцомъ у капитана Нидерландскаго полка, а сегодня званъ на обѣдъ къ молодымъ: Недовольствуясь этимъ отвѣтомъ Николай Николаевичъ вторично послалъ адъютанта ко мнѣ въ госпиталь съ порученіемъ объявить мнѣ о его желаніи. Отказаться я не могъ, ибо желаніе начальника тоже приказаніе.

Прибывъ въ домъ корпуснаго командира къ назначенному времени, я уже засталъ въ столовой многихъ офицеровъ, но, къ удивленію моему, однихъ только финляндцевъ и въ томъ числѣ начальника штаба, полковника Ф[illegible] Ридигера.

Библиотека "Руниверс"

Онъ спросилъ меня, шепотомъ, по-шведски: не знаю-ли я, по какому случаю сегодня здѣсь обѣдъ?

— Это вамъ должно быть ближе извѣстно, отвѣчалъ я, такъ какъ вы живете въ одномъ домѣ съ корпуснымъ командиромъ...

Не прошло и получаса какъ насъ пригласили къ столу. Николай Николаевичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа: занялъ свое обычное мѣсто, противъ жбана съ квасомъ; начальника штаба усадилъ рядомъ съ собою, съ лѣвой стороны, а тамъ размѣстились остальные офицеры, человѣкъ восемь или девять. Къ концу обѣда подали шампанское. Ф. Ф. Ридигеръ, подлѣ котораго я сидѣлъ, толкнулъ меня ногою, будто недоумѣвая о причинѣ небывалой роскоши... Вскорѣ дѣло объяснилось. Когда вино было розлито, Николай Николаевичъ всталъ и, поднимая бокалъ, произнесъ:

— «Господа финляндцы! Пью за здоровье ваше, за отсутствующихъ служащихъ въ гренадерскомъ корпусѣ и вообще за финляндцевъ, съ которыми мнѣ пришлось служить. Я нашелъ въ нихъ строгихъ исполнителей службы, честныхъ и безкорыстныхъ людей... Пью вторично за здоровье ваше, господа!»

Тогда начальникъ штаба, обратясь къ Николаю Николаевичу съ краткой рѣчью, благодарилъ хозяина за оказанную намъ честь, за лестный отзывъ о нашихъ землякахъ, увѣряя его отъ имени всѣхъ насъ, что мы всегда были вѣрны данной государю императору присягѣ и впредь останемся достойными сынами обширной Россіи. Черезъ полчаса всѣ разошлись, а хозяинъ, при прощаніи, благодарилъ насъ за оказанное ему удовольствіе.

И. И. Европеусъ.

Іоаннъ Грозный въ Вологдѣ.

1563—1566.

Что на славной рѣкѣ Вологдѣ,
Во Насонѣ[1]) было городѣ,
Гдѣ доселѣ было Грозный царь
Основать хотѣлъ престольный градъ.[2])
Для свово-ли для величества
И для царскаго могущества,—
Укрѣпилъ стѣной градъ каменной,
Со высокима со башнями,
Съ неприступными бойницами.
Посреди онъ града церковь склалъ,
Церковь лѣпную, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Ея чистаго Успенія.
Образецъ онъ взялъ съ Московскаго

[1]) По преданію, Вологда называется Насономъ или Асономъ, которое основано на томъ, что при Іоаннѣ Грозномъ каменныя городскія стѣны заложены на день апостоловъ Ассона и Сосипатра (28-го апрѣля). М.

[2]) Грозный жилъ въ Вологдѣ три года и пять мѣсяцевъ, съ 1563 г. (Извѣст. Засѣцкаго). При немъ начата постройка существующаго донынѣ Успенскаго собора (1566[illegible]). М.

Библиотека "Руниверс"

Со собору со Успенскаго.
Стѣны града подымалися,—
Христіане утѣшалися.
Ужъ какъ стали послѣ сводъ сводить,
Туда царь самъ не коснѣлъ ходить;
Надзиралъ онъ надъ наемники,
Чтобы Божій крѣпче клали храмъ,
Не жалѣли-бъ плиты красныя
И той извести горючія.
Когда царь о томъ кручинился,
Въ храмѣ Божіемъ похаживалъ,
Какъ изъ свода туноватова
Упадала плинѳа красная
Во головушку во буйную,
Въ мудру голову во царскую.
Какъ нашъ Грозный царь прогнѣвался,
Взволновалась во всѣхъ жилахъ кровь,
Закипѣла молодецка грудь,
Ретиво сердце взыгралося;
Выходилъ изъ храма новаго,
Онъ садился на добра коня,
Уѣзжалъ въ каменну Москву,
Насонъ-городъ проклинаючи
И съ рѣкой—славной Вологдой.
Отъ того проклятья царскаго,
Мать сыра-земля трехнулася,
И въ Насонъ-градѣ гористоемъ
Стали блата быть топучія,
Рѣка быстра—славна Вологда—
Стала быть рѣкой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрытая вся тиною,
Скверной зеленью со плесенью.

(Выписана мною изъ одного рукописнаго сборника).

Вологда.

Сообщ. **А. Мерцаловъ.**

Пѣсня.

Послѣ Рождества Христова, въ Святки, въ Енисейской губерніи, мальчики, служащіе при думѣ, разносятъ большую звѣзду, въ центрѣ которой изображенъ корабль, и поютъ:

«Какъ по синему морю Хвалынскому—
Виноградіе красно зеленое![1])
Ходилъ гулять соколъ-корабль
Немного нимало двѣнадцать лѣтъ со полуночью.
Еще то было на соколѣ на кораблѣ

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется почти за каждымъ стихомъ.

Библиотека "Руниверс"

Пятьсотъ гребцовъ удалыхъ молодцовъ славныхъ пѣсенниковъ:
Вмѣсто ушей было повѣшано двѣ лисицы чернобурыя,
Вмѣсто глазъ было врѣзано два яхонта самоцвѣтные.
Еще три было бани торговыя,
Еще три было базара гостиные,
Еще три было церкви соборныя.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ принатягиваетъ,
Калену стрѣлу онъ накладываетъ,
Самъ ко стрѣлушкѣ приговариваетъ:
«Ты лети моя стрѣла во турецкій во градъ
«Самому къ царю, да ко Султану,
«И вонзись ты ему во бѣлу во грудь».
Уже здравствуй хозяинъ и хозяюшка!
Тебѣ поемъ, тебѣ честь воздаемъ.

Эта пѣсня до сихъ поръ поется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири.

Сообщено мнѣ отставнымъ артиллерійскимъ офицеромъ Веселовымъ, отправлявшимся на Амуръ для изслѣдованія золотыхъ розсыпей, по порученію г. Бенардаки. Н. З.

Сообщ. **А. А. Краевскій.**

Библиотека "Руниверс"

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1797 г. [1]).

2-го января. Въ бывшемъ Меншиковомъ домѣ, который нынѣ принадлежитъ Демуту и находится въ задней Конюшенной улицѣ, подъ № 221, у итальянскаго пѣвца Тертори продаются лучшихъ мастеровъ, какъ-то: Страдиваріуса, Амати и Штейнера скрипки, алтовіоли и віолончели. (№ 1).

— Въ Московской части, идучи отъ дому Логинова, по Большой Разъѣзжей улицѣ и не доходя 2-хъ домовъ до кабака Большихъ Пеньковъ, въ деревянномъ, на каменномъ фундаментѣ, подъ № 1,966, желтомъ домѣ, продается мальчикъ 16-ти лѣтъ. Желающіе онаго купить, о цѣнѣ свѣдѣніе получатъ отъ хозяина! (№ 1).

— Желающіе купить лѣтъ 20-ти дѣвку, которая моетъ бѣлье и готовитъ кушанье, благоволятъ о ней спросить супротивъ Каменнаго театра, въ домѣ генералъ-лейтенанта Балле, у служителя Василія Винова. (№ 1).

— На Невской перспективѣ, подъ Милютиновымъ домомъ, въ лавкѣ, подъ № 10, имѣется свѣжая спаржа, цѣною 80 к. фунтъ.

6-го января. Января 1-го, его императорское величество благоволилъ объявить желаніе на сей новый годъ всему войску всякаго благополучія. (№ 2).

— Въ 1-й Адмиралтейской части, противу Дворцовой площади, подъ № 61, продается, о 4-хъ этажахъ, каменный, болѣе 120 покоевъ, домъ; притомъ манежъ и конюшня на 30 лошадей, достаточное число каретныхъ и сѣнныхъ сараевъ, всякаго рода погреба, трои мраморные ворота, двѣ парадныя лѣстницы (изъ которыхъ одна сдѣлана подъ мраморъ) и три двора. Въ бельэтажѣ онаго паркеты и плафоны высокой лѣпной работы. Желающимъ купить, уступиться сей домъ за самую дешевую цѣну, а объ оной извѣститъ самъ хозяинъ. (№ 2).

13-го января. На Петербургской сторонѣ, въ приходѣ Троицкаго собора, въ 4-мъ кварталѣ, въ каменномъ домѣ, подъ № 412, продаются три дѣвки, которыхъ

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при Академіи Наукъ, 1797 г., въ IV долю.

Библиотека "Руниверс"

покажетъ дворникъ Бабарыкинъ или сержантъ Шешуковъ. А о цѣнѣ узнать отъ самаго хозяина. (№ 4).

16-го января. Какъ книга, подъ названіемъ «Россія превыше всего, если бы только хотѣла», по причинѣ послѣдовавшихъ въ типографіи затрудненій въ настоящемъ времени, не можетъ быть напечатана, то сочинитель оныя вызываетъ чрезъ сіе гг. пренумерантовъ для полученія обратно взнесенныхъ ими за оную денегъ. (№ 5).

— Продаются двѣ дѣвочки: одна—15-ти, а другая—10-ти лѣтъ, въ приходской церкви Владимірской Божіей Матери, въ Стремянной улицѣ, подъ № 810. (№ 5).

20-го января. Сдѣланъ выговоръ генералъ-фельдмаршалу гр. Суворову за сдѣланный имъ самовольный отпускъ подполковнику Батурину, который отправленъ обратно къ своему полку. Оную власть не имѣетъ никто, кромѣ государя, что и означено въ изданномъ уставѣ, выключая только того случая, когда армія за границей. (№ 6).

23-го января. Московской части, въ 5-мъ кварталѣ, близъ Измайловскаго парадnаго моста, на новыхъ мѣстахъ, продается, отъ угла второй, деревянный домъ, съ садомъ. Тутъ же въ домѣ можно купить кучера и голландскую корову, которая скоро телиться будетъ. Цѣну объявитъ хозяйка. (№ 7).

27-го января. Парадную, 4-хъ мѣстную, новѣйшей моды, карету, обшитую двуличневымъ французскимъ бархатомъ и обложенную, по карнизу, стразами, можно купить, купно съ другою полупарадною двумѣстною каретою, у Сѣнноновскаго моста, въ домѣ гр. Потемкиной. (№ 8).

— На Васильевскомъ острову, въ 1-й линіи, въ домѣ подъ № 243, въ верхнемъ этажѣ, продается глазетовая, съ собольею опушкою и воротникомъ, епанечка, за 170 р., и большая стальная кровать. (№ 8).

3-го февраля. Во всѣхъ полкахъ высочайше повелѣно имѣть, на мѣсто положенныхъ по уставу одѣялъ, шинели, которыя и возить на вьючныхъ лошадяхъ. (№ 10).

6-го февраля. На Стрѣлкѣ, въ деревянной связи, противъ новостроющейся биржевой залы, у таможеннаго досмотрщика Воробьева, продается, отъ нужды 22-хъ лѣтъ дѣвка хорошаго поведенія. (№ 11).

— Нѣкто, пріѣхавъ изъ города Архангельска, привезъ съ собою поеннаго, въ 12 пудъ, теленка, котораго видѣть можно въ домѣ подъ № 46, что между 7-й и 8-й линіями по набережной. (№ 11).

— Потребны во услуженіе два человѣка, одинъ—въ камердинеры, а другой—въ казначеи при столѣ, съ тѣмъ, чтобы они согласны были ѣхать и въ Москву. Таковымъ являться въ домѣ, гдѣ живетъ генералъ-маіоръ, комендантъ и кавалеръ Аракчеевъ, всякій день послѣ полудня отъ 2-хъ до 5-ти часовъ. (№ 11).

— 10-го февраля. Шестаго февраля фельдмаршалъ графъ Суворовъ, относясь его императорскому величеству, что такъ какъ войны нѣтъ и ему дѣлать нечего, то за подобный отзывъ отставляется отъ службы. (№ 12).

— Продаются: 17-ти лѣтъ мальчикъ, обученный парикмахерскому мастерству, и 13-ти лѣтъ дѣвушка. Ихъ видѣть можно Измайловскаго полку, въ 7-й ротѣ, у офицера Скугоревскаго. (№ 12).

— За 180 р. продается 20-ти лѣтъ дѣвка, которая чиститъ бѣлье и отчасти готовитъ кушанье. О ней, такъ какъ и о продажѣ подержанной кареты и новаго сѣдла, спросить на почтовомъ дворѣ у сторожа Андрея Кузьмина. (№ 12).

13-го февраля. По Сергіевской улицѣ продается каменный, подъ № 1,617,

Библиотека "Руниверс"

домъ за сходную цѣну. Тутъ же есть двѣ продажныя дѣвки, съ полпуда шведскаго кобольту, также дрожки и сани. (№ 13).

— Въ Малой Миліонной, подъ № 72, у парикмахера Фичулки, можно получать накладные волосы, шиньоны и букли. (№ 13).

3-го марта. 26-го февраля, генералъ-лейтенантъ фонъ-деръ-Паленъ, за почести и встрѣчи, дѣлаемыя партикулярнымъ людямъ, какъ то при проѣздѣ кн. Зубова, и за отлучку безъ увольненія въ Митаву для провожанія его же, выключенъ изъ службы. 28-го февраля, его императорское величество, отъѣзжая, 1-го марта, въ Москву, назначилъ, въ отсутствіи, военнымъ губернаторомъ генералъ-лейтенанта гр. Буксгевдена, а комендантскую должность генералъ-маіоръ Аракчеевъ, сдалъ ему же Буксгевдену. (№ 18).

10-го марта. Происходила, 26-го февраля, въ 5 часу пополудни, закладка Михайловскаго за́мка въ присутствіи ихъ императорскихъ величествъ и высочествъ. (№ 20).

— Въ Большой Коломнѣ, у Аларчина моста, въ домѣ Пахомова, продаются двѣ дѣвки: одна—17-ти лѣтъ, а другая—12-ти; а о цѣнѣ спросить у живущаго въ томъ домѣ человѣка, Артемья Симеонова. (№ 20).

13-го марта. Въ Малой Коломнѣ, въ домѣ подъ № 502, продается дворовая 15-ти лѣтъ дѣвка, умѣющая шить и гладить бѣлье и собою очень хороша. Желающіе ее купить могутъ о ней спросить въ оном же домѣ у дворника. (№ 21).

20-го марта. Пруссія. Изъ Берлина, отъ 14-го марта.

Въ прошлую пятницу его величество король, прибывъ въ покои ея величества королевской принцессы, поздравилъ оную со днемъ ея рожденія. Вся королевская фамилія, иностранные принцы и знатное дворянство приносили также поздравленія. Его величество потомъ посѣтилъ принца Генриха, прибывшаго наканунѣ изъ Рейнсберга. Около полудня король, королева, принцы и принцессы королевской фамиліи имѣли обѣденный столъ у ея королевскаго высочества принцессы, супруги наслѣднаго принца Оранскаго. Послѣ обѣда происходило крещеніе новорожденнаго принца. Воспріемникомъ онаго былъ самъ король; и ему даны имена Вильгельмъ-Фридрихъ-Карлъ (№ 23).

27-го марта. Нѣкто желаетъ купить одну или двѣ дѣвки отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; если кто таковыхъ продать желаетъ, тотъ да благоволитъ дать знать въ Рудометовомъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ, подъ № 301, Сильветчину Меркелю. (№ 25).

7-го апрѣля. Неподалеку старой полиціи, по Мойкѣ, въ домѣ подъ № 279, у жильца, въ нижнемъ этажѣ, продается 19-ти лѣтъ дѣвка.

17-го апрѣля. Апрѣля 1-го. (Москва). За державный совѣтъ, по случаю выступленія войскъ изъ Персіи, и за нелѣпый рапортъ, генералу отъ кавалеріи гр. Зубову сдѣланъ Высочайшій выговоръ. (№ 31).

Апрѣля 2-го. Въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Московскому коменданту, Кушелеву, сдѣланъ вы—шій выговоръ за ненаряженіе караулу въ домъ гр. Безбородки. (№ 31).

— Въ день священнѣйшаго коронованія (5-го апрѣля) (между прочимъ) всемилостивѣйше пожалованы:

Салтыкову 1-му, графу, генералъ-фельдмаршалу,—крестъ и звѣзда ордена св. апостола Андрея, алмазами украшенныя.

Рѣпнину, князю, генералъ-фельдмаршалу—6,000 душъ.

Безбородку, графу, д. т. с.,—вотчина, послѣ умершаго бригадира кн. Кан-

Библиотека "Руниверс"

темира въ казну вступившая, и 30 т. десят. въ Воронежской губерніи. Сверхъ того, княжеское всероссійской имперіи достоинство, съ титуломъ свѣтлости, и 6,000 душъ на его выборъ.

Каменскій, генер. отъ инфантеріи,—въ генералъ-фельдмаршалы и графское достоинство россійской имперіи.

Каховскому, генер. отъ инфантеріи,—графское достоинство и 2,000 душъ.

Гудовичу 2-му, генер. отъ инфантеріи—графское достоинство.

Несвицкому, кн., оберъ-шенку—орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго.

Куракину, кн., вицъ-канцлеру,—2,863 д. въ Псковской губерніи и 1,437 д. въ С.-Петербургской губерніи.

Васильеву, тайн. сов. и государственному казначею,—орденъ св. Александра Невскаго, баронское достоинство и 1,500 душъ.

Растопчину, генер.-маіору,—орденъ св. Александра Невскаго и 473 души въ Орловской губерніи.

Аракчееву, генер.-маіору,—орденъ св. Александра Невскаго и баронское достоинство.

Храповицкому, т. с.,—орд. св. Анны и 600 душъ.

Нелидову, генер.-маіору,—орд. св. Анны.

Потемкину, егермейстеру,—500 душъ.

Мусину-Пушкину, т. с.,—графское достоинство.

Трощинскому, д. ст. с.,—1,200 душъ.

Чулкову, ст. с. и с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру,—300 душъ.

Петрекѣеву, полковнику, полиціймейстеру,—86 душъ.

Семивскому, маіору,—120 душъ.

Кутайсовъ, гардеробъ-мейстеръ—въ оберъ-гардеробъ-мейстеры 4 класса. (№ 31).

28-го апрѣля. Эстампъ, представляющій вырытіе тѣла императора Петра III, поднесенный его императорскому величеству Павлу I, самодержцу всероссійскому, съ изъясненіемъ онаго на россійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ сочиненнымъ,—продается у Реппея, на углу Большой Милліонной, въ домѣ подъ № 144. (№ 34).

15-го мая. Продается женщина съ двухлѣтнимъ мальчикомъ, Литейной части, противъ церкви св. Пантелеймона, въ домѣ Малюкова, въ нижнемъ этажѣ, у отъѣзжающаго. (№ 39).

12-го іюня. Принятъ въ службу гессенъ-кассельской службы маіоръ Винцигродъ тѣмъ же чиномъ и назначенъ въ адъютанты къ его императорскому высочеству Константину Павловичу, съ ношеніемъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка мундира. (№ 47).

— Ростовскому драгунскому полку, за исправность его, объявляется похвала, а шефу того полку, генералъ-маіору Бенигсену,—благоволеніе. (№ 47).

— На Моховой, подъ № 1,336, у жильца, продается, за излишествомъ, пожилыхъ лѣтъ прачка за 250 р. (№ 47).

30-го іюня. По высочайшему повелѣнію 27-го іюня, исключены изъ службы, за неявку къ командѣ въ срочное время, капитанъ-лейтенантъ князь Голицынъ и прапорщикъ Сялейсъ. (№ 52).

Его императорское величество объявилъ свое большое неудовольствіе генералу отъ инфантеріи князю Голицыну и сдѣлалъ выговоръ за то, что капитаны не умѣютъ рапортовать и никогда въ порядкѣ карауловъ не отставаютъ, а рядовые—боятся дождя. (№ 52).

Библиотека "Руниверс"

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА ЛОПУХИНА.

1699—1763.

IV.[1])

Допросъ Наумовой.—Высочайшая резолюція по дѣлу Лопухиныхъ.—Распоряженія объ экзекуціи.—Чтеніе приговора.—Казнь.—Дальнѣйшія распоряженія о ссыльныхъ.—Инструкція, данная конвойнымъ.

Десять дней, съ 19-го по 28-е августа 1743 г. сентенція оставалась безъ подписи. Причиною промедленія едва-ли было раздумье Елисаветы Петровны надъ рѣшеніемъ участи нѣсколькихъ семействъ, но единственно свойственная ей безпечность. Въ первые два года по воцареніи, дщерь Петра Великаго удивляла всѣхъ своею дѣятельностью и прилежаніемъ къ дѣламъ государственнымъ; затѣмъ стала впадать въ апатію, которая, въ послѣдніе десять лѣтъ жизни, окончательно ее обуяла.

Ожидая рѣшенія государыни, слѣдователи продолжали розыски, не о главныхъ «преступникахъ» разумѣется, но о лицахъ, ими оговоренныхъ и уже совершенно невинныхъ. 27-го августа допрашивали знакомую Лопухиной, Марью Михайловну Наумову: извѣстно-ли ей что̀ о преступныхъ разговорахъ и замыслахъ? Наумова отвѣчала отрицательно. Того-жъ числа послѣдовалъ указъ объ освобожденіи ея отъ слѣдствія, съ отобраніемъ подписки, «подъ опасеніемъ смертной казни», хранить въ секретѣ все то, о чемъ была допрашивана.

На слѣдующій день послѣдовала высочайшая резолюція:

По взнесенной намъ отъ генеральнаго собранія, сего Августа 19 ч., сентенціи, Степану Лопухину, женѣ его и сыну, и Аннѣ Бестужевой, съ ихъ сообщ-

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1874 г., т. XI. стр. 1—44.

Библиотека "Руниверс"

ники, за злодѣйскія ихъ дѣла, хотя надлежало учинить, что имъ по генеральному суду приговорено, однакожъ мы, по природному нашему великодушію, изъ высочайшей нашей императорской милости, отъ того ихъ всемилостивѣйше освобождаемъ, а вмѣсто того, повелѣваемъ учинить: Степана Лопухина и жену его, и сына Ивана, и Анну Бестужеву высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, послать въ ссылку; Ивана Мошкова и князя Ивана Путятина высѣчь кнутомъ же, а Александра Зыбина—плетьми и послать ихъ въ ссылку жъ; Софьѣ Лиліенфельтовой покамѣстъ не родить, никакого наказанія не чинить, а только объявить, повелѣно ее плетьми высѣчь и послать ее въ ссылку жъ, а имѣніи ихъ, движимыя и недвижимыя, конфисковать и имѣть ихъ въ вѣдомствѣ и храненіи комисіи до указу; а протчимъ всемъ, кромѣ Настасьи Яушинской, учинить по сентенціи; токмо Николая Ржевскаго въ матрозы и записать безъ наказанія. (Подписано): Елисаветъ.

Манифестъ о преступникахъ былъ подписанъ, 29-го августа 1743 года, слѣдующими лицами: Иванъ Брылкинъ, князь Алексѣй Голицынъ, Карлъ Бревернъ, Василій Новосильцовъ, Михайла Воронцовъ, Иванъ Бахмѣтьевъ, князь Михайла Голицынъ, Лестокъ, Александръ Нарышкинъ, князь Никита Трубецкой, графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, князь Александръ Куракинъ, Андрей Ушаковъ, князь Иванъ Трубецкой, князь Долгорукой, Людвигъ ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій; Кириллъ, архимандритъ Троицкій, Симонъ, епископъ Суздальскій, Стефанъ, епископъ Псковской. На подлинномъ собственною ея императорскаго величества рукою было подписано: быть посему.

Послѣдовали дѣятельныя распоряженія объ учиненіи экзекуціи и о ссылкѣ «преступниковъ». Того же числа, 29-го августа, отъ правительствующаго сената данъ былъ указъ въ полиціймейстерскую канцелярію: «что сего, 31-го августа, т. е., въ будущую среду, на Васильевскомъ острову, предъ коллежскими апартаментами,[1]) пополуночи въ 10-мъ часу, нѣкоторымъ персонамъ, за важныя учиненныя ими вины, чинена будетъ экзекуція; того ради объ оной — полиціи въ С.-Петербургѣ публиковать, чтобъ всякаго чина люди о томъ вѣдали и для смотрѣнія, того числа въ томъ часу, приходили на оное мѣсто....»

Публикаціи были напечатаны того-жъ числа и «въ пристойныхъ мѣстахъ листы выставлены».

30-го августа копія съ манифеста была сообщена въ секретную экспедицію правительствующаго сената для напечатанія.

---

[1]) Зданіе двѣнадцати коллегій, нынѣ занимаемое С.-Петербургскимъ университетомъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Озаботились и наймомъ подводъ для отвоза ссыльныхъ и назначеніемъ каждому изъ нихъ конвоя: Степану и Натальѣ Лопухинымъ назначено было 12 подводъ, при конвоѣ изъ 1 оберъ-офицера, 1 капрала и 6 рядовыхъ. Ивану Лопухину—6 подводъ, конвой: 1 унтеръ-офицеръ и 4 рядовыхъ; тоже Мошкову; Путятину—7 подводъ и тотъ же конвой; Зыбину, Аннѣ Бестужевой—при конвоѣ изъ 1 офицера, 1 капрала и 4 рядовыхъ—11 подводъ. На завтрее утро (31-го августа) велѣно было привезти къ сенату крытые роспуски, крытыхъ повозокъ четыре, некрытыхъ шесть. Для конвоированія преступниковъ къ мѣсту казни командировано семь человѣкъ лейбъ-гвардіи коннаго полка, подъ начальствомъ подпоручика Ѳедотьева.

На назначенномъ мѣстѣ, у зданія двѣнадцати коллегій, выстроили эшафотъ, или, какъ сказано въ документахъ, театръ....

Настало утро 31-го августа 1743 г. Благодаря предварительнымъ объявленіямъ, стеченіе народа было многочисленное.... Публика недолго томилась ожиданіемъ: преступниковъ вывели, подъ конвоемъ, изъ крѣпости. Впереди всѣхъ шла Наталья Ѳедоровна,—несмотря на сорока трехъ-лѣтній возрастъ и недавно перенесенныя мученія,—все еще величавая, красивая. Довольно твердой поступью взошла она «на театръ»; за нею послѣдовали всѣ ея сострадальцы и, при глубокой тишинѣ, воцарившейся на площади, секретарь Сената Замятнинъ громогласно прочелъ слѣдующее:

Указъ Ея И. В. Самодержицы Всероссійской. Объявляется:

Понеже, по извѣстному намъ дѣлу о вашихъ противъ Ея И. В. и государства злыхъ замыслахъ, явились вы въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ и винахъ.

Ты, Степанъ Лопухинъ, забывъ страхъ Божій, и не чувствуя Ея И—го В—ва высочайшей къ себѣ и къ фамиліи твоей показанныя милости, что ты, будучи, по дѣлу государственыхъ злодѣевъ, Остермана, Миниха, Головкина и Левенвольда подозрительнымъ и подъ карауломъ, отъ того съ женою и съ сыномъ освобождены, и, по собственному твоему желанію, отъ всѣхъ дѣлъ съ первымъ достоинствомъ ты уволенъ, а жена твоя и дочь не токмо въ прежнемъ же достоинствѣ при дворѣ Ея В—ва оставлены, но сверхъ того жена-жъ и портретомъ Ея В—ва пожалована, подданическую свою должность оставилъ, и учиненную Ея В—ву присягу презрѣлъ, причитая себѣ въ неудовольствіе, будто напрасно подъ карауломъ былъ безъ награжденія оставленъ, чего самъ, кромѣ покоя, какъ выше показано, не требовалъ, а больше по дружбѣ за бывшаго государственнаго злодѣя, оберъ-маршала Левенвольда, оскорбляя Ея В—во, разглашалъ, якобы ты отъ Ея В—ва обиженъ; а притомъ, презирая Ея И—го В—ва высочайшее правленіе и самодержавную власть, въ разговорахъ употреблялъ, будто бы Ея В—во жалуетъ такихъ, которые непотребны и не

Библиотека "Руниверс"

столько заслужили, какъ вы, въ томъ числѣ лейбъ-компанію, и милости Ея В—ва недостойными почиталъ; сожалѣя принцессу, что нынѣ не она въ правительствѣ россійскаго престола, желалъ, чтобъ ей быть по прежнему, и къ тому о внѣшней помощи съ Венгерскимъ министромъ, марки де-Ботою, совѣты свои располагалъ, какъ бы Прусскій дворъ съ Ея И—мъ В—вомъ въ несогласіе привесть, и къ предпріятію за принцессу противъ Россіи оружія склонить, что и другимъ внушалъ, а Ея И—кое В—во къ Россійскому Императорскому престолу наслѣдницею не признавалъ и зловредными словами поносилъ; нынѣшнихъ министровъ, Сенатъ и придворныхъ съ поношеніемъ же уничтожалъ и злодѣями называлъ, а прежнихъ злодѣевъ, вышеупомянутыхъ Остермана съ товарищи, прославляя, желалъ, чтобы, по прежнему, возвращены были; а когда Ея И—е В—во прусскую кавалерію воспріять на себя соизволила, то, разсуждая съ другими о аліансѣ съ Прусскимъ дворомъ, сожалѣлъ, что войны не будетъ, и намѣренія вашего о принцессѣ не исполнится; и чрезъ такія свои злодѣйскіе поступки и разглашенія сыну своему, Ивану, къ бо́льшему разсѣеванію и присовокупленію къ себѣ въ компанію другихъ поводъ подалъ, и всему тому злу, которое къ поврежденію Ея В—ва дражайшаго здравія и благополучія и государственному безпокойству касалось, ты начало былъ.

А ты, Наталья Лопухина, тожъ, забывъ вышеуказанныя Ея В—ва высочайшія милости, по той же злобѣ, и что у тебя деревня взята, которую ты, въ правленіе принцессы, чрезъ старательство Левенвольдово ненадлежаще получила, и что сынъ твой камеръ-юнкеромъ ко двору Ея В—ва не опредѣленъ, не разсуждая того, что вы всѣ, по дѣлу прежнихъ вышеписанныхъ злодѣевъ, подозрительны и никакой Ея В—ва милости недостойны были, а высочайшею Ея И—го В—ва милостію награждены, и сынъ твой подполковникомъ, чего и не заслужилъ, пожалованъ былъ,—великія неудовольствія причитала и Ея В—во оскорбляя говорила: «суди Ее Богъ»; а притомъ и многими непристойными и зловредными словами поносила, а о принцессѣ сожалѣя и желая, чтобъ она была по прежнему съ марки-де-Ботою, о вышеобъявленныхъ вспомогательствахъ ей, принцессѣ, въ совѣтахъ обращалась, и что отъ него слыхала, то мужу своему сообщала, и по такимъ случаямъ и злымъ замысламъ, полагая надежду, что то совершенно сдѣлается, радовалась, и другимъ то разсѣевала, а сыну своему, паче того, что мужъ твой, къ дальнему разсѣеванію и присовокупленію въ свою компанію другихъ поводъ подавала; въ собственныхъ же своихъ съ Анною Бестужевою и Софіею Лиліенфельдовою компаніяхъ завсегда то въ разговорахъ употребляла и за лучшее увеселеніе почитала, и по такой надеждѣ, уничтожая Ея В—во, и должность свою, въ которой ты при дворѣ Ея В—ва находилась, самовольно оставила и ко двору Ея В—ва по многія времена не ѣздила, хотя тебѣ то многократно отъ кровныхъ фамиліи твоей было говорено, но то все презирала.

Анна Бестужева, и ты, забывъ Ея И—го В—ва высочайшія милости, что брату твоему, Михаилу Головкину, который, за его злодѣйскія противъ Ея В—ва и государства дѣла и важныя преступленія и вины, къ жесточайшей смертной казни, по правамъ, осужденъ былъ, животъ дарованъ, а ты, вмѣсто того, что, по подозрѣнію, отдалена быть имѣла, по природному Ея Величества великодушію и матернему милосердію, въ ближайшей милости допущена, штатсъ-дамою и портретомъ Ея В—ва пожалована, а все то ни во что вмѣняя, но только исполняя злобу свою, за рнаго брата своего Михаила, что онъ въ ссылку

Библиотека "Руниверс"

посланъ, въ неудовольствіе себѣ отъ Ея И—го В—ва почитала, и по всегдашней своей дружбѣ съ Натальею Лопухиною, сожалѣя принцессу и желая, чтобъ ей быть по прежнему, какъ съ марки де-Ботою, такъ со Степаномъ Лопухинымъ и съ женою его, въ вышепоказанныхъ совѣтахъ обращалась, и мнимой перемѣны нетерпѣливо ожидала и радовалась, и въ той надеждѣ Ея И—го В—ва высочайшую персону словами оскорбляла.

Иванъ Лопухинъ, ты, по своему злому замыслу, во-первыхъ, по вступленіи Ея И—го В—ва на Всероссійскій И—скій престолъ, когда всѣ Ея В—ва вѣрные подданные присягу чинили, у той присяги не былъ, и по тому замыслу, слыша отъ отца своего и отъ матери, что они Ея И—скимъ В—вомъ недовольны, самъ тожъ причиталъ и вышеявленные совѣты о вспомогательствѣ принцессѣ и о войнѣ противъ Россіи другимъ разсѣевалъ, и приводя къ себѣ въ согласіе нѣкоторыхъ гвардіи и прочихъ офицеровъ и дворянство, разными образы въ компаніяхъ разговоры о томъ употреблялъ, и всегда находился въ надеждѣ, что перемѣна совершенно будетъ, и тому радовался, чѣмъ и другихъ обнадеживалъ; и будучи въ той надеждѣ, высочайшую Ея И—го В—ва персону многими непристойными и зловредными словами оскорблялъ, принцессу прославлялъ, принца въ компаніяхъ императоромъ титуловалъ и, при чаемой за него войнѣ, оружіе оставить и измѣнить хотѣлъ; министерство, генералитетъ, придворныхъ и лейбъ-компанію бранилъ, поносилъ и презиралъ. Бывшихъ министровъ: Остермана съ товарищи, яко сущихъ государственныхъ злодѣевъ, выхвалялъ, и все то, что къ поврежденію дражайшаго Ея И—го В—ва здравія и благополучія, такожъ и къ безпокойству государственному касалось, производилъ.

Иванъ Мошковъ, ты, слышавъ отъ Ивана Лопухина, что онъ и отецъ его, Ея И—скимъ В—вомъ недовольны, и будто они обижены, такожъ и о вспомогательствѣ марки де-Бота принцессѣ, и когда-бъ противъ Россіи за принца Іоанна война началась, онъ, Лопухинъ, оружіе оставить и въ прусское войско уйдти хотѣлъ; и что онъ же, Лопухинъ, обнадеживалъ тебя, что принцесса, по прежнему, будетъ здѣсь, и слыхалъ неоднократно, что онъ, Лопухинъ, высочайшую Ея И—скаго В—ва персону многими непристойными и зловредными словами поносилъ, а о томъ не только умолчалъ и по должности своей не доносилъ, но и самъ, презря присягу свою, съ нимъ соглашался, говоря о своей обидѣ, что по командѣ въ произвожденіи чина обойденъ; причиталъ въ неудовольствіе отъ Ея И—го В—ва съ сожалѣніемъ о принцессѣ Аннѣ, что ты довольнѣе былъ при ней, нежели нынѣ, и желалъ ей быть по прежнему, здѣсь, и во время чаемой за принца войны тожъ, что и Лопухинъ, учинить хотѣлъ.

Александръ Зыбинъ, ты, въ разговорахъ съ Натальею Лопухиною, слыхалъ отъ нея о принцессѣ и о сынѣ ея съ сожалѣніемъ и желаніемъ, чтобъ имъ быть, по прежнему, на Россійскомъ престолѣ, и о вспомогательствѣ Венгерскаго министра, марки де-Бота, что къ немалой опасности и государственному безпокойству слѣдовало; такожъ и о высочайшей Ея И—го В—ва персонѣ непристойныя и зловредныя слова неоднократно слыхалъ же, а о томъ о всемъ молчалъ и не доносилъ, и тѣмъ себя сообщникомъ къ нимъ причинилъ.

Князь Иванъ Путятинъ, ты, имѣя со Степаномъ Лопухинымъ и съ женою его, и съ сыномъ Иваномъ, давнюю дружбу, къ нему, Степану Лопухину, завсегда ѣзжалъ, и, по доброжелательству къ принцессѣ, говаривали, якобы она была къ вамъ милостивѣе, нежели Ея И—ское В—во, и о вспомогательствѣ

Библиотека "Руниверс"

нимъ отъ Венгерскаго министра, марки де-Бота, противъ Россіи, къ освобожденію ихъ; и слыхалъ отъ нихъ, Лопухиныхъ, жалобы, въ неудовольствіи отъ Ея И—го В—ва, и будто они обижены безвинно, съ сожалѣніемъ, что нынѣ не принцесса въ правительствѣ, а Ея И—ское В—во; правительство и самодержавную власть презирая, говаривали, что Ея В—во жалуетъ такихъ, которые непотребны и не столько заслужили, какъ они, съ поношеніемъ высочайшей Ея И—го В—ва персоны непристойными и зловредными словами; а министровъ всѣхъ онъ, Степанъ Лопухинъ, злодѣями называлъ; а ты о томъ, по должности своей и присягѣ, не только не доносилъ, но и самъ съ ними, какъ выше показано, согласникомъ былъ и, усердствуя къ принцессѣ и сыну ея, отъ Натальи Лопухиной всегда объ нихъ навѣдывался.

Софья Лиліенфельтова съ оными, Лопухиной и Бестужевой, потому же завсегда въ компаніяхъ обращалась; и о принцессѣ не только отъ марки де-Бота и отъ Лопухиной и Бестужевой сожалѣніе и желаніе, чтобъ ей быть по прежнему, слыхала, но и сама объ ней съ сожалѣніемъ говорила, что она, принцесса, неосторожно жила, всегда слушала фрейлины Юліи (Менгденъ), и чрезъ то правленіе свое потеряла, и ихъ погубила и въ подозрѣніе привела; она жъ, слыша отъ Лопухиной и Бестужевой поносительныя слова о высочайшей Ея В—ва персонѣ, молчала и никому не объявила.

За которыя ваши богопротивныя и Ея И—скому В—ву и государству вредительныя злоумышленныя дѣла, по генеральному въ Правительствующемъ Сенатѣ суду, и по подписанной сентенціи, какъ отъ духовныхъ и всего министерства и придворныхъ, такъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ, Ея И—ское В—во указала всѣмъ вамъ учинить смертную казнь: васъ, Степана, Наталью и Ивана Лопухиныхъ, и Анну Бестужеву, вырѣзавъ языки, колесовать и тѣла ваши на колеса положить; васъ, Ивана Мошкова, Ивана Путятина—четвертовать, а вамъ, Александру Зыбину — отсѣчь голову, и тѣла ваши на колеса же положить; Софьѣ Лиліенфельтовой отсѣчь голову, когда она отъ имѣвшаго ея бремя разрѣшится, зачѣмъ она къ той казни нынѣ и не выведена.

Ея И—ское В—во, по природному своему великодушію и высочайшей своей Императорской милости, всемилостивѣйше пожаловала, указала васъ всѣхъ отъ приговоренныхъ и объявленныхъ вамъ смертныхъ казней освободить; а вмѣсто того, за показанныя ваши вины, учинить вамъ наказаніе: васъ, Степана, Наталью и Ивана Лопухиныхъ и Анну Бестужеву—высѣчь кнутомъ и, урѣзавъ языки, послать въ ссылку; а васъ, Ивана Мошкова и Ивана Путятина, высѣчь кнутомъ же; а тебя, Александра Зыбина—плетьми и послать всѣхъ въ ссылку же.

Принялись за работу заплечные мастера. Лопухина поддалась обаянію ужаса: твердая до произнесенія приговора, она не въ силахъ была владѣть собою, отваживаясь въ тоже время на напрасное сопротивленіе палачамъ. Одинъ изъ нихъ, сорвавъ съ ея плечь платье, обнажилъ ея спину; другой—схватилъ Лопухину за руки, вскинулъ ее себѣ на плечи и кнутъ засвисталъ въ воздухѣ, исполосывая тѣло несчастной кровавыми бороздами. Отчаянно билась истязуемая; вопли ея оглашали площадь, залитую народомъ... Полумертвую, обезпамятѣвшую отъ боли, Лопухину, палачъ спустилъ съ плечь на помостъ и надъ нею исполнили

Библиотека "Руниверс"

вторую часть приговора, бывшую, можетъ быть, еще мучительнѣе первой. Сдавивъ ей горло, палачъ принудилъ несчастную высунуть языкъ: захвативъ его конецъ пальцами, онъ урѣзалъ его почти на половину. Тогда захлебывавшуюся кровью, Лопухину свели съ эшафота. Палачъ, показывая народу отрѣзокъ языка, крикнулъ, шутки ради:« Не нуженъ-ли кому языкъ? Дешево продамъ!!»

Очередь была за Анной Гавриловной Бестужевой. Супруга замѣчательнаго дипломата, невѣстка министра, управлявшаго какъ внутренней, такъ и внѣшней политикой всей Россіи, уклончивая въ своихъ показаніяхъ на допросахъ, терпѣливая въ застѣнкѣ, нашла способъ и на самомъ эшафотѣ смягчить, по мѣрѣ возможности, грозившую ей участь. Въ то время, какъ палачъ снималъ съ нея верхнее платье, Бестужева, какъ разсказываютъ иноземцы, успѣла передать ему свой крестъ, золотой, осыпанный мелкими брилліантами. Заплечный мастеръ понялъ, чего отъ него хотятъ. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ,—легко опускать кнутъ при самомъ сильномъ размахѣ, онъ, сравнительно съ Лопухиной, гораздо легче наказалъ Бестужеву. Точно также и урѣзаніе языка ограничилось небольшимъ его кончикомъ. Послѣ того наказывали Степана и Ивана Лопухиныхъ—кнутъ и урѣзанье языка; Мошкова и князя Путятина — биты кнутомъ; Александра Зыбина — битъ плетьми.

По окончаніи экзекуціи, всѣ наказанные съ мѣста казни, въ простыхъ телѣгахъ, частью крытыхъ, частью нѣтъ, вывезены были въ деревню за десять верстъ отъ столицы, для прощанія съ дѣтьми и родными.

Ротмистру Лиліенфельду, Колычеву и Акинфову приговоръ былъ объявленъ въ сенатѣ. «Хотя»—сказано было въ указѣ—«явились вы въ важныхъ винахъ и преступленіяхъ, за что подлежали бы тяжкимъ штрафамъ, токмо ея императорское величество чинить того не указала, а всемилостивѣйше повелѣла, за ваши слабые поступки и презрѣніе должностей, изъ полковъ гвардіи выключить и написать въ армейскіе полки: васъ, Лиліенфельдъ—въ капитаны, а васъ, Колычева и Акинфова—въ подпоручики». Николая Ржевскаго, въ силу того же указа, записали въ матросы. Затѣмъ, офицеры, съ возвращеніемъ имъ шпагъ, были отосланы въ военную коллегію, а Ржевскій—въ адмиралтейскую.

Библиотека "Руниверс"

Камынину и Аргамакову, освобожденнымъ изъ-подъ ареста, указано было возвратиться въ свои полки.

Въ сенатской типографіи кипѣла усиленная работа: печатался, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ экземпляровъ, на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ, манифестъ о рѣшеніи Лопухинскаго дѣла, съ тѣмъ, чтобы разослать его, до прибытія ссыльныхъ въ мѣста ссылки,—по сибирскимъ губерніямъ и по всѣмъ уѣздамъ россійской имперіи во «всенародное извѣстіе», для чего повелѣно оный повсюду читать по церквамъ громогласно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Для развозки манифеста, во всѣ концы государства, разосланы были нарочные курьеры; 300 экземпляровъ отправлено было въ московскую сенатскую контору.

Святѣйшій правительствующій синодъ снабдилъ этими манифестами всѣ епархіи, съ приказаніемъ священнослужителямъ содѣйствовать его обнародованію.

Пресытясь наказаніями, много превышавшими преступленіе, удовлетворенное «правосудіе», въ дальнѣйшихъ своихъ распоряженіяхъ, обнаружило нѣчто похожее на состраданіе. Еще за два дня до казни учрежденное, по дѣлу Лопухиныхъ, собраніе, засѣдая въ правительствующемъ сенатѣ, постановило касательно ссыльныхъ:

«...для собственныхъ ихъ услугъ отпустить съ ними людей: при Степанѣ Лопухинѣ съ женою мужеска полу двухъ и женска двухъ, въ томъ числѣ повара одного; при Аннѣ Бестужевой и Софьѣ Лиліенфельдовой мужеска по два и женска по два, въ томъ числѣ по одному повару при каждой. При Александрѣ Зыбинѣ мужеска два. На пропитаніе ихъ и на прочее ихъ впредь содержаніе давать имъ, какъ туда прибудутъ, такъ и дорогою: Степану Лопухину съ женою, Аннѣ Бестужевой, Софьѣ Лиліенфельдовой, Александру Зыбину, каждому (въ сутки) по рублю; а людямъ ихъ, на каждаго-жъ человѣка мужеска и женска полу, по 10 коп. Ивану Лопухину, Ивану Мошкову, Ивану Путятину—по 50 коп. человѣку на день. И для того, что до отправленія и содержанія ихъ въ тамошнихъ мѣстахъ и до денегъ касается, о томъ сообщить въ правительствующій сенатъ; а что съ ними, при отправленіи ихъ, платья, бѣлья и прочаго для ихъ содержанія на первый случай отпустить надлежитъ, и что до описи и имѣній ихъ касается, объ ономъ опредѣленіе учинить въ

Библиотека "Руниверс"

учрежденной объ нихъ коммиссіи; о прочихъ же ихъ, Лопухиныхъ, сообщникахъ, о чемъ куда надлежитъ, сообщить изъ оной коммиссіи».

Слѣдуютъ подписи сорока девяти членовъ и между ними встрѣчаемъ, какъ и на предъидущихъ документахъ, имя гр. Алексѣя Бестужева-Рюмина—деверя Анны Бестужевой.

Въ дополненіе къ этому постановленію, императрица разрѣшила назначить по одному человѣку Ивану Лопухину, Мошкову и Путятину.

Не менѣе достойно замѣчанія и то обстоятельство, что ссыльные, по именному указу, были снабжены на дорогу и на время пребыванія въ ссылкѣ изрядным количествомъ бѣлья, одежды и домашней посуды. Степану Лопухину «съ товарищи» — по четыре пары платья простаго, безъ золота и серебра; женщинамъ: юбокъ исподнихъ, верхнихъ корсетовъ, бостраговъ, полушлафоровъ — по четыре; да по одной шубѣ всѣмъ. Каждому ссыльному — по двѣ дюжины бѣлья, по дюжинѣ салфетокъ, полотенецъ, полдюжины скатертей, по одной серебряной ложкѣ, ножей по одной парѣ. Оловянной посуды: шесть блюдъ, дюжину тарелокъ, по шести мѣдныхъ котловъ и кострюль. Изъ бѣлья: два одѣяла—теплое и холодное, шесть паръ чулокъ, шесть простынь; сапоговъ и башмаковъ по три пары. Женщинамъ по дюжинѣ косынокъ и по шести чепцовъ; всѣмъ — платковъ, шелковыхъ и бумажныхъ, по дюжинѣ. Всѣ эти вещи принимались конвойными подъ росписи: офицеры гвардіи занялись счетомъ бѣлья, юбокъ и прочаго скарба.

Для сопровожденія ссыльныхъ отряжены были, съ извѣстнымъ числомъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, слѣдующія лица:

1) Степана Лопухина съ женою—лейбъ-гвардіи коннаго полка подпоручикъ Иванъ Ѳедотьевъ.

2) Анны Бестужевой — лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка прапорщикъ Иванъ Тютчевъ.

3) Ивана Лопухина—тогожъ полка сержантъ Цвиленевъ.

4) Александра Зыбина—лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Владиміръ Алфимовъ.

5) Ивана Путятина — гефрейтъ-капралъ Тимоѳей Чапкинъ.

6) Ивана Мошкова—лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капенармусъ Михаилъ Доможировъ.

Библиотека "Руниверс"

Каждый изъ конвойныхъ начальниковъ былъ снабженъ открытыми листами, или послушными указами, и инструкціею, слѣдующаго содержанія:

§ 1. Ѣхать съ арестантами, 31-го числа августа 1743 г., прямымъ трактомъ чрезъ Вологду, Устюгъ-Великій до Соликамска и оттуда развозить по сибирскимъ городамъ.

§ 2. Въ дорогѣ къ арестантамъ никого и ни подъ какимъ видомъ недопускать, кромѣ людей ихъ. Бумаги и чернилъ имъ не давать и, по прибытіи въ тѣ города, ввесть ихъ въ домы такіе-жъ, гдѣ прежде сего такіе-жъ арестанты содержались, или въ другіе (буде тѣхъ нѣтъ) свободные, гдѣ-бъ жителей не было.

§ 3. Привезши ихъ туда, дожидаться смѣны изъ сибирскихъ гарнизоновъ и содержать ихъ подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ и, кромѣ церкви Божіей, никуда не пускать; однако при томъ смотрѣть, чтобъ съ ними никто и въ церкви не говорилъ. И самимъ имъ съ командами быть въ тѣхъ же домахъ, въ особливыхъ покояхъ, неотлучно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйдти не могъ, и въ тамошнюю ихъ бытность по тому-жъ, какъ выше показано, посторонняхъ никого къ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать.

§ 4. Понеже, по имянному ея императорскаго величества указу, велѣно помянутымъ арестантамъ на кормъ и на прочее содержаніе давать: Степану Лопухину, Натальѣ Лопухиной, Аннѣ Бестужевой, Зыбину — по рублю; Ивану Лопухину, Мошкову, Путятину—по пятидесяти копѣекъ на день; людямъ—по десяти копѣекъ — отъ самого ихъ отселева отправленія производить, съ надлежащею запискою, помѣсячно.

§ 5. А ежели изъ данныхъ тѣмъ арестантамъ служителей кто умретъ, а вмѣсто ихъ будутъ требовать другихъ, то оберъ- и унтеръ-офицерамъ пріискивать изъ вольныхъ людей, за наемъ, и деньги платить изъ всегдашней, опредѣленной на кормъ, суммы.

§ 6. Арестантамъ и ихъ служителямъ, объ опредѣленномъ имъ жалованьи на содержаніе, объявить къ ихъ вѣдѣнію.

§ 7. Для дорожнаго переѣзду арестантовъ и людей дано на полгода впередъ.

§ 8. Въ дорогѣ квартиры нанимать довольныя и, безъ крайней нужды, долго не стоять и никого къ нимъ, кромѣ служителей, отнюдь не допускать; и хоть служителей подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, какъ самихъ ихъ, содержать не надлежитъ, однако-жъ смотрѣть за ними, дабы они, какъ въ пути, такъ и въ бытность ихъ въ Сибири, никуда въ постороннія мѣста безъ ихъ нужды не смѣли-бъ отлучаться, и когда имъ потребно будетъ что для своей провизіи купить, то, для надзиранія надъ ними, посылать солдата, чтобъ они, ъ чемъ не надлежитъ, въ непристойные разговоры не вступали.

§ 9. Ежели же и тогда изъ нихъ кто въ подозрѣніи явится, то онаго, запершъ въ особливое мѣсто и съ другими коммуникаціи имѣть ему не велѣвъ, о дѣлахъ его доносить въ сенатъ; но ежели случится такое важное дѣло, которое-бъ времени не медлило, то объ этомъ тотчасъ на-крѣпко надлежаще изслѣдовать и виновныхъ подъ крѣпчайшій карауль взять; и потомъ со обстоятельствомъ доносить въ сенатъ же.

§ 10. Когда данныя имъ отсюда деньги всѣ въ расходѣ будутъ, то сколько

Библиотека "Руниверс"

въ опредѣленную имъ дачу надлежитъ, на каждую треть заблаговременно безъ излишества, тако-жъ и въ потребномъ случаѣ, надлежащаго вспоможенія требовать имъ отъ Тобольской губернской канцеляріи, о чемъ и о прочемъ даны имъ ея императорскаго величества изъ сената послушные указы.

§ 11. Будучи въ дорогѣ, объ оныхъ арестантахъ и объ состояніи караула по часту имъ въ сенатъ рапортовать, и тѣ рапорты, запечатывая въ конверты, отдавать въ городахъ, въ которыхъ имъ когда быть приключится, съ росписко̀ю, подписывая на оныхъ что «о секретномъ дѣлѣ»; а въ бытность ихъ въ вышеписанныхъ назначенныхъ городахъ, рапортовать имъ такимъ же образомъ и тѣ рапорты посылать чрезъ тобольскую губернскую канцелярію помѣсячно.

§ 12. Когда изъ сибирскихъ гарнизоновъ имъ на смѣну присланы будутъ, то имѣютъ они имъ караулъ свой надлежащимъ порядкомъ сдать, а при томъ все, иногда случающемся предусмотрѣніи и осторожности, подробно объявить и, отдавъ имъ тѣ инструкціи, возвратиться въ Москву и явиться въ сенатъ, и что ими учинено будетъ, подать рапортъ. Для проѣзду же въ оба пути, сверхъ полученнаго отъ полковъ своихъ жалованья, обрѣтающейся при нихъ командѣ, изъ данной имъ отъ штатсъ-конторы особливой суммы, давать кормовыя деньги: унтеръ-офицерамъ—по 10 коп., капраламъ—по 5 коп., солдатамъ—по 3 коп. каждому человѣку на день, съ росписками. Подводъ имъ опредѣляется: каждому оберъ-офицеру съ капраломъ—двѣ, унтеръ-офицерамъ по одной, солдатамъ двумъ—по одной же лошади; да арестантамъ съ людьми ихъ: Степану Лопухину съ женою—7, Аннѣ Бестужевой—6, Зыбину—4, Путятину, Мошкову и Лопухину (Ивану)—по 3; а гдѣ нужда потребуется, брать надлежащія суда съ гребцами. И за тѣ подводы и суда, прогоны платить имъ изъ помянутой же данной особливой суммы, кромѣ опредѣленныхъ на арестантовъ и прислуги, каждому, денегъ. А по прибытіи ихъ туда, при первомъ своемъ рапортѣ, прислать въ сенатъ вѣдомость: сколько изъ тѣхъ денегъ въ расходѣ употреблено и затѣмъ отъ нихъ въ остаткѣ имѣетъ быть; а таковую-жъ вѣдомость сообщить имъ сибирскому губернатору, чтобъ онъ могъ объ оном̀ вѣдать.

§ 13. Понеже, какъ они, оберъ- и унтеръ-офицеры, такъ и обрѣтающіеся въ командѣ ихъ капралы и солдаты, жалованье отъ полковъ своихъ получили только сего года, на сентябрьскую треть, а провіантомъ по которое число дача отъ начальства даны имъ аттестаты, того ради въ бытность ихъ въ помянутыхъ городахъ, по прошествіи той трети, какъ себѣ, такъ и на команду, надлежащаго жалованья и провіанта, солдатамъ и прочимъ чинамъ, кому надлежитъ съ того времени отъ того числа, требовать отъ сибирскаго губернатора, которому оное отпускать по третямъ года, изъ доходовъ той губерніи, заблаговременно и безъ всякаго задержанія; и о томъ къ нему посланъ изъ сената указъ.

§ 14. Въ прочемъ во всемъ поступать имъ, какъ честнымъ и добрымъ офицерамъ и вѣрнымъ ея императорскаго величества рабамъ пристойно, и надлежитъ команду свою въ до̀бромъ порядкѣ содержать. И будучи какъ въ пути, такъ и въ назначенныхъ городахъ, обидъ и нападковъ никому и никакихъ отнюдь не чинить, подъ опасеніемъ военнаго суда. А для вышеписаннаго тѣхъ арестантовъ препровожденія, послать нижеозначенныхъ офицеровъ съ помянутымъ числомъ капраловъ и солдатъ (Ѳедотьеву, который конвоировалъ преступниковъ и на мѣсто казни, даны капралъ и 5 рейтаровъ; Тютчеву—1 сержантъ, 1 капралъ, 8 солдатъ; Цвиленеву—4 рядовыхъ; Алфимву,

Библиотека "Руниверс"

Чапкину и Доможирову—по столько же). Буде же вышеписанныхъ давныхъ каждому 300 рублей до назначенныхъ мѣстъ въ пути недостанетъ, въ такомъ случаѣ въ городахъ, сколько имъ еще въ прибавку денегъ надобно потребовать имъ, давать изъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій. А сколько дано будетъ, о томъ, какъ имъ, такъ и изъ тѣхъ канцелярій, въ сенатъ рапортовать. (На подлинномъ подписи сенаторовъ, членовъ коммиссіи).

По этой инструкціи можно судить о плачевной обстановкѣ, ожидавшей ссыльныхъ не только на мѣстѣ ссылки, но и во все продолженіе долгаго, тяжелаго пути. Несмотря на опредѣленное число подводъ, по инструкціи довольно значительное, несмотря на порядочное содержаніе, ссыльные не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ въ «указныхъ» размѣрахъ, находясь въ прямой зависимости отъ произвола конвойныхъ офицеровъ. Замѣтимъ, что порціонныя деньги, назначенныя унтеръ-офицерамъ, равнялись суточному содержанію прислуги; содержаніе рядовыхъ—ограничивалось тремя копѣйками. Радѣя о собственной поживѣ, огражденные отъ всякихъ претензій и жалобъ со стороны своихъ жертвъ, офицеры забирали у обывателей бо́льшее число подводъ, противъ положеннаго въ инструкціи, требуя у нихъ квитанцій въ уплатѣ за «указное» количество; съ упрямцами разсчитывались фухтелями и палками. «Послушные указы» въ рукахъ конвойныхъ были фирманами, которымъ не всегда дерзалъ противорѣчить безграмотный людъ не только въ селахъ и деревняхъ, но даже въ городахъ и посадахъ. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, воины конвойные забирали все, что имъ было потребно—даромъ. Этотъ поборъ былъ облеченъ, благодаря открытымъ листамъ, въ законную форму подати: не смѣя роптать на мнимыхъ исполнителей высочайшей воли, обыватели рушили всю свою ярость на ссыльныхъ, осыпая ихъ упреками и оскорбленіями. Таково было страдальческое шествіе семейства Лопухиныхъ и Анны Бестужевой по торному пути, проложенному кн. Меншиковымъ, кн. Долгорукими, Остерманомъ и многими другими опальными вельможами. Скажемъ, для полноты картины, что этотъ путь совершался въ осеннюю непогоду, по ужаснѣйшимъ дорогамъ, съ ночлегами въ курныхъ избахъ, въ чаду и духотѣ.

Палачи дѣло свое сдѣлали; но ихъ достойнымъ сотрудникамъ, т. е. князю Трубецкому, Лестоку и Ушакову, было еще много работы. На другой день казни они вошли къ императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ: какъ имъ поступить съ осталь-

Библиотека "Руниверс"

ными «государственными преступниками», причастными къ дѣлу Лопухиныхъ? Всѣ они, за знакомство или за свойство съ главными злодѣями, находятся подъ арестомъ.

Елисавета Петровна помиловала почти всѣхъ преступниковъ этой «категоріи», но они были помилованы по одиночкѣ, съ промежутками, между докладами и ея рѣшеніями по нимъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ.

V.

Милость къ семействамъ Мошкова и Зыбина.—Пасквильное письмо.—Дѣло Скадина и Каратыгина.—Патеръ Феликсъ.—Семейство Лиліенфельдъ.—Безчинства Ѳедотьева.—Его смѣна.—Анна Бестужева въ Якутскѣ.—Указы объ имѣніи Лопухина.—Братья Балкъ.—Записка о де-Боттѣ.

1-го сентября 1743 г. въ Тайной Канцеляріи допрашивали нѣкоего патера Феликса, капуцина, недавно прибывшаго въ Россію изъ-за границы. Подозрѣвая въ немъ агента маркиза де-Ботта, слѣдователи доискивались, не имѣетъ-ли Ботта съ кѣмъ-либо въ Россіи корреспонденціи, требуя прямаго отвѣта и угрожая за утайку «тяжкимъ истязаніемъ». Капуцинъ-патеръ, давъ господамъ слѣдователямъ отрицательные отвѣты, выразилъ готовность, въ случаѣ какой-либо утайки, подвергнуться «наижесточайшему штрафу». Какъ человѣкъ, дѣйствительно невинный, онъ, 5-го сентября 1843 г., подъ конвоемъ былъ высланъ за границу.

Указомъ 2-го сентября, сыновья Степана Лопухина, Сергѣй и Авраамъ, записанные въ солдаты лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ, были переведены сержантами въ армейскіе полки. Другимъ указомъ отъ того-же числа, имѣнія Лопухина повелѣно описать, запечатать и къ онымъ приставить караулъ.

3-го сентября, Карлъ Лиліенфельдъ, съ женою Софьею, изъ крѣпости были переведены въ домъ, гдѣ жили, и оставлены здѣсь подъ строгимъ карауломъ, съ воспрещеніемъ отлучаться и кого-либо къ нимъ допускать, кромѣ прислуги, также давать имъ бумаги и чернилъ.

Тайная коммиссія, входя съ особымъ докладомъ къ императрицѣ для дальнѣйшихъ распоряженій касательно арестантовъ, задалась, относительно Лиліенфельдя, слѣдующимъ вопросомъ:

«Лиліенфельдъ съ женою содержится въ крѣпости; а по указу вашего величества велѣно ихъ, Лиліенфельда, послать на житье

Библиотека "Руниверс"

въ деревни его, а жену, когда родитъ, высѣчь плетьми и послать въ ссылку; а понеже оный Лиліенфельдъ—лифляндецъ, а оная провинція пограничная, и по дѣлу о внѣшнихъ безпокойствахъ съ той стороны касалось и затѣмъ его туда послать сомнительно, и онаго куда послать? И до отсылки, какъ его, такъ и жену, гдѣ содержать и вмѣстѣ ихъ спускать-ли?»

По этому пункту, черезъ три мѣсяца (29-го ноября 1743 г.), послѣдовала высочайшая резолюція: «Софью Лиліенфельдову послать въ ссылку безъ наказанія, а мужу ея объявить, ежели онъ похочетъ ѣхать съ нею, и въ томъ ему позволяется».

Между тѣмъ, карававъ съ изувѣченными ссыльными тянулся къ мѣсту назначенія. Подпоручикъ Иванъ Ѳедотьевъ, отъ 2-го сентября, рапортовалъ изъ Шлиссельбурга о благополучномъ туда прибытіи. Въ рапортѣ, вѣроятно вслѣдствіе приказа, даннаго ему отъ начальства, Ѳедотьевъ не называлъ своихъ арестантовъ (Степана и Наталью Лопухиныхъ) по имени. 4-го сентября, въ Старой Ладогѣ, Иванъ Лопухинъ заболѣлъ, что замедлило его дальнѣйшее слѣдованіе на нѣсколько дней; но его отца и мать везли безостановочно. По мѣрѣ удаленія отъ Петербурга, подпоручикъ Ѳедотьевъ, начальствовавшій конвоемъ, сталъ обнаруживать самое грубое своеволіе. Несомнѣнно, что арестанты не мало потерпѣли отъ него, но кому могли они жаловаться, да и кто принялъ бы отъ нихъ жалобу? Въ половинѣ сентября, въ правительствующемъ сенатѣ изъ Новоладожской воеводской канцеляріи получено было донесеніе о самоуправствѣ Ѳедотьева. Сущность донесенія заключалась въ томъ, что, 12-гб сентября, въ вышеозначенную канцелярію, управитель Ладожскихъ дворцовыхъ рядковъ, Евстигнѣй Витовтовъ, подалъ прошеніе, что въ ночь на 1-е сентября во дворъ его дома перелѣзли черезъ заборъ капралъ и два рейтара и, невѣдомо за что, избили палками разсыльщика Савву Яковлева Губанова. Прибѣжавшій на шумъ Витовтовъ спросилъ солдатъ о причинѣ ихъ прихода, но они, не давая отвѣта, «безъ всякаго резону, ругательски схватя его, Витовтова, за волосы таскали по землѣ и били палками и топтунками; таскали его въ одной шубѣ и рубахѣ, и роздрали на немъ оную шубу и рубаху и, вытаща изъ двора, босаго повели также ругательски по Ладогѣ, притомъ же и жену его бранили и безчестили всячески и похвалялись также бить». Натѣшившись надъ Витовтовымъ, рейтары оставили его

Библиотека "Руниверс"

у воротъ Новоладожскаго воеводы, Телепнева, которому онъ принесъ жалобу на ихъ безчинства; но вслѣдъ затѣмъ, въ комнаты воеводы вошли три рейтара и повели Витовтова подъ караулъ къ подпоручику Ѳедотьеву, который, «не объявя ему, управителю, никакого указу, или подорожной, и безъ всякаго резону такожъ бранилъ Витовтова и ругалъ всячески и называлъ плутомъ и мужикомъ и хотѣлъ разсѣчь батожьемъ и, оковавъ, отослать въ С.-Петербургъ». Потомъ приказалъ привести его къ воеводѣ и тутъ всячески ругалъ; разсыльщика велѣлъ избить палками». 4-го сентября, получивъ подводы, Ѳедотьевъ насильно отнялъ у Витовтова окованныя колеса и оглобли отъ коляски, и за прогоны не сполна заплатилъ.

По извѣстному повелѣнію императрицы, лично слушавшей это дѣло въ сенатѣ, сдѣлано было распоряженіе о немедленной смѣнѣ Ѳедотьева и истребованіи его въ Петербургъ. Исполнить это было довольно трудно: поручикъ Ѳедотьевъ, избивъ (13-го октября), въ Новгородскомъ уѣздѣ, помѣщика Поликарпа Ушакова и нѣкоторыхъ изъ его дворовыхъ людей, слѣдовалъ къ мѣсту назначенія съ такой усердной поспѣшностью, что только 4-го декабря былъ настигнутъ посланнымъ ему на смѣну подпоручикомъ лейбъ-гвардіи коннаго полка княземъ Петромъ Прозоровскимъ уже въ Красноярскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Рыбномъ. Отобравъ у подпоручика Ѳедотьева инструкцію, указъ, всѣ прогонныя деньги, онъ отправилъ его обратно въ Петербургъ. Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого опричника. Замѣнившій его князь Петръ Прозоровскій слѣдовалъ съ Лопухиными до самаго Селенгинска. Здѣсь (13-го января 1744 года) они были сданы подъ надзоръ Якутскаго полка прапорщика Александра Ангусаева, аттестованнаго сибирскою губернскою канцеляріею, въ ея репортѣ правительствующему сенату (отъ 6-го марта 1744 г.), человѣкомъ «самымъ добрымъ», равно какъ и состоявшіе при немъ: капралъ Усовъ и шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ.

Анна Бестужева прибыла въ Якутскъ въ началѣ января 1744 года. Начальникъ приставленнаго къ ней караула, прапорщикъ сибирскаго гарнизона Евдокимъ Шапошниковъ, рапортуя сенату (31-го января 1744 г.) о принятіи арестантки и четырехъ ея служителей, заявилъ о недостаточности содержанія, опредѣленнаго караулу, особенно при существовавшей въ

Библиотека "Руниверс"

Якутскѣ, дороговизнѣ, прося о назначеніи жалованья остзейскаго. [1])

О томъ, чѣмъ былъ Якутскъ сто тридцать лѣтъ тому назадъ, можно судить по слѣдующему его описанію барона Врангеля, посѣтившаго этотъ пустынный, печальный край, въ іюнѣ 1820 года: «Якутскъ носитъ на себѣ совершенный отпечатокъ хладнаго, мрачнаго сѣвера. Въ его широкихъ улицахъ видны только незначительные дома и хижины, окруженные высокими деревянными заборами. Между сѣрыми, мертвыми бревнами и досками, тщетно будете искать дерева или хотя одного зеленаго кустика; ничто не изобличаетъ здѣсь существованія кратковременнаго лѣта, развѣ только отсутствіе снѣга, который своею бѣлизною, быть можетъ, нѣсколько оживляетъ печальную, сѣрую однообразность»! [2])

Покуда ссыльные слѣдовали къ мѣсту назначенія, коммиссія по Лопухинскому дѣлу еще продолжала свою работу. Свобода и доброе имя у мнимыхъ преступниковъ были отняты; оставалось еще отнять имущество. 23-го сентября была напечатана публикація о выдачѣ имущества Лопухиныхъ, гдѣ только есть, и о присылкѣ его или свѣдѣній о немъ въ особую коммиссію при дворѣ ея величества. Черезъ три дня (26-го сентября) послѣдовали указы коммиссіи такого содержанія:

1.

Изъ имѣній всякаго званія, какъ опаго Лопухина, такъ и прочихъ, у кого оныя имѣнія велѣно отписать на насъ, безъ указу за нашею рукою, ни куда и ни по какимъ требованіямъ и указамъ ничего не отдавать. Елисаветъ.

2.

Повелѣваемъ Степана Лопухина лошадей и заводъ конскій, такожъ псовую охоту, съ обрѣтающимися при ней охотниками, все, гдѣ-бъ оное ни было въ домѣ его и въ деревняхъ, отдать все, а имянно: цуговыхъ и стоячихъ лошадей и конскій заводъ въ нашу собственную конюшню, нашему дѣйстви-

---

[1]) То есть оклада, получаемаго гарнизонами крѣпостей остзейскихъ губерній: Риги, Динаминда, Рогервика и друг. Ред.

[2]) Весьма живо и картинно описанъ Якутскъ и бытъ его жителей въ письмахъ Александра Александровича Бестужева, столь извѣстнаго въ литературѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Онъ былъ сосланъ, по дѣлу 14-го декабря 1825 г., въ 1827 году, въ Якутскъ и здѣсь провелъ почти три года. Эти интересныя письма напечатаны нами, по подлинникамъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1867 г. Ред.

Библиотека "Руниверс"

тельному камеръ-геру и лейбъ-компаніи подпорутчику Александру Шувалову; лошадей же разъѣзжихъ и псовую охоту, съ охотниками, въ нашу оберъегерь-мейстерскую канцелярію; и хотя бы что въ раздачѣ куды было лошадей или собакъ, то все собрать и отдать, какъ выше писано, и изъ оныхъ охотниковъ, которые, по разсмотрѣнію той егерь-мейстерской канцеляріи, потребны будутъ, тѣхъ оставить при нашей охотѣ, а кои затѣмъ излишніе останутся, о тѣхъ изъ оной егерь-мейстерской канцеляріи сообщить въ вышеозначенную Коммиссію; а о пріемѣ оныхъ, какъ лошадей и заводовъ конскихъ, такъ и псовой охоты, съ охотниками, въ тѣ мѣста указы наши объявлены и что чего куды отдано будетъ, о томъ подать намъ вѣдомость. (Подписано): Елисаветъ.

При самомъ началѣ кроваваго дѣла, братья Натальи Ѳедоровны Лопухиной, Яковъ Ѳедоровичъ Балкъ и Петръ Ѳедоровичъ Балкъ-Полевъ, были подвергнуты домашнему аресту. Изъ нихъ Петръ Ѳедоровичъ скончался 2-го октября 1743 г. и былъ погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Братъ его, черезъ мѣсяцъ, былъ освобожденъ, съ повелѣніемъ жить въ Москвѣ и въ деревняхъ. Дочь Бестужевой отъ перваго брака, дѣвица графиня Настасья Ягужинская, была также освобождена послѣ продолжительнаго домашняго ареста; князю Сергѣю Гагарину, съ женою, повелѣно жить безвыѣздно въ своихъ деревняхъ. Докладъ о вышеупомянутыхъ лицахъ поданъ государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ 1-го сентября; но рѣшеніе послѣдовало только 24-го ноября 1743 г. 29-го числа того же ноября мужу Анны Гавриловны Бестужевой, графу Михаилу Петровичу Бестужеву-Рюмину, указано было «съ приморскаго двора съѣхать въ С.-Петербургъ и ѣздить ко двору ея величества свободно».

Изъ всѣхъ допросовъ главныхъ преступниковъ и ихъ сообщниковъ составленъ былъ для Лестока, 7-го октября 1743 г., слѣдующій экстрактъ, касающійся собственно маркиза де-Ботта, котораго, какъ извѣстно, во время производства Лопухинскаго дѣла въ Петербургѣ не находилось:

1) Когда Ея И—е В—во на родительскій всероссійскій императорскій престолъ вступить соизволила, и бывшіе до того времени министры: Остерманъ, Минихъ и Головкинъ, и оберъ-маршалъ Левенвольдъ, съ прочими ихъ сообщники, по генеральному суду, за ихъ злодѣйскія дѣла, вмѣсто смертной казни, въ ссылку посланы; то Венгерскій министръ марки де-Бота, сожалѣя о учинившейся перемѣнѣ, ненавидя того, что Ея В—во всероссійскій императорскій престолъ воспріять соизволила, доброхотствуя принцессѣ Аннѣ и жалѣя вышепомянутыхъ злодѣевъ, прежнихъ министровъ и Левольда, принялъ мѣры—подданныхъ Е. И. В. противъ высочайшей Ея В—ва персоны ко озлобленію приводить и къ государственному безпокойству возбуждать; во-первыхъ, вѣдая

Библиотека "Руниверс"

дружбу Левольдову со Степаномъ Лопухинымъ и съ женою его, почему они и прежде подозрительными и подъ арестомъ были, говорилъ ему, Степану, въ домѣ его неоднажды: «лучшебъ-де и покойнѣе было, ежелибъ принцесса въ правленіи Всероссійскаго императорскаго престола была, а нынѣ-де такія непорядки происходятъ, что министровъ-де прежнихъ всѣхъ разослали, послѣ-де Е. И. В. будетъ и тужить, да взять будетъ негдѣ».

2) Потомъ онъ же, Бота, часто пріѣзжая въ домъ его, Лопухина, съ женою его говаривалъ, что онъ ѣдетъ въ Берлинъ, и какъ она его спросила: зачѣмъ?— то онъ, прежде высматривая ея склонности и сходства съ его намѣреніемъ, сперва сталъ на слова позывать: когда скажетъ, будто для того ѣдетъ, что въ Россіи воздухъ нездоровъ, а иногда, будто назначили его туда министромъ, но онъ не хочетъ, а желаетъ въ Нидерланды, къ командѣ своей; а какъ она на тѣ слова отозвалась: знатно онъ ѣдетъ не просто, но, конечно, что-нибудь выдумалъ, разсуждая для дѣлъ принцессиныхъ; и онъ на то усмѣхнулся, ей отвѣтствовалъ: «хотябъ-де я что и вздумалъ, да съ вами-ль мнѣ говорить? Ещебъ-де я и о томъ вамъ, Русскимъ, сказалъ!»—что и при мужѣ ея, Степанѣ Лопухинѣ, въ разговорахъ употреблялъ.

3) А потомъ, видя ихъ склонность къ себѣ и возбуждая къ вящей злобѣ, противъ Е. В. и къ разсѣянію того другимъ, при такихъ же разговорахъ открылъ имъ, Лопухинымъ, и подлинное свое намѣреніе, что онъ прежде спокоенъ не будетъ, пока принцессѣ Аннѣ непоможетъ, въ чемъ-де и король Прусской будетъ ей помогать: «и хотя-де онъ и скупъ, однако, я о томъ стану стараться, и вѣрную надежду имѣю къ тому его склонить и привесть» (сіи слова говорила Наталья Лопухина, только въ судѣ не записано было). Когда-жъ ему она, Лопухина, сказала, чтобъ онъ не заваривалъ каши и того не заводилъ и въ Россіи безпокойства не дѣлалъ: «а старался-бъ только ея, принцессу, съ сыномъ, освободить и отпустить къ деверю»—онъ на то ей сказалъ и обнадеживалъ, что «будетъ стараться, дабы имъ быть, по прежнему, на Россійскомъ престолѣ», съ чѣмъ и изъ Россіи отъѣхалъ.

4) Тѣжъ слова, будучи и у сестры Михаила Головкина, у Анны Бестужевой, приводя ее къ злобѣ за брата противъ собственной Е. В. персоны и къ государственному безпокойству, наединѣ, и съѣзжаясь у Лопухиныхъ, и у себя въ домѣ, говаривалъ, внушая притомъ о братѣ ея съ сожалѣніемъ, что онъ, Бота, ищетъ случая, какъ бы его и другихъ изъ ссылки освободить, обѣщая собственныхъ своихъ денегъ не малую сумму на то употребить, и тѣмъ ее, Анну, къ нестерпимому желанію прежняго правленія понудилъ, и къ злымъ замысламъ противъ Е. И. В. склонилъ и обнадежилъ.

5) Тѣжъ слова и обнадеживанія, когда онъ, Бота, у Лопухина въ домѣ будучи, Аннѣ Бестужевой и Лопухиной говаривалъ, и дочь ея, Настасья, засвидѣтельствовала, что оное было говорено при ней, а какъ тѣжъ разговоры и намѣренія Наталья Лопухина и сынъ ея, Иванъ, принявши отъ отца своего и отъ матери совѣты, другимъ разсѣвали и оною помощію обнадежавали, то и сообщники ихъ, бывшій оберъ-штеръ-кригсъ комисаръ Александръ Зыбинъ и гвардіи офицеры князь Путятинъ и Иванъ Мошковъ, безъ всякаго пристрастія, показали и въ томъ винились.[1])

6) Къ томужъ приводя онъ, Бота, въ тѣхъ компаніяхъ Софьѣ Лиліенфель-

---

[1]) «Пристрастіе» было, главнымъ образомъ, Ивану Лопухину: 29-го іюля ему дано 11 ударовъ кнутомъ, а 11-го августа 1743 г.—9 ударовъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

товой при опыхъ же, Степанѣ Лопухинѣ и при женѣ его и при Аннѣ Бестужевой, говаривалъ, понося придворныхъ кавалеровъ, которые отъ Ея И—го В—ва чинами пожалованы, называя ихъ недостойными: «вотъ-де вы нынѣ съ какими сравнены!»—упоминая притомъ о принцессѣ, будто отъ того оное сдѣлалось, что она неосторожно жила, завсегда слушала фрейлину Юлію, и чрезъ то правленіе свое потеряла, которыми словами и оную, Лиліенфельтову, къ дальнему разсужденію и злымъ умысламъ противъ Ея В—ва, какъ и вышеупомянутыхъ Лопухиныхъ и Бестужеву, привелъ.

7) По такимъ его, Боты, возбужденіямъ и обнадеживаніямъ, какъ Степанъ Лопухинъ, такъ и жена его и сынъ, и Анна Бестужева, чая быть подлинно чрезъ то войнѣ и скорой перемѣнѣ, радовались и нетерпѣливо того ожидали, а въ той надеждѣ Ея И—е В—во непристойными словами оскорбляли, уничтожали, и къ возбужденію другихъ то разсѣвали; а Наталья Лопухина, съ сыномъ, оставя свою должность и отъ двора Ея В—ва отдалялись, и по многія времена уже и не ѣзживали, какъ о томъ, якоже и о прочемъ о всемъ, обстоятельно и въ публичномъ манифестѣ изъяснено.

О маркизѣ Ботта сказано было въ высочайшемъ манифестѣ «что же касается до злыхъ и безсовѣстныхъ поступковъ марки де-Ботта, о немъ, для полученія надлежащей намъ сатисфакціи, къ ея величеству королевѣ венгерской и богемской сообщено, въ несомнѣнной надеждѣ, что ея величество, по справедливости и дружбѣ съ нами, за его богомерзкіе поступки достойное наказаніе (ему) учинитъ». Ботта, какъ извѣстно, былъ заточенъ въ крѣпость Грецъ, и Марія-Терезія любезно предоставила россійской императрицѣ назначить срокъ его заключенія. 17-го августа 1744 года, гр. А. П. Бестужевъ, отъ имени Елисаветы Петровны, заявилъ австрійскому послу, графу Розенбергу, что императрица россійская «все это дѣло предаетъ забвенію».

Для полноты списка жертвъ необдуманной болтовни подгулявшаго Ивана Лопухина, слѣдуетъ назвать и всѣхъ членовъ несчастной Брауншвейгской фамиліи. Мысль о возможности заговора въ ихъ пользу, побудила Елисавету Петровну сперва усилить надзоръ за Динаминдскими узниками, потомъ переселить ихъ въ Раніенбургъ, а оттуда вскорѣ въ Холмогоры. При переселеніи узниковъ въ Раніенбургъ, принцъ Іоаннъ, разлученный съ родителями, былъ заточенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость.

До половины ноября 1743 г. еще продолжались распоряженія касательно конфискованныхъ имуществъ ссыльныхъ. Именнымъ указомъ, 7-го ноября, повелѣно было привезенные изъ Москвы, принадлежавшіе Степану Лопухину: «кавалерію ордена св. Александра сдать въ иностранную коллегію; камергерскіе

Библиотека "Руниверс"

ключи, золотой и мѣдные, золотыя и серебряныя медали, а также и червонные, внести въ собственный ея величества кабинетъ». Указами, 9-го ноября, всемилостивѣйше возвращены были движимыя и недвижимыя имущества Ивана Мошкова—его матери съ дочерьми и падчерицею, а Александра Зыбина—дѣтямъ его: сыну Михаилу, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капралу, и дочерямъ—Прасковьѣ, Марьѣ и Дарьѣ. Затѣмъ, 16-го ноября, послѣдовали еще два указа: 1) объ отдачѣ камергеру Василію Скворцову для житья московскій дворъ кн. Ивана Путятина, и 2) о разсрочкѣ, на два года, президенту вотчинной коллегіи, дѣйствительному статскому совѣтнику кн. Ивану Васильевичу Одоевскому—должныхъ имъ его сестрѣ Софьѣ по мужу Лиліенфельдъ—пяти тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы оные были имъ внесены въ коммиссію. Между тѣмъ возникло новое дѣло, имѣвшее нѣкоторое отношеніе къ «Лопухинскому». Поводъ къ возбужденію новаго дѣла былъ самый вздорный, развязка—пустая; но этотъ эпизодъ, который можно назвать комическимъ эпизодомъ кровавой драмы, свидѣтельствуетъ только о заботливости слѣдователей доискаться до источника небывалаго заговора.

6-го октября 1743 г., въ Москвѣ, происходила опись имущества и бумагъ въ домѣ Степана Лопухина. Письма и бумаги, по распоряженію президента ревизіонной коммиссіи, Кречетникова, въ сундукахъ, съ прапорщикомъ Владимірскаго пѣхотнаго полка, Васильемъ Козминымъ, отосланы были въ Петербургъ. 3-го ноября, при осмотрѣ писемъ статскимъ совѣтникомъ Демидовымъ, найдена была между ними «копія съ важнаго письма». 6-го ноября Лестокъ представилъ эту копію императрицѣ и она повелѣть изволила: «доискиваться, чьей руки то письмо». Доискаться было нетрудно, такъ какъ бо́льшая часть бумагъ, захваченныхъ у Лопухина, была писана той же рукою. Въ качествѣ эксперта, изъ петербургскаго дома Лопухина, вызвали его человѣка, Тимоѳея Каратыгина, который сказалъ, что бумаги писаны стряпчимъ Иваномъ Сергѣевымъ Скалдинымъ. 12-го ноября, въ Москву, къ генералу Бутурлину посланъ былъ указъ объ арестованіи Скалдина. Исполненіемъ не замедлили, и Скалдинъ, въ кандалахъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, былъ привезенъ въ Петербургъ и здѣсь, въ коммиссіи, ему предъявили писанную

Библиотека "Руниверс"

имъ копію, въ снятіи которой онъ сознался. Вотъ содержаніе этого «важнаго» документа:

«Надо всеми вышней того неоставитъ. Правда, по разглашению от нихъ, есть причина долгъ платить, только тоюжъ равностию, какову получалъ; аднако многія немилосердьствуя, забывъ страхъ и предънаступающеѣ время, требуютъ того, о чемъ и подумать ужасно, когда жъ то истинная, каковое несчастие вчерась ввечеру приключилось, о томъ і внутренняя трепещетъ; я же себя заклинаю живымъ владѣтелемъ, ей, ей, таковаго зла намерения не слыхалъ и в разумение мое не приходило; тежъ суровствуя, а паче уповая, трепещат, на сихъ днях во отечество отедут, а онаго жъ обьявитель есть ли от васъ, М. Г., верною милостию щаслив допущениемъ будетъ і неотменно получитъ, а сего числа на сие увѣренъ рукою вашею остаюсь; то явственнѣя обьявлено будетъ потомъ начало и убыткахъ с крайнимъ стараниемъ возвращать потщусь, а протчае, что онаго тящайшеѣ, здоровья жалѣть не долженъ. Когда бъ, М. Г., вашу особу хотя бъ предъ нескольким малымъ времянемъ честь знаемствомъ имелъ, конешно бъ злоуловительныя сети васъ миновали, однако каковы вершаны, того, под проклятнемъ доношу, намеренія не слыхалъ, и вы, М. Г., мне обьявлены нетаковы, какъ я виделъ; болея жъ'за педостаткомъ знаемства умолчать надобно. В заключенні же сего с чистымъ и верным сердемъ пребываю в вашихъ повеленіяхъ с крайнимъ радѣниемъ неотменен».

Помѣта: Подлинное писмо запечатано і принесъ человекъ 8 числа Февраля, (1743 г.), обьявляя о себѣ, что посланъ отъ господина своего лейбъ-кирасирскаго полку ротмистра Ивана Иванова сына Арсеньева».

Призваннаго въ Коммиссію Ивана Скалдина принялись допрашивать:

— Гдѣ подлинникъ письма, когда, отъ кого и къ кому оно было написано?

— «Письмо писано отъ лейбъ-кирасирскаго полка ротмистра Ивана Арсеньева къ снохѣ Степана Лопухина, Аннѣ Ивановнѣ, вдовѣ сына его Николая; она приказала ему, Скалдину, снять копію съ письма; подлинникъ взяла къ себѣ; писано письмо въ февралѣ нынѣшняго 1743 года».

— Что еще было писано, ибо копія безъ начала и безъ конца?

— «Болѣе ничего не было писано и подписи никакой не было, потому еще тогда Лопухины признали оное за пасквильное».

— Какой смыслъ этого пасквиля?

— «Касается оный двухъ братьевъ Ланскихъ, офицеровъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго полка, которые тогда, зазвавъ къ себѣ Анну Иванову Лопухину въ гости, били ее плетьми, причемъ находился и Арсеньевъ. Она подавала на сію обиду явочное челобитье въ полицію, а исковое — въ сенатскую контору. Оно

Библиотека "Руниверс"

было отослано въ Судный приказъ, въ которомъ находятся точно такія же копіи».

— Зачѣмъ на копіи помѣчено, отъ кого было принесено письмо?

— «Для памяти. Человѣкъ Арсеньева былъ сысканъ и въ полиціи допрашиванъ».

— Бывалъ-ли Арсеньевъ въ домѣ Лопухиныхъ?

— «Никогда».

— Кто же къ нимъ ѣзживалъ? о чемъ совѣщались?

— «Ѣзживали: маркизъ Ботта, кн. Иванъ Путятинъ, Михаилъ Аргамаковъ, Иванъ Мошковъ, Степанъ Колычевъ; всѣхъ не упомню. Совѣщаній не слыхалъ, такъ какъ не при мнѣ происходили».

— Съ кѣмъ вели переписку Лопухины?

— «Степанъ Лопухинъ писывалъ письма къ маіору Соковнину, Якову Лукичу Хитрову и Александру Зыбину, давая переписывать ему, Скалдину, свои черновыя письма всегда о дѣлахъ партикулярныхъ. Раза два, или три, Лопухинъ писалъ къ Португальскому доктору, на французскомъ языкѣ, а переписывалъ учитель его дѣтей, Кадій».

— Какіе у нихъ были умыслы противъ высочайшей персоны?

— «Никакихъ не вѣдаю и не слыхалъ».

— Какія писались письма къ Боттѣ, къ Бестужевой и гдѣ черновыя?

— «Какія писались—не вѣдаю, но всѣ письма отобраны и запечатаны».

Пригрозивъ Скалдину смертною казнію въ случаѣ какой утайки, или съ его стороны разглашенія о чемъ былъ допрашиванъ, слѣдователи снеслись съ московскою полиціею и съ сенатскою конторою. Оказалось дѣйствительно, что Анна Ивановна Лопухина, высѣченная Ланскими, подавала жалобу на нихъ и на Арсеньева. Ланскіе были отданы подъ судъ. Всѣ бумаги, касающіяся до этого дѣла, равно и письма, отобранныя у Анны Лопухиной, были препровождены изъ Москвы въ Петербургъ къ Андрею Ивановичу Ушакову. Скалдинъ и Тимоѳей Каратыгинъ были освобождены изъ-подъ ареста въ исходѣ декабря 1743 г.

Библиотека "Руниверс"

VI.

Иванъ Лопухинъ.— Буйства и извѣты прапорщика Новицкаго.— Его смѣна.— Безвѣстная смерть Ивана Лопухина.— Иванъ Путятинъ и Александръ Зыбинъ.— Наказаніе Винокурова.— Права арестантовъ надъ ихъ крѣпостными.— Мошковъ и его слуга.— Зыбинъ и Бушуевъ.— Наказаніе Бушуева.— Распоряженія сената.

Судьба Ивана Лопухина, ближайшаго виновника бѣдствія постигшаго его отца, мать, Бестужеву и другихъ, была вполнѣ злосчастная. Позоръ ссылки и сообщество буйныхъ, разгульныхъ солдатъ, подавило въ немъ чувства достоинства человѣческаго, а страсть къ вину обуяла его окончательно.

Для пріема этого арестанта отъ сопровождавшаго его сержанта Ивана Цвиленева, назначенъ былъ тобольскаго гарнизона сержантъ Василій Новицкій. Всего прежде этотъ усердный приставникъ озаботился о выдачѣ себѣ и своей командѣ «остзейскаго оклада», затѣмъ, въ первомъ же своемъ «репортѣ» объ арестантѣ сдѣлалъ такого рода доносъ:

«По указу ея императорскаго величества и по данной мнѣ инструкціи изъ сибирской канцеляріи, велѣно мнѣ (было ѣхать) съ командою солдатъ съ 4-мя человѣками изъ Тобольска въ Охотской острогъ съ арестантомъ Иваномъ Лопухинымъ и прибывшимъ же съ нимъ изъ правительствующаго сената сержантомъ Иваномъ Цвиленевымъ, и которому быть мнѣ на смѣну. И не мѣшкавъ нигдѣ ни часу, прибыли мы Ишимскаго вѣдомства на рѣкѣ Ленѣ, Чечосской волости, въ Столошенское село, января 28-го дня 1744 года; и за неимѣніемъ подводъ, жили въ томъ селѣ даже до полой воды, мая до 9-го числа. И между этими временами означенный сержантъ Цвиленевъ онаго арестанта Лопухина отпускалъ въ томъ селѣ въ кабакъ и въ томъ кабакѣ оный арестантъ игралъ въ карты на деньги съ присланнымъ въ ссылку, съ приписью, подъячимъ Семеномъ Вешняковымъ, неоднократно; да прибыли-жъ въ Якутскъ того-жъ мая 23-го числа и жили до іюня 15-го числа. Во ономъ Якутскомъ городѣ ко оному арестанту приходилъ присылкой бывшій лейбъ-гвардіи прапорщикъ Петръ Ивашкинъ и находился тотъ Ивашкинъ у него, арестанта Ивана Лопухина, денно и ночно, а чего ради—того подлинно не знаю; къ тому же, всякаго чина люди свободно прихо-

Библиотека "Руниверс"

дили, чего ради команды его солдаты, а именно солдатъ Ефимъ Петровъ; и на то онъ, сержантъ Цвиленевъ, не взиралъ; а по прибытіи моемъ въ Охотскъ, у онаго сержанта Цвиленева принялъ я, какъ арестанта, такъ и инструкцію, и, по усмотрѣнію моему, въ той инструкціи, во 2-мъ пунктѣ, написано: «будучи въ дорогѣ, никого къ оному арестанту Лопухину ни подъ какимъ видомъ, кромѣ служителя его, не допускать». Того ради въ правительствующій сенатъ симъ моимъ доношеніемъ объявляю, дабы мнѣ въ томъ было не остаться. 1-го ноября 1744 года. Прапорщикъ Василій Новицкій».

Помѣта: «Получено и слушано въ 18-й день ноября 1745 года».

Полученіе рапортовъ изъ Охотска въ С.-Петербургѣ, черезъ годъ, было какъ нельзя болѣе съ руки прапорщику Новицкому. Между извѣтами и доносами на сослуживцевъ, усердный стражъ посылалъ «репорты» о томъ, что въ караулѣ при арестантѣ Иванѣ Лопухинѣ «все обстоитъ благополучно». Положеніе правительствующаго сената въ данномъ случаѣ было затруднительно: онъ посылалъ распоряженіе въ отвѣтъ на доносъ Новицкаго, но покуда оно слѣдовало въ Охотскъ, получался въ Петербургѣ доносъ на самого доносчика. Черезъ пять лѣтъ послѣ перваго доноса, оказалось, что прапорщикъ Новицкій — клеветникъ и клятвопреступникъ, а между тѣмъ правительствующій сенатъ, согласно прошенію Новицкаго, повелѣлъ распорядиться его смѣною; за этимъ распоряженіемъ слѣдовалъ указъ объ отданіи Новицкаго подъ военный судъ... Вотъ нѣкоторые изъ доносовъ Новицкаго и указы правительствующаго сената:

«Покорнѣйшій репортъ. Караулъ ея императорскаго величества надъ арестантомъ Иваномъ Лопухинымъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ сего года (мартъ 1748), въ здѣшнемъ острогѣ находится въ добромъ состояніи, а служитель его (Лопухина) въ прежней болѣзни состоитъ; да сего-жъ февраля, противъ 21-го числа, по полудни въ 8 часу, въ третьей четверти, и по объявленіямъ часовыхъ, которые имѣются у морскихъ судовъ и матеріаловъ, объявили мнѣ, «что-де изъ острогу охотскіе дозоры всякой ночи у твоихъ покоевъ, гдѣ имѣется вашъ арестантъ и слушаютъ не малое время, а чего ради — того не знаемъ»; и онаго я сталъ прилежно смотрѣть, то вышесказаннаго числа усмотрѣлъ: пришедъ командующаго при Охотскѣ преміеръ-маіора Аѳанасія Зыбина

Библиотека "Руниверс"

солдатъ Павелъ Болдыревъ, да при немъ служилые люди: Семенъ Рѣшетковъ, Андрей Ледоновъ, и стали подъ угломъ у нашихъ покоевъ и слушаютъ. То видя, я кричалъ: «что-де за люди и что подслушиваете?» И оный Болдыревъ, пьянъ, сказалъ, «что-де я затерялся»; а потомъ объявилъ: «а хотя-де и слушаю, понеже мнѣ повелѣно». И сталъ я за неучтивый его отвѣтъ бранить и оный Болдыревъ и пока, напротивъ, меня бранилъ и называлъ дуракомъ и разбойникомъ, и сталъ меня къ себѣ звать, и подошелъ я къ нему вблизь, и оный Болдыревъ сказалъ помянутымъ служителямъ: «возьмите-де его, прапорщика, отъ его караула подъ караулъ»; тогда я, опасаясь, чтобъ не увели съ моего поста, и кликнулъ своихъ караульныхъ солдатъ. Ежели бы непредуспѣли команды моей солдаты, то-бъ конечно увели съ моего караула; къ тому же на завтрашній день, собравъ оный маіоръ Зыбинъ команды своей людей, съ какого случая и приходилъ къ тому мѣсту, гдѣ означенный Болдыревъ слушалъ, яко бы чего примѣтить; въ чемъ нынѣ я отъ показаннаго маіора Зыбина весьма опасенъ и какого бы поврежденія не сдѣлалось; а паче же, что въ приказъ отдалъ, какъ меня и солдатъ команды моей, за какими нуждами и харчевыми припасы къ туточнымъ жителямъ въ домъ запретилъ пущать, или встрѣчу мнѣ, прапорщику, кто попадетъ, не говорить; и привелъ насъ оный маіоръ Зыбинъ въ самую крайнюю нужду и о вышеписанномъ, какъ о томъ правительствующій сенатъ повелитъ; а что же на показаннаго солдата Болдырева въ его брани и въ называніи дуракомъ и разбойникомъ, просилъ я у онаго маіора Зыбина письменнаго суда, никакого на сіе не далъ и сказалъ, «что-де онъ мое повелѣніе исполнялъ, только-де въ этомъ онъ, Болдыревъ, глупъ, что тебя, прапорщика, не закололъ». Прапорщикъ Василій Новицкій.

Этотъ репортъ, или доносъ, былъ полученъ и слушанъ въ сенатѣ 3-го октября того же 1748 года, т. е. черезъ семь мѣсяцевъ по отправленіи; но прежде, отъ 7-го іюня 1748 г., Новицкій отправилъ въ сенатъ новый репортъ на маіора Зыбина:

«Караулъ ея императорскаго величества надъ Иваномъ Лопухинымъ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ сего года, по нижеписанное число, въ здѣшнемъ острогѣ находится въ добромъ состояніи; а служитель его, по прежнему, состоитъ въ болѣзни. Будучи же въ Охотскѣ по взысканію моему, нашелся изъ промышленныхъ

Библиотека "Руниверс"

людей Василій Поповъ въ вылѣчкѣ показаннаго служителя Лопухина отъ болѣзни его пользовать, отъ котораго и была польза; однако-жъ командующій въ Охотскѣ премiеръ-маіоръ Аѳанасій Зыбинъ запретилъ ходить; да воспослѣдовало-жъ тому болящему крови пустить, команды-жъ онаго маіора солдатомъ Астафьемъ Бояркинымъ, потому-жъ тому Бояркину запретилъ ходить».

За этимъ репортомъ, не дожидаясь отвѣта изъ сената, Новицкій, отъ 7-го августа 1748 г., отправилъ новый, наполненный жалобами на премьеръ-маіора. Зыбинъ, по словамъ Новицкаго, ни за что, ни про что, заковалъ команды его солдата Орлова, избитаго до смерти Болдыревымъ. Но одновременно съ доносомъ неугомоннаго ябедника, въ сенатѣ получено было донесеніе отъ Сибирской губернской канцеляріи, аттестовавшей Новицкаго явившимся «весьма подозрительнымъ въ разныхъ противныхъ и непорядочныхъ чиненныхъ имъ проступкахъ, которые прикрывая, на показаннаго маіора Зыбина, яко-бы команды его солдатъ Болдыревъ со служилыми, а потомъ и маіоръ Зыбинъ, съ собранными людьми, къ покоямъ, гдѣ арестантъ содержится, приходили и слушали... учинилъ видно напрасно, знатно по той злобѣ, что тотъ маіоръ Зыбинъ о показанныхъ его, Новицкаго, непорядочныхъ поступкахъ въ сибирскую губернскую канцелярію писалъ...»

Новицкій былъ смѣненъ и на его мѣсто, въ октябрѣ 1749 г., былъ назначенъ сержантъ Иванъ Борамчюговъ. Въ іюнѣ 1750 г., новый приставникъ репортовалъ въ сенатъ о кончинѣ Михайлы Базанова, служителя Ивана Лопухина, отъ родимческой скорби...

«а въ данной изъ правительствующаго сената инструкціи, въ 5 пунктѣ, напечатано: ежели тотъ служитель умретъ, а на его мѣсто оный арестантъ будетъ требовать (другаго), въ такомъ случаѣ намъ пріискать изъ вольныхъ людей за наемъ, и деньги платить изъ показанной опредѣленной на содержаніе его суммы. Того ради помянутый Лопухинъ не токмо нынѣ, по смерти показаннаго служителя своего, но и прежъ сего, когда оный служитель былъ еще боленъ, требовалъ у насъ неоднократно, чтобъ пріискать изъ вольныхъ русскихъ людей за наемъ; и по требованію его не токмо въ Охотскомъ острогѣ, но и въ г. Якутскѣ такихъ наемныхъ вольныхъ людей изъ русскихъ пріискать нигдѣ

Библиотека "Руниверс"

не могли; и для того показанный арестантъ, прежде сего года съ четыре, довольствовался, съ великою нуждою за наемъ, ясачными иноземцами по мѣсячно и мѣсяца по два и по три и по полугоду; а болѣе того они въ наемъ не наймутся; которымъ плату давалъ рубля по два и болѣе въ мѣсяцъ и содержалъ ихъ на своемъ хлѣбѣ и харчѣ, и платьѣ, и обуви; тако-жъ и нынѣ тѣмъ же образомъ, такими-жъ ясачными иноземцами довольствуется съ великою нуждою, и тѣ наемные люди здѣсь, въ Охотскомъ острогѣ, не находятся, но изъ города Якутска посылаются, солдаты за жалованьемъ и за прочимъ пріискиваютъ за наемъ иноземцевъ Якутскихъ и привозятъ съ собою; плату имъ чинить и то ему, арестанту Лопухину, обходится та наемная плата съ хлѣбомъ, харчемъ и съ платьемъ и обувью, за дороговизною всякихъ вещей, свыше того, нежели что онъ получаетъ на служителя своего кормовыя деньги. И того ради въ правительствующій сенатъ покорнѣйше репортую: не соблаговолитъ-ли правительствующій сенатъ, вмѣсто того умершаго служителя, къ означенному Лопухину прислать другаго служителя».

Остальные репорты свидѣтельствовали о благополучномъ состояніи караула, съ приложеніемъ ежемѣсячныхъ отчетовъ. На краю свѣта, въ краю стужи и голода, Иванъ Лопухинъ влачилъ еще свое существованіе года три и умеръ, въ томъ же Охотскомъ острогѣ, въ безвѣстности, какъ надобно предполагать, въ исходѣ 1750-хъ годовъ, т. е. въ самый разгаръ Семилѣтней войны, когда одинъ изъ членовъ многострадальной фамиліи Лопухиныхъ генералъ-поручикъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, палъ смертію героя на поляхъ Гроссъ-Эгерсдорфскихъ.

Князь Иванъ Путятинъ «благополучно прибылъ въ Кецкъ» 25-го декабря 1743 года и сопровождавшимъ его гефрейтъ-капраломъ Тимоѳеемъ Чапкинымъ былъ отданъ на попеченіе каптенармуса тобольскаго гарнизона, Родіона Рыбкина.

Александръ Зыбинъ, съ сержантомъ Алфимовымъ, прибылъ въ Кузнецкъ 18-го января 1744 года; Мошковъ съ каптенармусомъ Доможировымъ — въ Нарымъ 22-го числа того же мѣсяца 1744 года.

Положеніе этихъ трехъ арестантовъ было, разумѣется, также тягостно и безотрадно, какъ положеніе Ивана Лопухина. Князь Путятинъ часто хворалъ, обижался на своего приставника сер-

Библиотека "Руниверс"

жанта Ивана Зыкова. Александръ Зыбинъ пожелалъ исповѣдаться и пріобщиться святыхъ таинъ: приставленный къ нему сержантъ Гуличевъ, повинуясь буквѣ инструкціи, особымъ репортомъ испрашивалъ на сіе разрѣшенія сената... Избытокъ усердія приставниковъ переполнялъ мѣру терпѣнія въ арестантахъ. Сержантъ Дмитрій Винокуровъ оказалъ князю Путятину нѣкоторое состраданіе, обходясь съ нимъ не какъ съ арестантомъ, а только какъ съ человѣкомъ... Сержантъ Иванъ Зыковъ, питая, можетъ быть, личную ненависть къ Винокурову, не замедлилъ слѣдующимъ репортомъ въ правительствующій сенатъ:

«Сего 1746 года 3-го ноября, по указу ея императорскаго величества, изъ Сибирской губернской канцеляріи посланъ я (былъ) въ городъ Кецкъ и велѣно обрѣтающагося въ Кецкомъ караулѣ у Ивана Путятина сержанта Димитрія Винокурова, который поступалъ въ содержаніи того арестанта Путятина не по силѣ данной ему изъ правительствующаго сената инструкціи, весьма слабо и въ противность оной инструкціи и многихъ посланныхъ къ нему ея императорскаго величества подтвердительныхъ наикрѣпчайшихъ указовъ, съ того караула смѣнить и данную ему изъ правительствующаго сената о содержаніи помянутаго арестанта Путятина секретную инструкцію и подтвердительные указы и прочія всѣ дѣла, какія у него, Винокурова, имѣются, принять по описи, а того арестанта принять подъ свой караулъ; а сержанта Винокурова, по пріемѣ онаго всего, арестовать и оковать его въ ручные и ножные крѣпкіе кандалы и подъ крѣпкимъ карауломъ выслать въ Сибирскую губернскую канцелярію за надлежащимъ карауломъ. И по оному ея императорскаго величества указу, сего 1746 года ноября 29-го дня, по пріѣздѣ моемъ въ вышеупомянутый Кецкъ, обрѣтающагося на караулѣ у Ивана Путятина, сержанта Винокурова смѣнилъ и данную инструкцію и указы и прочія дѣла, какія у него были, по описи принялъ; тако-жъ и онаго арестанта и при немъ человѣка его—Димитрія Долгихъ принялъ же и караульныхъ солдатъ; и по пріемѣ всего, арестовалъ того сержанта Винокурова и сковалъ въ ручные и ножные крѣпкіе кандалы, котораго и послалъ въ Сибирскую губернскую канцелярію, а съ нимъ послано въ конвой и для караула казаковъ два человѣка».

Библиотека "Руниверс"

Легко-ли было Путятину подъ игомъ новаго тюремщика — это явствуетъ изъ рапорта Зыкова, отъ 25-го марта 1747 года:

«Сего 1747 года, 20-го марта, содержащійся, въ Кецкѣ подъ карауломъ, бывшій капитанъ князь Путятинъ, показывалъ на меня, именованнаго, подозрѣніе и я его спросилъ, команды моей при солдатахъ: какое знаетъ подозрѣніе на меня? и оный князь Путятинъ сказалъ, что «я у тебя не хочу быть подъ карауломъ и знатно, что-де ты на меня нападаешь», а я, именованный, содержу, какъ надлежитъ, по силѣ присланныхъ указовъ и данной изъ правительствующаго сената инструкціи. Того ради въ правительствующій сенатъ симъ репортомъ во извѣстіе всепокорнѣйше и предъявляю». Сержантъ Иванъ Зыковъ.

Рѣшеніе сената послѣдовало 30-го ноября 1747 года: Зыкову повелѣно продолжать содержать подъ карауломъ князя Путятина, не взирая на его подозрѣніе, по силѣ данной Зыкову инструкціи, о чемъ ему посланъ былъ еще подтвердительный указъ. Плачевный бытъ арестанта, конечно, ухудшился....

Таково было житье ссыльныхъ; мы позволили бы себѣ сказать, что едва-ли могли найтись люди ихъ несчастнѣе, если бы тутъ же, близъ арестантовъ не находились существа, участь которыхъ была несравненно плачевнѣе, не только участи арестантовъ, но и самыхъ каторжниковъ. Существа эти, пользовавшіяся только названіемъ людей, отнюдь же не правами человѣческими, были — слуги ссыльныхъ.

Какъ мы уже говорили выше, было дозволено всѣмъ осужденнымъ по Лопухинскому дѣлу взять съ собою въ ссылку прислугу изъ ихъ крѣпостныхъ людей. Являя милость къ преступникамъ, правительство отнеслось съ совершеннымъ безчеловѣчіемъ къ ихъ рабамъ, надъ которыми господа, наказанные кнутами и плетьми, съ вырванными языками, не утратили своихъ помѣщичьихъ правъ. Какъ разрѣшили ссыльнымъ взять съ собою одежду, бѣлье и кой-что изъ пожитковъ, точно также милостиво дозволили прихватить и людей. Солдатъ, капралъ снабженный «послушными указами», сносившійся непосредственно съ сенатомъ, тиранствовалъ надъ порученными ему арестантами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, въ свою очередь, пользуясь не отнятыми отъ нихъ помѣщичьими правами, отводили душу надъ ихъ крѣпостными душами. Жалобы арестантовъ хотя и не принимались во внима-

Библиотека "Руниверс"

ніе, но все же еще могли доходить до правительства; а кому могли жаловаться рабы ссыльныхъ? Нижеслѣдующіе два рапорта и рѣшенія по нимъ сената, можно назвать любопытными матеріалами для будущей исторіи крѣпостнаго права въ Россіи.

1745 года 2-го сентября, въ журналѣ правительствующаго сената записано:

«По репорту опредѣленнаго въ городѣ Нарымѣ, для содержанія Ивана Мошкова и при немъ служителя его, Димитрія Кондратьева, сибирскаго гарнизона сержанта Степана Недозрѣлова, коимъ объявлено, что означенные Мошковъ и служитель его имѣются въ содержаніи, мая по 1-е число сего 1745 года, благополучно; токмо оный Мошковъ проситъ, чтобъ показаннаго служителя его, Кондратьева, отпустить куда велѣно будетъ; понеже онъ его, Мошкова, ни въ чемъ не слушаетъ и во всемъ отговаривается, подобно тому, яко бы и не слуга его, и кормовыя деньги беретъ напрасно, за что и наказыванъ былъ неоднократно. Приказали: означеннаго Мошкова служителя Кондратьева, чтобъ онъ былъ у онаго Мошкова въ послушаніи, воздерживать наказаніемъ; буде же и отъ того не воздержится, и ему, Мошкову, болѣе будетъ ненадобенъ, то написать его въ сибирскій гарнизонъ, въ зачетъ кому надлежитъ впредь рекрута, въ солдаты, и о томъ въ Сибирскую канцелярію, а для вѣдома и къ сержанту Недозрѣлову, послать указы». (Подлинный за подписаніемъ правительствующаго сената).

«Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской, изъ правительствующаго сената, Сибирской губернской канцеляріи.

«Обрѣтающійся въ городѣ Кузнецкѣ, для содержанія Александра Зыбина, сибирскаго гарнизона сержантъ Гуляевъ, отъ 23-го мая сего года, правительствующему сенату доносилъ: того-де мая 12-го числа оный арестантъ Зыбинъ человѣку своему Петру Бушуеву, который данъ ему въ услуженіе, выговорилъ о непослушаніи имъ, Бушуевымъ, ему, Зыбину, во услугахъ; какъ-де онъ, Зыбинъ, отъ обѣдень и отъ вечерень придетъ на квартиру и прикажетъ ему, Бушуеву, у себя платье и сапоги снять, тогда онъ, Бушуевъ, снимая съ него необычайно и въ ярости бросаетъ; тако-жъ когда и пить подаетъ и ѣсть на столъ ставитъ — съ ярости-жъ и блюда и тарелки и хлѣбъ по столу пихнетъ съ

Библиотека "Руниверс"

сердца; на то-де онъ, Зыбинъ, ему, Гуляеву, объявилъ, «что-де прикажешь ко услугамъ, то онъ, Бушуевъ, временемъ исполняетъ, а другимъ-де временемъ и смотрѣть на него, Зыбина, онъ, Бушуевъ, не хочетъ». За что онъ, Зыбинъ, того Бушуева, ухватя за волосы, а онъ, Бушуевъ, его, Зыбина, за горло и сталъ было давить. Тогда онъ, Гуляевъ, съ часовымъ солдатомъ Иваномъ Сватковскимъ, онаго Зыбина отняли; то означенный Бушуевъ вырвался и бросился къ ножу, но токмо его, Бушуева, онъ, Гуляевъ, съ часовымъ схватили и до онаго ножа не допустили, и при томъ онъ, Бушуевъ, кричалъ, что онъ зарѣжется, а отчего не объявилъ, но паки говорилъ: лучше бы-де онъ въ солдатахъ служилъ; и выговоря, ухватя часоваго за волосы и хотя бросить о полъ, то онъ, Гуляевъ, съ показаннымъ часовымъ, взявъ его, Бушуева, связали и, связавъ, посадили его въ особливую квартиру подъ караулъ, дабы онъ, Бушуевъ, по такой злости нечаянно показаннаго арестанта чуть не умертвилъ; къ тому-же и оный арестантъ просилъ его, Гуляева, чтобъ того его человѣка, Бушуева, отъ него отрѣшить, дабы его чѣмъ не умертвилъ, и отъ правительствующаго сената онъ, Гуляевъ, требовалъ на сіе указу. И по указу ея императорскаго величества, правительствующій сенатъ приказали: въ Сибирскую губернскую канцелярію послать указъ, велѣть означенному Зыбина человѣку Бушуеву, за учиненныя имъ предъ его помѣщикомъ вышепрописанныя непослушанія и продерзости, а особливо, что онъ, Бушуевъ, часоваго соддата, за волосы ухватя, хотѣлъ бросить о полъ и хотѣлъ самъ себя зарѣзать ножемъ,—учинить жестокое наказаніе плетьми и, написавъ въ извощики, для опредѣленія въ полкъ, отослать въ команду генералъ-маіора Киндермана, а на его, Бушуева, мѣсто, ежели вышеупомянутый Зыбинъ пожелаетъ, во услуженіе другаго человѣка понанять изъ вольныхъ людей, какого человѣка неподозрительнаго поволитъ и кто нанятъ будетъ, то оному за наемъ деньги платить изъ опредѣленной, на того Зыбина и обрѣтающихся при немъ людей, суммы, и въ смотрѣніи за тѣмъ наемнымъ человѣкомъ поступать по данной изъ правительствующаго сената, о содержаніи того Зыбина, инструкціи, такъ какъ о собственныхъ его, Зыбина, людяхъ повелѣно непремѣнно».

Рѣшеніе Сената состоялось 2-го ноября 1747 года.

Отъ группы страдальцевъ, утѣшавшихся истязаніями людей,

Библиотека "Руниверс"

лишенныхъ правъ человѣчества со дня рожденія, мы перейдемъ къ несчастному семейству, заслуживающему полнаго сожалѣнія.

VII.

Семейство Лиліенфельдъ. — Его пребываніе въ Томскѣ. — Прошенія Лиліенфельда. — Рапортъ о рожденіи. — Прошеніе Лиліенфельда о принятіи его на службу. — Его кончина. — Болѣзнь Софіи Лиліенфельдъ и ея дѣтей.

При изложеніи подлиннаго дѣла о Лупухиныхъ, мы видѣли, что приговоръ надъ Софіей Васильевной Лиліенфельдъ, рожденной княжной Одоевской, три раза измѣнялся. Слѣдственная коммиссія, въ пылу усердія императрицѣ, въ особенности же въ угоду Лестоку, приговорила несчастную Лиліенфельдъ къ смертной казни; потомъ этотъ приговоръ смягчили, замѣнивъ смертную казнь наказаніемъ плетьми; затѣмъ отмѣнили и тѣлесное наказаніе, приговоривъ Софію Лиліенфельдъ, по разрѣшеніи ея отъ бремени, къ ссылкѣ въ Томскъ... Замѣчательно, что жену Лиліенфельда сначала приговорили къ водворенію въ помѣстьи ея мужа, въ Лифляндіи, но потомъ спохватились, что помѣстья эти слишкомъ близки къ границѣ и рѣшили назначить мѣстопребываніемъ для Лиліенфельдъ—Томскъ. Рѣшеніе «Генеральнаго суда» доставило случай «государственнымъ преступникамъ», т. е. Лопухинымъ и ихъ близкимъ друзьямъ, выказать ихъ взглядъ на отношенія семейныя. Ссылка сблизила съ мужемъ Наталью Ѳедоровну Лопухину, съ его согласія бывшую любовницею Левенвольда; [1]) мужъ Анны Бестужевой, покинувъ ее на произволъ враждебной судьбы, не только остался въ Петербургѣ и ѣздилъ ко двору, но даже женился на другой; мужъ Софіи Лиліенфельдъ, вѣрный священнымъ обязанностямъ супружества, сопровождалъ ее въ далекую ссылку.

О различныхъ распоряженіяхъ на счетъ Лиліенфельда и его жены явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ документовъ:

«1743 года, ноября 29-го, объявленіе, по указу ея императорскаго величества Карлу Лиліенфельду и женѣ его: что имъ за вины ихъ присуждено, и потомъ высочайшая ея величества милость, что Софьи наказанія чинить не велѣно, а мужу

[1]) См. объ этомъ въ письмахъ леди Рондо. «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 49. Ред.

Библиотека "Руниверс"

ея позволено, если захочетъ, ѣхать съ нею. При чемъ онъ, Лиліенфельдъ, объявилъ, что съ женою ѣхать хочетъ, только проситъ ея величество о слѣдующемъ: 1) чтобы дать время выздоровѣть женѣ его до отправленія и распродать имѣніе; 2) деньги съ барона Дельвига возвратить; 3) оному Дельвигу, по учиненному между ними контракту, разсчетъ и расплату съ Лиліенфельдомъ учинить; 4) заслуженное его жалованье, въ бытность при дворѣ, пожаловать; 5) проситъ о всемилостивѣйшемъ опредѣленіи, хотя изъ отписнаго жены его,—имѣнія, за недостаткомъ собственнаго; 6) проситъ дозволенія женѣ своей съ родными проститься; 7) мѣста для жительства проситъ болѣе удобнаго, гдѣ бы жизнь безъ великой нужды проводить; 8) деревню въ Эстляндіи, имѣющуюся у него на арендѣ, до урочныхъ лѣтъ по контракту за нимъ оставить, гдѣ бы могла мать его пристанище имѣть; 9) въ случаѣ смерти жены въ ссылкѣ, чтобы онъ, Лиліенфельдъ, былъ оттуда освобожденъ. Carl von Lilienfeld».

Просьба Лиліенфельда была уважена только въ той мѣрѣ, что женѣ его было разрѣшено пробыть въ Петербургѣ почти съ годъ времени; претензіи на имущество были отклонены. До 30-го августа 1744 года, семейство Лиліенфельдъ находилось подъ надзоромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручика Ханыкова, затѣмъ, переданное подъ росписку прапорщику Елизару Колобову, оно было отправлено въ Томскъ. Инструкція, данная Колобову, была точно такого же содержанія, какъ и о всѣхъ прочихъ преступникахъ, хотя Карлъ Лиліенфельдъ никакихъ своихъ правъ лишенъ не былъ. 29-го ноября 1744 года ссыльные прибыли въ Тобольскъ. Изъ рапорта ихъ конвойнаго, Колобова, видимъ, что Софія Лиліенфельдъ была беременна и мужъ ея просилъ о допущеніи къ ней лекаря и бабки, на что послѣдовало разрѣшеніе сената съ тѣмъ, однакоже, условіемъ, чтобы ни лекаря, ни бабки «до тайныхъ разговоровъ» съ арестантами не допускать. По смыслу инструкціи, караульному офицеру чуть-ли ни слѣдовало присутствовать при родахъ арестантки. По прибытіи Лиліенфельдовъ въ Томскъ, они были сданы подъ надзоръ прапорщику Шкутину, отправившему въ сенатъ слѣдующій рапортъ:

«По данной мнѣ изъ Сибирской губернской канцеляріи, прошлаго 1744 года, декабря 5-го дня, инструкціи, велѣно (мнѣ),

Библиотека "Руниверс"

по прибытіи въ Томскъ, отъ прапорщика Елизара Колобова данную ему изъ сената инструкцію и арестантовъ Лиліенфельда и жену его Софью и на нихъ оставшія кормовыя деньги принять и содержать оныхъ арестантовъ такъ, какъ упомянутою данною ему, Колобову, изъ правительствующаго сената инструкціею велѣно, подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ во всемъ непремѣнно. И по силѣ оной инструкціи, по прибытіи моемъ въ Томскъ, прошедшаго декабря 29-го дня 1744 года, у означеннаго Колобова преднаписанныхъ арестантовъ: Лиліенфельда, а при немъ шпага, и жену его, и дѣтей ихъ малолѣтныхъ: дочь Марью—двухъ лѣтъ, сына Николая—одного года и служителей ихъ мужеска полу: Николая Малерусова, Антона Коновалова; женска: Катерину Алексѣеву, Акулину Алексѣеву, и оставшихся на содержаніе означенныхъ арестантовъ кормовыхъ денегъ 118 руб. 80 коп., и данную ему, Колобову, изъ правительствующаго сената, инструкцію принялъ. И подъ оныхъ арестантовъ отъ Томской воеводской канцеляріи отведенъ домъ о трехъ покояхъ, въ нижнемъ посадѣ, въ приходѣ церкви Благовѣщенской, разночинца Ѳедора Галдина, и въ которомъ жителей никого не имѣется. И предписанные арестанты въ томъ домѣ содержатся, за присмотромъ моимъ съ командою, подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ, какъ данная изъ правительствующаго сената инструкція повелѣваетъ. Да симъ же правительствующему сенату всепокорнѣйше доношу: по пріемѣ оныхъ арестантовъ, Лиліенфельдъ объявилъ, что жена его Софья чревата седьмой мѣсяцъ и ожидаетъ рожденія въ февралѣ или въ мартѣ мѣсяцахъ и требуетъ священника, кормилицу, тако-жъ и лекаря; а я безъ присланнаго ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената указу, какъ священника, кормилицу, такъ и лекаря, допустить опасенъ. Прапорщикъ Илья Шкутинъ. 7-го января 1745 года».

Этотъ рапортъ былъ слушанъ въ сенатѣ 13-го марта, и гг. сенаторы дозволили Шкутину допустить бабку, кормилицу и лекаря къ Лиліенфельда, «когда придетъ время ей родить». Сенатъ, впрочемъ, упустилъ изъ виду, что его разрѣшеніе будетъ получено въ Томскѣ черезъ три мѣсяца, т. е. по разрѣшеніи жены Лиліенфельдовой отъ бремени; что даже самое дозволеніе дается сенатомъ во время самыхъ родовъ. То же отноше-

Библиотека "Руниверс"

ніе къ чувствамъ человѣколюбія выказано было сенатомъ по поводу рапорта Шкутина отъ 29-го іюля того же 1745 года (полученъ и слушанъ 9-го октября) о болѣзни Лиліенфельда. Несчастный страдалъ грудью и кровью харкалъ. Призванный къ нему лекарь Камчатской экспедиціи, команды капитана Шпанберга, Илья Гинтеръ, объявилъ, что арестантъ засидѣлся въ духотѣ и что для успѣшнѣйшаго излеченія ему необходимы движенія и свѣжій воздухъ. Отвѣта изъ сената не послѣдовало. За первымъ рапортомъ о болѣзни слѣдовалъ второй (отъ 3-го декабря 1745 г.) и третій (29-го января 1746 г.): Шкутинъ рапортовалъ, что у Лиліенфельда — лицо, руки, ноги и все тѣло распухло. Приглашенный врачъ, Георгъ Вильгельмъ Стенеръ, съ которымъ консультировался Гинтеръ, подтвердилъ мнѣніе своего собрата, т. е. предписалъ больному прогулку и свѣжій воздухъ; копію съ письменнаго свидѣтельства, Шкутинъ приложилъ при своемъ рапортѣ отъ 15-го февраля 1746 г. Слушали 5-го мая того же года и приказали: къ означенному Шкутину послать указъ и велѣть въ содержаніи помянутаго Лиліенфельда, тако-жъ и жены его, поступать ему, Шкутину, какъ вышепредписанная данная изъ правительствующаго сената инструкція и прежде посланные въ подтвержденіе оной указы повелѣваютъ во всемъ непремѣнно и безъ всякаго послабленія.

Многочисленные рапорты Шкутина, свидѣтельствуя о его исправности по службѣ, доказываютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у этого приставника было доброе сердце и что онъ сострадалъ арестантамъ. Въ теченіи шести или семи лѣтъ нахожденія Шкутина при Лиліенфельдахъ, онъ не запятналъ себя ни однимъ доносомъ. Въ іюнѣ 1747 года, рапортуя въ сенатъ о полученіи денегъ изъ воеводской канцеляріи, Шкутинъ писалъ:

«При семъ всепокорнѣйше доношу: проситъ у меня Лиліенфельдъ, чтобы человѣка его, Антона Коновалова, женить на добровольной невѣстѣ и содержать на собственномъ коштѣ, «понеже одна изъ женскихъ служительницъ устарѣла и весьма дряхла на ногахъ, что ей невозможно за дѣтьми ходить, а мнѣ безъ лишняго человѣка пробыть нельзя», и оный Коноваловъ самъ жениться желаетъ, а я безъ повелительнаго ея императорскаго величества изъ правительствующаго сената указу учинить сіе опасенъ».

Библиотека "Руниверс"

Въ сентябрѣ того же 1747 года Софьѣ Лиліенфельдъ выслано было изъ Петербурга два сундука съ платьемъ и бѣльемъ—послѣдніе остатки ея движимаго имущества; брилліанты, золотыя и серебряныя вещи, по высочайшему указу, были препровождены въ кабинетъ государыни императрицы.

25-го мая 1748 г. сенатъ разрѣшилъ Коновалову жениться на «добровольной невѣстѣ».

28-го іюня 1749 года Шкутинъ отправилъ въ сенатъ слѣдующій рапортъ:

«Просимъ съ командою отъ арестантовъ насъ смѣнить: живемъ мы пятое лѣто безъисходно на караулѣ и претерпѣваемъ всякую нужду, за дороговизною хлѣба: мука ржаная по два рубля четверть въ Томскѣ и прочая провизія дорога-жъ; на ординарномъ гарнизонномъ жалованьи жить весьма трудно въ Томскѣ. Въ прочихъ мѣстахъ живутъ за арестантами оберъ-и унтеръ-офицеры съ командами, получаютъ остзейское жалованье, а намъ отъ Сибирской губернской канцеляріи не опредѣлено.

«Симъ же доношу правительствующему сенату — проситъ у меня Лиліенфельдъ представить слѣдующее:

«Я-де, нижайшій, съ женою и съ дѣтьми, съ бѣдными, всепокорнѣйше просимъ правительствующій сенатъ донести ея императорскому величеству, что я, нижайшій, уже шесть лѣтъ подъ карауломъ содержуся и не имѣю никакого случая бѣдныхъ своихъ дѣтей надлежаще воспитать, ни малѣйшимъ чѣмъ обучить, понеже мнѣ бумаги и чернилъ не позволено; а дочь, которая высочайшее счастіе имѣетъ—ея императорскаго величества крестницею быть, уже по седьмому году, а сынъ — по шестому году, того ради мы, нижайшіе и недостойные, припадая на колѣни со слезами, ея императорское величество всеподданнѣйше просимъ, для бѣдныхъ младенцевъ, умилосердиться и всемилостивѣйше указать, чтобъ насъ, бѣдныхъ, изъ-подъ караула освободить и меня, нижайшаго, хотя и здѣсь, въ Сибири, или ино гдѣ, въ дѣламъ опредѣлить; а я, всепослѣдній, врученную мнѣ должность съ непорочною вѣрностью и всевозможною ревностью всегда и вездѣ исполнять, до послѣдней капли крови, всячески стараться буду».

Просьба Шкутина была удовлетворена: его перемѣстили изъ

Библиотека "Руниверс"

Томска. Прошеніе Лиліенфельда было оставлено безъ всякаго вниманія.

Прошло пятнадцать лѣтъ со дня ссылки семейства Лиліенфельдъ. Младенцы, о которыхъ просилъ ихъ отецъ, выросли, достигли юношескаго возраста, едва-ли зная болѣе чѣмъ читать и писать; Софія Лиліенфельдъ, бывшая красавица двора Анны Леопольдовны и Елисаветы, состарѣлась, одряхлѣла. О судьбѣ ея мужа узнаемъ изъ слѣдующаго рапорта поручика Бориса Москалева:

«Содержащійся подъ арестомъ Лиліенфельдъ сего 1759 г., апрѣля 12-го числа, волею Божіею умре; а для погребенія тѣла посланъ отъ команды солдатъ въ Барнаульскій заводъ за пасторомъ, и по прибытіи пастора, тѣло его, Лиліенфельда, погребено быть имѣетъ. О чемъ въ правительствующій сенатъ всепокорнѣйше рапортую».

Точныхъ свѣдѣній о дальнѣйшей участи вдовы Софіи Лиліенфельдъ въ нашихъ документахъ не имѣется. Быть можетъ, она и дѣти ея пали жертвами одной изъ эпидемій, столь обыкновенныхъ въ Сибири въ минувшемъ столѣтіи, когда отъ оспы и цынги вымирали цѣлыя селенія. Къ этой догадкѣ приводитъ слѣдующій рапортъ, послѣдній изъ имѣющихся у насъ (въ копіи) оффиціальныхъ документовъ о семействѣ Лиліенфельдъ:

«Содержащіеся подъ арестомъ умершаго Лиліенфельда жена Софья, при ней дѣти: сынъ Николай—по 19-му, дочь Марья—по 20-му году, и люди ихъ мужеска пола два, женска—три, съ дѣтьми ихъ, и состоящій караулъ: капралъ одинъ, рядовыхъ пять человѣкъ, чрезъ прошедшій январь мѣсяцъ, обстояли благополучно; точію оная арестантка, съ дѣтьми своими, больна. Поручикъ Борисъ Москалевъ. 1-го февраля 1762 года».

Этотъ рапортъ былъ полученъ въ Петербургѣ 17-го апрѣля 1762 года. Императрица Елисавета Петровна почивала вѣчнымъ сномъ; ея преемникъ—Петръ III, 18-го февраля того года, подписалъ достопамятный указъ о правахъ дворянства... Занималась заря вѣка Екатерины, но не видала этой зари арестантка Софія Лиліенфельдъ, рожденная княжна Одоевская.

Библиотека "Руниверс"

VIII.

Судьба Анны Бестужевой.—Пристанникъ Лопухиныхъ, Апгусаевъ.—Смерть Степана Лопухина.—Переходъ Натальи Лопухиной въ православіе.—Смѣны караульныхъ офицеровъ.—Помилованіе Лопухиной.—Ея смерть.—Потомство Лопухиныхъ.

Иностранные авторы, сочиненія которыхъ о «дѣлѣ Лопухиной» донынѣ служили единственными матеріалами нашимъ отечественнымъ историкамъ, утверждали, невѣдомо на основаніи какихъ данныхъ, будто Анна Бестужева въ Якутскѣ пользовалась полною свободою, имѣла всегда деньги, одѣвалась богато, много проигрывала въ карты, говорила совершенно вразумительно и чрезъ нѣсколько лѣтъ получила позволеніе возвратиться изъ Сибири. Чтобы отвергнуть эти сказки, достаточно вспомнить, что главною причиною измышленія «Лопухинскаго заговора» была вражда Лестока съ Бестужевыми. По слѣдствію, веденному клевретами Лестока, «главными злодѣями» оказались Лопухины и Бестужева; помимо наказанія кнутомъ и урѣзанія языка, эти жертвы происковъ Лестока и въ ссылкѣ испивали до дна чашу горя, обидъ и всевозможныхъ лишеній. Караульные Бестужевой, точно также какъ и Лопухиныхъ, неуклонно слѣдовали крайне суровой инструкціи и содержали арестантовъ на-крѣпко. Анна Бестужева, проживая въ Якутскѣ, получала тотъ же рубль въ сутки кормовыхъ денегъ, помѣщалась въ ветхомъ домишкѣ, требовавшемъ частыхъ исправленій—откуда же у нея могли быть деньги для игры въ карты и кто, кромѣ прислуги или конвойныхъ солдатъ, могли быть ея партнерами? Для ея помѣщенія первоначально были отведены покои въ домѣ Якутскаго Спасскаго монастыря, построенномъ монахомъ Венедиктомъ Шапошниковымъ. Въ октябрѣ 1748 года, когда углы, стѣны и потолки въ этомъ домѣ «вывалились» и весь онъ угрожалъ паденіемъ, Бестужева была переведена во вновь отстроенный домъ при воеводской канцеляріи, за городскою плотиною, огороженный частоколомъ. Забытая свѣтомъ, отвергнутая мужемъ и родными, Бестужева тихо угасала въ Якутскѣ въ то самое время, какъ дочь ея блистала при дворѣ, а мужъ, графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, за границею сочетался бракомъ (въ мартѣ 1749 года) съ госпожею Гаугвицъ, вдовою оберъ-шенка саксонскаго двора. Анна

Библиотека "Руниверс"

Гавриловна скончалась въ Якутскѣ, въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны.

Въ 1828 году могилу А. Г. Бестужевой-Рюминой отыскалъ другой ссыльный — знаменитый русскій писатель Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій). Онъ съ трудомъ розыскалъ могилу «графини, съ вырѣзаннымъ языкомъ», такъ какъ на могилѣ не было уже и креста. Тамъ же, въ Якутскѣ, А. А. Бестужевъ видѣлъ могилу Войнаровскаго. «Для нея» (для могилы А. Г. Бестужевой) — писалъ онъ Полевому — «хотѣлъ я своими руками высѣчь камень съ сердцемъ, въ терновомъ вѣнцѣ, посрединѣ; но прежде чѣмъ привезли хорошую плиту, я долженъ былъ выѣхать — страдать за другими горами» (т. е. на Кавказъ).

Съ января 1744 года, поселенные въ Селенгинскѣ Степанъ и Наталья Лопухины, онъ въ теченіе четырехъ, а она—первыхъ шести лѣтъ (1744—1750), находились подъ надзоромъ прапорщика, впослѣдствіи поручика, Александра Ангусаева. Изъ многочисленныхъ «репортовъ» этого приставника въ Сенатъ, нами пересмотрѣнныхъ, видно, что Ангусаевъ былъ человѣкъ смирный и сострадательный къ арестантамъ. Не простирая своего усердія до того, чтобы испрашивать разрѣшенія у сената: допускать-ли священника къ умирающему, Ангусаевъ, помимо знаменитой инструкціи, повиновался здравому смыслу и доброму сердцу.

Въ рапортѣ его, отъ 1-го іюня 1747 года, находимъ первое извѣстіе о болѣзни Степана Лопухина.... «изъ упомянутыхъ арестантовъ Степанъ Лопухинъ, минувшаго мая съ 30-го числа, одержанъ сталъ быть болѣнъ ногами». Болѣзнь эта (вѣроятно водянка) возобновилась въ слѣдующемъ году, и 7-го іюля 1748 г. Ангусаевъ рапортовалъ:

«.... изъ оныхъ арестантовъ Степанъ Лопухинъ, марта съ 1-го числа сего года, одержимъ былъ ножною болѣзнію, такъ что и ходить не могъ, и о той его болѣзни въ показанныхъ, посылаемыхъ въ правительствующій сенатъ, отъ меня рапортахъ, было донесено-жъ именно; а сего 6-го іюля, пополудни во второмъ часу, упомянутый арестантъ Степанъ Лопухинъ волею Божіею, отъ показанной болѣзни, умре, который и погребенъ въ г. Селенгинскѣ, при Спасской церкви; а по смерти его, жена его, арестантша Наталья Лопухина, со служителями своими, подъ моимъ карауломъ содержится неослабно....»

Библиотека "Руниверс"

3-го октября 1747 г. Сенатъ, получивъ это извѣстіе, поспѣшилъ, въ тотъ же день, донести о семъ, въ Царское Село, императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Напоминаемъ, что вся главная вина этого «главнаго злодѣя» заключалась въ сожалѣніи къ участи принцессы Анны Леопольдовны и въ сѣтованіяхъ на правительственныя неурядицы. Въ какихъ именно дерзостныхъ рѣчахъ повинился Степанъ Лопухинъ на дыбѣ? «Ему и женѣ было бы лучше, еслибъ царствовала принцесса. Тогда завладѣли-было нѣмцы, понеже принцесса никуда не выхаживала». Ботта намѣревался содѣйствовать ея освобожденію и Степанъ Лопухинъ сказалъ о немъ: «человѣкъ умный, знаетъ что дѣлать, только дайте ему волю». Бранилъ камеръ-юнкеровъ Вожинскаго и Сиверса. Не признавалъ Елисавету Петровну наслѣдницею престола, ссылаясь на присягу преемнику императрицы Анны Ивановны. Желалъ освобожденія Остермана, а про нынѣшнихъ сенаторовъ говорилъ: «путныхъ мало, а прочіе всѣ дураки: дѣлъ не дѣлаютъ и тѣмъ приводятъ ея величество народу въ озлобленіе».

Рапортомъ, отъ 13-го іюля 1750 года, Селенгинская воеводская канцелярія извѣстила сенатъ, что, состоящій въ караулѣ у арестантки Лопухиной, съ ея служителями, поручикъ Александръ Ангусаевъ, іюля 2-го дня сего года, волею Божіею умре, а вмѣсто его, Ангусаева, къ предписанной Лопухиной со служителями въ караулъ, по требованію здѣшнею канцеляріею отъ Селенгинской гарнизонной канцеляріи, присланъ поручикъ Тимоѳей Черепановъ».

Мы не знаемъ съ точностью, сколько именно времени находилась Лопухина подъ надзоромъ новаго караульнаго офицера; былъ-ли онъ смѣненъ, или умеръ, но съ января 1757 года рапорты подписывались капитенармусомъ Якутскаго полка Васильемъ Митяшевымъ.

Этотъ самый 1757 годъ былъ ознаменованъ важнымъ событіемъ въ жизни Лопухиной.

Замѣтимъ прежде всего, что въ царствованіе Елисаветы Петровны особенное вниманіе правительства было обращено на распространеніе православія между сибирскими и русскими язычниками. Въ синодъ ежегодно доставлялись вѣдомости объ обра-

Библиотека "Руниверс"

щенiи въ христiанство якутовъ, тунгузовъ, мордвы, чувашъ, и проч.

Въ 24 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (вторникъ 24-го марта 1758 года) напечатанъ былъ отчетъ объ обратившихся въ христiанство язычникахъ за 1751, 52, 55 и 57 годы въ числѣ 2,720 душъ и при ономъ замѣтка: «да въ томъ же году (1757) iюля 21, содержащаяся въ Селенгискѣ Степана Лопухина жена (вдова) Наталья Ѳедорова».

Что побудило Лопухину, исповѣдавшую лютеранизмъ, перейдти въ православiе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ двоякiй. Съ точки зрѣнiя невѣрiя въ возможность обращенiя въ православiе женщины, проникнутой, можетъ быть, чувствами раскаянiя въ безпутно проведенной молодости, женщины, сознавшей потребность молитвы въ храмѣ Божiемъ,— съ подобной точки зрѣнiя переходъ Лопухиной, разумѣется, можетъ показаться дѣломъ политики и слѣдствiемъ желанiя угодить Елисаветѣ Петровнѣ—ревнительницѣ православiя; но подобная догадка едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ отношенiи къ памяти страдалицы. Совмѣстнѣе съ чувствами достоинства человѣческаго допустить, что переходъ Лопухиной въ православiе былъ дѣломъ искренняго убѣжденiя женщины, уже состарѣвшейся, для которой молитва и посѣщенiя церкви остались единственными утѣшенiями. Ни церкви, ни пастора — лютеранскихъ въ Селенгинскѣ не было: отчужденная отъ сообщества людей, Лопухина, вслѣдствiе разности вѣроисповѣданiй, была изъята даже изъ братства церкви Христовой.

Впрочемъ, искренное или лицемѣрное присоединенiе Лопухиной къ православiю нимало не улучшило ея матерiальнаго быта: тотъ же надзоръ, тоже иго инструкцiи. Въ послѣднiе шесть лѣтъ пребыванiя Лопухиной въ Сибири смѣнили другъ друга еще два приставника: сержантъ Степанъ Свирской (рапортъ его былъ отъ 30-го ноября 1761 года) и сержантъ Алексѣй Желѣщиковъ. Его рапортъ (отъ 1-го января 1762 года) былъ послѣднимъ.

По повелѣнiю императора Петра III, еще въ декабрѣ 1761 г., составлены были списки всѣхъ лицъ, подвергшихся въ предъидущее царствованiе, болѣе или менѣе, тяжкимъ наказанiямъ и ссылкамъ, по разнымъ политическимъ преступленiямъ. Списокъ преступниковъ по Лопухинскому дѣлу состоялъ изъ двадцати

Библиотека "Руниверс"

пяти лицъ. Изъ нихъ нѣкоторыя были освобождены еще по окончаніи слѣдствія (Аргамаковъ, Скалдинъ и друг.); изъ «главныхъ» виновниковъ четверо уже были въ могилахъ... немногіе могли воспользоваться милостью Петра III. О Натальѣ Лопухиной послѣдовало повелѣніе:

«По указу изъ правительствующаго сената, января 20-го 1762 года, велѣно сосланную въ ссылку за вины Наталью Лопухину возвратить и жить ей въ деревняхъ, гдѣ пожелаетъ, и отправить ее съ надлежащими проводниками, давъ ей для проѣзду потребное число подводъ и прогонныхъ, тако-жъ и на пропитаніе въ пути кормовыхъ денегъ; которая, чрезъ посыланнаго въ Селенгинскъ сибирскаго гарнизона сержанта Тецкаго, въ Тобольскъ, за препровожденіемъ Якутскаго полку сержанта Алексѣя Желѣщикова съ командою въ Тобольскъ, привезена; и оный сержантъ Тецкой въ выданныхъ ему изъ селенгинской, иркутской, енисейской и томской канцелярій прогонныхъ и кормовыхъ деньгахъ въ сибирской губернской канцеляріи считанъ, у котораго явилось въ остаткѣ отъ отданныхъ на прогоны 2 рубля 63 к., а отъ кормовыхъ 43 руб. 40 коп.; а оная Лопухина подпискою объявила, что она жительство имѣть будетъ у зятя своего, надворнаго совѣтника графа Николая Александрова сына Головина, въ первыхъ Московской губерніи, въ селѣ Раевѣ, а потомъ, гдѣ ей дозволено будетъ».

По возвращеніи изъ ссылки, Наталья Ѳедоровна прожила мѣсяцевъ восемь и скончалась 11-го марта 1763 года,[1])—слишкомъ краткій промежутокъ времени, чтобы Лопухина успѣла позабыть о девятнадцати годахъ ссылки, страданій и имѣла бы, какъ увѣряли иноземные писатели, малодушіе наряжаться и разъѣзжать въ свѣтъ. Изъ трехъ ея дочерей: младшая Прасковья Степановна, супруга кн. Ивана Алексѣевича Голицына, скончалась съ нею въ одинъ годъ (1763); Анна Степановна—въ 1776 г.; старшая—Анастасія Степановна графиня Головина скончалась 24-го февраля 1799 г., 75-ти лѣтъ, и похоронена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.[2]) Изъ сыновей Натальи Ѳедоровны, Авраамъ Степановичъ, женатый на княжнѣ А. А. Юсуповой, скончался

[1]) Погребена въ Москвѣ въ Спасо-Андроніевскомъ монастырѣ. См. о ней «Русская Старина» 1870 г., т. II, стр. 486. Ред.

[2]) См. о ней «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 470. Ред.

Библиотека "Руниверс"

въ чинѣ генералъ-поручика въ 1794 г. Степанъ Степановичъ, женатый на А. В. Паниной, умеръ въ званіи дѣйствительнаго камергера въ 1784 г. Скончавшійся въ прошломъ 1873 г. (23-го февраля), свѣтлѣйшій князь Павелъ Петровичъ Лопухинъ приходился внучатнымъ племянникомъ во второмъ колѣнѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Лопухиной.[1])

IX.

Судьба доносчиковъ и палачей.

Двадцать лѣтъ людской судъ тяготѣлъ надъ мнимыми злодѣями, оговоренными преступниками; пришелъ чередъ Божьяго суда надъ самими слѣдователями и судьями.

Доносчикъ Бергеръ дослужился до подполковниковъ гвардіи и 9-го іюня 1762 года былъ уволенъ въ отставку. Гельбигъ, въ своей книгѣ (Russische Günstlinge), говоритъ, что «Бергеръ умеръ въ стѣсненныхъ и жалкихъ обстоятельствахъ». Но участь доносчика, несмотря на его «жалкія обстоятельства», была сравнительно лучше участи двухъ главныхъ виновниковъ гибели Лопухиныхъ и Бестужевой.

Въ 1750 году, въ уединенный Угличъ, донынѣ пользующійся въ отечественной исторіи кровавой памятью убіенія безгрѣшнаго младенца-мученика, былъ привезенъ изъ Петербурга важный арестантъ. Содержали его накрѣпко: позволяли расхаживать по комнатамъ, но запрещали подходить къ окнамъ. Глубокая тайна оберегала арестанта отъ любопытства толпы, но стоустая молва разнесла по городу и во всѣ концы Россіи, что этотъ арестантъ былъ до того времени чуть ни первымъ лицомъ по государынѣ, носилъ графскій титулъ, былъ несмѣтно богатъ, но всего лишился «за государственную измѣну», былъ подъ судомъ и въ застѣнкѣ, звали его — Лестокъ. Жертва вполнѣ понятной мести гр. А. П. Бестужева-Рюмина, три года терпѣлъ Лестокъ въ Угличѣ всѣ ужасы одиночнаго заключенія. Въ 1753 году его перевезли въ Устюгъ-Великій, куда добровольно прибыла и жена павшаго временщика. Здѣсь его собесѣдникомъ бывалъ выкрещенецъ Грюнштейнъ, бывшій лейбъ-кампанецъ, за дерзкія рѣчи о государынѣ наказанный кнутомъ и тоже сосланный.

---

[1]) См. о немъ «Русская Старина» 1873 г., т. VII, стр. 728.

Библиотека "Руниверс"

Императоръ Петръ III, въ первый день своего воцаренія, 25-го декабря 1761 г., вызвалъ Лестока изъ ссылки, возвратилъ чины и конфискованное имущество, изъ котораго, впрочемъ, Лестоку удалось получить лишь ничтожную долю. Лестокъ умеръ 12-го іюня 1767 года, громко исповѣдуя реформатскіе догматы, но едва-ли заглушая поздній голосъ совѣсти и раскаянія...

По неисповѣдимому предопредѣленію, черезъ четыре мѣсяца, 16-го октября того-же 1767 года, послѣдовалъ въ вѣчность за Лестокомъ его вѣрный сподвижникъ, особенно ему усердствовавшій въ дѣлѣ Лопухиныхъ, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, съ 1763 года уволенный отъ всѣхъ прежнихъ должностей, но съ сохраненіемъ званія генералъ-фельдмаршала. Въ теченіе долговременной службы князя, не столько отечеству, сколько временщикамъ, много пятенъ отяготили его совѣсть. Онъ, предсѣдательствуя во многихъ коммиссіяхъ, между прочими, по дѣламъ графа Головкина (1742), Лопухиныхъ (1743) гр. А. П. Бестужева (въ 1758 году), непозволительно кривилъ душой, оговаривая невинныхъ, возводя ихъ на эшафоты, вводя въ застѣнки, пролагая имъ путь въ Сибирь; онъ же довелъ до самоубійства несчастнаго Гросса, воспитателя дѣтей Остермана. Для кн. Никиты Юрьевича не существовало ни родства, ни пріязни: корыстолюбіе и гордость заглушали въ немъ всѣ человѣческія чувства. Графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ былъ роднымъ братомъ первой жены князя Трубецкаго Настасьи Гавриловны и гр. Анны Гавриловны Бестужевой: первый, происками кн. Никиты Юрьевича, былъ сосланъ въ отдаленный сибирскій острогъ Германгъ; объ участи второй мы сказали въ настоящей статьѣ. По свидѣтельству очевидцевъ, агонія кн. Трубецкаго была невыносимо мучительна и его страданія, конечно, превосходили тѣ муки, которымъ онъ, бывало, въ застѣнкахъ подвергалъ допрашиваемыхъ имъ жертвъ. Независимо отъ отпущенія грѣховъ духовникомъ, умирающему необходимо было слышать слово прощенія отъ одной изъ своихъ жертвъ, изъ числа немногихъ, остававшихся въ живыхъ. Онъ послалъ умолять вдову графа Головкина, Екатерину Ивановну, пріѣхать къ нему. Эта святая женщина удивилась просьбѣ своего злодѣя. Когда она вошла въ комнату князя, онъ, со всклокоченными волосами, бросился къ ней на встрѣчу и, упавъ въ ноги, закричалъ:

Библиотека "Руниверс"

— «Сестра, прости меня!... Я много виноватъ былъ въ вашемъ несчастіи... Меня совѣсть мучитъ и я чувствую, что если ты меня не простишь и не разрѣшишь, то на томъ свѣтѣ ожидаютъ меня муки страшныя! Умоляю тебя, именемъ Бога милосерднаго, прости и разрѣши меня!»

Графиня Екатерина Ивановна Головкина простила каявшагося грѣшника.....[1])

Ред.

[1]) См. «Русская Старина» 1870 г., т. II, біографическіе списки П. Ѳ. Карабанова: «Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII столѣтіи», стр. 483—485. Ред.

Библиотека "Руниверс"

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ КАРАМЗИНЪ.

Воспоминанія К. С. Сербиновича.

1825 г.[1])

Въ первый день новаго года я писалъ къ родителямъ: „Сегодня я обѣдалъ у Николая Михайловича. Онъ спрашивалъ меня, часто-ли получаю отъ васъ письма и въ какомъ вы здоровьѣ? Когда же пили здоровье взаимно, онъ, между прочимъ, пожелалъ мнѣ имѣть случай съѣздить домой и повидаться съ вами".

Да, этотъ случай и представился, но уже въ слѣдующемъ году, уже тогда, какъ его не было на свѣтѣ! Кто бы могъ думать, что наступившій годъ есть и послѣдній, который онъ проживетъ до конца, и онъ же долженъ быть послѣднимъ годомъ жизни императора Александра!

У Карамзиныхъ обѣдалъ, между прочими, и В. А. Жуковскій. Сказывали, что императоръ озадачилъ министра народнаго просвѣщенія вопросомъ: „Отчего къ новому году вы не прислали мнѣ новаго календаря?" Разумѣется, академическій мѣсяцословъ былъ послѣ этого немедленно представленъ его величеству. Но, сообразивъ этотъ канцелярскій недосмотръ съ послѣдовавшею въ ноябрѣ кончиною императора, невольно подумаешь: не сама-ли судьба медлила вручать государю календарь года, котораго ему не суждено было пережить? Какія странныя бываютъ иногда случайности!

Николай Михайловичъ подарилъ мнѣ экземпляръ двухъ первыхъ томовъ польскаго перевода исторіи, присланныхъ ему изъ Варшавы отъ переводчика, Григорія Бучинскаго. И такъ, теперь „Исторія Го-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 44—76.

Библиотека "Руниверс"

сударства Россійскаго" переведена на языки: французскій, нѣмецкій, итальянскій и польскій.

10-го января обѣдалъ у Карамзиныхъ. Николая Михайловича не было дома: онъ у императрицы. Меня просятъ поискать для дѣтей нѣмецкаго учителя. Я читалъ Екатеринѣ Андреевнѣ вслухъ статью Булгарина: „Путь къ богатству!"

Обѣдалъ и 19-го января, когда Николай Михайловичъ былъ также во дворцѣ, откуда пріѣхавъ, ожидалъ къ себѣ Шредера, переводчика IX тома, и сказывалъ мнѣ, что во Франціи Оже (Auger) переводитъ X и XI томы съ помощью Дивова.

Въ тоже время Булгаринъ, издатель „Сѣвернаго Архива", затѣялъ критиковать эти послѣдніе томы „Исторіи" и доказывать, что Дмитрій царевичъ лишенъ былъ жизни не по желанію Бориса Годунова, ибо Годуновъ не былъ злодѣй и, напротивъ, извѣстенъ добрыми дѣлами. Будто не дѣлаютъ и добрыхъ дѣлъ изъ видовъ честолюбія и интереса.

3-го февраля, ввечеру, видѣлъ у Карамзиныхъ Сперанскаго, Жуковскаго и, наконецъ, въ первый разъ, Сергѣя Николаевича Глинку. Говорили о Москвѣ и о томъ, какъ Глинка завелъ тамъ пансіонъ для образованія дѣтей донскихъ офицеровъ; самъ обучалъ ихъ, знакомилъ съ московскими памятниками исторіи и отечественной войны, и какъ, однакожъ, непосчастливилось ему примѣниться къ ихъ донской натурѣ; какъ дѣти нажаловались на него отцамъ своимъ; отцы же, нагрянувъ на пансіонъ въ одинъ прекрасный день, отобрали у него дѣтей и мигомъ разрушили его патріотическое заведеніе. Глинка называлъ это непріятное происшествіе донскимъ разгромомъ.

13-го февраля Николай Михайловичъ нарочно пріѣзжалъ къ Александру Семеновичу Шишкову ходатайствовать о Глинкѣ, которому министръ уже испросилъ у государя 6,000 руб. для уплаты долга въ типографію Московскаго университета за печатаніе его „Россійской Исторіи" и „Русскаго Вѣстника", но который, затѣмъ, удрученный крайнею бѣдностью, при многочисленномъ семействѣ, не имѣетъ чѣмъ содержать себя, кромѣ скудной платы отъ книгопродавцевъ. Николай Михайловичъ просилъ доложить государю о пожалованіи ему пенсіи. Положено было, чтобы онъ написалъ объ этомъ министру письмо для доклада его величеству.

Это письмо я привезъ къ министру въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ убѣдительныхъ словъ отъ Екатерины Андреевны (Карамзиной), которыя приняты были съ любезностью.

17-го февраля, провелъ я у Карамзиныхъ весь вечеръ; здѣсь были, между прочимъ, Жуковскій, Плещеевъ, Гурьевъ и Левъ Пушкинъ

Библиотека "Руниверс"

(мой тогдашній подчиненный въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій; еще Тургеневъ поручилъ его мнѣ, и, разумѣется, я обходился съ нимъ, какъ съ братомъ знаменитаго поэта). Плещеевъ читалъ комедію Дюпати: „Prison".

15-е марта (пятое воскресенье великаго поста) было для Карамзиныхъ однимъ изъ достопамятнѣйшихъ дней. Императоръ посѣтилъ ихъ ввечеру, кушалъ чай и провелъ довольно времени въ ихъ семейномъ кругу.

22-го марта, въ Вербное воскресенье, я видѣлъ вечеромъ у нихъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и С. Д. Болотникова. Разговоръ касался составленія законовъ, устроенія удобнѣйшихъ путей сообщенія и другихъ государственныхъ предметовъ.

Въ первый день Пасхи Николай Михайловичъ получилъ отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны бриллiантовый перстень.

30-го марта, во второй день праздника, были ввечеру у Карамзиныхъ: Гнѣдичъ, Воейковъ и Ѳедоровъ. Говорено о французской литературѣ, о „Mémoires de m-me Genlis", наконецъ, о кн. Курбскомъ, и о сочиняемомъ подъ этимъ названіемъ романѣ — Б. М. Ѳедорова.

7-го апрѣля, заѣхавъ къ Льву Пушкину, я познакомился съ его отцомъ и матерью; оттуда мы отправились къ Карамзинымъ на домашній театръ, въ которомъ дѣйствующими лицами были Софья Николаевна, Плещеевъ и другіе.

24-го апрѣля, засталъ Николая Михайловича за повѣркою французскаго перевода послѣднихъ томовъ.

7-го мая, весь вечеръ проведенъ у Карамзиныхъ до-поздна. Говорено о дѣлѣ В. М. Попова, обвиняемаго въ ложномъ и вредномъ направленіи просвѣщенія народнаго, о средствахъ къ дѣйствительному образованію народа и объ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Николай Михайловичъ сказалъ о ней: „Вотъ кто могъ бы теперь быть изъ многихъ лучшимъ министромъ просвѣщенія, и также министромъ финансовъ, судя по ея умной дѣятельности для воспитанія юношества и управленія финансами опекунскаго совѣта". Перешли къ русской исторіи со временъ Петра I, и вотъ что говорилъ Николай Михайловичъ, сколько я успѣлъ записать: „Исторія этихъ временъ извѣстна намъ болѣе древней по главнымъ своимъ событіямъ, но истинныя причины разныхъ событій, жизнь и характеры многихъ лицъ доходили до насъ нерѣдко въ превратномъ смыслѣ, и мы часто, по слухамъ, хвалимъ ихъ и порицаемъ несправедливо. Политика того времени, по необходимости, закрыла отъ насъ истину. Вотъ нѣчто взятое изъ достовѣрныхъ источниковъ. Петръ II подавалъ о себѣ прекраснѣйшія

Библиотека "Руниверс"

надежды. Онъ погибъ отъ своихъ любимцевъ, которые разстроили его здоровье, дѣйствуя изъ личныхъ видовъ. Сестра его, Наталья Алексѣевна, была принцесса съ рѣдкимъ благоразуміемъ и часто была наставницею его; но скончалась отъ горести, видя его беззаконныя связи. Обрученіе Петра II съ княжною Долгоруковою было принужденное. При императрицѣ Аннѣ важнѣйшую роль игралъ безспорно Бирономъ; но онъ совсѣмъ не былъ такъ жестокъ, какъ описали его современники; имѣлъ даже многія благородныя свойства; впрочемъ, главная страсть вельможъ тогдашняго времени была взаимная ненависть. Такъ и Волынскій самъ велъ интриги противъ Бирона, отъ котораго и погибъ. Волынскій не имѣлъ качествъ истиннаго патріота, былъ искателенъ, роскошенъ, коваренъ, низокъ, и все изъ личныхъ видовъ, корыстолюбивъ и мучитель (таковъ поступокъ его съ Тредьяковскимъ). Казненный съ нимъ Еропкинъ былъ человѣкъ весьма ученый. Герцогиня Брауншвейгъ-Вольфенбютельская, женщина прекраснѣйшихъ свойствъ и умная, но поведенія сомнительнаго. Преемница Анны, Елисавета, вступивъ на тронъ съ помощію гвардіи, какъ будто опасалась того же и отъ другихъ, проводила ночи безъ сна, въ кругу избранныхъ, до 6-ти часовъ утра, и вставала весьма поздно. Она заставляла Екатерину терпѣть многія неудобства, такъ что Екатерина, по рожденіи сына Павла Петровича, не имѣла даже для себя спокойной спальни: это была проходная комната, чрезъ которую носили кушанье къ ея горничнымъ дѣвушкамъ. Екатерина, наскучивъ дурнымъ съ нею обращеніемъ въ Россіи, хотѣла-было возвратиться на родину и просила императрицу дать ей аудіенцію. Для этого назначено ей время въ два часа ночи. Царствованіе Екатерины II ознаменовано великою мудростію. Только подъ конецъ излишне смутили ее происшествія французской революціи".

13-го мая. Передъ обѣдомъ, когда Николай Михайловичъ возвращался съ прогулки, Софья Николаевна растрогала меня своею нѣжностію къ отцу: долго съ балкона смотрѣла съ умиленіемъ на него, шедшаго задумчиво и тихо; наконецъ, въ увлеченіи чувства, сказала мнѣ: „какъ я люблю папеньку: вотъ истинно добрый человѣкъ!" — и убѣжала съ балкона встрѣтить его. Послѣ обѣда Николай Михайловичъ сообщилъ мнѣ о клеветѣ, которой я подвергся, но которой онъ не вѣритъ, зная, изъ какого гнилаго источника она происходитъ. Въ чемъ же состояла клевета? Въ томъ, будто я, находясь теперь подлѣ Александра Семеновича (Шишкова), министра народнаго просвѣщенія, не щажу передъ нимъ моего бывшаго начальника — Тургенева. Клевета достойна была презрѣнія, но сердце мое томилось въ нетерпѣніи—скорѣе увидѣть Александра Ивановича. Кто зналъ различіе въ

Библиотека "Руниверс"

убѣжденіяхъ Шишкова и Карамзина, кто зналъ притомъ и людей, окружавшихъ того и другаго, тому могло казаться страннымъ благосклонное принятіе меня Шишковымъ, если неизвѣстно было стеченіе всѣхъ обстоятельствъ, приблизившихъ меня къ Александру Семеновичу, которому дѣйствительно не нравился Тургеневъ, съ его новыми либеральными взглядами, а еще болѣе товарищъ его по службѣ, Поповъ, съ его мистическимъ направленіемъ. Но я съ Шишковымъ могъ раздѣлять невыгодное мнѣніе только о Поповѣ и библейскихъ обществахъ. А развѣ не тоже самое слышалъ я и отъ Николая Михайловича? Развѣ и самъ Александръ Ивановичъ не тоже самое думалъ?

На другой день, утромъ, я поспѣшилъ къ нему высказать все, что у меня было на сердцѣ, и тѣмъ облегчилъ себя: Александръ Ивановичъ зналъ клеветника и также не вѣрилъ ему. Онъ сталъ говорить со мною о планѣ своего путешествія.

15-го мая. Карамзины собираются переѣхать въ Царское Село. Я еще разъ, въ кабинетѣ у Николая Михайловича, говорилъ съ нимъ о клеветѣ, и онъ спрашивалъ меня о лицахъ, окружающихъ министра; я говорилъ о князьяхъ Шихматовыхъ, особенно преданныхъ ему и исполненныхъ сердечнаго благочестія, и изъ нихъ болѣе всего о князѣ Сергѣѣ Александровичѣ (впослѣдствіи отецъ Аникита) и его глубокомъ духовномъ настроеніи. Николай Михайловичъ замѣтилъ, что „это чувство высокое подлежитъ собственному сознанію, а не суду постороннему; истинная набожность есть союзъ сердца съ самимъ Богомъ!“ У Карамзиныхъ былъ въ это время и Тургеневъ. Я прощаюсь съ ними.

Между тѣмъ и мой министръ нанялъ также домъ въ Царскомъ Селѣ: домъ Крамера на улицѣ Московской. Онъ и Дарья Алексѣевна (Шишковы) изъявили желаніе, чтобъ я жилъ съ ними. Можно себѣ представить, какъ это было мнѣ пріятно, быть при моемъ главномъ, добромъ начальникѣ и въ тоже время пользоваться частою бесѣдою Карамзина.

Оба они ввѣрили моему смотрѣнію свои библіотеки, оставшіяся въ городѣ, и я имѣлъ удовольствіе, на письменномъ моемъ столѣ, видѣть рядомъ ключи отъ библіотекъ обоихъ корифеевъ двухъ противоположныхъ партій нашей словесности.

19-го мая, я переѣхалъ въ Царское Село, сопровождая Александра Семеновича, который въ своемъ наемномъ домѣ приказалъ отвести мнѣ очень спокойную комнату, окнами въ садъ и съ особымъ ходомъ. Съ тѣхъ поръ я почти каждый день обѣдалъ у Шиш-

Библиотека "Руниверс"

кова, и рѣдкій вечеръ не былъ у Карамзина, въ Китайской деревнѣ, напоминающей вѣкъ Екатерины.

И въ тотъ же самый день былъ я у него вечеромъ. За чаемъ былъ Александръ Ивановичъ Тургеневъ. Говорили о разныхъ забавныхъ учтивостяхъ и о новыхъ проектахъ — обезпечить Петербургъ отъ наводненія. Интересенъ былъ проектъ академика Паррота, начинавшійся словами: „Oui, Sire! Pétersbourg est sauvé!"

29-го мая. Александръ Семеновичъ, по волѣ государя, уѣхалъ съ директоромъ своей канцеляріи, княземъ П. А. Шихматовымъ, въ Дерптъ, для обозрѣнія университета. Оставляя супругу и домъ, онъ сказалъ мнѣ: „Береги Дарью Алексѣевну". Послѣ обѣда я пошелъ къ Карамзинымъ и долго ждалъ возвращенія Николая Михайловича изъ Баболова. Послѣ чаю Николай Михайловичъ говорилъ о письмахъ Безбородко къ Воронцову, о Польшѣ, о грекахъ и о нынѣшней свободѣ книгопечатанія.

31-го мая, вечеромъ, Николай Михайловичъ, бесѣдовалъ съ Жуковскимъ о томъ, что приличествуетъ сельскому виду, о стихахъ Языкова, объ улучшеніи администраціи и опять о лучшихъ средствахъ къ успѣху просвѣщенія.

— „Безъ свободы въ дѣлѣ просвѣщенія", говорилъ Н. М. Карамзинъ, „нельзя быть успѣху. Покровительствуя исключительно одну систему, одинъ образъ мыслей и воспрещая всѣ другіе, нельзя дать правдѣ обнаружиться и защитить себя отъ возраженій тайныхъ. Не стѣсняя никого, должно дозволить каждому идти своей дорогой, преподавая, между тѣмъ, народу всевозможныя средства къ образованію". Тутъ былъ намекъ на министерство князя Голицина, который особенное оказывалъ покровительство мистицизму. Въ этотъ вечеръ я въ первый разъ имѣлъ случай видѣть Александру Андреевну Воейкову, о личныхъ достоинствахъ которой много былъ наслышанъ.

1-го іюня. Гуляя по саду и спускаясь съ Большаго Каприза, видѣлъ Николая Михайловича, ѣхавшаго верхомъ.

Николай Михайловичъ сказывалъ мнѣ о нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчъ своихъ съ государемъ въ саду, — въ этомъ зеленомъ кабинетѣ, какъ называлъ его государь, бесѣдуя съ нимъ въ тѣни аллей. Карамзинъ иногда въ холодную погоду, закрывалъ грудь тетрадью бумаги подъ сюртукомъ. Однажды государь замѣтилъ у него такую тетрадь, выдавшуюся изъ-за сюртука и, узнавъ причину, съ улыбкою сказалъ: „а я думалъ, какой это у васъ талисманъ?" Въ другое время Николай Михайловичъ говорилъ государю: „все въ вашихъ садахъ прекрасно, особливо эти зеленые луга. Но, извините, государь, я привыкъ къ сельской природѣ и люблю ходить по зеленой травкѣ,

Библиотека "Руниверс"

а здѣсь нельзя, здѣсь она только манитъ къ себѣ". Въ тотъ же день отданъ приказъ — предоставить Карамзину полную свободу гулять по травѣ, гдѣ пожелаетъ.

5-го іюня. Александръ Семеновичъ возвратился изъ Дерпта. Князь Платонъ Александровичъ разсказывалъ много о тамошнемъ университетѣ и о тамошнемъ русскомъ поэтѣ, молодомъ Языковѣ.

10-го іюня. У Николая Михайловича былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ, и вотъ что я записалъ изъ разговора ихъ о дѣтствѣ Николая Михайловича и бытности его во Франціи:

„Николай Михайловичъ, въ исторіи Леона, описывалъ разныя черты своего дѣтства. Любовь читать книги (между которыми, самая тяжелая по слогу, попалась ему книга: „Языкъ", перев. Волчкова), первая идея о Богѣ, общество дворянъ (которое составилось въ домѣ отца Николая Михайловича, причемъ эти дворяне, затѣяли и особые мундиры)—все это истина. Графиня была Пушкина. У мужа ея Николай Михайловичъ бралъ для чтенія книги и между ними „Роллена", перевода Тредьяковскаго.

„Подъ именемъ Агатона, Николай Михайловичъ оплакивалъ друга молодости своей Петрова, котораго признавалъ и учителемъ своимъ въ знаніи русскаго языка. Петровъ переводилъ многія статьи для „Дѣтскаго чтенія", при началѣ этого изданія.

„Во время путешествія своего по Европѣ, Николай Михайловичъ, прибывъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ, узналъ о революціонныхъ смятеніяхъ во Франціи и огорчался мыслію, что не увидитъ Францію въ мирной тишинѣ. Въ Страсбургѣ онъ видѣлъ народъ въ волненіи и вознамѣрился ѣхать въ Швейцарію. Въ Женевѣ говорили всѣ противъ революціи. Отъ Лафатера имѣлъ онъ 17 рекомендательныхъ писемъ. Прибывъ въ Парижъ, желалъ быть въ засѣданіи des Constituants. Галлереи были уже полны зрителей; въ ложахъ сидѣли дамы; внизу часовые не пускали. Но Рабо Сент-Этіенъ, узнавши, что онъ иностранецъ, ввелъ его туда, гдѣ были депутаты. Когда звонъ колокольчика возвѣстилъ начало собранія, Рабо взошелъ на мѣсто президентское, депутаты сѣли и начались рѣчи. Въ то время Николай Михайловичъ былъ сильно вооруженъ противъ революціи. Только любезность французовъ мирила его съ ними. По пріѣздѣ въ Лондонъ, Николай Михайловичъ познакомился съ графомъ Воронцовымъ, отъ котораго имѣлъ письмо къ графу, брату его. Тогда Безбородко и Воронцовы были друзья. Тутъ, въ Петербургѣ, Николай Михайловичъ былъ у Державина въ первый разъ. Онъ горячо за столомъ говорилъ съ Новосильцевымъ о политикѣ, такъ что жена Державина принуждена была, остановить его пожатіемъ ноги. Державинъ приглашалъ

Библиотека "Руниверс"

его въ Петербургъ служить при себѣ. Но Николай Михайловичъ рекомендовалъ ему, вмѣсто себя, друга своего, Петрова. Супруга Державина сдѣлала его изъ нелюдима обходительнымъ человѣкомъ, сняла съ него силуэтъ и прислала къ Николаю Михайловичу. Петровъ черезъ годъ потомъ умеръ здѣсь, въ С.-Петербургѣ".

Разсказъ прервался, когда Екатерина Андреевна возвратилась изъ Павловска отъ императрицы. Ввечеру были Жуковскій и Тургеневъ. Говорили о долговѣчности, объ упоминаемомъ въ календарѣ старцѣ, умершемъ въ Полтавской губерніи 200 лѣтъ отъ роду. „Вотъ, по замѣчанію Николая Михайловича, былъ бы сюжетъ для интереснаго историческаго романа, потому что этотъ старецъ родился въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича".

11-го іюня. Николай Михайловичъ давалъ мнѣ перевести съ польскаго языка стихи на польскій танецъ во время бала, даннаго государю въ Варшавѣ. Теперь я отдалъ Николаю Михайловичу этотъ переводъ, который онъ отослалъ къ графу Ожаровскому вмѣстѣ съ брошюркою: „Chant du Sacre de Charles X", par Lamartine. Увы! какъ непрочны были восторги, служившіе поводомъ къ тому и другому стихотворенію!

Я присутствовалъ при урокѣ нѣмецкомъ, который Николай Михайловичъ самъ давалъ дѣтямъ своимъ. Въ награду за внимательность онъ имъ позволилъ покататься, попеременно, верхомъ на его лошади.

13-го іюня. Разнеслась вѣсть о разрѣшеніи великой княгини Александры Ѳеодоровны отъ бремени дочерью Александрою. Я гулялъ утромъ въ большомъ саду, особенно любуясь свѣжею зеленью деревъ. У Большаго Каприза встрѣтилъ Николая Михайловича, который повелъ меня къ себѣ чрезъ Малый Капризъ. Узнавши, что я имѣю слабость бояться быть на высотѣ безъ перилъ, онъ сказалъ: „Ступайте впередъ, а я дамъ въ вашу руку трость съ этого края; держитесь за нее, воображая, что это перила, такъ и пройдемъ". „Нѣтъ!" отвѣчалъ я: „при васъ уже было бы стыдно мнѣ бояться". Мы пришли въ китайскіе домики къ утреннему чаю, тутъ нашли Огаревыхъ.

17-го іюня. Ввечеру засталъ у Николая Михайловича: Тургеневыхъ (Александра Ивановича и Сергѣя Ивановича), Жуковскаго, князя Петра Андреевича Вяземскаго, Жихарева и Гурьева.

Не могу утвердительно сказать, въ который день, когда Жуковскій, Тургеневъ и другіе съ чувствомъ говорили, какъ много Карамзинъ сдѣлалъ для исторіи, онъ отвѣчалъ: „что я ни дѣлалъ, безъ помощи Божіей не имѣло бы успѣха. Есть же и у другихъ таланты,

Библиотека "Руниверс"

которымъ не было средствъ не только развиться, даже и обнаружиться при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ; есть и трудолюбіе, которое не имѣетъ удачи. Я дѣлалъ какъ только умѣлъ, но въ чемъ успѣлъ, тѣмъ обязанъ единственно милости Божіей".

18-го іюня. Николай Михайловичъ разсказывалъ нѣкоторыя подробности жизни своей.

„Онъ былъ въ обществѣ Новикова и его товарищей-мистиковъ, именовавшихся мартинистами. При всей благонамѣренности ихъ, онъ понялъ нелѣпость ихъ отдѣльнаго отъ церкви ученія и оставилъ общество.

„Въ молодости намѣренъ былъ служить въ военной службѣ и опредѣлился въ Преображенскій полкъ. Наступило военное время. Ему хотѣлось летѣть на поле чести; но назначеніе въ армію зависѣло отъ полковаго секретаря, который любилъ взятки и, содѣйствуя назначенію туда богатыхъ офицеровъ, отказалъ Карамзину, имѣвшему у себя тогда не болѣе ста рублей. Тутъ военная служба потеряла для него прежнюю прелесть: онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика.

„Будучи въ Москвѣ, онъ послѣ отказался отъ предлагаемаго ему прокурорскаго мѣста въ провинціи. Ему хотѣлось быть авторомъ, и независимымъ.

„Въ статьѣ „Великій мужъ русской грамматики" изображенъ Антонъ Барсовъ, профессоръ, ученикъ Ломоносова, педантъ въ языкѣ, но добрый и благородный человѣкъ. Николай Михайловичъ хаживалъ къ нему, когда Барсовъ былъ цензоромъ. Барсовъ имѣлъ къ Карамзину такую довѣренность, что утверждалъ своею подписью бѣлые листы и на нихъ предоставлялъ ему писать статьи и отдавать ихъ прямо въ типографію.

„Во время учрежденія государственнаго совѣта, государь, назначивъ Дмитріева министромъ юстиціи, имѣлъ мысль поручить Николаю Михайловичу министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ директора по малому его чину. Сперанскій отклонилъ это, совѣтуя сдѣлать его прежде кураторомъ Московскаго университета, но тутъ былъ предпочтенъ ему графъ Разумовскій.

„Послѣ паденія Сперанскаго, государь, опять думая призвать Карамзина и назначить на его мѣсто, сказалъ объ этомъ Балашеву, который, между прочимъ, указалъ на Александра Семеновича Шишкова, какъ заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота (тогда же всеобщее вниманіе обращено было на его рѣчь „О любви къ отечеству").

„Наконецъ, великая княгиня Екатерина Павловна, душевно по-

Библиотека "Руниверс"

любивъ Карамзина и удостоивъ его своей дружбы, не желала съ нимъ разстаться и предлагала ему принять въ Твери губернаторское мѣсто. Карамзинъ нашелъ невозможнымъ соединить эту должность съ исторіографскою: „или буду худымъ губернаторомъ, или худымъ историкомъ“.

Пока мы слушали Николая Михайловича, вѣтеръ на дворѣ, бушуя, заставилъ опасаться, чтобы въ Петербургѣ не возвысилась вода. Жуковскій возвращается въ Александровскій дворецъ. Я провожаю его. Желтая луна смотритъ на насъ сквозь разорванныя облака.

Хотя моя служба была собственно въ департаментѣ иностранныхъ исповѣданій, но, находясь при министрѣ, я имѣлъ часто отъ директора канцеляріи, князя П. А. Шихматова, разныя порученія, относившіяся къ дѣламъ просвѣщенія. Мой прежній начальникъ, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, по своей ко мнѣ благосклонности, снабжалъ меня изъ своей сокровищницы разными статьями, книгами и указаніями на бывшихъ корреспондентовъ министерства, которыхъ бумаги мнѣ легко было доставать изъ департаментскаго архива. Я, на досугѣ, читалъ, записывалъ, соображалъ, и что тогда имѣлось въ виду, то почти буквально вошло, спустя 9 лѣтъ, въ предисловіе, которымъ графъ Уваровъ началъ, въ 1834 году, ввѣренный моей редакціи „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“.

20-го іюня. Александръ Семеновичъ Шишковъ пожелалъ итти со мною къ Николаю Михайловичу, подошли къ Китайской деревнѣ и къ сожалѣнію, узнали, что его нѣтъ дома: поѣхалъ верхомъ прогуливаться. Александръ Семеновичъ посидѣлъ со мною въ Круглой рощѣ, и странно: старецъ жаловался на малое число гуляющихъ, а молодой его сопутникъ говорилъ, что онъ радъ уединенію.

24-го іюня. Происходила въ Царскомъ Селѣ закладка римско-католической церкви. Обрядъ церковный совершился подъ огромнымъ краснымъ шатромъ и Александру Семеновичу, извѣстному патріоту и защитнику православія, пришлось, по званію главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, положить первый камень. Впрочемъ, всѣмъ распоряжался графъ Ожаровскій.

Вечеромъ у Николая Михайловича были Жуковскій и кн. Вяземскій. Говорили о цензурѣ, о книгахъ историческихъ и филологическихъ, о мемуарахъ. Жалились, о временахъ французской революціи: „писать ея исторію еще рано; предметъ богатый, но слишкомъ близкій къ нашему времени. Современники требуютъ болѣе подробностей, а исторія должна быть разборчива“. Николай Михайловичъ, продолжая свой

Библиотека "Руниверс"

разговоръ, коснулся мѣръ исправленія преступниковъ и удаленія ихъ отъ общества. „Снисходительныя мѣры въ Соединенныхъ Штатахъ умножили число преступниковъ. Законодатель долженъ имѣть въ виду общее благо".

26-го іюня. Заходилъ утромъ къ Николаю Михайловичу, желая узнать мысли его по предмету моей работы въ министерствѣ, и частнымъ образомъ сообщилъ ему главныя основанія системы, принятой въ немъ. Эти основанія представились ему слишкомъ стѣснительными для успѣховъ народнаго образованія. Карамзинъ вышелъ изъ обыкновеннаго, спокойнаго состоянія духа; горячо сѣтовалъ, что не имѣютъ понятія о необходимомъ и заключилъ тѣмъ: „видно мы еще недостойны имѣть лучшихъ руководителей, видно еще намъ не суждено достигать высшей степени образованія, когда Промыслъ не даетъ намъ способныхъ для этого людей". По немногу успокоился и, обращаясь ко мнѣ, сказалъ добродушно: „а вы должны исполнять то, что вамъ поручено: продолжайте, занимайтесь". Никогда я не видывалъ Николая Михайловича въ такомъ волненіи, и самъ былъ недоволенъ собою и даже опечаленъ своею неловкою откровенностію. Я пошелъ гулять, но, вмѣсто прогулки, просидѣлъ въ задумчивости возлѣ пруда въ одной изъ екатерининскихъ бесѣдокъ, именуемой Утреннимъ Заломъ.

Воротясь домой, я старался собрать слышанное; и вотъ какъ это было у меня записано:

„Не отъ насъ зависитъ сдѣлать людей именно такими, какими желаемъ. Въ этомъ-то и видна премудрость Промысла: ибо мы, по нашей слабости или по недостатку познаній, или по другимъ причинамъ, вообще же говоря, по нашей ограниченности, могли бы скорѣе испортить, нежели исправить. Но всякій человѣкъ родится съ своими способностями, съ своимъ характеромъ и потому дѣйствуетъ по своему. Добро и зло поперемѣнно господствуютъ въ природѣ; но ничто не происходитъ безъ воли Всевышняго, неисповѣдимыми судьбами ведущаго тварей къ лучшему концу. Такъ и въ дѣлѣ просвѣщенія: напрасно желали бы мы сами дать ему то или другое направленіе. Усилія наши будутъ непрочны, ибо мы смертны, слабы, и не можемъ требовать, чтобы обстоятельства примѣнялись къ нашимъ планамъ. Но просвѣщеніе необходимо: польза его не требуетъ доказательствъ. Цѣль его есть путь къ истинѣ, а въ чемъ бы ни полагать истину, но дойти до нея безъ просвѣщенія—невозможно. Итакъ, слѣдуетъ ободрять просвѣщеніе, не стѣснять его, но давать ему свободу. Надлежитъ въ особенности обдумывать средства къ удобнѣйшему распространенію познаній въ народѣ, и въ этомъ дѣлѣ пред-

Библиотека "Руниверс"

почитать необходимое тому, что только полезно, а полезное тому, что только пріятно". Записавъ эти мысли, я вывелъ заключеніе: и такъ, всему предпочтительнѣе законъ Божій, ибо что можетъ быть необходимѣе ученія вѣры и любви?

27-го іюня. Послѣ обѣда, прогуливаясь, встрѣчаю Николая Михайловича, ѣдущаго верхомъ подъ Большимъ Капризомъ. Онъ жалуется, что лошадь безпокойна. Иду за нимъ къ нему. Пріѣхалъ и Александръ Семеновичъ Шишковъ. Былъ маленькій, но довольно хладнокровный, споръ о распространеніи грамотности въ народѣ. Извѣстно мнѣніе Александра Семеновича, что обучать весь народъ грамотѣ болѣе вредно. Николай Михайловичъ утверждалъ противное и говорилъ, что, проѣзжая (за 30 лѣтъ предъ тѣмъ) чужія земли, онъ видѣлъ поселянъ, занимающихся чтеніемъ книгъ и въ тоже время не пренебрегающихъ своимъ дѣломъ и довольныхъ своимъ состояніемъ; что просвѣщеніе вездѣ смягчаетъ нравы и искореняетъ преступленія: примѣръ Шотландія, гдѣ теперь въ 20 разъ менѣе преступленій, нежели какъ было прежде. Въ Россіи же въ послѣдніе 20 лѣтъ преступленія умножились и ежегодно отправляется въ Сибирь до 6,000 человѣкъ; и очень замѣтно, что всего болѣе преступленій тамъ, гдѣ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, и гдѣ люди, не зная пользы умственнаго занятія, ищутъ наслажденій чувственныхъ, грубыхъ, въ пьянствѣ и тому подобныхъ.[1])

Передъ Шишковымъ былъ кн. Щербатовъ, а послѣ—Жуковскій, баронъ Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ (извѣстный синологъ, необыкновенно толстый и въ тоже время живой, проворный на бѣгу) и Александръ Ивановичъ Тургеневъ. За чаемъ сижу между Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ. Василій Андреевичъ объяснялъ историко-хронологическую карту, составленную имъ для государя наслѣдника.

7-го іюля. Прощался въ городѣ съ обоими Тургеневыми. Вечеромъ въ Царскомъ Селѣ былъ у Карамзиныхъ и поговорилъ съ ними объ отъѣздѣ Тургеневыхъ. Николай Михайловичъ показывалъ мнѣ новую книгу, дающую отчетъ о военныхъ поселеніяхъ. Сочинитель ея—Сперанскій. Николай Михайловичъ при этомъ случаѣ изъявляетъ сожалѣніе, что этотъ государственный человѣкъ, такъ блистательно

---

[1]) Ежели А. С. Шишковъ и не могъ, по убѣжденіямъ своимъ, во многомъ соглашаться съ Николаемъ Михайловичемъ, но посѣщенія его всегда были пріятны семейству Карамзиныхъ. Добродушные разсказы его о временахъ императрицы Екатерины и императора Павла были такъ увлекательны, что доставляли большое удовольствіе, особенно «намъ, дѣтямъ», какъ выражалась Екатерина Николаевна (Карамзина), бывшая впослѣдствіи въ замужествѣ за княземъ Мещерскимъ. К. С.

Библиотека "Руниверс"

начавшій и продолжавшій свое поприще, взялъ, наконецъ, на себя обязанность аракчеевскаго секретаря. За чаемъ пріѣхалъ кн. Долгоруковъ; предметомъ разговора были обрядъ крещенія новорожденной великой княжны, болѣзнь Столыпина, дѣла министерства финансовъ и проч.

9-го іюля. Хвалили Англію и практическій умъ англичанъ; дѣлались замѣчанія на книгу Сперанскаго о военныхъ поселеніяхъ; говорено объ образованіи народномъ и тутъ зашла рѣчь о поэтѣ-крестьянинѣ Слѣпушкинѣ. По этому поводу, Николай Михайловичъ высказалъ нѣкоторыя мысли: „нечего бояться, если мѣщане, купцы, крестьяне, пріобрѣтая высшія познанія, выходятъ изъ своего состоянія въ высшее. Зачѣмъ воспрещать имъ такой переходъ? Но должно ободрять равно всѣ классы народа. Торговля упадаетъ не отъ того, что купцы выходятъ въ дворяне, а отъ того, что она бываетъ стѣснена, что люди не находятъ въ ней для себя выгоды".

12-го іюля, воскресенье. Смотрѣлъ издали на церемонію по случаю крещенія новорожденной великой княжны Александры Николаевны. Ее везли изъ Александровскаго дворца въ Большой дворецъ, въ церковь, и потомъ обратно.

Тяжкая болѣзнь супруги моего министра заставила врачей требовать переѣзда ея въ городъ; съ нею долженъ былъ возвратиться въ городъ и Александръ Семеновичъ. Поэтому надлежало и мнѣ проститься съ Царскимъ Селомъ, чего очень не хотѣлось. Я зналъ, что такого удобства, такихъ пріятныхъ, хотя часто уединенныхъ прогулокъ, и подобныхъ наслажденій въ отборномъ обществѣ нашихъ лучшихъ отечественныхъ талантовъ, едва-ли когда-либо дождусь. Тяжело мнѣ было разставаться. Еще тяжелѣе было сердцу, что моя добрая хозяйка, супруга моего министра, со дня на день склонялась къ могилѣ въ лютыхъ страданіяхъ. А какъ она любила меня, какъ интересовалась всѣмъ тѣмъ, что до меня касалось. Съ участіемъ всегда распрашивала о моихъ прогулкахъ, обо всемъ, что меня занимало въ пріятныхъ бесѣдахъ. Со стороны бывали ей внушаемы невыгодныя понятія объ образѣ мыслей Карамзина, будто бы недовольно приверженнаго къ вѣрѣ, недовольно консервативнаго, словомъ, человѣка новыхъ, небезопасныхъ понятій, и я, какъ умѣлъ, защищалъ его отъ этихъ нападокъ, и она, хотя не всегда убѣждалась, но всегда была довольна моею преданностью тому, кто первый приняль въ моей судьбѣ участіе, кто меня поручилъ супругу ея, и доставилъ имъ обоимъ удовольствіе имѣть при себѣ человѣка, котораго такъ полюбили и удостоивали своей довѣренности. И это общее ко мнѣ благорасположеніе и довѣріе главныхъ вождей двухъ противныхъ между собою

Библиотека "Руниверс"

литературныхъ партій, разрозненныхъ между собою въ убѣжденіяхъ, но взаимно отдававшихъ другъ другу справедливость въ добротѣ сердца, составляло, можно сказать, вѣнецъ моего тогдашняго счастія. А почтенная Дарья Алексѣевна, уже близкая къ предѣлу жизни своей, не переставала удостоивать меня особеннаго вниманія и говорила: „скучно вамъ покидать Царское Село, не правда-ли? Понимаю. А мнѣ, кажется, скучно будетъ безъ васъ и тѣмъ тропинкамъ, по которымъ вы гуляли; всѣ эти кустики, деревья, каскады, скажутъ другъ другу: гдѣ тотъ, кто сидѣлъ подлѣ насъ, читалъ здѣсь книжку, думалъ, мечталъ, гдѣ онъ?“ Такъ занимательно выражала она сожалѣніе свое о томъ, что не могла доставить мнѣ возможность долѣе остаться въ Царскомъ Селѣ. Никогда не забуду этой истинно-доброй и благородной дамы. Помню, какъ она въ Свѣтлый праздникъ подарила мнѣ фарфоровое яйцо и, посмотрѣвъ на надпись, сказала: „смотрите, вотъ кстати здѣсь написано: aimez votre amie sans cesse. Оставляю вамъ это на память“. А я берегу его и теперь, и надпись всегда трогаетъ меня до слезъ. Сладостное чувство любви безкорыстной должно пережить нашу жизнь, должно жить въ вѣчности.

Переѣздъ въ городъ назначенъ былъ 14-го іюля. Наканунѣ я прощался съ семействомъ Карамзиныхъ. У нихъ была въ это время Елисавета Марковна Оленина съ дочерью. Долго ждалъ я Николая Михайловича. Онъ воротился отъ императрицы, гдѣ проводилъ вечеръ. Я принялъ его коммиссіи и простился, съ надеждою опять къ нимъ пріѣхать.

Въ это лѣто царскосельская дорога представляла то удобство, что была вся, для спокойной ѣзды, вымощена досками, положенными вдоль по дорогѣ, въ четыре ряда, называвшіеся колесопроводами: каждый экипажъ, держась правой стороны, ѣхалъ по двумъ колесопроводамъ. Гладкость дороги дѣлала ѣзду скорою и спокойною; но въ дождливую осень доски превратились въ щепы. Для сокращенія царскаго пути, отъ дворца проложено было чрезъ паркъ особое шоссе, по которому публику не пускали. Изъ уваженія къ страждущей супругѣ министра, дозволенъ былъ ему проѣздъ чрезъ этотъ паркъ.

Печально было шествіе наше. Остановились отдохнуть у Пулковой горы. Карета Дарьи Алексѣевны ѣхала впереди, слѣдуя за курьеромъ. За нею Александръ Семеновичъ со мною въ коляскѣ. Онъ былъ очень разстроенъ. Не доѣзжая города, встрѣтили императрицу Марію Ѳеодоровну. Еще горестнѣе была сцена, когда мы пріѣхали въ городъ, и когда больную встрѣчали и вели вверхъ по лѣстницѣ.

Въ слѣдующій день Александръ Семеновичъ жаловался на тяжесть головы. По желанію Дарьи Алексѣевны, читаю ей, по вече-

Библиотека "Руниверс"

рамъ, изъ Библіи книгу Іова и слово Массильйона о крестѣ. Еще и послѣ нѣсколько разъ она желала, чтобы я читалъ ей что-нибудь духовное.

22-го іюля, день св. Маріи Магдалины и тезоименитство императрицы Маріи Ѳеодоровны. Среди безчисленнаго множества стремившихся на петергофскій праздникъ, поѣхалъ и я туда на пароходѣ, и прежде всего поспѣшилъ отыскать домъ, по волѣ государя, отведенный Николаю Михайловичу неподалеку отъ заставы, черезъ которую тянулись толпы пѣшеходовъ и непрерывная цѣпь экипажей. За обѣдомъ у Николая Михайловича были Огаревы и Василій Тимоѳеевичъ Болотниковъ. Здѣсь Николай Михайловичъ разсказывалъ о своей трехдневной поѣздкѣ въ военныя поселенія, по настоятельному приглашенію государя, который желалъ этого вслѣдствіе откровенныхъ предъ нимъ замѣчаній Николая Михайловича о тяжкой участи поселянъ, подвергнутыхъ дѣйствію жестокой для нихъ системы поселеній. Много интереснаго было въ этомъ разсказѣ о томъ, что онъ видѣлъ. Аракчеевъ возилъ его вездѣ и все ему показывалъ самъ, былъ съ нимъ очень любезенъ и говорилъ, повидимому, очень откровенно.

— „Къ удивленію моему“, прибавилъ Николай Михайловичъ, „я не могъ не замѣтить, что графъ самъ былъ въ числѣ недовольныхъ“.

Въ августѣ, а можетъ быть и прежде, состоялось предположеніе, чтобъ императрица Елисавета Алексѣевна провела зиму въ Таганрогѣ для поправленія здоровья.

Николай Михайловичъ писалъ ко мнѣ, 7-го августа: „Сдѣлайте одолженіе, пришлите изъ моей библіотеки томъ Миллеровыхъ сочиненій: „Sammlung Russ. Geschichten“, или два, гдѣ упоминается о Таганрогѣ: справьтесь по оглавленію въ концѣ тома. Да въ Императорской Библіотекѣ загляните въ „Voyage de Pallas“, и выпишите мнѣ, что тамъ есть объ этомъ городѣ. Не говорится-ли о Таганрогѣ и въ другихъ путешествіяхъ нашихъ академиковъ екатерининскаго времени? Это поручаю вамъ сдѣлать для императрицы Елисаветы Алексѣевны“.

„Поклонитесь отъ меня въ библіотекѣ Александру Ивановичу Ермолаеву и посовѣтуйтесь съ нимъ, гдѣ найти подробности о Таганрогѣ.

„Что Дарья Алексѣевна?

„Мысленно васъ обнимаю“.

9-го августа министръ отправился въ Царское Село и взялъ меня съ собою. Тамъ, во дворцѣ, отведена ему квартира, бывшая графа Нессельроде, подлѣ князя А. Н. Голицына. Министръ былъ съ до-

Библиотека "Руниверс"

кладомъ у государя, а я, между тѣмъ, успѣлъ побывать у Николая Михайловича и получилъ отъ него новыя порученія относительно собиранія историческихъ свѣдѣній о Тагенрокѣ. Ночь провелъ въ квартирѣ министра.

На другой день Александръ Семеновичъ, гуляя со мною по саду, встрѣтилъ Николая Михайловича и говорилъ съ нимъ объ Одесскомъ лицеѣ. Мы возвратились въ Петербургъ.

19-го августа, Василій Тимоѳеевичъ Болотниковъ, подъѣхавъ къ дому министра, доставилъ мнѣ письмо Николая Михайловича:

„Усердно благодарю васъ за выписки о Тагенрокѣ. Не встрѣтится-ли еще что-нибудь?

„И васъ, думаю, просилъ добрый старикъ, В. Т. Болотниковъ, о своемъ зятѣ, начальникѣ отдѣленія, г. Какуринѣ, желая исходатайствовать ему квартирныя деньги для уравненія его въ выгодахъ службы съ другими. Александръ Семеновичъ, какъ мнѣ сказывали, обѣщалъ это сдѣлать. Нельзя-ли вамъ, отъ моего имени, попросить почтеннаго князя Шихматова, чтобы онъ напомнилъ о томъ и благосклонно содѣйствовалъ успѣху? Кажется, просьба справедлива. Будьте здоровы и любите вашего покорнаго Н. Карамзина“.

30-го августа, день столѣтія ордена св. Александра Невскаго, былъ послѣднимъ днемъ тезоименитства государя, собиравшагося въ путь.

1-го сентября, отъѣхавъ изъ города, онъ въ послѣдній разъ взглянулъ на свою столицу, и въ этотъ же день къ ночи кончились страданія Дарьи Алексѣевны (Шишковой), окруженной попеченіями и участіемъ родныхъ и знакомыхъ.

Еще Николай Михайловичъ писалъ во мнѣ: „Скажите слово о Дарьѣ Алексѣевнѣ. Да сдѣлайте одолженіе, изъявите мою искреннѣйшую благодарность почтенному князю Шихматову“; а потомъ: „Сію минуту получилъ ваше письмо. Сердечно сожалѣю о великой печали Александра Семеновича. Для страдалицы же лучше было скорѣе кончить; но безъ ужаса нельзя и вспомнить о такихъ мукахъ! Скажите мнѣ теперь слово о здоровьѣ Александра Семеновича“. И въ томъ же письмѣ: „Я все плохъ здоровьемъ; будьте вы здоровы. Вашъ вѣрный Н. Карамзинъ“.

Николай Михайловичъ еще нѣсколько разъ навѣдывался чрезъ меня объ Александрѣ Семеновичѣ.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 14-го сентября) онъ писалъ: „Каковъ въ своемъ здоровьѣ Александръ Семеновичъ? Дѣлю отъ всей души горе его, столь чувствительное. Будьте здоровы, а я все и такъ, и сякъ“.

Все это время я продолжалъ выписывать, по указанію Ермо-

Библиотека "Руниверс"

лаева, изъ разныхъ сочиненій все, касавшееся Тагенрока, и получилъ отъ Николая Михайловича письмо, отъ 21-го сентября:

„Усердно благодарю васъ, любезный Константинъ Степановичъ, за исполненіе моихъ порученій..... Прошу еще прислать мнѣ изъ моихъ книгъ томъ „Прибавленій къ дѣяніямъ Петра Великаго“, гдѣ описано сверженіе Шуйскаго и междуцарствіе, и „Жизнь Пожарскаго“, сочиненіе Малиновскаго, въ осьмушку и въ картонѣ. Каковъ въ своемъ здоровьѣ Александръ Семеновичъ? Мысленно васъ обнимаю“ и проч.

Въ октябрѣ (22-го числа) я ѣздилъ въ Царское Село съ Николаемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ. Пріѣхали туда около двухъ часовъ; въ ожиданіи возвращенія Николая Михайловича съ прогулки, бесѣдовали съ Екатериною Андреевною, и, между прочимъ, о варварствѣ поединковъ. Тогда всѣ говорили о дуэли Новосильцева съ Черновымъ, смертельной для обоихъ. Николай Михайловичъ возвратился къ обѣду. Онъ видимо поправился въ здоровьѣ. За столомъ говорилъ, что чувствуетъ себя гораздо лучше, аппетитъ хорошъ и голова свѣжа. Аксаковъ привезъ съ собою книги съ гравюрами, разсматриваніе которыхъ заняло всѣхъ. Стали говорить объ исторіи. Николай Михайловичъ пишетъ теперь 5-ю главу XII тома. (Никто изъ насъ и вообразить не могъ, что это будетъ послѣдняя глава и останется неконченною). За чаемъ рѣчь зашла о недавно вышедшемъ указѣ, воспрещавшемъ чинамъ вѣдомства военныхъ поселеній переходить куда-либо въ иную службу. Эта стѣснительная мѣра сильно оторчила Николая Михайловича, и онъ далъ мнѣ коммиссію достать экземпляръ указа и переслать къ нему.

30-го октября поѣздка Александра Семеновича въ Гатчину, куда онъ и меня взялъ съ собою. Остановились во дворцѣ, въ квартирѣ, отведенной Николаю Петровичу Новосильцеву. Послѣ чаю они оба ушли къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ на вечеръ.

На другой день я отправился искать почтовую станцію, чтобы отдать письмо на почту. Дальность разстоянія заставила меня на станціи присѣсть. Тутъ я узналъ, въ какіе слои общества залетаютъ сочиненія Николая Михайловича, и какимъ образомъ занимаютъ своихъ разнородныхъ читателей, особенно изъ простыхъ. Старый почталіонъ въ очкахъ читалъ вслухъ для себя сказку о „Прекрасной царевнѣ и счастливомъ карлѣ“, и часто останавливался и отъ всей души смѣялся, разумѣется, „надъ тѣмъ, что кажется смѣшно“. Но вотъ бѣда—онъ многаго не понималъ. Такъ, напримѣръ, читая о женихахъ прекрасной царевны, пріунывшихъ отъ полученнаго ими отказа, изъ которыхъ одинъ, призадумавшись, смотрѣлъ себѣ на

Библиотека "Руниверс"

носъ, подобно индѣйскому браминну, почталіонъ самъ призадумался и, наконецъ, рѣшился пояснить текстъ, прибавивъ отъ себя, т. е. индѣйскому пѣтуху. Послѣ обѣда я былъ у Николая Михайловича на другой половинѣ дворца. Застаю у него Жуковскаго, который пеняетъ мнѣ, зачѣмъ я и къ нему не зашелъ. Онъ приглашаетъ меня къ себѣ завтра утромъ на кофе. Опять съ особеннымъ удовольствіемъ можно было слышать изъ устъ Николая Михайловича, что онъ чувствуетъ себя въ лучшемъ состояніи здоровья и ясное къ тому доказательство— пріятность, которую онъ находитъ въ работѣ, какъ бывало и прежде; чувствуя сладость жизни, благодаритъ Бога за этотъ даръ; самъ любитъ перечитывать разныя мѣста своей „Исторіи", оцѣнивая, что и гдѣ хорошо; радуется, что совершилъ такой трудъ, и, исполнивъ по совѣсти свой долгъ, ни мало не заботится даже о судѣ потомства; что недавно писалъ къ Ив. Ив. Дмитріеву и выразилъ въ письмѣ чувства своей благодарности къ Богу de lui avoir imposé cette tâche si agréable. Въ этотъ вечеръ Николай Михайловичъ собирался идти читать императрицѣ отрывокъ изъ „Исторіи" своей, именно „Осаду Троицкой Лавры". Отсюда Жуковскій провелъ меня чрезъ множество коридоровъ и залъ, изъ которыхъ многіе вовсе не были освѣщены. Луна свѣтитъ въ нихъ чрезъ окна, но и сама иногда прячется за облака; вѣтеръ воетъ, и Василій Андреевичъ замѣчаетъ, что тутъ теперь что-то есть похожее на Радклифскіе замки. А для меня всего замѣчательнѣе то, что ведетъ меня творецъ страшныхъ балладъ. Возвратясь къ Александру Семеновичу, я увидѣлъ, что и онъ съ Новосильцевымъ собирается къ императрицѣ. Послѣ того слышалъ я, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ это описаніе осады, съ такою славою выдержанной обителью иноковъ. Тутъ, въ замѣчаніяхъ великаго князя Николая Павловича, особенно высказался его духъ самоотверженія за Россію; судьбы которой скоро должны были соединиться съ царствованіемъ того, о которомъ еще никто тогда не думалъ.

На другой день, 1-го ноября, рано утромъ, былъ я, по обѣщанію, у Жуковскаго, и за кофеемъ побесѣдовалъ съ нимъ о временахъ самозванцевъ и о многомъ иномъ, наконецъ, о Воейковѣ, за котораго просилъ Александра Семеновича и поручалъ мнѣ напоминать ему о немъ. Въ девять часовъ утра пустились мы съ Александромъ Семеновичемъ въ обратный путь; быстро летѣли по гладкой Гатчинской дорогѣ. Въ Царскомъ Селѣ пришлось подождать лошадей; дальше ѣхали тише, и всегда, когда мы проѣзжаемъ этою дорогою, на которой стоятъ гранитные верстовые столбы, Александръ Семеновичъ воспоминаетъ царствованіе Екатерины, о которомъ не можетъ говорить безъ восторга.

Библиотека "Руниверс"

Ожидая, что Карамзины въ скоромъ времени должны возвратиться изъ Царскаго Села, я часто посѣщалъ ихъ городскую квартиру и распоряжался по порученію Николая Михайловича, чтобъ все было готово къ его пріѣзду.

Карамзины пріѣхали въ воскресенье, 15-го ноября, въ третьемъ часу. Встрѣтивъ ихъ, я имѣлъ радость видѣть удовольствіе Николая Михайловича за все, что онъ нашелъ. „Здравствуйте, любезный нашъ полухозяинъ!“ сказалъ онъ мнѣ съ невыразимою ласкою и пригласилъ остаться обѣдать.

16-го ноября, я опять обѣдалъ у нихъ; тутъ были Н. Т. Аксаковъ, также племянникъ Николая Михайловича, Борисъ Александровичъ, и молодой Бобарыкинъ, артиллерійскій юнкеръ. Пили за здоровье Екатерины Андреевны; это — день ея рожденія.

Точно также спокойно и пріятно праздновали день ея ангела 24-го ноября. Вечеромъ были тамъ Жуковскій, Оленинъ, Аксаковъ и др.

Но это уже были послѣдніе безмятежные дни. Скоро стали тихо сообщать другъ другу грустное извѣстіе, что государь болѣнъ. Кто только зналъ его крѣпкое сложеніе и привычку къ физическимъ движеніямъ и всякой погодѣ, думалъ, что опасаться тутъ нечего; боялись болѣе за слабое здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны. Но 26-го числа уже пронесся слухъ, что государь болѣнъ тяжко и пріобщался св. таинъ. 27-го ноября назначено было молебствіе, всѣ важнѣйшіе чины были во дворцѣ и въ самое время молебствія получается роковая вѣсть о кончинѣ и, говорятъ, не было словъ выразить ужасное смятеніе всѣхъ, слезы и рыданія, которыми наполнилась церковь и дворецъ.

Вечеромъ иду къ Николаю Михайловичу; онъ и семейство его оплакиваютъ добраго государя и своего друга.

28-го ноября, всеобщая въ городѣ присяга на вѣрность новому императору Константину Павловичу. Я, съ прочими чиновниками нашего вѣдомства, исполнилъ этотъ долгъ въ адмиралтейской церкви, которая, за перестройкой исакіевскаго собора, замѣняла его въ нашемъ приходѣ.

29-го ноября, былъ въ казанскомъ соборѣ на большой панихидѣ. Печальная эктенія и пѣніе казались непонятными, невозможными — такъ трудно было привыкнуть къ мысли, что уже нѣтъ государя, имя котораго слышалось мною съ самаго младенчества. У Карамзиныхъ засталъ я Екатерину Ѳедоровну Муравьеву (еще неподозрѣвавшую, что ея сынъ окажется однимъ изъ главныхъ возмутителей). Николай Михайловичъ возвратился отъ великаго князя Николая Павловича. Послѣ обѣда пріѣхалъ сенаторъ Муравьевъ-Апостолъ (тоже недумав-

Библиотека "Руниверс"

шій, что и его сынъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ мятежа въ южной арміи).

30-го ноября, я писалъ къ родителямъ: „Дрожу за здоровье Николая Михайловича, на котораго нынѣшнее несчастіе очень можетъ сильно подѣйствовать".

Я самъ былъ нездоровъ и даже не могъ поздравить его, въ первый день декабря, съ днемъ его рожденія. Слышу, что Николай Михайловичъ ежедневно бываетъ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая находитъ отраду въ его задушевной бесѣдѣ.

Только на слѣдующій день, 2-го декабря, вмѣстѣ съ Аксаковымъ, я провелъ весь вечеръ у Карамзиныхъ. Неистощимымъ предметомъ разговора были обстоятельства болѣзни и кончины государя, чувства русскаго народа, всеобщая горесть, и то, что, несмотря на видимое отсутствіе въ столицѣ верховной власти, нѣтъ и признаковъ какого-либо безпорядка или замысла нарушить общественное спокойствіе. „Вотъ говорили, что у насъ таятся заговоры; молодежь заражена либерализмомъ; что все держится только государемъ, сильнымъ славою освободителя народовъ. Но вотъ и его уже нѣтъ; а все удивительно спокойно. Зачѣмъ было такъ клеветать?" Такія мысли приходили въ голову всѣмъ, кто не имѣлъ ни случая, ни способовъ проникнуть въ тайные планы невѣдомаго для публики общества. Въ такомъ спокойномъ духѣ находился и Николай Михайловичъ, какъ можно было удостовѣриться изъ собственныхъ словъ его, и тѣмъ неожиданнѣе, непонятнѣе, горестнѣе было разочарованіе вѣрныхъ подданныхъ и друзей общественнаго спокойствія и порядка.

Здѣсь кстати разсказать о предметѣ, касавшемся министерства народнаго просвѣщенія. Попечитель Казанскаго университета, Магницкій, искавшій всѣхъ случаевъ къ своему возвышенію и, повидимому, прочившій себя въ министры, вывелъ изъ терпѣнія кроткаго Александра Семеновича, который давно уже предлагалъ ему ѣхать въ Казань, гдѣ присутствіе его, какъ попечителя, было нужнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Не видя исполненія, онъ рѣшился переговорить объ этомъ съ графомъ Аракчеевымъ, а затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, отнесся къ нему письменно о необходимости внушенія Магницкому долга его. Тогда Магницкій принужденъ былъ уѣхать. Но осенью онъ возвратился безъ разрѣшенія, заѣхавъ прежде по пути въ Грузино, чтобы повидаться съ Аракчеевымъ, опечаленнымъ тогда смертію Настасьи, которая погибла отъ своихъ же людей за нестерпимую къ нимъ жестокость. Пользуясь такимъ удобнымъ случаемъ, Магницкій старался соболѣзнованіемъ своимъ войдти въ особенное расположеніе у графа, и успѣлъ столько, что потомъ и не сомнѣвался въ достиженіи [illegible]

Библиотека "Руниверс"

главной цѣли, за старостію и слабостію Александра Семеновича. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, представляя себя лицомъ довѣреннымъ всемогущаго тогда Аракчеева; уже не заботился о распоряженіи министра и только ждалъ возвращенія государя изъ Таганрога. 26-го ноября онъ былъ у Александра Семеновича, хвалясь пріемомъ графа, а 27-го ноября, какъ говорятъ, посѣтивъ одного изъ своихъ знакомыхъ, тотчасъ началъ разсказывать о пребываніи своемъ въ Грузинѣ и о предстоящей ему важнѣйшей дѣятельности въ министерствѣ. „Какъ", возразилъ знакомецъ, „вы и теперь это думаете, когда уже государя нѣтъ на свѣтѣ?" Эти слова поразили Магницкаго какъ громъ: онъ тотчасъ уѣхалъ. Когда же узналъ, что при дворѣ и вездѣ принесена присяга новому императору Константину Павловичу, то, обдумывая мѣры свои, былъ, по обычаю, очень неумѣренъ въ рѣчахъ, до такой степени, что великій князь Николай Павловичъ прислалъ (1-го декабря) къ А. С. Шишкову генералъ-губернатора, гр. Милорадовича, узнать о причинѣ пребыванія Магницкаго здѣсь; отвѣтъ былъ тотъ, что онъ пріѣхалъ безъ разрѣшенія и не даетъ министру отчета. Затѣмъ дано разрѣшеніе предложить ему безотговорочно ѣхать въ Казань. Тутъ онъ вздумалъ протестовать, написавъ жалобу государю, т. е. Константину Павловичу. Слышно было, что великій князь Николай Павловичъ, получивъ ее, велѣлъ сказать или объявить ему, что она въ самыхъ вѣрныхъ рукахъ, чтобы дойти ей до государя. Затѣмъ присланъ надежный полицейскій чиновникъ для сопровожденія его въ Казань. Только по выѣздѣ изъ столицы, онъ узналъ, что высочайшая воля отправила его, и остался тихо на мѣстѣ своего назначенія до прибытія въ Казань генерала Желтухина, который имѣлъ отъ государя порученіе обозрѣть состояніе университета и всѣ распоряженія попечителя. Желтухинъ возвратился съ отчетомъ въ Петербургъ къ 24-му января 1826 г.[1])

Въ публикѣ съ 1812 г. привыкли думать, что Магницкій былъ единомышленникомъ Сперанскаго, потому что вмѣстѣ съ нимъ былъ высланъ изъ столицы. Оттого и теперь, при случаѣ о нынѣшней высылкѣ Магницкаго, разнесся слухъ и о высылкѣ Сперанскаго. Одинъ изъ посѣтителей Николая Михайловича при мнѣ спрашивалъ его: „правда-ли, что и Сперанскій высланъ?" Николай Михайловичъ съ удивленіемъ отвѣчалъ: „Боже сохрани! Кто это выдумалъ? Напротивъ, те-

[1]) Въ 1826 г. Магницкій вновь безъ дозволенія пріѣхалъ въ Петербургъ. См. ниже, по этому поводу, двѣ подлинныя записочки императора Николая Павловича къ с.-петербургскому генералъ-губернатору, П. В. Голенищеву-Кутузову. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

перь-то онъ и нуженъ, когда государю необходимы способные и опытные люди".

6-го декабря, день святителя Николая. Я былъ у нашего незабвеннаго именинника послѣ обѣдни. Его еще не было дома. Между тѣмъ, при мнѣ пріѣзжали поздравить его графъ Комаровскій, Полетика, потомъ Александръ Михайловичъ Карамзинъ и Жуковскій. Наконецъ, пріѣхалъ и Николай Михайловичъ отъ Сперанскаго, послѣ дворца (уже гораздо позднѣе можно было узнать, что имъ обоимъ, хотя и не вмѣстѣ, поручалъ великій князь заняться манифестомъ). Послѣ обѣда опять былъ Иванъ Матвѣевичъ Муравьевъ-Апостолъ.

Прошло еще нѣсколько дней во всеобщемъ ожиданіи прибытія новаго императора изъ Варшавы. Тѣ государственные сановники, которые надѣялись, что онъ поведетъ дѣла строже, разрушивъ обманчивыя надежды людей, преданныхъ новымъ либеральнымъ системамъ, ожидали его съ нетерпѣніемъ. Но 13-го декабря два раза пріѣзжалъ къ Александру Семеновичу другъ его Николай Семеновичъ Мордвиновъ, съ лицомъ пасмурнымъ, оттого-ли, просто, что узналъ объ окончательномъ отреченіи Константина Павловича отъ трона, или, вѣроятнѣе, что до него дошли какъ-нибудь слухи о заговорѣ. Къ вечеру Александръ Семеновичъ получилъ повѣстку быть въ государственный совѣтъ и немедленно туда поѣхалъ, а возвратился въ два часа ночи. Утромъ, въ семь часовъ, онъ уже былъ въ сенатѣ, гдѣ читали манифестъ вступившаго на всероссійскій престолъ государя Николая Павловича. Въ десятомъ часу, въ департаментѣ у насъ, директоръ (Карташевскій) объявилъ тоже, прочитавъ привезенный изъ государственнаго совѣта печатный экземпляръ манифеста. Всѣ слушавшіе умилялись при воспоминаніи въ немъ прекрасныхъ свойствъ оплакиваемаго государя, при великодушномъ отреченіи старшаго его брата отъ короны и при изъясненіи императоромъ скромнаго желанія, да будетъ его царствованіе только продолженіемъ Александрова. Всѣ думали до новыхъ распоряженій спокойно заняться каждый своимъ дѣломъ, какъ вдругъ поразила всѣхъ вѣсть, что видѣли идущій, по Гороховой улицѣ, Московскій полкъ, отказавшійся присягать императору Николаю. Вслѣдъ затѣмъ приходитъ такое же извѣстіе и о нѣкоторыхъ другихъ полкахъ. Я иду сказать объ этомъ моему министру, уставшему отъ безсонницы. Посмотрѣвъ въ окно на улицу (Почтамтскую), вижу скачущаго, по направленію къ Исакіевской площади, верхомъ на конѣ, графа Милорадовича, въ полномъ блестящемъ парадѣ, обвѣшаннаго всѣми его безчисленными орденами; и могло-ли тутъ придти въ голову, что вижу его въ послѣдній разъ? Вѣсть за вѣстью приносилась къ Александру Семеновичу о томъ, что происходитъ на

Библиотека "Руниверс"

Петровской площади: увѣщаніе бунтовщиковъ, прибытіе артиллеріи, тяжкая рана Милорадовича, котораго отнесли въ конногвардейскій манежъ, пріѣздъ митрополитовъ и тщетныя ихъ усилія убѣдить непокорныхъ. Раздаются картечные выстрѣлы. Время клонится къ вечеру, и каждый новый выстрѣлъ освѣщаетъ огнемъ своимъ окрестныя зданія. Послѣ того слышно было, что мятежники разсѣялись, и что бѣдные, обманутые ими, солдаты бѣжали, кто по Галерной улицѣ, кто по мосту, на Васильевскій островъ, и старались гдѣ-нибудь скрыться. Горестны были эти страшныя минуты и даже никому не были понятны причины или обстоятельства этого дѣла. Только жители домовъ Исакіевской и Адмиралтейской площадей могли видѣть все происходившее, а собиравшіеся поближе подвергались опасности быть израненными или убитыми. Послѣднія извѣстія были, что мятежъ рѣшительно прекращенъ, и что въ церкви Зимняго дворца принесено о томъ колѣнопреклоненное благодарственное молебствіе. Все затихло; только ночью войска видны были на обѣихъ площадяхъ, какъ на бивуакахъ. Я ночую въ спальнѣ у министра; племянникъ его и три чиновника въ залѣ, на коврѣ.

15-го декабря, утромъ, узнали, что спокойствіе возстановлено совершенно; что мѣсто Милорадовича занялъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ; что государь самъ привелъ къ присягѣ солдатъ Гвардейскаго экипажа, также увлеченныхъ вчера къ мятежу. Въ церквахъ вездѣ присяга и молебствія всенародныя. Колокольный звонъ весь день.

16-го декабря. Обѣдалъ у Карамзина. Говоря о происшествіяхъ двухъ послѣднихъ дней, я узналъ, къ горести моей, что и мой добрый пріятель, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, былъ въ числѣ заговорщиковъ и съ оружіемъ въ рукахъ на Петровской площади, откуда бѣжалъ къ тетушкѣ своей, Ланской (супругѣ Василія Дмитріевича). Николай Михайловичъ сказывалъ о себѣ, что онъ третьяго дня подвергался опасности отъ неблагонамѣренныхъ людей, когда старался вразумлять простодушныхъ невѣждъ; сказывалъ также, что онъ видѣлъ государя распоряжавшагося съ бодростію и спокойствіемъ.

20-го декабря, было выставлено въ Казанскомъ соборѣ тѣло графа Милорадовича: туда стекались во множествѣ народъ и войска, всегда питавшіе великое уваженіе къ нему, сподвижнику Суворова. 21-го декабря послѣдовало его торжественное погребеніе въ Невскомъ.

Въ эти дни Николай Михайловичъ ежедневно бывалъ у императрицы и такъ часто у государя, что даже прошелъ слухъ, будто государь желаетъ поручить ему собственную свою канцелярію съ зва-

Библиотека "Руниверс"

нiсмъ статсъ-секретаря. Въ сущности, какъ я гораздо послѣ узналъ, государь желалъ употреблять его для бумагъ государственныхъ, но Николай Михайловичъ почелъ долгомъ отклонить отъ себя это предложеніе, какъ несогласное съ настоящими его занятіями исторіографа, и указалъ государю, вмѣсто себя, на двухъ особенно извѣстныхъ ему лицъ, владѣющихъ отечественнымъ языкомъ въ совершенствѣ и достойныхъ того, чтобы быть предъ народомъ изъяснителями монаршей мысли.

Скоро затѣмъ услышали, что въ статсъ-секретари при его величествѣ назначены Дм. Н. Блудовъ и Дм. В. Дашковъ.

24-го декабря, въ сочельникъ, предъ Рождествомъ, былъ Александръ Семеновичъ съ первымъ докладомъ у новаго императора.

Въ первый день праздника обѣдаю у Николая Михайловича. Разговоръ съ нимъ и съ Екатериною Андреевною касался бывшихъ происшествій и сегодняшнихъ милостей: князю Голицыну и графу Толстому — орденъ Андрея Первозваннаго; Орлову — графство; графу Комаровскому — орденъ Александра Невскаго, и т. д.

27-го декабря, опять докладъ министра государю. Лестный отзывъ его величества объ адмиралѣ Сенявинѣ усладилъ сердце Александра Семеновича и ободрилъ всѣхъ моряковъ.

1826 г.

Новый годъ встрѣченъ былъ мною въ простудѣ, и потому я былъ только у Александра Семеновича, и то полубольной. Онъ еще и 3-го января былъ съ докладомъ у государя.

Въ день Богоявленія я провелъ вечеръ у Карамзиныхъ; слушалъ Николая Михайловича, который до 12-ти часовъ бесѣдовалъ съ пріѣхавшимъ къ нему сенаторомъ Барановымъ. При прощаньѣ Николай Михайловичъ слегка упомянулъ мнѣ объ откровенности ихъ бесѣды, и я понялъ, что должно соблюсти скромность относительно того, что слышалъ. Впрочемъ, кажется, если-бы и напечатать всѣ слова Николая Михайловича, ничего бы нельзя было заключить, кромѣ того, что онъ имѣлъ глубокое, искреннее убѣжденіе въ превосходствѣ правленія монархическаго, которое въ рукахъ мудраго легче дѣлаетъ полезныя преобразованія и съ успѣхомъ подвигаетъ народъ къ лучшему состоянію. „Я—врагъ революцій“, сказалъ Карамзинъ, „но мирныя эволюціи необходимы. Онѣ всего возможнѣе въ правленіи монархическомъ“. Вотъ еще нѣкоторыя сужденія изъ числа множества высказанныхъ имъ: „Монархическое правленіе для успѣха своего требуетъ, чтобы государь былъ облегченъ во множествѣ текущихъ дѣлъ

Библиотека "Руниверс"

такъ, чтобы мысли его могли свободно устремляться на общіе и самые важнѣйшіе предметы государственнаго благоустройства".

10-го января, опять личный докладъ Александра Семеновича государю.

За обѣдомъ, 16-го января, замѣчаю, что Николай Михайловичъ нездоровъ и кашляетъ.

19-го января, читаю Александру Семеновичу „О Кириллѣ и Меѳодіи"— сочиненіе молодаго писателя, М. П. Погодина, пріѣзжавшаго въ истекшемъ мѣсяцѣ изъ Москвы и также представившаго это сочиненіе Карамзину, который о немъ отзывался съ особенною похвалою.

21-го января, былъ у Николая Михайловича директоръ департамента, Гр. Ив. Карташевскій, вслѣдствіе ходатайства Николая Михайловича за Б. М. Ѳедорова, служившаго тогда въ томъ же департаментѣ.

24-го января. Докладъ министра государю, причемъ были поднесены стихотворенія крестьянина Слѣпушкина, извѣстнаго, сверхъ того, отличными нравственными свойствами. Онъ пожалованъ кафтаномъ изъ кабинета, не заспѣсивился этимъ передъ своими односельцами Рыбацкой слободы, а, напротивъ того, обратилъ царскую милость въ средство благотворнаго вліянія на нихъ.

Я писалъ къ отцу 29-го января: „Нахожусь въ величайшемъ безпокойствѣ. Николай Михайловичъ занемогъ тяжело простудою. Да подкрѣпитъ его Всевышній!"

30-го января. Меня напугали извѣстіемъ объ увеличившейся опасности болѣзни Николая Михайловича. Послѣ обѣда ѣздилъ къ Карамзинымъ; вышла ко мнѣ Софья Николаевна, и говоритъ, что папенькѣ лучше.

1-го февраля, опять навѣдывался: онъ очень болѣнъ и худо провелъ ночь. Было воспаленіе въ легкихъ. Теперь кашель, но лихорадка не уменьшилась.

3-го февраля. Не могъ видѣть его. Только Софья Николаевна и Екатерина Николаевна объясняли мнѣ ходъ болѣзни.

7-го февраля. Былъ, и также не могъ его видѣть, а слышалъ, что ему легче. Карамзины получили отъ Александра Ивановича Тургенева извѣстіе изъ Лондона.

15-го февраля. Съ учрежденіемъ II-го Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Величества, назначено было ей помѣщеніе въ домѣ бывшей Коммиссіи составленія законовъ, на Литейной, въ которомъ находилась тогда временная квартира Александра Ивановича Тургенева, а теперь надлежало ее очистить, когда онъ въ Лондонѣ, а здѣсь, въ его квартирѣ, огромная его библіотека. Хлопочу о перенесеніи ея;

Библиотека "Руниверс"

обращаюсь къ пріятелю его, Константину Яковлевичу Булгакову; осматриваю мѣсто въ почтамтскомъ архивѣ, куда бы сложить ее. Ѣздилъ къ начальнику II-го отдѣленія, Балугіанскому. Жуковскаго не засталъ. Наконецъ заѣзжалъ къ Дмитрію Николаевичу Блудову (противъ Аничковскаго сада). Онъ обѣщаетъ поговорить съ банкиромъ Ливіо, нельзя-ли будетъ у него сложить библіотеку.

16-го и 17-го февраля. Укладываю библіотеку Тургенева. Ею наполнились 15 большихъ ящиковъ и 24 корзины, кромѣ 4-хъ шкафиковъ.

18-го февраля. Освободившись отъ этого труда, былъ у Карамзиныхъ. Самаго Николая Михайловича все еще не могъ видѣть.

21-го февраля. Екатерина Николаевна запискою увѣдомляетъ меня, что Николай Михайловичъ желаетъ меня видѣть.

22-го февраля. Другая записка отъ Софьи Николаевны, что его здоровье, кажется, по немногу улучшается. Онъ поручаетъ мнѣ съѣздить въ опекунскій совѣтъ съ вѣрющимъ его письмомъ, росписаться за него въ полученіи 9,800 руб., занятыхъ вѣрительницею его, прапорщицею Натальею Борисовною Карамзиною, подъ залогъ имѣнія Оренбургской губерніи, Бугурусланскаго уѣзда, въ деревнѣ Бестужевкѣ, и проситъ прислать эти деньги въ Бугурусланъ. Но вѣрющаго письма не приняли, потому что оно было написано не по формѣ.

Въ этотъ день я уже увидѣлъ Николая Михайловича самаго и нашелъ въ немъ большую перемѣну послѣ минувшихъ страданій. Надобно было написать новое вѣрющее письмо и явить въ 1-й департаментъ гражданской палаты. Николай Михайловичъ подписалъ его и поручилъ отвезти въ палату.

23-го февраля. Порученіе исполнено, послѣ чего видѣлъ нашего дорогаго больнаго и могъ немного поговорить съ нимъ. Онъ обращалъ вниманіе на упадокъ торговли отъ возрастающихъ до чрезвычайности безразсудныхъ спекуляцій.

27-го февраля, вечеромъ, у Николая Михайловича. Не могъ быть принятъ имъ; слышалъ, что ему хуже: лихорадочное состояніе и кашель не давали ему уснуть. Послѣ зашелъ туда и Жуковскій, сказывалъ, между прочимъ, о банкротствѣ Ливіо.

28-го февраля. Александръ Семеновичъ взялъ меня съ собою въ Царское Село и остановился, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, военнымъ министромъ А. И. Татищевымъ, во французской гостинницѣ, на Большой улицѣ. Они оба ушли во дворецъ, а я съ мезонина смотрѣлъ на печальную церемонію—везенія тѣла покойнаго императора; она возвѣщена пушечными выстрѣлами и колокольнымъ перезвономъ; издалека послышался печальный барабанный бой. Шествіе открылось

Библиотека "Руниверс"

полиціймейстеромъ съ жандармами; слѣдовали ямщики, цехи мѣщанъ, купцы, лицейскіе воспитанники и наставники, придворные служители, уѣздные чины, дворянскій предводитель и губернаторъ. Далѣе отрядъ лейбъ-гусаръ. Потомъ несеніе ордена и регалій; шли пѣвчіе, духовенство: здѣшнее—съ архіереемъ и таганрогское—съ священникомъ Ѳедотовымъ, который напутствовалъ государя Святыми Таинствами въ жизнь вѣчную. Несены кресты, хоругви; ѣхала колесница съ гробомъ, запряженная шестернею; правилъ кучеръ государя Илья. За гробомъ шли государь Николай Павловичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, принцъ Оранскій, герцогъ Виртембергскій и пр. За дорожною коляскою покойнаго императора слѣдовалъ весь полкъ лейбъ-гусаръ. Послѣ панихиды былъ и я въ дворцовой церкви, гдѣ поклонился гробу Благословеннаго, стоявшему на высокомъ катафалкѣ, осіянному свѣтомъ огней посреди траурныхъ стѣнъ церкви. Читали Евангеліе. На ступеняхъ катафалка генералы и флигель-адъютанты, по сторонамъ пажи, подпрапорщики и лицеисты.

1-го марта. Я вечеромъ у Николая Михайловича, но не могъ его видѣть. Здоровье его немного лучше. Все еще съ трудомъ переводитъ дыханіе и много кашляетъ, иногда съ кровью, причемъ замѣчается упадокъ духа или ипохондрія.

6-го марта. Послѣдовало ввезеніе тѣла императора въ столицу, прямо въ Казанскій соборъ.

9-го марта. Былъ у Николая Михайловича вечеромъ и видѣлъ его. У него былъ Д. Н. Блудовъ.

Николай Михайловичъ сказывалъ о полученной, отъ моего министра, бумагѣ относительно римскихъ буллъ къ литовскимъ митрополитамъ.

Наконецъ, 13-го марта, происходило погребеніе императора Александра Павловича. Я смотрѣлъ отъ Михайловскаго дворца и отъ Прачешнаго моста: видѣлъ издали, какъ траурная колесница подвигалась за рядами войскъ къ Инженерному замку. Продолженіе Садовой улицы, начиная отъ Итальянской и до Царицына луга, между садомъ Михайловскаго дворца и Инженернымъ замкомъ проектированное, по мысли покойнаго императора, было въ первый разъ открыто уже по его смерти для препровожденія тѣла его къ мѣсту земнаго упокоенія. Онъ, такъ сказать, обновилъ собою этотъ путь. Я вышелъ на набережную Невы, сталъ на скамью, гдѣ нашелъ и знакомыхъ своихъ. Отсюда мы глядѣли на Троицкій мостъ, покрытый шествіемъ. Нева была усѣяна бѣгущими къ мосту со всѣхъ сторонъ. Показалась на мосту и колесница. Народъ съ великимъ чувствомъ провожалъ взорами бренные останки любимаго государя. Меня растрогала одна пре-

Библиотека "Руниверс"

старѣлая женщина, которая, не обращая ни на кого вниманія, съ рыданіемъ возвысила изъ толпы голосъ: „Великіе Петръ и Павелъ, пріимите моего любезнѣйшаго государя!“ Когда колесница переѣхала мостъ, я отправился къ Зимнему дворцу; видѣлъ на Царицыномъ лугу расположенную кавалерію и артиллерію, по набережной дворцовой строятся полки пѣхотные, вокругъ дворца—Павловцы. Пока въ Петропавловскомъ соборѣ совершалась божественная служба, я перешелъ черезъ Неву къ биржѣ и смотрѣлъ оттуда, какъ, по данному изъ крѣпости сигналу ракетою, при опущеніи тѣла въ могилу загремѣли пальбою: пушечною—вся крѣпость, ружейною—вся набережная Адмиралтейской части. Густой снѣгъ валилъ на землю, когда войска и народъ стали расходиться.

15-го марта. Я узналъ о прибытіи изъ-за границы Александра Ивановича Тургенева.

19-го марта. Большой парадъ въ память вступленія войскъ въ Парижъ.

21-го марта. Я увидѣлъ, наконецъ, Александра Ивановича Тургенева у Карамзиныхъ. Николай Михайловичъ, слабый, сидѣлъ въ креслахъ, въ гостиной, мы—подлѣ него. Доложили о пріѣздѣ Сперанскаго. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ сѣлъ противъ его креселъ и сказалъ: „вы меня не видали и не получали отъ меня вопросовъ о здоровьѣ, но во все это время я самымъ вѣрнымъ образомъ слѣдовалъ за ходомъ вашей болѣзни, въ которой всѣ въ Россіи принимаютъ участіе. Славу Богу, что могу теперь васъ видѣть“. Тутъ начался живой разговоръ о работахъ, возложенныхъ государемъ на Михаила Михайловича, и объ учрежденіи особаго II Отдѣленія Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества. Николай Михайловичъ слушалъ его внимательно, одобрялъ сообщаемыя имъ предположенія и, наконецъ, сказалъ: „Вотъ это совершенно согласно съ моими давними убѣжденіями. Я всегда думалъ: какъ можно составлять законы, не зная всѣхъ тѣхъ, какіе уже были у насъ? Надобно прежде знать все свое, надобно собрать всѣ безъ исключенія законы и постановленія, какія у насъ состоялись, и потомъ уже отдѣлить изъ нихъ то, что дѣйствительно обязательно въ настоящее время; тогда составится на первый разъ сводъ существующаго“. Александръ Ивановичъ вызвалъ меня въ другую комнату, гдѣ собирались пить чай, и сказалъ, что надобно дать Николаю Михайловичу возможность откровенно переговорить съ Сперанскимъ объ употребленіи его, Тургенева, вѣроятно къ этому же дѣлу, потому что Александръ Ивановичъ уже и прежде былъ при Сперанскомъ въ Коммиссіи составленія законовъ. Къ чаю пріѣхалъ Николай Тимоѳеевичъ Аксаковъ.

Библиотека "Руниверс"

29-го марта. У Карамзиныхъ опять Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и еще Жуковскій и Дашковъ. Николай Михайловичъ не оставлялъ креселъ, сидя въ гостиной комнатѣ, а чай пьютъ безъ него въ столовой. Тутъ было довольно разговора о римской церкви, о значеніи юбилея и о вѣрѣ. Вышедши съ Жуковскимъ, я провожалъ его до Аничкова дворца.

5-го апрѣля, получивъ отъ Карамзиныхъ приглашеніе, провелъ у нихъ вечеръ. Видѣлъ тамъ Кочубея и Самарина. Николай Михайловичъ рѣшился послушаться врачей и собирается за границу, во Флоренцію. Съ этою цѣлью онъ поручаетъ мнѣ отдать напечатать въ Академическихъ Вѣдомостяхъ объявленіе о продажѣ его экипажей, лошадей и мебели, за отъѣздомъ. Онъ сказалъ мнѣ: „это вы будете оказывать мнѣ уже послѣднія и самыя безкорыстныя услуги, потому что я ѣду и, можетъ быть, уже не увижусь съ вами; но есть Богъ, который награждаетъ за все доброе". Не могли же эти слова не поразить меня до глубины души. Я благодарилъ моего благодѣтеля за то, что онъ въ такихъ обстоятельствахъ вспомнилъ меня и даетъ мнѣ возможность своими порученіями доказать ему чувства моей къ нему преданности. Тутъ вошла Екатерина Андреевна и спрашивала меня, чѣмъ я такъ разстроенъ. За чаемъ были Северинъ и Александръ Ивановичъ Тургеневъ; много говорили о Жуковскомъ et de son Auguste elève: il a de l'esprit et de la vivacité, et il est en même temps très sensible.

8-го апрѣля я отправился въ контору Академическихъ Вѣдомостей отдать объявленіе Николая Михайловича для припечатанія. Чиновникъ, принимавшій объявленія, отозвался, что онъ не можетъ напечатать выраженіе: доброѣзжая лошадь. Напрасно я говорилъ ему, что объявленіе писано собственноручно нашимъ исторіографомъ. „Какое мнѣ до этого дѣло", отвѣчалъ онъ. „Я знаю только то, что такого слова нѣтъ въ словарѣ Академическомъ".

Отъ Академіи переѣзжая Неву къ Дворцовой пристани, встрѣтилъ я доктора Риттиха. Онъ опечалилъ меня: „M-r Karamzin est étique et probablement il ne pourra pas faire son voyage".

9-го апрѣля. Николай Михайловичъ улыбнулся при моемъ разсказѣ о строгомъ грамотѣѣ конторы Академическихъ Вѣдомостей, и при этомъ замѣтилъ: „онъ вѣрно никогда не слыхалъ, что русскій народъ съ давнихъ временъ привыкъ говорить: добрый конь". У него былъ Ал. Ив. Тургеневъ; послѣ пріѣхалъ П. И. Полетика. „Я теперь могу ѣхать моремъ спокойно", объявилъ имъ Николай Михайловичъ. „Я получилъ отъ государя императора милостивое любезное письмо. Онъ изволитъ жаловать мнѣ фрегатъ для проѣзда", и далъ каждому

Библиотека "Руниверс"

изъ насъ прочесть это трогательное собственноручное письмо его величества. Стали говорить о достоинствѣ сочиненій. Незамѣтно перешли къ „Исторіи Государства Россійскаго“, и я слышалъ тутъ отзывы нѣкоторыхъ. Извѣстный Толстой, прозванный американцемъ, когда прочиталъ ее, сказалъ: „теперь узнаю, что у меня есть отечество“, а Пушкинъ выразился такъ о живости въ ней описанія событій: „C'est la gazette d'hier“. Довольно распространялись о мнѣніяхъ молодыхъ людей на счетъ самодержавія и о вольнодумствѣ, которое проходитъ съ лѣтами. Николай Михайловичъ вспомнилъ о чрезмѣрномъ вольнодумствѣ одного изъ близкихъ знакомыхъ въ молодости его, такъ что нѣкто почтенный мужъ, слушая его рѣчи, сказалъ ему: „jeune homme! tu m'étonnes par ta démence!“ Николай Михайловичъ два раза повторилъ это съ замѣтною пылкостью; „но“, прибавилъ онъ, „опытъ жизни взялъ свое“. Наконецъ заключилъ такъ: „вотъ предѣлъ моей метафизики: бытіе Божества для меня очевиднѣе собственнаго моего бытія. Скорѣе могъ бы я усомниться въ послѣднемъ. Хотя бы мое бытіе было одною мечтою, но и этого не могло бы быть безъ причины, а верховная причина всякаго бытія есть Богъ“.

13-го апрѣля, вечеромъ, я засталъ у Николая Михайловича—Блудовыхъ и А. И. Тургенева. Оставшись со мною наединѣ, онъ предложилъ мнѣ взять на память его медвѣжью шубу и прибавилъ: „Никогда не забуду вашихъ услугъ; развѣ умру“. Къ чаю пришелъ Жуковскій. Я просидѣлъ грустно и задумчиво, неучаствуя въ разговорѣ.

17-го апрѣля. Великая суббота. Былъ у Карамзиныхъ ввечеру, поздравилъ съ наступающимъ праздникомъ; но, по обстоятельствамъ моимъ, не могъ у нихъ остаться слушать домашнюю всенощную.

На второй день Пасхи (19-го апрѣля) Николай Михайловичъ говоритъ, что будетъ просить меня на все время его отсутствія изъ Россіи получать его пенсіонъ и давать паспорты его крѣпостнымъ людямъ. Онъ не перестаетъ принимать участіе въ нашей литературѣ и новыхъ ея произведеніяхъ. По поводу статьи Дашкова: „Объ Іерусалимѣ“, напечатанной въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты“, онъ очень хвалилъ слогъ его, но замѣчалъ и ошибки въ нѣкоторыхъ словахъ, напримѣръ, что Дашковъ пишетъ Іудовъ, вмѣсто Іудинъ. Когда же я сослался на славянскій переводъ Евангелія: „И ты, земле Іудова, ничимъ же меньше еси“ и проч., Николай Михайловичъ отвѣчалъ, что нельзя признавать грамматической точности въ славянскомъ переводѣ безусловно: „видимъ и въ другихъ мѣстахъ Библіи, въ однихъ и тѣхъ же словахъ, орѳографическія разности“.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней я получилъ отъ Николая Ми-

Библиотека "Руниверс"

хайловича, при посылкѣ мнѣ шубы, собственноручную его записочку, уже послѣднюю:

„Любезный Константинъ Степановичъ!

„Въ старину другъ другу давали съ плеча шубу; люблю старину, и прошу васъ въ слѣдующую зиму грѣться тѣмъ, что меня грѣло. Случай воспоминать обо мнѣ".[1])

24-го апрѣля 1826 г., утромъ, зоветъ меня къ себѣ министръ и объявляетъ, что я, по высочайшему повелѣнію, назначенъ въ секретную слѣдственную коммиссію о злоумышленныхъ обществахъ, для перевода польскихъ бумагъ, и завтра же долженъ явиться къ предсѣдателю коммиссіи, военному министру Татищеву. Принявъ это повелѣніе, я не выдержалъ, чтобы не сообщить о немъ Николаю Михайловичу, тѣмъ болѣе, что такая работа могла отнять у меня всѣ дни, остающіеся до отъѣзда его за границу.

— „Кто же васъ туда назначилъ?" спросилъ онъ.

— Не знаю, и догадаться не могу, отвѣчалъ я; и никто меня объ этомъ не предупредилъ.

Николай Михайловичъ сказалъ: „Это видно судьба ваша; заверните ко мнѣ послѣ и скажите, что̀ будетъ дальше".

Когда я представился Татищеву, онъ назначилъ мнѣ состоять при флигель-адъютантѣ Влад. Ѳед. Адлербергѣ. Въ коммиссіи познакомился я съ Александромъ Ивановичемъ Карасевскимъ, будущимъ моимъ добрымъ сослуживцемъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Здѣсь увидѣлъ я Дмитрія Николаевича Блудова. Проходя мимо, онъ привѣтствовалъ меня: „Очень радъ видѣть васъ". На это я отвѣчалъ: „Не знаю самъ, какъ я сюда попалъ".— „Въ этомъ пеняйте на меня", отвѣчалъ Дмитрій Николаевичъ; „это по моему указанію, въ полной увѣренности, что выборъ мой самый надежный". Я поблагодарилъ его за такое доброе вниманіе.

Но съ этихъ поръ я уже не могъ по прежнему навѣщать Николая Михайловича; исключая одни воскресные дни, во всѣ прочіе надлежало работать въ коммиссіи, съ 9-ти часовъ утра до 3-хъ пополудни и тотчасъ послѣ обѣда опять до полуночи.

Въ воскресенье, 2-го мая, я былъ у Николая Михайловича еще въ его квартирѣ, въ домѣ Межуева. Онъ съ участіемъ распрашивалъ меня о моихъ нынѣшнихъ занятіяхъ. „Я такъ и думалъ", сказалъ онъ, „что̀ Дмитрій Николаевичъ ввелъ васъ въ эту коммиссію,

[1]) Эту шубу К. С. Сербиновичъ свято сохранялъ всю свою жизнь. Послѣ его кончины, вдова покойнаго, Н. К. Сербиновичъ, передала эту шубу сыну исторіографа, сенатору В. Н. Карамзину.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ и онъ". Потомъ Николай Михайловичъ съ чувствомъ разсказывалъ, какъ у него была императрица Марія Ѳеодоровна, прощаясь передъ отъѣздомъ въ Москву, и какъ она нечаянно уронила перчатку и уже не хотѣла брать ее съ собою, примолвивъ: „оставляю ее вамъ на память обо мнѣ".

Далѣе Николай Михайловичъ говорилъ, какъ много ему приходитъ въ голову соображеній о политическихъ обстоятельствахъ времени, о задачѣ человѣческой жизни, объ упованіи на Промыслъ, многое, многое. Когда я сказалъ, почему бы не диктовать свои мысли другому? „Нѣтъ", отвѣчалъ онъ, „я къ этому не привыкъ, и не могу передавать свои мысли бумагѣ иначе, какъ съ перомъ въ рукѣ". Онъ опять благодарилъ меня за услуги и повторилъ: „Богъ наградитъ васъ, а ежели можно будетъ, то и я еще буду о васъ стараться".

Въ наступившую недѣлю перевезли Николая Михайловича въ Таврическій дворецъ.

Слѣдующее воскресенье, 9-го мая, нѣкогда первый день моей жизни, было теперь днемъ послѣдняго моего свиданія съ первымъ изъ моихъ благодѣтелей. Былъ я у него уже въ Таврическомъ. Погода стояла ясная и теплая. Николай Михайловичъ желалъ дышать чистымъ воздухомъ: ему поставили кресло въ саду. Онъ сидѣлъ въ тепломъ шлафрокѣ, на солнцѣ, и говорилъ мнѣ: „Люблю солнце, и грѣюсь; да оно меня что-то не очень жалуетъ: часто прячется за облака".

Невольно вспомнились мнѣ извѣстные стихи его: „Осень", въ которыхъ сказано и о веснѣ; теперь же была весна, теперь все въ природѣ оживало. И съ грустью повторилось въ памяти моей:

Вянетъ природа
Только на малое время.
Все оживится....

Смертный, ахъ! вянетъ на вѣки!

Старецъ весною
Чувствуетъ хладную зиму
Ветхія жизни...

Это было писано имъ, въ 1789 году, въ Женевѣ, гдѣ онъ тогда встрѣчалъ свой 24-й годъ. Нерѣдко эти строфы приходили мнѣ на память въ разное время; но никогда я не думалъ, чтобы они, наконецъ, обновились въ ней при закатѣ жизни автора.

Ему трудно было говорить. Онъ послалъ меня гулять по саду, наслаждаться ароматнымъ воздухомъ и видомъ свѣжей зелени. Много

Библиотека "Руниверс"

бы мнѣ хотѣлось еще высказать ему, чѣмъ душа моя была полна. Но уже нельзя было утруждать его. Однакожъ, онъ самъ еще съ живостью спросилъ меня: скоро-ли опять приду къ нему? Я отвѣчалъ: „непремѣнно буду опять въ воскресенье, потому что только по этимъ днямъ могу отлучаться изъ коммиссіи". Сосчитавъ дни, онъ сказалъ: „И такъ, не прежде восьми дней". Онъ, кажется, чувствовалъ, что уже больше не увидитъ меня.

Былъ я въ слѣдующее воскресенье, 16-го мая, но не входилъ къ нему, потому что онъ находился въ величайшей слабости. Мнѣ только сказывали, что онъ, на одрѣ этихъ страданій, порадованъ вниманіемъ государя, который обезпечилъ судьбу его семейства и въ милостивомъ, трогательномъ рескриптѣ, выразилъ ему чувства признательности за себя и за Россію.[1])

Въ четвергъ, 20-го мая, еще оторвался я отъ моихъ работъ къ нему, но также не могъ видѣть его, не смѣлъ войти въ ту комнату, гдѣ онъ лежалъ въ полузабытьи, въ томительной тоскѣ, и только слышалъ его трудное, прерывающееся дыханіе. Семейство въ горести и слезахъ.

Вышедши въ галерею, я увидѣлъ тамъ духовника его, протоіерея Скорбященской церкви, Воскресенскаго. Этотъ почтенный пастырь говорилъ мнѣ: „Я хорошо знаю его: онъ всегда думалъ о вѣчности, какъ истинный и глубоко-смиренный христіанинъ, всегда былъ въ такомъ духовномъ расположеніи, какого лучше и желать невозможно".

Послѣ самыхъ усиленныхъ, безотлагательныхъ занятій въ слѣдственной коммиссіи, въ субботу, 22-го мая 1826 г., я еще спѣшилъ узнать о безцѣнномъ нашемъ больномъ, но уже не засталъ его въ живыхъ. Это именно былъ день его кончины. Тамъ находился при семействѣ Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

Въ воскресенье, 23-го мая, я опять былъ въ Таврическомъ, чтобы молиться при гробѣ почившаго. Провожу время въ безотрадномъ его семействѣ. Кто, кромѣ Бога, можетъ укрѣпить погруженныхъ въ глубочайшую горесть? Екатерина Андреевна переноситъ ее съ великимъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; Софья Николаевна непрестанно заливается слезами; Екатерина Николаевна, увидѣвъ меня и посидѣвъ немного, точно по тайному внушенію, съ сердечнымъ участіемъ, сказала мнѣ: „подите, гуляйте по саду, дышите свѣжимъ воздухомъ; такъ папенька посылалъ васъ гулять для здоровья; и я васъ, име-

[1]) 13-го мая полученъ былъ этотъ рескриптъ; онъ сочиненъ В. А. Жуковскимъ, который скоро потомъ уѣхалъ за границу. К. С.

Библиотека "Руниверс"

немъ его, посылаю". Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а эти задушевныя слова, часто и часто приходя мнѣ на память, сохранились и уже забудутся развѣ съ моею жизнію.

24-го мая прибылъ изъ Москвы князь П. А. Вяземскій.

25-го мая, во вторникъ, назначено быть погребенію на новомъ кладбищѣ Александро-невской лавры, куда, въ Свято-Духову церковь, перевезены были смертные останки наканунѣ, вечеромъ. Отпѣваніе происходило въ той же церкви. Все, что въ Петербургѣ могло сочувствовать великому нашему писателю, красѣ и славѣ отечества, собралось отдать ему послѣдній долгъ. Литургію и отпѣваніе совершалъ греческій митрополитъ Макарій Суццо, довольно правильно дѣлавшій возглашенія на церковно-славянскомъ языкѣ. Инымъ казалось странно, что не отпѣваетъ его кіевскій митрополитъ Евгеній, извѣстный своими историческими трудами; другимъ, напротивъ того, было пріятно слышать въ этомъ священнодѣйствіи участіе греческой церкви въ молитвахъ за того, кто принималъ живѣйшее, душевное участіе въ судьбѣ несчастныхъ грековъ. Не могу вспомнить всѣхъ обстоятельствъ погребенія, но что касается до меня, очень помню, что когда опускали гробъ въ могилу, я стоялъ подлѣ князя Петра Андреевича и какъ при пѣніи „вѣчная память" горькія слезы полились изъ глазъ моихъ, Тургеневъ, увидѣвъ это, указалъ на меня князю, который тутъ же горячо поцѣловалъ меня. И этого я также не могу забыть, принявъ это за прощальное лобзаніе самаго, скрывшагося отъ глазъ моихъ, праведника.

30-го мая, въ воскресенье, по желанію Екатерины Андреевны, разбираю книги Николая Михайловича, которыя онъ думалъ взять съ собою за границу.

5-го, 9-го и 10-го іюня разбираю оставшіяся книги Н. М. Карамзина въ квартирѣ его, на Моховой, въ 7-ми ящикахъ; отобралъ всѣ оказавшіяся чужими и доставилъ ихъ Екатеринѣ Андреевнѣ.

13-го іюня, въ воскресенье, Екатерина Андреевна и все осиротѣвшее семейство отправляются въ Ревель. Съ ними ѣдетъ князь Петръ Андреевичъ.

А въ слѣдующій день, 14-го іюня 1826 г., послѣдовало ввезеніе въ столицу тѣла императрицы Елисаветы Алексѣевны.

2-го іюля окончились мои тяжкіе труды въ слѣдственной коммиссіи, ежедневно занимавшіе меня съ утра до полуночи, начавъ почти съ первыхъ дней Пасхи; такъ что, могу сказать, я почти и не видѣлъ лѣта.[1])

[1]) Утверждаютъ, что весь извѣстный докладъ слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ, въ первой его редакціи, принадлежитъ К. С. Сербиновичу

Библиотека "Руниверс"

11-го іюля я получилъ отъ Александра Ивановича трогательную записочку, съ препровожденіемъ чернильницы съ абажуромъ, которую всегда видѣлъ у него на письменномъ столѣ съ перваго дня, какъ поступилъ къ нему подъ начальство:

„Примите на память обо мнѣ сію чернильницу, которая иногда служила мнѣ. Вамъ будетъ служить она долѣе и съ бо̀льшею пользою для другихъ. Не забывайте искренно любящаго васъ, А. Тургенева".

11-го іюля 1826 г.

Вслѣдъ затѣмъ, я былъ командированъ въ Москву, гдѣ и находился около двухъ мѣсяцевъ при министрѣ народнаго просвѣщенія, во время пребыванія тамъ высочайшаго двора по случаю коронованія ихъ величествъ. Москва и Троицкая лавра, которыя я увидѣлъ въ первый разъ, живо напомнили мнѣ Карамзина. Въ воображеніи моемъ представилась и его московская жизнь, и исторія самой Москвы до описаннаго имъ смутнаго времени междуцарствія. Я старался, какъ могъ и сколько время позволяло, вездѣ искать слѣдовъ его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, или которыя очаровательно описалъ въ своихъ прогулкахъ и повѣстяхъ, или о которыхъ упоминаетъ въ своемъ безсмертномъ „Дѣописаніи".

1827—1829 гг.

По возвращеніи въ Петербургъ, открылась мнѣ — уже ожиданная мною — возможность посвятить священной памяти его все мое время, какое оставалось свободнымъ отъ службы. Карамзинъ, думая кончить уже за границею XII-й томъ „Исторіи", поручалъ Блудову заняться его изданіемъ въ Петербургѣ. Готовый исполнить его волю, Дмитрій Николаевичъ почелъ непремѣннымъ долгомъ своимъ исполнить ее хотя по его кончинѣ—издать XII-й томъ, хотя неоконченный, и въ этомъ дѣлѣ употребилъ меня въ помощь. Прежде всего потребовалось составить Примѣчанія, для которыхъ остались въ черновой рукописи одни лишь указанія на источники, откуда почерпнуты описанные факты. Пришлось мнѣ окружить себя всѣми матеріалами, какими окруженъ былъ Николай Михайловичъ въ послѣдніе дни своей дѣятельности. Пусть поставятъ себя на мое мѣсто и судятъ, что̀

и что Д. Н. Блудовъ исправилъ только мѣстами изложеніе и придалъ ему окончательную форму. Когда пишущій эти строки, спросилъ покойнаго г. Сербиновича объ этомъ обстоятельствѣ въ 1872 г., г. Сербиновичъ промолчалъ и перевелъ разговоръ на другой предметъ. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

долженъ я былъ чувствовать. Было нѣчто и глубоко-грустное, и тихосладостное въ обязанности моей — пересмотрѣть, разобрать, сообразить всѣ эти записки, ссылки, отмѣтки, начертанныя драгоцѣнною рукою незабвеннаго. Я видѣлъ себя какъ бы погруженнымъ въ его работу, въ тайникъ его приготовительныхъ трудовъ; видѣлъ, что мнѣ дано было завидное счастіе, если не всецѣло, то, по крайней мѣрѣ, въ отрывкахъ, слѣдить за порядкомъ созиданія великаго памятника, которымъ онъ почтилъ древнюю свою жизнь нашего отечества, хотя, конечно, ничто на свѣтѣ не можетъ дать настоящаго понятія о живомъ процессѣ умственной работы автора, совершаемой съ помощію всѣхъ силъ души его. Не такъ-ли и изслѣдователь дивнаго внутренняго человѣческаго организма напрасно мечталъ бы составить себѣ понятіе о дѣйствительной жизни этого земнаго, но иногда, по свойствамъ своимъ, ангелоподобнаго существа?

Я невольно смирялся, но мысль, что Карамзинъ меня любилъ и самъ занималъ при себѣ, одушевляла меня въ трудахъ, сердечно приносимыхъ въ дань ему же.

Сначала встрѣтились затрудненія и казались большими, но только казались. Все преодолѣно постепенно. Какъ же скоро я познакомился со всѣми источниками и изучилъ ихъ старинные почерки, мнѣ оставалось только заботиться о точности и полнотѣ выписокъ. Авторъ былъ свободенъ въ своемъ дѣлѣ, но я изъ осторожности полагалъ за лучшее дѣлать выписки, сколько можно подробнѣе.

Изготовленныя Примѣчанія были тщательно пересматриваемы Дмитріемъ Николаевичемъ, который, сличая ихъ содержаніе съ текстомъ, останавливался надъ всѣми подробностями. Будучи тогда статсъ-секретаремъ, товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, участвуя въ разныхъ высочайше учрежденныхъ комитетахъ и имѣя отъ государя безпрерывныя особыя порученія, онъ не имѣлъ никакой возможности спѣшить окончаніемъ пересмотра этихъ Примѣчаній. Къ лѣту 1828 г. пересмотръ былъ оконченъ. Печатаніе XII-го тома „Исторіи Государства Россійскаго“ началось осенью и продолжалось до слѣдующей весны (1829 г.).

Съ 1827 г. семейство мое переселилось ко мнѣ изъ Полоцка въ Петербургъ, и я имѣлъ несравненное наслажденіе всю корректуру этого XII-го тома прочитать съ моимъ милымъ батюшкою, изъ устъ котораго я, въ дѣтствѣ моемъ, въ первый разъ слышалъ имя Карамзина.

К. С. Сербиновичъ.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе. Вотъ нѣсколько данныхъ о служебной послѣдующей жизни автора этихъ «Воспоминаній»: за труды въ «Коммиссіи, учрежденной для изысканія о злоумышленныхъ обществахъ», Сербиновичъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени (25-го іюня 1826 г.). Въ томъ же году назначенъ цензоромъ Главнаго Цензурнаго Комитета; командированъ къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору для какого-то секретнаго слѣдствія въ с.-петербургской крѣпости, съ 17-го іюня по 15-го августа 1827 г. Вслѣдъ затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ къ гр. Чернышеву для перевода польскихъ бумагъ. Былъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія проекта Гельсингфорскаго университета; членомъ Коммиссіи для исправленія ошибокъ въ изданномъ статутѣ Литовскихъ законовъ (1828 г.); высочайше утвержденъ сторонним цензоромъ Петербургскаго Цензурнаго Комитета (1828—1830); былъ членомъ Комитета разсмотрѣнія римско-католическаго катихизиса для училищъ; членомъ Коммиссіи перевода на русскій языкъ статута литовскихъ законовъ. Съ 1833 по 1856 г. Сербиновичъ состоялъ редакторомъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ 1834 г. назначенъ членомъ Коммиссіи для изданія актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 14-го мая 1834 г., командированъ въ Кіевскую губернію, въ имѣніе генералъ-маіора Трощинскаго, для разбора и приведенія въ порядокъ государственныхъ бумагъ, оставшихся послѣ смерти д. т. с. Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго—1835 г., января 21-го; изъ этой командировки К. С. Сербиновичъ возвратился въ маѣ 1835 г.; въ томъ же году назначенъ членомъ Комитета для размѣщенія возвратившихся изъ Германіи русскихъ ученыхъ; въ октябрѣ 1836 г. опредѣленъ директоромъ Канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода, съ оставленіемъ при должности редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ томъ же году, по прошенію, уволенъ изъ Археографической Коммиссіи, причемъ за труды по этой Коммиссіи награжденъ Владиміромъ 3-й степени. Въ продолженіе долголѣтней службы своей при синодѣ, г. Сербиновичъ ознаменовалъ себя весьма важнымъ участіемъ въ дѣлѣ возсоединенія уніятовъ. Въ 1859 г., съ назначеніемъ членомъ Коммиссіи Прошеній, окончилась служба его при синодѣ. К. С. Сербиновичъ скончался, въ чинѣ тайнаго совѣтника, кавалеромъ Владиміра 2-й ст., Александра Невскаго и др. орденовъ, 18-го февраля 1874 г., въ Петербургѣ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ

въ 1823—1845 гг.

I.

Приводимыя ниже двѣ собственноручныя записки императора Николая Павловича обязательно сообщены мнѣ графомъ Ар. Ар. Голенищевымъ-Кутузовымъ, внукомъ Павла Васильевича, къ которому онѣ адресованы.

Павелъ Васильевичъ состоялъ при особѣ императора Николая, когда онъ еще великимъ княземъ совершалъ путешествіе за границу, и до конца жизни пользовался его расположеніемъ. Послѣ смерти Милорадовича, онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Петербурга. Состоя въ этой должности, онъ нерѣдко получалъ отъ государя записки, въ которыхъ сообщались различнаго рода распоряженія. Двѣ изъ нихъ относятся къ Магницкому. Чтобы вполнѣ опредѣлить ихъ значеніе, необходимо напомнить нѣкоторые факты изъ жизни попечителя казанскаго округа.

Еще въ 1823 г. Магницкій обратился къ министру народнаго просвѣщенія, князю Александру Николаевичу Голицыну, съ оффиціальною запискою, въ которой доказывалъ необходимость изъятія изъ учебнаго преподаванія нѣкоторыхъ наукъ, по его мнѣнію, вредныхъ для государства,—философіи, естественнаго права и новой исторіи. Эта записка разсматривалась въ главномъ правленіи училищъ въ теченіе всего 1824 года и къ окончательному обсужденію ея приступлено было только въ 1825 году, т. е. тогда, когда кн. Голицынъ оставилъ министерство и на его мѣсто былъ назначенъ адмиралъ Шишковъ. Эта перемѣна была началомъ паденія Магницкаго.

Что послужило окончательнымъ поводомъ къ назначенію ревизіи

Библиотека "Руниверс"

Казанскаго университета,— неизвѣстно. Знаемъ, что одно изъ первыхъ распоряженій императора Николая, по восшествіи на престолъ, состояло въ повелѣніи, данномъ въ началѣ 1826 г., генералу Желтухину, проживавшему въ Казани, подробно осмотрѣть университетъ; Магницкому же повелѣвалось оставаться въ Казани до окончанія производившагося надъ нимъ дѣла. Ревизія началась 8-го февраля 1826 г. и продолжалась цѣлый мѣсяцъ, такъ что въ половинѣ марта 1826 г. отчетъ Желтухина былъ представленъ министру.

Въ это-то время Магницкій, не подчиняясь распоряженію государя, поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы личнымъ ходатайствомъ отклонить ударъ, обрушавшійся на него. Къ этому времени относятся и записки императора Николая.

1.

„Я слышалъ, будто бы Магницкій сюда прибылъ; я щитаю весьма нужнымъ велеть за нимъ близко присматривать; за нимъ должно что-нибудь крыться, и вѣрно, по крайней мѣрѣ, ничего полѣзнаго".

2.

„Прошу васъ, любезный Павелъ Васильевичь, приказать Магницкому явиться къ генералу Бенкендорфу, пусть онъ ему вретъ, что хочетъ, а мнѣ самому нѣтъ время съ нимъ говорить.

„Еслибъ сегодня онъ не упѣлъ кончить, то можно его до завтра оставить подъ надзоромъ".

Какъ извѣстно, Магницкій ничего не достигъ въ Петербургѣ и былъ высланъ.

Сообщ. **В. Ѳ. Кеневичъ.**

II.

Магницкій былъ высланъ въ Ревель въ 1826 г., при восшествіи на престолъ императора Николая. Здѣсь Магницкій принялъ живое участіе въ изданіи журнала, называемаго „Радуга", редакторомъ котораго былъ кандидатъ Московскаго университета, Андрей Ивановичъ Бюргенъ; онъ же и учитель, кажется, русскаго языка въ гимназіи. Журналъ этотъ былъ посылаемъ въ училищныя библіотеки, но въ Ревелѣ не водворилъ русскаго языкознанія.

Въ 1834 году, служившій въ гвардейской кавалеріи сынъ Михаила Леонтьевича, Михаилъ Михайловичъ, переведенный изъ гвардіи въ армію, за участіе въ какой-то дуэли, былъ принятъ начальникомъ поселенной резервной кавалеріи, графомъ Пв. Іос. Виттомъ, адъю-

Библиотека "Руниверс"

танѣомъ; послѣ извѣстнаго Вознесенскаго смотра въ 1837 г., сынъ упросилъ гр. Витта, исходатайствовать чрезъ гр. Воронцова, дозволеніе переселиться его отцу въ Одессу, для совмѣстнаго житья. Ходатайство гр. Воронцова было уважено, и старикъ Магницкій, въ признательность за переводъ на югъ, посвятилъ графу изданную имъ въ 1835 году книжку: „Краткое руководство для дѣловой и государственной словесности". Сблизясь съ А. С. Стурдзою и съ сестрою Р. С., графинею Эдлингъ, въ ея домѣ, онъ познакомился съ гр. Виттомъ, Л. А. Нарышкинымъ, А. П. Лачиновымъ и мало по малу присталъ къ оппозиціоннымъ мнѣніямъ этого круга. Говорятъ, что онъ и чиновникъ одесскаго военнаго губернатора, М. И. Топильскій, составили годичный рапортъ по управленію одесскимъ градоначальствомъ за 1839 г. въ такихъ чертахъ, что онъ возбудилъ дѣятельность комитета министровъ, кончившуюся переселеніемъ всегда увлекающагося Магницкаго въ Херсонъ. Скромное и сдержанное пребываніе въ тихомъ городѣ, обратили вниманіе графа Воронцова, который, во уваженіе хилаго здоровья Магницкаго, исходатайствовалъ ему у государя императора возвращеніе снова въ Одессу. Это было вскорѣ послѣ выѣзда графа намѣстникомъ на Кавказъ, въ 1845 г. Во второе пребываніе, Магницкій, кромѣ Стурдзы, сблизился съ А. И. Маіоровымъ (правильнѣе Маіóровымъ; дѣдъ его изъ лейбъ-кампанцевъ 1741 г.), слывшимъ за сильнаго математика и химика, чего на дѣлѣ не являлось. По знакомству, начатому, въ 1812 г., въ Вологдѣ съ тамошнимъ архимандритомъ, Гавріиломъ (Розановымъ), впослѣдствіи архіепископомъ херсонскимъ, Магницкій сдѣлался его посѣтителемъ и почитателемъ, несмотря на то, что добрый пастырь иногда сдерживалъ его въ увлеченіяхъ. Жена Магницкаго, яростная католичка, не любившая невѣстку — православную; нужда и старость тревожная уложили, наконецъ, въ могилу набожнаго человѣка. Архіепископъ и одесскій губернаторъ проводили гробъ Михаила Леонтьевича до могилы на городскомъ кладбищѣ при малочисленныхъ прежнихъ знакомыхъ. Стурдза почтилъ память Магницкаго теплыми и отчасти восторженными похвалами.[1])

Одесса.

Сообщ. **Н. Н. Мурзакевичъ.**

[1]) Эта замѣтка исправляетъ неточность, вкравшуюся въ «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. IX, стр. 607.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

въ Персіи и на Кавказѣ.

1818—1828.

Пребыванію въ Персіи и служенію на Кавказѣ, въ одну изъ самыхъ героическихъ эпохъ нашего владычества въ этомъ краѣ, А. С. Грибоѣдовъ, безъ сомнѣнія, посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Взявъ этотъ именно періодъ его дѣятельности предметомъ настоящей статьи, я начну съ того, что разсказъ мой далеко не представитъ той полноты, какой читатель, судя по выставленному заглавію, былъ бы вправѣ отъ него требовать; онъ имѣетъ цѣлью не болѣе какъ сообщеніе лишь нѣкоторыхъ свѣдѣній объ Александрѣ Сергѣевичѣ, въ дополненіе къ тѣмъ матеріаламъ, изъ которыхъ, рано или поздно, должна создаться полная, достойная его, біографія.[1])

Источниками при составленіи настоящей статьи мнѣ служили, какъ офиціальные документы, такъ и устныя сообщенія, равно письма Карла Ѳедоровича Аделунга—одной изъ жертвъ извѣстной тегеранской катастрофы. [2]) Письма эти, числомъ 20, обяза-

---

[1]) См. «Русскую Старину»: «Воспоминанія о Грибоѣдовѣ» П. Каратыгина; т. V, 423—430; изслѣдованіе объ убіеніи Грибоѣдова, состав. А. П. Берже, т. VI, 163—207; донесеніе Грибоѣдова о поѣздкѣ въ Персидскій лагерь въ 1827 г., т. VII. 799—814; біографическій очеркъ по подлиннымъ письмамъ Грибоѣдова, т. X. 152 - 275 и проч. Ред.

[2]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь письмо Ивана Сергѣевича Мальцова къ отцу Аделунга, сообщающее объ убіеніи послѣдняго:

Monsieur. Je viens de recevoir la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'adresser en date du 23 avril dernier. Vous voulez que je Vous parle de mon malheureux compagnon de service, Vous voulez que je vienne rouvrir une plaie

Библиотека "Руниверс"

тельно сообщенныя мнѣ Н. П. Кеппеномъ, племянникомъ убитаго, писаны между 6-мъ іюня и 1-мъ декабря 1828 года и заключаютъ въ себѣ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о путешествіи Александра Сергѣевича въ Персію, въ качествѣ полномочнаго министра при тамошнемъ дворѣ.

I.

А. С. Грибоѣдовъ, оставивъ военную службу, опредѣлился, какъ извѣстно, въ 1817 году, съ чиномъ губернскаго секретаря, въ иностранную коллегію, гдѣ получилъ должность переводчика.

---

que le temps n'a pu encore guérir: je Vous obéis, quoique avec le sentiment de la plus profonde douleur je vais rappeler des souvenirs qui déchirent mon cœur.

M-r Charles Adelung Vous a adressé des lettres 4 à 5 jours avant son départ pour Téhéran; il a fait depuis le voyage avec nous, et etait à la veille de son retour à Tauris, lorsque la catastrophe la plus horrible Vous a pour toujours privé d'un fils infortuné. C'est en vain que j'ai cherché à me procurer des notions sur son trépas; tout ce que j'ai pu apprendre, c'est qu'il avait cherché un refuge dans le bain de notre hôtel et qu'il y avait été poignardé. Ses effets ainsi que ses papiers, tout a été compris dans le pillage de notre maison.

J'ai accompli, Monsieur, la tâche que Vous m'avez imposée. Vous ne sauriez croire combien il m'a été pénible de Vous entretenir sur un sujet aussi affreux, mais peut-être le cœur d'un père trouvera-t-il de la consolation à voir sa douleur partagée.

Agréez, Monsieur, l'assurance etc.

Tiflis, le 15 mai 1829.

(Переводъ). «Я только что имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 23-го прошлаго апрѣля (1829 г.) Вы хотите, чтобы я сообщилъ вамъ о моемъ несчастномъ сослуживцѣ; чтобы я снова раскрылъ рану, которую время еще не успѣло залечить. Я исполняю волю вашу, хотя съ чувствомъ глубокой скорби обращаюсь къ воспоминаніямъ, раздирающимъ мое сердце.

«Карлъ Аделунгъ писалъ къ вамъ за 4 или за 5 дней до выѣзда въ Тегеранъ. Совершивъ это путешествіе вмѣстѣ съ нами, онъ былъ уже готовъ возвратиться въ Тавризъ, какъ ужаснѣйшая катастрофа навсегда лишила васъ злополучнаго сына. Я тщетно старался добыть какія-либо подробности о его смерти; все, что мною узнато, заключается въ томъ, что онъ искалъ спасенія въ банѣ, при посольскомъ домѣ, гдѣ и палъ подъ ударами кинжаловъ. Вещи его, а равно бумаги, все было похищено при разграбленіи нашего дома.

«Я исполнилъ ваше требованіе. Вы не повѣрите, какъ мнѣ было тяжело говорить съ вами о столь ужасномъ предметѣ; но, быть можетъ, родительское сердце найдетъ нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что и другіе раздѣляютъ его горе».

Тифлисъ, 15-го мая 1829 года.

Библиотека "Руниверс"

Званіе это онъ сохранилъ, впрочемъ, ненадолго, такъ какъ около половины 1818 года былъ опредѣленъ секретаремъ при С. И. Мазаровичѣ, тогда же назначенномъ повѣреннымъ въ дѣлахъ нашихъ въ Персіи. Кромѣ Грибоѣдова, къ составу миссіи былъ причисленъ и актуаріусъ Амбургеръ. Первое извѣстіе о назначеніи миссіи было получено генераломъ А. П. Ермоловымъ отъ графа Нессельроде, который, въ отношеніи отъ 16-го іюля 1818 г., между прочимъ, писалъ:

«Кромѣ сихъ чиновниковъ, назначено быть при означенномъ постѣ переводчику для языковъ восточныхъ. Хотя таковаго, по мнѣнію Мазаровича, можно найти и въ Грузіи, но онъ предпочтительно желалъ бы, чтобы оный выписанъ былъ изъ Константинополя, для того, что съ познаніемъ восточныхъ языковъ такой переводчикъ соединялъ бы знаніе европейскихъ,—и вообще имѣлъ бы болѣе свѣдѣній, которыхъ въ жителяхъ Грузіи предполагать нельзя. Сверхъ сего, Мазаровичъ считаетъ необходимымъ имѣть двухъ довѣренныхъ людей изъ грузинъ или армянъ, изъ коихъ одинъ находился бы при наслѣдникѣ персидскаго престола въ то время, когда повѣренному въ дѣлахъ нужно будетъ имѣть пребываніе при шахѣ; другой—долженъ основать свое пребываніе въ Буширѣ или Ширазѣ. Первый—будетъ ему сообщать свѣдѣнія обо всемъ, что принадлежитъ до политической части; посредствомъ втораго—можетъ онъ получать извѣстія о торговыхъ оборотахъ и вообще о поступкахъ, намѣреніяхъ и видахъ англичанъ, которые въ Буширѣ, яко въ средоточіи всей персидской торговли, имѣютъ свои факторіи.

«Его императорское величество, одобривъ сіи предположенія, высочайше повелѣть соизволилъ: избраніе переводчика и двухъ довѣренныхъ людей, равнымъ образомъ и назначеніе имъ приличнаго жалованья, предоставить вашему высокопревосходительству съ тѣмъ, чтобы вы, какъ нынѣ, такъ и впредь, изволили дѣлать нужныя по сему предмету распоряженія по сношенію съ Мазаровичемъ».

Документъ этотъ не лишенъ интереса: благодаря ему, мы знакомимся съ людьми, среди которыхъ приходилось жить Грибоѣдову, а равно и тѣми отношеніями, которыя установились между нашею миссіею и главноуправляющимъ въ Грузіи.

Съ прибытіемъ въ Персію, миссія наша, послѣ недолгаго пре-

Библиотека "Руниверс"

бываніи въ Тегеранѣ, основалась въ Тавризѣ, — резиденціи наслѣдника престола Аббас-мирзы, руководившаго внѣшнею политикою государства, мало озабочивавшею его родителя Фетх-Алишаха, который среди своего обширнаго гарема, такъ сказать, утопалъ въ самыхъ изысканныхъ чувственныхъ наслажденіяхъ, поглощавшихъ весь досугъ, все существо владыки Ирана—«средоточія вселенной».

Живя въ Тавризѣ, Александръ Сергѣевичъ всецѣло отдался службѣ и изученію персидскаго языка, на которомъ впослѣдствіи объяснялся довольно свободно. Знаніемъ же его въ совершенствѣ онъ никогда похвалиться не могъ, и если противоположное мнѣніе успѣло утвердиться въ Россіи, то оно при зрѣломъ обсужденіи не выдерживаетъ критики. Для основательнаго, всесторонняго знакомства съ языкомъ, какъ извѣстно, требуется, кромѣ умѣнья говорить, и полное фундаментальное изученіе его по твореніямъ народныхъ поэтовъ и писателей; другими словами, требуется ни болѣе, ни менѣе какъ знаніе персидской литературы, а для достиженія такого знанія любому европейцу пришлось бы посвятить несравненно бо́льшее число лѣтъ, чѣмъ это удалось Грибоѣдову.

Коснувшись этого предмета съ исключительною цѣлью возстановленія истины, безъ всякихъ прикрасъ, скажемъ, что въ отношеніи изученія нравовъ и характера народа, Александръ Сергѣевичъ ушелъ гораздо далѣе и рѣдко ошибался. Успѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, расположить къ себѣ персіянъ, онъ пользовался и особеннымъ благоволеніемъ Аббас-мирзы, хотя послѣдній подъчасъ и допускалъ дерзкое съ нимъ обращеніе, которое Грибоѣдовъ, однакоже, всегда умѣлъ сдерживать въ должныхъ границахъ. Такой случай вышелъ, напримѣръ, при взаимныхъ объясненіяхъ ихъ по дѣлу о возвращеніи нашихъ плѣнныхъ и бѣглыхъ солдатъ, въ которомъ Грибоѣдовъ принималъ, можно сказать, горячее участіе. Вотъ что по этому поводу Алексѣй Петровичъ Ермоловъ писалъ къ Мазаровичу отъ 11-го ноября 1819 г.:

«Секретарь миссіи, Грибоѣдовъ, подробно объяснилъ мнѣ, какихъ стоило вамъ затрудненій возвратить въ отечество взятыхъ въ плѣнъ и бѣглыхъ солдатъ нашихъ, и я, обязанъ будучи благодарить за освобожденіе ихъ, долженъ съ особеннымъ уваженіемъ обратиться къ твердости вашей, которою заставили вы пер-

Библиотека "Руниверс"

сидское правительство склониться на справедливое требованіе ваше. Въ странѣ, гдѣ отправляете вы столько трудную должность, изъ многихъ обстоятельствъ вижу я, что не всегда выгодно имѣть право на своей сторонѣ, и что достоинство, которое придаете вы дѣйствіямъ вашимъ, рѣшаетъ въ пользу вашу.

«Могу увѣрить васъ, что люди, обязанные свободою великодушнымъ усиліямъ вашимъ, по данному вами имъ обѣщанію, воспользуются не только прощеніемъ, но и пріемомъ благосклоннымъ, въ разсужденіи чего еще до прибытія ихъ въ Грузію сдѣлано мною распоряженіе и выдано денежное вспомоществованіе.

«При семъ случаѣ пріятно мнѣ замѣтить попеченіе Грибоѣдова о возвратившихся солдатахъ, и не могу отказать ему справедливой похвалы въ исполненіи возложеннаго вами на него порученія, гдѣ благороднымъ поведеніемъ своимъ вызвалъ неблаговоленіе Аббас-мирзы и даже грубости, въ которыхъ не менѣе благородно остановилъ его, давъ ему уразумѣть достоинство русскаго чиновника».

II.

Коварная политика, которой Персія продолжала держаться въ отношеніи насъ, и покровительство, оказываемое ею враждебнымъ намъ бѣглымъ ханамъ Дагестана и нашихъ закавказскихъ владѣній, въ связи съ нескончаемыми заботами по разнымъ вопросамъ, остававшимся нерѣшенными со времени заключенія Гюлистанскаго трактата (1813 г.), ставили миссію нашу въ положеніе далеко не завидное. Дѣла было много, и Грибоѣдову некогда было думать о занятіяхъ внѣслужебныхъ, а тѣмъ еще менѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда Мазаровичъ отлучался изъ Тавриза и Александръ Сергѣевичъ оставался одинъ лицомъ къ лицу съ Аббас-мирзою и окружающими его вельможами, мало намъ доброжелательными. Несмотря, однакоже, на все это, дѣятельность молодаго секретаря нашей миссіи, если и не всегда достигавшая цѣли, отличалась тѣмъ благоразуміемъ и тактомъ, которые не могли не вызывать полнаго одобренія со стороны Ермолова. Высказываясь нерѣдко въ этомъ смыслѣ въ своей перепискѣ съ нимъ, Алексѣй Петровичъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ и свой взглядъ на тотъ образъ дѣйствія, какого мы должны были

Библиотека "Руниверс"

держаться въ сношеніяхъ нашихъ съ Персіей Обращикомъ подобнаго взгляда, а также краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ мнѣнія Ермолова объ измѣнившихъ намъ и передавшихся персіянамъ ханахъ и поведеніи относительно насъ самого Аббас-мирзы, можетъ служить слѣдующее его письмо къ Грибоѣдову, помѣченное 29-мъ сентября 1820 года:

«Депешою отъ 18-го (30-го) сентября, вы сообщили мнѣ много полезныхъ извѣстій. Мнѣ столько же пріятно уважать дѣятельность вашу по службѣ, какъ и благоразуміе, которымъ вы оную сопровождаете. Благодаря васъ, я нахожу нужнымъ объясниться по нѣкоторымъ предметамъ.

«Сурхай-ханъ, [1]) Мустафа-ханъ [2]) и прочая каналья, благосклонно принимаемая наслѣдникомъ, точно должна заставить его стыдиться по крайней мѣрѣ заблужденія своего, что такъ долго она почитаема была вредною Россіи. Къ подобнымъ неприличнымъ поступкамъ, вы, какъ ближайшій оныхъ свидѣтель, должны были сдѣлать привычку; во мнѣ производятъ они негодованіе, но вскорѣ и я буду умѣть презирать ихъ.

«Если вся сія бѣглецовъ сволочь будетъ выставлять опасности, которыя она преодолѣла, чтобы предать себя въ великодушное покровительство наслѣдника, увѣрьте сего послѣдняго, что никто не останавливалъ ихъ и что, напротивъ, я надѣюсь умножить число взыскующихъ его благодѣянія. Недавно съ неудовольствіемъ отозвался я къ одному изъ начальниковъ, что Ших-Али-хану, [3]) уже при самой Курѣ бывшему, воспрепятствовалъ побѣгъ въ Персію, что впредь не будетъ дѣлаемо съ намѣреніемъ. Нигдѣ съ большимъ приличіемъ не можетъ бѣглецъ сей быть принятъ, какъ при лицѣ наслѣдника, который, называя его слугою Ирана, себя обязаннымъ почитаетъ вспомоществовать ему. Письмо мое

[1]) Сурхай-ханъ хамбутай Казикумухскій, человѣкъ самый коварный. Онъ пользовался въ Дагестанѣ особеннымъ уваженіемъ, благодаря древнему происхожденію своего рода и не переставалъ возмущать лезгинъ, участвуя во всѣхъ враждебныхъ ихъ предпріятіяхъ противъ насъ. Послѣ разбитія его княземъ Мадатовымъ, 12-го іюня 1820 года, около Хозрека, онъ спустя мѣсяцъ бѣжалъ въ Персію. А. В.

[2]) Мустафа-ханъ Ширванскій. Онъ бѣжалъ, въ августѣ 1820 года, въ Персію, куда за нимъ послѣдовалъ, въ ноябрѣ 1822 года, и Мехти-Кули-ханъ Карабагскій. Въ обоихъ ханствахъ тогда же было введено русское управленіе. А. В.

[3]) Ших-Али-ханъ Дербентскій и Кубинскій. А. В.

Библиотека "Руниверс"

къ его высочеству, чрезъ мирзу Максуда посланное и въ копіи у сего препровождаемое, покажетъ вамъ отзывъ мой на счетъ онаго. Наслѣднику съ приличнымъ уваженіемъ не безполезно объяснить, что въ то самое время, какъ мирза Максудъ присланъ ко мнѣ расточать увѣренія въ искренней дружбѣ и добромъ согласіи, Сурхай-ханъ и Мустафа-ханъ принимаются съ уваженіемъ въ Тавризѣ; что его высочеству прямыми поступками легче обладать привязанностью и истиннымъ уваженіемъ русскихъ, нежели одного меня обольстить пустыми увѣреніями.

«Мирза Максудъ представлялъ мнѣ великодушнѣйшимъ дѣломъ наслѣдника, что не взялъ онъ участія въ замѣшательствахъ Имеретіи и Гуріи. Нельзя предполагать, чтобы неизвѣстно было ему, что Персія съ сими мѣстами не граничитъ; пособіе же деньгами столько же было бы дѣйствительно, какъ и въ Дагестанѣ.

«Старайтесь опровергнуть лживый слухъ, будто бы чиновникъ Мамед-Али-мирзы [1]) при мнѣ находился, что, впрочемъ, быть никогда не можетъ, ибо таковой поступокъ былъ бы явнымъ нарушеніемъ трактата, который мы свято соблюдаемъ.

«Мирза-Абуль-Хасан-ханъ [2]) велъ себя здѣсь весьма благороднымъ образомъ и показывалъ себя весьма чувствительнымъ къ милостивому вниманію императора. Съ согласія моего, онъ передалъ наслѣднику мои неудовольствія: это не мало отъ персіянина!

«Насчетъ Мехти-Кули-хана Карабагскаго скажу вамъ, что поведеніемъ его правительство довольно и что весьма сомнительно, чтобы онъ, не имѣя никакихъ отъ него неудовольствій, хотѣлъ промѣнять свое состояніе на ежедневную прогулку босыми ногами по каменному помосту двора его высочества. Въ этомъ доселѣ не полагалъ онъ большаго счастія...

«Между разговоровъ объясните наслѣднику, что Вахтангъ, называющійся царевичемъ Имеретинскимъ, есть незаконный сынъ побочнаго сына царскаго, и что справедливо удивленъ я былъ, что можетъ подлый мошенникъ, бунтовавшій противъ правитель-

---

[1]) Сынъ Фетх-Али-шаха. Онъ былъ правителемъ Кирманшаха и находился въ постоянной враждѣ съ Аббас-мирзою. А. В.

[2]) Мирза-Абуль-Хасан-ханъ—совѣтникъ тайныхъ дѣлъ персидскаго двора и ханъ 2-го класса, былъ отправленъ въ 1814 году чрезвычайнымъ посломъ въ Петербургъ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

ства, осмѣлиться писать къ наслѣднику государства и надѣяться, что наслѣдникъ, сверхъ того, будетъ говорить съ подателемъ письма, которому поручилъ онъ пересказать о происшествіяхъ въ Имеретіи. Сіе означено въ послѣдней строкѣ письма Вахтанга, о чемъ, по незнанію грузинскаго языка, мирза Максудъ не имѣлъ понятія.

«Въ заключеніе скажу вамъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ относительно Персіи должны мы быть руководимы прямотою и твердостью и поведеніе наше должно имѣть основаніемъ точное и строгое соблюденіе трактата. Вижу изъ бумагъ, что поступки ваши, въ отсутствіе повѣреннаго въ дѣлахъ, во всемъ благоразумно согласованы съ сими правилами, и мнѣ остается только принести вамъ справедливую похвалу».

Вотъ это любопытное письмо А. П. Ермолова къ Аббасмирзѣ, помѣченное 26-мъ сентября 1820 года:

«Благоурожденный мирза Максудъ доставилъ мнѣ письмо, коимъ вашему высочеству угодно было меня удостоить, и при томъ сообщилъ наставленія, полученныя отъ вашего высочества, какъ со мною долженъ онъ объясниться.

«Не смѣю сомнѣваться, чтобы не было противно правиламъ и отличнымъ добродѣтелямъ вашего высочества поведеніе царевича Александра, [1]) но я хотѣлъ, чтобы извѣстно было, что бѣглецъ сей, благодѣтельствуемъ будучи наслѣдникомъ Персіи, осмѣливается разбойническимъ образомъ возмущать народы сосѣдственной и дружественной державы. Не могу думать, чтобы въ Тавризѣ неизвѣстна была печать его и что для того нужно произведеніе изслѣдованія.

«О Шах-Али-ханѣ сужденіе таково, что съ нимъ весьма немногіе согласятся, развѣ только люди, повинующіеся фирману вашего высочества. Давать жалованье нуждающемуся великодушно, но, конечно, не тому, который возбуждаетъ безпокойства противъ державы дружественной. Жалованье не передается украдкою, но его можно явно передавать чрезъ самое начальство.

«Не знаю, какъ можно было бы разумѣть, еслибы россійское правительство давало тайнымъ образомъ жалованье въ Хорасанѣ?

---

[1]) Сынъ царя Ираклія II и братъ Георгія XII, послѣдняго царя Грузіи. А. В.

Библиотека "Руниверс"

Наименованіе Ших-Али-хана слугою можетъ быть угодно вашему высочеству и не признаваемо другими. Предмѣстникъ мой, генералъ Ртищевъ, не могъ дать согласія на передачу ему жалованья, и до свѣдѣнія вашего высочества доведено о семъ неосновательно.

«Благорасположеніе и покровительство вашего высочества подобнымъ, не въ состояніи разумѣть люди не столько высокихъ добродѣтелей, какъ ваше высочество.

«О каймакамѣ [1]) я нахожу выгоднѣе молчать, ограничивая себя надеждою на великодушіе вашего высочества, что не будете почитать меня его пріятелемъ, а не быть ему равнымъ я самъ умѣю.

«Отсутствіе изъ Тавриза повѣреннаго въ дѣлахъ, Мазаровича, причиною, что умедлилъ я объясненіемъ готовности моей прекратить всякое неудовольствіе съ визиремъ Мирза-Абуль-Касумомъ, но объясненіе сіе препровождено и по оному вашему высочеству доложено будетъ.

«Ваше высочество изволили милостиво разсудить, что между визиремъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ никакого значущаго дѣла не произошло; столько же милостиво прошу простить меня, что я съ таковымъ сужденіемъ смѣю быть несогласнымъ, ибо остановить курьеровъ россійской державы и посадить ихъ въ тюрьму, по общему мнѣнію, кажется дѣломъ довольно значущимъ. Послѣ того остается только лишать жизни!

«Съ должнымъ уваженіемъ принялъ я волю вашего высочества, въ равсужденіи назначенія границъ, и далъ по сему предмету наставленіе Мазаровичу.

«Прочими объясненіями не смѣю занимать вниманіе вашего высочества, отвлекать его отъ дѣлъ, которыми устрояется счастіе народовъ.

«Волю великаго государя моего исполняю: шага не дѣлаю противнаго дружбѣ и счастливому согласію обѣихъ державъ и къ тому строго храню правило доказывать поведеніе мое дѣлами, а словами, ничего незначущими, не буду смѣть ваше высочество безпокоить.

«Бога всесильнаго, созидающаго славу царствъ и царствующихъ, прошу споспѣшествовать намѣреніямъ вашего высочества».

---

[1]) Мирза-Безюргъ, каймакамъ и дядька Аббас-мирзы. А. В.

Библиотека "Руниверс"

Нѣсколько позже, а именно 18-го октября того же 1820 г., Алексѣй Петровичъ писалъ къ Грибоѣдову, по поводу царевича Александра, слѣдующее:

«Препровождаю у сего письмо для доставленія Аббас-мирзѣ и для свѣдѣнія вашего копію съ онаго. Подозрѣвая, что не прочитываются ему письма сіи, прошу отдать ему лично. Если же бы слухъ, до меня дошедшій, оказался справедливымъ, что подлому бѣглецу царевичу воспрещено жить въ Даралагёзѣ и что будто назначено ему пребываніе въ отдаленномъ мѣстѣ, тогда нѣтъ нужды отдавать ему письма, но только сообщите о происшествіи словесно, требуя о прекращеніи разбоевъ и вразумительно объяснивъ ему, что если позволю я себѣ способы укрощать оные, то не только будетъ его высочеству непріятно, но даже и невыгодно. Старайтесь истолковать ему, что соблюденіе трактата необходимо для его пользы, что со стороны нашей исполненъ оный даже до самаго признанія его наслѣдникомъ и что невыгодно ему заставить насъ жалѣть о томъ, паче же дать то чувствовать подданнымъ, надъ которыми собирается онъ владычествовать».

III.

Денежныя обстоятельства Грибоѣдова во все это время были весьма неблестящи и ограничивались, надо думать, однимъ жалованьемъ по должности. Если же онъ что и получалъ изъ дому, то помощь эта была слишкомъ ничтожна, чтобы покрыть тѣ расходы, которые были неизбѣжны при его сравнительно роскошной жизни въ Тавризѣ. Тоже испытывалъ Амбургеръ и самъ Мазаровичъ. Вотъ что послѣдній писалъ, отъ 15-го декабря 1820 г., къ Ермолову:

(Переводъ)... «Позвольте мнѣ, генералъ, почтительнѣйше васъ просить объ одной милости въ отношеніи обоихъ моихъ чиновниковъ: Грибоѣдова и Амбургера. Положеніе ихъ дѣйствительно жестокое. Они задолжали около 600 червонцевъ, и я не могу сказать, чтобы бросали деньги зря; не получая никакой награды, они имѣютъ основаніе страшиться того же исхода, какой постигъ и меня. Не можете-ли вы, уважаемый генералъ, оказать имъ помощь? Я былъ бы вамъ много признателенъ. Соблаговолите написать къ нимъ отъ себя нѣсколько словъ въ утѣшеніе при на-

Библиотека "Руниверс"

стоящемъ ихъ положеніи, но сдѣлайте это такъ, умоляю васъ, какъ бы я ничего вамъ не сообщалъ....» [1])

Между тѣмъ, успѣшныя дѣйствія нашей миссіи не могли не побудить Ермолова, еще въ 1819 году, просить черезъ графа Нессельроде объ удостоеніи чиновъ ея, и въ томъ числѣ Грибоѣдова, высочайшей награды чрезъ повышеніе чиномъ. Но представленіе это, какъ равно и послѣдовавшее повтореніе, не только не было уважено, но даже не удостоено отвѣта. Обстоятельство это до того огорчило Алексѣя Петровича, что онъ не вытерпѣлъ, чтобы не отнестись къ Павлу Гавриловичу Дивову отъ 5-го декабря 1820 года, въ слѣдующихъ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ:

«Октября отъ 18-го числа прошедшаго года, дѣлалъ я представленіе мое графу К. В. Нессельроде объ исходатайствованіи награжденія чинами служащихъ при миссіи въ Персіи: секретаря титулярнаго совѣтника Грибоѣдова, переводчика по арміи подпоручика Беглярова, актуаріуса Амбургера и прапорщика Лорис-Меликова. Повторилъ представленіе мое сего года мая отъ 4-го дня, но ни на то, ни на другое не имѣю отвѣта и не знаю причины, по коей справедливо испрашиваемая трудящимся награда отказываема. Позвольте, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею моею о томъ просьбою и смѣть надѣяться на благосклоннѣйшее вниманіе къ моимъ представленіямъ, ибо не дѣлаю я таковыхъ иначе какъ о служащихъ ревностно и достойныхъ и не умѣю быть равнодушнымъ, когда начальство ихъ не уважаетъ».

Прошелъ послѣ того еще годъ, а Грибоѣдовъ награжденія все не удостоивался. Тогда Алексѣй Петровичъ рѣшился снова обратиться къ посредничеству графа Нессельроде и на этотъ разъ ходатайство его было уважено.

---

[1]) (Подлинникъ)... Permettez moi, mon Général, de Vous prier très humblement d'une grâce, qui regarde mes deux employés: M-r Griboyedow et M-r Amburgher. Leur position est réellement cruelle. Ils sont endettés de presque six cent ducats et je ne puis pas dire qu'ils jettent leur argent en aveugles; ils ne reçurent point de récompense et craignent avec raison d'avoir la même fin que moi. Pouviez Vous, mon respectable Général, venir à leur secours? Je Vous en aurais bien de remerciments à faire. Daignez leur écrire deux mots de Votre part pour les consoler un peu sur leur sort et faites en sorte, je Vous supplie, comme je ne Vous eusse rien dit...

Библиотека "Руниверс"

«Позвольте, ваше сіятельство», писалъ онъ отъ 20-го ноября 1821 г., «къ прежнимъ представленіямъ моимъ присоединить покорнѣйшую просьбу о произведеніи въ слѣдующій чинъ секретаря при персидской миссіи, Грибоѣдова. Способности сего чиновника весьма полезны службѣ, и если прочіе удостоились награды, то ваше сіятельство, какъ начальника ихъ, смѣю увѣрить, что сей несравненно болѣе имѣетъ на то права. Онъ знаетъ хорошо и въ правилахъ персидскій языкъ и уже занимается въ переводѣ при Мазаровичѣ важнѣйшихъ бумагъ. Прошу всепокорнѣйше исходатайствовать ему всемилостивѣйшую награду, ибо, кромѣ заслугъ его, одно пребываніе между персіянами столь долгое время можетъ уже обратить на него вниманіе. Обратитесь благосклонно къ сравненію сихъ чиновниковъ съ тѣми, кои за одинъ годъ служенія въ Грузіи получаютъ въ награду чинъ, и мнѣ уже ненужно будетъ никакихъ другихъ убѣжденій».

Грибоѣдовъ находился въ это время въ Тифлисѣ, куда прибылъ съ извѣстіемъ «о начатіи военныхъ дѣйствій между Персіей и Турціей, и дабы доставить нужныя поясненія по симъ, совершенно неожиданнымъ, происшествіямъ, такъ какъ и для того, чтобы получить наставленіе въ обстоятельствахъ, столь затруднительныхъ, паче послѣ отъѣзда посланника нашего[1]) изъ Константинополя, который въ Персіи истолкованъ былъ за разрывъ нашъ съ Портою».[2])

Но Александръ Сергѣевичъ уже не думалъ болѣе о возвращеніи въ Персію, а пожелалъ остаться при Ермоловѣ, охотно согласившемся исполнить его просьбу. Съ этою цѣлью онъ, отъ 12-го января 1822 г., отнесся къ гр. Нессельроде съ слѣдующимъ письмомъ, знакомящимъ насъ, между прочимъ, съ тѣмъ несчастнымъ случаемъ, который приключился Грибоѣдову на пути его слѣдованія изъ Тавриза въ грузинскую столицу, и любопытномъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ будущую перспективу дѣятельности и занятій молодаго дипломата, которую готовилъ ему при себѣ главноуправляющій, какъ видно, высоко цѣнившій его талантъ и способности.

«Секретарь миссіи нашей при тегеранскомъ дворѣ, титуляр-

[1]) Барона Григорія Александровича Строганова. А. В.

[2]) Изъ того же отношенія Ермолова къ гр. Нессельроде, отъ 20-го ноября 1821 г. А. В.

Библиотека "Руниверс"

ный совѣтникъ Грибоѣдовъ, на пути отъ Тавриза сюда, имѣлъ несчастіе переломить, въ двухъ мѣстахъ, руку, и, не нашедши нужныхъ въ дорогѣ пособій, долженъ былъ, по необходимости, обратиться къ первому, который могъ дать ему помощь, и оттого произошло, что, по прибытіи въ Тифлисъ, надлежало ему худо справленную руку переломить въ другой разъ. До сего времени почти не владѣя оною, не можетъ онъ обойтись безъ искуснаго врачеванія и, сихъ средствъ будучи совершенно лишеннымъ въ Персіи, никакъ не можетъ онъ туда отправиться.

«Съ сожалѣніемъ долженъ я удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста, но зная отличныя способности молодаго сего человѣка и желая воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ знаніи персидскаго языка успѣхами, я просить ваше сіятельство покорнѣйше честь имѣю, опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части, ибо по оной не состоитъ при мнѣ ни одного чиновника и безъ таковаго, въ продолженіи столько времени, не безъ труда я обходился. Во-первыхъ, пользованіе находящимися здѣсь минеральными водами возвратитъ ему здоровье и онъ, при наклонности его къ изученію восточныхъ языковъ, начавъ уже заниматься арабскимъ языкомъ, какъ основаніемъ всѣхъ прочихъ, имѣетъ здѣсь все средство усовершенствовать свои познанія; во-вторыхъ, и что почитаю я главнѣйшимъ предметомъ, со временемъ ваше сіятельство можете препоручить ему заведеніе школы восточныхъ языковъ, на что не щадите вы ни попеченія, ни издержекъ, но, по необходимости, должны заимствоваться свѣдѣніями иноземцевъ, и что безпрекословно полезнѣе ввѣрять природнымъ.

«Не смѣю я испрашивать бо́льшаго жалованья Грибоѣдову, какъ 200 червонцевъ, и хотя лишается онъ двухъ третей того, что получалъ доселѣ, но къ сему побужденъ я сравненіемъ съ прочими, при мнѣ служащими, чиновниками.

«На сіе имѣю я его согласіе, и ваше сіятельство усмотрѣть изволите, что одно разстроенное здоровье можетъ быть причиною, побуждающею его оставить мѣсто, въ которомъ васъ, какъ благосклоннаго начальника, обращалъ онъ на себя вниманіе и гдѣ удобнѣе могъ быть замѣченъ вами, оставить и бо́льшія несравненно выгоды, которыми онъ, по состоянію его, пренебрегать не можетъ».

Библиотека "Руниверс"

IV.

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ на Востокѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, не могли не вызвать въ Александрѣ Сергѣевичѣ желаніе—побывать на родинѣ, чтобы пожить въ кругу ему близкихъ. Для этого онъ, въ 1823 г., сталъ проситься въ отпускъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ отправился въ Москву и Петербургъ, откуда, послѣ 4-х-мѣсячнаго пребыванія, возвратился на Кавказъ.

Жизнь его въ Тифлисѣ ничѣмъ не отличалась отъ скромной жизни всякаго молодаго и благовоспитаннаго человѣка. Поселившись на армянскомъ базарѣ, въ небольшомъ домѣ, въ которомъ занималъ верхній этажъ, состоявшій всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ, обращенныхъ окнами на сѣверъ, откуда открываются предгорья главнаго кавказскаго хребта, Грибоѣдовъ бо́льшею частью оставался у себя, одѣтый, по обыкновенію, въ туземномъ архалукѣ. Всегда и всѣми любимый, онъ посѣщалъ лучшіе семейные кружки тифлисцевъ, чаще же всего бывалъ у генерала Ховена [1]) и у вдовы генералъ-маіора Ахвердова, гдѣ впервые увидѣлъ княжну Нину Чавчавадзе, сдѣлавшуюся впослѣдствіи его женою.

У себя дома онъ находилъ лучшее развлеченіе въ отдѣлкѣ своей знаменитой комедіи или въ музыкѣ, благодаря фортепіано, почти единственному тогда въ городѣ, которое ему удалось пріобрѣсти у Николая Николаевича Муравьева, командира Эриванскаго полка, а впослѣдствіи намѣстника кавказскаго.

Пребываніе въ Персіи отпечатлѣло въ памяти Александра Сергѣевича не мало добрыхъ воспоминаній о народѣ, среди котораго онъ такъ много пережилъ и испыталъ. Онъ усердно про-

[1]) Генералъ-маіоръ Романъ Ивановичъ Ховенъ, выпущенный, въ 1793 г., изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса и опредѣленный поручикомъ въ Выборгскій пѣхотный полкъ, въ 1812 году произведенъ въ полковники и назначенъ комендантомъ въ Вильно; въ 1817 году пожалованъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи, а въ апрѣлѣ 1818 г. переведенъ въ грузинскій, что послѣ кавказскій, отдѣльный корпусъ, съ исправленіемъ должности грузинскаго гражданскаго губернатора,—званіе, которое онъ и несъ по 19-е іюля 1819 г. (См. предисловіе къ «Актамъ Кавказской Археографической Коммиссіи», т. VI, ч. I, стр. IX и X.).

А. В.

Библиотека "Руниверс"

должалъ заниматься персидскимъ языкомъ, хотя и нельзя сказать, что онъ имѣлъ особенно хорошаго руководителя: это былъ содержатель одной изъ тифлисскихъ бань, котораго мусульмане называли Машади, по имени священнаго города Мешеда,[1]) куда шіиты совершаютъ пилигримство, а русскіе просто—Иваномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній.

Александръ Сергѣевичъ не всегда жилъ въ Тифлисѣ; онъ отлучался то въ ту, то въ другую сторону Кавказа, порою сопутствуя Ермолову, въ его поѣздкахъ на линію.

Въ маѣ 1824 г. онъ вторично отправился въ отпускъ, и на этотъ разъ отсутствіе его продолжалось около года.

Но вотъ въ Петербургѣ разыгралось дѣло декабристовъ; гроза эта не могла миновать Грибоѣдова по весьма понятнымъ причинамъ, о коихъ здѣсь распространяться не мѣсто. Ермоловъ получаетъ экстренную депешу выслать его въ Петербургъ, со всѣми бумагами, какія могли бы быть при немъ найдены. Но, къ счастью, никакихъ компрометирующихъ бумагъ не оказалось, благодаря тому предупрежденію, какое сдѣлалъ Грибоѣдову Ермоловъ въ моментъ полученія имъ бумаги. Какъ не сказать, что этимъ, въ высшей степени гуманнымъ, дѣяніемъ послѣдній оказалъ всей мыслящей Россіи неоцѣнимую, можно сказать безсмертную, услугу, спасши чрезъ то творца комедіи, составляющей гордость и славу русской литературы, отъ Богъ-вѣсть какихъ случайностей. Высылая Грибоѣдова, Ермоловъ писалъ барону Дибичу, отъ 23-го января 1826 года:

«Военный министръ сообщилъ мнѣ высочайшую государя императора волю—взять подъ арестъ служащаго при мнѣ коллежскаго ассессора Грибоѣдова и подъ присмотромъ прислать въ С.-Петербургъ, прямо къ его императорскому величеству.

«Исполнивъ сіе, я имѣю честь препроводить Грибоѣдова къ вашему превосходительству. Онъ взятъ такимъ образомъ, что не могъ истребить находившихся у него бумагъ, но таковыхъ при немъ не найдено, кромѣ весьма немногихъ, кои при семъ препровождаются. Если же бы впослѣдствіи могли быть отысканы оныя, я всѣ таковыя доставлю.

---

[1]) Столица Хорасана съ гробницею Имама Ризы († 203 г хиджры, 818 по Р. Х.). А. В.

Библиотека "Руниверс"

«Въ заключеніе имѣю честь сообщить вашему превосходительству, что Грибоѣдовъ, во время служенія его въ миссіи нашей при персидскомъ дворѣ и потомъ при мнѣ, какъ въ нравственности своей, такъ и въ правилахъ, не былъ замѣченъ развратнымъ и имѣетъ многія весьма хорошія качества».

V.

Недолго спустя послѣ возвращенія Грибоѣдова въ Грузію, началась Персидская война. Ермоловъ находился въ Тифлисѣ, куда только-что прибылъ съ кавказской линіи, и былъ въ большихъ хлопотахъ. Занятый необходимыми, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, распоряженіями, онъ, однакоже, имѣлъ въ сборѣ слишкомъ мало войска, чтобы дать отпоръ непріятелю, почти внезапно вторгнувшемуся въ наши границы, и вмѣстѣ съ тѣмъ парализировать враждебное намъ движеніе, которое начинало повсемѣстно проявляться въ средѣ обитателей нашихъ мусульманскихъ провинцій за Кавказомъ. Такое положеніе дѣлъ было отнесено въ Петербургѣ къ непредусмотрительности и дурнымъ дѣйствіямъ Алексѣя Петровича и вызвало явное неудовольствіе къ нему императора Николая, которое еще болѣе усилилось вслѣдствіе возникшихъ у него съ генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ распрей, для прекращенія которыхъ былъ присланъ баронъ Дибичъ, и напослѣдокъ имѣло послѣдствіемъ отозваніе Ермолова изъ Грузіи.

Но Алексѣй Петровичъ еще не успѣлъ выѣхать въ Россію, какъ Грибоѣдовъ уже состоялъ въ распоряженіи Паскевича. Обстоятельство это заставило Ермолова съ грустью замѣтить:

«И онъ, Грибоѣдовъ, оставивъ меня, отдался моему сопернику».

Если въ словахъ этихъ и слышится нѣкоторый укоръ, но, тѣмъ не менѣе, Ермоловъ не переставалъ питать прежнее расположеніе къ бывшему своему подчиненному, котораго, въ послѣднемъ случаѣ, могло достаточно извинить одно уже то обстоятельство, что онъ состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Паскевичу. При всемъ томъ Грибоѣдовъ нисколько не измѣнилъ въ душѣ безграничной преданности къ своему благодѣтелю, сохранивъ ее на всю жизнь непоколебимо.

Библиотека "Руниверс"

4-го апрѣля 1827 года, Александръ Сергѣевичъ получилъ отъ графа Паскевича слѣдующее предписаніе:

«Вступивъ въ званіе главноуправляющаго въ Грузіи, предписываю вамъ принять въ ваше завѣдываніе всѣ наши заграничныя сношенія съ Турціею и Персіею, для чего имѣете вы требовать изъ канцеляріи и архива всю предшествовавшую по симъ дѣламъ переписку и употреблять переводчиковъ, какіе вамъ по дѣламъ нужны будутъ».

По заключеніи, въ 1828 году, мира въ Тюркмен-чаѣ, Александръ Сергѣевичъ, тогда уже коллежскій совѣтникъ, былъ отправленъ съ мирнымъ трактатомъ въ Петербургъ, куда прибылъ 4-го марта. Спустя съ небольшимъ мѣсяцъ, сдѣлалось извѣстно его назначеніе полномочнымъ министромъ въ Персіи, съ производствомъ въ статскіе совѣтники.

Оставляя Россію, могъ-ли онъ предчувствовать, что болѣе уже ее не увидитъ и что ему, подобно его соотечественнику, Хемницеру, придется сложить кости, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, на мусульманскомъ востокѣ.

VI.

Оставивъ Петербургъ, Грибоѣдовъ, на пути въ Персію, прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, гдѣ ему представлялись, 6-го іюня, Мальцевъ и Аделунгъ, съ которыми онъ, въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца, съѣхался въ Ставрополѣ. Совмѣстное же путешествіе ихъ началось отъ Екатериноградa, гдѣ они имѣли задержку по случаю найма лошадей и ожиданія необходимаго конвоя.

Погода стояла прекрасная. Время близилось къ вечеру. Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, Грибоѣдовъ, взявъ съ собою Аделунга, отправился полюбоваться прекраснымъ видомъ, открывающимся изъ Екатериноградa на главный Кавказскій хребетъ. Эльбрусъ и горы, по правую отъ него сторону, были въ облакахъ; остальная часть хребта, съ миѳологическимъ Казбекомъ, представлялась во всемъ своемъ величіи: снѣжныя вершины, при ослѣпительной бѣлизнѣ, были облиты красновато-золотистыми лучами заходящаго солнца и производили столь чарующее дѣйствіе, что зритель съ трудомъ могъ оторваться отъ этой панорамы. Грибоѣдовъ былъ

Библиотека "Руниверс"

въ восхищеніи и поминутно восклицалъ: «comme c'est beau, comme c'est magnifique!»

«Мы возвратились», говоритъ Аделунгъ, «вдоль Малки, которая здѣсь довольно быстра. Въ этотъ очаровательный вечеръ я еще сильнѣе полюбилъ Грибоѣдова: какъ онъ умѣетъ наслаждаться природою, какъ онъ симпатиченъ и добръ!»

30-го іюня Александръ Сергѣевичъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 20-ти линейныхъ казаковъ, выѣхалъ изъ Екатериограда и на другой день прибылъ во Владикавказъ, гдѣ остановился у своей старой знакомки, полковницы Огаревой. Самого Огарева, обязаннаго, по должности, заботиться объ исправности дороги чрезъ горы, не случилось дома. Добрая хозяйка была въ большихъ суетахъ, стараясь изъ всѣхъ силъ наилучше принять дорогихъ гостей, и, какъ истая русская, конечно, не преминула отличиться хлѣбосольствомъ.

2-го іюля 1828 г., въ 10 часовъ утра, Грибоѣдовъ двинулся далѣе на наемныхъ лошадяхъ, съ платою за пару до Тифлиса 90 р., что, по тогдашнимъ цѣнамъ, было недорого. Отъ Ларса поѣхали верхомъ на казачьихъ лошадяхъ; это давало полную возможность насладиться величественными видами окружающей суровой природы.

Утромъ, 3-го іюля, добрались до Казбека, и не дѣлая здѣсь привала, поѣхали въ Коби, откуда на встрѣчу Грибоѣдову выѣхало 10 человѣкъ грузинъ и казаковъ, имѣя во главѣ начальника горскихъ народовъ, маіора Чиляева, съ которымъ, пообѣдавъ въ деревнѣ, Александръ Сергѣевичъ въ тотъ же день отправился далѣе. Начинало смеркаться, когда, верстахъ въ 5-ти отъ Коби, они встрѣтили нѣсколько осетинъ, которые, отозвавъ въ сторону маіора Чиляева, стали о чемъ-то съ нимъ перешептываться. Оказалось, что недалеко впереди ихъ выѣхала на дорогу разбойничья партія въ 300 человѣкъ осетинъ. Грибоѣдовъ настаивалъ-было продолжать путь, но долженъ былъ уступить убѣжденіямъ Чиляева и возвратиться въ Коби.

На слѣдующій день онъ достигъ Ананура, гдѣ провелъ ночь въ коляскѣ, такъ какъ на станціи, за множествомъ блохъ, оставаться было невозможно.

Въ Душетѣ, въ домѣ путейскаго полковника, у котораго онъ былъ подчиванъ чаемъ, къ нему явились съ привѣтствіемъ мѣст-

Библиотека "Руниверс"

ные чиновники, облекшіеся, по этому случаю, въ полную парадную форму и представлявшіе собою довольно комическіе типы. Пріѣхавъ въ Гартискари, Александръ Сергѣевичъ расположился обѣдать на коврѣ, разостланномъ подъ густою сѣнью стараго дуба. На этой станціи, послѣдней на пути его къ Тифлису, онъ былъ встрѣченъ многими выѣхавшими изъ города, верхомъ и на дрожкахъ, чиновниками, число которыхъ, при дальнѣйшемъ его слѣдованіи, все увеличивалось.

Наконецъ, около 9-ти часовъ вечера, Грибоѣдовъ прибылъ въ городъ и остановился въ домѣ, занимаемомъ графомъ Паскевичемъ, въ нарочно приготовленныхъ для него комнатахъ. На слѣдующій день были тамъ же отведены помѣщенія Мальцову и Аделунгу.

10-е іюля Александръ Сергѣевичъ провелъ у военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Сипягина, у котораго и обѣдалъ. Въ слѣдующій затѣмъ день онъ присутствовалъ на большомъ завтракѣ, данномъ чиновниками губернаторской канцеляріи, по случаю освященія вновь устроеннаго для нихъ помѣщенія.

Наступило 13-е іюля и Грибоѣдовъ, въ сопровожденіи Мальцова, отправился въ главную квартиру на свиданіе съ графомъ Паскевичемъ. Въ продолженіи всего пути, его сопровождало, по распоряженію Сипягина [1]), 12 человѣкъ смѣнныхъ казаковъ, а гумринскому коменданту было предписано—снабдить его до мѣста безопаснымъ конвоемъ, при одномъ орудіи.

Изъ Шулаверъ Александръ Сергѣевичъ писалъ къ графу Паскевичу:

(Переводъ). «Ваше сіятельство. Прибывъ въ Тифлисъ, я хо-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Сипягинъ дѣйствовалъ на основаніи слѣдующаго предписанія графа Паскевича, отъ 6-го іюня 1828 года:

«Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ назначенъ министромъ при тегеранскомъ дворѣ, и я имѣю свѣдѣніе, что онъ въ непродолжительномъ времени пріѣдетъ въ Тифлисъ. Зная, сколь большое вліяніе наружное оказательство имѣетъ на здѣшній народъ и въ особенности на персіянъ, я прошу васъ, при пріѣздѣ сюда г. Грибоѣдова, оказать ему всѣ почести, настоящему назначенію его приличныя, тѣмъ болѣе, что молва о нихъ, конечно, дойдетъ и до свѣдѣнія министерства персидскаго. Поелику же есть высочайшая воля, чтобы г. Грибоѣдовъ, прежде его отъѣзда въ Персію, видѣлся со мною, то я прошу ваше превосходительство, для проѣзда его до мѣста моего пребыванія, приказать снабдить его самымъ безопаснымъ конвоемъ и во время пути оказывать ему всевозможныя пособія.

Библиотека "Руниверс"

тѣлъ тотчасъ же двинуться далѣе, чтобы явиться къ вамъ, но неожиданное извѣстіе о заразѣ, распространившейся въ войскахъ командуемаго вами корпуса, объявшее ужасомъ Грузію, поставило меня въ окончательную нерѣшимость. Несмотря на то, я собрался въ главную квартиру, такъ какъ не могъ получить ни отъ генерала Сипягина, ни изъ вашей канцеляріи, какія-либо свѣдѣнія о послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ Тавризомъ и Тегераномъ. Позднее доставленіе мнѣ кредитивныхъ граматъ также не могло не поставить меня въ затрудненіе, относительно того, на что рѣшиться; я получилъ ихъ при самомъ выѣздѣ изъ Тифлиса.

«Я пишу къ вамъ изъ Шулаверъ, на полу-пути въ Джелалоглу, который отстоитъ еще довольно далеко отъ цѣли моего путешествія. Испорченныя отъ бывшихъ ливней дороги дѣлаютъ слѣдованіе въ экипажахъ немыслимымъ, а крайній недостатокъ въ подставныхъ лошадяхъ—заставляетъ меня возвратиться въ Тифлисъ. Я не упущу, впрочемъ, отправить мои вещи на вьючныхъ лошадяхъ. Умоляю ваше сіятельство не прогнѣваться за эту проволочку. Имѣя весьма важныя сдѣлать вамъ сообщенія и узнавъ, что ханъ, слѣдующій къ вамъ съ мирнымъ трактатомъ, ратификованнымъ его величествомъ шахомъ, готовъ отправиться къ вашему сіятельству, я прошу васъ остановиться обмѣномъ ратификацій до моего прибытія, которымъ, по всей возможности, постараюсь ускорить.

«Соблаговолите увѣдомить меня во-время, если найдете то удобнымъ, о продолжительности карантиннаго очищенія, которому я долженъ подвергнуться при переѣздѣ черезъ границу, на пути слѣдованія къ мѣсту моего назначенія.

«Примите и пр.» [1])

---

[1]) (Подлинникъ). Monsieur le Comte. Arrivé à Tiflis j'ai été sur le point de venir Vous trouver, quand, tout-à-coup, la nouvelle d'une maladie contagieuse, qui s'est propagée dans le corps que Votre Excellence commande, est venue jeter l'effroi en Géorgie, et m'a mis dans la plus grande indécision. J'ai pourtant pris la résolution de venir à Votre quartier général, vû que je n'avais pu tirer aucun renseignement du général Sipiaguin, et qu'il ne se trouvait aucun antécedant à Tiflis, dans la chancellerie de Votre Excellence, sur nos relations les plus récentes avec Tauris et Téhéran. Le retard de mes lettres de créance m'a de même mis dans l'embarras sur le parti que je devais prendre; je les ai reçues, quand je montais en calèche pour me rendre auprès de Votre Excellence.

Au moment que j'ai l'honneur de Vous adresser le présent office, je me

Библиотека "Руниверс"

20-го іюля, въ 10-мъ часу пополуночи, Александръ Сергѣевичъ добрался до Джелал-оглу, откуда выѣхалъ того же числа, въ 7-мъ часу пополудни; 22-го онъ былъ въ Гумрахъ, а на слѣдующій день отправился въ главную квартиру подъ Ахалцихъ, находившійся въ осадѣ.

VII.

4-го августа, около 6-ти часовъ вечера, Александръ Сергѣевичъ возвратился въ Тифлисъ; 7-го числа провелъ вечеръ у Ховена, а 11-го почувствовалъ себя дурно, причемъ очень жаловался на жару. Нѣсколько дней спустя, онъ оправился на столько, что 22-го августа могъ быть на обѣдѣ, данномъ въ честь его Сипягинымъ.

Вечеромъ того же дня справлялась его свадьба, на которой присутствовали родные его невѣсты и близкіе знакомые въ числѣ не болѣе 50-ти особъ. Вѣнчаніе совершено въ Сіонскомъ соборѣ; въ теченіе всего обряда Александръ Сергѣевичъ былъ въ лихорадкѣ. Изъ собора новобрачные и гости отправились въ особо отдѣланную квартиру, гдѣ былъ сервированъ ужинъ. «Весь городъ,—разсказываетъ Аделунгъ,—сочувствовалъ этому браку; всѣ безъ исключенія любили и уважали Грибоѣдова».

24-го числа у Александра Сергѣевича былъ обѣдъ на 100 приглашенныхъ; съ 6-ти часовъ открылись танцы и продолжались до 11-ти часовъ ночи.

26-е августа приходилось въ воскресенье. Въ этотъ день Сипягинъ устроилъ у себя, въ честь молодыхъ, большой балъ; онъ

---

trouve à Schulavéra, à mi-chemin de Djelal-oglou, ce qui est encore bien loin du but de mon voyage. Les averses ont gâté les chemins, mes équipages ne peuvent bouger, et le manque des chevaux de relai me force de retourner à Tiflis. Je ne perdrai pas de temps pour refaire mes bagages, en remontant tous mes effets sur des chevaux de bât. Je supplie Votre Excellence de ne pas m'en vouloir pour ce retard. Comme j'ai des choses très graves à Lui communiquer et que j'ai eu avis qu'un Khan porteur du traité de paix ratifié de la part de S. M. le Schah est sur le point de venir trouver Votre Excellence, je La prie de ne pas effectuer l'échange des ratifications avant mon arrivée auprès de Sa personne, que je tâcherai d'accelérer autant qu'il me sera possible.

Veuillez de même m'informer à temps, si faire se pourra, quel sera le terme de la quarantaine que j'aurai à subir en repassant la frontière, pour me rendre au lieu de ma destination.

Agréez etc.

Библиотека "Руниверс"

начался польскимъ и былъ открытъ самимъ хозяиномъ съ новобрачною. Въ часъ ночи былъ сервированъ великолѣпный ужинъ. Сипягинъ, не садясь за столъ, лично всѣмъ распоряжался, стараясь угодить всѣмъ и каждому. Послѣ ужина танцовали мазурку, а въ 4 часа утра гости начали разъѣзжаться.

Между тѣмъ лихорадка, не покидая Грибоѣдова, продолжала удерживать его въ Тифлисѣ. Наконецъ наступило 9-е сентября— день отъѣзда въ Персію, ознаменовавшійся большими проводами; такъ напримѣръ, при выѣздѣ изъ города играла полковая музыка. Кромѣ тещи, княгини Чавчавадзе, отъѣзжавшихъ сопровождалъ до Эривани докторъ Умисса.

Грибоѣдовъ взялъ направленіе черезъ Коды, Шулаверы, Джелал-оглу и Гергеры на Амамлы. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго селенія, въ узкой долинѣ, онъ и его спутники, оставя экипажи и лошадей, медленными шагами своротили къ виднѣвшемуся въ сторонѣ отъ дороги полуразвалившемуся памятнику и недолго спустя, также спокойно, хотя и въ глубокомъ раздумьи, возвратились. На лицахъ ихъ отражалась грусть, которая давала понять, что цѣлью ихъ посѣщенія была одинокая могила, въ виду которой они сочли священнымъ долгомъ почтить память человѣка, со славою и съ честью запечатлѣвшаго службу отечеству. И дѣйствительно, подъ жалкими развалинами памятника, среди ничѣмъ невозмущаемой тишины этого захолустья, покоился прахъ безстрашнаго воина, увѣковѣчившаго свое имя въ лѣтописяхъ Кавказа: маіора Тифлисскаго мушкетерскаго полка Монтрезора, который, въ Эриванскую экспедицію 1804 года, съ командою во 100 человѣкъ былъ посланъ княземъ Циціановымъ за провіантомъ и здѣсь погибъ. Смерть его была по истинѣ геройская. Когда команда до послѣдняго человѣка оказалась перебитою, неустрашимый Монтрезоръ сдѣлалъ по непріятелю три пушечные выстрѣла; но видя что у него уже вышли всѣ заряды, бросился на орудіе, крѣпко его обнялъ и въ этомъ положеніи былъ изрубленъ.

Но вотъ стали приближаться къ Эривани; жители этого города приняли Грибоѣдова съ тѣмъ же восторженнымъ и сочувственнымъ радушіемъ, какое онъ встрѣчалъ повсюду со стороны туземнаго населенія. Далеко за городъ выѣхало около 500 всадниковъ и между ними Мамед-ханъ, Ахмед-ханъ и Паша-ханъ,—

Библиотека "Руниверс"

когда-то любимецъ Аббас-мирзы. Завидѣвъ ихъ еще издали, Александръ Сергѣевичъ изъ экипажа пересѣлъ на лошадь и отправился далѣе. Нѣсколько спустя, начались взаимныя привѣтствія, причемъ эриванскій плацъ-адъютантъ, родомъ армянинъ, представляя хановъ, выразился: «эриванское ханье имѣетъ честь» и проч. Бывшіе при этомъ русскіе не могли удержаться отъ смѣха надъ краснорѣчивымъ ораторомъ...

У моста черезъ Зангу, подъ стѣнами города, собралось все тамошнее православно- и армяно-григоріанское духовенство, въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями. Александръ Сергѣевичъ слѣзъ съ лошади и приложился ко кресту. Въ городѣ для него была приготовлена квартира въ домѣ Мамед-хана, гдѣ его привѣтствовала полковая музыка.

19-го сентября Ахмед-ханъ устроилъ въ честь Грибоѣдова большой обѣдъ, состоявшій по меньшей мѣрѣ изъ 30-ти блюдъ. На слѣдующій день прибылъ изъ Баязета тесть Александра Сергѣевича, князь Александръ Гарсевановичъ Чавчавадзе, [1]) неприсутствовавшій при бракосочетаніи своей дочери. 25-го у него былъ прощальный завтракъ, послѣ котораго Грибоѣдовъ оставилъ Эривань. Въ первой встрѣтившейся на пути армянской деревнѣ, верстахъ въ 7-ми отъ города, Нина Александровна, супруга Александра Сергѣевича простилась съ родителями, которыхъ ей суждено было скоро опять увидѣть, но, увы! при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ деревнѣ Садаракѣ Грибоѣдова привѣтствовали нарочно явившіеся туда съ этою цѣлью Курды, и тамъ же его настигъ молодой военный докторъ Мальмбергъ, изъ эстляндскихъ уроженцевъ, имѣвшій порученіе проводить нашу миссію до Тегерана, гдѣ онъ впослѣдствіи тоже былъ убитъ въ числѣ прочихъ.

7-го октября Грибоѣдовъ прибылъ въ Тавризъ, [2]) гдѣ и оста-

---

[1]) См. о немъ «Русскую Старину», т. VII, стр. 107. А. В.

[2]) Надо замѣтить, что Грибоѣдовъ ѣхалъ въ Персію безъ своего главнаго багажа; этотъ послѣдній въ 54 ящикахъ былъ отправленъ черезъ Астрахань, куда прибылъ 1-го сентября 1828 года и затѣмъ, вмѣстѣ съ подарками (въ 95 мѣстахъ) изъ кабинета его императорскаго величества, предназначавшимися Фетх-Али-шаху и при которыхъ находились мастеръ стекляннаго завода, Завадскій, и подмастерье Лапшинъ, а также 20 мѣстъ, слѣдовавшія къ секретарю англійскаго посольства въ Персіи, Кемпбелю, сданы на яхту «Мароа», находившуюся подъ командою 45-го флотскаго экипажа лейтенанта Всево-

Библиотека "Руниверс"

вался до декабря; 4-е или 5-е число того же мѣсяца было назначено для выѣзда въ Тегеранъ.

Дальнѣйшая судьба Александра Сергѣевича извѣстна [1]).

VIII.

Сообщая эти немногія свѣдѣнія объ Александрѣ Сергѣевичѣ, мы не можемъ забыть и очаровательной его супруги. Нина Александровна Грибоѣдова родилась въ 1812 году и воспитывалась въ домѣ бывшаго командира артиллеріи отдѣльнаго Грузинскаго корпуса генералъ-маіора Ѳедора Исаевича Ахвердова († 1820 г.), подъ руководствомъ жены послѣдняго, Прасковьи Николаевны, дочери генералъ-маіора Арсеньева, — женщины большаго ума, превосходнаго образованія и самыхъ высокихъ добродѣтелей. 16-ти лѣтъ отъ роду Нина Александровна сочеталась бракомъ съ авторомъ «Горя отъ Ума», котораго лишилась менѣе нежели черезъ полгода. Оставшись вдовою, она жила въ домѣ отца, а послѣ смерти его, случившейся 6-го ноября 1846 года, попеременно то въ Кахетіи, въ Цинандалахъ — имѣніи брата ея, нынѣ генералъ-маіора свиты его величества князя Давида, то въ Зугдиди, у сестры своей Екатерины Александровны, супруги послѣдняго владѣтеля Мингреліи князя Давида Дадіани. Въ Россіи она была всего два раза: въ 1836 году, по случаю женитьбы брата ея князя Давида, и въ 1856 г., во время коронаціи Императора Александра II.

Впослѣдствіи Нинѣ Александровнѣ представлялось нѣсколько случаевъ вступить въ новый бракъ, но, отказывая искателямъ ея руки, она до самой смерти осталась вѣрна первой любви.

Нина Александровна скончалась отъ холеры въ 1857 году и погребена въ Тифлисѣ, въ томъ же самомъ склепѣ при монастырѣ св. Давида, гдѣ покоится прахъ Александра Сергѣевича. Какъ женщина, въ лучшемъ значеніи этого слова, она, своимъ характеромъ и высокими качествами души, снискала общее къ

ложскаго, для доставленія ихъ въ Энзели, гдѣ все это должно было быть сдано ожидавшему тамъ русскому чиновнику. А. В.

[1]) Смотри въ «Русской Старинѣ», изд. 1872 г. (т. VI, стр. 163—207), весьма обстоятельную, по подлиннымъ документамъ составленную Ад. П. Берже,— монографію: «Смертъ А. С. Грибоѣдова». Ред.

Библиотека "Руниверс"

себѣ расположеніе и уваженіе. Руководимые этими именно чувствами, мы сочли долгомъ почтить печатнымъ словомъ память лучшаго друга незабвеннаго Грибоѣдова—этой яркой и никогда неимѣющей померкнуть звѣзды на небосклонѣ отечественной литературы.

Ад. П. Берже.

Замѣтка о годѣ рожденія А. С. Грибоѣдова.

Въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1874 г., т. X, стр. 153, сказано, что Александръ Сергѣевичъ родился въ Москвѣ 4-го января 1795 г., и тутъ же, въ примѣчаніи объясняется, что въ книгѣ г. Серчевскаго: „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія" и въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ" Плюшара, рожденіе А. С. Грибоѣдова ошибочно относилось къ 1793 и 1794 гг. Въ примѣчаніи къ тому же очерку, продолжаемому въ „Русской Старинѣ", за іюнь мѣсяцъ, указывается на „Р. А." (1874, тетр. 6), что г. Лонгиновъ (въ „Современникѣ" 1857) говоритъ, что А. С. Грибоѣдовъ родился въ 1795 году, 5-го января; а наиболѣе невѣрнымъ является показаніе формулярнаго списка А. С. Грибоѣдова, напечатаннаго въ „Р. А." 1872 г., составленнаго въ 1829 г., и показывающее Грибоѣдову 39 лѣтъ; слѣдовательно, Грибоѣдовъ, по послѣднему документу, родился въ 1790 г.

Для устраненія разнорѣчій въ показаніяхъ о годѣ рожденія Александра Сергѣевича Грибоѣдова, мы обращались къ церковнымъ метрическимъ книгамъ городѣ Москвы, сохраняющимся въ архивѣ Московской консисторіи съ 1777 г. При тщательномъ розыскѣ записи рожденія Александра Сергѣевича Грибоѣдова въ приходахъ московскихъ церквей, по метрическимъ книгамъ, съ 1790 по 1796 г., не оказалось. Къ сожалѣнію, метрическія книги нѣкоторыхъ церквей за показанные годы, впрочемъ, весьма немногіе, по случаю непріятельскаго нашествія, въ 1812 г., въ архивѣ консисторіи не сохранились. Могло быть и то, что запись рожденія Александра Сергѣевича Грибоѣдова, взошла въ метрическія книги какой-либо церкви военнаго, а не епархіальнаго вѣдомства, такъ какъ родитель его былъ по службѣ военнаго вѣдомства.

Но съ утвердительностью можно объяснять, что въ 1790 г. рожденія А. С. Грибоѣдова еще не было; потому что мать его, Настасья

Библиотека "Руниверс"

Ѳедоровна, въ 1790 г. была еще въ дѣвицахъ. По исповѣднымъ вѣдомостямъ города Москвы Николаевской, на Пескахъ, церкви, съ давняго времени значился домъ отца Настасьи Ѳедоровны, статскаго совѣтника Ѳедора Алексѣевича Грибоѣдова; а въ 1790 г. въ этомъ домѣ показана мать ея, вдова, статская совѣтница Марія Ивановна Грибоѣдова 52-хъ лѣтъ; при ней дѣти: дѣвицы Анастасія—22-хъ, Анна 15-ти лѣтъ — Ѳедоровны. Да и въ біографическомъ очеркѣ „Русской Старины", 1874 г., т. X, стр. 153, бракъ родителей Александра Сергѣевича, Сергѣя Ивановича и Настасьи Ѳедоровны, относится къ 1793 г. Впрочемъ, записи и о бракѣ родителей А. С. Грибоѣдова, въ метрическихъ книгахъ московскихъ церквей, не оказалось.

По исповѣднымъ вѣдомостямъ московскихъ церквей, семейство Грибоѣдовыхъ, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ значится записаннымъ, въ первый разъ встрѣчается въ 1805 г., въ приходѣ церкви св. Девяти Мучениковъ, близъ Прѣсни. Здѣсь былъ домъ матери его, Настасьи Ѳедоровны, и записано такъ: „секундъ-маіора, Сергѣя Ивановича Грибоѣдова, жена, Настасья Ѳедоровна, 37-ми л.; дѣти ея: Марія—12-ти, Александръ—10-ти лѣтъ". Съ того 1805 г., въ томъ же видѣ, семейство Грибоѣдовыхъ писалось ежегодно по исповѣднымъ вѣдомостямъ, съ прибавленіемъ членамъ семейства года. Въ 1815 г. Настасья Ѳедоровна значится вдова, и показаны при ней дѣти, съ прибавленіемъ ихъ отчества, какъ-то: Марія Сергѣевна—22-хъ и Александръ Сергѣевичъ—20-ти лѣтъ. Съ 1817 г. въ семействѣ вдовы Н. Ѳ. Грибоѣдовой, сына Александра не значится, а показана одна дочь Марія; съ 1828 г. не значится болѣе и дочери. Настасья Ѳедоровна Грибоѣдова значится владѣтельницею дома до 1833 г.

По вышеизложеннымъ записямъ въ исповѣдныхъ вѣдомостяхъ, оказывается, что показаніе г. Лонгинова, принятое „Русскою Стариною", о рожденіи Александра Сергѣевича Грибоѣдова въ 1795 г. вполнѣ достовѣрно.

По объясненію біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Русской Старинѣ", мать А. С. Грибоѣдова, Настасья Ѳедоровна, скончалась въ 1833 г.; но записи о смерти ея въ метрическихъ книгахъ Девятинской, близъ Прѣсни, церкви, не находится; вѣроятно, она скончалась въ другомъ мѣстѣ. Въ 1834 г., домъ Настасьи Ѳедоровны Грибоѣдовой перешелъ во владѣніе московскаго купца Ивана Ѳедорова Сидѣльникова. Отъ Сидѣльникова домъ перешелъ во владѣніе почетнаго гражданина Василія Ильича Ускова, который домомъ владѣетъ донынѣ.

По словамъ обывателей, домъ этотъ находится въ прежнемъ видѣ, когда въ немъ жилъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ, а именно:

Библиотека "Руниверс"

домъ имѣетъ два этажа и антресоли; нижній этажъ каменный, верхній—деревянный, оштукатуренный. Стоитъ онъ на красивомъ мѣстѣ,—на углу Новинскаго и Большаго Девятинскаго переулковъ,—фасомъ на двѣ улицы. Въ этотъ домъ, къ матери убитаго въ Персіи А. С. Грибоѣдова, въ 1828 г., проѣздомъ изъ С.-Петербурга, пріѣзжалъ внукъ персидскаго шаха, Хозрев-мирза.

Сообщ. **Н. П. Розановъ.**

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ В. А. ИНСАРСКАГО.

Тревога въ Театральномъ Управленіи. [1])

1853.

.....Вскорѣ послѣ моего причисленія къ Почтовому департаменту, Ѳ. И. Прянишниковъ спросилъ: не желаю-ли я помочь департаменту? «У насъ накопилось много судныхъ дѣлъ», прибавилъ онъ, «и если вы знакомы съ этимъ родомъ дѣятельности, то помощь ваша будетъ имѣть для насъ большую цѣну». Я отвѣчалъ, что буду дѣлать и исполнять все, что дадутъ, и хотя судебными дѣлами никогда не занимался, но зналъ, по многимъ опытамъ, что не боги же горшки обжигаютъ.

Въ почтовомъ департаментѣ существовало особое, второе, отдѣленіе для разбора судебныхъ дѣлъ по почтовой части, какъ напримѣръ: грабежъ почтъ, пропажа корреспонденціи, проступки чиновниковъ и т. п. Начальникомъ этого отдѣленія былъ нѣкто Ж. Кромѣ бездарности, онъ былъ и безпеченъ въ изумительной степени и больше занимался постройкою дома, чѣмъ дѣлами департамента. Строилъ домъ онъ на деньги жены, которая была дочерью нѣкогда довольно извѣстной танцовщицы Телешовой, плѣнявшей публику ролью нѣмой Фенеллы. Но Ж. и въ частномъ быту былъ такъ же мудръ, какъ и въ мірѣ дѣловомъ: когда онъ выстроилъ домъ, жена его бросила и домъ у него отняла, такъ что,

[1]) Новый отрывокъ изъ записокъ В. А. Инсарскаго (первый — помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1874 г., т. IX, стр. 301—322) печатается по поводу воспоминаній П. А. Каратыгина о русскомъ театрѣ прежняго времени («Рус. Стар.» 1873 г.). Воспоминанія В. А. Инсарскаго печатаются съ весьма значительными пропусками, сдѣланными самимъ авторомъ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

при всей своей тупости, онъ страшно упалъ духомъ и скоро умеръ. Когда заявлена была мною готовность на всѣ возможныя работы по департаменту, у Ж. потребовали списокъ дѣламъ, лежавшимъ въ его отдѣленіи безъ движенья и, какъ вещь обыкновенную, передали его мнѣ съ правомъ работать и расправляться съ этими дѣлами, какъ умѣю и какъ знаю. Когда я пожелалъ взглянуть на эти дѣла, мнѣ показали необъятное число томовъ, изъ которыхъ они состояли.

Отступать было невозможно. Я запасся всевозможными книгами, относящимися къ разнымъ судебнымъ процедурамъ и старался изучить какъ ихъ содержаніе, такъ и наши законы по этой части. Предстоящія работы напомнили мнѣ работы моей молодости, по части люстраціонной, столь же незнакомыя, столь же сложныя и столь же трудныя.... Къ тому же я былъ нездоровъ, а между тѣмъ, никакія другія дѣла не требовали столь глубокаго вниманія, какъ эти дѣла, иногда состоящія изъ десяти, пятнадцати томовъ, наполненныхъ показаніями, постановленіями, вопросными и отвѣтными пунктами. Отъ одного чтенія всей этой массы писаной бумаги, при моемъ болѣзненномъ состояніи, кружилась голова. Между тѣмъ быстрота, съ которою я началъ расправляться съ этими дѣлами, стала производить эффектъ. Заданный мнѣ урокъ быстро уменьшался и дѣла, залежавшіяся по нѣскольку лѣтъ, получили движеніе.

Прежде, нежели я кончилъ эту задачу, мнѣ стали давать другія серьезныя порученія. Одно изъ нихъ польстило значительно моему самолюбію и поставило меня въ личныя отношенія къ самому графу Владиміру Ѳедоровичу Адлербергу. Въ почтовомъ вѣдомствѣ существуетъ такъ называемый совѣтъ главноначальствующаго, составленный изъ заслуженныхъ и высшихъ лицъ этого вѣдомства. [1]) Въ совѣтѣ полагается правитель дѣлъ, въ V классѣ; но должность эту исполнялъ одинъ изъ членовъ совѣта, Кожуховъ, бывшій впослѣдствіи московскимъ почтъ-директоромъ, находя выгоднымъ получать содержаніе по обѣимъ должностямъ. Кожуховъ долженъ былъ уѣхать куда-то и исправленіе должности правителя дѣлъ совѣта, имѣющаго личный докладъ

[1]) Съ причисленіемъ почтоваго управленія къ вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ, отдѣльный почтовый совѣтъ уничтоженъ. **В И.**

Библиотека "Руниверс"

главноначальствующему, было предоставлено мнѣ. Въ дѣлахъ по совѣту не было недостатка, и я, составляя журналы, давалъ подписывать ихъ нашимъ членамъ, и затѣмъ докладывалъ ихъ графу В. Ѳ. Адлербергу. Для этихъ докладовъ не было опредѣленнаго дня и, каждый разъ, когда мнѣ нужно было видѣть графа, я письменно испрашивалъ у него назначенія дня и часа, когда ему угодно меня принять. Поразительно точный и безпримѣрно трудолюбивый графъ не только собственноручно отвѣчалъ мнѣ, но собственноручно надписывалъ пакеты на мое имя. Обремененный двумя министерствами и осаждаемый всевозможными докладами и докладчиками, онъ назначалъ для моихъ докладовъ, большею частью, или очень раннее, или очень позднее время. Мнѣ случалось много разъ докладывать ему зимой въ шестомъ часу утра, при свѣчахъ.....

Я не могу безъ восторга вспомнить объ этихъ личныхъ моихъ сношеніяхъ съ графомъ.

На мои глаза, графъ былъ образцомъ доброты, благородства и истинно вельможеской вѣжливости. Работалъ онъ изумительнымъ образомъ и непостижимо было, когда онъ успѣвалъ столько писать и подписывать....

Кто не зналъ, кто не помнитъ Политковскаго, этого петербургскаго Монтекристо, какъ его тогда называли? Я былъ знакомъ съ нимъ, такъ сказать, шапочнымъ образомъ. На видъ это былъ небольшой, пузатенькій, черноватый господинъ, непредставлявшій въ своей наружности ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ манеръ, самоувѣренныхъ въ высшей степени.

Я зналъ также возлюбленную его, танцовщицу Волкову, которая нисколько не отличалась красотою, но на которой замѣтно отражались роскошныя и неистощимыя средства этого волшебнаго богача. Но тѣ, которые ближе знали обстановку Политковскаго и домашнюю его жизнь, разсказывали просто невѣроятныя вещи о баснословной его роскоши. Послѣ каждаго бала или вечера, которые задавалъ Политковскій, ходили долго толки о чудесахъ, которыми они сопровождались.

Несмотря на проявленіе такого поразительнаго богатства, конечно, никто не находилъ забавнымъ останавливаться на соображеніи источниковъ, изъ которыхъ оно идетъ. Большинство думало, что тутъ главную роль играли карты, которыя многимъ

Библиотека "Руниверс"

доставляютъ обильныя средства, замѣняя имѣнія, мѣста и другія правильныя статьи. Этихъ правильныхъ статей у Политковскаго не было; о его большихъ имѣніяхъ вовсе не было слышно; мѣсто занималъ онъ средней руки и именно директора канцеляріи въ комитетѣ раненыхъ, съ обычнымъ содержаніемъ, какое присвоено всѣмъ директорскимъ мѣстамъ, и которое въ своихъ предѣлахъ удерживаетъ всякую роскошь. Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалидномъ капиталѣ оказалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ, которые Политковскій умѣлъ постепенно забирать и тратить. Политковскій посаженъ въ крѣпость, гдѣ скоро и умеръ, вѣроятно, отравившись. Между стариками генералами, членами комитета, пошла страшная передряга. Гнѣвъ Императора Николая Павловича не зналъ предѣловъ. Всѣ министры сильно встревожились и стали осматриваться, все-ли у нихъ цѣло.

Во время этой суматохи, графъ В. Ѳ. Адлербергъ командовалъ двумя министерствами—императорскаго двора и почтовымъ. И въ томъ, и въ другомъ министерствѣ совершалось движеніе громадныхъ суммъ. Графъ тоже нашелъ необходимымъ удостовѣриться, все-ли у него, по этой части, въ порядкѣ и цѣлости.

Съ этою цѣлью, онъ предположилъ учредить изъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ особую коммиссію; въ эту коммисію графъ зачислилъ и меня. Кожухову, о которомъ я выше говорилъ, приказано было составить всеподданнѣйшій докладъ по этому предмету, который и былъ высочайше утвержденъ.

Но прежде, нежели коммиссія приступила къ дѣлу, я получилъ отъ Ѳ. И. Прянишникова слѣдующую записку: «Графъ Владиміръ Ѳедоровичъ проситъ васъ пожаловать къ нему завтра, въ воскресенье, 15-го марта, къ половинѣ одинадцатаго, во дворецъ, въ кабинетъ его, находящійся въ квартирѣ покойнаго министра двора. Подъѣздъ съ дворцовой набережной».

Когда я явился, графъ В. Ѳ. Адлербергъ пригласилъ меня въ кабинетъ и началъ словами:

— «У меня къ вамъ просьба. На театральное управленіе поступилъ доносъ. Вы у насъ считаетесь знатокомъ слѣдственныхъ дѣлъ и, кромѣ васъ, я не имѣю никого, кому бы могъ

Библиотека "Руниверс"

поручить произвести слѣдствіе по этому доносу. Ревизіонная коммиссія не пострадаетъ, если я васъ возьму изъ ея состава, а вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если займетесь этимъ важнымъ дѣломъ».

— По закону есть формальныя слѣдствія и простыя дознанія», сказалъ я. Поэтому мнѣ необходимо указаніе вашего сіятельства: долженъ-ли я производить формальное слѣдствіе, въ которомъ есть много стѣснительныхъ и непріятныхъ форменностей для всѣхъ личностей, имѣющихъ отношеніе къ вопросу, или только ограничиться дознаніемъ, такъ сказать, предварительнымъ и домашнимъ слѣдствіемъ?

— «Формальное, формальное!» рѣшительно сказалъ графъ.

Данное мнѣ порученіе надѣлало, въ свое время, шуму въ Петербургѣ.

Начать съ того, что я много разсматривалъ слѣдственныхъ дѣлъ по почтовому вѣдомству, но самъ дотолѣ никогда не производилъ слѣдствія. Слѣдовательно, трудность этого порученія увеличилась для меня новизною его. Но понятно, что отказываться я не могъ, да и не хотѣлъ, опять таки на томъ основаніи, что не боги же горшки обжигаютъ. Первымъ моимъ дѣломъ было опять запастись книгами и другими матеріалами, относящимися къ предстоящему мнѣ дѣлу...

Директоромъ театровъ былъ въ то время А. М. Гедеоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принадлежалъ къ разряду первыхъ чиновъ двора.

Общіе отзывы объ А. М. Гедеоновѣ, какъ о человѣкѣ и какъ объ администраторѣ, были довольно неопредѣленны, такъ что я рѣшительно не могу сказать ничего положительнаго, чтобы начертать сколько-нибудь яснымъ образомъ его нравственную физіономію. Изъ личныхъ же моихъ съ нимъ сношеній, истекавшихъ изъ возложеннаго на меня дѣла, несмотря на то, что сношенія эти, помимо моей личности, не могли представлять для него ничего хорошаго, я вынесъ самое пріятное впечатлѣніе. Его привѣтливость, милое обращеніе, отличавшееся какимъ-то чистосердечіемъ,—ложнымъ или искреннимъ, это другой вопросъ,—мнѣ чрезвычайно нравились и привлекали къ нему. Онъ имѣлъ видъ барина и царедворца. Говорили, что онъ самъ мало занимается

Библиотека "Руниверс"

дѣломъ, и то преимущественно внѣшнею его стороною, а что вся основная, хозяйственная часть находится въ рукахъ, такъ называемыхъ, ближайшихъ его помощниковъ.

Первымъ и главнымъ помощникомъ его былъ знаменитый К—въ, который былъ только управляющимъ конторою театровъ, а на самомъ дѣлѣ былъ могущественнымъ и неограниченнымъ повелителемъ всего театральнаго міра. Кто не знаетъ и не помнитъ К—ва? Если говорили о театрахъ, если имѣли какое-либо дѣло до театровъ, на первомъ планѣ былъ всегда К—въ, какъ будто бы ни А. М. Гедеонова, ни другихъ личностей, имѣющихъ значеніе въ этомъ мірѣ, не существовало. Въ то же время К—въ имѣлъ далеко не безукоризненную репутацію.... Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему, посредствомъ различныхъ театральныхъ услугъ и смѣтливостью ловкаго человѣка, образовать и поддерживать обширныя и сильныя связи; такъ что въ результатѣ выходило, что хотя всѣ признавали его человѣкомъ не вполнѣ возвышенныхъ правилъ, но въ то же время онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ самымъ крѣпчайшимъ образомъ... Добрые друзья мои обращали на эту сторону особенное мое вниманіе и предупреждали, что тутъ можно отличиться, но можно и самому шею сломать... Другимъ помощникомъ А. М. Гедеонова былъ не менѣе знаменитый Оберъ, директоръ театральной школы, знаменитый тѣмъ, что онъ считался, какъ говорили, самымъ ловкимъ и усерднымъ устроителемъ отношеній театральныхъ воспитанницъ съ сильными міра сего Дѣла образованія воспитанницъ, дѣла серьезнаго управленія школою онъ вовсе не понималъ, какъ тотчасъ убѣдился я данными, истребованными къ моему дѣлу. Впрочемъ, этого господина я лично вовсе не видѣлъ, потому что какъ только мнѣ поручили слѣдствіе, онъ перетрусился и скрылся подъ видомъ болѣзни, сдавъ управленіе школою помощнику своему, Аубелю, тоже порядочному трусу.

Весь этотъ театральный составъ графъ Владиміръ Ѳедоровичъ наслѣдовалъ отъ своего предмѣстника князя П. М. Волконскаго. Говорили, что князь Волконскій не любилъ графа, быть можетъ, именно потому, что видѣлъ въ немъ человѣка, который, рано или поздно, станетъ на его мѣсто. Понятно, что и графъ, въ свою очередь, не могъ симпатизировать ни своему предмѣстнику, ни тѣмъ личностямъ, которыя были въ ходу при немъ. Всѣ

Библиотека "Руниверс"

утверждали, что графъ далеко не ставитъ высоко ни К—ва, ни Обера. Рѣшительное приказаніе, данное мнѣ, произвести непремѣнно формальное слѣдствіе, казалось, подтверждало эти слухи. Привожу все это здѣсь для того, чтобы объяснить точку, съ которой я долженъ былъ смотрѣть на дѣло, возбудившее въ Петербургѣ почти всеобщее вниманіе.

Доносъ на театральное управленіе, переданный мнѣ графомъ, былъ представленъ ему ничтожною личностью и отличался ничтожностью содержанія. Какой-то маленькій чиновникъ, служившій въ конторѣ театральной школы и выгнанный оттуда, жаловался на какія-то притѣсненія и указывалъ на какіе-то безпорядки. Я тотчасъ вытребовалъ этого господина и пригласилъ его развить подробно свѣдѣнія о безпорядкахъ, на которые онъ указывалъ. Помню, онъ что-то болталъ, но существеннаго и рельефнаго ничего не представилъ, такъ что онъ имѣлъ только цѣну предлога, по которому можно было покопаться въ театральныхъ дѣлахъ. Такъ какъ этотъ доносчикъ былъ изъ отставныхъ, то я тотчасъ потребовалъ депутата отъ губернскаго начальства и мнѣ командировали бывшаго тогда чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, Спасскаго, брата того Спасскаго, который занималъ должность Калужскаго губернатора. Спасскій былъ милый, образованный, дѣльный молодой человѣкъ, о которомъ я всегда вспоминаю съ удовольствіемъ. Онъ выслушалъ мой взглядъ, посмотрѣлъ на первые мои шаги, совершенно одобрилъ то и другое и предоставилъ мнѣ полнѣйшую свободу дѣйствій, ограничиваясь только подписью тѣхъ бумагъ, гдѣ подпись его, по закону, была необходима...

Взглядъ мой на дѣло былъ таковъ, что доискиваться, во что бы то ни стало, различныхъ преступленій и злоупотребленій по театрамъ, когда къ этому не предстояло прямаго, обязательнаго повода, было бы недобросовѣстно и отзывалось бы не совсѣмъ христіанскимъ стремленіемъ—напакостить ближнему, каковъ бы онъ ни былъ. Съ другой стороны, оставлять совершено нетронутыми такія личности, какъ К—въ и Оберъ, было бы, по моему убѣжденію, еще болѣе недобросовѣстно. Поэтому я рѣшился вести и довести дѣло до той степени, чтобы графъ имѣлъ полную возможность оставить этихъ господъ на своихъ мѣстахъ, если они ему нравятся, простивъ имъ различные безпорядки, въ дѣйствіяхъ

Библиотека "Руниверс"

ихъ обнаруженные; или имѣть въ этихъ самыхъ безпорядкахъ достаточный поводъ раскланяться съ ними, если они ему противны.

Нѣтъ нужды говорить, что когда начались мои дѣйствія, самъ А. М. Гедеоновъ и второстепенныя личности старались очаровать меня своею предупредительностью. А. М. Гедеоновъ почти каждое утро приглашалъ меня къ себѣ въ кабинетъ, показывалъ мнѣ какіе-то образцовые или запасные костюмы; разсказывалъ различные театральные анекдоты; однимъ словомъ, былъ любезенъ и внимателенъ ко мнѣ въ высшей степени. К—въ, какъ умный человѣкъ, старался держать себя на ногѣ стараго моего знакомаго, потому что мы дѣйствительно встрѣчались до того времени, и о дѣлѣ, мнѣ предстоящемъ, говорилъ равнодушно, какъ объ извѣтѣ какого-то ничтожнаго негодяя, неимѣющемъ ничего серьезнаго. Аубель былъ воплощенный страхъ и смѣшно было видѣть, какъ боязливо, нерѣшительно появлялась его толстая и неуклюжая фигура предо мной, вслѣдствіе моихъ требованій. Само собою разумѣется, что мнѣ сдѣлалось доступнымъ все, что такъ заманчиво и таинственно для посторонняго въ глубинѣ театральнаго міра. Но я не былъ изъ тѣхъ, для которыхъ этотъ доступъ могъ имѣть особенную драгоцѣнность; тѣмъ не менѣе, я посѣщалъ спектакли театральной школы, въ которыхъ пробуются молодые таланты воспитанниковъ и воспитанницъ; осматривалъ закулисное устройство; присутствовалъ на различныхъ репетиціяхъ и т. п.

Но изъ всѣхъ этихъ выгодъ тогдашняго моего положенія я никогда не забуду одного обстоятельства, которое произвело на меня потрясающее дѣйствіе. Однажды, едва только вошелъ я въ комнату, назначенную для моихъ занятій, какъ является трусливый Аубель, съ словами: «не угодно-ли взглянуть на танцовальный классъ воспитанницъ. Этого никто не можетъ видѣть и для васъ можетъ быть очень интересно». Не совсѣмъ хорошо понимая, въ чемъ могъ состоять этотъ особенный интересъ, я, тѣмъ не менѣе, охотно согласился на это предложеніе и, взявъ шляпу, послѣдовалъ за Аубелемъ по разнымъ длиннымъ коридорамъ, соединяющимъ театральную контору съ театральною школою. «Блуждали долго», какъ поетъ Ваня въ операѣ Глинки, «и наконецъ достигли». Въ одномъ изъ коридоровъ, прилегаю-

Библиотека "Руниверс"

щихъ къ танцовальной залѣ, начали уже появляться видѣнія, ослѣпившія мои глаза... Кто не знаетъ, что есть много любителей балетовъ, которые ставятъ балетъ превыше всевозможныхъ зрѣлищъ, потому единственно, что тутъ только можно видѣть прекрасныя женскія ноги, высоко поднимаемыя. Я никогда не находилъ особеннаго наслажденія въ этомъ и, вѣроятно, оттого, что въ волшебныхъ гротахъ, подземныхъ или воздушныхъ царствахъ и вообще въ баснословной обстановкѣ нашихъ балетовъ какъ-то естественно уже видѣть порхающія полуобнаженныя существа. Но въ ту минуту, о которой я говорю, не было никакой фантастической обстановки; напротивъ, была обстановка, крайне прозаическая. Начать съ того, что было утро, довольно пасмурное; церковные колокола звали къ обѣднѣ. Корридоры были весьма грязноваты; по корридорамъ шныряли или неблаговидные чиновники, или грубые сторожа и служители; наконецъ, настроеніе мое было вовсе не поэтическое, но самое серьезное и дѣловое, и вдругъ, среди этого-то вещественнаго міра, въ глазахъ моихъ мелькнули двѣ или три фигуры, способныя возмутить самые возвышенные помыслы. Это были воспитанницы, готовыя къ танцовальному классу, въ костюмѣ, просто возмутительномъ. Сверху хотя и было что-то на нихъ, но это что-то оканчивалось немного ниже пояса, затѣмъ все остальное облекалось однимъ трико и представляло такія возвышенія и изгибы, что умъ затмѣвался. Я помню, кровь бросилась мнѣ въ голову и я не могъ оторвать глазъ отъ зрѣлища, дѣйствительно поразительнаго. Но надо было сохранять приличіе, тѣмъ болѣе, что старый и неуклюжій Аубель, повидимому, привыкшій уже къ такимъ видѣніямъ, не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ тащить меня къ дверямъ танцовальной залы.

Когда мы приблизились къ ней, Аубель предупредилъ меня, что войти туда никакъ невозможно и что только можно взглянуть туда незамѣтнымъ образомъ. Съ этими словами онъ пріотворилъ нѣсколько одну изъ половинокъ дверей, ведущихъ въ залу, и пригласилъ меня смотрѣть въ образовавшуюся такимъ образомъ между половинками дверей щель. Я приблизился къ ней и увидѣлъ огромную залу, по стѣнамъ которой разставлены были воспитанницы въ такихъ же точно своеобразныхъ костюмахъ, какой я изобразилъ выше, и дѣлали различныя движенія,

Библиотека "Руниверс"

въ которыхъ подниманіе ногъ на разныя манеры стояло на первомъ планѣ. Посрединѣ залы стоялъ какой-то господинъ, вѣроятно, учитель, и выкрикивалъ различныя команды, по которымъ безчисленное множество ногъ, отбрасываемыхъ въ одну сторону, мгновенно начинали отбрасываться въ другую. Я, впрочемъ, недолго смотрѣлъ на этотъ рѣдкій, для посторонняго, спектакль. Онъ даже и немного интересовалъ меня, потому-ли, что воспитанницы, выровненныя и установленныя по стѣнамъ, не представляли уже такого потрясающаго эффекта, какъ двѣ или три воспитанницы, мелькавшія, въ ихъ соблазнительныхъ костюмахъ съ едва прикрытыми трико формами, среди сторожей и разнаго сброда, или уже чувства мои, пораженныя первымъ впечатлѣніемъ, неспособны были воспринять другаго, столь же сильнаго впечатлѣнія. Во всякомъ случаѣ, я понималъ, что трусливый Аубель оказалъ мнѣ, своего рода, большую услугу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Петербургѣ нашлись бы люди, готовые охотно бросить тысячи за то, что, по милости и трусости этого господина, я видѣлъ даромъ.

Наконецъ, къ числу выгодъ тогдашняго моего положенія должно отнести также право посѣщать театральную церковь, гдѣ я могъ видѣть старшихъ воспитанницъ школы, выводимыхъ на выставку и плотоядные взоры, бросаемые на нихъ старыми ловеласами, и слышать, на правомъ крылосѣ, нотное пѣніе съ солами Булохова, имѣвшаго тогда еще порядочный теноровой голосъ, а на лѣвомъ—сборную театральную братію, подъ предводительствомъ покойнаго Максимова, хорошаго актера, но жалкаго пѣвца....

Когда мною были собраны и истребованы всѣ предварительныя свѣдѣнія, относящіяся къ моему порученію, я составилъ, слѣдуя закону о формальныхъ слѣдствіяхъ, вопросные пункты и послалъ ихъ К—ву. Разумѣется, штука эта сильно не понравилась ему и поколебала равнодушіе, съ которымъ онъ доселѣ смотрѣлъ на дѣло. И дѣйствительно, могутъ-ли представлять что-либо пріятнаго вопросы: кто ты такой? Какъ тебя зовутъ? Есть-ли у тебя имѣніе? Гдѣ его взялъ? Молишься-ли Богу? и т. п. Я самъ хорошо зналъ, что эти грозные и оскорбительные пріемы далеко не соотвѣтствуютъ маловажности предмета, но долженъ былъ держаться ихъ, въ силу приказанія графа производить формальное,

Библиотека "Руниверс"

а не другое, слѣдствіе. Въ то же время отправлены подобные вопросы и другимъ театральнымъ личностямъ. К—въ отвѣчалъ по всѣмъ пунктамъ сухо и сжато. Сущность его отвѣтовъ заключалась въ томъ, что онъ дѣлалъ все, о чемъ я его спрашивалъ, по приказанію и съ разрѣшенія директора.

Централизація, которою зараженъ былъ нашъ административный міръ, въ послѣднее время, стала замѣтно ослабѣвать, вслѣдствіе ударовъ, наносимыхъ ей различными полезными преобразованіями; но въ то время, кромѣ другихъ неудобствъ, ее сопровождавшихъ, она представляла несокрушимую твердыню, за которою безопасно и безнаказанно прятались ловкія личности, подобные К—ву. Кого бы вы ни спросили въ то время, зачѣмъ такая-то гадость сдѣлана?—вы непремѣнно получили-бы отвѣтъ: по приказанію или съ разрѣшенія начальника. Еслибы у васъ явилась охота подобный же вопросъ предложить этому начальнику, онъ непремѣнно сослался бы на своего начальника, и т. д. до самыхъ вершинъ. Естественно, что при такомъ порядкѣ, для ловкихъ людей, ничего не стоило покрыть всякую гадость высшимъ разрѣшеніемъ. Такъ дѣлалъ и такъ отвѣчалъ, ловкій изъ ловкихъ, К—въ. Этого мало, онъ увѣрилъ А. М. Гедеонова, что слѣдствіе производится не надъ нимъ, К—мъ, а надъ нимъ, А. М. Гедеоновымъ, потому что всѣ предметы, по которымъ я спрашивалъ К—ва, утверждены и разрѣшены А. М. Гедеоновымъ. Этотъ добрый баринъ совершенно ему повѣрилъ и ту же мысль заявилъ гр. В. Ѳ. Адлербергу, который, при первомъ свиданіи со мною, сталъ объяснять мнѣ, что А. М. Гедеоновъ первый чинъ двора, какъ и онъ самъ, что слѣдствія надъ нимъ онъ производить не имѣетъ права и что вообще слѣдствію не должно давать широкихъ размѣровъ. Я отвѣчалъ графу, что А. М. Гедеонову я не предлагалъ никакихъ вопросовъ, ни словесныхъ, ни письменныхъ, что К—въ укрывается только за него, что раздраженіе, замѣтное въ театральномъ мірѣ, происходитъ единственно отъ жесткихъ формъ, которыми законъ сопровождаетъ формальное слѣдствіе, что раздраженіе это неминуемо усилится, если продолжать слѣдствіе тѣмъ же строгимъ законнымъ путемъ и что если графу угодно избѣжать этого, то слѣдствіе можно закончить каждую минуту, потому что въ немъ уже есть много данныхъ, по которымъ графъ можетъ составить ясное по-

Библиотека "Руниверс"

нятіе о дѣйствіяхъ театральной администраціи. Выслушавъ все это, графъ сказалъ:

— «Я былъ бы очень благодаренъ вамъ, если бы вы нашли возможнымъ скорѣе кончить это непріятное дѣло».

Помню, это было на второй день Святой недѣли. Я тотчасъ бросился къ Спасскому, переговорилъ съ нимъ, привелъ въ окончательный порядокъ бумаги, къ слѣдствію принадлежащія, составилъ донесеніе графу, въ которомъ изложилъ главныя черты и выводы, добытые моимъ слѣдствіемъ, и чрезъ три дня представилъ все это лично графу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я самъ прочелъ свое донесеніе. Составлено было оно кратко, ясно, съ ссылками каждой фразы на источники. Различные безпорядки выставлялись, безъ всякаго преднамѣренія, самымъ рельефнымъ образомъ. Приведу одинъ изъ нихъ. Контора театральной школы не представляла за нѣсколько лѣтъ отчетовъ въ громадныхъ суммахъ, на содержаніе школы отпущенныхъ. Ее спрашиваютъ: почему не представляетъ отчетовъ? Она отвѣчаетъ: «причины непредставленія отчетовъ ей неизвѣстны». Когда я окончилъ свое донесеніе, графъ выразилъ полнѣйшее свое удовольствіе и благодарилъ меня. Я счелъ умѣстнымъ заключить эту аудіенцію слѣдующими словами:

— Когда ваше сіятельство удостоили меня этимъ порученіемъ, многіе утверждали, что съ нимъ связанъ вопросъ о моей будущности, и что обширныя и сильныя связи, которыми пользуются театральные администраторы, задавятъ меня. Я не обращалъ вниманія на эти предостереженія и дѣйствовалъ такъ, какъ находилъ, по моимъ убѣжденіямъ, справедливымъ.

Графъ отвѣчалъ: «Если бы я не зналъ васъ и вашихъ правилъ, я бы и не сдѣлалъ вамъ этого порученія».

Тѣмъ дѣло и кончилось. Мнѣ было извѣстно, что мое донесеніе, съ приложеніями, было передано А. М. Гедеонову, который, вмѣстѣ съ К—мъ, представилъ объясненіе о разныхъ смягчающихъ обстоятельствахъ, но это не помогло. К—въ и Оберъ слетѣли съ своихъ мѣстъ и замѣнены двумя чиновниками, взятыми изъ почтоваго вѣдомства, которое графъ, какъ говорили, болѣе любилъ, чѣмъ вѣдомство министерства двора. На мѣсто К—ва назначенъ былъ Борщовъ, а на мѣсто Обера—П. С. Ѳедоровъ...

В. Инсарскій.

Библиотека "Руниверс"

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬНИЦА ВОЙНЪ РОССІИ

1849 и 1854 гг.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ довольно курьезную записку, неизвѣстно кѣмъ составленную и сохранившуюся въ бумагахъ покойнаго военнаго писателя В. Ѳ. Ратча (автора исторіи Польскихъ мятежей). Эта записка передана намъ самимъ Ратчемъ въ послѣдній его пріѣздъ въ Петербургъ, когда онъ уже оставилъ службу и покинулъ навсегда Вильну. Ред.

Рахиль Ивановна Д.-З., старшая дочь помѣщика, Дисненскаго уѣзда, Виленской губерніи, родилась въ 1827 году. Родители ея имѣли до 500 душъ крестьянъ, въ томъ же уѣздѣ, и каменный домъ, въ Вильнѣ. Они, впрочемъ, не были людьми богатыми; по малоземелью, особенно въ неурожайные годы, имъ случалось кормить крестьянъ своихъ, а потому отецъ Рахили принужденъ былъ войдти въ долги, иногда находился въ довольно тѣсныхъ обстоятельствахъ и жилъ уединенно. Несмотря на это, они не жалѣли ничего для образованія Рахили. Они имѣли и другую дочь, но та была еще малолѣтняя.

Сначала Рахиль воспитывалась дома, подъ строгимъ наблюденіемъ матери, а потомъ въ Вильнѣ, въ образцовомъ пансіонѣ. Обладая прекрасными способностями ума, она пріобрѣла хорошія познанія въ наукахъ и знала довольно хорошо языки, сверхъ польскаго, французскій и нѣмецкій. Характера она была чувствительнаго и кроткаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пылкаго и рѣшительнаго. Цвѣтъ лица она имѣла пріятный; въ правильныхъ чертахъ его было много жизни и выраженія. Несмотря на малый ростъ, въ наружности и въ движеніяхъ ея было много достоинства. Преимущественными занятіями ея были: чтеніе священныхъ книгъ, а еще болѣе, политическихъ журналовъ, также рукодѣлья и музыка. Она была очень набожна: безпрестанно налагала на себя посты, часто молилась и пѣла священныя пѣсни въ домашней часовнѣ.

Библиотека "Руниверс"

Д—тъ-З—чи не коренные поляки. Предки ихъ, переселившіеся въ Литву уже около 300 лѣтъ назадъ тому, происходятъ отъ владѣтельнаго Сербскаго дома. Дѣдъ Рахили, по отцѣ, былъ минскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Отецъ ея, Иванъ Михайловичъ Д—тъ-З—чъ, отставной офицеръ гвардейской артиллеріи, человѣкъ благомыслящій и преданный русскому правительству. Дяди ея, родные братья отца, находились въ русской службѣ; изъ нихъ полковникъ Антонъ Михайловичъ Д—тъ-З—чъ долгое время служилъ въ корпусѣ жандармовъ (штабъ-офицеромъ, сначала во Псковѣ, а потомъ—въ Костромѣ). Тетка ея была за русскимъ генераломъ. Всѣ родственники ея, со стороны отца, всегда были вѣрными слугами Россіи. Именъ ихъ никогда не встрѣчалось въ исторіи смутъ Западнаго края. Отъ нихъ Рахиль могла принимать только добрыя впечатлѣнія въ отношеніи къ нашему правительству. Но мать ея, рожденная Подвипентова, чистая полька, была самая восторженная польская патріотка: ненавидѣла Россію и старалась, съ самаго дѣтства дочерей своихъ, передать имъ свои политическія чувства и правила.

Рахиль, мечтательная, склонная къ принятію сильныхъ ощущеній, всосала въ себя отъ матери пламенную любовь къ Польшѣ и ненависть къ Россіи. Эту непріязнь къ намъ развивали въ ней еще: пользовавшій ее докторъ, Ярошевичъ, студентъ Сигизмундъ Сераковскій, къ которому она питала расположеніе, и поэтъ Желиговскій,[1]) который искалъ ея руки. Эти молодые люди тѣмъ легче дѣйствовали на Рахиль, что они были уважаемы ея матерью.

Слабое сложеніе и разстроенное здоровье Рахили также способствовали развитію въ ней мечтательности. Почти съ самаго дѣтства она страдала различными недугами, а впослѣдствіи воспаленіемъ мозга и нѣсколько разъ—воспаленіемъ легкихъ. Еще не исполнилось ей 20-ти лѣтъ, а уже четыре раза должны были открывать ей кровь изъ ноги; кровоноснымъ же банкамъ, піявкамъ и мушкамъ не было числа. Кромѣ того, она страдала недугомъ, отъ котораго кровь приливала къ головѣ, нервы ея разстраивались, стѣснялся мозгъ, силы ея, тѣлесныя и душевныя, приходили въ разслабленіе; она лишалась аппетита и страдала безсонницей, которая тѣмъ больше изнуряла ее, что изрѣдка посѣщавшій ее сонъ былъ прерываемъ тревожными, фантастическими сновидѣніями.

---

[1]) Впослѣдствіи, изъ этихъ молодыхъ людей, Ярошевичъ и Сераковскій были высланы: первый—въ Пермь, а второй—въ Оренбургъ; надъ Желиговскимъ учрежденъ надзоръ въ мѣстѣ его жительства. **Авт.**

Сераковскій, онъ же Доленго, повѣшенъ, въ 1864 г., въ Вильнѣ за участіе въ послѣднемъ Польскомъ мятежѣ. **Р.**

Библиотека "Руниверс"

Въ Рахили, однако, не замѣчалось ничего, что бы показывало хотя малѣйшее разстройство ума; но понятія ея иногда бывали удивительно странны. Такъ, напримѣръ, сначала она влюблена была въ Наполеона, перваго императора французовъ; потомъ обожала солнце, привѣтствовала его восхожденіе, и такъ долго смотрѣла на него, что глазные нервы ея были поражены параличемъ; отъ этого глаза у нея нѣкоторое время не закрывались и оставались неподвижными; медицинскія пособія едва возвратили ей прежнее зрѣніе. Впослѣдствіи она мечтала учредить, на особыхъ правилахъ, дѣвичій монастырь, чтобы, съ помощію своихъ подругъ, безвозмездно обучать молодыхъ дѣвицъ; въ нынѣшнихъ дѣвичьихъ пансіонахъ, по ея мнѣнію, образованіе далеко не соотвѣтствуетъ назначенію женщины и не обращается должнаго вниманія на религію.

Мудрено-ли, что такой мечтательной, болѣзненной и лишенной правильнаго сна дѣвицѣ начали видѣться сны, въ которые она вѣровала, какъ въ дѣйствительныя видѣнія. Трудно отвергать, чтобы такое существо, въ самомъ дѣлѣ, не могло быть близко къ предвидѣнію и пророчеству (!?). Въ состояніи, въ какомъ она бывала, какъ человѣку, доведенному магнетизеромъ до ясновидѣнія, нельзя вѣрить, нельзя и не вѣрить. Сны Рахили, естественно, относились къ тѣмъ политическимъ мыслямъ, которыми она была преисполнена. Въ этихъ снахъ, любовь къ Польшѣ, переданная ей матерью, была на первомъ планѣ; но остались слѣды и тѣхъ внушеній, которыя приняла она отъ отца и отъ его родственниковъ. Съ заботливостью о счастіи Польши въ ней соединялись опасенія и за судьбу Россіи.

Первые пророческіе сны Рахиль видѣла, когда ей было только 19-ть лѣтъ, въ 1846 году, 7-го, 8-го и 9-го апрѣля. Но замѣчательнѣйшіе сны ея случились на 27-е декабря 1847 и на 1-е января 1848 года: въ этихъ послѣднихъ сновидѣніяхъ являлся ей св. Николай чудотворецъ.

При первомъ явленіи, 27-го декабря 1847 года, за два мѣсяца до возмущеній въ западной Европѣ, [1]) мирликійскій святитель, предсказывая возстаніе народовъ противъ законныхъ властей, поручалъ ей предувѣдомить русскаго государя, чтобы онъ стерегъ Россію и не вмѣшивался въ дѣла чужихъ государствъ. [2])

---

[1]) Людовикъ-Филиппъ изгнанъ изъ Франціи 12-го (24) февраля 1848 года; вслѣдъ за тѣмъ, революція разлилась почти по всей западной Европѣ. **Авт.**

[2]) Россія приняла участіе въ войнѣ противъ Венгріи съ половины іюня 1849 г.; слѣдовательно, черезъ полтора года послѣ перваго явленія св. Николая чудотворца дѣвицѣ Рахили. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

При этомъ св. угодникъ вручилъ Рахили, для передачи государю, желѣзный ключъ, приказывая запереть имъ на-крѣпко Россію. Онъ говорилъ еще, что императоръ Николай долженъ милостивѣе поступать съ поляками, иначе, при смутныхъ обстоятельствахъ, будетъ и ему худо. Императрица же Марія Ѳеодоровна, съ лаской и кротостью, убѣждала его исполнить приказаніе святителя, увѣряя, что съ нею не случится ничего худаго.

Во второе явленіе, на 1-го января 1848 года, св. Николай чудотворецъ строго упрекалъ Рахиль, за то, что она медлитъ исполненіемъ его приказанія и не доводитъ о его волѣ до свѣдѣнія государя.

Устрашенная этими видѣніями, но все еще не смѣя писать къ государю, Рахиль не знала, что̀ дѣлать: она боялась дѣйствовать скрытно отъ родителей; боялась и ввести ихъ въ свою тайну, чтобы и на нихъ не навлечь бѣду. Наконецъ, она рѣшилась обо всемъ написать къ намѣстнику Царства Польскаго, фельдмаршалу князю Варшавскому, предоставляя ему донести государю и полагая, что этимъ будутъ исполнены велѣнія св. угодника. Она отправила письмо въ Варшаву, въ январѣ 1848 года; не сказавъ о томъ ни слова ни родителямъ, ни домашнимъ своимъ. Черезъ три мѣсяца послѣ того, когда уже начались смятенія въ западной Европѣ, видя, что предсказанія св. чудотворца сбываются, она отправила къ князю И. Ѳ. Паскевичу второе письмо.

Фельдмаршалъ предписалъ виленскому генералъ-губернатору (Мирковичу) вытребовать дѣвицу Рахиль въ Вильну, освидѣтельствовать ее въ губернскомъ правленіи и, если въ ней окажется помѣшательство, помѣстить ее въ домъ умалишенныхъ; въ противномъ же случаѣ, содержать подъ арестомъ впредь до повелѣнія.

Освидѣтельствованіе въ Виленскомъ губернскомъ правленіи произведено, 24-го апрѣля 1848 года, членами врачебной управы, при губернскихъ чиновникахъ. Рахиль, въ сопровожденіи отца своего, вошла въ присутствіе съ приличной вѣжливостью и чувствомъ собственнаго достоинства, отличающими дѣвицу хорошаго воспитанія. Надобно отдать справедливость и присутствовавшимъ: они встрѣтили Рахиль и во все время освидѣтельствованія поступали съ уваженіемъ, должнымъ ея полу и молодости. Сначала на лицѣ ея выражалась робость, но скоро она ободрилась привѣтливымъ обхожденіемъ, успокоилась и на всѣ вопросы отвѣчала съ полной довѣрчивостью. Послѣ подробныхъ распросовъ о ея болѣзни и разныхъ припадкахъ, губернаторъ предложилъ ей три вопроса по предмету письма къ фельдмаршалу. Къ этимъ отвѣтамъ она приступила также безпрекословно, но,

Библиотека "Руниверс"

начавъ писать, почувствовала приливъ крови, попросила холодной воды, частію выпила, а частію освѣжила ею свою голову. Она просила, чтобы одинъ (второй) изъ отвѣтовъ, написанный ею на особомъ листѣ, никѣмъ не былъ читанъ, кромѣ начальника губерніи. Всѣ поступки ея были въ предѣлахъ приличія и всѣ разговоры не показывали ни малѣйшаго помѣшательства. Только, по описанію случившихся съ нею припадковъ и по нѣкоторой сбивчивости воображенія, медики заключили, что она прежде, вѣроятно, страдала временнымъ разстройствомъ ума и что ей надобно стараться объ укрѣпленіи, медицинскими средствами, нервной системы. Съ благородной смѣлостью члены присутствія объявили, что не только нѣтъ надобности помѣщать Рахиль въ домъ умалишенныхъ, но что эта мѣра, возбудивъ въ ней стыдъ, огорченіе, страхъ, можетъ довести ее до дѣйствительнаго сумасшествія. По опредѣленію присутствія, она была тогда же возвращена къ семейству, подъ надзоръ родителей.

На лицъ, производившихъ освидѣтельствованіе, Рахиль никогда не жаловалась, а выражала благодарность, за ихъ благородные поступки. Но она горько сѣтовала, что освидѣтельствованіе сдѣлано было слишкомъ открыто, при 18-ти чиновникахъ, и огласилось даже въ сосѣдственныхъ губерніяхъ. По ея мнѣнію, въ такомъ формальномъ распоряженіи не предстояло надобности, тѣмъ болѣе, что дѣло касалось слишкомъ важнаго предмета и требовало глубокой тайны. Еще она скорбѣла, что это освидѣтельствованіе нанесло безпокойство и печаль ея родителямъ. Она думала даже, что этимъ случаемъ убита вся ея будущность.

Прошло слишкомъ семь мѣсяцевъ послѣ того, и дѣвица Рахиль уже начинала забывать тяжкое для нея время, какъ, въ исходѣ 1848 года, возобновились прежнія, пророческія сновидѣнія. 6-го, 15-го и 20-го декабря являлся ей опять св. Николай чудотворецъ, а 27-го декабря 1848 и на 1-е января 1849 года видѣла она во снѣ императрицу Марію Ѳеодоровну.

Въ первое изъ этихъ явленій, 6-го декабря 1848 года, мирликійскій святитель Николай строго выговаривалъ ей: „зачѣмъ ты искала косвенныхъ путей, а не шла прямо, какъ было приказано; зачѣмъ ты, по малодушію, скрыла нѣсколько словъ изъ объявленнаго тебѣ?“ Святой угодникъ заключилъ рѣчь свою такими словами: „Никому постороннему не открывай своего видѣнія, а иди прямо къ нему (къ государю) и не бойся; о немъ судятъ односторонно, по одной наружности“.

Во второе видѣніе, 18-го декабря 1848 года, св. чудотворецъ Николай еще съ бо̀льшею силою убѣждалъ ее и приказывалъ пере-

Библиотека "Руниверс"

дать государю слѣдующія слова, которыя она хорошо запомнила: „Скажи ему, что вскорѣ всемірныя событія ясно обнаружатъ волю Божію; никакая сила не отвратитъ ихъ теченія и горе постигнетъ неправыхъ. Да поспѣшитъ же онъ уразумѣть слова мои; въ нихъ онъ найдетъ все, что есть и что будетъ!"

Въ третій разъ, 20-го декабря 1848 года, она видѣла св. Николая чудотворца въ Ватиканскомъ соборѣ. Святитель сказалъ ей: „Не колеблись и не мѣдли; что приказано, то и слѣдуетъ исполнить. Вотъ знакъ (при этомъ подалъ ей большой ключъ); отнеси къ нему (государю)". Тогда она осмѣлилась спросить, что это значитъ? Святой отвѣчалъ: „что это значитъ, предоставлено ему самому уразумѣть и исполнить. Если исполнитъ, будетъ благословенъ на вѣчныя времена; не захочетъ уразумѣть—подвергнется пареканію".

Рахиль была чрезвычайно встревожена этими снами. Послѣ перваго видѣнія, она старалась забыть о немъ; но, при второмъ явленіи, мирликійскій чудотворецъ былъ разгнѣванъ и угрожалъ ей жестокимъ наказаніемъ, если не исполнитъ его воли; а при третьемъ, убѣждая обо всемъ донести самому государю, святитель, въ гнѣвѣ, такъ сильно рванулъ ее за руку, что сбросилъ ее съ постели.

Рахиль не знала, что дѣлать; она чувствовала свои обязанности исполнить волю святаго, но не желала снова огорчить родителей. Она боялась открыться имъ: они бы ее не поняли; боялась и предпринять что-нибудь безъ ихъ вѣдома. Неисполненныя велѣнія святителя тяжело лежали на ея сердцѣ.

Тогда-то начало являться Рахили новое лицо. Въ ночь на 27-е декабря 1848 и въ ночь на 1-е января 1849 года, она видѣла во снѣ императрицу Марію Ѳеодоровну. Это новое лицо какъ бы нужно было и для немощной дѣвицы и для императора Николая. Женщина скорѣе вдохнетъ въ дѣвицу твердость и рѣшимость. Если императоръ не смягчится передъ своимъ ангеломъ, святителемъ Николаемъ, то тронется убѣжденіями добродѣтельной матери, которая любила его едва-ли ни больше всѣхъ дѣтей своихъ, которую самъ онъ любилъ нѣжно и, по смерти ея, чтилъ неограниченно.

Въ первое явленіе, 27-го декабря 1848 года, императрица долго говорила. Смыслъ ея рѣчей былъ такой: „заклинаю его (государя) оставить замыслы противъ Европы; они будутъ причиною многаго зла, оскорбляютъ достоинство народовъ, его собственное достоинство и бросаютъ вѣчную тѣнь на его имя". Потомъ она прибавила: „умоляю его покориться волѣ Божіей и силѣ времени, которымъ невозможно противиться".

Во второе видѣніе, 1-го января 1849 года, Марія Ѳеодоровна, съ

Библиотека "Руниверс"

лаской и кротостью, убѣждала Рахиль исполнить велѣніе святителя Николая и писать обо всемъ непосредственно къ государю. При этомъ императрица объявила ей „три условія, необходимыя для сохраненія въ цѣлости имперіи и славы государя". Она прибавила, что „несоблюденіе этихъ условій повлечетъ за собой многолѣтнія бѣдствія во всѣхъ концахъ Россіи: вторженіе въ его предѣлы трехъ народовъ, [1]) многія наказанія и язвы, подобныя египетскимъ.

Хотя явленія императрицы ободрили Рахиль, но она еще долго не осмѣливалась писать къ императору. Послѣ каждаго видѣнія, она была поражаема страхомъ, приходила въ совершенное изнеможеніе и разслабленіе. Наконецъ, пугаемая почти безпрестаннымъ повтореніемъ явленій, объятая невыразимымъ ужасомъ, она совершенно лишилась сна и аппетита, мучилась душевно и тѣлесно. Къ довершенію этихъ страданій, она лишилась матери, которая умерла въ январѣ 1849 г.

Не прежде, какъ въ исходѣ февраля 1849 г., Рахиль едва собралась съ силами и написала письмо къ государю. [2])

„Смѣлость моя"—писала она—„необыкновенна и, можетъ быть, непростительна; но я исполняю священную обязанность, возложенную на меня волею свыше. Знаю, сколь опасно мое предпріятіе и къ кому обращаюсь; я слышала о тебѣ, государь, и всегда содрогалась при одномъ имени твоемъ; но знаю также, что Богъ выше тебя...

„Хотя я происхожу отъ племени, тебѣ ненавистнаго, но хотѣла бы на сердце твое и на душу твою склонить милости неба; ибо отъ тебя зависитъ участь народовъ. Еслибы Богу угодно было вдохнуть въ душу твою то, что мнѣ поручено объявить тебѣ, то былъ бы ты счастливъ и уважаемъ цѣлымъ свѣтомъ, благословенъ навсегда между людьми и предъ лицомъ Всевышняго; былъ бы не только великимъ государемъ, но и человѣкомъ великимъ. Прости, государь, смѣлость словъ моихъ, уповаю на милость Божію и на твое великодушіе. Надѣюсь, что ты уразумѣешь откровенія, которыя должна я представить тебѣ...."

Здѣсь Рахиль подробно описала видѣнія и пророчества св. Николая чудотворца, о которыхъ она прежде извѣщала князя Вар-

---

[1]) Это предсказано за четыре съ половиною года до войны Турціи противъ Россіи (до іюня 1853 г.); за 5 лѣтъ и 1 мѣсяцъ до объявленія войны англичанами и французами (до февраля 1854 г.); за 5 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ до высадки всѣхъ трехъ враждебныхъ народовъ на берега Крыма (до сентября 1854 г.). Авт.

[2]) Это и большая часть писемъ Рахили писаны по-польски, потому что на этомъ языкѣ она легче объясняла свои мысли. Авт.

Библиотека "Руниверс"

шавскаго, всѣ видѣнія того же святителя и императрицы Маріи Ѳеодоровны, явившіяся ей послѣ. Она изложила въ точности слышанныя отъ нихъ пророчества и наставленія государю.

Но въ чемъ заключались три условія, объявленныя Маріею Ѳеодоровною—Рахиль не объяснила. „Условія эти“ — писала она — „я помню, но не рѣшаюсь изложить теперь, по ихъ величайшей важности; если прикажешь, то я, по первому требованію, пришлю ихъ въ собственныя руки; кромѣ тебя, онѣ никому не должны быть извѣстны“.

Въ заключеніе Рахиль писала: „Передавъ въ руки твои то, что мнѣ повелѣно было объявить, я за истинну всего этого готова отвѣчать моею жизнію. Не знаю, какъ будетъ принято мое откровеніе; но я увѣрена, что оно исполнится. Государь! внемли голосу божественнаго милосердія; помни, что если не послушаешь его, то будешь тяжко сожалѣть и отвѣчать передъ небомъ. Это мое убѣжденіе и послѣднія слова мои изъ горнихъ предѣловъ пророческаго духа.“

„А теперь, какъ подданная, у ногъ твоихъ, отецъ и государь, умоляю: не преслѣдуй меня. Виновата-ли я, что повинуюсь влеченію души? То не моя воля. Хотя надѣюсь на справедливость и великодушіе твое, но страхъ меня одолѣваетъ, по привычкѣ трепетать отъ одного имени твоего, потому что мы всѣ тебя боимся. Я же опасаюсь не столько за себя, сколько за семейство мое, за старика отца, который сокрушенъ недавней кончиной моей матери; всякое потрясеніе для него будетъ пагубно. Умоляю тебя, государь, не посылай къ намъ ни жандармовъ, ни исправниковъ, не приказывай мнѣ являться въ присутственныя мѣста и къ губернаторамъ; но повели оставить меня въ покоѣ, при отцѣ моемъ“.

Это письмо къ государю, отъ 26-го февраля 1849 года, Рахиль отправила въ Петербургъ также, какъ и прежнее, не сказавъ ни слова отцу и домашнимъ. Исполнивъ возложенное на нее свыше, она успокоилась и здоровье ея начало возстановляться.

Въ исходѣ апрѣля, по повелѣнію государя, предписано было дядѣ Рахили, полковнику А. М. Д — тъ-З — чу, отправиться въ имѣніе брата его, распросить племянницу объ откровеніяхъ ея и замѣтить, въ какомъ положеніи находятся ея умственныя способности.

Между тѣмъ, Рахиль терзалась безпокойствомъ, не зная, что сдѣлалось съ письмомъ, которое она отправила къ государю. Всегда набожная и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ прибѣгающая къ Богу, она наложила на себя девятидневныя моленья (новенны), для испрошенія у Всевышняго скорѣйшаго окончанія мучительной для нее неизвѣстности.

Библиотека "Руниверс"

Въ послѣдній (девятый) день этихъ моленій, А. М. Д—тъ-З—чъ пріѣхалъ въ имѣніе своего брата. Рахиль приняла это за услышаніе молитвъ ея, и этотъ случай произвелъ на нее сильное впечатлѣніе—радостное и благоговѣйное.

Она была чрезвычайно признательна государю за милостивый выборъ человѣка, который пріѣздомъ своимъ не могъ ни испугать ее, ни встревожить. Чувствовала она, сколько было нѣжности и осторожности въ этомъ назначеніи. Она говорила: „да благословитъ Господь Богъ во всемъ государя; благодарю его, благодарю у отеческихъ ногъ его!“

А. М. Д—тъ-З—чъ два раза пріѣзжалъ въ имѣніе своего брата, и въ оба пріѣзда пробылъ тамъ двѣ недѣли. Родные отвыкли отъ него, потому что онъ былъ въ отлучкѣ отъ нихъ уже много лѣтъ. Особенно племянница сначала показывала при немъ робость и дикость. Антонъ Михайловичъ употребилъ все стараніе и искусство, чтобы возвратить къ себѣ прежнее довѣріе своего семейства. Надобно сказать, что онъ былъ человѣкъ умный, образованный, нѣжный и пріятный въ обращеніи. Скоро все семейство вошло съ нимъ въ старыя, дружескія отношенія.

Больше всего онъ старался подѣйствовать на племянницу. Замѣчая, что чувства, внушенныя матерью: чрезмѣрная любовь къ Польшѣ, страхъ и ненависть къ правительству Россіи, глубоко запали въ ея молодое сердце, онъ разсказывалъ ей примѣры правосудія и великодушія императора Николая. Она слушала и удивлялась, что не знала этого; продолжала слушать и проливала слезы благодарности. Въ императорѣ начала она видѣть великаго генія; но говорила, что онъ можетъ быть еще выше, чѣмъ былъ до того времени и, можетъ быть, сдѣлается истинно великимъ государемъ.

О чудныхъ же видѣніяхъ своихъ, Рахиль еще не рѣшалась говорить. Только послѣ того, какъ дядя показалъ ей предписаніе, которое убѣдило ее, что онъ пріѣхалъ по высочайшей волѣ, развязался языкъ ея. Съ дѣтской откровенностью, она разсказала о всѣхъ видѣніяхъ и пророчествахъ, о всѣхъ тревогахъ и мукахъ, о всѣхъ своихъ болѣзняхъ и припадкахъ.[1]) При этомъ она, съ полнымъ убѣжденіемъ, доказывала, что видѣнія ея не были пустыми грезами или слѣдствіемъ болѣзненныхъ страданій. Замѣтивъ сомнѣнія дяди, она клялась всѣмъ, для нея священнымъ, и прахомъ недавно умершей матери своей, увѣряя, что все, сказанное ею, есть сущая правда.

---

[1]) Всѣ эти разсказы, написанные со словъ А. М. Д—тъ-З — ча помѣщены прежде, въ своихъ мѣстахъ, въ этой записке. Авт.

Библиотека "Руниверс"

Рахиль совершенно убѣждена, что предсказанія, о которыхъ она писала намѣстнику Царства Польскаго и государю, непремѣнно исполнятся. Въ подтвержденіе этого, она ссылалась на то, что нѣкоторыя изъ переданныхъ ею предсказаній, о смутахъ на западѣ Европы, уже исполнились, хотя она писала о нихъ за долго до совершенія событій.

Одного не открыла Рахиль своему дядѣ: тѣхъ трехъ условій, которыя объявила ей императрица Марія Ѳеодоровна. Рахиль говорила, что условій этихъ, по ихъ важности, она никому не скажетъ. Послѣ долгихъ убѣжденій, едва, едва она согласилась написать ихъ и вручить дядѣ, въ запечатанномъ пакетѣ, на имя государя. Видя рѣшимость и твердость племянницы, онъ не настаивалъ и принялъ пакетъ.

Отдавая пакетъ дядѣ, Рахиль показывала еще нѣкоторую робость, но скоро оправилась, вспоминая слова императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая говорила, что худаго ей ничего не сдѣлается, что ее защитятъ св. Николай чудотворецъ и самъ государь императоръ. Рахиль прибавила: „быть можетъ, и теперь мнѣ не повѣрятъ, но увѣряю, что все исполнится; тогда меня уже не будетъ на свѣтѣ; чувствую, что болѣе двухъ лѣтъ я не проживу; тогда скажутъ: правду говорила эта дѣвушка, и пожалѣютъ обо мнѣ!“

Между тѣмъ, А. М. Д—тъ-З—чъ, въ продолженіе двухнедѣльной бытности у брата, внимательно наблюдалъ за образомъ жизни и мыслей, за характеромъ, наклонностями и здоровьемъ старшей племянницы. Ей тогда, въ 1849 году, было 23 года. Она страдала нестерпимою болью въ лѣвомъ боку и, по совѣту медиковъ, приготовлялась лечиться соками травъ. Но она была совершенно въ полномъ умѣ и ничто не показывало ни малѣйшаго разстройства ея мыслей. Всѣми распросами подтверждалось, что передъ видѣніями она бывала и здорова, и спокойна; но послѣ видѣній, почти каждый разъ заболѣвала. Эти болѣзни ея были прямымъ слѣдствіемъ страха и сильныхъ, душевныхъ потрясеній. Притомъ же она была умна, образованна, нелегкомысленна, говорила одну истину, безъ всякаго лукавства, мыслила и поступала всегда праводушно. Поэтому она не могла притворяться или кого бы то ни было обманывать. Дядя остался вполнѣ убѣжденнымъ, что видѣнія Рахили не были ни выдуманными ею, съ какою-либо цѣлью, ни грезами сумасшедшей.

Передъ возвращеніемъ къ мѣсту службы, полковникъ Д—тъ-З—чъ внушилъ Рахили, чтобы она не осмѣливалась впередъ утруждать письмами самого государя; но, въ случаѣ надобности, обращалась бы къ шефу жандармовъ; а брата своего, И. М. Д—тъ-З—ча, просилъ на-

Библиотека "Руниверс"

блюдать за ея поступками. Пакетъ же на имя государя, врученный Рахилью, онъ отправилъ, 20-го іюня 1849 г., въ Петербургъ.

Въ этомъ пакетѣ, по вскрытіи его Императоромъ Николаемъ Павловичемъ оказалось письмо Рахили, отъ 21-го мая 1849 г. Увѣряя именемъ святой истины, что все, написанное ею, объявлено Маріей Ѳеодоровной, Рахиль прежде всего излагаетъ тѣ, переданныя императрицею, три условія, которыя необходимы для сохраненія въ цѣлости имперіи и славы государя. Изъ этихъ условій два относятся до Польши и одно—для Россіи.

Условія для Польши:

1) „Государь долженъ добровольно отдать Польшѣ и присоединенной отъ нея, по третьему раздѣлу, части Литвы, собственныя ихъ права, то есть: обезпечить полякамъ свободное пользованіе правами ихъ (?), но подъ покровительствомъ русскаго государя".

2) „Простивъ всѣхъ государственныхъ преступниковъ, возвратить ихъ, изъ Сибири и другихъ мѣстъ, на родину".

Условіе для Россіи:

3) „Возвысить нравственность и просвѣщеніе въ имперіи; исполнителями власти и въ окружающіе тронъ избирать людей, истинно благородныхъ, дѣйствительно поставляющихъ себѣ цѣлію—счастіе государства. Еще при жизни своей, для блага страны, даровать Россіи и остальной части государства законы, соотвѣтственные стремленію западныхъ народовъ".

„Только исполненіемъ этихъ трехъ условій государь можетъ предупредить волненія, которыя потрясаютъ Европу и повсюду начали распространяться."

Далѣе писала Рахиль:

„Я исполнила повелѣніе твое, государь. Не вѣдаю, какой будетъ конецъ; знаю только, что это священная правда; знаю, что все сбудется, потому что правда эта съ небесъ. Клянусь—и готова съ этимъ умереть.

„Повѣришь-ли мнѣ, государь, или не повѣришь, но придетъ время, когда убѣдишься, потому что вскорѣ все совершится.

„Если не исполнишь условій, настанутъ печальные дни и будетъ тяжело великой душѣ твоей; а если исполнишь—будешь счастливъ, прославляемъ. Только этимъ исполненіемъ ты побѣдишь враговъ всей Европы, которыхъ безпокоитъ твое могущество; преодолѣешь всѣ бури, угрожающія твоему государству; удивишь весь міръ; покоришь непріязненныя тебѣ сердца, и враги твои преклонятъ колѣна предъ славою твоею, какъ безпримѣрнаго между монархами. Тебѣ, государь, назначено достигнуть величія, высшаго надъ всѣми величіями!

Библиотека "Руниверс"

„Помни, что если отвергнешь это, горько будетъ твоей Россіи, тебѣ и твоимъ наслѣдникамъ! Наступитъ ужасная война, которую невозможно будетъ преодолѣть. Увидишь, увидишь, если отвергнешь.

„Поспѣши, государь, внять совѣтамъ и предостереженіямъ чуднаго милосердія Божія. Откажись отъ своего деспотизма; уничтоженія его требуетъ явившійся нынѣ духъ времени. Поспѣши и сравняй съ этимъ временемъ твое государство. Помни, что этотъ духъ подобенъ пожару, который разливается отъ одного конца страны до другаго. То Божія воля, ведомая вѣками. Господь хочетъ показать тебя міру примѣромъ, совершить надъ тобой великія чудеса; но— пойми волю Божію. У тебя должно быть справедливое сердце, а о тебѣ молва, будто ты страшный деспотъ! Будь отцемъ народовъ, не такъ какъ австріецъ, который кричалъ: „позволяю, все позволяю", а втайнѣ точилъ мечъ противъ народа! Нѣтъ уже австрійскаго монарха! Онъ не устоитъ, хотя бы велъ за собою и милліонъ солдатъ! И прусскому будетъ дурно: потому что онъ не умѣлъ согласоваться съ возстаніемъ народовъ! Неблагородный!

„Государь! тебѣ суждено удивить свѣтъ, предоставлено превзойти другихъ монарховъ. Начинай же во имя Божіе. Отправься въ Ченстоховъ: тамъ, въ храмѣ Богоматери, царицы Польши (тамъ во снѣ и твою мать я видѣла), тамъ, у алтаря, коснется чела твоего лучъ счастія и чудесъ. Поѣзжай въ нашу Вильну и объяви тамъ отчески, что будешь нашимъ покровителемъ. Возврати на родину государственныхъ преступниковъ и простри къ нимъ руку прощенія. Потомъ объяви Россіи, что для нея сдѣлаешь. Могущество твое возрастетъ чудесно, неноколебимо. Хоть въ продолженіе года, или болѣе, угрожаетъ тебѣ, съ юга, жестокая война[1]),— но легче будетъ побѣдить, владѣя двойной силой: уваженіемъ и любовью народа и войска.

„У ногъ твоихъ прощаюсь съ тобой, государь! Я слишкомъ много написала; но эти подробности подсказаны душею, исполняющею свое призваніе. И тебѣ, и дѣтямъ твоимъ душа моя столько желаетъ счастія, сколько себѣ спасенія. Въ словахъ моихъ нѣтъ обмана. Думаю, что ты самъ это почувствуешь...

„Прощай. Да просвѣтитъ тебя небо, да благословитъ, поможетъ, остережетъ и сохранитъ тебя! Не знаю, что со мной будетъ; но меня

---

[1]) Вся война продолжалась два съ половиной года, а самая жестокая, въ Крыму, не болѣе года. Авт.

Библиотека "Руниверс"

оживляетъ надежда на Бога и на тебя... Прощай, будь милостивымъ отцемъ твоей вѣрноподданной... Рахили Д—тъ-З—чъ".

Письмо это не произвело тѣхъ послѣдствій, которыхъ ожидала Рахиль. Графъ Орловъ написалъ на немъ: „по моему мнѣнію, надлежитъ запереть ее въ монастырь". Хотя это не утвердилось, но и Государь оставилъ его безъ вниманія. Этого мало: государь читалъ письмо въ первыхъ числахъ іюля 1849 г., а въ то время, несмотря на предостереженіе св. чудотворца Николая—не вмѣшиваться въ дѣла чужихъ государствъ, войска наши были уже въ полномъ движеніи противъ возставшей Венгріи.

Черезъ полтора года послѣ того св. Николай чудотворецъ снова явился, въ сновидѣніи, Рахили. Повторяя прежнія предостереженія и совѣты, онъ прибавилъ еще новыя и велѣлъ открыть ихъ государю, или самому, или не иначе, какъ чрезъ посредство одного изъ лицъ Августѣйшаго семейства..... Святитель сказалъ при этомъ, что онъ является въ послѣдній разъ и что неисполненіе его совѣтовъ повлечетъ за собой бѣдствія для государства и для императорскаго семейства.

Забывъ внушенія дяди—не осмѣливаться утруждать письмами прямо государя, Рахиль, чувствуя надъ собой неотразимое вліяніе чуднаго видѣнія, отъ 13-го декабря 1850 г., отправила въ Петербургъ три письма: два (на французскомъ и польскомъ языкахъ) къ государю и одно — къ одному изъ прочихъ лицъ Августѣйшей фамиліи.

Въ этихъ письмахъ, напоминая о прежнихъ откровеніяхъ и умалчивая о подробностяхъ того, что въ послѣдній разъ пророкалъ мирликійскій святитель, Рахиль просила прислать къ ней одного изъ великихъ князей, обѣщая открыть ему всѣ новыя откровенія чудотворца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рахиль просила не преслѣдовать ее за то, что она, исполняя волю святителя, пишетъ къ государю, и если не угодно будетъ прислать великаго князя, то не дѣлать никакихъ распоряженій и не подвергать ее ни допросамъ, ни аресту.

Полковникъ Д—тъ-З—чъ опять употребленъ былъ въ посредники по этому дѣлу. Ему поручено было спросить племянницу: не желаетъ-ли она откровенія святителя объяснить лично государю? Въ случаѣ согласія ея, дядѣ приказано было снова отправиться изъ Костромы въ Дисненскій уѣздъ и привезти племянницу въ Петербургъ.

А. М. Д—тъ-З—чъ обо всемъ этомъ тотчасъ писалъ къ Рахили; но она ни на что не согласилась. Вотъ отвѣтъ ея къ дядѣ, отъ 1-го марта 1851 года:

„Я не знала, откуда получу приглашеніе въ Петербургъ; но изъ откровеній было мнѣ извѣстно, что оно послѣдуетъ. Впрочемъ, я не

Библиотека "Руниверс"

могу, не желаю и не должна принять это предложеніе: то воля св. чудотворца Николая, чтобы я противостояла приказанію—ѣхать въ столицу. Я не боюсь предстать передъ государя: потому что несу ему чистую и небесную истину. Откровенія св. угодника столько важны, что я не смѣю довѣрять ихъ письму. Хотя душа моя жаждала бы видѣть самого государя; но, повинуясь открывшему мнѣ явленіе, я могу передать откровенія только великому князю.... Клянусь, что во мнѣ, кромѣ желанія—исполнить святую волю, нѣтъ къ этому другихъ побужденій. Но я охотнѣе желала бы видѣть государя, нашего отца и повелителя.

„Велики и важны событія міра. Всемогущая десница Провидѣнія управляетъ ими. Благословеніе неба тамъ, гдѣ будетъ истина и Духъ Божій. Пусть народы и властители съ покорностью обратятъ свои взоры и сердца на Господа; да исправятся дѣянія и пути ихъ! Судьба Россіи зависитъ отъ ея монарха; Россія можетъ достигнуть высокаго и прекраснаго назначенія; просвѣтить, можетъ быть, всю вселенную, или..... или..... должна пройти черезъ рядъ бѣдствій..... Больше высказать я не имѣю права. Все зависитъ отъ Государя, если онъ послѣдуетъ гласу свыше. А срокъ для дѣйствій рѣшительныхъ кратокъ. День Воскресенія Господня (8-го апрѣля) и потомъ день сошествія св. Духа—суть дни, въ которые государю предстоитъ важное дѣло успокоенія и счастія народовъ, когда онъ долженъ отмѣнить всякія другія намѣренія и планы.

„Чудотворецъ Николай сказалъ, чтобы я напомнила государю о явленіяхъ, видѣнныхъ мною прежде, чтобы государь со вниманіемъ вновь перечелъ слова св. угодника и все то, что я объяснила въ письмахъ моихъ, 26-го февраля и 21-го мая 1849 года.

„Вотъ все, что я могу теперь сказать, остальное услышитъ великій князь или самъ государь, но не въ Петербургѣ, куда я не должна ѣхать. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю великаго князя...; я непремѣнно должна передать ему то, что поручено мнѣ. Предчувствіе говоритъ, и я заключаю изъ откровенія, что скоро оставлю я этотъ міръ.....

„Что думаешь ты, любезный дядя, объ этомъ письмѣ моемъ? Но я въ полномъ умѣ, хотя здоровье мое разстроено.

„Отецъ, вѣроятно, опять встревожится, узнавъ объ этомъ происшествіи. Я мучусь при одной мысли, сколько это безпокоитъ его; но такова уже судьба моя! Онъ, по разнымъ причинамъ, не можетъ со мной ѣхать, не можетъ принять на себя и издержекъ. Но главное препятствіе—это Вышняя воля.

...„Увѣряю именемъ Божіимъ, что я не смѣю, не должна ѣхать

Библиотека "Руниверс"

въ Петербургъ, развѣ повезутъ меня мертвую. Какъ хотѣлось бы, чтобъ съ великимъ княземъ пріѣхалъ и ты; я увидѣла бы тебя еще разъ въ жизни".

Вскорѣ послѣ того, А. М. Д—тъ-З—чъ прислалъ второе письмо своей племянницы, писанное 6-го марта 1851 года. Въ этомъ письмѣ Рахиль, повторяя, что пріѣхать въ Петербургъ рѣшительно не можетъ, писала, что она, для объявленія откровеній св. чудотворца, готова отправиться въ одинъ изъ городовъ, черезъ которые Императоръ Николай нерѣдко проѣзжаетъ, напримѣръ, Вильну, Динабургъ и даже въ Москву. Въ случаѣ вызова ее, она просила дядю сопровождать ее въ тотъ городъ, который будетъ назначенъ для этого свиданія.

Это было послѣднее письмо Рахили. Оно, какъ и прежнія ея письма, конечно, оставлено безъ вниманія.

Необъяснимое существо Рахиль! Важнѣйшія ея предсказанія, о смутахъ въ западной Европѣ, о вторженіи въ предѣлы Россіи трехъ враждебныхъ народовъ и о жестокой войнѣ съ юга, исполнились съ ужасающей истиной. Предсказанія ея тѣмъ болѣе поразительны, что нападеніе англичанъ и французовъ на Россію, особенно въ соединеніи съ турками, и съ юга—никому и въ голову не приходило! Въ то же время она провидѣла будущія мысли и намѣренія императора Николая, совѣтуя не вмѣшиваться въ дѣла чужеземныя и оставить предположенія противъ Европы. Никакіе глубокіе политики не могли ни предсказывать объ этомъ, ни проникать въ планы русскаго государя, пока онъ не обнаружилъ ихъ въ разговорѣ съ лордомъ Сеймуромъ. Пророчествъ Рахили нельзя относить ни къ догадкамъ ея, ни къ случаю. Невѣрующій можетъ сказать, что душа ея приходила въ такое состояніе (ясновидѣніе), въ которомъ будущее раскрывалось передъ ней, какъ настоящее. Вѣрующій же не отвергнетъ, что ей являлись св. Николай чудотворецъ и духъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Многое есть въ природѣ, что, по нашему разуму, невозможно; многое ниспосылается и свыше къ избраннымъ. Одно только нарушаетъ въ нѣкоторой степени довѣріе къ пророчествамъ Рахили—это три условія; особенно то въ нихъ, что касается до Польши. Но это можно отнести къ вторженію въ пророчества собственныхъ ея надеждъ и желаній.

Надобно жалѣть (??), что не выслушали послѣднихъ откровеній Рахили, въ 1851 году. Въ это время, ближайшее къ войнѣ, быть можетъ, въ нихъ еще яснѣе опредѣлялись тѣ несчастныя событія, которыя постигли Россію въ 1853, 1854 и 1855-хъ годахъ.

Примѣчаніе. Не все, однако, исполнилось изъ предсказаній Рахили Д.-З.: она писала, что откровенія свыше опредѣлили ей скорую кончину; но прошло нѣсколько лѣтъ, Рахиль вышла замужъ за одного соотечественника графа и пережила его..... Ред.

Библиотека "Руниверс"

ВОЕННЫЙ СОВѢТЪ ПРИ ОБОРОНѢ СЕВАСТОПОЛЯ

29-го іюля 1855 года.

(Возраженіе на статью кн. Ан. Барятинскаго).[1])

Чтобы вполнѣ оцѣнить всю историческую важность представляемыхъ документовъ, необходимо напомнить, что сообщившій ихъ—тотъ самый доблестный военачальникъ, имя котораго осѣнено славою отбитія союзнаго флота отъ Одессы и который затѣмъ занималъ славный постъ начальника гарнизона Севастополя. Это—гр. Дмитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ. Ред.

Начинаю выпискою словъ кн. Одоевскаго:

„Князь Анатолій Барятинскій весьма защищаетъ Горчакова; онъ видѣлъ диспозицію сраженія, котораго тотъ, впрочемъ, не хотѣлъ дать, но уступилъ лишь настоянію Вревскаго и Сакена, который увѣрялъ, что Севастопольскій гарнизонъ скучаетъ, что необходимы диверсіи. Горчаковъ хотѣлъ дать сраженіе и перейдти Черную, если только непріятель, несмотря на выстрѣлы артиллеріи, не спустится отъ Сапунъ-горы. Горчаковъ послалъ адъютанта Столыпина сказать Реаду, что пора начинать, то есть по диспозиціи начать артиллерійскую стрѣльбу. Реадъ понялъ иначе, толковалъ, что пора перейдти рѣчку. Начальникъ штаба, Веймарнъ, настаивалъ, что приказаніе Горчакова онъ не такъ понялъ. Реадъ не послушался. Вылазка не входила въ планъ сраженія и хотя телеграфъ въ эту минуту испортился, и Сакенъ не зналъ, что дѣлается, но это не могло имѣть вліянія на сраженіе".

Фактическія доказательства покажутъ, до какой степени ошибочны свѣдѣнія стариннаго друга моего, князя Анатолія Ивановича Барятинскаго, о событіи при Ѳедюхиныхъ горахъ.

---

[1]) «Р. А.» 1874 г., 2 тетрадь, замѣтки кн. В. Одоевскаго.

Библиотека "Руниверс"

Имѣя 6 отличныхъ боевыхъ офицеровъ — ординарцевъ моихъ, я приказалъ имъ находиться при главнокомандующемъ и каждые 1/4 часа, маятнымъ движеніемъ, докладывать мнѣ о ходѣ несчастнаго, жалкаго сраженія. О винѣ, или невинности Рида,—личности въ высокой степени правдивой и возвышенной, и имѣвшей всѣ данныя для замѣчательнаго военачальника,—можно будетъ правильно судить только впослѣдствіи грядущихъ временъ. Еслибы дивизія Ушакова, которая безполезно потеряла болѣе 1/3 людей, подкрѣпила превосходнаго боеваго генерала Мартинау, то сраженіе приняло бы другой оборотъ: непріятель былъ бы пораженъ на-голову и не возвысился бы духъ союзныхъ войскъ. Торжество было бы кратковременное; конгревовы ракеты и бомбы перебили бы у насъ еще вдвое болѣе превосходныхъ войскъ, и мы все-таки должны были бы оставить Ѳедюхины высоты. Но покореніе Чоргуна и Байдарской долины стоило бы намъ незначительной потери и нашъ перевѣсъ былъ бы несомнѣненъ.

Тайна относительно распоряженій, въ гарнизонѣ крѣпости и въ полевыхъ войскахъ, должна быть строго соблюдаема. Въ Севастополѣ, кромѣ меня, начальника штаба гарнизона, начальниковъ: работъ и артиллеріи, никто не зналъ о распоряженіяхъ до времени приведенія ихъ въ исполненіе. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ войскахъ находились поляки, изъ коихъ далеко не всѣ были преданы Россіи. Изъ нихъ бывали, хотя и въ ограниченномъ числѣ, перебѣжчики.

Въ главной квартирѣ тайны никогда не сохранялись. Полагаю, причиною тому, отчасти, всѣмъ извѣстная чрезвычайная разсѣянность князя Михаила Дмитріевича (Горчакова). Всѣ знаютъ множество анекдотовъ о его разсѣянности. Вотъ крупный фактъ несомнѣннаго вреда отъ несоблюденія тайны въ военномъ дѣлѣ.

Когда главнокомандующій утвердился въ несчастной мысли безцѣльно брать приступомъ Ѳедюхины высоты, на которыхъ,—въ случаѣ удачи, отъ однихъ непріятельскихъ ракетъ и бомбъ, съ близкой господствующей мѣстности, съ которой, какъ съ птичьяго полета (à vol d'oiseau), можно было пересчитать каждаго человѣка,— и нѣсколько часовъ удержаться было невозможно. Князь дня за два потребовалъ меня къ себѣ на Инкерманскія высоты.

Передавъ мнѣ свое рѣшеніе, объ отбитіи у непріятеля Ѳедюхиныхъ высотъ, князь объявилъ, что онъ, для усиленія атакующихъ войскъ, возьметъ у меня 7-ю пѣхотную дивизію, прося сохранить это въ глубокой тайнѣ. Когда я вышелъ отъ князя, то бывшій со мною дежурный адъютантъ, подполковникъ Гроттусъ, спросилъ: знаю-ли я, что у насъ берутъ 7-ю дивизію? Я былъ пораженъ удивленіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Непріятель былъ совершенно готовъ къ встрѣчѣ приступа.

26-го іюля 1855 г., пріѣхалъ ко мнѣ, на Николаевскую батарею, главнокомандующій; я подалъ ему слѣдующую записку, сказавъ: „Не сердитесь на меня, если ваше воззрѣніе будетъ не согласно съ моимъ".

г. Севастополь. Весьма тайное.

„Непріятель занимаетъ сосредоточенное положеніе на господствующей мѣстности, окруженной владѣемымъ имъ моремъ и укрѣпленной въ продолженіе 10-ти мѣсяцевъ. Слабая часть его — Ѳедюхины высоты, но онъ можетъ оттуда всегда отступить, отъ сильнаго противника, на грозную Сапунъ-гору. Слабѣйшія его части—отряды передъ Чоргуномъ и въ Байдарской долинѣ, для него драгоцѣнной, по тучнымъ пастбищамъ, стадамъ рогатаго скота и овецъ и пріязненному народонаселенію.

„Очевидно, что непріятель, изъ своего сосредоточеннаго положенія, можетъ, по произволу, бросать огромныя массы войскъ на любую точку, оставляя ограниченное число войскъ для защиты твердынь своихъ на господствующей мѣстности, которыхъ и въ такомъ случаѣ, то есть, слабо защищаемыхъ, нельзя взять иначе какъ приступомъ, съ огромными пожертвованіями числительной силы.

„Настоящее расположеніе нашихъ войскъ не позволяетъ непріятелю, послѣ урона—отбитаго приступа, дѣйствовать рѣшительно на Севастополь иначе, какъ убійственнымъ бомбардированіемъ. Но съ удаленіемъ главныхъ силъ нашихъ и раздѣленіемъ ихъ отъ Севастополя на цѣлый переходъ трудной, пресѣченной мѣстности, положеніе Севастополя — цѣль дѣйствій противниковъ, содѣлается опаснымъ; ибо изъ главныхъ силъ нѣтъ возможности подкрѣпить его, что будетъ въ особенности необходимо при ослабленіи гарнизона бомбардированіемъ, которое теперь, по случаю близости непріятельскихъ работъ, будетъ несравненно смертоноснѣе.

„Если дѣйствіе главныхъ силъ будетъ предпринято съ намѣреніемъ овладѣть Сапунъ-горою, то дѣло приметъ другой оборотъ; но если наступательное дѣйствіе ограничится овладѣніемъ только Ѳедюхиными высотами, то непріятель, по мнѣнію моему, долженъ воспользоваться превосходствомъ своей мѣстности, сосредоточеннаго положенія, разобщенія главныхъ силъ отъ Севастополя, и устремиться къ цѣли своей. Ему не слѣдуетъ долго оспаривать Ѳедюхины высоты; ибо, что значатъ онѣ въ сравненіи съ овладѣніемъ Севастополемъ? Самое вытѣсненіе непріятельскихъ отрядовъ изъ Чоргуна, Комаровъ и Байдарской долины только усилило бы

Библиотека "Руниверс"

его и содѣлало бы положеніе уединеннаго Севастополя еще болѣе опаснымъ.

„До зимы остается мало времени, и непріятель долженъ же наконецъ предпринять рѣшительныя дѣйствія, не видя окончательнаго исхода отъ убійственнаго своего бомбардированія; ибо наши войска каждый разъ пополняются свѣжими.

„Для овладѣнія Чоргуномъ и Байдарскою долиною и удержанія ихъ за собой, нужно очень мало войскъ. Если же бы непріятель предпринялъ наступательныя дѣйствія противъ этихъ войскъ, то онъ, по мнѣнію моему, дѣйствовалъ бы въ нашу пользу, ибо желательно выманивать его изъ сосредоточеннаго, на господствующей мѣстности, положенія, для вступленія съ нимъ въ равный бой".

Главнокомандующій прочелъ записку внимательно, сказалъ, что онъ совершенно раздѣляетъ мое мнѣніе, обнялъ меня и благодарилъ. Но скоро послѣ того, не знаю, собственнымъ-ли убѣжденіемъ, или постороннимъ вліяніемъ, опять обратился къ любимой мысли своей—брать приступомъ Федюхины высоты.

Приказано было приготовить мнѣніе для дѣйствій нашихъ противъ союзниковъ: мнѣ, также: начальнику главнаго штаба, генералъ-квартирмейстеру, дежурному генералу, генераламъ: Липранди, Хрулеву и Семякину (кажется всѣ, сколько я могу припомнить).

29-го іюля, поутру, собрались у меня, на Николаевской батареѣ: главнокомандующій, помянутыя лица, генералъ-интендантъ, начальникъ штаба гарнизона, князь Васильчиковъ, начальникъ штаба 4-го корпуса, полковникъ Козлянинова и генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій, который, съ пылкостью юноши, нетерпѣливо ждалъ сраженія. Эта благородная, неустрашимая личность, безъ малѣйшей необходимости, подвергалась смерти или увѣчью, весьма часто сопровождая меня при осмотрѣ работъ своихъ и непріятельскихъ.

Около 10-ти часовъ утра, 29-го іюля, на Николаевской батареѣ, въ квартирѣ начальника гарнизона, состоялся военный совѣтъ. Ему предшествовало чтеніе генералъ-интендантомъ слѣдующей записки главнокомандующаго:

„Ополченіе, предназначенное въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться, къ Перекопу, только къ концу октября.

„По приблизительному соображенію генералъ-интенданта, войска, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, могутъ довольствоваться сѣномъ въ Крыму до 15-го октября. Если же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на $^3/_4$ лошадей, то по 15-е апрѣля, то есть до появленія подножнаго корма.

Библиотека "Руниверс"

„И такъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствій въ Крыму: продолжать-ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода; или же немедленно, по прибытіи войскъ 2-го корпуса и курскаго ополченія, перейдти въ рѣшительное наступленіе?

„Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ дополненіе онаго, если мы не должны болѣе оставаться въ пассивномъ положеніи, то: 1) Какое дѣйствіе предпринять? 2) Въ какое время?"

Затѣмъ послѣдовало чтеніе мнѣній, начиная съ младшаго.

Мнѣнія были, болѣе или менѣе, неопредѣленныя, кромѣ мнѣнія генералъ-лейтенанта Хрулева, который, сколько я припомню приблизительно, предлагалъ сосредоточить всѣ войска, рѣшительно атаковать непріятеля, припереть къ морю и тѣмъ окончить крымскую войну.

Коротко и ясно!

Мнѣніе начальника гарнизона, имъ прочтенное, о положеніи дѣлъ въ Севастополѣ и его окрестностяхъ, и мѣры, которыя бы можно принять для дѣйствій.

Севастополь. 29-го іюля 1855 г. 319-й день обороны.

Тайное.

Сильныя подкрѣпленія, состоящія, впрочемъ, изъ ополченія, прибудутъ не прежде конца октября.

Сѣна, по настоящей числительности лошадей, станетъ въ Крыму до 15-го октября; при уменьшеніи лошадей на $^1/_2$—до 15-го января; при оставленіи изъ нихъ $^1/_4$—до 15-го апрѣля.

Средства непріятеля, какъ въ продовольственныхъ, такъ и боевыхъ снарядахъ, неистощимы; ибо онъ господствуетъ надъ моремъ.

Въ мнѣніи моемъ, отъ 26-го сего мѣсяца, имѣлъ я честь изложить, между прочимъ, слѣдующее:

„Непріятель занимаетъ сосредоточенное положеніе на господствующей мѣстности, окруженной владѣемымъ имъ моремъ и укрѣпленной въ продолженіи 10-ти мѣсяцевъ".

„Очевидно, что непріятель, изъ своего сосредоточеннаго положенія, можетъ, по произволу, бросать огромныя массы войскъ на любую точку, оставляя ограниченное число для защиты твердынь своихъ на господствующей мѣстности, которыхъ и въ такомъ случаѣ, то есть, слабо защищаемыхъ, нельзя взять иначе, какъ приступомъ, съ огромными пожертвованіями числительной силы".

У насъ почти одинаковое число конницы съ непріятельскою; но мы имѣемъ въ окрестностяхъ Севастополя штыковъ 90 т., тогда какъ

Библиотека "Руниверс"

непріятель, по согласующимся между собою свѣдѣніямъ, имѣетъ ихъ 110—120 т. и, кромѣ того, ожидаетъ подкрѣпленій.

Очевидно, что съ какой бы стороны не предпринять наступленіе на непріятеля, съ Сапунъ-горы, или изъ Севастополя, перевѣсъ всегда останется на сторонѣ противниковъ.

Если и подвергнуть Севастополь случайности, ослабленіемъ гарнизона, для усиленія отряда, атакующаго Сапунъ-гору; то когда наступленіе и будетъ увѣнчано овладѣніемъ Сапунъ-горою, все-таки отрядъ займетъ ее съ огромною потерею и перебитыми начальниками. Непріятель же, узнавъ отъ перебѣжчика объ ослабленіи гарнизона, овладѣетъ Севастополемъ. Въ противномъ случаѣ, на слѣдующій день, непріятель атакуетъ значительнымъ числомъ свѣжихъ войскъ, ослабленный, полуразстроенный, утомленный отрядъ нашъ. Послѣдствія легко можно предвидѣть.

Если сдѣлать наступленіе на непріятеля изъ Севастополя, неминуемо ослабя себя отрядами для Инкерманскихъ высотъ, Мекензіевой горы и наблюдательными отрядами за непріятельскими войсками, занимающими Черную рѣчку, Чоргунъ и Байдарскую долину,—то этому ослабленному отряду придется брать приступомъ батареи, редуты, нѣсколько рядовъ запутанныхъ, какъ лабиринтъ, траншей, съ глубокими профилями. Во время боя, войска наши поражаемы будутъ съ фронта, и потомъ резервы наискось, съ тыла, ядрами, бомбами и гранатами, изъ повернутыхъ мортиръ, и пулями. Въ это время, подъ убійственнымъ огнемъ, будутъ разработывать въ траншеяхъ спуски для артиллеріи; работающіе люди и запряженныя лошади—поражаемы. Нельзя исчислить безпорядковъ и послѣдствій, не говоря уже о томъ, что войска, до выхода изъ нашей оборонительной линіи, узкими колоннами, понесутъ уже значительную потерю. Но если и предположить счастливѣйшій исходъ дѣла, то есть: войска наши овладѣютъ Камчатскимъ редутомъ, 24-ю пушечною батареею, Викторіею и Зеленою горою и принудятъ противниковъ очистить всѣ, оставшіеся на лѣвомъ нашемъ флангѣ, батареи и редуты, до надъ-георгіевскимъ погребомъ включительно, то разстроенныя войска наши, утомленныя боемъ и ночною работою, голодныя, съ перебитыми начальниками, имѣя артиллерію, можетъ быть, на половину, должны будутъ на слѣдующій день принять общее сраженіе со свѣжими непріятельскими войсками, сосредоточенными въ продолженіе ночи. Нетрудно предвидѣть послѣдствія. Можно даже ожидать, что непріятель внесенъ будетъ въ Севастополь на плечахъ нашихъ.

Но оставаться въ настоящемъ страдательномъ положеніи, несмотря

Библиотека "Руниверс"

на превосходный, исполненный изумительнаго терпѣнія и самоотверженія, духъ войскъ, невозможно.

Съ начала осады до 1-го декабря, вѣрнаго счета, понесенной гарнизономъ, потери опредѣлить нельзя; можно полагать ее до 5 т. человѣкъ. Съ 1-го же декабря по вчерашнее число, убитыхъ, раненыхъ, контуженныхъ, кромѣ оставшихся во фронтѣ:

Адмираловъ и полныхъ генераловъ	4
Генераловъ и штабъ-офицеровъ	97
Оберъ-офицеровъ.	838
Нижнихъ чиновъ.	46,037
Безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ . . .	1,047
Всѣхъ. .	48,023

Въ сраженіи, 24-го октября, съ вылазкою изъ Севастополя, до 12,000
Для защиты Севастополя выбыло изъ строя до . . . . 65,000[1])

По случаю приближенія непріятельскихъ работъ, потери прогрессивно увеличиваются; и еслибы и возможно было оставаться въ этомъ страдательномъ положеніи, подвергая гарнизонъ ежедневной огромной потерѣ, то ни пороха, ни снарядовъ, ни, еще менѣе, продовольствія для лошадей не станетъ, а при неимѣніи для больныхъ и раненыхъ зимнихъ помѣщеній и при испорченныхъ временемъ года дорогахъ для ихъ перевозки, они подвергнутся гибели.

Всякое предпріятіе, неведущее къ снятію осады, есть мѣра безполезнаго кровопролитія. Между тѣмъ, исключительно оборонительное положеніе, рано или поздно, поведетъ къ паденію Севастополя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ потерѣ бо́льшей и лучшей испытанной части нашей арміи.[2])

Всѣ эти причины указываютъ единственную и необходимую мѣру: собрать въ одно цѣлое крымскую армію, чтобы, дѣйствуя совокупно

---

[1]) Замѣчаніе въ октябрѣ 1855 г.

Съ 5-го августа по 27-е число включительно, кромѣ больныхъ и умершихъ отъ болѣзней, выбыло изъ строя болѣе 26,000 человѣкъ; слѣдовательно въ 11½ мѣсяцевъ, или 349 дней обороны, потеряли мы, кромѣ умершихъ отъ болѣзней, убитыми и ранеными болѣе 81 т. человѣкъ. Въ этомъ числѣ не заключается потеря 24-го октября и всѣ бывшія полевыя сраженія и дѣла.

Гр. Д. О.-С.

[2]) Замѣчаніе въ октябрѣ 1855 г.

Еслибы предпріятіе на Ѳедюхины высоты и увѣнчано было полнымъ успѣхомъ, то и тогда предсказаніе это вполнѣ бы оправдалось: занятіе Ѳедюхиныхъ высотъ послужило бы только къ раздѣленію нашихъ силъ и явной опасности для уединеннаго Севастополя. Гр. Д. О.-С.

Библиотека "Руниверс"

можно было съ бо̀льшимъ правдоподобіемъ ожидать успѣха. Но мѣра сія должна быть приведена въ исполненіе до прибытія подкрѣпленій къ непріятелю.

Весьма тайное. И такъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ и глубокою скорбію въ душѣ, я, по долгу совѣсти, присяги и убѣжденію моему, избирая изъ двухъ золъ меньшее, долженъ произнести единственное средство—оставленіе южной стороны Севастополя.

Невыразимо больно для сердца русскаго—рѣшиться на крайнюю ужасную мѣру; она глубоко огорчитъ гарнизонъ, 319 дней добросовѣстно борящійся съ сильнымъ непріятелемъ, имѣя ежеминутно передъ собою смерть и увѣчье. Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, отталкивалъ я эту невыносимую мысль. Но любовь къ Отечеству и преданность къ престолу превозмогли чувство оскорбленнаго народнаго самолюбія, и я, скрѣпя сердце, произнесъ роковую мѣру.[1])

Но что пріобрѣтетъ непріятель, положившій передъ Севастополемъ далеко болѣе 120 т. воиновъ—цвѣтъ Франціи и Англіи? Груду камней и чугуна.[2])

Грозная сѣверная сторона не допуститъ его овладѣть Сѣверною Бухтою.

Овладѣніе Чоргуномъ, лежащею передъ нимъ горою, на лѣвомъ берегу Черной рѣчки, и Байдарскою долиною, заключитъ непріятеля въ прежнее тѣсное свое пространство, и если онъ не окончитъ дѣйствій своихъ въ Крыму, занятіемъ южнаго Севастополя, то можетъ предпринять два способа дѣйствій:

1) Наступленіемъ на насъ съ бо̀льшею частію силъ своихъ съ Сапунъ-горы.

---

[1]) Замѣчаніе въ октябрѣ 1855 г.

Какая бы ощутительная была разница въ потерѣ людей и нравственномъ вліяніи, еслибы мы сами, произвольно, безъ содѣйствія непріятеля, оставили южный Севастополь, въ особенности безъ предпріятія на Ѳедюхины высоты, подъ впечатлѣніемъ отбитаго перваго приступа. Не было бы и обидныхъ реляцій нашихъ противниковъ и разсужденій журнальныхъ редакторовъ; духъ противниковъ не возвысился бы.

Грустно мнѣ было подать роковое мнѣніе, но стократно грустнѣе видѣть послѣдствія его отверженія. Гр. Д. О.-С.

[2]) Замѣчаніе въ октябрѣ 1855 г.

Грозная сѣверная сторона для флота, по огромнымъ выгоднымъ земляным батареямъ.

Въ военномъ совѣтѣ утверждали нѣкоторые, что непріятельскій флотъ, по оставленіи южнаго Севастополя, немедленно войдетъ въ Сѣверную Бухту, но, несмотря на недобровольный выводъ изъ южнаго Севастополя войскъ и торжество непріятеля, этого не случилось, хотя сегодня уже 41-й тому день.

Гр. Д. О.-С.

Библиотека "Руниверс"

2) Высадкою на Качѣ, или ближе къ Евпаторіи, для дѣйствія на флангъ и тылъ нашихъ сообщеній. Въ обоихъ случаяхъ, оставляя грозное свое, укрѣпленное природою и искусствомъ, мѣстоположеніе, онъ дѣйствуетъ въ нашу пользу, уравновѣшивая бой.

Но если до 15-го августа 1855 г., окончательнаго наведенія моста, непріятель предприметъ бомбардированіе и приступъ; то, не щадя пороха, оставя гарнизонъ въ настоящей его числительной силѣ и усиливъ сѣверную сторону, на всякій случай, еще одною бригадою, можетъ быть, отбитый, съ помощію Подателя благъ, новый приступъ, дастъ другой оборотъ Крымскому дѣлу. Но для сего необходимо гарнизону, до послѣдней минуты, быть въ достаточной силѣ и полной готовности къ принятію приступа, не допуская ни въ чемъ случайностей.

Если роковая мѣра не сохранится въ глубочайшей тайнѣ, то послѣдствія могутъ быть ужасныя".

Когда я окончилъ чтеніе, то князь Михаилъ Дмитріевичъ, съ выраженіемъ неудовольствія, сказалъ: „не оставлю".

Я возразилъ: „ваше сіятельство сердитесь на меня? Но вы требовали мнѣнія, а мнѣніе должно быть основано на убѣжденіи".

Князь смягчился и сказалъ: „Нисколько не сержусь, и благодарю васъ".

Генералъ Семякинъ сказалъ князю: „Ваше сіятельство, у меня есть и другое мнѣніе (вынимая бумагу). Прикажете прочесть?"

— „Нѣтъ", отвѣчалъ князь, „оставайтесь при прежнемъ вашемъ мнѣніи".

По окончаніи военнаго совѣта, начальникъ главнаго штаба арміи отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „J'admire Votre abnégation; je voulais dire la même chose, mais le courage me manquait". (Удивляюсь вашему самоотверженію; я хотѣлъ сказать тоже самое, но у меня не хватило духу).

Графъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разсказы Очевидца.

1861—1864.

II. [1])

Графъ Ламбертъ.

Безнаказанность за нарушеніе общественнаго порядка, легкость, съ которою принимались самыя страшныя посягательства на достоинство законной власти и ея установленій, какая-то смѣшная боязнь лица, поставленнаго во главѣ управленія, запятнать свое прошедшее крутыми или строгими мѣрами для наказанія за безпорядки и манифестаціи, принесли свои плоды. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ пребыванія Сухозанета въ Варшавѣ (мы не говоримъ его управленія Царствомъ Польскимъ), мятежъ вполнѣ организовался: колебавшіеся примкнули къ революціонерамъ и преобладаніе Мирославскаго и партіи, рѣшившейся на всѣ крайности, было признано всѣми—и бѣлыми и красными.

По наружности, между тѣмъ, строгости были страшныя; войска продолжали бивакировать на площадяхъ,[2]) но это не производило, въ сущности, устрашающаго впечатлѣнія. Кто не знаетъ добродушія и неумѣнья рисоваться нашего достойнаго солдата? Онъ и не подозрѣвалъ, исполняя на улицѣ, въ виду всѣхъ, незатѣйливыя подробности

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 115—130.

[2]) Хотя г. Бергъ пишетъ (стр. 317), будто Сухозанетъ «началъ съ того, что приказалъ убрать со всѣхъ площадей палатки и увесть войска въ казармы», между тѣмъ, въ концѣ іюня, стараго стиля, 1861 г. войска стояли бивуаками на всѣхъ площадяхъ. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

своего домашняго быта, или, располагаясь на отдыхъ въ одной рубашкѣ (какъ гоголевскій гарнизонный солдатъ), что на него смотрятъ съ злорадствомъ тысячи недобрыхъ глазъ, поднимая все на́смѣхъ. Въ особенности казаки, въ ихъ засаленныхъ платьяхъ, нанковыхъ желтыхъ шароварахъ, засунутыхъ въ сапоги, и невѣроятныхъ, блинообразныхъ шапкахъ, съ козырьками, были предметомъ общихъ насмѣшекъ и каррикатуръ; однимъ словомъ, prestige (обаяніе) военныхъ, столь всегда вліятельное на поляковъ, совершенно исчезло.

И такъ, полная дезорганизація края, открытый и смѣлый мятежъ, неуваженіе къ законной власти и полнѣйшее отсутствіе боязни русскихъ войскъ,— таково было наслѣдіе, оставленное графу Ламберту безталаннымъ старцемъ, соединившимъ въ своей, ослабленной годами и всегдашнимъ подчиненіемъ, особѣ званія военнаго министра, намѣстника и главнокомандующаго, для того, чтобы разомъ унизить значеніе всѣхъ этихъ званій; да и не могло быть иначе, потому что изъ всего своего прошедшаго генералъ Сухозанетъ усвоилъ себѣ, въ подраженіе Аракчееву и своему старшему брату, Ивану Онуфріевичу, привычку говорить въ носъ, видѣть въ каждомъ артиллеристѣ генія— и больше ничего.

Въ книгѣ г. Берга гр. Ламбертъ обязанъ своимъ возвышеніемъ удачному парадированію въ замкѣ конногвардейскаго полка; потомъ слѣдуетъ рядъ пропусковъ о службѣ графа, до назначенія его намѣстникомъ Царства Польскаго, послѣ Сухозанета, а главною причиною неудачъ Ламберта, въ исполненіи ожидаемыхъ отъ него надеждъ, выставляется соперничество между графомъ Ламбертомъ и генераломъ Герштенцвейгомъ, котораго г. Бергъ постоянно называетъ помощникомъ графа Ламберта. Но вѣдь и при фельдмаршалѣ Паскевичѣ были генералъ-губернаторами Варшавы Панкратьевъ, Писаревъ, Панютинъ; послѣдній оставался при князѣ Горчаковѣ, такъ же какъ и генералъ-адъютантъ Мерхилевичъ, и, между тѣмъ, они отнюдь не были помощниками намѣстника; варшавскій оберъ-полиціймейстеръ есть также старшее лицо варшавскаго полицейскаго управленія, но „помощникомъ“ намѣстника его никто не рѣшится назвать. Затѣмъ, рѣшительно необъяснимо, почему варшавскій военный генералъ-губернаторъ называется у г. Берга помощникомъ намѣстника. Можетъ быть такъ думалъ, на свою бѣду, Герштенцвейгъ, но именно эта мысль и повела къ дальнѣйшимъ ошибкамъ; тогда какъ, при всей несомнѣнной даровитости Герштенцвейга, онъ, по своему положенію, стоялъ неизмѣримо ниже графа Ламберта и былъ его прямымъ подчиненнымъ, а по служебной опытности могъ многому отъ него поучиться, еслибы понялъ свои отношенія и обязанности, и глав-

Библиотека "Руниверс"

ное если-бы ставилъ славу и пользу отечества выше самолюбія и личныхъ интересовъ, какъ это дѣлалъ графъ Ламбертъ.

Увидимъ послѣ, какъ несознаніе своихъ обязанностей и положенія относительно главнаго начальника края, увлекли Герштенцвейга и были причиною его гибели.

Обратимся теперь къ графу Карлу Карловичу Ламберту.

Въ эпохѣ народныхъ кризисовъ минута стоитъ вѣчности, и хотя Сухозанета называли въ шутку „Сатурномъ", но это касалось только его тщедушной наружности и ходившей по Петербургу карикатуры (вскорѣ послѣ увольненія въ отставку болѣе чѣмъ ста генераловъ), гдѣ онъ былъ изображенъ Сатурномъ, косящимъ генераловъ, какъ снопы.

Петербургскій Сатурнъ оказался анахронизмомъ въ Варшавѣ и такъ впослѣдствіи надоѣлъ всѣмъ, что преемника его всѣ ждали, какъ новаго Мессію.

И этотъ жданный Мессія, наконецъ, явился.

Рѣдко можно было встрѣтить человѣка, столь щедро одареннаго природою, какъ графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ. Лицо его блистало мужественною красотою; высокій лобъ, соединявшійся съ лысымъ черепомъ, свидѣтельствовалъ объ его умѣ и возвышенности помысловъ; проницательные, правильно очерченные глаза, ярко свѣтились изъ-подъ правильныхъ, дугообразныхъ, точно нарисованныхъ, бровей; римскій прямой носъ, съ тонкими ноздрями, придавалъ лицу строгое выраженіе, а превосходно очерченный ротъ, съ котораго не сходила привѣтливо-насмѣшливая улыбка, довершалъ очарованіе цѣлаго. Ростъ у графа былъ выше средняго; движенія увѣренны и спокойны; голову онъ забрасывалъ нѣсколько назадъ, и вся его стройная фигура дышала благородствомъ и простотою.

Присоединить къ этому знаменитое происхожденіе, тонкій наблюдательный умъ, большую начитанность, опытность, пріобрѣтенную на различныхъ поприщахъ служенія, ловкость и отличную военную репутацію, и тогда понятно будетъ, почему графъ Ламбертъ былъ украшеніемъ высшаго военнаго и придворнаго петербургскаго кружка, и могъ остановить на себѣ вниманіе въ минуту, когда нуженъ былъ испытанный человѣкъ для труднаго дѣла умиротворенія Польши.

Да, въ Петербургѣ еще думали объ „умиротвореніи" края, разорвавшаго всякую связь съ законною властію и находившагося въ полномъ возстаніи.

Скажемъ нѣсколько словъ о происхожденіи графа Ламберта и его службѣ.

Графъ Ламбертъ былъ сынъ знаменитаго русскаго генерала, ко-

Библиотека "Руниверс"

торый долженъ быть поставленъ на ряду съ лучшими предводителями кавалеріи на полѣ сраженія. При началѣ французской революціи, отецъ-Ламбертъ былъ корнетомъ въ королевской гвардіи, но, вслѣдствіе политическихъ событій, удалился изъ отечества въ 1793 году и, по особой рекомендаціи, принятъ Екатериною II секундъ-маіоромъ въ Кинбурнскій драгунскій полкъ. Первые случаи къ отличію представились отцу-Ламберту въ странѣ, въ которой сынъ его былъ впослѣдствіи намѣстникомъ. Мужественный секундъ-маіоръ, съ честію дѣйствовалъ при Хелмѣ и Мацеовицахъ (гдѣ взятъ въ плѣнъ Костюшко), а за командованіе охотниками, во главѣ одной изъ штурмующихъ колоннъ, на кровопролитномъ штурмѣ Праги, получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени.

Въ послѣдующіе годы, графъ Ламбертъ своими дѣйствіями: подъ Цюрихомъ (въ 1799 г.); Чарновой (11-го декабря 1806 г.); подъ Пултускомъ и Янковымъ (23-го, 24-го и 25-го января 1807 г.); при отступленіи отъ Ландсберга къ Прейсишъ-Эйлау (26-го января); при Прейсишъ-Эйлау (27-го января) и Фридландѣ (2-го іюня 1807 г.), заслужилъ извѣстность отличнаго кавалериста, мужественнаго, распорядительнаго и находчиваго боеваго генерала. Во время отступленія отъ Ландсберга къ Прейсишъ-Эйлау, Ламбертъ, по случаю раны Барклая де-Толли, заступилъ его мѣсто и командовалъ арріергардомъ у князя Багратіона.

Въ 1812 г. подвиги Ламберта пріобрѣли ему громкую славу. Его рѣшительнымъ и искуснымъ дѣйствіямъ армія Тормасова обязана одержаніемъ побѣды при Городечнѣ; затѣмъ Ламбертъ захватилъ мостъ на Нѣманѣ; предупредилъ французовъ въ Минскѣ и, атаковавъ, несмотря на неравенство силъ, 9-го ноября, Борисовъ, совершенно разбилъ, защищавшихъ городъ, польскихъ генераловъ, Брониковскаго и Домбровскаго, овладѣлъ Борисовымъ и сталъ на пути отступленія арміи Наполеона, которая, конечно, не успѣла бы такъ легко совершить переправу, еслибы тяжелая рана не принудила гр. Ламберта сдать командованіе, а потомъ, для излеченія раны, оставить ряды войскъ почти на два года.

12-го декабря 1823 г., гр. Ламбертъ пожалованъ въ генералы отъ кавалеріи; скончался въ іюлѣ 1843 г., окруженный общимъ уваженіемъ и украшенный высшими знаками отличій. Память стараго графа, его доброта и отеческая привѣтливость къ подчиненнымъ (по званію начальника кавалерійской дивизіи и корпуснаго командира) долго жили въ рядахъ русскаго войска. Почтенный старецъ, въ послѣдніе годы жизни своей, любилъ, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ и преимущественно военныхъ, разсказывать о своемъ славномъ прошед-

Библиотека "Руниверс"

шемъ. Таковы были первыя впечатлѣнія сыновей графа: Іосифа и Карла; это рѣшило судьбу ихъ—оба они сдѣлались военными. Не забудемъ, что мать ихъ была дочь Суворовскаго генерала—Дѣева.

Молодой графъ Карлъ (или какъ всегда его звали Шарль, какъ произносятъ это имя французы), страстно любя кавалерійское дѣло, обратилъ на себя вниманіе, съ самаго поступленія на службу, какъ отличный ѣздокъ и службистъ. Онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты и отсюда началось его повышеніе.[1])

Желая пріобрѣсти возможную военную опытность, гр. Карлъ Карловичъ Ламбертъ отправился, въ 1844 г., на Кавказъ и участвовалъ, подъ начальствомъ знаменитаго генерала Фрейтага, въ большой экспедиціи, на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи. Графъ Карлъ Ламбертъ, графъ Эдуардъ Барановъ и кн. Александръ Голицынъ находились въ упорномъ бою подъ Валерикомъ и при овладѣніи Гехинскимъ лѣсомъ—подвиги, прославившіе имя Фрейтага.

Послѣ сказаннаго понятно быстрое повышеніе Ламберта и назначеніе его командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка; по сдачѣ полка, Ламбертъ былъ начальникомъ штаба южныхъ военныхъ поселеній; въ 1854 г. возвратился въ Петербургъ, а въ іюлѣ 1855 г. назначенъ членомъ высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ гр. Ридигера (главнокомандующаго гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами), коммиссіи для улучшеній по части военной.

Заслуги графа Ридигера еще неоцѣнены по достоинству, а внезапная смерть графа и происшедшія перемѣны въ составѣ высшаго военнаго управленія, ограничили кругъ дѣйствій коммиссіи и повели къ ея закрытію; но любопытно привести нѣкоторыя подробности о занятіяхъ графа Ламберта, тѣмъ болѣе, что онъ здѣсь впервые встрѣчается съ генераломъ Герштенцвейгомъ.

---

[1]) Г. Бергъ (стр. 314—315) даже и это обстоятельство разсказываетъ съ сдержанною иронією, причемъ его историческія объясненія и намеки заставятъ улыбнуться каждаго военнаго. Такъ, разсказывая, что графъ Ламбертъ «проѣхалъ въ замкѣ, какъ слѣдуетъ» и за это, вскорѣ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ,—г. Бергъ объясняетъ значеніе слова: колонна, за которою ѣдутъ въ «замкѣ», слѣдующимъ образомъ:

«Построеніе временъ Фридриха II. Тогда люди, слѣдовавшіе въ «замкѣ» извѣстныхъ частей арміи (?), имѣли назначеніе строго наблюдать за порядкомъ въ каждой части, и были, сверхъ оружія, снабжены палками, которыя, при случаѣ, и употребляли въ дѣло».

Но что скажетъ г. Бергъ, когда узнаетъ, что колонна, которой введеніе онъ приписываетъ Фридриху II, строилась греками изъ фаланги и называлась Эпагогъ, а движеніе рядами развернутаго строя было извѣстно подъ именемъ Парагогъ. Что-жъ до палокъ, то ихъ имѣли въ прусской арміи всѣ начальники, кромѣ солдатъ. Авт.

Библиотека "Руниверс"

Для этого необходимо небольшое отступленіе.

Достойный гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ, поднимая вопросы о необходимыхъ преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ нашей арміи, обратился, 28-го апрѣля 1856 г., къ военному министру, кн. Долгорукову, съ письмомъ, изъ котораго приводимъ нѣсколько отрывковъ, чтобы лучше ознакомить со взглядомъ гр. Ридигера на свое призваніе.

„Въ продолженіе 56-ти-лѣтней службы моей (писалъ гр. Ридигеръ) я былъ свидѣтелемъ, какъ сперва постепенно распространялось, а потомъ, какъ начало, мало-по-малу, уменьшаться число образованныхъ офицеровъ въ полкахъ арміи, какъ, наконецъ, дошли мы до такого состоянія, что не только не знаемъ, кѣмъ замѣщать корпусныхъ командировъ, но имѣемъ цѣлыя дивизіи, въ которыхъ, изъ числа офицеровъ, некому дать полка, баталіона и даже роты.

„Какъ русскій офицеръ и какъ начальникъ, въ продолженіи 25-ти лѣтъ командовавшій корпусомъ, я не могъ оставаться равнодушнымъ къ подобному явленію, тщательно изыскивалъ причины его и обдумывалъ средства, которыми бы можно было отвратить это.

„Изъ множества причинъ такого упадка образованности между военными, важное мѣсто занимаетъ неудовлетворительность мѣръ для пополненія арміи офицерами; остановлюсь на тѣхъ, которые мнѣ ближе извѣстны, именно, о пополненіи арміи офицерами, производимыми изъ юнкеровъ.

„Юнкера, изъ которыхъ составляется главная часть всей массы армейскихъ офицеровъ, поступая на службу съ самымъ поверхностнымъ и недостаточнымъ образованіемъ, не только не имѣютъ случая развить себя, но, находясь постоянно между нижними чинами, теряютъ, еще до производства въ офицеры, и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя имѣли. Нужно видѣть тѣ мѣста, въ которыхъ проводятъ они зимніе мѣсяцы, ту нужду, которую они терпятъ, и тотъ кругъ, въ которомъ вращаются, и тогда сдѣлается понятнымъ, что если даже самый образованный человѣкъ можетъ, въ два-три года, при такомъ образѣ жизни, сдѣлаться закоснѣлымъ невѣждою, что же сдѣлается изъ полуобразованнаго юноши?“

Упомянувъ затѣмъ о попыткѣ завести юнкерскія школы, въ 1823 г., недостаткахъ ихъ и закрытіи передъ турецкою войною 1828—1829 гг., графъ Ридигеръ продолжаетъ:

„Если правительство признало необходимымъ устроить въ артилеріи, батарейныя, бригадныя и дивизіонныя школы для нижнихъ чиновъ; если существуютъ баталіонныя и бригадныя школы для образованія саперныхъ унтеръ-офицеровъ, то неужели менѣе необходимо

Библиотека "Руниверс"

имѣть ихъ для образованія тѣхъ людей, которые назначаются быть офицерами, а слѣдовательно и генералами? Глубокое убѣжденіе въ необходимости принять самыя дѣйствительныя мѣры къ тому, чтобы сколько-нибудь подвинуть впередъ образованіе офицеровъ и тѣмъ избавить отъ умственнаго и нравственнаго коснѣнія нѣсколько тысячъ молодыхъ дворянъ русскихъ, находящихся на службѣ юнкерами, заставляетъ меня просить ваше сіятельство повергнуть на высочайшее благоусмотрѣніе его императорскаго величества общія предположенія мои, относительно устройства юнкерскихъ школъ.

„Эта мѣра, я надѣюсь, отвратитъ недостатокъ домашняго воспитанія большинства нашихъ дворянъ и дастъ возможность, наиболѣе даровитымъ изъ молодыхъ людей, употребить на пользу службы тѣ способности, которыя даны имъ Провидѣніемъ...“

Вмѣстѣ съ этимъ, графъ Ридигеръ просилъ исходатайствовать высочайшее соизволеніе на учрежденіе комитета объ юнкерскихъ школахъ, указывая при этомъ на графа Ламберта, какъ на одного изъ членовъ.

При распредѣленіи занятій между членами комитета, на гр. Ламберта возложена самая труднѣйшая работа, именно, ему поручено: составить соображенія о распредѣленіи юнкеровъ по школамъ; порядокъ пріема ихъ на службу; поступленіе въ школы и выпускъ, а также составъ управленія юнкерскими школами.

Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что трудъ гр. Ламберта былъ признанъ превосходнымъ и послужилъ основаніемъ для дальнѣйшихъ трудовъ комитета, неприведенныхъ въ исполненіе по случаю кончины гр. Ридигера и сопротивленія генераловъ: Ростовцева, Катенина и Герштенцвейга; послѣдній, сдѣлавшись дежурнымъ генераломъ, похоронилъ это дѣло на нѣсколько лѣтъ.

Работы по упраздненію военныхъ поселеній были послѣднею административною заслугою графа Ламберта; его опытность и превосходное знаніе дѣла много помогли успѣшному его окончанію.

Неожиданная болѣзнь графа, вслѣдствіе перелома ноги, показала общее къ нему расположеніе и участіе; въ его гостиной собиралось все, что только было замѣчательнаго въ Петербургѣ; тамъ шли оживленные разговоры и споры о совершившихся событіяхъ, причемъ графъ поражалъ всѣхъ своею проницательностью и очаровывалъ привѣтомъ и вниманіемъ.

Начались, между тѣмъ, безпорядки въ Варшавѣ: академики совершили безнаказанно первую свою манифестацію на похоронахъ (10-го іюля 1860 г.) вдовы защитника Воли въ 1831 г., генерала Совинскаго; въ Петербургѣ заговорили объ этомъ. Графу Карлу Лам-

Библиотека "Руниверс"

берту было хорошо знакомо положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ въ Царствѣ Польскомъ; онъ зорко слѣдилъ за происходящимъ, откровенно высказывая свое мнѣніе. Вѣрность этихъ мѣткихъ отзывовъ выходила изъ тѣснаго кружка его близкихъ и была многимъ извѣстна, даже огласились слова, которыми отвѣчалъ онъ впослѣдствіи на поздравленія, съ назначеніемъ его намѣстникомъ и главнокомандующимъ: „не поздравляйте, пожалуйста; въ Петербургѣ сломалъ я только ногу, а въ Варшавѣ могу сломать голову".

Шутка эта была въ дѣйствительности грустнымъ пророчествомъ.

Пусть теперь читатель, знакомый съ книгою г. Берга „О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ", сличитъ все, разсказанное нами, на основаніи неоспоримыхъ документовъ, съ игривымъ разсказомъ г. Берга о гр. Ламбертѣ; пусть припомнитъ также, что много лѣтъ протекло со смерти бывшаго намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, что записки г. Берга читались, въ рукописи, передъ высшимъ военнымъ ареопагомъ варшавскаго военнаго общества, что онѣ нѣсколько разъ передѣлывались по указаніямъ членовъ этого ареопага, и тогда только можно будетъ понять, какъ легко мы вѣримъ каждому послѣднему „сочиненію", какъ постоянно поклоняемся случаю, и что у насъ несчастіе находитъ не сочувствіе, а осужденіе, хотя бы человѣкъ заплатилъ даже жизнію за неуспѣхъ того, что рѣшительно не было въ его власти.

Впрочемъ, для нѣкоторыхъ членовъ этого ареопага уже наступило потомство... Dieu c'est la rénumération.

Повторимъ, что графъ Ламбертъ былъ достоенъ монаршаго выбора и несомнѣнно оправдалъ бы его, потому что соединялъ всѣ, необходимыя для того, качества: онъ былъ уменъ, зналъ край, и, съ ловкостью свѣтскаго человѣка, соединялъ умѣнье держать себя и внушать каждому чувство своего нравственнаго надъ нимъ превосходства,— качество необходимое для властвованія надъ поляками.[1])

---

[1]) Соберемъ здѣсь въ одно всѣ прямые и косвенные нападки г. Берга на графа Ламберта:

(Стр 314). «Особенною практическою стороною его характера было то, что онъ умѣлъ всегда сохранять дружественныя отношенія съ своими школьными товарищами, изъ которыхъ иные пошли далеко и могли, такъ или иначе, вліять на его служебную карьеру».

(Стр. 315). «Конечно, ему и во снѣ не снилось, что онъ вскорѣ будетъ призванъ укрощать эти (польскіе) безпорядки, какъ главный начальникъ. Ему не снилось—его поискала судьба».

(Стр. 377). Разсказавъ предположенія свои о дуэли Герштенцвейга съ Ламбертомъ, г. Бергъ добавляетъ въ примѣчаніи: «Въ Петербургѣ составилось объ этомъ точно такое же мнѣніе. Говорили, что, со стороны Герштен-

Библиотека "Руниверс"

Новому намѣстнику нуженъ былъ для Варшавы и новый генералъ-губернаторъ, потому что добрѣйшій Мерхилевичъ, проказничавшій заодно съ Сухозанетомъ, не годился для этого званія. Выборъ палъ на дежурнаго генерала главнаго штаба его величества, генералъ-адъютанта Герштенцвейга, который и самъ чувствовалъ, что, послѣ отбытія Сухозанета изъ Петербурга, его служебныя отношенія совершенно измѣнились.

Характеризуя Герштенцвейга, г. Бергъ (стр. 334) говоритъ: „это былъ человѣкъ съ рѣдкими достоинствами, умный, изящный, солидно-образованный, писака и при томъ съ чрезвычайно твердымъ характеромъ. Его ссоры и споры съ нѣкоторыми высшими лицами нажили ему враговъ въ той сферѣ, которая наиболѣе вліяетъ на благополучный исходъ всякихъ карьеръ. На него косились, и не прочь были, при случаѣ „спустить“ его куда-нибудь, какъ шедшаго въ разрѣзъ... со всѣми, привыкшаго прать противъ рожна. Но онъ сидѣлъ крѣпко; занимаемую имъ должность правилъ съ честію былъ любимъ и уважаемъ подчиненными... Нашли возможнымъ устроить такъ, что Герштенцвейгъ долженъ былъ уступить и сталъ собираться въ путь съ стѣсненнымъ сердцемъ“.

Послѣ столь восторженнаго панегирика Герштенцвейгу, г. Бергъ приводитъ множество различныхъ догадокъ о причинахъ несогласія между намѣстникомъ и его „помощникомъ“, и затѣмъ говоритъ: „Отыщи только Ламбертъ больше довѣрія къ Герштенцвейгу и имѣй болѣе самоотверженія въ разные серьезные моменты, или (что еще лучше) неремѣнись, какимъ-нибудь волшебствомъ, обѣ роли: стань генералъ-губернаторъ—намѣстникомъ, а намѣстникъ—генералъ-губернаторомъ, какъ пророчила когда-то молва, представляя на этотъ разъ vox populi—vox Dei“.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Герштенцвейгъ былъ юношею, сравнительно съ Ламбертомъ: что послѣдній командовалъ конногвардейскимъ полкомъ, когда первый былъ еще адъютантомъ генерала Клейнмихеля; что въ Россіи извѣстно было имя Ламберта, тогда какъ Герштенцвейгу низко кланялись только военные, зная въ немъ дежурнаго генерала, властвовавшаго именемъ военнаго министра Сухозанета; никто и никогда не думалъ мѣнять положенія Ламберта и Герштенцвейга,—это могло умѣщаться въ головахъ русскаго вар-

---

цвейга, это ужъ черезъ-чуръ по-рыцарски. Выпади пистолетъ Ламберту, онъ бы не застрѣлился».

Незнаемъ, кто смѣлъ такъ говорить въ Петербургѣ: Ламбертъ и Герштенцвейгъ имѣли одинаковыя понятія о благородствѣ, но Герштенцвейгъ былъ дерзокъ и заносчивъ, а Ламбертъ—спокоенъ и сдержанъ. Авт.

Библиотека "Руниверс"

шавскаго общества; а что до нашего — vox populi—vox Dei, то, изъ уваженія къ нашему народу, мы не хотимъ даже перечислять, кого выбиралъ, въ минуты опасности, нашъ vox populi.....

Это, вѣроятно, происходитъ отъ того, что истинный vox populi есть настоящій звучный голосъ зрѣлаго народа, а не вяканье и писк всегда недозрѣлой толпы интересантовъ, сующихся всюду съ своими непрошенными совѣтами.

Наконецъ, говоря словами г. Берга, но только въ настоящемъ ихъ смыслѣ, какъ требовало положеніе дѣлъ: имѣй вообще Герштенцвейгъ болѣе самоотверженія и будь онъ истиннымъ помощникомъ намѣстника и вѣрнымъ его подчиненнымъ, онъ бы здравствовалъ и до сихъ поръ.

Приведемъ теперь нѣсколько чертъ изъ жизни Герштенцвейга для того, чтобы судить, возможна-ли была какая-либо параллель между нимъ и Ламбертомъ.

Герштенцвейгъ былъ сынъ артиллерійскаго генерала, служившаго въ Варшавѣ, подъ начальствомъ цесаревича великаго князя Константина Павловича; отецъ-Герштенцвейгъ командовалъ впослѣдствіи своднымъ кавалерійскимъ корпусомъ и застрѣлился 14-го августа 1848 года. Это былъ аракчеевецъ въ полномъ значеніи слова. Извѣстный партизанъ Денисъ Давыдовъ превосходно очертилъ этихъ архиплацпарадниковъ и ремешковыхъ генераловъ, которые считали себя хранителями истиннаго фронтоваго образованія... (См. „Рус Стар.“ 1872 г. т. VI, 26.).

Старый Герштенцвейгъ, какъ истый фронтовикъ прежняго времени, осуществлялъ своими дѣйствіями разсказъ дѣдушки внуку, въ извѣстномъ стихотвореніи Некрасова (часть V, стр. 182 и 183).

Душу вколачивать въ пятки
Правиломъ было тогда,
Какъ ни трудись, недостатки
Сыщетъ начальство всегда.
«Есть въ маршировкѣ старанье,
Стойка исправна совсѣмъ,
Только замѣтно дыханье»...
Слышишь-ли — дышутъ зачѣмъ?

А недоволенъ парадомъ,
Ругань польется рѣкой,
Зубы посыплются градомъ,
Поретъ, гоняетъ сквозь строй..
Съ пѣною у рта обрыщетъ
Весь перепуганный полкъ,
Жертвъ покрупнѣе прінщетъ
Остервѣнившійся волкъ...

Библиотека "Руниверс"

Сравните теперь лавроноснаго героя 1812 года — отца Ламберта съ отцемъ Герштенцвейгомъ и судите о впечатлѣніяхъ дѣтей ихъ въ тѣ годы, когда начинается разумная и отчетливая жизнь.

Мать Герштенцвейга, рожденная Мадалинская, была дочерью извѣстнаго польскаго партизана, генерала Мадалинскаго, который, въ 1794 году, получивъ приказаніе распустить находившіяся подъ его командою войска (1,500 человѣкъ), стоявшія у Пултуска, не только не исполнилъ этого приказанія, но повелъ свой отрядъ на соединеніе съ Костюшкою и совершилъ отчаянно-смѣлый маршъ сквозь русскія войска до Кракова; содѣйствовалъ неудачѣ нашихъ войскъ подъ Раславицами и, послѣ тяжкой раны, полученной во время штурма Праги Суворовымъ, Мадалинскій попался въ плѣнъ пруссакамъ. Когда послѣдовало раздѣленіе Польши, Мадалинскій удалился съ политическаго поприща, оставаясь до самой смерти истымъ полякомъ и передавъ тотъ же духъ и своему семейству.

Молодой Герштенцвейгъ не зналъ этихъ подробностей и не хотѣлъ знать ихъ; онъ одинъ изъ всего семейства не зналъ и не понималъ польскаго языка, потому что въ ранней молодости поступилъ въ пажескій корпусъ, гдѣ его быстрыя способности, понятливость и живость обратили на него вниманіе.

По выпускѣ изъ пажескаго корпуса, Герштенцвейгъ подружился съ однимъ изъ слушавшихъ курсъ въ военной академіи офицеровъ; пристрастился къ военнымъ наукамъ, читалъ преимущественно военныя книги и послѣ часто обращался къ своему знакомому за совѣтами. Этотъ же знакомый, въ 1839 году, „шикарно“ развѣсилъ въ первый разъ надѣтые эксельбанты Герштенцвейгу, когда тотъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главноуправляющему путями сообщенія, графу Клейнмихелю.

Герштенцвейгъ обладалъ неистощимою веселостью и остроуміемъ; любилъ посмѣшить другихъ и самъ посмѣяться; былъ неутомимымъ танцоромъ и даже разъ игралъ женскую роль на домашнемъ спектаклѣ, въ комедіи Хмельницкаго: „Говорунъ“, причемъ своими фарсами до того разсмѣшилъ актеровъ, что принуждены были спустить занавѣсъ до окончанія пьесы. Однимъ словомъ, въ эту пору Герштенцвейгъ былъ милѣйшій молодой человѣкъ, безъ претензіи и безъ высокаго о себѣ мнѣнія.

Въ 1844 году Герштенцвейгъ, будучи поручикомъ, сопровождалъ въ Кіевъ графа Клейнмихеля, какъ любимый его адъютантъ, и уже замѣтно было, что общее низкопоклонничество сильно повліяло на молодую голову адъютанта всемогущаго графа, который, однако, скоро послѣ того прогнѣвался на Герштенцвейга и отчислилъ его изъ адъю-

Библиотека "Руниверс"

тантовъ. Герштенцвейгъ поступилъ во фронтъ и въ этомъ нашелъ свое счастіе.

Открывалась Николаевская желѣзная дорога, совпадавшая съ торжествомъ двадцати-пятилѣтія царствованія императора Николая I. Командиръ Преображенскаго полка, генералъ-адъютантъ Катенинъ, особенно любя Герштенцвейга, назначилъ его командиромъ роты его величества, и послѣдствіемъ этой поѣздки въ Москву было назначеніе Герштенцвейга флигель-адъютантомъ.

Въ 1849 году, во время австро-венгерской кампаніи, Герштенцвейгъ, уже состоявшій въ свитѣ (онъ не хотѣлъ командовать баталіономъ), ѣздилъ въ дивизію генерала Панютина, находившуюся въ составѣ австрійской арміи Гайнау, и принималъ участіе въ сраженіяхъ при селеніи Передѣ, городѣ Раабѣ и обложеніи крѣпости Коморна.

Спустя непродолжительное время, командиръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, генералъ-адъютантъ Катенинъ, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ. Катенинъ, при своемъ возвышеніи, вспомнилъ о Герштенцвейгѣ и тотъ былъ назначенъ его помощникомъ, по званію дежурнаго генерала.

Герштенцвейгъ не любилъ видѣть кого бы то ни было на своей дорогѣ. Скоро Катенинъ утратилъ кредитъ у военнаго министра Сухозанета (видѣвшаго въ Герштенцвейгѣ сына аракчеевскаго артиллериста) и потомъ былъ посланъ въ Оренбургъ, къ тамошнему генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому, и, по возвращеніи оттуда, назначенъ на его мѣсто. Герштенцвейгъ же сдѣлался дежурнымъ генераломъ и правою рукою Сухозанета.

Съ этой именно минуты начинается его самостоятельная дѣятельность, выразившаяся преимущественно въ томъ, что всѣ предположенія коммиссіи для улучшенія по части военной (бывшей тогда подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Плаутина) находили въ Герштенцвейгѣ самаго неуступчиваго противника. Борьба была тѣмъ болѣе удобною, что всѣ доклады коммиссіи восходили на высочайшее воззрѣніе чрезъ военнаго министра, имѣвшаго возможность давать имъ то или другое направленіе. Въ особенности проекты: о военныхъ уставахъ, кавалерійской академіи и юнкерскихъ школахъ, нашли въ Герштенцвейгѣ самаго отъявленнаго недоброжелателя, простершаго свое упорство до того, что проектъ о юнкерскихъ школахъ, несмотря на высочайшее утвержденіе его, въ главныхъ чертахъ, 1-го мая 1856 г., оставался, какъ говорится, „подъ сукномъ“ почти пять лѣтъ и приведенъ въ исполненіе послѣ отбытія Герштенцвейга изъ Петербурга въ Варшаву.

Безъ сомнѣнія, панегиристу Герштенцвейга не были извѣстны его

Библиотека "Руниверс"

дѣйствія противу коммиссіи для улучшеній по части военной и графа Ламберта, какъ члена коммиссіи о юнкерскихъ школахъ, иначе не рѣшился бы онъ на восхваленіе своего любимца. Что-жъ до споровъ за преимущества генеральнаго штаба, то, дѣйствительно, Герштенцвейгъ спорилъ и противъ нихъ, какъ противу всего, способствовавшаго быстрой карьерѣ людей талантливыхъ; выраженіе же: „что, съ назначеніемъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба въ высшія должности, армія теряетъ лучшихъ людей; губерніи же не пріобрѣтаютъ лучшихъ губернаторовъ", было сказано десять лѣтъ спустя, именно, когда послѣ нѣсколькихъ назначеній изъ генеральнаго штаба въ губернаторы, былъ, по родственнымъ связямъ, представленъ въ кандидаты на ту же должность опять таки штабъ-офицеръ генеральнаго штаба и это мѣткое выраженіе сказано не Герштенцвейгомъ (его уже тогда не было), а однимъ изъ сослуживцевъ и товарищей графа Ламберта.

Что-жъ до отношеній новаго намѣстника къ генералъ-губернатору, то графъ Ламбертъ могъ быть даже и „на ты" съ Герштенцвейгомъ, но былъ старше его годами и службою, превосходилъ происхожденіемъ, вѣсомъ у двора и опытностію; если же Герштенцвейгъ не хотѣлъ понять всего этого, то Ламбертъ-ли виноватъ въ печальномъ исходѣ этой встрѣчи?

Графа Ламберта знали, какъ человѣка государственнаго, по общимъ, весьма неопредѣленнымъ, слухамъ. Извѣстно было одно, что онъ пользовался высочайшимъ довѣріемъ; Герштенцвейгъ же имѣлъ большую партію среди военныхъ, какъ дежурный генералъ, любимецъ военнаго министра Сухозанета, еще правившаго свою должность.

Новый намѣстникъ прежде всего, конечно, хотѣлъ опереться на русское общество въ Варшавѣ, и въ средѣ его найдти своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и сподвижниковъ, — онъ искалъ моральной поддержки и — грустно разочаровался.

Съ 1815 года мы занимаемъ Варшаву и Царство Польское, и между тѣмъ, наслоившееся тамъ русское общество представляетъ какую-то сластолюбивую, ненавистную и вѣчно интригующую амфибію, которую можно назвать именемъ самопожирательница.

Любовь къ родинѣ, чувство долга, самоотверженія, какъ то показали послѣднія смуты, не существуютъ для ополячившихся русскихъ. Дочери нашихъ генераловъ, воспитанницы Пулавскаго института, позорили имена своихъ добрыхъ и слабыхъ родителей, поступая въ банды адъютантами довудцовъ (начальниковъ) и послѣ дѣлались ихъ наложницами; сынки же тратили и тратятъ силы, здоровье и разумъ съ коханками, а многіе даже рѣшаются срамить честное имя

Библиотека "Руниверс"

отцевъ своихъ, вступая въ бракъ съ танцорками, перебывавшими на содержаніи чуть не у всѣхъ варшавскихъ распутниковъ; жадность къ обогащенію нашихъ родичей въ Варшавѣ заставляетъ ихъ считать казну чѣмъ-то въ родѣ калифорнскихъ рудниковъ; безстыдство въ выпрашиваніи и въ вымоганіи наградъ ведетъ къ безконечнымъ доносамъ и подкопамъ противу тѣхъ, кто стоитъ на дорогѣ желающаго награды — вотъ чѣмъ отличался русскій элементъ варшавскаго общества (тринадцать лѣтъ тому назадъ), а это естественно вело къ неуваженію русскихъ и русскаго начала въ Царствѣ Польскомъ.

Графъ Ламбертъ, прибывъ въ Варшаву, могъ спросить:

«Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?»

И въ самомъ дѣлѣ, что такое было варшавское общество въ эпоху послѣднихъ смутъ? Отвѣчало-ли оно, хотя сколько-нибудь своему назначенію; представляло-ли оно Россію на передовой ея окраинѣ и былъ-ли въ варшавскомъ обществѣ какой-нибудь задатокъ того, чтобы когда-нибудь оно могло явиться представителемъ русскаго начала, хотя бы изъ признательности за все, сдѣланное для него правительствомъ?

Прежде всего необходимо рѣшить вопросъ: можетъ-ли русское общество, въ Варшавѣ, поддерживать соперничество съ польскимъ обществомъ? На это слѣдуетъ положительно отвѣчать—нѣтъ.

Начнемъ съ того, что поляки высшаго общества и богатѣйшаго класса нашли возможнымъ замкнуть свои дома для русскихъ людей, но зато они низко кланяются представителю русской высшей власти и составляютъ его аристократическій дворъ, тогда какъ все русское, отъ перваго до послѣдняго, только чиновный людъ, живущій получаемымъ за службу жалованьемъ и обитающій въ великолѣпныхъ казенныхъ квартирахъ. Аристократическій и денежный польскій кружокъ разрѣшилъ великую тайну: быть у себя дома магнатами за уклоненіе отъ русской службы и въ то же время пользоваться значеніемъ у русскихъ властей по своему званію: гофмаршаловъ, гофмейстеровъ, камергеровъ, шталмейстеровъ и камеръ-юнкеровъ. Посмотрите, есть-ли гдѣ ихъ больше, чѣмъ въ Варшавѣ, гдѣ безвыѣздно живутъ и кутятъ они, получая повышенія въ придворныхъ должностяхъ, а также кресты или пожалованіе дѣтей своихъ въ камеръ-юнкеры?

Контингентъ, откуда пополняются эти придворные, небывающіе у двора, составляется изъ такъ-называемой „золотой молодежи“ состоящей изъ гулякъ, кутилъ, игроковъ и лошадиныхъ барышниковъ, —

Библиотека "Руниверс"

все это молодые люди лучшихъ фамилій, допускающіе иногда въ свою среду приживаловъ и прихлебателей изъ бѣдной шляхты такого же закала. „Золотая молодежь“ — своего рода корпорація; она почти всегда вмѣстѣ, имѣетъ даже лучшія ложи во всѣхъ театрахъ и тамъ обыкновенно, послѣ щедрыхъ возліяній въ какомъ-нибудь ресторанѣ, собираются и дѣти, и старики; послѣднихъ окрестилъ сатирическій польскій журналъ названіемъ „Серебряная молодежь“ по ихъ сѣдымъ волосамъ.

Денежная аристократія тоже не дремлетъ, и доказательствомъ ея силы служитъ для Варшавы человѣкъ, бывшій членомъ, кассиромъ или предсѣдателемъ во всѣхъ революціонныхъ обществахъ, существовавшихъ въ Варшавѣ во время послѣднихъ безпорядковъ, и который впослѣдствіи былъ утвержденъ, вслѣдствіе ходатайства мѣстныхъ властей, потомственнымъ дворяниномъ русской имперіи и награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

Есть еще убѣжище, гдѣ пріютилось высшее польское чиновничество, тоже непокидавшее Варшавы,—это сенатъ, куда также, по представленіямъ и протекціи, сажались сенаторами, выслужившіеся или особенно покровительствуемые, польскіе чиновники и состарѣвшіеся русскіе генералы; но исторія сенатскихъ департаментовъ въ Варшавѣ уже дописана.

И замѣтимъ, что двери домовъ, столь плотно запертыя въ Варшавѣ, настежь открыты для всѣхъ иностранныхъ консуловъ и семействъ ихъ.

Такимъ образомъ, повторяемъ, двери того, что въ Петербургѣ и въ Москвѣ называютъ monde (свѣтъ), были замкнуты для русскихъ, исключенныхъ изъ польскаго общества.

Члены русской семьи, въ невѣдѣніи сердца, сами отказались отъ того, что знаменуетъ присутствіе народности въ томъ или другомъ краѣ; они, какъ Исавъ, продали младшимъ братьямъ право своего первенства и совершили это, неполучивъ даже чечевицы, которою Исавъ утолилъ, по крайней мѣрѣ, голодъ. Они сдѣлали это по легкомыслію, отсутствію въ русскомъ народномъ характерѣ какого-либо принципа и вообще по привычкѣ — не видѣть далѣе своего носа.

Почти 60 лѣтъ, какъ Царство Польское сдѣлалось нераздѣльною частію Россіи; почти три поколѣнія русскихъ смѣнились въ это время, и укажите, на улицахъ Варшавы, хотя одинъ домъ, принадлежащій русскому магнату. Есть дома Потоцкихъ, Урусскихъ, Старжинскихъ, Коссаковскихъ, Замойскихъ, Островскихъ; остались, за взятыми въ казну домами, имена палацовъ: Мостовскаго, Паца, Дызмянскаго, и нѣтъ ни одного, который бы принадлежалъ русскому аристократу,

Библиотека "Руниверс"

хотя многіе изъ нихъ владѣютъ богатыми майоратами въ Царствѣ Польскомъ. Былъ, правда, въ послѣднее время купленъ, на самомъ видномъ мѣстѣ Варшавы, русскимъ генераломъ огромный домъ, но онъ скоро проданъ въ видахъ денежной спекуляціи; былъ и другой домъ, напоминавшій стилемъ новопостроенную городскую ратушу, однако, и тотъ перешелъ въ польскія руки.

А между тѣмъ, домовладѣніе поддерживаетъ народный духъ, хотя бы владѣльцы и жили далеко; посмотрите въ чешской Прагѣ, на улицѣ, ведущей въ Градчинъ, дома онѣмечившейся чешской аристократіи. Они всѣ живутъ въ Вѣнѣ, но въ Прагѣ имѣютъ великолѣпные прадѣдовскіе дома, куда пріѣзжаютъ они изрѣдка, и тогда раскрываются внутреннія ставни оконъ, поднимаются жалузи, освѣщаются тысячами огней дворцы князей Валленштейновъ, Виндишгрецовъ; графовъ: Кламъ-Галласовъ, Кламъ-Мартиницовъ, Радецкихъ; потомки ихъ, сдѣлавшись нѣмцами, не перестали быть чехами, поддерживая этимъ автономію своего края; народъ же, съ своей стороны, вспоминаетъ, что отцы этихъ людей были ихъ гордостью.

Совершенно иное представляютъ наши крупные и мелкіе майоратисты: они умѣли обойти законъ, отдали свои майораты польскимъ „администраторамъ“; счастливы тѣмъ, что берутъ, противу казенной оцѣнки, тройные и четверные доходы, и не считаютъ нужнымъ заглядывать въ Варшаву, какъ землевладѣльцы и представители русскаго элемента въ средѣ польскаго населенія.

Составъ высшаго русскаго общества отличался полною безцвѣтностью. Все служащее русское дворянство и чиновничество сглаживалось и уничтожалось передъ представителями верховной власти. При великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ русскихъ въ Варшавѣ почти не было; при фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ были русскіе генералы, приходившіе въ Варшаву и уходившіе изъ нея, вмѣстѣ съ смѣняющимися войсками; были, временно наѣзжавшія, русскія дворянскія семейства; были русскіе офицеры, купцы, искатели приключеній; были какіе-то бездомные скитальцы, жившіе Богъ знаетъ на чей счетъ—и вся эта мелюзга уничтожалась и исчезала передъ однимъ мановеніемъ всемогущаго диктатора, князя Варшавскаго. Онъ одинъ былъ всѣмъ въ Польшѣ и никого знать не хотѣлъ. Русское общество того времени привыкло къ своему положенію и погрузилось въ полнѣйшее ничтожество: дамы отличались маленькими домашними скандалами и интригами; старые мужчины играли въ карты и развратничали потихоньку; молодые также бились въ карты, кутили и развратничали открыто, теряя свое здоровье, силы, разумъ и репутаціи. Польки, преимущественно изъ мелкой шляхты и мѣщанства, у ногъ

Библиотека "Руниверс"

которыхъ лежало большинство „великихъ“ русскаго міра, принимали охотно это рабольпство, иногда выходили замужъ за русскихъ князей, графовъ и генераловъ и успѣвали иногда дѣлать изъ своихъ мужей и любовниковъ чистыхъ поляковъ.

Классъ младшихъ офицеровъ и мелкихъ чиновниковъ опустошилъ польскія кофейни, кандитерскія и трактиры, выбирая себѣ въ жены все, что было кокетливаго и смазливаго; а польки знаютъ кокетство въ совершенствѣ; даже г. Бергъ, при всемъ своемъ патріотическомъ настроеніи, написалъ восторженный дифирамбъ въ честь полекъ. [1])

Купечество русское, пользуясь привиллегіями, умѣло только ловить въ мутной водѣ рыбу, не желая вовсе понимать русскихъ интересовъ. Варшава, въ теченіи 50-ти лѣтъ, видѣла двѣ русскія фирмы: изъ нихъ одна обанкрутилась, оставивъ свое имя лучшему зданію, перешедшему въ казну и наполненному, отъ чердака и до нижняго этажа, военными писарями и чиновниками.

Были еще чиновники изъ поляковъ или изъ русскихъ, переженившихся на полькахъ и потому усвоившихъ всѣ польскіе свычаи и обычаи. Какой толкъ могъ быть, напримѣръ, въ интендантствѣ, гдѣ всѣ чиновники были поляки, а самый вліятельный, по своему положенію, кажется казначей, хотя былъ выслужившійся писарь, но дочь его, положительно не говорила по-русски, удостоивая разговоромъ только на польскомъ и французскомъ языкахъ. Въ канцеляріи намѣстника были исключительно польскіе чиновники; изъ русскихъ-же— какая-то загадочная личность, напоминавшая небольшимъ ростомъ, очками, ядовитою улыбкою и покроемъ фрака, каррикатуру Тьера. Существо это прилипло, какъ канцелярскій листъ, къ организму польско-русскаго управленія; сохранило этотъ постъ при семи намѣстникахъ; пріобрѣло майораты, чины, ордена, эмеритуры, усыновленіе незаконныхъ дѣтей, и наконецъ, для счастія края, успокоилось отъ канцелярской дѣятельности, вѣроятно для того, чтобы пересчитать все полученное.....

Графу Ламберту нужно было опереться на кого-нибудь для успѣха предстоящихъ дѣйствій; но опираются на то, что представляетъ сопротивленіе; нужны, для совѣта и дѣла, головы, а не хребты; новый же намѣстникъ видѣлъ только общее ничтожество русскаго начала, и потому естественно отвернулся отъ него и искалъ сближенія съ представителями польскаго общества для того, чтобы усмирить крамолу.

Намъ замѣтятъ, почему же мы ничего не сказали о Хрулевѣ?

---

[1]) См. «Записки Н. В. Берга», стр. 221—224.

Библиотека "Руниверс"

Дѣйствительно, севастопольскій герой, высланный изъ Петербурга по требованію князя Горчакова, успѣлъ заявить свою мужественную энергію; но онъ былъ хорошъ и даже чудно-хорошъ передъ рядами войскъ и не могъ быть мужемъ совѣта ни въ какомъ случаѣ; достаточно вспомнить, устроенную Хрулевымъ, „литературную командировку“ въ Варшаву г. Ильи Арсеньева, чтобы судить о достоинствѣ совѣтовъ храбрѣйшаго Степана Александровича. Графъ Ламбертъ зналъ Хрулева давно и имѣлъ свои причины не спрашивать его совѣтовъ; мы умолчимъ объ этихъ причинахъ, примѣняя исключительно къ Хрулеву изрѣченіе древнихъ: „о мертвыхъ или ничего, или хорошо“. Неустрашимый партизанъ въ Венгерскую войну, мужественный солдатъ всюду, куда ни посылали его, продавецъ севастопольскаго кваса, изобрѣтатель хромотипіи — Хрулевъ вполнѣ заслуживаетъ это снисхожденіе.

Не найдя никого, рѣшительно никого, въ Варшавскомъ русскомъ обществѣ, имѣя давнія причины — недовѣрять Герштенцвейгу и не видя ни одного способнаго человѣка въ средѣ русскихъ генераловъ и высшихъ чиновниковъ, графъ Ламбертъ смѣло принялъ вызовъ и рѣшился дѣйствовать одинъ.

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"

Любопытное письмо князя Меншикова къ невѣстѣ его, Дарьѣ Арсеньевой.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ въ собраніи историческихъ бумагъ, принадлежащемъ одному знатоку старины, находится тетрадка въ 4-ю долю, 12 стр., писанная рукою извѣстнаго историка, Дм. Ник. Бантыша-Каменскаго; въ той же статьѣ приведено, въ точномъ снимкѣ, письмо за подписью кн. Александра Даниловича Меншикова; статейка посвящена авторомъ:

«Его превосходительству, милостивому государю, Константину Ивановичу Арсеньеву, въ знакъ душевнаго уваженія, Дмитрій Бантышъ-Каменскій».

Октября 24-го 1839 года.
С.-Петербургъ.

«Руководствуясь при сочиненіи «Дѣяній знаменитыхъ полководцевъ и министровъ Петра Великаго» разными историческими бумагами, въ Московскомъ, государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, архивѣ хранящимися, имѣлъ я случай читать также подлинныя письма славнаго князя Меншикова къ его супругѣ и дѣтямъ. Между сими письмами слѣдующее наиболѣе обратило мое вниманіе:

„Анна Даниловна, Дарья Михайловна, Варвара Михайловна, здравствуйте о Господѣ! За писанія ваши, от розныхъ чиселъ ко мнѣ писанные, я благодаренъ. А что во оныхъ вы пишете і желаете, чтобъ вамъ быть ко мнѣ, и вы изволте ѣхать в Смоленскъ немедленно, чтобъ вамъ нынешнимъ времянемъ, а именно к празднику поспѣть в Витепскъ, гдѣ буду я васъ ожидать; а буде того не желаете или, опасаясь распутицы, ѣхать не изволите, и вы пришлите ко мнѣ Катерину Трубачеву, да с нею другихъ двухъ дѣвокъ, немедленно-жъ, а хорошо бъ, какъ мочно,

Библиотека "Руниверс"

чтобы сами изволили облехчитця. За симъ здравие ваше в сохранение Божие предаю. Александръ Меншиковъ".

«С Ковны, дня 19 марта 1705 году».[1]) Надпись: «Аннѣ Даниловнѣ».

Письмо сіе было писано Меншиковымъ къ сестрѣ его и дѣвицамъ: Дарьѣ и Варварѣ Михайловнамъ Арсеньевымъ. Надлежитъ здѣсь замѣтить, что съ Дарьею Михайловною вступилъ онъ въ супружество только въ 1706 году. Но, что всего любопытнѣе, это имя Катерины Трубачевой. Кто не удивится, узнавши въ послѣдней бывшую императрицу всероссійскую Екатерину I-ю.

Догадку сію основываю я на слѣдующемъ историческомъ повѣствованіи:

Всѣмъ извѣстно, что Екатерина I, родясь въ бѣдности и оставшись въ младенчествѣ сиротою, была воспитана однимъ пасторомъ лютеранской церкви, Эрнестомъ Гликомъ; потомъ, въ 1702 году, передъ взятіемъ россійскими войсками города Маріенбурга, по показанію иныхъ писателей, была она только помолвлена, а по мнѣнію другихъ, вышла замужъ за одного шведскаго драгуна (уповательно трубача, отъ чего и прозвана, можетъ быть, княземъ Меншиковымъ — Трубачевою). Съ покореніемъ Маріенбурга, Екатерина, въ числѣ плѣнныхъ, содѣлалась добычею побѣдителей. Сначала взята она была генераломъ Бауеромъ; [2]) потомъ перешла къ фельдмаршалу Шереметеву [3]), у котораго жила полгода (т. е. по мартъ мѣсяцъ 1703 года), [4]) а напослѣдокъ уступлена имъ князю Меншикову, у котораго, увидѣвъ ее нечаянно государь плѣнился ея красотою, взялъ къ себѣ и, въ 1707 году, сочетался съ нею бракомъ.

Можетъ быть, вышеупомянутая догадка моя неосновательна; но не менѣе того, всякій воленъ выводить свои заключенія изъ того, что видитъ и читаетъ. Еслибъ не жила она въ домѣ князя Меншиковаго, то не могла бы она и имени его принять. Но, что всего любопытнѣе, это имя Катерины Трубачевой. Кто не удивится, узнавши въ послѣдней бывшую императрицу всероссійскую Екатерину I-ю.

---

[1]) Въ другомъ письмѣ, къ тѣмъ же, князь Меншиковъ, изъявляя радость свою о томъ, что онѣ согласны къ нему пріѣхать, проситъ ихъ поспѣшить пріѣздомъ къ наступавшему тогда праздинку Воскресенія Христова, присовокупляя къ тому, что иначе не съ кѣмъ будетъ, особо ему, повеселиться. Д. В.-К.

[2]) «Histoire de Pierre I-er, surnommé le Grand», t. 1-er, p. 309.

[3]) Nordberg, t. 2, p. 253.

[4]) Г-нъ Руссетъ въ книгѣ своей: «Mémoires du règne de Cathérine» à la Haye. MDCCXXVIII (1728), говоритъ, что государыня сія, не болѣе пяти или шести мѣсяцевъ находилась у фельдмаршала Шереметева, который уступилъ ее, по прошествіи того времени, князю Меншикову. См. 611 стр. вышеписанной книги. Д. В.-К.

Библиотека "Руниверс"

кова, [1]) то кто дерзнулъ бы найдти какое-либо сходство съ нею въ Катеринѣ Трубачевой? Еслибъ иностранными писателями было опредѣлено навѣрное и согласно одно съ другимъ то время, въ которое поступила она къ монарху, то всякое о томъ заключеніе было бы нынѣ (въ 1813 г.) излишнее. Переходъ Екатерины изъ дома любимца Петрова, къ самому Петру I былъ тогда тайною не только для иностранцевъ, но даже и для самыхъ россіянъ, что̀ можно видѣть и изъ скрытнаго брака съ нею государева, въ 1707 году. Только, въ 1712 г., оный бракъ былъ обнародованъ. Передъ тѣмъ временемъ, Екатерина, содѣлавшись у Прута спасительницею жизни обожаемаго ею монарха, содѣлалась также достойною владычествовать надъ его подданными. Послѣ сего ея поступка, кто можетъ укорить Петра въ выборѣ себѣ такой супруги? Кто можетъ упрекнуть Екатеринѣ въ первобытномъ ея состояніи?

Отечественные историки должны до времени хранить въ глубокомъ молчаніи тайны прошедшаго столѣтія, но что сокроется отъ безпристрастной Кліо? Черезъ нѣсколько вѣковъ, а можетъ быть, и прежде, правда изобразитъ въ исторіи Екатерины описанія ея молодости. Потомство удостовѣрится тогда въ первобытномъ ея состояніи, но для того только, чтобъ еще болѣе благоговѣть передъ нею, взирая на ея великія дѣла.

Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

1-го ноября 1813 года.
Москва.

Догадка моя оказалась основательною. Родитель мой, которому я показывалъ сіе письмо, удостовѣрилъ меня въ томъ же. Онъ слышалъ отъ ученаго Миллера, современника Екатерины: что Катерина Трубачева, о коей упоминаетъ Меншиковъ, точно, была потомъ супругою Петра Великаго. Родитель мой разбиралъ и описывалъ дѣла Меншикова въ 1775 году, при жизни Миллера, и показывалъ ему любопытное письмо, съ котораго я снялъ на стеклѣ вѣрную копію.

Маріенбургъ взятъ россійскими войсками 24-го августа 1702 г.; неизвѣстно, сколько времени Екатерина находилась у Бауера; но если она жила полгода у Шереметева и два года у Меншикова, то показаніе современника (Нордберга) также подтверждаетъ мою

---

[1]) По словамъ Нордберга, Екатерина жила у Меншикова два года. tom. 2, p. 253.

*

догадку; равно какъ и женитьба Меншикова на Арсеньевой въ 1706 году.

Д. В.-К.

1839 г. Спб.

Примѣчаніе. Приведенное выше письмо—помѣщено въ соч. Устрялова, т. IV, ч. 2, стр. 329—не вполнѣ однако исправно.

Ред.

Кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексѣя Петровича.

(Французская легенда).

Въ статьѣ В. И. Герье: «Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго» («Вѣстн. Европы» 1872, кн. 5 и 6) упоминается о легендѣ, сложившейся въ Европѣ по поводу ея смерти,—легендѣ, которую, въ свое время, серьезно опровергалъ Миллеръ, а въ недавнюю пору—Устряловъ. Статья г. Герье (см. «В. Е.» кн. 6, стр. 530—531) весьма кратко излагаетъ завязку этой басни, неимѣющей, разумѣется, ни тѣни правдоподобія; но намъ казалось, что для русскихъ читателей не вовсе лишены интереса тѣ подробности, которыми былъ обставленъ этотъ историческій пуфъ, впервые пущенный въ ходъ во Франціи, при Людовикѣ XV. Несмотря на всю свою несообразность, онъ имѣетъ нѣкоторое право на вниманіе, какъ вымыселъ, созданный не одною лишь фантазіей досужаго воображенія, но, быть можетъ, и расчетомъ на какую-то темную, неудавшуюся затѣю противъ Россіи, въ формѣ самозванства, для котораго была подобрана личность, повидимому, дѣйствительно существовавшая. На сколько можно судить, эта наглая и довольно незамысловатая выдумка нашла сочувствіе и въ европейскомъ общественномъ мнѣніи, почти всегда невѣжественно-легковѣрномъ или непріязненномъ по отношенію къ Россіи, и въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ. Но особенно интересно для насъ указаніе, найденное въ запискахъ маркизы де-Креки («Souvenir de la marquise de Créquy». Paris, 1842, t. 6, chap. 1, pp. 35 — 49), на то обстоятельство, что будто бы сама императрица Екатерина II сочла за нужное возражать публично противъ этой сплетни, — указаніе, стоющее провѣрки со стороны тѣхъ собирателей историческихъ матеріаловъ царствованія великой государыни, коимъ доступны изслѣдованія въ оффиціальныхъ документахъ и архивныхъ дѣлахъ.

Въ надеждѣ вызвать подобную справку, мы нашли не лишнимъ воспроизвести ниже, въ дословномъ переводѣ, отрывокъ изъ названныхъ мемуаровъ.

Д. Д. Рябининъ.

..... Надобно сказать вамъ о странной полемикѣ, поднятой противъ общественнаго мнѣнія императрицею Екатериною и ея канцеляріею внѣшнихъ дѣлъ. Спорная переписка велась долгое время. Сама я ничьей стороны не придерживалась, и ограничусь здѣсь только передачею трехъ документовъ по этому дѣлу.

Въ 1771 году, въ вѣдомостяхъ была опубликована слѣдующая статья (никого, впрочемъ, неудивившая):

Библиотека "Руниверс"

„Г-жа д'Обанъ скончалась въ своемъ хорошенькомъ домикѣ, что въ Витри, близъ Парижа. Повидимому, ей было болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду. Она съ давнихъ поръ проживала на этой дачѣ и никуда не выходила изъ дома, со времени смерти г. д'Аржансона, котораго прежде посѣщала въ Версали, гдѣ всѣ съ любопытствомъ на нее смотрѣли. У ней не осталось кровныхъ наслѣдниковъ, а въ завѣщаніи ея единственною наслѣдницею назначена герцогиня Голштинская. Между тѣмъ, оказалось, что эта принцесса уже не существуетъ, чѣмъ крайне затрудненъ душеприкащикъ покойницы, аббатъ обители св. Женевьевы, недоумѣвающій, какимъ образомъ исполнить послѣднюю волю завѣщательницы, потому что наслѣдники герцогини Голштинской ему неизвѣстны, и что со стороны казны заявлена претензія на обращеніе этого наслѣдства въ пользу короны, по праву ея на выморочныя имущества послѣ чужестранцевъ, умершихъ во Франціи Аббатъ имѣлъ честь получить аудіенцію у его величества, вслѣдствіе которой отдано повелѣніе—прекратить, въ настоящемъ случаѣ, всякія отъ казны исковыя притязанія. Нынѣ производится продажа движимаго имущества и разныхъ вещей г-жи д'Обанъ, которая, какъ всѣмъ извѣстно, ни съ кѣмъ не видѣлась и никого не принимала, кромѣ своего духовника и посланника имперіи (Германской). Множество любопытствующихъ теперь собираются ежедневно въ Витри, чтобъ быть при описи имущества той особы, которая столь долго и сильно занимала собою вниманіе публики. Вотъ извѣстіе о ней, сообщенное намъ однимъ иностраннымъ господиномъ, котораго свѣдѣнія почерпнуты изъ достовѣрнаго источника и не наводятъ никакихъ сомнѣній.

„Извѣстно, что царь Московіи, Петръ I-й, имѣлъ сына, который былъ одинъ изъ злѣйшихъ людей, женатаго на принцессѣ Брауншвейгской, Шарлоттѣ, сестрѣ Елисаветы, супруги императора Карла VI.

„Характеръ царевича не былъ смягченъ любезностью, добродѣтелями и умомъ жены его. Часто онъ обходился съ нею дурно, и даже (невѣроятное дѣло) покушался отравить ее, что повторялъ до девяти разъ; но, къ счастію, она спасалась пособіями своего врача, доктора Саидика,—пособіями, которыя были подаваемы всегда такъ кстати, своевременно и успѣшно, съ такимъ усердіемъ и умѣньемъ, что сохранили ей и жизнь, и здоровье. Царевичъ былъ страстно влюбленъ въ одну русскую барышню, изъ фамиліи Нарышкиныхъ, и хотѣлъ жениться на этой особѣ,—женщинѣ честолюбивой, безнравственной и столь же безчеловѣчной, какъ и онъ самъ. Этотъ варваръ, желая, во что бы ни стало, совершить свое преступленіе, озлобился однажды до того на принцессу Шарлотту, что нанесъ ей ногою сильный ударъ

Библиотека "Руниверс"

въ животъ, отъ чего она упала безъ чувствъ, утопая въ крови: ея высочество была въ это время на девятомъ мѣсяцѣ беременности.

„Когда придворные и прислуга сбѣжались къ ней, царевичъ тотчасъ удалился въ свой загородный домъ, будучи увѣренъ, что на другой же день получитъ извѣстіе о ея смерти. На бѣду принцессы, царь Петръ находился тогда въ одной изъ своихъ заграничныхъ поѣздокъ. Въ далекѣ отъ него и своего семейства, беззащитная противъ ненависти и жестокости принца, самовластнаго надъ рабскимъ дворомъ, находясь ежеминутно подъ страхомъ гибели отъ желѣза или яда, наконецъ, внѣ возможности ни бѣжать, потому что ее содержали во дворцѣ, какъ въ тюрьмѣ, ни писать къ роднымъ, ибо переписка ея была бы захвачена,—принцесса нашла единственнымъ средствомъ своего спасенія отъ угнетеній царевича—выдать себя за умершую. Говорятъ, что мысль эту внушила ей графиня Варбекъ, рожденная Кёнигсмаркъ, непожалѣвшая денегъ на подкупъ служительницъ принцессы и на соглашеніе ея врача и камеръ-юнкера къ принятію необходимыхъ мѣръ для скрытія истинны относительно трупа, которымъ нужно было подмѣнить мнимо-умершую.

„Г-жа Варбекъ,—ганноверская дама, состоявшая при ея высочествѣ,—объявила царевичу о смерти его супруги, причемъ явно замѣтила въ немъ злобную радость. Онъ приказалъ похоронить ее поскорѣе, со всевозможнымъ сокращеніемъ погребальной церемоніи. О кончинѣ принцессы разослали извѣщенія къ европейскимъ дворамъ, и вся Германія надѣла трауръ по умершей—простой служанкѣ изъ петербургской дворцовой прислуги.

„Принцесса спаслась, благодаря стараніямъ графини Варбекъ, которая направила ее въ Швецію, давъ ей проводникомъ стараго, вѣрнаго служителя. Потомъ принцесса отправилась оттуда въ Парижъ, гдѣ, не безъ основанія, расчитывала найдти болѣе надежное для себя убѣжище; но тамъ была встревожена встрѣчею съ однимъ изъ секретарей князя Куракина, царскаго посланника, который всматривался въ нее пристально и съ видомъ подозрительнаго изумленія. Тогда она поспѣшно уѣхала въ Луизіану, въ сопровожденіи того же самаго спутника, котораго всюду выдавала за своего отца, да латышской служанки, говорившей только на своемъ, непонятномъ никому, языкѣ, неграмотной, и притомъ, какъ по всему видно, считавшей принцессу, въ самомъ дѣлѣ, дочерью этого служителя-нѣмца, по имени Вольфа.

„По пріѣздѣ въ Луизіану, она обратила на себя общее вниманіе жителей этой французской колоніи. Имущественное положеніе новоприбывшей обнаруживало скромныя, но достаточныя средства; а поведеніе ея было не только правильное, но и примѣрное, о чемъ сви-

Библиотека "Руниверс"

дѣтельствуетъ епископъ Квебекскій въ одномъ изъ своихъ сообщеній къ г. Морепа.

„Тутъ одинъ французскій офицеръ, кавалеръ д'Обанъ, увѣрился въ томъ, что призналъ ее. За два года передъ тѣмъ, онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ искалъ для себя службы, и однажды, посѣтивъ изъ любопытства тамошнюю придворную церковь, былъ до того пораженъ грустнымъ и убитымъ видомъ принцессы, что навсегда удержалъ въ памяти образъ ея. Теперь же, сколько ни казалась ему невѣроятною встрѣча съ нею здѣсь, онъ не могъ въ томъ усомниться, но имѣлъ благоразуміе—не дать ничѣмъ замѣтить этого принцессѣ. И вотъ онъ старается выискать случай быть полезнымъ старику Вольфу, заявлявшему намѣреніе устроить себѣ колоніальное поселеніе, принимаетъ на себя всѣ предварительныя для того распоряженія, достаетъ сотню тысячъ франковъ на счетъ своего родоваго помѣстья въ Шампани, гдѣ его фамилія слыла изъ числа значительнѣйшихъ, покупаетъ на эти деньги землю съ невольниками, и наконецъ, вполнѣ устраиваетъ земледѣльческое заведеніе на правахъ товарищества съ Вольфомъ.

„Сблизившись, по этому случаю, съ дѣвицею Вольфъ, онъ рѣшился тогда открыть ей, что узналъ, кто она. Молодая женщина сперва приведена была этимъ въ отчаяніе; но, въ виду извѣданной ею на опытѣ осторожности и скромности г. д'Обана, ободрилась и взяла съ него клятву въ ненарушимомъ сохраненіи тайны, послѣ чего успокоилась совершенно. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, европейскія газеты огласили вѣсть о катастрофѣ, происшедшей въ Россіи и закончившейся смертію царевича. Принцесса. вдова его, была—въ гражданскомъ смыслѣ слова—существомъ умершимъ: при такихъ обстоятельствахъ въ ней возникли смущенія и боязнь передъ тѣмъ, что̀ предстояло бы сдѣлать и что̀ приходилось бы выдержать, для возвращенія себѣ владѣтельныхъ правъ. Въ добавокъ, она не могла не замѣтить страстнаго чувства, которое внушила кавалеру д'Обану,—чувства, имъ уже нескрываемаго и, можетъ быть, взаимнаго съ ея стороны. Къ довершенію всей затруднительности ея положенія, старый служитель умеръ, завѣщавъ въ пользу кавалера, съ согласія принцессы, свою долю устроеннаго ими вообще заведенія. Такимъ образомъ, д'Обанъ остался у ней единственнымъ довѣреннымъ лицомъ и утѣшителемъ; наконецъ, она вышла за него замужъ и стала женою пѣхотнаго капитана мѣстныхъ войскъ въ Луизіанѣ.

„Имѣя всего состоянія одну лишь плантацію при 30 или 40 неграхъ, будучи окружена людьми всякаго цвѣта и дурныхъ свойствъ,—людьми, которые, въ большинствѣ, могли считаться подонками рода человѣческаго (какъ обыкновенно водится въ новыхъ колоніяхъ),—

Библиотека "Руниверс"

она совершенно забыла, что была нѣкогда супругою наслѣдника державы, сопредѣльной и Швеціи, и Китаю, что родная сестра ея—жена императора, и что сама она—дочь государя. Она вполнѣ посвятила себя мужу, съ которымъ дѣлила всѣ заботы по общему ихъ хозяйству. Картина эта, быть можетъ, представляется одною изъ самыхъ романическихъ и своеобразныхъ, какія только видѣлъ міръ.

„Г-жа д'Обанъ забеременѣла и родила дочь, которую сама кормила и учила говорить по-нѣмецки и по-французски, чтобы та могла помнить о двойной національности своего происхожденія. Десять лѣтъ бывшая принцесса жила при такой обстановкѣ, сознавая себя, конечно, счастливѣе, чѣмъ въ царскомъ дворцѣ, и, можетъ статься, довольнѣе, нежели сестра ея на тронѣ германскихъ цесарей.

„Въ исходѣ этихъ десяти лѣтъ, у г. д'Обана сдѣлалась фистула. Жена его, опасаясь за успѣхъ операціи, необычной въ практикѣ мѣстныхъ врачей, рѣшилась возвратиться въ Парижъ, съ цѣлью лечить тамъ больнаго, о которомъ заботилась, какъ истинно любящая жена. Поэтому имъ пришлось продать свою колоніальную усадьбу. По выздоровленіи же кавалера, оба они стали думать объ имущественномъ обезпеченіи своей дочери; но какъ денежныя средства, привезенныя ими изъ Америки, не оказывались достаточными на столько, чтобы могли успокоивать ихъ за будущность дитяти, то д'Обанъ принялся искать у директоровъ Индѣйской компаніи какой-либо должности, при которой у него могли бы оставаться и сбереженія изъ доходовъ съ капитала.

„Пока онъ хлопоталъ объ этомъ, г-жа д'Обанъ ходила иногда съ дочерью прогуливаться въ Тюльери, не боясь болѣе быть кѣмъ-нибудь узнанною; но однажды случилось, что когда она тамъ разговаривала съ дочерью по-нѣмецки, графъ, впослѣдствіи маршалъ, Саксонскій, сидѣвшій сзади ихъ, услышавъ родной языкъ, подошелъ къ нимъ: г-жа д'Обанъ взглянула на него—и тотъ отшатнулся назадъ, отъ удивленія и ужаса. Принцесса Шарлотта была не въ силахъ скрыть своего смущенія; но графъ обратился къ ней съ такимъ рыцарскимъ чистосердечіемъ, полнымъ привѣтливости и прямоты, что она не могла умолчать передъ нимъ объ участіи въ ея приключеніи тетки его, при чемъ потребовала соблюденія глубочайшей тайны.

„Графъ обѣщалъ хранить тайну, но просилъ разрѣшенія открыть ее лишь одному королю, чье великодушіе и скромность общеизвѣстны, на что г-жа д'Обанъ согласилась, поставивъ графу условіемъ: разсказать все королю не прежде, какъ три мѣсяца спустя. Она позволила графу посѣщать ее иногда, только безъ провожатыхъ и по но-

Библиотека "Руниверс"

чамъ, въ избѣжаніе всякихъ наблюденій со стороны хозяевъ квартиры и сосѣдей.

„Наканунѣ срочнаго дня, когда графъ Саксонскій имѣлъ право передать эту исторію королю, онъ отправился къ принцессѣ Шарлоттѣ, чтобы спросить: не пожелала-ли бы она чего-либо въ особенности со стороны ихъ величествъ, какъ вдругъ узналъ отъ домохозяйки, что г-жа д'Обанъ, за нѣсколько дней до того, отправилась на островъ Бурбонъ, гдѣ мужъ ея получилъ мѣсто, съ чиномъ маіора. Графъ Саксонскій тотчасъ же отправился доложить королю обо всей этой необыкновенной исторіи, и его величество, призвавъ къ себѣ г-на Машо, въ присутствіи графа (чрезъ посредство котораго и сдѣлались извѣстными эти подробности), приказалъ министру, безъ поясненія ему побудительныхъ причинъ своего распоряженія, предписать губернатору острова Бурбона, чтобы онъ оказывалъ г-жѣ д'Обанъ всевозможную предупредительность и уваженіе. Его величество, несмотря на тогдашнюю войну съ императрицей-королевой Венгерской, послалъ ей собственноручное письмо, съ увѣдомленіемъ о судьбѣ тетки ея и о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ относительно этой принцессы. Марія-Терезія, въ своемъ отвѣтѣ королю, благодарила его, а къ г-жѣ д'Обанъ велѣла написать, черезъ князя Кауница, письмо (видѣнное маршаломъ Саксонскимъ), приглашавшее ее поселиться въ австрійскихъ владѣніяхъ, но подъ условіемъ—оставить мужа, котораго король французскій предоставлялъ своему покровительству. Принцесса Шарлотта не захотѣла принять этого условія и осталась спокойно жить на островѣ Бурбонѣ до самой смерти своего мужа, т. е. до сентября 1735 г. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, она имѣла несчастіе лишиться дочери, и послѣ этихъ утратъ, не дорожа уже ничѣмъ въ здѣшнемъ мірѣ, она опять пріѣхала въ Парижъ, въ 1736 г. Г. маршалъ Ришельё можетъ засвидѣтельствовать, что, по порученію короля, онъ не разъ бывалъ у ней, въ отелѣ Перу, въ улицѣ Тараннъ. Она ему говорила, что проживаетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не изберетъ себѣ какую-либо религіозную общину, гдѣ намѣрена жить въ уединеніи, заняться единственною мыслью о своихъ послѣднихъ несчастіяхъ, которыя одни только оставили въ ней скорбное воспоминаніе. Она досадовала, что ей не удалось найдти себѣ желаемаго пріюта въ Бельшасскомъ монастырѣ и, чувствуя потребность пользоваться чистымъ воздухомъ, рѣшилась основать свое мѣстопребываніе въ Мёльеръ-де-Витри, купленномъ за 112,000 франковъ у президента Федо, въ 1737 году. Императрица-королева, по самую смерть ея, выдавала ей пенсію въ 45 т. ливровъ; но эта превосходная женщина употребляла три четверти получаемой суммы на пособія бѣднымъ,

Библиотека "Руниверс"

какъ о томъ свидѣтельствуетъ священникъ прихода Шуази. На ея похоронахъ присутствовалъ и былъ распорядителемъ печальной церемоніи австрійскій посланникъ; а придворный священникъ короля, аббатъ Сувестръ, по повелѣнію его величества, совершалъ погребальную службу въ приходской шуазійской церкви".

Вотъ что у насъ, въ Парижѣ, объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, невозбудивъ никакихъ протестовъ или обличеній, ни со стороны мѣстныхъ властей, ни отъ кого-либо извнѣ. Естественно было думать, что если весь этотъ разсказъ ничто иное, какъ басня, то неминуемо вызвалъ бы опроверженіе начальника полиціи, или, по крайней мѣрѣ, маршала Ришельё; но послѣдній, на всѣ вопросы, отдѣлывался тѣмъ, что отвѣчалъ, съ разсѣяннымъ видомъ: „А! мадамъ д'Обанъ!.. Не знаю навѣрно... Не умѣю вамъ сказать..."

Теперь послушайте оффиціальное возраженіе великой Екатерины:

Замѣчанія на исторію о г-жѣ д'Обанъ, умершей въ Витри, близъ Парижа, въ 1771 году.

Иногда бываетъ небезполезнымъ распространеніе лживыхъ слуховъ и гнусныхъ выдумокъ: оно можетъ дать поводъ къ постановкѣ въ надлежащемъ свѣтѣ такихъ фактовъ, которые остались бы неразъяснимыми со стороны истины и благоразумія, еслибъ не были затронуты глупостью. Здѣсь идетъ рѣчь объ исторіи одной французской дамы, относительно коей нельзя отрицать, что она пользовалась благосклонностью высокихъ особъ; но какъ этотъ пасквиль есть сплетеніе клеветъ, то царственная рука не презрѣла начертать слѣдующія замѣчанія на эту сказку, которой пришлось, чрезъ настоящее опроверженіе, удостоиться большей чести, нежели она заслуживаетъ.

„1) Супруга сына Петра Великаго, дѣйствительно добрая и почтенная особа, вовсе не была хороша собой; она была высока, очень худощава и на лицѣ носила чрезвычайно сильные слѣды оспы. Хотя супругъ ея имѣлъ тяжелый характеръ, однакожъ, никогда не заходилъ, въ своихъ увлеченіяхъ, до жестокостей и звѣрскихъ поступковъ, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ его обвиняютъ.

„2) Отъ этого супружества родились Петръ II и принцесса Наталія, умершая, въ царствованіе своего брата, 17-ти лѣтъ отъ роду.

„3) Супруга цесаревича, послѣ вторыхъ родовъ, умерла отъ грудной болѣзни, въ Петербургѣ, въ присутствіи императора, почти непокидавшаго ее въ теченіи послѣднихъ дней ея жизни. Онъ даже находился при вскрытіи ея тѣла, которое было набальзамировано и, съ непокрытымъ лицомъ, выставлено, долгое время, въ дворцовой залѣ, откуда перенесено въ церковь городской крѣпости, въ гробницу го-

Библиотека "Руниверс"

сударей, гдѣ похороненъ потомъ и самъ Петръ Великій. Отсюда слѣдуетъ, что если г-жа д'Обанъ выдавала себя за эту принцессу, то была никто иная, какъ искательница приключеній; или же, что ея историкъ увлекся игрою собственнаго воображенія.

„4) Принцесса Шарлотта привезла съ собою въ Россію свою двоюродную сестру, принцессу Остфрисландскую, которая, принявъ ея послѣдній вздохъ, возвратилась въ Германію, гдѣ вступила въ бракъ съ принцемъ Нассаускимъ.

„5) Графиня Кёнигсмаркъ, мать маршала Саксонскаго, никогда не была въ Россіи; а самъ маршалъ пріѣзжалъ туда, спустя уже долгое время по смерти супруги цесаревича.

„6) Принцесса была рождена, воспитана и умерла въ лютеранской религіи, а г-жа д'Обанъ была такая усердная католичка, по словамъ ея историка, что вступила, или собиралась вступить, въ монастырь. По крайней мѣрѣ, слѣдовало бы намъ сказать,—чего, впрочемъ, не позаботились сдѣлать,—гдѣ же именно она обратилась въ католичество?“

Можете видѣть, что императрица и петербургская дипломатическая канцелярія оказались не слишкомъ расточительными на логическіе доводы,—и вотъ какой отвѣтъ данъ былъ царицѣ, послѣдовательно, на каждый пунктъ ея возраженій:

„1) Никогда не говорилось, что г-жа д'Обанъ была красива собой, и всѣ, кто ее видѣлъ, не упустили замѣтить, что на ея лицѣ были нѣкоторые знаки оспы, хотя вовсе нечрезмѣрные. Еслибъ у ея величества, императрицы россійской, смѣли спросить: правда-ли, что супругъ ея дурно обращался съ нею,—она, быть можетъ, не подтвердила бы этого...

„2) Нечего было говорить, да и не настояло въ томъ надобности, о двухъ дѣтяхъ г-жи д'Обанъ отъ царевича, а не цесаревича, ибо между царемъ и цесаремъ есть различіе; и вотъ единственное замѣчаніе, какого заслуживаетъ этотъ второй пунктъ.

„3) Еслибы вопросъ былъ о смерти царя Петра III, мужа ея величества, нынѣ царствующей государыни, то могли бы передъ нами утверждать, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара; что онъ былъ выставленъ во всеувидѣніе и похороненъ публично; что онъ положенъ въ склепъ крѣпостной церкви, гдѣ покоится и Петръ Великій въ фамильной гробницѣ; но что же этимъ доказывается?..

„4) Правда, что принцесса Шарлотта-Луиза-Христина-Софія Брауншвейгская прибыла въ Россію въ сопровожденіи графини, а не принцессы, Остфрисландской; но эта молодая особа пробыла въ Рос-

Библиотека "Руниверс"

сіи не болѣе полутора года, и ея бракъ съ принцемъ Нассаускимъ не придаетъ никакой силы сдѣланному, противъ насъ, возраженію.

„5) Не было сказано, что будто бы графиня Кёнигсмаркъ, мать маршала Саксонскаго, была когда-нибудь въ Россіи; а говорилось о теткѣ маршала, графинѣ Варбекъ, рожденной Кёнигсмаркъ, состоявшей въ званіи гофмейстерины при особѣ принцессы Шарлотты, что легко провѣрить справками во всѣхъ тогдашнихъ календаряхъ. Въ добавокъ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что маршалъ Саксонскій провелъ послѣднюю половину 1755 года при Московитскомъ дворѣ.

„6) Доходимъ до пункта, касающагося вѣроисповѣданія принцессы и утверждающаго, будто бы она воспиталась и умерла въ лютеранской религіи, между тѣмъ, какъ она родилась въ кальвинистской, а, по прибытіи въ Россію, приняла вѣроисповѣданіе греческое. Что же касается до ея послѣдняго отреченія, для присоединенія къ католической церкви, то, по этому предмету, достаточно привести прилагаемое письмо г. Монморанси-Лаваля, епископа Квебекскаго, къ графу Марепа, морскому министру, въ 1639 году“ (и проч.).

Записка эта заключается письмомъ преподобнаго миссіонера, со множествомъ документовъ, въ пользу стороны утверждающей. Есть живые люди, убѣжденные въ тождествѣ г-жи д'Обанъ съ принцессою Шарлоттой; есть смѣтливые люди, которые этому не умѣютъ вѣрить; что до меня касается, не знаю, что думать. Г-жа д'Эгмонъ, дочь герцога Ришельё, не сомнѣвалась, что г-жа д'Обанъ была невѣстка царя Петра, а увѣренность ея въ этомъ должна была опираться на мнѣніе отца, который отнюдь не забавлялся тѣмъ, чтобы обманывать ее. Г-жа Люксембургъ постоянно держалась убѣжденія, что это былъ романъ. Отъ васъ зависитъ выбирать любое изъ этихъ убѣжденій, если сомнѣніе сколько-нибудь васъ тяготитъ.

(Extrait des Souvenirs de la marquise de Créquy. Paris. Nouvelle édit. 1842, t. 6, chap. 1, pages 35—49).

Сообщ. и перев. Д. Д. Рябининъ.

Примѣчаніе. Исторіею мнимой принцессы Шарлотты были заинтересованы въ Европѣ даже и люди передовые, какъ напримѣръ, Вольтеръ и его пріятели. Это видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его переписки: [1])

1) Изъ письма къ И. И. Шувалову (по поводу составляемой Вольтеромъ «Исторіи Петра Великаго») отъ 21-го сентября (н. с.) 1760 г., изъ Фернея:

«Не могу удержаться, чтобы не сообщить вамъ о дошедшихъ до меня анек-

[1]) Oeuvres complètes de Voltaire, édition de Furne. Paris, 1835, t. 12; pp. 116, 122, 138 et 171.

Библиотека "Руниверс"

дотахъ, весьма странныхъ и замысловато-романическихъ. Говорятъ, что принцесса, супруга цесаревича, не умерла въ Россіи; что она успѣла выдать себя за умершую, тогда какъ вмѣсто нея похоронили чурбанъ (une bûche), положенный въ гробъ; что все это невѣроятное дѣло вела и устроила графиня Кёнигсмаркъ; что принцесса спаслась съ однимъ изъ слугъ графини, принявшимъ на себя роль отца Шарлотты; что такимъ образомъ они доѣхали до Парижа, а потомъ отплыли въ Америку, гдѣ одинъ французскій офицеръ, по имени д'Обанъ, бывшій прежде въ Петербургѣ, узналъ принцессу и женился на ней; что, возвратившись изъ Америки, она была узнана также и маршаломъ Саксонскимъ, который счелъ себя обязаннымъ открыть эту странную тайну королю французскому; что король, несмотря на войну свою съ королевой Венгерской, писалъ ей собственноручно о необыкновенной судьбѣ племянницы ея; что Венгерская королева, послѣ того, писала къ принцессѣ, прося ее разлучиться съ мужемъ, который ей неровня, и прибыть въ Вѣну; но что принцесса тогда уѣхала уже опять въ Америку, гдѣ и оставалась до 1757 года,—до времени смерти своего мужа,—и что, наконецъ, теперь она находится въ Брюсселѣ, гдѣ живетъ уединенно, довольствуясь пенсіею въ 20,000 нѣмец. флориновъ, выдаваемыхъ ей отъ королевы Венгерской. Съ чего, однакожъ, могла бы взяться рѣшимость на выдумку столькихъ событій и подробностей? Не могли ли быть, что какая-нибудь авантюристка назвалась именемъ принцессы, жены цесаревича? Я намѣренъ писать въ Версаль, чтобы узнать, какое основаніе имѣетъ эта исторія, неправдоподобная во всѣхъ частяхъ».

2) Изъ письма къ мадамъ де-Фонтенъ (m-me de-Fontaine), отъ 29-го сентября 1760 года:

«....Исторія русской принцессы позанимательнѣе (plus amusante) исторіи ея свекра; [1]) я просто буду въ отчаяніи, если изъ всего этого выйдетъ только романъ, потому что я нѣжно заинтересованъ г-жею д'Обанъ. Какъ вы,—въ качествѣ юрисконсульта,—полагаете: имѣетъ-ли право эта принцесса, умершая въ Петербургѣ и живущая въ Брюсселѣ, вновь принять свое прежнее имя? Объявляю вамъ, что я стою за утвердительное разрѣшеніе вопроса.....»

3) Изъ письма къ Шувалову, отъ 7-го ноября 1760 года:

«.....Мнѣ очень нужно бы имѣть кое-какія разъясненія о катастрофѣ, постигшей цесаревича. Скажу вамъ, мимоходомъ: достовѣрно, что есть женщина, которую принимаютъ, во многихъ краяхъ Европы, за супругу самаго царевича. Это та самая, о которой маленькую исторію я имѣлъ честь вамъ сообщить; но она недостойна быть поставлена на ряду съ Дмитріемъ-Самозванцемъ....»

4) Изъ записки къ графинѣ Бассевичъ, отъ 22-го января 1761 года:

«.....Въ 1722 году, одна полька, пріѣхавшая въ Парижъ, поселилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, гдѣ я тогда жилъ. Она имѣла нѣкоторыя черты сходства съ супругою царевича. Нѣкто д'Обанъ, французскій офицеръ, служившій въ Россіи, былъ увлеченъ такимъ сходствомъ. Эта случайность, которая заставила его обознаться, внушила упомянутой дамѣ желаніе—быть принцессой; тогда она, съ видомъ чистосердечной искренности, повѣдала офицеру что она вдова наслѣдника россійскаго престола и положила, вмѣсто себя, въ гробъ чурбанъ, чтобы спастись отъ мужа. Д'Обанъ влюбился въ нее и въ ея достоинство принцессы; они женились, а потомъ д'Обанъ, назначенный губер-

[1]) То есть Петра Великаго.

Библиотека "Руниверс"

наторомъ надъ нѣкоторыми владѣніями въ Луизіанѣ, увезъ туда свою принцессу. Добрый человѣкъ такъ и умеръ въ твердой увѣренности, что онъ мужъ свояченицы императора германскаго и невѣстки императора русскаго. Дѣти его также этому вѣрятъ, и правнуки не будутъ въ томъ сомнѣваться....«

Д. Р.

Указъ Петра I о присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ.

1719 г.

«Указъ смоленскому вице-губернатору с'товарищи. Понеже донесли намъ президенты камеръ-и статсъ-коллегей, что, по многимъ посланнымъ изъ техъ коллегій указовъ надлежащихъ вѣдомостей, а именно, объ окладныхъ и неокладныхъ приходѣхъ и расходѣхъ, ничего по се время неприслали, и затѣмъ в' нихъ, в' настоящихъ дѣлѣхъ, учинилась остановка; того ради, изъ губерніи Смоленской прислать окладныя и неокладныя приходъ и расходу книги съ 1716-го по нынѣшней годъ, со всѣми обстоятельствы, какъ требует изъ оныхъ коллегій, кончаѣ въ маѣ мѣсяцѣ, а на протчіе годы съ 710-го, какъ губерніи опредѣлили ту вѣдомость прислать в' мартѣ мѣсяцѣ 1720-го, а которыя поспеютъ прежде, и тѣ присылать, какъ поспѣютъ, и прежде; а естли сего перваго въ маѣ не исполните, то имѣетъ сей посланный указъ всѣхъ васъ, какъ вице-губернатора и протчихъ подчиненныхъ, которые до сего касаются, сковать за ноги и на шею положить цепь и держать в' Приказѣ по та мѣстъ, пока вышеписанное исполните. Петръ».

Марта 24 дня 1719 г.

Въ Смоленскѣ полученъ 1-го мая 1719 г. № 3.

P. S. Такая копія мною найдена, въ 1828 году, въ бумагахъ моего отца, автора «Исторіи губернскаго города Смоленска отъ древнѣйшихъ временъ до 1804 года». Смоленскъ, при губернскомъ правленіи, 1804. in 8°. V, 219, VI, 67 и 3 стр.

Одесса. 8-го іюля 1874 г.

Н. М.

Екатерина II и секретарь Позднякъ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. (т. X, стр. 778 — 780) помѣщенъ разсказъ изъ временъ императрицы Екатерины II объ одномъ чиновникѣ, разорвавшемъ нечаянно указъ императрицы. Разсказъ этотъ въ подробностяхъ невѣренъ. Я, въ бытность свою, въ августѣ 1874 г., въ Петербургѣ, слышалъ объ этомъ происшествіи отъ сына того чиновника, съ которымъ оно случилось. Зная, что «Русская Старина» дорожитъ точностью печатаемыхъ въ ней статей, спѣшу сообщить разсказъ, какъ онъ мнѣ переданъ.

Въ 1790-хъ годахъ служилъ въ сенатѣ секретаремъ Позднякъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ домашнимъ секретаремъ при Дм. Прокофьевичѣ Трощинскомъ. Однажды Трощинской передалъ ему, подписанный императрицею, указъ для снятія съ него копіи. Позднякъ положилъ его отдѣльно отъ прочихъ бумагъ, и дабы онъ не запачкался, вложилъ его въ обложку. Придя домой, занялся разборкою бумагъ и черновыя, ненужныя, началъ разрывать; въ числѣ этихъ нечаянно захватилъ обложку, въ которой былъ указъ императрицы, и, вмѣстѣ съ указомъ, разорвалъ ее. Увидавъ сейчасъ же свою ошибку, онъ страшно испугался: сначала хотѣлъ броситься въ Неву, но потомъ, не измѣняя своему

Библиотека "Руниверс"

намѣренію, рѣшился прежде зайдти въ Казанскій соборъ и, передъ смертью, помолиться и испросить у Бога прощенія своему невольному самоубійству. Во время молитвы ему почудилось, что будто кто-то совѣтывалъ ему все это объяснить прямо императрицѣ. Изъ собора онъ возвратился домой и, надѣвъ свой сенатскій мундиръ, поѣхалъ въ Царское, гдѣ въ то время жила государыня. Тамъ онъ остановился у священника, которому разсказалъ свое горе. Священникъ принялъ въ немъ участіе и сказалъ ему, что обыкновенно, въ 7 часовъ утра, императрица гуляетъ съ одною дамою въ саду; указалъ мѣсто ея гулянья и даже посовѣтовалъ, гдѣ ему остановиться и ждать государыню,— это было на поворотѣ изъ одной аллеи въ другую.

Онъ такъ и сдѣлалъ.

На другой день, забравшись часовъ въ 6-ть, онъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ императрицы. Дѣйствительно, въ 7 часовъ, показалась она въ сопровожденіи одной дамы. Тогда онъ всталъ на колѣна; императрица замѣтила его, не доходя нѣсколько шаговъ, и остановилась въ нерѣшительности; но потомъ, видя сенатскій мундиръ и смиренную колѣнопреклоненную позу, подошла къ нему и спросила, что ему нужно. Онъ разсказалъ ей свое горе.

— «Ты не лжешь», спросила его государыня, «дѣйствительно ты по ошибкѣ разорвалъ мой указъ?»

— «Богъ свидѣтель, матушка, что ошибкою», отвѣчалъ Позднякъ.

— «А кто писалъ указъ?» спросила императрица.

— «Я, матушка государыня», отвѣчалъ онъ.

— «Ну, ступай перепиши и завтра, въ это время, будь здѣсь».

Онъ такъ и исполнилъ.

На другой день, въ 7 часовъ утра, онъ былъ уже на томъ самомъ мѣстѣ; съ нимъ была чернильница и перо.

Императрица опять явилась въ сопровожденіи этой же дамы; увидѣвъ его, подозвала къ себѣ, взяла указъ, прочитала и, приказавъ ему наклониться, подписала у него на спинѣ. Отдавая ему, сказала:

— «Прежде всего благодари Бога, что онъ удержалъ тебя отъ самоубійства и внушилъ тебѣ мысль явиться ко мнѣ, а потомъ, чтобы объ этомъ никто, кромѣ тебя и меня, не зналъ».

Онъ свято исполнилъ волю императрицы: никогда и никому объ этомъ не говорилъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ требуетъ его къ себѣ Трощинской; онъ является.

— «Давно-ли ты задними ходами, мимо начальства, ходишь къ императрицѣ?» грозно спросилъ его Трощинской.

— «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, я никогда не бывалъ у императрицы», отвѣчалъ Позднякъ.

— «Врешь! Матушка-царица жалуетъ тебѣ 300 душъ и Владимірскій крестъ; на, возьми его и сейчасъ подавай въ отставку. Я не хочу служить съ тѣми, кто забѣгаетъ къ государынѣ задними ходами!»

Позднякъ въ испугѣ передалъ тогда Трощинскому все происшествіе. Трощинской взялъ его за руку, подвелъ къ образу, поставилъ на колѣна и самъ всталъ, сказавъ: «будемъ молиться за матушку-царицу,—такой другой намъ не нажить», и оставилъ его на службѣ.

Вотъ въ какомъ видѣ передалъ мнѣ этотъ разсказъ отставной генералъ-маіоръ Позднякъ, сынъ того, съ кѣмъ это было.

г. Екатеринославъ.

Сообщ. **В. Луцкій.**

Библиотека "Руниверс"

Эпизодъ изъ жизни графа Толя.

Сколько помню, кажется, на слѣдующій годъ назначенія графа Толя главноуправляющимъ путями сообщенія и публичныхъ зданій, онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, откуда желалъ начать свою инспекцію, распространявшуюся на нѣсколько губерній. Не только мѣста его предстоящихъ посѣщеній, но, кажется, даже и самые часы прибытія графа были извѣстны заблаговременно. Пріѣхавъ въ Новгородъ, графъ остановился въ путевомъ дворцѣ. По окончаніи пріема служащихъ и чиновниковъ, графа посѣтилъ его старый другъ, начальникъ первой гренадерской дивизіи, Александръ Петровичъ Бергманъ, съ приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ. Графъ поѣхалъ къ нему въ тряской коляскѣ по улицамъ, вымощеннымъ крупнымъ булыжникомъ, и, по пріѣздѣ къ Александру Петровичу, жаловался на колючую боль въ правомъ боку, до того упорную, что хозяинъ рѣшился послать за мною. Пріѣхавъ къ Бергману, я нашелъ графа сидящимъ въ кабинетѣ и въ дурномъ расположеніи духа. Хозяинъ отрекомендовалъ меня.

— «Извините, что я васъ обезпокоилъ», сказалъ графъ, «но изволите видѣть, въ чемъ дѣло: десять дней тому назадъ, передъ моимъ отъѣздомъ сюда я ушибъ себѣ правый бокъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола, но не обратилъ на это никакого вниманія. На третій день боль до того усилилась, что я почти не могъ дышать и принужденъ былъ пригласить моихъ домашнихъ докторовъ, гг. З**и М***, которые, два чрезъ два, пригласили и Николая Ѳедоровича Арендта. Они меня подробно освидѣтельствовали и нашли, что бокъ мой сильно ушибленъ; въ предупрежденіе послѣдствій ставили піявки, прописали примочку и, по прошествіи десяти дней, рѣшили, что я здоровъ и могу отправиться въ путь. Дорогой я чувствовалъ себя хорошо, несмотря на усиленную ѣзду; но, пріѣхавъ къ Александру Петровичу по вашей несносной мостовой, съ трудомъ дышу».

— Необходимо освидѣтельствовать ваше сіятельство, замѣтилъ я.

— «Для этого потрудитесь пріѣхать ко мнѣ во дворецъ къ шести часамъ, такъ какъ я здѣсь обѣдаю».

Къ назначенному времени пріѣхали къ нему г. Бергманъ и г. Евреиновъ, если неошибаюсь, адъютантъ графа. При нихъ я посадилъ больнаго на табуретъ, освидѣтельствовалъ грудь, ушибленный бокъ и, послѣ долгихъ манипуляцій, объявилъ, что у него ребро переломлено, а для предупрежденія воспаленія необходимо поставить піявки, даже пустить кровь, такъ какъ графъ тученъ и полнокровенъ.

— «Ни на то, ни на другое я не согласенъ», отозвался онъ, «я уже и такъ много крови потерялъ отъ непріятельскихъ пуль».

Нечего было дѣлать и пришлось мнѣ ограничиться одними примочками, наложить повязку и на-скоро сшитый корсетъ. По окончаніи этой процедуры, я объявилъ, что далѣе ему ѣхать нельзя, а должно, или оставаться здѣсь, въ Новгородѣ, или ѣхать обратно въ Петербургъ.

— «Я этого сдѣлать не могу», отвѣчалъ онъ. «Я имѣлъ счастіе донести государю, что выѣхалъ и поѣду дальше».

— Вы не доѣдете до второй станціи и все-таки должны будете возвратиться въ Петербургъ, возразилъ я.

— «Хорошо, но подумайте, какую вы на себя берете отвѣтственность, ежели ребро непереломлено. По возвращеніи въ Петербургъ, я обязанъ донести военному министру, что единственно по вашему настоянію возвратился».

Библиотека "Руниверс"

— Позвольте вамъ еще доложить, что вы не должны ѣхать безъ врача, такъ какъ нельзя ручаться за перемѣну въ дорогѣ.

— «Я васъ съ собою не беру!»

— Какъ вамъ угодно; но отпустить васъ одного было-бы, съ моей стороны, безсовѣстно, и меня могли бы даже подвергнуть законной отвѣтственности. Ежели вамъ неугодно брать меня съ собою, то я все-таки поѣду за вами.

— «Хорошо. Садитесь же со мною въ карету».

— Позвольте мнѣ, ваше сіятельство, по крайней мѣрѣ, увѣдомить контору госпиталя, что я уѣзжаю на нѣсколько дней, и попросить жену прислать мнѣ сюртукъ и фуражку. (Я былъ въ парадной формѣ).

Не прошло и получасу, какъ все было готово къ отъѣзду. Графа усадили въ карету и я помѣстился подлѣ него. Дорогою онъ былъ не въ духѣ: молчалъ и сурово глядѣлъ на меня, будто я былъ причиною случившагося съ нимъ несчастія. Мы выѣхали изъ Новгорода передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ чудный... Графъ упорно молчалъ и, сложивъ руки, кажется, молился. Въ Подберезьи (первая станція), благодаря заботливости г. Евреинова, ѣхавшаго впереди насъ, мы нашли лошадей уже выведенными. Пріѣхавъ въ Спасскую Полисть (2-я станція), графъ сурово посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Г. Европеусъ, мнѣ нехорошо; намъ нужно выйдти».

Съ трудомъ довелъ я его до царскихъ комнатъ и принужденъ былъ перемѣнить перевязку, такъ какъ она высохла и сбилась къ верху. Отправились далѣе.

— «Теперь и я вижу, что безъ васъ мнѣ было бы плохо!»

Это были первыя слова графа, обращенныя ко мнѣ во всю остальную дорогу.

Пріѣздъ нашъ въ Петербургъ, въ шестомъ часу утра, удивилъ всѣхъ домашнихъ графа. Выбѣжала прислуга, выбѣжали чиновники, выбѣжалъ и адъютантъ, жившій въ одномъ домѣ съ графомъ, который строго запретилъ всѣмъ ни слова не говорить графинѣ о его возвращеніи. Меня онъ спросилъ: хочу-ли я ночевать, т. е. отдохнуть у него, или отправиться къ знакомымъ?

— Позвольте узнать, кого изъ врачей вы желаете пригласить на консиліумъ? спросилъ я.

— «Моихъ домашнихъ врачей, гг. З** и М***, и Николая Ѳедоровича Арендта».

— Это очень кстати, такъ какъ моя постоянная квартира, при пріѣздѣ въ Петербургъ, недалеко отъ г. Арендта, такъ что я еще до его выѣзда во дворецъ, т. е. до 8 часовъ, успѣю побывать у него.

Первымъ вопросомъ Николая Ѳедоровича были слова:

— «Какими путями попали вы сюда изъ Новгорода?»

— Я пріѣхалъ съ часъ тому назадъ съ графомъ Толемъ.

— «Какъ, съ Толемъ? Онъ, три дня тому назадъ, отправился на инспекцію».

— Точно такъ; но, пріѣхавъ по тряской мостовой на обѣдъ къ генералу Бергману, графъ почувствовалъ себя такъ нехорошо, что я насилу могъ его уговорить возвратиться къ себѣ въ путевой дворецъ.

— «Скажите пожалуйста, что же такое неожиданное могло съ нимъ случиться?»

— Ребро, которое онъ здѣсь ушибъ, оказалось, при подробномъ моемъ изслѣдованіи, переломленнымъ. Во избѣжаніе дурныхъ послѣдствій, я едва уговорилъ его возвратиться сюда.

— «Вы, кажется, ошибаетесь, г. Европеусъ; я самъ былъ приглашенъ на консультацію и мы нашли только сильный ушибъ. Мнѣ жаль васъ, если вы ошиблись».

Это меня до того раздосадовало, что я необдуманно отвѣтилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Errare est humanum (ошибки свойственны человѣку). Графъ проситъ васъ назначить время, когда вы можете пріѣхать, чтобы къ тому же времени пригласить другихъ врачей, гг. З** и М***.

Николай Ѳедоровичъ раскрылъ свою записную книжку и, послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ:

— «Ранѣе четверти второго я пріѣхать не могу».

Мнѣ оставалось болѣе четырехъ часовъ для представленій по службѣ. Я началъ съ медицинскаго департамента; потомъ былъ у начальника штаба военныхъ поселеній, и наконецъ, явился къ Якову Васильевичу Вилліе. Повсюду одни и тѣ же распросы; повсюду сомнѣнія. Особенно огорчило меня сомнѣніе Якова Васильевича и его предсказаніе на случай ошибки:

— «Вы знаете, какое я всегда бралъ въ васъ участіе и потому прошу заѣхать ко мнѣ послѣ консиліума; мнѣ самому любопытно узнать, чѣмъ это все кончится, и кто правъ, кто виноватъ».

За полчаса до времени, назначеннаго Николаемъ Ѳедоровичемъ, я пріѣхалъ къ графу и замѣтилъ въ пріемной двухъ господъ, говорившихъ между собою понѣмецки. Одинъ изъ нихъ, кажется г. З**, узнавъ во мнѣ военнаго врача, обратился съ вопросомъ:

— «Вы, кажется, докторъ, пріѣхавшій съ графомъ изъ Новгорода?»

— Къ вашимъ услугамъ.

— «Скажите пожалуйста, что такое случилось съ графомъ, что вы принудили его возвратиться сюда?»

— Я нашелъ у него переломъ ребра, ушибленнаго здѣсь двѣ недѣли тому назадъ. Оставаться въ Новгородѣ графъ не желалъ и потому я былъ принужденъ сопровождать его сюда.

— «Будто вы не могли найдти другой причины, чтобы побудить графа возвратиться! Мы (показываетъ на товарища) лечили графа, и эта исторія можетъ повредить нашей репутаціи».

— Мнѣ до вашей репутаціи дѣла нѣтъ; я поступилъ по совѣсти и удивляюсь, что вы, какъ домашніе врачи, не понимаете упрямаго характера графа, такъ какъ я, даже по такой важной причинѣ, едва могъ уговорить его возвратиться.

Заслышавъ мой голосъ, графъ пригласилъ меня въ кабинетъ. Я засталъ его въ креслахъ и онъ сурово сказалъ мнѣ:

— «Вотъ, видите, г. Европеусъ, врачи, которые меня пользовали, увѣряютъ, что ребро вовсе не переломлено.

Это заявленіе до того меня озадачило, что я спросилъ графа: развѣ они васъ свидѣтельствовали?

— «Нѣтъ, но, по наружному осмотру, утверждаютъ, что перелома нѣтъ».

— Ну, слава Богу! подумалъ я и вышелъ въ пріемную, чтобы небезпокоить графа распросами и дождаться Николая Ѳедоровича. Сильно было мое безпокойство: что если Арендтъ скажетъ, что ребро не переломлено, а только вдавлено, или ушиблено; что это поврежденіе, при удобной повязкѣ, не помѣшало бы графу продолжать путь... Вскорѣ Николай Ѳедоровичъ пріѣхалъ, поздоровался со мною и пошелъ въ кабинетъ, пригласивъ меня за собой. Задыхаясь отъ волненія, я разсказалъ ему весь фактъ внезапнаго нездоровья графа и моего освидѣтельствованія.

Желая освидѣтельствовать графа, Николай Ѳедоровичъ позвалъ въ кабинетъ и домашнихъ врачей. Принесли табуретъ изъ писарской комнаты; паціента

Библиотека "Руниверс"

раздѣли, и я началъ снимать повязку, т. е. корсеты, компрессъ, бинты и проч. Смотря на это, Николай Ѳедоровичъ сказалъ мнѣ, что, судя по перевязкѣ, онъ заключаетъ, что я дѣйствительно принялъ ушибъ ребра за переломъ и съ видомъ знатока принялся за манипуляцію: подробно выслушалъ грудь, тщательно изслѣдовалъ поврежденное мѣсто и, послѣ долгаго раздумья, объявилъ графу, что ребро дѣйствительно переломлено и что моя настойчивость спасла больнаго отъ опасныхъ послѣдствій. Я ожилъ и графъ взглянулъ на меня уже другими глазами.

— «Нужно перемѣнить перевязку», сказалъ мнѣ Николай Ѳедоровичъ, «прикажите камердинеру подать холстъ и все необходимое».

— Ничего этого не нужно, потому что у меня все приготовлено.

Туть я принесъ свой узелъ съ компрессами, бинтами и т. д. Николай Ѳедоровичъ взглянулъ на меня, засмѣялся: «видно, что военный врачъ!»—и наложилъ новую повязку.

Много-ли найдется подобныхъ врачей, которые, въ ущербъ своей репутаціи, готовы спасать честь товарищей? Но покойный Арендтъ былъ отраднымъ исключеніемъ, всегда дѣйствуя честно и человѣколюбиво. Миръ праху этого друга человѣчества и добрая память заслуженному врачу! Да послужитъ его поступокъ примѣромъ для врачей новаго поколѣнія, слишкомъ часто жертвующихъ интересами науки расчетамъ личнаго самолюбія

Распростившись съ Николаемъ Ѳедоровичемъ и со всѣми домашними врачами, графъ попросилъ меня остаться, подалъ мнѣ руку, со слезами на глазахъ благодарилъ за услугу, извиняясь въ недавней непривѣтливости.

— «Подождите, пожалуйста», сказалъ онъ, «я хочу познакомить васъ съ моимъ семействомъ».

Онъ позвонилъ и приказалъ камердинеру попросить графиню въ кабинетъ. Я былъ ей представленъ. И она, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ, благодарила меня, говоря, что иначе съ графомъ и поступать нельзя было. Видя, что я тороплюсь, она простилась со мною, приглашая на слѣдующій день къ чаю. Я извинился, отговариваясь тѣмъ, что сегодня же вечеромъ долженъ возвратиться въ Новгородъ. Графъ взялъ съ меня слово бывать у него каждый разъ, когда мнѣ случится пріѣзжать въ Петербургъ; я далъ слово и былъ ему вѣренъ. При первомъ же моемъ пріѣздѣ, графъ пригласилъ меня на чай и доставилъ случай познакомиться съ его семействомъ. Какъ-то разъ, въ бытность мою въ Петербургѣ, я не посѣтилъ графа за недосугомъ, и онъ, проѣзжая чрезъ Новгородъ, пригласилъ меня къ себѣ и выговаривалъ, въ присутствіи приближенныхъ, что такъ добрые знакомые не поступаютъ. Я извинялся, обѣщая загладить мою вину.

Отъ графа я отправился къ Якову Васильевичу Виліе и передалъ ему все; онъ, казалось, былъ видимо доволенъ, что я оказался правъ. Вечеромъ того же дня ко мнѣ пріѣхалъ адъютантъ графа и вручилъ конвертъ съ подорожною и прогонными деньгами съ излишкомъ. На другой день я уже былъ въ Новгородѣ и первый мой визитъ былъ къ генералу Бергману, какъ другу графа. Онъ очень мнѣ обрадовался, тѣмъ болѣе, что рекомендовалъ меня больному.

Не могу и не долженъ я обвинять въ небрежности именитыхъ врачей, до меня пользовавшихъ графа. По моему мнѣнію, при ушибѣ ребра, на немъ образовалась незначительная трещина, при тучности графа незамѣтная. Окончательному перелому въ подтреснутомъ мѣстѣ ребра, безъ сомнѣнія, поспособствовала ѣзда графа въ безпокойномъ экипажѣ по тряской мостовой.

Библиотека "Руниверс"

Не упомню, въ которомъ именно году, пріѣхавъ въ Петербургъ, я явился къ Якову Васильевичу Вилліе.

— «Все-ли у васъ благополучно?» спросилъ онъ.

— Слава Богу: больныхъ мало, повальныхъ болѣзней нѣтъ, смертность незначительна.

— «А у насъ, въ Петербургѣ, не все благополучно: denn Petersburg ist ohne Essen und Kleinmichel ist Toll geworden (ибо Петербургъ остался безъ Эссена и Клейнмихель сдѣланъ Толемъ). Для поясненія каламбура, замѣчу, что, при буквальномъ переводѣ фамилій, фраза эта выражаетъ: Петербургъ остался безъ ѣды, а Клейнмихель—взбѣсился. Вилліе повторялъ этотъ каламбуръ и другимъ, являвшимся къ нему, врачамъ.

Сообщ. **И. И. Европеусъ.**

Прошеніе, поданное императору Александру I-му черниговскимъ протоіереемъ Кубецкимъ.

Премудрый Александръ, Россіи государь!
Прости, что предъ тобою пищать дерзнулъ комарь.
Самодержавіе тебѣ дало власть свыше.
Всесильный! Поступать вели со мною тише.
Я — протопопъ; ношу тобою данный крестъ,
Но такъ умаленъ, какъ въ рукахъ мизинный перстъ:
Отъ осьмисотаго до нынѣшняго года
По чину моему не получилъ прихода.
Синодъ повелѣвалъ, — и дважды я просилъ;
Архіерей не далъ, — просить нѣтъ больше силъ.
Синодъ мнѣ мѣсто вновь избрать повелѣваетъ,
Но архипастырь мой того не исполняетъ.
И тако повели, всеавгустѣйшій царь,
Меня, презрѣнную отъ высшей власти, тварь,
Возставить: посадить на протопопскомъ мѣстѣ,
Или-же въ пенсіонъ дать въ годъ рублей по двѣстѣ;
Тогда жена моя и четверо дѣтей,
Пришедъ со мною въ храмъ, произнесутъ гласъ сей:
«Да будетъ Александръ, его Елисавета,
«Надъ нами царствовать счастливо многи лѣта!

Мая 5-го дня 1803 года.

Резолюція:

Царево повелѣніе вѣсте:
Велѣлъ васъ посадить на протопопскомъ мѣстѣ.

Министръ юстиціи Державинъ.

Сообщ. **Д. Д. Рябининъ.**

Библиотека "Руниверс"

Московская припѣвка о Салтычихѣ.

Салтычиха Балтычиха
И Высоцкая дьячиха;
Власьевна, Гераспмовна,
Дмитревна, Васильевна,
Савишна—давишня барышня.
Салтычиха Балтычиха
И Высоцкая дьячиха,
Горячи, горячи,
Съ рыбкой, съ везичкой,
Съ говядиной, съ яичкомъ.
Пожалуйте, у насъ для васъ
Въ самый разъ!
Въ нашей лавкѣ
Атласъ, канифасъ,
Ситцы, полуситцы,
Шпильки, булавки,
Чирьи, бородавки.

Примѣчаніе. Эта безсмыслица поется на ухарскій ладъ. Она записана со словъ бывшаго повара князя Урусова, Тимоѳеева, который живетъ въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, у Путиловскаго старшины Шарыпина, въ селѣ Путиловѣ (на Старо-Ладожскомъ каналѣ) кучеромъ. По словамъ Тимоѳеева эта пѣсня пѣлась московскими дворовыми людьми.

Сообщ. Г. И. Студеникинъ.

Поправка.

Въ разсказѣ Очевидца, помѣщенномъ въ IX-й книгѣ «Русской Старины», изд. 1874 г. (стр. 115—130), посвященномъ памяти управленія Польшею генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ, вкралась ошибка въ наименованіи полка, о праздникѣ котораго разсказываетъ авторъ статьи.

Брянскій генералъ-адъютанта князя Горчакова полкъ въ описываемую эпоху въ Царствѣ Польскомъ не находился. Принадлежа къ составу 9-й пѣхотной дивизіи, онъ, въ 1861 году, квартировалъ въ Каменецъ-Подольской губерніи, а потому своего полковаго праздника, 6-го августа, въ Варшавѣ справлять не могъ.

Я говорю это положительно, какъ бывшій дежурный генералъ 1-й арміи и какъ имѣющій честь лично принадлежать Брянскому генералъ-адъютанта князя Горчакова полку, коимъ я командовалъ въ послѣднюю восточную войну подъ Севастополемъ.

Кажется, не ошибаюсь, послѣдній полковой праздникъ, на которомъ присутствовалъ въ Варшавѣ, именно 6-го августа 1861 года, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, былъ праздникъ Муромскаго (нынѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Вячеслава Константиновича) полка.

Упоминаемое въ статьѣ, между генералъ-адъютантомъ Сухозанетомъ и генераломъ Веселитскимъ, говореніе происходило не на полковомъ праздникѣ, а

Библиотека "Руниверс"

на обѣдѣ, устроенномъ наскоро, чуть-ли не въ тотъ же день, 6-го августа, въ русскомъ общественномъ собраніи, въ честь г.-а. Сухозанета, по случаю предстоявшаго отъѣзда Николая Онуфріевича за границу, предположеннаго немедленно, по прибытіи въ Варшаву новаго намѣстника, генералъ-адъютанта графа Ламберта, ожидавшемся тогда уже со дня на день.

Это говореніе было вызвано тѣмъ, что когда уже кончился обѣдъ и всѣ встали отъ стола, а въ залѣ сдѣлалось довольно шумно,—Веселитскій, поднявъ бокалъ, началъ было исчислять заслуги г.-а. Сухозанета по пятилѣтнему управленію его военнымъ министерствомъ. Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ отклонялъ отъ себя каждую изъ приписываемыхъ ему заслугъ, относя прежде всего все сдѣланное къ отеческимъ благодушнымъ предначертаніямъ Государя Императора; а когда Веселитскій коснулся упраздненія округовъ военныхъ поселеній, то г.-а. Сухозанетъ распространился въ похвалахъ о преемникѣ его, генералъ-адъютантѣ графѣ Ламбертѣ, принимавшемъ въ этомъ дѣлѣ болѣе сильное участіе.

Торжественный приступъ рѣчи генерала Веселитскаго заключался въ примѣненіи къ государственнымъ заслугамъ генералъ-адъютанта Сухозанета девиза ордена св. равно-апостольнаго князя Владиміра: «польза, честь и слава». На этой канвѣ предполагалъ онъ построить свое похвальное слово, но встрѣчалъ на каждомъ словѣ сильный отпоръ со стороны того, кого хотѣлъ прославить.

Нѣтъ спора, что, перебивая рѣчь генерала Веселитскаго, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, хотя и по чувству скромности, все-таки разстроилъ обычный порядокъ выслушиванія привѣтственныхъ спичей и поставилъ въ крайне неловкое положеніе оратора, цѣль котораго была не достигнута и самъ онъ долженъ былъ на половинѣ задуманной имъ рѣчи прекратить ее превозглашеніемъ прощальнаго тоста отъѣзжающему намѣстнику и временно главнокомандовавшему 1-ю арміею.

Положимъ, что и неважно, на чьемъ полковомъ праздникѣ происходило то или другое, описываемое въ разсказѣ, обстоятельство; но, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ истины—хорошо-ли, поучительно-ли, или дурно представляемое на судъ потомства происшествіе,—оно не можетъ быть приписано такому именно полку, который не могъ принимать участія въ разсказанномъ дѣлѣ.

«Русская Старина»—богатый и готовый матеріалъ для будущей исторіи; но Брянскій генералъ-адъютанта князя Горчакова полкъ не внесетъ въ свою хронику приписываемаго ему случая.

Москва.

Сообщ. **Александръ Гацъ.**

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763—1841.

VI.[1])

Вступленіе русскихъ войскъ въ Польшу.—Сраженіе при Шпичинцахъ и Городицѣ.— Пребываніе въ Варшавѣ.— Наканунѣ возстанія. — Игельстромъ и Апраксинъ.

1792—1794.

Въ 1792 г., въ командованіе арміею вступилъ генералъ-аншефъ Михаилъ Васильевичъ Каховской, который повелъ войска въ Польшу. Авангардомъ командовалъ бригадиръ Орловъ; въ числѣ полковъ его былъ и полкъ Ан. К. Денисова. Орловъ поручилъ ему занять мѣстечко Мурафу. Денисовъ вступилъ въ переговоры объ уступкѣ мѣстечка. Какой-то польскій поручикъ съ бранными словами кричалъ на посланнаго Денисовымъ казачьяго офицера, чтобъ тотчасъ отступили или онъ прогонитъ ихъ. Денисовъ, вмѣстѣ съ премьеръ-маіоромъ Никитою Астаховымъ, рѣшились сдѣлать нападеніе, несмотря на то, что въ двухъ полкахъ ихъ было не болѣе 400 человѣкъ. «Такова участь казачьихъ полковъ»—пишетъ Денисовъ—«всегда казаки столько употребляются по дежурствамъ, къ волонтерамъ, по провіантскимъ, коммиссаріатскимъ коммиссіямъ и разнымъ транспортамъ, что всегда на половину остается при полку, а иногда и того менѣе. Такъ даже случается, что чиновники, отпросясь въ отпускъ, увозятъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X., стр. 1—46: «Записки Денисова», гл. I—V.

Библиотека "Руниверс"

казаковъ въ свои дома, и уже оттуда даютъ имъ способъ возвратиться на Донъ, а полкъ о всемъ ономъ не имѣетъ свѣдѣнія. При семъ долгомъ поставляю сказать: когда я дозналъ, что одинъ пѣхотнаго полку поручикъ, находясь безъ должности въ одномъ селеніи, имѣетъ полка моего казака, то послалъ къ нему сказать, чтобъ немедленно казака отпустилъ; но онъ того не сдѣлалъ и отозвался, что его никогда не отпуститъ, почему я принужденъ былъ послать команду силою взять».

Между тѣмъ, обѣ стороны сходились; поляки кричали съ бранью, чтобъ выходили съ земли польской, и начали стрѣлять. Казаки напали на непріятеля съ крикомъ, разстроили его и долго гнали; почти всѣ были побиты или взяты въ плѣнъ (15-го мая 1792 г.). «Болѣе 400 лошадей досталось побѣдителямъ, но ими не одни наши полки воспользовались. Бригадиръ Орловъ со всѣми полками спѣшилъ къ намъ и послалъ съ храбрымъ секундъ-маіоромъ Красновымъ напередъ охотниковъ, которые и подоспѣли къ мостику, гдѣ скоро храбрый Красновъ въ ногу пулею жестоко раненъ».

31-го мая Денисовъ догналъ поляковъ при Шпичинцахъ, куда вскорѣ прибыли Орловъ и прочія войска. Казаки пустились въ атаку на польскую кавалерію.

«Главнокомандующій всѣ дѣйствія самъ видѣлъ и въ честь мою нѣсколько разъ прокричалъ ура, и когда я къ нему явился, тутъ же въ скорости, весьма милостиво благодарилъ». Скоро подоспѣла наша пѣхота и полковникъ князь Голицынъ посланъ былъ съ частью оной выбить непріятеля изъ лѣса; въ помощь ему приданъ полкъ Денисова. «Въѣхавъ въ лѣсъ, увидѣлъ я, что весь полкъ не можетъ дѣйствовать за густотою онаго, а потому послалъ въ двѣ стороны небольшія для осмотра непріятеля команды, а самъ взялъ десять казаковъ, оставя на мѣстѣ полкъ, и поскакалъ искать князя Голицына».

Найдя князя въ сильной перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, Денисовъ сдалъ ему собранныхъ по лѣсу до полутораста русскихъ пѣхотинцевъ и, оставя при немъ четырехъ казаковъ, поѣхалъ, по просьбѣ князя Голицына, собирать еще разбревшихся въ лѣсу пѣхотинцевъ.

«Я оставилъ при себѣ двухъ казаковъ, остальныхъ послалъ въ сторону осмотрѣть лѣсъ, приказавъ имъ ежели найдутъ своихъ, (то)

Библиотека "Руниверс"

посылали бы къ князю, самъ поѣхалъ въ другую (сторону). Слышу шумъ, пробираюсь сквозь лѣсъ, безъ дороги; мнѣ встрѣтились два или три изъ пѣхоты нашей, которые всѣ несли въ горстяхъ по нѣсколько червонныхъ; на вопросъ они отвѣчали, что отбили съ золотыми деньгами цѣлый ящикъ, при которомъ много нашихъ, и до того ссорятся, что у многихъ изрѣзаны руки. Зная, что таковые случаи весьма опасны, поворотилъ я въ сторону, наѣхалъ, и весьма близко, на пробѣгающихъ человѣкъ до 10-ти пѣшихъ солдатъ, закричалъ на нихъ, чтобъ спѣшили къ князю Голицыну, которые въ тотъ же моментъ по мнѣ всѣ выстрѣлили изъ ружей. Казаки, при мнѣ бывшіе, закричали, что это непріятель; мы пустились въ сторону, сами не зная куда, и выскочили на поляну съ изцарапанными о сучья лицами».

Поляковъ прогнали. Затѣмъ происходили стычки: 3-го іюня при селеніи Воловкѣ, 4-го—при Любарѣ, 7-го—при Зеленцахъ. Отсюда часть войскъ, подъ командою гр. Ираклія Ивановича Маркова, была послана по дорогѣ на Заславль. Графъ Марковъ, считая непріятеля сильнымъ, рѣшился принудить его къ сдачѣ, но оказалось, что главныя силы его были за лѣсомъ, на который шелъ Денисовъ съ своимъ полкомъ.

«Получа повелѣніе и какъ мнѣ далѣе другихъ было обходить, то я и потянулся прежде. Проходя поле, вышелъ я на не широкое, но длинное, болото, чрезъ которое рѣдкая лошадь перешла съ сѣдокомъ, но я оное перешелъ, ссадивъ казаковъ съ лошадей, пѣшій. Тутъ прискакалъ ко мнѣ подполковникъ Николай Николаевичъ Раевскій и объявилъ, что ему велѣно быть со мной.

— Командуйте полкомъ, а я не останусь,— сказалъ я.

«Мы были другъ другу очень знакомы, почему онъ меня просилъ дружески, чтобъ я остался, на что я согласился и разсказалъ ему мой планъ. Пошли впередъ и наѣхали на другое болѣе топкое и широкое болото, осмотрѣвъ которое, положили: полкъ переправить чрезъ болото и выстроить, а самимъ ѣхать ближе къ непріятелю и лучше его осмотрѣть. Полкъ опять пѣшій перешелъ, но нѣсколько лошадей загрязли. Мы поѣхали и увидѣли, что густая колонна кавалеріи выходила изъ-за лѣса особо отъ тѣхъ войскъ, которыя стояли прежде; разсматривая внимательно, по нѣкоторымъ отличіямъ примѣтили, что третій полкъ выходитъ, а конца не было видно. Тогда Раевскій приказалъ, чтобъ полкъ

Библиотека "Руниверс"

переправился за болото, назадъ. Не успѣлъ посланный прискакать къ полку, какъ погнались за нами и препроводили чрезъ болото насъ весьма неучтиво: у многихъ лошади завязли въ грязи и едва всѣхъ спасли. Видя таковую разницу въ непріятелѣ, Раевскій за долгъ счелъ самъ видѣться съ генераломъ Марковымъ и ему донесть, съ чѣмъ и поѣхалъ, а я послалъ, какъ помню, двѣ партіи во флангъ непріятеля съ тѣмъ, чтобы плѣнить хотя одного, дабы довнать, что̀ значатъ прибылыя войска. Одна партія ударила на небольшую команду и, потерявъ, къ сожалѣнію всего полка, прежде упоминаемаго храбраго сотника Никулина, возвратилась; другая—схватила товарища (т. е. полякa), который сказалъ, что вся польская армія подоспѣла. Въ сей моментъ наша пѣхота уже къ непріятелю сближалась и артиллерія съ обѣихъ сторонъ дѣйствовала. Я съ офицеромъ къ графу Маркову послалъ плѣннаго; офицеръ нашелъ его въ такомъ мѣстѣ, гдѣ картечь и пули сыпались на него и пѣхоту какъ густой градъ, и обо всемъ доложилъ; на что получилъ отъ Маркова отвѣтъ — что уже знаетъ обо всемъ».

«Я получилъ приказаніе примкнуть съ полкомъ къ правому флангу Екатеринославскихъ гренадеръ, которые сражались какъ львы и уподоблялись твердой каменной стѣнѣ. Полковая музыка играла и тихо подавалась впередъ; раненые полали назадъ, держа свое оружіе; убитые, какъ бы съ намѣреніемъ, покойно лежали. Полкъ мой сталъ близъ оныхъ, какъ сказалъ я, во флангѣ, нѣсколько уступя назадъ, и частью былъ прикрытъ малымъ возвышеніемъ. Къ намъ швыряли поминутно ядра, отъ которыхъ казаки мои не могли стоять покойно и часто просили, чтобъ ихъ весть въ атаку, но сего не позволено. Лошадей въ полку моемъ убито болѣе тридцати. Я извѣстился, что на лѣвомъ флангѣ нашемъ всѣ казачьи и гусарскіе полки опрокинуты и прогнаны чрезъ мельничной ставъ. Бывъ въ такомъ положеніи и разсматривая движенія непріятеля, который первую пѣхотную линію свою замѣнилъ свѣжею, я предвидѣлъ, что кавалерія скоро атакуетъ меня и послалъ къ Маркову сказать о семъ. Скоро прискакалъ ко мнѣ, какъ помню, Смоленскаго драгунскаго полку секундъ-маіоръ, прекрасной фигуры, большаго росту, нѣмецкой фамиліи и сказалъ, что онъ отряженъ съ 3-мъ и 4-мъ эскадронами подъ мою команду и спрашивалъ приказанія. Я показалъ мѣсто, гдѣ

Библиотека "Руниверс"

должно встать эскадронамъ, которые скакали уже близко. Въ это время артиллерія, какъ громъ, гремѣла. Я осмотрѣлъ казаковъ и непріятелей, и когда оглянулся на маіора, только что командовавшаго эскадронами, вижу, что храбрый и прекрасный маіоръ на землѣ лежитъ безъ головы, которую ядромъ оторвало. Екатеринославскіе гренадеры, ни на моментъ не измѣнили своей твердости, сбили вторую непріятельскую линію, но подоспѣла третья. Нашихъ много было убито и ранено; музыканты, въ свою очередь, претерпѣли и замолчали. Конница непріятельская подступила къ правому флангу атаковать мой полкъ, но болото ей препятствовало произвесть то; орудія наши, поставленныя противъ непріятеля, сильно оную разили, а спѣшившіеся казачьи стрѣлки также оную били. Въ этотъ моментъ, когда солнце близко закату было, увидѣли мы сзади насъ и по нашей дорогѣ большую пыль. Непріятель скорымъ маршемъ началъ отступать и скрылся. Намъ преслѣдовать и на умъ не всходило, а отъ радости, что Всевышній избавилъ отъ неминуемой смерти, были всѣ въ удивленіи. Пыль подлинно послалъ къ нашему избавленію Богъ».

«Храбрый Донскаго войска маіоръ Красновъ, излечась отъ раны, полученной при Мурафѣ, ѣхалъ къ своему полку еще слабый. Пріѣзжаетъ и видитъ критическое наше положеніе и брошенный безъ всякаго прикрытія нашъ вагенбургъ, изъ генеральскихъ колясокъ, нѣсколькихъ лазаретныхъ фуръ, повозокъ и казачьихъ вьюковъ составленный. Красновъ увидѣлъ, что стоитъ прискакать одному эскадрону и (вагенбургъ будетъ) взятъ. Красновъ уговорилъ людей примкнуть къ войскамъ; тѣ послушались и поскакали, поднявъ пыль, принятую поляками за войско, спѣшившее къ намъ въ сикурсъ».

«При семъ еще за долгъ поставляю упомянуть, да даже и не имѣю силъ умолчать, что гренадеры Екатеринославскаго полка столько при семъ случаѣ показали храбрости и твердости, что подобной, хотя былъ я во многихъ сильныхъ и генеральныхъ сраженіяхъ, нигдѣ не видѣлъ; даже дѣйствія штурма Измаиловскаго не могу сравнить: тамъ больше было убійства, но управляла храбрыми запальчивость и какая-то забывчивость; тутъ же сражались, удерживали мѣсто, двигались по повелѣнію, видѣли какъ товарищи умирали и девитъ безъ малѣйшаго отдохновенія

Библиотека "Руниверс"

выдержали. И тутъ же видѣли перемѣняющагося непріятеля и пораженіе нашей кавалеріи».

«Я за это дѣло получилъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ.[1]) Затѣмъ, въ томъ же году, я былъ въ сраженіяхъ 13-го іюня при мѣстечкѣ Острага, 16-го — при Верховой, 21-го — при Дубнахъ, 26-го — при Владиміржѣ, іюля 7-го — при Дубенкѣ и 15-го — при Маркушевѣ. О сихъ дѣйствіяхъ нужно мнѣ распросить бывшихъ со мной».

«Послѣ сего сраженія (при Маркушевѣ ?) велѣно поступать съ польскими войсками благосклонно, но быть въ осторожности. Скоро за симъ генералъ Каховской, съ 10-ти-тысячнымъ корпусомъ и казачьимъ моимъ полкомъ, потянулся къ Варшавѣ и остановился въ лагерѣ близь города, на Вислѣ. Русскіе ѣздили въ городъ».

Денисову понравилась Варшава, онъ часто бывалъ въ ней, жилъ по недѣлямъ, и началъ, какъ самъ выражается, «учиться щеголять; сдѣлалъ нѣкоторое знакомство, но, долженъ сознаться, все дѣлалъ безъ умѣнья и безъ выбору, и какъ сказалъ въ началѣ моей исторіи, что я не богатаго отца сынъ, увидѣлъ скоро, что щегольство мнѣ не пристало, но вмѣсто того, чтобъ хозяйствомъ и бережливостью исправиться, вздумалъ умножить мои доходы карточною игрою, или, прямѣе сказать, знакомство съ таковыми завлекло въ оную игру, отчего и болѣе себя разстроилъ, даже до того, что хорошихъ продалъ лошадей, дабы имѣть чѣмъ себя содержать. Но за всѣмъ тѣмъ, я себя нигдѣ не замаралъ; всегда, когда только былъ здоровъ, являлся къ моимъ начальникамъ, къ разводамъ, у графовъ Зубовыхъ, у которыхъ всегда россіяне и даже польскіе иногда господа бывали, въ театрѣ, въ большихъ вечернихъ собраніяхъ у главнокомандующаго и у вельможъ польскихъ. Многія знатныя госпожи меня знали, а у нѣкоторыхъ изъ сего жъ класса я бывалъ съ визитными почтеніями».

«Между тѣмъ, графъ (?) Каховской замѣненъ барономъ Игельштромомъ. Полкъ мой получилъ приказаніе расположиться на квартирахъ въ землѣ добржанской и пользоваться провіантомъ и фуражемъ отъ жителей. Игельштромъ почтилъ меня довѣрен-

[1]) Дѣло происходило при Городницѣ 7-го іюня 1792 г.

Библиотека "Руниверс"

ностью и далъ секретное повелѣніе о наблюденіи за жителями. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ стоянки (я) успѣлъ пріобрѣсти почтеніе и уваженіе мѣстныхъ дворянъ, дѣлившихся на двѣ партіи и одна другую ненавидѣвшихъ.

«Я нашелъ въ обѣихъ партіяхъ такихъ особъ, которыя охотно разсказывали мнѣ свои дѣйствія, но вообще оныя были пустыя, доказывавшія ихъ горделивое свойство и мѣстничество, почему и оставлялъ ихъ въ покоѣ». Дворяне были очень довольны постояльцами; секретно отъ Денисова послали они къ Игельштрому депутатовъ изъ лучшихъ особъ, благодарить его за спокойныхъ квартирантовъ и увѣряли его, что казаки обходятся съ жителями, какъ съ друзьями; «за что главнокомандующій въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, при большомъ собраніи, благодарилъ меня лично. А послѣ онъ же представилъ меня къ награжденію чиномъ; почему, какъ я партикулярно дозналъ, и былъ я произведенъ въ подполковники.»[1])

«Въ 1793 г. полкъ мой переведенъ изъ квартиръ близь Варшавы, въ лагерь. И здѣсь я пріобрѣлъ расположеніе сосѣдей: они приглашали меня на обѣды и вечеринки». Разъ нѣсколько дамъ безъ кавалеровъ уговорились и посѣтили казака; онъ угощалъ ихъ кофеемъ, уговорилъ остаться на казацкій ужинъ, послалъ въ Варшаву за припасами, обратился къ содѣйствію мѣстной помѣщицы Дочуминской,— «и на ужинъ было желе и пирожное». Гостьи были веселы, шутили съ казаками и жаловались, что въ военное время онѣ очень ихъ боятся.

Тѣмъ не менѣе въ исходѣ 1793 и въ началѣ 1794 года все предвѣщало войну. «Я получилъ секретное наставленіе, что̀ дѣлать если нечаянно вспыхнетъ революція. Вскорѣ, въ проѣздъ мой въ каретѣ по Варшавѣ, слышу, что какой-то фрачникъ, стоя на улицѣ, громко ругаетъ меня и убѣжалъ въ одинъ домъ, хозяинъ коего съ клятвою увѣрялъ, что такого человѣка въ домѣ нѣтъ. Въ другое время въ мою карету кидали съ бранью каменья и кричали, что «Денисова надо убить!» О такомъ настроеніи жителей я донесъ корпусному начальнику, генералъ-поручику Степану Степановичу Апраксину, который повезъ меня къ Игельштрому. Тогда баронъ Игельштромъ, распрося обо

[1]) 28-го іюня 179[illegible] года.

Библиотека "Руниверс"

всемъ, сказалъ, что такіе случаи надо пренебрегать; а я отвѣчалъ, что готовъ сіе исполнить и самъ такъ мыслилъ, но не ручаюсь, чтобъ всегда наблюлъ такое умное равнодушіе, и тутъ же доложилъ, что секретное его повелѣніе о случаѣ нападенія на насъ, я съ полкомъ не буду имѣть возможности выполнить и всѣ пункты занять, и даже осмѣлился сказать, что всѣ наши войска сильно претерпятъ и не исполнятъ предписаннаго. Тогда спросилъ онъ меня, что-жъ я лучшимъ нахожу? На что я отвѣчалъ, найти его высокопревосходительству выгодную квартиру на краю города и все войско поставить къ самому краю, вокругъ оной— пусть же насъ достанутъ. На что онъ сказалъ, что онъ это бы сдѣлалъ, ежели бы онъ былъ только военный генералъ, но онъ и министръ».

VII.

Революція 1794 года. — Мадалинскій и Костюшко. — Отступленіе русскихъ войскъ.—Подвиги казаковъ.—Пораженіе и плѣнъ польскаго полковника Добка у Липоваго поля.—Стоянка русскихъ и прусскихъ войскъ подъ Варшавой.—Стычки съ поляками.—Опасное положеніе Денисова и избавленіе его маіоромъ Грузиновымъ.

1794 г.

«Весною 1794 года, не помню котораго мѣсяца, бригадный начальникъ польскихъ войскъ Мадалинскій, не предупредивъ начальство, выступилъ съ своею бригадою съ квартиръ и, войдя въ прусскія границы, направился къ Кракову. Это принято было за начало революціи. Мнѣ велѣно спѣшно съ полкомъ двинуться къ Варшавѣ и чрезъ партіи, не входя въ Пруссію, наблюдать движеніе Мадалинскаго. Генералъ Тормасовъ, съ частью регулярной пѣхоты, выступилъ въ лагерь; я присоединился къ нему. Мои партіи по нѣкоторомъ времени донесли, что Мадалинскаго бригада, миляхъ въ пятнадцати отъ Варшавы, вошла въ польскія границы. Мнѣ велѣно было съ однимъ моимъ полкомъ, въ которомъ было не болѣе 150 человѣкъ на лицо, подъ ружьемъ, догнать Мадалинскаго и, конечно, разбить. Слыша таковое приказаніе, я объяснилъ Апраксину, что такое число людей не можетъ меня обнадежить въ исполненіи его приказанія и еще прибавилъ, что я не Илья-Муромецъ, да и онъ въ нынѣшнія времена не могъ бы своихъ чудесъ выкинуть».

«Мнѣ не вняли, и увеличили команду только 40 казаками.

Библиотека "Руниверс"

Съ этими двумя сотнями казаковъ я пустился въ погоню за Мадалинскимъ; на дорогѣ схватилъ, ѣхавшаго изъ Кракова, курьера Костюшки съ воззваніями, чтобъ поляки, съ оружіемъ, спѣшили къ нему, что война открылась и онъ главнокомандующій. Курьера съ бумагами я отправилъ къ Игельштрому, а самъ двинулся впередъ. Помнится, въ Каневѣ я узналъ, что Мадалинскій соединился съ пѣхотою и артиллеріей и составилъ корпусъ до 3-хъ тысячъ. Одинъ, захваченный казаками, шляхтичъ, передалъ, «что онъ посланъ ко мнѣ отъ Мадалинскаго сказать, чтобы я его оставилъ въ покоѣ и, что онъ никакого военнаго дѣйствія противъ россіянъ не начнетъ. Мадалинскій разсказалъ шляхтичу, что онъ знаетъ, когда я выступилъ отъ Варшавы, съ какимъ числомъ казаковъ и гдѣ, для доставленія моихъ донесеній, оставилъ оныхъ, съ точностію — какъ и было». Отославъ шляхтича къ Мадалинскому съ угрозою, что какъ скоро его догоню, то, конечно, разобью,— я однако не пошелъ далѣе, а, опасаясь нечаяннаго нападенія значительнѣйшихъ силъ непріятеля, остался противъ Мадалинскаго, раза три перемѣнивъ мѣста; Мадалинскій потянулся къ Кракову, а я занялъ оставленное имъ мѣстечко. Прибылъ генералъ Тормасовъ съ небольшимъ числомъ пѣхоты, сразился съ Мадалинскимъ, но какъ былъ слабъ, то ничего важнаго не могъ предпринять съ выгодою, а остался малымъ доволенъ».[1])

«Послѣ сего скоро явился къ намъ дядя мой, графъ Денисовъ, соединилъ нѣкоторыя войска, отдѣльно бывшія недалеко, и составилъ изъ всѣхъ оныхъ тотъ корпусъ, о которомъ я въ началѣ моей исторіи, подъ статьею его (т. е. о немъ, о графѣ Денисовѣ), описалъ». (См. «Русскую Старину», т. X, стр. 12—18).

Войска польскія усиливались и графъ Денисовъ отступалъ, останавливаясь по временамъ для удержанія непріятелей.[2]) Такъ, 16-го апрѣля дрались при рѣкѣ Нидицѣ, 29-го апрѣля и 1-го и 6-го мая — подъ Полонцомъ, 7-го — при Сташевѣ. Здѣсь, къ войскамъ графа Денисова, присоединился отрядъ генералъ-маіора Хрущова. Графъ Денисовъ имѣлъ въ виду дать сраженіе при Сташевѣ, но какъ въ это время другой непріятельскій корпусъ

[1]) 20-го марта 1794 г., при Скальмиронѣ.

[2]) 24-го марта при Сломникѣ Тормасовъ былъ разбитъ, о чемъ упомянуто въ 1-й главѣ этихъ Записокъ. («Рус. Стар.», т. X, стр. 13). Ред.

Библиотека "Руниверс"

переправлялся чрезъ Вислу, съ цѣлію соединиться съ Костюшко, и бригадиръ Фроловъ-Багреевъ не могъ предупредить переправы, то казацкій генералъ потянулся къ границамъ Пруссіи.

«Храбрый премьеръ-маіоръ Красновъ, за полученныя раны произведенъ былъ въ подполковники и находился съ полкомъ Яновымъ, въ отрядѣ Хрущова, почему и сдѣлался, какъ старшій, моимъ и всѣхъ Донскихъ полковъ начальникомъ; но, по несчастію, при Сташевѣ былъ опять тяжело раненъ, выѣхалъ изъ корпуса, для леченія, въ австрійской кордонъ, а казаки и были всѣ подчинены мнѣ, съ которыми прикрывалъ нашъ корпусъ».

При отступленіи, казаки Денисова имѣли съ непріятелемъ сшибки: 13-го мая при Зогаѣ, 16-го—при Слунѣ, 19-го и 20-го—при Терновѣ. У Костюшки было отъ 25 до 30-ти тысячъ войскъ; у графа Денисова—не болѣе семи тысячъ. Польскій генералъ упустилъ время напасть на русскихъ у дефиле, за Терновымъ, и далъ возможность свободно отступить къ Щикочину. «Здѣсь я получилъ приказаніе полковника графа Апраксина—плѣнить во что бы то ни стало одного изъ непріятелей и доставить въ главную квартиру, и когда это не удалось и разъѣздъ казаковъ возвратился изъ поиска съ нѣсколькими своими ранеными, то мнѣ прислали выговоръ.

«Я написалъ въ рапортѣ, что у меня нѣтъ поляковъ въ командѣ и что не могу ихъ схватывать какъ и когда хочу, а только беру когда могу». Съ тѣмъ вмѣстѣ вызывался, буде генералъ позволитъ, самому идти въ партію. Приказалъ этотъ рапортъ переписывать, а самъ вышелъ изъ палатки и увидѣлъ близъ себя, полка моего, храбраго казака Быкодорова. Онъ сдѣлалъ мнѣ почтеніе и спросилъ, почему я не веселъ.

«Зная его, какъ очень храбраго, разсказалъ ему обо всемъ. Тогда вызвался онъ охотою испытать свое счастіе, ежели я позволю. Я велѣлъ ему выбрать какихъ онъ хочетъ и сколько (хочетъ) казаковъ, но онъ не взялъ болѣе, какъ двухъ своихъ всегдашнихъ товарищей. При семъ не могу умолчать о странномъ дружелюбіи храбрыхъ людей.

«Быкодоровъ свойства былъ горячаго и гордъ до грубости; иногда позволялъ себѣ выпить излишнюю рюмку, временно и довольно рѣдко, но всегда предъ сраженіемъ и во время сраженія былъ трезвъ. Казакъ Черниковъ, уже весьма не молодыхъ

Библиотека "Руниверс"

лѣтъ, совершенно трезвый, тихой до того, что никто не слышалъ бранныхъ отъ него словъ, услужливый и богобоязливый, но стойкій въ случаѣ несправедливой обиды, третій — пьяница, дерзкой и буянъ. Они были разныхъ станицъ и артелей, но во время боя—рады умереть другъ за друга, и ежели одинъ изъ нихъ скачетъ,—что при экзерциціяхъ въ разсыпную, часто случалось,—на непріятеля, или находится въ опасности, тогда другіе, забывая себя, стремятся къ своему товарищу. Съ сими-то Быкодоровъ пустился безъ всякаго другаго наставленія, какъ только достать хотя одного (полякa) въ плѣнъ.

«Отъѣхавъ отъ полку, Быкодоровъ приказалъ своимъ товарищамъ ѣхать сзади себя за нимъ, на такомъ разстояніи, что могли видѣть всѣ его дѣйствія.

«По уговору съ Быкодоровымъ, они должны были помогать ему въ случаѣ возможности; если же онъ будетъ отрѣзанъ сильнымъ непріятелемъ, то его оставить и спасать себя. Въ одномъ селеніи два непріятельскіе кавалериста замѣтили Быкодорова, пустились уходить къ своей цѣпи и къ лагерю, а Быкодоровъ за ними. Дѣло было днемъ, предъ полуднемъ. Проскакавъ (польскую) цѣпь, кавалеристы предупредили о погонѣ за ними, но часовой принялъ казака, въ синемъ мундирѣ, каковые и въ ихъ войскѣ есть, за одного изъ своихъ. Быкодоровъ подскочилъ къ нему, выхватилъ у него за ефесъ саблю и пистолеты и бросилъ ихъ въ сторону. Подскакали двое товарищей казаки, окружили часоваго, схватили за повода его лошадь и опрометью поскакали назадъ. Часовой, какъ самъ потомъ разсказывалъ Быкодорову, не успѣлъ опомниться, и сознался, что не можетъ себѣ представить, что сіе съ нимъ было.

«Того-жъ мая 24-го дня (1794 г.) непріятельскіе небольшіе отряды, пѣхота и кавалерія, подходили къ казачьимъ полкамъ; въ такомъ случаѣ хотя я и не велѣлъ полкамъ вступать въ сильное сраженіе, но нѣкоторыми, быть можетъ намъ только извѣстными, оборотами взяли нѣсколько въ плѣнъ и побили; но войсковой старшина Поповъ, командуя Яновымъ полкомъ и, по запальчивой храбрости ударивъ въ рѣдколѣсіи (на прогалинахъ, между лѣсами) на пѣхоту, потерялъ убитыми четыре и до десяти ранеными.

«25-го мая, когда казачьи полки были вокругъ нашихъ войскъ

Библиотека "Руниверс"

порознь, а мой полкъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, рано поутру, получилъ я донесеніе, что непріятельская армія одною колонною, скорымъ маршемъ, идетъ къ нашему корпусу. Я далъ знать моему генералу; послалъ казачьимъ полкамъ повелѣніе, чтобъ спѣшили со мной соединиться, и съ полкомъ моимъ потянулся противъ непріятеля. Я скоро увидѣлъ, что мои партіи, соединенно съ пикетными, сильно преслѣдуемы непріятелемъ, а потому приказалъ храброму войсковому старшинѣ Грузинову взять охотниковъ и скрыться въ сторонѣ, въ лѣсокъ, и ежели непріятельскіе передовые нѣсколько его проскачутъ, чтобъ храбро въ нихъ ударилъ; самъ же я поскакалъ къ тѣмъ, которыхъ гнали, и направилъ ихъ отступать въ приготовленной засадѣ. Непріятель, видя малое число нашихъ, безъ обороны уходящихъ, гнался безъ всякой осторожности. Маіоръ Грузиновъ, вылетѣвъ изъ лѣсу, ударилъ съ большою отважностью въ бокъ; бѣгущіе спереди опрокинули непріятеля; при этомъ многихъ убили, до 20-ти человѣкъ взяли въ плѣнъ, и вскачь отступили передъ ихъ арміей. На семъ мѣстѣ остановился непріятель на короткое время, усилилъ отрядъ передовой кавалеріи, и уже, не нападая на казаковъ, польская армія шла прямо впередъ по дорогѣ, чрезъ лѣсъ лежащей; а я съ полкомъ—въ обходъ онаго; тутъ прискакалъ ко мнѣ Яновъ полкъ. Когда войска польскія прошли лѣсъ и вышли на поле, а я съ полками успѣлъ обойти и впереди стать, явился и Орлова полкъ, подъ командою премьеръ-маіора Николая Васильевича Иловайскаго.

«Непріятельская армія остановилась въ ордеръ-баталіи фронтомъ, лагеремъ; кавалерія сошла съ лошадей въ виду нашего корпуса, не далѣе пяти верстъ разстояніемъ. Я обо всемъ часто доносилъ моему начальнику. Казаки стояли, разсыпавшись, по полю, дабы не потерпѣть отъ выстрѣловъ ядрами; непріятель стоялъ покойно; отрядъ кавалеріи, отъ трехъ до четырехъ сотъ человѣкъ, выступилъ впередъ и, пройдя версты полторы, остановился и былъ на лошадяхъ; я рѣшился оный разбить и, дабы удалиться отъ большаго дѣла, рѣшился произвесть то малымъ числомъ. Подъѣхавъ близко, осмотрѣлъ и возвратился съ мыслями, что это можно. Тутъ подъѣзжаетъ ко мнѣ премьеръ-маіоръ Иловайской и спрашиваетъ о чемъ я думаю? Но я ему не сказалъ намѣренія своего, а отвѣчалъ довольно сердито за нескорый его

Библиотека "Руниверс"

съ полкомъ приходъ. Онъ оправдывался, что не онъ виною, а генералъ Рахмановъ, который не скоро его отпустилъ, и что онъ угадываетъ мое намѣреніе и беретъ на себя произвесть оное. Я благодарилъ за ревность къ службѣ и геройскій духъ, и открылъ ему мою мысль; при этомъ сказалъ, что ежели сіе исполнится малымъ числомъ, то вся армія непріятельская будетъ зрительницею (нашего подвига; мы вселимъ) страхъ въ каждаго и даже облегчимъ себя тѣмъ, что непріятель впередъ уже не осмѣлится отважно на насъ наступать.

«Я рѣшился взять изъ Орлова полка сто человѣкъ, да изъ Янова полка человѣкъ 50, съ капитаномъ Красновымъ, очень храбрымъ. А какъ полки были вмѣстѣ и готовы, то въ моментъ сія команда составилась.

«Маіоръ Иловайской поставилъ оную лавою, отдалъ нужный офицерамъ предъ казаками приказъ, взялъ въ руки дротикъ и воскликнувъ: «любезные друзья, впередъ!» пошелъ прямо на непріятеля шагомъ, а самъ на удаломъ конѣ впереди. Непріятельская застава, видя сіе, начала устраиваться и обнажила палаши. Иловайскій, подошедъ на ружейный выстрѣлъ, пустился рысью и ударилъ съ такою храбростію, что въ минуту опрокинулъ всѣхъ, и прогнавъ нѣсколько войскъ, ретировался и гналъ передъ собой человѣкъ 50 плѣнныхъ, да убитыми осталось на мѣстѣ, по крайней мѣрѣ, столько же. При отступленіи увидѣли сзади насъ скачущихъ человѣкъ съ десять прусскихъ офицеровъ, которые явились ко мнѣ, сказывая, что они скачутъ изъ своей арміи, которую самъ король ведетъ и очень уже близко, и просили, чтобъ я имъ пересказалъ послѣднее дѣйствіе, которое они частью видѣли. Я удовлетворилъ, хотя съ нуждою, ихъ желаніе, потому что надо было объясняться по французски, каковой языкъ худо я умѣю. Они откровенно сознались, что ежели бы не были самовидцы, то бы не повѣрили.

«Послѣ сего непріятельская вся кавалерія сѣла на конь и выступила линіею противъ казаковъ. Я приказалъ, не дѣлая ни одного выстрѣла, отступать спокойно; непріятель, пройдя версты три, остановился и чрезъ полчаса возвратился въ лагерь къ своимъ, когда солнце уже закатилось.

«26-го мая (1794 г.), рано услышали мы подтвержденіе, что король Прусскій тотъ же день соединится съ нами. Графъ Де-

Библиотека "Руниверс"

нисовъ поскакалъ къ нему на встрѣчу и скоро съ его величествомъ возвратился. Прусскія войска показались и, по маломъ отдохновеніи, всѣ устроились и пошли въ атаку. Правый флангъ составляли прусскія, а лѣвый—россійскія войска; казаки находились въ самомъ концѣ лѣваго фланга и примыкали справа къ Смоленскому драгунскому полку.

«Сраженіе начато въ срединѣ пѣхотою. Наши шли, какъ стѣна, не останавливаясь и не подаваясь назадъ; непріятель скоро былъ потревоженъ, но держался; начальники ихъ скакали во всѣ стороны съ примѣтною торопливостью. Громъ пушекъ, стрѣльба ружей и военные крики заглушали уши.

«Въ это время вся непріятельская кавалерія гордо и отважно двинулась на нашу кавалерію и казаковъ. Я приказалъ казачьимъ полкамъ равняться съ нашею регулярною кавалеріею. Всѣ наши полки двинулись и полетѣли въ атаку; непріятель то-жъ сдѣлалъ; слетѣлись, остановились въ дистанціи такой, что лишь саблями не могли рубиться, но наши скоро ободрились, крикнули, пустились впередъ, непріятель былъ опрокинутъ и вогнанъ въ средину бѣгущей уже польской пѣхоты, отъ которой казаки многіе были убиты и ранены. Польскія войска въ безпорядкѣ бѣжали, но осыпали насъ пулями и вся наша кавалерія принуждена была отскакать въ сторону, чтобы устроиться.

«Непріятели вбѣжали въ лѣсъ и скрылись въ оный; король приказалъ всѣмъ россійскимъ и прусскимъ войскамъ остановиться и не пошелъ преслѣдовать бѣгущихъ.

«Простоявъ нѣсколько, пошли россійскія и прусскія войска по дорогѣ къ Варшавѣ, куда и непріятель бѣжалъ. Я съ полками казачьими двинулся іюня 9-го Въ сіе время прибылъ къ россійскимъ войскамъ генералъ-поручикъ Ферзенъ и надъ оными принялъ начальство. Я съ полками подвинулся къ большимъ лѣсамъ, называемымъ и Липово-поле и открылъ, что въ оном тысячи полторы пѣхоты съ пушками и часть кавалеріи, подъ командою полковника Добика, скрываются. Чрезъ посланныя партіи увѣрился въ томъ и донесъ куда слѣдовало, на что получилъ повелѣніе разбить оный непріятельскій отрядъ. Два раза я пытался войти съ полками, Орлова и моимъ, въ оный лѣсъ, но открывалось, что всѣ дороги были заняты непріятелемъ; при томъ же такъ какъ казаки совсѣмъ не могутъ дѣйствовать въ лѣсу,

Библиотека "Руниверс"

то принужденъ былъ воротиться, о чемъ и рапортовалъ. Графъ Денисовъ 15-го того-жъ іюня съ двумя пѣхотными полками и частію кавалеріи пришелъ ко мнѣ, приказалъ вести донскіе полки на непріятеля; самъ шелъ съ пѣхотою за мной. Я нашелъ, что большая дорога завалена засѣкою и наблюдаема пѣхотою; приказалъ нѣсколько спѣшить казачьихъ стрѣлковъ, сбить непріятеля и очистить дорогу. Застава непріятельская долго держалась, производя сильную пальбу, но казаки зашли во фланги. Непріятель бѣжалъ; я съ полками приблизился къ главному ихъ отряду и остановился скрытно за лѣсомъ. Пѣхота наша туда-жъ пришла, сдѣлала привалъ и скоро двинулась впередъ. Между тѣмъ посланный старшина Миллеровъ (Миллеръ?), съ командою казаковъ для наблюденія непріятеля, нечаянно былъ атакованъ, опрокинутъ и прогнанъ, но къ счастію мало было убито. Польскія войска стояли въ срединѣ лѣса, на довольно просторной полянѣ, на небольшомъ возвышеніи. Графъ Денисовъ распорядился ихъ тутъ же атаковать, но поляки скорымъ маршемъ побѣжали по одной дорогѣ. Графъ Денисовъ, осмотрѣвъ все нужное и не упуская времени, приказалъ мнѣ съ казачьими полками зайти спереди, остановить и непремѣнно разбить и доставить къ нему полковника Добика.

«Видя себя въ такомъ затруднительномъ положеніи, я приказалъ маіору Грузинову, съ малою командою догнать непріятеля и стрѣльбою дѣлать сигналы, дабы я зналъ куда направленіе имѣть; пустился съ полками въ разсыпную бездорожно по лѣсу и, слѣдуя сигналамъ, на одной обширной полянѣ встрѣлся съ поляками, которые, увидя казаковъ, построились въ густую линію. Я казакамъ велѣлъ стать лавою и въ тотъ же моментъ ударить. Непріятель долго держался на мѣстѣ; подо мной лошадь пулею смертельно ранена и косиньеръ нѣсколько далъ ей ранъ въ грудь своимъ оружіемъ; три офицера и нѣсколько казаковъ, убитые и раненые, пали, но казаки отъ сего не оробѣли и силились прорваться въ средину. Наконецъ врѣзались, разорвали ряды, многихъ убили, остальные сдались, которыхъ нашлось болѣе семи сотъ. Кавалерія бѣжала, вслѣдъ за нею и начальникъ ихъ, полковникъ Добикъ, съ двумя или тремя рядовыми, и встрѣлся съ моими фланкерами, которые по казачьему называются крылышками. Хотя они не знали, что это полковникъ Добикъ, но, какъ не-

Библиотека "Руниверс"

пріятелю, отрѣзали ему путь, почему онъ и сдался имъ плѣннымъ и скоро ко мнѣ доставленъ.

«Я приказалъ храброму маіору Иловайскому взять малую команду казаковъ и, подъ ея охраною, доставить плѣнныхъ къ графу Денисову, а самъ пустился догонять конницу. При семъ скажу по сущей справедливости, только чтобъ поставить на видъ храбрость Донскихъ казаковъ: въ обоихъ полкахъ, Орловомъ и моемъ, было на лицо, подъ ружьемъ, съ чѣмъ-то 600 человѣкъ; непріятельской же пѣхоты было около 1,500 человѣкъ. Правда, что регулярной съ ружьями только третья часть, а другія съ пиками и косами, которые назывались пикіонеры и косиньеры, да отъ 300 до 400 конницы и 6 малыхъ пушекъ.[1]) Я гнался до ночи, и какъ стало темно, остановился при одной деревнѣ, гдѣ былъ непріятельскій магазинъ съ провіантомъ. Въ это время вся польская армія тянулась къ Варшавѣ въ самой близости отъ казаковъ. Несмотря на это, я всю ночь очищалъ магазинъ и отправилъ къ арміи провіантъ болѣе нежели на 400 подводахъ, собранныхъ у жителей окрестныхъ деревень. На третій день я присоединился къ арміи.

За всѣ эти дѣла я получилъ отъ Прусскаго короля орденъ Пуръ-ле-меритъ, но никто изъ моихъ подчиненныхъ не былъ награжденъ.

«Генералъ-поручикъ Ферзенъ преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля; прусскія войска гнались съ лѣвой стороны....

«22-го іюня при мѣстечкѣ Бѣлобрегѣ маіоръ Грузиновъ донесъ мнѣ, что въ сосѣднемъ лѣсу скрывается непріятель. Поручикъ Кармынинъ посланъ былъ осмотрѣть лѣсъ, а я, оставивъ Бѣлобреги вправо, перешелъ рѣку Пилицу и остановился въ виду непріятеля.

«Бывъ молодъ и окруженъ таковыми-жъ и моложе еще чиновниками, мы довольно забавлялись на счетъ непріятеля, и сдѣлали упущеніе. Не далѣе пяти верстъ отъ насъ стоялъ лагеремъ на полянѣ непріятельской корпусъ, въ числѣ 5,000, съ двухъ сторонъ примыкая къ лѣсу, къ которому и мы близки были, почему и наблюдали оный; но что непріятель, пройдя лѣсомъ, обойдетъ насъ и съ тылу нападетъ—о томъ не хотѣли и думать. Въ это-то время

[1]) Сраженіе на Липовомъ-полѣ происходило 15-го іюня 1794 г.

Библиотека "Руниверс"

раздались выстрѣлы въ тылу насъ по дорогѣ, по которой мы пришли. Оставя шутки, казаки бросились въ рѣку, и хотя вода переливалась черезъ спины лошадей, перебрались на другой берегъ благополучно. Непріятель въ густой колоннѣ стоялъ на улицѣ Бѣлобрега. Казаки ударили, смѣшали поляковъ, опрокинули и погнали; на площади наскакали (они) на 400 чел. конницы, но и тѣхъ прогнали изъ мѣстечка. Лѣсъ и песокъ не позволили продолжать наступленіе, такъ какъ по глубокому песку не могли прытко скакать; [1]) въ ту минуту, когда казаки врѣзались въ средину, увидалъ я, что одинъ моего полка пятидесятникъ въ большой опасности. Я полетѣлъ къ нему и, заскакавъ съ боку того, который уже его рубилъ палашомъ, ударилъ поляка саблею въ плечо; полагаю, что трафилъ въ бляху перевязи; мой клинокъ былъ лучшаго турецкаго желѣза, весьма крѣпкій, поэтому онъ и переломился; при эфесѣ остался небольшой кусокъ, а весь клинокъ полетѣлъ впередъ моего противника; полякъ, замѣтивъ это, остановилъ свою лошадь, круто повернулъ и взмахнулся уже рубануть меня; но я, предупреждая ударъ, сильнымъ взмахомъ пустилъ въ лицо ему остатокъ моей сабли, отчего онъ нѣсколько угнулся въ сторону, а я пустился въ другую. Въ замѣшательствѣ подскакалъ я подъ большое дерево, вѣтвью котораго былъ сброшенъ съ лошади. Тутъ подскакалъ ко мнѣ маіоръ Грузиновъ и спросилъ не раненъ-ли я?

«На пути отступленія поляки наткнулись на засаду Кармынина и были почти всѣ либо перебиты, либо раненые взяты въ плѣнъ.

«Казаки опять перешли р. Пилицу и стали на прежнемъ мѣстѣ, сохраняя осторожность: во время стоянки представился мнѣ случай не забывать, что въ военное время слѣдовать правиламъ добродѣтели не всегда годится: въ два часа дня жители ближайшаго селенія со слезами просили у меня позволенія выгнать скотъ за пикеты, въ поле, чего имъ не позволялось въ прошедшихъ суткахъ и даже людямъ куда-либо отлучаться, дабы ими непріятелю, какъ одноземцамъ, не было объяснено о числѣ насъ. Полагая, что чрезъ сіе не можетъ быть зла, я согласился на просьбу крестьянъ, къ чему и другіе начальники не находили

[1]) 22-го іюня при Бѣлобрегахъ 1794 г.

Библиотека "Руниверс"

препятствія. Вдругъ на многихъ пикетахъ раздались выстрѣлы. Я послалъ съ резервомъ храбраго Иловайскаго узнать въ чемъ дѣло, а самъ остался на мѣстѣ, дабы не впасть въ другую стратагему (военная хитрость). Иловайской, подкрѣпленный охотниками, наткнулся въ пять разъ на сильнѣйшаго противъ себя непріятеля, опрокинулъ его, гналъ версты двѣ и захватилъ плѣнныхъ.[1]) Оказалось, что поляки, увидя скотъ, провели чрезъ лѣсъ 300 человѣкъ конницы, которые слѣзли съ лошадей, смѣшались со скотомъ и, нагнувъ головы, шли, сгустили скотъ и такъ себя скрыли, что скотъ хотя шелъ какъ бы къ водопою, близь пикетныхъ, но не всѣ умѣли просмотрѣть; первый, который увидѣлъ, далъ сигналъ выстрѣломъ; еще тогда и другіе замѣтили. И единое счастіе насъ спасло, что польская пѣхота не подоспѣла, хотя была послана и уже сближалась, но, видя пораженіе своихъ, воротилась.

На другой день непріятель потянулся на мѣстечко Гуры, по дорогѣ къ Варшавѣ. Я, соединясь съ полкомъ Янова, нагналъ поляковъ 27-го іюня. Здѣсь непріятель раздѣлился: часть направилась на Варшаву, другая—перешла Вислу. Казаки заняли Гуры и Песочное.[2]) Вскорѣ прибыли Ферзенъ съ русскими и король прусскій съ своими войсками. Ферзенъ сталъ лагеремъ у самаго города, занявъ казачьими пикетами пространство отъ Вислы; лѣвѣе расположились пруссаки, оставя между русскими большой интервалъ, такъ что одни другихъ не могли видѣть. Поляки стояли подъ самыми стѣнами города и укрѣпились шанцами. Между шанцами и линіею пикетовъ пасся скотъ въ довольно большомъ количествѣ и безъ должнаго прикрытія. По приказанію Денисова, нѣсколько офицеровъ, «казачьимъ манеромъ»,[3]) подкрались къ стаду и захватили болѣе 200 головъ.

«Іюля 2 и 10-го (1794 г.) происходили «небольшія шармицы» (маневры) съ одними казаками; въ послѣдній изъ этихъ дней поляки, въ числѣ 2,000 конницы, обозрѣвали союзный лагерь, и когда часть ихъ, около 300 человѣкъ, отдѣлилась, заняла одно возвышеніе и наблюдала съ него союзниковъ въ зрительныя

---

[1]) 23-го іюня у Просиной.

[2]) 27-го, 28-го и 29-го іюня 1794 г. были стычки при Гурахъ, на Голковскомъ полѣ и при Песочномъ. **Ред.**

[3]) Въ подлинникѣ: «козьимъ манеромъ», вѣроятно описка. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

трубки, я напалъ на поляковъ, многихъ казаки положили на мѣстѣ и до сорока непріятелей взяли въ плѣнъ. Когда подоспѣла къ намъ кавалерія съ генераломъ Тормасовымъ, то все дѣло уже было кончено. Тормасовъ благодарилъ меня и, уѣзжая, сказалъ:

— «Береги свою голову болѣе, нежели какъ донынѣ берегъ».

«Когда парламентеръ просилъ позволенія взять тѣла убитыхъ и похоронить, то Ферзенъ послалъ его ко мнѣ, сказавъ: «это сдѣлалъ Денисовъ и въ его волѣ состоитъ дать тѣла, или нѣтъ».

«Я позволилъ и непріятель исполнилъ свою обязанность съ совершенною тихостью.

«Іюля 20-го (1794 г.) непріятельская кавалерія сдѣлала нападеніе на только что устроенную русскими и еще невооруженную батарею, но была прогнана. Въ пылу преслѣдованія моя лошадь, до того послушная, сдѣлалась неудержимою, неповоротною и совершенно непослушною; она понесла меня прямо въ непріятельскую сторону. Будучи въ смѣшанномъ (смущенномъ ?) положеніи, вижу, что одинъ непріятельскій всадникъ скачетъ прямо на меня. Я рѣшился съ нимъ сразиться и, съ бодрымъ духомъ пустилъ мою лошадь свободно скакать, держа саблю въ готовности. Слетѣлись. Непріятель оробѣлъ, поворотилъ въ сторону; моя лошадь приняла прямо за нимъ. Я хотѣлъ его рубнуть, но полякъ, положа пистолетъ подъ мышку, выстрѣлилъ и ранилъ меня выше локтя, больно, въ лѣвую руку. Я уронилъ повода; лошадь моя подскакала къ нему. Я ранилъ его саблею, отчего онъ, согнувшись, понесся въ сторону, а моя — продолжала скакать прямо. Тутъ я, осмотрѣвшись, замѣтилъ, что кость руки не повреждена и имѣетъ свою силу; взялъ повода, но никакъ не могъ удержать и поворотить лошадь. Прискакалъ я къ тремъ или четыремъ непріятельскимъ эскадронамъ. Я сильно испужался, такъ что видимые предметы едва могъ различать; слышалъ какой-то шумъ, ружейные выстрѣлы и даже послышался свистъ пуль. Очнувшись, я увидѣлъ себя среди непріятельскаго каре, рѣшился сдаться и уже вынималъ правую ногу изъ стремени, дабы соскочить съ лошади, полагая, что пѣшаго не будутъ рубить; но въ этотъ самый моментъ весьма знакомый шляхтичъ Шымановскій, съ которымъ я въ мирное время довольно часто водился въ компаніяхъ, бывалъ съ нимъ на охотѣ, и который прежде

Библиотека "Руниверс"

иногда у меня ночевывалъ, выскакиваетъ изъ рядовъ и начинаетъ бранить меня самыми грубыми словами.

«Симъ столько я ободрился, что съ бодростію закричалъ, чтобы онъ съ подобными словами выѣхалъ ко мнѣ и раздѣлался. Въ сей же моментъ слышу многихъ голоса, безпрестанно повторяемые:

— «Батюшка! Не бойся! мы здѣсь!»

«Я оглянулся въ ту сторону, откуда слышались эти крики, и увидавъ, что непріятель сдѣлалъ въ фасѣ каре большой интервалъ, круто поворотилъ мою лошадь, далъ ей шпоры, полетѣлъ и тутъ же былъ встрѣченъ полку моего до двадцати человѣкъ казаками, съ которыми поскакалъ во всѣ ноги и прямо на нашу бывшую въ атакѣ батарею. Но она встрѣтила насъ картечью, сочтя насъ за поляковъ; къ счастью, картечь пронеслась высоко и никого не убила, и не ранила. Я, скинувъ шапку, сталъ махать и кричать: «свои! свои!» и тѣмъ спасся отъ другаго выстрѣла, который хотѣли уже по насъ пустить.

«Въ тотъ моментъ, когда я выскочилъ изъ каре, поляки также осыпали насъ пулями, но видно Всевышнему было такъ угодно, что никто изъ казаковъ и ни одна даже лошадь не были ранены.

«Избавившись отъ бѣдствія, я увидалъ, что вся передовая цѣпь наша прогнана; оставшись впереди, (я) приказалъ оную ставить и послалъ за лекаремъ перевязать и осмотрѣть мою рану, изъ которой текла кровь.

«При перевязкѣ раны пожаловалъ ко мнѣ наслѣдникъ прусскаго престола, что нынѣ (1822 г.?) королемъ, съ братомъ своимъ, и оба изъявили мнѣ милостивое привѣтствіе.

«При семъ за долгъ и обязанность поставляю сказать о виновникѣ моего избавленія: храбрый полка моего маіоръ Грузиновъ, прискакавъ съ полкомъ на мѣсто сраженія и не найдя меня, беретъ человѣкъ до двадцати казаковъ, скачетъ къ непріятелю, видитъ, что въ отдѣльной части польскихъ войскъ какое-то непонятное ему движеніе, полагаетъ, что я тамъ терплю бѣдствіе, летитъ, несмотря на малое число съ нимъ находящихся казаковъ, прямо на непріятеля. Поляки, какъ думать надо, сдѣлали интервалъ въ одномъ изъ фасовъ каре, презирая горсть несшихся на нихъ съ Грузиновымъ казаковъ. Грузиновъ, угадавъ,

Библиотека "Руниверс"

что я въ срединѣ каре, закричалъ: «батюшка! не бойся! мы здѣсь!» Казаки подхватили этотъ крикъ и, повторяя его, летѣли во всѣ ноги ко мнѣ.

«За спасеніе меня, при всякомъ воспоминаніи о семъ, благодарить Грузинова по гробъ не престану».

VIII.

Прусскія войска отдѣляются отъ русскихъ.—Ферзенъ.—Переправа на правый берегъ Вислы.—Сраженіе при Маціовицахъ.—Плѣнъ Костюшки.

1794 г.

Августа 6-го и 7-го происходили стычки съ непріятельскими передовыми постами Въ это же время поляки напали на стоявшаго съ войсками отдѣльно графа Денисова, но были отбиты съ урономъ. «Узнавъ объ этой стычкѣ», я поскакалъ узнать о его (графа Денисова) здоровьи. Проскакивая мѣсто сраженія, нарочито, дабы видѣть: не нужна-ли моя помощь знакомымъ,—вижу тѣла многихъ и одного въ очень тонкой рубахѣ. Слѣзаю съ коня, разсматриваю и нахожу сходство съ однимъ (знакомымъ), Петровскимъ. Въ то же время замѣтилъ я, что онъ вѣкомъ одного глаза шевельнулъ; ощупываю все тѣло, нахожу другой признакъ жизни и отправляю раненаго къ знакомому лекарю, по фамиліи Вальфингъ. Пробывъ у графа Денисова часа четыре, возвращаюсь къ своему мѣсту и нахожу моего покойника, хотя безъ памяти и зрѣнія, но сидящаго, котораго въ то время Вальфингъ (или Фальфингъ) натиралъ спиртомъ и потомъ отпустилъ его совершенно здоровымъ.

«Затѣмъ нечаянно (т. е. неожиданно) Прусскій король съ войсками принужденъ былъ оставить Варшаву и поспѣшно пошелъ внутрь Пруссіи. Нашъ корпусъ, какъ уже не могъ одинъ оставаться, потянулся въ верхъ по рѣкѣ Вислѣ, на мѣстечко Гуры и далѣе.

«Я съ казачьими полками, сентября 6-го числа, пройдя мѣстечко Гуры, послалъ маіора Василья Темирова и маіора Петра Грекова съ командою изъ 150-ти казаковъ для развѣдокъ.... Подходя къ Гурамъ, они увидѣли небольшой отрядъ конныхъ, (поэтому) спрятали небольшую часть своихъ въ лѣсу и какъ бы неосторожно съ остальными шли впередъ. Непріятель, видя казаковъ

Библиотека "Руниверс"

въ маломъ числѣ, кинулся на нихъ опрометью, а казаки и побѣжали, но когда достигли до засады остановились, ударили храбро; казаки, бывшіе въ лѣсу, тожъ и въ тотъ же моментъ произвели; поляки испугались, побѣжали и почти всѣ были побиты.

«Казаки, въ то-жъ время посланные осмотрѣть близь лежащій лѣсъ, увидали пѣхоту, извѣстили (о томъ) своихъ начальниковъ, которые, отдѣля нѣсколько малыхъ командъ, приказали тотъ лѣсъ обскакать и потребовать сдачи той пѣхоты, на что оная и согласилась, въ числѣ до 200 человѣкъ, которые и были ко мнѣ доставлены.

«Ферзенъ рѣшился при одномъ большомъ лѣсѣ переправиться на другую сторону Вислы, на которой находились непріятельскія войска и батареи; приказано—строить плоты и батареи. Послѣ канонадъ съ обѣихъ сторонъ, два казачьи полка храбраго маіора Ивана Карпова и Серебрякова получили повелѣніе переправиться чрезъ Вислу, прямо на непріятельскія батареи. Казаки сняли съ себя мундиры, сѣдла съ лошадей и съ одними дротиками въ рукахъ, съ военными кликами, вылетѣли изъ лѣсу и ринулись въ Вислу. Поляки такъ оробѣли отъ сего, что оставили всѣ пункты и бѣжали.

«Весь нашъ корпусъ переправился безъ малѣйшаго препятствія. 28-го сентября я былъ посланъ осмотрѣть непріятельскій лагерь и дороги, къ нему лежащія. Отобравъ изъ двухъ полковъ человѣкъ до 200 казаковъ, пришелъ къ главному пикету; нашелъ на ономъ полковаго командира Попова, больнаго лихорадкою и въ сильномъ пароксизмѣ озноба. Разсказалъ (я) ему, что мнѣ велѣно сдѣлать, и приказалъ, чтобъ онъ остался, но далъ бы мнѣ 50 казаковъ съ лучшими офицерами и въ особенности знающими дороги къ непріятельскому лагерю.

«Поповъ рѣшительно отвѣчалъ, что онъ, несмотря на болѣзнь, самъ идетъ и никакъ не хотѣлъ остаться. Я принужденъ былъ согласиться. Условясь что дѣлать, ежели одинъ изъ насъ встрѣтится съ непріятелемъ и сразится, и что, въ такомъ случаѣ, должно предпринимать другому,—пошли мы по двумъ дорогамъ чрезъ большой лѣсъ. Скоро послѣ сего слышу я въ той сторонѣ, гдѣ долженъ быть маіоръ Поповъ, выстрѣлы изъ ружей и военные клики; приказываю своимъ кричать: «ура!» и скачу съ резервомъ. Выбѣгаемъ на большую поляну и видимъ, что маіоръ По-

Библиотека "Руниверс"

повъ гонитъ и бьетъ втрое сильнѣйшаго, противу его команды, непріятеля и это въ глазахъ большаго корпуса поляковъ.

«Я приказалъ Попову съ поспѣшеніемъ отступить; осмотрѣлъ, сколько могъ, мѣстоположеніе лагеря, и немедля возвратился. Плѣнныхъ было взято Поповымъ до 70-ти человѣкъ.

«Я счелъ необходимымъ подробно разсказать объ этомъ дѣлѣ, дабы показать что̀ можетъ сдѣлать такой храбрый и рѣшительный человѣкъ, какимъ былъ маіоръ Поповъ. Страдая сильнѣйшею лихорадкою, онъ отправился по знакомой (не знакомой?) ему дорогѣ, и былъ столь неосторожень, что не имѣлъ фланкеровъ. Непріятель, замѣтя движеніе казаковъ, поставилъ значительную команду въ засаду. Поповъ уже ровнялся съ нею; поляки лишь выжидали, когда онъ пройдетъ мимо нихъ, какъ вдругъ одинъ казакъ, случайно своротивъ въ сторону, замѣтилъ засаду и полетѣлъ съ извѣстіемъ о томъ къ своему начальнику.

«Поповъ, не останавливаясь и не разсматривая какъ силенъ непріятель, указываетъ лишь мѣсто его нахожденія и съ крикомъ: «впередъ!» летитъ на непріятеля. Казаки съ военнымъ крикомъ стремятся за нимъ. Поляки въ недоумѣніи: ошибкою-ли зашли казаки или съ намѣреніемъ? но и команда, которая шла недалеко въ боку, производитъ также клики. Непріятель почелъ, что его окружаютъ, испугался и побѣжалъ.

«Я возвратился въ корпусъ, донесъ о всемъ и представилъ плѣнныхъ.

«29-го сентября, т. е. на другой день, весь нашъ корпусъ двинулся, на утренней зарѣ, по двумъ дорогамъ: г. Ферзенъ на лѣво отъ Вислы—съ одними регулярными войсками, а графъ Денисовъ—съ регулярными же и со всѣми Донскими полками, бывшими подъ моею командою, а именно полки: Орлова (которымъ тогда командовалъ маіоръ Серебряковъ); полкъ маіора Лащилина; состоящій въ командѣ Попова полкъ Янова; полкъ маіора Денисова и мой полкъ. Войска шли по дорогѣ. мною наканунѣ осмотрѣнной. Мнѣ съ полками казачьими велѣно идти впередъ.

«Пройдя лѣсъ и еще разъ осмотря мѣстоположеніе, я поставилъ два или три полка, какіе именно — не помню, скрытно въ лѣсу, а съ остальными вышелъ на поляну, откуда былъ видѣнъ весь непріятельскій лагерь.

«Тутъ я получилъ приказаніе достать плѣнныхъ, дабы узнать

Библиотека "Руниверс"

не случилось-ли у непріятеля ночью какой-либо перемѣны; посему послалъ я двухъ или трехъ полка моего (офицеровъ) съ командою казаковъ ударить на польскіе ближайшіе пикеты; они схватились, въ глазахъ моихъ, но поляки подоспѣли съ другихъ пикетовъ и упорно стояли; дрались, не уступая мѣста. Я подскакалъ къ своимъ; вижу одного казака въ опасности: подъ нимъ убита лошадь. Приказавъ его спасать, я воротился и, проскакавъ нѣсколько, поѣхалъ тихо, шагомъ; глядѣлъ на главнаго непріятеля и, составляя разные планы (предположенія), замыслился; а разославъ своихъ ординарцевъ съ разными повелѣніями, остался одинъ и незамѣтно приблизился къ малому лѣсу.

«Вдругъ, совершенно неожиданно, наскакалъ на меня спереду польскій всадникъ и, взмахнувъ на меня саблю, готовъ былъ меня срубить. Къ моему счастію, въ рукѣ у меня была обнаженная сабля—я отбилъ ударъ, но не успѣлъ врага ранить; онъ вновь взмахнулъ на меня саблю, и снова удалось мнѣ отбить ударъ. Въ эту минуту наскакиваетъ на меня другой польской кавалеристъ, также спереди, но съ другой стороны моей лошади, и оба силятся убить меня палашами. Я отбиваю ихъ удары и вижу, что Василій Варламовъ, юноша лѣтъ 19-ти,—Качалинской станицы, полка моего казакъ,—подскакалъ къ одному изъ моихъ героевъ (враговъ?) сзади, нацѣлился въ него дротикомъ, но не бьетъ. Я закричалъ ему: «бей!» и тогда только Варламовъ сильно ударилъ поляка; другой готовъ былъ въ эту минуту меня рубнуть, но, увидавъ товарища сильно раненымъ, смѣшался и тѣмъ далъ мнѣ случай ранить его саблею въ лицо, отчего, скривя голову, онъ поскакалъ къ своимъ, а другой также бросился назадъ, но саженяхъ въ десяти упалъ съ лошади; а я съ Варламовымъ поскакали къ своимъ полкамъ. При этомъ объясню, почему Варламовъ медлилъ бить врага: 16-ти лѣтъ отданъ онъ былъ мнѣ на службу, дабы заранѣе пріобыкъ къ перенесенію военныхъ трудовъ, и состоялъ онъ при мнѣ для посыловъ. Нѣсколько разъ Варламовъ оказывалъ свою отважность, но рѣдко отпускалъ я его въ бой; теперь же, увидавъ меня въ опасности, онъ оторопѣлъ, смѣшался до того, что не нашелся что дѣлать, пока я его не ободрилъ.

«Прискакавъ къ полкамъ, я увидалъ, что казаковъ, которые пытались-было схватить хотя бы одного въ плѣнъ, гонятъ во всѣ ноги и вся польская кавалерія рысью идетъ на насъ.

Библиотека "Руниверс"

«Полки казачьи стояли лавою, а другіе съ двухъ сторонъ во флангахъ—въ засадѣ. Непріятель не подъѣхалъ въ должную дистанцію и довольно далеко пустился въ атаку; при мнѣ бывшіе полки отвѣчали тѣмъ же, закричали: «ги! ги!»,—какъ у Донскихъ сіе въ употребленіи,—и пустились во всѣ ноги. Тутъ выскакиваютъ въ засадѣ бывшіе съ такими же кликами. Поляки такъ отъ сего оробѣли, что въ минуту обратились въ бѣгство и только тѣ были убиты и взяты въ плѣнъ, которыхъ догнали. Плѣнныхъ оказалось не болѣе 50-ти, да и убитыхъ было мало; а раненыхъ, которые успѣли, по близкому разстоянію, въ свою армію ускакать, полагать надо, было много.

«Скоро за симъ графъ Денисовъ пріѣхалъ со многими чиновниками ко мнѣ, а вслѣдъ за нимъ спѣшно пришли регулярные наши полки и установились въ ордеръ-баталію. Артиллеріи велѣно было зажечь деревню, къ которой лѣвый непріятельскій флангъ примыкалъ. Канонада съ обѣихъ сторонъ была сильная. Я приказалъ казакамъ съ противной стороны заскакать и зажигать дома, которые и запылали въ разныхъ мѣстахъ. Мнѣ приказано—посланныхъ въ лѣсъ, съ праваго непріятельскаго фланга находящійся, егерей нашихъ прикрыть сзади однимъ казачьимъ полкомъ и наблюдать дѣйствія нашихъ и непріятеля. Егеря наши храбро шли, въ разсыпную, впередъ; но поляки были сильнѣе, почему наши егеря скоро до половины побиты, о чемъ я донесъ и просилъ подкрѣпленія. Прислали двѣ или три роты мушкатеровъ, подъ командою одного маіора, которому показалъ я мѣсто, и велѣлъ спѣшить. Маіоръ былъ на лошади и ѣхалъ впереди. Вдругъ падаетъ передъ нимъ бомба: пѣхота легла, но маіоръ не успѣлъ сего сдѣлать; бомба взрывается—и маіоръ, и лошадь отброшены въ разныя стороны, порознь, но остались невредимы. Тутъ прискакалъ ко мнѣ графъ Денисовъ, остановилъ всѣхъ при немъ бывшихъ, велѣлъ мнѣ быть при немъ, поѣхалъ прямо къ непріятелю и сталъ весьма въ близкой дистанціи, разсматривая весь строй его. Вдругъ выпалили по насъ изъ пушки картечью, которая съ визгомъ пролетѣла выше нашихъ головъ. Я отъѣхалъ отъ графа нѣсколько въ сторону, полагая, что по одному не будутъ тратить зарядовъ, но скоро повторили то-жъ и картечь пролетѣла ближе къ графу. Тогда я его убѣдительно просилъ, чтобъ (онъ) отъѣхалъ и что цѣлятъ въ него съ намѣреніемъ.

Библиотека "Руниверс"

— «Ежели трусишь, поѣзжай прочь!» отвѣчалъ графъ.

«Я подался впередъ, но въ сторону. Тутъ выстрѣлили еще картечью и у лошади подъ графомъ Денисовымъ перебили заднюю ногу; лошадь упала всѣмъ задомъ, но на переднихъ ногахъ еще держалась. Графъ спокойно сошелъ съ нея, пошелъ прочь хромая, а я, испугавшись, соскочилъ съ своей лошади, подбѣжалъ къ нему, и убѣдительно просилъ, дабы онъ сѣлъ на моего коня, но онъ на сіе не согласился. Адъютанты и другіе чиновники прискакали къ нему и привели заводскую его лошадь, на которой онъ и поскакалъ къ центру войскъ своихъ.

«Въ это время, и какъ припамятываю, нѣсколько прежде, генералъ Ферзенъ также сражался въ прямой линіи сзади тѣхъ польскихъ войскъ, съ которыми мы сражались, и штурмовалъ укрѣпленныя мѣста, что̀ намъ было слышно по звукамъ выстрѣловъ, но не было видно. Графъ Денисовъ, близь того мѣста, гдѣ убита у него лошадь, поставилъ пѣхоту и двинулъ всю линію нѣсколько впередъ. Польская конница не смѣла показаться: она стояла за сгорѣвшею деревнею, въ лѣвомъ своихъ войскъ флангѣ. Скоро наша пѣхота еще нѣсколько подвинулась впередъ. Въ сію минуту польской пѣхоты бо̀льшая часть, и гораздо въ превосходномъ числѣ противъ нашей, двинулась бодро, скорымъ маршемъ, фронтомъ на нашу. Громъ пушекъ, пальба ружей, военные клики заглушали всѣхъ; наша пѣхота стояла твердо, но оную могли непріятельскіе фланги обойти. Усматривая сіе, двинулъ я мой и маіора Денисова, близкаго мнѣ родственника, полки впередъ и атаковалъ непріятельскую пѣхоту въ правой флангъ. Конный егерьскій полкъ,—котораго, помнится, полковой командиръ былъ по фамиліи Вульфъ, старо-посѣдѣвшій герой,—въ это время летѣлъ съ полкомъ на лѣвый непріятельскій флангъ; егеря и казаки, какъ-бы соревнуя другъ другу, съ быстротою и мужествомъ врѣзались въ непріятельскіе ряды и всѣхъ убивали. Поляки до послѣдняго держались на мѣстѣ и почти всѣ пали мертвыми. При этомъ долженъ сказать я въ честь ихъ канониров, которые, бывъ въ серединѣ нашихъ казаковъ и конныхъ егерей, безъ прикрытія, еще оборачивали въ разныя стороны пушки свои и дѣйствовали.

«По истребленіи сей непріятельской пѣхоты, правой ихъ флангъ продолжалъ стоять стройно и мужественно; артиллерія дѣйство-

Библиотека "Руниверс"

вала, а конница, за сказанною сгорѣвшею, но еще дымящеюся деревнею, въ смѣшанномъ и разстроенномъ положеніи находилась. Генералъ Ферзенъ, въ лучшемъ устройствѣ, шелъ съ тылу сихъ остатковъ, и уже былъ на ружейный выстрѣлъ.

«Въ сіе самое время указали мнѣ казаки—какъ одинъ всадникъ, видно изъ знатныхъ особъ, въ полномъ національномъ одѣяніи, на прекрасной бурой лошади, между конныхъ егерей и казаковъ рысью проѣзжалъ къ остальной своей пѣхотѣ; подъѣхавъ, что-то показалъ палашомъ и, поворотя лошадь назадъ, во всѣ ноги поскакалъ. Его прежде многіе уже замѣтили и пустились въ отрѣзъ и догонку, но онъ ранилъ нѣсколько ему встрѣтившихся и, доскакавъ до конницы своей, остался живъ.

«Въ правой флангъ оставшейся непріятельской пѣхоты, чрезъ болото, покрытое большимъ лѣсомъ, выходятъ Смоленскаго драгунскаго полку нѣсколько построенныхъ въ колонну эскадроновъ и, въ минуту пустились въ атаку на пѣхоту, сломили и всѣхъ безъ остатка изрубили. Тогда всѣ непріятельскіе остатки побѣжали безъ оглядки.

«Я приказалъ храброму маіору Карпову и другимъ чиновникамъ—сколь можно скорѣй и болѣе собрать разсѣянныхъ казаковъ, оставляя взятыя ими пушки, изъ которыхъ мнѣ было представлено три, да двѣ въ сторонѣ завязли въ болотѣ. По собраніи сотъ до четырехъ казаковъ, поскакали мы искать начальника поляковъ, Костюшку.

«Проѣхавъ верстъ семь или до десяти, догнали мы многія толпы бѣглецовъ, обезоруживая ихъ и, приставляя къ нимъ по два, по четыре казака для ихъ охраны, возвращали эти толпы, а сами, не останавливаясь, скакали впередъ.

«Проѣхавъ одно селеніе, я увидѣлъ, что поляки бѣгутъ врозь, по тремъ направленіямъ; поэтому счелъ я за лучшее раздѣлить казаковъ также на три части. Остановясь, приказалъ я такимъ образомъ: Карпову гнать прямою дорогою, по которой онъ самъ просилъ его послать, причемъ велѣлъ ему и казаковъ взять побольше; маіору Нечаеву (моего полка) съ остальными принять вправо, подтвердивъ ему, чтобы онъ, пока не увидитъ самой крайней опасности, гналъ бы до темной ночи или до взятія Костюшки, а безъ того, чтобы онъ, Нечаевъ, не возвращался; наконецъ, чтобы меня, чрезъ партіи, искали ночью въ

Библиотека "Руниверс"

лѣвой сторонѣ къ Вислѣ. Они пустились въ погоню, а я остался въ ожиданіи прибытія казаковъ, такъ какъ у меня ихъ было уже весьма немного.

Вскорѣ нѣсколько офицеровъ съ казаками подоспѣли ко мнѣ, и я поскакалъ съ ними влѣво.

«Проѣхали версты три, или около того; вдругъ сказываютъ мнѣ, что со стороны одинъ казакъ скачетъ ко мнѣ, что-то кричитъ и машетъ шапкой. Я увидѣлъ его, остановилъ команду и подскакалъ къ нему; казакъ донесъ, что они поймали начальника, Костюшку.

«Будучи обрадованъ симъ, приказалъ я моей командѣ спѣшить ко мнѣ, пустился во всѣ ноги къ мѣсту, гдѣ его казакъ показывалъ. Прискакавъ, вижу нѣсколько убитыхъ поляковъ: казакъ указываетъ на одного, что долженъ быть онъ. Я сошелъ съ лошади и зачалъ разсматривать его, но не могъ узнать, хотя нѣсколько и зналъ Костюшку. Онъ былъ живъ, но столь блѣденъ, что болѣе на мертвеца походилъ: голова была вся въ крови, ноги безъ сапогъ, одѣтъ въ кафтанѣ со многими вязаными пуговками, въ атласномъ жилетѣ и панталонахъ. Я вспомнилъ, что при мнѣ былъ гравированный его портретъ для подобныхъ случаевъ: вынимаю, сличаю и, нахожу большое сходство. Во все то время онъ ни слова не сказалъ. Я замѣтилъ, что такъ какъ онъ лежалъ на голой землѣ, то очень озябъ, а потому приказалъ постлать нѣсколько казачьихъ плащей, положить его на оные и прикрыть такимъ же числомъ. Когда все сіе было сдѣлано, то зачалъ онъ метаться, какъ-бы умиралъ; но его вырвало, отчего сдѣлался цвѣтъ лица тотчасъ лучше, и онъ проглянулъ.

«Я его спросилъ: «не хочетъ-ли онъ чего?» на что отвѣчалъ спокойно, что «ничего».

«Тогда я ему сказалъ, что (я) его знаю и что великому человѣку готовъ сдѣлать всякую помощь.

«Онъ отвѣчалъ, что онъ также меня знаетъ, что я — полковникъ Денисовъ, и сказалъ еще нѣсколько словъ.

«Хотя я его и спросилъ, полагая, что онъ скоро умретъ, о нѣкоторыхъ важныхъ предметахъ, но онъ не отвѣчалъ.

«Перевязавъ ему галстуками и платками раны, которыхъ онъ имѣлъ еще двѣ или три въ спинѣ дротиками, послалъ я за казаками (поскакавшими впередъ), чтобъ воротились; затѣмъ приказалъ

Библиотека "Руниверс"

прибывшему съ остальными казаками, маіору Денисову, сдѣлать на дротикахъ носилки и отвесть раненаго Костюшку, съ приличнымъ конвоемъ; а самъ занялся собраніемъ казаковъ и расположеніемъ ихъ по полкамъ. Въ это же время получилъ я донесеніе, что не весьма далеко отъ мѣста моего нахожденія большой польской отрядъ съ артиллеріей впереди, но торопливо бѣжитъ по дорогѣ къ Варшавѣ. Между тѣмъ носилки были готовы, на которые положили Костюшку; нѣсколько казаковъ пѣшихъ понесли его подъ прикрытіемъ маіора Денисова.

«Собравъ сколь было возможно больше казаковъ, пошелъ я искать помянутый польскій отрядъ; между тѣмъ разныя команды подходили ко мнѣ. Передовые, въ особенности же Карповъ и Нечаевъ, донесли мнѣ, что отыскиваемый мною отрядъ точно былъ близко, но, не бывъ въ сраженіи, давно и въ порядкѣ ушелъ, и что они во время погони видѣли его недалеко. Вслѣдствіе этого я воротился и уже ночью присоединился къ корпусу. Созвалъ командировъ Донскихъ полковъ, указалъ, какъ должно поставить передовую стражу и, отпустивъ ихъ, легъ отдохнуть.

«Явясь на другой день съ донесеніемъ обо всемъ къ графу Денисову и къ генералу Ферзену, я былъ весьма огорченъ, что первой,—какъ было примѣтно,—занимаясь чѣмъ-то важнымъ, мало что у меня спросилъ и отошелъ не сдѣлавъ мнѣ и малѣйшаго привѣта; а другой, т. е. Ферзенъ, хотя и былъ свободенъ, но обошелся со мной примѣтно холодно и, вообще, совершенно ко мнѣ перемѣнился.

«Я былъ всегда совершенно удаленъ отъ интриги; политики не придерживался и не любилъ ее; должность мою съ искреннимъ усердіемъ выполнялъ. Дѣла мои шли хорошо, а самое лучшее то, что непріятели столько меня уважали, что ежели я атакую ихъ казаками, и они о семъ узнаютъ, то за лучшее считали, изъ почтенія, бѣжать.

«По симъ-то соображеніямъ, пренебрегая несправедливое графа Денисова и генерала Ферзена ко мнѣ отношеніе, я не занялся вопросомъ: отчего сіе произошло, а за лучшее счелъ ѣхать къ своему посту отдохнуть, въ чемъ имѣлъ большую нужду.

«Разскажу благосклонному читателю, по сущей справедливости, по строгому розысканію, мною произведенному, и по точнымъ до-

Библиотека "Руниверс"

казательствамъ отъ бывшихъ при томъ казаковъ собраннымъ, о томъ — какъ взятъ польской начальникъ Костюшко.

«Многимъ вѣрно вѣдомо, что въ Польшѣ всѣ почти дороги отъ полей огорожены весьма слабою загорожею. Дорога, по которой Костюшко съ малымъ числомъ къ нему приверженныхъ бѣжалъ, также была отгорожена. Дорога при выѣздѣ изъ селенія, гдѣ я расположилъ послать казаковъ въ три отдѣленія, пересѣкалась поперешною дорогою-жъ, гдѣ городьба имѣла уголъ на изрядную дистанцію, давно предъ тѣмъ, вѣрно по слабости огорожи и небреженіемъ изломанная. Нѣсколько казаковъ, безъ офицеровъ, видя ихъ и угадывая по изрядству лошадей, что это господа и что съ ними есть деньги и богатыя вещи, погнались и уже были близко. Костюшко, засмотрѣлся-ли, или съ намѣреніемъ сшибся съ дороги, взялъ влѣво и скакалъ за пряслами близь дороги, самъ-четвертъ только, ибо другіе скакали по дорогѣ. Казаки, не зная что тутъ польскій начальникъ, раздѣлясь по своей волѣ и случайно по одному,—одни догоняли непріятеля по дорогѣ, а другіе погнались за тѣми, гдѣ былъ Костюшко, и нагнали его на болотистомъ мѣстѣ, гдѣ тотчасъ бывшаго при немъ маіора и одного рядоваго убили. Третій, въ замѣшательствѣ, успѣлъ, бросившись съ лошади, притвориться мертвымъ; но, по приверженности къ начальнику, иногда поглядывалъ на него. Костюшко бросился въ болото, подъ нимъ лошадь увязла и билась, что онъ видя, соскакиваетъ съ оной. Тутъ казакъ досталъ его дротикомъ, два раза ранилъ и приказалъ возвратиться къ нему. Лошадь безъ сѣдока, сдѣлавъ нѣсколько усилій, вырвавъ повода изъ болота выскочила и ушла. Тогда Костюшко отдался въ волю казаковъ. Они его вывели изъ болота и зачали обирать; а онъ и самъ имъ подалъ кошелекъ съ небольшимъ числомъ червонныхъ и часы, не сказывая, кто онъ. Въ самое это время прискакалъ къ нимъ вахмистръ коннаго нашего (егерскаго?) полка и при видѣ, что между казаками стоитъ польскій офицеръ, ударилъ его въ голову палашомъ, отчего въ ту же минуту Костюшко за-мертво упалъ. Тотъ же полякъ, о которомъ я выше сказалъ что притворился убитымъ, лежалъ и надзиралъ за нимъ. Видя сіе и забывая свою опасность, вскакиваетъ, кричитъ, чтобъ не убивали, что это начальникъ. Всѣ отъ сего испужались и вахмистръ поскакалъ первый назадъ; казаки сдѣлали то-жъ; но одинъ старый и опытный казакъ ви-

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ куда я поскакалъ съ командою, и поспѣшилъ меня догнать.

«Вотъ точная исторія, какъ Костюшко взятъ, которую я безъ малѣйшей посторонней матеріи описываю; и ежели бы не случился тутъ одинъ изъ живыхъ поляковъ, то Костюшко можетъ (быть) и умеръ бы, не бывъ познанъ. Вынутый изъ кармана у него пистолетъ и донынѣ (1822 г.?) у меня находится.

«Всѣ чиновники нашего корпуса за сіе дѣло были награждены; но не знаю почему я и благодарности не получилъ отъ моихъ начальниковъ. Уже впослѣдствіи узналъ я, что причиною тому было то, что дядя мой, графъ Денисовъ, сильно поссорился съ генераломъ Ферзеномъ.

«О Ферзенѣ я былъ наслышанъ какъ о само-справедливѣйшей особѣ, и въ началѣ поступленія моего въ его команду, видѣлъ надъ собой сіи знаки, а посему и не смѣю сдѣлать точное заключеніе, почему это случилось. А я и нечаянной не сдѣлалъ ошибки, какъ только однажды съ покорностью просилъ генерала Ферзена, чтобъ онъ, когда молодые, при немъ находящіеся офицеры бываютъ въ передовой цѣпи и затѣмъ доносятъ ему объ ошибкахъ и упущеньяхъ, то онъ не вѣрилъ бы; при этомъ я поставлялъ генералу то въ резонъ, что молодые офицеры худо знаютъ Донскихъ казаковъ обороты и лучшіе (изъ нихъ), и даже необходимые, считаютъ за упущенья.

«Какъ бы то ни было, обойденъ я и обиженъ предъ всѣми, да и до того примѣчалъ я, что Ферзенъ сдѣлался ко мнѣ холоднѣе. [1])

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. **А. П. Чеботаревъ.**

---

[1]) Объ участіи Денисова, автора этихъ Воспоминаній, въ войнахъ противъ Польши въ 1792 и 1794 гг., въ послужномъ его спискѣ изложено такъ: «участвовалъ въ 1792 г. въ Польшѣ, съ противною факціею въ сраженіяхъ: мая 15-го—при Мурафѣ; 31-го—при Шпичинцахъ, іюня 8-го—при Валовкѣ, 4-го—при Люборѣ, 7-го—при Зеленцахъ и Городницѣ, гдѣ, при пораженіи противниковъ, удержалъ покушеніе ихъ на правый нашъ флангъ, за что награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени; 13-го іюня при Острогахъ, 16-го при Верховой 21-го при Дуйнахъ, 26-го іюня при Владоміржѣ, іюля 7-го при Дубенкѣ, и 15-го іюля при Маркушевѣ. Въ 1794 г. въ Польшѣ, противу польскихъ мятежниковъ: 20-го марта при мѣстечкѣ Скальмиржѣ, 24-го—при Сломинѣ, гдѣ раненъ саблею въ двухъ мѣстахъ, въ шею и руку; 16-го апрѣля при рѣкѣ Недицѣ; 29-го апрѣля и 1-го, 6-го, 7-го, 13-го, 16-го, 19-го, 20-го мая въ сраже-

Библиотека "Руниверс"

ніяхъ при разныхъ мѣстахъ (въ формулярѣ они поименованы); а 24-го, 25-го и 26-го мая при Щикочинѣ, при разбитіи непріятельскаго корпуса, бывшаго подъ командою Костюшко; 9-го іюня при деревнѣ Суханевѣ и Огневкѣ; 15-го іюня на Липовомъ полѣ при разбитіи польскаго отряда полковника Добика, который казаками, подъ командою Денисова, разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ 700 рядовыми, за что Денисовъ награжденъ отъ короля Прусскаго орденомъ военнаго достоинства; затѣмъ участвовалъ въ сраженіяхъ іюня 22-го, 23-го, 27-го, 28-го, 29-го; іюля 2-го и 10-го при разныхъ мѣстахъ. 20-го іюля въ сраженіи близъ Варшавы, при пораженіи польской кавалеріи, Денисовъ раненъ пулею въ лѣвую руку; августа 6-го и 7-го въ дѣлахъ также при Варшавѣ; 6-го сентября въ Гурахъ, а 29-го сентября 1794 года участвовалъ при разбитіи корпуса польскаго начальника Костюшки и при взятіи его въ плѣнъ при Маціовицахъ. Въ этомъ сраженіи Денисовъ, командуя казачьими полками, совершенно разбилъ польскую кавалерію, врѣзался въ пѣхоту и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля, доколѣ взятъ въ плѣнъ Костюшко. А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.[1]

1789—1848.

V.

Походъ за границу. — Болѣзнь. — Мальчевская. — Прусскій король. — Пріемъ русской арміи въ Германіи. — Назначеніе кн. Витгенштейна главнокомандующимъ. — Сраженіе 21-го апрѣля 1813 г. — Вѣсть о кончинѣ кн. Кутузова. — Отступленіе. — Сраженіе 9-го мая.—Подполковникъ Марковъ.—Шутка Костенецкаго. — Отступленіе отъ Гохкирхена и отъ Дрездена.

1813 г.

11-го декабря 1812 г. Александръ I прибылъ въ Вильну, а 12-го декабря, въ день его рожденія, объявлены были различные манифесты; 26-го декабря мы опять выступили въ походъ и я сполуротою, въ Вильнѣ, присоединился къ своей бригадѣ.

1-го января 1813 года мы перешли границу и вступили въ Пруссію.

На второмъ или третьемъ переходѣ, передъ городомъ Лыкъ, у меня открылась горячка: бригадный лекарь объявилъ, что я едва-ли проживу два дня. Когда рота пришла въ городъ, мой ротный начальникъ, капитанъ Гогель, объявивъ товарищамъ моимъ, что хотѣлъ бы лично похоронить меня, остался со мной въ Лыкѣ. На 8-й или 9-й день послѣ кризиса я всталъ уже съ постели, а взамѣнъ меня, бывшій до того времени здоровымъ, Гогель слегъ и на 3-й день скончался. Это меня такъ поразило, что я получилъ вторичный приступъ горячки и меня

[1]) См. «Русскую Старину», т. IX, 1874 г., стр. 207—244; т. X, стр. 633—666

Библиотека "Руниверс"

перенесли на другую квартиру. На этотъ разъ это была скорѣе необыкновенная слабость, нежели раздраженіе, такъ что съ приближеніемъ вторичнаго кризиса я не могъ даже говорить отъ слабости, не помнилъ и не слыхалъ, что около меня дѣлается. Въ это время не сходили у меня съ ума мать и невѣста и думалъ, что онѣ скажутъ, когда прочтутъ въ газетахъ, что я исключенъ изъ списковъ умершимъ. Но молодость свое взяла и я сталъ выздоравливать.

Дней чрезъ пять послѣ моего кризиса, привезли въ Лыкъ товарища моего, поручика Стаховича, который оставленъ былъ, на второй станціи отъ Лыка, больнымъ тоже горячкой. При первомъ возвращеніи его къ памяти, онъ вспомнилъ, что и я нахожусь въ Лыкѣ, желалъ, чтобы его перевели туда и положили бы со мной на одной квартирѣ; онъ привезъ мнѣ извѣстіе, что я, 13-го января, произведенъ въ штабсъ-капитаны. Когда меня оставили въ Лыковѣ, при мнѣ было около 100 р. асс. и покуда я былъ боленъ, лечившій меня докторъ при военномъ госпиталѣ Хановъ, ни за свои посѣщенія, ни за прописываемыя лекарства которыя отпускались изъ госпиталя — ничего не бралъ, и деньги были всѣ цѣлы; но когда я началъ поправляться, то докторъ присовѣтовалъ мнѣ, для укрѣпленія, пить вино и это скоро истощило мои финансы. Узнавши, что въ Лыкѣ оставленъ по болѣзни оберъ-провіантмейстеръ гвардейскаго корпуса Гове, я обратился къ нему съ запиской и онъ прислалъ мнѣ еще 100 р. асс. съ тѣмъ, чтобы послѣ удержать изъ моего жалованья. Когда привезли Стаховича, то на вопросъ его: «есть-ли у меня деньги?» я ему объявилъ, что имѣю 8 р. сер., а онъ мнѣ сказалъ, что имѣетъ 2 р. сер.

Хотя я еще не вставалъ съ постели, но уже говорилъ твердо; Стаховичъ же былъ еще очень слабъ, часто впадалъ въ безпамятство, забывался, но, приходя въ себя, всегда возобновлялъ разговоръ о деньгахъ, не зная гдѣ достать оныхъ. Въ Лыкѣ, кромѣ насъ, еще насчитывалось человѣкъ 11-ть гвардейскихъ офицеровъ, оставшихся здѣсь по болѣзни, и на наше счастіе никто не случился изъ числа ихъ, знающій нѣмецкій языкъ лучше меня, хотя и я по-нѣмецки едва-едва могъ выпросить для себя необходимое. Въ одно утро входитъ къ намъ городекой почтмейстеръ и проситъ меня, чтобы я объснилъ ему и прочелъ ему

Библиотека "Руниверс"

бумагу на русскомъ языкѣ, поданную ему какимъ-то русскимъ человѣкомъ; но онъ не знаетъ ни кто онъ, ни чего требуетъ. Взявъ ее въ руки, я увидѣлъ, что это подорожная, по которой какой-то хорунжій слѣдуетъ въ Россію до Харькова, и что для него требуется пара лошадей. Когда я объяснилъ это почтмейстеру, аккуратный нѣмецъ сталъ требовать, чтобы я сказалъ, кѣмъ подписана подорожная? По неясности подписи, я долго не могъ разобрать фамилію подписавшаго и его званіе и это затруднило наши обоюдныя объясненія. Нетерпѣливый хорунжій, съ азартомъ вошелъ въ комнату и малороссійскимъ нарѣчіемъ закричалъ:

— «Ну, що вы тамъ робите? Долго-ли мнѣ будетъ ожидать коней?»

Стаховичъ въ эту минуту только лишь пришелъ въ память и слабымъ голосомъ просилъ меня узнать, кто этотъ малороссіянинъ и куда онъ ѣдетъ? На сдѣланный ему отъ меня перепросъ онъ отвѣчалъ, что онъ самъ изъ-подъ Ромны, водилъ въ армію лошадей, пожертвованныхъ харьковскимъ дворянствомъ, а теперь ѣдетъ въ Харьковъ представить отчеты. Я, зная, что и Стаховичъ самъ Роменскаго уѣзда, спросилъ у хорунжаго:

— «Не знаетъ-ли онъ въ Ромнахъ кого-нибудь изъ Стаховичей?»

— «А чи не ты-ли тоже Стаховичъ?» спросилъ меня малороссіянинъ

— «Нѣтъ, отвѣчалъ я, а вотъ кто», и показалъ ему на лежавшаго товарища.

Тогда мой хорунжій бросился со всѣхъ ногъ на больнаго, началъ цѣловать его ноги, съ плачемъ и крикомъ продолжалъ соболѣзновать и утверждалъ, что не только покойный отецъ Стаховича, но и мать его, и вотчимъ — его благодѣтели! Потомъ, вдругъ, какъ бы угадавъ нужду Стаховича, спросилъ:

— «А есть-ли у тебя гроши? а то будешь въ болѣзни нуждаться!»

Стаховичъ откровенно признался, что денегъ у него вовсе нѣтъ, и тогда хорунжій объявилъ, что у него въ кожухѣ зашито 1,000 р. асс., нажитые имъ отъ продовольствія лошадей, и потому если Стаховичъ возьметъ ихъ всѣ и дастъ ему записку, то для него же сдѣлаетъ большое одолженіе, такъ какъ онъ боится, чтобы

Библиотека "Руниверс"

дорогой не ограбили его. Но Стаховичъ, поблагодаривъ его за вызовъ, не рѣшился взять болѣе 300 р., о чемъ малороссіянинъ крѣпко горевалъ и потомъ, съ видимою совѣстливостію и озабоченностью, просилъ, не напишетъ-ли Стаховичъ матери, чтобы ему за одолженіе, на мѣстѣ, дали нѣсколько возовъ соломы. Разумѣется, со Стаховичемъ и я разбогатѣлъ въ совокупности.

Оправившись отъ болѣзни, мы, вмѣстѣ съ Стаховичемъ, отправились къ бригадѣ, которую нашли недалеко отъ Калиша. Моя рота стояла въ Конинѣ. Вмѣсто Гогеля командиромъ былъ назначенъ капитанъ Демидовъ. Тутъ мнѣ удалось познакомиться съ семействомъ Броніковскихъ, имѣніе которыхъ было отъ Конина верстахъ въ 8-ми. Семейство это состояло изъ двухъ стариковъ—мужа и жены, сына и племянницы ихъ, лѣтъ 16-ти, Малчевской; когда главная квартира проходила эти мѣста, государь квартировалъ у Броніковскихъ и видимо заняла его Малчевская, ибо онъ пробылъ тутъ дня три или четыре, и одарилъ все семейство: старику далъ ленту, сына пожаловалъ въ камеръ-юнкеры и уѣхалъ въ Калишъ, гдѣ главная квартира простояла около мѣсяца. Государь не одинъ разъ пріѣзжалъ оттуда къ Броніковскимъ, несмотря на 40-верстное разстояніе, на распутицу и на самую неисправную дорогу, и два раза присылалъ за ними приглашенія на балы, въ Калишъ. Это мнѣ разсказывала сама Малчевская, въ то время уже невѣста молодаго Броніковскаго. Меня же она особенно сконфузила, увидѣвши въ строю, на парадѣ, данномъ по случаю пріѣзда прусскаго короля. Въ то время, когда мы проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо государя и короля, которые стояли по правой сторонѣ, я вдругъ слышу, съ лѣваго бока, кто-то громко кричитъ:

— «Пане капитане! Пане Жиркевичу! добрый день пане!»

Я обернулся и вижу — Малчевская машетъ мнѣ платкомъ. Признаюсь, я очень испугался, ибо мнѣ тотчасъ пришло въ голову, что государь можетъ это замѣтить и приметъ это въ худую для меня сторону.

Подъ Калишемъ сформировали сводную роту изъ 8-ми батарейныхъ и 4-хъ легкихъ орудій, подъ командою полковника Ладыгина, а при легкихъ орудіяхъ я поступилъ тоже въ составъ этой роты. Прочія же орудія гвардейской артиллеріи поступили въ особый резервъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ первыхъ числахъ апрѣля или въ концѣ марта мы выступили, въ новомъ составѣ, въ походъ и тутъ случилось со мной забавное происшествіе. По случаю наступившихъ жаровъ полки съ мѣста выходили всегда очень рано, а наша артиллерійская рота даже до полуночи. За станцію передъ Штейнау мой командиръ, Ладыгинъ, съ вечера уѣхалъ въ городъ, а я остался вести роту на походѣ. Идучи ночью, рота, не ожидая никакой для себя встрѣчи, одѣта была въ старую аммуницію. Версты за двѣ не доѣзжая до Лигница, когда начинало только разсвѣтать, подъѣхалъ ко мнѣ верьхомъ какой-то прусскій штабъ-офицеръ и спросилъ: «какая это идетъ команда? и не принадлежитъ-ли рота къ гвардейскому корпусу?» Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ объявилъ мнѣ, что прусскій король, желая сдѣлать сюрпризъ государю, вечеромъ прибылъ въ Лигницъ и послалъ его на встрѣчу войскамъ, которыя будутъ проходить, объявить имъ, что онъ желаетъ ихъ видѣть, а потому посланный попросилъ меня у самаго города нѣсколько пріостановиться, пока короля разбудятъ и доложатъ ему о прибытіи моей роты.

Я тотчасъ исполнилъ его требованіе и, пріостановясь, велѣлъ людямъ по возможности прибраться и перемѣнить аммуницію, весь же хламъ сложить на обозъ и на запасные лафеты, которымъ приказалъ тронуться не прежде, какъ чрезъ полчаса послѣ нашего выступленія, разсчитывая, что этого времени достаточно намъ будетъ, чтобы пропарадировать мимо короля.

Едва успѣла рота пройдти съ версту, какъ представилось намъ до того невиданное зрѣлище: мостъ чрезъ рѣку Одеръ былъ убранъ арками изъ цвѣтовъ, а на передней аркѣ красовалась надпись: «Komm uns Willkommen» (т. е. «приди къ намъ желанный»). У моста ожидалъ меня тотъ же адъютантъ короля съ извѣстіемъ, что его величество всталъ и ожидаетъ моего въ городъ вступленія. Сообщивъ это мнѣ, онъ поскакалъ къ королю. Я ѣхалъ передъ ротою; улица, по которой мы вступили въ городъ, была обсажена, по обѣимъ сторонамъ, деревьями и, подходя къ площади, насъ встрѣтилъ Ладыгинъ пѣшкомъ, и только что успѣлъ мнѣ сказать:

— «Смотри на право! король!»

Я принялъ первыя слова за указаніе поворота, скомандовалъ двумъ первымъ орудіямъ «лѣвое плечо впередъ» и поворотилъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

у самаго угла площади, а самъ, съ поворотомъ моей лошади, увидѣлъ короля, сходящаго по ступенькамъ съ незначительной террассы перваго дома. Это произошло такъ быстро и такъ неожиданно, что я едва успѣлъ сдержать лошадь передъ самымъ, такъ сказать, носомъ короля. Давъ шпоры коню, чтобы подъѣхать и отрапортовать ему, я встрѣтилъ новую препону. Надъ террассою былъ сдѣланъ навѣсъ для солнца и я ударился такъ сильно о желѣзный прутъ, придерживавшій навѣсъ, что пошатнулся на лошади и киверъ повисъ на чешуѣ, у меня на затылкѣ. Я оправился и отрапортовалъ ему. Король, ломанымъ русскимъ языкомъ, милостиво спросилъ у меня:

— «Не ушиблись-ли? Какая эта бригада и рота?»

Сдѣлавъ первые отвѣты по-русски, на прочіе вопросы я сталъ отвѣчать по-французски и тѣмъ видимо облегчилъ королю разговоръ со мной. Тутъ озадачило меня новое обстоятельство: орудія благополучно заѣзжали на углу, дѣлая повороты на-право. Король сталъ у самаго угла, я—съ правой у него стороны. На углу случились деревья и проточная канава, а прислуга около орудій, съ правой стороны, не зная и не бывъ предупреждена, что король стоитъ у нашего угла, каждый, возлѣ него, обхватывалъ дерево и перескакивалъ канаву. Я же, не имѣя возможности никакъ пособить этому неустройству, только разводилъ руками и хмурилъ лицо при каждомъ ихъ прыжкѣ. Король въ самыхъ милостивыхъ и благосклонныхъ выраженіяхъ благодарилъ меня за порядокъ и за веселый и бодрый видъ людей, продержалъ меня около себя еще съ ¼ часа; затѣмъ пришлось мнѣ показать королю еще новый спектакль. Прямо къ намъ подошелъ нашъ обозъ и запасные лафеты, нагруженные разнымъ хламомъ, и по верхъ всего этого на каждомъ возу стояли клѣтки съ курами, утками и др. птицами; лежали связанные бараны и телята, купленные, а вѣрнѣе всего, забранные во владѣніяхъ его королевскаго величества. Все это кричало, кудахтало, мычало и вмѣсто того, чтобы пройдти мимо короля какъ можно скорѣе, начали ровняться и заѣзжать по два въ рядъ. На-силу кончилось мое мученіе, и получивъ отъ короля еще привѣтъ, мы разстались съ нимъ. Чего не случается въ походѣ!

Недостанетъ словъ описывать, какъ мы были принимаемы, слѣдуя чрезъ Силезію, Саксонію до Люцена. Тамъ, гдѣ проѣз-

Библиотека "Руниверс"

жалъ государь, не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, въѣзды украшались арками, цвѣтами, флагами и на всѣхъ возможныхъ языкахъ надписями, и мы всегда бывали первыми, которые проходили подъ этими тріумфальными воротами. Государя вездѣ встрѣчали толпы народа, во главѣ котораго стояли самыя красивыя дѣвушки, всѣ въ бѣломъ, и усыпали путь его цѣлымъ дождемъ цвѣтовъ. А Силезія и Саксонія не бѣдны красавицами! У каждаго въѣзда привѣтствовали государя рѣчами многоглаголивые нѣмцы, называя его не иначе какъ «ангеломъ и спасителемъ!» Насъ же встрѣчали съ самымъ искреннимъ радушіемъ, а хлѣбъ-соль—по средствамъ каждаго хозяина, но всегда въ довольствіи: а хозяйки или хозяйскія дочери, непремѣнно и сплошь, всѣ въ насъ влюблялись! Было время...[1])

Въ половинѣ апрѣля 1813 г. мы вступили въ Дрезденъ, гдѣ провели праздникъ св. Воскресенія Христова. Наша рота квартировала въ верстѣ отъ города. по дорогѣ въ Лейпцигу, въ деревнѣ Лабгейде. Я стоялъ на квартирѣ вмѣстѣ съ Ладыгинымъ. Хозяева у насъ были необыкновенно милые и для насъ дали нѣмецкій спектакль; играли комедію Коцебу—весьма мило, въ особенности двѣ хозяйскія дочери. 15-го или 16-го апрѣля мы опять тронулись въ походъ, а кн. Кутузовъ оставался, по нездоровью, въ Бунцлау. Черезъ три перехода мы подошли къ Люцену. Передъ этимъ, по общему согласію, товарищъ нашъ, прапорщикъ кн. Трубецкой, отправился въ Альтенбургъ, для закупки намъ разныхъ запасовъ, какъ-то: сахару, кофею, сыру и т. п. и возвратился къ ротѣ 21-го апрѣля утромъ, въ то самое время, когда мы уже выстроились въ линію, передъ сраженіемъ, а всѣ запасы, съ поспѣшностью, были положены въ зарядный ящикъ моего орудія, гдѣ также лежалъ мой офицерскій знакъ. Первый непріятельскій выстрѣлъ попалъ въ нашу провизію и взбросилъ ее на воздухъ.

Кутузовъ въ это время считался главнокомандующимъ всѣми нашими арміями, а 1-й западной арміею командовалъ Тормасовъ. 21-го апрѣля мы въ первый разъ сошлись съ пруссаками на походѣ и я помню, какъ кавалерія ихъ, въ одномъ селеніи,

---

[1]) Изъ помѣты автора на полѣ страницы видно, что это писано: «въ Полоцкѣ, 15-го сентября 1846 г.». Ред.

Библиотека "Руниверс"

переходя съ правой стороны на лѣвую, часа два задерживала походъ нашъ.

Тотчасъ за деревней нашли мы Тормасова, лежащаго на травѣ, подъ деревомъ, и окруженнаго адъютантами; насъ удивило, что онъ, при нашемъ прохожденіи, даже не приподнялся, чтобы взглянуть на насъ! Пройдя нѣсколько саженей, насъ остановили въ колоннѣ, позади прусскихъ войскъ. Правѣе нашей роты стояли Преображенскій и Семеновскій полки, тоже въ колоннахъ. Подъѣхалъ государь къ войскамъ и, поздоровавшись, сказалъ:

— «Ребята! вотъ вашъ главнокомандующій!» указывая при этомъ на гр. Витгенштейна. «Поздравьте его хорошенько побѣдою!»

Едва ура раздалось въ линіяхъ, какъ открылась канонада, впереди насъ, между пруссаками и французами. Государь въ ту же минуту сказавъ Ладыгину: «Будьте готовы и ждите приказаній!» поскакалъ впередъ, къ линіи, вправо отъ насъ. Не прошло ½ часа, къ нашей ротѣ подскакалъ флигель-адъютантъ прусскаго короля и объявилъ, что государь велѣлъ намъ идти впередъ. Въ дивизіонной колоннѣ, съ пѣсенниками впереди, мы тронулись съ мѣста. Государь съ прусскимъ королемъ стоялъ на небольшомъ возвышеніи у Гроссъ-Гершена, гдѣ, какъ говорятъ, въ 30-ти-лѣтнюю войну былъ убитъ Густавъ-Адольфъ. Когда мы подошли ближе, государь, отдѣлясь отъ толпы, шагомъ подъѣхалъ къ намъ и сказалъ:

— «Молодцы! Спасибо! Смотрите поработайте, когда будетъ нужно, а теперь стой!»

Простояли мы тутъ съ полчаса. Прусскій король, окруженный огромной свитой, поѣхалъ мимо насъ къ своей кавалеріи, которая была влѣво выстроена въ линію и въ это самое время, изъ-за деревни, бывшей у насъ передъ глазами, полетѣла куча ядеръ. Король, не смѣшавшись, даже не прибавивъ шагу, продолжалъ свой путь по кавалерійской линіи. Къ намъ подскакалъ флигель-адъютантъ съ приказаніемъ государя — немедленно выстроиться косымъ фронтомъ, подавъ лѣвый флангъ батареи впередъ такъ, чтобы можно было анфилировать деревню. Въ то же время гвардейскіе егеря пошли въ атаку, на деревню. Исполнивъ приказаніе, мы открыли сильный огонь и держались часа съ полтора въ виду самаго государя. Но такъ какъ флангъ нашъ

Библиотека "Руниверс"

былъ очень выдвинутъ, то французы, поставивъ новую батарею, взяли насъ во флангъ, смѣшали въ каму и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы потеряли одного офицера и около 6-й части прислуги; у насъ подбили 5-ть лафетовъ подъ орудіями, такъ что мы едва утащили ноги, сопровождаемые тучею ядеръ съ фланга и съ фронта. Отойдя за кавалерію, начали мы немного исправляться и въ это время она свернулась въ колонны. Наступили сумерки, мы прошли еще нѣсколько назадъ; остановились, отпрягли лошадей и часть изъ нихъ отправили за дровами и за соломой. Наконецъ совсѣмъ стемнѣло. Около 10-ти часовъ, внезапно, впереди изъ пѣхотной колонны, стоявшей у насъ правѣе, раздалась ружейная пальба батальнымъ огнемъ. Потомъ говорили, будто бы нашъ или прусскій какой-то разъѣздъ, подъѣхалъ близко къ пѣхотѣ, которая приняла его за непріятеля. Эта перестрѣлка указала французамъ точку расположенія пѣхоты и они со всѣхъ своихъ батарей открыли туда быстрый и непрерывный огонь. Несмотря на наше отдаленіе и къ намъ залетѣло нѣсколько ядеръ; само собою разумѣется, что это произвело у насъ тревогу и безпорядокъ, но нельзя себѣ представить, что сдѣлалось съ прусскою кавалеріею, стоявшею предъ нами! У нихъ тоже все приготовлено было къ покою: всадники спѣшены, лошади разнуздучены и подпруги ослаблены; часть людей отправлена тоже за дровами и за соломою, а тѣ, которые оставались при коняхъ, имѣли въ поводѣ по 3 и 4 лошади. Все это внезапно смѣшалось и понеслось назадъ. И мы, которые сражались со втораго часу дня, причемъ не только не потеряли ни одного шагу мѣста, а, напротивъ, значительно подались впередъ, должны были безъ видимой причины спасаться бѣгствомъ. Къ счастію, французы, за темнотою, не видали всей нашей суматохи и не воспользовались ею какъ слѣдуетъ, иначе мы поплатились бы дорого. Къ утру, за какой-то небольшой рѣчкою, начали собираться наши разстроенные отряды и опять началась наша ретирада.

На бѣду, 22-го апрѣля, разнеслась у насъ вѣсть о кончинѣ Кутузова.

Прошло уже слишкомъ 30 лѣтъ, а и теперь (въ 1846 г.) не могу вспомнить безъ волненія тѣ минуты, когда произошелъ разсказанный выше кризисъ. Бодрость духа, возраставшая, можно

Библиотека "Руниверс"

сказать не по днямъ, а по часамъ, въ войскѣ, вдругъ упала. Возвращаясь къ Дрездену, то при обходѣ стараго города пришлось намъ проходить деревню Либгейде, гдѣ мы, не болѣе какъ пять дней тому назадъ, пировали героями и хвастались, что французамъ не видать болѣе саксонокъ, я теперь, несмотря на теплую погоду, я все старался укрыть свое лицо въ шинель такъ, чтобы проѣхать чрезъ деревню и не быть узнаннымъ своими хозяйками, которыя, стоя на балконѣ, съ изумленіемъ глядѣли на наше обратное шествіе и, узнавъ меня, жалобно спрашивали, что всѐ это значитъ и зачѣмъ мы идемъ назадъ.

Около Дрездена мы простояли три дня, потомъ опять стали отступать далѣе и остановились, пройдя Бауценъ. Тутъ приготовлены уже были временныя укрѣпленія. Гвардія находилась на самомъ лѣвомъ флангѣ, у подошвы Богемскихъ горъ. 8-го мая, въ день моего ангела, въ палаткѣ, мы играли въ бостонъ: я, капитанъ Демидовъ, назначенный командиромъ 2-й легкой роты, къ которому я поступилъ съ моими орудіями у Дрездена, и адъютантъ нашего корпуснаго командира Лаврова, Семеновскаго полка поручикъ Бибиковъ. Игра наша была довольно крупная и у меня было записано болѣе 1,000 призовъ, какъ въ часу четвертомъ, послѣ обѣда, ударили вездѣ «подъемъ» и началось передвиженіе войскъ. Гвардія вытянулась ближе къ центру, а мои 4 орудія поставлены были въ передней линіи, въ небольшомъ укрѣпленіи; позади меня расположился прусскій батальонъ, подъ командой капитана Гунта. Вправо отъ меня была главная батарея, занятая ротою великаго князя (Константина Павловича?) и выстроенная на одномъ изъ семи возвышеній, составлявшая центръ позиціи и вмѣстѣ уголъ, ибо тутъ правый уголъ нѣсколько загибался назадъ, такъ что гвардія, расположенная въ самомъ центрѣ позади, составляла базисъ треугольника. Около 8-ми часовъ вечера показались передъ линіей нашей колонны войскъ и до насъ дошла канонада, начавшаяся за Бауценомъ и приближавшаяся къ намъ постепенно, такъ что нѣсколько ядеръ упало и на мою батарею. Когда стало смеркаться, на нашу линію перешли войска, сражавшіяся днемъ подъ самымъ Бауценомъ, и составили передовую цѣпь почти у самой моей батареи, такъ что и наши, и французы ночевали отъ батареи моей не далѣе какъ въ саженяхъ во 100. Разумѣется, ночь для насъ была не

Библиотека "Руниверс"

очень покойна, и дабы лучше судить объ этомъ предметѣ, приведу здѣсь случай съ нашимъ адъютантомъ, подпоручикомъ Тимаюмъ старшимъ. Онъ былъ посланъ съ приказаніемъ въ линіи и, вмѣсто своихъ, заѣхалъ въ колонну французовъ. Его наиболѣе обманулъ окликъ, сдѣланный ему на нѣмецкомъ языкѣ (въ этой колоннѣ были и саксонцы): «Wer da?» — «Freund!» отвѣчалъ Тиманъ; вмѣсто отвѣта кто-то схватилъ его лошадь подъ уздцы и чрезъ двѣ минуты онъ уже стоялъ передъ французскимъ генераломъ, ужинавшимъ въ своемъ каре. Тотъ пригласилъ его раздѣлить съ нимъ ужинъ, а потомъ отправилъ его за свою линію. Послѣ Тиманъ разсказывалъ, что 8-го числа плѣнныхъ нашихъ у французовъ было очень немного—и большею частью раненые. Такъ какъ Тиманъ былъ сынъ друга и любимца гр. Аракчеева, то на другой день, когда онъ не явился передъ товарищами, всѣ мы считали его убитымъ, и Аракчеевъ, при самомъ началѣ перемирія, велѣлъ справиться между плѣнными, взятыми у насъ французами, нѣтъ-ли, въ числѣ ихъ, Тимана, и получилъ утвердительный отвѣтъ; тогда, по волѣ государя, отправлено было ему 50 червонцевъ, но оные чрезъ два дня возвращены съ извѣстіемъ, что Тиманъ скрылся. Это насъ очень удивило, ибо тогда онъ еще не явился, но дня чрезъ три спустя. пришелъ къ намъ переодѣтый студентомъ. Около Дрездена, при пособіи одного нѣмца, удалось ему съ однимъ прусскимъ офицеромъ переодѣться и пробраться въ Богемію, гдѣ онъ явился къ начальнику австрійскихъ войскъ. Этотъ, какъ разсказывалъ Тиманъ, долго колебался, что съ ними дѣлать: слѣдовало-ли ихъ возвратить французамъ или отправить въ русскую армію? Наконецъ рѣшился на послѣднее, но, кромѣ пропускнаго билета, не далъ никакого пособія и они, во время пути, питались подаяніемъ.

9-го мая, въ день моего рожденія, едва стало разсвѣтать, я приготовился привѣтствовать французовъ заревымъ выстрѣломъ. Но, замѣтивъ, что колонны находятся на походѣ, обратно къ Бауцену, я поопасался своимъ выстрѣломъ произвести тревогу по линіи; когда же совершенно разсвѣло, то предо мной не осталось и слѣда непріятеля. Цѣпь наша тотчасъ стянулась за линію.

Укрѣпленіе, доставшееся мнѣ на долю, отстояло саженей на 1,000 отъ Бауцена. Линія шла косвенно: лѣвый флангъ упирался

Библиотека "Руниверс"

въ горы и была отъ города не болѣе какъ на 500 саженъ, а передовая батарея едва-ли отстояла отъ города на 300 саженъ, такъ что ея выстрѣлы достигали на дрезденскую дорогу за Бауценъ. Бауценъ лежитъ на высотѣ и французская позиція, кромѣ упомянутой батареи, доминировала нашу; но насъ защищало отъ выстрѣловъ—отдаленіе и рѣчка, протекавшая у самаго города.

Поутру, часу въ восьмомъ, французы повели атаку на нашъ лѣвый флангъ и по горамъ, покрытымъ лѣсомъ, загремѣла ружейная перестрѣлка; со стороны французовъ видны были двѣ небольшія пушченки, что составляло живописную картину для насъ. Но потомъ пушечная пальба стала приближаться къ намъ, а такъ какъ передъ моей батареей не было видно ни пѣхоты, ни кавалеріи, то предполагать должно было, что приближается одна артиллерія. Непріятель спустился съ гребня высотъ, прилегающихъ къ Бауцену, и за городомъ, точно чешуя, серебрился блескъ отъ ружей пѣхоты. Выстрѣлы стали достигать до меня и у меня убило 2-хъ человѣкъ, у орудія лѣваго фаса моего укрѣпленія. Узнавъ, что противъ насъ дѣйствуютъ гаубицы и зная, что они фланкируютъ мой лѣвый фасъ, тогда какъ мои выстрѣлы не могли доставать до французской батареи, я приказалъ два орудія перевезти за ровъ и поставить въ поле, а людямъ приказалъ прилечь въ ровъ. Подозвавъ капитана Гунта, я объяснилъ ему, что онъ можетъ отвести свой батальонъ подалѣе отъ выстрѣловъ, ибо французскихъ войскъ, кромѣ батареи, передъ нами не видно и, кромѣ того, находится еще рѣка, которую безъ переправы перескочить нельзя, слѣдовательно, при малѣйшемъ движеніи, онъ всегда будетъ имѣть время приблизиться къ батареѣ—онъ это исполнилъ.

Еще 8-го мая (1813 г.), вечеромъ, когда я только что былъ поставленъ на позицію, подскакалъ ко мнѣ конно-артиллеристъ въ солдатской шинели и въ солдатской аммуниціи, и закричалъ:

— «Гдѣ командиръ батареи?»

— Что тебѣ, братъ, надобно? спросилъ я.

— «Кстати, ты меня назвалъ братомъ. Будемъ же имъ дѣйствительно! Я—подполковникъ Марковъ! отвѣчалъ артиллеристъ. Вотъ моя рота позади васъ, саженей двѣсти. Прошу полагаться на меня. Мы въ самомъ центрѣ и вѣрно жутко придется вамъ. Когда не выдержите, захотите отдохнуть, пожалуйста, тогда до-

Библиотека "Руниверс"

шлите до меня, я и безъ приказанія смѣю васъ!» и, подавши мнѣ руку, онъ поѣхалъ къ своему мѣсту.

9-го числа, когда я перевезъ два орудія изъ-за бруствера за ровъ, а людямъ приказалъ однимъ—спуститься въ ровъ, а другимъ, праваго фаса,—присѣсть за брустверъ, чтобы ихъ напрасно не тревожили непріятельскіе выстрѣлы; самъ я перешелъ впередъ, за правый фасъ моего редана и, уперпись спиною на валъ, наблюдалъ, что дѣлается у французовъ и любовался картиною сраженія на горахъ. Вдругъ вижу, съ лѣваго фланга, ѣдетъ, шагомъ, по линіи генералъ-маіоръ Костенецкій, въ эти два дня командовавшій артиллеріею гвардейскаго корпуса; не доѣзжая сажень 50-ти до моего укрѣпленія, онъ, вынувъ саблю изъ ноженъ, пустился ко мнѣ въ галопъ. Зная множество различныхъ проказъ за нимъ, я не удивился этому, но не могъ придумать, чтобы это значило? Шагахъ въ 10-ти отъ меня онъ поѣхалъ опять шагомъ и саблю вложилъ въ ножны. Откачнувшись отъ бруствера и обойдя спереди ровъ, я пошелъ къ нему на встрѣчу и въ эту самую минуту, между нимъ и мною, упало французское ядро, дало рикошетъ и полетѣло далѣе. Лошадь Костенецкаго уперлась и подалась нѣсколько назадъ, а онъ, дуя ее кулакомъ по головѣ, хладнокровно мнѣ говоритъ:

— «Я-было скакалъ, чтобы васъ изрубить. Но теперь прошу у васъ извиненія: я думалъ, что вы трусите! Вижу теперь, что вы бережете людей вашихъ. Это благородно! Пожалуйста, стойте, гдѣ и прежде стояли. Очень хорошій примѣръ для прислуги вашей!...»

Поговоривъ еще немного со мною, Костенецкій поѣхалъ далѣе.

За этимъ слѣдовало еще приключеніе. Начальникъ прусскихъ войскъ, генералъ Пирхъ, подъ командой котораго состоялъ капитанъ Гунтъ, объѣзжая свою линію, спросилъ его: «зачѣмъ онъ такъ далеко стоитъ отъ батареи, ввѣренной его охраненію?» Тотъ отвѣчалъ, что артиллерійскій начальникъ велѣлъ ему отойдти. Онъ пришпорилъ лошадь и подскакалъ къ укрѣпленію; я и его встрѣтилъ, подобно Костенецкому.

— «Скажите мнѣ, пожалуйста», спросилъ Пирхъ, «отчего вы не приказываете стрѣлять, когда у васъ непріятельская батарея передъ лицомъ и которая такъ сильно всѣхъ насъ безпокоитъ?»

— Ужели прикажите мнѣ податься впередъ, передъ линіею,

Библиотека "Руниверс"

отвѣчалъ я;—я буду жертвовать людьми совершенно безполезно, такъ какъ мои орудія не достанутъ до французовъ!

— «Сомнѣваюсь!» сказалъ Пирхъ. «Я согласенъ, что выстрѣлы могутъ быть не полные, но чтобы они не долетали до непріятельскихъ батарей, когда его выстрѣлы далеко перелетаютъ за насъ, это невѣроятно!»

Я тотчасъ же приказалъ сдѣлать выстрѣлъ изъ единорога—и гранату въ виду нашемъ разорвало по сю сторону рѣки, у подошвы Бауценскихъ высотъ.

— «Вижу», сказалъ Пирхъ, «что и генералъ не долженъ спорить съ артиллеристомъ, знающимъ свое дѣло!»

— Если вы, генералъ, разрѣшите мнѣ выдвинуться впередъ, тогда....

— «Нѣтъ!» перебилъ онъ меня, «этого я не вправѣ сдѣлать! Мы должны ждать, что будетъ далѣе впередъ! Но кажется, что намъ не придется долго ждать!»

— Напротивъ, возразилъ я, не думаю, чтобы эта атака на нашъ флангъ была дѣйствительная, мнѣ кажется, что это одна маска!

— «Изъ чего вы это заключаете?»

— А вотъ посмотрите пристально на высоты и замѣчайте, какая блестящая полоса извивается по гребню горъ и двигается все болѣе и болѣе къ нашему правому флангу, хотя войска и не видно!

Онъ сталъ смотрѣть въ подзорную трубу и, удостовѣрившись въ правильности моихъ замѣчаній, сказалъ, что сейчасъ пошлетъ извѣстить о семъ кого нужно. Пока мы разговаривали съ Пирхомъ, пальба стала уменьшаться и, наконецъ, совершенно прекратилась.

Часу въ двѣнадцатомъ изъ обоза пріѣхалъ ко мнѣ, верхомъ, мой деньщикъ Василій и привезъ полуприготовленный бифштексъ, нѣсколько сухихъ щепокъ, чайникъ съ кофеемъ и спросилъ: «гдѣ прикажу разогрѣвать?»

Указавъ ему на ровъ, я послалъ къ капитану Гунту пригласить его ко мнѣ. Онъ думалъ, что зову для совѣщанія и удивился, когда я объявилъ ему объ обѣдѣ. Онъ признался, что уже два дня, кромѣ черстваго сухаря и воды, у него ничего во рту не было, ибо наканунѣ онъ, въ числѣ прочихъ, дрался подъ Ке-

Библиотека "Руниверс"

нигсвартомъ; но еще болѣе удивился, когда я ему сказалъ, что я ни разу не оставался безъ обѣда и что мой деньщикъ, въ какое бы время ни было, въ самомъ пылу сраженія, всегда меня отыщетъ и привезетъ что-нибудь, и въ доказательство моихъ словъ я привелъ настоящее обстоятельство, что онъ поѣхалъ изъ обоза, отстоящаго отъ насъ почти за милю, когда пальба еще не прекращалась, и поэтому не могъ знать, что не попадетъ подъ выстрѣлы.

Французы дали намъ преспокойно пообѣдать, но въ половинѣ третьяго открылась новая великолѣпная картина: подобной, въ другой разъ, въ жизни не пришлось мнѣ болѣе видѣть. Я сказалъ выше, что правѣе меня, на одной изъ высотъ, находившейся въ центрѣ или на углу линіи, въ такомъ расположеніи, что высоты, понижаясь одна передъ другою, шли въ прямомъ направленіи назадъ линіи; тамъ, на углу линіи, построено было укрѣпленіе, на которомъ была расположена батарейная рота его высочества, и оно отстояло отъ меня не болѣе 150 или 200 саж. Передъ фронтомъ батареи, на дистанціи съ версту, былъ лѣсъ. Во рву, передъ нашею артиллеріею, залегли гвардейскіе егеря. Внезапно, со стороны французовъ, вскачь, справа и слѣва отъ лѣса, понеслась конная артиллерія и, остановясь на половинѣ дистанціи противъ нашей главной батареи, открыла самый учащенный батальный огонь. Въ то же самое время передъ нами, на горахъ, появились густыя колонны, неподвижно утвердившіяся на высотахъ, а внизу оныхъ началась переправа и открылся сильный пушечный огонь по сю сторону рѣки,— къ намъ. За конною же артиллеріею, когда нѣсколько прочистился дымъ и уменьшилась пальба, какъ изъ земли родились, стояло 5 или 6 пѣхотныхъ колоннъ, видимо скрывавшихся до сего времени въ лѣсу. Всѣ эти колонны двинулись на нашу главную батарею и впереди колоннъ, шагомъ, верхомъ на бѣлой лошади, подбоченясь, ѣхалъ, въ синемъ плащѣ, генералъ. Съ нашей стороны посыпалась, какъ градъ, картечь и егеря бросились изъ рва въ атаку. Мимо меня въ этотъ моментъ проскакало 12 орудій нашей конной гвардейской артиллеріи и 8 орудій прусскихъ, которыя, выѣхавъ сажень 50, заняли почти весь промежутокъ между мною и главной батареею; но и мнѣ можно было открыть огонь.

Тутъ открылся совершенный адъ. Я полагаю, что въ самыя

Библиотека "Руниверс"

первыя минуты взорвало 5 или 6 ящиковъ или фуръ. Пальба длилась уже около часу, какъ опять, мимо меня, потянулась пѣшая батарейная рота полковника Либштейна и я рѣшительно не знаю даже, гдѣ бы онъ могъ занять мѣсто, думаю, что долженъ былъ замѣнить конную артиллерію. Но въ тотъ моментъ, когда она проходила линію, съ высоты, гдѣ была прежде рота его высочества, во флангъ нашъ направились французскіе выстрѣлы и у Либштейна вдругъ взорвало два ящика. Самъ Либштейнъ, пѣшій, подбѣжалъ ко мнѣ и, усѣвшись за брустверъ, закричалъ:

— «Скажите мнѣ, ради Бога, что изъ этого будетъ?»

Какъ ни суетился я около своихъ орудій, но не могъ не разсмѣяться и отвѣчалъ:

— Не знаю; но что-то недоброе!

Въ эту минуту подскакалъ адъютантъ и объявилъ мнѣ и Либштейну приказаніе—немедленно сняться, идти назадъ и примкнуть къ кавалеріи, которую мы уже нашли отступающею колоннами, но съ разстановкою, время отъ времени. Тутъ же примкнула къ намъ рота его высочества съ 11-ю цѣлыми и однимъ подбитымъ орудіями; она едва успѣла сняться съ высоты и уйдти отъ французской пѣхоты. Всѣ мы потянулись въ Гохкирхенское ущелье.

Сраженіе происходило въ самый ясный и прекраснѣйшій весенній день, 9-го мая 1813 г., и кончилось часу въ 5-мъ или 6-мъ вечера. Счастіе наше, что у французовъ не было легкой кавалеріи, а то во время нашего отступленія понесли бы мы огромный уронъ, но зато ихъ артиллерія самымъ ужаснымъ образомъ провожала насъ. Тиманъ, который въ это время находился еще въ плѣну, въ Бауценѣ, послѣ разсказывалъ намъ, что на высотахъ, гдѣ мы видѣли большія неподвижныя колонны, собраны были въ толпахъ окрестные поселяне, служившіе маскою, для усиленія числительности непріятеля.

Когда мы входили въ Гохкирхенское ущелье, князь Яшвиль, начальникъ артилмеріи, пріостановилъ-было нашу роту, свернувшуюся уже въ одно (орудіе), и велѣлъ намъ занять высоту для прикрытія ретирады, но, усмотря за нами роту Либштейна, отпустилъ насъ слѣдовать далѣе, и расположилъ для той же цѣли батарейныя орудія.

Ретирада наша безостановочно продолжалась до Швейдница.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ узнали мы, что заключено перемиріе и подались еще далѣе. Государь и гвардія расположились въ Петервальдѣ; штабъ гвардейской артиллеріи сталъ въ Франкенштейнѣ, а наша рота заняла деревню Шенгольде. Здѣсь я получилъ записку отъ генералъ-маіора Эйлера, нашего бригаднаго начальника (но въ то время начальствовавшаго надъ артиллерійскимъ резервомъ, состоящимъ изъ 18-ти ротъ), приглашавшаго меня къ себѣ въ замокъ Петольцъ, за Франкенштейномъ. Когда я пріѣхалъ къ нему, то онъ просилъ меня быть ему помощникомъ и взять въ мое управленіе его канцелярію. Тутъ мы простояли до окончанія перемирія, т. е. до 3-го августа 1813 г.

Замокъ Петольцъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Франкенштейна, куда было перенесено, временно, управленіе прусской Силезіи, лежитъ у подошвы Богемскихъ горъ и занимаетъ прелестное мѣстоположеніе. Не помню теперь имени хозяина, но замокъ изобиловалъ всевозможною сельскою роскошью. Оранжереи, парники, прекрасное и удобное помѣщеніе. Въ распоряженіи генерала было два или три комплекта музыки. Меня всѣ, какъ обыватели, такъ и подчиненные генерала почитали и называли его правою рукою. Я затѣялъ, по воскресеньямъ, въ Петольцѣ, собранія и фейерверки, и къ намъ, съ разныхъ сторонъ, кто пѣшкомъ, кто въ экипажѣ, непремѣнно къ 4-мъ часамъ, стекались прелестныя прусачки и тамъ оставались до фейерверка, который, по моему распоряженію, всегда отсрочивался какъ можно позже....

3-го августа изъ Силезіи мы пошли горами въ Богемію и вышли на Теплицъ....

13-го августа, вечеромъ, подошли къ самому Дрездену и по всему казалось, что произойдетъ жаркое сраженіе: войска подходили со всѣхъ сторонъ. Тутъ мы впервые сошлись съ австрійцами. Ночью пошелъ проливной дождь и къ утру, 14-го августа, изъ черноземнаго грунта сдѣлалось совершенное болото, и я, не преувеличивая нисколько, говорю, что кирасиры, собственно по этой причинѣ, по нѣсколько разъ перемѣняли свою позицію, отыскивая болѣе твердое мѣсто, гдѣ бы лошади не утопали по колѣна. Со всѣмъ тѣмъ, однакоже, началась перестрѣлка, довольно слабая, подъ самыми стѣнами Дрездена. Дождь продолжалъ лить весь день и 15-го августа; въ этотъ день Эйлеръ отдалъ мнѣ приказаніе отправиться къ самому Дрездену, въ цѣпь

Библиотека "Руниверс"

стрѣлковъ, отыскать тамъ генерала Рота, который просилъ дать въ его распоряженіе нѣсколько легкихъ орудій, спросить, сколько ему надо, и если не болѣе одной роты, то, чтобы я отыскалъ подполковника Тимоѳеева и его роту отвелъ бы на то мѣсто, куда укажетъ Ротъ. Здѣсь мнѣ въ первый разъ пришлось слышать визгъ пуль. Генерала Рота я отыскалъ въ кустахъ, въ самой передней линіи стрѣлковъ, и обратился къ нему съ объясненіемъ зачѣмъ я явился. Онъ съ живостью мнѣ сказалъ:

— «Ради Бога, батюшка, дайте скорѣе артиллерію!»

— Гдѣ же прикажите ее поставить? спросилъ я.

Ротъ указалъ мнѣ на небольшое возвышеніе, съ котораго можно было стрѣлять продольно, по аллеѣ, въ концѣ которой строились французскія колонны. Я поскакалъ отъ него къ Тимоѳееву, привелъ его на указанный путь и подъѣхалъ къ Роту, чтобы донести объ исполненіи.

— «Скажите мнѣ, пожалуйста, вы вѣрно не адъютантъ?» спросилъ меня Ротъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я; я состою по особымъ порученіямъ при моемъ генералѣ.

— «Ну видите, что я угадалъ», сказалъ онъ; «адъютантъ съ этимъ дѣломъ въ другой разъ не пустился бы сюда!»

Въ это время мимо меня просвистало нѣсколько пуль.

Не знаю, какая была причина гнѣва Рота на адъютантовъ.

18-го августа началось отступленіе отъ Дрездена. 1-я гвардейская дивизія еще наканунѣ, съ вечера, отошла по шоссе къ Теплицу и наблюдала дорогу изъ Пирны, а 2-я дивизія и впереди ее резервная артиллерія пошли ущельями горъ на Дило-Донвальцъ, возлѣ котораго имѣли ночлегъ на 17-е августа.

VI.

Трудности похода.—Графъ Остерманъ.—Толстой.—Обѣдъ 30-го августа.—Второе пиршество союзниковъ.—Лейпцигская битва.—Плѣнъ кн. Трубецкаго.—Стоянка во Франкфуртѣ.—Шалости офицеровъ.

1813 г.

Не знаю, какъ сильнѣе выразиться на счетъ этой дороги, иначе какъ выражался о ней, въ кругу нашемъ, полковникъ баронъ Таубе, командиръ 1-й бригады и 1-й батарейной роты:

Библиотека "Руниверс"

— «Это такой дорога, по которой и одинъ разъ ходить не можно, а мой рота тамъ была два и осталась жива!»

Представьте себѣ изъ кремня, вырубленный уступами, ящикъ, по которой можетъ идти въ ширину только повозка саксонскаго крестьянина. Полотно или основаніе этого ящика отъ поверхности углублено мѣстами до 2-хъ и даже до 3-хъ саж. на поверхности, тропинка, удобная для одного пѣшаго, и затѣмъ густой сосновый лѣсъ. Не должно забывать о спускахъ и подъемахъ съ горы на гору, такъ сказать непрерывныхъ, до самаго почти Теплица. Само по себѣ разумѣется, при такой дорогѣ и при такихъ препятствіяхъ движеніе наше не могло обойтись безъ ломокъ. Сломается ось, колесо у ящика или подъ орудіемъ, дабы не задерживать заднихъ, поднимали изъ ящика, т. е. съ полотна дороги на рукахъ поврежденное, но не прежде, пока не вырубали на верху окраинъ дороги деревьевъ, разчищали площадку и дѣлали отъ нея спуски. Но взамѣнъ этихъ трудностей, тамъ, гдѣ дорога нѣсколько выравнивалась, видъ къ низу представлялъ картину, едва-ли воображаемую. Нашъ путь лежалъ по самому хребту горы, а теплицкое шоссе идетъ по отлогостямъ оныхъ къ Эльбѣ, и тамъ, гдѣ, хотя нѣсколько просвѣчивался лѣсъ, мы могли видѣть, какъ на ладони, все, что происходило на шоссе.

Кому неизвѣстно, какъ 1-я гвардейская дивизія и основа 2-го пѣхотнаго корпуса на плечахъ своихъ удерживали натискъ Вандамма до Теплица и какъ полки Преображенскій и Семеновскій, бросившись на двѣ стороны, направили свои удары на смутившагося непріятеля и подавались шагъ за шагомъ къ Теплицу. Это все безъ подзорной трубки можно было разглядѣть, какъ игру въ шахматы. Я въ это время ѣхалъ сзади роты его высочества, гдѣ случайно попалъ фургонъ англійскаго генерала Вильсона, находившагося при главной квартирѣ арміи. Разумѣется, при подобныхъ обстоятельствахъ скоро знакомишься, и мы разговорились въ особенности о предметѣ, который больше всего насъ всѣхъ тревожилъ. Когда приходилось чрезъ прорѣзъ лѣса видѣть шоссе, замѣтно было, что 1-я дивизія отошла уже впередъ нашей, т. е. находилась ближе къ Теплицу, чѣмъ мы; то зная, что дефиле наше, оканчивается предъ самымъ Теплицомъ, то если дивизія не удержится и непріятель конецъ дефиле займетъ

Библиотека "Руниверс"

незначительнымъ отрядомъ, то онъ всѣхъ насъ по-одиночкѣ заберетъ. Не знаю, помнитъ-ли теперь кто, но я помню очень хорошо, что Вильсонъ говорилъ намъ, между прочимъ, что въ его экипажѣ находятся бумаги и документы, весьма важные для воюющихъ державъ, и еслибы случилось таковое несчастіе, о которомъ мы предполагали, то просилъ насъ, чтобы мы расхватали его бумаги, бросились бы вправо, лѣсами, стараясь выбраться къ Прагѣ, и тамъ передали бы эти бумаги главному начальству, отнюдь не выдавая оныхъ французамъ.

Наконецъ, часу въ 7-мъ вечера выбрались мы на ровное мѣсто и нашли 1-ю дивизію тоже почти у самаго нашего выхода. Повидавшись съ нашими товарищами и поздравивъ ихъ съ побѣдою, мы пошли тотчасъ за Теплицъ, а ихъ оставили передъ городомъ. Тутъ мы видѣли раненаго графа Остермана-Толстаго (а въ горахъ съ нами вмѣстѣ несли на носилкахъ Моро). О графѣ Толстомъ тутъ же былъ разсказанъ анекдотъ.

Когда ему раздробило руку, выше локтя, онъ упалъ безъ чувствъ и былъ вынесенъ за линію; пришедши въ себя, увидѣлъ, что нѣсколько лекарей толкуютъ, по-латыни, о томъ, какъ слѣдуетъ ему отнять руку. Молодой лекарь конно-гвардейской артиллеріи, Кучловской, сказалъ своимъ товарищамъ:

— «Напрасно, господа, толкуемъ по-латыни, графъ ее лучше нашего знаетъ!»

— «Ты, молодецъ!» сказалъ графъ. «На, рѣжь ты, а не другой кто!» и предоставилъ ему сдѣлать операцію.

Въ то время, когда кончилась операція и дѣлали перевязку, подъѣхалъ къ группѣ кн. Меншиковъ, бывшій тогда еще въ чинѣ штабсъ-капитана и флигель-адъютантомъ и съ видомъ жалостливаго участія, обращается къ Остерману съ вопросомъ:

— «Какъ вы себя чувствуете?»

— «Voyez, prince», отвѣчаетъ графъ, «quelle mésaventure m'est arrivée! donnez moi une prise!...» (посмотрите, князь, какая случилась со мной непріятность! Дайте мнѣ табаку понюхать!...).

Лѣтъ 30-ть спустя, мнѣ пришлось слышать отъ самого Алексѣя Петровича (Ермолова), что ему, подъ Кульмомъ, гораздо было труднѣе управиться съ Остерманомъ, нежели съ французами! Въ пылу сраженія, графъ постоянно стоялъ передъ фасомъ-каре,

Библиотека "Руниверс"

обращенномъ къ Дрездену; но французы, съ противной стороны, въ обходъ каре, готовились вести атаку.

— «Тогда», говоритъ Ермоловъ, «я спѣшилъ объявить это Остерману, приглашая отдать каре нѣсколько назадъ!»

— «О! это мнѣ никогда даромъ не проходитъ! Ни на шагъ назадъ!» кричалъ графъ. «Вы всѣ трусы! Стоять и умирать на мѣстѣ!...»

— «Такъ что», продолжалъ Ермоловъ, «мнѣ едва ни приходилось его тащить!...»

Когда мы прошли за Теплицъ, лошади подъ артиллеріею почти во всѣхъ ротахъ, исключая гвардейскихъ, были до такой степени изнурены, что мнѣ никогда не случалось въ другой разъ встрѣчать. Онѣ садились на заднія ноги, подобно собакамъ, и слышанъ былъ отъ нихъ стонъ, похожій на вой!... Это обстоятельство столь покажется невѣроятнымъ, что я вынужденъ объяснить его. Я уже говорилъ, что дефиле имѣло основу кремнистый камень. Лошади съ первыхъ шаговъ при спускахъ съ горъ, привыкшія упираться задними ногами, теряли подковы, не имѣя чѣмъ замѣнить ихъ, а повторяя это, почти на каждыхъ 10-ти саженяхъ одну и ту же операцію, такъ утрудили заднія ноги, что, наконецъ, не могли на нихъ держаться. Въ ротахъ же гвардейской артиллеріи, еще съ зимы 1812 года, былъ большой запасъ подковъ, хранившихся въ передкахъ при орудіяхъ, при зарядныхъ ящикахъ, въ торбахъ, что давало возможность на мѣстѣ подновлять ковку. Это сберегло лошадей, такъ что послѣ Кульмскаго дѣла, 18-го числа бывшаго, всѣ роты гвардейской артиллеріи выведены были въ полномъ своемъ составѣ, вмѣстѣ съ войсками, на парадъ 19-го августа 1813 г. и представились въ блестящемъ видѣ, къ удивленію государя....

19-го августа, послѣ бывшаго парада, капитанъ Демидовъ, командовавшій 2-й легкою ротою, въ которой я числился, по какому-то неудовольствію отрапортовалъ себя больнымъ. Эйлеръ предписалъ мнѣ отправиться къ ротѣ и вступить въ командованіе оной, что и продолжалось во все время стоянки нашей подъ Кульмомъ, слишкомъ двѣ недѣли.

30-го августа гвардейская пѣхота и пѣшая гвардейская артиллерія, въ день ангела государя, давала обѣдъ прусской гвардейской пѣхотѣ и артиллеріи. Съ офицеровъ было взято по 50 р.

Библиотека "Руниверс"

ассигн. съ каждаго. Распорядителемъ праздника былъ флигель-адъютантъ Сипягинъ. Моя рота была расположена у селенія, названія не помню, и тутъ была моя квартира. Позади моего дома находилась большая мазанковая рига. Эта рига была главнымъ средоточіемъ торжества. Сперва всѣ стѣны, кромѣ столбовъ, были вынуты, а потомъ къ обоимъ концамъ пристроили дуги, а къ центру еще особенно придѣланъ (навѣсъ); все это составило галлерею изъ однихъ столбовъ. Столбы до потолка увились зеленью и посрединѣ былъ поставленъ столъ въ три аршина ширины, такъ что поперекъ стола могли свободно ѣсть три особы; въ полукругѣ столы были поставлены такъ, что собесѣдники сидѣли съ одной только стороны и всѣ были обращены лицами къ главному столу. Люстры и арматура снаружи были сдѣланы изъ яркихъ цвѣтовъ, добытыхъ въ Прагѣ. Въ интервалахъ между столбами, передъ обѣдомъ, были разставлены по два гренадера Павловскаго полка. У передняго фасада стояла въ караулѣ рота Преображенскаго полка, со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ того же полка, а позади галлереи, въ 3-хъ мѣстахъ, хоры другихъ гвардейскихъ полковъ. Пѣсенники всѣхъ полковъ были собраны тоже позади галлереи. Гости наши собрались въ два часа, а государь прибылъ въ три. За столомъ занимали мѣста: императоръ австрійскій въ срединѣ, прусскій король справа, государь слѣва отъ него; возлѣ прусскаго короля сидѣлъ Барклай-де-Толли, возлѣ государя кн. Шварценбергъ; за Шварценбергомъ — великій князь Константинъ Павловичъ, а за Барклаемъ — прусскій принцъ; за офицерскими столами сидѣли одни пруссаки, а мы прислуживали и угощали гостя, соотвѣтственно тому роду войскъ и оружія, къ которому принадлежалъ угощаемый: такъ гренадеры выбрали гренадеръ, егеря — егерей, саперы — саперъ и т. д., на мою долю пришелся артиллеристъ. Въ самой срединѣ обѣда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ галлереи, вспыхнулъ огонь въ строеніи, занимаемомъ кухней. Государь встревожился и сказалъ великому князю по-русски:

— «Нѣтъ-ли опасности?»

— «Здѣсь Эртель, ваше величество!» отвѣчалъ великій князь.

Государь и всѣ русскіе, понявшіе остроту, расхохотались. (Эртель, извѣстный петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, а тогда генералъ-полиціймейстеръ въ арміи). И дѣйствительно, менѣе не-

Библиотека "Руниверс"

жели въ ¼ часа, гвардейцы по бревну разобрали горящее зданіе и разнесли въ сторону, оставивъ на-показъ печь, кастрюли и поваровъ.

Послѣ обѣда государь обходилъ, какъ гостей, такъ и угощавшихъ, и съ каждымъ милостиво разговаривалъ, чѣмъ такъ очаровалъ иностранцевъ, что они, по отъѣздѣ государя, со слезами припоминали каждое сказанное имъ слово. Прусскій же король занялся слушаніемъ пѣсенниковъ нашихъ, гдѣ главнымъ рожечникомъ (играющимъ на рожкѣ) былъ моей роты бомбардиръ Минаевъ и онъ его заставлялъ нѣсколько разъ проигрывать и повторять обычныя при русскихъ пѣсняхъ «solo», такъ что чрезъ недѣлю мой Минаевъ отъ истощенія въ груди отправился на тотъ свѣтъ, а потомъ чрезъ нѣсколько дней за усердіе его были присланы двѣ медали: одна золотая—отъ австрійскаго императора, а другая серебряная—отъ прусскаго короля. Сдѣлавшіяся достояніемъ роты, медали эти были обращены къ образу въ память покойнаго.

5-го сентября 1813 года, въ день ангела императрицы, на томъ же мѣстѣ, гвардейская кавалерія наша угощала прусскихъ кавалеристовъ въ присутствіи монарховъ и военачальниковъ. Этотъ пиръ кончился весьма плачевно. Когда государи отбыли, офицеры продолжали свое угощеніе; головы разгорячились; началась проба лошадей и скачка чрезъ барьеръ. Командиръ прусскаго гвардейскаго уланскаго полка, молодецъ лѣтъ 30-ти, безъ кивера и безъ сабли, пустился перескакивать какую-то преграду и на самомъ взносѣ лошади сорвался съ нея и тутъ же убился до смерти. Это произошло въ виду нашемъ.

4-го октября сраженіе подъ Лейпцигомъ уже было въ полномъ разгарѣ, а мы находились въ резервѣ и варили кашу; часу въ двѣнадцатомъ приказано было опрокинуть котлы и на рысяхъ всей артиллеріи идти впередъ. Это былъ тотъ самый моментъ, когда французы, бросившись на гвардейскую батарейную роту графа Аракчеева, проскакали ее и устремились къ государю. Государь приказалъ своему конвою отразить эту атаку — и батарея была спасена.

Офицеры этой роты, и въ особенности подпоручикъ Тиманъ младшій, разсказывали послѣ подробности сдѣланнаго на нихъ удара. Французскіе конно-егеря бросились вскачь на батарею и,

Библиотека "Руниверс"

проскакавъ въ интервалахъ между орудій, понеслись далѣе, а задніе стали рубить канониpовъ и приступили уже къ управленію пушками. Въ это время онъ, Тиманъ, бросился на землю и чрезъ него перескочило уже нѣсколько всадниковъ, какъ вдругъ стали поворачивать орудіе и хоботомъ лафета прямо на него!... Онъ вскочилъ, перебѣжалъ на другую сторону орудія и опять бросился на землю. Не прошло 5-ти минутъ, какъ французская кавалерія обратилась назадъ, а за ними наши казаки — и опять нѣсколько лошадей перепрыгнули чрезъ него, но ни одна не задѣла его копытомъ. Онъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ и остался невредимъ. Другой офицеръ этой роты, прапорщикъ кн. Трубецкой, попался уже въ плѣнъ и одинъ кавалеристъ, взявъ его за воротникъ, тащилъ его за собою. Но ихъ обскакали сперва французы, за ними казаки, а вслѣдъ за послѣдними подоспѣлъ нашей же гвардейской артиллеріи поручикъ Ярошевицкій, который въ этотъ день былъ командированъ на ординарцы къ начальнику артиллеріи. Князь Яшвиль находился за болѣзнью въ отсутствіи, а его мѣсто, во время лейпцигскаго сраженія, заступалъ начальникъ его штаба генералъ-маіоръ Сухозанетъ, распорядившійся и насъ подвинуть впередъ въ самый необходимый моментъ, такъ что этимъ дѣломъ обратилъ на себя особенное вниманіе государя. При немъ-то и былъ Ярошевицкій. Желая отличиться въ глазахъ самого государя, онъ пустился въ атаку вмѣстѣ съ казаками и имѣлъ случай отбить князя Трубецкаго у француза, ударивши послѣдняго по рукѣ шпагою. Пока все это происходило, Сухозанетъ распорядился, чтобы на то мѣсто, гдѣ была разстроенная рота графа Аракчеева, поставить нашу роту и немедленно подать ее впередъ. Это было передъ деревней Вахау. Лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ въ то же время пустился бѣгомъ для занятія этой деревни и, не доходя оной, взялъ нѣсколько вправо; мы тотчасъ открыли огонь. Каково же было наше удивленіе, что предметы, противъ которыхъ были обращены наши орудія, были: Ярошевицкій и кн. Трубецкой, быстро къ намъ приближавшіеся, одинъ—на лошади, а другой—пѣшій съ блѣднымъ и длиннымъ лицомъ! Князь Трубецкой между товарищами слылъ большимъ нувелистомъ; вращаясь всегда въ кругу генералитета, въ корпусной и дивизіонной квартирахъ, онъ всегда первый доставлялъ намъ политическія и придворныя

Библиотека "Руниверс"

новости. Въ настоящемъ случаѣ Ярошевицкій, въ короткихъ словахъ, спѣшилъ намъ объяснить, какъ онъ спасъ Трубецкаго и поскакалъ къ Сухозанету. Трубецкой молчалъ и никакъ не могъ придти въ себя, такъ все это быстро сдѣлалось, а мы, вмѣсто того, чтобы пожалѣть бѣднаго товарища, стали подшучивать надъ нимъ:

— «Зачѣмъ туда ходилъ? Не разузналъ-ли чего? Что у нихъ новаго? Кто у нихъ тамъ командуетъ?» и т. д.

Я забылъ сказать, что Демидовъ, мой капитанъ, выздоровѣлъ и командовалъ опять ротою. Уже часа два, какъ мы продолжали пальбу, раздался голосъ одного бомбардира:

— «Капитана убили!»

— «Котораго?» закричало вдругъ нѣсколько голосовъ.

— «Демидова!»

— «Ну хорошо еще, что не Жиркевича!» кто-то отвѣчалъ на это.

Вышло, что подъ Демидовымъ была убита лошадь и онъ, освободясь изъ-подъ нея, хладнокровно подошелъ ко мнѣ разсказать этотъ случай.

5-го октября мы простояли все на томъ же мѣстѣ, а 6-го насъ подняли, когда еще не разсвѣтало, и приказали быть въ готовности. Едва показался свѣтъ, насъ отдѣлили отъ гренадеръ выстроили три роты въ колоннахъ, въ одну линію, и двинули впередъ. Передъ нами уже было нѣсколько ротъ еще впереди, а въ интервалахъ, между ними, гвардейская пѣхота. При первыхъ лучахъ зари, пальба уже загремѣла по всѣмъ направленіямъ, а войска двигались, точно на маневрахъ, стѣсняя кругъ свой къ одному центру — Лейпцигу. Погода была ясная, но дулъ сильный вѣтеръ—рѣзкій и холодный. Часовъ въ 9-ть прискакалъ къ намъ государь въ мундирѣ Семеновскаго полка, въ шляпѣ, закрытою клеенкою, и безъ султана. Мы стояли въ это время на небольшомъ возвышеніи; орудія были сняты съ передковъ. Государь остановился, сталъ смотрѣть въ подзорную трубу на происходившую битву, и когда посмотрѣлъ вправо отъ насъ, вдругъ вскричалъ:

— «Что это тамъ дѣлается? Я право разобрать не могу!..» Это восклицаніе заставило насъ всѣхъ пристально посмотрѣть въ ту сторону, куда онъ глядѣлъ. Мы ничего не могли разглядѣть

Библиотека "Руниверс"

за дымомъ, но замѣтили только, что на этомъ пунктѣ, съ нашей стороны, вдругъ прекратилась пальба, а потомъ, когда дымъ нѣсколько разчистился, мы могли различить, что какая-то масса войскъ очутилась позади общей линіи нашей, такъ что первая мысль государя и наша была, что французы, сдѣлавъ сильную атаку, осадили нашихъ и теперь, занявъ ихъ мѣсто, съ онаго начнутъ по нимъ стрѣлять. Государь послалъ кого-то немедленно узнать, что это значитъ, и сталъ еще внимательнѣе разсматривать въ подзорную трубу. Едва прошло 10-ть минутъ, какъ прискакалъ капитанъ кн. Голицынъ въ мундирѣ Семеновскаго полка, имѣя руку на перевязи; бросивъ поводъ лошади, онъ соскочилъ съ нея, подбѣжалъ къ государю и подалъ ему какой-то лоскутокъ бумаги. Государь спросилъ его:

— «Что это, раненъ князь?»

— «Ничего государь. Только оцарапанъ,» отвѣчалъ онъ.

Тогда государь прочелъ записку и, обратясь къ намъ и другимъ, тутъ стоявшимъ, съ веселымъ лицомъ сказалъ:

— «Вотъ вамъ разгадка! Это саксонцы перешли на нашу сторону, пишетъ графъ Бенингсенъ!»

— «Ну, что князь, здоровъ графъ?» и съ этими словами государь галопомъ поскакалъ въ ту сторону, откуда пріѣхалъ Голицынъ.

Въ этотъ день намъ не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла, но нѣсколько французскихъ ядеръ долетѣло до насъ, и не безъ вреда для роты. Эту ночь мы провели на мѣстѣ сраженія, а 7-го октября, рано утромъ, обойдя слѣва Лейпцигъ, пустились вслѣдъ за французами, и чрезъ два дня перестали бивуакировать, а стали располагать свои ночлеги на тѣсныхъ квартирахъ.

Мы шли на Веймаръ, Мейнингенъ, Вюрцбургъ и Ашаффенбургъ и около Мейнингена уже такъ отдалились, или, лучше сказать, отстали отъ французовъ, что нашимъ ротамъ отводились квартиры, по крайней мѣрѣ, верстъ на пять въ сторону отъ дороги, въ горахъ, а орудія оставляли на трактѣ. Обыватели этихъ мѣстъ до нашего прихода не видали русскаго солдата и имѣли о немъ понятіе, какъ о людоѣдѣ. Когда мы объявили имъ, что мы—русскіе, они этому вѣрить не хотѣли, называя насъ прусса-

Библиотека "Руниверс"

ками и, ссылаясь въ этомъ случаѣ на то, что мы объясняемся съ ними по-нѣмецки.

Около Вюрцбурга намъ пришлось проходить около самой цитадели, гдѣ еще оставался французскій гарнизонъ, который не препятствовалъ намъ пройдти. 1-го или 2-го ноября мы прибыли во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Подъ Лейпцигомъ командовавшій 1-й ротой, полковникъ Базилевичъ былъ легко раненъ; между тѣмъ, капитаны Ладыгинъ и Демидовъ произведены были въ полковники, Ладыгинъ—за Кульмъ, а Демидовъ, старше его,—за Лейпцигъ, чѣмъ почелъ себя обиженнымъ, и Ладыгину, какъ старшему, поручена была бригада и рота его высочества; мнѣ же велѣно вступить въ командованіе 1-й легкой ротою и съ ней я вступилъ во Франкфуртъ одинъ изъ бригады при гвардіи; прочія же роты оставались версты за четыре въ Оффенбахѣ.

Мнѣ отвели квартиру противъ самой ратуши, у одной вдовы, хозяйки большаго торговаго дома, по фамиліи Меnони ди-Петро. Этотъ домъ имѣлъ свои конторы, кромѣ Франкфурта, въ Ліонѣ и въ Лейпцигѣ; въ послѣднемъ городѣ, въ домѣ ея квартировалъ, взятый въ плѣнъ, саксонскій король.

Когда я прибылъ на квартиру, хозяйка дома встрѣтила меня у подъѣзда и повела въ парадныя комнаты, предоставляя ихъ въ мое распоряженіе. Но я усиленно ее упросилъ, чтобы мнѣ дали двѣ или три комнаты въ сторонѣ, и прибавилъ, что мнѣ больше всего нужнѣе кухня, ибо я, какъ начальникъ роты, держу столъ для своихъ офицеровъ. На счетъ комнатъ мнѣ была сдѣлана уступка, но на счетъ кухни, какъ хозяйка, такъ равно и главный повѣренный по дѣламъ, рѣшительно отказали, утверждая, что это будетъ для нихъ большая обида, если я откажусь отъ ихъ стола. Тутъ, для большаго ихъ вразумленія, я объявилъ, что у меня въ ротѣ пять человѣкъ офицеровъ и что это еще не вся моя компанія; что въ Оффенбахѣ квартируетъ цѣлая наша бригада и что каждый мой товарищъ, пріѣзжая во Франкфуртъ, непремѣнно будетъ останавливаться у меня, а когда придетъ бригада для парадовъ, то наберется у меня офицеровъ человѣкъ до 20-ти. Но все это ни къ чему не послужило. Хозяйка и повѣренный настояли на своемъ и просили только объ одномъ, чтобы часа за два до обѣда объявлять, сколько персонъ обѣдаютъ, а все прочее предоставить имъ на ихъ усмотрѣніе. И точно. Я квартировалъ

Библиотека "Руниверс"

во Франкфуртѣ до 30-го ноября 1813 г.: мои ротные офицеры каждый день со мной обѣдали; каждый день 2 или 3 гостя являлись изъ Оффенбаха, раздѣляли нашу трапезу и постоянно обѣдъ состоялъ изъ 5-ти блюдъ съ такимъ количествомъ бутылокъ стараго рейнвейна, что мы всегда часть отдавали нашимъ деньщикамъ. Въ продолженіе нашей стоянки разъ пять или шесть были парады и хозяйка всякій разъ отправляла на мѣсто парада цѣлыя корзины съ винами и закусками, прося только для принесенія ихъ людей и со всѣмъ тѣмъ, въ день выхода моего изъ Франкфурта, хозяйка меня провожала, какъ сына, со слезами на глазахъ, далеко за городъ. Въ мое распоряженіе предоставлена была ложа въ театрѣ; я былъ записанъ членомъ въ клубѣ, и когда хозяйка замѣтила, что я не курю табаку, но мои гости курятъ и не выпускаютъ трубокъ изъ рта, то каждый день приносила ко мнѣ въ кабинетъ по фунту турецкаго табаку. Едва вставалъ я поутру съ постели, которую убирали каждый день тонкимъ постельнымъ бѣльемъ и выходилъ въ кабинетъ, тамъ уже стоялъ столъ съ кофе и полудюжиною чашекъ На другомъ столѣ лежала всѣхъ сортовъ писчая бумага, ½ ящика карандашей, гусиныхъ ново-очиненныхъ перьевъ, коробки съ вакшафомъ, турецкимъ табакомъ, двѣ или три пачки, разныхъ названій, сигаръ; все это каждый день перемѣняли на свѣжее и новое. Тотчасъ являлся повѣренный съ вопросомъ: не нужно-ли чего-нибудь для меня, сколько будетъ сегодня у меня обѣдать и къ которому часу долженъ быть обѣдъ? Я иначе не соглашался обѣдать, какъ съ хозяевами и они принимали это за большую честь и удовольствіе. Обѣдъ каждый день былъ ровно въ часъ.

Въ моей ротѣ офицерами были тогда: поручикъ Стаховичъ, подпоручики Понкратьевъ, Поповъ и прапорщикъ Похвисневъ. Чаще другихъ навѣщали меня, во Франкфуртѣ, два брата Тимана, Сумароковъ, Ладыгинъ, Дунинъ-Барковскій, Дивовъ и кн. Горчаковъ. Послѣдній болѣе являлся къ театру. Въ одномъ домѣ со мною квартировалъ прусскій гвардейскій офицеръ Шулцендоретъ и еще какой-то австрійскій капитанъ. Перваго я также приглашалъ къ столу моихъ хозяевъ, а послѣдняго даже вблизи никогда не видѣлъ. Это я все разсказываю для того, чтобы показать, до какой степени русскіе пользовались довѣріемъ и расположеніемъ франкфуртскихъ обывателей.

Библиотека "Руниверс"

Молодость бываетъ не безъ шалостей. Всѣ мы вообще, офицерство, куртизировали актрисъ въ театрѣ. Тогда тамъ были двѣ славныя своимъ талантомъ: фрау-фонъ-Бушъ и Генріетта Миллеръ, первая къ тому была еще красавица. Въ концѣ спектакля, играли ли наши любимыя актрисы или нѣтъ, мы постоянно ихъ вызывали, но, не довольствуясь еще этимъ, выходя изъ театра на улицу, къ подъѣзду, кричали:

— «Виватъ фрау-фонъ-Бушъ! Виватъ Генріеттѣ Миллеръ!»

Отъ театра до моей квартиры нужно было идти по главной улицѣ, и къ каждому дому подходя, одинъ изъ насъ дергалъ колокольчикъ, дверь отворялась, дворникъ выглядывалъ въ окно съ вопросомъ: «что угодно?»

— «Виватъ фрау-фонъ-Бушъ! Виватъ Миллеръ!» кричали мы и это повторялось всякій день.

Во Франкфуртѣ были розданы нѣкоторымъ лицамъ медали въ память 1812 года и я надѣлъ ее 21-го ноября. Мы выступили изъ этого города 30-го ноября.

Изъ Франкфурта намъ данъ былъ маршрутъ прямо до Базеля. Мы шли чрезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Карлсруэ, но тамъ насъ вдругъ остановили и расположили на кантониръ-квартиры. Моей ротѣ досталось стоять въ городѣ Бренштейнѣ, принадлежавшемъ собственно марк-графинѣ Баденской, матери императрицы Елисаветы Алексѣевны. Во время этой стоянки я откормилъ своихъ лошадей, ибо тамъ смѣло требовалъ удвоенную порцію фуража, потому что нѣмцы намъ ни въ чемъ не отказывали, была бы лишь имъ выдана квитанція. Такимъ образомъ, я заготовилъ для роты болѣе нежели на 200 талеровъ желѣзныхъ подковъ и все это сошло съ рукъ. Конечно, еслибы впослѣдствіи стали свѣрять квитанціи съ настоящею потребностью, то было бы плохо, но этого никогда не могло случиться и никто изъ насъ объ этомъ не безпокоился.

Когда мы вновь пошли въ походъ, въ Фрейбургѣ я находился съ моею ротою одинъ при гвардіи; я парадировалъ мимо государя и австрійскаго императора. Лошади мои поотъѣлись и танцовали подъ музыку. При послѣднемъ зарядномъ ящикѣ пристяжная лошадь сбила валекъ съ крюка и какъ это уже былъ конецъ войска, сзади не шло ни одного солдата, а за убылью въ сраженіяхъ при этомъ ящикѣ не было подручнаго, то я под-

Библиотека "Руниверс"

скочилъ къ ящику, слѣзъ съ лошади, надѣлъ валекъ на крюкъ и поѣхалъ за ротою. Едва я отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, подъѣзжаетъ ко мнѣ графъ Милорадовичъ, командовавшій гвардейскимъ корпусомъ.

— «Богъ мой!» сказалъ онъ, «за что это государь велѣлъ васъ арестовать?»

— Не знаю ничего, отвѣчалъ я; можетъ быть за то, что лошадь сшибла валекъ у ящика..

— «Жаль мнѣ, очень жаль», сказалъ графъ и поѣхалъ далѣе.

Мы прошли городъ Леррахъ и рота моя расположилась въ деревнѣ, верстахъ въ 4-хъ оттуда; тутъ же была дивизіонная квартира Ермолова. Мы простояли два дня и офицеры ѣздили взглянуть на рейнскій водопадъ; я же оставался дома, не имѣя ни желанія, ни духу, такъ былъ убитъ новостью, сказанною мнѣ Милорадовичемъ. Въ самый день происшествія пріѣхалъ ко мнѣ фельдъегерь съ приказаніемъ — явиться къ графу Аракчееву. Я нѣсколько встревожился, но не испугался, ибо обдумалъ, что я не сдѣлалъ ничего такого, чтобы Аракчееву могло быть поручено лично расправиться со мной. Когда я явился къ графу, онъ меня встрѣтилъ словами:

— «У меня, Жиркевичъ, до тебя есть просьба! Но прежде скажи мнѣ, за что на тебя прогнѣвался сегодня государь?»

— Можетъ быть государь призналъ за безпорядокъ, что лошадь подъ ящикомъ валекъ сбила!

— «Не знаю», сказалъ Аракчеевъ, «но все-таки, братъ, не хорошо, ежели государь на кого сердится! А теперь вотъ въ чемъ дѣло. Князь Андрей Николаевичъ Долгорукій прислалъ ко мнѣ сына своего для опредѣленія въ службу. У меня никого нѣтъ близко знакомаго, кому бы я могъ передать и поручить юношу. Сдѣлай для меня дружбу, возьми его къ себѣ въ роту и прими на свое попеченіе. Все, что ты для него сдѣлаешь, отецъ его приметъ на свой счетъ, а я—на мой собственный! Вотъ молодецъ! Рекомендую его тебѣ!»

Тутъ разговоръ обратился на посторонніе предметы и онъ меня, не задерживая, отпустилъ домой.

По возвращеніи моемъ, когда я все ожидалъ еще напророченнаго мнѣ ареста, принесли мнѣ высочайшій приказъ и я, къ

Библиотека "Руниверс"

удивленію моему, прочелъ, что мнѣ, вмѣстѣ съ другими, начальствовавшими на парадѣ, объявлено высочайшее благоволеніе.

Какъ мнѣ послѣ разсказывалъ одинъ изъ адъютантовъ Ермолова развязка этого обстоятельства была слѣдующая. Когда, пройдя мимо государя, я отправился далѣе, государь сказалъ вслухъ Милорадовичу:

— «Прикажите арестовать командира роты!»

Милорадовичъ уѣхалъ, а Ермоловъ приблизился къ государю и сказалъ:

— «Я слышалъ, ваше величество, приказаніе ваше, на счетъ штабсъ-капитана Жиркевича; осмѣлюсь ходатайствовать за него. Рота, которую вы изволили теперь смотрѣть, та самая, о которой я вамъ докладывалъ во Франкфуртѣ, что вовсе не получаетъ фуража для лошадей, а теперь вы изволили видѣть каковы лошади?»

— «Да, это правда твоя, Алексѣй Петровичъ, лошади сыты; но все-таки не въ порядкѣ, потерты и худо вычищены; да и къ тому-же, людей много недостаетъ въ ротѣ!»

— «Что лошади потерты, отъ этого избавиться нельзя, государь», возразилъ Ермоловъ, «не ремонтируя роту отъ начала похода, это не вина командира, да и командиры одинъ другаго смѣняютъ, а новые не могутъ отвѣчать за прежнихъ».

— «Ну хорошо, пусть будетъ по твоему. Объявить въ приказѣ командиру роты, какъ и прочимъ, благодарность!» сказалъ государь.

На другой же день былъ переведенъ въ гвардейскую артилерію командиръ 1-й бригады, полковникъ Таубе. Въ началѣ кампаніи онъ былъ еще поручикомъ и адъютантомъ кн. Яшвиля и въ продолженіе похода, переведенный въ гвардію одинъ за другимъ, до полковника, получалъ чины. Подъ Бородинымъ у насъ былъ тоже полковникъ Таубе, Карлъ Максимовичъ, котораго всѣ офицеры, безъ исключенія, любили и уважали и которому оторвало ногу. Сколько того любили, въ такой же степени къ теперешнему обратилась наша общая антипатія. Этого Таубе у насъ иначе не звали какъ: «Керль-это-Керль!»—по отвѣту его на сдѣланный ему вопросъ однимъ генераломъ объ его имени и отчествѣ. Когда еще онъ не былъ назначенъ къ намъ командовать, но уже былъ произведенъ въ полковники, то, проѣзжая

Библиотека "Руниверс"

разъ по фронту нашей бригады, молодежь-офицерство встрѣтило его и провожало криками: «Керль-это-Керль! Ату-его!»

VII.

Франція.— Безпокойный меръ.— Служебныя непріятности.—А. П. Ермоловъ.— Сраженіе подъ Бріенномъ.

1814 г.

Наконецъ, 1-го января 1814 года мы перешли Рейнъ, въ Базелѣ, и вступили въ предѣлы Франціи. Когда мы шли нѣмецкими провинціями, мы не находили для себя ничего страннаго, такъ уже мы свыклись и съ говоромъ, и съ ихъ обычаями, но на второмъ переходѣ — услыхать кругомъ себя чистый французскій языкъ — было для насъ особенной новостью.

Не припомню теперь именно, въ какой деревнѣ, рота, войдя и установя паркъ, стала расходиться по квартирамъ, меня встрѣтилъ мой хозяинъ, деревенскій меръ, со всѣмъ своимъ семействомъ, болѣе состоящаго изъ женскаго пола, ибо мужчины, вѣроятно, всѣ попали въ конскрипцію. Обласкавъ всѣхъ, я сталъ распрашивать мера объ ихъ положеніи и просилъ его доставить намъ, сколько нужно будетъ, фуража и хорошенько кормить людей въ квартирахъ. На послѣдній счетъ онъ меня обнадежилъ, а о фуражѣ объявилъ, что во всей деревнѣ овса нѣтъ ни зерна и ни за какія деньги достать его нельзя. Но мои фуражиры начали уже свое дѣло и тутъ же фельдфебель мнѣ объявилъ, что они нашли на кладбищѣ большую яму, куда ссыпано значительное количество овса. Я расположился спокойно отдохнуть, но не прошло $^1/_4$ часа вбѣгаетъ меръ и кричитъ:

— «Разбой! грабительство! святотатство!»

Начинаю его разспрашивать, въ чемъ дѣло, хотя и догадываюсь о чемъ онъ кричитъ.

— «Помилуйте», говоритъ онъ, «ваши солдаты разрываютъ могилы нашихъ покойниковъ. Это неслыханное дѣло! Одни варвары въ состояніи это дѣлать!»

— Погодите, не горячитесь очень, возразилъ я, мы постараемся все это разслѣдовать.

Но мой меръ ничего не хотѣлъ слушать и еще болѣе прежняго началъ кричать:

Библиотека "Руниверс"

— «Разбой! святотатство!»

Объяснивъ ему все, что мнѣ доложилъ фельдфебель, я добавилъ, что никакого святотатства тутъ не совершено, а что, напротивъ, его бы слѣдовало арестовать за сокрытіе фуража и за ложное донесеніе; но меръ, не принимая никакихъ объясненій, продолжалъ по прежнему кричать на всѣ лады, что мы—варвары! На эти крики въ комнату и къ дому собралась толпа женщинъ съ дѣтьми, которыя еще пуще мера кричали. Вся эта сцена мнѣ сильно прискучила, и чтобы получить себѣ покой и положить этому конецъ, я обратился къ юнкеру кн. Долгорукову и сказалъ ему, указывая на мера:

— Возьмите этого человѣка и разстрѣляйте его за деревнею!

Долгорукій взялъ его за воротникъ и потащилъ изъ комнаты, и вдругъ куда дѣвалась у француза прыть. Затрясся, поблѣднѣлъ; жена его и дочери бросились ко мнѣ въ ноги, умоляя о пощадѣ и обѣщая мнѣ достать вдвое болѣе фуража, сколько я требовалъ. Конечно, что вся это траги-комедія этимъ и кончилась, но, вѣроятно, осталась въ памяти и передается, какъ преданіе, позднѣйшему потомству, какъ «варваръ московитъ» хотѣлъ разстрѣлять мера.....

Во время похода, на одномъ изъ переходовъ, Ермоловъ, командовавшій 2-й гвардейской дивизіею, при которой всегда шла моя рота, подъѣхалъ ко мнѣ, сошелъ съ лошади и пошелъ со мной пѣшкомъ.

— «Ну, слышалъ ты новость, любезный сослуживецъ! Вамъ дали новаго командира, да какого еще? Нѣмца! — Карла Таубе! Знаешь что? Шмерцъ разгонитъ всѣхъ моихъ сотоварищей и сослуживцевъ. Нѣтъ, любезный Иванъ Степановичъ, ни одинъ изъ васъ не останется съ нимъ служить».

Я говорилъ выше о неудовольствіи на меня Ермолова и о послѣдствіяхъ онаго. Теперь я промолчалъ, но едва лишь мы пришли на квартиру, рапортовался больнымъ и болѣе передъ фронтъ роты не являлся.

Первое извѣстіе, которое получилъ о бригадѣ полковникъ Таубе, пріѣхавшій не совсѣмъ, но временно, взглянуть на бригаду, былъ мой рапортъ о болѣзни и онъ немедленно сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: полковника Ладыгина, командовавшаго до сего времени бригадою и ротою его высочества и по прибытіи

Библиотека "Руниверс"

Таубе, сказавшагося больнымъ, онъ немедленно перечислилъ къ 1-й ротѣ, но далъ предписаніе не вступать въ командованіе оной, прежде какъ по выздоровленіи; по моему же рапорту, для командованія по фронту, приказалъ прикомандировать къ ротѣ изъ роты его высочества штабсъ-капитана князя Горчакова 2-го. За этимъ на другой день назначилъ инспекторскій смотръ моей ротѣ поутру въ 8 часовъ. Это было подъ городомъ Везулемъ. Ладыгинъ къ ротѣ еще не прибылъ, а я—къ фронту не вышелъ. Таубе пріѣхалъ на смотръ верстъ за 25 и прямо къ строю. Тутъ онъ спросилъ у кн. Горчакова обо мнѣ и можетъ ли онъ меня видѣть? Горчаковъ отвѣчалъ, что я не такъ боленъ, чтобы могъ отказать ему въ посѣщеніи. Тотчасъ послѣ парада, онъ и всѣ офицеры вошли ко мнѣ и, вмѣсто привѣтствія, Таубе грубо спросилъ меня:

— «Вы больны, г. Жиркевичъ?»

— Боленъ, отвѣчалъ я.

— «Чѣмъ?»

Я назвалъ такую болѣзнь, что всѣ присутствовавшіе захохотали, ибо никто, да и я самъ, этого не ожидали. Меня взбѣсилъ тонъ, которымъ былъ сдѣланъ вопросъ, а также дурацкое освидѣтельствованіе меня г-мъ Таубе.

— «Ah! c'est une espèce de galanterie!» [1]) сказалъ Таубе, и обратился съ распросами о ротѣ.

Я объявилъ Таубе, что, будучи больнымъ, я не въ состояніи разговаривать съ нимъ стоя; онъ отвѣчалъ, что я—хозяинъ дома и могу дѣлать что хочу, а потому я пригласилъ всѣхъ офицеровъ садиться и самъ тоже сѣлъ. Таубе одинъ не сѣлъ и стоялъ въ кругу нашемъ. Наконецъ, видя, что я не обращаю къ нему моего приглашенія, онъ объявилъ откровенно, что, проѣхавъ верхомъ около 25-ти верстъ и пробывъ на морозѣ слишкомъ два часа, онъ съ охотою бы теперь выпилъ рюмку водки. Я ему предложилъ водки и сыру, но болѣе ничего не могъ ему подать, такъ какъ поваръ мой, фронтовой солдатъ, находился на смотру и обѣда еще не готовилъ. Таубе выпилъ двѣ рюмки водки и съѣлъ болѣе чѣмъ ½ круга сыру (frommage de Brie); раскланяясь съ нами и уѣхалъ. Вотъ встрѣча, сдѣланная нами новому начальнику; можно-ли послѣ этого обвинять его, что онъ насъ не лю-

[1]) А, это своего рода любезность.

Библиотека "Руниверс"

билъ. Но со всѣмъ тѣмъ онъ сталъ и не переставалъ искать нашего общаго расположенія.

Какъ скоро Таубе уѣхалъ, мы тотчасъ усѣлись обѣдать и во время стола я сочинилъ и подписалъ рапортъ къ нему, въ которомъ объяснилъ, что я будто боленъ застарѣлою . . . . . болѣзнью, просилъ его поспѣшить назначеніемъ на мое мѣсто новаго командира роты, а мнѣ — испросить увольненіе, для излеченія болѣзни, въ Россію. Этотъ рапортъ я отправилъ за Таубе вслѣдъ, въ роту его высочества, куда онъ на время поѣхалъ. Къ вечеру я получилъ частное письмо отъ адъютанта 1-й бригады при Таубе, Соколова, при которомъ, обращая обратно рапортъ мой, по приказанію Таубе, извѣщалъ меня, что полковникъ дѣлаетъ единственно изъ снисхожденія ко мнѣ и что завтра же пришлетъ лекаря, который дастъ мнѣ форменное свидѣтельство о болѣзни, которое можно будетъ представить для испрошенія мнѣ отпуска. Я опять обратилъ рапортъ къ Соколову и просилъ доложить Таубе, что я снисхожденія ни отъ кого себѣ не прошу и не желаю, кромѣ какъ отъ Бога.

Насмѣшки и издѣвательства на счетъ Таубе не переставали, и на третій день послѣ отсылки моего посланія второй штабсъ-капитанъ Стаховичъ подалъ мнѣ рапортъ, гдѣ пишетъ, что, признавая себя неспособнымъ служить въ артиллеріи по недостатку свѣдѣній, проситъ о переводѣ по кавалеріи. Этотъ рапортъ я отправилъ тоже къ Таубе въ бригадную квартиру. Прошелъ день, къ намъ явились товарищи изъ другихъ ротъ и приняли участіе въ дѣлѣ. На послѣдующій день я получилъ форменное предписаніе, въ которомъ Таубе съ вѣжливостью, не упоминая обо мнѣ собственно ничего, ставитъ мнѣ на видъ, что я не предотвратилъ непріятностей отъ подчиненнаго мнѣ офицера, не удержавъ его отъ дерзкаго поступка, и что онъ съ сожалѣніемъ долженъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, почему предписываетъ мнѣ штабсъ-капитана Стаховича, арестованнаго, немедленно отправить къ нему въ штабъ-квартиру.

Едва это предписаніе было прочтено, какъ кн. Горчаковъ тоже подалъ рапортъ, прося о переводѣ его, по слабости зрѣнія, въ пѣхоту, и въ то же время въ другихъ ротахъ подали рапорты, кто объ увольненіи въ отпускъ, кто о переводѣ: Ладыгинъ, Демидовъ, Сумароковъ, Дивовъ, кн. Трубецкой и др.,

Библиотека "Руниверс"

такъ что Таубе сталъ выходить изъ себя. Когда нашъ бригадный адъютантъ Тиманъ, докладывая ему о прибытіи Стаховича, вручилъ ему мое донесеніе съ просьбой кн. Горчакова, онъ обратился къ Тиману съ вопросомъ:

— «Ну что же вы не подаете рапорта и не проситесь никуда?»

— «Сейчасъ подамъ», отвѣчалъ Тиманъ, и тутъ же принесъ отъ себя прошеніе.

Этимъ случаемъ въ особенности воспользовался Ярошевицкій, который за Лейпцигское сраженіе произведенъ былъ уже въ штабсъ-капитаны, сблизился съ Таубе и сдѣлался его наперсникомъ. Между тѣмъ мы подались къ Лангру. Тамъ Ермоловъ, услышавъ объ исторіи, прислалъ приказъ, чтобы офицеры всей бригады прибыли въ его квартиру. Когда тѣ явились, онъ вышелъ къ нимъ и взволнованнымъ голосомъ началъ съ ними бесѣду.

— «Что вы дѣлаете, безумные? Вы хотите, чтобы изъ васъ кого-нибудь разстрѣляли? Это будетъ; вы увидите. Я увѣряю васъ, что это будетъ. Вѣдь это бунтъ!»

Тутъ не знаю кто-то изъ нихъ, такъ какъ я, рапортуясь больнымъ, у Ермолова не былъ, возразилъ:

— «Бунтъ есть умышленное и условленное согласіе, а изъ насъ никто одинъ другаго не подговаривалъ и подговаривать не станетъ».

— «Знаю», сказалъ Ермоловъ; «въ васъ другое чувство дѣйствуетъ. Но, можетъ быть, только я одинъ умѣю оцѣнить это, а всякій другой вправѣ васъ обвинить по наружности. Я увѣренъ, что еслибы стали васъ всѣхъ разстрѣливать, то каждый бы вышелъ впередъ, чтобы съ него начали. Но послушайте, мои друзья, мои сослуживцы, пріостановитесь и опомнитесь! За кѣмъ теперь очередь подавать просьбу?»

Всѣ молчали.

— «Съ вами говоритъ не генералъ вашъ Ермоловъ, а вашъ товарищъ и другъ. Ну, отвѣчайте искренно.»

Вышли Коробьинъ и Ваксмутъ.

— «Ну вотъ дѣло! Еще разъ прошу васъ остановиться. Обождите, дайте мнѣ два дня сроку, а тамъ дѣлайте, что хо-

Библиотека "Руниверс"

тите; пусть хоть васъ всѣхъ разстрѣляютъ, я не буду болѣе удерживать».

Тотчасъ послѣ этого Ермоловъ отправился къ Аракчееву, разсказалъ ему о происшедшемъ и просилъ его, какъ носящаго мундиръ гвардейской артиллеріи, вступиться въ это дѣло. Аракчеевъ отвѣчалъ, что онъ уже слышалъ объ этомъ и еще прежде представлялъ государю, что назначеніе Таубе огорчитъ офицеровъ, но государю угодно было и затѣмъ все-таки сдѣлать это назначеніе, а потому онъ, Аракчеевъ, какъ слуга и чтитель воли государя, будетъ поддерживать Таубе.

— «Впрочемъ», продолжалъ графъ, «вы сами, Алексѣй Петровичъ, имѣете голосъ. Просите аудіенцію у государя. Онъ не откажетъ вамъ, и объясните ваши мысли».

Ермолову дана была аудіенція. Первымъ словомъ государя было, когда взошелъ Алексѣй Петровичъ:

— «Это просто бунтъ!»

— «Нѣтъ, государь. Общее раздраженіе и огорченіе, клянусь честью и совѣстью моею».

— «Если такъ», отвѣчалъ государь, «то я ихъ всѣхъ распущу, а бригаду наполню новыми».

— «Государь», возразилъ Ермоловъ, «этихъ офицеровъ будетъ трудно замѣнить другими».

Тутъ государь, не говоря ни слова, вышелъ въ другой покой и оттуда принесъ, въ красномъ сафьянномъ переплетѣ, списокъ офицеровъ гвардейскихъ полковъ; развернулъ артиллерійскую бригаду и началъ читать поимянно списокъ, и о каждомъ подробно говорилъ, что онъ о немъ и въ какомъ отношеніи разумѣетъ. Затѣмъ, дойдя до послѣдняго прапорщика, прибавилъ:

— «Вотъ видишь, Алексѣй Петровичъ, что я всѣхъ твоихъ офицеровъ знаю лично. Мнѣ ихъ будетъ жаль, но потворствовать не хочу и не могу».

Ермоловъ молчалъ. Государь раза три прошелся по комнатѣ и быстро подойдя къ нему, положивъ руку на его плечо, сказалъ:

— «Ну вотъ еще, что я согласенъ сдѣлать. Призови ихъ и скажи имъ, что я знаю ихъ дѣло. Желалъ бы очень, чтобы они свои просьбы взяли назадъ. Кто же не возьметъ», продолжалъ государь, остановившись на мунуту, «можетъ идти куда желаетъ. Я отпускаю».

Библиотека "Руниверс"

Ермоловъ съ чувствомъ душевнаго умиленія низко поклонился.

Разсказывая мнѣ впослѣдствіи всю эту сцену; Ермоловъ говорилъ, что на ангельскомъ лицѣ государя была видна вся борьба, происходившая въ душѣ его. Чувства строгости, взысканія и соболѣзнованія о людяхъ, честно исполнившихъ долгъ свой въ тяжелыя годины, быстро смѣнялись и онъ безъ умиленія до сего времени (1847 г.) не можетъ о семъ вспоминать.

Ермоловъ передалъ желаніе государя офицерамъ и всѣ просьбы были взяты обратно, кромѣ Ладыгина, Демидова, Стаховича и моей. Меня и Ладыгина отпустили въ Россію; Демидова — къ германскимъ водамъ, а Стаховича великій князь Константинъ Павловичъ упросилъ перевесть въ гвардейскую конную артиллерію.

Адъютанта Тимана мы похоронили возлѣ Труа. Онъ внезапно занемогъ горячкою и на третій день умеръ. За неимѣніемъ нашего священника, пасторъ прусскихъ войскъ совершалъ погребальную службу. Наши похороны гвардейскаго офицера поразили прусскихъ гвардейцевъ. Въ особенности, что ихъ поражало — это то, что офицеры сами подняли гробъ и несли его на рукахъ болѣе 3-хъ верстъ, до самаго кладбища.

— «Этой чести у насъ и фельдмаршалъ не добьется», говорили они; а мы имъ отвѣчали, «что любимый товарищъ по чувствамъ выше и дороже фельдмаршала».

Къ Труа, до перехода за него, мы подходили два раза. Въ первый разъ я стоялъ на квартирѣ, въ селеніи, у какого-то священника, который сперва не показывался, а потомъ, во время нашего обѣда, вбѣжалъ въ комнату и закричалъ:

— «Русскіе грабятъ церковь!»

Плохо повѣривъ этому, я однако тотчасъ побѣжалъ за капераомъ. Церковь была заперта; онъ сталъ доставать ключъ изъ кармана, чтобы отпереть двери, но въ то же время спросилъ меня:

— «Что же вы хотите дѣлать? Вы одни, а ихъ тамъ очень много!»

— «Ничего», сказалъ я; и выдернувъ ключъ изъ замка, вбѣжалъ во внутрь церкви. «Разбойники! грабители!» раздался мой голосъ подъ сводами церкви и въ ту же минуту увидѣлъ — человѣкъ десять, бросившихся мимо главнаго алтаря къ окнамъ,

Библиотека "Руниверс"

стали выбираться чрезъ оныя. Я догналъ одного и ударилъ его въ голову ключемъ такъ, что разкроилъ ему затылокъ; но другіе товарищи вытащили его за окно. Къ счастію и чести нашей, русскихъ здѣсь ни одного не было, а оказались одни баварцы. Поступокъ мой удивилъ священника, и онъ, возвратясь въ домъ, разсказывалъ какъ о необыкновенномъ случаѣ и не оставлялъ насъ до самаго нашего выступленія.[1])

По вторичномъ нашемъ движеніи, въ февралѣ 1814 г., впередъ къ Труа и за него, передъ сраженіемъ, къ Бріенну, ротой, которой я продолжалъ командовать, рапортуясь больнымъ, на маршѣ проходила мимо князя Яшвиля, только-что возвратившагося изъ Ландека, гдѣ онъ лечился отъ болѣзни. Передъ ротой ѣхалъ штабсъ-капитанъ князь Горчаковъ 2-й, а я слѣдовалъ за ротой, на повозкѣ. Князь Яшвиль спросилъ ко. Горчакова:

«Вы командуете ротой?»

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Горчаковъ, «полковникъ Ладыгинъ».

— «Гдѣ же Ладыгинъ?»

— «Боленъ».

— «Ну, слѣдовательно, вы же командуете теперь ротой?»

— «Нѣтъ», опять возразилъ Горчаковъ, «не я, а штабсъ-капитанъ Жиркевичъ».

— «Ну гдѣ же этотъ?» спросилъ Яшвиль.

— «И онъ боленъ».

— «Какъ это? Что это значитъ? Я тутъ вовсе ничего не понимаю! Командиръ боленъ, командующій боленъ тоже. Да гдѣ же они оба?»

— «Слѣдуютъ за ротою на повозкахъ».

— «А! Ну вотъ теперь я знаю! Они больны только на походѣ, а начнется сраженіе, то оба явятся за крестами. Нѣтъ, меня не проведете! Я остановлю ваши разсчеты. Теперь храбростью никого не удивите. Трусы у насъ теперь повывелись и давно уже ихъ нѣтъ въ арміи!»

---

[1]) Далѣе въ подлинникѣ помѣта автора «Воспоминаній»: «Полоцкъ, 1847 г. марта 18-го дня» и затѣмъ слѣдуетъ три страницы замѣтокъ И. С. Жиркевича о бѣдственномъ его положеніи въ этомъ городѣ, гдѣ онъ поселился въ 1845 году почти безъ средствъ, съ женою и дочерью и, какъ самъ выражается: «не имѣя въ виду ничего хорошаго»... Изливъ свою грусть, Жиркевичъ пишетъ: «Затѣмъ обращусь къ бывшему давне со мною и буду продолжать (разсказъ о событіяхъ въ моей жизни) съ 1814 по 1824 годъ». Ред.

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ, обратясь къ адъютанту, кн. Яшвиль приказалъ тотъ же часъ дать предписаніе бригадному командиру: меня и Ладыгина впредь до выздоровленія перевести въ резервъ.

Бріенское сраженіе было все совершено въ виду нашемъ, но мы въ немъ не участвовали, а послѣ онаго сдѣлали опять нѣсколько маршей назадъ; потомъ вновь стали подаваться впередъ и дошли до Арсисъ-сюр-Объ, гдѣ опять сраженіе происходило передъ нашими глазами, въ равнинѣ, на самомъ берегу рѣки, къ которой наша армія упиралась правымъ флангомъ. Когда же сраженіе кончилось, мы опять отступили одинъ небольшой переходъ назадъ; потомъ вдругъ повернули къ Парижу и пошли къ нему, не останавливаясь болѣе.

17-го марта башни парижскія показались предъ нами. 18-го — происходило извѣстное сраженіе подъ его стѣнами, а 19-го марта 1814 года союзныя войска вступили въ Парижъ во всемъ парадѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

1818—1831.

I.

Тщательные наблюдатели за ходомъ дѣлъ человѣческихъ могутъ, до извѣстной степени, предвидѣть будущее даннаго государства, даннаго народа на болѣе или менѣе далеко предстоящее время. Въ сочиненіяхъ политическихъ мыслителей есть не мало примѣровъ, сбывшихся со временемъ предвидѣній этого, такъ-сказать, двойнаго зрѣнія (double views).

Относительно Россіи хотя имѣлись также предсказанія иностранныхъ политическихъ писателей, согласныя въ томъ, что ей предстоитъ великая будущность, но предвидѣнія эти были вообще неопредѣленны, и никто въ своихъ предположеніяхъ не посмѣлъ пойдти такъ далеко и особенно такъ быстро, какъ въ нашихъ глазахъ пошла сама дѣйствительность. Уже начиная съ полутора назадъ тому вѣка, поговорка: «расти не по днямъ, а по часамъ» какъ нельзя лучше примѣняется къ Россіи.

Тѣмъ, которымъ въ настоящее время не минуло еще 60-ти лѣтъ, то есть такимъ, которые не могутъ помнить того, что было тому 50—55 лѣтъ назадъ, вѣрный разсказъ какого-нибудь болѣе усложненнаго эпизода изъ прошедшаго можетъ легко показаться фантастической сказкою à la Hoffmann.

Это вступленіе я счелъ необходимымъ предпослать тому, что намѣренъ описывать, дабы предупредить читателя, что какъ бы разсказъ мой ни казался неправдоподобнымъ, онъ, однако-жъ,

Библиотека "Руниверс"

строго правдивъ. Къ этому случаю идетъ какъ нельзя лучше изрѣченіе: «le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable». Впрочемъ, приводимыя мною замѣчательнѣйшія данныя не что иное, какъ историческіе факты и легко могутъ быть провѣрены оффиціальными источниками, находящимися въ подлинныхъ дѣлахъ. Я начну съ процесса, для котораго я прибылъ, въ 1822 г., въ Петербургъ, и опишу его подробно, такъ какъ подробности эти представляютъ характеристику времени.

II.

По окончаніи курса наукъ въ Виленскомъ университетѣ, возвратясь въ мой родной Слонимскій уѣздъ, въ деревню, состоявшую въ пожизненномъ владѣніи нашей матери, я опредѣлился, въ 1818 году, въ должность письмоводителя при уѣздномъ предводителѣ дворянства, моемъ родственникѣ Броньскомъ и пробылъ въ ней болѣе трехъ лѣтъ. Замѣчательнымъ событіемъ этого времени было мое соприкосновеніе съ извѣстнымъ государственнымъ дѣятелемъ царствованія Александра I—Н. Н. Новосильцовымъ, тогда императорскимъ коммиссаромъ при правительствѣ, созданнаго въ 1815 г., Царства Польскаго. Онъ часто и по нѣскольку мѣсяцевъ живалъ въ Слонимѣ, такъ какъ городъ этотъ со многими деревнями и фермами, составлявшими такъ-называемую слонимскую экономію, былъ ему пожалованъ въ 12-ти-лѣтнее владѣніе. Подробности этого пребыванія знаменитой исторической личности на отдыхѣ въ провинціальномъ городкѣ, разсказаны въ I-й главѣ моего Калейдоскопа воспоминаній, помѣщенной въ «Р. А.» 1872 г.

Въ маѣ 1822 года случилось обстоятельство, заставившее меня выйти въ отставку. Это было извѣстіе, полученное моимъ дядею Фердинандомъ Броньскимъ, о производящемся въ Петербургѣ дѣлѣ, угрожавшемъ ему лишеніемъ всего состоянія, довольно значительнаго. Дѣло это было такого рода, что въ настоящее время, при теперешнихъ понятіяхъ о правѣ и законности, ничего подобнаго не могло бы даже возникнуть; но тогда, самое невозможное, въ данныхъ обстоятельствахъ, дѣлалось возможнымъ. Вотъ въ чемъ оно заключалось:

Дядя мой кончилъ курсъ ученія очень молодымъ, и, тотчасъ по его выходѣ изъ университета, отецъ его, бывшій уже въ пре-

Библиотека "Руниверс"

клонныхъ лѣтахъ, отдалъ ему въ полную собственность всѣ свои имѣнія, находившіяся въ Гродненской и Виленской губерніяхъ, назначивъ только себѣ небольшую пенсію, съ которою и переселился на жительство въ Вильну. Молодой помѣщикъ занялся тотчасъ приготовленіями къ осуществленію своего пламеннаго желанія—путешествовать по Европѣ. Пріискавъ хорошаго управляющаго для своихъ имѣній, онъ уже получилъ паспортъ, когда, почти наканунѣ отъѣзда, прибылъ изъ другой губерніи помѣщикъ П., старый знакомый и пріятель отца. Разсказавъ, что онъ намѣренъ предпринять очень выгодный подрядъ на поставку провіанта для войскъ и что для этого онъ уже представилъ въ залогъ собственное имѣніе, онъ просилъ моего дядю ввѣрить ему съ тою же цѣлью и его, только что полученное отъ отца, имѣніе. Въ то время никто у насъ, а болѣе всѣхъ молодой Б., не имѣлъ понятія о томъ, что такое подрядъ, и что такое залогъ. П. этимъ воспользовался, представивъ предметъ своей просьбы, какъ простую формальность, какъ дружескую услугу, не могущую имѣть никакихъ послѣдствій, и даже не предложилъ дядѣ никакого вознагражденія, котораго, впрочемъ, тотъ бы и не принялъ. Фердинандъ Броньскій повѣрилъ всему, подписалъ все, что ему было подано, и на другой же день отправился въ свой воякъ. Только по возвращеніи, года черезъ полтора, онъ узналъ, что по данному залогу угрожаетъ ему взысканіе. Полученное о томъ свѣдѣніе было очень неопредѣленное и не заключало въ себѣ никакихъ подробностей.

Въ описываемое время Петербургъ, высшія правительственныя и судебныя учрежденія были для Литвы вообще неизвѣстною страною; въ нашемъ же уѣздѣ въ особенности никто не имѣлъ о нихъ никакого понятія. При томъ же изъ лицъ, которымъ можно бы было довѣрить такое важное дѣло, никто не зналъ ни слова по-русски. Въ этомъ отношеніи одинъ я составлялъ исключеніе, но какое исключеніе! Я едва могъ претендовать на званіе самоучки-дилетанта по русскому языку. Мнѣ когда-то попалось въ руки нѣсколько русскихъ книгъ; это были переводы съ французскаго, переводы Карамзина. Русскій языкъ мнѣ всегда нравился своею метрическою звучностью. Я прочиталъ эти книги и еще нѣсколько нумеровъ какого-то стараго московскаго журнала и это былъ весь объемъ моего знанія. Къ

Библиотека "Руниверс"

тому же, по должности письмоводителя, мнѣ приходилось писать довольно бумагъ по сношеніямъ съ начальствами войскъ, квартировавшихъ въ уѣздѣ. Вотъ почему дядя обратился ко мнѣ съ просьбою ѣхать въ столицу, спасать его отъ раззоренія. При моей неопытности въ подобныхъ дѣлахъ и даже при неизвѣстности въ чемъ состояла опасность, я не рѣшался принять на себя такую отвѣтственность. Тогда дядя обратился къ моей матушкѣ, своей двоюродной сестрѣ, и она приказала мнѣ бросить службу и, принявъ довѣренность отъ дяди, немедленно ѣхать въ Петербургъ. Для меня это приказаніе не допускало никакихъ отговорокъ; скрѣпя сердце я тотчасъ занялся приготовленіями къ отъѣзду.

У меня въ столицѣ не было знакомыхъ; единственная личность, къ которой я могъ смѣло обратиться, это былъ членъ государственнаго совѣта Василій Сергѣевичъ Ланской, бывшій нѣкогда гродненскимъ губернаторомъ и подружившійся на этомъ посту съ покойнымъ моимъ отцемъ, съ бывшимъ моимъ опекуномъ Пусловскимъ и съ его шуриномъ княземъ Друцкимъ-Любецкимъ. Кромѣ того, я обратился къ бывшему тогда въ Слонимѣ Н. Н. Новосильцеву и онъ далъ мнѣ два рекомендательныхъ письма, одно—къ занимавшему при высоч—мъ дворѣ высокое положеніе А., другое—къ извѣстному дѣльцу М., одному изъ вліятельныхъ лицъ въ государственномъ контролѣ, гдѣ предварительно производилось наше дѣло. При томъ я не забывалъ, что за годъ до того, по настоянію начальника новогрудской франмасонской ложи, графа Адама Солтана, я, несмотря на мою молодость, былъ посвященъ въ члены ордена и очень скоро получилъ, одну за другой, довольно высокія степени. Зная изъ дѣлъ нашей ложи, какъ масонство распространено въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ и какъ оно тамъ серьезно понимается и усердно практикуется, я не безъ основанія разсчитывалъ, что, посѣщая петербургскія ложи, сдѣлаю много полезныхъ знакомствъ и въ нихъ найду сильную поддержку для успѣха въ моемъ дѣлѣ. Я запасся рекомендаціями отъ моей ложи и всѣми символическими знаками моего масонскаго сана.

Я прибылъ въ столицу 22-го іюля 1822 года и занялъ нумеръ въ гостинницѣ Демута, но, къ счастію, на другой же день, совершенно неожиданно встрѣтился съ университетскимъ товарищемъ и другомъ моимъ Александромъ Парчевскимъ, кото-

Библиотека "Руниверс"

рый года уже съ два провялъ въ Петербургѣ по своему безконечному процессу съ графиней Тышкевичевой, оспаривавшей законное происхожденіе его малолѣтняго единокровнаго брата, которому доводилось большое наслѣдство. Это тоже было одно изъ тѣхъ уродливыхъ «causes célèbres», которое только при тогдашнихъ порядкахъ могло имѣть мѣсто. Мы тотчасъ согласились жить вмѣстѣ, наняли для этого удобную квартиру и прожили такъ нѣсколько лѣтъ, пока продолжался нелѣпый процессъ, который Парчевскій окончательно выигралъ.

Не теряя времени, я занялся собраніемъ свѣдѣній по моему дѣлу. Оказалось, что оно производится въ государственномъ контролѣ, въ отдѣленіи военныхъ отчетовъ, и заключается во взысканіи въ пользу казны весьма значительной суммы съ неисправныхъ подрядчиковъ за неисполненіе договора и за полученные ими задатки. Главнымъ подрядчикомъ былъ нѣкто С...., соучастникомъ его помѣщикъ Виленской губерніи П.; у обоихъ были значительныя имѣнія. Что же касается до залога, ввѣреннаго моимъ дядею помѣщику П., то оказалось, что онъ былъ представленъ не въ обезпеченіе самой операціи, а впослѣдствіи, по возникновеніи уже этого взысканія и съ цѣлью обратить его на имѣніе моего дяди и оградить настоящихъ должниковъ. Какъ ни хитро было составлено обязательство, выманенное П—мъ у моего дяди, которое онъ подписалъ не читавши, но, по соображенію самаго времени выдачи этого обязательства и по обстоятельствамъ дѣла, было ясно, что дядя мой не участвовалъ въ подрядѣ и не виновенъ былъ въ неисправности. Въ такомъ положеніи казенное взысканіе должно было быть обращено прежде всего на имѣнія лицъ, заключившихъ съ казною условіе, производившихъ подрядъ и получавшихъ задатки, и лишь въ такомъ случаѣ могло упадать на имѣніе моего дяди Б., еслибы стоимость имѣній самихъ виновныхъ въ совокупности, оказалась недостаточною для удовлетворенія казенной претензіи.

Этого требовала самая простая справедливость и самая простая логика, но, въ виду интригъ моихъ противниковъ, ябедническихъ изворотовъ и лживыхъ ихъ объясненій, необходимо было привести положительный законъ, въ коемъ такое требованіе справедливости и логики было бы ясно сформулировано, какъ общее правило для руководства въ подобныхъ случаяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Тутъ предстояла трудная для меня задача. Извѣстно, какое было въ то время состояніе нашего законодательства. Законоположенія по всѣмъ предметамъ разсѣяны были въ неисчислимомъ множествѣ отдѣльныхъ указовъ и постановленій, не приведенныхъ ни въ какую систему; было также большое количество отдѣльныхъ уставовъ и положеній, но они были редактированы съ крайнею неумѣлостью; въ нихъ нерѣдко подъ однимъ общимъ заглавіемъ были соединены самые разнородные предметы, такъ что развѣ только счастливый случай могъ въ этомъ хаосѣ повести къ отысканію нужнаго постановленія. Дѣлопроизводители, обязанные въ своихъ докладахъ приводить законы, составляли сами для своего употребленія небольшіе своды и указатели, да и въ нихъ не было ручательства, что приводимый указъ имѣетъ полную обязательную силу, что онъ не былъ отмѣненъ или видоизмѣненъ позднѣйшимъ постановленіемъ, и это послѣднее обстоятельство нерѣдко выходило наружу въ спорныхъ дѣлахъ. Этого бѣглаго очерка достаточно, чтобы показать, какимъ благодѣяніемъ для Россіи было появленіе систематическаго Свода Законовъ Имперіи.

Я дѣлалъ неимовѣрныя усилія для отысканія нужнаго мнѣ закона; рылся по цѣлымъ недѣлямъ въ грудахъ печатныхъ листовъ, представлявшихъ хотя малѣйшую къ тому надежду; допрашивалъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ дѣловыхъ людей, слывшихъ законовѣдцами. Въ этихъ поискахъ цѣлые мѣсяцы проходили безуспѣшно когда, наконецъ, я нашелъ почтеннаго старика, посѣдѣвшаго въ трудахъ «хожденія по дѣламъ», который мнѣ сказалъ, что нужный мнѣ законъ я найду въ древнемъ: «Уставѣ камеръ-коллегіи». Задача этимъ упростилась, но не на много облегчилась; надо было отыскать этотъ благодатный уставъ, а это было нелегко. Я обратился въ сенатскую книжную лавку и тамъ, въ первый разъ порывшись въ каталогахъ, сказали мнѣ, что такого устава нѣтъ. Послѣ безуспѣшныхъ поисковъ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ и у всѣхъ букинистовъ Щукина двора, я обратился уже къ начальству сенатской книжной лавки, настаивая на томъ, что искомый иксъ долженъ въ ней быть непремѣнно, въ числѣ всѣхъ другихъ печатныхъ законоположеній. По неотступной моей просьбѣ, во всѣхъ складахъ лавки совершенъ былъ тщательный розыскъ

Библиотека "Руниверс"

и въ одномъ изъ угловъ, подъ кипами печатнаго хлама, найдена, наконецъ, цѣлая связка давно заброшенной брошюры.

Не стану описывать моего восторга, когда я въ этомъ Уставѣ камеръ-коллегіи нашелъ статью, какъ нельзя лучше подходящую къ моей защитѣ. Въ ней ясно сказано, что, въ случаѣ взысканія за неисправность по казеннымъ подрядамъ, взысканіе это обращается сперва на имущество самихъ подрядчиковъ, сколько бы ихъ ни было, и только тогда, когда всѣ ихъ имущества въ совокупности окажутся недостаточными, то остальное затѣмъ количество казенной недоимки взыскивается съ имущества постороннихъ лицъ, находящагося въ числѣ залоговъ.

Прошенія съ прописаніемъ этой статьи были мною тотчасъ поданы государственному контролеру и въ тотъ контрольный департаментъ, гдѣ дѣло разсматривалось.

Между тѣмъ я завелъ знакомство съ вліятельными лицами по контролю, въ томъ числѣ съ приближенными къ главному начальнику этой части, барону фонъ-Кампенгаузену. Ему самому я не представлялся, это не было въ тогдашнихъ административныхъ обычаяхъ, чтобы главные начальники допускали просителей къ личнымъ съ ними объясненіямъ. Государственный контролеръ былъ человѣкъ умный и справедливый и я получилъ отрадное убѣжденіе, что, несмотря на очень утонченные происки, которыми опутывали его мои противники, онъ заранѣе рѣшительно высказался въ мою пользу. Послѣ этого мнѣ немного уже оставалось заботы въ контролѣ. Генералъ-контролеръ военно-счетнаго отдѣленія Лагода далъ совершенно благопріятное для меня мнѣніе; оно было утверждено государственнымъ контролеромъ и дѣло въ такомъ видѣ внесено въ 1-й департаментъ сената. Въ такихъ обстоятельствахъ переходъ въ сенатъ составлялъ уже одну формальность для полученія окончательной санкціи. Я имѣлъ полное основаніе полагать, что санкція эта не можетъ не послѣдовать и что я могу ждать ее спокойно. Не тутъ-то было; только съ этимъ переходомъ начинались для меня самыя потрясающія треволненія и предстала опасность, о которой я и мечтать не могъ.

Кто довольно старъ для того, чтобы помнить описываемое время, тотъ знаетъ, что такое былъ тогда Сенатъ. Это были раздѣленныя на департаменты группы лицъ заслуженныхъ изъ раз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ вѣдомствъ,—лицъ, большею частью очень почтенныхъ, но утомленныхъ службою до полной апатіи, и, съ весьма немногими исключеніями, дряхлыхъ старцевъ. При томъ же очень немногіе имѣли, если не теоретическую, то хотя практическую подготовку къ занимаемому ими судейскому званію. Почти половина сенаторовъ были заслуженные военные генералы, которымъ, по какимъ-либо причинамъ, не предстояла дальнѣйшая военная карьера; другую половину составляли личности знатнаго рода; состарѣвшіеся гражданскіе губернаторы и т. п. Въ такомъ составѣ нельзя было и требовать отъ членовъ сената, чтобъ они вникали въ дѣла какъ бы слѣдовало; поэтому все зависѣло отъ доклада, который читали и на словахъ объясняли оберъ-секретари согласно тому, какъ были задобрены той или другой изъ сторонъ; они-то и были de facto судьи, хотя и не облеченные въ это званіе, а потому не несущіе даже моральной отвѣтственности за рѣшенія. Они, не краснѣя, торговались съ заинтересованными; болѣе дающему обѣщали несомнѣнный выигрышъ, и въ какой-нибудь десятокъ лѣтъ наживали громадныя состоянія. Счастливъ былъ тотъ департаментъ, гдѣ оберъ-прокуроръ контролировалъ доклады и принималъ въ нихъ лично участіе; но это была рѣдкость, потому что большею частію оберъ-прокуроры были также изъ знати и мало опытные для того, чтобы распутывать, хитро составленное съ намѣреніемъ, изложеніе дѣла, почему и подчинялись вліянію дѣлопроизводителей.

Усердствуя къ защитѣ интересовъ моего довѣрителя, я не полагался на правоту дѣла и на принятый имъ хорошій оборотъ. Я развезъ сенаторамъ краткія записки; сдѣлалъ я это единственно для очистки совѣсти, будучи заранѣе увѣренъ, что онѣ не будутъ читаны. И дѣйствительно, ни одинъ изъ судей меня не принялъ и сочиненія мои остались въ рукахъ камердинеровъ, безуспѣшно обо мнѣ докладывавшихъ. Я подалъ въ Сенатъ прошеніе и доводы мои повторилъ въ такъ называемомъ «рукоприкладствѣ» подъ докладною запискою. Сверхъ того, я составилъ подробное изложеніе дѣла и отвезъ его оберъ-прокурору, но и тотъ не принялъ меня.

Разумѣется, что я не упускалъ изъ виду главной, какъ мнѣ казалось, пружины дѣловаго механизма, оберъ-секретаря. Но тутъ я встрѣтилъ неожиданное препятствіе: чиновникъ этотъ, на-

Библиотека "Руниверс"

чальникъ экспедиціи, гдѣ производилось мое дѣло, былъ оригиналъ, составляющій единственное въ своемъ родѣ исключеніе. Онъ не желалъ имѣть никакихъ сношеній, никакого знакомства съ заинтересованными лицами и до того былъ строгъ въ этомъ отношеніи, что, съ цѣлью оградить себя отъ внезапныхъ посѣщеній, выпросилъ у оберъ-прокурора позволеніе не записывать адреса своей квартиры въ общемъ адресномъ спискѣ чиновниковъ. Фамилія этого, какъ его товарищи прозвали, «дикаря» заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться историческою; онъ назывался: «Вилинскій.» Такъ какъ на оберъ-секретарѣ лежала обязанность принимать прошенія, то его можно было вызвать въ пріемную комнату. Онъ являлся всегда въ сопровожденіи курьера, въ почтительномъ отдаленіи осматривалъ васъ изподлобья, и какъ только узнавалъ, что вы пришли не для подачи просьбы, тотчасъ, не отвѣчая ни на какіе вопросы, убѣгалъ. У него была одна особенность: глубокое музыкальное чувство. Онъ страстно любилъ звуки церковнаго органа. Каждое воскресенье Вилинскій пораньше приходилъ въ католическую церковь св. Екатерины, дожидаясь торжественной литургіи съ органомъ и пѣніемъ. Онъ стоялъ все время неподвижно, какъ статуя, съ опущенными глазами, въ проходѣ между двумя рядами скамеекъ и на странной его физіономіи, напоминающей испуганнаго звѣря, живо изображались впечатлѣнія, волновавшія его съ мѣняющимся характеромъ музыкальныхъ мотивовъ католической мессы. Умиленіе при звукахъ offertorium переходило въ тихую грусть въ половинѣ credo, а затѣмъ въ восторженное благоговѣніе при Sanctus и Miserere. Мнѣ не случалось видѣть человѣка, на котораго музыка дѣйствовала бы такъ сильно, какъ на моего «дикаря». Я нѣсколько разъ пытался заговорить съ нимъ при выходѣ изъ церкви, но онъ, узнавши меня, спасался бѣгствомъ и шагалъ чрезвычайно шибко, теряясь въ толпѣ проходящихъ по Невскому проспекту.

Такимъ образомъ о дѣлѣ моемъ я могъ говорить только съ секретаремъ, но это не вело ни къ чему. Вилинскій былъ очень дѣльный оберъ-секретарь; онъ самъ редактировалъ или строго повѣрялъ все, что писалось, и подчиненные его не имѣли никакого вліянія.

Когда дѣло приближалось уже къ докладу, я, частью случайно, частью вслѣдствіе развѣдываній, узналъ, что есть большая

Библиотека "Руниверс"

опасность проиграть его безвозвратно. Опасность угрожала не со стороны канцеляріи, а была такого рода, что никакіе письменные, съ моей стороны, доводы не могли отвратить ее. Вотъ въ чемъ она заключалась:

Въ министерствѣ юстиціи директоръ департамента Ж* былъ всемогущъ и по самому этому званію, и по вліянію на министра, который довѣрялся ему вполнѣ. Въ прежнее время г. Ж* былъ губернскимъ чиновникомъ (кажется прокуроромъ) въ Вильнѣ и тамъ вошелъ въ близкое знакомство съ г-жею С., женою одного изъ подрядчиковъ, моихъ противниковъ, за смертью котораго вдова его представляла теперь противную мнѣ сторону. Это была еще очень красивая женщина, повидимому, іерусалимскаго происхожденія. По прибытіи ея въ Петербургъ, возобновилась-ли эта связь, или остались отъ нея лишь пріятныя воспоминанія, я не зналъ, но мнѣ положительно сдѣлалось извѣстнымъ, что Ж* всѣми силами поддерживаетъ неправое ходатайство своей пріятельницы, чтобы имущество, оставшееся послѣ ея мужа, оградить отъ казеннаго взысканія. Въ случаѣ успѣха въ этомъ г-жи С., залогъ моего дяди подвергся бы взысканію, такъ какъ имущества другого подрядчика П. недостаточно было бы для удовлетворенія казны. Тутъ уже канцелярія сената оставалась на второмъ планѣ, она не могла помочь мнѣ. Ж* дѣйствовалъ прямо на сенаторовъ, онъ самъ писалъ для нихъ мнѣнія, которыя они должны были заявить и поддерживать.

Каково же было мое положеніе? Правда, я узналъ тайное обстоятельство, отъ котораго зависѣло все, но что мнѣ съ этимъ было дѣлать? Сенаторы и оберъ-прокуроръ просителей не принимаютъ, а то, что я знаю и что составляетъ суть дѣла, я не могу написать ни въ оффиціальномъ прошеніи, ни въ частной запискѣ. Я — маленькій человѣчекъ — подвергся бы преслѣдованію за оклеветаніе такого туза, какимъ былъ Ж*; меня бы присудили Богъ знаетъ къ какому наказанію, а во всякомъ случаѣ, дѣло моего дяди осталось бы безъ защитника. Въ такой безъисходной крайности мнѣ оставалась одна надежда: повидаться съ оберъ-прокуроромъ и разсказать ему все, что знаю. Оберъ-прокуроромъ былъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ; онъ извѣстенъ былъ какъ человѣкъ умный, непоколебимой честности, храбрый поборникъ святой правды, словомъ такой именно,

Библиотека "Руниверс"

какого мнѣ, въ настоящемъ усложненіи дѣла, было нужно. Вся задача состояла въ томъ, чтобы мнѣ съ нимъ повидаться,—задача не легкая; Александръ Васильевичъ усвоилъ себѣ вредный предразсудокъ, что государственный дѣятель въ его положеніи не долженъ выслушивать устныхъ объясненій, дабы ими не увлекаться, а обязанъ судить по однимъ письменнымъ даннымъ. [1]) Я дѣлалъ все, что могъ, чтобы его увидать; но всегда, даже раннимъ утромъ, отвѣтъ лакеевъ былъ одинъ: «генерала дома нѣтъ». Въ третью такую безуспѣшную попытку я вручилъ камердинеру запечатанное письмо, съ надписью: «очень нужное». Я писалъ, что имѣю сообщить такія подробности, которыя не могутъ быть написаны, но отъ которыхъ зависитъ исходъ дѣла и что заѣду завтра утромъ. Я далъ лакею взятку, прося его непремѣнно отдать письмо, и былъ увѣренъ, что въ слѣдующій разъ буду принятъ. Я ошибся; когда я пріѣхалъ на другой день, то лакей сказалъ уже не то, что дома нѣтъ, а что: «генералъ велѣлъ никого не принимать». Онъ прибавилъ, что такой приказъ отданъ былъ послѣ того, какъ мое письмо было прочитано.

Я былъ въ отчаяніи. Черезъ пять дней дѣло должно было докладываться. Я рѣшился изложить все въ письмѣ къ Александру Васильевичу, разсчитывая на его благодушіе, что онъ меня не выдастъ; я ему разъ представлялся въ сенатѣ, и лицо его суровое, но умное и выразительное, показалось мнѣ очень симпатичнымъ. Я уже приготовилъ письмо, чтобы завтрашній день отвезти его. Но это не успокоивало меня и я былъ въ неописанно-тревожномъ состояніи.

Такъ называемый случай (котораго я ни въ чемъ не допускаю, да и самое это слово считаю нелѣпымъ), выручилъ меня.

---

[1]) Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ директоръ департамента министерства юстиціи, въ министерство Д. В. Дашкова, П. И. Дегай, былъ такого же мнѣнія, что и Казадаевъ на счетъ личныхъ объясненій. Кто-то не помню, пожаловался мнѣ на недоступность Павла Ивановича и я имѣлъ объ этомъ съ нимъ разговоръ. По исчерпаніи всѣхъ аргументовъ a priori, я прибѣгнулъ къ методу a posteriori, то есть разсказалъ описываемое здѣсь мое дѣло. Разсказъ этотъ имѣлъ полный успѣхъ; пораженный имъ Дегай былъ настолько уменъ и добросовѣстенъ, что, не слѣдуя примѣру многихъ, которые нерациональное упрямство принимаютъ за «твердость характера», онъ согласился со мною, что есть случаи, въ которыхъ устное объясненіе необходимо, и сталъ съ тѣхъ поръ выслушивать просителей. О. П.

Библиотека "Руниверс"

Музыкальность въ Петербургѣ въ то время была очень мало развита. Русская опера (о которой я скажу ниже), едва заслуживала это названіе. Кромѣ Крестовскаго острова, гдѣ по воскресеньямъ можно было услышать аккорды нѣсколькихъ нестройныхъ скрипокъ и охрипшаго кларинета, не было публичныкъ музыкальныхъ вечеровъ. Только,—также по воскресеньямъ,—въ Колтовской, у Крестовскаго перевоза, на дачѣ оберъ-егермейстера Нарышкина, иногда играла, отживавшая свой вѣкъ, роговая музыка. Она была замѣчательна тѣмъ, что каждый изъ 25—30 музыкантовъ въ данное время издавалъ только одну ноту, и эти отдѣльные звуки, строго разсчитанные, сливались въ прекрасное фонетическое цѣлое. [1]) Концерты были очень рѣдки. Страстно любя музыку, я долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что можно было послышать въ домахъ, гдѣ барышни пѣли почти постоянно «Benedetta sua madre» и играли не совсѣмъ еще тогда устарѣвшія увертюры «Багдадскаго Калифа» и «Двухъ слѣпыхъ».

Озабоченный постоянною мыслью о дѣлѣ и вѣроятнымъ исходомъ рѣшительнаго шага, предполагаемаго на завтрашній день, я зашелъ навѣстить больнаго пріятеля Тита Альбертовича П. Я засталъ его въ постели, въ такомъ положеніи, въ которомъ больной не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Послѣ общихъ мѣстъ разговора, Титъ сказалъ: «не хочешь-ли побывать въ сегодняшнемъ концертѣ? Его даютъ любители, въ пользу бѣдныхъ, въ залѣ дома Энгельгардта (извѣстная концертная и маскарадная зала, у Казанскаго моста, въ домѣ теперь Ольхиной). Мнѣ всучили насильно билетъ; а я, какъ видишь, не могу ѣхать». Тутъ онъ вручилъ мнѣ билетъ и программу. Кромѣ другихъ замѣчательныхъ талантовъ лучшаго общества, пѣла М-lle Демидова, обладавшая необыкновеннымъ контральто, и, главное, пѣлъ князь Григорій Петровичъ Волконскій, котораго basso profondo не имѣлъ подобнаго себѣ въ Европѣ. Довольно ска-

[1]) Это былъ послѣдній хоръ роговой музыки. Ее отмѣнили, замѣтивъ, что музыканты оканчивали обыкновенно свое поприще чахоткой. Она развивалась не потому, что требовались усилія для изданія звука, а вслѣдствіе того, что каждый музыкантъ, въ ожиданіи своей очереди, долженъ былъ постоянно надувать губы, разсчитывая по нотамъ ту секунду, въ которой придется ему испустить свою ноту. Такимъ образомъ никто изъ играющихъ и изъ дожидающихся очереди не имѣлъ ни минутнаго отдыха: легкія всѣхъ работали безпрерывно. О. П.

Библиотека "Руниверс"

зать, что знаменитую каватину Зороастра изъ «Волшебной флейты» онъ пѣлъ такъ, какъ она написана Моцартомъ, чего исполнить не могъ никто, кромѣ Беллони, для котораго она и была сочинена. Я тѣмъ болѣе обрадовался подарку, что самъ не взялъ бы билета; онъ стоилъ 10 рублей, слишкомъ дорого для моего кармана. Концертъ назначенъ былъ въ 7 часовъ, но такъ какъ мѣста не были нумерованы и билетовъ роздано болѣе чѣмъ было въ залѣ стульевъ, то я поторопился, чтобы найти хорошее мѣсто, и дѣйствительно, занялъ стулъ у самой эстрады Зала, почти пустая когда я пришелъ, скоро стала наполняться; всѣ стулья и боковыя скамейки были заняты, и всѣ, немного опоздавшіе, принуждены были стоять. Концертъ начался и шелъ превосходно; все лучшее петербургское общество было на лицо. Уже было исполнено нѣсколько первыхъ нумеровъ программы и наступилъ коротенькій антрактъ, когда я, почувствовавъ, что кто-то опирается на спинку моего стула, обернулся и увидѣлъ моего оберъ-прокурора, человѣка уже не молодаго, который переступалъ съ ноги на ногу и съ завистью поглядывалъ на занятые стулья. Я поспѣшно всталъ и, поклонившись, попросилъ его на мое мѣсто. Казадаевъ принялъ предложеніе, поблагодарилъ и спросилъ, кому онъ обязанъ этой любезностью. Я сказалъ мою фамилію и прибавилъ, что нѣсколько разъ заѣзжалъ къ нему, желая представиться лично, но не былъ принятъ. Александръ Васильевичъ не отвѣчалъ; я занялъ его прежнее мѣсто за спинкою моего стула. Концертъ кончился; Казадаевъ, вставши и увидя меня, въ полголоса сказалъ: «завтра утромъ, въ 10-мъ часу, я буду васъ ждать у себя дома».

Можно себѣ представить какъ я обрадовался; прямо изъ залы я отправился къ моему Титу, чтобы поблагодарить его; онъ и самъ не зналъ и я ему не сказалъ, какую своимъ билетомъ онъ оказалъ мнѣ услугу.

Въ назначенный часъ оберъ-прокуроръ принялъ меня очень любезно, сказавъ, что для меня отступаетъ отъ своего правила — не видать просителей въ глаза. Я осмѣлился замѣтить, что это иногда бываетъ необходимо, когда проситель находится въ невозможности написать то, что имѣетъ сообщить:

— «А, такъ ваши объясненія такого рода? Ну, извольте же говорить».

Библиотека "Руниверс"

Я все разсказалъ.

Выслушавъ меня съ нахмуренными бровями (а они были огромны и придавали лицу суровый видъ), Казадаевъ спросилъ:

— «Вы увѣрены въ справедливости сказаннаго вами?»

— Совершенно увѣренъ.

— «Да, теперь я вспомнилъ, что и меня Ж. просилъ за мадамъ С. Ну хорошо, что вы все мнѣ сказали; этимъ уяснилось кое-что, чего я не понималъ. Я ваше дѣло тщательно пересмотрю и будьте покойны, я не допущу, чтобы низкая интрига повліяла на его исходъ. Прощайте, и, повторяю, будьте покойны.

Я дѣйствительно успокоился и сталъ другимъ человѣкомъ; сонъ и веселость возвратились; я чувствовалъ, что исполнилъ все, чего требовалъ отъ меня долгъ повѣреннаго, а остальное предоставилъ на волю Божію.

Чрезъ недѣлю послѣ моего свиданія съ Казадаевымъ дѣло было рѣшено. Сенатъ единогласно постановилъ: «взысканіе обратить первоначально на имущество С. и П. въ совокупности; имѣніе же залогодателя Б. подвергнуть взысканію въ такомъ лишь случаѣ и въ такой мѣрѣ, когда и насколько имущества обоихъ подрядчиковъ окажутся недостаточными для удовлетворенія казны».

И такъ, въ концѣ-концовъ, можно почти съ полною увѣренностью заключить, что я выигралъ правое дѣло, спасъ моего довѣрителя отъ раззоренія, вслѣдствіе того, что Титъ П. заболѣлъ во время такою болѣзнью, которая удержала его въ постели. Еслибы онъ могъ въ тотъ день выѣзжать, то, по всей вѣроятности, дѣло было бы проиграно. Умный и благонамѣренный оберъ-прокуроръ, положимъ, изъ обстоятельствъ дѣла и моихъ прошеній и могъ бы самъ увидѣть на чьей сторонѣ правда; но первый департаментъ сената заваленъ такимъ множествомъ дѣлъ, что оберъ-прокуроръ едва-ли имѣетъ возможность вникать подробно въ каждое изъ нихъ, да и сомнительно было, чтобы онъ, еслибы не узналъ всѣ обстоятельства, устоялъ противъ натиска пяти сенаторовъ, единогласно и настоятельно заявлявшихъ свои мнѣнія. Я впослѣдствіи узналъ, какого труда стоило Казадаеву уломать сенаторовъ. Но за мое дѣло благородный мой защитникъ нажилъ себѣ врага въ вліятельномъ покровителѣ г-жи С. и испыталъ такъ много несправедливостей въ своей служебной карьерѣ, что взялъ отставку.

Библиотека "Руниверс"

III.

Петербургъ 1820-хъ годовъ и въ матеріальномъ, и въ нематеріальномъ отношеніи былъ мало похожъ на теперешнюю столицу. Я не буду исчислять всѣхъ этихъ различій. Главныя состояли въ томъ, что многія великолѣпныя зданія, какъ Исаакіевскій соборъ, Главный Штабъ, великокняжескіе дворцы, или не существовали, или только начинали строиться. Это давало городу видъ чего-то недоконченнаго. [1]) При томъ наружность улицъ и площадей утомляла однообразіемъ; очень немного было утвержденныхъ плановъ и фасадовъ, по которымъ позволялось возводить новыя постройки; тѣ же ограниченія существовали и для ихъ окраски; почти исключительно принятъ былъ блѣдно-желтый цвѣтъ для самыхъ корпусовъ, съ бѣлымъ для фронтоновъ колоннъ, пиластровъ и фрезъ. Поэтому цѣлыя, даже главныя, улицы имѣли какой-то казарменный видъ; вмѣсто теперешняго бульвара, Адмиралтейство было окружено каналомъ; посреди Невскаго проспекта, отъ Казанскаго до Аничковскаго моста, шелъ бульваръ для пѣшеходовъ, обсаженный тощими липами, которыя не могли достигнуть своего роста отъ безпрестаннаго сотрясенія грунта проѣзжающими экипажами. Михайловскаго дворца, площади, садика и улицы того же названія, не было; это былъ пустырь, на которомъ сваливали со всей этой части города мусоръ и всякій соръ. Населенія было на половину менѣе теперяшняго. Общее настроеніе было не веселое: тогда были послѣдніе годы царствованія Александра I, ознаменованные затишьемъ у царскаго двора и частыми продолжительными отлучками государя на европейскіе конгрессы. Посреди мертвящаго формализма всеобщей дисциплины, распространяемой желѣзной ферулой Аракчеева, въ обществѣ было тревожное ожиданіе чего-то неопредѣленнаго; въ воздухѣ чувствовалось приближеніе кризиса. Это было броженіе тѣхъ стихій замышляемаго переворота, которыя войска наши принесли съ собою изъ Франціи, которыя созрѣвали въ сбори-

[1]) Пріѣзжавшій съ повинною, по случаю умерщвленія въ Тегеранѣ Грибоѣдона, сынъ наслѣдника персидскаго престола Хозревъ-Мирза, говорилъ, что Петербургъ будетъ прекрасный городъ, когда совсѣмъ «обстроится».

О. П.

Библиотека "Руниверс"

щахъ тайныхъ обществъ и должны были разразиться 14-го декабря. Безсознательно-тревожное предчувствіе общества, это была та тѣнь, которую по англійской поговоркѣ «грядущія событія бросаютъ передъ собою».[1])

Я не успѣлъ побывать ни въ одной петербургской франмассонской ложѣ, какъ вдругъ 1-го августа 1822 г. вышелъ высочайшій указъ, закрывшій всѣ ложи въ имперіи и строго запретившій всѣ тайныя общества. До того я познакомился со многими вліятельными личностями ордена и онѣ обѣщали мнѣ дѣятельную помощь въ моемъ дѣлѣ, къ которой, впрочемъ, я, какъ оказалось, не имѣлъ надобности прибѣгать.

Я упомянулъ уже, что масонство практиковалось въ Петербургѣ съ особенною ревностью. И дѣйствительно, почти все образованное населеніе, всѣ не престарѣлыя лица высшаго и средняго обществъ принадлежали къ ложамъ, которыхъ въ столицѣ было нѣсколько. Всѣ твердо вѣрили проповѣдываемымъ и въ рѣчахъ и въ масонской символикѣ возвышеннымъ стремленіямъ ордена къ нравственному усовершенствованію человѣчества, къ преобразованію его на основахъ братской любви и справедливости. Впрочемъ, такое общее расположеніе къ терпимому тайному обществу, и въ Петербургѣ, и въ другихъ городахъ Россіи, было вполнѣ понятно; оно не могло не быть привлекательнымъ въ тогдашней душной атмосферѣ аракчеевскаго времени. Ложи были какъ бы нейтральныя территоріи, какъ бы оазисы среди всеобщаго оффиціальнаго застоя. Въ нихъ всякій могъ быть самимъ собою, могъ дышать и высказываться свободно; въ ихъ стѣнахъ сглаживались такъ рѣзко выдающіяся и такъ строго соблюдаемыя во внѣшней жизни іерархическія служебныя и сословныя различія. Нерѣдко плебей возсѣдалъ въ ложѣ выше свѣтлѣйшаго князя; сенатскій оберъ-секретарь или только секретарь имѣлъ своимъ подчиненнымъ сенатора своего же департамента. Въ то время, когда я прибылъ въ Петербургъ, незнатнаго рода художникъ, портретный живописецъ Олешкевичъ былъ, послѣ сенатора графа Адама Ржевускаго, начальникомъ польской ложи и, по своей учености, высокой степени, занимаемой въ орденѣ, а не менѣе того и по прекраснымъ качествамъ души, пользовался во всѣхъ ложахъ необыкновеннымъ

[1]) Coming events throw their shadow before them

Библиотека "Руниверс"

почетомъ и имѣлъ много интимныхъ друзей между лицами, очень высоко поставленными.[1])

Такая горячая привязанность къ масонству имѣла, однако-жъ, въ извѣстномъ отношеніи, неодобрительное вліяніе. Безусловно и буквально понимая обязанность взаимной помощи между собою, масоны переносили эту обязанность въ область и общественныхъ, и служебныхъ, и дѣловыхъ отношеній. Фамусовское правило, «какъ не порадѣть родному человѣчку», получило обширное примѣненіе къ братскому союзу между членами ордена. Когда въ служебномъ кругѣ дѣйствія выборъ на предстоящее мѣсто зависѣлъ отъ масона, а одинъ изъ кандидатовъ былъ масонъ, то, несмотря ни на какія обстоятельства, обусловливавшія выборъ, таковой падалъ всегда на брата. То-же самое практиковалось и въ тяжбахъ и во всякихъ спорныхъ дѣлахъ. У судьи-масона всегда выигрывалъ масонъ, если противникъ не принадлежалъ къ ордену, и безпристрастныя рѣшенія возможны были только въ случаяхъ, когда обѣ стороны были или профаны, или братья.

Меня ни мало не удивило закрытіе ложъ, напротивъ, я не понималъ, какъ масонскія сборища и пропаганда могли быть такъ долго терпимы въ чисто-монархическомъ государствѣ и въ особенности при тогдашнемъ режимѣ. Это объясняется развѣ только тѣмъ, что самъ императоръ Александръ I принадлежалъ нѣкогда къ ордену, въ который онъ, будучи еще великимъ княземъ, былъ вовлеченъ однимъ изъ своихъ воспитателей, Беберомъ. Но петербургскихъ масоновъ распоряженіе правительства поразило какъ громомъ. Они не могли привыкнуть къ мысли, что общество ихъ рушилось, что братскія «агапы» прекратились безвозвратно. Однако-жъ, сколько я знаю, не было никакихъ попытокъ возобнов-

---

[1]) Польская ложа въ Петербургѣ называлась ложею «Бѣлаго Орла»; всѣ ея члены носили въ собраніяхъ знакъ, состоящій изъ маленькаго серебрянаго орла на голубой лентѣ. Это дало поводъ къ слѣдующему quid-pro-quo. Въ 1860-хъ годахъ, когда всѣ западныя губерніи, управляемыя Н. М. Муравьевымъ, были подъ слѣдствіемъ по случаю мятежа, въ одномъ изъ производимыхъ почти повсюду обысковъ, въ деревнѣ, въ домѣ помѣщика Слонимскаго уѣзда, Петра Орды найденъ маленькій Бѣлый Орелъ на полинявшей голубой лентѣ. Онъ былъ принятъ за эмблему мятежа. Орда былъ тогда въ Петербургѣ; его оттуда вытребовали. Ему не малаго труда стоило доказать, что это былъ знакъ масонской ложи, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ.

О. П.

Библиотека "Руниверс"

лять ихъ втайнѣ и въ прежнемъ значеніи. Естественно было, что масоны собирались преимущественно между собою для бесѣдованія и сѣтованія о прошедшемъ; но кружки эти не имѣли ни характера, ни обстановки тайнаго сборища. Только прежняя солидарность между членами сохранилась и бывшіе масоны продолжали всячески покровительствовать бывшимъ собратамъ. Здѣсь, въ интересѣ исторической истины, я долженъ записать фактъ, что, сколько мнѣ извѣстно, заговорщики, которымъ присвоено названіе «декабристовъ», не имѣли ничего общаго и даже никакихъ сношеній съ масонами, ни въ прежнемъ составѣ ложъ, ни по закрытіи ихъ. По крайней мѣрѣ для петербургскихъ масоновъ декабрьская катастрофа была такъ же неожиданна, какъ и для всего русскаго общества.

Кромѣ своего мистическаго значенія, масонство составляло едва-ли не единственную стихію движенія въ прозябательной жизни того времени; едва-ли не единственный центръ сближенія между личностями, даже одинаковаго общественнаго положенія. Внѣ этого круга, общительность, какъ ее видимъ въ европейскихъ городахъ, въ Петербургѣ не существовала; всѣ какъ-то чуждались другъ-друга, да и не было такихъ центровъ, гдѣ можно было-бы свести хотя случайныя знакомства. Не было никакихъ публичныхъ увеселеній на открытомъ воздухѣ, кромѣ, какъ я упомянулъ, одинъ разъ въ недѣлю гулянья на Крестовскомъ островѣ, но на немъ преобладалъ нѣмецкій ремесленный элементъ и нельзя было увидѣть ни одной порядочной дамы и ни одного мущины изъ хорошаго общества. Все это общество проводило лѣто въ окресностяхъ, на дачахъ. Самая модная мѣстность для лѣтняго пребыванія была Нарвская дорога, сплошь, до самой Стрѣльны и Петергофа, застроенная барскими виллами съ большими парками и садами. Дорога эта была первою въ Россіи—макадамово шоссе, построенное въ 1822 году моимъ хорошимъ знакомымъ, полковникомъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, домомъ Алонзо-де-Вядо и Кастро и Гузманъ и Аббенда и т. д. [1]).

Въ зимнее время давались въ домѣ Энгельгардта маскарады.

---

[1]) У него было девять или десять *и*. Онъ мнѣ показывалъ свой дворянскій дипломъ на пяти листахъ пергамента, подписанный самимъ королемъ (Ja et Rey); изъ диплома явствовало, что мой де Вядо происходитъ въ прямой линіи отъ Арраговскихъ королей. О. П.

Библиотека "Руниверс"

Эти собранія не имѣли ничего похожаго на рауты этого рода въ другихъ европейскихъ городахъ, оживляемые характеристическими кадрилями, эксцентрическими костюмами, масками, интригующими не какія-нибудь личности, а всю публику сатирическими выходками, мѣткими намеками, ворожбою, и т. п. Несмотря на веселые мотивы, наигрываемые оркестромъ, маскарады Энгельгардтова дома, всегда безъ танцевъ, имѣли видъ похороннаго шествія и утомляли мундирнымъ однообразіемъ костюмовъ, монаховъ или пилигриммовъ, маркизовъ и пьерро. Несмотря на такой меланхолическій характеръ этихъ собраній, онѣ, почти постоянно, около 3-хъ часовъ ночи, увѣнчивались безобразнымъ пьянствомъ въ буфетѣ а иногда и дракою.

Въ описываемое время Петербургъ, во многихъ отношеніяхъ, сравнительно съ другими европейскими столицами, былъ городъ отсталый. Въ жизни и обстановкѣ высшихъ классовъ видна была роскошь и даже расточительность, но въ массѣ городскаго населенія замѣчалось непониманіе условій разумнаго комфорта и удобствъ жизни; городское же начальство не давало съ своей стороны ничего для доставленія ихъ жителямъ. Во всемъ огромномъ городѣ было только два публичныхъ сада, гдѣ лѣтомъ можно было подышать воздухомъ, а не пылью, и пріютиться въ тѣни деревъ. Это были такъ называемый Лѣтній и Юсуповскій, на большой Садовой; я не считаю Таврическаго сада, находящагося почти за-городомъ. Мостовая была еще хуже теперешней, а для сообщенія съ окрестностями уже по моемъ пріѣздѣ, какъ сказано, построено было макадамово шоссе. Публичныхъ экипажей или омнибусовъ не было ни одного; наемныя кареты были въ маломъ числѣ и до крайности неисправныя и грязныя. Самый обыкновенный локомотивъ составляли не крытыя дрожки, прозванныя гитарами, на которыя надо было садится верхомъ какъ на лошадь, и гдѣ возница сидѣлъ у васъ почти на колѣнахъ. Зато высшій и средній классы щеголяли экипажами и лошадьми. Только доктора, купцы и мелкая буржуазія ѣздили на парѣ,—все что было аристократія или претендовало на аристократію, ѣздило въ каретахъ и коляскахъ четвернею, цугомъ, съ форейторомъ. Для хорошаго тона, или, какъ теперь говорятъ, для шика, требовалось, чтобы форейторъ былъ сколь можно, маленькій мальчикъ, притомъ, чтобы обладалъ одною, насколько можно, высокою нотою голоса, даже выше

Библиотека "Руниверс"

груднаго ut покойнаго Рубини. Ноту эту, со звукомъ и!..... означающимъ сокращенное «поди», онъ долженъ былъ издавать безъ умолку и тянуть какъ можно долѣе, напримѣръ отъ Адмиралтейства до Казанскаго моста. Между мальчиками-форейторами завязывалось благородное соревнованіе, кто кого перекричитъ, и когда вы шли по Невскому проспекту, то у васъ въ ушахъ постоянно пищало это нескончаемое «и.. ...!» Въ двойныхъ дрожкахъ и саняхъ съ дышломъ никто не ѣздилъ кромѣ докторовъ, «людей науки». Люди же не-науки, особенно львы и псевдо-львы, мчались во всю прыть въ экипажахъ съ оглоблями и со скачущими по обѣ стороны, почти подъ прямымъ угломъ отъ коренной, отвороченными пристяжными. Модель для такой упряжи, вѣроятно, взята была съ картинъ, изображающихъ Феба, какъ онъ совершалъ въ колесницѣ свой дневной путь по Зодіаку. Но еслибы тогда существовало общество покровительства животныхъ, то оно непремѣнно запротестовало бы противъ такого истязанія несчастныхъ пристяжныхъ.

Кулинарная часть въ публичныхъ заведеніяхъ пребывала въ какомъ-то первобытномъ состояніи, на очень низкой степени. Холостому человѣку, не имѣвшему своей кухни, почти невозможно было обѣдать въ русскихъ трактирахъ. Притомъ же заведенія эти закрывались вечеромъ довольно рано. По выходѣ изъ театра, можно было поужинать только въ одномъ ресторанѣ, гдѣ-то на Невскомъ проспектѣ, подъ землею, его содержалъ Доминикъ, кажется, дѣдъ бывшаго впослѣдствіи содержателя ресторана подъ этою-жъ фирмою. Тамъ подавали вамъ нѣчто мясное, подъ названіемъ бифстека; это былъ псевдонимъ, но, при хорошемъ аппетитѣ, сносный.

Теперь главныя улицы города и даже Васильевскаго острова густо заселены французскими куафёрами; ихъ почти такъ много, какъ кабаковъ. Я же, пріѣхавши въ 1822 г., засталъ только одного, Геліо (Heliot); впослѣдствіи пріѣхалъ еще Андріё (Andrieux). Чрезъ руки этихъ артистовъ проходили головы всѣхъ мущинъ, которые хотѣли быть хорошо обстриженными, и всѣхъ дамъ, которыя хотѣли имѣть хорошую прическу. Артисты брали дорого: за стрижку 5 руб., за дамскую куафюру 15 руб. ассиг.; оба нажили большія состоянія.

Въ первое время моего пребыванія замѣтно было въ сѣверной столицѣ отсутствіе духа ассоціаціи. Только чрезъ три или

Библиотека "Руниверс"

четыре года послѣ моего пріѣзда стали завязываться компаніи на акціяхъ. Первыми изъ такихъ были общества: Страховое отъ огня и Дилижансовъ для сообщенія между столицами. Все пароходство было въ рукахъ у одного лица, шотландца Берда (Baird). Онъ первый завелъ пароходы и получилъ на нихъ исключительную десятилѣтнюю привиллегію. Бердъ возилъ пассажировъ въ Кронштадтъ и оттуда; но, главное, завелъ много транспортныхъ судовъ, которыми на буксирѣ перевозилъ изъ Кронштадта въ Петербургъ приходящіе изъ-за границы, а въ Кронштадтъ—изъ Петербурга отпускаемые за границу товары. А какъ парусныя суда не могли выдерживать конкурренціи съ пароходами, то вся каботажная навигація и по привозной, и по отпускной торговлѣ, производилась почти исключительно Бердомъ, и вышло, что одна монополія повлекла за собой другую. Богатые купцы и капиталисты, по-славянски «заднимъ умомъ крѣпкіе», съ грустью и позднимъ раскаяніемъ смотрѣли, какъ иностранный промышленникъ наживалъ милліоны, которые по праву принадлежали бы имъ, еслибы у нихъ не было недостатка иниціативы и разумной предпріимчивости.

Бердъ дѣйствительно сдѣлалъ себѣ огромное состояніе; но, пользуясь своею привиллегіею, онъ подумывалъ и о будущемъ, когда истечетъ срокъ монополіи. На купленномъ имъ у взморья участкѣ земли онъ устроилъ громадный чугунно-литейный заводъ, на которомъ и до сихъ поръ производятся важнѣйшія работы. Въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ имѣлъ рабочихъ безплатно, съ обязанностью только кормить ихъ. При существованіи крѣпостнаго права, у помѣщиковъ, живущихъ въ городѣ, было принято, провинившихся и дурнаго поведенія людей изъ прислуги, отдавать на заводъ Берда въ видѣ наказанія. Только немногіе помѣщики получали за нихъ небольшую плату. Такимъ образомъ на заводѣ бывало всегда около ста такихъ каторжниковъ.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, былъ только одинъ русскій театръ, гдѣ игрались всякія пьесы. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій театръ, при мнѣ уже выстроили деревянный, но чрезъ годъ, или еще прежде онъ сгорѣлъ. Я засталъ еще на русской сценѣ двѣ знаменитости: Самойлова и Семенову старшую. Это были двѣ по истинѣ геніальныя личности, которыя повсюду и во всѣ времена были бы признаны такими. Нельзя, однакожъ,

Библиотека "Руниверс"

не пожалѣть, что такая женщина какъ Семенова, для своего полета не имѣла довольно простора. Она принуждена была затѣснять его въ рамки риѳмованныхъ трагедій, произведеній господствовавшаго тогда строгаго классицизма, такого жанра, который имѣетъ нелѣпую претензію предписывать генію законы и регулировать вдохновеніе.

Я не могу признать знаменитостью Истомину, хотя и воспѣтую Пушкинымъ. Она танцовала прекрасно, въ ней было много силы, даже болѣе чѣмъ граціи; ее можно было отнести къ тому разряду балеринъ, во главѣ которыхъ стала впослѣдствіи Фанни Эльслеръ. Но и тогда, когда я еще не видалъ ничего лучшаго, Истомина не осуществляла моего идеала. Въ исходѣ 1830-хъ годовъ явилась въ Петербургъ Таліони. Она не отличалась особенною силою; ея прыжки и пируэты не достигали, быть можетъ, высоты и быстроты другихъ первостепенныхъ балеринъ, но впервые мы увидѣли танецъ, оживленный душею. Это уже не была кукла Олимпія, это была Галатея, вызванная къ жизни страстью Пигмаліона. Ее не вдругъ оцѣнили: судя по ея европейской славѣ, петербургская публика ожидала чего-то необыкновеннаго въ хореграфическомъ отношеніи. Но мало по малу, какъ бы безсознательно, зрители стали увлекаться ея превосходствомъ. Многіе говорили: она танцуетъ не лучше, она не красивѣе и не граціознѣе другихъ, но въ ея танцѣ есть «un je ne sais quoi»..... Вотъ это-то «je ne sais quoi» и была та душа, которую она первая своимъ геніемъ съумѣла воплотить въ свое ремесло и тѣмъ возвысила его на степень изящнаго искусства. Таліони имѣла много, болѣе или менѣе, счастливыхъ подражательницъ изъ тѣхъ, которыя, не останавливаясь на хореграфическихъ условіяхъ, поняли въ чемъ заключалось ея истинное достоинство. Но у ней было еще одно качество, исключительное и неподражаемое. Это цѣломудріе, дѣвственная стыдливость, облагораживающая и идеализирующія ея игру среди исполненія самыхъ разнообразныхъ требованій хореграфическаго механизма и мимики. Качество это болѣе всего замѣчалось въ ея любимомъ, нарочно для нея сочиненномъ, балетѣ «Сильфида», гдѣ стыдливость являлась въ дивномъ сочетаніи съ выраженіемъ пламенной страсти влюбленной феи, а это придавало игрѣ Таліони невыразимую прелесть.

Въ русской оперѣ прима-донною была сестра трагической ак-

Библиотека "Руниверс"

трисы Семеновой, Нимфодора. Она имѣла маленькій симпатичный сопрано, да болѣе и не нужно было для тогдашняго репертуара, ограничивавшагося: «Красной шапочкой», «Замарашкой» (такъ тогда называлась Сандриліона) Буальдіе, и подобными оперетками.[1])

Французскій театръ былъ, относительно немногимъ, ниже теперешняго. Особенно въ числѣ актрисъ были замѣчательные таланты; но репертуаръ былъ очень скуденъ; почти исключительно давались плохіе водевили (Скриба еще не было), и иногда мелодрамы.

Въ продолженіе моего дѣла, то-есть въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, имѣя много свободнаго времени, я проводилъ каждый день по нѣсколько часовъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Извѣстно, что главныя основанія этого громаднаго книго-хранилища составляли три библіотеки, которыя, во время еще бывшей Польши, собирали три, одинъ за другимъ слѣдовавшіе, епископа, графы Залускіе. Поэтому прежде всего петербургская библіотека есть богатѣйшая въ Европѣ сочиненіями богословскаго содержанія. Къ библіотекамъ Залускихъ присоединена была впослѣдствіи и Пулавская библіотека князей Чарторыскихъ. Потомъ уже, начиная съ того времени, какъ Публичная библіотека поступила въ управленіе барона (нынѣ графа) М. А. Корфа, она стала быстро увеличиваться и новыми пріобрѣтеніями, и частными пожертвованіями, а также вслѣдствіе существовавшаго уже распоряженія о присылкѣ въ нее всѣхъ, печатаемыхъ въ Россіи, книгъ. Я хочу поговорить здѣсь о томъ, какъ я ее зналъ въ 1820-хъ годахъ, когда она состояла подъ начальствомъ президента Академіи Художествъ А. Н. Оленина. О тогдашнемъ ея состояніи, судя по теперешнему, нельзя себѣ составить даже приблизительнаго понятія. Надо начать съ того, что каталоговъ не было. Только вновь поступавшимъ русскимъ книгамъ велись списки, но не было систематическихъ списковъ книгамъ ни польскимъ, ни латинскимъ, ни на другихъ языкахъ; нѣкоторыхъ старыхъ каталоговъ имѣлись только отрывки. Для полученія желаемой книги вы записывали ее на-авось, и также на-авось искалъ ее въ этомъ хаосѣ

---

[1]) Обѣ сестры Семеновы сдѣлали блистательныя карьеры: старшая вышла замужъ за князя Гагарина, младшая — за г. Лестрелень. См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VII, стр. 265—269.

Библиотека "Руниверс"

дежурный библіотекарь. Если вы вообще были счастливы въ азартныхъ играхъ, то дня чрезъ три-четыре получали желаемую книгу, не то библіотекарь предлагалъ вамъ другую изъ того же отдѣла литературы или наукъ, найденную имъ вмѣсто требуемой.

Я желалъ прежде всего пройдти, по возможности, всю старую польскую литературу: историческую, законодательную и изящную. Она была полна, но тутъ встрѣтились большія затрудненія: не только не было каталога, но никто изъ библіотекарей не умѣлъ читать по-польски. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, одинъ изъ библіотекарей предложилъ мнѣ отправиться въ польскую залу и самому искать себѣ книгъ. Я обрадовался этому предложенію, потому что если и не нашелъ бы сразу искомой книги, зато попались бы мнѣ другія, неизвѣстныя, и быть можетъ, болѣе еще интересныя. Сначала, для наблюденія за мною, отряженъ былъ одинъ изъ сторожей; но вскорѣ я внушилъ настолько къ себѣ довѣрія, что одинъ уже расхаживалъ по заламъ. Тутъ, если-бы у меня былъ пихлеровскій талантъ, я могъ бы составить себѣ порядочную библіотеку старыхъ польскихъ книгъ, тѣмъ удобнѣе, что онѣ нигдѣ не были записаны, и тѣмъ для совѣсти легче, что никто ими не интересовался.

Частью прочитавъ, частью же пересмотрѣвъ все болѣе замѣчательное въ старо-польской письменности, я обратился къ любимому моему предмету: «Occulta». Они были отнесены къ богословскому отдѣлу, который находился въ большемъ, чѣмъ другія части, порядкѣ. И тутъ также мнѣ было предоставлено самому искать книгъ. Я болѣе года безпрерывно занимался тайными науками, прочиталъ почти все, что было въ библіотекѣ, начиная съ пиѳагорейскихъ традицій, до Корнелія Агриппы, съ «Turba philosophorum» до «Hermippus redivivus», и до сочиненій Габалиса. Впрочемъ, я преслѣдовалъ одну, давно задуманную задачу и неутомимымъ трудомъ достигъ, наконецъ, ея рѣшенія. Событіе это имѣло громадное вліяніе на будущность моего внутренняго человѣка. Все, что я объ этомъ могу сказать, это: что и изысканія мои, и ихъ результатъ не имѣли ничего общаго съ герметическою философіею.

Въ числѣ библіотекарей были, кажется, и почетные; они являлись въ неопредѣленное время, но было четверо штатныхъ, дежурившихъ поочередно, съ которыми я постоянно имѣлъ дѣло.

Библиотека "Руниверс"

Это были: извѣстный баснописецъ Крыловъ, извѣстный авторъ грамматики Востоковъ, англичанинъ Аткинсонъ, кажется, чей-то гувернеръ, и докторъ медицины Фріофъ, шведъ. Процедура съ книгами была слѣдующая: уходя, вы отдавали недочитанную книгу дежурному; онъ ее запиралъ въ шкафъ, а на другой день другой уже дежурный выдавалъ ее по указанному нумеру. Съ 1824 года, поступивши на службу, я приходилъ уже только въ послѣобѣденное время. Крыловъ былъ уже старъ, тученъ и тяжелъ на подъемъ. Я всякій разъ заставалъ его покоившимся глубокимъ сномъ на диванѣ. Нужно было ждать, пока сторожъ его разбудитъ; онъ вставалъ ворча, долго отыскивалъ книгу и вручалъ ее не совсѣмъ любезно. Востоковъ такъ страшно заикался, что когда хотѣлъ что-нибудь вамъ объяснить, то долго нужно было ждать конца. Съ этимъ недостаткомъ онъ былъ жалокъ, но, заикаясь, выдѣлывалъ такія гримасы, что нужно было всей силы воли, чтобы удержаться отъ смѣха. Аткинсонъ былъ человѣкъ образованный и очень любезный, старенькій, маленькій, худенькій, вертлявый. Фріофъ, съ выраженіемъ въ лицѣ испуганной птицы, былъ очень комическая фигура. Онъ имѣлъ страсть разговаривать съ приходившими по-французски, а говорилъ презабавно. Однажды, подавая мнѣ книгу изъ «Occulta», не преминулъ онъ прочитать мнѣ мораль о вредности подобнаго чтенія: «Vous êtes un jeune homme (говорилъ онъ съ сильнымъ скандинавскимъ акцентомъ), et moi je suis un vieux médecin; croyez moi c'est de mauvaises nourissons, (вѣроятно nourritures) pour l'esprit que vos livres, vous vous abimerez le système nerveux, et.....» Это et, вѣроятно значило, что, по его прогностику, я съ ума сойду. Бѣдный Фріофъ! онъ во время моихъ посѣщеній библіотеки погибъ трагическою смертью. Шелъ въ должность и, переходя чрезъ Садовую, былъ опрокинутъ наѣхавшею каретою и убитъ на мѣстѣ.

Читателей въ Библіотекѣ было очень мало, такъ мало, что не болѣе трехъ. Эти трое были: священникъ Брассевичъ, настоятель сосѣдней Малтійской католической капеллы; онъ читалъ фоліанты Бароніуса: «Жизнеописанія папъ»; купчикъ, отыскивавшій въ старыхъ газетахъ какого-то объявленія, и я. Купчикъ, нашелъ-ли или не нашелъ искомое, но пересталъ являться; Брассевичъ приходилъ не каждый день, такъ что чаще всего читалъ

Библиотека "Руниверс"

я одинъ. Нельзя было не посѣтовать внутренно на такое безучастіе общества къ сокровищамъ, такъ легко доступнымъ. Но не то-ли было въ то время и съ народнымъ образованіемъ? Сколько тогда было студентовъ въ университетѣ? Не завелась еще мода, чтобы изъ высшихъ сословій и изъ достаточныхъ классовъ отдавать сыновей въ университетъ, хотя и существовало уже постановленіе, требовавшее экзаменовъ для нѣкоторыхъ отраслей службы и для достиженія извѣстныхъ чиновъ. Только впослѣдствіи стали прибывать студенты на такіе курсы, которые до того имѣли слушателей немногимъ болѣе числа читавшихъ въ Публичной Библіотекѣ.

Я все это время много работалъ надъ изученіемъ русскаго языка и, къ счастью, нашлось не мало книгъ на этомъ языкѣ, совпадавшихъ съ преобладающимъ у меня вкусомъ. Это было время, когда мистицизмъ въ Петербургѣ былъ въ своемъ апогеѣ. Почти всѣ сочиненія Эккартсгаузена, Шиллинга, Штиллинга, Сен-Мартена и др. были прекрасно переведены. Главнымъ дѣятелемъ былъ Лабзинъ, подписывавшійся У. М. (ученикъ мудрости). Книги эти были впослѣдствіи запрещены, кажется, по настоянію Магницкаго.

Вообще интеллектуальность въ Петербургѣ была въ застоѣ: выходили только оффиціальныя и полуоффиціальныя газеты; неоффиціальная ихъ часть состояла подъ строгою цензурой. Да выходили, сколько помнится, «Сѣверный Архивъ», издаваемый Гречемъ и Булгаринымъ, «Отечественныя Записки»—Свиньина, «Благонамѣренный»—Измайлова. Впослѣдствіи только Булгаринъ, ѣздившій за этимъ нарочно въ Грузино, выпросилъ у гр. Аракчеева позволеніе на свою «Сѣверную Пчелу», и, чтобы ни говорили, это изданіе имѣло для своего времени истинное достоинство; оно одно выполняло хотя нѣкоторыя условія самостоятельной (?), независимой (?) газеты. Литература наслаждалась пріятной дремотою; Крыловъ и Карамзинъ почивали уже на лаврахъ; монополія Парнасса оставалась безъ соперника за Жуковскимъ.

Были двѣ академіи: Россійская и Академія Наукъ. Въ обѣихъ царствовало невозмутимое затишье. Первая, по примѣру Французской Академіи, занималась составленіемъ «Словаря русскаго языка». О значеніи ея въ литературѣ можно имѣть понятіе изъ того, что самымъ дѣятельнѣйшимъ изъ ея членовъ былъ извѣст-

Библиотека "Руниверс"

ный гр. Д. И. Хвостовъ, безпрестанно производившій, печатавшій и самъ по книжнымъ лавкамъ скупавшій свои стихотворенія.

Предсѣдатель ея, адмиралъ А. С. Шишковъ, и съѣзжавшіеся у него члены исключительно занимались этимологическими (корнесловными) изслѣдованіями, имѣвшими цѣлью доказать, что всѣ языки происходятъ отъ славянскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ явное противорѣчіе главному положенію, они усиливались вкравшіяся въ языкъ иностранныя слова замѣнить чисто-русскими, въ родѣ шароката, мокроступовъ и тихоступовъ. Въ этихъ ученыхъ собраніяхъ извѣстныя шутки Костенецкаго: cabinet (какъ бы нѣтъ), domestique (домъ мести), Gupiter... и т. п. принимались за наличныя деньги. Академія Наукъ издавала на французскомъ языкѣ тощій бюллетень (Bulletin de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg), мало извѣстный въ европейскомъ ученомъ мірѣ.

Объ этой корпораціи, уже въ уваровское время, разсказывали слѣдующій анекдотъ. Предсѣдатель спросилъ разъ Непремѣннаго Секретаря, имѣются-ли какія сообщенія отъ иностранныхъ членовъ-корреспондентовъ? Оказалось, что давно уже никто ничего не присылалъ. Графъ Уваровъ разсердился и приказалъ послать циркуляръ, напоминавшій такимъ членамъ ихъ обязанности съ предостереженіемъ, что тотъ, кто и затѣмъ не пришлетъ ничего изъ своихъ ученыхъ трудовъ, будетъ исключенъ изъ списковъ. Это было въ самый разгаръ карболаризма и нѣмецкихъ тугендбундовъ. На циркуляръ никто изъ французскихъ и англійскихъ корреспондентовъ не отвѣчалъ; только одинъ нѣмецкій ученый прислалъ слѣдующій отзывъ: «какъ тайныя общества запрещены закономъ и я далъ своему правительству обѣщаніе не участвовать ни въ какомъ изъ нихъ, ни въ Германіи, ни за границей, то я буду очень обязанъ Петербургской Академіи Наукъ, когда она исключитъ меня изъ числа своихъ членовъ».

Впослѣдствіи обѣ эти Академіи соединены въ одну, подъ названіемъ «Академіи Наукъ», раздѣленной на два отдѣленія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О. А. Пржецлавскій.

Библиотека "Руниверс"

ДМИТРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ВОЛКОВЪ.

Матеріалы къ его біографіи.

1718—1785.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., т. IX (стр. 163—174), помѣщена біографическая замѣтка о Д. В. Волковѣ, замѣчательномъ государственномъ дѣятелѣ трехъ царствованій: Елисаветы, Петра III и Екатерины II. Секретарь Конференціи (соотвѣтствовавшей Совѣту, т. е. высшему учрежденію въ государствѣ)—въ 1755—1761 гг., тайный секретарь при Петрѣ II, (1762 г.). Дмитрій Васильевичъ Волковъ ознаменовалъ себя умомъ и энергическою дѣятельностью. Важнѣйшіе государственные акты того времени вышли изъ-подъ его пера.

Послѣдующая дѣятельность Волкова, въ царствованіе Екатерины II, была также весьма замѣчательна и плодотворна: губернаторъ Оренбургскій, генералъ-полиціймейстръ Петербурга, наконецъ намѣстникъ Смоленскій Волковъ на всѣхъ этихъ высокихъ постахъ явилъ себя достойнымъ выбора и особаго довѣрія къ нему Екатерины II. Степень благосклонности и довѣрія этой государыни къ Дмитрію Васильевичу Волкову всего лучше видна изъ подлинныхъ ея писемъ къ нему, за время съ 1763 по 1779 годъ. Документы эти въ подлинникахъ весьма обязательно сообщены «Русской Старинѣ» С. А. Рудаковой, правнучкой Дм. Вас. Волкова. Печатаемъ ихъ какъ матеріалъ для подробнаго жизнеописанія русскаго государственнаго дѣятеля XVIII вѣка.

Прежде однако, чѣмъ привести рядъ документовъ, сообщенныхъ С. А. Рудаковой, считаемъ необходимымъ напечатать два весьма важныхъ письма Дм. Вас. Волкова 1762 года. Волковъ, какъ извѣстно, былъ изъ числа немногихъ государственныхъ дѣльцовъ Петра III, которые были арестованы по распоряженію Екатерины II или ея сподвижниковъ во время переворота 28-го іюня 1762 г. Безъ сомнѣнія, императрица, хорошо зная умъ и энергію Волкова и считая его способнѣйшимъ приверженцемъ Петра III, почла его за человѣка для себя весьма опаснаго и повелѣла его арестовать. Арестъ этотъ продлился не болѣе нѣсколькихъ дней; тѣмъ не менѣе Волковъ былъ въ опалѣ, почему и счелъ необходимымъ написать къ Григорію Григорьевичу Орлову два письма или, лучше сказать, двѣ довольно обширныя автобіографическія записки съ объясненіемъ своей государственной и дипломатической дѣятельности въ царствованіе Петра III.

Библиотека "Руниверс"

Оба документа, въ отрывкахъ, впервые приведены нами въ печати въ 1867 г. въ нашемъ трудѣ: «Очеркъ царствованія Петра III-го». [1]) Объ этихъ же письмахъ упоминаемъ мы въ «Русской Старинѣ» (изд. 1874 г., т. IX, стр. 167 и 174), обѣщая ихъ напечатать. Нынѣ исполняемъ это обѣщанье. [2])

Ред.

I.

Письма Д. В. Волкова къ Г. Г. Орлову.

Іюля 10-го дня 1762 г.

Милостивый государь! Какъ ни горестно мое состояніе, сношу, однакожъ, оное съ крайнею терпѣливостью, и жребія своего ожидаю тѣмъ спокойнѣе, что, во-первыхъ, не стражду я никакимъ внутреннимъ угрызеніемъ, а потомъ, что я во всю мою жизнь никогда и ни о чемъ не прашивалъ, да такимъ же образомъ желаю и теперь спасеніе свое, не моимъ просьбамъ и докукамъ, но единственно матерней, ея императорскаго величества, милости долженствовать.

Но слыша теперь, что мои непріятели, радуясь моему несчастію, ищутъ увеличить оное поносительными о мнѣ разглашеніями; а другіе, не знавъ меня въ глаза, а еще меньше, дѣлъ моихъ, но какъ подлые человѣкоугодницы, сплетаютъ ложныя на меня клеветы,—принужденнымъ себя нахожу утруждать ваше превосходительство описаніемъ главныхъ происшествей моей при дворѣ жизни.

Я не буду распространяться о шестилѣтней службѣ въ конференціи, ниже о той генеральной апробаціи, которую я имѣлъ вначалѣ отъ ея величества покойной государыни императрицы,[3]) а потомъ и отъ всѣхъ моихъ начальниковъ, а буду говорить только о послѣднихъ шести мѣсяцахъ.

Въ послѣдніе часы жизни сей, въ Бозѣ почивающей, государыни, приказывано было мнѣ неоднократно, чтобы я не отлучался и заготовилъ бы присяги. Въ тогдашней горести отвѣтствовалъ я коротко и дерзко, что при живомъ государѣ новыхъ присягъ писать не умѣю,

---

[1]) См. «Отечественныя Записки» 1867 г., кн. VII, VIII и IX.

[2]) Замедливъ исполненіемъ своего обѣщанія, мы недавно встрѣтили въ «Р. А». текущаго года довольно значительные отрывки изъ этихъ же двухъ документовъ въ сообщеніи С. М. Соловьева. Тѣмъ не менѣе считаемъ необходимымъ напечатать эти историческіе матеріалы вполнѣ по нашему, снятому съ подлинниковъ, списку, предпославъ ихъ 17-ти письмамъ Екатерины II къ Волкову.

[3]) Елисаветы Петровны.

Библиотека "Руниверс"

и тотчасъ просилъ Ивана Ивановича Шувалова и Алексѣя Петровича Мельгунова, чтобъ постарались доставить мнѣ отставку, не скрывъ при томъ первому, что примѣченный мною тріумвиратъ мнѣ не нравится. Но они старались токмо меня увѣщевать, чтобъ я, какъ сынъ отечества, не для себя, но для службы государства, въ такое время показалъ мое усердіе, когда оное весьма нужно, упоминая, что безъ меня на ожиданный случай и манифеста написать будетъ некому.

По плачевномъ воспослѣдованіи блаженной кончины ея величества, тотчасъ нашлось, что тогдашній нескладный манифестъ уже давно господиномъ Глѣбовымъ написанъ былъ, и сколько ни трудились другіе, чтобъ я оный высмотрѣлъ напередъ и поправилъ, однакожъ, онъ до того не допустилъ, такъ что мнѣ досталось токмо оный прочитать. Въ слѣдующую ночь заготовилъ я самъ собою экспедицію въ разные корпусы заграничной арміи, не съ тѣмъ, чтобъ выслуживаться, но чтобъ туда какого здору отправлено и печаль всего войска до какого-либо смущенія доведена не была; а проситься въ отставку былъ неотмѣнно намѣренъ, такъ что поутру, поѣхавъ къ его сіятельству канцлеру, столько плакалъ и столько объ отставкѣ просилъ, что онъ, наконецъ, съ нѣкоторымъ огорченіемъ молчаніе мнѣ наложилъ, и съ графомъ Романомъ Ларіоновичемъ меня во дворецъ послалъ, для подписанія помянутой экспедиціи. Оная найдется въ дѣлахъ конференціи и я желалъ бы, чтобъ нынѣ прочтена была.

Съ того времени цѣлый мѣсяцъ не дѣлалъ я ничего, и сидѣлъ больше дома. Сочинилъ подлинно описаніе о блаженной кончинѣ покойной государыни императрицы, но и тутъ хотѣли меня посадить въ крѣпость, для чего нынѣ славно и безпримѣрно на тронъ восшедшую героиню назвалъ государствующею императрицею, да былъ еще подъ слѣдствіемъ: не я-ли выпустилъ реляцію о взятьѣ Колберга.

Какъ попался я вдругъ въ тайные секретари, того и теперь не знаю; но то подлинно, что и важность, и склизость сего поста я тогда же чувствовалъ, и потому твердо предпріялъ-было, по просту сказать, черезъ пень колоду валить, т. е. исполнять только, что велятъ, а самому не умничать и не выслуживаться. Но жребій моимъ хотѣніямъ всегда былъ противенъ. Первое, чаю я, дѣло поручено мнѣ было—написать указъ о возвращеніи на Вислу графа Чернышева съ его корпусомъ и положить оное на попеченіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Знавши, сколько встрѣтитъ гр. Чернышевъ трудностей, а особливо въ тогдашнее время, и чего ему недостаетъ, и что надобно, упомянулъ я о томъ слегка въ указѣ въ коллегію, прибавя, чтобъ оная, обще съ сенатомъ, распорядила походъ и пропитаніе сего корпуса. Но въ сихъ обоихъ мѣстахъ, по многой перепискѣ, больше

Библиотека "Руниверс"

не сдѣлано, какъ посланъ указъ къ фельдмаршалу гр. Салтыкову, чтобъ онъ, по своему разсмотрѣнію, все то распорядилъ; а онъ отъ себя отписалъ гр. Чернышеву, чтобъ онъ поступилъ въ томъ по его лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію. Увидя толь облегчительное въ дѣлахъ теченіе, признаваюся, что я обезпамятѣлъ и въ бѣшенствѣ у многихъ спрашивалъ: не всѣ-ли дѣла такъ дѣлаются, и сатиру изъ того расплодилъ далѣе, сказывая, что, конечно, и гр. Чернышевъ прикажетъ генералъ-квартирмейстеру, тотъ своимъ подчиненнымъ, и такъ дѣло дойдетъ окончать ефрейтерамъ. Вотъ что принудило меня прямо за дѣло приняться, и сдѣлано, что гр. Чернышевъ, по моему распоряженію, ничего не претерпѣвъ, возвратился.

Другое дѣло, но въ тожъ время, сдѣлалъ я посмѣлѣе изъ усердія къ отечеству. Князю Михаилу Никитичу Волконскому предложилъ принцъ Бевернскій перемиріе, а онъ безъ указа на то не поступилъ. Зато тотчасъ пожалованъ онъ былъ въ дураки и въ злонамѣренные. Но я, не устрашась его оправданія, сочинилъ ему въ отвѣтъ такія кондиціи перемирію, кои предъ всѣмъ свѣтомъ, къ чести нашего государства и оружія, служатъ и коимъ не токмо дивились многія, что я смѣлъ наложить толь строгіе законы королю прусскому, но между другими, помню я, сказалъ мнѣ князь Никита Юрьевичъ,[1]) что онъ мнѣ зато статую поставилъ бы. Но, признаться надобно, что въ то время еще не весьма трудно было служить отечеству и исполнять свою присягу. Тогда не было еще здѣсь Голца и Штебена, и не возвратилось еще громкое наше посольство изъ Бреславля.[2]) Пріѣздъ сихъ людей скоро далъ другую форму и дѣламъ, и моему состоянію. Штебенъ явился на меня доносителемъ въ тайныхъ съ графомъ Мерсіемъ свиданіяхъ,[3]) а король прусскій, изъ особливой ко мнѣ атенціи, прислалъ, перехваченное будто, Бретелево письмо, въ коемъ изъ всей силы превозносятъ мои таланты и усердіе.[4]) Потому взятъ я былъ въ допросъ какъ злодѣй; но допрашиванъ такъ, что обвинители мои были отъ меня скрыты. Въ отвѣтѣ моемъ теперь нужды нѣтъ, однакожъ былъ онъ слѣдующій: что я ни съ Мерсіемъ и ни съ кѣмъ изъ иностранныхъ нигдѣ не видался и не говорилъ, и присылки ко мнѣ ни отъ кого не было; что они, привыкнувъ въ прежнее время меня почитать, конечно, и не осмѣлятся ко мнѣ подсылокъ дѣлать; что при покойной государынѣ императрицѣ представлено мнѣ было, позволительнымъ образомъ, отъ Франціи денежное награжденіе, а отъ вѣнскаго двора—

[1]) Трубецкой.
[2]) А. В. Гудовича.
[3]) То есть съ австрійскимъ посломъ.
[4]) Бретель—повѣренный французскаго дрова. Ред.

Библиотека "Руниверс"

гершафство въ Германіи, но я то и другое съ презрѣніемъ отвергнулъ, и ея апробацію получилъ; что буде нынѣ обнесенъ я съ прусской и аглинской стороны, то сіе меня такъ ласкаетъ, что не токмо въ ихъ обвиненіяхъ соглашусь, но самъ на себя взведу, что похотятъ; что не надобно мнѣ лучшаго свидѣтельства въ моемъ усердіи къ отечеству, какъ гоненіе непріятелей имперіи, что я и заслужилъ оное, прибавя съ похвалою, или хвастовствомъ, что остатокъ послѣдней кампаніи и взятіе Колберга одному мнѣ принадлежитъ. Бывшій императоръ самъ меня не спрашивалъ, по токмо Левъ Александровичъ и Алексѣй Петровичъ[1]) успокоивали меня обнадеживаніями, что когда миръ совершится, то и опасность моя минуется, давая мнѣ чувствовать, что я не долженъ ничего упоминать противъ желаній короля прусскаго.

Но какъ Голцъ[2]) не переставалъ меня опасаться, такъ и я не умѣлъ предѣловъ полагать моему усердію и ревности къ пользѣ отечества.

Бывшій —— исправляя здѣсь должность перваго прусскаго министра и публично тѣмъ себя титулуя, велѣлъ Голцу, чтобъ присланный къ нему отъ короля мирный проектъ онъ мнѣ подалъ, и самъ часъ къ тому назначилъ, сказавъ мнѣ, чтобъ я его дожидался. Господинъ Голцъ, знавши, что я живу во дворцѣ, поѣхалъ въ Семеновскій полкъ къ Андрею Андреевичу Волкову и, не заставъ его дома, тотчасъ отрапортовалъ, что меня нигдѣ найтить не могъ. Тутъ мой арестъ и совершенное несчастіе были рѣшены, но чудеснымъ образомъ весь тотъ день прокурилъ у меня табакъ баронъ Унгарнъ, и такъ онъ меня онравдалъ, а дѣло обратилось въ шутку надъ Андреемъ Андреевичемъ.

Я, съ моей стороны, вѣдая, что война съ Даніею всегда была рѣшенымъ дѣломъ и противное тому упоминаніе могло бы стоить жизни, устремлялся къ тому: 1) чтобъ сію войну самыми къ ней приготовленіями, сколько можно, въ даль протягивать; 2) между тѣмъ и Пруссію, и Померанію за нами удерживать и оными пользоваться, а притомъ 3) смотрѣть, не будетъ-ли способа, хотя похлѣбствуя королю прусскому, вмѣшаться въ примиреніе Европы, и тѣмъ не такъ вѣчный свой стыдъ загладить, какъ паче обнадежиться, что, по замиреніи Европы, лучшій нашъ другъ и государь король прусскій самъ не допуститъ насъ начать войну съ Даніею. Сего ради, пользуясь претекстомъ Датской войны, толковалъ я непрестанно, что пока наша

[1]) Нарышкинъ и Мельгуновъ.

[2]) Прусской посланникъ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

армія останется внѣ границъ, намъ никакъ не можно возвратить его прусскому величеству завоеванныя у него земли, и тѣмъ до того довелъ-было, что велѣно мнѣ, обще съ тайнымъ совѣтникомъ Волфомъ, сдѣлать контрапроектъ. Черное сочиненіе найдется всемѣрно въ моихъ бумагахъ. Не совсѣмъ оно согласно съ моимъ желаніемъ, но кто зналъ тогдашнее время, стремительное желаніе бывшаго императора и мое состояніе, тотъ удивится, и едва-ль повѣритъ, чтобъ я смѣлъ столь много стоять за интересы и славу отечества, а тому еще болѣе, что когда я съ чернымъ пришелъ, а тутъ были принцъ Георгій и баронъ Голцъ, то господинъ Волфъ, обробѣвъ и солгавъ своему слову, отперся отъ того, что онъ со мною согласенъ, сказавъ мнѣ въ пагубную похвалу, что онъ не успѣлъ въ окошко выглянуть, какъ у меня уже все готово было; я-жъ, напротивъ того, довольно имѣлъ не смѣлости, но вѣрно истиннаго усердія вооружиться не токмо противъ принца Георгія и барона Голца, но и противъ самого бывшаго императора, такъ что, наконецъ, первые молчать, а онъ — мое сочиненіе апробовать принуждены были. Такой негоціаторъ не по вкусу былъ барона Голца, потому онъ, выпрося съ моего проекта копію, чтобъ ея лучше высмотрѣть, сочинилъ новый проектъ по своему; и не знаю, сказавъ или не сказавъ императору тогдашнему, отослалъ, при письмѣ, сказываютъ, своемъ, къ его сіятельству канцлеру съ тѣмъ, чтобъ по тому инструменты заготовлены были, что̀ и исполнено безъ моего уже содѣйствованія. Мнѣ только то осталось на утѣшеніе, что не по первому прусскому проекту сей миръ заключенъ, инакоже мы, къ большему еще стыду и безславію, были бъ со Шведами однимъ гребнемъ чесаны; ибо послѣ изъ шведскаго мира я усмотрѣлъ съ ужасомъ, что его прусское величество циркулярнымъ проэктомъ трактата Швецію и насъ подчивалъ: толь велико было его высокомѣріе, и такова истинна дружба къ подвластному ему императору.

Но не прошло мнѣ и то даромъ. Принцъ Георгій озлобился на меня столько жъ, какъ Голцъ, буде не больше, будучи наущаемъ и съ другой стороны Хорватами и Глѣбовыми, и до того дошелъ, что, 9-го іюня, будучи пьянъ, слѣдовательно, откровененъ и искрененъ, обвинилъ меня ненавистію къ нѣмцамъ, угражива доказать мнѣ, какъ дважды два четыре, что я тотъ человѣкъ, который составилъ проэктъ—выгнать изъ Россіи всѣхъ нѣмцевъ; и сему странному происшествію, а моей на весь день горести, былъ весь дворъ свидѣтель.

По прочимъ политическимъ дѣламъ былъ я только въ одномъ участникомъ. Бывшій императоръ, по домогательству принца Георгія и барона Голца, приказалъ канцлеру отправить въ Константинополь, къ Обрескову, указъ, и велѣть, чтобъ онъ старался поднять Турокъ

Библиотека "Руниверс"

противъ Вѣнскаго двора, и объявилъ бы, что наши съ онымъ обязательства разорваны. Каково коротко было приказаніе, немного пространнѣе того сочиненъ былъ и указъ въ коллегію. Но коль скоро принесли ко мнѣ изъ коллегіи протоколъ для подписанія, я не только въ коллегію мнѣніе противъ того письменно послалъ, но осмѣлился и самому бывшему императору сдѣлать представленіе, и столько одержалъ, что не велѣно уже Обрескову самому вызываться, но развѣ Турки спросятъ: будемъ-ли мы Вѣнскому двору помогать, то отвѣтствовалъ бы онъ собою, что послѣ толь тягостной войны, конечно, не поступимъ мы на новую.

Вотъ всѣ мои дѣла и поведеніе, что принадлежитъ до политики; ибо о дѣлахъ, происходившихъ со времени учрежденія Совѣта, распространяться нужды нѣтъ — ихъ немного, и всѣ они на-лицо. Ими хочу я быть правъ и виновенъ, а свидѣтели мнѣ будутъ: Александръ Никитичъ Вилбуа и князь Михаилъ Никитичъ Волконскій, что и въ ономъ совѣтѣ не оболгалъ я той ревности и усердія къ пользѣ государства, и что я всегда первый былъ, который всѣмъ прихотливымъ желаніямъ противился.

Чтожъ до внутреннихъ дѣлъ надлежитъ, то главные моихъ трудовъ суть три: 1) о монастырскихъ вотчинахъ; 2) о тайной канцеляріи, и 3) пространный указъ о коммерціи.

На первый поступалъ я тѣмъ охотнѣе, что и дѣло казалось мнѣ справедливое, и радъ я былъ случаю—воздать должную хвалу памяти покойной государыни императрицы. Но, по несчастію, перепорчена въ сенатѣ совсѣмъ вся сія исторія. Во второмъ, также не знаю я, найдется-ли что-либо мнѣ къ нареканію. Третій, напротиву того, воздвигъ на меня и зависть, и гоненіе. Вмѣсто того, что я ожидалъ получить благодареніе, ибо, что до отдачи таможенъ принадлежитъ, то сіе дѣло рѣшено еще безъ меня, а когда мнѣ исполнить велѣно и требовали великаго поспѣшенія, то сей случай показался мнѣ удобнымъ тѣ мысли въ дѣйство произвести, о которыхъ письменно представлялъ я еще въ прежней конференціи и которыя всѣми были расхвалены, но только для того остались безъ исполненія, что никто не имѣлъ моей смѣлости говорить съ графомъ Петромъ Ивановичемъ.[1]) Совсѣмъ тѣмъ не легкомысленно поступлено на сіе дѣло, но призываны на совѣтъ Иванъ Ивановичъ Костюринъ, Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ и Яковъ Матвѣевичъ Евреиновъ, кои словесно, а Олсуфьевъ и письменно, объявили, что они ничего лучшаго ни государству полезнѣйшаго не видывали.

---

[1]) Шуваловъ.

Библиотека "Руниверс"

Трудился еще я о флотѣ и объ учрежденіи такого государственнаго банка, которымъ бы хожденіе мѣдныхъ денегъ облегчить, а притомъ и до того довести можно было, чтобъ сія ржа не поѣла всего нашего золота и серебра; но описаніе о томъ весьма пространно, и такъ ссылаюсь на оставленныя мною дѣла.

Теперь осталось мнѣ упомянуть о моихъ непріятеляхъ. Вѣдать надобно, что не поссорился я ни съ кѣмъ, ни по деревнямъ, ни по тяжбамъ, ни въ пиру, ни за игрою. Многимъ изъ тѣхъ, о которыхъ слышу противное, показалъ великія услуги. Обиженъ подлинно мною одинъ только Глѣбовъ, да Ермолаевъ, однакожъ, не по злобѣ, но по ихъ рукомеслу. Глѣбовъ неоднократно ко мнѣ присылывалъ искать моей дружбы, но я всегда отвѣтствовалъ, что дружба возстановляется временемъ. А когда доходило до войны съ Даніею, то я искренно ему разсказывалъ всѣ ея неудобства и для государства тягости, для того, дабы онъ, по сенату и коммисаріату, дѣлалъ въ томъ затрудненіе. Но онъ, будучи жаденъ на выслугу и крайне влюбленъ въ проэктъ гр. Петра Ивановича (Шувалова) о мѣдныхъ деньгахъ, увѣрилъ сперва бывшаго императора, а потомъ и весь Сенатъ, что у него на войну четыре милліона чрезвычайныхъ денегъ готово будетъ, въ чемъ, однакожъ, ясно доказалъ я противное. А обиду сдѣлалъ я ему только ту, что жаловался на него бывшему императору въ томъ, что онъ, завиствуя указу о коммерціи, сдѣлалъ плутовскую передачу за подряженный холстъ на армію, и тѣхъ подрядчиковъ умышленно утаилъ, кои дешевле брали. А обо всемъ томъ увѣдомилъ меня подробно Иванъ Ивановичъ Костюринъ. Чтожъ принадлежитъ до Ермолаева, то я только увѣщевалъ его публично, чтобъ онъ, имѣючи великій доходъ отъ заводовъ и немалое богатство, плутовать пересталъ, въ чемъ онъ мнѣ и обѣщался. Другіе, слышу я, злятся на меня за превеликое мое богатство. Однакожъ, то подлинно, что я самый нищій человѣкъ, и долженъ теперь больше 15,000 рублей, въ томъ числѣ въ Мѣдный банкъ 10,000, кои занялъ на покупку каменнаго дома, еще при покойной государынѣ императрицѣ, въ надеждѣ ею быть выкупленъ. А послѣдніе шесть мѣсяцевъ положить бы мнѣ пришло зубы на полку, ежелибъ я не игралъ очень счастливо и не выигралъ около 8,000 рублей, чему весь дворъ свидѣтель; но теперь и тѣ деньги лежатъ заарестованы, сколько ихъ оставалось, а я, ни жена моя, ничего не имѣемъ. Получилъ я нѣсколько богатыхъ табакерокъ, но бывшій императоръ, взявъ одну безъ заплаты, даромъ, приказалъ, чтобъ и прочія я для негожъ хранилъ. Далъ онъ мнѣ подлинно деревни, но я нетолько указа на нихъ не подносилъ, слѣдовательно и ничего не получилъ, но ниже благодарилъ его.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ краткая моя, послѣднихъ мѣсяцевъ, исторія. Она мнѣ тѣмъ не нравится, что въ ней много невѣроятнаго, но правду для того ломать не можно, чтобы она больше сама на себя походила. Я такую писалъ истинну, которую всегда доказать могу, и увѣренъ, что ниже алтерировалъ которое-либо обстоятельство.

Отпустите мнѣ, милостивый государь, что я утрудилъ толь пространнымъ письмомъ. Но ваше превосходительство человѣколюбивы и часа не пожалѣете употребить на спасеніе человѣка, который крайне несчастливъ, но былъ не безполезенъ своему отечеству, и который пока живъ, пребудетъ съ должнымъ высокопочитаніемъ.

Вашего превосходительства нижайшій слуга Дмитрей Волковъ.

P. S. Достойно, милостивый государь, примѣчанія, что когда вышеупомянутый пространный о коммерціи указъ въ Сенатъ посланъ былъ, то артикулъ о таможняхъ исполненъ тамо тотчасъ и безъ прекословія; а шумъ и крикъ поднялся на меня за то, что симъ указомъ отрѣшены монополіи, и изъ сего начала догадывались многіе не безъ основанія, что доберуся я помаленьку и до прочихъ народныхъ и государственныхъ расхитителей. Если угодно вашему превосходительству о какихъ-либо прежнихъ дѣлахъ слышать отъ меня обстоятельное донесеніе, то никогда, какъ нынѣ, не имѣлъ я столько свободнаго къ тому времени. Не надобно токмо спрашивать у меня о дѣлахъ придворныхъ и комнатныхъ. Я ихъ никогда не зналъ и замѣшанъ въ нихъ не былъ, и вѣрно не бывало еще для придворной карты такого несвѣдущаго иностранца, несмотря на то, что я неотлучно при дворѣ былъ. Не причтите, ваше превосходительство, смѣлость моего письма теперешнему моему состоянію. Какъ оно ни печально, я еще далекъ отъ отчаянія; но я порокъ имѣю, что и собственныхъ своихъ мыслей прикрашивать не могу, а столь меньше когда-либо менажировалъ худыя чьи дѣла.

P. S. Сейчасъ сказываютъ мнѣ, что убыточный о холстѣ на армію подрядъ нынѣ въ Сенатѣ утвержденъ, схваченнымъ подъ шумокъ словомъ, „быть по старому“, а я вѣдаю, что изъ передаточной суммы уступали уже 24 или 26,000 рублей; да потому, конечно, и торгъ уже оконченъ былъ бы, ежелибъ нѣкоторые не противились тому святостію контрактовъ. Указъ, конечно, святой, но не употребляется, какъ только въ пользу мошенниковъ.

Естлибъ я выше о сей матеріи не упоминалъ, то воздержался бы, конечно, сей второй постскриптъ написать.

Библиотека "Руниверс"

II.

Іюля 11-го дня 1762 года.

Милостивый государь! Съ неизобразимымъ слышу теперь ужасомъ, якобы бывшій императоръ публично меня благодарилъ, что я ему, какъ великому князю, всѣ дѣла изъ конференціи сообщалъ. Толь великой лжи мнѣ еще не случилось слышать ни объ комъ. Сверхъ того, что я непоколебимо вѣренъ и усерденъ былъ покойной государынѣ императрицѣ, даже и по кончинѣ ея, и сверхъ того, что внутреннее чувствовалъ всегда удовольствіе—низложить силу и гордость короля прусскаго, да тѣмъ еще бо́льшее, что, безъ хвастовства сказать, не послѣднимъ бы я въ томъ былъ и орудіемъ, по признанію всего свѣдущаго свѣта,—я довольно наслышался еще отъ графа Алексѣя Петровича Бестужева о качествахъ тогдашняго великаго князя, когда мы съ нимъ вмѣстѣ оплакивали будущее состояніе Россіи, подъ владѣніемъ сего принца. Потому, еслибъ я и предатель былъ отечества и измѣнникъ собственнаго своего честолюбія, то, напротивъ того, оставалось еще у меня довольно разума. Я-жъ привыкъ быть добрымъ и послушнымъ рабомъ. Покойной государынѣ императрицѣ служилъ, сколько по долгу, вдвое того по склонности и усердію; и нетокмо до послѣдняго момента ея жизни, но и потомъ никакимъ образомъ не искалъ наградить для себя сей утраты, хотя великолѣпные и выше моихъ лѣтъ и состоянія предъ собою примѣры видѣлъ. Къ бывшему императору не находилъ я въ себѣ нимало той же склонности, но и должности одной довольно было сдѣлать изъ меня добраго раба. Весь дворъ будетъ мнѣ свидѣтель, что я тщательно избѣгалъ его присутствія и, имѣя единожды навсегда приказаніе, никогда, однакожъ, не пришелъ ни къ обѣду, ни къ ужину, когда особливо призванъ не былъ; такъ несносно мнѣ было все его поведеніе и разговоры. По счастію моему, на послѣднее время гонялъ онъ меня прочь и съ дѣлами; такъ что ни одной реляціи, не токмо министерской, но ниже нужныхъ ему отъ гр. Румянцева, не слушивалъ, и послѣднія о войнѣ съ Даніею резолюціи приниманы были на парадномъ плацѣ по словеснымъ рапортамъ господина Цейса. Больше того, я не скрытно говаривалъ предъ многими, что король прусскій, конечно, почитаетъ насъ за малолѣтныхъ ребятъ, или крайнихъ дураковъ, которыхъ надобно еще сѣчь розгами.[1])

Потому не знаю я, откуда толь пагубная мнѣ басня сплелась;

[1]) См. переписку императора Петра III съ Фридрихомъ II-мъ, королемъ прусскимъ, въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т. III, стр. 283—309.

Библиотека "Руниверс"

случилось подлинно нѣчто тому подобное, но совсѣмъ въ другомъ разумѣ. Живучи уже въ каменномъ зимнемъ домѣ, не помню,—въ который день, послѣ ужина и куренія табаку, разсердился онъ на канцлера, называя его французомъ и попрекая его племянницѣ, и потомъ распространилъ рѣчь на конференцію, браня оную еще болѣе, и, указавъ на меня, сказалъ: „а сего каналію часто хотѣлъ я заколоть, но, по счастію, всѣ имъ писанные къ генераламъ указы не имѣли своего дѣйства; такъ хорошо исправлялъ я здѣсь дѣла его величества короля, да они и теперь еще въ моихъ рукахъ".

Еще случалось многократно, что императоръ, бывшей за столомъ, и безъ того на людствѣ разсказывалъ, какъ онъ, присутствуя въ конференціи, неизмѣнилъ своему королю и не убоялся покойной государыни императрицы, но предъ нею, въ глазахъ, защищалъ его интересы, какъ честный человѣкъ, и ссылался въ томъ на меня. Я поклономъ на то согласовался, а Нарциссъ[1]) прибавлялъ огорченіе, что злые люди выгнали его изъ конференціи.

Если не отсюда взята сплетенная на меня исторія, то она принадлежитъ счастливому моему жребію. Французскіе здѣсь министры въ самомъ началѣ обвиняли меня тѣмъ, что я бестужевскаго духа, и Бретель мнѣ въ глаза сказалъ: „que moi étant élève de Bestucheff je ne devois point être surpris, si on cherche à me connoitre avant que de m'accorder quelque confiance". И тогда уже ласкать они меня начали, когда меня погубить не могли. Еще при покойной государынѣ императрицѣ часто спасаемы были командиры нашей арміи отъ строгихъ моихъ взысканій тѣмъ однимъ, будто я много за австрійцевъ стою. Потомъ пруссаки искали доказать, что я вѣнскому двору преданъ и тѣломъ, и душею. Теперь обстоятельства перемѣнилися, и моимъ непріятелямъ вдругъ надобно, чтобъ я преданный былъ другъ королю прусскому, да не на нынѣшнее время, но когда дѣйствительно войну пуссировалъ я всею силою; а при томъ и австрійцамъ ни въ какой пьесѣ моего сочиненія ни однимъ словомъ долженъ не остался. Въ первой нашей контрдекларації, о предложенномъ отъ Франціи, въ началѣ прошлаго года, мирѣ, досталося отъ меня всѣмъ сестрамъ по сергамъ; но и сія многимъ невкусная піеса признана была за совершенную въ своемъ родѣ и произвела бы полное свое дѣйствіе, ежелибъ мы на словахъ такъ тверды были, какъ на письмѣ. Но я и здѣсь разплодился больше, нежели думалъ; а мнѣ надлежало сказать коротко, что если Ваше Превосходительство, по несчастію моему, подадите хотя малѣйшую вѣру сплетенной на меня

[1]) Арапъ, придворный шутъ.

Библиотека "Руниверс"

клеветѣ, я, безъ суда, осуждаю самъ себя смерти; буде же нѣтъ, то я, со спокойнымъ духомъ и съ сожалѣніемъ, буду смотрѣть, что моимъ непріятелямъ не останется болѣе, какъ только церковную татьбу и душегубство на меня взвести, и что совсѣмъ тѣмъ не будетъ имъ того утѣшенія, чтобъ они перемѣнили внутреннюю мою непорочность и то истинное усердіе, съ коимъ я есмь

„Вашего превосходительства нижайшій слуга Дмитрей Волковъ".

Объяснительныя Записки Волкова имѣли полный успѣхъ: онъ вновь призванъ къ государственной дѣятельности, но первоначально, и какъ надо полагать, неслучайно, его командируютъ на дальнюю восточную окраину Россіи — въ Оренбургъ.

Вотъ повелѣніе Екатерины II, объясняющее порученіе, возложенное на Дмитрія Васильевича Волкова.

III.[1])

Москва, 23-го октября 1762 г.

„Государь мой Дмитрей Васильевичъ! Ея императорское величество съ неутомимымъ трудолюбіемъ вникая во все то, что до пользы государственной и всенароднаго благосостоянія касаться можетъ, повелѣть мнѣ изволила отписать къ вамъ, чтобъ о нужныхъ и примѣчанія достойныхъ дѣлахъ, о которыхъ въ репортахъ и доношеніяхъ вашихъ писать будете въ сенатѣ, вы въ то же время писали бы прямо и къ ея величеству, подъ кувертомъ его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова, или моимъ, или Ивана Перфильевича Елагина, съ надписаніемъ на пакетѣ о подачѣ онаго въ собственныя ея императорскаго величества руки, и чтобъ прислали вы обстоятельное тамошнихъ дѣлъ описаніе въ разсужденіе Башкирцовъ и Киргискаго народа. Объявя о семъ вашему превосходительству, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства, государя моего, послушнымъ и покорнымъ слугою Адамъ Олсуфьевъ.

(Рукою императрицы): „Слышно, будто вы съ проежжающимъ курьеромъ присилали суда представленье о карабельныхъ лѣсахъ и проч: только о томъ суда ничего не получено дайте о семъ мнѣ знать и вторительно пришлите. Екатерина".

Изъ донесенія Волкова отъ 31-го января 1763 года видно, что онъ вполнѣ осмотрѣлся на новомъ поприщѣ своей дѣятельности и подробно излагалъ свои предложенія. Вскорѣ однако „съ смущеніемъ узналъ онъ печальное состояніе и учрежденіе Оренбургской губер-

[1]) Этотъ и послѣдующіе документы (№ III—XIX) сообщены правнучкой Дм. Вас. Волкова—С. А. Рудаковой. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

ніи", и „коль скоро увидѣлъ, что съ одной стороны связанныя имѣю руки — какую-либо приносить пользу, а напротивъ того, ежеминутно опасаясь, чтобъ мерзостными приказными крючками, къ несчастію всегда дурнымъ истолкованіемъ указовъ покрытыми, не войти въ проступокъ", то, не желая „валя пень черезъ колоду, быть преступнымъ похитителемъ" ея величества жалованья, Волковъ сталъ проситься въ оставку.

На просьбы объ отставкѣ, Екатерина II отвѣчала слѣдующимъ весьма милостивымъ письмомъ.

IV.

Москва, 26-го апрѣля 1763 г.

„Господинъ статской дѣйствительный совѣтникъ. Какъ письмо ваше, такъ и ревность къ службѣ пріемлю я съ особливымъ благоволеніемъ. Старайтесь и впредь о киргискихъ и башкирскихъ дѣлахъ, точныя собравъ извѣстія, обстоятельно мнѣ представить; и пекитесь о приведеніи въ лутчее состояніе тамошней съ Хивинцами и Бухарцами коммерціи, и о прекращеніи вкравшихся непорядковъ. Я не надѣюсь, чтобъ слабость вашего здоровья толь была велика, чтобъ вы не могли продолжать службы, и слѣдовательно, естьли хотите остаться, то можете быть тамо губернаторомъ на мѣсто Давыдова. О семъ немедленно меня увѣдомьте; уповая, что мнѣ знающій въ политическихъ дѣлахъ человѣкъ, въ такой отдаленной и пограничной губерніи, весьма надобенъ. „Екатерина".

Дмитрій Васильевичъ отвѣчалъ обширною, на восьми листахъ, своеручною запискою, въ которой, въ нѣсколькихъ пунктахъ, касается многихъ и весьма важныхъ вопросовъ, имѣющихъ жизненное значеніе для будущности Оренбургскаго края. Между прочимъ онъ писалъ:

....„Всемилостивѣйше повелѣваете, ваше императорское величество, немедленно донести, хочу-ли я здѣсь остаться, присовокупляя, что въ такомъ случаѣ могу быть губернаторомъ на мѣсто господина Давыдова. Я дерзаю увѣрить ваше величество, что во весь мой вѣкъ не будетъ у меня другой воли и хотѣнія, кромѣ монаршей воли вашего величества. Меня столько ласкаетъ не имѣть иныхъ мыслей, что я старался бы забыть и самаго себя, и что я имѣю многочисленную фамилію, и брата, моей же помощи требующаго, еслибъ не опасался de passer pour un père et frère dénaturé. Но что до губернаторства въ здѣшнемъ мѣстѣ принадлежитъ, отъ котораго проситъ, сказывалъ мнѣ, увольненія господинъ тайной совѣтникъ Давыдовъ, то Богомъ клянусь вашему императорскому величеству, что чѣмъ больше

Библиотека "Руниверс"

чувствую важность сея монаршей милости и довѣренности, тѣмъ меньше нахожу въ себѣ способности исполнить ожиданіе.

Я часто разбиралъ, какая есть разница между здѣшнею и прочими губерніями? въ чемъ главнѣйше состоитъ или состоять имѣетъ должность здѣшняго гсбернатора? и какихъ потому качествъ ему быть надобно?

Въ другомъ мѣстѣ довольно не токмо къ пріобрѣтенію отъ своей губерніи похвалы и благодарности, но можетъ быть и къ совершенному исполненію своей должности, быть правосудну, не трусу, и не лакому, а при томъ стараться, чтобъ дѣла и тяжбы умалять и сокращать, а не новыя заводить.

Нужно и здѣсь все сіе, съ тою еще прибавкою, чтобъ мелкія иновѣрческія дѣла скорымъ словеснымъ судомъ рѣшить, а то за ничто считать, сколько изойдетъ въ годъ гербовой на то бумаги. И сіе такъ нужно, дерзаю я повторить, что государственная политика требовала-бъ, примѣрнымъ здѣсь правосудіемъ сдѣлать Россію любезною для всѣхъ окрестныхъ и разновѣрныхъ народовъ. Но къ сему довольно честнаго, правосуднаго и такого человѣка, который бы неумолимъ былъ въ наказаніи подчиненныхъ ему воеводъ и приказныхъ служителей, когда они что сплутуютъ, и дѣйствительно было-бъ его за нихъ заступленіе, когда они достойны награжденія; а труда великаго, ни великихъ распоряженій, ниже политическихъ соображеній не требуетъ. Великаго здѣсь требуетъ губернаторскаго труда и попеченія:

1) Намѣренія государя императора Петра Великаго, проэктами Кирилова обновленныя, о распространеніи комерціи генерально въ Азію, а паче въ Хиву и Бухарію и потомъ далѣе въ Индію достигать, и тамъ твердою ногою мѣсто занять, откуда можно получать золото и драгоцѣнные каменья. Короткими словами здѣсь уже много сказано, и такъ далѣе.

2) На томъ отнюдь не утверждаться, или не быть тѣмъ довольну, дѣланы-ли или какіе для того опыты, ибо обстоятельства во многомъ отмѣнились. Въ то время Зенгорской или Контаишинской народъ важнымъ былъ здѣсь предметомъ, а Китайцы не входили и въ планъ здѣшняго мѣста. Теперь напротиву того Зенгорцевъ на свѣтѣ нѣтъ, а Китайская держава подалась до здѣшнихъ почти предѣловъ. Потому надлежитъ разбирать, какія были причины, что не удались тогдашніе опыты, и примышлять, какъ нынѣ сдѣлать ихъ съ лучшимъ успѣхомъ.

3) Если пути въ Индію оттого только затруднительны и опасны, что много живетъ по дорогѣ разныхъ своевольныхъ народовъ, къ

Библиотека "Руниверс"

хищничеству и грабежу жаждущихъ, то не пугаться сими затрудненіями и опасностьми, но вѣрить, что трудомъ и искусствомъ все преодолѣно быть можетъ, и не утверждаться паки упрямо, что нѣтъ къ тому инаго способу, какъ только который сперва въ глаза мечется, то есть что надобно ихъ всѣхъ военною рукою истребить. Покажемъ, если надобно, Россійское мужество и на берегахъ Инда, но не пропустимъ безъ изслѣдованія и другихъ способовъ. Въ Кингисхановы времена славно было цвѣтущія государства прелагать въ ужасныя пустыни, но Гишпанцамъ не прощаютъ и донынѣ, что кровію неповинныхъ жителей утвердили владычество свое въ Америкѣ. Намъ особливо не сходно пустыми повелѣвать степями, ибо лишнихъ къ населенію ихъ людей нѣтъ. Паче всего, по слабѣйшему моему мнѣнію, не надобно пренебрегать тѣхъ способовъ, кои медлительными быть кажутся, ибо оные обыкновенно споряе и надежнѣе къ достиженію предпринятыхъ намѣреній доводятъ. Сего ради

4) Въ Киргизскихъ дѣлахъ не оставаться при той одной политикѣ, чтобъ имъ ежегодное только жалованье платить, а въ впрочемъ за находку почитать, когда, слава Богу, новыхъ и частныхъ хлопотъ, и Россійскимъ жилищамъ отъ нихъ раззореній нѣтъ. Хорошо, что одно зло меньше стало, но развѣ тому и радоваться, что того нѣтъ, чему и быть не надлежало. Мнѣ кажется гораздо лучше сходствовало-бъ съ интересами и славою имперіи вашего величества, вмѣсто того, что Киргизцы за тѣмъ только донынѣ почитаютъ себя подданными, что за сіе имя получаютъ жалованье, и не будучи ничѣмъ отягощаемы, сильно защищаются рукою отъ нападковъ Башкирскихъ и Яицкихъ казаковъ, кои всѣ ихъ проворнѣе и непримиримую имѣютъ къ нимъ ненависть, до того довести, чтобъ Киргизцы Россію собственно для Россіи любили, и по маленьку русѣли. Для чего напримѣръ не имѣть къ малолѣтнимъ ихъ здѣсь аманатамъ лучшаго, нежели къ скотинѣ, призрѣнія? Для чего не обучать ихъ не военному ремеслу, но гражданскимъ наукамъ и благонравію? Для чего о томъ не постараться, чтобъ ханскія и знатныхъ старшинъ здѣсь въ аманатахъ находящіяся дѣти время своего здѣсь невольничества почитали послѣ самымъ лучшимъ ихъ жизни времянемъ, и чтобъ отцы ихъ за счастіе почитали, что дѣти ихъ будутъ аманатами, вмѣсто того, что теперь, чѣмъ больше кто остается здѣсь аманатомъ въ своемъ заточеніи, тѣмъ большею питается къ Россійскому имяни ненавистію и можетъ быть мщеніемъ? Для чего не дать имъ чувствовать великую разницу между нашимъ благопристойнымъ и ихъ звѣрскимъ обхожденіемъ? Почто скучать церемоніальными подлинно потому скучными съ ханомъ свиданіями, и оныхъ наконецъ избѣ-

Библиотека "Руниверс"

гать подъ такими претекстами, которыхъ неосновательно имъ видимо? не лучше-ли было бы стократно сими свиданіями, несмотря на нѣкоторый убытокъ, не токмо учащать, но паче до того доводить стараться, чтобъ съ ними въ фамиліарное обхожденіе войти? однимъ дружескимъ разговоромъ сто разъ можно болѣе сдѣлать, нежели десятью церемоніальными свиданіями. Азіатцы имѣютъ еще славу вѣрныхъ друзей, и чего деньгами купить не можно, то дружбою получить удобно. Да прежде того и не чаятельно, чтобъ о прямомъ ихъ состояніи вѣрное свѣдѣніе имѣть можно было. Для чего не возбуждать въ нихъ охоту ко вступленію въ здѣшнюю службу? для чего не вселять въ нихъ похвальную ревность служить великой въ свѣтѣ монархинѣ, а не ворами быть? для чего не пріобучать ихъ къ земледѣлію и хлѣбопашеству, хотя-бъ нѣсколько лѣтъ и безплодно употреблять на то нѣкоторо иждивеніе?

5) Все, что кажется трудно или и невозможно сдѣлать въ семъ вѣтренномъ народѣ полезнаго, таково и въ самомъ дѣлѣ есть, но я разумѣю, когда въ томъ послѣдовать одной ревности не по разуму, чего не похваляетъ и Апостолъ Павелъ. Но напротиву того, пользуясь удобными случаями гораздо легче, нежели въ другихъ мѣстахъ достигать своихъ намѣреній. Померзли, напримѣръ, нынѣшнюю зиму отъ холоду и голоду и Киргизцы и скоты ихъ; вотъ случай и настоитъ хлѣбомъ ихъ разлакомить и къ заведенію лѣсовъ поощрить.

6) Мало, скажутъ мнѣ, хлѣба и въ самомъ Оренбургѣ, но если о семъ разсуждать, то никогда и Оренбурга не было-бъ. Въ самомъ началѣ сего заведенія получался сюда хлѣбъ весьма высокою цѣною, да и то такъ трудно и недостаточно, что помирали люди съ голоду. Нынѣ, слава Богу, становится сюда мука гораздо дешевле, нежели въ Новѣ-городѣ, не знаю не дешевле ли еще, нежели провіантская канцелярія у большихъ господъ подряжала въ украинскія крѣпости. И буде такая до Оренбурга была трудность, а однакожъ помышляемо уже было не токмо о Хивѣ и Бухаріи, но и о самыхъ Индіяхъ, то не крайнее ли было бы малодушіе, теперь ужаснуться, какъ за рѣку Яикъ перейти. Башкирія имѣетъ премножество хлѣбородныхъ мѣстъ. Подъ самымъ Оренбургомъ населена превеликая слобода Татаръ, кои пашнею пшеницы, сроднаго Азіатцамъ хлѣба, обогатились. Слѣдуя удачному въ томъ примѣру, надобно только приложить большее стараніе....“ и проч.[1])

Государыня прочла донесеніе Волкова съ большимъ вниманіемъ;

[1]) Эта замѣчательная записка Волкова помѣщена въ «Вѣстн. Импер. Русск. Геогр. Общ.» 1859 г., № 9, стр. 49—60.

Библиотека "Руниверс"

объ этомъ можно судить изъ ея своеручныхъ пятнадцати *NB*, поставленныхъ противъ различныхъ пунктовъ записки. Вышеприведенный пунктъ 3-й государыня обвела чертой.

Вотъ не менѣе интересный и замѣчательный отвѣтъ Екатерины II, также какъ и прочія письма ея къ Д. В. Волкову, до сихъ поръ не бывшій въ печати.

V.

Москва, іюня дня 1763 г.

„Дмитрей Васильевичъ. Я вашу реляцію отъ 26-го мая получила исправно, и всѣ ваши примѣчанія съ удовольствіемъ вижу. Состояніе ваше собственное, сколько на первой случай прилично мнѣ показалося, я поправила; а свободу талантамъ вашимъ дала по нуждѣ дѣлъ, вами представляемыхъ, такъ какъ изъ приложеннаго моего указа въ сенатъ вы видите. Я всегда радуюся, когда въ подданныхъ моихъ вижу проворство къ дѣлу и ревность къ службѣ, а въ реляціи вашей и то и другое усматриваю. Когда подданные желаютъ имѣть трудолюбиваго и попечительнаго о ихъ благѣ государя, то и государь не меньше веселится, видя подданныхъ себѣ помогающихъ. Не скучайте своими обстоятельствами, а трудитеся дѣломъ самимъ, такъ какъ вы мыслите изрядно. Прямая заслуга всегда обстоятельствы ваши исправитъ, о чемъ вы и не сумнѣвайтеся. Генеральное описаніе Оренбургскихъ дѣлъ мнѣ очень нужно. Пришлите его поскоряе. Что касается до приведенія въ лучшее состояніе коммерціи съ Бухарцами и Хивинцами, въ томъ начинайте трудиться, а я вамъ свободу даю отъ всюды брать свѣдѣніе такое, какое вы потребуете. Указы вредные разсмотрите и въ сенатъ объ нихъ или и мнѣ самой представите. Какія вы думаете политическія и экономическія распоряженія здѣлать для коммерціи съ бухарцами и хивинцами, чтобъ оная простираться могла до Индіи, и какой вамъ прожекторъ надобенъ, дайте мнѣ о томъ и о другомъ знать, я вамъ, усмотря полезное, помогать буду. И не опасайтеся, чтобъ кто, въ глазахъ моихъ, доброе ваше намѣреніе злощастнымъ здѣлалъ. Мнѣ кажется, я руки вамъ развязала, только бы вы труда своего не жалѣли. Все будетъ зависѣть отъ прилежанія вашего. Ежели желаніе ваше тоже, что и воля моя, то я уже вамъ въ указѣ въ сенатъ объявила, что мнѣ отъ васъ надобно. Словесный судъ въ мелкихъ иновѣрческихъ дѣлахъ мнѣ весьма нравится. Учредите его и поступайте по немъ. Намѣреніе дѣда нашего государя императора Петра Великаго — распространять коммерцію въ Азію и до Индіи, Кириловымъ подлинно обновлено, но оно при одномъ только обновленіи и осталося. Ста-

Библиотека "Руниверс"

райтеся опыты дѣлать новые, ежели прежніе были неудачны; противу опасныхъ дорогъ отъ грабительствъ, придумывайте способы и мнѣ представьте. Я знаю, что дача жалованья киргисцамъ недовольная есть политика къ возбужденію ихъ любви и склонности къ Россіи, но вы не изъяснили, что же другое прямо къ тому надобно и какимъ образомъ къ хлѣбопашеству и заведенію лѣсовъ ихъ поощрить. Ежели хлѣбъ можно въ коммерцію къ нимъ обратить, то здѣлайте и о томъ проектъ и ко мнѣ прямо пришлите.

О крѣпостяхъ линейныхъ пришлите прямое свѣдѣніе, какого и въ чемъ онѣ требуютъ поправленія, а особливо опишите мнѣ тяжкую работу и то иго, въ которомъ тамошніе солдаты порабощены. О возвращеніи слободъ къ линіи смѣжныхъ, которыя указомъ сенатскимъ приписаны къ золотымъ заводамъ, представьте въ сенатъ „и мнѣ о томъ дайте знать“,[1]) а я велю разсмотрѣть и опредѣлю, что за полезнѣе найду. Тоже здѣлайте и объ Илецкой соли. И таковыя представленія со мнѣніями вашими, не мѣшая одного съ другимъ, присылайте. Такъ какъ и о удобныхъ за Яикомъ мѣстахъ къ построенію крѣпостей ежели найдутся, надобно сочинить обстоятельную карту съ описаніемъ выгодности тѣхъ мѣстъ и въ сенатъ прислать, дабы удобнѣе разсуждать о томъ было можно. Слободы иновѣрческія не худо заводить и давать всякія выгоды, дабы ихъ къ поселенію тѣмъ обласкать. Что касается до того, чтобъ губернатору Оренбургскому быть командиромъ и военнымъ, то довольно, когда военная команда дѣйствовать будетъ по нуждамъ и требованіямъ губернаторскимъ; но о семъ надобно постановленіе здѣлать, въ какихъ то случаяхъ надобно, и потому опредѣлить мы можемъ и исполненіе. Ежели вамъ что надобно на издержки киргисцовъ и башкирцовъ и на обхожденіе съ ними, о томъ особливо представьте. Напослѣдокъ я вамъ даю обнадеживаніе, что мнѣ всегда пріятно будетъ губернаторскіе видѣть труды съ успѣхами, которые я ободрять не оставлю моею аппробаціею. „Екатерина“.

Командировка и губернаторство въ Оренбургской губерніи скоро для Волкова окончились: его, какъ отлично-способнаго государственнаго дѣятеля, Екатерина II признала необходимымъ взять въ число ближайшихъ своихъ помощниковъ и уже въ 1764 году назначила его президентомъ Мануфактуръ-коллегіи. Вотъ собственноручное письмо императрицы къ новому президенту:

---

[1]) Слова набранныя разрядкой вписаны рукою Екатерины II-й между строкъ. Ред.

Библиотека "Руниверс"

VI.

22-го іюня 1764 г. Нарва.

(Собственноручно Екатериной II): „Дмитри Васильевичъ, я давно слышела, что мимо ушей не должно пропускать всѣ что чутъ полезно покажется, того ради даю вамъ симъ задача не можно ли разаренного города Нарва помочи здѣлать заведеніи фабрикѣ какъ напримеръ полотняной, льну отъ селе за морѣ отпускаютъ.

„NB. На вашу разсмотренїи отдаю а я за долгъ почла о семъ к' вамъ отписать".[2])

VII.

Санктпетербургъ, сентября 30-го дня 1765 г.

Дмитрей Васильевичъ, объявите моимъ именемъ, медіаторамъ по дѣлу Сириціуса и Ліемана, чтобъ они дѣло ихъ немедленно рѣшили, въ чемъ и Мануфактуръ конторѣ ихъ понуждать прикажите. „Екатерина".

VIII.

(Собственноручно): „Дмитри Васильевичъ Пажалуй переведи на нашъ языкъ приложенные листы, думую, что вы ихъ прочтетѣ безъ скуки, какъ окончишъ перевода то привези онаго ка мнѣ".

Помѣта: «получено марта 14-го дня 1767 г.»

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Это письмо прилагается при настоящей книгѣ «Русской Старины» въ точномъ снимкѣ. Подпись Екатерины II-й въ снимкѣ взята съ другаго ея письма къ тому-же Волкову. Ред.

Библиотека "Руниверс"

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ КЛЮКИ-ФОНЪ-КЛУГЕНАУ.

Очеркъ военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ

1818—1850.

III. [1])

Паскевичъ.—Сраженіе подъ Елисаветополемъ.—Взятіе въ плѣнъ персидскаго баталіона.—Назначеніе Карабагскимъ комендантомъ.

1826—1828.

Корпусъ, ввѣренный Паскевичу, не превышалъ 8-ми т. человѣкъ, но онъ составленъ былъ изъ отборнѣйшихъ кавказскихъ войскъ.

Жители Елисаветополя, съ самаго начала войны оказывавшіе особенную приверженность къ Аббас-мирзѣ, изъявили неистовую радость, узнавъ о приближеніи его къ городу; они преувеличивали силу и безъ того многочисленныхъ его скопищъ, увѣряя, что весь отрядъ нашъ будетъ разобранъ по рукамъ; всю ночь слышно было пѣніе гимновъ изъ корана и безпрерывно раздавались залпы изъ ружей въ честь будущихъ побѣдителей. Но велико было ихъ удивленіе, когда, вмѣсто ожидаемаго съ часу на часъ отступленія, корпусъ нашъ 12-го сентября 1826 г. выступилъ впередъ и занялъ позицію въ 6-ти верстахъ отъ города.

Мѣсто, гдѣ рѣшилась участь персидской арміи, представляетъ совершенную равнину между рѣчками Ганджею и Курак-чаемъ до самой Куры, въ которую онѣ впадаютъ; только отъ истоковъ ихъ тянутся небольшія возвышенія изъ Айрюмскаго участка и оканчиваются въ 12-ти верстахъ отъ города. На этой равнинѣ расположился нашъ малочисленный корпусъ; за нимъ стоялъ общій вагенбургъ корпуса въ нѣсколько рядовъ густою колонною подъ прикрытіемъ небольшихъ командъ, отряженныхъ отъ полковъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1874 г., т. XI, стр. 131—152.

Библиотека "Руниверс"

Около 10-ти часовъ утра, 13-го сентября, началъ показываться непріятель отъ Куракчайской почтовой станціи; всѣ движенія его по равнинѣ были видны какъ на ладони: впереди джигитовали присоединившіеся къ персіянамъ татары Казахской и Шамшадильской дистанціи; небольшія шайки ихъ сворачивали съ большой дороги и пробирались къ сторонѣ вагенбурга. Вооруженные жители окрестныхъ деревень заняли окружающія высоты и, по обыкновенію, ожидали только развязки дѣла, чтобы присоединиться къ побѣдителямъ и участвовать въ добычѣ. Въ корпусѣ нашемъ царствовала глубокая тишина; изрѣдка только гренадеры, покуривая изъ коротенькихъ трубочекъ, переговаривались, посматривая на нестройныя толпы, разсыпавшіяся по всей равнинѣ.

Около полудня Аббас-мирза началъ приближаться къ позиціи нашей съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ, слѣдуя по большой дорогѣ къ Елисаветополю съ регулярными войсками, которыя, не доходя 2-хъ верстъ до нашей позиціи, начали выстраиваться на-право и на-лѣво. Старшій сынъ Аббас-мирзы Мамед-мирза и Аллах-Яр-ханъ примкнули къ флангамъ его съ многочисленными толпами иррегулярной кавалеріи, но, не взирая на чрезвычайныя усилія удержать эту орду въ порядкѣ и на одной высотѣ съ головными баталіонами сарбазовъ, они безпрерывно выдвигались полукружіемъ, стремясь обхватывать корпусъ нашъ съ обоихъ фланговъ и съ тыла; между тѣмъ резервъ, состоявшій изъ 6-ти регулярныхъ баталіоновъ шахской гвардіи, подъ начальствомъ младшаго сына Аббас-мирзы, Измаила, не выступалъ еще изъ Курак-чая. При персидской арміи было около 20-ти орудій, хорошо устроенныхъ по европейскому образцу, и много зембуречи или легкой артиллеріи на верблюдахъ.

Начавшееся вскорѣ сраженіе казалось принимало характеръ чисто оборонительный; войска наши, въ ожиданіи приказаній начальниковъ вступить въ дѣло, сняли ранцы и стали въ ружье. Персидская регулярная пѣхота остановилась и открыла батальный огонь, поддержанный артиллеріею, поставленною въ интервалахъ между баталіонами; въ то же время часть пѣхоты и толпы кавалеріи бросились на нашъ лѣвый флангъ. Къ счастію, впереди этого фланга находился небольшой, но довольно крутой оврагъ, который на равнинѣ не могъ быть замѣченъ непріятелемъ, между тѣмъ обстоятельство это имѣло важное вліяніе на судьбу сраженія. Разлетѣвшіяся во всю конскую прыть толпы всадниковъ, какъ вкопанные, остановились передъ оврагомъ и попали подъ убійственный батальный огонь стоявшихъ въ первой линіи двухъ полубаталіоновъ Ширванскаго полка. Разстройство ихъ не укрылось отъ стоявшей на лѣвомъ флангѣ 1-й линіи грузинской и

Библиотека "Руниверс"

татарской милиціи, которыя, обскакавъ оврагъ и поддержанныя двумя эскадронами Нижегородскаго драгунскаго полка, стремительно ударили имъ во флангъ и обратили въ совершенное бѣгство. Въ эту минуту генералъ Вельяминовъ, подскакавъ къ центральной батареѣ, приказалъ открыть учащенный огонь изъ 12-ти батерейныхъ орудій по баталіонамъ персидскихъ сарбазовъ. Одѣтые однообразно въ синія куртки и бѣлыя панталоны, они явственно отличались отъ всей арміи и нѣкоторое время сохраняли еще порядокъ, но поражаемые картечью, начали колебаться и переходить съ мѣста на мѣсто, чтобы укрыться отъ выстрѣловъ. Замѣтивъ это, командовавшій 1-ю линіею доблестный кн. Мадатовъ, обнаживъ шашку, закричалъ: „ура!“ Это было сигналомъ къ общему наступленію всего корпуса; стремительнымъ ударомъ въ штыки центръ непріятеля былъ прорванъ и вся персидская армія побѣжала въ безпорядкѣ къ Курак-чаю, откуда за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ она выступила съ такимъ торжествомъ и увѣренностью — разобрать по рукамъ горсть нашихъ войскъ. Этимъ собственно и кончилось сраженіе; при поспѣшномъ бѣгствѣ непріятеля, трофеевъ собрано было мало, да и тѣ бо́льшею частію пріобрѣтены отличною храбростію и распорядительностію Клугенау; всего взято до 1,100 плѣнныхъ, 3 орудія, 1 зембурекъ и 3 знамени.

Когда, разбитый въ центрѣ, непріятель бѣжалъ безъ оглядки по большой дорогѣ, преслѣдуемый казаками и пѣхотою 1-й нашей линіи, часть лѣваго непріятельскаго крыла была совершенно отброшена вправо, и увлеченная общимъ бѣгствомъ, старалась соединиться съ главными силами. Командовавшій правымъ крыломъ 2-й нашей линіи Клугенау рѣшился воспрепятствовать этому соединенію, приказавъ 6-ти ротамъ 7-го карабинернаго полка, которымъ онъ командовалъ, надѣть ранцы; онъ безъ приказанія свернулъ съ дороги вправо и слѣдовалъ поспѣшно между большою дорогою и отрѣзаннымъ непріятелемъ. Увидя невозможность достигнуть Курак-чая, толпы конныхъ бросились по разнымъ направленіямъ и скоро исчезли изъ виду, осталась одна только регулярная пѣхота, которая, преслѣдуемая по пятамъ отрядомъ Клугенау, видимо уменьшалась; сарбазы бросали ружья и разбѣгались. Наконецъ два разстроенные баталіона, достигнувъ довольно высокаго кургана, были окружены нашимъ отрядомъ. Не видя никакого спасенія, они начали устроивать изъ камней завалы и залегли за ними съ намѣреніемъ защищаться.

„Сдавайся херам-задэ!“ кричали карабинеры; „поутру наѣлись грязи, такъ теперь не поправите дѣла“; но вмѣсто отвѣта послѣдовалъ батальный огонь. Между тѣмъ день склонялся къ вечеру и весь корпусъ давно уже пришелъ въ Курак-чай, не заставъ тамъ ни одного

Библиотека "Руниверс"

персіянина. Аббас-мирза бѣжалъ такъ скоро, что утомленныя войска не могли за нимъ слѣдовать. Клугенау, выведенный изъ терпѣнія, выбралъ близъ кургана небольшой холмъ, на который, приказавъ втащить два орудія, открылъ огонь по завалamъ. Поражаемые картечью на близкомъ разстояніи и изнуренные голодомъ и жаждою, сарбазы начали кричать „сдаемся“ и тотчасъ же, сойдя внизъ, сложили оружіе. По сдѣланному разсчету оказалось ихъ два баталіонныхъ командира, 3 офицера и до 900 сарбазовъ; при этомъ взято три знамени.

Паскевичъ, слыша вдали пушечную пальбу и озабоченный отсутствіемъ 6-ти ротъ 7-го карабинернаго полка, послалъ князя Мадатова съ казаками узнать о причинахъ, препятствующихъ имъ присоединиться къ корпусу; кн. Мадатовъ прибылъ къ кургану когда дѣло было кончено. Увидѣвъ знамена сарбазовъ, онъ сказалъ Клугенау: „Ты, братецъ, счастливѣе насъ и придешь не съ пустыми руками; эти проклятые чабаны (пастухи) такъ скоро бѣжали, что намъ не удалось ничѣмъ поживиться; подѣлись съ нами трофеями“, и получивъ одно знамя, онъ возвратился въ Курак-чай доложить Паскевичу объ окончаніи дѣла.

Устроивъ всѣхъ плѣнныхъ въ общую колонну, Клугенау объявилъ имъ, что, при малѣйшемъ покушеніи къ бѣгству, они немедленно будутъ переколоты и затѣмъ, при наступившей уже совершенной темнотѣ, отправился на присоединеніе къ корпусу, куда и прибылъ благополучно въ полночь. Паскевичъ въ присутствіи многихъ генераловъ, отдавая полную справедливость его мужеству и распорядительности, ставилъ его въ примѣръ полковымъ командирамъ, упомянувъ, между прочимъ, и о томъ, что при общемъ преслѣдованіи разбитой персидской арміи онъ прежде всего приказалъ бывшимъ въ командѣ его карабинерамъ надѣть ранцы, тогда какъ прочіе полки, увлеченные быстрымъ наступленіемъ, оставили ихъ на позиціи; отъ того, когда корпусъ прибылъ въ Курак-чай, невозможно было тотчасъ преслѣдовать непріятеля и вполнѣ воспользоваться плодами одержанной побѣды. Правила этого Францъ Карловичъ никогда не забывалъ и всегда твердилъ полковымъ командирамъ и отряднымъ начальникамъ: какъ бы ни былъ близокъ походъ, хотя бы и на нѣсколько часовъ, ранецъ всегда долженъ быть при солдатѣ; несоблюденіе этой предосторожности на войнѣ, а въ особенности на Кавказѣ, всегда имѣло невыгодныя послѣдствія.[1])

---

[1]) Въ этомъ сраженіи, рѣшившемъ первую кампанію съ персіянами, Клугенау, будучи только въ чинѣ маіора, занималъ важный постъ и получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст. И. Г.

Библиотека "Руниверс"

Персидская армія, объятая ужасомъ, бѣжала по равнымъ направленіямъ въ совершенномъ разстройствѣ. Армяне безъ милосердія грабили и истребляли отсталыхъ, пробиравшихся окольными дорогами и лѣсами, и спустя пять дней послѣ пораженія остатки персидскихъ войскъ были уже за Араксомъ и бѣжали такъ поспѣшно, что неутомимый князь Мадатовъ не могъ ихъ догнать.

Наслѣдникъ персидскаго престола былъ чрезвычайно озадаченъ неожиданною развязкою войны. Онъ былъ такъ разгнѣванъ пораженіемъ подъ Елисаветополемъ, что, относя его къ малодушію и трусости частныхъ начальниковъ, отрѣшилъ отъ командованія многихъ почетныхъ лицъ и хановъ, приказавъ посадить ихъ на ословъ, лицомъ къ хвосту, и возить по всему лагерю на посмѣяніе; нѣкоторые же были казнены смертію.

Въ ноябрѣ 1826 года весь дѣйствовавшій корпусъ Паскевича большею частію расположился на кантониръ—квартирахъ. Клугенау присоединился къ своему полку въ крѣпости Шушѣ, освободившейся отъ блокады еще до Елисаветопольскаго сраженія.

Во второй періодъ персидской кампаніи, начатой въ маѣ 1827 г. и окончившейся славнымъ Туркменчайскимъ миромъ, Клугенау не участвовалъ, будучи назначенъ Паскевичемъ Карабагскимъ комендантомъ. Область эта, пограничная съ персидскими владѣніями, имѣла особенную важность при предстоявшихъ тогда военныхъ дѣйствіяхъ на Тавризъ относительно сформированія транспортовъ для постояннаго доставленія войскамъ съѣстныхъ припасовъ и боевыхъ снарядовъ.

Въ странѣ, опустошенной непріятелемъ, предметъ этотъ представлялъ чрезвычайныя затрудненія; всѣ заботы по доставленію водки, мяса, фуража лежали на комендантѣ. Въ Шушѣ былъ устроенъ госпиталь, въ которомъ находилось огромное число больныхъ; надо было все устроить, снабдить всѣмъ необходимымъ, тогда какъ средства края не представляли къ тому никакой возможности. Съ половины апрѣля начали подвозить хлѣбъ водою изъ Астрахани. Учрежденный тамъ особый комитетъ, закупая провіантъ въ губерніяхъ россійскихъ, отправлялъ его моремъ въ Сальяны на казенныхъ и наемныхъ судахъ. Оттуда запасы эти поднимались водою вверхъ по Курѣ на большихъ плоскодонныхъ судахъ и достигали такимъ образомъ до Зардоба и далѣе до сел. Пиразовъ, главнаго складочнаго пункта. Доставка запасовъ къ войскамъ производилась отчасти способомъ соразмѣрнаго наряда обывательскихъ подводъ, частію же средствами вольнаго найма арбъ и вьюковъ, а также на казенныхъ транспортахъ. Нужно было чрезвычайно много дѣятельности и распорядительности, чтобы устранить безчисленныя препятствія, представлявшіяся на каждомъ

Библиотека "Руниверс"

шагу къ исправному доставленію транспортовъ по назначенію; побѣги погонщиковъ весьма часто останавливали отправленіе ихъ на нѣсколько дней, нужно было, сверхъ того безпрестанно исправлять дороги по мѣстамъ гористымъ и трудно проходимымъ. Не взирая на всѣ затрудненія, Клугенау энергическими дѣйствіями успѣшно выполнилъ возложенную на него обязанность; разработка главной дороги на сел. Геррусъ въ Нахичевань въ іюлѣ мѣсяцѣ (1827 г.) была имъ совершенно окончена, такъ что по ней могли слѣдовать транспорты на арбахъ безпрепятственно.

Не менѣе заботъ предстояло ему и по внутреннему управленію Карабагскою провинціею. Тогда не было еще введено на Кавказѣ гражданскаго управленія и потому администрація по этой части сосредоточивалась въ лицѣ коменданта. Въ Карабагѣ, какъ и въ прочихъ мусульманскихъ провинціяхъ, состояло особое судилище, члены котораго назначались частью изъ природныхъ русскихъ чиновниковъ, частью изъ туземцевъ, по выборамъ. Обязанности этихъ судилищъ заключались въ исправномъ сборѣ и распредѣленіи податей, въ справедливой раскладкѣ постоянныхъ и чрезвычайныхъ земскихъ повинностей, въ разбирательствѣ и рѣшеніи народныхъ просьбъ, споровъ и тяжбъ, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, причемъ комендантъ имѣлъ для руководства первобытныя мѣстныя узаконенія, обычаи народа, уложенія корана, особыя инструкціи, вынужденныя необходимостью, и наконецъ отчасти примѣненіе русскихъ законовъ. Дѣла рѣшались словесно, иногда приговоромъ коменданта, а иногда по совѣщательному соглашенію членовъ.

Истощенная войною прошедшаго года, Карабагская провинція не только не могла представить тогда въ мѣстныхъ избыткахъ своихъ никакихъ пособій, но еще, напротивъ, сама требовала помощи до того, что правительство нашлось въ необходимости снабдить жителей на собственное иждивеніе семенами для посѣвовъ. Эти заботы Клугенау увеличились еще устройствомъ судьбы нѣсколькихъ тысячъ армянскихъ семействъ, выселенныхъ насильственно въ Персію при нашествіи Аббас-мирзы въ прошломъ году, и послѣ успѣховъ нашего оружія возвращенныхъ на прежнія мѣста жительства; а также многихъ армянскихъ семействъ, добровольно вышедшихъ изъ Персіи. Вскорѣ затѣмъ чрезъ посланныхъ имъ почетнѣйшихъ и преданныхъ намъ жителей къ бывшему карабагскому владѣтелю, измѣнившему своему долгу въ прошломъ году, онъ склонилъ этого азіятца просить прощенія у государя, по полученіи котораго ханъ возвратился съ своимъ семействомъ и 3 т. мусульманскихъ семействъ; такимъ образомъ порядокъ въ Карабагѣ окончательно водворился.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не отдать справедливости Клугенау въ его способности обходиться съ азіятцами; его ласковость, справедливое и совершенно безкорыстное управленіе при энергическомъ характерѣ снискали ему всеобщую любовь жителей; всякое рѣшеніе принимали они безъ ропота и съ видимымъ удовольствіемъ. Эти непритворныя чувства народа, сохранившаго память о немъ долгое время, лучше всего свидѣтельствуютъ о прекрасныхъ его качествахъ. Пріятно было видѣть, какъ, 20 лѣтъ спустя, пріѣзжая въ Карабагъ для осмотра ввѣренныхъ ему войскъ, онъ всегда былъ принимаемъ жителями съ восторгомъ. Почетные беки и знатнѣйшее мусульманское духовенство встрѣчало его за нѣсколько верстъ отъ Шуши, въ которую онъ въѣзжалъ всегда торжественно, среди многочисленной свиты, окружавшей его экипажъ.

Въ должности карабагскаго коменданта Клугенау находился и при открытіи Турецкой войны, лѣтомъ 1828 года, покуда часть нашихъ войскъ оставалась еще въ Персіи для занятія областей хойской и урмійской, отданныхъ намъ Персіею въ обезпеченіе вѣрной уплаты контрибуціи, слѣдовавшей намъ по Туркменчайскому трактату.

IV.

Переводъ въ Эриванскій полкъ.—Турецкая война 1829 г.—Отбитіе транспорта.—Добыча у Шаушетскаго лѣса.—Присоединеніе къ отряду Муравьева.—Атака у селенія Бардусъ.—Сраженіе при Котанлы и Мили-Дюзъ.—Движеніе къ Эрзеруму.—Штурмъ Харта и Байбурта.—Окончаніе войны.

1829.

Между тѣмъ пали Карсъ и Ахалцихъ. Клугенау, будучи переведенъ высочайшимъ приказомъ, 10-го іюня 1828 года, въ Эриванскій карабинерный полкъ, только въ слѣдующемъ году могъ принять участіе въ новой войнѣ.

Кампанія 1829 г. въ Азіятской Турціи началась не при особенно благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Въ исходѣ февраля 1829 г., среди глубокой зимы, турки осадили Ахалцихъ, въ которомъ генералъ князь Бебутовъ и Ширванскій полкъ покрыли себя славою; въ то же время получено было извѣстіе объ убіеніи въ Тегеранѣ членовъ нашего посольства; повсюду твердили о неизбѣжномъ разрывѣ съ Персіею. Главнокомандовавшій почелъ необходимымъ сблизить къ границѣ войска, предназначенныя въ составъ дѣйствовавшаго корпуса; 8-го мая онѣ были собраны всѣ въ кр. Башкичетѣ, и вскорѣ двинулись въ Ахалкалаки—центральный пунктъ между Гумрами, Карсомъ, Ардаганомъ и Ахалцихомъ. Главныя силы корпуса, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева, состоявшія изъ полковъ Эриванскаго ка-

Библиотека "Руниверс"

рабинернаго, Грузинскаго и Херсонскаго гренадерскихъ полковъ, выступили 22-го мая по дорогѣ къ Ардагану, гдѣ, какъ слышно было, стоялъ авангардъ турецкой арміи изъ 15-ти тыс. отборныхъ войскъ подъ начальствомъ Кьячьи (?); въ то же время приказано было двинуться туда и отряду Бурцова изъ Ахалциха, чѣмъ самымъ непріятельскія войска, тамъ собиравшіяся, были угрожаемы съ двухъ сторонъ.

По занятіи Ардагана, Паскевичъ раздѣлилъ свои силы на двѣ части: съ одною обратился къ Карсу, а другую—изъ $3^1/_2$ баталіоновъ пѣхоты, 850 казаковъ и милиціи, съ 14-ю орудіями, подъ начальствомъ Муравьева, оставилъ близъ Ардагана, поручивъ ему наблюдать движеніе Кьячьи и ударить ему въ тылъ, еслибы онъ пошелъ на Ахалцихъ. Предположеніе это вполнѣ подтвердилось; но произведенной 31-го мая рекогносцировкѣ къ сел. Цурцкабу, открытъ былъ въ вершинахъ Посховскаго ущелья лагерь непріятеля, въ числѣ около 3-хъ тысячъ.

Отрядъ Муравьева, въ коемъ находился Клугенау съ баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка, 1-го іюня приблизился къ ущелью и ночевалъ въ 4-хъ верстахъ отъ Цурцкаба и непріятель, не замѣтивъ его, продолжалъ движеніе къ Ахалциху, откуда Бурцовъ слѣдовалъ къ нему на встрѣчу усиленными переходами; авангардъ его въ этотъ день былъ уже у сел. Дигуръ.

Въ 10 часовъ утра турки, замѣтивъ приближеніе авангарда отряда Бурцова, стремительно атаковали его съ фронта и фланговъ; въ 3 часа пополудни съ прибытіемъ Бурцова бой продолжался еще съ ожесточеніемъ, но непріятель былъ всюду отражаемъ съ помощію батарей, выгодно поставленныхъ на возвышеніяхъ. Въ это время Муравьевъ, оставивъ противъ сел. Цурцкаба полубаталіонъ карабинеръ и 2 роты піонеръ съ 4-мя орудіями для прикрытія обозовъ и наблюденія дороги изъ Шуашета чрезъ гору Арсіянъ, поспѣшилъ на мѣсто боя, но уже въ сумерки явился въ тылу сел. Дигуръ. Турки поспѣшно отступили въ лагерь при сел. Чаборія.

Соединившись съ Бурцовымъ, Муравьевъ занялъ позицію на правомъ берегу Посхов-чая, а на другой день атаковалъ турецкій лагерь съ обоихъ фланговъ и фронта и совершенно разбилъ Кьячью, взявъ весь лагерь съ большими запасами провіанта, одну пушку, пять знаменъ и множество верблюдовъ.

По окончаніи дѣла, Муравьевъ послалъ вслѣдъ за непріятелемъ, по дорогѣ къ Цурцкабу, Клугенау съ полубаталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка и командою казаковъ для совершеннаго очищенія Посховскаго ущелья. Достигнувъ безпрепятственно Цурцкаба и узнавъ, что за Арсіянскимъ хребтомъ, отдѣляющимъ Посховскій

Библиотека "Руниверс"

санджакъ отъ Шаушета, тянется большое число арбъ и вьюковъ, принадлежащихъ корпусу Кьячьи, Клугенау направился за ними. Прошедъ 21 версту по весьма трудному мѣстоположенію и черезъ хребетъ, еще покрытый снѣгомъ, онъ настигъ непріятельскій транспортъ при входѣ въ Шаушетскіе лѣса. Часть пѣхоты и конницы, прикрывавшей этотъ обозъ, немедленно была опрокинута и прогнана. Дурная дорга, по которой невозможно было провезти чрезъ горы даже порожнихъ повозокъ, не позволила нашему отряду воспользоваться доставшимися въ добычу множествомъ арбъ, нагруженныхъ провіантомъ и разнымъ имуществомъ. Взявъ съ собою около 350-ти штукъ рогатаго скота и приказавъ навьючить на лошадей, сколько можно было поднять, хлѣба и соли, Клугенау на другой день присоединился къ генералу Муравьеву.

Получивъ извѣстіе о пораженіи нанесенномъ непріятелю при Чаборіи, Паскевичъ присоединилъ къ себѣ въ Карсъ отряды генераловъ Муравьева и Панкратьева и собралъ 18-го іюня 1829 г. весь корпусъ на обширной равнинѣ при сел. Котанлы, въ 30-ти верстахъ отъ подошвы Саганлугскаго хребта.

Авангардъ турецкой арміи, въ числѣ 20-ти тыс., подъ начальствомъ трехбунчужнаго Гагки-паши, Мустафа-паши и Осман-паши, стоялъ на Саганлугѣ, въ весьма крѣпкой позиціи при уроч. Мигидюзѣ. Между тѣмъ Осман-паша занялъ сел. Бардусъ, лежащее на главномъ пути къ Эрзеруму. Высланный 17-го іюня для обозрѣнія отряда Осман-паши 1-й мусульманскій полкъ завязалъ съ нимъ перестрѣлку, но не могъ выбить турокъ, скрывавшихся за завалами. Тогда главнокомандующій послалъ Клугенау съ баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка при 4-хъ орудіяхъ и Донской казачій Карпова полкъ. Построивъ карабинеръ въ полубаталіонныя колонны, Клугенау повелъ ихъ бѣглымъ шагомъ прямо по дорогѣ, вмѣстѣ съ артиллеріею, имѣя у себя на правомъ флангѣ казаковъ. Въ 4-хъ верстахъ за нимъ слѣдовала большая часть главныхъ нашихъ силъ. Между тѣмъ какъ мусульманскій полкъ поддерживалъ перестрѣлку, разсыпавшись почти весь въ стрѣлки, Клугенау перешелъ въ бродъ рѣчку Хункяр-су и повелъ свой баталіонъ лѣвѣе позиціи 1-го мусульманскаго полка, прямо на завалы, имѣя впереди застрѣльщиковъ и между полубаталіонами 4 орудія. Первые выстрѣлы артиллеріи произвели смятеніе въ непріятелѣ, и вскорѣ вся ихъ конница показалась на лѣвомъ крылѣ отряда. Стрѣлковая цѣпь наша, подаваясь впередъ, усугубляла болѣе и болѣе перестрѣлку, въ пылу коей турки, вышедшіе изъ-за завалова, были наведены на огонь орудій. Бѣглый картечный огонь увеличилъ ихъ замѣшательство; тогда Клугенау повелъ полу-

Библиотека "Руниверс"

баталіоны съ барабаннымъ боемъ на непріятельскіе завалы, а мусульманскій полкъ понесся за ними въ атаку. Сильный ружейный огонь изъ-за заваловъ не остановилъ смѣлаго нападенія и непріятель мгновенно былъ сбитъ и обратился въ бѣгство; самъ Осман-паша едва не былъ схваченъ.

Въ послѣдовавшихъ послѣ того генеральныхъ сраженіяхъ при Котанлы и Мили-Дюзѣ 19-го и 20-го іюня 1829 г. Клугенау принималъ дѣятельное участіе, и особенно отличился мужествомъ и распорядительностію, въ первомъ при атакѣ на лѣвую оконечность позиціи сераскира, а въ послѣднемъ въ обходномъ движеніи лѣваго непріятельскаго фланга, съ цѣлью отрѣзать туркамъ отступленіе.[1])

По разбитіи главныхъ непріятельскихъ силъ, войска наши двинулись къ Эрзеруму, который заняли 27-го іюля 1829 г., причемъ взятъ въ плѣнъ и самъ сераскиръ; 1-го іюля храбрый Бурцовъ съ малымъ отрядомъ занялъ г. Байбуртъ безъ сопротивленія; затѣмъ, въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца въ ожиданіи подкрѣпленій и до совершеннаго обезпеченія собственнаго нашего положенія въ завоеванной странѣ, главныя силы наши оставались въ совершенномъ бездѣйствіи. Первоначальная цѣль войны казалось была уже достигнута: не только необходимыя мѣста къ дальнѣйшему обезпеченію нашихъ границъ находились въ нашей власти, но мы обладали еще Эрзерумскимъ и Баязетскимъ пашалыками; однако, во исполненіе высочайшей воли, чтобы дѣйствія Азіятской Турціи имѣли болѣе рѣшительности, главнокомандующій занимался приготовленіями къ походу на Сивазъ и Токатъ, какъ послѣдовавшій въ сентябрѣ мѣсяцѣ Адріанопольскій миръ остановилъ побѣдоносное шествіе нашихъ войскъ.

Изъ послѣднихъ эпизодовъ этой войны, въ которыхъ Клугенау выказалъ блистательную храбрость и распорядительность наиболѣе заслуживаютъ вниманія штурмъ сел. Хартъ и г. Байбурта. При штурмѣ Харта онъ велъ атаку съ восточной стороны селенія, между которымъ и занимаемою имъ позиціею находился глубокій и крутой оврагъ, укрѣпленный шанцами, и сильно занятый самыми отчаянными лазами, а при Байбуртѣ направленъ былъ въ обходъ съ 6-ю ротами карабинеровъ и 4-мя орудіями на Балахорскую и Испирскую дороги, откуда турки ожидали прибытія самого сераскира: здѣсь, подкрѣпляя кавалерію лѣваго фланга, онъ, вытѣснивъ турокъ штыками изъ садовъ Чорохскаго ущелья и кладбища, заставилъ бѣжать ихъ къ сел. Дудузаръ по высокому каменистому хребту, пересѣченному глубокими

[1]) Золотая шпага «за храбрость» и чинъ подполковника были наградами Клугенау. И. Г.

Библиотека "Руниверс"

оврагами, преслѣдуя ихъ по пятамъ, но крутизна горъ была такъ велика, что люди и лошади задыхались на каждомъ шагу; артиллерію тащили на рукахъ; къ этому же селенію спѣшили выбитые изъ города остатки турецкихъ войскъ, а вслѣдъ за ними тянулись цѣлыя семейства жителей, которыхъ ужасъ битвы заставлялъ покидать дома. На этомъ хребтѣ турецкія войска были окружены со всѣхъ сторонъ и послѣ кровопролитнаго боя частью истреблены, а частью взяты въ плѣнъ, потерявъ 6 пушекъ и 12 знаменъ. Сраженіемъ этимъ, однимъ изъ самыхъ упорныхъ въ описанную войну, кончилась кампанія, ибо на другой день получено было извѣстіе о мирѣ.

V.

Дѣла въ Дагестанѣ.—Усмиреніе джарскихъ лезгинъ.—Взятіе Джаро-Белоканъ и Закаталъ.—Панихратьевъ.—Кази-мулла.—Движеніе въ Табасаранъ.—Взятіе сел. Хучни и Хомеда.—Вступленіе въ Шамхальскія владѣнія.—Пораженіе Кази-муллы.—Возвращеніе въ Тифлисъ.

1829—1831.

Миромъ Россіи съ Турціею не кончились труды кавказскаго корпуса, такъ какъ войскамъ, возвратившимся изъ похода глубокою осенью 1829 года, надлежало еще заняться устройствомъ внутреннихъ дѣлъ, оставленныхъ въ теченіе четырехъ лѣтъ безъ вниманія. Единовѣрческое вліяніе Персіи и Турціи, въ продолженіе веденныхъ съ ними войнъ, неоднократно нарушало спокойствіе въ нашихъ закавказскихъ провинціяхъ; вооруживъ противъ насъ весь Дагестанъ, лезгинскія племена и многія татарскія дистанціи. Слабые наши отряды не только не были въ состояніи принудить ихъ къ покорности, но сами должны были ограничиваться дѣйствіями оборонительными и удержаніемъ въ своей власти важнѣйшихъ пунктовъ. По возвращеніи войскъ изъ Турціи, нужно было быстро возстановить въ краѣ спокойствіе и порядокъ. Прежде другихъ на себя обратили вниманіе джарскіе лезгины, не охотно признававшіе власть нашего правительства. Въ первую персидскую кампанію 1826 года лезгины, по наущенію сердаря Эриванскаго, приглашали къ себѣ бѣглаго грузинскаго царевича Александра и Шекинскаго хана, съ цѣлью напасть на Кахетію; на нихъ не подѣйствовалъ даже разгромъ персидской арміи при Елисаветополѣ и только дѣятельность генерала князя Эристова удерживали хищниковъ отъ частныхъ набѣговъ на Кахетію. Въ декабрѣ того года Ермоловъ, окончивъ дѣла въ Шекинской провинціи, двинулся съ отрядомъ на присоединеніе къ Эристову и, окруживъ скопища лезгинъ въ укрѣпленной позиціи, близъ сел. Джаля, заставилъ ихъ смириться;

Библиотека "Руниверс"

они выдали аманатовъ и обѣщали уплатить всѣ убытки за раззореніе Кахетіи; для полученія же совершеннаго прощенія вынуждены были лишиться своихъ обширныхъ садовъ, вырубленныхъ по приказанію Ермолова, дабы имѣть удобный доступъ къ селенію.

Въ продолженіе всей турецкой войны, генералы: князь Эристовъ и Стрекаловъ, имѣя въ распоряженіи своемъ слабые отряды войскъ, не могли наказать лезгинъ за измѣну и безпрестанныя вторженія ихъ въ Кахетію, а въ началѣ 1830 года они, призвавъ къ себѣ извѣстнаго дагестанскаго возмутителя Гамзат-бека, совершенно отказались отъ повиновенія. Такое продолжительное и неопредѣленное отношеніе джарцевъ къ правительству требовало мѣръ скорыхъ и рѣшительныхъ, почему возвращавшіяся изъ Турціи войска были немедленно туда направлены. Вскорѣ прибытіе главнокомандующаго измѣнило видъ дѣлъ: лезгины были разбиты, главныя убѣжища ихъ Джары и Белаканы взяты штурмомъ и племя навсегда лишилось политической независимости. Клугенау, участвовавшій въ этой экспедиціи, былъ жестоко раненъ 15-го октября при штурмѣ сел. Закаталы ружейною пулею въ стопу правой ноги съ раздробленіемъ плюсневыхъ костей. Отъ раны этой онъ лечился болѣе 6-ти мѣсяцевъ, но не могъ совершенно изцѣлиться, съ трудомъ ходилъ безъ помощи костыля и до самой смерти подвергался по временамъ сильнымъ страданіямъ.

Весною 1831 года временно-управлявшій кавказскимъ краемъ генералъ-адъютантъ Панкратьевъ собиралъ войска для возстановленія спокойствія въ Дагестанѣ. Едва поправившись отъ раны, Клугенау, скучая бездѣйствіемъ, пожелалъ участвовать въ экспедиціи въ Дагестанѣ, въ странѣ ему уже знакомой, гдѣ онъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, подвизался подъ начальствомъ Ермолова. Но съ тѣхъ поръ видъ Дагестана совершенно измѣнился. Неожиданное явленіе было причиною продолжительныхъ смутъ и волненій въ краѣ, дотолѣ намъ покорномъ и управлявшимся владѣльцами, преданными нашему правительству. Явленіе это было начало проповѣдыванія въ двадцатыхъ годахъ мюридизма, главное основаніе коего заключалось въ непризнаніи никакой власти, кромѣ духовной, и въ необходимости исполненія первой обязанности мусульманъ, т. е. въ непримиримой враждѣ и войнѣ противъ невѣрныхъ. Первымъ дѣятелемъ этого новаго ученія въ Дагестанѣ былъ извѣстный Кази-мулла.

Правительство наше, ведя войну съ Персіею въ 1826 году, а потомъ съ Турціею, не имѣло возможности пресѣчь въ самомъ началѣ распространявшагося очень быстро фанатическаго ученія, которое между тѣмъ успѣло созрѣть и принести гибельные плоды. Мало по малу возмутитель успѣлъ привлечь на свою сторону койсубулинцевъ

Библиотека "Руниверс"

и шамхальцевъ, а послѣ, переходя отъ одного вольнаго общества къ другому, совершенно овладѣлъ легкими умами и другихъ племенъ, поклявшихся повиноваться его волѣ.

Упоенный первоначальными успѣхами, Кази-мулла собралъ въ мартѣ 1831 года значительное скопище въ сильно укрѣпленный станъ на уроч. Чумкескендъ, близь Шуры, и, ускользнувъ счастливо отъ преслѣдованія нашихъ отрядовъ, напалъ на Тарку. По занятіи этого пункта, дерзость его не имѣла уже границъ; 25-го мая онъ осмѣлился осадить кр. Бурную, но здѣсь, потерпѣвъ пораженіе отъ прибывшаго, на помощь осажденнымъ, отряда и потерявъ много людей отъ взрыва пороховаго погреба, онъ бросился къ кр. Внезапной, которую также держалъ въ осадѣ около двухъ недѣль; наконецъ, прогнанный оттуда генераломъ Эмануэлемъ, опять возвратился въ Чумкескендъ, куда прибыли между тѣмъ депутаты Табасарани и Кайтага; они звали Кази-муллу къ себѣ, съ цѣлью возстать противъ русскихъ. Присоединивъ къ себѣ многія племена средняго Дагестана, возмутитель съ 10-и т. скопищемъ подступилъ къ Дербенту и держалъ эту крѣпость уже 8-мь дней въ блокадѣ, какъ вдругъ, приближеніе изъ сѣвернаго Дагестана отряда генералъ-маіора Коханова заставило его удалиться.

Столь быстрые успѣхи Кази-муллы и всеобщее возстаніе въ Дагестанѣ вынудило направить туда достаточныя силы одновременно съ двухъ сторонъ: отъ Дербента и съ Кавказской линіи. Въ то время, какъ генералъ-адъютантъ Панкратьевъ слѣдовалъ туда изъ Кубы съ отрядомъ изъ 4-хъ т. пѣхоты, 3-хъ т. конницы съ 20-ю орудіями, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ подымался къ р. Сулаку, со стороны Терека, съ 3-мя т. пѣхоты, 600 казаковъ и 22-мя орудіями. Отрядъ Панкратьева, раздѣлясь на двѣ колонны, вступилъ въ верхнюю Табасарань, самъ онъ, съ колонною полковника Миклашевскаго, овладѣлъ 30-го сентября сильно укрѣпленнымъ ауломъ Дювекомъ, а Клугенау, командуя особою колонною изъ семи ротъ Эриванскаго карабинернаго полка, взялъ штурмомъ 4-го и 7-го октября селенія Хучни и Хомеда. Успѣхи эти заставили табасаранцевъ и каракайтагцевъ изъявить совершенную покорность; послѣ того войска наши вступили въ Шамхальскія владѣнія и 23-го октября овладѣли сел. Эрпили, сильно укрѣпленнымъ завалами и засѣками. Клугенау участвовалъ здѣсь въ разсѣяніи 10-ти т. скопища горцевъ, предводимаго Уммалат-бекомъ Кумтеркалинскимъ, котораго Кази-мулла назначилъ шамхаломъ на мѣсто Мехти-хана, вытребованнаго въ С.-Петербургъ и умершаго въ обратномъ пути. Разбитый непріятель обратился въ бѣгство, потерявъ

Библиотека "Руниверс"

много убитыхъ и плѣнныхъ, лишился разнаго имущества и до пяти тысячъ головъ рогатаго скота.

Нанесенное здѣсь пораженіе приверженцамъ Кази-муллы нѣсколько успокоило Шамхальскія владѣнія, откуда отрядъ нашъ поспѣшилъ къ Чиркею для уничтоженія этого селенія—главнаго притона сообщниковъ Кази-муллы; но чиркеевцы, узнавъ о взятіи штурмомъ 19-го октября генераломъ Вельяминовымъ Чир-юрта и объ изгнаніи оттуда Кази-муллы, послѣ непродолжительной перестрѣлки поспѣшили изъявить покорность. Затѣмъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по случаю наступившей осени, дагестанскій отрядъ, окончивъ рекогносцировку Гимринскаго спуска, былъ распущенъ на зимовыя квартиры. Клугенау возвратился въ Тифлисъ.

VI.

Дѣйствія Кази-муллы въ Чечнѣ и Дагестанѣ.—Дѣло съ Кази-муллою на Iолсуз-тау.—Бѣгство его въ Гимры.

1831—1832.

Возстановленное въ Дагестанѣ спокойствіе продолжалось недолго. Кази-мулла, выгнанный изъ Чир-юрта, убѣжалъ въ Чечню, успѣвъ снова взволновать ея жителей. Генералъ Вельяминовъ немедленно выступилъ туда съ отрядомъ войскъ для подавленія возстанія въ самомъ началѣ, но возмутитель, собравъ значительное скопище конныхъ чеченцевъ и распустивъ слухъ, будто хочетъ напасть на Кумыкскія владѣнія, отвлекъ туда вниманіе начальника отряда, а самъ 1-го ноября 1831 г. быстро двинулся къ Кизляру и разграбилъ его. Преслѣдуемый войсками съ линіи и не смѣя явиться въ Шахмальскія владѣнія, въ которыхъ находились два наши отряда, Кази-мулла бросился сначала къ чиркеевцамъ, но, отвергнутый ими, возвратился въ Гимры; наконецъ, выгнанный и оттуда, онъ призвалъ къ себѣ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ изъ всѣхъ обществъ и засѣлъ съ ними въ укрѣпленный лагерь при Чумкескендѣ, поручивъ защиту его сообщнику своему Гамзат-беку, но здѣсь они были атакованы 1-го декабря начальникомъ войскъ въ Шамхальскихъ владѣніяхъ полковникомъ Миклашевскимъ и послѣ кровопролитнаго штурма совершенно разбиты и обращены въ бѣгство; къ несчастію, храбрый Миклашевскій заплатилъ жизнью за этотъ подвигъ.

Успѣхи Кази-муллы на кавказской линіи и безпрерывные набѣги его на Шамхальскія владѣнія заставили, наконецъ, принять противъ него мѣры рѣшительныя. Въ 1832 году предположено было произвести экспедицію въ Чечню и Дагестанъ, подъ личнымъ начальствомъ

Библиотека "Руниверс"

корпуснаго командира барона Розена; съ тѣмъ вмѣстѣ признано было необходимымъ имѣть въ Шахмальскихъ владѣніяхъ опорный пунктъ для находившагося тамъ отряда, устроивъ надежное укрѣпленіе въ Шурѣ. Въ исполнители этихъ предположеній былъ избранъ подполковникъ Клугенау.

Будучи тогда баталіоннымъ командиромъ Эриванскаго карабинернаго полка, Клюки-фонъ-Клугенау вдругъ дѣлается самостоятельнымъ начальникомъ въ краѣ, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ кипѣло всеобщее возстаніе. Отрядъ, ему ввѣренный, состоялъ изъ 8-хъ баталіоновъ Куринскаго, одного Апшеронскаго пѣхотныхъ и двухъ 42-го егерскаго полковъ, одного казачьяго полка и 12-ти орудій, что въ то время составляло полную бригаду.

Подобное назначеніе въ чинѣ подполковника, безъ сомнѣнія, было для него весьма лестно и онъ не замедлилъ оправдать сдѣланное ему довѣріе.

Прибывъ въ Дагестанъ, Клугенау узналъ, что Кази-мулла сдѣлалъ нѣсколько нападеній на Шамхальскія владѣнія и угналъ у жителей до 12 т. барановъ. Упоенный этою незначительною выгодою, онъ рѣшился опять укрѣпиться въ этихъ владѣніяхъ; штурмъ чумкескендскаго лагеря убѣдилъ его, что тамъ не спасется онъ отъ русскихъ штыковъ, а потому выбралъ другую крѣпчайшую позицію на уроч. Іол-суз-тау, между селеніями Эрпили и Каранаемъ.

16-го іюня, по полученнымъ свѣдѣніямъ о сборѣ непріятеля въ Гимры и о намѣреніи его вторгнуться въ наши границы, Клугенау командировалъ для поддержанія жителей Эрпили и Караная, въ случаѣ нападенія на эти селенія, баталіонъ 42-го егерскаго полка и 60 казаковъ съ 2-мя орудіями; Казанищи и прочія селенія достаточно были обезпечены близкимъ положеніемъ своимъ къ отряду и не требовали особеннаго прикрытія, почему онъ, разставивъ только наблюдательные пикеты изъ жителей, самъ оставался съ войсками при Шурѣ въ ожиданіи, какое направленіе возьмутъ скопища Кази-муллы.

18-го числа слухи о намѣреніяхъ непріятеля подтвердились, а наконецъ около полудня 19-го іюня передовые пикеты дали знать, что партія мюридовъ, въ числѣ болѣе 1,000 чел., подъ предводительствомъ Кази-муллы, спустясь съ горъ, расположилась въ 5-ти верстахъ выше Эрпили, въ лѣсу на уроч. Іол-суз-тау. Зная изъ прежнихъ опытовъ, до какой степени вредна медленность съ нашей стороны въ подобныхъ случаяхъ, Клугенау рѣшился атаковать непріятеля безотлогательно и разбить, прежде нежели онъ успѣетъ усилиться подкрѣпленіемъ, которое, какъ извѣстно было, съ поспѣшностію собиралось въ Койсу-

Библиотека "Руниверс"

булинскихъ деревняхъ и въ непродолжительномъ времени должно было съ нимъ соединиться.

Вслѣдствіе того онъ приказалъ тотчасъ восьми ротамъ Куринскаго, Апшеронскаго и 42-го егерскаго полковъ, въ числѣ 900 чел., съ двумя легкими орудіями, подъ командою подполковника Майбороды, выступить къ Эрпили на соединеніе съ маіоромъ Спаксаревымъ, находившимся тамъ съ однимъ орудіемъ и двумя ротами егерей; самъ же онъ съ 120 казаками отправился впередъ для личнаго обозрѣнія. До поздняго вечера рекогносцируя непріятеля съ ближайшихъ къ нему высотъ, Клугенау, убѣдившись, что занятая Кази-муллою позиція на лѣсистомъ мысу, между двумя крутыми оврагами, была неприступна съ трехъ сторонъ, и что одинъ только тылъ со стороны Гимры представлялъ нѣкоторую возможность къ нападенію, рѣшился атаковать непріятеля, который 22-го іюня оставилъ свою позицію и обратился въ бѣгство. Того же числа, въ полдень, Клугенау тронулся въ обратный путь со всѣмъ отрядомъ и ночевалъ при Эрпили, откуда на другой день прибылъ въ Шуру.

Потеря наша состояла изъ 31 убитыхъ, ранено 3 оберъ-офицера и 98 нижнихъ чиновъ.

О потерѣ непріятеля свѣдѣній нельзя было собрать, но, судя по упорному сопротивленію и отчаяннымъ вылазкамъ, она была значительною.

Послѣ бѣгства своего Кази-мулла никому не показывался въ Гимрахъ, гдѣ онъ получилъ посланіе отъ нѣкоторыхъ Койсубулинскихъ деревень, жители которыхъ писали къ нему, что со времени начатія войны съ русскими, они не только не разбогатѣли, по его обѣщанію, но, напротивъ того, раззорились, что получаемыя ими иногда добычи не въ состояніи вознаграждать убытковъ, и наконецъ совѣтовали ему на будущее время отказаться отъ своихъ предпріятій.

VII.

Основаніе Темир-хан-шуры. — Успокоеніе Чечни. — Удаленіе Кази-муллы въ Гимры. — Прибытіе барона Розена въ Темир-хан-шуру. — Движеніе барона Розена и Вельяминова къ Гимрамъ. — Взятіе аула и погибель Кази-муллы. Пораженіе Гамзат-бека.

1832.

Нанесенное Кази-муллѣ пораженіе имѣло важныя послѣдствія: во всемъ Дагестанѣ ослабла вѣра въ него и онъ во все лѣто не осмѣливался уже являться въ Шамхальскихъ владѣніяхъ. Это дало возможность Клугенау заняться внутренними дѣлами края. Первою его за-

Библиотека "Руниверс"

ботою было построить укрѣпленіе въ Шурѣ. Хотя возведеніе онаго по военнымъ обстоятельствамъ было отложено до будущаго года, но, сознавая всю важность этого предпріятія, онъ рѣшился воспользоваться благопріятнымъ временемъ. Трудностей предстояло весьма много и главнѣйшія заключались въ неимѣніи подъ рукою лѣса для постройки необходимыхъ помѣщеній гарнизону и перевозочныхъ средствъ; сверхъ того, военныя дѣйствія часто заставляли прекращать работы въ самое удобное для того время и идти противъ непріятеля. Кавказскій солдатъ, кромѣ безпрерывныхъ экспедицій и движеній, долженъ не только строить для себя помѣщеніе, лазаретъ и другія хозяйственныя заведенія для полка, который замѣняетъ ему семейство и милую родину, но развести огородъ для улучшенія своей пищи и приготовить фуражное продовольствіе казеннымъ и артельнымъ лошадямъ. Кто не былъ на Кавказѣ, тотъ не легко этому повѣритъ. Тамошняя служба есть настоящая школа трудовъ, опасностей и отчужденія выгодъ жизни.

Конечно, въ настоящее время (1860 г.) быть кавказскаго солдата несравненно лучше прежняго и съ отпускомъ значительныхъ кормовыхъ денегъ положеніе его могло бы быть вполнѣ обезпечено, еслибы не препятствовала тому неумѣстная экономія и большіе расходы на ротное хозяйство. Въ описываемое время было совсѣмъ иначе. Изъ небольшаго жалованья онъ долженъ былъ удѣлять болѣе третьей части въ ротную экономію для содержанія и продовольствія своихъ артельныхъ лошадей, число которыхъ въ каждой ротѣ было отъ 12-ти до 15-ти, независимо нѣсколькихъ паръ воловъ, безъ чего ни одна рота не могла двинуться въ походъ, потому что полковыя подъемныя лошади содержались по штату колеснаго обоза, который въ горахъ никогда не употреблялся и стоялъ въ сараяхъ, поглощая напрасно ремонтъ. Между тѣмъ, въ случаѣ движенія въ горы, роты получали казенныхъ лошадей для вьюковъ по числу положеннаго для нихъ колеснаго обоза; вмѣсто 60-ти пуд. тяжести, возимыхъ на троечной повозкѣ, можно было разложить на вьюки для трехъ лошадей не болѣе 18-ти пуд., остальную тяжесть роты должны были возить на собственныхъ артельныхъ лошадяхъ. Не взирая на это, всѣ почти штабъ-квартиры на Кавказѣ были основаны первоначально хозяйственными средствами; впослѣдствіи онѣ окончательно устроились съ незначительнымъ денежнымъ пособіемъ отъ казны.

Мѣсто для укрѣпленія выбрано было весьма удачно: оно расположено на скалистой возвышенности, выдавшейся среди ровной долины, которая съ сѣверной стороны спускается голымъ обрывистымъ утесомъ къ рѣчкѣ Шура-Озень. На вершинѣ этой возвышенности, вы-

Библиотека "Руниверс"

давшейся высокою скалою, устроена круглая батарея, повелѣвающая всею окрестностью, а пониже, вокругъ нея и самое укрѣпленіе; недалеко отъ него, съ сѣверовосточной стороны, находилось озеро, имѣвшее до 4-хъ верстъ въ окружности; вода въ немъ горько-соленая, негодная для употребленія, но очень здоровая для купанья и цѣлительная въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ; зеркальная его поверхность придавала много красоты мѣстоположенію Темир-хан-шуры. Озеро это нынѣ не существуетъ и вода изъ него спущена по убѣжденію, что испаренія отъ нея заражали воздухъ.

Не взирая на чрезвычайныя затрудненія, работы по устройству укрѣпленія шли весьма дѣятельно; нужный лѣсъ заготовлялся въ 14-ти верстахъ на уроч. Агач-кале; тамъ же выжигалась известь, но перевозочныхъ средствъ было недостаточно, однако настойчивыми и энергическими мѣрами, Клугенау умѣлъ устранить и это неудобство. Такъ какъ укрѣпленіе строилось преимущественно для защиты Шамхальскихъ владѣній, то онъ склонилъ владѣльца ихъ шамхала Тарковскаго, всегда намъ преданнаго, содѣйствовать работамъ, нарядомъ, изъ подвластныхъ ему аулов, обывательскихъ подводъ для подвоза нужныхъ матеріаловъ, особенно строеваго лѣса. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти мѣсяцевъ, среди военныхъ тревогъ, укрѣпленіе было совершенно окончено.

Между тѣмъ, баронъ Розенъ, пройдя всю Чечню, заставилъ ее смириться. Въ концѣ сентября (1832 г.) чеченцы изъявили покорность, выдали аманатовъ и внесли подати, а участвовавшіе въ набѣгѣ на Кизлярь, заплатили, сверхъ того, штрафъ за разграбленіе этого города. Кази-мулла, выгнанный изъ Чечни, удалился въ Гимры, откуда звалъ къ себѣ на помощь дагестанскія племена, но на его вовъ никто не явился; возмутителю угрожала неминуемая гибель, ибо чеченскій отрядъ прибылъ въ началѣ октября въ Шуру, съ цѣлью истребить Гимры—главный вертепъ бунтовщиковъ. Еще въ сентябрѣ Клугенау произвелъ нѣсколько удачныхъ рекогносцировокъ Эрпилинскаго и Каранайскаго спусковъ, ведущихъ въ Гимринское ущелье, а за недѣлю до прибытія чеченскаго отряда приступилъ къ разработкѣ ихъ.

Дороги, ведущія отъ Шуры въ Гимры, идутъ на селенія Эрпили и Каранай верстъ на 20 въ гору, на вершину Койсубулинскаго хребта, откуда нужно спускаться въ глубое ущелье. Спуски эти представляли въ то время только узкія тропинки, то выходящія на утесы по каменистымъ ступенямъ, то извивающіяся короткими зигзагами по крутизнамъ, между глубокихъ пропастей, заваленныхъ камнями и поросшихъ мелкимъ колючимъ кустарникомъ; изъ нихъ Каранайскій болѣе удобный. По невозможности употреблять колеса, сами жители

Библиотека "Руниверс"

окрестныхъ мѣстъ не употребляли аробъ, замѣняя ихъ зимою и лѣтомъ санями и вьюками. Чрезвычайныя трудности при разработкѣ этихъ дорогъ, чтобы сдѣлать ихъ удобными для движенія артиллеріи, не могутъ быть описаны.

Гимры, одинъ изъ значительнѣйшихъ Койсубулинскихъ ауловъ, родина Кази-муллы и Шамиля, имѣлъ тогда до 800 дворовъ. Онъ лежитъ почти у самаго Койсу, въ глубокомъ, подъ прямымъ угломъ, къ рѣкѣ идущемъ, ущельи, которое снизу до верху имѣетъ болѣе 600 сажень высоты. Отъ аула до самой рѣки и потомъ вверхъ и внизъ по ней верстъ на пять тянутся превосходные и живописные сады. Здѣсь Кази-мулла, съ одними только гимринцами, ждалъ приближенія нашего отряда; сначала онъ котѣлъ бѣжать, но жители удержали его, сказавъ: „ты умѣлъ вооружить насъ противъ русскихъ, научи же теперь и драться противъ нихъ“; тогда онъ призвалъ къ себѣ на помощь сообщника своего Гамзат-бека, который послѣ чумкескендскаго штурма бѣжалъ въ Гоцатль и жилъ тамъ въ бездѣйствіи, но и онъ не могъ собрать къ себѣ болѣе 1,000 чел., съ которыми спѣшилъ на присоединеніе къ Кази-муллѣ.

17-го октября баронъ Розенъ, съ чеченскимъ отрядомъ генерала Вельяминова, подступилъ къ Гимрамъ и послѣ упорнаго и кровопролитнаго штурма овладѣлъ этимъ ауломъ. Мятежники, потерпѣвъ здѣсь сильное пораженіе, разбѣжались, а Кази-мулла былъ убитъ въ башнѣ, загораждавшей доступъ къ Гимрамъ, вмѣстѣ съ 60-ю преданными и самыми отчаянными мюридами. Клугенау еще въ началѣ штурма былъ посланъ съ частью войскъ по дорогѣ къ сел. Ирганаю, откуда спѣшилъ на помощь къ Кази-муллѣ первый его мюридъ Гамзат-бекъ. Онъ остановился въ двухъ верстахъ отъ Гимръ, на горѣ Нара-тау, въ тылу войскъ нашихъ, штурмовавшихъ аулъ, завязалъ перестрѣлку съ нашимъ отрядомъ, но не осмѣлился спуститься въ Гимринское ущелье. На слѣдующій день Клугенау самъ поднялся на гору Нара-тау, атаковалъ Гамзата въ крѣпкой позиціи и послѣ упорнаго сопротивленія заставилъ его бѣжать къ сел. Ирганаю, откуда онъ ушелъ въ Новый Гоцатль и тамъ провозгласилъ себя преемникомъ Кази-муллы.[1])

(Продолженіе слѣдуетъ).

Исидоръ Григоргиевскій.

---

[1]) 31-го января 1833 г. Клугенау назначенъ командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка, произведенъ въ полковники и, вслѣдъ затѣмъ, награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст. И. Г.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

Дѣятельность его какъ дипломата

1827 — 1829.

Разсматривая переписку за время начальствованія на Кавказѣ графа Ивана Ѳеодоровича Паскевича (1827—1831), я обратилъ особенное вниманіе на дѣятельность въ этомъ краѣ и въ Персіи Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Собранные мною по этому предмету документы столь же интересны, сколько и важны въ виду будущаго обстоятельнаго жизнеописанія незабвеннаго поэта. Помѣщая ихъ нынѣ на страницахъ „Русской Старины", въ хронологическомъ порядкѣ и какъ бы въ дополненіе къ двумъ статьямъ моимъ: „Смерть Грибоѣдова" (см. „Русск. Ст.", т. VI, стр. 163—207) и „Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ" (тамъ-же, т. XI, стр. 276—300), съ которыми они имѣютъ очевидную связь, замѣчу, что документы эти писаны въ 1827—1829 гг. и, касаясь преимущественно дипломатической дѣятельности Александра Сергѣевича, въ тоже время живо рисуютъ тѣ отношенія, въ какихъ находилась къ намъ Персія, послѣ заключенія туркменчайскаго трактата.

Ад. П. Берже.

Предписаніе гр. Дибича — генералу Паскевичу.

17-го ноября 1827 г.,—С.-Петербургъ.

Секретно.

По высочайшему повелѣнію честь имѣю препроводить къ вашему выс—у проектъ проф. Сеньковскаго о пріобрѣтеніи отъ персіянъ рѣдкихъ восточныхъ манускриптовъ, находящихся въ ихъ книгохранилищахъ. Е. И. В. хотя и изволитъ полагать, что таковое требованіе не можетъ быть прилично включено въ договорные пункты

Библиотека "Руниверс"

мирнаго трактата, но не менѣе того желаетъ, чтобы вы не выпустили изъ виду сего предмета и постарались бы внушить персидскимъ уполномоченнымъ, что вмѣсто обыкновенныхъ подарковъ, дѣлаемыхъ шахомъ при заключеніи договоровъ, Г. И. пріятнѣе было бы получить манускрипты, опись коихъ я въ непродолжительномъ времени буду имѣть честь доставить къ вашему выс—у, присовокупляя, что какъ для отысканія оныхъ, такъ и для открытія другихъ любопытныхъ сочиненій, Е. В. полагаетъ возможнымъ употребить состоящаго при васъ Грибоѣдова.

Гр. Нессельроде—гр. Паскевичу.

20-го декабря 1827 г.—С.-Петербургъ.

Г. И., вслѣдствіе представленія вашего выс—а объ отличныхъ дарованіяхъ и ревности къ службѣ состоящаго при васъ н. с. Грибоѣдова, оказанныхъ въ особенности при первыхъ переговорахъ съ Аббас-мирзою, всемилостивѣйше соизволилъ, въ 6-й день сего декабря, пожаловать сего чиновника въ слѣдующій чинъ. Долгомъ поставляя препроводить при семъ копію съ состоявшагося по сему предмету указа правительствующаго сената для учиненія по оному надлежащихъ распоряженій, прошу васъ принять увѣреніе въ искреннемъ удовольствіи, какое мнѣ приноситъ награжденіе чиновника, заслужившаго ваше вниманіе и одобреніе.

Предписаніе ген. Паскевича — н. с. Грибоѣдову.

27-го декабря 1827 г.

Препровождая при семъ въ оригиналѣ къ вашему высокоблагородію отношеніе ко мнѣ начальника главнаго штаба Е. И. В. и приложенную къ оному записку, на французскомъ языкѣ, проф. Сеньковскаго, предписываю вамъ немедленно заняться приведеніемъ въ исполненіе изложенныхъ въ ономъ отношеніи и запискѣ предположеній. Я увѣренъ, что собственное Е. И. В. назначеніе—употребить васъ для пріобрѣтенія сокровищъ, столь любопытныхъ и драгоцѣнныхъ для всей просвѣщенной Европы, — еще болѣе поощритъ васъ приложить всѣ старанія къ исполненію воли монарха, знаменитаго покровителя знаній и искусства.

Гр. Паскевичъ — гр. Нессельроде.

12-го февраля 1828 г.

Честь имѣю поздравить в. с. съ миромъ, благополучно заключеннымъ въ Туркменчаѣ 10-го февраля текущаго года. Никому сіе событіе не можетъ быть такъ пріятно, какъ тому государственному

Библиотека "Руниверс"

человѣку, въ управленіе котораго внѣшними дѣлами имперіи оно наконецъ такъ счастливо и съ такою славою свершилось.

Изъ оффиціальной депеши, подписанной уполномоченнымъ, в. с. изволите усмотрѣть плоды трудовъ нашихъ; но сколько стоило терпѣнія и настойчивости, чтобы склонить персіянъ къ безотговорному принятію нашихъ условій извѣстно только тѣмъ, которые съ ними въ дѣлахъ обращались.

Посылаю къ Г. И. съ извѣстіемъ о мирѣ Грибоѣдова, какъ дѣятельнаго участника въ бывшихъ переговорахъ. Если в. с. угодно будетъ отъ него узнать о ходѣ негоціаціи, онъ лучше всякаго можетъ объяснить и степень затрудненій, и временную причину остановки въ дѣлахъ, и, наконецъ, всѣ тѣ испытанія, чрезъ которыя мы должны были пройти, чтобы достигнуть желаемаго успѣха—совершеннаго исполненія воли Г. И. Позвольте в. с. отрекомендовать Грибоѣдова, какъ отличнаго, усерднаго и опытнаго въ здѣшнихъ дѣлахъ чиновника; ничто ему не можетъ быть лестнѣе одобренія и покровительства подобнаго в. с. просвѣщеннаго начальника и облеченнаго довѣріемъ великаго нашего монарха; отъ слова вашего зависитъ его репутація и счастіе по службѣ.

Нынѣ же за важныя услуги, Грибоѣдовымъ при заключеніи условія столь благополучнаго и славнаго мира оказанныя, я прошу покорнѣйше в. с. употребить съ вашей стороны благосклонное предстательство объ исходатайствованіи ему у всемилостивѣйшаго государя единовременную награду 4,000 червонцевъ,—каковой награды къ отличной усердной службѣ, при совершенно разстроенномъ состояніи, онъ совершенно заслуживаетъ.

Гр. Нессельроде — гр. Паскевичу.

16-го марта 1828 г.— С.-Петербургъ.

Пріѣздъ с. с. Грибоѣдова и привезенныя имъ доказательства, что миръ заключенъ и трактатъ подписанъ, преисполнили радостью сердца всѣхъ.

Благодареніе Богу-Всевышнему, благодареніе Г. И., мудро все устрояющему для блага Россіи, слава и признательность отечества побѣдоноснымъ воинамъ кавказскаго корпуса, а наипаче главному ихъ предводителю, который, издавна зная всѣ пути къ побѣдамъ, велъ ихъ къ онымъ съ свойственною ему рѣшимостью. Скажу откровенно в. с., что извѣстіе о мирѣ получено здѣсь такъ кстати, какъ нельзя болѣе; оное, безъ сомнѣнія, произведетъ удовлетворительное впечатлѣніе на внѣшнія наши сношенія. Должно надѣяться, что и дѣла съ Персіею примутъ съ сей эпохи прочный и совершенно для насъ

Библиотека "Руниверс"

удовлетворительный ходъ, ибо, по тщательномъ соображеніи, я нашелъ всѣ статьи трактата туркменчайскаго до мелкихъ подробностей обдуманными съ строжайшею точностью и согласными съ высочайше даровавшими по сему предмету наставленіями.

Грибоѣдовъ награжденъ соотвѣтственно заслугамъ его, и я увѣренъ, что онъ будетъ намъ полезенъ во многомъ и впредь по дѣламъ Персіи.

Въ заключеніе позвольте мнѣ поздравить васъ съ новыми опытами высокомонаршаго къ вамъ благоволенія.

Родофиникинъ[1]) — гр. Несселроде.

16-го марта 1828 г.—С-Петербургъ.

Словъ не могу найти довольно выразительныхъ, чтобы описать в. с. всеобщую радость, которою была объята петербургская публика пріѣздомъ любезнѣйшаго Грибоѣдова; даже австрійскій посолъ, который долгое время былъ одержимъ болѣзнью, выѣхалъ вчера во дворецъ къ молебствію; слезы враговъ тоже, думаю, будутъ изобильны.

Поздравляю душевно съ новыми лаврами, которыми себя изволили украсить, и съ новыми доказательствами высокомонаршей признательности къ блистательнымъ заслугамъ вашимъ, и приношу искреннѣйшую благодарность за письмо, коимъ почтить меня изволили. Грибоѣдовъ поздравленъ чиномъ отъ самого государя, и въ тотъ же день гр. Карлъ Васильевичъ привезъ изъ дворца указы объ орденѣ и 4 т. червонныхъ, согласно съ вашимъ представленіемъ. Остается довершить дѣло, чтобъ дать ему дѣло,—и то будетъ.

Гр. Нессельроде—Грибоѣдову.

1-го мая 1828 г.

Долговременное пребываніе ваше въ Персіи, познаніе обычаевъ и языка оной, въ особенности же отличное усердіе ваше, доказанное въ послѣднюю войну при разныхъ переговорахъ, а болѣе всего о мирѣ, обратили на васъ высочайшее вниманіе, и Е. И. В. изволилъ избрать васъ и назначить для пребыванія при тегеранскомъ дворѣ въ качествѣ полномочнаго министра; а потому поставляются вамъ въ руководство слѣдующія соображенія:

Учрежденіе миссіи при персидскомъ дворѣ доказываетъ уже со стороны Россіи искреннее желаніе изгладить несогласія, кои временно возникли между обоими государствами, произвели войну и нынѣ благополучно прекращены трактатомъ, заключеннымъ въ Туркменчаѣ.

---

[1]) Тайный совѣтникъ Константинъ Константиновичъ Родофиникинъ.

Библиотека "Руниверс"

Но трактатъ, при всей торжественности таковаго акта, иногда, по несоблюденію или превратному толкованію обоюдныхъ правъ и обязанностей, дѣлается предметомъ спорнымъ, и, слѣдовательно, поводомъ къ новой непріязни. Ваше пребываніе при особѣ шаха откроетъ вамъ способы предупреждать сіи недоразумѣнія, наблюдая непосредственно и вѣрно за дѣйствіями его министерства, внушая въ томъ краѣ государственнымъ людямъ, съ которыми вы будете въ дѣлахъ обращаться, что, въ сравненіи съ Россіею, Персія для собственныхъ выгодъ должна быть гораздо рачительнѣе въ исполненіи трактата. Въ ней укоренились сѣмена внутренняго раздора, своеволіе духовныхъ, превышающее иногда власть самаго правительства, необузданность кочевыхъ племенъ, всегда готовыхъ къ мятежу—все сіе лишало и будетъ лишать означенное государство возможности располагать вполнѣ своими силами въ войнѣ со всякою другою державою. Сіи самыя соображенія опредѣлятъ образъ вашихъ дѣйствій. Вамъ предоставляется распознавать во всѣхъ обстоятельствахъ черты, коими отличается безсиліе и невозможность исполнить требуемое, отъ сокровеннаго недоброхотства и враждованія. Въ первомъ случаѣ кротость и снисхожденіе, а въ послѣднемъ—настойчивость докажутъ персіянамъ, что великодушіе къ нимъ россійской имперіи остается правиломъ неизмѣннымъ, какъ было въ войнѣ, а тѣмъ болѣе во время мира. Вообще въ сношеніяхъ съ ними вы будете внимательны къ ихъ объясненіямъ въ дѣлахъ, къ явнымъ предлогамъ ихъ поведенія и къ тайнымъ побужденіямъ поступковъ ихъ, къ случаямъ, гдѣ вліяніе правительства вмѣшано и къ другимъ, независящимъ отъ его воли; но всегда взирая на сіе съ той точки нравственнаго превосходства, которой мы достигли успѣхами оружія и просвѣщенія. Единою токмо продолжительностью и однообразіемъ дѣйствій, всегда правильныхъ и откровенныхъ, удастся вамъ, можетъ быть, восторжествовать надъ недовѣрчивостью азіятскою, и превратить въ убѣжденіе со стороны Персіи ту роковую необходимость, которая заставила ее принять наши мирныя условія.

Повременная бытность посольскихъ чиновниковъ у самого шаха до сихъ поръ ограничивалась церемоніаломъ, ни къ чему необязующимъ, ибо шахъ сложилъ съ себя попеченія о внѣшнихъ дѣлахъ государства и бо́льшею частію предоставилъ ихъ наслѣдному принцу. Надѣяться должно однако, что вы, зная персидскій языкъ и тѣмъ самымъ имѣя возможность объясняться непосредственно, успѣете преклонить вниманіе шаха на дѣла наши въ тѣхъ краяхъ и по предметамъ вашего ходатайства удобнѣе и скорѣе будете получать желаемое удовлетвореніе. По временамъ дозволяется вамъ, подъ благо-

Библиотека "Руниверс"

видными предлогами, посѣщать наслѣдника престола въ Тавризѣ и, укрѣпляя его въ дружественныхъ расположеніяхъ къ Россіи, имѣть бдительный надзоръ за его поведеніемъ. Изъ донесеній командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса видно, что принцъ сей нынѣ порывается обратить оружіе противъ турковъ; но цѣль таковаго намѣренія его, конечно, небезкорыстна въ отношеніи къ Россіи. На ея вліяніи, на ея военныхъ успѣхахъ и потомъ, при возобновленіи мира съ Турціею, только на сильномъ содѣйствіи Россіи онъ можетъ основывать будущее увеличеніе своего удѣла и вознагражденія за утраты, имъ противъ насъ претерпѣнныя. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ несогласно было бы съ выгодами Россіи, поддерживая властолюбивые замыслы и духъ завоеваній въ Аббас-мирзѣ, тѣмъ самымъ затруднять себѣ еще болѣе пути къ сближенію съ державою, которой она принуждена была нынѣ объявить войну. Давши единожды направленіе Аббас-мирзѣ противъ общаго непріятеля, было бы уже несообразно съ достоинствомъ имперіи оставить его на произволъ собственной участи, не обезпечивъ, при заключеніи мира съ Турціею, выгодъ его, какъ дѣятельнаго союзника; и потому вы, находясь при немъ, не будете поощрять мечтательныхъ надеждъ его на пособіе Россіи и на ручательство съ ея стороны за приращеніе его владѣній, частію сопредѣльныхъ Персіи пашалыковъ.

По уплатѣ $^{8}/_{10}$ всей наложенной на Персію контрибуціи, останутся еще два курура тумановъ, равняющихся 4-мъ милліонамъ руб. сер. Обязанность доставить намъ оные падаетъ единственно на Аббас-мирзу, ибо шахъ рѣшительно отказался способствовать на свою долю ко взносу сихъ денегъ. Вы не оставите прилагать все ваше стараніе, чтобы тѣ деньги къ опредѣленному сроку были уплачены. Затѣмъ два случая частные, но важные въ своихъ послѣдствіяхъ, должны обратить на себя неослабное вниманіе ваше:

1) По трактату возлагается на васъ защита тѣхъ изъ персидскихъ подданныхъ, которыхъ правительство рѣшилось бы преслѣдовать за услуги, оказанныя ими россійскому войску до заключенія мира. Здѣсь нужна самая неусыпная осмотрительность, чтобы статья сія не содѣлалась предлогомъ умышленнаго избѣжанія отъ наказанія заслуженнаго. Искатель вашей помощи хотя бы и усердствовалъ прежде русскимъ, но послѣдующимъ поведеніемъ навлекшій на себя справедливое взысканіе туземныхъ законовъ, ни подъ какимъ видомъ не можетъ опереться на россійское покровительство во уваженіе прежнихъ заслугъ его. И вы, хотя бы защищали въ немъ самое человѣчество, которое такъ часто оскорбляется въ Азіи мѣстными обычаями и постановленіями, но должны имѣть въ виду, что посторон-

Библиотека "Руниверс"

нее вліяніе въ домашнихъ дѣлахъ всегда ненавистно, и васъ могло бы поставить въ самое непріятное положеніе. Съ другой стороны, если явно нарушено будетъ условіе, обоюдно утвержденное, и невинный будетъ тѣснимъ и угрожаемъ вамною единственно за такое дѣло, которое по силѣ трактата должно быть предано забвенію, то въ такомъ случаѣ вооружитесь всею торжественностью помянутаго акта для чести русскаго имени и въ защиту угнетаемаго просителя.

2) Выше сего сказано, что кочующіе народы не всегда покорны власти правительства въ Персіи. Въ мирное время челобѣицы переплывали чрезъ Аракъсъ и производили разбой въ нашей Карабагской области; также перебѣжавшіе въ намъ въ Талыши шахсевенцы не могли быть воздержаны отъ грабежей въ персидской границѣ. Невозможно вдругъ водворить порядокъ въ сихъ безпокойныхъ племенахъ, какъ бы въ народѣ благоустроенномъ; но сіи и другіе случаи легко сдѣлаются причиною переписки между пограничными начальниками, нерѣдко наполняемой язвительными укоризнами, которыя, наконецъ, доводятъ до взаимнаго ожесточенія, чему были уже примѣры. Вслѣдствіе сего всякое письменное сообщеніе отъ россійскаго начальства къ персидскому, или обратно, должно производиться прямо на ваше имя, либо, по крайней мѣрѣ, чрезъ ваши руки и съ вашего вѣдома; о чемъ немедленно будетъ сообщено главноуправляющему въ Грузіи. Настаивая у персидскаго двора о наказаніи ослушныхъ и вообще о соблюденіи порядка на границѣ нашей, если-бы встрѣтился какой-либо случай, противный трактату, въ нашей пограничной области, то вы не оставите о томъ донести мнѣ, и въ то же время увѣдомите главное начальство въ Тифлисѣ.

Статьею VII трактата туркменчайскаго Аббас-мирза признанъ нами въ качествѣ наслѣдника шахскаго престола, но просто и безусловно. Мы не возложили на себя обязанности поддерживать права его вооруженною рукою. Со всѣмъ тѣмъ Персія и самъ Аббас-мирза ожидаютъ, что Россія, по смерти шаха, рѣшитъ вопросъ о преемничествѣ персидскаго престола. Сіе общепринятое мнѣніе вы легко можете обратить въ пользу дѣлъ, вамъ ввѣряемыхъ, буквально придерживаясь смысла вышеозначенной статьи; вы, однако, можете указывать Аббас-мирзѣ на пособіе Россіи при будущемъ его вступленіи на престолъ, какъ на цѣль, которой онъ долженъ домогаться праводушнымъ своимъ поведеніемъ въ сношеніяхъ съ нами.

Великобританское посольство при персидскомъ дворѣ учреждено въ тѣхъ отдаленныхъ видахъ, дабы союзомъ съ шахомъ и наблюденіемъ за его политикою отвращать покушенія европейской завоевательной державы отъ англійскихъ владѣній въ Индіи,—владѣній, ко-

Библиотека "Руниверс"

торыя даже не граничатъ съ Персіею. Слѣдовательно, система сія есть совершенно оберегательная, и та же самая, которая внушила Россіи мысль учредить миссію при персидскомъ дворѣ съ тою разностію, что заботливость наша объ охраненіи спокойствія въ нашихъ закавказскихъ областяхъ основана на ближайшей пользѣ и необходимости, ибо области сіи, бо́льшею частію отторженныя отъ Персіи, оставаясь съ нею въ сношеніяхъ безпрерывныхъ, касаются предѣловъ ея на великомъ протяженіи, и въ ближайшемъ мѣстѣ находятся едва въ трехдневномъ разстояніи отъ столицы Аббас-мирзы. Итакъ, доколѣ система обѣихъ европейскихъ миссій не измѣнится, вы съ англійскими чиновниками не можете имѣть противуположныхъ видовъ и въ дѣлахъ съ ними никакого непріятнаго соперничества. Сіе недавно еще съ ихъ стороны доказано при переговорахъ, которые предшествовали заключенію нашего мира съ Персіею. Взаимныя личныя услуги, въ поступкахъ возможная вѣжливость—вотъ основанія вашего будущаго съ ними обращенія.

Не соревнуя въ пышности, которую они привыкли выказывать при дворахъ азіятскихъ, вы, однако, назначаемымъ нынѣ вамъ жалованьемъ пріобрѣтаете способы и въ обыкновенной жизни и въ торжественныхъ случаяхъ приличною внѣшностью поддерживать россійско-императорскаго министра.

Торговля съ Персіею, какъ вамъ извѣстно, была издревле предметомъ особенныхъ попеченій россійскаго правительства. Главною цѣлію оныхъ поставлялось всегда, чтобы россіяне принимали въ сей торговлѣ непосредственное участіе и чтобы отечественныя произведенія наши составляли бо́льшую часть сбыта въ обмѣнъ на товары персидскіе. Согласно тому, вы не оставите подтвердить персіянамъ всю важность и обоюдную выгоду торговыхъ ея сношеній съ нами, ознакомите ихъ сколько можно ближе съ различными нашими издѣліями, возбудите въ нихъ вкусъ и предпочтительное вниманіе къ оным. Если они встрѣчаютъ какія-либо существенныя и уважительныя затрудненія по торговлѣ, вы сообразите ихъ отзывы съ нашими внутренними учрежденіями, съ положеніемъ нашей промышленности и сообщите министерству мнѣніе ваше объ удобнѣйшихъ способахъ къ устраненію таковыхъ препонъ. Съ другой стороны взаимно дайте нашему купечеству поясненія о предметахъ, въ коихъ болѣе персіяне нуждаются для потребленія простаго или для удовлетворенія прихотямъ роскоши. Въ Тифлисъ и С.-Петербургъ вы будете сообщать замѣчанія ваши о тѣхъ отрасляхъ промышленности и о тѣхъ именно произведеніяхъ, которыя съ успѣхомъ могутъ быть воздѣлываемы у насъ и найдутъ въ Азіи требователей. Боль-

Библиотека "Руниверс"

шую услугу явите нашей торговлѣ, указавъ выгоднѣйшія мѣста для производства оной съ персіянами какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и въ отечествѣ ихъ, а особливо, изыскавъ средства къ исполненію давняго плана нашего правительства, завести торговое складочное мѣсто въ Астрабадѣ,—плана, обѣщающаго значительныя для насъ выгоды обращеніемъ индѣйской торговли къ берегамъ Каспійскаго моря. Вообще вы постараетесь убѣдить персіянъ, что торговля съ Россіею есть обильный источникъ благосостоянія ихъ и удостовѣрите тамошній дворъ, что она должна быть основаніемъ и порукою согласія и дружества между обоими государствами. Въ коммерческомъ договорѣ, заключенномъ въ Туркменчаѣ, ясно изображены права нашихъ подданныхъ, торгующихъ въ Персіи, и степень покровительства, имъ дарованнаго. Назначеніе консуловъ приведетъ сіе въ надлежащее дѣйствіе. Извѣстно, что въ Персіи правители областей, и самъ государь, въ предоставленномъ себѣ удѣлѣ, въ рукахъ своихъ имѣютъ монополію торговли, и потому нерѣдко купеческое частное дѣло превращается въ государственное; судьи въ такомъ случаѣ, по необходимости, пристрастны. Въ семъ уваженіи потребно величайшее терпѣніе и постоянство характера въ нашихъ чиновникахъ, которые будутъ наблюдать за тяжбами россійскихъ подданныхъ въ Персіи, чтобы, не ослабляя ихъ правъ въ угодность сильному противнику, съ другой стороны неумѣреннымъ пылкостью не возбудить еще болѣе противъ себя неудовольствія правительства, безъ того уже негодующаго на учрежденіе консульствъ.

Изъяснено уже мною выше, что открытіе новыхъ способовъ и еще недовнанныхъ путей для сбыта россійскихъ произведеній составляетъ важную цѣль пребыванія вашего въ Персіи. Не менѣе того принята будетъ министерствомъ въ отличное вниманіе заботливость ваша о распространеніи нашихъ познаній объ исторіи, географіи и статистикѣ сего государства. Равнымъ образомъ весьма было бы полезно собрать точныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи разныхъ областей и народовъ, смежныхъ съ Персіею, объ ихъ домашнихъ занятіяхъ, особливо о торговлѣ и внѣшнихъ отношеніяхъ ихъ, дружественныхъ и непріязненныхъ, напримѣръ: авганцевъ—къ Персіи, Бухаріи и Индіи, Пенджаба—къ Англійской Ост-Индской компаніи, и Латака—къ Китаю; также объ отношеніяхъ народа белуджскаго къ авганцамъ и персамъ. Для насъ равную имѣли бы цѣну объясненія, въ подлинномъ свѣтѣ изложенныя, о Бухаріи, преимущественно о торговлѣ сего государства и его внѣшнихъ отношеніяхъ, между прочимъ, къ Хивѣ, Персіи, авганцамъ и къ Портѣ Оттоманской; купно съ тѣмъ могутъ быть нужны розысканія о древнѣйшихъ и новѣйшихъ извѣстіяхъ,

Библиотека "Руниверс"

относящихся до торговыхъ караванныхъ путей, идущихъ отъ береговъ Каспійскаго моря въ Индію, и въ сопредѣльныя оной земли. Но всего болѣе министерство встрѣчаетъ надобности въ свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ вѣрныхъ источниковъ, объ отношеніяхъ Персіи къ туркоманамъ и хивинцамъ, о степени ея пріязни съ оными и вліянія могущества ея на сіи кочевыя хищныя племена; а съ другой стороны, о случаяхъ къ опасенію, къ взаимнымъ враждебнымъ дѣйствіямъ ихъ и о способахъ Персіи къ отраженію ихъ набѣговъ. Свѣдѣнія сего рода вы будете сообщать министерству по мѣрѣ полученія и важности оныхъ.

Для успѣшнаго исполненія всего, что вамъ предначертано, необходимы связи въ томъ краѣ, гдѣ вы будете имѣть постоянное пребываніе и содѣйствіе людей усердныхъ. Самые вельможи и даже сыновья шахскіе нуждаются иногда въ незначущемъ вспоможеніи наличными деньгами, отъ которыхъ внезапно возстановляется ихъ вѣсъ и зависитъ нерѣдко ихъ спасеніе. Такая услуга съ вашей стороны, во-время оказанная, можетъ пріобрѣсти вамъ благодарность лицъ полезныхъ и содѣлать ихъ искренними,—слѣдовательно рѣшенія по сему предмету предоставляются вашему благоразумію.

Впрочемъ, многія мѣстныя обстоятельства въ Персіи намъ въ совершенной полнотѣ не извѣстны, а потому я ограничиваюсь вышеизложенными наставленіями, по высочайшему повелѣнію предначертанными вамъ въ руководство. Но при семъ долгомъ поставляю сообщить вамъ, что пребываетъ Е. И. В. въ томъ пріятномъ удостовѣреніи, что вы при всякихъ случаяхъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ постоянно будете имѣть въ виду—честь, пользу и славу Россіи. Усердными же вашими стараніями не токмо о сохраненіи дружественныхъ связей нашихъ съ Персіею, но о сугубомъ и прочномъ ихъ утвержденіи вашими непрерывными усиліями къ обезпеченію благосостоянія россійскихъ подданныхъ въ тѣхъ краяхъ, къ распространенію торговли нашей и дальнѣйшему развитію чрезъ то внутренней нашей промышленности, вы пріобрѣтете новое право на вниманіе и благоволеніе всемилостивѣйшаго нашего Г. И.

Родофиникинъ — гр. Паскевичу.

8-го мая 1828 г.

Г. И., по случаю возобновленія дружественныхъ сношеній съ персидскою державою, предъ отъѣздомъ своимъ изъ сей столицы соизволилъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату въ 25-й день минувшаго апрѣля, учредить посты полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ. Въ званіе

Библиотека "Руниверс"

министра опредѣленъ с. с. Грибоѣдовъ, по каковому случаю дана ему съ высочайшаго утвержденія инструкція, которую долгомъ поставляю сообщить при семъ въ копіи для свѣдѣнія в. с. Познанія Грибоѣдова въ языкѣ персидскомъ, короткое знакомство его съ мѣстными обстоятельствами, наконецъ дарованія и усердіе, оказанныя имъ при минувшихъ переговорахъ, достаточно доказываютъ, что высочайшій выборъ палъ на чиновника способнѣйшаго къ исполненію важной должности, на него возложенной.

Генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ опредѣленъ н. с. Амбургеръ, извѣстный уже в. с. по долговременному служенію въ Персіи.

Съ высочайшаго утвержденія опредѣлены при полномочномъ министрѣ первымъ секретаремъ тит. с. Мальцовъ, а вторымъ—протоколистъ Аделунгъ. Что касается до положенныхъ по штату миссіи переводчиковъ, то Грибоѣдову предоставлено выбрать таковыхъ изъ числа чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, находившихся при в. с. въ послѣднюю кампанію; къ генеральному же консулу секретаремъ опредѣленъ тит. с. Ивановъ.

Грибоѣдовъ — гр. Паскевичу.

23-го августа 1828 г.—Тифлисъ.

(Переводъ съ французскаго). По возвращеніи изъ лагеря подъ Ахалкалаки, я заболѣлъ четвородневною лихорадкою, по милости которой я былъ не въ состояніи не только отправиться верхомъ въ Персію, но даже выйти изъ комнаты.

Я имѣлъ честь получить отношеніе в. с. ко мнѣ отъ 13-го августа, подъ № 292, вмѣстѣ съ приложенными къ нему двумя рапортами персидскаго консула. Согласно съ вашимъ приказаніемъ, я сообщилъ

(Подлинникъ). Revenu du camp d'Akhalkalaki, je fus attaqué d'une fièvre quaterne qui ne m'a pas donné de relâche: il ne m'a pas été possible jusqu'ici, non seulement de me mettre à cheval pour aller en Perse, mais même de quitter ma chambre.

J'ai eu l'honneur de recevoir l'office que Votre Excellence a bien voulu m'adresser en date du 13 août, sub № 292, ainsi que les deux rapports de notre consul en Perse qui y étaient annexés. Je les ai tout de suite portés à la connaissance de M-r le Vice-Chancelier, comme Votre Excellence me l'a expressément recommandé, mais les circonstances ont changé depuis: un courrier de Tauris m'a apporté les dispositions de la cour de Perse, concernant le paiement du 8-e courour.

1) 250 m. tomans vont être payés en argent comptant, et cela tout de suite; cette somme devait déjà être envoyée à Khoy le 17 courant.

2) Pour 100 m. tomans la garantie du Ministre d'Angleterre, la somme même

Библиотека "Руниверс"

объ этихъ бумагахъ г. вице-канцлеру. Между тѣмъ обстоятельства измѣнились: курьеръ изъ Тавриза привезъ мнѣ распоряженія персидскаго двора касательно уплаты 8-го курура.

1) 250 т. тумановъ будутъ выплачены наличными деньгами, и немедленно; эта сумма отправлена въ Хой уже 17-го сего мая.

2) 100 т. тумановъ, за поручительствомъ англійскаго посланника, выплатятъ черезъ два мѣсяца, считая съ 15-го августа; если же персидское правительство не исполнитъ этого пункта условія, то англійскій посланникъ обязывается выплатить означенную сумму въ положенный срокъ, т. е. 15-го будущаго октября.

3) Остальные 150 т. тумановъ русскій посолъ при персидскомъ дворѣ получитъ алмазами, цѣною въ 200 т. тумановъ, т. е. съ излишкомъ въ 50 т. тумановъ; самыя же деньги будутъ выплачены въ означенный выше срокъ. До тѣхъ поръ русскія войска останутся въ Хоѣ, если такъ угодно будетъ в. с.

Въ случаѣ неплатежа остаточныхъ 150 т. тумановъ персидскимъ правительствомъ, алмазы перейдутъ въ собственность нашего правительства; а приняты они будутъ нашими чиновниками не иначе, какъ по дѣйствительной оцѣнкѣ алмазовъ — въ 200 т. тумановъ.

Одно чисто мѣстное, но весьма основательное, соображеніе представляется мнѣ достойнымъ вниманія в. с. Персіяне предлагаютъ, не согласимся-ли мы, взамѣнъ одной части алмазовъ, получить 10,000 халваровъ хлѣба по базарной цѣнѣ Тавриза. Я слышалъ, что перешедшія къ намъ армянскія семейства будущею зимою будутъ лишены средствъ къ пропитанію. Кромѣ того, предлагаемая мѣра послужитъ существеннымъ подспорьемъ для продовольствія войска. Въ случаѣ согласія в. с. на эту мѣру, я попрошу васъ увѣдомить меня о томъ заблаго-

---

payable dans deux mois, à dater du 15 août, que si le gouvernement Persan ne remplissait pas exactement cette clause, le Ministre d'Angleterre prend sur lui le paiement de la somme précitée à l'échéance du terme convenu: nommément le 15 octobre prochain.

3) Pour les 150 m. tomans de reste, le Ministre de Russie accrédité près la cour de Perse recevra en pierreries la valeur de 200 m. tomans, ce qui fait 50 m. tomans de plus que la somme requise, l'argent même payable au terme sus-mentionné. Les troupes Russes continueront d'occuper jusqu'alors le territoire de Khoy, si Votre Excellence le juge à propos.

En cas que le gouvernement Persan ne réaliserait pas le paiement des 150 m. tomans restans, les pierreries restent en toute propriété à notre gouvernement. Elles ne seraient reçues en aucun cas par nos fonctionnaires avant d'avoir été estimées à leur juste valeur—200 m. tomans.

Une considération purement locale me semble assez urgente pour être pro-

Библиотека "Руниверс"

временно, и вмѣстѣ указать на способы перевозки хлѣба: будетъ-ли она поручена исключительно персіянамъ, или же распорядится ею лицо, начальствующее въ Хоѣ. Я вполнѣ увѣренъ, что императорское министерство приметъ эти послѣднія предложенія Персіи, какъ слишкомъ выгодныя, чтобы отказаться отъ нихъ. Но не зная еще вашего мнѣнія объ этомъ предметѣ, я отложилъ сообщеніе его г. вице-канцлеру.

Мнѣ уже ранѣе сказывалъ докторъ Макниль, котораго я засталъ здѣсь, когда возвратился изъ Ахалкалаки, какія энергичныя мѣры принимаетъ Аббас-мирза въ Хамаданѣ для сбора суммы, назначаемой намъ въ уплату для очищенія Хоя. Надобно сознаться, что образъ дѣйствія наслѣдника персидскаго престола становится въ отношеніи къ намъ все болѣе и болѣе правильнымъ: это онъ поспѣшилъ отправленіемъ ратификаціи; сейчасъ же я получилъ оффиціальное извѣстіе о назначеніи коммиссара для опредѣленія границъ между нами; это Мирза-Масудъ,[1]) извѣстный своею честностью и достоинствомъ обращенія. На Персію очевидно подѣйствовали такіе неотразимые аргументы, каковы безпрерывные успѣхи ввѣреннаго вамъ войска, свыкшагося съ самыми блистательными побѣдами, взятіе пяти крѣпостей со стороны турецкой границы, пораженіе многочисленной непріятельской арміи, наконецъ, быстрота, рѣшительность и мужество, выказанныя въ эту послѣднюю кампанію, которою геній в. с. укра-

---

posée à Votre Excellence. Les Persans se font forts de nous fournir 10,000 halvars de blé, au prix du bazar de Tauris, pour une partie des pierreries, si cela était agréé de notre part. J'ai entendu, que les familles Arméniennes qui ont passé chez nous manqueraient des moyens de subsistance pour l'hiver prochain. De plus, l'approvisionnement des troupes qui tient si fort à cœur à Votre Excellence, recevrait un renfort assez substantiel par cette mesure. En cas qu'elle serait approuvé par Votre Excellence, je L'aurais priée de m'en informer à temps, ainsi que des moyens à adopter pour le transport, soit qu'il tomberait exclusivement à la charge des Persans, ou bien qu'il serait effectué par des dispositions administratives qu'aurait prises celui qui commande à Khoy. Je suis fermement persuadé que le Ministère Impériale consentira à ces dernières propositions de la cour de Perse, trop avantageuses pour être refusées, mais je me suis abstenu d'en faire mon rapport à M-r le Vice-Chancelier, avant de connaître les sentiments de Votre Excellence à ce sujet.

J'étais déjà antérieurement informé par le Docteur Macknill, que j'ai trouvé ici à mon retour d'Akhalkalaki, des mesures vigoureuses qu'Abbas-mirza employait à Hamadan, où il se trouve actuellement pour réaliser en partie la

---

[1]) Мирза-Масудъ, статс-секретарь и главный переводчикъ Аббас-мирзы. А. В.

Библиотека "Руниверс"

силъ военныя лѣтописи,—все это склонило персіянъ къ оказанію намъ справедливости и къ исполненію ихъ обязательствъ въ отношеніи къ Россіи.

Весьма благодаренъ в. с. за присылку бюллетеня вашей послѣдней побѣды. Примите мои искреннія поздравленія со всѣмъ, что выпадаетъ прекраснаго и славнаго на вашу долю; я поздравляю и тѣхъ, которые слѣдуютъ за вашими знаменами. Примите увѣреніе и проч. А. Грибоѣдовъ.

8-го сентября 1828 г.—Тифлисъ.

По прибытіи моемъ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, я нашелъ здѣсь переводчика поручика Шахназарова, назначеннаго в. с. къ опредѣленію при персидской миссіи, котораго я вслѣдствіе сего и причислилъ къ своей канцеляріи съ 6-го числа іюля текущаго года, съ котораго времени онъ получаетъ жалованье по окладу 300 черв. въ годъ.

Сей чиновникъ, во время персидской кампаніи, былъ прикомандированъ къ ген.-адъют. Бенкендорфу; а въ продолженіе дейкарганскихъ и туркменчайскихъ переговоровъ, дѣятельно упражнялся въ переводахъ въ собственной канцеляріи в. с., за что и былъ представленъ къ годовому окладу и слѣдующему чину; но въ отношеніи е. с. вице-канцлера, объ отпускѣ чиновникамъ высочайше пожалованныхъ денегъ, въ награду, имя Шахназарова пропущено. Вслѣд-

---

somme qu'il sait devoir nous être payée pour l'évacuation tant désirée de Khoy. Il faut rendre justice à l'héritier du Trône de Perse, que sa conduite devient de plus en plus régulière à notre égard: c'est lui qui a accéléré l'envoi de la ratification; je viens de recevoir encore la nouvelle officielle, que le commissaire pour la délimitation est déjà nommé: c'est Mirza-Massoud, dont la probité et les bonnes manières sont connues. Nul doute que les succès non interrompus des troupes, qui sous le commandement de Votre Excellence se familiarisent avec les triomphes les plus éclatants, la prise de cinq forteresses dont la frontière Turque était hérissée de ce côté, la défaite d'une nombreuse armée ennemie en bataille rangée; enfin la célérité, la décision et la valeur innouies déployées dans cette troisième campagne, dont le génie de Votre Excellence vient d'illustrer les fastes militaires de l'Empire,—sont les argumens irrésistibles qui ont réagi sur la Perse, et ont décidé un peu plus de leur moral en faveur de la justice et de l'observance de leurs obligations envers la Russie.

Je ne puis assez Vous exprimer, Monsieur le Comte, mes remerciemens pour le bulletin de Votre dernière victoire, que Vous avez daigné me communiquer. Agréez mes sincères félicitations sur tout ce qui arrive de beau et de glorieux à Vous, et à tous ceux qui ont le bonheur de suivre Vos drapeaux, et veuillez recevoir les assurances de la respectueuse considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être etc. A. Griboyédoff.

Библиотека "Руниверс"

ствіе чего в. с., отъ 6-го іюня нынѣшняго года, благоволили повторить о немъ представленіе министерству иностранныхъ дѣлъ.

Кромѣ того, онъ за джеванбулакское дѣло произведенъ въ поручики, а при заключеніи мира въ слѣдующій чинъ, который однако же ему не объявленъ, о чемъ и вступилъ ко мнѣ съ просьбою, дабы я исходатайствовалъ у в. с. объявленіе ему утвержденія въ чинѣ штабс-капитана; а такъ какъ онъ обремененъ семействомъ и долгами и нужны ему еще большія издержки для экипировки при отъѣздѣ со мною въ Персію, то и прошу в. с. обратить на сего человѣка благосклонное ваше вниманіе, для отпуска ему вышеозначеннаго денежнаго награжденія, которое онъ въ полной мѣрѣ заслужилъ стараніемъ и трудами въ прошедшую кампанію и въ продолженіе мирныхъ переговоровъ.

23-го сентября 1828 г.—Эривань.

Честь имѣю увѣдомить в. с., что, по прибытіи моемъ въ Эривань, я нашелъ Мирзу-Джафара на возвратномъ пути, основавшаго здѣсь свое мѣстопребываніе. Опираясь на фирманы, которые онъ имѣетъ отъ своего двора, и на словесное позволеніе в. с., онъ требовалъ отъ мѣстнаго начальства билетъ и свободный пропускъ всѣмъ тѣмъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, по силѣ трактата, пожелаютъ переселиться въ Персію. Сущность трактата не могла быть извѣстна здѣшнимъ чиновникамъ, предпочтительно занятымъ внутреннимъ управленіемъ. Самаго областнаго начальника здѣсь не было, и потому сначала допущенъ былъ персидскій посланный къ свободному здѣсь проживанію и къ исполненію объявленныхъ имъ порученій; тѣмъ болѣе, что отъ военнаго тифлисскаго губернатора получена бумага, гдѣ говорится о немъ, какъ о посланникѣ, котораго должно принимать и содержать соотвѣтственно его званію. Но вскорѣ вредныя послѣдствія его внушеній и принятаго имъ на себя оффиціальнаго характера, побудителя и покровителя переселенія, содѣлались явными. Нѣкоторые недовольные новымъ порядкомъ, вводимымъ нашимъ правительствомъ, объявили желаніе уйти навсегда отсюда. На ту пору я прибылъ, и свѣдавъ, что происходило, послалъ за Мирзою-Джафаромъ и выговаривалъ ему неумѣстность его поведенія. Изъ словъ же его я усмотрѣлъ, что онъ искренно вѣрилъ правильности своихъ поступковъ, выказалъ мнѣ свои фирманы; а позволеніе в. с. прежнимъ персидскимъ подданнымъ, имѣющимъ въ Эривани собственность, продавать и обмѣнивать оную, онъ понялъ превратно, также какъ и персидское министерство и консулъ нашъ въ Тавризѣ, воображая, что сіе также даетъ новымъ нашимъ подданнымъ право переселиться съ своею собственностью и семействомъ въ Персію,

Библиотека "Руниверс"

ежели они того пожелаютъ. Я не распространялся съ нимъ въ толкованіи трактата, худо имъ понимаемаго, о чемъ уже мною пространно писано къ нашему консулу; а по прибытіи въ Тавризъ, надѣюсь сіе пояснить персидскому министерству однажды на всегда. Главное, въ чемъ я остановилъ Мирзу-Джафара, состояло въ невозможности ему долѣе пребывать въ Эривани въ качествѣ резидента, въ каковомъ званіи онъ не акредитованъ отъ своего двора, не признанъ нашимъ и не имѣетъ на то отъ в. с. письменнаго дозволенія. По многимъ объясненіямъ, онъ, наконецъ, сдался на очевидность моихъ доводовъ, и нынѣ поутру отъѣзжаетъ.

Не почитаю излишнимъ изложить мое мнѣніе насчетъ трехъ статей туркменчайскаго трактата, которыя до сихъ поръ толкуются превратно съ обѣихъ сторонъ. Если в. с. предпишете тифлисскому военному губернатору и пограничнымъ начальникамъ въ Эривани, въ Карабагѣ, Талышѣ и проч., чтобы по одному и тому же предмету не было разнообразныхъ толкованій, то сіе воздержитъ нашихъ подданныхъ отъ новой страсти къ переселенію, къ которому они не могутъ и не должны быть допущены.

1) Статьею XII предоставленъ трехлѣтній срокъ тѣмъ изъ подданныхъ обѣихъ державъ, которые имѣютъ недвижимую собственность по обѣ стороны Аракса и которые въ теченіи сего времени могутъ свободно продавать и обмѣнивать оную. О свободѣ переселяться тѣмъ или другимъ не сказано ни слова.

2) Статьею XIV не дозволено переметчикамъ и дезертирамъ, каковы суть ханы, беки и духовные начальники, или моллы, которые своими внушеніями могли бы имѣть вредное вліяніе на соотчичей, селиться близъ границы. Что касается до прочихъ жителей, то тѣ, которые перешли или впредь перейдутъ изъ одного государства въ другое, могутъ селиться и жить всюду, гдѣ дозволитъ то правительство, подъ коимъ они будутъ находиться (le Gouvernement sous lequel ils se seront placés).

Примѣчаніе. Что же касается до того государства, изъ котораго они перешли, или перейдутъ, то нигдѣ не сказано, что оно должно давать имъ на то позволеніе, билеты и свободный пропускъ.

3) Статьею XV даруется е. в. шахомъ полное прощеніе всѣмъ жителямъ и чиновникамъ Адербейджана. Сверхъ того будетъ предоставленъ тѣмъ чиновникамъ и жителямъ годичный срокъ, считая отъ дня заключенія трактата, для свободнаго перехода съ своими семействами изъ персидскихъ областей въ россійскія, для вывоза и продажи движимаго имущества. Относительно же имѣнія недвижимаго опредѣляется пятилѣтній срокъ для продажи онаго.

Библиотека "Руниверс"

Примѣчаніе. Сей годичный срокъ для перехода и пятилѣтній для продажи недвижимаго имущества постановленъ исключительно въ пользу переходящихъ изъ Персіи въ Россію, а не наоборотъ. Нигдѣ не сказано и не могло быть сказано, чтобы мы должны были отпускать своихъ подданныхъ съ семействами и имуществами, ибо вся статья основана на завоеваніи Адербейджана, гдѣ многіе намъ служили, и не захотѣли бы далѣе оставаться въ подозрѣніи подъ закономъ прежняго правительства, ими оскорбленнаго и мстительнаго, по выступленіи нашихъ войскъ.

Вотъ, по моему, единственный способъ толковать трактатъ; а о переселеніи жителей нигдѣ не сказано, что оно изъ Россіи въ Персію должно быть россійскимъ правительствомъ терпимо. Я полагаю, что неизлишнимъ бы было, если бы в. с. соизволили предписать циркуляромъ всѣмъ пограничнымъ начальникамъ, какъ по сему предмету впредь поступать надлежитъ.

23-го сентября 1828 г.—Эривань.

Генеральный консулъ нашъ въ Персіи доноситъ мнѣ объ отъѣздѣ Фетх-Али-хана беглербега изъ Тавриза въ Хой, съ 300 т. тумановъ въ уплату слѣдующаго намъ осьмаго курура для очистки хойской провинціи. Предписаніе в. с. онъ получилъ, которымъ вы его уполномочивали согласиться на персидскія предложенія. Послѣдняя его сдѣлка съ тавризскимъ министерствомъ основана на томъ предписаніи, которое онъ имѣлъ отъ меня согласно съ инструкціею в. с., полученною мною въ лагерѣ подъ Ахалкалаки. Распоряженіе сіе было уже напередъ высочайше одобрено, какъ явствуетъ изъ отношенія къ вамъ по сему предмету вице-канцлера; а потому я сіе съ особеннымъ удовольствіемъ имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія.

23-го сентября 1828 г.—Эривань.

Я имѣлъ честь изъ Тифлиса и изъ Амамловъ партикулярно увѣдомить в. с. о бунтѣ въ Персіи; достовѣрнѣйшія подробности, до меня дошедшія, суть слѣдующія:

Риза-Кули-ханъ Кочанскій открыто поднялъ знамя мятежа противъ шаха, и въ отсутствіи правителя Хорасана, извѣстнаго в. с., Хасан-Али-мирзы, на охотѣ въ Шапурѣ предательски захватилъ въ плѣнъ сына его. Шахъ безъ замедленія послалъ войско для охраненія города Мешеда, подъ командою отца, бывшаго у насъ въ плѣну, Мамед-Эмин-хана. Бывшій сердарь эриванскій назначенъ правителемъ Хорасана, чему нельзя довольно радоваться, по отдаленію отъ нашихъ границъ сего вреднаго человѣка. Вообще приписываютъ бунтъ неудовольствію противъ угнетенія сына шахскаго Хасан-Али-мирзы;

Библиотека "Руниверс"

полагаютъ, что съ прибытіемъ сердаря спокойствіе скоро возстановится.

Аббас-мирза все еще находится въ Хамаданѣ; но увѣдомляетъ меня, что, по прибытіи моемъ въ Тавризъ, немедленно туда возвратится.

Шахъ также хотѣлъ отбыть изъ своей столицы, но удержанъ былъ отъ сего ружейнымъ выстрѣломъ, направленнымъ на него въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ изъ стѣнъ города.

23-го сентября 1828 г.—Эривань.

Генеральный консулъ нашъ въ Персіи жаловался мнѣ сначала партикулярно, потомъ оффиціально и теперь въ третій разъ проситъ меня довести до вашего свѣдѣнія о неприличномъ тонѣ, въ которомъ генералъ Панкратьевъ[1]) списывается съ нимъ и съ самимъ Аббас-мирзою. Насчетъ непосредственной переписки пограничныхъ начальниковъ съ персидскимъ правительствомъ в. с. извѣстно изъ моей инструкціи, что имъ сіе запрещается. Не можно имъ предоставить право, которымъ пользуетесь в. с., какъ главнокомандующій пограничный начальникъ, облеченный особеннымъ довѣріемъ Г. И., и потому убѣдительнѣйше испрашиваю у в. с., чтобы вы благоволили однажды на всегда предписать имъ, дабы они воздержались отъ переписки съ Аббас-мирзою и вообще съ персидскимъ министерствомъ и начальствомъ въ Тавризѣ мимо меня, или того, кто во время отсутствія моего, назначенъ мною старшимъ исправляющимъ мою должность; въ такомъ отношеніи находится Амбургеръ. Иначе я не могу отвѣчать за могущія отъ сего произойти неудовольствія персидскаго двора, которыхъ не я буду виною. Что же касается до самого Амбургера, то онъ, по своему поведенію и усердію, нѣсколько разъ в. с. одобренному, не заслуживаетъ и не обязанъ терпѣть рѣзкихъ и грубыхъ нареканій генерала Панкратьева.

23-го сентября 1828 г.—Эривань.

Англійскій министръ въ Персіи и чиновники его, по представленію в. с., удостоены были всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ отъ двора нашего орденами и подарками, исключая секретаря миссіи Кемпбеля, который во время туркменчайскихъ переговоровъ отбылъ въ Англію; но прежде сего онъ изъ первыхъ являлся къ в. с. и дѣятельно участвовалъ въ сближеніи насъ съ персіянами. Если в. с. угодно будетъ сдѣлать о немъ особенное представленіе, для доставленія ему награды отъ высочайшаго двора нашего наравнѣ съ его

[1]) Ген.-м. Никита Петровичъ Панкратьевъ былъ командиромъ войскъ, расположенныхъ въ ханствѣ Хойскомъ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

сослуживцами, то сіе было бы принято всею англійскою миссіею въ Персіи съ благодарностью.

При томъ изъ писемъ ко мнѣ Макдональда и нашего консула я увѣдомленъ, что чрезвычайнымъ посломъ Е. И. В. въ Лондонѣ княземъ Ливеномъ не сдѣлано еще никакого сообщенія англійскому двору о наградахъ, дарованныхъ Г. И. чиновникамъ великобританской миссіи въ Персіи. Министръ статс-секретарь по иностранной части лордъ Абердинъ изъяснялся, что со стороны короля не будетъ никакого препятствія въ утвержденіи ихъ въ сихъ наградахъ, если только доведено будетъ оффиціально до его свѣдѣнія нашимъ посломъ въ Лондонѣ.

Я о семъ доношу нынѣ вице-канцлеру, но увѣренъ, что отзывъ къ нему такого же рода в. с. подкрѣпитъ гораздо дѣйствительнѣе мое представленіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. **Ад. П. Берже.**

Библиотека "Руниверс"

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ

въ 1828—1856 гг.

Г. Редакторъ! Съ прискорбіемъ прочелъ я въ VIII-мъ томѣ вашего изданія («Р. С.» 1873 г., т. VIII, стр. 599 — 630) статью подъ заглавіемъ «Н. Н. Муравьевъ», въ которой авторъ выставилъ его человѣкомъ неспособнымъ и ничтожнымъ, тогда какъ онъ признанъ не только отечествомъ нашимъ, но и внѣ Россіи, человѣкомъ вполнѣ государственнымъ и однимъ изъ лучшихъ военачальниковъ. Наши самовники, истинные сыны отечества и весь военный людъ вознегодовали и глубоко оскорбились статьею гражданскаго чиновника, который дерзаетъ несправедливо говорить о любимцѣ Россіи и судить объ административныхъ, стратегическихъ и тактическихъ дѣйствіяхъ намѣстника и главнокомандующаго, оказавшаго столько заслугъ благодарному отечеству и тремъ нашимъ великимъ Государямъ, оцѣнившимъ вполнѣ его заслуги.

Позволяю себѣ надѣяться, что настоящая, съ любовью мною предлагаемая статья загладитъ скорбное впечатлѣніе. Гр. Д. Ѳ. Остенъ-Сакенъ.

I.

Я былъ связанъ дружбою съ Николаемъ Муравьевымъ, скрѣпленною на полѣ чести. Всегда любовался я блистательною неустрашимостію, невозмутимымъ спокойствіемъ и стройностію дѣйствій состоявшихъ подъ начальствомъ его войскъ, которыя имѣли къ нему полную довѣренность. Въ минуту самой жестокой бойни — подъ картечнымъ огнемъ, въ штыковой работѣ, былъ онъ веселъ и любезенъ болѣе, нежели въ другое время. Насчетъ веселости его приведу въ примѣръ одинъ случай: въ Турецкую войну 1828 г., въ качествѣ начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, послѣ взятія Карса, далъ я Муравьеву порученіе, требовавшее особенныхъ административныхъ способностей. Я отдалъ въ распоряженіе его одного подполковника—личность весьма комическую: на короткихъ но-

Библиотека "Руниверс"

гахъ, съ большимъ животомъ, голова огромная. Я отошелъ въ сторону и Муравьевъ, держа въ рукахъ записную книжку и, какъ казалось, записывая въ ней отдаваемыя, стоявшему передъ нимъ подполковнику приказанія, очень серьезно говорилъ съ нимъ. Отправя его, Муравьевъ подошелъ ко мнѣ и показалъ списанный съ подполковника портретъ изумительнаго сходства. Онъ отлично рисовалъ каррикатуры, но здѣсь этого не было нужно.

Я старался сблизить Паскевиса со всѣми лучшими генералами и другими достойными личностями.

При одномъ докладѣ говорю главнокомандующему:

— „Вотъ вы считаете Муравьева своимъ противникомъ,[1]) но вчера, разсуждая со мною о войнѣ 1812 г., онъ съ особенною похвалою отзывался о вашихъ подвигахъ". Я назвалъ ему сраженія, которыми особенно дорожилъ онъ. Главнокомандующій былъ въ восторгѣ, и съ чувствомъ сказалъ:

— „Да, у него бываютъ рыцарскіе порывы!"

Когда я передалъ Муравьеву, это его очень порадовало и онъ полюбилъ графа Паскевича.

Зная характеръ графа Ивана Ѳедоровича, я принялъ способъ просить всегда противоположнаго тому, чего хотѣлъ достигнуть.

Кавказская гренадерская бригада состояла изъ двухъ гренадерскихъ и егерскаго полковъ и батарейной батареи. Желая для пользы службы дать бригаду эту Муравьеву, я, при докладѣ, говорю главнокомандующему:

— „Вообразите себѣ, какое неумѣренное желаніе высказалъ мнѣ вчера Муравьевъ: только что произведенъ въ генералы и желаетъ гренадерской бригады; не рано-ли?"

— „Какъ, рано? онъ заслужилъ ее вполнѣ. Сегодня же принесите къ моей подписи представленіе!"

Когда я разстроился съ главнокомандующимъ и просилъ суда и увольненія отъ званія начальника штаба, то прежняя нелюбовь главнокомандующаго къ Муравьеву усилилась. Объясню: пока продолжалось слѣдствіе до назначенія меня начальникомъ праваго фланга, на смѣну генералъ-маіора князя Вебутова, съ отдѣльнымъ отрядомъ войскъ, палатку мою продолжали ставить въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки главнокомандующаго. Тутъ правдивыя и благородныя личности блистательно выразили преданность свою ко мнѣ, исполненную самоотверженія. Кромѣ низкихъ льстецовъ и интригановъ глав-

[1]) Гр. Паскевичъ не благоволилъ къ нему за преданность Ермолову. Гр. Д. О.-С.

Библиотека "Руниверс"

ной квартиры, которые отвернулись отъ меня, весь корпусъ старался выказать мнѣ сугубую преданность, а тѣ, съ коими я былъ въ особенно дружескихъ отношеніяхъ, приходили ко мнѣ въ палатку всякій день, а Н. Н. Муравьевъ и нѣкоторые другіе просиживали у меня по нѣсколько часовъ на походѣ и на дневкахъ.

При главнокомандующемъ, гр. Дибичѣ-Забалканскомъ и начальникѣ главнаго штаба гр. Толлѣ, намъ было хорошо: они всѣми мѣрами старались дѣлать наше служеніе пріятнымъ. 13-го февраля 1831 г. насъ уже произвели въ генералъ-лейтенанты.—Муравьевъ совершилъ нѣсколько отличныхъ военныхъ подвиговъ.

По взятіи Варшавы Государь опять разлучилъ насъ съ кн. Варшавскимъ: меня назначилъ начальникомъ 2-й уланской дивизіи въ Вознесенскъ, въ 1833 г.—командиромъ своднаго кавалерійскаго корпуса; а Муравьева,—начальникомъ дивизіи въ Житоміръ (кажется 7-й). И такъ, я былъ разлученъ съ фельдмаршаломъ до Венгерской войны 1849 г., но при всѣхъ выс — шихъ смотрахъ моего корпуса, съ 1835 по 1850 г., 2-го резервнаго кавалерійскаго въ Елисаветградѣ, князь Варшавскій все болѣе и болѣе сближался со мною, а въ Венгерскую войну совершенно примирился, забылъ ссору нашу и даже полюбилъ меня, что и осталось постояннымъ до смерти его. Муравьева же продолжалъ онъ не любить.

Въ 1833 г., когда египетскій паша возмутился противъ своего государя и шелъ взять Константинополь, Муравьевъ посланъ былъ съ подкрѣпленіемъ дивизіи генералъ-лейтенанта Отрощенки, которая расположилась на азіятскомъ берегу Босфора, убѣдить пашу къ покорности.

Муравьевъ исполнилъ съ особеннымъ успѣхомъ порученіе и остановилъ пашу за 12 переходовъ до Константинополя, за что и удостоился званія генералъ-адъютанта. Оставаясь нѣкоторое время съ дивизіею на Босфорѣ, онъ соорудилъ тамъ прекрасный памятникъ, выражающій наглядно могущество и славу Россіи.

Въ то же время былъ я посланъ со 2-ю бригадою моей дивизіи, подъ начальствомъ президента княжествъ генералъ-адъютанта Киселева, вести большой авангардъ ввѣреннаго ему корпуса, для немедленнаго занятія Балканъ, если-бы порученіе Муравьева не имѣло успѣха. Киселевъ со ввѣреннымъ ему корпусомъ долженъ былъ усиленнымъ маршемъ и безъ дневокъ предупредить пашу занятіемъ Константинополя.

Въ концѣ 1833, или въ началѣ 1834 года, Муравьевъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба арміи къ фельдмаршалу кн. Остенъ-Сакену. Они взаимно любили другъ друга, жили душа въ

Библиотека "Руниверс"

душу и любовь эта была основана на взаимномъ уваженіи и довѣренности.

Когда, въ 1837 году, князь Остенъ-Сакенъ умеръ, Муравьевъ былъ назначенъ командиромъ 5-го корпуса; но въ томъ же году государь Николай Павловичъ на произведенныхъ смотрахъ въ Николаевѣ и Крыму былъ чрезвычайно недоволенъ войсками, обошелся съ Муравьевымъ строго и на мѣсто его назначилъ генерала Лидерса.

Муравьевъ оскорбился до того, что пожертвовалъ высокимъ званіемъ генералъ-адъютанта и вышелъ въ отставку. Такъ прожилъ онъ до Венгерской войны 1849 года. Тогда онъ подалъ прошеніе о принятіи его вновь на службу, и, государю благоугодно было впослѣдствіи возвратить ему званіе генералъ-адъютанта и назначить командиромъ гренадерскаго корпуса, который расположился въ Царствѣ Польскомъ. И такъ, судьба вновь свела двухъ непріязненныхъ людей. Фельдмаршалъ кн. Паскевичъ былъ взволнованъ выраженіемъ столь лестнаго благоволенія, новыми успѣхами по службѣ Николая Николаевича Муравьева, и еще болѣе старался дѣлать ему служеніе тягостнымъ.

Когда я помирился съ фельдмаршаломъ, то онъ предложилъ мнѣ 3-й армейскій корпусъ на мѣсто графа Ридигера, просившаго увольненія отъ званія корпуснаго командира. Я, по приглашенію князя Варшавскаго, поѣхалъ съ нимъ въ Варшаву. Въ Скерневицахъ онъ надѣлъ парадную форму и въ Варшавѣ, въ бельведерѣ Лазенскаго сада, встрѣченъ былъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами Государемъ Цесаревичемъ—нынѣ царствующимъ Государемъ.

Принявъ отъ Цесаревича почетный рапортъ и поздравленіе съ блистательнымъ подвигомъ, фельдмаршалъ повернулся къ Муравьеву, сдѣлалъ ему смѣшную гримасу, и громко сказалъ: „А я съ Сакеномъ пріѣхалъ!“

II.

Послѣ изложеннаго вступленія, слѣдуя всегдашнему правилу моему—не излагать мыслей моихъ голословно, буду разрѣшать вопросы категорически:

Упомянувъ на стр. 600-й о порученіяхъ, возложенныхъ на Муравьева: а) Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ: посольство въ Хиву; б) посольство его къ турецкому султану и в) египетскому пашѣ, г. Берже пишетъ:

«Все это вмѣстѣ взятое, заставило въ Россіи смотрѣть на Муравьева, какъ на замѣчательный военный талантъ. Кромѣ того, онъ пользовался репутаціей

Библиотека "Руниверс"

строгаго, но справедливаго начальника, и въ-добавокъ человѣка не только образованнаго, но по тогдашнему—и ученаго, въ особенности же хорошаго оріенталиста.

Но не такъ смотрѣлъ на него Кавказъ: знакомый съ нимъ еще со времени командованія этимъ краемъ генерала Ермолова и графа Паскевича, онъ помнилъ лишь его педантическій суровый характеръ, а потому большая часть кавказцевъ ожидала со страхомъ и трепетомъ новаго намѣстника. Нашлись даже личности, которыя неотразимому вліянію именно этого чувства приписывали смерть начальника резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-лейтенанта Варпаховскаго, приключившуюся ему 25-го января 1855 г., въ Ставрополѣ, т. е. на другой день по прибытіи Муравьева въ этотъ городъ.

Вполнѣ успѣшное исполненіе посольствъ, требовавшее не военнаго таланта, какъ выражается авторъ, но знанія политическихъ наукъ,— говоритъ само за себя и разрѣшаетъ вопросъ.

Репутацію строгаго, но справедливаго начальника нельзя пріобрѣсти, не обладая этими качествами. По строгимъ законамъ логики иначе быть не можетъ.

Отецъ Муравьевыхъ: Николая, Михаила и Андрея Николаевичей,— Николай Николаевичъ, имѣя ограниченное состояніе—500 душъ въ Подмосковной, изъ горячей преданности къ Престолу и Отечеству, учредилъ на свой собственный счетъ школу колонновожатыхъ, которая потомъ была переведена въ Петербургъ, и вскорѣ закрыта. Покровитель ея, князь Волконскій, отдавалъ Муравьеву полную справедливость, съ увлеченіемъ выхваляя его геніальный умъ и глубокую ученость. Въ практическомъ отношеніи—инструментальной и глазомѣрной съемкѣ, въ сооруженіи укрѣпленій и въ артиллерійскомъ дѣлѣ, школа Муравьева превосходила школу князя Волконскаго. потому что Николай Николаевичъ цѣлое лѣто работалъ съ учениками своими, которыхъ любилъ и лелѣялъ какъ дѣтей своихъ. Очевидно, что они платили ему тѣмъ же. Я зналъ многихъ изъ нихъ, между прочимъ извѣстныхъ ученостію Бурцова и Данненберга. Всѣ они разсказывали мнѣ о счастливѣйшемъ времени ихъ жизни подъ сѣнію этой школы.

Имя Николая Николаевича Муравьева свѣтлыми чертами отмѣчено въ лѣтописяхъ Россіи. Едва-ли есть много подобныхъ личностей. Денегъ, при обладаніи состояніемъ, многіе не пожалѣютъ и съ радостію пожертвуютъ на пользу отечества; но жертвовать личнымъ трудомъ—на многіе десятки лѣтъ,—трудомъ, съ такою любовію и самоотверженіемъ, едва-ли всякій можетъ. Легче идти на картечь и штыки. Мыслимо-ли послѣ этого, что дѣти такого отца, которыхъ онъ признавалъ за однихъ изъ лучшихъ учениковъ своихъ, получили поверхностное образованіе?

Библиотека "Руниверс"

Смерть генерала Варпаховскаго. Не дерзаю испытывать судебъ Промысла. Ему одному извѣстна причина помянутой смерти.

Вечеромъ наканунѣ выѣзда изъ Думета, Н. Муравьевъ отправилъ курьера къ тифлисскому коменданту Ѳ. Ф. Роту съ приказаніемъ немедленно объявить войску въ городѣ о кончинѣ императора Николая. Письмо было доставлено за часъ до полуночи.

Наконецъ 1-го марта 1855 г. Муравьевъ имѣлъ въѣздъ въ Тифлисъ. За городскою чертою была устроена встрѣча. Генералъ Ротъ находился тутъ-же.

«Исполнили мое приказаніе»? спросилъ Муравьевъ.

— «Нѣтъ!» былъ отвѣтъ.

— «Почему?»

— «Потому, что я не рѣшился идти къ солдатамъ ночью, разбудить ихъ и объявить, что они лишились отца, которымъ они считали покойнаго государя. Вотъ, если-бы умерли вы, или я —это другое дѣло». Муравьевъ нахмурился и отошелъ.

Тифлисскій въ то время комендантъ, генералъ-маіоръ фонъ-Ротъ, нынѣ уволенный отъ службы генералъ-лейтенантъ, прославившійся геройскими подвигами, между прочимъ, защитою Ахтынскаго укрѣпленія. Личность замѣчательная по блистательной храбрости и уму.

Не могу одобрить окончанія отвѣта Ѳ. Ф. Рота.—Н. Н. Муравьевъ сдержанностію своею выразилъ много такта, и впослѣдствіи видно, что онъ оцѣнилъ Рота и возлагалъ на него порученія, требовавшія особенной довѣренности.

«Когда всѣ приглашенные собрались и я, въ числѣ прочихъ, подошелъ къ закускѣ, Муравьевъ спросилъ меня, въ какомъ университетѣ и по какому факультету я кончилъ курсъ.

— «Въ петербургскомъ», отвѣчалъ я; «по восточной словесности и затѣмъ довольно долго жилъ въ Персіи».

— «Ну, замѣтилъ онъ, не многому-же можно было научиться въ вашемъ университетѣ».

Слова эти затронули мое самолюбіе, но на этотъ разъ я смолчалъ.

Сѣли за столъ. Во время обѣда, Муравьевъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ: «Что значитъ слово négresse?

— «Негритянка», отвѣчалъ я, увѣренный, что дѣло идетъ о значеніи французскаго слова.

Муравьевъ улыбнулся и покачалъ головой, видимо неудовлетворенный отвѣтомъ.

Я понялъ въ чемъ дѣло и тутъ же продолжалъ:

— «Если мой отвѣтъ васъ не удовлетворилъ, то виноватъ отнюдь не я; вы вѣроятно имѣли въ виду значеніе арабскаго слова, т. е. nigris, въ переводѣ подагра, но въ этомъ случаѣ его слѣдовало произнести нѣсколько иначе. Впрочемъ, заключилъ я, вѣрное произношеніе словъ даннаго языка требуетъ извѣстнаго знанія и навыка».

Муравьевъ вспыхнулъ, замѣтивъ мнѣ, чтобы я не забывалъ съ кѣмъ говорю.

Я повиновался, довольный, что достигъ цѣли».

Библиотека "Руниверс"

За эту неумѣстную шутку Муравьевъ долженъ бы былъ отправить г. Берже на гауптвахту, но сдержанностію своею и законами гостепріимства Н. Н. выразилъ полную благовоспитанность.

Николай Николаевичъ превосходно велъ осаду Карса и поиски свои на Арзерумъ. Гарнизонъ былъ совершенно стѣсненъ бдительною блокадою и подвозъ продовольствія, въ коемъ ощущался большой недостатокъ, былъ перехватываемъ всегда неусыпными отрядами казаковъ, сновавшихъ неустанно вокругъ крѣпости. Муравьевъ, быстрымъ движеніемъ къ Карсу, засталъ Вилліамса врасплохъ.

Онъ могъ не штурмовать Карса; но всѣ генералы, начальники полковъ и батарей и войска желали и домогались приступа. Муравьеву трудно было не уступить общему стремленію.

Идти на пораженіе Омеръ-паши было невозможно по неимѣнію вовсе продовольствія, которое князь Мухранскій сжегъ въ Мингреліи; впрочемъ, жалкій Омеръ-паша самъ исчезъ.

Г. Берже пропустилъ молчаніемъ о томъ, что Николай Николаевичъ, пріѣхавъ на Кавказъ, собралъ тамъ 16 тыс. войскъ, не потребовавъ отъ казны ни денегъ, ни оружія, ни пороху, довольствуясь тѣмъ, что засталъ. Нравственнымъ вліяніемъ удержалъ Шамиля, пребывшаго въ бездѣйствіи въ горахъ во все время войны, когда малѣйшее предпріятіе его было бы для насъ пагубно.

Полковникъ князь Сергѣй Семеновичъ Урусовъ—одинъ изъ блистательныхъ героевъ Севастополя, былъ общій другъ мой и Муравьева Незадолго до смерти кн. Урусова, я узналъ отъ него и описалъ въ сочиненіи своемъ: „Очерки послѣдней Восточной войны“ предпріятіе, которое Муравьевъ намѣревался совершить послѣ взятія Карса—походъ чрезъ Анатолію въ Царьградъ, для чего все было подготовлено: всѣ главные анатолійскіе паши были въ тайныхъ съ нимъ сношеніяхъ, сдѣлали заговоръ противъ султана и покореніе Византіи было обезпечено.

Не думаю, чтобы Вилліамсъ сомнѣвался въ способностяхъ военачальства Николая Николаевича и винилъ его. Онъ дурно зналъ французскій языкъ, изъяснялся ошибочно, и вѣроятно въ Тифлисѣ не поняли его, и, по ненависти къ Муравьеву, рады были придраться, что-бы предположительно видѣть обвиненіе.

Вилліамсъ пріѣхалъ въ Петербургъ кажется наканунѣ парада 1-го мая 1856 года. Онъ былъ обласканъ Государемъ, почтившимъ въ немъ геройскую оборону Карса. По просьбѣ Вилліамса, во время парада, Муравьевъ представилъ его мнѣ, какъ сотоварищу, находившемуся въ одинакихъ съ нимъ обстоятельствахъ геройской обороны.

Библиотека "Руниверс"

Я съ удовольствіемъ видѣлъ взаимную ихъ искренность, радушіе, уваженіе и пріязненныя ихъ отношенія.

«Муравьевъ, хотя участвовалъ въ походахъ,—пишетъ г. Берже,—но никогда, нигдѣ и ничѣмъ не заявилъ своихъ военныхъ дарованій, не считая маневровъ и командованія отдѣльными частями войскъ внутри имперіи въ мирное время. Но все это скорѣе свидѣтельствовало о его теоритическихъ познаніяхъ, въ которыхъ ему нельзя и отказать. Когда-же дѣло дошло до войны, и ему пришлось стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, всѣ его дѣйствія и самый штурмъ Карса, какъ нельзя лучше доказали, что онъ былъ плохой практикъ».

Пунктъ этотъ ошибоченъ и несправедливъ въ высокой степени. Предъидущія опроверженія мои фактически доказали это.

Я не могу не замѣтить, что полное отсутствіе хронологіи, послѣдовательности, повтореніе одного и того же разными только оборотами фразъ, чрезвычайно затрудняетъ и утомляетъ критика. Я, какъ солдатъ, привыкшій къ систематическому порядку и точности, утомляю себя до крайности, втрое болѣе употребляя времени противъ того, сколько бы нужно было, и все-таки соболѣзную, не видя стройности въ изложеніи моихъ мыслей.

«Опредѣлить въ настоящее время успѣхи нашего оружія въ Азіятской Турціи, если-бы командованіе осталось за княземъ Бебутовымъ,—пишетъ г. Берже, трудно; но позволяемъ себѣ думать, что мы овладѣли бы Карсомъ—или безъ всякой потери, вынудивъ гарнизонъ блокадою сдаться, или же, взявъ крѣпость штурмомъ, чего не удалось Муравьеву, далеко не съ тѣми громадными пожертвованіями, какихъ это ему стоило. За это намъ ручается, сколько благоразумная осторожность князя Бебутова, столько же опытность его въ веденіи азіятской войны и податливость на всякій добрый совѣтъ, съ которымъ онъ соображалъ свои дѣйствія. Всего этого недоставало у Муравьева: онъ руководствовался единственно собственными соображеніями, и считая себя непогрѣшимымъ, пренебрегалъ мнѣніемъ людей, хотя и ниже его стоявшихъ въ служебной іерархіи, но болѣе его искусныхъ и опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ. Это самообольщеніе и привело его къ той печальной кровавой развязкѣ, которая была послѣдствіемъ Карскаго штурма».

Писатель долженъ обсуждать совершившіяся событія, а не предполагать, что могло бы совершиться, если-бы другой былъ на его мѣстѣ. Все это голословно и не подлежитъ критикѣ.

Во время управленія моего штабомъ кавказскаго корпуса, я возлагалъ на Муравьева порученія—требованія административныхъ способностей; и онъ всегда исполнялъ ихъ съ успѣхомъ.

Относительно голода въ Тифлисѣ и отсутствія у Муравьева административныхъ способностей.

Не могу согласиться съ авторомъ статьи; тутъ должны быть другія причины.

«Но чтобы снять съ себя всякое нареканіе въ субъективности нашего воззрѣнія на Муравьева—заключаетъ г. Берже: въ чемъ, безъ сомнѣнія, не замед-

Библиотека "Руниверс"

лили бы насъ упрекнуть его партизаны, считаемъ долгомъ оговориться, что мы разсматривали его исключительно съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля; внѣ службы, въ частной жизни онъ могъ быть и другимъ человѣкомъ—это тѣмъ болѣе возможно, что намъ самимъ случалось слышать благопріятные о немъ отзывы отъ людей, близко его знавшихъ».

Муравьевъ былъ примѣрный глава семейства, чему я былъ, какъ другъ, очевиднымъ свидѣтелемъ неоднократно при обѣихъ его женахъ. Первая жена его—Ахфердова—ангелъ доброты, и отъ нея милая дочь, которая послѣ замужества скоро умерла (мать предупредила ее), были до самой кончины счастливы. Я всегда радовался чистотѣ и миру, царствовавшимъ у нихъ.

Вторая жена его, рожденная графиня Чернышева, личность во всѣхъ отношеніяхъ симпатичная, замѣчательнаго ума и ангельской доброты, была вполнѣ счастлива. Николай Николаевичъ Муравьевъ благоговѣлъ передъ ней. Скоро послѣ ихъ свадьбы, во время управленія главнымъ штабомъ фельдмаршала князя Остенъ-Сакена, я гостилъ у нихъ въ Кіевѣ и сорадовался ихъ примѣрному счастію.

Графъ Дмитрій Остенъ-Сакенъ.

Примѣчаніе. Статья Ад. П. Берже о Н. Н. Муравьевѣ вызвала цѣлый рядъ замѣтокъ, опроверженій и дополненій. Давъ мѣсто ей, мы не могли отказать въ помѣщеніи возраженій, изъ которыхъ—статья маститаго ветерана (одного изъ немногихъ, оставшихся въ живыхъ отъ эпохи Александра I, генераловъ) гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, смѣемъ надѣяться, есть послѣдняя въ открывшейся цѣлой литературѣ о «Муравьевѣ Карскомъ».

Ред.

Библиотека "Руниверс"

Д. А. и А. Д. ГЕРШТЕНЦВЕЙГИ.

(Замѣтка по поводу разсказовъ о Польской смутѣ).

Въ „Русской Старинѣ“ (изд. 1874 г., т. XI, стр. 339—357) помѣщены разсказы очевидца о послѣдней польской смутѣ, въ которыхъ невѣрны свѣдѣнія въ отношеніи покойныхъ Александра Даниловича Герштенцвейга и его отца.

Очевидецъ говоритъ о послѣднемъ „это былъ Аракчеевецъ въ полномъ значеніи слова“ и поясняетъ свое выраженіе, обрисовывая уродливую фигуру архи-плацпарадника и ремешковаго генерала. Въ этомъ очеркѣ никто изъ служившихъ въ сводномъ кавалерійскомъ корпусѣ не узнаетъ своего почтеннаго корпуснаго командира.

Данила Александровичъ Герштенцвейгъ имѣлъ репутацію одного изъ самыхъ образованныхъ и боевыхъ офицеровъ своего времени. Командуя корпусомъ, онъ обыкновенно говаривалъ, что его дѣло не обучать части, но провѣрять ихъ служебныя познанія, и строго держался этому правилу, не допускающему мелочныхъ или ремешковыхъ служебныхъ требованій; видя какое-нибудь мелкое служебное упущеніе со стороны низшихъ чиновъ ввѣренныхъ ему войскъ, онъ даже никогда лично не дѣлалъ замѣчанія виновному, но, поставляя случай на видъ ближайшему начальнику, предоставлялъ ему распорядиться надлежащимъ образомъ.

Мнѣ, бывшему еще юнкеромъ, случилось на себѣ испытать примѣненіе этого правила, основаннаго на прямомъ смыслѣ закона разумной дисциплины и совмѣстнаго съ высокимъ положеніемъ корпуснаго командира. Покойный, встрѣтивъ меня на улицѣ не по формѣ одѣтаго, удовольствовался вопросомъ о фамиліи и эскадронѣ, въ которомъ я состоялъ. Въ первую минуту я полагалъ, что корпусный командиръ не замѣтилъ моей неисправности, но въ тотъ же вечеръ убѣдился въ противномъ. Невмѣшательство въ распоряженія ближай-

Библиотека "Руниверс"

шихъ начальниковъ доходило до того, что старикъ иногда по цѣлому часу простаивалъ, глядя издали на ученья расположенныхъ при корпусной квартирѣ частей, не подходя къ нимъ и лишь изрѣдка подзывая обучающихъ для выраженія своего мнѣнія.

Смотры, производимые нашимъ корпуснымъ командиромъ, никогда не длились болѣе часу; конныя, по истинѣ образцовыя, его ученья отличались замѣчательною быстротою, причемъ мелкія ошибки частей не исправлялись, но только указывались. Объ этихъ ошибкахъ наша братья, мелкій фронтовой людъ, обыкновенно узнавала только изъ приказовъ по корпусу.

Должно замѣтить, что Данила Александровичъ Герштенцвейгъ, а позднѣе бывшій его подчиненный, многоуважаемый баронъ Иванъ Петровичъ Оффенбергъ, первые изъ высокопоставленныхъ въ нашемъ войскѣ лицъ, старались объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія. Для доказательства скажу, что въ полку, въ которомъ я имѣлъ честь служить, одинъ эскадронный командиръ, по распоряженію Д. А. Герштенцвейга, въ 1847 г., лишился мѣста за нанесенные во время ученья удары по лицу нижнему чину. „Битьемъ не выучишь а испортишь“ сказалъ корпусный командиръ, собравъ къ себѣ по сему случаю эскадронныхъ командировъ полка. Спрашивается — похожъ-ли человѣкъ, поступавшій такимъ образомъ, на плацпарадника и ремешковаго генерала?

Каждый служившій въ сводномъ корпусѣ подтвердитъ, конечно, истину моихъ словъ.

Далѣе очевидецъ относительно Александра Даниловича Герштенцвейга говоритъ слѣдующее:

«Герштенцвейгъ сдѣлался дежурнымъ генераломъ и правою рукою Сухозанета. Съ этой минуты начинается его самостоятельная дѣятельность, выразившаяся преимущественно въ томъ, что предположенія коммисіи для улучшеній по военной части, (бывшей тогда подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Шаутина) находили въ немъ самаго неуступчиваго противника. Борьба была тѣмъ болѣе удобною, что всѣ доклады коммисіи восходили на высочайшее воззрѣніе черезъ военнаго министра, имѣвшаго возможность давать то или другое направленіе. Въ особенности проекты о военныхъ уставахъ кавалерійской академіи и юнкерскихъ школахъ нашли въ Герштенцвейгѣ самаго отъявленнаго недоброжелателя, простершаго свое упорство до того, что проектъ о юнкерскихъ школахъ, несмотря на высочайшее его утвержденіе въ главныхъ чертахъ 1-го мая 1856 года, оставался, какъ говорится, подъ сукномъ почти пять лѣтъ и приведенъ въ исполненіе послѣ отбытія Герштенцвейга изъ Петербурга въ Варшаву. Безъ сомнѣнія панегиристу Герштенцвейга были извѣстны его дѣйствія противу коммиссіи для улучшеній по части военной и графа Ламберта, какъ члена коммиссіи, о юнкерскихъ школахъ; иначе не рѣшился бы онъ на восхваленіе своего любимца...»

Библиотека "Руниверс"

Бывшій старшій адъютантъ при Александрѣ Даниловичѣ Герштенцвейгѣ по званію дежурнаго генерала главнаго штаба Его Величества, трудившись въ числѣ прочихъ сослуживцевъ по инспекторскому департаменту надъ составленіемъ положеній для кавалерійскаго офицерскаго училища и юнкерскихъ школъ, я смѣло скажу, что эти слова очевидца не справедливы.

Прежде всего замѣчу, что г. Бергъ могъ очень хорошо ознакомиться съ дѣятельностію дежурнаго генерала, потому что въ инспекторскомъ департаментѣ тогдашняго времени служили многіе товарищи г. Берга по службѣ его въ штабахъ южной и крымской армій. Затѣмъ скажу, что Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ горячо сочувствовалъ необходимости образованія не только офицеровъ, но и нижнихъ чиновъ нашей арміи; каждый изъ моихъ тогдашнихъ сослуживцевъ притомъ согласится со мною, что покойный былъ по своему характеру не въ состояніи оставлять какое-либо дѣло подъ сукномъ. Глубоко изучая каждый вопросъ, подвергающійся его обсужденію, стараясь выслушать мнѣніе каждаго хотя нѣсколько компетентнаго человѣка, бывшій дежурный генералъ, однажды выработавъ свое убѣжденіе, высказывался съ полною откровенностію. Подобный образъ дѣйствій возбудилъ въ свое время много неудовольствій и былъ причиною многихъ непріятностей, на что покойный не обращалъ вниманія.

Причины замедленія дѣлъ, о которыхъ говоритъ очевидецъ, были слѣдующія:

Вопросы о кавалерійской академіи и юнкерскихъ школахъ возникли въ 1856 г., тотчасъ послѣ окончанія тяжелой Восточной войны. Инспекторскій департаментъ былъ тогда буквально заваленъ работами по переустройству нашихъ войскъ; безпорядокъ въ большинствѣ ихъ частей былъ такъ великъ, что по спискамъ числилось до 50-ти т. человѣкъ (цѣлый корпусъ), неизвѣстно гдѣ находившихся. Въ каждомъ отдѣленіи департамента были сотни дѣлъ, болѣе или менѣе важныхъ, не рѣшенныхъ положительно за недосугомъ; поэтому только истинно даровитая и неутомимая личность, подобная Александру Даниловичу Герштенцвейгу, могла справиться со всѣми выпавшими на его долю трудами. Онъ работалъ положительно болѣе всѣхъ насъ, своихъ подчиненныхъ, и подавая намъ примѣръ словомъ и дѣломъ, съумѣлъ образовать многихъ замѣчательныхъ дѣятелей, не прибѣгая къ избитому пріему—усиленію наградъ.[1])

---

[1]) Чиновники инспекторскаго департамента при Александрѣ Даниловичѣ Герштенцвейгѣ,—работая болѣе, награждались менѣе чиновъ другихъ отдѣловъ военнаго министерства. Этотъ фактъ неоспоримъ. М. З.

Библиотека "Руниверс"

Мысль объ учрежденіи кавалерійской академіи не встрѣтила сочувствія между главными воинскими начальниками, которые были о томъ спрошены. Въ числѣ противниковъ этого учрежденія былъ и графъ Карлъ Карловичъ Ламбертъ, который въ запискѣ, находящейся въ подлежащемъ дѣлѣ бывшаго инспекторскаго департамента, выразилъ мнѣніе, что циклъ познаній кавалерійскаго офицера можетъ быть ограниченъ теоріями верховой ѣзды, ковки и свѣдѣніями о ветеринаріи. На основаніи упомянутыхъ мнѣній людей, считавшихся вполнѣ компетентными, было составлено къ концу 1857 г. положеніе для кавалерійскаго офицерскаго училища въ Елисаветградѣ, высочайше утвержденное въ началѣ 1858 г. Историческій ходъ дѣла съ изложеніемъ программы новаго заведенія болѣе широкой, нежели то желалъ графъ Ламбертъ, былъ мною напечатанъ въ „Военномъ Сборникѣ" за 1858г., по желанію Александра Даниловича Герштенцвейга, съ цѣлію вызвать замѣчанія читающихъ и образованныхъ военныхъ людей.

Проектъ положенія для юнкерскихъ школъ былъ составленъ къ концу 1858 г.; ранѣе не было возможности окончить этотъ трудъ при требованіяхъ относительно отчетливаго исполненія, которыми отличался Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ. Этотъ проектъ положенія былъ доложенъ мною лично, ровно семнадцать разъ покойному, и каждый разъ онъ читалъ его отъ первой до послѣдней строки, какъ, впрочемъ, всѣ бумаги, имъ подписываемыя; черновая тетрадь была буквально испещрена его поправками. Здѣсь замѣчу, что проектъ, составленный въ комитетѣ, въ которомъ, по словамъ очевидца, участвовалъ графъ Карлъ Ламбертъ, отличался своей неполнотою, вслѣдствіе малаго изученія вопроса. Помнится, что на основаніи этого проекта, въ школахъ полагалось имѣть 1,500 юнкеровъ и до 500 учителей, наставниковъ и наблюдателей, т. е. на трехъ обучающихся—одного наставника. Подобной несообразности не могъ допустить бывшій дежурный генералъ. Проектъ доклада по сему поводу, выработанный въ инспекторскомъ департаментѣ, посылался для прочтенія и на заключеніе ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ графу Ламберту; послѣдній вполнѣ былъ согласенъ съ дежурнымъ генераломъ относительно всѣхъ данныхъ этого вопроса. По окончаніи труда, военный министръ, въ виду тогдашняго состоянія финансовъ, не согласился на увеличеніе бюджета своего вѣдомства, на 500 т. руб., необходимыхъ для осуществленія дѣла. Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ не легко поддавался постороннему вліянію, не исключая вліянія своей правой руки; въ томъ смѣло могу увѣрить господина очевидца.

Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ былъ притомъ олицетво-

Библиотека "Руниверс"

реніемъ служебнаго долга, не допускающаго вліянія подчиненнаго на начальника. Въ этой особенности покойнаго заключалась причина чувствъ привязанности и глубокаго уваженія, которыя питалъ къ нему дѣйствительно Николай Онуфріевичъ Сухозанетъ, но не въ томъ, что Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ былъ сыномъ аракчеевскаго артиллериста. Мои слова въ этомъ отношеніи, конечно, подтвердитъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ бывшаго дежурнаго генерала, по вопросамъ о кавалерійской академіи и юнкерскихъ школахъ, Александръ Петровичъ Меркуловъ, нынѣ управляющій однимъ изъ акцизныхъ губернскихъ округовъ. Остается добавить, что вопросъ о юнкерскихъ школахъ былъ окончательно разрѣшенъ только въ 1864 г., т. е. черезъ три года по отбытіи Александра Даниловича Герштенцвейга въ Варшаву. Никто вѣроятно не рѣшится обвинить, основываясь на этомъ замедленіи, кого-либо изъ настоящихъ, главныхъ дѣятелей военнаго министерства въ несочувствіи къ образованію нашихъ офицеровъ.

Лучшее понятіе о воззрѣніяхъ Александра Даниловича Герштенцвейга на свои обязанности даетъ слѣдующій случай. Покойный обращался съ нами, ближайшими своими сотрудниками, совершенно дружески и въ случаѣ составленія хотя нѣсколько серьезнаго доклада, онъ собиралъ у себя для первоначальнаго обсужденія нѣсколько человѣкъ знакомыхъ съ основными данными дѣла. Однажды пришлось такимъ образомъ обсуждать докладъ весьма щекотливаго свойства; покойный желалъ выставить вопросъ какъ можно ярче и сильнѣе. Бывшій мой товарищъ А. Н. Аммосовъ замѣтилъ, что подобное направленіе дѣла усилитъ число личныхъ враговъ Александра Даниловича Герштенцвейга. Смыслъ отвѣта покойнаго заключался въ томъ, что личныя воззрѣнія несовмѣстимы со служебнымъ долгомъ и докладъ былъ составленъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ.

Только прямотою и откровенностью въ сужденіяхъ можно было заслужить вниманіе Александра Даниловича Герштенцвейга; это подтвердятъ всѣ служившіе подъ его начальствомъ. Приведу по сему поводу новый примѣръ. Одному вопросу было дано дежурнымъ генераломъ извѣстное направленіе; дѣло было весьма серьезнаго свойства и спѣшное; дѣлопроизводитель, не соглашаясь съ мнѣніемъ, положеннымъ въ основу труда, составилъ для доклада одинъ согласно данному указанію, а другой — болѣе сообразный съ духомъ законовъ. Съ этого времени, этотъ дѣлопроизводитель былъ однимъ изъ наиболѣе отличаемыхъ чиновниковъ департамента.

Бывшій дежурный генералъ отличался вообще необыкновеннымъ уваженіемъ къ закону. У меня долго хранилась черновая одного до-

Библиотека "Руниверс"

клада съ слѣдующими собственноручными помѣтками покойнаго на справкѣ, въ которой приводились подлежащіе законы: „не можетъ быть подобнаго закона“ а нѣсколько ниже сего, вслѣдствіе данныхъ объясненій, „исполнить по закону и представить объ отмѣнѣ послѣдняго въ законодательномъ порядкѣ.“

Дѣятельность Александра Даниловича Герштенцвейга, какъ дежурнаго генерала, не осталась безслѣдною. Государство, потерявши цвѣтъ своего населенія во время Восточной тяжелой войны, было избавлено вслѣдствіе разумныхъ распоряженій, въ теченіе 6-ти лѣтъ, отъ рекрутскихъ наборовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было совершено полное переустройство всѣхъ нашихъ регулярныхъ войскъ; составлены новые штаты и установленъ порядокъ призыва безсрочныхъ. Положеніе офицеровъ нашей арміи было улучшено цѣлымъ рядомъ различныхъ мѣропріятій; главныя изъ нихъ—учрежденіе эмеритальной кассы, увеличеніе отпуска квартирныхъ денегъ и вообще содержанія; къ уничтоженію тѣлеснаго наказанія было приступлено отмѣною этого наказанія въ отношеніи къ унтеръ-офицерамъ; общіе сроки службы для нижнихъ чиновъ были сокращены и т. д.

Промахи и ошибки—неизбѣжные спутники человѣческой дѣятельности; поэтому Александръ Даниловичъ Герштенцвейгъ естественно могъ ошибаться и, конечно, ошибался; онъ, быть можетъ, неправильно глядѣлъ на нѣкоторые вопросы, но каждый трудъ, въ которомъ онъ принималъ участіе, всегда отличался добросовѣстностію, глубокою прозорливостію и полнымъ отсутствіемъ себялюбія или неправильно понятаго самолюбія. Повторяю, онъ дорожилъ болѣе всего указаніемъ на допущенные промахи и ошибки и никогда не стыдился въ нихъ сознаться.

Смерть порвала всѣ его служебныя связи; лести и низкопоклонничеству не было уже мѣста передъ преждевременно раскрывшейся могилою; поэтому памятникъ, поставленный сослуживцами надъ прахомъ Александра Даниловича Герштенцвейга, говоритъ о немъ краснорѣчивѣе всѣхъ фразъ его порицателей.

Бывшій старшій адъютантъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба его величества

Михаилъ Золотаревъ.

Библиотека "Руниверс"

Ѳ. Н. ОБЕРЪ.

Изъ петербургскихъ воспоминаній 1840-хъ гг.

Въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. (т. XI, на стр. 303 — 314), помѣщенъ новый отрывокъ изъ „Воспоминаній“ В. А. Инсарскаго. Въ немъ говорится, между прочимъ, о бывшемъ начальникѣ С.-Петербургскаго театральнаго училища Оберѣ по поводу изслѣдованія, которое производилъ авторъ, въ 1853 году, по обвиненіямъ театральнаго вѣдомства въ безпорядкахъ, указанныхъ въ доносѣ, поданномъ г. министру двора какимъ-то отставленнымъ отъ службы мелкимъ чиновникомъ театральной дирекціи.

Почтенный авторъ „Воспоминаній“ говоритъ, что Оберъ былъ „знаменитъ тѣмъ, что онъ считался, какъ говорили, самымъ ловкимъ и усерднымъ устроителемъ отношеній театральныхъ воспитанницъ съ сильными міра сего“. Общее же впечатлѣніе, выносимое изъ чтенія его статьи, таково, что можно заключить, будто Оберъ дѣлалъ немаловажныя злоупотребленія по службѣ. Хотя авторъ прямо и не говоритъ этого и даже подтверждаетъ, что лично даже не видѣлъ никогда Обера, но общій колоритъ представленной имъ картины все-таки бросаетъ на послѣдняго неблагопріятный свѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ возбудить сомнѣнія и недоразумѣнія.

Знавши много лѣтъ Обера, котораго очень долгое время я видалъ, можно сказать, ежедневно, я позволяю себѣ высказать здѣсь истину объ этомъ, во всякомъ случаѣ, довольно замѣчательномъ человѣкѣ.

Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ (Aubert) былъ старшій сынъ той г-жи Оберъ, рожденной Шальме, которая много лѣтъ, и до самаго 1812 г., содержала въ Москвѣ, близь большой Дмитровки, знаменитый въ то время и обогатившій ее, магазинъ модъ и „новостей“ всякаго рода, и о которой нынѣшніе любители старины не разъ читали кое-что

Библиотека "Руниверс"

въ мемуарахъ, корреспонденціяхъ и документахъ, относящихся къ той эпохѣ и особенно къ нашествію на Москву французовъ. Во время этого погрома г-жа Оберъ-Шальме (такъ называлась она), осталась въ Москвѣ и признала Наполеоновское правительство. Она успѣла войти въ дружбу съ разными французскими генералами и знатными лицами, которые пировали у ней ежедневно („Русск. Арх.", 1864, изд. 2, стр. 790). Говорятъ, что мужъ ея, г. Оберъ, былъ пожалованъ Наполеономъ, по ея протекціи, въ московскіе плацъ-маіоры (Ibid); но изъ другихъ, болѣе достовѣрныхъ, источниковъ видно, что онъ еще ранѣе вступленія французовъ въ Москву былъ высланъ изъ нея Ростопчинымъ („Русск. Арх.", 1866, стр. 705). Если это послѣднее извѣстіе справедливо, то, конечно, Оберъ былъ въ числѣ 43 французовъ, высланныхъ имъ изъ столицы еще въ половинѣ августа („Слов. Бант.-Кам.", 1847, ч. III, стр. 134). Какъ бы то ни было, но видно, что г-жа Оберъ-Шальме, вѣроятно побоявшись остаться въ Москвѣ по оставленіи ея французами, отправилась оттуда вслѣдъ за арміей Наполеона („Русск. Арх.", 1872, стр. 2,431). Незадолго до того она письменно просила Наполеона возвратить изъ ссылки ея мужа и опредѣлить въ одинъ изъ французскихъ лицеевъ двухъ сыновей ея (Ѳедора и Лаврентія Николаевичей), присовокупляя къ тому, что разоряется въ конецъ, будучи вынуждена бросить въ Москвѣ имущество свое, цѣною слишкомъ на 500,000 франковъ. (Ibid., 1866, стр. 705 и 1872, стр. 2,431). Дѣйствительно Ростопчинъ, возвратившись въ Москву съ прочими городскими властями, нашелъ, естественнымъ образомъ, послѣ такого погрома, очень мало предметовъ для удобствъ ихъ жизни и даже необходимостей ея. Онъ разрѣшилъ своимъ подчиненнымъ брать изъ уцѣлѣвшаго магазина Оберъ-Шальме что имъ потребуется (Ibid., 1866, стр. 705, 709 и 729), а оберъ-полиціймейстеръ Ивашкинъ тамъ даже поселился. (Ibid., стр. 728). Такая безцеремонность многими строго осуждалась уже и тогда (Ibid., 1872, стр. 2,431), особенно въ виду слуха, будто было высочайше повелѣно продать ея товары въ пользу бѣдныхъ. (Ibid.). Если представить себѣ, что при такихъ распоряженіяхъ Ростопчина необходимо должна была въ то время господствовать въ Москвѣ и страшная неурядица вообще, то понятно, что все имущество г-жи Оберъ-Шальме должно было быть сполна разобрано, а затѣмъ и расхищено. Дальнѣйшихъ извѣстій о судьбѣ ея и ея мужа, а равно и о дѣтствѣ и юности двухъ сыновей ихъ я не знаю, или быть можетъ—не помню вовсе. Могу только сказать, что сыновья эти должны были, возмужавши, приняться за жизнь трудовую, лишившись всего достоянія, которое сулила имъ судьба въ ихъ младенчествѣ.

Библиотека "Руниверс"

Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ Москвѣ бывшій впослѣдствіи директоромъ императорскихъ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ. Наставникомъ при двухъ сыновьяхъ его, Михаилѣ и Степанѣ Александровичахъ, сдѣлался тогда Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ. Я сказалъ уже, что мнѣ неизвѣстно, гдѣ и какъ онъ получилъ самъ образованіе, но несомнѣнно то, что оно было самое солидное и многостороннее. Доказательствомъ тому служатъ его ученики, которые безспорно могутъ считаться въ числѣ самыхъ просвѣщенныхъ и даже ученыхъ людей своего поколѣнія; они получили самое разностороннее и прочное образованіе, начиная съ глубокихъ познаній въ классическихъ языкахъ. Старшій изъ нихъ, Михаилъ Александровичъ, состоявшій долгое время драматическимъ цензоромъ, а въ послѣдніе годы своей жизни служившій въ военномъ министерствѣ и умершій въ концѣ 1850-хъ годовъ, былъ большой домосѣдъ, рѣдко посѣщалъ свѣтъ и, ограничиваясь небольшимъ дружескимъ кругомъ, не былъ такъ извѣстенъ въ обществѣ, какъ младшій его братъ. Но знавшіе его, въ томъ числѣ и я, могутъ засвидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчали въ комъ-либо столько ума и познаній, какъ въ покойномъ. Младшій братъ его, Степанъ Александровичъ, нынѣшній директоръ императорскихъ театровъ и эрмитажа, кончившій въ 1885 году курсъ въ здѣшнемъ университетѣ кандидатомъ по историко-филологическому факультету, очень извѣстенъ и въ обществѣ, и въ литературѣ. Онъ авторъ драмы „Смерть Ляпунова“ (1846), чрезвычайно важнаго историческаго разсужденія: „Отрывки изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ“ (Прилож. къ 1 и 2 томамъ Записокъ Императорской Академіи Наукъ) и пр. Объ этомъ разсужденіи М. П. Погодинъ, бывшій еще въ Москвѣ его учителемъ исторіи, говорилъ мнѣ, что до появленія онаго, онъ безъ труда отвѣчалъ всегда на всѣ возраженія, какія дѣлались его теоріямъ о происхожденіи Руси, и что только положенія С. А. Гедеонова, по ихъ послѣдовательности и по ученой ихъ обстановкѣ, заставили его потрудиться не мало за отвѣтомъ на нихъ. Что касается до искусствъ и художествъ, то по всѣмъ отраслямъ ихъ признанъ авторитетъ С. А. Гедеонова, посвятившаго имъ замѣчательныя изслѣдованія и труды. Замѣчу кстати, что когда пріѣхалъ сюда Рубини и основалась здѣсь итальянская опера, то среди нелѣпицъ, наводнившихъ тогда нашу журналистику въ статьяхъ о музыкѣ, появилась однако превосходная, статья его (безъ подписи имени) „Рубини и итальянская музыка“ („Отеч. Зап.“, 1843, т. XXIX, отд. 2, стр. 33), объяснившая публикѣ и значеніе этой музыки, отъ которой у насъ тогда отвыкли, и качества величайшаго изъ пѣвцовъ нашего времени.

Библиотека "Руниверс"

Образованіе такихъ учениковъ, хотя бы усовершенствовавшихся и развившихся вполнѣ уже впослѣдствіи, лучше всего доказываетъ, что Ѳ. Н. Оберъ былъ человѣкъ съ выходящими изъ ряду познаніями и дарованіями.

Въ 1833 году, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ былъ назначенъ директоромъ петербургскихъ театровъ, на мѣсто князя Сергѣя Сергѣевича Гагарина („Русск. Арх.", 1870, стр. 1,557) и переселился съ семействомъ въ Петербургъ. Въ то же время переѣхалъ туда и Оберъ, получившій вскорѣ мѣсто преподавателя французскаго языка въ театральномъ училищѣ, а потомъ и его инспектора классовъ. Нечего говорить, что воспитанники и воспитанницы ученьемъ занимались тамъ мало; все время ихъ употреблялось на иныя, чисто театральныя, занятія, и Оберу не пришлось, конечно, сдѣлать улучшеній по этой части. Я говорилъ уже о немъ однажды печатно, по поводу относящагося къ этой эпохѣ эпизода, о нѣкотораго рода соперничествѣ его съ водевилистомъ А. И. Булгаковымъ, влюбленнымъ въ извѣстную красавицу, воспитанницу А. М. Степанову („Русск. Арх.", 1869, стр. 351). Можно себѣ представить, чему и какъ учились тогда въ училищѣ эти прелестныя феи, если вспомнить анекдотъ, ходившій долго по театральному міру,—будто эта самая А. М. Степанова, на выпускномъ экзаменѣ, на вопросъ: „какой самый большой городъ въ Европѣ?"—отвѣчала: „Азія!" Въ 1842 году Оберъ назначенъ былъ на мѣсто уволеннаго Дмитрія Яковлевича Ѳедорова (женатаго на прекрасной собою танцовщицѣ Монготье), управляющимъ театральнымъ училищемъ и занималъ эту должность до 1853 года. Вышедши въ отставку, Оберъ распродалъ свою очень замѣчательную библіотеку, служившую лучшимъ украшеніемъ квартиры его въ домѣ театральной дирекціи, и въ 1854 году уѣхалъ во Францію, гдѣ кажется года черезъ полтора или два и умеръ, о чемъ я узналъ въ Москвѣ, отъ А. М. Гедеонова. Младшій братъ его, Лаврентій Николаевичъ, служитъ нынѣ и уже издавна въ московской театральной дирекціи и очень любимъ въ Москвѣ за свои любезныя качества.

Знакомство мое съ Ѳ. Н. Оберомъ началось въ 1840 или 1841 году. Это былъ человѣкъ сорока съ небольшимъ лѣтъ, одѣтый по-стариковски, высокаго роста, широкоплечій, что называется „здоровенный", даже тучноватый; волосы его, уже съ просѣдью, были коротко острижены; небольшія бакенбарды окаймляли его умное, подвижное лицо съ крупными чертами, которыя при разговорѣ чрезвычайно оживлялись и мѣнялись, сообразно съ тѣмъ, какой характеръ принималъ этотъ разговоръ; густыя брови осѣняли золотые очки, сидѣвшіе довольно низко на носу, около котораго помѣстилось родимое пятно.

Библиотека "Руниверс"

Тѣлодвиженія его были медленны, но когда разговоръ оживлялся, то онъ предавался сильной жестикуляціи. Голосъ Обера былъ громкій, внятный, способный выражать всякіе оттѣнки мыслей и впечатлѣній. Говорилъ онъ по-французски въ высшей степени правильно, изящно и живописно, а по-русски—бѣгло, съ чистымъ выговоромъ, но нѣсколько книжно, дѣлалъ иногда промахи, употреблялъ иногда галицизмы, какъ обрусѣлый иностранецъ, и вставлялъ нерѣдко въ русскую рѣчь французскія слова и наоборотъ. Въ 1840 году онъ ѣздилъ въ Парижъ съ пріятелемъ своимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ („Рос. род. кн. кн. П. Долгор.", т. I, стр. 307, № 306), и едва-ли это былъ не единственный выѣздъ его изъ Россіи до отставки.

Разговоръ Обера былъ настоящій и постоянный фейерверкъ и надобно было изумляться тому, сколько расточалъ онъ ежедневно веселости, остроумія и разнороднѣйшихъ познаній въ своихъ бесѣдахъ. Новости городскія, политическія, открытія въ нѣкоторыхъ наукахъ и искусствахъ,—все занимало его, все служило предметомъ для его неистощимыхъ импровизацій, въ которыхъ онъ попеременно то смѣшилъ до слезъ, то заставлялъ внимательно слушать себя и удивляться множеству и разнообразію своихъ свѣдѣній, которыя излагалъ необыкновенно точно и ясно даже для людей совершенно незнакомыхъ съ предметомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ чуждъ сплетничанья, и я не помню, чтобы когда-нибудь произошло даже какое-либо недоразумѣніе отъ его нескромностей или пересказовъ.

Оберъ былъ однимъ изъ величайшихъ эпикурейцевъ, какого мнѣ случалось встрѣтить; онъ любилъ много и хорошо поѣсть, могъ пить чрезвычайно много, особенно любимое имъ и почти исключительно истреблявшееся много лѣтъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ „Bourgogne mousseux" изъ виноградниковъ „Jules Lausseure". Очень часто садясь за столъ, онъ принималъ комически-торжественный видъ и говорилъ: „Mes amis, mangeons bien, mangeons longtemps, surtout mangeons beaucoup et buvons encore plus". Но это „mangeons" и „buvons" не мѣшало ему быть душою застольной бесѣды; при немъ немыслимы были ни скука, ни апатія. Вечеромъ Оберъ любилъ играть въ карты по маленькой и особенно въ домино вчетверомъ, продолжая притомъ поддерживать живой разговоръ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, что Оберъ былъ дорогимъ и желаннымъ гостемъ въ кружкахъ, гдѣ любили удовольствіе стола и пріятную бесѣду. Такъ называемая французская колонія носила его на рукахъ; веселые театралы безъ него жить не могли, и онъ вполнѣ отдался этому заманчивому теченію жизни. Его, такъ-сказать, главная

Библиотека "Руниверс"

квартира была у Дюмѣ (на углу Малой Морской и Гороховой, въ домѣ Смурова, гдѣ теперь аптека), за „table d'hote", котораго сходилось къ обѣду множество умницъ и весельчаковъ, русскихъ и иностранцевъ, особенно французовъ, остававшихся тамъ нерѣдко до поздняго вечера, а иногда и до глубокой ночи.

Если сообразить условія тогдашняго (нынѣшнее мнѣ неизвѣстно) положенія театральнаго училища, при которыхъ ученье не могло въ немъ идти иначе, какъ крайне неуспѣшно, то можно себѣ легко вообразить, что не отъ Обера, при его лѣни и разсѣянномъ образѣ жизни, можно было ожидать иниціативы или попытокъ для улучшеній по этой части. Все шло по старому. Забавно, что въ учебной программѣ училища значились и разные серьезные предметы, напр. тамъ преподавали... кто бы подумалъ?..—„Древности"!! Помню, что разъ я спросилъ Обера, что̀ могъ передавать по этой части воспитанницамъ учитель этого предмета Александръ Петровичъ Алимпіевъ, глухой педагогъ, дававшій уроки русскаго языка во многихъ другихъ заведеніяхъ? „Ah, mon cher!" отвѣчалъ Оберъ; „je l'ignore absolument et m'en soucie encore moins" (любимое его выраженіе, которое называлъ онъ: „le superlatif des superlatifs"); „je crois qu' il vient leur parler quelquesfois du trie linium, du proscénium et d'autres choses que ces demoiselles n'entendent pas dutout". Вообще учебная часть въ училищѣ служила предметомъ частыхъ шутокъ и насмѣшекъ. Одно время Оберъ увѣрялъ, что воспитанница драматическаго класса Р. искупаетъ некрасивую свою наружность успѣхами и познаніями. Покойный Михаилъ Львовичъ Неваховичъ, не издававшій еще въ то время свой „Ералашъ", рисовалъ тогда свои каррикатуры красками на небольшихъ листкахъ и приносилъ ихъ вечеромъ въ театръ, гдѣ они ходили по рукамъ, къ крайнему безпокойству многихъ, имѣвшихъ основаніе опасаться: не ихъ-ли личность изображена на предательскомъ листкѣ, возбуждающемъ смѣхъ въ партерѣ. По поводу Р. и отзыва о ней Обера, Неваховичъ сейчасъ же пустилъ въ ходъ картинку: черномазая Р. стоитъ передъ Оберомъ, держащимъ въ рукѣ глобусъ. Внизу подпись: „Оберъ": Что̀ это такое? „*Р.*" „Это—капуста". Каррикатуристъ примѣнилъ тутъ къ случаю забавную сцену между П. А. Каратыгинымъ и покойнымъ Мартыновымъ въ бывшемъ тогда свѣжею новинкой водевилѣ перваго изъ нихъ „Школьный учитель". Оберъ, разумѣется, первый хохоталъ надъ этой шуткой.

Вообще Оберъ былъ самый плохой служака, не имѣлъ понятія о формахъ службы, скучалъ оставаться въ стѣнахъ училища и театральной дирекціи, бывалъ тамъ только ровно столько времени, сколько требовало наружное приличіе и при первой возможности кучеръ его

Библиотека "Руниверс"

Никита (такъ звалъ онъ его, ударяя на послѣдній слогъ), правя гнѣдымъ „Шестнадцатымъ“, (прозваннымъ такъ въ воспоминаніе памятнаго дня жизни его господина) уже везъ его куда нибудь подальше отъ Театральной улицы. Оберъ даже рѣдко посѣщалъ спектакли и являлся тамъ лишь на короткое время, хотя былъ знатокъ драматическаго искусства и даже немного „музыцировалъ“; онъ любилъ послѣ обѣда болтать, играя у Дюме въ домино вчетверомъ, „en partie liée, en jouant le rouble et demie et la bouteille de Bourgogne mousseux“, а не сидѣть въ душной театральной залѣ.

Вообще никто изъ служащихъ при театрѣ не былъ, я думаю, такъ чуждъ интересамъ, интригамъ, событіямъ театральнаго міра, какъ Оберъ, несмотря на то, что онъ двадцать лѣтъ въ немъ вращался. Сослуживцы не смотрѣли на него какъ на „своего“ и онъ всегда былъ далекъ отъ ихъ союза. Близко знакомъ онъ былъ развѣ только съ начальникомъ репертуарной части Александромъ Львовичемъ Невяховичемъ, имѣя съ нимъ общія знакомства и общественныя отношенія внѣ собственно театральнаго круга и съ нѣкоторыми французскими артистами. Какъ я сказалъ уже, Оберъ занимался тѣмъ, что происходило въ театральной сферѣ лишь настолько, насколько въ этомъ представлялось пищи для комическихъ или вообще оригинальныхъ разсказовъ. Съ подчиненными ему воспитанницами старался онъ имѣть какъ можно меньше сношеній и лишь изрѣдка отпускалъ мимоходомъ которой-нибудь изъ нихъ шутку или намекъ на счетъ ея обожателя. Охраной ихъ на репетиціяхъ, прогулкахъ, во время переѣздовъ между училищемъ и театромъ были его помощники, Александръ Андреевичъ Унгебауеръ, а въ самые послѣдніе годы — Аубель; самъ же Оберъ даже и не приближался никогда къ „линіямъ“, въ которыхъ возили воспитанницъ и которыя вереницей провожали многочисленные театралы.

Въ 1853 году, къ которому относится разсказъ В. А. Инсарскаго, сношенія мои съ театральнымъ міромъ были уже не прежнія, а довольно далекія и ограниченныя, а потому я и не могу ничего прибавить къ сообщеннымъ въ этомъ разсказѣ извѣстіямъ. Обера видѣлъ я тогда уже гораздо рѣже, а въ маѣ 1854 года я оставилъ совсѣмъ Петербургъ и въ Москвѣ, какъ уже сказалъ выше, узналъ о его кончинѣ во Франціи. Смерти его предшествовало сильное разстройство его еще недавно желѣзнаго здоровья,—едва ли не послѣдствіе разныхъ невзгодъ и огорченій, испытанныхъ имъ въ послѣднее время его пребыванія въ Россіи.

„И такъ, сами вы“, скажетъ мнѣ, быть можетъ, читатель, „признаете, что Оберъ былъ очень плохой чиновникъ и вообще служака;

Библиотека "Руниверс"

объ чемъ же и говорить, если вы свидѣтельствуете о томъ же, что подтверждаетъ В. А. Инсарскій?"

На это я могу отвѣчать, что я и не думаю отрицать того, что Оберъ былъ плохой чиновникъ, но хочу только, чтобы изъ чтенія статьи В. А. Инсарскаго кто-либо не могъ заключить „по недоразумѣнію", что Оберъ былъ чиновникъ любостяжательный, пользовавшійся казенными деньгами, и безчестный, служившій въ самомъ дѣлѣ любовнымъ Меркуріемъ при „сильныхъ міра сего".

Такое мнѣніе было бы крайне ошибочно, въ этомъ я увѣренъ не только по внутреннему убѣжденію, вынесенному изъ долголѣтняго знакомства съ Оберомъ, но и основываясь на тѣхъ фактахъ, которые я привелъ. Характеръ Обера, складъ его ума, привычки, образъ жизни, отношенія его къ сослуживцамъ и подчиненнымъ, словомъ все доказываетъ, что онъ даже не съумѣлъ бы (если бы только можно было допустить съ его стороны хотѣніе) заняться хищеніями или угодничествомъ относительно какихъ-либо безнравственныхъ отъ него требованій, да онъ и не имѣлъ бы на то достаточно времени. Для того и другаго ему нужно было бы прежде всего жить исключительно въ чисто-театральной сферѣ, а затѣмъ имѣть въ ней разныя постоянныя и тѣсныя связи съ тѣми, кто вращался въ ней, такъ или иначе „ex officio". Между тѣмъ, Оберъ опрометью убѣгалъ при первой возможности изъ театра, училища и дирекціи; держалъ себя далеко отъ лицъ, которыя населяли этотъ міръ, и его общественныя связи были преимущественно внѣ собственно театральнаго круга. Лѣнь, нерадѣніе, неумѣлость и происходящіе отъ того безпорядки,—все это я допускаю, когда рѣчь идетъ о службѣ Обера, но чтобы предположить, что онъ самъ дѣлалъ умышленныя злоупотребленія и занимался презрѣннымъ ремесломъ,—это я категорически отрицаю.

Я пишу не панегирикъ Оберу, самъ знаю, какіе были его недостатки и слабости, и не скрываю ихъ. Но, припоминая при случаѣ, насколько могу, давно прошедшее, я почелъ за долгъ совѣсти сказать истину и помянуть добромъ человѣка рѣдкаго по уму, просвѣщенію и общительности характера, съ которымъ провелъ я когда-то безчисленное множество пріятнѣйшихъ часовъ молодости и которому даже обязанъ тѣмъ, что въ бесѣдахъ съ нимъ узналъ въ свое время многое изъ запаса его свѣдѣній, дѣлавшихъ его живою энциклопедіею.

Михаилъ Лонгиновъ.

3-го октября 1874 г.

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Марія-Терезія Угрюмова.

въ 1782—1785 гг.

Изъ писемъ императрицы Екатерины II къ послу ея въ Варшавѣ графу Стакельбергу, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ",[1]) видно, что императрицу озабочивало нѣкоторое время дѣло Угрюмовой. Такъ, 27-го іюня 1785 года, она писала къ Стакельбергу, что „коронный гетманъ графъ Браницкій, намѣренъ будучи требовать, чтобы имя его было исключено изъ ненавистнаго дѣла извѣстной Угрюмовой, просилъ нашего въ пользу его старанія". Поэтому императрица поручала „исполненію и настоянію" графа Стакельберга, чтобы графъ Браницкій „въ прошеніи его получилъ надлежащее удовлетвореніе". Спустя слишкомъ годъ, 17-го іюля 1786 года, императрица сообщила графу Стакельбергу, что „римскій императоръ сдѣлалъ русскому двору увѣреніе о стараніи своемъ, дабы со стороны князя Чарторижскаго всякой подвигъ и безпокойство по ненавистному дѣлу Угрюмовой были отложены. Мы — продолжала, въ письмѣ своемъ Екатерина—поручаемъ вамъ употребить равныя попеченія, дабы и прочіе, кои считали бы себя замѣшанными, остались въ покоѣ". 28-го августа того же года императрица, въ письмѣ своемъ къ графу Стакельбергу, упоминала снова о „ненавистномъ" дѣлѣ Угрюмовой и о необходимости сношеній съ вѣнскимъ министерствомъ для того, чтобы князь Чарторижскій не возбуждалъ опять этого процесса.

Въ чемъ же заключалось это „ненавистное" дѣло, въ которомъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является женщина съ чисто-русскимъ фамильнымъ прозваніемъ, почему оно озабочивало императрицу

[1]) «Русская Старина», изд. 1871 г., т. III, стр. 475 и 477.

Библиотека "Руниверс"

и вызывало сношенія нашего двора съ вѣнскимъ? До сихъ поръ въ исторической нашей литературѣ не встрѣчается на счетъ этого удовлетворительныхъ объясненій. Въ четвертой тетради „Русскаго Архива“ за 1874 годъ помѣщены переведенныя съ польскаго „Записки Хршонщевскаго“,[1]) обнимающія собою періодъ времени съ 1770 по 1820 годъ. Въ этихъ „Запискахъ“ (стр. 927) авторъ ихъ передаетъ, что Игнатій Потоцкій дѣйствовалъ противъ короля со времени пресловутаго дѣла его съ англичанкою, приговоренною къ пожизненному заключенію въ Данцигѣ. Въ примѣчаніи къ этимъ строкамъ „Записокъ“ разсказывается вкратцѣ о „пресловутомъ“ дѣлѣ. Разсказъ этотъ основанъ, повидимому, на статьѣ, помѣщенной во „Всеобщей Энциклопедіи“ (Encyklopedija Powszechna), безъ указанія на то, какъ приходилось императрицѣ Екатеринѣ II смотрѣть на это, по выраженію ея, „ненавистное“ дѣло. Съ своей же стороны мы разскажемъ въ общихъ чертахъ о процессѣ Угрюмовой, надѣлавшемъ въ свое время не мало шуму не только въ Польшѣ, но и за границею, обративъ при этомъ вниманіе на то значеніе, какое оно могло имѣть въ глазахъ императрицы Екатерины. Замѣтимъ при этомъ, что если вглядѣться внимательно въ политическую, довольно запутанную обстановку дѣла Угрюмовой, то представится еще разъ умѣніе Екатерины относиться весьма искусно ко внутреннимъ дѣламъ Польши и оказывать на нихъ каждый разъ свое вліяніе сообразно взглядамъ и требованіямъ тогдашней нашей политики. Кромѣ того, дѣло Угрюмовой подтверждаетъ ту давнишнюю истину, что въ исторіи отъ малыхъ причинъ бываютъ иногда важныя послѣдствія. Такъ, въ настоящемъ случаѣ твердая политика Екатерины II, предрѣшавшая дальнѣйшую судьбу Польши, могла придти въ нѣкоторое замѣшательство отъ продѣлокъ авантюристки.

Со временъ Петра Великаго и въ особенности со времени вступленія на польскій престолъ Станислава-Августа Понятовскаго, русскіе военные отряды почти безвыходно оставались въ различныхъ мѣстностяхъ Рѣчи Посполитой. Въ одномъ изъ такихъ отрядовъ, неизвѣстно, впрочемъ, въ какомъ именно полку, находился на службѣ нѣкто маіоръ Угрюмовъ [2]) Отъ фамиліи его и получило названіе то

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что слѣдуетъ писать не Хршонщевскій (Chrząszczewski), а Хжонщевскій, потому что польскія буквы «rz» никогда не выговариваются какъ русскія «рж» или «рш», а произносятся какъ «ж». Ю. К.

[2]) Въ царствованіе Екатерины II жилъ купецъ и фабрикантъ Угрюмовъ, пожалованный, въ 1766 году, въ чинъ коллежскаго ассесора. У насъ существовалъ въ старину, сохранившійся, впрочемъ, еще и донынѣ, обычай — переводить наши гражданскіе чины на военные, соотвѣтственно классамъ тѣхъ и другихъ. Въ Польшѣ установился тотъ же обычай относительно русскихъ чи-

Библиотека "Руниверс"

дѣло, о которомъ идетъ теперь рѣчь, такъ какъ жена его явилась главною участницею въ этомъ загадочномъ дѣлѣ. Настоящее происхожденіе маіорши Угрюмовой остается неизвѣстно, потому, что относительно этого судьи не собрали никакихъ положительныхъ свѣдѣній. По нѣкоторымъ же обстоятельствамъ приходится заключить, что она была родомъ изъ Голландіи и пріѣхала въ Варшаву еще въ первыхъ годахъ царствованія Станислава-Августа, гдѣ и жила въ совершенной безвѣстности до своего процесса. Фамилія ея по отцу была де-Нери, хотя она, какъ мы увидимъ, присвоивала себѣ другую родовую фамилію.[1]) Первый ея мужъ назывался Леклеркъ. Изъ процесса Угрюмовой видно, между прочимъ, что она вела разгульную и кочевую жизнь. Она побывала и въ Венеціи, и въ Берлинѣ, и въ Гамбургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ, и, по словамъ ея обвинителя, всѣ эти города свидѣтельствовали объ ея безнравственности: всюду оставляла она по себѣ слѣды глубокаго разврата, которому не было ни начала, ни конца. Въ обвинительной противъ нея рѣчи упоминалось также, что одного изъ своихъ мужей,—должно быть Леклерка—она подвела въ Брюжѣ подъ висѣлицу и что одинъ изъ ея любовниковъ былъ убитъ въ Гамбургѣ, при чемъ намекалось на участіе Угрюмовой въ этомъ убійствѣ. По словамъ же адвоката, старавшагося сообразно съ ходомъ судебнаго процесса—поднять нравственный кредитъ Угрюмовой, она была робкая женщина, увлекавшаяся только удовольствіями молодости, такъ что даже самое придирчивое злословіе приписывало ей лишь такія ошибки и заблужденія, которыя можно извинить слабостію ея пола и участниками въ которыхъ были постоянно мужчины. Нѣкоторыя же неблаговидныя продѣлки и хитрости Угрюмовой онъ объяснялъ затруднительностію матеріальнаго ея положенія, но не нравственною ея испорченностію. Какъ бы впро-

---

новъ и тамъ онъ удерживался до послѣдняго времени еще сильнѣе, нежели у насъ. Такимъ образомъ и коллежскій ассесоръ Угрюмовъ могъ, соотвѣтственно своему гражданскому чину, именоваться маіоромъ. О немъ, какъ о живомъ лицѣ, упоминается еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но едва-ли можно допустить, чтобы онъ былъ мужемъ авантюристки Угрюмовой, хотя по роду своихъ занятій (онъ занимался, между прочимъ, подрядами и поставками) этотъ Угрюмовъ и могъ бывать въ Польшѣ, но тогда было бы трудно объяснить стѣсненное въ денежномъ отношеніи положеніе жены его, какъ жены человѣка не только достаточнаго, но и богатаго. Впрочемъ, сама по себѣ личность маіора Угрюмова не представляетъ настолько важности, чтобы сдѣлаться предметомъ особыхъ изысканій. Е. К.

[1]) Около этого времени одинъ изъ польскихъ магнатовъ, Михаилъ Огинскій, былъ женатъ на дѣвицѣ де-Нери, но не извѣстно была-ли здѣсь какая нибудь родственная связь или только случайное сходство фамилій. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

чемъ то ни было, но во всякомъ случаѣ Угрюмова оказывается искательницею приключеній, неразборчивою на средства, которыя она искала не только въ обыденной жизни, но и въ политической сферѣ.

Обстоятельства же дѣла, называемаго императрицею Екатериною „ненавистнымъ", заключались въ слѣдующемъ:

Въ 1782 году къ одному изъ первыхъ польскихъ вельможъ, коронному стольнику, графу Августу Мошинскому, явилась въ Варшавѣ Угрюмова, жена офицера русской службы, и заявила графу, что она нарочно пріѣхала въ Варшаву съ тѣмъ, чтобы предостеречь отъ угрожающей ему опасности. При этомъ Угрюмова сказала, что у нея есть чрезвычайно важная тайна, которую она можетъ сообщить только самому королю, почему и настаивала на томъ, что ей необходимо видѣться лично съ его величествомъ. Графъ Мошинскій убѣждалъ Угрюмову, чтобы она предварительно передала ему эту тайну, и Угрюмова, только послѣ упорныхъ и неоднократныхъ отказовъ, рѣшилась на это. Тогда она сообщила Мошинскому, что противъ короля составляется заговоръ. Послѣ этого король согласился видѣть Угрюмову и встрѣтился съ нею у Мошинскаго, но не могъ добиться отъ нея ничего опредѣленнаго. Станиславъ-Августъ усомнился въ вѣрности доноса, сдѣланнаго Угрюмовой, но тѣмъ не менѣе приказалъ выдать ей 50 дукатовъ. Угрюмова отказалась отъ этой награды, заявивъ, что она рѣшительно ни въ чемъ не нуждается, но король настоялъ на принятіи назначенной ей суммы. Какъ на главныхъ заговорщиковъ, Угрюмова указала тогда на великаго гетмана графа Ксаверія Браницкаго, на отставнаго литовскаго подскарбія Тизенгауза и на извѣстнаго въ свое время богача-пройдоху графа Понинскаго. Лица эти вообще, а изъ нихъ въ особенности великій гетманъ, считались сторонниками Екатерины и это обстоятельство при тогдашнемъ настроеніи умовъ въ Польшѣ и при положеніи, занятомъ магнатскими партіями, а также вслѣдствіе разсказа Угрюмовой о томъ, что о составлявшемся противъ короля заговорѣ она узнала въ Петербургѣ, должны были произвести не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе на Екатерину.

По прошествіи нѣкотораго времени Угрюмова сообщила Мошинскому, что ей для открытія заговора необходимо ѣхать въ Литву, въ мѣстечко Ораны, а также въ Пулавы, почему и просила выдать ей на путевыя издержки 200 дукатовъ. Потому-ли что Станиславъ-Августъ не слишкомъ вѣрилъ доносу Угрюмовой или, что вѣроятнѣе, по неимѣнію имъ въ то время денегъ, Угрюмовой было отказано въ выдачѣ просимой ею суммы. Тогда она отстала отъ короля и все дѣло само собою заглохло, такъ какъ со стороны Станислава-Августа ему не было дано никакого хода.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1784 году, передъ отъѣздомъ короля на сеймъ въ Гродно, Угрюмова отправилась туда же. Тамъ явилась она къ королевскому камердинеру, старостѣ Пясоченскому, Рыксу, пользовавшемуся особенною любовью и полнымъ довѣріемъ Станислава-Августа, и передала Рыксу, что генералъ земель Подольскихъ, князь Адамъ Чарторижскій участвуетъ въ заговорѣ противъ короля.[1]) Рыксъ доложилъ объ этомъ королю, но король, помня, что онъ имѣлъ уже однажды дѣло съ Угрюмовой, не обратилъ на новый ея доносъ никакого вниманія. Тѣмъ не менѣе преданный королю Рыксъ посмотрѣлъ на это иначе и свелъ Угрюмову съ генераломъ Комажевскимъ, однимъ изъ первыхъ любимцевъ Станислава-Августа. Угрюмова сообщила Комажевскому, что заговорщики сперва хотѣли отравить короля, а теперь хотятъ убить его гдѣ случится, на улицѣ, въ костелѣ или на сеймѣ. Для удостовѣренія же въ справедливости своихъ показаній, Угрюмова сказала Комажевскому, что она любовница подскарбія Тизенгауза, у котораго и вывѣдала случайно о составляющемся противъ короля заговорѣ.

Слухъ о злоумышленіи князя Адама Чарторижскаго противъ Станислава-Августа не могъ не встревожить императрицу Екатерину, но не по той причинѣ, по которой ей это было бы непріятно узнать объ участіи гетмана Браницкаго въ заговорѣ противъ короля. Екатерина постоянно видѣла въ князѣ Адамѣ Чарторижскомъ соперника опаснаго для Понятовскаго, посаженнаго ею на королевскій престолъ; да и вообще партію князя Адама Чарторижскаго императрица Екатерина считала вредною для интересовъ русской политики въ Польшѣ. Еще въ 1783 году, когда Екатерина узнала, что принцъ Людвигъ Виртембергскій располагаетъ жениться на дочери Чарторижскаго, княжнѣ Маріи, она выразила родственникамъ принца свое неудовольствіе относительно предстоящаго брака, но когда свадьба эта состоялась даже безъ вѣдома императрицы, то подозрѣніе ея на счетъ замысловъ Чарторижскаго усилились еще болѣе. Выговаривая Стакельбергу за то, что онъ не донесъ ей своевременно о состоявшемся супружествѣ принца съ княжною, Екатерина предписывала ему, чтобы онъ, наблюдая за всѣми поступками князя Чарторижскаго и его родственниковъ или „согласниковъ“, „старался отвратить всякое дѣйствіе, которое могло бы только клониться къ проложенію дороги ему,

[1]) Званіе старосты пользовалось въ Польшѣ большимъ почетомъ. Старосты владѣли значительными помѣстьями, данными имъ отъ короля въ пожизненное владѣніе. Генераломъ земель подольскихъ именовался сановникъ, владѣвшій двумя старостствами: Каменецкимъ и Летичевскимъ. По присоединеніи Подоліи къ Россіи, старостства эти были пожалованы въ потомственное владѣніе графу Моркову. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

или новобрачному, къ выбору на польскій престолъ, въ случаѣ ваканціи онаго, ибо то — добавляла Екатерина — отнюдь не согласуетъ съ видами моими".[1])

Между тѣмъ смерть Понятовскаго отъ даннаго ему яда, т. е. такая смерть, которая не обнаружила бы тайнаго убійцы, открывала бы ваканцію на польскомъ престолѣ, и тогда легко могло бы осуществиться то, что было несогласно съ видами императрицы. Поэтому вѣсть о злоумышленіи князя Адама Чарторижскаго на жизнь короля и должна была бы быть принята Екатериною, какъ предвѣстіе тайныхъ его происковъ во вредъ Станиславу-Августу. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что съ перваго раза доносъ Угрюмовой на Чарторижскаго прошелъ по Польшѣ только глухою молвою, не вызвавъ никакихъ особыхъ тревогъ. Съ своей стороны Рыксъ и Комажевскій поручили полковнику Азулевичу тщательно охранять особу короля отъ всякаго покушенія на его жизнь, но гродненскій сеймъ миновалъ благополучно. Вскорѣ, однако, дѣло приняло иной оборотъ, который, въ свою очередь, тоже встревожилъ Екатерину.

Объ участіи князя Чарторижскаго въ заговорѣ противъ короля Угрюмова сообщала Рыксу и Комажевскому въ октябрѣ 1784 года, а затѣмъ, 11-го января слѣдующаго 1785 года, къ князю Адаму явился проживавшій въ Варшавѣ англійскій негоціантъ Тейлоръ и предупредилъ князя, что у него есть опасные враги, задумавшіе отравить его ядомъ, и для того, чтобъ Чарторижскій могъ убѣдиться въ справедливости этого, Тейлоръ пригласилъ князя къ себѣ вечеромъ, обѣщая познакомить его съ одной особой, которая можетъ открыть ему всѣ подробности этого злоумышленія. Князь Чарторижскій повѣрилъ разсказу Тейлора и, взявъ съ собою надворнаго литовскаго маршала Игнатія Потоцкаго, женатаго на его племянницѣ, отправился къ Тейлору, у котораго и встрѣтился съ Угрюмовой. Угрюмова разсказала Тейлору, что нѣсколько дней тому назадъ старо́ста Рыксъ и генералъ Комажевскій пріѣхали къ ней и послѣ разговора, показавшагося ей довольно страннымъ, спросили ее, готова-ли она будетъ исполнить то, чего они отъ нея потребуютъ? Когда же Угрюмова положительно отвѣтила на это, то Комажевскій предложилъ ей, чтобы она дала проглотить Чарторижскому то, что находилось въ бумажкѣ, лежавшей у него, Комажевскаго, въ карманѣ, а Рыксъ предложилъ ей заманить Чарторижскаго въ любовныя сѣти и затѣмъ, когда князь, поддавшись ея искушеніямъ, останется у нея ночевать, заколоть его кинжаломъ. Угрюмова, какъ разсказывала она князю, согласилась

[1]) «Русская Старина», изд. 1871 г., т. III, стр. 324 и 325.

Библиотека "Руниверс"

на это предложеніе, но, боясь послѣдствій, да и не желая быть убійцею, рѣшилась передать объ этомъ, сдѣланномъ ей, подговорѣ самому князю. Чарторижскій нѣсколько усомнился въ достовѣрности этого разсказа и предложилъ Угрюмовой отъ себя 200 дукатовъ, если она отречется отъ своего разсказа. При этомъ князь разсчитывалъ на то, что если все разсказанное Угрюмовою только собственная ея выдумка, то ей, стѣсненной въ ту пору въ денежныхъ дѣлахъ, будетъ гораздо выгоднѣе получить тотчасъ же довольно значительную сумму, нежели пускаться въ спекуляцію, успѣхъ которой для нея не вполнѣ обезпеченъ. Но Угрюмова подтвердила свой разсказъ, и тогда князь окончательно убѣдился въ справедливости ея сообщенія. Онъ потребовалъ отъ нея письменнаго заявленія, относительно всего разсказаннаго ею, и Угрюмова при немъ и Тейлорѣ написала собственноручно требуемое Чарторижскимъ заявленіе, добавивъ къ этому на письмѣ же, что Комажевскій, подговаривая ее отравить Чарторижскаго, сказалъ, между прочимъ, чтобъ она въ этомъ случаѣ смотрѣла на него, Комажевскаго, какъ на самаго короля. Подъ этимъ заявленіемъ Угрюмова подписалась: „Марія-Тереза, маіорша д'Огрюмова, рожденная баронесса фонъ-Лаутенбургъ“.[1])

Получивъ въ руки упомянутое заявленіе, Чарторижскій предложилъ маіоршѣ, чтобъ она пригласила къ себѣ запиской Рыкса, а между тѣмъ братъ Игнатія Потоцкаго, Станиславъ, и Тейлоръ должны были засѣсть въ сосѣдней комнатѣ въ засадѣ и подслушать разговоръ, который будетъ происходить между Угрюмовой и Рыксомъ. Планъ этотъ былъ исполненъ, и когда Рыксъ пришелъ къ Угрюмовой, то она въ заведенномъ ею съ нимъ разговорѣ спросила его: „желаетъ-ли онъ, чтобъ она отравила Чарторижскаго“, на этотъ вопросъ Рыксъ радостно отвѣчалъ: „браво, браво!“ Тогда Потоцкій и Тейлоръ вышли съ пистолетами изъ-за засады, схватили Рыкса и самовольно, безъ участія властей, арестовавъ и его и Угрюмову, отправили эту послѣднюю въ домъ маршальши княгини Любомірской, которая обходилась съ нею чрезвычайно ласково и даже подарила ей 500 дукатовъ. По сообщеніи же Потоцкаго о злоумышленіи Комажевскаго, генералъ былъ

---

[1]) Въ примѣчаніи, находящемся въ статьѣ, о которой мы уже упоминали, говорится, на основаніи только польскихъ источниковъ, что фамилія доносчицы должна быть Угрюмова, но въ виду писемъ императрицы Екатерины фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. По всей вѣроятности, Угрюмова, подписываясь по-французски, прибавляла къ своей русской фамиліи дворянскую частичку «де», отчего и выходило d'Ugrumow, а затѣмъ фамилія эта обратилась въ Dogrumow, такъ какъ такое ея произношеніе болѣе подходитъ къ польскому выговору. Е. К.

Библиотека "Руниверс"

арестованъ великимъ маршаломъ Мнишкомъ въ театрѣ, гдѣ онъ сидѣлъ тогда въ королевской ложѣ. Такимъ образомъ дѣло это съ самаго начала получило громкую огласку и вѣсть о случившемся разнеслась быстро по всей Польшѣ. Между тѣмъ Чарторижскій, основываясь на письменномъ заявленіи Угрюмовой, а также на свидѣтельскихъ показаніяхъ Станислава Потоцкаго и Вильгельма Тейлора, началъ уголовный процессъ противъ Рыкса и Комажевскаго, обвиняя ихъ въ намѣреніи отравить его. Поступая такимъ образомъ противъ первыхъ любимцевъ Станислава-Августа и самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ, Чарторижскій, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ прежде всего въ виду надѣлать не мало хлопотъ и непріятностей самому королю, замѣшанному, заявленіемъ Комажевскаго, до нѣкоторой степени въ это уголовное дѣло.

Если по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя мы привели выше, заговоръ графа Браницкаго и князя Чарторижскаго противъ Понятовскаго долженъ былъ произвести на Екатерину непріятное впечатлѣніе, то тѣмъ болѣе долженъ былъ встревожить ее тотъ оборотъ, какой принимало настоящее дѣло послѣ новаго заявленія Угрюмовой. Теперь король Станиславъ-Августъ, покровительствуемый императрицею, являлся въ глазахъ поляковъ и даже всей Европы гнуснымъ посягателемъ на жизнь своего двоюроднаго брата, подозрѣваемаго въ тайныхъ ковахъ. Чарторижскій съ своей стороны написалъ королю рѣзкое, укорительное письмо, уѣхалъ изъ Варшавы и даже вовсе оставивъ Польшу, отправился въ Вѣну и тамъ вступилъ въ службу римско-нѣмецкаго императора. Этимъ отъѣздомъ и объясняются сношенія русскаго двора съ вѣнскимъ относительно „подвиговъ“ Чарторижскаго по „ненавистному“ дѣлу Угрюмовой. Екатерина разсчитывала на то, что императоръ, оказавшій особенное благоволеніе князю Чарторижскому, можетъ сильнѣе другихъ повліять на него и отговорить его отъ возбужденія вновь процесса Угрюмовой, въ которомъ король являлся лицомъ, прикосновеннымъ къ дѣлу. Между тѣмъ враги Станислава-Августа не замедлили тотчасъ же направить противъ него это дѣло. Они объясняли, что такъ какъ прежде ходили слухи о томъ, будто Чарторижскій составляетъ заговоръ противъ короля, то теперь король съ своей стороны, чтобъ отдѣлаться отъ Чарторижскаго, задумалъ поднести ему отраву при содѣйствіи Угрюмовой. Въ одной изъ многочисленныхъ брошюръ, явившихся вскорѣ послѣ начатія дѣла Угрюмовой, король прямо былъ обвиняемъ въ намѣреніи отравить Чарторижскаго, при чемъ упоминалось, что онъ еще и прежде пользовался подобными злодѣйскими услугами Угрюмовой, и что ею было уже изведено посредствомъ отравы шестнадцать раз-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ лицъ, которыя и высчитывались въ брошюрѣ поимянно. Такимъ образомъ дѣло Угрюмовой приняло политическій характеръ и Екатерина могла предусматривать, что въ Рѣчи Посполитой завязывается сильная борьба между партіею короля, согласовавшагося съ видами императрицы, и партіею князя Адама Чарторижскаго, отличившагося совершенно инымъ направленіемъ. Екатерина не могла не предвидѣть, что страшное обвиненіе, поднятое Чарторижскимъ, не только противъ людей, приближенныхъ къ Станиславу-Августу, но и противъ него самого, неминуемо взволнуетъ всю Польшу, политическая жизнь которой, хотя и слишкомъ бурная, была, однако, чужда до тѣхъ поръ тайнаго изведенія личностей, опасныхъ правительству. Императрица не могла не подумать о томъ, что Чарторижскій явится теперь въ глазахъ магнатовъ и шляхты жертвою, обреченною на смерть, за образъ своихъ дѣйствій, клонившихся къ тому, чтобы разстроить замыслы русской политики въ Польшѣ и поддержать независимость Рѣчи Посполитой отъ вліянія на нее со стороны Россіи. Зная настроеніе умовъ въ Польшѣ, Екатерина могла предполагать, что Станиславъ-Августъ, вслѣдствіе процесса Угрюмовой, можетъ пошатнуться на своемъ и такъ уже не слишкомъ прочномъ престолѣ и что тогда если и не исчезнутъ, то все-таки замедлятъ созрѣть результаты долголѣтней русской политики въ Польшѣ. Дѣйствительно, когда разнеслась вѣсть о посягательствѣ короля на жизнь князя Чарторижскаго, вся Польша пришла въ бурное движеніе и движеніе это, конечно, не было направлено въ пользу Россіи.

Если вообще подобнаго рода поступокъ долженъ былъ набросить тѣнь на королевское достоинство, то онъ въ отношеніи къ Чарторижскому принималъ особое значеніе. Князь Адамъ Чарторижскій, и по рожденію, и по богатству, и по близкой кровной связи съ королемъ, занималъ въ Польшѣ едва-ли не самое видное мѣсто. Родня его, еще съ самаго его дѣтства, предназначала князя Адама въ короли польскіе, и въ прежнее время, по внушенію ея, молодой Чарторижскій ѣздилъ довольно часто въ Петербургъ, чтобъ снискать тамъ себѣ расположеніе императрицы Елисаветы Петровны, политика которой не представляла для Польши никакой серьезной опасности. Петръ III-й оказывалъ князю Чарторижскому особенную благосклонность и, не долюбливая по извѣстнымъ ему обстоятельствамъ Понятовскаго, желалъ видѣть королемъ польскимъ Чарторижскаго, и даже обѣщалъ ему свое содѣйствіе для достиженія польскаго престола въ случаѣ смерти короля Августа III. Понявъ къ чему клонится политика императрицы Екатерины въ отношеніи Польши, князь Чарторижскій прекратилъ впослѣдствіи всякую связь съ петербургскимъ дворомъ и,

Библиотека "Руниверс"

явившись представителемъ старой Польши и противникомъ русскаго вліянія на дѣла Рѣчи Посполитой, пользовался поэтому среди польскихъ патріотовъ огромнымъ вліяніемъ. Все это не могло располагать Екатерину въ пользу Чарторижскаго, котораго процессъ Угрюмовой выдвигалъ теперь на слишкомъ видное мѣсто, какъ жертву королевскаго коварства, и который для своей поддержки былъ въ состояніи выставить сильную и многочисленную партію, враждебно настроенную противъ Россіи.

Съ юридической точки зрѣнія судебный процессъ Угрюмовой чрезвычайно замѣчателенъ [1]) для того времени: онъ былъ веденъ гласно, при участіи обвинительной власти, защитниковъ Рыкса и Комажевскаго и Угрюмовой, какъ обвиняемыхъ, и адвоката со стороны князя Чарторижскаго, какъ главнаго обвинителя. Рѣчи участвовавшихъ въ судебномъ засѣданіи лицъ отличаются превосходною обработкою слога и утонченностію доводовъ и со стороны обвинителей и со стороны защитниковъ, но такъ какъ все это не составляетъ предмета, подходящаго къ „Русской Старинѣ", то мы и не будемъ останавливаться на подробностяхъ этого процесса. Скажемъ только, что защитники Рыкса и Комажевскаго доказывали, что никакого злаго умысла на жизнь Чарторижскаго не было; они ссылались и на то, что Станиславъ Потоцкій и Тейлоръ придали подслушеннымъ ими словамъ Рыкса и Угрюмовой такой смыслъ, какого они вовсе не имѣли и наконецъ защитники обвиняемыхъ вовсе отвергли, на основаніяхъ тогдашняго польскаго законодательства, показанія Игнатія и Станислава Потоцкихъ, какъ такихъ лицъ, которыя по многимъ причинамъ не могли быть признаны ими вѣрными свидѣтелями, и обвиняли князя Чарторижскаго въ клеветѣ не только на Рыкса и Комажевскаго, но и самаго короля. Защитникъ Угрюмовой доказывалъ, что со стороны ея никакой интриги не было и что она показывала сущую правду; Угрюмова же не только подтверждала тѣ обстоятельства, о которыхъ мы уже говорили, но заявляла еще, что Рыксъ еще и прежде звалъ ее въ Гродно за тѣмъ, что-бы оказать королю чрезвычайно важную услугу и обѣщалъ ей 1,000 дукатовъ единовременно, 500 дукатовъ ежегодной пожизненной пенсіи, а также и помѣстье, если только она съумѣетъ

[1]) Лучше всего процессъ этотъ изложенъ въ двухъ французскихъ брошюрахъ, вышедшихъ въ 1785 году. Изъ нихъ одна подъ заглавіемъ: «Recueil de pièces rélatives au procès entre S. A. le prince Adam Czartoryski accusateur et M. M. Komarzewski et Ryx accusés du crime d'empoisonnement. Тутъ же помѣщенъ и декретъ трибунала. Другая брошюра имѣетъ заглавіе: «Observations sur un libelle, qui a pour le titre: premier et second eclairsissements réels sur le procès du prince général de Podolie Adam Czartoryski.

Библиотека "Руниверс"

войти въ сношенія съ однимъ лицомъ, переписывавшимся съ княземъ Чарторижскимъ. Но такъ какъ, по словамъ Угрюмовой, ей не удалось исполнить это, то Рыксъ оставилъ ее въ Гродно и послѣ того явился къ ней въ Варшавѣ съ тѣмъ ужаснымъ предложеніемъ, о которомъ она не замедлила сообщить князю Чарторижскому.

Что касается маіора Угрюмова, то онъ явился на судъ только въ качествѣ свидѣтеля. Маіоръ показалъ, что послѣ возвращенія его жены изъ Гродна, Рыксъ и Комажевскій были у нея два раза, и что когда они пришли къ ней въ послѣдній разъ, то онъ, Угрюмовъ, встрѣтился съ ними и отрекомендовался имъ какъ мужъ хозяйки дома. Послѣ того—продолжалъ Угрюмовъ—жена моя поговорила нѣсколько минутъ съ этими господами и показала имъ какое-то письмо, копію съ котораго снялъ Комажевскій. Затѣмъ они разговаривали между собою, но я—продолжалъ Угрюмовъ—не видѣлъ, чтобы Комажевскій показывалъ ей что нибудь написанное или чтобы онъ далъ женѣ моей какой нибудь пакетикъ. Во время ихъ разговора я вышелъ изъ комнаты, что-бы приказать слугѣ принести письменныя принадлежности. Когда же разговоръ кончился, то Комажевскій сказалъ мнѣ, что нигдѣ нѣтъ такихъ строгихъ законовъ, какъ въ Польшѣ; но, добавилъ онъ, жена ваша не знаетъ ихъ, а между тѣмъ въ такихъ дѣлахъ надобно дѣйствовать крайне осторожно, потому что безъ ясныхъ доказательствъ никакія словесныя показанія не могутъ имѣть у насъ силы. Затѣмъ онъ упомянулъ о королѣ Сигизмундѣ, какъ о строгомъ государѣ. Когда же они ушли, я спросилъ жену о чемъ она говорила съ ними. На мой вопросъ она отвѣчала: „вы не понимаете по-французски, а мнѣ скучно было бы растолковывать вамъ все это".

Послѣ такого показанія маіоръ Угрюмовъ былъ освобожденъ отъ дальнѣйшихъ допросовъ, но такъ какъ данныя имъ на судѣ показанія, о передачѣ его женѣ Комажевскимъ яда противорѣчили ея собственнымъ показаніямъ, то обстоятельство это и послужило главнымъ основаніемъ къ обвиненію ея въ клеветѣ на Комажевскаго.

15-го марта 1785 г. состоялся приговоръ трибунала, судившаго Угрюмову, Рыкса и Комажевскаго. Въ приговорѣ этомъ излагалось, что сообщеніе, сдѣланное Угрюмовою Чарторижскому 14-го января, противорѣчитъ ея показаніямъ, что оно не подтверждается ни слѣдствіемъ, ни допросомъ, и что, наконецъ, оно ложно въ самыхъ главныхъ основаніяхъ, что порошокъ, будто бы данный ей Комажевскимъ, не ядъ; да при томъ и самый порошокъ не былъ ей вовсе переданъ ни Комажевскимъ, ни Рыксомъ, и что разговоръ этого послѣдняго съ Угрюмовой, подслушанный Потоцкимъ и Тейлоромъ, не имѣлъ

Библиотека "Руниверс"

совсѣмъ того смысла, какой они сами ему придали. По этимъ соображеніямъ, трибуналъ освободилъ Рыкса и Комажевскаго отъ всякаго обвиненія въ покушеніи на отравленіе Чарторижскаго, но тѣмъ не менѣе приговорилъ Рыкса къ полугодичному заключенію, собственно за сношенія его съ обвиненной. Сдѣланныя же Угрюмовою на счетъ Рыкса и Комажевскаго заявленія онъ призналъ ложью и клеветою, и запретилъ упоминать объ этомъ подъ страхомъ наказанія. Князь Адамъ Чарторижскій былъ приговоренъ къ 60-ти польскимъ маркамъ пени въ пользу Рыкса и Комажевскаго. Что же касается Маріи Угрюмовой, присвоявшей себѣ разныя имена и обвиненной въ мошенничествѣ, кражѣ, а также и въ злостномъ вымыслѣ о составлявшемся будто противъ короля заговорѣ и о злоумышленіи на жизнь князя Чарторижскаго, то трибуналъ присудилъ ее къ выставкѣ у позорнаго столба въ Старомъ-городѣ, къ наложенію ей на лѣвую лопатку, чрезъ палача, раскаленнымъ желѣзомъ клейма съ изображеніемъ висѣлицы и къ содержанію въ вѣчномъ, безъисходномъ заточеніи.

Тейлоръ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ за вооруженное нападеніе на старосту Пясочинскаго Рыкса.

Приговоръ, постановленный надъ Угрюмовой, былъ приведенъ въ исполненіе 21-го апрѣля 1785 г. При этомъ, въ виду ея, были сожжены написанное ею для Чарторижскаго сознаніе и брошюры, изданныя въ защиту ея и въ обвиненіе Рыкса, Комажевскаго, а также и самого короля.

Спустя нѣсколько дней по исполненіи приговора, Угрюмова была отвезена въ Данцигъ для пожизненнаго заключенія въ тамошней крѣпости. Неизвѣстно получила-ли она впослѣдствіи помилованіе или же ей удалось какимъ нибудь способомъ убѣжать изъ данцигской крѣпости. Извѣстно только, что, по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ исполненія приговора, она появилась въ имѣніи князя Адама Чарторижскаго, Пелкиняхъ, и была еще жива въ 1830 году.

Казалось бы, что послѣ судебнаго оправданія Рыкса и Комажевскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣ наказанія Угрюмовой, какъ клеветницы, и взысканія пени съ Чарторижскаго должно было окончиться все поднятое ею дѣло. Мы видѣли, однако, что императрица Екатерина озабочивалась имъ и послѣ этого. Хотя оправдательный приговоръ трибунала въ пользу Рыкса и Комажевскаго уничтожалъ обвиненіе, взведенное на короля, но тѣмъ не менѣе въ общественномъ мнѣніи подозрѣніе, павшее однажды на Станислава-Августа, не искоренилось окончательно и противная ему партія распускала слухи, что Угрюмова была права въ томъ отношеніи, что король, при содѣйствіи ея, на

Библиотека "Руниверс"

самомъ дѣлѣ хотѣлъ избавиться отъ князя Адама посредствомъ отравы. Говорили, что многіе члены трибунала не были согласны на постановленіе обвинительнаго приговора противъ Угрюмовой и оправдательнаго въ пользу Рыкса и Комажевскаго, и что только вліяніе королевской партіи побудило ихъ къ этому. Не мало говору возбуждало и то еще обстоятельство, что послѣ заарестованія Угрюмовой, всѣ ея бумаги попали въ руки князя Іосифа Понятовскаго, роднаго брата короля. Это давало поводъ говорить, что въ захваченныхъ княземъ Понятовскимъ бумагахъ были такія, при помощи которыхъ легко было бы распутать весь узелъ и добраться до самого короля, но что князь Понятовскій уничтожилъ ихъ. Вообще дѣло Угрюмовой оставило послѣ себя чрезвычайно усиленное раздраженіе въ партіи, противной королю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи. Съ своей стороны императрица Екатерина понимала, что хотя пожаръ и погасъ, но что оставшіяся отъ него подъ пепломъ искры еще тлѣли, и что сеймовая буря легко могла раздуть ихъ снова и надѣлать не мало бѣды Станиславу-Августу, покорствовавшему предъ русской государыней. Въ виду всего этого, Екатерина поручала графу Стакельбергу замять окончательно дѣло Угрюмовой, и старалась при посредствѣ вѣнскаго двора утишить князя Чарторижскаго, который, оставаясь недоволенъ рѣшеніемъ трибунала, намѣревался поднять вопросъ о процессѣ Угрюмовой на предстоявшемъ тогда сеймѣ, и мы уже видѣли, что Чарторижскій могъ быть опаснымъ противникомъ короля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и екатерининской политики въ Польшѣ.

Независимо отъ этого, императрица, стараясь заглушить дѣло Угрюмовой, имѣла въ виду и другую еще цѣль. Возбужденіе этого дѣла вновь затронуло бы ближайшимъ образомъ и графа Браницкаго, такъ какъ и онъ былъ въ числѣ тѣхъ лицъ, на которыхъ доносила Угрюмова, какъ на злоумышленниковъ противъ королевской особы. Между тѣмъ Браницкій, женатый на родной племянницѣ князя Потемкина-Таврическаго, былъ однимъ изъ главныхъ сторонниковъ Россіи въ Польшѣ, и партія его, на столько поддерживала интересы Россіи въ Польшѣ, что называлась гетманской или потемкинской партіею. Вообще Ксаверій Браницкій пользовался особымъ расположеніемъ Екатерины, по старанію которой онъ, въ 1774 году, получилъ во владѣніе богатое и обширное помѣстье—Бѣлую Церковь. Между тѣмъ возобновленіе процесса Угрюмовой и соприкосновеніе къ нему гетмана Браницкаго легко могло вызвать ожесточенную борьбу между гетманомъ и королемъ, или, говоря иначе, раздѣлить русскую партію на два враждебные лагеря; а между тѣмъ Екатеринѣ не хотѣлось разъединять такимъ образомъ своихъ силъ въ Польшѣ. Могло слу-

Библиотека "Руниверс"

читься и то, что при общемъ нерасположеніи къ Браницкому поляковъ и господствовавшей къ нему, въ особенности за подавленіе барской конфераціи, общей ненависти въ анти-русской партіи, онъ по дѣлу Угрюмовой легко могъ быть обвиненъ, а потому и долженъ былъ бы лишиться своего высокаго оффиціальнаго положенія въ Польшѣ. По всей вѣроятности онъ даже самъ предвидѣлъ возможность такого неблагопріятнаго для него исхода, и подъ вліяніемъ этого просилъ содѣйствія императрицы для того, чтобы имя его было исключено изъ процесса Угрюмовой. Екатерина, какъ и слѣдовало ожидать, постаралась оградить своего приверженца отъ угрожавшихъ ему непріятностей, и пользуясь процессомъ Угрюмовой, заботилась о томъ, чтобъ сблизить гетмана съ королемъ. Поручая графу Стакельбергу хлопотать, что-бы желаніе Браницкаго было исполнено, Екатерина „принимала за благо всѣ увѣренія, кои онъ о своей вѣрности и усердіи къ его величеству и ко всему, что благо прямое республики польской составляетъ, и удостоивала его во всякомъ случаѣ своего благоволенія и покровительства". Въ другомъ письмѣ къ графу Стакельбергу Екатерина выражала надежду что и самъ графъ Браницкій не приметъ дѣла Угрюмовой, и что онъ, „вѣдая къ себѣ особенное ея благоволеніе, не только не учинитъ подвига вопреки ея желанію, но еще, по усердію его къ ней, будетъ способствовать къ успокоенію духовъ тамошнихъ и къ утвержденію всего, что можетъ обратиться въ замѣшательство". Наконецъ въ третьемъ письмѣ Екатерина, выразивъ графу Стакельбергу свое желаніе, дабы извѣстное ненавистное дѣло Угрюмовой не было поводомъ къ безпокойствамъ и смятеніямъ, упоминаетъ о томъ, что ей представленъ отъ великаго гетмана короннаго графа Браницкаго проектъ артикула конституціи „для отвращенія и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности его королю и отечеству, составленный въ умѣренныхъ и благопристойныхъ выраженіяхъ". „Мы поручаемъ вамъ—писала Екатерина Стакельбергу—что-бы дѣло сіе, какъ съ одной стороны сходственно съ желаніемъ короннаго гетмана, такъ и съ другой со всевозможнымъ предохраненіемъ тишины на сеймѣ, распоряжено было, о чемъ вы съ нимъ откровенно изъяснитесь и положите на мѣрѣ".

Письмо это было писано 28-го августа 1786 года, и вскорѣ затѣмъ желаніе императрицы исполнилось, такъ какъ бывшій въ томъ же году сеймъ постановилъ о преданіи дѣла Угрюмовой вѣчному забвенію.

Е. П. Карновичъ.

Библиотека "Руниверс"

Графиня Анна Иродіоновна Чернышева.

Род. 1745, ум. 1830 г.

Въ біографическомъ спискѣ статсъ-дамъ П. Ѳ. Карабанова (см. „Русская Старина“ 1870 г., т. II, стр. 496—498), о графинѣ Аннѣ Иродіоновнѣ Чернышевой, рожденной Вейдель, приведено нѣсколько анекдотовъ, отчасти обрисовывающихъ ея личность; но ими далеко не исчерпывается характеристика этой своеобразной и энергической женщины. Много изустныхъ преданій сохранилось о ней въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ она иногда имѣла подолгу временное пребываніе, и нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній предлагаются здѣсь въ дополненіе къ появившимся въ печати.

Въ Воронежской губерніи, въ Валуйскомъ уѣздѣ, есть родовое имѣніе графини Чернышевой, перешедшее послѣ ея смерти во владѣніе наслѣдниковъ родной ея сестры графовъ Паниныхъ,—слобода Вейделевка съ хуторами, изъ трехъ, слишкомъ, тысячъ душъ, [1]) при 40,000 десятинъ земли. Въ этомъ имѣніи проживала на покоѣ вольноотпущенная чета старыхъ слугъ графини: отставной капельмейстеръ крѣпостнаго ея оркестра, Иванъ Филипповичъ Переборенко, и жена его, Марья Ѳоминишна, бывшая съ самаго дѣтства своего любимою камеристкой графини. Старый Переборенко училъ музыкѣ дѣтей моего ближайшаго сосѣда, Е. П. Анисимова, и потому часто бывалъ въ его усадьбѣ вмѣстѣ съ женой своей, разумною и словоохотливой старушкой, отъ которой слышано много презанимательныхъ разсказовъ о личности и образѣ жизни графини Анны Иродіоновны. Къ сожалѣнію, никто ихъ не записывалъ; многое забылось, а обновить эти воспоминанія со словъ разскащицы, или ея мужа, теперь невозможно, такъ какъ обоихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ. Однако-жъ, попытаюсь передать, что̀ уцѣлѣло въ моей памяти, по возможности придерживаясь тона и языка старой разскащицы.[2])

„Мать нашей графини“, говорили у насъ старинные люди, „была добра какъ ангелъ; за то, видно, и услышала ея молитвы за дѣтей-сиротъ Царица Небесная, Матерь Божія Ахтырская: надѣлила ихъ и знатностью, и богатствомъ. Меньшая дочь, Марія Родіоновна, вся вышла въ матушку: такая-же добрая и кроткая; а наша-то, Анна Ро-

---

[1]) Малороссійкаго населенія.

[2]) Время, когда слышаны отъ нея эти воспоминанія, относится къ 1842—1844 г. Д. Р

Библиотека "Руниверс"

діоновна, та была совсѣмъ инаго нрава: вельможа настоящая, гордая, пышная и охъ-какая крутая, да капризная. Все у ней выходило невзначай и временемъ: когда милость, а когда и гроза. Часомъ, бывало, станетъ вдругъ богомольна, милостива, обходительна, и тогда ужъ добрымъ дѣламъ конца и мѣры нѣтъ. По цѣлымъ недѣлямъ Богу молится и постится, словно схимница какая, бѣдныхъ людей и нищую братію щедро награждаетъ, допускаетъ къ себѣ всякаго, кто имѣетъ просьбу къ ней, и всѣмъ-то помочь старается; благодѣтельствуетъ, по церквамъ и монастырямъ деньги безъ счету сыплетъ; а въ иное время, что̀ чаще бывало, просто и приступу къ ней нѣтъ, такова́ дѣлалась грозна и капризна; всѣхъ-то она тиранитъ и въ страхѣ держитъ; всякаго, кто-бы ни былъ, норовитъ обидѣть и оборвать. Не токмо-что наша братья, рабы ея, а и сильные люди по стрункѣ передъ ней ходили; а ужъ эти разные судейскіе чиновники, исправники тамъ, да засѣдатели, тѣ просто тряслись передъ нею и не смѣли являться безъ зова. И какъ, бывало, найдетъ на нее грозный стихъ,—что̀ тогда терпѣли отъ нея прислуга и всѣ домашніе, этого и вообразить невозможно. За всякую пустую провинность была бѣда неминучая,—да какое за провинность?—За ничто!—Никакъ, бывало, къ ней не приноровишься, не приладишься, ничѣмъ угодить не можешь. А въ добрый-то часъ иному и совсѣмъ худое дѣло съ рукъ сходитъ;—ну, подъ сердитую руку, жалости у ней не было; тогда ужъ спуску не давалось. Графиня сѣкала людей больно и часто. Случалось, что и не вставали послѣ розогъ и плетей, а отвѣту за то не бывало, потому: въ большой силѣ она состояла и ей все было ни по чемъ.

„На-послѣдокъ приключилось у насъ такое дѣло, что ужасно вспомнить. Надобно вамъ сказать, что у графини былъ обычай набирать въ дѣвичью многое-множество своихъ крѣпостныхъ дѣвочекъ: кого пріучать для комнатной прислуги, кого для работъ разныхъ и рукодѣлій; учить плести кружева, шить, гладить, мыть. Вотъ какъ-то разъ и прогнѣвись графиня на двухъ дѣвочекъ. Пощипала она ихъ порядкомъ, да и велѣла запереть обѣихъ на чердакѣ, пока сама не прикажетъ выпустить. А дѣло-то было зимой. Дѣвочекъ заперли съ утра; проходитъ цѣлый день: нѣтъ приказа выпустить; проходитъ и ночь,—тоже ни слова; а доложить и напомнить никто изъ людей не смѣетъ. Наступили и другія сутки,—графиня все молчитъ: ни спроса, ни приказа на счетъ дѣвочекъ нѣту. Только въ исходѣ второй ночи, когда въ домѣ всѣ спали, вдругъ послышался страшный крикъ изъ графининой опочивальни; проснулись мы и слышимъ, что графиня не своимъ голосомъ кличетъ къ себѣ горничныхъ. Мы всѣ опрометью

Библиотека "Руниверс"

туда кинулись; прибѣжали, глядимъ, — графиня наша вскочила съ постели, въ ужасѣ какомъ-то; лица на ней нѣтъ;—блѣдная, страшная, глаза безумные, вся дрожитъ. — „Гдѣ эти дѣвчонки (спрашиваетъ), что были на чердакѣ? Я про нихъ забыла, а теперь, во снѣ, мнѣ кто-то сказалъ, будто-бъ онѣ позамерзли... Отыскать мнѣ ихъ и привести сюда!“—Весь домъ всполошился; мы, гурьбой, сейчасъ-же бросились на чердакъ съ огнемъ; поднялись туда,—глядь: бѣдняжечки лежатъ обѣ, прижавшись другъ къ дружкѣ; мы ихъ звать, тормошить: окоченѣли! мёрзлия! — Взяли мы мертвенькихъ, принесли въ домъ, а графиня бѣжитъ къ намъ на встрѣчь. Лишь только глянула, догадалась; вскрикнула дикимъ голосомъ, всплеснувши руками, да и грянулась на полъ, безъ памяти. Долго обморокъ съ ней былъ, а какъ въ себя пришла,—Боже мой! Что тутъ было съ нею! И волосы на себѣ рвала, и руки ломала, рыдала, вопила... а какъ утихла, велѣла послать за исправникомъ; тотъ прискакалъ во всемъ своемъ мундирѣ, при шпагѣ. Вышла къ нему графиня, только ужъ безъ слёзъ, а въ своемъ суровомъ видѣ, хмурая, строгая. Разговоръ былъ у нихъ съ глазу на глазъ и очень недолго; да мы таки провѣдали. Она ему коротко и безъ обиняковъ разсказала всю суть и тутъ-же велѣла, что-бъ было написано, что дѣвочки померли отъ угара, по неосторожности своей. Такъ все и исполнилось, какъ приказала.

„Только съ тѣхъ поръ, по самую смерть свою, графиня каялась въ грѣхѣ этомъ и мучилась совѣстью. Иногда цѣлыя ночи на-пролётъ молилась Богу земными поклонами, со слезами и рыданіями, накладывала на себя эпитимьи, морила себя голодомъ и холодомъ: а въ скорости послѣ этого случая, даже власяницу стала-было носить. Только тутъ вышла такая вещь, что пришлось скинуть.

„Носила эту власяницу графиня, какъ слѣдуетъ, на тѣлѣ, и носила нѣсколько недѣль, не скидая. Но вотъ какъ-то и говоритъ мнѣ: „что-й-то, Ѳоминишна, мнѣ страхъ какъ колется и жжется на тѣлѣ; все зудитъ и горитъ; сними-ка съ меня власяницу“. Сняла я, да какъ посмотрѣла что тамъ такое, такъ и ахнула, и молча показала графинѣ. Плюнула она, отвернулась, потребовала себѣ батистовое бѣлье и велѣла сжечь власяницу. Зато пуще прежняго стала она разъѣзжать по богомольямъ и жертвовать на обители и храмы Божьи. Особенно чтила она Владычицу Ахтырскую. На нее падѣла и перо свое брилліантовое, что государь ей пожаловалъ, и звѣзду свою кавалерскую навѣсила: и то, и другое до сихъ поръ на Чудотворной иконѣ.

„Графиня наша была дама мужественнаго духа; ничего-то на свѣтѣ она не страшилась и ничему не покорялась. На что ужъ: самаго На-

Библиотека "Руниверс"

полеона не боялась. Въ томъ году, какъ французъ приходилъ воевать Россію, графиня была въ Смоленской губерніи. Вотъ въ усадьбу къ намъ и забрались двое солдатъ, да и принялись хозяйничать: подавай-молъ имъ и то, и другое. Услышала про это Анна Родіоновна, сама вышла къ нимъ, въ лентѣ со звѣздою, да и крикнула на нихъ по-ихнему, по-французскому: „это что значитъ? какъ вы смѣете тутъ у меня буянить и грабить? Развѣ не знаете, кто я такова? Да со мною самъ Наполеонъ вашъ знакомъ и я сейчасъ письмо къ нему пошлю: вотъ тогда узнаете, кого осмѣлились безпокоить! Вонъ отсюда, мерзавцы! Чтобъ и духу вашего не пахло!“ — Кричала этакъ, кричала, да такъ ихъ припугнула, что они оторопѣли, стали шаркать, кланяться, говорить: „пардонъ, пардонъ, мадамъ“, да потомъ и давай Богъ ноги отъ насъ. И какъ есть, ничего нашего не тронули. Вотъ какова была наша графиня Анна Родіоновна!

„Считалась она даже съ особами повыше Наполеона. Одно время она была сердита,—какъ-бы вы думали?—на самого государя нашего, Александра Павловича. Помнится, это за то, что почету полнаго ей не оказали, какого ей хотѣлось. Нѣсколько годовъ она и ко двору царскому не ярлялась. Но вотъ случилось какъ-то, что государь проѣзжалъ черезъ тотъ уѣздъ, гдѣ мы были, и ей, волею-неволею, слѣдовало представиться къ нему. Ужъ какъ ей этого не хотѣлось, а дѣлать-то было нечего;—пришлось ѣхать. Стала, это, одѣваться во весь парадъ; сама-то румянится, а тутъ-же слезно плачетъ, рветъ и мечетъ. Однако, такъ-сякъ, а поѣхала. Послѣ узнали мы, что государь изволилъ почтеніе ей сдѣлать, самъ къ ручкѣ къ ней подошелъ; но она еще и тѣмъ осталась недовольна.—Гордости ея мѣры не было.

„Иную пору находило на нее точно какъ-бы ясновидѣніе, что-ли. Напримѣръ, вотъ случай. Занемогла она очень; долго и тяжело хворала и ужъ стала трудна. Тутъ пожелала причаститься и собороваться, и когда при соборованьи прочитали евангеліе, она вдругъ встрепенулась и заговорила, какъ здоровая, твердою и внятною рѣчью: „Ѳоминишна! замѣть евангеліе, что читали. Я слышу изъ него, что мнѣ непремѣнно остаться въ живыхъ и встать отъ болѣзни!“—И въ самомъ дѣлѣ: съ той самой минуты стала крѣпнуть, да крѣпнуть, и скоро совсѣмъ оздоровѣла, а потомъ долго еще жила на свѣтѣ. Какое-же было чтеніе изъ евангелія, я запамятовала.

„Супругъ Анны Родіоновны, графъ покойный, былъ не столь крутъ, какъ она, а много простѣе и мягче. Ссориться — ссорились между собой частенько, только не при людяхъ, а больше одинъ-на-одинъ.

Библиотека "Руниверс"

Ну, отъ меня утоиться-то было нельзя; я и спала близъ ихъ опочивальни и не разъ слыхала крупные-то разговоры по ночамъ.

„Строгая служба моя была при графинѣ, и сколько приняла я муки и боя отъ ней, этого высказать нельзя. А все-таки покойница большую привычку ко мнѣ имѣла и, можно сказать, меня жаловала; сама, бывало, говоритъ, что обойтись безъ меня не можетъ. Я всюду ѣзжала съ нею и находилась при ней безотлучно. Она была женщина высокая, видная, сильная, а я, какъ изволите видѣть, мала и щедушна, но должна была сажать ее въ ванну, и вотъ когда трудно мнѣ приходилось: тутъ всякій разъ мнѣ доставалось отъ ея сіятельства.

„Я состояла при ней съ самаго дѣтства своего, а до того, какъ взята въ услуженіе, ничего о себѣ не помню. У насъ люди въ-тихомолку говорили, что я не изъ крѣпостныхъ, а вывезена откуда-то, родомъ изъ польской шляхты. Сама графиня никогда о томъ ни полслова, а спросить ее кто-бы изъ насъ посмѣлъ? Бывало, въ добрый часъ, приласкаетъ меня и сулитъ облагодѣтельствать на всю жизнь, ну, только вышло иначе. Полюбился мнѣ одинъ человѣкъ и я ему тоже. Долго не знала про это графиня, да я какъ-то осмѣлилась упасть къ ней въ ноги и признаться, что желаю замужъ за того-то. Не по-нутру пришлось это графинѣ; какъ крикнетъ она на меня, до топнетъ ногой, — я и помертвѣла. „Ты съ чего это вздумала, — кричитъ,—съ чего взяла волю свою имѣть? Надоѣла я тебѣ? Отдѣлаться отъ меня захотѣлось? За всѣ, за великія мои милости? Ахъ ты, неблагодарная! Вишь, замужъ собралась! Когда такъ, выдамъ тебя, но только за кого мнѣ угодно. Эй! позвать сюда капельмейстера Переборенко“. Тотъ явился. „Сейчасъ же вѣнчаться съ Ѳоминишной!“ Сказано и сдѣлано: насъ не медля обвѣнчали, а затѣмъ велѣно намъ съ мужемъ жить въ господскомъ дворѣ. Потомъ уже, черезъ нѣсколько лѣтъ, выдали намъ вольную, кое-что подарили, но особыхъ милостей себѣ я не дождалась; а впрочемъ, и за то спасибо покойницѣ; упокой Господи душу ея грѣшную!“

Воронежъ.

Сообщ. Д. Д. Рябининъ.

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ. [1])

238.

Гнѣвъ и милость.

Въ царствованіе императора Павла I, въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ служилъ офицеръ Шамардинъ. Мать его, жившая въ Царскомъ Селѣ, имѣла магнитическую силу, сама того не зная, и иногда, какъ бы приходя въ сомнамбулизмъ, предъузнавала будущее.

Разъ, отпуская сына въ дворцовый караулъ, она сказала ему: „съ тобой случится необыкновенное происшествіе: сегодня ты будешь солдатомъ и получишь крестъ".

Императоръ вышелъ изъ дворца и во время развода замѣтилъ какой-то безпорядокъ, виною котораго оказался Шамардинъ.

— „Въ солдаты его, въ солдаты!" кричалъ Павелъ.

Уничтоженный офицеръ, въ испугѣ, невольно проговорилъ:

— „Она правду сказала, что сегодня я буду солдатомъ".

— „Что такое, что такое?" спросилъ императоръ.

Шамардинъ разсказалъ, что мать, провожая его на службу, сказала ему: „сегодня ты будешь солдатомъ".

— „Она сказала неправду", быстро перебилъ Павелъ, „возвращаю вамъ офицерскій чинъ и жалую орденомъ св. Анны".

Сбылось пророчество матери.

239.

Зимою, Павелъ выѣхалъ изъ дворца, на санкахъ, прокататься. Дорогой онъ замѣтилъ офицера, который былъ столько навеселѣ, что шелъ, покачиваясь. Императоръ велѣлъ своему кучеру остановиться и подозвалъ къ себѣ офицера.

— „Вы, господинъ офицеръ, пьяны", грозно сказалъ государь, становитесь на запятки моихъ саней".

Офицеръ ѣдетъ на запяткахъ за царемъ, ни живъ, ни мертвъ. Отъ страха, у него и хмѣль пропалъ. Ѣдутъ они. Завидя въ сторонкѣ нищаго, протягивающаго къ прохожимъ руку, офицеръ вдругъ закричалъ государеву кучеру:

---

[1]) См. «Русск. Стар.» изд. 1871 г., т. IV, стр. 583—587; 685—696; изд. 1872 г., т. V, стр. 129—147; 457—468; 670—680; 767—772; т. VI, стр. 87—97; 285—290, 675—678; изд. 1874 г., т. X, стр. 772—787; т. XI стр. 153—177. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

— „Остановись!“

Павелъ, съ удивленіемъ, оглянулся назадъ. Кучеръ остановилъ лошадь. Офицеръ всталъ съ запятокъ, подошелъ къ нищему, полѣзъ въ свой карманъ и, вынувъ какую-то монету, подалъ милостыню. Потомъ онъ возвратился и всталъ опять на запятки за государемъ.

Это понравилось Павлу.

— „Господинъ офицеръ“, спросилъ онъ, „какой вашъ чинъ?“

„Штабсъ-капитанъ, государь“.

— „Неправда, сударь, капитанъ“.

„Капитанъ, ваше величество“, отвѣчаетъ офицеръ.

Поворотивъ въ другую улицу, императоръ опять спрашиваетъ:

— „Господинъ офицеръ, какой вашъ чинъ?“

— „Капитанъ, ваше величество“.

— „А нѣтъ, неправда, маіоръ“.

„Маіоръ, ваше величество“.

На возвратномъ пути, Павелъ опять спрашиваетъ:

— „Господинъ офицеръ, какой у васъ чинъ?“

„Маіоръ, государь“, было отвѣтомъ.

— „А вотъ, неправда, сударь, подполковникъ“.

— „Подполковникъ, ваше величество“.

Наконецъ, они подъѣхали ко дворцу. Соскочивъ съ запятокъ, офицеръ, самымъ вѣжливымъ образомъ, говоритъ государю:

— „Ваше величество, день такой прекрасный, не угодно-ли будетъ прокатиться еще нѣсколько улицъ.

— „Что, господинъ подполковникъ?“ сказалъ государь, „вы хотите быть полковникомъ? я вотъ нѣтъ же, больше не надуешь; довольно съ васъ и этого чина“.

Государь скрылся въ дверяхъ дворца, а спутникъ его остался подполковникомъ.

Извѣстно, что у Павла не было шутки и все, сказанное имъ, исполнялось въ точности.

240 — 241.

Графъ И. П. Кутайсовъ.

Плѣнный турченокъ, потомъ камердинеръ и брадобрѣй великаго князя Павла Петровича и, наконецъ, въ царствованіе Павла I, оберъ-шталмейстеръ, андреевскій кавалеръ и графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, былъ постояннымъ любимцемъ своего, непостояннаго въ привязанностяхъ, покровителя. Странное дѣло: сказываютъ, что Павелъ, грозный царь, боялся его. Быть можетъ это чувство осталось въ

Библиотека "Руниверс"

Павлѣ отъ того времени, когда онъ подставлялъ шею подъ бритву Кутайсова.

Бывали похожія на это чудеса: и Анна Іоанновна боялась Бирона!

При жизни императора Павла графъ Кутайсовъ имѣлъ великое значеніе.[1]) Ему кланялись въ поясъ, черезъ него искали милостей и многіе получали ихъ, потому что онъ былъ добрый человѣкъ; его уважали и первые сановники, и аристократы.

Со вступленіемъ на престолъ Александра I, графъ Кутайсовъ вдругъ увидѣлъ себя не то, что ничѣмъ, а не причемъ. Онъ удалился въ Москву, въ которую сплавливались въ прежнее время многіе, устарѣвшіе и вышедшіе изъ употребленія, сановники. Тамъ, за нѣсколько лѣтъ до Кутайсова, поселился и бывшій канцлеръ, графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ. Еще при Павлѣ, этого канцлера спустилъ съ горы князь Безбородко.

Думая-ли, что въ этой интригѣ участвовалъ и графъ Кутайсовъ, или такъ, помня ничтожное происхожденіе этого выскочки, Остерманъ сказался нездоровымъ и не принялъ Кутайсова, когда тотъ пріѣхалъ къ нему въ Москву. Впрочемъ, Остерманъ тотчасъ прислалъ къ нему свою карточку.

Послѣ того, Кутайсовъ продолжалъ, въ большіе праздники, посылать визитныя карточки къ Остерману, и каждый разъ получалъ отъ него такія же карточки.

Между тѣмъ, богатый Остерманъ жилъ роскошно въ Москвѣ. Не считая многочисленныхъ съѣздовъ по особымъ случаямъ, каждое воскресенье бывали у него открытые обѣды на 50 и больше кувертовъ.

Разъ, кто-то, разговаривая съ графомъ Кутайсовымъ о его странномъ платежѣ визитовъ Остерману, выразилъ удивленіе, что Кутайсовъ самъ не поѣдетъ когда-нибудь, въ воскресенье, обѣдать къ гордому барину.

— „Но какъ я поѣду? Остерманъ никогда не зоветъ меня"!

— „Э, ничего", отвѣчалъ тотъ, „никто не получаетъ приглашеній на его воскресные обѣды и всѣ къ нему ѣздятъ.. У него домъ открытый".

Думалъ, думалъ Кутайсовъ и, въ одно прекрасное воскресенье, поѣхалъ передъ самымъ обѣдомъ къ Остерману.

Въ гостиной Остермана тогда уже сидѣли всѣ тузы и вся сила

---

[1]) О значеніи Кутайсова, еще въ бытность его камердинеромъ, см., между прочимъ, «Записки Лопухина»: М. 1860 г., стр. 73. Прим. собир.

Библиотека "Руниверс"

Москвы. Пріѣзжающіе къ обѣду, обыкновенно, пропускались безъ доклада и Кутайсовъ вошелъ...

Бывшій канцлеръ, какъ только увидѣлъ нежданнаго посѣтителя, тотчасъ пошелъ къ нему на встрѣчу, привѣтствовалъ его съ чрезвычайной вѣжливостью, усадилъ его на диванъ и, разговаривая съ нимъ, черезъ слово повторялъ: ваше сіятельство, ваше сіятельство...

Долго ждали обѣда. Наконецъ, камердинеръ доложилъ, что кушанье готово.

— „Ваше сіятельство", сказалъ графъ Остерманъ Кутайсову, „извините, что я долженъ оставить васъ: теперь я отправляюсь съ друзьями моими обѣдать". Потомъ, привѣтливо обращаясь къ другимъ гостямъ, онъ говоритъ: „милости просимъ, господа, милости просимъ".

И всѣ за хозяиномъ потянулись въ столовую.

Графъ Кутайсовъ остался одинъ въ гостиной. Онъ не помнилъ, что съ нимъ было и какъ его привезли домой.

Такъ нечеловѣчно поступали аристократы стараго времени!

Другой случай съ Кутайсовымъ, въ Москвѣ, былъ мельче, но тоже курьезный.

Богатый молодой человѣкъ, Неѣлóвъ, зимой, въ саняхъ съ дышломъ, ѣхалъ на парѣ лошадей. Чего-то испугались лошади и понесли. Кучеръ, не находя другаго спасенія, круто повернулъ ихъ на-сторону, чтобы онѣ ударились въ стѣну дома. То былъ домъ графа Кутайсова, съ цѣльными зеркальными стеклами въ рамахъ. Дышло угодило прямо въ стекло и оно разлетѣлось въ дребезги. Графъ вспыхнулъ и, выбѣжавъ на улицу, поднялъ страшный шумъ. Молодой человѣкъ извинялся, просилъ прощенія за кучера, представлялъ, что вина его невольная... Ничто не помогало: Кутайсовъ бѣсился и кричалъ. Тогда, сохраняя должную вѣжливость, Неѣловъ сказалъ:

— „Ваше сіятельство, если вамъ угодно, я пришлю къ вамъ моего кучера: извольте сами его обрить".

Было-ли то находчивость молодаго человѣка, или безсознательно удавшійся каламбуръ, только Кутайсовъ стихъ. Тѣмъ и кончилось, что онъ одинъ остался обритымъ.

Быть можетъ и при другихъ случаяхъ графу Кутайсову приходилось вспомнить, что когда-то въ рукахъ его были: полотенце, мыльница и бритва.

Библиотека "Руниверс"

242.

М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

Въ 1800-мъ году, въ Красномъ Селѣ, были маневры. Одною частію войскъ командовалъ извѣстный генералъ Паленъ, а другою—М. И. Кутузовъ. [1]) Къ отряду перваго подъѣхалъ императоръ Павелъ.

— „Ваше высокопревосходительство", сказалъ онъ Палену, „позвольте мнѣ находиться при васъ не какъ императору, а какъ принадлежащему къ вашему отряду".

Обозрѣвая, въ зрительную трубу, войска противной стороны, императоръ замѣтилъ, что Кутузовъ стоитъ вдалекѣ отъ войскъ своихъ, окруженный только адъютантами и самымъ малымъ числомъ конвоя.

— „Я возьму его въ плѣнъ, я возьму его въ плѣнъ", повторялъ съ усмѣшкой Павелъ, утѣшаясь будущимъ торжествомъ своимъ; „дайте мнѣ, ваше высокопревосходительство, только эскадронъ кавалеріи".

— „Изъ какого полка и который именно эскадронъ повелите, ваше величество?" спросилъ Паленъ.

— „Какой будетъ вамъ угодно, ваше высокопревосходительство", отвѣчалъ Павелъ; „только одинъ эскадронъ, только одинъ, и я возьму непріятельскаго главнокомандующаго".

Паленъ назначилъ эскадронъ гусаръ, и императоръ, осторожно отдѣлившись отъ общей массы, старался ѣхать съ гусарами такъ, чтобы Кутузовъ не замѣтилъ этого движенія. Избравъ дальнюю дорогу, вокругъ лѣсовъ, онъ на пути твердилъ гусарамъ, что-бы они, огибая послѣдній, бывшій въ виду у нихъ, лѣсъ, ѣхали какъ можно тише, остановились бы гдѣ онъ прикажетъ, потомъ вдругъ, по его знаку, скакали бы за нимъ и исполнили то, что онъ повелитъ.

Такъ и было сдѣлано. Объѣзжая послѣдній лѣсъ, Павелъ удивлялся оплошности Кутузова, который нигдѣ не помѣстилъ войскъ для своей личной безопасности. Достигнувъ конца лѣса, императоръ остановилъ гусаръ и самъ, изъ-за деревьевъ, высматривалъ положеніе главнокомандующаго. Въ то время Кутузовъ оставался еще съ меньшею защитою. Почти всѣ адъютанты его и многіе конвойные

[1]) Тогда эти генералы назначены были главнокомандующими: Паленъ—арміею въ Литвѣ, а Кутузовъ—арміею на Волыни. Еще не была опредѣлена цѣль войны; но арміи эти, всего до 150 т. человѣкъ, собраны были, послѣ Швейцарскаго похода, когда Павелъ недоволенъ былъ Австріею и все еще помышлялъ смирить Францію. Маневры, въ Красномъ Селѣ, происходили передъ отправленіемъ новыхъ главнокомандующихъ къ ихъ арміямъ.

Прим. Собирателя.

Библиотека "Руниверс"

были разосланы. Показывая рукою въ противную сторону, онъ послѣднему изъ адъютантовъ отдавалъ приказаніе ѣхать къ войскамъ. Павелъ считалъ Кутузова въ своихъ рукахъ и крикнувъ: „За мной!“ понесся, а въ слѣдъ его бросились и гусары. Но только что они сдѣлали это первое движеніе, вдругъ, съ одной стороны изъ-за лѣса, съ другой—изъ лощинъ, между пригорками, высыпали егеря и открыли такой страшный огонь, что гусары были сбиты, разстроены и самъ императоръ увидѣлъ себя въ необходимости сдаться со всѣмъ своимъ отрядомъ. Павлу, который за минуту ожидалъ торжества, было это непріятно. Онъ, уже какъ государь, повелѣлъ остановить стрѣльбу и одинъ поѣхалъ къ Кутузову. Вѣроятно хитрый полководецъ замѣтилъ, въ подзорную трубу, движеніе Павла, или, извѣстился объ этомъ чрезъ лазутчиковъ, и заранѣе приготовилъ засаду.

— „Хорошо, батюшка, хорошо“, говорилъ императоръ, подъѣхавъ къ Кутузову; „я думалъ васъ взять въ плѣнъ, а вышло, что я у васъ въ плѣну!“

Несмотря на одобреніе и ласку, Павелъ не могъ вполнѣ скрыть своей досады и, мрачный, возвратился къ войскамъ Палена.

Послѣ маневровъ генералы приглашены были въ Павловскъ. Государь уже успокоился и былъ милостивъ. Весело встрѣтивъ гостей въ саду, въ любимомъ своемъ навильонѣ, императоръ при всѣхъ разсказалъ о неудавшемся своемъ подвигѣ, подошелъ къ Кутузову, обнялъ его и произнесъ: „обнимаю одного изъ величайшихъ полководцевъ нашего времени!“

243 — 244.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій.

(Разсказъ Ив. Вас. Тутолмина).

....Ю. А. Нелединскій-Мелецкій прочиталъ Павлу I-му дѣло, изъ котораго видно было усердіе чиновника, производившаго это дѣло. Государь изъявилъ желаніе наградить дѣлопроизводителя и приказалъ Нелединскому справиться: чѣмъ награждались подобныя заслуги. У статсъ-секретаря уже была готова эта справка, и онъ представилъ государю, въ чемъ состояли самая большая награда и обыкновенная.

— „Кинемъ жребій!“ сказалъ развеселившійся Павелъ.

Нелединскій-Мелецкій отошелъ, написалъ награды на двухъ бумажкахъ, свернулъ ихъ и подалъ государю.

Павелъ спросилъ: „Кому же вынимать?“

— „Вамъ, государь!“

Тутъ императоръ замѣтилъ, что статсъ-секретарь его сдѣлалъ въ

Библиотека "Руниверс"

обѣихъ жеребьяхъ, одну и ту же, лучшую награду. Онъ погрозилъ ему пальцемъ и милостиво сказалъ:

— „Юрій, Юрій, обманываешь!“

Потомъ вынулъ записку и, прочитавъ, обнялъ Нелединскаго и промолвилъ:

— „Спасибо тебѣ, всегда такъ меня обманывай“.

Этотъ же разсказъ нѣсколько иначе передаетъ покойный К. А. Булгаковъ, изъ письма котораго, отъ 16-го ноября 1842 г., сообщеннаго намъ кн. Д. А. Оболенскимъ, мы его и приводимъ:

....„Я обѣщалъ тебѣ анекдотецъ о Ю. А. Нелединскомъ, отыскавъ, выписываю тебѣ оный:

Юрій Александровичъ Нелединскій былъ одинъ изъ любимѣйшихъ статсъ-секретарей императора Павла I. Онъ былъ достоинъ благоволенія своего монарха приверженностію къ нему, знаніемъ дѣлъ и смѣлостію, съ коею всегда говорилъ правду императору.

Однажды Нелединскій докладывалъ государю объ одномъ отличномъ дѣйствіи рязанскаго гражданскаго губернатора Ковалинскаго.

— Государь сказалъ: „его и самаго надобно бы отличить! Справься что дѣлалось въ подобныхъ случаяхъ?“

— „Самая большая награда“, отвѣчалъ Нелединскій, „была орденъ св. Анны 1-й ст., а меньшая—бриллiантовый перстень“.

— „Что же мы дадимъ?“ возразилъ государь-императоръ, всегда готовый награждать, „пусть рѣшитъ жребій; сдѣлай два билета и напиши на одномъ орденъ, на другомъ—перстень“.

Нелединскій исполнилъ повелѣніе его величества, и когда сталъ подавать билеты, государь спросилъ:

— „Кому же выбирать?“

— „Вашему величеству“, отвѣчалъ Нелединскій, „вы царь — всѣ милости отъ васъ должны истекать“.

Павелъ I взялъ на удачу одинъ билетъ, развернулъ и прочелъ: „орденъ св. Анны 1-й степени!“ но въ тотъ же мигъ схватилъ другой билетъ и увидѣлъ, что на немъ было написано также орд. св. Анны 1-й степени.

Императоръ погрозился Нелединскому пальцемъ и промолвилъ:

— „Юрій! такъ ты сплутовалъ?!“ потомъ, помолчавъ нѣсколько и подумавъ, изволилъ прибавить: „обманывай меня всегда такъ, разрѣшаю!“ и поцѣловалъ его въ лобъ.

Библиотека "Руниверс"

Рѣшеніе суда по поводу элегіи А. С. Пушкина: „Андрей Шенье".

1828 г.

Въ «Русской Старинѣ» 1874 г., (т. X, стр. 691—694), разсказано дѣло, возникшее въ 1827—1828 гг. въ тогдашнихъ судебныхъ инстанціяхъ, по поводу элегіи А. С. Пушкина: «Андрей Шенье». Представляемъ нынѣ указъ правительствующаго сената отъ 27-го августа 1828 г., которымъ было окончено это «уголовное дѣло». Указъ печатается по одной изъ копій того времени, сохранившейся въ бумагахъ П. А. Степанова. **Ред.**

Указъ Е. И. В. самодержца всероссійскаго изъ правительствующаго сената новгородскому губернскому правленію. По указу Е. И. В. прав—щій сенатъ слушали: во-1-хъ, предложенный г. тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, управляющимъ министерствомъ юстиціи и кавалеромъ княземъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Долгоруковымъ, къ надлежащему исполненію, списокъ съ вы—ше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта слѣдующаго содержанія: государственный совѣтъ, въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсматривалъ докладъ правит—щаго сената 5-го департамента о кандидатѣ словесныхъ наукъ московскаго университета, состоящемъ въ 10-мъ классѣ, Андреѣ Леопольдовѣ, сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ сочиненія Александра Пушкина и учиненіе на нихъ надписи, что они „на 14-е декабря 1825 г.".

Государственный совѣтъ находитъ, что кандидатъ Леопольдовъ подвергнутъ суду и отвѣтственности по слѣдующему случаю: служившій лейбъ-гвардіи въ конноопіонерномъ эскадронѣ, а впослѣдствіи переведенный въ Нижегородскій драгунскій полкъ, прапорщикъ Молчановъ имѣлъ у себя копію съ письма государственнаго преступника Рылѣева, писаннаго имъ предъ смертію къ женѣ своей, и стихи сочиненія Пушкина, полученные Молчановымъ лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка отъ штабсъ-капитана Алексѣева; стихи Пушкина дозволилъ Молчановъ списать Леопольдову, а сей передалъ оные, по знакомству, чиновнику 14-го класса Коноплеву, съ надписью, что они „на 14-е число декабря 1825 года". По суду, надъ воинскими чиновниками произведенному, высочайше утверждено мнѣніе аудиторіатскаго департамента, что-бъ штабсъ-капитана Алексѣева выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости и потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскіе полки тѣмъ же чиномъ, а прапорщика Молчанова, который подвергнулся уже оштрафованію переводомъ его изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ, по вмѣненіи ему въ наказаніе

Библиотека "Руниверс"

тюремнаго заключенія и содержанія подъ арестомъ, отправить въ полкъ, Леопольдова же предать гражданскому уголовному суду. Правительствующій сенатъ не находитъ Леопольдова виновнымъ въ соучастіи съ злоумышленниками на разрушеніе всеобщаго спокойствія, но обвиняетъ его: а) въ несвойственномъ званію его любопытствѣ содержаніемъ у себя письма преступника Рылѣева; б) въ необъявленіи, въ свое время, правительству стиховъ Пушкина, и что, давъ значеніе онымъ происшествію 14-го декабря, сдѣлалъ самъ на нихъ надпись того времени, и в) въ предосудительной перепискѣ съ дворовымъ человѣкомъ полковницы Гурьевой, Брызгаловымъ; и за все сіе полагаетъ: лишивъ Леопольдова кандидатскаго званія и всѣхъ, сопряженныхъ съ онымъ, преимуществъ, отдать въ солдаты, а въ случаѣ негодности, сослать въ Сибирь на поселеніе, примѣняясь въ семъ случаѣ 129-й ст. воинскому артикулу.

Государственный совѣтъ, обращаясь къ сему закону, находитъ въ немъ слѣдующее: „есть-ли кто увѣдаетъ, что единъ или многіе нѣчто вредительное учинить намѣрены, или имѣетъ вѣдомость о шпіонахъ или иныхъ подозрительныхъ людяхъ, въ обозѣ или гарнизонахъ обрѣтающихся, и о томъ въ удобное время не объявитъ, тотъ имѣетъ, по состоянію дѣла, на тѣлѣ или животомъ наказанъ быть“.

По мнѣнію государственнаго совѣта, законъ сей не можетъ приложенъ быть къ существу настоящаго дѣла въ отношеніи къ Леопольдову; ибо, по всѣмъ обстоятельствамъ онаго, не представляется ничего такого, чтобы могло наводить сомнѣніе въ неблагонамѣренныхъ видахъ Леопольдова, или, что-бъ знавъ онъ о какомъ-либо злоумышленіи, хотѣлъ скрыть сіе отъ правительства, а что Леопольдовъ имѣлъ у себя списокъ съ письма Рылѣева, сіе не составляетъ существеннаго преступленія, тѣмъ болѣе, что письмо сіе не содержитъ въ себѣ ничего возмутительнаго и было въ рукахъ Леопольдова, какъ онъ объясняетъ, изъ одного любопытства видѣть послѣднія чувства кающагося преступника. Равнымъ образомъ и въ отношеніи къ стихамъ Пушкина, на которыхъ Леопольдовъ выставилъ „14-е число декабря“ не представляется повода къ заключенію о какомъ-либо вредномъ, со стороны Леопольдова, умыслѣ, кромѣ одной неосновательности въ отношеніи оныхъ къ происшествію того времени, хотя и въ семъ случаѣ оправдывается онъ, что сдѣлалъ надпись на стихахъ о 14-мъ числѣ по словамъ прапорщика Молчанова, выдавшаго ихъ писанными на означенный случай, между тѣмъ, какъ самъ сочинитель стиховъ сихъ, Пушкинъ, относитъ содержаніе оныхъ къ французской революціи, и что они, бывъ сочинены имъ гораздо прежде происшествія 14-го декабря, напечатанные въ числѣ прочихъ его стихо-

Библиотека "Руниверс"

твореній, съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ, съ дозволенія цензуры; впрочемъ, Леопольдовъ не скрылъ сего отъ правительства, увѣдомивъ объ оном генералъ-адъютанта Бекендорфа, въ сентябрѣ 1826 г., партикулярнымъ письмомъ изъ дома родителей своихъ; что касается до переписки Леопольдова съ дворовымъ человѣкомъ Брызгаловымъ, оная нисколько и не касается сего предмета, и, по содержанію своему, совсѣмъ посторонняя для настоящаго дѣла, по которому Леопольдовъ былъ преданъ суду. Такимъ образомъ, государственный совѣтъ, по ближайшемъ и внимательномъ соображеніи обстоятельствъ сего дѣла, не усматривая ни въ чемъ болѣе вины Леопольдова, кромѣ одной неосновательности въ неумѣстной надписи на стихахъ Пушкина о „14-мъ числѣ декабря", имѣя въ виду примѣръ высочайшаго рѣшенія о подсудимыхъ по оному же дѣлу воинскихъ чиновникахъ, которые, за содержаніе у себя означенныхъ бумагъ въ тайнѣ отъ своего начальства и за сообщеніе оныхъ другимъ, не были подвергнуты столь тяжкому наказанію, къ какому осуждается правительствующимъ сенатомъ Леопольдовъ, полагаетъ: за означенную неосновательность его, Леопольдова, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе болѣе года въ острогѣ и подтвердить, что-бъ впредь въ поступкахъ своихъ былъ основательнѣе, съ симъ вмѣстѣ государственный совѣтъ полагаетъ: поручить начальству, въ вѣдомствѣ котораго Леопольдовъ будетъ служить, что-бъ оно обращало особенное вниманіе на его поведеніе, оставляя затѣмъ заключеніе правительствующаго сената и по прочимъ дѣла сего частямъ въ своей силѣ. На которомъ мнѣніи государственнаго совѣта написано: „Его императорское величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта по дѣлу о кандидатѣ 10-го класса Леопольдовѣ, высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Предсѣдатель государственнаго совѣта графъ В. Кочубей, 12-го августа 1828 года; и во 2-хъ, справку, что заключеніе правительствующаго сената по прочимъ частямъ состояло въ слѣдующемъ:

1) О чиновникѣ 10-го класса Александрѣ Пушкинѣ. Самъ Пушкинъ учинилъ добровольное сознаніе, какъ въ сочиненіи элегіи: „Андрей Шенье", такъ и въ томъ, что стихи сіи, гораздо прежде напечатанія ихъ, выпустилъ онъ въ публику во всемъ ихъ пространствѣ; когда-жъ поступило сіе сочиненіе въ цензуру, то оною, по изъясненію Пушкина, исключены были слѣдующія слова: „о, лира юнаго пѣвца о чемъ поетъ. Поетъ она свободу, не измѣнилась.... до конца". О содержаніи же вообще сихъ стиховъ Пушкинъ изъясняетъ, что они относятся къ французской революціи, и что поэтъ въ семъ отрывкѣ говоритъ: „о взятіи Бастиліи, о клятвѣ въ Же-де-Помъ, о перенесеніи

Библиотека "Руниверс"

тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей. Правительствующій сенатъ, соображая духъ сего творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое выпущено оное въ публику, не можетъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ; хотя сочинившаго означенныя стихи Пушкина, за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту предъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія всемилостивѣйшаго манифеста, 22-го августа 1826 года, то, по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній, безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры, не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго, по законамъ, взысканія.

2) О находившемся по секретной части чиновникѣ 14-го класса Коноплевѣ. Чиновникъ сей, по распоряженію генералъ-адъютанта Бекендорфа, употребляемъ имъ былъ для розысканія тѣхъ лицъ, отъ кого Леопольдовъ получилъ вышеупомянутые стихи, за что ему, Коноплеву, изъявлена была отъ начальства признательность. Правительствующій сенатъ не находитъ его, Коноплева, по сему обстоятельству въ чемъ либо виновнымъ, что-жъ касается до найденныхъ въ квартирѣ Коноплева другихъ рукописныхъ сочиненій, въ коихъ заключаются а) „Ода на свободу“ и б) „Басня Бичъ“, о которыхъ, какъ самъ Коноплевъ изъясняетъ, не доводилъ онъ до свѣдѣнія своего начальства, то всѣ упомянутыя сочиненія въ оригиналѣ препроводить, посредствомъ управляющаго министерствомъ юстиціи, къ генералъ-адъютанту Бекендорфу. За симъ правительствующій сенатъ, находя правильнымъ рѣшеніе новгородской палаты уголовнаго суда, о прочихъ прикосновенныхъ къ сему дѣлу людяхъ, равно и объ учиненіи новгородскому уѣздному суду выговора, за выведенныя оною палатою, по производству дѣла сего, упущенія, полагаетъ: означенное рѣшеніе утвердить. Рѣшеніемъ же уголовная палата заключила: 1) Отобранный Леопольдова аттестатъ, имѣющійся при дѣлѣ, данный ему изъ московскаго университета и отобранныя отъ него книги и сочиненіе его, хранящіяся въ палатѣ, какъ равно и прочія вещи и книги, хранившіяся въ с.-петербургской полиціи, выдать ему съ роспискою, при чемъ взыскать съ него и должныя имъ жительствующимъ въ С.-Петербургѣ хозяйкѣ квартиры его, Ревельской уроженкѣ Пихманъ, 21 р. 20 к. и квартирующему у ней, служащему въ комитетѣ строенія гидравлическихъ работъ, архитекторскому помощнику, Скотти, 38 руб.,

Библиотека "Руниверс"

кои, по взысканіи, и отдать имъ съ расписками и тоже принадлежащія ему, Леопольдову, чемоданъ, небольшую штуку свинцу, молотокъ, три пули и чугунное ядро, хранящіяся въ уѣздномъ судѣ, равномѣрно отдать ему, Леопольдову. 2) О писарѣ Е. И. В.—чества великаго князя Михаила Павловича, генералъ-фельдцехмейстера канцеляріи, Евграфѣ Тихановѣ Яковлевѣ, переписывавшемъ письмо государственнаго преступника Рылѣева, писанное къ женѣ предъ лишеніемъ его жизни, какъ оное, по словамъ его, не было въ секретѣ, да и ничего въ немъ вреднаго не заключается, не входя ни въ какое сужденіе, оставить безъ заключенія. 3) Жительствующей въ Москвѣ полковницы Гурьевой дворовaго человѣка, Василья Фомина Брызгалова, у коего при обыскѣ найденъ означенной писанной писаремъ Яковлевымъ списокъ съ письма преступника Рылѣева, по необнаруженію ни въ чемъ болѣе винности его, также оставить свободнымъ, но подтвердить, что-бы впредь былъ осмотрительнѣе. 4) Жительствующихъ въ Санктпетербургѣ Ревельскую урожденку Марію Пихманъ, у коей Леопольдовъ квартировалъ, и живущаго у ней, служащаго въ комитетѣ строеній гидравлическихъ работъ, архитекторскаго помощника, Карла Скотти, тоже, по необнаруженію изъ ни въ чемъ винности, оставить свободными, и дѣланыхъ имъ по сему спросовъ ни въ какое предосужденіе не ставить; и 5) Уѣздному суду за неаккуратность его въ распросахъ Леопольдова, и за то, что оный не спросилъ сочинителя, Пушкина, почему отрывокъ элегіи его: „Андрей Шенье", не бывъ пропущенъ цензурою, сталъ переходить, во всей полнотѣ, изъ рукъ въ руки,—а чиновника Коноплева: по каковому случаю имѣлись у него разные писанные имъ стихи, что палата дополнила сама, сдѣлать чувствительный выговоръ и подтвердить впредь быть осмотрительнѣе и отъ упущеній остерегаться. Приказали: о должномъ, по сему высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта и выведенной сенатомъ справки, исполненіе предписать новгородскому губернскому правленію указомъ; обративъ при таковомъ же въ уголовную палату и подлинное о Леопольдовѣ дѣло; что жъ касается до найденныхъ въ квартирѣ у находившагося по секретной части чиновника 14-го класса Коноплева рукописныхъ сочиненій, въ коихъ заключаются: а) „Ода на свободу" и б) „Басня Бичъ", то оныя препроводить, посредствомъ г. управляющаго министерствомъ юстиціи, къ господину генералъ-адъютанту Бекендорфу; для чего сообщить въ департаментъ министерства юстиціи копію съ опредѣленія. Августа 27-го дня 1828 года.

Сообщ. П. А. Степановъ.

Библиотека "Руниверс"

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1797 г. [1])

3-го іюля. Повелѣно е. в. королю польскому отдавать принадлежащую честь по уставу. (№ 53).

7-го іюля. Продается дворовый человѣкъ 19-ти лѣтъ, въ Большой Милліонной у вдовы Елены Васильевны, въ домѣ маіора Трипольскаго, подъ № 17, спросить дворника. (№ 54).

10-го іюля. Продается мальчикъ 12-ти лѣтъ; а о цѣнѣ спросить въ Кадетской линіи, въ домѣ купца Загибенина, дворника Алексѣя Сендюкова. (№ 55).

14-го іюля. Въ книжныхъ лавкахъ у купца Зотова, подъ № 18 и 20, продается «Пѣснь на новый 1797 годъ, его императорскому величеству, сочиненная г. Озерецковскимъ». (№ 56).

— Такса припасамъ съ 14-го по 19 іюля 1797 г.:

мука, ржаная, куль 6 р. 85 к., 6 р. 40 к., 6 р.
— пшеничная, пудъ 2 р. 60 к., 2 р. 26½ к.
масло, топленое, пудъ 5 р. 60 к., 5 р. 45 к.
— чухонское, пудъ 7 р. 50 к., 5 р. 15 к.
— конопляное, пудъ 3 р. 10 к.
рожь, четверть 6 р. 70 к.
ячмень, четверть 5 и 4 р. 75 к.
овесъ, четверть 4 р. 20 к., 3 р. 40 к.
говядина, пудъ 2 р. 40 к., 2 р., 1 р. 70 к.
ветчина, копченая, пудъ 4 р. 80 к.
— провѣтренная, пудъ 4 р. 20 к.
свинина, свѣжая, пудъ 4 р. 40 к.
солонина, пудъ 2 р., 1 р. 60 к.
телята, 1 сортъ 15 р. 75 к.
— 2 — 10 » — »
— 3 — 8 » — »
— 4 — 4 » — »
бараны 5 р., 3 р., 2 р. 50 к.
поросята, 1 р. 40 к., 80 к., 60 к.
сало, фунтъ 7½ к.
икра, пудъ 8 р., 6 р., 5 р. 75 к.
сѣно, — 30 к. (№ 56).

24-го іюля. Изображеніе катафалка въ Бозѣ почивающихъ государей, императора Петра III-го и государыни Екатерины II-й, продается въ домѣ купца Милютина, противъ Католицкой церкви, у Казанскаго моста, по 1 р. 50 к. листъ. Портреты государя императора Павла I-го и государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, каждый листъ по 1 р. Продаются оные листы у

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при Академіи Наукъ. См. въ «Русской Старинѣ», изд. 1874 г., т. XI, стр. 187—190.

Библиотека "Руниверс"

отъѣзжающихъ въ чужіе края купцовъ, Жана Бабтиста и Франсуа Ленци, живущихъ подъ № 821, въ 3 части. (№ 59).

— Г. Пиннети имѣлъ вчера 3-е свое представленіе. Онъ великую пріобрѣлъ себѣ похвалу и всѣ увѣряютъ, что подобнаго ему не видывали; 4-е его представленіе будетъ въ воскресенье, 26-го іюля. (№ 59).

31-го іюля. Іюля 25-го, его императорское величество сдѣлалъ выговоръ генералу отъ кавалеріи Дерфельдену за то, что лейбъ-кирасирскаго его величества полку берейторъ былъ командированъ для принятія на полкъ овса. (60).

— Полковнику Адамовичу сдѣланъ выговоръ за непримыканіе штыковъ, когда всѣ прочіе уже примкнули. (№ 61).

4-го августа. Прошлаго 1796 года, іюня 13 дня, отъ г. кригсъ-цалмейстера, маіорскаго чина, Ивана Вальмана, крѣпостные его дворовые люди: Тимоѳей Тарасовъ и Леонтій Афанасьевъ, бѣжали; первый, 15-ти лѣтъ, росту небольшаго, бѣлокуръ, лицомъ бѣлъ, глаза сѣрые, имѣлъ на себѣ платье: фракъ, штаны суконные, темносѣрые, жилетъ бѣлый казимировый, съ полосами, въ сапогахъ, шляпа круглая; второй—18-ти лѣтъ, росту средняго, лицомъ бѣлъ, волосы темнорусые, глаза сѣрые, на немъ платье: сюртукъ темносиній, суконный, жилетъ бѣлый, канифасовый, штаны суконные, шляпа треугольная, округъ тульи съ золотымъ галуномъ и чернымъ бантомъ. И если оные бѣглецы гдѣ признаны будутъ, то ихъ задержать и представить, куда слѣдуетъ по законамъ, а тому, кто доставитъ объ нихъ господину свѣдѣніе, дано будетъ 50 р. (№ 62).

— Продается, Псковской губерніи, Великолуцкаго округа, у самаго города на берегу рѣки Лазовицы, каменная голландская, о четырехъ вѣтренныхъ и дву машинныхъ поставахъ, лучшимъ образомъ выстроенная, мельница; при ней деревянный домъ, со службами, и на двадцати саженяхъ каменный солодоростильный заводъ съ особымъ, каменнымъ, для сушенія, овиномъ, которую и съ землею купить желающій адресоваться можетъ въ Новгородъ къ прапорщику Василію (Ивановичу) Семевскому, или къ брату его, корнету Егору (Ивановичу) Семевскому, Великолуцкаго уѣзда, въ с. Федоровцово. (№ 62).

14-го августа. Августа 10-го (приказы въ городѣ Павловскѣ):

Его императорское величество благоволилъ объявить свое удовольствіе сегодняшнему разводу баталіона генералъ-маіора Свѣчина и пожаловалъ на каждаго человѣка по одному фунту рыбы.

Генералъ отъ инфантеріи кн. Голицынъ, по прошенію его, съ 1-го сентября увольняется отъ службы, а командованіе имѣть по немъ генералъ-маіору барону Аракчееву. (№ 65).

— Въ Садовой улицѣ, противъ Лѣтняго сада, въ Турчаниновомъ домѣ, подъ № 799, отдаются, для дворянства, покои, богато убранные и съ драгоцѣнными мебелями, помѣсячно и въ годы въ наемъ. (№ 65).

18-го августа. Августа 14-го и 16-го. (приказы въ г. Павловскѣ):

Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка поручикъ Шепелевъ выключенъ въ Елецкій мушкетерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бытности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и въ пляскѣ. (№ 66).

Его императорское величество, за недонесеніе ему объ ушибѣ унтеръ-офицеромъ рядоваго Павловскаго гренадерскаго полку, дѣлаетъ выговоръ генералъ-лейтенанту Вадковскому. (№ 66).

Библиотека "Руниверс"

Музей имени Государя Наслѣдника Цесаревича

въ Москвѣ.

Въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ, по мѣрѣ приближенія нашего отечества къ празднованію тысячелѣтія, русское общество занималъ важный вопросъ о томъ, чѣмъ будетъ увѣковѣчено это событіе? По этому поводу выражено было въ печати нѣсколько предположеній, болѣе или менѣе умѣстныхъ и осуществимыхъ; дѣло ограничилось сооруженіемъ въ Новгородѣ памятника тысячелѣтію.

Но Россіи, вступающей во второе тысячелѣтіе, необходимъ живой памятникъ ея минувшаго бытія, необходима народу русскому лѣтопись въ лицахъ, общепонятная, общедоступная, наглядная, въ которой народъ нашъ могъ-бы вѣкъ за вѣкомъ прослѣдить постепенное развитіе отечества на его пути преуспѣянія гражданскаго, также въ области наукъ, художествъ, искусствъ, торговли и промышленности, развитіе его военныхъ силъ и достиженіе того виднаго мѣста въ кругу европейскихъ державъ, которое нынѣ занимаетъ Россія. Этой насущной потребности предстоитъ полнѣйшее удовлетвореніе въ близкомъ будущемъ и живою лѣтописью тысячелѣтней Россіи будетъ историческій Музей имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Приводя сообщенное намъ предсѣд. управленія музея А. А. Зеленымъ извлеченіе изъ устава этого учрежденія, истинно великаго, монументальнаго, считаемъ излишнимъ распространяться о томъ громадномъ вліяніи, которое оно, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть на общественное образованіе русскаго народа, на ознакомленіе его съ отечественной исторіею. Музей вмѣститъ въ своихъ стѣнахъ всѣ пособія къ отечествовѣдѣнію, отъ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Это учрежденіе, созидаемое въ Москвѣ, срединной столицѣ русскаго царства, по своей цѣли имѣетъ одинаковое значеніе съ университетомъ или академіею, но вполнѣ народною, русскою, такъ какъ оно будетъ неизсякаемымъ источникомъ знанія и просвѣщенія. Каждый русскій съ сочувствіемъ и восторгомъ отнесется къ этому живому памятнику тысячелѣтняго бытія Россіи.

Ред.

Въ Уставѣ Музея, Высочайше утвержденномъ 1874 года, между прочимъ, постановлено: Почетный Президентъ Музея Его—Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

§ 1 Уст. Въ Москвѣ учреждается Музей имени Государя Наслѣд-

Библиотека "Руниверс"

ника Цесаревича, съ цѣлію служить наглядною исторіей главныхъ эпохъ русскаго государства.

§ 2 Уст. Въ Музеѣ будутъ собираться всѣ памятники знаменательныхъ событій исторіи русскаго государства. Эти памятники, расположенные въ хронологической послѣдовательности, должны представлять, по возможности, полную картину каждой эпохи, съ памятниками религіи, законодательства, науки и литературы, съ предметами искусствъ, ремеслъ, промысловъ, и вообще со всѣми памятниками бытовой стороны русской жизни, а равно съ предметами военныхъ и морскихъ силъ.

§ 3 Уст. Замѣчательнѣйшія событія и главнѣйшіе дѣятели каждой эпохи будутъ изображены посредствомъ живописи и ваянія.

Сообразно этимъ началамъ проектирована программа Музея изъ слѣдующихъ восьми отдѣловъ:

Отдѣлъ 1. Древности христіанскія. Христіанскіе памятники отъ перваго до половины десятаго вѣка;—должны показывать постепенное развитіе церковныхъ древностей и состояніе христіанскаго искусства въ то время, когда Русь приняла вѣру христіанскую отъ Грековъ. Цѣлый рядъ надписей, фресокъ, саркофаговъ, мозаикъ, предметовъ церковной утвари, образцовъ византійской иконописи, будетъ заканчиваться памятниками Херсониса, въ которомъ крестился Владиміръ.

Отдѣлъ 2. Древности языческія первыхъ временъ существованія Руси, а также другихъ славянскихъ народовъ. Въ совокупности этотъ отдѣлъ долженъ представлять ту степень развитія, на которой стояли славянскія племена, когда каждое изъ нихъ приняло христіанскую вѣру.

Отдѣлъ 3. Періодъ Кіевскій. Съ принятіемъ христіанской вѣры развивается связь между Русью и Византіей; съ этихъ поръ памятники художествъ, науки и литературы получаютъ преобладающій оттѣнокъ византійскаго вліянія: не только стиль въ памятникахъ вещественныхъ, но даже и научное вліяніе въ памятникахъ письменныхъ сохраняетъ византійскій отпечатокъ, — до тѣхъ поръ, пока Кіевъ остается первопрестольнымъ городомъ Руси.

Отдѣлъ 4. Періодъ Суздальскій. Памятники этого періода— когда, съ перенесеніемъ столицы Андреемъ Боголюбскимъ (1169 г.) изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, вся политическая и умственная жизнь сосредоточивается на сѣверѣ—утрачиваютъ постепенно свой

Библиотека "Руниверс"

византійскій характеръ и начинаютъ проявлять первые слѣды русскаго стиля. Въ особенности зданія церковныя, гражданскія и постройки военныя въ это время служатъ характеристическими образцами измѣненій стиля. Наконецъ, подъ вліяніемъ призванныхъ западныхъ художниковъ, памятники получаютъ еще болѣе своеобразный отпечатокъ.

Отдѣлъ 5. Періодъ Московскій. Этотъ отдѣлъ представитъ многочисленные памятники: зодчества церковнаго, гражданскаго и военнаго, иконописи, ваянія, литературы, какъ свѣтской, такъ и церковной, и первые начатки типографскаго дѣла, которые будутъ наглядно свидѣтельствовать о состояніи государственнаго развитія въ ту эпоху. Собираніе русской земли, начатое Іоанномъ Калитою (1327—1340), повліяло и на развитіе русскаго стиля; а потому съ этого, въ особенности, времени русскіе памятники получаютъ еще болѣе самобытный характеръ.

Отдѣлъ 6. Первый періодъ дома Романовыхъ. Такъ какъ со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳеодоровича заканчивается періодъ внутреннихъ смутъ и возстановляется внутреннее спокойствіе, то въ памятникахъ этого времени будетъ ясно видно постепенное возрожденіе наукъ, искусствъ, художествъ и ремеслъ.

Отдѣлъ 7. Второй періодъ дома Романовыхъ. Отъ Петра Великаго до Екатерины II.

Отдѣлъ 8. Третій періодъ дома Романовыхъ. Отъ Екатерины II до новѣйшихъ временъ.

§ 8 Уст. Средства Музея составляютъ: а) основной капиталъ въ 154,000 руб., пожертвованный коммерціи совѣтниками И. А. Кононовымъ и И. И. Зайченко; б) единовременныя и постоянныя пожертвованія; в) сборъ съ публичныхъ чтеній и лекцій и доходовъ съ продажи изданій Музея; г) плата за входъ въ Музей въ опредѣленные дни, по усмотрѣнію Управленія Музея.

Независимо этихъ средствъ, имѣется въ виду доходъ отъ отдачи въ наемъ помѣщеній въ цокольномъ и подвальномъ этажахъ зданія Музея, которые не могутъ быть употреблены для прямыхъ цѣлей Музея.

§ 12 Уст. За ученыя заслуги и труды по составленію сочиненій, соотвѣтствующихъ цѣлямъ Музея, и по устройству цѣлыхъ отдѣловъ Музея, Управленіе онаго, съ утвержденія почетнаго президента, выдаетъ преміи и медали золотыя и серебряныя, большія и малыя.

§ 13 Уст. О награжденіи за особыя заслуги членовъ Музея и за значительныя пожертвованія, сдѣланныя въ пользу Музея, Управленіе онаго представляетъ ежегодно 26-го февраля и 30-го августа почетному президенту, для доклада Государю Императору.

Библиотека "Руниверс"

§ 14. Уст. Музей имѣетъ членовъ: а) почетныхъ, б) учредителей, в) дѣйствительныхъ, г) соревнователей и д) корреспондентовъ.

§ 15 Уст. Почетные члены Музея: а) Особы Императорской фамиліи, которыя благоволятъ изъявить согласіе на принятіе этого званія, и б) лица, оказавшія особыя заслуги Музею.

§ 16 Уст. Членами-учредителями Музея признаются тѣ лица, которымъ принадлежитъ иниціатива устройства Музея, а также тѣ лица, которыя примутъ на себя отвѣтственность въ обезпеченіи одного изъ его отдѣловъ необходимыми для того средствами.

§ 17 Уст. Дѣйствительными членами Музея признаются лица, которыя содѣйствовали выполненію цѣлей Музея научными трудами или значительными пожертвованіями (не менѣе 5,000 руб. единовременно или 500 руб ежегодно).

§ 18 Уст. Членами-соревнователями признаются лица, сочувствующія цѣлямъ Музея и обязавшіяся вносить ежегодно не менѣе 200 руб. или 2,000 руб. единовременно.

§ 19 Уст. Членами-корреспондентами признаются лица, которыя могутъ быть полезны своими научными трудами и постоянными сообщеніями свѣдѣній, соотвѣтствующихъ цѣлямъ Музея.

§ 20 Уст. Тѣ изъ членовъ-учредителей, почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ Музея, которые избраны въ члены Управленія, но не состоятъ на государственной службѣ, пользуются до тѣхъ поръ, пока находятся въ составѣ Управленія, заурядъ правами V класса.

§ 21 Уст. Завѣдываніе дѣлами Музея возлагается на Управленіе онаго.

§ 22 Уст. Управленіе состоитъ: изъ предсѣдателя, двухъ товарищей предсѣдателя и двѣнадцати членовъ, изъ коихъ одинъ исполняетъ обязанность секретаря, а другой—должность казначея.

Составъ Управленія въ 1874 году: предсѣдатель — генералъ-адъютантъ А. А. Зеленой; товарищи предсѣдателя: дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ А. С. Уваровъ и гвардіи полковникъ Н. И. Чепелевскій; члены: тайный совѣтникъ Д. Ѳ. Кобеко; дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. А. Ермаковъ; статскій совѣтникъ А. А. Брюзгинъ (онъ же и казначей), коммерціи-совѣтники: И. А. Кононовъ и И. И. Зайченко.

§ 26 Уст. При Управленіи находятся двѣ постоянныхъ Коммисіи: ученая, и для устройства народныхъ чтеній.

Въ 1874 году организована ученая Коммисія изъ предсѣдателя—гр. А. С. Уварова, членовъ: Н. И. Чепелевскаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго и В. Е. Румянцова.

Библиотека "Руниверс"

§ 29 Уст. Члены постоянныхъ Коммисій пользуются заурядъ правами VI класса.

Примѣчаніе. По усмотрѣнію Управленія могутъ быть образованы временныя Коммисіи, для обсужденія разнаго рода спеціальныхъ вопросовъ.

Приведенные §§ 2 и 3 Устава, обнимая собою всю программу Музея, указываютъ и цѣль его учрежденія—сдѣлать доступнымъ для всѣхъ ближайшее знакомство съ отечественною исторіею и съ замѣчательными дѣятелями государства.

Незнаніе отечественной исторіи составляетъ замѣтный пробѣлъ въ нашей общественной жизни; у людей образованныхъ, за исключеніемъ небольшаго кружка спеціалистовъ, знаніе исторіи ограничивается большею частію свѣдѣніями изъ эпохи послѣдняго времени. Исторіи же и быта старой Руси мы совсѣмъ не знаемъ. Гдѣ же общество найдетъ это знаніе, куда оно обратится за нимъ? То, что сдѣлала наука, доступно не многимъ; притомъ же оно не собрано, не сведено, не составляетъ полной картины, а только картина, только наглядное представленіе могутъ оставлять неизгладимое впечатлѣніе, имѣть нравственное вліяніе.

Если наше образованное общество мало знаетъ прошлое, то еще менѣе знаетъ его необразованное большинство. Для массы наглядность еще необходимѣе, чѣмъ для людей образованныхъ; что тамъ дѣлается пособіемъ, однимъ изъ средствъ, то здѣсь становится единственнымъ путемъ Картина и сцена—лучшіе воспитатели народныхъ массъ.

Музей—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ достиженію народнаго образованія. Музей долженъ, если не оригинально, что часто невозможно, то въ слѣпкѣ, въ изображеніи, представить всѣ сохранившіеся памятники прошедшей жизни. Цѣлый рядъ этихъ памятниковъ наглядно покажетъ развитіе государственной жизни. Если каждая эпоха представлена въ своихъ характерическихъ памятникахъ, то посѣтитель вынесетъ отчетливое понятіе о бытѣ той эпохи; художественное воспроизведеніе важнѣйшихъ событій въ стѣнописи дополнитъ и оживитъ это впечатлѣніе. Въ библіотекѣ Музея желающій найдетъ оправданіе того и другаго видѣннаго имъ предмета, памятника или изображенія. Ученыя лекціи при Музеѣ должны удовлетворить научной и ученой дѣятельности занимающихся отечественной исторіей. Общедоступныя чтенія, съ объясненіемъ историческихъ памятниковъ, заключающихся въ Музеѣ, отвлекутъ, безъ сомнѣнія, рабочій классъ отъ вреднаго препровожденія времени, возбудятъ его любознательность и наглядно научатъ пониманію исторической жизни русскаго государства.

Библиотека "Руниверс"

Обширная задача — представить наглядно тысячелѣтнюю жизнь русскаго государства,—составляющая цѣль учрежденія Музея, можетъ быть достигнута только при общемъ сочувствіи и желаніи видѣть у насъ учрежденіе, долженствующее, по своему внутреннему содержанію, получить значеніе національнаго Музея.

Постановленіе Московской Городской Думы, 16-го апрѣля 1874 года.

Московская Городская Дума не можетъ отнестись иначе, какъ съ полнымъ сочувствіемъ и глубокою благодарностью, къ мысли—основать въ Москвѣ историческій Музей. Въ этой мысли вѣетъ тотъ же духъ, который неоднократно выражался въ Высочайшей волѣ о неизмѣнномъ сохраненіи древностей. Уваженіе къ древности есть, несомнѣнно, одно изъ проявленій истиннаго просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ учреждаемое хранилище памятниковъ жизни народной само станетъ всероссійскимъ памятникомъ, который будетъ свидѣтельствовать о любви народа русскаго къ своему отечеству, объ уваженіи его къ исторической святынѣ и къ подвигамъ предковъ. Желательно, поэтому, избрать для сооруженія Музея такое мѣсто, которое бы вполнѣ удовлетворяло условіямъ, необходимымъ для такого зданія. Нужно, чтобы это мѣсто было само замѣчательно въ историческомъ отношеніи, и центрально по своему положенію; оно должно быть открыто со всѣхъ сторонъ, и достаточно обширно для того, что-бы воздвигнутое на немъ зданіе было видно со всѣхъ сторонъ и что-бы свѣтъ могъ свободно и обильно проникать въ залы, для освѣщенія выставленныхъ предметовъ. Несомнѣнно, что Красная площадь какъ нельзя лучше удовлетворяетъ первому условію, именно, чтобы мѣсто подъ Музей было центральное и замѣчательное въ историческомъ отношеніи. Но другимъ условіямъ, по нашему мнѣнію, болѣе удовлетворяетъ то мѣсто на Красной площади, которое занято теперь старымъ зданіемъ Присутственныхъ мѣстъ, чѣмъ то, которое предложено отвести вдоль Кремлевской стѣны, между Никольскою и Спасскою башнями. Будучи построенъ тамъ, гдѣ теперь находится старое зданіе Присутственныхъ мѣстъ, Музей выходилъ бы двумя фасадами на площадь, а другими двумя—на широкіе подъѣзды. Участокъ этотъ предназначается подъ постройку Городской Думы, и по этому самому, можетъ быть, онъ и не имѣлся въ виду при составленіи проекта постройки Историческаго Музея. Но если поставить вопросъ, чему лучше быть на этомъ мѣстѣ—Городской-ли Думѣ или Историческому Музею, то едва-ли можно усомниться дать предпочтеніе послѣднему.

Руководствуясь этими основными началами, Дума постановила: 1) Выразить Его Императорскому Высочеству чувства глубокой признательности Московскаго городскаго общества за избраніе Москвы

Библиотека "Руниверс"

мѣстомъ для основанія Историческаго Музея. 2) Выразить полное сочувствіе мысли Государя Наслѣдника Цесаревича о постройкѣ Музея на Красной площади. 3) Довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Высочества, что городъ готовъ пожертвовать лучшее мѣсто на Красной площади, какимъ онъ можетъ располагать, а именно—то мѣсто, которое пріобрѣтено имъ у казны для постройки Думы, и въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ былъ предположенъ отводъ ею подъ сію постройку; и что Дума предоставляетъ Августѣйшему Почетному Президенту Музея выборъ того или другаго мѣста, по собственному Его Императорскаго Высочества усмотрѣнію. 4) Уполномочить Управу, по воспослѣдованіи рѣшенія Государя Наслѣдника Цесаревича въ пользу того или другаго мѣста, сдѣлать распоряженіе объ отчужденіи того мѣста, которое будетъ избрано Его Императорскимъ Высочествомъ, и сдѣлать въ актѣ отчужденія точное обозначеніе границъ того мѣста.

Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, данный на имя Московскаго Городскаго Головы Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Шумахера.

Даніилъ Даніиловичъ! Съ сердечнымъ удовольствіемъ читалъ Я представленное вами постановленіе Московской Городской Думы о готовности ея принесть въ даръ участокъ городской земли на Красной площади для возведенія на немъ зданія Историческаго Музея. Съ соизволенія Государя Императора, изъявляю полное согласіе на принятіе для Музея предлагаемаго Думой мѣста съ находящимся на немъ зданіемъ.

Мнѣ особенно пріятно было видѣть въ постановленіи Думы выраженіе единодушнаго сочувствія къ мысли объ учрежденіи въ Москвѣ хранилища памятниковъ русской исторіи, и Я считаю долгомъ выразить вамъ и членамъ Думы душевную Мою признательность за приношеніе, одушевленное столь искреннимъ чувствомъ. Вполнѣ увѣренъ, что Московское городское общество, искони ревностное ко всякому дѣлу, достойному чести русскаго имени, приметъ живое участіе въ дальнѣйшемъ устройствѣ Музея, коего развитіе принесетъ несомнѣнную пользу народному просвѣщенію и составляетъ предметъ Моихъ заботъ и желаній.

Пребываю къ Вамъ навсегда доброжелательный.

На подлинномъ собственною рукою Его Императорскаго Высочества написано: *Цесаревичъ Александръ.*

Мая 1 дня 1874 года.
С.-Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

КАВКАЗЦАМЪ.

Ближайшее, болѣе обстоятельное изученіе нашего прошлаго, начинаетъ положительно обращаться у насъ въ насущную потребность. Явленіе это тѣмъ утѣшительнѣе, что оно находитъ полную поддержку и покровительство со стороны правительства и высшихъ лицъ въ государствѣ. То, что недавно было сдѣлано къ собранію и обнародованію отдѣльнымъ изданіемъ разбросанныхъ и нигдѣ до того не напечатанныхъ свѣдѣній о Севастопольской войнѣ, повторяется теперь и въ отношеніи Кавказа. Помѣщая ниже сего обнародованное отъ имени его императорскаго высочества в. к. Михаила Николаевича приглашеніе ко всѣмъ ветеранамъ Кавказской арміи, имѣющимъ матеріалы для исторіи войны и русскаго владычества на Кавказѣ и за Кавказомъ, редакція „Русской Старины“ не можетъ не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ выраженной въ немъ основной мысли и не пожелать, чтобы великая, слишкомъ полувѣковая, драма, розыгравшаяся на Кавказскомъ перешейкѣ, сдѣлалась предметомъ описанія, подобающаго высокому ея значенію. Но если обиліе и разнообразіе матеріаловъ, которые имѣютъ быть собраны, и предварительная критическая ихъ оцѣнка, должны послужить будущему историку главнымъ подспорьемъ, то должно высказаться въ пользу того, что-бы лица, которымъ будетъ поручено веденіе дѣла, обратили на первыхъ же порахъ особенное вниманіе на тѣ, повидимому неважныя, подробности и частные случаи, о которыхъ разсказы, еще живущіе въ устахъ участниковъ борьба, изо дня въ день предаются забвенію. Небольшія монографіи, составленныя на основаніи такого рода данныхъ, удерживаютъ за собою нерѣдко бо̀льшую важность, чѣмъ длинныя реляціи, выставляя факты въ настоящемъ и должномъ ихъ свѣтѣ. Что касается мемуаровъ и записокъ лицъ, занимавшихъ на

Библиотека "Руниверс"

Кавказѣ нерѣдко весьма видное положеніе, то нѣкоторые изъ нихъ, къ сожалѣнію, подверглись невозвратной утратѣ. Такая участь, между прочими, постигла бумаги, оставшіяся послѣ покойнаго князя Василія Осиповича Бебутова, посвятившаго Кавказу свою слишкомъ сорока-лѣтнюю служебную дѣятельность. Отнынѣ подобные печальные случаи, надо надѣяться, болѣе не повторятся въ особенности въ виду означеннаго приглашенія, на которое, нѣтъ сомнѣнія, не замедлятъ отозваться всѣ сочувствующіе преуспѣянію науки и разработкѣ отечественной исторіи. Ред.

Отъ имени его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича, намѣстника кавказскаго и главнокомандующаго кавказскою арміею, ко всѣмъ имѣющимъ матеріалы для исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ и за Кавказомъ.

25-го августа 1874 года. С.-Петербургъ.

Сегодня минуло пятнадцать лѣтъ со дня, когда плѣненіе Шамиля войсками, подъ начальствомъ главнокомандовавшаго кавказскою арміею, нынѣ генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго, положило конецъ долголѣтней войнѣ въ той части Кавказа, гдѣ война была наиболѣе тяжела и кровопролитна; въ маѣ нынѣшняго года минуло десять лѣтъ съ поры, когда къ подножію престола всероссійскаго могъ быть повергнутъ умиротвореннымъ весь Кавказъ отъ Чернаго и Азовскаго морей до моря Каспійскаго. Приближается время спокойной безпристрастной оцѣнки дѣяній русской власти и русскихъ войскъ и ихъ представителей на поприщѣ, занимающемъ видное мѣсто въ исторіи русскаго государства.

Нѣкоторыми лицами въ разныхъ изданіяхъ и въ различное время печатались отдѣльные очерки эпохъ кавказской войны; постепенный разборъ многочисленныхъ архивовъ дозволилъ приступить къ разработкѣ исторіи войны и владычества русскихъ въ Закавказьи, съ перваго появленія нашихъ войскъ въ этомъ краѣ. Для полноты и правильности подобной работы приходится пожелать появленія въ свѣтѣ тѣхъ описаній очевидцевъ и дѣятелей, кои хранятся у авторовъ или въ потомствѣ ихъ и доселѣ почему-либо не были изданы.

На современномъ поколѣніи, которому достался счастливый удѣлъ увидѣть войну, казавшуюся нескончаемою, оконченною, увидѣть горы, казавшіяся недоступными, покрывающимися явленіями мирной жизни, на поколѣніи нашемъ лежитъ святая обязанность, преклоняясь передъ дѣлами отцевъ, принести посильную лепту на то, что-бъ достойное памяти не изгладилось временемъ, что-бъ не лишить исторію

Библиотека "Руниверс"

принадлежащихъ ей славныхъ страницъ. Доблестныя имена лицъ, стяжавшихъ славу въ кавказской войнѣ, и ихъ подвиги должны на вѣки оживотворять духъ русской арміи и народа. Ходъ упроченія русской власти и русской жизни въ мѣстности, замѣчательной естественными препятствіями, ходъ умиротворенія многолюднаго, взрощеннаго въ своеволіи населенія, достойны тщательнаго изученія. Громадность всякаго рода жертвъ, принесенныхъ кавказской войнѣ со всѣхъ сторонъ русскаго царства; многочисленность семействъ, представители коихъ положили жизнь свою въ горахъ и ущельяхъ Кавказа, даютъ основаніе и право желать, что-бъ подробности великой борьбы, порожденной историческою необходимостью, результаты коей съ каждымъ годомъ все болѣе обильно выказываются, не оставались чуждыми ни русскому уму, ни русскому сердцу.

Въ іюнѣ сего года состоялось высочайшее разрѣшеніе на изданіе въ Тифлисѣ сборника матеріаловъ для исторіи кавказской войны на средства, состоящія въ распоряженіи его императорскаго высочества главнокомандующаго кавказскою арміею.

Его Императорское Высочество обращается ко всѣмъ ветеранамъ кавказской войны, къ участникамъ послѣдней ея эпохи, къ семьямъ и потомкамъ лицъ, когда-либо находившихся на Кавказѣ, съ просьбою содѣйствовать этому полезному дѣлу. Государь Великій Князь проситъ всѣхъ владѣющихъ рукописями или могущихъ вновь написать таковыя, всѣхъ имѣющихъ у себя документы касательно кавказской войны, не отказать въ доставленіи ихъ на имя Его Высочества „въ собственныя руки“. По ближайшимъ указаніямъ государя великаго князя, получаемыя статьи будутъ печататься и издаваться въ свѣтъ книжками безъ назначенія для выпуска оныхъ какихъ-либо сроковъ, а подлинники будутъ сохраняться въ цѣлости.

Съ тою же просьбою и съ такою же цѣлью Его Высочество обращается къ лицамъ, имѣющимъ матеріалы касательно войнъ закавказскихъ, особенно послѣдней 1853—1856 годовъ.

Форма изложенія, форма и видъ рукописи не должны стѣснять автора или владѣльца ея; необходимо только, что-бъ при высылкѣ, или при представленіи личномъ сочиненія, дѣлались указанія: кѣмъ, а если то заслуживаетъ вниманія, и при какихъ условіяхъ онѣ составлены.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ДОНСКАГО АТАМАНА ДЕНИСОВА.

1763—1841.

IX.[1])

Движеніе русскихъ войскъ къ Прагѣ.— Штурмъ Праги.— Уничтоженіе польской кавалеріи.—Взятіе въ плѣнъ польскаго генерала Вавржецкаго.

1794.

По уничтоженіи корпуса Костюшки, русскія войска тронулись къ Прагѣ. Хотя подполковникъ Денисовъ былъ начальникомъ шести казачьихъ полковъ, но ему велѣно идти съ однимъ изъ нихъ по берегу Вислы. Денисовъ отрядилъ впередъ себя сотника Плетнева, который, не доходя мѣстечка Карчево, наткнулся на два польскихъ эскадрона, опрокинулъ ихъ и болѣе 70-ти человѣкъ взялъ въ плѣнъ, имѣя у себя только 50 казаковъ. Денисовъ, подкрѣпивъ его 20-ю казаками, приказалъ продолжать преслѣдованіе. Въ Карчево храбрый Плетневъ атаковалъ опять непріятеля, выгналъ его изъ мѣстечка, но герой былъ самъ убитъ пулею въ грудь.[2]) Ночью вступилъ въ Карчево и Денисовъ. Отсюда ему нужно было идти на Колыбель, но никто изъ жителей не рѣшался показать дорогу, и всѣ отзывались незнаніемъ такого мѣста, боясь Поляковъ. Ни просьбы, ни даже плети не дѣйствовали; тогда Денисовъ собралъ всѣхъ женщинъ и объявилъ имъ, что если жители не укажутъ мѣста нахожденія Колыбель и не снабдятъ проводниками, то тотчасъ же вспыхнетъ все мѣстечко Карчево. Онъ приказалъ уже казакамъ запастись горящими головнями, тогда только упали жители на колѣни, объяс-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 1—46; т. XI, стр. 379—410.

[2]) 12-го октября 1794 г..

Библиотека "Руниверс"

нили, что Колыбель не далѣе 15-ти верстъ и дали проводниковъ, съ которыми казаки, по хорошей чрезъ большой лѣсъ дорогѣ, благополучно прошли.

Между тѣмъ графъ Суворовъ, гоня Поляковъ отъ Вильны и Гродно къ Варшавѣ и присоединивъ къ себѣ войска Ферзена и гр. Денисова, подступилъ къ Прагѣ. Войска непріятельскія вошли въ Прагу, укрѣпивъ ее кругомъ рвомъ, валомъ и ямами. Казаки закрывали лѣвый флангъ арміи. 17-го и 18-го октября 1794 г. они дрались съ непріятелемъ при селеніи Збытки. Рано, на зарѣ, 24-го октября, Суворовъ двинулъ войска на штурмъ. Казачьи полки стояли за регулярными войсками, внѣ картечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Подполковникъ Денисовъ съ полкомъ находился въ колоннѣ Тормасова, которая именовалась шестою. Подъ градомъ ядеръ, картечи и пуль прошли колонны наши, не останавливаясь и вездѣ поражая или плѣняя непріятелей. Графъ Денисовъ штурмовалъ нѣсколько удаленное отъ Праги укрѣпленіе, защищаемое съ одной стороны непроходимымъ болотомъ, а съ другой рѣкою Вислой. Когда колонна Тормасова прошла за валъ, ворвалась въ укрѣпленіе и обезоружила защищавшихъ его Поляковъ, подполковникъ Денисовъ, съ согласія Тормасова, поспѣшилъ на помощь дядѣ въ тылъ непріятеля.

«Мнѣ надо было по маленькому мосту, на которомъ съ большою нуждою могли стать рядомъ три лошади, переѣхать чрезъ очень болотистой ручей, что хотя я давно уже зналъ, но сіе меня не остановило. Проѣхавъ мостъ, увидѣли мы въ лѣсу, который закрывалъ отъ насъ непріятеля и положеніе его, столбомъ подымающуюся пыль, посему я остановилъ полкъ, поставилъ въ лаву и пошелъ малою рысью. Пыль увеличивалась и сближалась. Наконецъ выѣзжаетъ къ намъ вчетверо сильнѣе польская конница и въ минуту стала фронтомъ. Видя такое неравенство, я не смѣлъ атаковать, но рѣшился, и то потому, что смѣшалея и, по необходимости, требовалъ, что-бъ Поляки сдались, но произвелъ сіе гордо и даже обидно, почему и отвѣчали мнѣ выстрѣлами. Тогда приступилъ къ послѣдней крайности и приказалъ рѣшительнымъ голосомъ полку—атаковать Поляковъ. Не успѣлъ выговорить я приказъ, какъ всѣ казаки съ громкимъ крикомъ «ги!» пустились на ударъ. Казакъ Быкодоровъ,—объ отличной храбрости котораго и прежде уже въ сей моей исторіи описано,—въ это время было

Библиотека "Руниверс"

ему ввѣрено полковое, съ изображеніемъ Божіей матери, знамя, которое преклоня, полетѣлъ впередъ и отъ всѣхъ казаковъ отдалился саженей на 15, несся въ середину непріятеля, такъ что изумилъ и остановилъ меня. Польская кавалерія произвела сильную пальбу; пыль и дымъ закрыли отъ глазъ моихъ всѣ дѣйствія. Я скачу къ непріятельскому флангу и слышу того-жъ Быкодорова голосъ, уже сзади непріятелей: «коли, ребятушки, коли!» обскакиваю съ фланга, соединяюсь съ полкомъ и симъ ободривъ казаковъ, атакуемъ непріятеля съ тылу, опрокидываемъ и близъ самой Праги, противъ Варшавы, вгоняемъ въ рѣку Вислу. Передніе пустились вплавь чрезъ рѣку и всѣ тонули, заднихъ убивали казаки. Я кричалъ, что-бъ первые сдавались, а послѣдніе перестали убивать, но страхъ и замѣшательство препятствовали слышать меня. Я въѣхалъ въ рѣку, схватилъ за перевязь одного польскаго офицера и приказалъ кричать своимъ, что-бъ сдавались, которой, хотя отъ страха трясся, но уразумѣлъ и исполнилъ. Ближайшіе къ нему въ минуту соскочили съ лошадей; другіе, увидя сіе, то-жъ сдѣлали; стоя нѣкоторые по шею въ водѣ, просили пардону, и казаки перестали убивать, гнали ихъ изъ воды, отбирали лошадей и деньги».

«Лошадей взято столько, что на каждаго казака досталось почти по три лошади, хотя подоспѣвшій подполковникъ Красновъ съ полкомъ Орловымъ, когда гнали поляковъ изъ воды, многихъ успѣли схватить лошадей. Въ плѣнъ взято также нѣсколько сотъ Поляковъ, но они большею частью ранены были. Тутъ я узналъ, что гр. Денисовъ ниспровергъ всѣ препятствія, завладѣлъ всѣми укрѣпленіями, и что̀ осталось живое взялъ военноплѣнными. Почему, отправя своихъ плѣнныхъ по командѣ, а лошадей въ лагерь, я вышелъ назадъ изъ Праги и получа позволеніе, воротился въ лагерь. За сіи дѣйствія былъ я награжденъ золотою саблею съ надписью: «за храбрость». При семъ нужнымъ считаю изъяснить, что полка моего казаки, хотя много получили лошадей, но не имѣли оттого должнаго воздаянія, потому что лошади были очень изнурены, поддержать ихъ было нечѣмъ, да и смотрѣть некому, время было холодное и мокрое, то ихъ и продали жидамъ по два руб. сер. за каждую».

По занятіи Праги, графъ Денисовъ посланъ былъ вверхъ по рѣкѣ Вислѣ, по правую ея сторону; съ нимъ были и казачьи

Библиотека "Руниверс"

полки подъ начальствомъ Краснова, а подполковникъ Денисовъ съ своимъ полкомъ былъ подчиненъ Краснову — младшему его. Оскорбленный Денисовъ хотѣлъ отказаться отъ экспедиціи, но дядя «уговорилъ не дѣлать сего»; за м. Карчево Красновъ переправилъ казаковъ на другой берегъ Вислы, противъ Гуры; по глубинѣ рѣки лошади плыли на пространствѣ 7—10 саженей. Графъ Денисовъ переправился выше Карчево. Въ Гурахъ находился съ отрядомъ изъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи генералъ Вавржецкій, замѣнившій Костюшку и потребовавшій возвращенія казаковъ за Вислу. «Красновъ смѣшался, не зналъ что начать. Полковые начальники, видя сіе, просили его, что-бъ отъѣхалъ въ сторону и предоставилъ рѣшеніе мнѣ, на что онъ согласился, взялъ нѣсколько казаковъ и поѣхалъ внизъ по Вислѣ, а имъ предоставилъ уговорить меня, дабы извлечь полки отъ стыда бѣжать отъ одного приказанія такого непріятеля, который почти уже не существовалъ, но котораго никакъ не могли мы атаковать. Принявъ за долгъ и точную обязанность, отложа всѣ постороннія неудовольствія, рѣшился я исполнить честь, вѣру и любовь къ престолу и отечеству: послалъ къ польскому генералу сказать, что я имѣю нѣчто ему предложить, а посему, что-бъ онъ выѣхалъ предъ свои войска впередъ, и я къ нему пріѣду, а гр. Денисову послалъ, что-бъ спѣшилъ насъ подкрѣпить и что безъ того мы со стыдомъ будемъ прогнаны». Вавржецкій не согласился на свиданіе и послалъ подчиненнаго офицера, «которому я сказалъ, что имѣю повелѣніе здѣсь ожидать особаго приказа, далѣе нейти, и сраженіе, ежели съ польскими войсками встрѣнусь, не начинать, а объявлять имъ, что начались мирные переговоры». Такъ говорилъ Денисовъ потому, что не имѣлъ достаточно силъ для нападенія на Вавржецкаго. Онъ разсчитывалъ на помощь гр. Денисова, который былъ еще позади. Вавржецкій прислалъ вторично офицера съ тѣмъ же требованіемъ; «на что я отвѣчалъ, что сіе не могу сдѣлать, и кто захочетъ принуждать къ тому, то буду обороняться,—съ чѣмъ онъ опять поѣхалъ. Но между тѣмъ я выигралъ столько времени, что увидѣлъ скакавшую во всѣ ноги нашу кавалерію къ намъ. Польской генералъ, увидѣвъ сіе, прислалъ спросить меня—что это значитъ; на что я велѣлъ ему сказать, что это приказъ мнѣ, которой я хорошо разумѣю, и что его милости надо съ войсками отдаться военно-

Библиотека "Руниверс"

плѣннымъ». Поляки, сдѣлавъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, побѣжали въ лѣсъ. По соединеніи яди съ племянникомъ, Вавржецкаго догнали съ 6-го подъ 7-е ноября 1794 г. въ Родишицахъ и пресѣкли ему всѣ пути отступленія. «Графъ Денисовъ рано послалъ 3-хъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, сказать Вовржецкому, что онъ атакованъ со всѣхъ сторонъ, и что-бъ со всѣмъ войскомъ сдался военноплѣннымъ, и что на размышленіе оставляетъ ему одинъ часъ времени. Мы нашли его со многими польскими генералами въ небольшомъ господскомъ домѣ и объявили, отъ чего онъ и другіе весьма смутились и просили отсрочить на бо́льшее время; но мы отвѣчали, что не отъ насъ сіе зависитъ. Они уединились въ особую горницу, медлили. Прошло болѣе часу; мы доложили что должно насъ рѣшить, но не получили отвѣта. Многіе изъ польскихъ офицеровъ и рядовыхъ пришли во дворъ того дома и примѣтно было довольно въ веселомъ видѣ, и шумѣли. Я нарочито смотрѣлъ въ окно, дабы примѣтить ихъ намѣреніе. Вижу нѣсколько человѣкъ на лошадяхъ, скачущихъ по улицѣ, прямо въ дворъ; угадываю, что это графъ Денисовъ, выхожу съ поспѣшностію къ нему и обо всемъ докладываю. Онъ, не останавливаясь, пошелъ въ домъ, а я приказалъ офицеру, съ нимъ пріѣхавшему, что-бъ поспѣшилъ привесть сильной конвой, дабы поставить удалыхъ весельчаковъ въ субординацію, а самъ явился къ графу, которой учтиво, но рѣшительно всѣмъ польскимъ генераламъ объявилъ, что они плѣнные и что тотъ же часъ должны отправиться въ назначенныя мѣста, что̀ они безпрекословно и выполнили. Польскихъ войскъ многіе офицеры были тутъ же отпущены въ дома, а другіе сами удалились, да и нижніе чины многіе разбѣжались. Россійскія войска возвратились къ Варшавѣ».

X.

Денисовъ въ Варшавѣ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Отзывъ императрицы Екатерины II.—Поѣздка на Донъ.— Заботы о воспитаніи дочери —Поѣздка волонтеромъ въ армію на Кавказъ. — Буря на Каспіи. — Въ Баку. — Платовъ. — Охота на кабановъ и на барса.

1795—1796.

Полкъ Денисова расположился по квартирамъ, а самъ онъ жилъ въ Варшавѣ, «гдѣ получилъ въ декабрѣ мѣсяцѣ извѣстіе,

Библиотека "Руниверс"

что ближайшіе мои родственники оговорены ненавистниками Денисовой фамиліи и, по простотѣ своей, хотя были совершенно невинны, обвиняются и могутъ быть несчастливыми по строгости законовъ». Андріянъ Карповичъ просилъ защиты у фельдмаршала Суворова и позволенія ѣхать въ Петербургъ; получилъ отпускъ и рекомендательныя письма; такими же письмами снабдили его графы Валеріанъ и Николай Александровичи Зубовы къ брату своему, князю Платону Александровичу, прося—милостиво принять Денисова въ свое покровительство. Въ Вильнѣ Денисовъ былъ съ почтеніемъ у Николая Васильевича Репнина.

Князь Платонъ Зубовъ обласкалъ казака; не менѣе любезно приняли его графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ и другіе вельможи. При помощи ихъ, Денисовъ получилъ «нѣкоторыя уважительныя милости моимъ родственникамъ и совершенно избавилъ отъ дальнѣйшихъ несчастій». Въ Петербургѣ Денисовъ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и истратился. «И какъ отецъ мой былъ небогатъ, а я совершенно ничего не имѣлъ и не пріобрѣлъ; къ тому-жъ видѣлъ, что со всѣмъ моимъ усердіемъ и отважностію, по военной службѣ не выигралъ предъ своими товарищами, и еще отъ нѣкоторыхъ отсталъ, посему видя свое несчастіе, рѣшился искать отставки, въ чемъ и открылся моимъ милостивцамъ». Одинъ случай заставилъ Денисова перемѣнить намѣреніе.

«Въ одно большое при дворѣ собраніе я также былъ въ многолюдной залѣ; стоялъ очень задумавшись и не видѣлъ какъ подошли ко мнѣ нѣсколько чужестранныхъ министровъ, стали рядомъ и спрашивали на французскомъ языкѣ другъ у друга: кто я такой молодой человѣкъ, а много имѣетъ знаковъ отличія Меня никто изъ нихъ не зналъ; но одинъ сказалъ, что по одѣянію долженъ я быть донскаго войска; другіе-жъ заключили, что хотя я и донской, но изъ другаго рода происхожу, потому что донскіе похожи всѣ на Орлова, а я имѣю сходство со всѣми европейцами. При семъ словѣ не могъ я, хотя желалъ, удержаться и нѣсколько улыбнулся; они сіе примѣтили и отошли. А вошедши во внутреннія залы, спрашивали у нашихъ россійскихъ, которые тамъ были—кто я и знаю-ли французскій языкъ? о чемъ и составили общій разговоръ. Въ самое это время вошла въ тотъ же залъ ея величество, государыня Екатерина Великая, и спросила о чемъ

Библиотека "Руниверс"

они говорятъ. Свѣтлѣйшій князь Зубовъ ей доложилъ. Тогда она изволила такъ сказать:

— «Это вѣрно вы видѣли Денисова, племянника генерала Денисова; я знаю его по рекомендаціямъ и весьма довольна, что онъ слѣдуетъ по стопамъ дяди своего».

«Послѣ чего императрица приказала князю Зубову о томъ объявить мнѣ. Сіе такъ ободрило меня, что я совершенно рѣшился не искать отставки, а продолжать военную службу; да и тѣ изъ благодѣтелей моихъ, которымъ я открылся прежде что буду проситься въ отставку, совѣтовали не дѣлать того».

Въ 1795 г. Андріянъ Карповичъ испросилъ отпускъ и поѣхалъ на Донъ. Тѣ изъ родныхъ, которыхъ Денисовъ избавилъ отъ несчастія, благодарили за его содѣйствіе. «И я бы,—говоритъ Денисовъ,— счелъ себя счастливымъ, ежели-бъ хотя нѣкоторое нашелъ утѣшеніе въ женѣ моей, которая, огорчась за долгую разлуку, совершенно огрубѣла ко мнѣ и бросила себя (т. е. опустилась?). Но болѣе всего оскорблялся я моею дочерью, къ которой болѣе и болѣе чувствовалъ привязанность: я нашелъ ее по девятому году, учающеюся въ домѣ моемъ отъ одного дьячка и отъ матери — часовнику и псалтырю. Меня увѣряли, что она худое имѣетъ понятіе и очень лѣнива. Я рѣшился самъ сіе испытать и повѣрить. Поѣхалъ къ замужней моей сестрѣ и дочь взялъ съ собою. Началъ испытывать дѣвочку, самъ обучая ее по букварю и не отходилъ отъ нея, какъ только для того, что-бы отдохнуть; принудилъ себя играть съ нею въ куклы и въ мячикъ; нашелъ въ ней откровенную дружбу и довѣренность; съ этимъ вмѣстѣ увидалъ я, что она имѣетъ превосходные таланты понятія и ума, но немного испорченнаго свойства (т. е. характера), почему и рѣшился увезти ее изъ дому и отдать ее въ пансіонъ, въ Кіевѣ или въ Харьковѣ»—но старики Денисовы были противъ такого плана. По ихъ понятіямъ, нельзя было отдать дѣвицу на воспитаніе къ чужимъ людямъ.

Объ этомъ узналъ полковой командиръ одного изъ конныхъ регулярныхъ полковъ, стоявшихъ на Дону, бригадиръ Ѳедоръ Христіановичъ Циммерманъ, у котораго была дочь однихъ лѣтъ съ дочерью Денисова. Онъ ручался, что жена его, живущая въ Тамбовѣ, возьметъ къ себѣ маленькую Денисову, если отецъ будетъ платить половину учителямъ и одѣвать. Г-жа Циммер-

Библиотека "Руниверс"

манъ согласилась и извѣстила мужа письмомъ, и старики Денисовы, подъ вліяніемъ Циммермана, изъявили наконецъ свое согласіе. Андріянъ Карповичъ повезъ дочь въ Тамбовъ, а потомъ чрезъ Воронежъ и Кіевъ прибылъ къ полку, въ Варшаву.

Въ исходѣ 1795 г. Денисовъ повелъ полкъ на Донъ; но въ Кіевѣ пробылъ довольно времени по случаю ледохода. «Господинъ губернаторъ, Василій Ивановичъ Красномилошевичъ, дѣлалъ нѣсколько вечеринокъ съ богатыми столами и танцами, въ большомъ домѣ, которой назывался дворцомъ; часто также большія были собранія и у нѣкоторыхъ особъ, гдѣ я всегда былъ приглашенъ, познакомился со всѣми тогда тамъ бывшими господами и провелъ время очень весело».

По прибытіи на Донъ, полкъ Денисова былъ распущенъ, но самъ онъ прожилъ дома недолго. 24-го іюля 1796 г. онъ отправился въ армію гр. Валеріана Александровича Зубова, на Кавказъ, волонтеромъ. При помощи астраханскаго губернатора, Александра Васильевича Алябьева, онъ нашелъ купеческое судно, на которомъ и отправился въ Персію. За шпицомъ Барнатомъ, а потомъ за Шаховою косою судно застигла такая буря, что Денисовъ, «дабы не откачнуться отъ мачты, всегда при нужномъ случаѣ привязывалъ себя веревкою, нарочно для сего къ мачтѣ прикрѣпленною. Весь экипажъ (простые мужики), видя таковую опасность, испужался и полагалъ смерть неминуемую; такъ смѣшались, что въ слезахъ, съ горькимъ рыданіемъ, другъ съ другомъ прощались и не внимали моей просьбѣ что-бъ молча молили Бога о помилованіи себя, и ожидали смерти или спасенія отъ сей бури. Къ свѣту дня вѣтеръ совершенно утихъ, и мы, бывъ въ толь бѣдственномъ положеніи и часто какъ бы на днѣ моря, подъ водою, въ совершенной темнотѣ, около 10-ти часовъ, остались всѣ до рубахъ мокры и дрожали отъ холода, но невредимы. Скоро подулъ самой легкой и попутной вѣтеръ и достигли къ самой Бакѣ (Баку), остановились на якорѣ и въ тотъ же часъ спустили въ море шлюпку. Я переѣхалъ въ городъ, гдѣ принеся за спасеніе отъ сихъ бурь Всевышнему благодареніе, навсегда отказался безъ крайней нужды быть въ морѣ».

Комендантъ Баку, графъ Апраксинъ, принялъ Денисова дружески. Изъ Баку Денисовъ ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи своего человѣка, выкреста изъ Турокъ, знавшаго по-персидски;

Библиотека "Руниверс"

Денисовъ ночевалъ въ одной персидской деревнѣ, въ скотскомъ «катухѣ». Зубовъ и Платовъ приняли его тоже дружески. Платовъ просилъ, что-бы Денисовъ оставался при немъ и снабдилъ его очень хорошею калмыцкою кибиткою, въ которой тотъ и жилъ. Одного изъ казаковъ Денисовъ научилъ ловить рыбу и снабжалъ ею знакомыхъ.

«А чрезъ то что всегда имѣлъ лучшую свѣжую икру и рыбу, понесъ я убытки, потому что, узнавъ о семъ, многіе очень знакомые, особо волонтеры, часто назывались на водку, подъ видомъ что у меня хорошая икра, а иногда и такія особы, которыхъ расположенія къ себѣ я искалъ; а подъ симъ видомъ приходили и наши донскіе волонтеры, которыхъ много туда наѣхало, и офицеры изъ полковъ, а водка тамъ была очень дорога».

По занятіи Дербента армія расположилась при рѣкѣ Курѣ, у Шамахи; никакихъ дѣйствій не происходило. Денисовъ развлекался охотою на кабановъ, лисицъ, чекалокъ и птицъ; убилъ даже одного барса. «Распорядили сію охоту такъ, что подчинили себя всѣ одному младшему офицеру, только бывалому на подобныхъ охотахъ; придали себѣ чины для успѣшнаго распоряженія въ случаѣ нужномъ. Мнѣ досталось быть пятидесятникомъ, то-есть нарядчикомъ и блюстителемъ очереди. Въ два дня мы застрѣлили кабановъ до 20-ти, множество затравили лисицъ, чекалокъ и дикихъ котовъ, не занимаясь стрѣляньемъ птицъ, хотя всюду видѣли большія стаи лебедей и разныхъ другихъ птицъ».

«Когда многіе гонялись за кабанами и стрѣляли въ нихъ, я примѣтилъ, что одинъ казакъ шибко скакалъ съ боку ко мнѣ. Подавшись къ нему, я спросилъ зачѣмъ онъ скачетъ безъ надобности? Казакъ отвѣтилъ, что въ камышахъ видѣлъ большаго барса. Владѣя довольно хорошо ружьемъ и имѣя въ рукахъ двустволку, я рѣшился тотчасъ схватить столь лестный призъ — какъ убить барса! Поскакалъ съ казакомъ къ камышу; казакъ показалъ мнѣ гдѣ надо искать звѣря; я осмотрѣлъ ружье и, не сходя съ лошади, подался впередъ; наконецъ вижу лежащаго барса. Прицѣлился ему въ бокъ, подъ переднюю лопатку и выстрѣлилъ. Въ тотъ-же моментъ выстрѣлилъ по немъ и другой подскакавшій къ намъ казакъ. Барсъ вскочилъ и побѣжалъ. Я, имѣя въ готовности другой зарядъ, погнался за нимъ, но казакъ, обогнавъ меня, ударилъ барса дротикомъ. Барсъ сдѣлалъ прыжокъ и, схва-

Библиотека "Руниверс"

тивъ казачью лошадь за шею, такъ пригнулъ ее къ землѣ, что та упала на переднія колѣна. Я прицѣлился, но не могъ выстрѣлить, такъ какъ ружье было заряжено картечью, а ноги казака были близки къ звѣрю. Казакъ бодро держался на лошади; въ эту минуту подскакалъ другой казакъ и ударилъ звѣря дротикомъ. Барсъ, оставя лошадь, бросился къ ударившему его всаднику, но тутъ я выстрѣлилъ и на этотъ разъ столь удачно, что перебилъ ему обѣ заднія ноги. Барсъ держался на переднихъ ногахъ, смотрѣлъ на насъ злобно и сильно рычалъ. Мгновенно соскочилъ я съ лошади и, схвативъ у казака дротикъ, ткнулъ его въ пасть звѣря; съ большимъ усиліемъ удалось мнѣ свалить его и убить. Все общество охотниковъ произвело меня въ чинъ есаула».

XI.

Поѣздка въ Петербургъ депутатомъ къ императору Павлу. — Разговоръ съ императоромъ. — Высылка изъ Петербурга. — Сборы къ походу въ Италію. — Смотръ войска Аракчеевымъ.

1797—1798.

По вступленіи на престолъ императора Павла I, войскамъ приказано возвратиться въ Россію. Графъ Зубовъ отправился въ Астрахань моремъ, а войска возвращались сухимъ путемъ чрезъ Баку, Дербентъ и другіе города, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рахманова. Денисовъ слѣдовалъ съ тремя казачьими полками: Донскимъ, Терскимъ и Волжскимъ. «Послѣ встрѣтились мы съ войсками генерала Булгакова, которой и принялъ подъ свое командованіе всѣ россійскія войска». Денисовъ испросилъ увольненіе и отправился на Донъ, въ Пятиизбянскую станицу.

«Послѣ коронаціи государя императора Павла Петровича, скоро на мѣсто умершаго войска донскаго войсковаго атамана Иловайскаго, получилъ сіе достоинство генералъ Орловъ. Я за долгъ счелъ поздравить его въ семъ достоинствѣ, для чего съ роднымъ и двумя двоюродными моими братьями, поѣхалъ въ городъ Черкаскъ, гдѣ, исполнивъ предположенное, угостили его и многихъ нашихъ членовъ канцеляріи и именитыхъ чиновниковъ хорошимъ обѣдомъ и возвратились въ свои дома. Но недолго я оставался покоенъ; былъ потребованъ въ Черкаскъ для засѣданія въ войсковой канцеляріи, гдѣ и оставался до 1798 года, въ которомъ войсковымъ атаманомъ и войсковою-жъ канцеляріею из-

Библиотека "Руниверс"

бранъ былъ депутатомъ для принесенія его величеству отъ войска Донскаго за пожалованіе ему старыхъ правъ благодарности, что и исполнилъ обще съ дядею моимъ, графомъ Денисовымъ, тогда бывшимъ въ Петербургѣ. При семъ разѣ я былъ представленъ и ея величеству государынѣ императрицѣ. Государь императоръ самъ повелѣлъ мнѣ войти во внутренніе свои покои, гдѣ удостоился въ присутствіи его величества пить водку и быть за обѣденнымъ столомъ».

«Но вотъ какъ иногда человѣкъ подвергается неожиданному испытанію: я и графъ Денисовъ представлены были на вахт-парадѣ, въ Гатчинѣ. Государь императоръ пожаловалъ насъ своею рукою и изъявилъ войску донскому великія милости; при чемъ показалось мнѣ, что онъ изволилъ на меня смотрѣть, а посему и судилъ я, что государь императоръ разумѣетъ меня, какъ присланнаго и довѣреннаго. Почему, по окончаніи изъявленія милостей его, осмѣлился засвидѣтельствовать преданность всего донскаго войска и готовность доказать оную на самомъ дѣлѣ. Но сіи слова мои не были угодны его величеству, за что и сдѣланъ мнѣ выговоръ».

«Но за всѣмъ тѣмъ, когда государь императоръ возвратился въ Петербургъ и на большомъ придворномъ балѣ, при многолюдномъ собраніи, гдѣ и я находился, одинъ изъ господъ камергеровъ или камеръ-юнкеровъ,—не упомню,—подошедъ ко мнѣ, сказалъ, что-бъ я вышелъ нѣсколько передъ собраніе и что его величество будетъ со мною говорить,—тутъ, признаться, какъ небывалой, не могъ я равнодушно и не очень смущенно выполнить повелѣнное; но государь императоръ подошелъ ко мнѣ, весьма милостиво спросилъ объ обыкновенныхъ матеріяхъ, какъ-то: чѣмъ въ настоящее время мы занимаемся въ домахъ и тому подобное, чѣмъ бывъ ободренъ, отвѣчалъ я прилично».

«Въ Петербургѣ я остался долго по желанію дяди моего, графа Денисова, и уже выѣхалъ по повелѣнію начальства—что случилось нечаянно и для меня оскорбительно: я имѣлъ квартиру въ казачьемъ подворьѣ, гдѣ также находились донскаго войска полковникъ Бузинъ и маіоръ Чернозубовъ; въ одинъ вечеръ пришли къ нимъ два или три ихъ знакомые, съ которыми начали они играть въ карты, въ банкъ, болѣе для препровожденія времени. Составили малой банкъ и ставили сообразно тому. Я пришелъ къ нимъ и тожъ началъ играть, что продол-

Библиотека "Руниверс"

жалось за полночь. Въ сіе-то время приходитъ къ намъ полицейской офицеръ и спрашиваетъ:

— «Не тутъ-ли подполковникъ Денисовъ и полковникъ Бузинъ?»

«Когда же мы ему сказали, что тутъ, то онъ именемъ государя императора объявилъ, что-бъ мы въ 12 часовъ выѣхали изъ Петербурга и спѣшили бы явиться къ войску. Я весьма испужался, что не обнесенъ-ли какимъ злымъ человѣкомъ, да и занятіе мое картами, когда полицейской явился къ намъ, весьма тревожило меня, почему до свѣта явился къ гр. Аракчееву, которой весьма снисходительно принялъ меня. Когда же я ему доложилъ, что мнѣ велѣно поспѣшно выѣхать, и что я, хотя совершенно ни въ чемъ не виноватъ и не могу даже быть обвиняемъ, но дабы злой человѣкъ не помаралъ меня въ мнѣніи государя императора, прошу его о защитѣ, и что я первымъ долгомъ считаю вѣрно служить государю императору и сей же часъ, конечно, выполняя его волю, ѣду отсюда. Графъ Аракчеевъ, выслушавъ меня, увѣрилъ въ своемъ покровительствѣ; при томъ сказалъ: «вы нужны въ настоящее время при войскѣ, а потому такъ и велѣно» — что и дядя мой, гр. Денисовъ, дозналъ и мнѣ подтвердилъ».

«Я, точно, въ десятомъ часу выѣхалъ изъ Петербурга, чрезъ Москву и Тамбовъ, гдѣ видѣлъ милую мою дочь, воспитываемую и учащуюся лучшимъ образомъ по благодѣтельству гг. Циммерманъ. Бывъ обрадованъ тѣмъ, не находился я какъ возблагодарить ихъ даже и словами. Ко умноженію одолженій, они меня приняли какъ совершенно роднова, у которыхъ пробывъ нѣсколько дней въ домѣ, возвратился на Донъ, къ моимъ родителямъ, а послѣ явился, въ городѣ Черкаскѣ, къ войсковому атаману».

«Скоро послѣ сего, въ ономъ же 1798 году, по возвращеніи моемъ въ домъ, получилъ я повелѣніе явиться на сборное мѣсто близь Черкаска, для принятія полка, одного изъ 22-хъ наряженныхъ экстренно. Я нашелъ многихъ чиновниковъ и казаковъ, уже собравшихся и особыхъ чиновниковъ, составляющихъ полки; по составленіи которыхъ, всѣ, подъ командою войсковаго атамана Орлова, двинулись къ польскому мѣстечку Бресту, по приходѣ куда я получилъ ордеръ быть съ 6-ю полками готову къ выступленію въ Италію».

«Корпусъ россійскихъ войскъ собрался въ окружности Бре-

Библиотека "Руниверс"

ста, подъ командою генерала отъ инфантеріи Розенберга. Пріѣхалъ инспекторомъ графъ Аракчеевъ, которой весьма милостиво ко мнѣ отзывался и словесно, нѣсколько разъ, именемъ государя императора, приказывалъ, что-бъ не давалъ казаковъ чиновникамъ; да и по повелѣнію генераловъ въ ихъ дежурства, не давалъ бы лишнихъ, и обо всѣхъ таковыхъ повелѣніяхъ доносилъ бы прямо государю императору».

«Съ Бреста россійское войско въ лучшемъ порядкѣ выступило. Я съ 6-ю полками поступилъ въ авангардъ, которой ввѣренъ былъ младшему предо мной, полковнику Багратіону.[1]) Я-было хотѣлъ представить о семъ рапортомъ, но друзья мнѣ сказали, которымъ открылся, что-бъ на первой случай перенесъ. Князь Багратіонъ обошелся со мной ласково и не вошелъ въ претензію, что полки, а не я, относились ему рапортами, почему и я молча переносилъ, какъ всегдашнюю участь казаковъ. При томъ же я обнадеживался, что военныя дѣла предоставятъ мнѣ случай заслугами найти право старшинства».[2])

XII.

Походъ чрезъ Германію въ Италію.—Смотръ русской арміи римскимъ императоромъ.—Наѣздничество казаковъ.—Вѣна.—Гостинцы.—Казаки—предметъ любопытства иностранцевъ.

1799.

«Всякій маршъ войскà наши соблюдали прекрасной порядокъ; нижніе чины въ квартирахъ довольствованы были хорошо. Дороги всѣ находили гладкія и хотя шли зимою и довольно холодно, но не терпѣли никакой нужды и болѣзней. Въ городахъ всегда находили угощенія и забавы, особенно въ Брюнѣ».

---

[1]) Денисовъ произведенъ въ полковники 23-го января 1798 г.

[2]) Изъ «Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.», изданной Е. Фуксомъ въ 1826 году и изъ «Исторіи войны 1799 года», — Д. А. Милютина,— (72 прил. къ I част. VI гл.), видно, что въ войнѣ этой участвовало, подъ начальствомъ походнаго атамана Денисова, восемь Донскихъ казачьихъ полковъ: Денисова 5-го, Грекова 8-го, Семерникова, Сычова, Паздѣева 1-го, Молчанова, Курнакова и Паздѣева 2-го; въ полкахъ этихъ состояло: генераловъ 2, штабъ-офицеровъ 16, оберъ-офицеровъ 112, нижнихъ чиновъ 4,031.

При выступленіи изъ Россіи полки эти не имѣли въ своемъ составѣ генераловъ: показанные въ нихъ 2 генерала (Денисовъ и Курнаковъ) произведены въ эти чины за храбрость въ битвахъ съ Французами, въ Италіи. («Санктпетербургскія Вѣдомости» 1799 г., № 50; высочайшіе приказы 20 и 21-го іюня).

А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

«Въ Брюнѣ я познакомился съ одною госпожею, довольно знатною, изъ Италіи удалившейся по занятіи оной Французами. Она изъ любопытства выѣхала на встрѣчу нашихъ войскъ; примѣтивъ я это, подъѣхалъ къ ея каретѣ и предложилъ мою готовность услужить ежели въ чемъ могу, чѣмъ она отозвалась быть довольною. По нѣкоторымъ маловажнымъ ея замѣчаніямъ спрашивала моихъ объясненій о войскахъ нашихъ, а потомъ весьма ласково просила, чтобъ я доставилъ ей случай познакомиться со мной болѣе. На другой день, послѣ обѣда, я свидѣтельствовалъ ей въ ея домѣ мое почтенье. Также нашелъ я знакомство съ графомъ Ламбертомъ и его супругою, у которыхъ часто бывалъ, и бывъ часто принуждаемъ объясняться по-французски, симъ возобновилъ познаніе сего языка».

«Въ семъ городѣ (Брюнѣ) осмотрѣлъ Россійскія войска римскій императоръ, прибывшій въ городъ съ императрицей. Всѣ генералы и полковники наши и я, съ донскимъ же, состоящимъ въ моей командѣ, полковникомъ, были приглашены къ столу его величества. И я имѣлъ счастіе говорить съ ихъ величествами на французскомъ языкѣ. При осмотрѣ войскъ нашихъ, донскіе были только три полка. Мнѣ велѣно было произвесть оными атаку и вразсыпную экзерсировать, что по нашему (казачьему) называется наѣздничать; а какъ дѣйствія казачьи, военныя, не могутъ представить краснваго виду, почему я распорядился, что-бъ въ маршѣ сгустить ряды, дабы не можно было видѣть количества казаковъ, а когда поскачутъ въ атаку, вразсыпную, что-бъ занимали обширнѣе поле, отчего и показалось весьма болѣе казаковъ въ дѣйствіи — чѣмъ ихъ величества весьма были довольны. Зрителей, Австріи генераловъ и другихъ чиновъ, было много, а также были и Венгерцы, которые особенно смотрѣли на всѣ дѣйствія казаковъ, при чемъ весьма я былъ занятъ мыслію, чѣмъ бы доказать ловкость нашу».

«Будучи въ такихъ мысляхъ и всматриваясь въ лѣвую сторону поля, увидѣлъ, что недалеко отъ нашихъ полковъ находится старой, довольно глубокой и широкой, долгой ровъ, у котораго берега нѣсколько осыпались, и что съ большою смѣлостію можно оной переѣхать вскачь. Почему рѣшился на сіе, и подъ предлогомъ лучше полки въ линію поставить, сдѣлалъ съ ними такой оборотъ, что два полка должны будутъ, дѣлая атаку, скакать прямо на оной ровъ и чрезъ оной, о чемъ я объявилъ полковымъ начальникамъ

Библиотека "Руниверс"

съ тѣмъ, что-бъ они внушили каждому, дабы исполнили мой планъ въ точности; занять же назначенное мѣсто приказалъ сдѣлать съ быстротою, по сотенно. Какъ казаки не знаютъ регулярныхъ правилъ, то всегда таковые обороты дѣлаютъ въ смѣшанномъ видѣ — что другимъ кажется странно и неумѣло, но для казаковъ очень хорошо и даже нужно».

«Когда отданъ былъ приказъ, все поскакало и все казалось смѣшалось. Зрители хотя ѣздили на прекрасныхъ лошадяхъ, но не знали, въ какую сторону поворотиться; а казаки, какъ бы моментомъ пролетѣвъ нѣсколько сотъ саженей, остановились въ порядкѣ въ двѣ линіи, или по нашему—въ двѣ лавы. Зрители явились передъ полками. Я слышалъ изъ говорящихъ, что это ихъ удивило. Приказано мнѣ было повторить разсыпную атаку—что я и ожидалъ. Снѣгъ на четверть аршина глубины, которымъ поле было покрыто, заставлялъ меня безпокоиться — могутъ-ли хорошо казаки проскакать чрезъ ровъ, почему рѣшился — отдавъ въ глазахъ всѣхъ нужныя приказанія что-бъ ожидали знака къ атакѣ, пустился самъ, съ бывшими при мнѣ чиновниками, показать примѣръ. Лошадь подо мной прекрасная была, да и та одною ногою, выскакивая изъ рова, нѣсколько ошиблась, но не упала; одинъ казакъ скатился съ лошадью назадъ, но также удержался на оной. Тогда я ободрился, сдѣлалъ знакъ, полки пустились, и два полка, которые должны были проскакать чрезъ ровъ, сдѣлали такъ хорошо, что зрители, не знавши что есть ровъ и не примѣтивши его, какъ заровненнаго снѣгомъ, бросились искать казаковъ, но уже не нашли ни одного казака во рву, и столь были симъ удивлены, что самые венгерскіе чиновники признавались мнѣ, что они на своихъ лошадяхъ того не могутъ сдѣлать».

«Римскій императоръ остался доволенъ (всѣми нашими) войсками и многимъ сдѣлалъ подарки». Денисовъ, въ числѣ прочихъ, приглашенъ былъ къ столу императора и получилъ отъ него «брилліантовый, тысячи въ двѣ рублей, перстень». Изъ Брюна войска направились къ Вѣнѣ, которую обошли въ самомъ близкомъ разстояніи.

«Когда войска наши остановились на ночлегъ въ окружности Вѣны, полкъ мой занималъ квартиры версты полторы или двѣ отъ сего славнаго города. Близъ моей квартиры я увидѣлъ—когда проходилъ улицами что-бы узнать всѣ-ли въ порядкѣ казаки нахо-

Библиотека "Руниверс"

дятся—одинъ большой, каменной, новой, еще во многомъ неотдѣланной и нещикатурной домъ, дворъ обнесенъ также новою высокою каменною стѣною. Простота архитектуры большаго зданія, низкость онаго, хотя въ два этажа, все сіе, какъ вновь и вдругъ дѣлается, понудило меня заглянуть во дворъ, которой увидѣлъ, что весь молодыми и недавно посаженными деревьями былъ усаженъ, со многими аллеями и разными фигурами. Сіе все умножило мое любопытство; я вошелъ во дворъ и первой человѣкъ, которой встрѣлся со мной, большаго росту, видной, старыхъ уже лѣтъ, когда я его спросилъ: «могу-ли я осмотрѣть изъ одного любопытства оной домъ», отвѣчалъ: «очень можно», и что онъ готовъ быть моимъ проводникомъ. Онъ съ большою учтивостію удовлетворялъ въ моихъ вопросахъ, доказывалъ почему что дѣлалось, и когда я пожелалъ всѣ малые, но необходимые при большомъ домѣ службы и постройки видѣть, онъ удовлетворилъ меня. Домъ былъ построенъ по отмѣнно составленному плану и всѣ надобности, семей на нѣсколько, были съ большою выгодою расположены. Осмотрѣвъ оной и нѣчто разспроса о садѣ, и кому все оное принадлежитъ, поблагодаря его, я возвратился на квартиру. На зарѣ, одѣвшись въ сюртукъ и на приготовленной хозяиномъ квартиры моей одноколкѣ, поскакалъ я въ Вѣну, по которой нѣсколько пробѣжалъ пѣшкомъ улицъ, былъ въ кафедральномъ костелѣ, прошелъ чрезъ дворцовой дворъ и поспѣшилъ явиться къ своему мѣсту, дабы не упустить чего по службѣ».

«По возвращеніи моемъ, вошелъ ко мнѣ молодой, прилично одѣтой, во фракѣ, человѣкъ и съ большою учтивостію сказалъ по-французски, что онъ имѣетъ надобность къ полковнику Денисову. А когда я ему отвѣчалъ, что я тотъ полковникъ, то онъ сказалъ—что принцъ, но не упомню имени, свидѣтельствуетъ мнѣ почтеніе и проситъ принять присланныя отъ него для меня вещи, какъ-то: 30 бутылокъ лучшаго токайскаго вина, прекраснаго и очень свѣжаго коровьяго масла, сыру, колбасъ, два окорока ветчины, нѣсколько зелени и кореньевъ. Видя, что вся присылка относится хотя для одного стола, но, не будучи знакомъ оному принцу, за лучшее счелъ не принять, почему такъ и отвѣчалъ. Тогда сей молодой человѣкъ пояснилъ мнѣ, что господинъ, которой служилъ проводникомъ мнѣ при осматриваніи дома, есть самой тотъ принцъ, которой прислалъ тѣ вещи для моего стола,

Библиотека "Руниверс"

и какъ уже знакомой, проситъ принять и быть навсегда знакомымъ, почему я и принялъ, и чрезъ того же свидѣтельствовалъ мое почтеніе и благодарилъ за присылку».

«Корпусъ нашъ уже былъ готовъ къ походу и еще рано тогоже дня потянулся далѣе. Сближаясь уже къ Италіи, услышали мы, что графъ Суворовъ-Рымникской ѣдетъ къ намъ и будетъ россійскими и австрійскими командовать войсками».

«При семъ случаѣ поясню мое положеніе. Отъ границъ Россіи корпусъ русскихъ войскъ раздѣленъ былъ на двѣ части и хотя казачьи полки также раздѣлялись и со мной находилось лишь три полка, но всѣ (казачьи полки) состояли въ моей командѣ. Корпусной начальникъ всѣ повелѣнія относящіяся къ онымъ полкамъ, писалъ ко мнѣ».

«Любопытство чужестранныхъ великихъ людей видѣть казаковъ — было велико; многіе изъ-далека для сего пріѣзжали и всѣ таковые хотѣли видѣть меня, какъ казачьяго начальника. Коммиссары, прикомандированные со стороны Австріи для продовольствія нашихъ войскъ, были генеральскихъ чиновъ, уважали меня и почитали, соотвѣтствуя чему, я старался болѣе еще къ тому ихъ понудить, во-первыхъ, что-бъ дисциплину казаки соблюдали въ высшей степени, въ чемъ и успѣлъ, такъ что ни одна исторія противузаконная, во всѣхъ полкахъ, чрезъ все время марша, не случилась, и что-бъ всѣ чины обходились съ жителями учтиво».

Розенбергъ любилъ хлѣбосольство и часто по утрамъ устраивалъ на маршѣ завтраки; ему послѣдовали Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ и князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, «и я, какъ состоящій уже въ большомъ замѣчаніи у всѣхъ, нашелся какъ бы принужденнымъ, а можетъ не умѣлъ и своему нестолюбію отказать—послѣдовать тому-жъ»; потомъ установили сходиться на завтраки, похожіе на обѣды, по очереди. Розенбергъ «вездѣ являлся съ сикурсомъ хорошаго вина, а иногда и вкусныхъ блюдъ подъ желе и т. п.

«Но со всѣмъ тѣмъ какъ небогатой я человѣкъ, не имѣлъ излишнихъ денегъ и ни малѣйшаго источника откудова ихъ взять, терпѣлъ я большой недостатокъ, а потому сколько могъ достать занялъ я у своихъ полковыхъ начальниковъ и офицеровъ, но удержался въ порядкѣ и мы съ княземъ Багратіономъ

Библиотека "Руниверс"

обходились съ большою дружбою, такъ что я забылъ мою скорбь, что состою у младшаго въ нѣкоторой подчиненности. А какъ онъ (князь Багратіонъ) равнялся по инфантеріи и скоро по томъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, то я совершенно по сей части успокоился, тѣмъ болѣе, что онъ въ поведеніи ко мнѣ не показывалъ перемѣны».

XIII.

Суворовъ.—Казачій способъ опредѣлять мѣстность.—Занятіе Бергамо.—Сраженіе при Аддѣ.—Австрійскіе генералы совершенно отказываются отъ командованія казаками.—Занятіе Милана.—Разговоръ съ Суворовымъ.

Фельдмаршалъ, графъ Суворовъ-Рымникскій, нашелъ австрійскія войска въ Валеджіо и оставался здѣсь нѣсколько дней, поджидая прибытія русскихъ войскъ. «Увидѣвши меня, милостиво привѣтствовалъ, — при чемъ сказалъ, что онъ радъ видѣть знакомаго офицера».[1]) Въ Веронѣ Суворовъ приказалъ Денисову идти впередъ и, по распоряженію австрійскаго генералъ-квартирмейстера, маркиза Шателера, начать кампанію. Послѣдній посовѣтовалъ запастись для каждаго офицера планами и вѣрными часами, необходимыми для дѣйствій въ такой странѣ, какъ Италія.

«Я уже и самъ видѣлъ, что частыя водяныя широкія канавы, частыя селенія и самые города сдѣлаютъ препятствіе нечаяннымъ скрытымъ казачьимъ подъѣздамъ, безъ которыхъ дѣйствіе казаковъ не было бы страшно непріятелю, и малыми командами открыто невозможно наладить, но что будутъ дѣлать офицеры, не имѣющіе понятія о планахъ и не умѣющіе обращаться съ ними, да и часы, по бѣдности нашихъ офицеровъ, не могутъ многіе купить. Почему отвѣчалъ его превосходительству, Шателеру, что того нельзя сдѣлать, а по усмотрѣніи въ началѣ придумаемъ о способахъ. На другой день двинулся съ полками впередъ. Г. Шателеръ велъ оные самъ и, по сближеніи къ одному селенію, объяснилъ, что далѣе французскія войска уже должны быть, почему приказалъ начинать дѣйствовать и обо всѣхъ первыхъ встрѣчахъ ему доносить; самъ остался при полкахъ».

---

[1]) 9-го апрѣля, въ Валеджіо, «Суворовъ распредѣлилъ казачьи полки по всѣмъ колоннамъ арміи, приказавъ имъ слѣдовать въ головѣ. Онъ разсчитывалъ на впечатлѣніе, которое должны были произвести въ этомъ краѣ наши бородатые донцы». («Истор. войны 1799 г.» Д. А. Милютина, част. II, гл. XV, стр. 270).

«Получа таковые приказы и наставленія, я немедленно приказалъ нарядить четыре или пять, подъ начальствомъ одного офицера, небольшихъ командъ; приказалъ идти впередъ, по назначенному распоряженію, на нѣкоторую дистанцію, находить всѣ возможные способы въ нужныхъ переправахъ, искать французскія войска, считать ихъ непріятелями, бить и брать въ плѣнъ. Помолясь Богу, испрося его благословенія и защиты, отправилъ сіи команды, и обо всемъ объяснилъ генералу Шателеру, которой хотя и похвалялъ всѣ мои дѣйствія, но находилъ, что оныя не будутъ выполнены».

Если начальники отраженныхъ командъ не могли передать названія мѣстности, то указывали на то или другое мѣсто по строеніямъ и отличающимъ ихъ фигурамъ и краскамъ. Шателеръ имѣлъ возможность удостовѣряться въ вѣрности показаній казаковъ и когда они указывали на особенности зданія, то итальянцы, бывшіе при Шателерѣ, тотчасъ же узнавали мѣстность и называли ее, «тогда и казаки припоминали, что такъ и жители говорили, а посему и увѣрялись, что точно то селеніе, гдѣ французовъ видѣли; да и по картѣ, показанія казаковъ о разстояніи и направленіи согласны были». По полученіи и свѣркѣ всѣхъ донесеній начальниковъ казачьихъ командъ, Шателеръ сказалъ, «что ежели бы онъ не былъ самовидцомъ, то никогда бы тому не повѣрилъ, и прибавилъ мнѣ, что-бъ я дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, а самъ онъ возвратился къ фельдмаршалу Суворову».

«Я, оставшись съ одними казачьими полками, – потому что регулярныя войска, бывшія въ авангардѣ, пошли совсѣмъ по другой дорогѣ въ сторону,—подъ командою князя Багратіона, соображаясь съ донесеніями моихъ посылаемыхъ офицеровъ, пошелъ съ полками далѣе, и отправя напередъ другія двѣ или три партіи, приказалъ смѣлѣе поступать и открыть непремѣнно все непріятельское войско, бывшее предо мной, и стараться достать хотя одного военнаго француза въ плѣнъ. На другой день я узналъ, что французскій корпусъ, въ пяти тысячахъ состоящій, противъ меня, и ретируется. Я поспѣшилъ къ нему сближаться; но принималъ всѣ осторожности, дабы не быть прижату къ горамъ, въ правой рукѣ у меня бывшимъ. Я достигъ оной корпусъ въ одномъ небольшомъ городѣ, которой раздѣляетъ довольно глубокая и ши-

Библиотека "Руниверс"

рокая рѣчка. не имѣющая бродовъ. Французы, перейдя рѣчку, сломали имѣющійся въ городѣ мостъ, и взявъ къ своему берегу всѣ лодки, остановились, да и близь города верстъ на десять поломали мосты и суда къ себѣ прибрали. Не имѣя возможности переправиться за рѣку, я донесъ о всемъ фельдмаршалу и остановился близь города. На другой или третій день князь Багратіонъ прибылъ съ регулярными войсками ко мнѣ, и также остановился. Сіе происходило въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1799 г., подъ 13-е число. Въ ночи узналъ я, что Французы сняли пушки, прикрывавшія одинъ, въ 8-ми или 10-ти верстахъ отъ города, не совсѣмъ испорченной мостъ, которой въ особенности приказано было наблюдать казакамъ, и, дабы непріятеля, не упущая времени, настичь на маршѣ, положено было самимъ кн. Багратіономъ: не дожидаясь приказанія, гнаться, ежели найду способъ переправиться за рѣчку, за непріятелемъ. По полученіи извѣстія о оставленіи сказаннаго моста, я тотчасъ, со всѣми полками, рысью пошелъ къ оному, а найдя оной уже, офицеромъ стоящимъ для наблюденія съ командою, исправленнымъ столько, что можно было лошадей перевезть, донесъ кн. Багратіону, и, переправя полки, погнался за Французами; многихъ нашелъ отъ усталости оставленныхъ и болѣе 150 таковыхъ взялъ въ плѣнъ. Наконецъ, при захожденіи солнца настигъ и весь непріятельской корпусъ, которой весь состоялъ изъ пѣхоты, имѣлъ и артиллерію, пушекъ шесть, и не болѣе 150 чел. конницы. Увидѣвъ меня, оный сталъ въ ордеръ-баталіи. Не имѣя и тысячи казаковъ подъ ружьемъ, я не смѣлъ атаковать, а дабы показать неустрашимость Россіянъ, я послалъ одинъ полкъ въ бокъ по маленькой дорогѣ, а полемъ нельзя было за большою грязью ѣхать: дожди шли частые, а въ тотъ день дождь и не переставалъ. Я показывалъ видъ, что хочу перерѣзать имъ дорогу и прижать къ горамъ, очень высокимъ, при подошвѣ которыхъ лежала прекрасная дорога, по которой Французы ретировались; прямое-жъ мое намѣреніе было—дабы принудить ихъ скорымъ маршемъ бѣжать, дабы болѣе оставалось усталыхъ. Впереди Французовъ стояла очень большая роща стараго высокаго лѣса, такъ что за оною на большое пространство ничего не было видно. Французы, увидѣвъ, что полкъ заходитъ имъ впередъ, скоро также потянулись. Я приказалъ храброму полковнику Грекову—съ его полкомъ сближаться къ нимъ и дѣлать видъ, какъ бы хотѣлъ ата-

Библиотека "Руниверс"

ковать ихъ. Полкъ мой слѣдовалъ за нимъ, а я находился между полками. Французы вошли по дорогѣ въ сказанную рощу, гдѣ дорога имѣетъ крутой поворотъ, – отчего Французовъ и что впереди ихъ я не могъ видѣть; наконецъ скрылся и полкъ Грекова отъ меня. Въ сію минуту я слышу сильные военные клики казаковъ и сильную пальбу; скачу съ полкомъ моимъ впередъ и вижу укрѣпленной близь самаго лѣса городъ, въ которой стремятся задніе полка Грекова казаки, гдѣ продолжается пальба и клики. Въ минуту сію, хотя неожиданною встрѣчею былъ я смѣшанъ, приказалъ полку моему, раздѣлясь на двое, скакать вкругъ крѣпости съ крикомъ, дабы болѣе нанести страху непріятелю; а самъ поскакалъ въ городъ, гдѣ увидѣлъ, что казаки, какъ львы, многіе спѣшась, дротиками ломятъ стѣснившагося въ улицѣ непріятеля. При семъ не умѣлъ я ничего лучшаго предпринять, какъ обще съ героемъ Грековымъ, ободряя казаковъ, кричали: «любезные друзья, впередъ!» Казалось каждый казакъ гналъ цѣлыя сотни, ибо одинъ полкъ былъ только въ дѣйствіи. Французы не подумали и оглянуться: скорымъ маршемъ пролетѣли они чрезъ весь городъ, и безъ памяти выскочили изъ онаго. Тутъ я приказалъ всѣхъ казаковъ остановить, полагая, что ежели и четвертая часть непріятелей опомнится, то принудитъ насъ со стыдомъ отступить. Полковника Грекова, всѣхъ его полка офицеровъ и казаковъ благодарилъ я за славной ихъ подвигъ, и тутъ же принялъ отъ начальника города ключи, а жителямъ объявилъ всякое снисхожденіе и уваженіе, и послалъ нарочныхъ съ донесеніемъ; а какъ уже ночь наступила, да и люди и лошади имѣли нужду въ отдохновеніи и подкрѣпленіи пищею, то и остановился на ночь. Въ крѣпости было 18 хорошихъ и на мѣстахъ поставленныхъ пушекъ». [1])

---

[1]) «13-го (24-го) апрѣля походной атаманъ Денисовъ и полковникъ Грековъ, ворвавшись съ казаками своими въ крѣпость Бергамо, отрѣзали Французовъ отъ крѣпкаго замка и овладѣли онымъ».

(Донесеніе Суворова Императору Павлу I, отъ 20-го апрѣля (1 мая) 1799 г.)

«Казаки понеслись въ погоню, и безъ оглядки ворвались вслѣдъ за непріятелемъ въ самый Бергамо. Появленіе ихъ въ этомъ укрѣпленномъ и многолюдномъ городѣ было такъ неожиданно, такъ внезапно, что Французы не успѣли даже укрыться въ цитадель. Казаки эти овладѣли и городомъ, и цитаделью, взявъ въ плѣнъ до 130 Французовъ. Въ замкѣ найдено 19 осадныхъ орудій, много ружей, военныхъ запасовъ, и знамя». («Ист. войн. 1799 г.», Д. А. Милютина, ч. II, гл. XV, стр. 276). А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

«При семъ за долгъ поставляю пояснить сіе происшествіе. Мыслю, что не всѣмъ извѣстны обороты казаковъ, а потому многимъ покажется сіе невозможнымъ. Мы, ежели успѣемъ отдѣлиться на ружейной выстрѣлъ и отъ конницы, то не находимъ уже опасности, тѣмъ болѣе, быть близко пѣхоты. А къ тому же, какъ я прежде уже сказалъ, что при ономъ французскомъ корпусѣ было до ста пятидесяти конныхъ, которые не могли и думать атаковать насъ, хотя оные въ самой широкой улицѣ составили бы густую колонну; но Французы, пренебрегли-ли малолюдство казаковъ, или худо понимая военные (ихъ) обороты, входя въ городъ, называемой Бергамо, оставили конницу въ аріергардѣ. Полковникъ Грековъ, какъ храброй, такъ и опытной, въ минуту исчислилъ ихъ ошибку и для насъ пользу—ежели онъ нечаяннымъ и рѣшительнымъ ударомъ уже въ городѣ или и улицѣ опрокинетъ непріятельскую конницу; почему стремительно атаковалъ ее, отчего оная, испужавшись и смѣшавшись въ густую колонну, пустилась на свою пѣхоту, густо идущую по улицѣ, и такъ симъ смѣшала весь корпусъ, что оной скорѣй скороходовъ пробѣжалъ чрезъ городъ».

«По донесенію моему фельдмаршалъ Суворовъ самъ, въ ночь, прискакалъ ко мнѣ въ городъ Бергамо, верхомъ, облитой дожжемъ и грязью, благодарилъ меня, полковника Грекова, и хвалилъ всѣхъ офицеровъ и казаковъ». Князь Багратіонъ съ войскомъ тоже ночью прибылъ въ Бергамо. Суворовъ торопилъ наступленіемъ, но Денисовъ могъ выступить только утромъ, съ половиною людей, а другая — осталась въ Бергамо ковать лошадей. Денисовъ догналъ Французовъ и, спѣшивши человѣкъ 100 казаковъ съ ружьями, занималъ непріятеля стрѣльбою: Французы у озера Лекко поворотили вправо, къ городу Лекко. Дорога шла между озеромъ и горами, узкая, стѣсненная строеніями, «по которой едва двое рядомъ могли проѣхать». У Лекко подошелъ князь Багратіонъ съ пѣхотою. Онъ два раза нападалъ на непріятеля, но долженъ былъ отступить, потому что Французы пользовались строеніями.[1]) Съ другой стороны озера непріятель поражалъ войска ядрами. Кн. Багратіонъ отступилъ за городъ и, по совѣту Денисова, послалъ къ

[1]) 14-го апрѣля 1799 г.

Библиотека "Руниверс"

фельдмаршалу просить подкрѣпленія. Вечеромъ прибылъ къ Лекко Милорадовичъ, а ночью генералъ-поручикъ Повало-Швейковскій. Всѣ они, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, положили отступить; казаки должны были прикрывать отступленіе. «Видя такъ претивное казачьимъ правиламъ приказаніе, осмѣлился я донести ему (Швейковскому), что казаки въ тѣсныхъ мѣстахъ не могутъ защитить и себя, а впредь другимъ въ случаѣ замѣшательства, великой причинить». На что онъ съ большою гордостію сказалъ, что онъ не требуетъ моего совѣту, а исполненія.

«Разсказалъ я все сіе полковнику Грекову и приказалъ изъ всѣхъ казаковъ человѣкъ 60 или 80, съ пиками, и храбрѣйшихъ, и до десяти офицеровъ, раздѣлить по нимъ казаковъ всѣхъ на двѣ части, оставить на мѣстѣ, а самимъ бы онымъ потихоньку со всѣми казаками прошелъ всѣ узкія мѣста и дожидался бы дальнѣйшаго повелѣнія; и остался въ глазахъ генераловъ, на случай другихъ приказаній. Я сіе сдѣлалъ потому, что въ тѣсныхъ мѣстахъ чѣмъ болѣе войска, тѣмъ опаснѣе, и что тамъ храбрость немногихъ больше можетъ сдѣлать хорошаго. При томъ я самъ оставался съ симъ малымъ числомъ, почему и отвѣтственности не подвергалъ себя. Къ намъ подошли нѣсколько ротъ австрійскихъ стрѣлковъ, которые и остались въ прикрытіи нашихъ войскъ. Мы всѣ отступили тихо и непріятель остался вѣрно довольнымъ, что его не атакуютъ. Я въ это время получилъ своеручную записку отъ фельдмаршала; онъ приказывалъ, чтобъ я поспѣшилъ съ казачьими полками къ нему, которую показалъ князю Багратіону, которой сказалъ мнѣ, чтобъ ѣхалъ немедленно, что я и исполнилъ. Но прежде отхода просилъ князя Багратіона, чтобъ онъ открылъ мнѣ мысль, какъ онъ донесетъ о дѣлѣ подъ Лекко, дабы не было разницы въ нашихъ рапортахъ, на что онъ сказалъ: «какъ было, такъ и писать надо». Мнѣ сіе нужно было потому, что ясно я видѣлъ ненависть его ко мнѣ, чего хотѣлъ я избѣгнуть.[1])

Я явился къ фельдмаршалу и получилъ приказаніе состоять въ распоряженіи г. Шателера. На 16-е апрѣля, передъ зарею,

[1]) 15-го (26-го) апрѣля казаки Денисова, Грекова и Молчанова окружили Лекко, и когда егеря и гренадеры князя Багратіона ринулись на Французовъ въ штыки, казаки спѣшились и содѣйствовали пѣхотѣ нашей поразить непріятеля. (Донес. Суворова императору Павлу I.)

велѣно мнѣ было чрезъ рѣку Адда по понтонному мосту съ полками перейти и искать Французовъ. Переправившись черезъ рѣку, схватили казаки французскаго офицера, адъютанта одного генерала, ѣхавшаго къ другому генералу для донесенія, которой и сказалъ, что довольно значительный корпусъ ихъ стоитъ недалеко. Съ фельдмаршаломъ находилась вся главная часть австрійскихъ войскъ; но, кромѣ моихъ полковъ, Россіянъ не было. Всѣ войска австрійскія съ поспѣшностію переходили рѣку и шли прямо на Французовъ; я держался праваго фланга и ровнялся главнаго нашего корпуса, даже нѣсколько уступно его пѣреду, потому что были сплошные сады и нельзя было свободно казакамъ дѣйствовать. Первая партія моя, посланная что-бъ лучше осмотрѣть непріятеля и позицію его, очень потерпѣла, изъ которой человѣкъ пять открывшеюся пѣхотою убито и вдвое того ранено; когда-жъ оба войска сошлись и начали сражаться, тогда я смѣлѣе двинулся впередъ и нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ командъ взялъ въ плѣнъ и побилъ; также захватилъ походной лазаретъ съ лекарями и другими чиновниками и нѣсколько комиссіонеровъ. Плѣнныхъ собралось человѣкъ до 200, которыхъ я и отправилъ. Австрійцы сражались храбро, но и Французы имъ не уступали».

«Обоихъ войскъ я за густотою деревъ не могъ видѣть, хотя держался такъ близко, что иногда и къ намъ пули долетали. Я рѣшился поровняться съ французскимъ флангомъ, дабы болѣе ихъ устрашить. Подавшись впередъ, открылъ маленькое, все прекрасно кирпичемъ выстроенное строеніе, даже и дворы, которое я счолъ за нужное поспѣшить занять и послалъ сказать главнокомандующему австрійскою арміею, Меласу, мое мнѣніе, которой тотчасъ прислалъ для сего при маіорѣ одинъ баталіонъ пѣхоты въ мое распоряженіе. Я приказалъ оному занять главныя мѣста, придавъ ему небольшую команду казаковъ. Маіоръ показался мнѣ ненадежнымъ, почему приказалъ я казачьему офицеру, оставленному съ командою, обо всемъ мнѣ почаще доносить. Самъ съ двумя полками потянулся впередъ, съ тѣмъ, что-бы обезпеча уже себѣ тылъ, зайти Французамъ въ зады. Третій казачій полкъ послалъ я гораздо правѣе отъ меня, дабы и тамъ, ежели бы скрывался непріятель, узнать или разбить. Пробираясь по винограднику, я не могъ скоро идти, что послужило и къ счастію:

Библиотека "Руниверс"

Французы примѣтили, что я занялъ сказанную деревню и въ минуту оную атаковали, скоро захватили нѣкоторыя строенія, а наконецъ и потѣснили Австрійцовъ. Казаки одинъ за другимъ мнѣ о томъ доносили. Оборотя при мнѣ бывшіе полки, поспѣшилъ я туда, и прискакавъ въ минуту, остановилъ Французовъ, смялъ, опрокинулъ и почти всѣхъ побилъ, и болѣе 400 въ плѣнъ взялъ, и спасъ всѣхъ Австрійцовъ, которыхъ бо́льшая половина была уже у Французовъ въ плѣну. Отправя плѣнныхъ, пошелъ я впередъ и уже проходилъ непріятельской флангъ, какъ прискакалъ ко мнѣ съ малымъ числомъ чиновниковъ и очень незначительнымъ конвоемъ самъ фельдмаршалъ Суворовъ. И когда я ему донесъ обо всемъ, то онъ, очень благодаря меня, приказалъ слѣдовать впередъ, съ тѣмъ, что и онъ останется съ казаками; но я отъ выполненія того отказался, хотя требовалъ онъ того непремѣнно, но я представлялъ, что онъ явно подвергаетъ свою особу опасности, при чемъ пули двѣ или три пролетѣли отъ сражающейся пѣхоты надъ его головою. Французы долго упорно сражались, но наконецъ стремительнымъ ударомъ сломили ихъ Австрійцы, и Французы побѣжали, а наши войска остались на мѣстѣ.[1]) Фельдмаршалъ Суворовъ сдѣлалъ мнѣ, уже послѣ сраженія, что не послушался, выговоръ, но безъ злобы».

«На другой день, то есть 17-го апрѣля, словесно приказалъ мнѣ графъ Суворовъ—явиться въ команду австрійскихъ войскъ генерала Отто; но когда я ему послалъ рапортъ о семъ и о числѣ всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ моей командѣ, онъ от-

---

[1]) «16-го (27-го) апрѣля, Денисовъ, съ своими, Грекова и Молчанова полками, при Треццо, кололи непріятеля вездѣ, съ свойственною Россіянамъ храбростію и побуждаемы будучи мужественнымъ воинномъ, ихъ походнымъ атаманомъ Денисовымъ, и въ сотовариществѣ его полковникомъ Грековымъ. Потомъ, когда войска наши двинулись на Миланъ, походный атаманъ Денисовъ окружилъ донскими полками Миланъ, и въ оный вступилъ».

«Вашему императорскому величеству не могу довольно похвалить отличную храбрость донскихъ полковъ при низверженіи не только кавалеріи, но и пѣхоты пиками ихъ». (Донесеніе Суворова императору Павлу I).

«Казаки, съ своимъ походнымъ атаманомъ Денисовымъ, смѣло высыпали на правый берегъ (Адды) и обскакали въ тылъ непріятельскій постъ въ Треццо»....«Морэ не могъ уже сомнѣваться въ томъ, что здѣсь (Поццо и Ваприо) была главная атака союзниковъ: онъ поскакалъ на мѣсто боя и чуть было самъ не попалъ въ руки казаковъ, разсыпавшихся даже до главной квартиры французской арміи, въ Инцаго» .....«одинъ изъ баталіоновъ почти весь былъ изруб-

Библиотека "Руниверс"

казался исполнить то, поставя въ резонъ, что не имѣетъ письменнаго повелѣнія. Не желая обезпокоить представленіемъ о томъ фельдмаршала, рѣшился я найти себѣ начальникомъ знакомаго мнѣ генерала Лузиньяна, но сей то-жъ отвѣчалъ. Недоразумѣвая, что въ такой нѣмецкой аккуратности дѣлать, я боялся уже, что изъ жалобы моей можетъ произойти непріятная для меня чрезъ таковую политику исторія и потому поѣхалъ самъ къ нему главнокомандующему, генералу Меласу, донесъ ему обо всемъ и просилъ, чтобъ онъ избавилъ меня отъ необходимости безпокоить графа Суворова и подчинилъ бы себѣ или кому онъ разсудитъ; но сей сказалъ, что ни въ росписи, ни въ повелѣніяхъ не имѣетъ ничего обо мнѣ и казачьихъ полкахъ, а потому и принять не можетъ. Почему я рѣшился самъ собою, до случая, дѣйствовать, и поступилъ такъ: двинулся впередъ австрійскихъ войскъ, шелъ очень тихо, не удаляясь отъ оныхъ съ тѣмъ, что бъ въ случаѣ, ежели встрѣнусь съ сильнымъ непріятелемъ и буду атакованъ, то найду у нихъ защиту. Я послалъ впередъ большую команду, отъ начальника которой, маіора Миронова, скоро получилъ донесеніе: что онъ безъ препятствія дошелъ до города Милана и остановился при самыхъ воротахъ онаго, что всѣ жители съ дружескимъ расположеніемъ на казаковъ смотрятъ, и что одинъ, знающій немного по-русски, увѣрилъ его, что они всѣ приходу русскихъ войскъ рады. Я посему поспѣшилъ самъ съ полками и, подойдя къ городу, подъѣхалъ близко къ воротамъ. Скоро я замѣтилъ, что жители угадывали (признали) меня за начальника, съ веселымъ видомъ нѣкоторые подошли и я спросилъ ихъ о чемъ надо, т. е. гдѣ войска французскія, кто начальникъ города и тому подобное; на что отвѣчали очень учтиво. Скоро и самъ начальникъ города подъѣхалъ ко мнѣ и объявилъ

лень непріятельскою кавалеріею. Тогда донской атаманъ Денисовъ собравъ всѣ три свои полка, вмѣстѣ съ австрійскими гусарами, дружно ударилъ въ лѣвый флангъ непріятельской линіи, ворвался въ пѣхоту французскую, опрокинулъ ее и заставилъ отступить опять въ Поццо. Тутъ только подоспѣлъ отъ Милана одинъ французскій кавалерійскій полкъ, но казаки бросились на него, опрокинули, преслѣдовали до самой Горгонцолы и захватили много плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного генерала (Бекера)»..... «казаки мигомъ сняли непріятельскій кавалерійскій постъ»..... «и вытѣснили правый непріятельскій флангъ изъ Падерно». («Ист. войн. 1799 г.» Д. А. Милютина, ч. II, гл. XVI, стр. 290 и 293).

А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

себя, сказавъ, что всѣ требованія потомъ выполнить, ежели только что можетъ, и на вопросъ мой, сказалъ, что цытадель — на ружейный выстрѣлъ отдѣльная — занята Французами, гдѣ оныхъ до восьми тысячь; что въ самомъ городѣ Французовъ нѣтъ, кромѣ больныхъ въ лазаретѣ, или малое число прогулкою занимающихся; что жители охотно желаютъ, дабы Россіяне французовъ бы выгнали и взяли городъ въ свою защиту, только онъ сомнѣвается, дабы чего не предприняли тѣ изъ жителей, которые прежде во французской службѣ находились и которые распущены съ оружіемъ, и что ихъ считается до пятнадцати тысячь».

«Исчисляя все сіе, невозможнымъ находилъ я занять казаками городъ, да и самое многолюдство, находящееся тогда на большой отъ воротъ, вдавшейся въ городъ, площади, гдѣ представлялось глазамъ моимъ великое число, до 40 тысячь и болѣе гуляющаго военнаго народа, — и имѣющаго при бедрѣ шпагу или кортикъ, и прекрасно одѣтыхъ женщинъ, — какъ это былъ первый день Воскресенія Христова. Но россійская слава напоминала тутъ же мнѣ, что великими дѣяніями она пріобрѣтена, а близость австрійскихъ войскъ, которыя не далѣе въ сіе время пяти верстъ отъ меня были, обнадеживала въ успѣхѣ сего дѣла, почему и рѣшился я занять городъ, а послѣ потребовать ключи и донесть. Рѣшась исполнить сей планъ, сказалъ я господину президенту города учтиво, но съ тономъ повелителя — что имѣю приказаніе занять городъ Миланъ, и его прошу повелѣть жителямъ, дабы при семъ случаѣ наблюли тишину и дружелюбіе; что мои казаки ни до чьей собственности не коснутся и жители ничѣмъ не будутъ обезпокоены; но ежели на меня сдѣлаютъ нападеніе, тогда всѣ должны страшиться. Мы съ нимъ уговорились, что я чрезъ часъ буду входить въ городъ, и повѣрили для сего свои часы. Онъ далъ нѣсколько мнѣ конныхъ проводниковъ, а самъ поскакалъ, во многихъ мѣстахъ останавливался и говорилъ что-то къ народу. Внимательно я смотрѣлъ на движеніе онаго и къ ободренію своему видѣлъ, что съ утѣшеніемъ слова его принимали. Множество вышло за ворота и ласкались къ казакамъ, объясняясь одними пантоминами. Я приказалъ двумъ полкамъ обойти городъ, стать съ обѣихъ сторонъ площади, раздѣляющей цытадель отъ городовой крѣпости, дабы удерживать гарнизонъ оной отъ покушенія войти въ городъ; съ третьимъ полкомъ, по протеченіи часа, вступилъ

Библиотека "Руниверс"

я самъ въ городъ и рысью шелъ къ воротамъ, находящимся противъ цытадели; по приходѣ къ онымъ, которыя были отворены, вышедшая Французовъ густая колонна изъ цытадели поздравила насъ залпомъ, отчего упали два офицера и болѣе 10-ти казаковъ, да и нѣсколько изъ любопытныхъ зрителей, даже и женщины пострадали. Казаки, хотя нѣсколько и смѣшались, но не потеряли своихъ мѣстъ. Колонна непріятельская подалась впередъ. но я приказалъ поднять мостъ и запереть ворота. Но какъ я не былъ и послѣ сего спокоенъ, то послалъ къ начальнику города сказать, дабы прислалъ ста три городовыхъ стрѣлковъ, которыхъ до семи сотъ я въ моментъ увидѣлъ и дѣйствія которыхъ скоро упросили колонну оную возвратиться въ цытадель. Въ это уже время послалъ я офицера съ бывшимъ при мнѣ переводчикомъ къ президенту сказать, что я принимаю подъ свое начальство городъ. Онъ со многими членами скоро явился ко мнѣ, поднесъ ключи и передалъ городъ. Тогда послалъ я къ фельдмаршалу Суворову офицера съ донесеніемъ о всемъ, послалъ и главнокомандующему австрійскими войсками Меласу, прося его покорнѣйше поспѣшить занять и принять отъ меня городъ; но онъ отвѣчалъ—какъ его войска очень устали и требуютъ отдохновенія, то не можетъ сего сдѣлать; при чемъ велѣлъ войскамъ сдѣлать привалъ, и остановился. Познавъ о семъ, я послалъ еще сказать г. Меласу, что не имѣю столько войска, что-бъ могъ занять всѣ важные посты въ городѣ, даже для благопристойности, но сіе не помогло. Я остановился до захожденія солнца съ одними казаками въ городѣ, не поя, и не кормя лошадей, да и самые казаки едва что имѣли перекусить, и то что только при себѣ. Видя все сіе, я послалъ доложить о семъ гр. Суворову, которой, по причинѣ нездоровья, оставался сзади; онъ, несмотря на жестокой припадокъ—что видѣли и посторонніе — спѣшилъ ко мнѣ верхомъ. И какъ примѣтно, узнавъ о семъ, самъ г. Меласъ спѣшилъ придти къ городу и вступилъ съ музыкою и барабаннымъ боемъ въ городъ; но еще не прошло чрезъ ворота и третьей части войскъ, какъ и фельдмаршалъ прискакалъ къ онымъ. Я его встрѣлъ, поздравилъ и поднесъ городовые ключи, что принялъ онъ съ большимъ удовольствіемъ, благодарилъ меня при всѣхъ, благодарилъ также начальниковъ полковъ, всѣхъ офицеровъ и казаковъ; при томъ сказалъ, что онъ видитъ старыхъ героевъ Дона, которые брали

Библиотека "Руниверс"

смѣлостью города; когда же подъѣхалъ къ г. Меласу, то поздравилъ и его и, не сходя съ лошади, обнялъ, но старикъ Меласъ при семъ случаѣ упалъ съ лошади; а потомъ, войдя въ отведенную ему квартиру, Суворовъ отдалъ приказъ, что-бъ приготовили войска къ штурму цытадели и что оныя должны быть подъ моею командою и моимъ распоряженіемъ, и тутъ же о томъ мнѣ въ особенности приказалъ.[1]) Посему рано на другой день, съ высокой колокольни, съ генераломъ Шателеромъ осматривалъ я укрѣпленіе оной».

«Генералъ Шателеръ, какъ весьма знающій въ артиллеріи, разсматриавя всѣ части, доказывалъ, что при такомъ укрѣпленіи, гарнизона достаточно и что будетъ потеря людей очень велика, о чемъ я и донесъ фельдмаршалу, и какъ могъ открыто сказалъ свое замѣчаніе, а когда онъ изволилъ спросить, какого я мнѣнія объ ономъ штурмѣ, то я сказалъ:

— «Милость вашего сіятельства велика ко мнѣ и меня льститъ такое важное порученіе, но слава ваша мнѣ дорога. Штурмъ не всегда зависитъ отъ мудраго распоряженія; неудача затмитъ вашу славу, тѣмъ болѣе, что вы мнѣ, казачьему полковнику, поручаете». Выслушавъ сіе, Суворовъ быстро поглядѣлъ на меня, обнялъ милостиво и сказалъ:

— «Спасибо, Карповичъ (какимъ словомъ всегда онъ меня называлъ); съ Богомъ поѣзжай къ своимъ казакамъ».

Вскорѣ послѣ сего призвалъ онъ меня и сказалъ:

— «Князь Багратіонъ съ авангардомъ отъ крѣпости Тортоны, какъ рапортуетъ, подался назадъ, да вѣрно это онъ ретировался, но политику зачалъ наблюдать—двусмысленно пишитъ. Поспѣши къ нему и исправь его дѣла».

---

[1]) «Едва успѣли послѣднія французскія войска выдти изъ города, какъ ворвались уже въ него съ другой стороны донскіе казаки, посланные Суворовымъ по слѣдамъ непріятеля. Вечеромъ, 17-го апрѣля, полкъ Молчанова подошелъ къ городскимъ воротамъ и найдя ихъ запертыми, отбилъ ихъ, вошелъ въ улицы, кололъ и гналъ встрѣченныхъ Французовъ, не успѣвшихъ укрыться въ цытадель»... «Казаки провели ночь въ городѣ, окруживъ цытадель»... «Русскіе солдаты возбуждали въ Миланѣ общее вниманіе и любопытство; особенно не могли надивиться итальянцы при видѣ бородатыхъ казаковъ, которыхъ прозвали «Русскими капуцинами» (gli capucini Russi). Многіе откровенно сознавались, что считали прежде казаковъ людоѣдами»... («Ист. войн.» 1799 г., Д. А. Милютина, ч. II, гл. XVII, стр. 298 и 301). А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

XIV.

Въ виду крѣпости Тортона. — Вызовъ на дуэль. — Сраженіе при Маренго. — Бездѣйствіе кн. Багратіона. — Ужинъ Суворова. — Попытка его узнать истину о дѣйствіяхъ кн. Багратіона.

«Бывъ моложе кн. Багратіона и еще въ полковничьемъ чину,[1]) видѣлъ я, что сего сдѣлать мнѣ нельзя, но повиновался. Съ однимъ моимъ полкомъ поспѣшилъ я къ рѣкѣ По; но на берегу оной ни одного не нашелъ судна, послалъ на обѣ стороны искать оныя, дабы поскорѣй переправить полкъ, и еще не видѣлъ ни одной лодочки малой, какъ прискакалъ ко мнѣ одинъ офицеръ съ какимъ-то, не помню, приказаніемъ отъ фельдмаршала и, между прочимъ, сказалъ — что его сіятельство полагаетъ, что я уже съ полкомъ за рѣкою. Видя сіе, я сѣлъ въ приспѣвшую къ сему случаю лодку, взялъ съ собою присланнаго офицера, три казака и сѣдлы, а лошадей держа при лодкѣ, вплавь пустился чрезъ рѣку; переправясь чрезъ оную и на осѣдланную мою лошадь сѣвъ, сказалъ: «Поѣзжай и скажи фельдмаршалу — что видѣлъ; я скоро буду у князя Багратіона», и самъ поскакалъ впередъ».

«Я нашелъ князя Багратіона въ маленькомъ городѣ, не далеко отъ крѣпости Тортоны, въ квартирѣ, пившаго ввечеру чай, которому донесъ, что фельдмаршалъ прислалъ меня съ полкомъ на подкрѣпленіе къ нему и просилъ его позволенія осмотрѣть состоящіе въ его войскахъ донскіе полки, которые хотя и поступали въ разные корпуса и въ удаленіи отъ меня иногда были, но всегда состояли въ моей командѣ. Онъ охотно позволилъ и, какъ примѣтилъ я, старался дружески обходиться со мной, однако показывалъ что-то и скрытнаго. Напившись чаю и поужинавши у него, я поѣхалъ къ своимъ полкамъ, которые близко стояли лагеремъ; разспроса полковыхъ командировъ о всемъ, что надо и передвинувъ оные полки на другое мѣсто, что было необходимо нужно, осмотрѣлъ пикеты и при оныхъ немного отдохнувъ, рано поутру, взявъ небольшую команду, поѣхалъ впередъ по дорогѣ къ крѣпости Тортонѣ. Близь оной, въ другомъ изрядномъ городѣ я остановился и просилъ начальника, что-бъ далъ мнѣ квартиру и приказалъ бы за деньги меня и всѣхъ со мною

[1]) Багратіонъ былъ въ это время генералъ-маіоромъ.

Библиотека "Руниверс"

бывшихъ накормить — что съ большою охотою и было сдѣлано. Отдохнувши немного, дознавался я, сколько можно было, о положеніи сказанной крѣпости Тортоны; а узнавъ, что гарнизонъ оной весьма слабъ, и что хотя есть войска, но въ Александріи, не далеко отъ оной отстоящей, рѣшился испытать счастіе — не могу-ли оною завладѣть. Посему послалъ къ князю Багратіону просить — дабы прислалъ ко мнѣ всѣ казачьи полки, оставя у себя нужное число казаковъ; но получилъ въ отвѣтъ, что онъ не можетъ того сдѣлать. Тогда я просилъ, что-бъ хотя два — или, по крайней мѣрѣ, мой полкъ (прислалъ), но не получилъ на сіе отзыва, и уже стороною маіоръ моего полка увѣдомилъ меня, что князь Багратіонъ, со всѣми войсками, по другой дорогѣ двинулся къ Тортонѣ».

«Я не скоро и уже ночью настигъ мой полкъ, отдѣленной въ особое направленіе; почему я ясно увидѣлъ, что зависть и злоба поставляетъ меня въ невозможность по малому числу находящихся въ моей командѣ войскъ что либо важное сдѣлать, но, покорясь опредѣленію, достигъ деревни — назначеннаго полку моего пункта и остановился. Деревня сія, едва имѣющая десять бѣдныхъ крестьянскихъ домиковъ, лежитъ близь рѣки (Бормидо), впадающей не далеко въ По рѣку, а по другую сторону сей рѣки, въ пяти или немного болѣе (верстахъ), славной городъ Александрія».

«На другой, или на третей день, Французы, переправясь рѣку плотомъ и пройдя лѣсомъ, показались передо мной и, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, бѣжали. На другой день они то-жъ сдѣлали. Я доносилъ обо всемъ князю Багратіону, которой послѣ втораго покушенія Французовъ, пріѣхавъ ко мнѣ и не разспросивъ какъ случилось, довольно грубо сдѣлалъ мнѣ выговоръ: почему я доношу о нападеніяхъ непріятеля, когда его не вижу; на что отвѣчалъ я — что того не заслужилъ и что-бъ онъ изволилъ мнѣ пояснить, на чемъ онъ основывается, что меня такъ обижаетъ. На что онъ сказалъ, что онъ прислалъ своего адъютанта, которой будто непріятеля не видѣлъ. Послѣ сего прямо я ему сказалъ, что я хочу, что-бъ это было открыто слѣдствіемъ, или что-бъ онъ удовлетворилъ меня, и непремѣнно, на какомъ оружіи онъ хочетъ, кромѣ шпаги, которой я не разумѣю; съ чѣмъ мы и разстались».

«На другой день прибылъ ко мнѣ одинъ казачей полкъ, двѣ роты австрійской пѣхоты съ двумя пушками и четыре эскадрона

Библиотека "Руниверс"

ихъ же кавалеріи. Мѣсяца мая, 5-го числа 1799 г., перешелъ рѣку генералъ Моро съ десяти тысячнымъ корпусомъ, въ которомъ двѣ тысячи, плѣнныя полагали, кавалеріи. Переправа его была прикрыта лѣсомъ и защищаема болотомъ; но какъ я зналъ уже, что въ ономъ мѣстѣ приготовлены были Французами лодки, то и глядѣлъ всегда зорко на оное мѣсто, дабы нечаянно не могли меня атаковать, посему и былъ я предупрежденъ. Изготовя всѣ мои войска, я ожидалъ пока Французы выйдутъ изъ болотистаго мѣста, дабы удобнѣе исчислить ихъ войска и взять мѣры. Французы показались колонною на большой дорогѣ, нарочито хорошо сдѣланной чрезъ болото, имѣя немного кавалеріи впереди. Тогда я приказалъ моего полка отмѣнно храброму сотнику, Пономареву, съ его сотнею ударить въ непріятеля, что онъ и учинилъ съ особою отважностію, врѣзался лично и такъ рубилъ, что во многихъ мѣстахъ обрызганъ былъ кровью Французовъ, и возвратился назадъ съ легкою раною. При семъ казаки плѣнили одного офицера, которой разсказалъ—кто генералъ и сколько войска. Офицера я послалъ въ ту-жъ минуту къ князю Багратіону, которой въ шести верстахъ отъ меня сзади находился, словесно донесть о случившемся. Самъ я приказалъ дѣйствовать двумъ орудіямъ, которыя при австрійской пѣхотѣ находились; роты поставилъ въ деревнѣ Маренго, а казачьи полки въ линію близъ пушекъ; но когда увидѣлъ, что у Французовъ есть пушки и большаго калибра, то австрійскія, подъ небольшимъ прикрытіемъ изъ кавалеріи, (отослалъ назадъ). По сближеніи Французовъ я приказалъ австрійской пѣхотѣ стрѣлять, но она отказалась, поставляя въ резонъ, «что какъ непріятель силенъ, то законъ ихъ не позволяетъ въ такомъ случаѣ сражаться». Видя сіе и не имѣя времени исправить онаго чѣмъ другимъ, приказалъ я съ поспѣшностію отступать, но и сего австрійцы не хотѣли сдѣлать, полагая, «что, по близости непріятеля, не могутъ уже отретироваться». Тогда прискакалъ я самъ съ командою казаковъ и приказалъ бѣжать или велю ихъ всѣхъ побить,—чему они и повиновались. Непріятель безпрепятственно прошелъ деревню и сталъ на полянѣ, въ линію, имѣя въ срединѣ кавалерію. Казаки находились прямо противъ Французовъ лавою, а эскадронъ австрійскій—назади. Французы весьма медленно подавались впередъ. Не разумѣя ихъ плана, старался я затруднить ихъ въ исчисленіи моихъ войскъ; по временамъ, какъ во флангахъ моихъ и

Библиотека "Руниверс"

сзади находился лѣсъ, заѣзжали туда казачьи небольшія команды, показывались во флангахъ непріятеля и скрывались. Они весьма рѣдко палили изъ пушекъ и медлили такъ, что въ продолженіе шести часовъ непонятныхъ для нихъ нашихъ дѣйствій, не болѣе трехъ верстъ подались они впередъ отъ деревни Маренго».

«Въ срединѣ сего дѣйствія послалъ я одну или двѣ сотни казаковъ, съ тѣмъ, что-бы показали видъ, что оные хотятъ ударить на кавалерію; желая вызвать къ атакѣ насъ, генералъ французской (началъ) строить и свою кавалерію къ атакѣ насъ, но вмѣсто атаки выдвинулъ оную взадъ и пѣхотою закрылъ. Третей казачей полкъ чрезъ пять часовъ подоспѣлъ ко мнѣ, которому приказалъ, не показываясь, быть въ лѣсу и наблюдать правой непріятельской флангъ. Скоро сей полкъ замѣтилъ, что нѣсколько пѣхоты послано въ обходъ, которую онъ отъ главнаго войска отрѣзалъ и прижалъ къ рѣкѣ. Большая часть оныхъ, бросая оружіе и аммуницыю, кинулись въ рѣку и утонули, а колонна изъ ста человѣкъ съ подполковникомъ и офицерами отдалась военноплѣнными. Въ лѣвомъ ихъ же флангѣ посланы были два эскадрона въ объѣздъ, о чемъ, когда я узналъ, послалъ храбраго полка моего маіора Миронова, съ командою, которой настигъ ихъ, побилъ на-голову и доставилъ ко мнѣ ихъ начальника— одного ротмистра, которой, посланной тогда же къ фельдмаршалу, о всемъ ему донесъ и уже отъ фельдмаршала я, что всѣ побиты, узналъ, а на мѣстѣ сраженія не имѣлъ и минуты свободной».

«Хотя я, какъ сказалъ прежде, въ минуту, когда узналъ о точныхъ силахъ непріятеля, донесъ о томъ князю Багратіону и плѣннаго офицера послалъ, и въ продолженіи шести часовъ раза три или болѣе посылалъ съ разными донесеніями, но онъ не прежде прибылъ на мѣсто сраженія, какъ когда прискакалъ уже съ лѣваго флангу австрійской храброй генералъ Лузиньянъ съ отрядомъ войскъ, и сильно Французовъ атаковалъ. Сраженіе началось жаркое. Я съ казачьими полками двинулся влѣво, дабы при удобномъ случаѣ ударить. Князь Багратіонъ, подойдя къ мѣсту сраженія, въ мелкомъ лѣсу близко и въ виду непріятеля сталъ въ линію и молчалъ. Французы сражались съ Австрійцами и не теряли позиціи своей: они бодро смотрѣли на насъ, а потомъ всею массою нѣсколько двинулись назадъ. Князь Багратіонъ, стоя не

Библиотека "Руниверс"

начиная сраженія, прислалъ мнѣ сказать, что-бъ я ударилъ двумя полками, а что-бъ третей за австрійскими войсками оставался влѣвѣ. Видя непріятельскую пѣхоту, твердо противъ меня стоящую, я понималъ, что одна злоба выдумала такое повелѣніе и что въ исполненіи онаго не можетъ быть хорошаго, а только потеря казаковъ и стыдъ—что насъ опровинутъ; но я рѣшился съ двумя сотнями самъ пуститься въ атаку; приказалъ полкамъ, ежели сдѣлаютъ по насъ залпъ, то не давая времени зарядить ружей, бить съ быстротою; но насъ встрѣтили плутонгами, почему мы и воротились. Боясь хитрой противъ меня интриги и оберегая храбрость моихъ казаковъ отъ оговора, приказалъ я бывшимъ въ моей командѣ тремъ австрійскимъ эскадронамъ ударить, съ тѣмъ, что казаки будутъ во флангахъ и сзади ихъ, но начальники ихъ, представляя невозможность, отказались отъ исполненія, о чемъ мысленно и самъ я съ ними согласился. Непріятель не теряясь ретировался, а наши довольствовались, преслѣдуя ихъ одними охотниками и стрѣлками.[1]) Австрійскія войска также не ударили въ штыки, и я не имѣлъ случая что-либо отмѣнно хорошаго сдѣлать, оставаясь съ казаками почти только зрителями, а болѣе, сказать правду, былъ смѣшанъ дьявольскою интригою и злобою. Фельдмаршалъ князь Суворовъ и его высочество цесаревичъ, великой князь Константинъ Павловичъ, прискакали на мѣсто сраженія, когда непріятель уже скрылся въ болотистыя мѣста и бо́льшую часть своихъ войскъ переправилъ чрезъ рѣку—гдѣ ничего ему сдѣлать нельзя было. Когда я явился къ фельдмаршалу, онъ очень меня благодарилъ, но нѣсколько разъ сказалъ:

— Напрасно упустили непріятеля.

«Примѣтно было, что онъ недоволенъ чѣмъ-либо былъ».

«Суворовъ ночевалъ на мѣстѣ сраженія. Былъ постный день.

---

[1]) «5-го мая»... «цѣлый гусарскій (непріятельскій) эскадронъ сколотъ казаками Молчанова; въ другихъ трехъ нападеніяхъ казаки, подъ предводительствомъ походнаго атамана (Денисова), а особливо полкъ Грекова, низвергли болѣе 200 человѣкъ. Много разъ императорско-королевская кавалерія рубила и поражала съ казаками части разсыпанной непріятельской пѣхоты, и пригнавъ къ р. Таваро, паки Молчанова полкъ отрѣзалъ одну полубригаду; сія бросилась въ воду, гдѣ ея до 500 человѣкъ потонуло, а 78, бросивъ ружье, сдались. Загнанные въ близь лежащее болото, конные и пѣшіе, многіе увязли и потонули»... (Изъ донес. Суворова императору Павлу I и «Ист. войн.» 1799 г. Д. А. Милютина, ч. III, гл. XXII, прил. 58). А. Ч.

Библиотека "Руниверс"

Ему устроили ужинъ, который состоялъ изъ поджареннаго на сковородкѣ луку съ хлѣбомъ и небольшаго кусочка осетроваго балыка. Первымъ кушаньемъ онъ остался доволенъ, а когда подали балыкъ, то сказалъ, что это отмѣнная рыба, и кушалъ аппетитно. Во все время, по волѣ его, я былъ при немъ и дѣлилъ его (т. е. раздѣлялъ съ нимъ?) ужинъ.

«На другой день, когда я явился къ Суворову, онъ отвелъ меня въ сторону и спрашивалъ: хорошо-ли наши сражались»?

«На что я отвѣчалъ, что хорошо.

«Онъ еще спросилъ: храбро-ли кн. Багратіонъ атаковалъ Французовъ?

«Тутъ я очень былъ смѣшанъ мыслею сказать правду; многіе подумаютъ, что, злобы ради, я оговорилъ, чего я не терпѣлъ и никогда не дѣлалъ; сказать неправду—я столько всегда преданъ былъ всѣмъ моимъ начальникамъ, что и тѣхъ, которыхъ не любилъ, никогда не обманывалъ; почему ничего на сей вопросъ не отвѣчалъ».

«Тогда, какъ я мыслю, фельдмаршалъ, уразумѣвъ мое молчаніе, спросилъ: «билъ-ли Багратіонъ въ штыки?»

«На что отвѣчалъ: «нѣтъ».

«Фельдмаршалъ повернулся и отошелъ отъ меня. За это дѣло я получилъ командорскій орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго съ пенсіономъ по 1,000 руб. въ годъ; (а за взятіе Милана орденъ св. Анны 2-го класса)».

XV.

Ночной походъ Суворова на Туринъ.—Опасеніе за фельдмаршала.—Разговоръ у фонтана.—Денисовъ выноситъ главнокомандующаго изъ-подъ выстрѣловъ въ безопасное мѣсто.—Занятіе Турина.—Бомбардировка.

1799.

Союзная армія двинулась къ Турину; небольшой корпусъ наблюдалъ за Тортоною и Александріею. Походъ на Туринъ совершенъ безпрепятственно. Фельдмаршалъ ѣхалъ, съ двумя или тремя лицами, въ двумѣстной старинной каретѣ. Онъ пригласилъ въ карету Денисова, который и занялъ мѣсто одного изъ вышедшихъ. Это было утромъ, часу въ девятомъ или въ десятомъ; день былъ очень жаркій. «Намъ такъ было тепло, что я тотчасъ весь спотѣлъ. Его сіятельство, при глубокой мысли, что ясно изъ лица

Библиотека "Руниверс"

его было видно, хотѣлъ, казалось, и смѣяться своему положенію, особо когда Австрійцы съ любопытствомъ смотрѣли на его экипажъ и многочисленную компанію въ ономъ. Намъ надобно было выдерживать всю форму строгаго гарнадира, дабы и малѣйше не покачнуться головою, а въ противномъ случаѣ оную можно было разбить о другую. Къ нашему утѣшенію недолго оставались мы въ семъ положеніи; фельдмаршалъ и самъ видно наскучилъ онымъ, а можетъ жалѣя и насъ, велѣлъ остановить карету, вышелъ изъ оной, сѣлъ на добрую свою лошадь и поѣхалъ верхомъ. Мы всѣ съ радостію сдѣлали то-жъ».

Войска шли медленно по случаю жары и пыли. Суворовъ, желая объѣхать войско, поворотилъ въ сторону, далъ шпоры лошади, чѣмъ и принудилъ ее прыгнуть чрезъ довольно широкій ровъ—«каковыми всѣ въ томъ краю съ обѣихъ сторонъ большія дороги обрыты». Сопровождавшіе его удивились и испугались, «ибо въ томъ мѣстѣ ровъ былъ глубокъ», а Суворовъ оглядывался на нихъ.

«Видя, что Суворовъ оглядывается на насъ, я вообразилъ, что мнѣ, какъ казаку, достанется болѣе. При сей мысли, приготовя свою лошадь доброю плетью и поворотя ее ко рву, я далъ ей свободу. И хотя моя лошадь довольно легкая и не слабая была, но не перенесла одну заднюю ногу, нѣсколько повихнулась на бокъ, однако не упала».

«Мы ѣхали, не останавливаясь, часа четыре. Проѣхали одинъ небольшой городокъ; въ другомъ прекрасномъ (городкѣ) фельдмаршалъ въ одномъ домѣ остановился.—Мы всѣ были очень рады, велѣли показать намъ квартиры, но, увидя въ лавкахъ апельсины и другіе фрукты вошли въ оныя и купя, зачали лакомиться, оставаясь въ томъ положеніи около часу и утѣшались разными видами, воображая, что отдохнувъ болѣе, мы позабавимся.

«Какъ вдругъ при этомъ воображеніи слышимъ, что фельдмаршалъ самъ кличетъ: «на конь!» Торопливо кинулись мы къ лошадямъ, и видимъ, что онъ одинъ, съ двумя или четырьмя казаками, уже ѣдитъ. Мы всѣ, во всѣ ноги, пустились догонять его. Войска всѣ уже оставались назади».

«И такъ, его сіятельство князь (графъ) Суворовъ съ штатомъ, изъ четырехъ или пяти особъ состоящимъ и около десяти человѣкъ казаковъ конвоемъ, ѣхалъ по самой большой дорогѣ къ Ту-

Библиотека "Руниверс"

рину.—Городъ сей былъ занятъ въ это время сильнымъ непріятельскимъ войскомъ, самымъ передовымъ авангардомъ. У насъ ни одного изъ жителей не было проводника. При сумеркахъ встрѣлся съ нами казакъ, которой былъ посланъ къ одному чиновнику, сбился съ дороги и ничего о городѣ Туринѣ и о непріятелѣ не зналъ. Наступила ночь, довольно свѣтлая. Фельдмаршалъ ѣхалъ, не останавливаясь. Намъ встрѣчались прекрасныя строенія, колонны мраморныя и другіе дорогіе (дорогою?)—виды, почему замѣтилъ я князю Андрею Ивановичу Горчакову, какъ старшему — что можемъ легко отдать въ плѣнъ фельдмаршала, что его надо о семъ предупредить и остановить; но онъ сказалъ:

— Не смѣю.

«Тогда я отважился доложить его сіятельству:

— «Войска далеко сзади. Легко можетъ, что вы кому-нибудь нужны и васъ не могутъ найти. Нужно нѣсколько вамъ отдохнуть».

— «Въ такую прекрасную ночь жаль спать,—отвѣчалъ Суворовъ, и, указывая на летающихъ во множествѣ съ огненными искрами червячковъ, сказалъ:—Видѣлъ-ли ты когда-либо такую прекрасную иллюминацію?»

«При одномъ прекрасномъ фонтанѣ, видя что онъ не останавливается и ѣдетъ дальше и, при воображеніи, что онъ въ опасность вдается, заѣхалъ я ему впередъ, поворотилъ противъ его свою лошадь бокомъ и рѣшительно сказалъ:

— «Ваше сіятельство! Далѣе не пущу, и ежели что въ особенности вамъ надо, то я одинъ выполню».

«Онъ остановился и просилъ меня такими словами:

— «Пожалуй, Карповичъ, пусти!

«Я съ твердостію отвѣчалъ, что это не можетъ быть. Тогда онъ сказалъ:

— «Что-жъ будетъ дѣлать генералъ Шателеръ?

— «А гдѣ полагаете долженъ онъ быть?» спросилъ я, ибо ничего о немъ прежде не слышалъ.

— «Онъ впереди,—отвѣчалъ его сіятельство.

«Тутъ просилъ я его не ѣздить далѣе и что я его (Шателера) найду.

«Я поскакалъ одинъ впередъ и, проскакавъ нѣсколько, раза два

Библиотека "Руниверс"

сходилъ съ лошади, прислушивался: нѣтъ-ли въ сторонѣ войска. Въ послѣднемъ разѣ услышалъ, что недалеко отъ меня, въ рощицѣ, говорятъ люди и, какъ бы съ намѣреніемъ, тихо. Я подъѣхалъ ближе къ тому мѣсту и спросилъ по-французски:

— «Не тутъ-ли генералъ Шателеръ?»

— Тутъ,—отвѣчалъ онъ самъ.

«Онъ находился съ малымъ числомъ австрійской кавалеріи и 6-ю шестифунтовыми пушками».

«Онъ со мною поскакалъ къ фельдмаршалу и, переговоря съ нимъ секретно, воротился къ своему мѣсту, скоро открылъ канонаду по городу, которой очень былъ близокъ, на что долго Французы не отвѣчали».

— «Почему они не отвѣчаютъ? спросилъ меня фельдмаршалъ.

«Желая сдѣлать ему утѣшеніе, я сказалъ:

— «Они узнали, что ваше сіятельство близко, испужались и совѣтуются о сдачѣ».

«Мы недолго оставались въ семъ утѣшеніи: французскія пушки загремѣли какъ громъ. Ядра большаго калибра, ударяясь о каменное строеніе и падая на дорогу, также камнемъ усланную, производили другаго рода страшный стукъ. Генералъ Шателеръ съ своимъ дивизіономъ во всѣ ноги вспять полетѣлъ, но фельдмаршалъ оставался при сказанномъ фонтанѣ и разсказывалъ намъ о пріятности ночи, о хорошемъ тамошняго края климатѣ и изобиліи. Ядра перелетали чрезъ насъ и падали близь насъ и болѣе прямо по нашей дорогѣ; имъ (Французамъ) не мудрено было, какъ въ знаемое мѣсто мѣтить, и уже генералъ Шателеръ показалъ, гдѣ мы есть.

«Я сказалъ всѣмъ:

— «Фельдмаршалъ и мы въ опасномъ мѣстѣ».

«Онъ слышалъ мои слова, на которыя отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Ка́рповичъ! это мѣсто прекрасное.—Глядите, продолжалъ онъ показывая на большіе тополи;—глядите, какъ здѣсь прекрасно растутъ деревья».

«При семъ разѣ упало недалеко (отъ) насъ ядро на дорогу, на которой и мы были, отчего я содрогнулся. Какъ никто ничего не дѣлалъ для сбереженія фельдмаршала, то я сказалъ:

— «Помогайте мнѣ!»

Библиотека "Руниверс"

«Подшелъ къ нему, взялъ его на свои руки и побѣжалъ, неся его въ сторону. Онъ кричалъ:

— «Проклятой! Что ты дѣлаешь?

«Онъ схватилъ меня за волосы, но не далъ. Я такъ былъ стороненъ, что, не осмотрѣвшись, упалъ въ сухой близь большаго дома ровъ, но какъ оной не былъ глубокъ, то я сталъ прямо на ноги и начальника моего не уронилъ; а, спустя съ рукъ, велъ его за руку, по рву, и на углу рва поворотилъ въ сторону. Оглядѣвшись, увидѣлъ, что мы въ большой опасности: ровъ былъ проведенъ близь каменной простой дворовой стѣны, въ которую, ежели трафитъ большаго калибра ядро, можетъ большую часть ее опровинуть и камнями многихъ убить. Показавъ сію опасность фельдмаршалу, я вылѣзъ изъ рва и, подавъ ему руку, вынулъ и его, а другіе сами повылазили, ибо всѣ тамъ были. Намъ подали лошадей. Фельдмаршалъ требовалъ, что-бъ я его велъ къ фонтану. Почему я рѣшился его обмануть: поѣхалъ впередъ, говоря, что я туда и поведу; но вмѣсто того, объѣзжая строеніе, велъ назадъ. Когда-жъ выѣхали на ту дорогу, по которой ѣхали, онъ узналъ и весьма былъ недоволенъ, но не поѣхалъ впередъ, а остановился въ одномъ маленькомъ домикѣ на остатокъ ночи, которая проходила уже».

«Я послалъ сыскать кого-либо изъ нашихъ генераловъ сказать ему, что-бъ прислали поскорѣй къ нему (фельдмаршалу) хотя одинъ полкъ и также легъ спать въ горнѣ (горницѣ?), на кучѣ насыпанной пшеницы, потому что постели не было и нечего было постлать. Меня разбудили когда уже было часа полтора дня и сказали, что городъ Австрійцами занятъ. Фельдмаршалъ всталъ и сердился на меня, что я его провелъ назадъ. Вставши, поспѣшилъ я разузнать: правда-ли что городъ занятъ, а когда узналъ, что нѣтъ, пошелъ къ фельдмаршалу. Онъ точно сердился и сказалъ мнѣ:

— «Вотъ что ты надѣлалъ: безъ тебя мы бы вошли первые.

«Но когда я его увѣрилъ, что никого въ городѣ еще нѣтъ, то онъ послалъ кн. Андрея Ивановича Горчакова лучше о томъ довѣдаться. Я съ нимъ также поѣхалъ. Я былъ правъ; и мы, безъ войска и артиллеріи, хотя и хотѣли занять оной городъ, но какъ Французы не отворяли намъ воротъ и мало на насъ смотрѣли, но не препятствовали ѣхать близъ стѣнъ, то мы и воро-

Библиотека "Руниверс"

тились, бывъ и тѣмъ довольны, что видѣли городъ и донесли обо всемъ его сіятельству».

«Фельдмаршалъ оставался въ своей квартирѣ нѣсколько часовъ, какъ вдругъ, не помню (кто), прискакалъ и донесъ фельдмаршалу, что нечаянно Австрійцы въѣхали въ городъ и весь заняли, кромѣ цытадели».

«Одинъ австрійской кавалерійской полковникъ съ тремя (или) четырью эскадронами былъ посланъ въ бокъ города; взъѣхавъ на горку, онъ видитъ что французскаго войска нѣтъ въ оном, разчислилъ, что оное въ цытадель убралось, и что оставлены противъ его находящіяся ворота, рѣшился оными овладѣть. Обдумавъ хорошенько и для всего приготовя свои войска, полетѣлъ къ онымъ, выломалъ запоры, отворилъ и въѣхалъ прежде чѣмъ Французы узнали,—а за нимъ и ближайшія войска взошли и нѣсколько ихъ (французскихъ) офицеровъ нашли спокойно сидящихъ въ своихъ квартирахъ».

«Фельдмаршалъ тотъ же день просто въѣхалъ въ городъ, остановился въ одномъ большомъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ, и мнѣ приказалъ быть при немъ. Остатокъ дня прошелъ безъ всякихъ новостей, и мы легли покойно; но около полуночи я услышалъ большой звукъ и шумъ: вскакиваю, бѣгу внизъ, какъ я былъ въ третьемъ этажѣ, и вижу страшную тревогу въ дворѣ, гдѣ у двухъ или трехъ человѣкъ ядрами оторваны были руки или ноги и нѣсколько побито лошадей. Я вспомнилъ, что можетъ быть и фельдмаршалъ, хотя въ горницѣ, но въ опасности; бѣгу искать его и нахожу спокойно лежащаго на постели,—или канапы, не помню,—въ горницѣ, у которой, въ ту сторону, откуда летятъ ядра и бомбы, окошко было на улицу и отворены ставни. Я такъ отъ виду сего испужался, что довольно громко закричалъ:

— «Бога ради, ваше сіятельство, встаньте и выйдите изъ этой горницы».

«Онъ проснулся, или и не спалъ; нѣсколько привсталъ и спросилъ:

— «Что ты, Ка́рповичъ?

«Я ему сказалъ, что сильно по городу изъ цытадели бомбандируютъ и что весьма мѣтко цѣлятъ въ этотъ домъ, въ дворѣ ко-

Библиотека "Руниверс"

тораго людей и лошадей много ранено и убито. Онъ нѣсколько на меня поглядѣлъ и сказалъ:

— «Оставь меня: я спать хочу.

«И лицомъ къ стѣнѣ обернулся и легъ, а я вышелъ. Немного оставался онъ покоенъ, позвалъ дежурнаго генерала и другихъ нужныхъ чиновниковъ къ себѣ и немедленно отправилъ парламентера сказать французскому генералу, что жители невинны и что-бъ онъ оставилъ ихъ въ покоѣ, а въ противномъ случаѣ принудитъ его къ тому; почему скоро все и утихло».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. А. П. Чеботаревъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА ЖИРКЕВИЧА.

1789—1848.

VIII.[1])

Вступленіе въ Парижъ 19 го марта 1814 г.—Коленкуръ и депутаты.—Представленіе «Весталки» въ Большой Операѣ.—Пребываніе въ Парижѣ.—Въѣздъ графа д'Артуа и Людовика XVIII.—Театры.—Молебствіе на площади Согласія.—Отпускъ.—Возвращеніе въ Россію.—Женитьба.

1814—1815.

Находясь въ резервѣ при ротѣ гр. Аракчеева, я пожелалъ быть свидѣтелемъ перваго момента главнаго торжества Россіи, и рано поутру я, одѣвшись въ форму, выѣхалъ верхомъ въ Бонди, гдѣ была квартира государя. Я туда пріѣхалъ въ ту самую минуту, когда подъѣзжали кареты депутатовъ, присланныхъ къ государю съ привѣтствіемъ отъ города. Каретъ было семь или восемь и въ каждой сидѣло по два сановника; всѣ они, какъ мнѣ показалось, были въ черныхъ фракахъ, но имѣли шарфы черезъ плечо. Они остановились, не доѣзжая дома, гдѣ жилъ государь, и вошли сперва въ другой домъ, ближайшій къ нему, но въ скорости, съ непокрытыми головами, пошли во дворцу. Покои государя были въ глубинѣ двора, довольно обширнаго и отдѣлявшагося отъ улицы сквозною рѣшеткою. У воротъ и у подъѣзда стояли часовые, а внутри двора—караулъ. Когда депутаты были допущены къ государю, примчался, на сѣрой лошади, въ

[1]) См. «Русскую Старину», т. IX, 1874 г., стр. 207—244; т. X, стр. 633—666 т. XI, стр. 411—450.

Библиотека "Руниверс"

шитомъ мундирѣ, какой-то генералъ въ сопровожденіи двухъ казаковъ, двухъ французскихъ трубачей и двухъ ливрейныхъ лакеевъ. Мы, стоявшіе здѣсь зрителями, съ любопытствомъ начали разспрашивать другъ друга, кто это? И намъ кто-то изъ генераловъ сказалъ, что это герцогъ Коленкуръ. Подъѣхавъ къ воротамъ, онъ соскочилъ съ лошади, вошелъ одинъ во дворъ, снялъ шляпу и скорыми шагами пошелъ ко дворцу. Но на подъѣздѣ часовые скрестили ружья, загородили ему входъ, и Коленкуръ сталъ расхаживать взадъ и впередъ подлѣ крыльца. Немного погодя, вышелъ кн. Волконскій и вступилъ съ нимъ въ довольно продолжительный разговоръ. Пока они разговаривали, Коленкуръ все стоялъ безъ шляпы. Депутаты вышли изъ дворца и мѣрными шагами отправились прямо къ каретамъ своимъ. Замѣтно было, что они всѣ были взволнованы, а нѣкоторые изъ нихъ платками утирали слезы. Князь Волконскій вошелъ во дворецъ, тогда Коленкуръ остановился внизу у крыльца, противъ двери, и все вниманіе его обратилось на выходъ изъ дворца. Государь появился. Коленкуръ униженно, почти до земли, преклонилъ голову. Подойдя къ нему, государь съ видимымъ умиленіемъ приготовился его слушать, но потомъ вдругъ быстро повернулся назадъ и опять вошелъ во дворецъ. Видимо было, что Коленкуръ этого не ожидалъ и едва могъ придти въ себя; потомъ, порывисто надѣвъ на себя шляпу, большими шагами пустился со двора, вскочилъ на лошадь и во весь духъ помчался къ Парижу, мимо войскъ, стоявшихъ уже по дорогѣ для вступленія. Это было сдѣлано съ такою поспѣшностію, что два ливрейные лакея едва его догнали, а казаки и трубачи отстали отъ него.

Чрезъ полчаса, около 8-ми часовъ утра, государь вышелъ на крыльцо, сѣлъ на свѣтло-сѣраго коня и окруженный свитою, къ которой примкнуло много офицеровъ тѣхъ полковъ, которые не вступали въ Парижъ, сталъ приближаться къ Пантенской заставѣ, около которой стояла несмѣтная толпа народа. По дорогѣ встрѣтили короля прусскаго, который присоединился со своей свитою къ намъ, такъ, что собралось всѣхъ не менѣе двухъ тысячъ генераловъ и офицеровъ, окружающихъ своихъ монарховъ и представлявшихъ великолѣпное зрѣлище. По мѣрѣ приближенія къ Парижу, толпы народа увеличивались; окна, крыши, тротуары, все было залито движущейся массой, которая кричала, махала

Библиотека "Руниверс"

платками по мѣрѣ нашего прохожденія. Отъ Пантенской заставы мы ѣхали чрезъ Сенъ-Мартенское предмѣстье, вдоль бульваровъ къ Елисейскимъ полямъ, гдѣ войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо государей. Впереди шла баварская и прусская кавалерія; за ними—наша гвардейская легкая кавалерія; потомъ австрійскіе гренадеры, нашъ гренадерскій корпусъ, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, прусская гвардія, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія, наша кирасирская дивизія и конвой. Несмотря на долгій изнурительный походъ, въ продолженіе котораго солдаты не получали никакого обмундированія, даже не имѣли порядочной обуви, все мгновенно преобразилось, и предъ нами проходили не тѣ лахмотники, которыхъ мы привыкли видѣть, а щеголи въ чистыхъ, блестящихъ мундирахъ. Смотръ продолжался почти до 3-хъ часовъ, послѣ коего войска отправились на занятыя заранѣе для нихъ мѣста, кто въ городѣ, кто за городомъ, а государь пѣшкомъ пошелъ на Сенъ-Флорентинскую улицу, въ домъ Талейрана, а король прусскій—во дворецъ Виллеруа, на Бурбонской улицѣ. Въ карауле была 1-я рота Семеновскаго полка со знаменемъ. Вся огромная свита понемногу разсѣялась. Загородные гурьбой возвратились къ своимъ частямъ, на бивуаки, а мы, т. е. больные, заняли квартиру въ Бонди.

Я отправился въ Парижъ уже 20-го марта 1814 г., въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей: Ладыгина, кн. Трубецкаго, Тиманова и Стаховича, всѣ верхами, и съ нами двое служителей. Выѣзжая изъ Бонди, едва успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ, замѣтили въ полѣ, съ правой стороны, женщину, машущую платкомъ. Мы всѣ пріостановились и, къ удивленію нашему, оказалось, что это была женщина не рабочаго класса, но прилично одѣтая дама, съ пустой корзинкой на рукѣ, которая, вѣроятно, прежде была наполнена провизіею. Она объявила намъ, что она, соболѣзнуя объ участи раненыхъ, рѣшилась пойти на мѣсто бывшаго сраженія, не найдетъ-ли случая пособить кому-нибудь, который можетъ быть еще сохранилъ признаки жизни, и что она дѣйствительно набрела въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги на тяжело раненаго русскаго офицера, еще живаго, и увидавъ насъ, рѣшилась просить нашей помощи. Въ это время мы увидали маркитанта на повозкѣ, возвращающагося съ провизіею къ войскамъ, въ аріергардъ; подошли къ нему, прося, что-бы онъ взялъ раненаго на

Библиотека "Руниверс"

свою повозку, но тотъ и слышать того не хотѣлъ, и только послѣ 15-ти хорошихъ нагаекъ свернулъ къ раненому, котораго мы бережно уложили и отправили при одномъ изъ нашихъ служителей въ лазаретъ, въ Бонди.

Это обстоятельство насъ нѣсколько позадержало, но со всѣмъ тѣмъ, мы въ 10 часовъ въѣхали въ заставу. Сдавъ служителю нашихъ лошадей для отправленія къ ротѣ, сами пошли пѣшкомъ, и при первой встрѣчѣ фіакровъ взяли ихъ и отправились въ Палерояль, гдѣ условились собраться къ 4-мъ часамъ въ трактирѣ у Вери и затѣмъ разсѣялись всѣ кто куда глядѣлъ.

Новость предметовъ и обстоятельствъ сократили чрезвычайно время. Не успѣлъ опомниться, какъ уже было четыре часа, и у Вери собралось насъ, т. е. артиллеристовъ, человѣкъ 10-ть. Разсказамъ и разговорамъ не было конца. Всѣ были въ какомъ-то неописанномъ восторгѣ. Всѣ наперерывъ передавали свои первыя впечатлѣнія, радуясь, что настало для всѣхъ время отдыха. Обѣдъ и нѣсколько бутылокъ шампанскаго разрумянили лица и еще болѣе развязали языки; со всѣмъ тѣмъ, когда пробило 5-ть часовъ, общій приговоръ состоялся отправиться всѣмъ въ большую оперу, гдѣ назначено было представленіе «Торжество Траяна», и куда ожидали государя—рѣшено и отправились. Черезъ корридоръ мы вышли въ какой-то переулокъ, но тамъ встрѣтили такое стеченіе народа, что рѣшительно не было возможности не только пробраться впередъ, но даже подумать тронуться съ мѣста. На вопросъ нашъ, сдѣланный одному господину, стоявшему тутъ же въ толпѣ, что за причина такой тѣсноты? Онъ отвѣчалъ: «что это—хвостъ отъ дверей театральной кассы, а дальше уже не тѣснота, а настоящая давка, ибо билеты выдаютъ не каждому, но съ разборомъ, а болѣе военнымъ иностранныхъ войскъ, а потому, если мы имѣемъ тоже намѣреніе быть въ оперѣ, то нужно поспѣшить, дабы получить билеты». При этомъ онъ добавилъ, что берется насъ провести чрезъ толпу до кассы, но съ тѣмъ, что-бы мы взяли для него билетъ, на что мы съ радостью согласились; тогда онъ закричалъ: «Place, messieurs! Place pour les généraux russes!» (Мѣсто, господа! Мѣсто русскимъ генераламъ).

И бросился расталкивать народъ, который сторонился съ уваженіемъ и видимымъ любопытствомъ, и мы въ пять минутъ всѣ очутились у входа въ театръ. Взявши билеты, мы уже не пошли

Библиотека "Руниверс"

назадъ, а спѣшили занять мѣста наши. Театръ еще не былъ освѣщенъ, исключая пяти или шести горѣвшихъ лампъ по стѣнамъ, но мѣста, кромѣ ложъ, были уже всѣ заняты. Часовъ въ шесть спустилась люстра и кругомъ заблистали кенкеты, а въ половинѣ седьмаго ложи начали быстро наполняться дамами, въ блестящихъ нарядахъ. Музыканты стали настраивать инструменты, но ихъ совершенно не было слышно: все заглушалось общимъ говоромъ. Все вокругъ насъ и вопреки нашимъ обычаямъ говорило вслухъ, безъ всякой женировки; разносчики газетъ, ходя между рядами креселъ, по ложамъ, во все горло выкрикивали названіе своихъ газетъ съ объявленіемъ разныхъ новѣйшихъ извѣстій; другіе предлагали лорнеты и зрительныя трубки на время представленія за дешевую плату; мужчины всѣ были въ шляпахъ. Въ семь часовъ ровно поднялся занавѣсъ. На сценѣ, въ числѣ декорацій, виднѣлся Траяновъ столбъ. Какой-то актеръ, выйдя изъ-за кулисъ, подошелъ къ рампѣ и обратился къ публикѣ съ объявленіемъ, что назначенная на афишѣ пьеса: «Le triomphe de Trajan» не можетъ быть представлена по болѣзни актера Лаиса. Публика выслушала эти слова со вниманіемъ, но когда объявляющій прибавилъ, что труппа униженно (humblement) проситъ публику, вмѣсто назначенной оперы, принять «Весталку», со всѣхъ сторонъ раздался крикъ:

— «A bas la Vestale! nous ne voulons pas de la Vestale! à bas! Le triomphe de Trajan! Le triomphe de Trajan! (Прочь Весталку! Не хотимъ! Торжество Траяна!)

Крики стали доходить до изступленія. Провозвѣстникъ кланялся, кланялся и еще что-то хотѣлъ говорить, но тутъ раздалось:

— «A la porte! à la porte le parleur! à la porte! (Вонъ говоруна! вонъ!)

И сдѣлалась такая кутерьма, что несчастный актеръ поспѣшилъ убѣжать со сцены. Кто-то изъ ложи закричалъ:

— «La musique! la musique!»

Капельмейстеръ пошепталъ что-то ближнимъ музыкантамъ; шепотъ пошелъ далѣе и оркестръ заигралъ «Vive Henri IV». Нѣсколько голосовъ въ креслахъ произнесли:

— «Qu'est ce que c'est que ça?»

И затѣмъ вновь раздались крики, заглушившіе оркестръ.

Библиотека "Руниверс"

Прошло съ полчаса, начали понемногу утихать, какъ изъ ложи бель-этажа, съ правой стороны, раздался возгласъ:

— «Messieurs!»

Всѣ обратились на этотъ призывъ и водворилась глубокая тишина. Новый посланникъ отъ дирекціи театра началъ просить и убѣждать публику согласиться на перемѣну спектакля; но новые «à bas! à la porte!» раздавшіеся сильнѣе прежняго, согнали его съ поприща краснорѣчія. Музыка вновь заиграла «Vive Henri IV» и публика на этотъ разъ прослушала музыку безъ малѣйшаго ропота, но даже подпѣвала оркестру. Все происходившее, какъ невиданное дотолѣ нами, чрезвычайно насъ занимало и интересовало и мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ всей этой комедіи, но время текло своимъ чередомъ и часы уже показывали половину девятаго. Вдругъ снова поднялся занавѣсъ; сцена оставалась съ прежнею декораціею и опять появился актеръ съ объявленіемъ и опять раздались крики: à bas! à la porte!» Но кто то, подогадливѣе, въ креслахъ, вскочивъ на свое мѣсто, громко закричалъ:

— «Paix, messieurs, paix! laissez nous entendre que veut donc monsieur!» (Замолчите, гг., дайте намъ выслушать, что этотъ господинъ хочетъ!) Все нѣсколько замолчало и актеръ, раскланиваясь весьма низко, объявилъ: «что труппа привыкла всегда свято исполнять волю публики и готова начать представленіе «Торжество Траяна», но почитаетъ обязанностью предварить, что не собственною волею она хотѣла перемѣнить спектакль, а что на это было объявлено желаніе союзныхъ монарховъ, которые, уклоняясь отъ всего, что хотя бы косвенно могло напомнить ихъ собственный тріумфъ, изъ скромности просили перемѣнить пьесу! «Весталку» они почтутъ своимъ присутствіемъ, а въ случаѣ настоянія о представленіи «Траяна», отказываются быть въ театрѣ». Со всѣхъ сторонъ раздалось: «La Vestale! la Vestale!» Музыка заиграла опять: «Vive Henri IV», а зрители начали подпѣвать оркестру, но еще не кончили втораго куплета, какъ вся зала задрожала отъ крика: «Vive Alexandre!» Государь и прусскій король появились въ бель-этажѣ, въ средней ложѣ. Государь былъ въ кавалергардскомъ вице-мундирѣ и съ андреевской звѣздой. Восторгъ и восхищеніе публики были до такой степени велики, что нѣтъ возможности даже и передать наглядно; всѣ, кто былъ

Библиотека "Руниверс"

въ театрѣ, поднялись какъ одинъ человѣкъ, всѣ взоры устремились на среднюю ложу; махали всѣмъ, что было подъ рукой: платками, шляпами; изъ тѣхъ ложъ, изъ которыхъ не вполнѣ было видно государя, дамы, мужчины становились на балюстрады или свѣшивались чрезъ нихъ, такъ что становилось страшно, ожидая каждое мгновеніе, что вотъ, вотъ да и упадетъ кто-нибудь! Неумолкаемый крикъ и возгласы привѣтствій продолжались болѣе ½ часа и государь безпрестанно раскланивался на всѣ стороны и едва переставалъ кланяться и показывалъ видъ, что садится, раздавались вновь крики: «Vive Alexandre! Vive Alexandre!» и государь подходилъ опять къ барьеру и кланялся. Прусскаго короля никто не замѣчалъ, въ ложѣ онъ или нѣтъ. Оркестръ нѣсколько разъ начиналъ увертюру и нѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. Наконецъ, около четверти десятаго, волненіе поутихло; въ креслахъ, и въ партерѣ всѣ стояли спиной къ сценѣ, а лицомъ къ государевой ложѣ. Увертюра окончилась и только съ началомъ самой оперы устроился настоящій порядокъ въ мѣстахъ.

Ложа Наполеона находилась надъ самой авансценою, въ бельэтажѣ, съ лѣвой стороны; она была отдѣлана, на сколько могъ замѣтить, съ большою роскошью; надъ ней возвышался одноглавый орелъ.

Въ срединѣ перваго акта, изъ ложи надъ авансценою, съ правой стороны, полетѣло внизъ нѣсколько лоскутковъ бумажекъ. Изъ креселъ кто-то закричалъ: «Лаиса! Лаиса!» [1]) Лаисъ не участвовалъ въ спектаклѣ, да къ тому мы полагали, по первому извѣщенію, что, будучи больнымъ, его и въ театрѣ нѣтъ, но, къ удивленію нашему, Лаисъ вышелъ на сцену, одѣтый въ черный фракъ и, поднявъ одинъ изъ билетиковъ, подошелъ къ лампѣ надъ будкой суфлера, прочелъ про себя написанное и потомъ, обратясь

---

[1]) Франциск Лэ или Лаисъ (François Lay dit Lays), знаменитый пѣвецъ, родился въ 1758 г.; въ молодости готовился къ духовному званію и получилъ прекрасное образованіе. Дебютировалъ въ Парижѣ, въ 1779 году, съ большимъ успѣхомъ и въ продолженіе болѣе 40 лѣтъ каждый его выходъ на сценѣ Большой Оперы возбуждалъ восторгъ въ слушателяхъ. Онъ покинулъ сцену въ 1822 году и назначенъ былъ профессоромъ музыки въ консерваторіи, а въ 1827 году оставилъ всѣ свои занятія, поселился въ деревнѣ, гдѣ и умеръ. Во время революціи онъ отличался крайностью своихъ политическихъ принциповъ.

С. К.

Библиотека "Руниверс"

къ публикѣ, сказалъ: «Messieurs! ce n'est rien de plus qu'on exige de faire entendre notre chant national.» (Гг., здѣсь ничего болѣе, какъ требованіе нашего народнаго гимна). «Пойте! пойте!» раздалось нѣсколько голосовъ. Лансъ обратился къ музыкантамъ и сказалъ: «Messieurs, maintenant c'est votre affaire! (Гг., теперь это ваше дѣло). Оркестръ повиновался. Но пѣвецъ, вмѣсто: «Vive Henri IV», запѣлъ: «Vive Alexandre!» и едва онъ произнесъ это имя, все обратилось къ ложѣ и повторило въ одинъ голосъ: «Vive Alexandre!» Государь всталъ, приблизился къ краю ложи и привѣтливо раскланялся. «Музыка, по крайней мѣрѣ, разъ семь начинала арію и всякій разъ останавливалась на первыхъ тактахъ, прерываемая общими криками публики. Наконецъ, въ креслахъ нѣкоторые зрители начали уговаривать, что эти всѣ овацiи могутъ безпокоить царя и было бы прилично временно воздержаться и дать возможность высокимъ посѣтителямъ насладиться музыкой и спектаклемъ, и когда, мало по малу, шумъ и волненіе начали утихать Лансъ запѣлъ:

«Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter des lois» и т. д. [1])

Во второмъ куплетѣ привѣтствіе относилось и къ имяни прусскаго короля. Въ концѣ 1-го акта произошло новое приключеніе. Актриса, игравшая роль весталки, какъ-будто въ изступленіи и забывши свою роль, вскричала: «Vive le roi!» и повторила это еще два раза. Изъ многихъ ложъ посыпались бѣлые банты и кокарды. Раздалось нѣсколько жидкихъ аплодисментовъ, тотчасъ покрытыхъ ропотомъ, раздавшимся почти во всѣхъ концахъ залы: «C'est une horreur! mais qu'est ce qu'on veut donc?» [2])

---

[1]) Да здравствуетъ Александръ, да здравствуетъ царь-царей. Ничего не требующій, не предписывающій намъ законовъ, и проч.

[2]) Многіе Французы положительно заключали, что государь нашъ настоятельно желалъ возвращенія Бурбоновъ изъ того, что русская армія, при вступленіи своемъ въ Парижъ, имѣла на лѣвой рукѣ, выше локтя, бѣлую перевязку. Это было сдѣлано послѣ Лейпцигскаго сраженія, съ тою цѣлью, что шведская армія, имѣвшая синіе мундиры, ошибочно не могла бы быть принята за французское войско. А какъ вообще Шведы носятъ перевязку на рукѣ, то государь, желая этимъ польстить Шведамъ и сблизить различіе формъ, приказалъ въ нашей арміи имѣть тоже перевязку; но, по занятіи Парижа, этотъ

Библиотека "Руниверс"

(это гадость! чего же хотятъ?), но скоро все смолкло. Тогда надъ наполеоновою ложей, кто-то изъ высшаго надъ нею этажа, спустилъ бѣлое полотно и покрылъ императорскаго орла. Мнѣ показалось въ эту минуту, что все какъ-будто съ умысломъ пріутихло и весталка стала продолжать свою роль съ какимъ-то уже принужденнымъ напряженіемъ. Конецъ 1-го и весь 2-й актъ прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній, но когда занавѣсъ окончательно опустился, изъ той ложи, изъ которой прежде былъ опущенъ покровъ для орла, показался мужчина во фракѣ, сдернулъ покрывало, сталъ рвать съ мѣста орла и потомъ, разломавъ его, въ кускахъ бросилъ на авансцену. Публика уже расходилась, такъ что демонстрація эта не обратила на себя особеннаго вниманія Часы показывали четверть втораго. [Государи уѣхали изъ театра между 1-мъ и 2-мъ актомъ, выйдя незамѣтно для публики изъ ложи].

Въ театрѣ мы всѣ какъ-то размѣстились врознь. Я пріѣхалъ, какъ и другіе, въ городъ верхомъ и въ одномъ сюртукѣ, не озаботясь пріискать себѣ заблаговременно квартиру и теперь, выйдя изъ театра, одинъ, не зная города, я рѣшительно не зналъ гдѣ провести ночь. Къ великой моей радости вспомнилъ, что полковникъ Голубцевъ и Ладыгинъ говорили, что они нашли себѣ пріютъ въ улицѣ de la Victoire, Hôtel Mirabeau, а потому я къ первому попавшемуся мнѣ подъ руку лицу обратился съ вопросомъ, гдѣ эта улица, какъ туда пройти и, къ счастію моему, напалъ на такого, который самъ шелъ въ ту сторону. Пройдя всю улицу Ришельё, дружески разговаривая съ моимъ незнакомымъ спутникомъ, я увидѣлъ передъ собою вывѣску «Hôtel Mirabeau»; поблагодаривъ его за любезность, мы разстались и я, позвонивъ въ колоколъ и узнавъ отъ «portier» (привратника), что тутъ стоятъ два русскихъ полковника, приказалъ отвести себѣ нумеръ; зайдя предварительно на минутку къ товарищамъ, вернулся къ себѣ, и, несмотря на усталость, на удобство моего помѣщенія, я долго не могъ заснуть, такое сильное впечатлѣніе

знакъ былъ немедленно отмѣненъ. Въ кокардѣ нашей послѣдовало тоже измѣненіе, ибо прежде она была черная съ ранжевымъ, а тутъ присоединенъ цвѣтъ бѣлый, отчего наша кокарда, по ранжевому цвѣту, сдѣлалась сходной съ австрійской, а по цвѣту червому съ бѣлымъ—съ прусскою. Символъ союза.

И. Ж.

Библиотека "Руниверс"

произвело на меня все, что я видѣлъ и въ чемъ участвовалъ за эти два дня въ Парижѣ.

На другой день, проснувшись довольно рано, я прежде всего озаботился обмундироваться въ гражданскую одежду и мы, вмѣстѣ съ Ладыгинымъ, отправились въ Пале-рояль и тамъ заказали себѣ полную пару и купили сапоги. Но въ то время, когда Ладыгинъ сталъ разсчитываться за взятые имъ сапоги, вынимая кошелекъ, онъ разсыпалъ на полъ червонцы. Хозяинъ и прислуга бросились подбирать и первый, съ большой заботливостью, спрашивалъ: «вполнѣ-ли собрана монета?» Ладыгинъ, сосчитавъ, отвѣчалъ: «кажется все поднято», а по-русски сказалъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ, все-ли поднято, такъ какъ за эти два дня онъ не считалъ, что̀ у него было въ кошелькѣ, и только все расходовалъ! Прошло послѣ того нѣсколько дней, я, гуляя съ Ладыгинымъ по Пале-роялю, замѣтилъ какого-то незнакомаго человѣка, который, нѣсколько разъ забѣгая впередъ насъ, пристально глядѣлъ намъ въ лицо. Не обративъ первоначально особаго на это вниманія, мы продолжали свою прогулку, но когда сдѣлалась видима настойчивость этого господина въ преслѣдованіи насъ и, подозрѣвая со стороны его умыселъ придраться къ намъ, какъ къ офицерамъ непріятельскихъ войскъ, что случалось нерѣдко со стороны французскихъ офицеровъ, то мы и обратились къ нему довольно сурово съ вопросомъ: «чего ему отъ насъ угодно?» Господинъ съ необыкновенной вѣжливостью просилъ извиненія, что остановилъ насъ, но, имѣя нѣчто сказать намъ, желаетъ знать: были-ли мы тогда-то, въ такой-то лавкѣ и покупали-ли мы тамъ себѣ сапоги? На утвердительный нашъ отвѣтъ, онъ попросилъ, для большей вѣрности, осмотрѣть клеймо на голенищахъ, и, увѣрившись въ справедливости нашихъ показаній, обратился къ намъ съ радостнымъ лицомъ и сказалъ:

«Я, господа, хозяинъ этой лавки и когда вы покупали у меня сапоги, то вы разронялн деньги и хотя увѣряли, что собрали всѣ, тѣмъ не менѣе, послѣ вашего ухода, я нашелъ подъ прилавкомъ три червонца, которые душевно радуюсь возвратить по принадлежности!».

Мы его очень благодарили и сказали ему, что мы постараемся поступокъ его сдѣлать гласнымъ, такъ какъ онъ приноситъ ему честь, и дѣйствительно, разсказывая это происшествіе, какъ своимъ

Библиотека "Руниверс"

товарищамъ, такъ и другимъ знакомымъ офицерамъ, мы настоятельно ихъ просили непремѣнно купить тамъ себѣ сапоги, что они и дѣлали и сапожникъ этотъ, какъ я слышалъ послѣ отъ кн. Трубецкаго, не успѣвалъ исполнять всѣ заказы, столько ему ихъ дѣлали.

Со мной повторился почти такой же случай. Въ гостинницѣ («Hôtel Mirabeau») я прожилъ девять дней, и когда пришлось мнѣ выбираться оттуда, при разсчетѣ моемъ съ хозяиномъ, въ числѣ денегъ, я ему далъ двѣ нашихъ 100 рублевыя ассигнаціи. Тогда курсъ еще не утвердился и за 100 рублевую ассигнацію выдавали золотомъ 74 франка. Прошло болѣе мѣсяца и наканунѣ въѣзда Людовика XVIII, идучи какъ-то мимо гостинницы, я зашелъ туда, что-бы спросить себѣ порцію цыплятъ («poulets à la Marengo»), которые мнѣ очень нравились; заказавъ ихъ, я взялъ газету, какъ подходитъ ко мнѣ хозяинъ гостинницы и подаетъ 40-франковую монету, объявляя мнѣ, что, при разсчетѣ моемъ съ нимъ, я ему заплатилъ лишнее, потому что въ то время онъ не зналъ курса нашихъ денегъ, но нѣсколько дней тому назадъ размѣнявъ мои ассигнаціи у банкира, онъ получилъ за каждую 94 франка. Поблагодаривъ хозяина за его честность, я подозвалъ прислужницу и велѣлъ принести себѣ бѣлый бантъ или кокарду на шляпу, а деньги эти ей подарилъ, считая ихъ себѣ не принадлежавшими, а случайно дошедшими ко мнѣ.

Во время пребыванія моего въ Парижѣ, въ памяти моей остались слѣдующія происшествія:

Въѣздъ графа д'Артуа.[1]) Это было дней чрезъ пять или шесть послѣ нашего вступленія въ Парижъ. Я смотрѣлъ на него изъ окна «Hôtel Mirabeau». Д'Артуа ѣхалъ верхомъ, въ мундирѣ національной гвардіи. Свита его была весьма немногочисленная; изъ русскихъ генераловъ замѣтилъ при немъ только одного Милорадовича. Никакого на улицахъ не стояло войска и не провожало его, только толпа мальчишекъ бѣжала за его сви-

[1]) Графъ д'Артуа, 4-й сынъ дофина сына Людовика XV, родился въ Версали 9-го октября 1757 г., былъ младшимъ братомъ королей Людовика XVI и Людовика XVIII. Вступилъ на престолъ 15-го сентября 1824 г. подъ именемъ Карла X. Отрекся отъ престола въ пользу своего внука, герцога Бордосскаго, 30-го іюля 1830 г.; скончался въ Герицѣ, въ Штиріи, 6-го ноября 1836 г.

С. К.

Библиотека "Руниверс"

той и, махая палками со вздѣтыми на нихъ лоскутками бѣлаго холста, орали: «Vive le roi!» (да здравствуетъ король). Народъ не только не поддерживалъ эти возгласы, но даже проходившіе въ это время по тротуару не останавливались, что-бы посмотрѣть на шествіе.

Въѣздъ короля Лудовика XVIII.[1]) Въ то время я занималъ квартиру на улицѣ Ришелье и съ 7-ми часовъ начали проходить мимо оконъ моихъ батальоны національной гвардіи съ знаменами и музыкой, размѣщаясь шпалерами по обѣ стороны тѣхъ улицъ, по которымъ долженъ былъ проѣзжать король. Надъ самой моей головой, черезъ улицу, была перетянута изъ оконъ двухъ насупротивъ лежащихъ домовъ, изъ искусственныхъ цвѣтовъ цѣпь и на оной, посреди улицы, утверждена была, изъ цвѣтовъ же, корона. На крышахъ и въ окнахъ выставлены были флаги и знамена бѣлые съ вышитыми лиліями, а съ балконовъ спускались разноцвѣтные ковры. По обѣимъ сторонамъ улицы стояли подъ ружьемъ національные гвардейцы. Король проѣхалъ мимо этого мѣста часу во второмъ. Онъ ѣхалъ въ большой открытой коляскѣ, запряженной цугомъ, въ восемь лошадей, въ мундирѣ національной гвардіи и въ голубой лентѣ ордена св. Духа, безъ шляпы, кланяясь привѣтливо на всѣ стороны. Рядомъ съ нимъ сидѣла герцогиня Ангулемская,[2]) а напроивъ ихъ, впереди, старикъ принцъ Конде,[3]) тоже безъ шляпы. Когда коляска поравнялась съ висѣвшей на воздухѣ короной, она спу-

---

[1]) Людовикъ XVIII родился въ Версали 5-го (17-го) ноября 1755 г. и носилъ титулъ графа Прованскаго. Эмигрировалъ 9-го (21-го) іюня 1791 г. и снова, 11-го сентября 1792 г., возвратился во Францію, во главѣ арміи эмигрантовъ, соединясь съ прусскою арміею. До 1809 года имѣлъ пребываніе въ разныхъ государствахъ, но вліяніе Наполеона не дозволяло ему спокойно пользоваться предложеннымъ убѣжищемъ, пока не поселился въ Англіи, въ замкѣ Гартвель, гдѣ прожилъ до 1814 г. Признанъ на тронъ французскимъ сенатомъ 25-го марта (6-го апрѣля) 1814 г.; совершилъ въѣздъ въ Парижъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1814 г.; скончался 2-го (15-го) сентября 1824 года. С. К.

[2]) Герцогиня Ангулемская, дочь короля Людовика XVI, родилась 12-го (24-го) сентября 1778 года. Вышла замужъ за своего двоюроднаго брата герцога Ангулемскаго, въ Митавѣ, въ 1806 г.; ум. 7-го (19-го) октября 1851 года въ Фрошдорфѣ, въ Иллиріи. С. К.

[3]) Принцъ Конде (Людвигъ-Генрихъ-Іосифъ, герцогъ Бурбонскій) род. въ 1756 г., найденъ удавленнымъ въ своей спальнѣ, въ замкѣ Шантильи, 15-го (27-го) августа 1830 г. Въ смерти его подозрѣвали участіе короля Людвига-

Библиотека "Руниверс"

стилась въ коляску, а цвѣтная цѣпь повисла по бокамъ ея. Впереди коляски, прежде всѣхъ ѣхали жандармы, за ними 3 или 4 взвода легкой кавалеріи, потомъ два взвода гренадеръ бывшей императорской гвардіи. Весьма замѣтно было, что съ концовъ фалдъ мундировъ ихъ и съ сумокъ сняты были орлы, но ничѣмъ другимъ не были еще замѣнены. Передъ самою коляскою, въ буквальномъ смыслѣ, тащились, въ бѣлыхъ платьяхъ съ бѣлыми поясами, съ распустившимися отъ жару и поту волосами, 24 какихъ-то привидѣній! Въ программѣ церемоніала въѣзда, эти несчастныя названы: «дѣвицами высшаго сословія», чему трудно было повѣрить. Около коляски ѣхали французскіе маршалы и десятка два генераловъ, тоже французскихъ. Ни русскихъ, ни другихъ иностранныхъ войскъ при этомъ не было. Намъ, Русскимъ, было отдано въ приказѣ, что-бы находиться въ этотъ день, безотлучно, при своихъ частяхъ, но многіе изъ офицеровъ, подобно мнѣ, прикрываясь гражданскимъ костюмомъ, смотрѣли на церемонію. Народу хотя и было довольно много, но нельзя было сравнить съ той массой, которая толпилась при вступленіи нашемъ въ Парижъ, и привѣтственные клики, какъ со стороны національной гвардіи, такъ и народа, раздавались весьма вяло, но когда показались взводы императорской гвардіи, то раздался дружный крикъ: «vive la garde!» (да здравствуетъ гвардія), и въ одно время съ этимъ крикомъ, такой же громкій и отчетливый: «vive la garde Impériale!» (да здравствуетъ гвардія императорская. На что генералы отвѣчали тутъ же: «vive la France!» но ни одинъ изъ нихъ не прибавилъ: «vive le roi!».

Вскорѣ я узналъ, что мнѣ въ приказахъ уже вышелъ отпускъ въ Россію, и я, не сносясь ни съ бригаднымъ командиромъ, ни съ преемникомъ моимъ по ротѣ, прямо отправился въ канцелярію дежурнаго генерала, объявилъ имъ самъ о себѣ и просилъ выдать мнѣ подорожную въ Россію, что и сдѣлали къ великому моему удивленію, не зная лично меня и безъ малѣйшихъ справокъ. Сверхъ подорожной снабдили меня еще открытымъ предписаніемъ чрезъ Францію и всю Германію безплатно получать: квартиру лично для себя и для прислуги, продовольствіе для себя,

Филиппа, изъ корыстолюбивыхъ видовъ дѣйствовавшаго чрезъ посредство баронессы Фешеръ, любовницы принца. Сынъ его, герцогъ Энгіенскій, былъ разстрѣлянъ Наполеономъ. С. К.

Библиотека "Руниверс"

моимъ людямъ и лошадямъ и, въ случаѣ надобности, подводы. Такъ легки были въ то время канцелярскіе порядки и служебные обряды.

Состоя въ резервѣ и причисленный къ батарейной ротѣ графа Аракчеева, вмѣстѣ съ нею первую назначенную квартиру я имѣлъ около Парижа, въ Нёльи, въ домѣ знаменитой актрисы, любимицы парижской публики, Дюшенуа;[1]) отлично устроенная, но въ это время довольно раззоренная вилла. Тамъ я прожилъ не болѣе 4-хъ сутокъ, а когда получилъ подорожную, будучи вольнымъ казакомъ, я перебрался къ своей ротѣ, за Шаронтонскую заставу, въ дер. Валентонъ, верстахъ въ 10-ти отъ Парижа. Квартира мнѣ была отведена у какого-то горожанина (bourgeois), съ отлично отдѣланными комнатами и зеркальными стеклами; при домѣ находился большой садъ и изъ него былъ восхитительный видъ на Парижъ, такъ какъ деревня расположена на первомъ возвышеніи къ городу и хотя я тутъ прожилъ болѣе мѣсяца, но ночевалъ только одинъ разъ, а остальное время безвыѣздно жилъ въ городѣ.

Время препровожденія моего заключалось по утрамъ въ обзорѣ достопримѣчательныхъ мѣстъ въ Парижѣ, начиная съ Лувръ скаго Музея и кончая китайскими банями (bains chinois) въ которыхъ китайскаго только и есть, что ихъ названіе. Болѣе же всего полюбилъ я Ботаническій садъ (jardin des Plantes), въ которомъ я много нашелъ для себя интереснаго и поучительнаго; въ Парижѣ такъ было много сосредоточено замѣчательнаго, что я всегда почти опаздывалъ къ обѣду, куда заранѣе я условливался сойтись съ своими товарищами. Обѣдывали мы чаще всего въ Пале-роялѣ у «Very» и «Frères Provençaux», а также и въ другихъ ресторанахъ; но болѣе всего тамъ, ибо это былъ почти центръ Парижа, откуда всѣ театры весьма близки. Вечеромъ, непрѣменно отправлялся въ какой-либо театръ. Въ оперѣ я былъ четыре раза и при мнѣ давали: «Весталку», «Ифигенію»—Глюка, «Торжество Траяна» и «Алцесту»—Глюка, съ участіемъ въ этихъ операхъ двухъ тогдаш-

---

[1]) Дюшенуа (Екатерина-Жозефина Рафенъ (Rafin) извѣстная подъ именемъ) род. въ 1780 г. близъ Валансьенъ, въ дер. Сенъ Солѣ (St. Saulve); вступила на сцену французскаго театра 12-го іюля 1802 г.; оставила сцену въ 1830 г.; ум. 8-го января 1835 г. С. К.

Библиотека "Руниверс"

нихъ знаменитыхъ пѣвцовъ: Лаиса и г-жи Браншю.[1]) Лаисъ имѣлъ довольно высокій теноръ, весьма легко владѣлъ голосомъ, а Г-жа Браншю, обладая большими голосовыми средствами, сверхъ того была неподражаемая драматическая актриса, возбуждавшая восторгъ зрителей до-нельзя

Во французскомъ театрѣ я былъ три раза и видѣлъ тамъ: «Силлу», «Магомета», «Мизантропа» съ Тальмой,[2]) Флери[3]) Дюшенуа и Марсъ.[4])

При мнѣ было два парада нашихъ войскъ. Первый—въ день Пасхи, на площади между Елисейскими полями и Тюльерійскимъ садомъ. На этомъ самомъ мѣстѣ, въ 1793 г., казненъ король Людовикъ XVI. Въ Св. Христово Вескресенье 1814 г. воздвигнутъ былъ амвонъ въ нѣсколько ступенекъ и на немъ былъ поставленъ налой для Евангелія и столъ для прочей принадлежности къ водосвятію. Я въ это время стоялъ на террассѣ Тюльерійскаго сада, противу самаго амвона, въ числѣ зрителей. Прежде всего государь съ прусскимъ королемъ объѣхали линію войскъ, расположенную около сада и по смежнымъ улицамъ, а потомъ войска стянулись въ колонны и построились въ каре на площади. 1-я гвардейская пѣхотная дивизія стала спиной къ дворцу Элизе-Бурбонъ, гдѣ жилъ государь; прусская гвардія—спиной къ Тюльерійскому саду, 2-я гвардейская пѣхотная дивизія—спиной къ Сенѣ, а вся кавалерія—вдоль главной аллеи Елисейскихъ полей,

---

[1]) Браншю (Александрина-Каролина Шевалье-де-Левитъ въ замужествѣ) род. въ 1780 г. на остр. Сен-Доминго. Воспитанница знаменитаго Гаратн, дебютировала въ 1799 г. на сценѣ Большой Оперы, которая носила тогда названіе: «Театра Республики и Искусствъ»; въ 1804 г. вышла замужъ за танцовщика Браншю; оставила сцену въ 1826 г.; ум. 3-го (15 го) октября въ 1850 г. въ Пасси.

[2]) Тальма (Францъ-Іосифъ) род. 3-го (15-го) февраля 1763 г. въ Парижѣ; дебютировалъ на сценѣ французскаго теара въ 1787 г. въ роли Сеида, Магомета—Вольтера; ум. въ Парижѣ 7-го (19-го) октября 1826 г. С. К.

[3]) Флери (Іосифъ-Авраамъ Бенаръ, подъ названіемъ) род. въ Люневилѣ въ 1850 г.; дебютировалъ на сценѣ Французской Комедіи, въ 1772 г., въ роли Эшета (Мероппа), всего болѣе имѣлъ успѣхъ въ роляхъ высокой комедіи; оставилъ сцену въ 1818 г.; ум. близъ Орлеана 24-го апрѣля (5-го марта) 1822 г.

[4]) Марсъ (Анна-Франциска-Ипполита Буте, извѣстная подъ именемъ дѣвицы) родилась 9-го февраля 1779 г.; дебютировала, въ 1793 г., на сценѣ театра Фейдо (Feydeau), а затѣмъ, покровительствуемая актрисой Конта (M-lle Contat) поступила на сцену французскаго театра, которую не покидала до 7-го апр. 1841 г.; ум. 8-го (20-го) марта 1847 г. С. К.

Библиотека "Руниверс"

спиной къ Нёльисской заставѣ. А такъ какъ дорога по этой аллеѣ къ самой заставѣ подымается все вверхъ, въ гору, то изъ сада можно было видѣть послѣдній рядъ кавалеристовъ, что производило прекрасный видъ. Середина площади, на большое пространство, оставалась свободной, но шагахъ во 100 отъ амвона расположена была цѣпью французская національная гвардія. Когда войска построились и стали на предназначенныя имъ мѣста, государь и прусскій король одни вошли на амвонъ, а свита ихъ осталась въ довольно почтительномъ отдаленіи. Любопыство и вольность обращенія Французовъ, на этотъ разъ не уважили приличія. Лишь только началось богослуженіе, вся цѣпь національной гвардіи, какъ будто по условію, сомкнулась къ самому амвону, такъ что оба государя очутились окруженными однимъ непріятелемъ и отдѣленными совершенно отъ своихъ. Никогда не забуду этихъ величественныхъ и истинно драгоцѣнныхъ для русскаго сердца минутъ! Благоговеніе такъ было сильно для своихъ и для чужихъ, что на террасѣ Тюльерійскаго сада, гдѣ я стоялъ, удаленный почти на 200 саж. отъ амвона, не только было слышно пѣніе пѣвчихъ, но каждый возгласъ дьякона или священника доходилъ до насъ. Пока происходило передвиженіе войскъ, меня осыпали разспросами, что-бы я указалъ государя, великаго князя, главнокомандующихъ и другихъ значительныхъ лицъ, но началась служба, все смолкло и всѣ присутствующіе, а ихъ была несмѣтная толпа, обратились въ слухъ. Когда же гвардіи русская, прусская и съ ними вмѣстѣ, стоящая близь амвона, національная гвардія, преклонили колѣна, то весь народъ бросился тоже на колѣна, вслухъ читалъ молитвы и многіе утирали слезы. Необыкновенную картину представляла кавалерія, на лошадяхъ, съ опущенными саблями и обнаженными головами. Государь и прусскій король все время, безъ свиты, вдвоемъ, съ одними пѣвчими, сопровождали священника, когда онъ проходилъ по рядамъ войскъ и кропилъ ихъ св. водой; наконецъ пушечные выстрѣлы возвѣстили объ окончаніи этой необыкновенной церемоніи, дотолѣ невиданной парижанами.

Когда народъ началъ расходиться, одинъ изъ зрителей подошелъ ко мнѣ и взявъ въ руки висѣвшій въ петлицѣ у меня крестъ св. Владиміра, спросилъ: «позвольте полюбопытствовать, вѣдь это орденъ св. Анны?»—«Нѣтъ» отвѣчалъ я, «вотъ орденъ св. Анны»

Библиотека "Руниверс"

и при этомъ растегнулъ мундиръ свой (въ этотъ день я надѣлъ мундиръ), подъ которымъ закрытъ былъ на мнѣ этотъ орденъ. Эффектъ вышелъ неожиданный: нѣсколько лицъ, вѣроятно прежде обратившихъ вниманіе на нашъ разговоръ, обступили меня и начали, какъ чудо, разсматривать крестъ и дѣлать о немъ разные вопросы. Дѣйствительно, въ то время орденъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что кругомъ былъ осыпанъ стразами, которые принимали за брилліанты. Удовлетворивъ, по возможности, любопытству окружавшихъ меня лицъ, я застегнулъ вновь мундиръ, спрятавъ подъ него орденъ. Тогда подошла ко мнѣ дѣвушка лѣтъ 17-ти, ее называли въ толпѣ графинею, разстегнула мнѣ мундиръ, вынула опять наружу орденъ, сказавъ мнѣ: «присутствующія дамы прислали меня просить васъ не скрывать этого ордена и позволить имъ удовлетворить свое любопытство и, кромѣ того, мы находимъ, что кто носитъ подобные знаки на груди, тому неприлично скромностію закрывать свою заслугу!» Кругомъ послышались одобрительные голоса: «браво! браво! графиня!»

Во время другаго парада, даннаго собственно для Людовика XVIII, я находился опять на террасѣ Тюльерійскаго сада, но съ другой стороны, т. е. къ набережной Сены. Король сидѣлъ въ павильонѣ и оттуда смотрѣлъ на проходившіе полки нашей гвардіи. Во всѣхъ полкахъ музыканты, вмѣсто маршей, играли «vive Henri IV». Но всего любопытнѣе было это видѣть герцога Велингтона,[1]) который только лишь пріѣхалъ въ Парижъ и услыхавъ о парадѣ, схватилъ какую-то упряжную лошадь, вскочилъ на нее и на этомъ буцефалѣ прискакалъ къ войскамъ. Потомъ ходилъ анекдотъ о немъ, что будто, на сдѣланный ему вопросъ: что всего болѣе ему понравилось въ Парижѣ, онъ отвѣчалъ: «гренадеры русской гвардіи!»

Я былъ свидѣтелемъ снятію статуи съ аустерлицкой колонны на Вандомской площади. Извѣстно, что въ день вступленія союзныхъ монарховъ въ Парижъ, непріязненныя лица импера-

[1]) Велингтонъ (Артуръ Велеслей, герцогъ), знаменитый полководецъ, разбившій Наполеона при Ватерлоо. Велингтонъ род. въ Дунганъ-Кестль 19-го апрѣля (1-го мая) 1768 г.; ум. 2-го (14-го сентября) 1852 г. въ Вальмеръ-Кестль и преданъ землѣ того же года, 6-го (18-го) ноября. почти съ царскими почестями, въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ. С. К.

Библиотека "Руниверс"

скому правленію хотѣли стащить статую, и уже были наброшены на нее веревки, но государь, узнавши объ этомъ, повелѣлъ немедленно отрядить баталіонъ Семеновскаго полка для содержанія караула при колоннѣ и этотъ караулъ все время находился до снятія статуи. Новое же временное правительство распорядилось закрыть статую бѣлымъ холщевымъ покровомъ, а чрезъ нѣсколько дней начали устраивать блоки на верху площади колонны, съ тою дѣлью, что-бы на нихъ поднять статую съ мѣста, а потомъ спустить ее. Столбы для блоковъ представляли точное изображеніе висѣлицы.' Я пришелъ на площадь уже тогда, когда статуя была поднята и частью уже занесена за край колонны; внизу стояли большіе роспуски для отвоза ея; народу собралось нѣсколько тысячь, но такая была тишина, что слышно было каждое слово распорядителя работами; статую спустили и народъ разошелся въ безмолвіи.

Я выѣхалъ изъ Парижа на другой день по подписаніи мира. Ладыгинъ, съ которымъ я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ, отправился прежде всего проститься съ офицерами роты его величества, квартировавшими въ верстахъ 30-ти отъ Парижа, въ деревнѣ, гдѣ былъ замокъ, принадлежавшій Бернадоту, вслѣдствіе чего и я поѣхалъ туда же, гдѣ, пробывъ два дня, пустились въ обратный путь, въ Россію, на долгихъ, на своихъ лошадяхъ... Я съ Ладыгинымъ, четверней, въ его коляскѣ, а прислуга наша—въ моей телѣгѣ, на тройкѣ. При отъѣздѣ нашемъ мы облеклись съ нимъ опять въ военную форму. Повсюду, гдѣ мы имѣли ночлеги или дневные отдыхи, дѣлая обыкновенно два перегона, насъ принимали съ большимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, тѣмъ болѣе, что мы первые доставляли извѣстіе о заключеніи мира; только передъ Нанси мы встрѣтили какую-то французскую гусарскую бригаду и какъ оная шла въ густой колоннѣ, то мы принуждены были немного свернуть съ дороги и, остановивъ свой экипажъ, ожидать пока она насъ минуетъ и тутъ, признаюсь, мы много наслушались для себя нелестнаго, въ особенности отъ простыхъ гусаръ. Но мы прикинулись непонимающими французскаго языка и въ душѣ смѣялись надъ произносимыми на счетъ насъ ругательствами. Въ Нанси, откуда только лишь вышло это войско, пока мы были у мера для полученія билетовъ на квартиры, собралась подъ окнами молодежь, съ криками: «Vive l'Empereur!» «Vive la

Библиотека "Руниверс"

France!» «A bas les alliés!» (Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Франція! Долой союзниковъ!) и этими криками все и покончилось, безъ дальнѣйшихъ для насъ послѣдствій. За то меръ назначилъ квартиру у какого-то изъ самыхъ рьяныхъ роялистовъ и насъ, за вѣсть о мирѣ, запоили шампанскимъ...

Рейнъ мы переѣхали въ Форъ-Луи, откуда ѣхали на Карлсруэ, Брукгаль (гдѣ въ гостинницѣ обѣдали за однимъ столомъ со шведскимъ принцемъ, сыномъ послѣдняго короля изъ дома Вазы), Вюрцбургъ, Готу, Лейпцигъ и Берлинъ. До этого города мы блаженствовали: останавливались гдѣ намъ нравилось по три и четыре дня, располагались какъ дома, со всѣми удобствами, нисколько не заботясь о нашемъ продовольствіи, зная, что самое обильное угощеніе будетъ намъ предложено; лошади, за это путешествіе, такъ раздобрѣли и поправились, что мы рѣшились ихъ, вмѣстѣ съ экипажами, продать въ Лейпцигѣ, взявши за все весьма хорошую цѣну, разсчитывая на эти деньги покутить въ Берлинѣ, а сами съ прислугой поѣхали на подводахъ, требуя ихъ отъ земства того края, чрезъ который мы ѣхали. По пріѣздѣ въ Берлинъ, разочарованіе наше было велико. Во первыхъ, по желанію нашему пробыть здѣсь дней 10-ть, намъ насилу дозволили пробыть недѣлю и, вмѣсто постоя у обывателей, намъ отвели квартиру въ казармахъ, безъ мебели; а о продовольствіи намъ объявили, что насъ Богъ будетъ кормить, если сами не имѣемъ на то средствъ.» Но какъ я выше сказалъ, что мы продали своихъ лошадей и экипажи въ Лейпцигѣ за хорошую цѣну и, кромѣ того, сберегли всѣ свои небольшія деньги, какія остались у насъ во Франціи, то образовалась приличная сумма, на которую мы тоже прилично кутнули, занявши отличный нумеръ въ «Hôtel de la Russie» подъ Липами и поставивши на своемъ, просрочa 10-ть дней. Изъ Берлина мы взяли почтовыхъ до первой станціи, а потомъ опять поѣхали на обывательскихъ подводахъ и на продовольствіи обывателей до Юрбурга, гдѣ уже положительно вся наша роскошь кончилась и Ладыгинъ на почтовыхъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я — въ Вильну.

Въ Вильнѣ въ это время квартировала новосформированная рота для гвардейской артиллеріи, подъ командой капитана Левашева, у котораго я и остановился, не рѣшаясь пускаться далѣе въ путь, пока не соберу свѣдѣній о мѣстопребываніи моей

Библиотека "Руниверс"

матери и прочей родни, почему и прожилъ тамъ до половины іюля 1814 г. Списавшись съ зятемъ моимъ Фроловымъ и полу́чивъ отъ него отвѣтъ, поспѣшилъ въ Смоленскъ, а оттуда поѣхалъ съ нимъ въ Воронежскую губернію, къ двоюроднымъ моимъ братьямъ, Сахаровымъ, у которыхъ мать моя, убѣгая отъ Французовъ, нашла себѣ пріютъ. Невѣста же моя въ это время, съ матерью, была въ Тверской губерніи.

Относительно пребыванія нашего во Франціи мнѣ на память пришло еще одно обстоятельство. Послѣ нашего перваго отступленія отъ Труа, Ермоловъ, бывши у Аракчеева, завелъ съ нимъ разговоръ и коснулся отступленія, охуждая оное.

— Что дѣлать Алексѣй Петровичъ, сказалъ графъ, иначе быть не можетъ.

— «Да помилуйте, ваше сіятельство, сколько же у васъ войска, что-бы можно было опасаться подаваться впередъ! Въ одной австрійской арміи, черезъ Рейнъ, прошло пѣхоты 120 тыс.!»

— Правда ваша, но теперь на лицо въ строю 18 тыс.

— «Гдѣ же прочіе?»

— Позади, на кантониръ-квартирахъ; за недостаткомъ обуви въ стужу и грязь не могутъ дѣлать похода!...

И вправду, во всю кампанію, до взятія Парижа, дрались лишь Русскіе и Пруссаки, иногда Баварцы, Виртембергцы и даже Баденцы; но объ австрійскихъ войскахъ ни въ одной реляціи не упоминается, а между тѣмъ главнокомандующій всѣми арміями былъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ,[1]) который болѣе всѣхъ другихъ настаивалъ, что-бы не идти на Парижъ, а возвратиться къ Рейну...

Цѣль записокъ моихъ—не столько удержаніе въ памяти случайностей моей жизни, сколько наставленіе въ будущности сыну моему, потому тамъ, гдѣ я находилъ или видѣлъ зло, я описываю оное подробнѣе другаго. Такимъ образомъ скажу, что зять мой, Фроловъ, бывши въ 1813 г. смотрителемъ Шкловскаго во-

[1]) Шварценбергъ (Карлъ-Филиппъ князь) родился въ Вѣнѣ 3-го (15-го) апрѣля 1771 г.; вступилъ на службу въ 1789 г.; въ 1812 г. командовалъ австрійскимъ корпусомъ, предоставленный въ распоряженіе Наполеона; за эту кампанію, по настоянію Наполеона, въ 1813 г., произведенъ въ фельдмаршалы и въ томъ же году, когда Австрія присоединилась къ Россіи и Пруссіи, сдѣланъ главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ армій; умеръ въ Лейпцигѣ въ 1820 г. С. К.

Библиотека "Руниверс"

еннаго госпиталя, нажилъ 40 тыс. руб. ассигнаціями. Я пожелалъ знать отъ самого Фролова, какъ онъ накопилъ такую значительную сумму и въ такое короткое время, тѣмъ болѣе, что, по характеру его, я зналъ его всегда за самаго человѣколюбиваго и при томъ слабаго, близко къ трусости наклоннаго, чиновника. Основаніемъ его фортуны была стачка съ медикомъ, коммиссаромъ, священникомъ и съ ревизорами госпиталя. Разумѣется, что при этомъ положеніи онъ долженъ былъ съ ними дѣлиться и многихъ угощать. Усиленное показаніе высшаго разряда порцій, задержаніе выключки своевременно умершихъ, погребеніе сихъ послѣднихъ безъ гробовъ, употребляя при выносѣ ихъ одинъ и тотъ же гробъ подъ всѣхъ, наконецъ искусственное поддержаніе справочныхъ цѣнъ на припасы, а чрезъ это стачка съ подрядчиками — вотъ источники, изъ которыхъ собиралось золото, а пріѣзжавшіе ревизоры, получая свою долю, весьма значительную, находили все отлично и госпитальные чиновники, кромѣ прибыли, получали еще награды.

Прибывъ въ Смоленскъ, я узналъ, что семейство Лаптевыхъ изъ Ярославской губ перебралось въ Тверскую, къ родственницѣ матери моей невѣсты Шишкиной, рожденной Талызиной, по первому мужу Гедеоновой. (Первый мужъ ея былъ родной братъ Е. Я.). Родной мой край представлялъ все еще только одно пожарное пепелище. Въ имѣніи матушки, Малоселье, болѣе половины крестьянъ перемерло, осталось всего лишь 16 душъ, и Фроловъ, къ которому отъ сестры перешло это имѣніе, по крайней мѣрѣ озаботился продовольствіемъ мужикамъ и обсѣвомъ ихъ и своихъ полей. Въ Новинцахъ же, дер. Лаптевой, все стояло вверхъ дномъ. Поля не засѣяны, крестьяне не призрѣны, и что всего чувствительнѣе для имѣнія—отсутствіе хозяевъ, тѣмъ болѣе, что въ самое это время выдавалось пособіе отъ правительства. Какъ извѣстно, что всѣ подобныя распоряженія въ началѣ какъ-то идутъ живѣе и удовлетворительнѣе для нуждающихся, а впослѣдствіи, по прошествіи нѣкотораго времени, участіе и рвеніе остываютъ и вотъ явное доказательство тому: матушка, не будучи на лицо, по возвращеніи своемъ ничего не получила уже на свою долю.

Въ Смоленскѣ я пробылъ только два дня и поѣхалъ съ Фроловымъ прямо въ Елецъ, а оттуда въ Задонскую деревню

Библиотека "Руниверс"

Сергѣя Семеновича Сахарова. У него въ это время жила моя мать. Семейство Сахарова, съ которымъ я до сего времени не только не былъ знакомъ но даже не зналъ о его существованіи, состояло изъ 3-хъ братьевъ: Петра — стараго холостяка, Ивана—женатаго, имѣвшаго деревню въ Елецкомъ уѣздѣ, и Семена — тоже немолодаго холостяка, но еще болѣе устарѣлаго отъ несчастія, ибо онъ былъ разжалованъ въ матросы, но потомъ прощенъ, и 2-хъ сестеръ: Матрены—дѣвицы лѣтъ 35-ти, жившей съ Семеномъ Сахаровымъ, и Марьи, по первому мужу Кожиной, а въ это время Туровской. Мать Сахаровыхъ была родная сестра моей матери, а отецъ ихъ при императрицѣ Екатеринѣ II служилъ при дворѣ и былъ одинъ изъ ея камердинеровъ. Сахаровы обворожили меня своимъ пріемомъ, да въ это время иначе и быть не могло. Въ такомъ краю, гдѣ молодые мужчины, за войной, совершенно исчезли, появленіе военнаго, да къ тому же молодаго гвардейскаго офицера, состовляло происшествіе, и я, въ кругу моихъ родныхъ, переѣзжая изъ одного дома въ другой, не замѣчалъ какъ летѣли дни....

Съ матерью и съ Фроловыми мы отправились, въ исходѣ октября 1814 г., въ Смоленскъ, куда и прибыли 3-го ноября. Здѣсь я узналъ, что семейство Лаптевыхъ все возвратилось и живетъ въ деревнѣ. Разумѣется, что я сейчасъ же поспѣшилъ туда, но какъ меня поразилъ видъ моей невѣсты! Она предшествовавшую зиму, во время краткаго переѣзда изъ Ярославской губерніи въ Смоленскъ, отъѣхавши изъ города въ деревню, на Днѣпрѣ, съ санями провалилась подъ ледъ и спаслась какимъ-то чудомъ; но съ того времени открылось у нея сильное кровохарканіе, такъ что при малѣйшемъ нравственномъ потрясеніи кровь немедленно вырывалась горломъ чашки по двѣ; да къ этому у нея была корь, отъ которой выпали всѣ волосы на головѣ. Тѣмъ не менѣе я сталъ настаивать на моемъ искательствѣ...

Теперь надо представить себѣ положеніе насъ обоихъ и нашихъ семействъ. У моей матери, въ обрѣзъ, ровно ничего! У Лаптевыхъ, кромѣ той же скромности достатка, большой долгъ, сдѣланный для прокормленія крестьянъ и огромной дворни. На мнѣ одинъ старый мундиръ, два фрака, статскій сюртукъ, безъ жалованья и даже безъ видовъ содержать себя! Я не знаю право, что я думалъ тогда, но упрямство мое было такъ велико, что я

Библиотека "Руниверс"

настаивалъ на свадьбу. Иногда мнѣ казалось, что я будто бы добиваюсь, что-бы мнѣ отказали, но сердечная привязанность и вниманіе ко мнѣ моей невѣсты не только не ослабѣли, но съ каждымъ днемъ все больше усиливались, и чѣмъ болѣе я размышлялъ о бѣдственномъ ея положеніи, тѣмъ дороже и милѣе становилась она мнѣ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1815 г., на Вербной недѣлѣ, когда я сталъ настоятельно просить Е. Я. рѣшить нашу участь, она, при всей ангельской кротости, вынуждена была сказать мнѣ, что я сошелъ съ ума и что я самъ не знаю чего желаю и чего требую; я съ сердцемъ уѣхалъ и сватовство свое считалъ совсѣмъ разстроеннымъ.

Но въ день Св. Пасхи я получилъ письмо отъ А. И., въ которомъ она извѣщала, что матушка рѣшилась благословить насъ и что она сама будетъ писать къ моей матери; и дѣйствительно Е. Я., извѣщая мою мать о моемъ настояніи, чистосердечно объяснила свое крайнее положеніе, просила, если можно, убѣдить меня обождать, пока я себя не пристрою, но если это покажется недѣйствительнымъ, то она, съ своей стороны, не будетъ болѣе намъ препятствовать. Матушка, зная хорошо мой характеръ, передала мнѣ только письмо, не говоря ни слова, и 2-го мая 1815 г. я сдѣлался мужемъ А. И.

Не взирая на крутость этой свадьбы, на бѣдность нашихъ средствъ, ибо, что-бы заплатить священнику и причетникамъ за вѣнецъ, я взялъ у Фролова 30 руб., а за невѣстой три старыхъ платья, вотъ уже тридцать два года какъ я пользуюсь совершеннымъ семейнымъ счастіемъ и моимъ дѣтямъ не желаю лучшей участи.

Полоцкъ. 1847.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ПРЖЕЦЛАВСКАГО.

1818—1831.

IV.[1])

Еще до окончательнаго рѣшенія моего дѣла въ Сенатѣ, находившійся тогда въ Петербургѣ, бывшій мой опекунъ Войцехъ Пусловскій сталъ уговаривать меня вступить въ службу. Я послушался его, и хорошій его знакомый, М. К. Михайловъ, опредѣлилъ меня 24-го февраля 1824 г. въ число канцелярскихъ чиновниковъ тогдашней канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, директоромъ которой онъ былъ. Это была пріятная служба. Михаилъ Кузьмичъ былъ умный, образованный и очень добрый человѣкъ. Чрезъ два мѣсяца послѣ моего опредѣленія я получилъ штатное мѣсто младшаго помощника столоначальника. Я началъ службу при князѣ Кочубеѣ, но вскорѣ онъ назначенъ былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта, а на его мѣсто поступилъ управляющимъ министерствомъ Василій Сергѣевичъ Ланской, бывшій нѣкогда гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ, другъ Пусловскаго, князя Любецкаго и моего покойнаго отца.

Кругъ дѣйствія этого министерства значительно разнствовалъ отъ теперешняго. Въ министерствѣ былъ департаментъ государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій, одна часть котораго, собственно хозяйственная, входитъ теперь въ составъ министерства государственныхъ имуществъ; другая, строительная, состав-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 451—478.

Библиотека "Руниверс"

ляетъ отдѣльное управленіе. Сверхъ того была такъ-называемая особенная канцелярія; она состояла изъ двухъ частей: одна была тайная полиція (впослѣдствіи преобразованная въ III-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи), а другая—цензура иностранныхъ книгъ и театральныхъ пьесъ.

Канцелярія (переорганизованная впослѣдствіи въ департаментъ общихъ дѣлъ) состояла изъ трехъ отдѣленій. Первое было собственно то, что во французскихъ министерствахъ называется «Bureau central». На немъ лежало распредѣленіе по департаментамъ входящихъ бумагъ и записка ихъ въ отдѣльные реэстры, для чего было нѣсколько помощниковъ секретарей; при этомъ отдѣленіи состояла бухгалтерія и сверхъ того поручалось производство разныхъ дѣлъ, не относящихся прямо ни къ какому департаменту, какъ-то: дѣла о новомъ устройствѣ крестьянъ Остзейскихъ губерній, дѣла о членахъ бывшихъ владѣтельныхъ князей Кавказскаго края, а впослѣдствіи и дѣла калмыцкія. Второе отдѣленіе производило дѣла по выборамъ дворянскимъ и городскимъ, а третье составляло то, что называютъ «герольдіею министерства», то-есть, въ чемъ производились дѣла объ опредѣленіи, назначеніи, повышеніи и увольненіи служащихъ по его вѣдомству и веденіи ихъ послужныхъ списковъ.

Для движенія дѣлъ принята была слѣдующая процедура: всѣ бумаги, поступившія въ теченіе дня на имя министра въ дежурство канцеляріи, на другой день, раннимъ утромъ, отвозились къ министру и отдавались дежурному у него чиновнику, который долженъ былъ быть тамъ часу въ девятомъ. Тутъ, до выхода еще министра въ кабинетъ, пріѣзжалъ начальникъ 3-го отдѣленія канцеляріи, Н. С. Кожуховъ, (впослѣдствіи московскій почтъ-директоръ). Онъ распечатывалъ тюкъ съ бумагами, отбиралъ тѣ, которыя требовали немедленнаго доклада министру, а также бумаги, слѣдовавшія въ особенную канцелярію, но требовавшія особой тайны. Послѣднія записывалъ въ реэстръ, хранившійся у министра. Послѣ доклада и надписанія министерскихъ резолюцій бумаги отдавались дежурному для отправленія въ канцелярію. Тѣ же, которыя были отобраны и записаны въ реэстръ самимъ Кожуховымъ, запечатывались его печатью и адресовались прямо въ особую канцелярію. Тогда выходилъ въ дежурную комнату министръ и отправлялъ дежурнаго, а самъ обыкновенно уѣзжалъ.

Библиотека "Руниверс"

На дежурство у министра назначались чиновники канцеляріи; для этого требовались нѣкоторыя условія, въ томъ числѣ были: фракъ и знаніе хотя одного иностраннаго языка, дабы разговориться съ приходившими иностранцами. Насъ, чиновниковъ соединяющихъ эти условія, было всего трое. Потомъ, когда одинъ выбылъ, а другой заболѣлъ, то мнѣ приходилось быть безсмѣннымъ дежурнымъ и это продолжалось до назначенія меня столоначальникомъ.

Я первоначально не былъ причисленъ ни къ какому отдѣленію. Отъ директора было мнѣ поручено вести исходящій журналъ, то-есть вписывать цѣликомъ въ книгу исходящія бумаги. Порядокъ этотъ впослѣдствіи былъ отмѣненъ; эта работа какъ ни казалась механическою, имѣла однако-жъ послѣдствіемъ то, что начинающаго чиновника ознакомляла съ манерою редакціи оффиціальныхъ бумагъ, и она была не безъ пользы для меня, хотя впрочемъ я къ этому былъ уже подготовленъ прежнею службою. Затѣмъ директоръ отдалъ меня въ распоряженіе начальника 1-го отдѣленія и я работалъ подъ руководствомъ О. А. Грибко. Вскорѣ однако-жъ открылось для меня поле дѣятельности, которую я продолжалъ уже и до самого выхода изъ министерства.

Кочующія въ Астраханской губерніи Калмыки состояли въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но по поводу ихъ, между главноуправлявшимъ въ Грузіи, Астраханской губерніи и Кавказской области генераломъ Ермоловымъ и графомъ Нессельроде, вышло какое-то сильное недоразумѣніе, вслѣдствіе котораго Ермоловъ ходатайствовалъ у государя о передачѣ Калмыковъ и всѣхъ производящихся о нихъ дѣлъ въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ. Это было исполнено, и множество объемистыхъ томовъ было привезено въ нашу канцелярію и сдано въ 1-е отдѣленіе. Мнѣ поручено было заняться ими спеціально, подъ руководствомъ начальника отдѣленія. Многія изъ этихъ дѣлъ оказались съ давняго времени нерѣшенными, остановившимися производствомъ неизвѣстно почему. По распоряженію директора, всѣмъ имъ данъ былъ надлежащій ходъ. Вскорѣ потомъ, по иниціативѣ генерала Ермолова, вышло новое «Положеніе объ управленіи Калмыцкимъ народомъ», учрежденъ народный судъ «Зарго» и дѣла ихъ приняли правильное теченіе.

Библиотека "Руниверс"

Послѣ двухъ лѣтъ скучныхъ занятій дѣлами варваровъ я былъ назначенъ столоначальникомъ. Это былъ первый примѣръ, гдѣ обойдена одна ступень іерархической лѣстницы. Этотъ прыжокъ произвелъ сенсацію. Я упоминаю здѣсь объ немъ потому, что онъ послужилъ прецедентомъ на пути къ одной блестящей карьерѣ. Служившіе въ канцеляріи два брата Войцеховичи, по этому прецеденту, также изъ младшихъ помощниковъ, поступили въ столоначальники. Одинъ изъ нихъ, Алексѣй Ивановичъ, теперь членомъ государственнаго совѣта.

Подъ вліяніемъ благодушнаго Василія Сергѣевича, отражавшимся и на непосредственныхъ начальникахъ, служилось спокойно и пріятно. Тутъ еще разъ доказывалась та истина, что такой образъ дѣйствія болѣе способенъ возбудить въ подчиненныхъ усердную старательность, чѣмъ строгости и взысканія.

Дѣла въ государствѣ по нашему вѣдомству шли, повидимому, хорошо. При существованіи крѣпостнаго права, быть болѣе 20-ти милліоновъ населенія составлялъ особую статью, изъятую, кромѣ исключительныхъ крайнихъ случаевъ, отъ прямаго вмѣшательства правительства. По прочимъ статьямъ управленія «все обстояло благополучно». Наши представленія въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ утверждались безъ измѣненія и даже, въ отсутствіе государя, бывшаго гдѣ-нибудь на отдаленномъ конгрессѣ, высочайшія резолюціи чрезъ два-три дня объявлялись графомъ Аракчеевымъ.

Маленькіе эпизоды разнообразили иногда монотоніе каждодневныхъ занятій. Разскажу два изъ нихъ.

За спасеніе людей, которымъ угрожала смерть отъ несчастныхъ случаевъ, раздавались отъ нашего министерства, съ высочайшаго разрѣшенія, золотыя и серебрянныя медали на анненской (кажется) лентѣ, съ надписью: «за спасеніе человѣчества». Въ моемъ отдѣленіи только что получена была такая медаль для отправленія кому-то въ провинцію. Разсматривая ее съ другимъ чиновникомъ, я сказалъ: «вотъ медаль, которую слѣдовало-бы дать не простому смертному, а Іисусу Христу». Я не видѣлъ, что за мною стоитъ директоръ. Онъ спросилъ: «что вы сказали?» Я повторилъ мои слова и прибавилъ, что объ одномъ сынѣ Божіемъ можно сказать, что онъ «спасъ человѣчество». Михайловъ ничего не сказалъ. Но мое замѣчаніе подѣйствовало на него; онъ

Библиотека "Руниверс"

переговорилъ объ этомъ съ министромъ и сдѣлано было, по порядку, представленіе, вслѣдствіе котораго надпись измѣнена и вмѣсто прежней, выдаются теперь медали съ надписью: «за спасеніе погибавшихъ».

Другой эпизодъ случился въ мое дежурство у министра.

Въ Петербургѣ разнесся слухъ о какой-то Турчаниновой. Разсказывали, что она излечиваетъ всякіе тѣлесные недостатки безъ другихъ ортопедическихъ приборовъ, кромѣ досокъ, лѣстницъ и деревянныхъ молотовъ, и ихъ употребляетъ по указаніямъ самихъ же больныхъ, которыхъ для этого магнитизируетъ глазами. Въ дальней Коломнѣ, въ деревянномъ домѣ, она устроила родъ лазарета, гдѣ у ней жили и были пользуемы десятки горбатыхъ, кривобокихъ, кривоногихъ и т. п., дѣтей обоего пола. Генералъ-штабъ докторъ гражданской части, С. Ѳ. Гаевскій, докладывалъ министру, что какъ г-жа Турчанинова не имѣетъ ни права, ни законнаго дозволенія лечить, то слѣдуетъ заведеніе ея закрыть, или, по крайней мѣрѣ, строго освидѣтельствовать. Министръ, самъ извѣстный esprit fort, не вѣрилъ дошедшимъ и до него слухамъ о магическомъ леченіи, но не рѣшался на какую-нибудь крутую мѣру наиболѣе потому, что Турчаниновой вполнѣ вѣрилъ и покровительствовалъ всѣми уважаемый, достойный членъ государственнаго совѣта, адмиралъ Мордвиновъ. Но такъ какъ Гаевскій настаивалъ, то Василій Сергѣевичъ сказалъ: «погодите, Семенъ Ѳедоровичъ, распоряжаться, для этого будетъ время. А вотъ я самъ посмотрю, не оффиціально, а какъ частное лицо и дамъ вамъ отчетъ. Сеансы у ней почти публичны; начинаются въ 12 часовъ, теперь самое время». Онъ велѣлъ подать карету и пригласилъ меня ѣхать съ нимъ, сказавъ: «я хочу узнать твои впечатлѣнія; только прошу, не увлекайся своими учеными предубѣжденіями противъ всего, что не научное». Я обѣщалъ, что буду судить по совѣсти, какъ англійскій присяжный въ уголовномъ дѣлѣ.

Мы пріѣхали; пройдя первую комнату, гдѣ стояли и лежали разные деревянные инструменты, мы вошли въ большую залу, гдѣ практиковалось леченіе. Ланской сказалъ свое имя, отрекомендовался, какъ пріятель Мордвинова и представилъ меня. Турчанинова приняла насъ свысока. Она была женщина лѣтъ около сорока, сильная брюнетка, съ некрасивымъ, суровымъ лицомъ. И выраженіе это, и пріемы, и все въ ея наружности видимо раз-

Библиотека "Руниверс"

считано было на эффектъ. Она сидѣла одна на красномъ диванѣ прямая и неподвижная; на ней было черное шерстяное платье, на головѣ красная шапочка, изъ-подъ которой густые и длинные волосы, черные какъ смоль, были распущены по плечамъ. Большіе, черные, блестящіе ея глаза подтверждали нѣкоторымъ образомъ молву о ихъ магнитической силѣ. Она усадила Василія Сергѣевича въ креслѣ подлѣ себя; я усѣлся въ почтительномъ отдаленіи. Кромѣ насъ были въ комнатѣ три или четыре дамы, вѣроятно матери больныхъ дѣтей и какой-то господинъ. Представленіе началось. Въ открывшуюся дверь смежной комнаты вошелъ горбатенькій мальчикъ и подошелъ прямо къ волшебницѣ. Она, взявъ его за руки, велѣла открыть глаза и устремила на нихъ свой пристальный взоръ. Послѣ двухъ — трехъ минутъ, спросила: «что сегодня?» Мальчикъ отвѣчалъ: «двѣнадцать». Турчанинова позвонила, вошелъ человѣкъ, родъ лакея, съ деревяннымъ молотомъ и отсчиталъ бѣдному мальчику дюжину довольно полновѣсныхъ по горбу ударовъ, которые, какъ казалось, не только не причиняли боли, а напротивъ, доставляли ребенку пріятное ощущеніе. За мальчикомъ пришла дѣвочка съ кривой ногой и послѣ намагнитизированія глазами, велѣла вытягивать и выпрямлять себѣ ногу. Наконецъ принесли на доскѣ маленькаго четырехъ или пятилѣтняго, барона Дризена. Этотъ ребенокъ былъ совсѣмъ безъ костей. спиной онъ лежалъ на доскѣ, а его ручки и ножки висѣли по обѣ стороны и болтались какъ тряпки. По вдохновенію глазъ Турчаниновой, онъ велѣлъ себя подкидывать на доскѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, волшебница спросила: «что ты чувствуешь?» Мальчикъ подумалъ немного, потомъ, какъ бы припомнивъ, торопливо сказалъ: «спинная кость расправляется». Эта фраза, произнесенная ребенкомъ, была такимъ явно заученымъ урокомъ, что министръ посмотрѣлъ на меня съ улыбкою; онъ тутъ же всталъ и простился. Въ каретѣ онъ сказалъ: «Какая комедія! не правда-ли? да и плохо разыгранная. Скажу Гаевскому, пусть дѣлаетъ какъ знаетъ».

Вскорѣ потомъ заведеніе Турчаниновой было закрыто и она сама переѣхала въ Москву.

Библиотека "Руниверс"

V.

Вечеръ 6-го ноября 1824 г. я провелъ на балѣ въ одномъ домѣ у Семеновскаго моста, гдѣ пробылъ до поздней ночи. Возвращаться домой было далеко, мы жили тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, въ домѣ Коммерческаго общества, на углу Замятина переулка. Дулъ очень сильный сѣверо-западный вѣтеръ; онъ то нагонялъ, то разрывалъ и разгонялъ темныя осенніе тучи, такъ что звѣздное небо по-минутно то прояснялось, то опять затемнялось. Проѣзжая чрезъ Екатерининскій каналъ и Мойку, я замѣтилъ, что вода стоитъ необыкновенно высоко. Имѣя спѣшную работу, я, на другой день, собрался рано ѣхать въ канцелярію, которая была въ домѣ Галошевской, на Фонтанкѣ, у Семеновскаго моста. Ровно въ 9-ть часовъ я съ портфелемъ вышелъ чрезъ нашъ дворъ на набережную, думая найти тамъ извощика. Но, взглянувъ на Неву, я остановился, пораженный неожиданнымъ, ужасающимъ зрѣлищемъ. Вся набережная, по самые края гранитныхъ плитъ парапета, была полна, какъ полный сосудъ, и вода брызгала уже чрезъ край на троттуары. Рѣка, какъ глазомъ завидѣть, состояла изъ бѣлоснѣжной пѣны, по которой неслись и кружились сотни разныхъ судовъ, множество сѣна и дровъ изъ разбитыхъ барокъ. Исаакіевскаго флаушкотнаго моста не было и слѣда. На улицахъ изъ водосточныхъ трубъ били фонтаны. Нельзя было и подумать ѣхать куда нибудь. Я насилу пробрался домой чрезъ дворъ, на-половину уже залитый водою изъ подземной трубы. Между тѣмъ одинъ, гостившій у насъ, пріѣзжій изъ провинціи, видя что дѣлается, успѣлъ сбѣгать въ булочную и колбасную и возвратился съ запасомъ провизіи дня, по крайней мѣрѣ, на четыре.

Я не стану описывать подробностей наводненія 7-го ноября, довольно всѣмъ извѣстныхъ, но разскажу одинъ эпизодъ этого страшнаго дня, происходившій въ нашемъ домѣ. Въ немъ, съ Замятина переулка, ведущаго къ Невѣ, въ нижнемъ этажѣ, возвышавшемся надъ уровнемъ улицы едва на нѣсколько ступеней, была большая зала. Тамъ въ послѣднее время учредили безплатную Ланкастерскую школу взаимнаго обученія, для чего и застроили всю залу скамейками, возвышавшимися амфитеатромъ

Библиотека "Руниверс"

почти до самаго потолка. Тутъ обучалось много дѣтей обоего пола. Уроки начинались очень рано, такъ что въ день наводненія всѣ дѣти были уже на-лицо, когда Нева начала выступать изъ береговъ. Изъ родителей этихъ дѣтей нашлась всего одна мать настолько умная, что около 9-ти часовъ заѣхала въ училище и увезла свое дитя. Всѣ прочіе остались одни, такъ какъ никто изъ учителей не пришелъ. Въ половинѣ 10-го часа переулокъ былъ уже залитъ и вскорѣ вода стала пробираться въ залу. Къ счастью были скамейки, постепенно возвышающіяся, и дѣти спасались на нихъ по мѣрѣ того, какъ вода возвышалась. Вода, какъ извѣстно, съ девяти часовъ утра постоянно прибывала до 2-хъ часовъ пополудни и весь Петербургъ былъ въ паническомъ страхѣ; никто не могъ предвидѣть, когда и на чемъ прибыль остановится. Въ Галерной улицѣ и въ переулкѣ вода достигла высоты порядочнаго человѣческаго роста. Дѣти, собравшіеся на верхнихъ скамейкахъ, вели себя сначала смирно и мы въ домѣ даже не знали, что они тутъ. Но, послѣ полудня, когда вода не переставала возвышаться, страхъ и голодъ заставили дѣтей сперва плакать, потомъ отчаянно кричать. Хотя мы жили безъ всякаго сообщенія съ залой со стороны Галерной, но вопли несчастныхъ дѣтей, сквозь толстыя стѣны, слышались во всемъ домѣ. Это было невыразимо грустно, можно было думать, что дѣти тонутъ и взываютъ о помощи, а подать ее не было никакой возможности. Мудрый законъ Петра I, требующій, что-бы во всѣхъ домахъ были лодки, по славянской безпечности обветшалъ и ни въ одномъ домѣ лодки не было. Жалобный, раздирающій душу, хоръ на минуту умолкалъ, потомъ возобновлялся съ новой силой и это продолжалось цѣлый день. Въ два часа пополудни вода пошла на убыль; она шибко понижалась и къ 6-ти часамъ улицы были уже свободны отъ воды. Тогда только отцы и матери стали съѣзжаться и развезли дѣтей по домамъ. Если-бы въ домахъ были лодки, то родители, конечно, явились бы ранѣе.

Наводненіе 7-го ноября 1824 года было явленіе исключительное, а въ лѣтописяхъ мѣстной навигаціи—единственное. Сѣверо-западный вѣтеръ, остановившій теченіе Невы, дулъ постоянно и съ одинаковою силою цѣлыхъ 12-ть часовъ по одному румбу, безъ малѣйшаго уклоненія. Какъ только онъ своротилъ немного къ сѣверу, то вода стала шибко убывать. Замѣчательно,

Библиотека "Руниверс"

что извѣстія о наводненіи не были напечатаны ни въ одной газетѣ, дѣлали тайну изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Это довольно характеризируетъ время. Только чрезъ годъ позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, напечатать брошюру съ описаніемъ подробностей наводненія и немного ранѣе графъ Хвостовъ воспѣвалъ ихъ въ напечатанномъ диѳирамбѣ, гдѣ, между прочимъ, говорилось, какъ тогда

.....«свирѣпствовалъ Борей,
И сколько въ этотъ день погибло лошадей!..
И представлялась страшная картина, какъ:
.....«по стогнамъ валялось много кравъ,
Кои лежали тамъ ноги кверху вздравъ».

VI.

Были послѣдніе мѣсяцы 1825 года. Императоръ Александръ I находился въ Таганрогѣ; болѣзнь его сильно тревожила столичное общество, какъ вдругъ получено горестное извѣстіе о кончинѣ Благословеннаго. Насъ, служащихъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, къ вѣрноподданнической присягѣ сперва Константину Павловичу, потомъ, чрезъ 19-ть дней, Николаю Павловичу, приводилъ сенаторъ Лавровъ. Мы не знали, что онъ принадлежитъ къ нашему вѣдомству и впослѣдствіи только оказалось, что Лавровъ завѣдываетъ особою секретною частію. Между тѣмъ, министерству стало извѣстно объ открытомъ на югѣ въ арміи и широко развѣтвленномъ заговорѣ. Усилилась дѣятельность особенной канцеляріи и начальникъ ея, Максимъ Яковлевичъ фонъ-Фокъ, сталъ почти каждый день ѣздить съ докладами къ министру, часто также бывалъ и Лавровъ.

Наступило роковое 14-е декабря. Я былъ уже въ канцеляріи, когда развозившій пакеты курьеръ, возвратившись, сказалъ, что на Сенатской площади «солдаты и офицеры бунтуютъ». Былъ одинадцатый часъ. Я немедля отправился къ Адмиралтейству, мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что такое «революція». Я нашелъ дѣло въ слѣдующемъ положеніи. Начиная съ Большой Милліонной, на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ, до самаго забора строившейся тогда Исаакіевской церкви, очень близко подходившаго къ углу Адмиралтейскаго бульвара, толпились десятки тысячъ вѣрноподданнаго народа; имъ была занята и главная сто-

Библиотека "Руниверс"

рона бульвара, та, отъ которой расходятся три главныя улицы Петербурга. На правой же, выходящей на Сенатскую площадь, стоялъ уже народъ сочувствовавшій бунтовщикамъ, самъ не зная почему. Въ проѣздѣ между заборомъ и угломъ бульвара, на которомъ я стоялъ, выстроенъ былъ дивизіонъ Кавалергардскаго полка и я разговаривалъ съ знакомыми офицерами. Вокругъ памятника Петра I и далѣе, вдоль забора къ Конногвардейскому манежу, толпились возмутившіеся полки и баталіоны. Все остальное пространство до Невы и вся Нева, между сенатомъ и адмиралтействомъ, занята была народомъ, безсознательно волнующимся. Все это неистово кричало: крикъ этотъ своего рода имѣлъ что-то дико-характеристическое. Онъ долго оставался у меня въ памяти и, повторяясь въ сонныхъ кошмарахъ, придавалъ имъ невыразимый ужасъ. Я нѣсколько былъ обманутъ въ моихъ ожиданіяхъ; я воображалъ, что «революція» это движеніе, да она всегда имъ и отличалась; здѣсь же, напротивъ, все—и войска и народъ—стояло неподвижно и такъ простояло съ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Издали только видно было нѣсколько личностей и въ мундирахъ и въ городскомъ платьѣ, расхаживавшихъ впереди солдатъ и декламировавшихъ съ обнаженными саблями. Издали также послышались выстрѣлы, одинъ, убившій Милорадовича, другой, направленный, къ счастью неудачно, въ великаго князя Михаила Павловича. У монумента откуда-то взялся цѣлый возъ дровъ и съ моего угла видно было, какъ полѣнья полетѣли въ стараго генерала Воинова, который пріѣзжалъ уговаривать мятежниковъ; онъ едва живъ остался. Мимо меня, сквозь дивизіонъ кавалергардовъ, проѣзжалъ для такого-жъ увѣщеванія петербургскій митрополитъ съ двумя генералами, въ лентахъ, на запяткахъ. Высокопреосвященный не далеко заѣхалъ на площадь; толпа солдатъ бросилась ему на встрѣчу, остановила экипажъ и сказавъ: «убирайтесь батюшка, не ваше дѣло», поворотила лошадей.

Когда началась исторія, температура была нуль по Реомюру, самая благопріятная для зимнихъ возмущеній. Ничто лучше не унимаетъ жаръ революціонныхъ порывовъ, какъ хорошій морозъ, еще, если можно, съ сѣвернымъ вѣтромъ. На термометрѣ Реомюра, при 15-мъ градусѣ ниже нуля, можно бы съ полнымъ основаніемъ поставить надпись: «Замерзаніе революцій». Въ теченіе дня, 14-го декабря 1825 г., температура стала довольно быстро по-

Библиотека "Руниверс"

нижаться, а въ 4-мъ часу пополудни доходила уже до 10° мороза. Былъ и вѣтеръ; становилось холодно; еще какой-нибудь часъ—и все, вѣроятно, кончилось бы тѣмъ, что рьяные революціонеры разошлись бы погрѣться Но какъ они, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, продолжали стоять и неистово кричать, то, дабы покончить съ ними предъ ночью, призвана была артиллерія. Четыре пушки, изъ числа привезенныхъ Сухозанетомъ, поставлены были на бульварѣ, противъ толпы бунтовщиковъ. Слышно было, что приказано выстрѣлить холостыми зарядами. Но когда послѣ перваго залпа въ толпѣ мятежниковъ раздался хохотъ и было опасеніе, что въ такомъ близкомъ разстояніи солдаты могутъ броситься къ бульвару и овладѣть пушками, тогда императоръ приказалъ открыть пальбу орудіями по порядку, картечью. Послѣ третьяго выстрѣла, когда упало нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ, все было кончено.[1]) Площадь представила какой-то хаосъ. Масса войскъ и народа пришла въ движеніе, всѣ стали спасаться бѣгствомъ, толкаясь и кувыркаясь на обледенѣвшей мостовой. Одни направились къ Невѣ, другіе—къ Морской и Галерной; толпа, стоявшая на Невѣ, тронулась также во всѣ стороны. Между тѣмъ пушки гремѣли, сперва сыпалась на бѣжавшихъ картечь, потомъ, по Галерной и по Невѣ стали стрѣлять ядрами. Въ какую-нибудь четверть часа площадь и Нева совершенно опустѣли; наступила ночь, войска стали бивуаками, освѣщаемыя пылающими кострами. Я возвратился домой порядочно озябшій и проголодавшійся, но довольный тѣмъ, что видѣлъ до конца всѣ перепитіи «стоячей» революціи.

Съ слѣдующаго дня началось для жителей Петербурга тревожное состояніе. Правительство знало гдѣ былъ главный центръ заговора, а также и то, что много единомышленниковъ находилось въ Петербургѣ, но не всѣ развѣтвленія и не всѣ личности были извѣстны. Къ тому же, изъ офицеровъ и статскихъ, бывшихъ въ толпѣ мятежниковъ на Сенатской площади, многіе скрылись, а какъ навигаціи не было и зимою трудно было далеко убѣжать, то и предполагалось, что если не всѣ, то большинство ихъ скрывается въ столицѣ. Для поисковъ за ними, въ городѣ и окрестностяхъ, упо-

[1]) См. разсказъ о 14-мъ декабрѣ 1825 г. генерала Сухозанета въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII, стр. 361—370. Ред.

Библиотека "Руниверс"

треблены были всѣ средства тайной полиціи. Всѣ агенты, состоявшіе при особой канцеляріи и при военномъ генералъ-губернаторѣ, были въ дѣлѣ. Это имѣло своего рода неудобство; всѣ, лично неизвѣстные этимъ господамъ, особенно молодые люди, были предметомъ ихъ наблюденій въ публичныхъ мѣстахъ. Когда вамъ случалось пить кофе въ кондитерской или обѣдать въ ресторанѣ, то непремѣнно передъ вами сновалъ какой-то незнакомецъ, пристально вглядывался въ вашу физіономію, потомъ уходилъ въ другую комнату, вынималъ изъ кармана бумагу и, повидимому, повѣрялъ ваши примѣты съ тѣмъ, что у него было записано. Въ театрѣ, даже въ церкви, вы встрѣчали зоркіе глаза, слѣдящіе за вами. Къ штатнымъ агентамъ присоединилось еще не мало дилетантовъ, и они-то были самыя назойливыя, а при томъ и самыя неискусныя ищейки. Но, слѣдуя правилу Талейрана: «Pas trop de zèle», они дѣлали вообще презабавные quid-pro-quo, только вовсе незабавные для тѣхъ, которые были ихъ предметомъ. Изъ нѣсколькихъ, мнѣ извѣстныхъ, промаховъ приведу здѣсь одинъ.

Изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади и изъ другихъ не бывшихъ тамъ заговорщиковъ, почти всѣ, въ городѣ, въ окрестностяхъ и въ Кронштадтѣ, были уже пойманы, но нельзя было нигдѣ отыскать извѣстнаго литератора Кюхельбекера. Его искали съ усиленною настойчивостью. Кюхельбекеръ былъ необыкновенно высокаго роста и это-то было причиной слѣдующей траги-комической невзгоды.

Мы съ моимъ пріятелемъ не имѣли своей кухни и обѣдывали въ разныхъ ресторанахъ. Но около описываемаго времени мы нашли себѣ очень порядочный хозяйскій столъ въ одномъ нѣмецкомъ семействѣ, на Вознесенскомъ проспектѣ. Насъ собиралось человѣкъ 10 — 12. Къ нашей компаніи прибылъ, по рекомендаціи, послѣ уже 14-го декабря, нѣкто г. И. Онъ былъ смирный и молчаливый, замѣчательный лишь по очень высокому росту. Разъ, когда онъ обѣдалъ за общимъ столомъ, вызвали хозяина. Чрезъ минуту хозяинъ возвратился разстроенный и попросилъ въ первую комнату г. И., который даже не кончилъ обѣдать. Выглянувши за нимъ, мы увидѣли полицейскаго офицера и какого-то толстаго господина. Они увели съ собой нашего сотрапезника, и вотъ что мы узнали отъ него, когда онъ,

Библиотека "Руниверс"

замѣтно похудѣвшій, возвратился къ намъ чрезъ недѣлю. Въ день заарестованія онъ шелъ преспокойно обѣдать, когда рыскавшій по городу въ поискахъ за Кюхельбекеромъ одинъ изъ дилетантовъ-шпіоновъ, отставной полковникъ Л., увидѣлъ его сзади, и по его росту вообразилъ себѣ, что это Кюхельбекеръ. Замѣтивъ домъ, куда зашелъ И., онъ обратился къ первому попавшемуся полицейскому офицеру и потребовалъ его содѣйствія для заарестованія государственнаго преступника. Бѣднаго И. отвели прямо къ военному генералъ-губернатору. Напрасно испуганный чиновникъ департамента податей и сборовъ протестовалъ, указывалъ на свое мѣсто служенія, гдѣ можно удостовѣриться о его самоличности, напрасно у генералъ-губернатора замѣтили, что Кюхельбекеръ имѣлъ не такіе волосы, которые у И. были черные какъ смоль; приведшій его Л. не хотѣлъ ничего слышать, увѣряя, что лично знаетъ Кюхельбекера, и что онъ только выкрасилъ себѣ волосы. Трудно повѣрить, но это фактъ, что несчастнаго И. заперли въ ожиданіи, что онъ полиняетъ, мыли ему голову разными спеціями, а между тѣмъ ожидался отвѣтъ на отношеніе объ немъ въ упомянутый департаментъ. Но наконецъ, видя, что онъ упорно остается брюнетомъ и получивъ отзывъ изъ мѣста его служенія, его выпустили.

Читая оффиціальный отчетъ о заговорѣ, разрѣшившемся преступною вспышкою 14-го декабря, нельзя не замѣтить одной, почти необъяснимой странности. Для открытія злоумышленій, нужны были свѣдѣнія, собранныя на югѣ графомъ Виттомъ, показанія Майбороды и Шервуда, тогда какъ заговоръ долженъ былъ быть гораздо ранѣе обнаруженъ тайною полиціею, особенно состоявшею при петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Задолго до катастрофы, злоумышленники были постоянно въ движеніи, многіе безпрестанно то пріѣзжали въ Петербургъ, то уѣзжали. Кромѣ того, какъ было не обратить вниманія на то, что они собирались сотнями на совѣщанія у Рылѣева и другихъ соучастниковъ, какъ было не развѣдать, что значили эти сборища? По масонству я познакомился съ начальникомъ тайной полиціи при графѣ Милорадовичѣ. Это былъ Фогель, повидимому іерусалимскій дворянинъ, очень приличный господинъ, и, какъ было слышно, мастеръ своего дѣла. Встрѣтивъ его послѣ 14-го декабря, я задалъ ему вопросъ по изложенному замѣчанію. Вотъ что Фо-

Библиотека "Руниверс"

гель отвѣчалъ: «Если-бы мнѣ было предоставлено право дѣйствовать самому, то я могу поручиться, что во-время напалъ бы на слѣдъ заговора. Но начальство ожидало и болѣе всего опасалось вторженія изъ-за границы въ столицу карбонаризма и крайнихъ революціонныхъ стремленій, развившихся въ Германіи. Мнѣ было приказано неусыпно слѣдить за всѣми иностранцами и за Поляками и каждый день давать отчетъ въ моихъ наблюденіяхъ. Мы совѣстливо исполняли приказаніе. Намъ извѣстенъ былъ каждый шагъ лицъ, порученныхъ нашему надзору. Я могу разсказать вамъ за цѣлую недѣлю все, что вы дѣлали, гдѣ вы бывали и кто бывалъ у васъ. Результатъ этого наблюденія ничтоженъ; изъ того, чего опасалось правительство, не открыто ничего, все ограничилось высылкою за границу нѣсколькихъ иностранцевъ-шелопаевъ, почему-нибудь подозрительныхъ. Но бывъ такъ заняты, мы не имѣли уже времени ни на что другое; мы гонялись за какимъ-то чужестраннымъ призракомъ, а проглядѣли то, что дѣлалось у насъ дома; преслѣдуя букашекъ, слона-то и не замѣтили. И то сказать, что средства наши скудны. Во Франціи, напримѣръ, на fonds secrets отпускаются милліоны, у насъ по этой части соблюдаютъ (въ 1825 г.) экономію.....»

VII.

Для разслѣдованія заговора и всѣхъ его развѣтвленій назначена была коммиссія. Она собиралась въ Петропавловской крѣпости, гдѣ содержались арестованные уже заговорщики. Дѣлопроизводителемъ коммиссіи былъ Д. Н. Блудовъ, впослѣдствіи главноуправлявшій II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. На улицахъ Петербурга безпрестанно встрѣчались закрытыя кибитки съ жандармами, отвозившія въ крѣпость, со всѣхъ сторонъ имперіи, новыхъ обвиняемыхъ. Это продолжалось цѣлые мѣсяцы и наводило грустное чувство.

Издано было постановленіе, что-бы всѣ тѣ лица въ имперіи, отъ которыхъ отбирается вѣрноподданническая присяга, представили: служащіе—своимъ начальствамъ, а неслужащіе—начальникамъ губерній, подписки съ обязательствомъ впредь не принадлежать ни къ какому тайному обществу. Если же дающій подписку былъ членомъ какого-нибудь изъ нихъ, то долженъ былъ объяснить цѣль общества и всѣ до него касающіяся подробности.

Библиотека "Руниверс"

Онъ обязывался также показать все, что знаетъ о другихъ обществахъ, къ которымъ хотя и не принадлежалъ, но о существованіи которыхъ ему было извѣстно. За малѣйшую утайку по требующимся объясненіямъ, виновный подвергался суду, какъ за государственное преступленіе. Подписки сосредоточивались въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, поступали въ I-е отдѣленіе канцеляріи и оттуда передавались уже въ особенную канцелярію. Ихъ поступило нѣсколько сотъ тысячъ. Изъ нихъ открылось, что въ провинціяхъ, кромѣ масонскихъ ложъ, существовало нѣсколько негласныхъ обществъ, имѣющихъ будто бы однѣ—ученую, другія—благотворительную цѣль. Но мы начитались, и не мало, курьезовъ въ подпискахъ мелкихъ уѣздныхъ и губернскихъ чиновниковъ. Побоясь угрозы за утайку, они описывали и такія условленныя встрѣчи и собранія, которыя не имѣли никакого характера тайнаго общества. Изъ болѣе забавныхъ я запомнилъ слѣдующую подписку. Одинъ губернскій канцелярскій чиновникъ писалъ: «Мы, канцелярскіе чиновники губернскаго правленія казенной палаты и приказа общественнаго призрѣнія, собирались по воскресеньямъ въ присутственной камерѣ губернскаго правленія. Наша компанія называлась французскій парламентъ. Цѣль состояла въ томъ, что-бы костюмироваться и представлять разныя историческія личности; я былъ Людовикомъ XIV, изъ товарищей одинъ былъ Тюренномъ, другой Вольтеромъ, третій дюкомъ де-Ришелье, и т. д. Каждый старался держать себя и говорить сообразно съ своей ролью. Въ заключеніе мы пили водку и закусывали баранками».

Изъ чиновниковъ нашего министерства я одинъ изъ первыхъ представилъ мою подписку. Въ ней было сказано, что я принадлежалъ къ тайному обществу свободныхъ каменьщиковъ (франкмасоновъ), но что ни въ нашихъ дѣйствіяхъ, ни въ обрядахъ не было ничего противнаго религіи, нравственности и вѣрноподданническому долгу. Я зналъ о существованіи и многихъ другихъ тайныхъ обществъ; кромѣ иностранныхъ, о промѣнистахъ, филаретахъ и филоматахъ, въ средѣ студентовъ виленскаго университета; но, не принадлежавъ къ нимъ, не могу ничего объ нихъ сказать.[1])

[1]) Дѣло о виленскихъ студенческихъ обществахъ, тогда уже было окончено и члены ихъ подвергнуты разнымъ взысканіямъ. О. П.

Библиотека "Руниверс"

Моя подписка сдѣлала необыкновенную сенсацію; оказалось, что во всемъ министерствѣ я одинъ былъ масономъ. И начальники, и товарищи стали смотрѣть на меня, какъ на какое-то таинственное существо, не имѣющее съ ними ничего общаго. Но болѣе всѣхъ моя подписка заинтриговала начальника тайной полиціи, М. Я. фонъ-Фока. Однажды, въ мое дежурство у министра, выйдя отъ доклада, онъ отвелъ меня въ сторону, поставилъ къ свѣту и пристально смотря мнѣ въ глаза, сталъ допрашивать. У него на правой брови была огромная бородавка, обросшая волосами; онъ безпрестанно моргалъ ею; это придавало его лицу странный, и даже немного страшный видъ, и онъ, при допросахъ, кажется разсчитывалъ на это. Онъ мнѣ сказалъ: «Я читалъ вашу подписку и, признаюсь, меня удивило, что вы, такой молодой, попали въ общество, въ которое, кажется, не поступаютъ ранѣе 24-хъ лѣтъ». Я отвѣчалъ, что для меня сдѣлали исключеніе, признавъ меня довольно зрѣлымъ въ 18 лѣтъ. Но вскорѣ я замѣтилъ, что не масонство было предметомъ его разспросовъ. Онъ, казалось, не повѣрилъ моему показанію о студенческихъ обществахъ и спросилъ: «какъ случилось, что я къ нимъ не присталъ?» Я отвѣчалъ, что это случилось очень просто, такъ какъ я оставилъ университетъ за годъ до того, какъ первое изъ этихъ обществъ было основано. Тутъ фонъ-Фокъ мнѣ напомнилъ, что, по словамъ указа о подпискахъ, всякая утайка влечетъ за собою строгое наказаніе. Онъ разсчитывалъ, кажется, на то, что я, подъ вліяніемъ его испытующаго взгляда и моргающей бородавки, оробѣю и перемѣнюсь въ лицѣ; но я оставался спокойнымъ, не чувствуя за собою никакой вины. Впрочемъ, если-бы я и сконфузился, фонъ-Фокъ, какъ экспертъ въ этихъ дѣлахъ, долженъ былъ знать, что это ничего не доказываетъ.

Одинъ извѣстный въ Петербургѣ сыщикъ говорилъ, что въ своихъ розыскахъ онъ не всегда сразу можетъ напасть на виновнаго въ преступленіи, но ручается за то, что всегда сразу узнаетъ невиноватаго, хотя и подозрѣваемаго. По его словамъ, невинные скорѣе всего приходятъ въ смущеніе и мѣняются въ лицѣ; ихъ волнуетъ уже одно то, что ихъ обвиняютъ. Впрочемъ, говорилъ М., есть тонкій оттѣнокъ между смущеніемъ невиновнаго и преступника, но что-бы уловить этотъ оттѣнокъ, нужна большая опытность. Большею же частью настоящіе виновные

Библиотека "Руниверс"

вызываютъ въ себѣ настолько силы воли, что при допросахъ сохраняютъ спокойный видъ, и этимъ вводятъ въ обманъ неопытнаго слѣдователя.

Я спѣшу сказать, что фонъ-Фокъ былъ человѣкъ прекрасной души, умный и образованный; въ исполненіи своихъ обязанностей онъ соединялъ строгую справедливость съ возможною снисходительностью. Такой дѣятель и при такомъ главномъ начальникѣ, какъ В. С. Ланской, былъ по истинѣ благодатью въ тогдашнее смутное время.

IX.

Слѣдствіе о заговорѣ окончилось. Результатъ его подробно изложенъ въ брошюрѣ, сдѣлавшейся теперь библіографическою рѣдкостью. Составленъ былъ верховный судъ. Онъ раздѣлилъ преступниковъ по степени виновности на разряды; изъ виновныхъ отнесенные къ первому пять человѣкъ приговорены были къ смертной казни повѣшеніемъ; другіе—къ лишенію всѣхъ правъ, къ разнымъ степенямъ каторжныхъ работъ и ссылкѣ. Приведеніе приговоровъ въ исполненіе на обширномъ полѣ, простиравшемся позади Петропавловской крѣпости (гдѣ теперь Александровскій паркъ), назначено было на 13-е іюля 1826 года, на разсвѣтѣ. При этомъ должны были присутствовать отряды изъ всѣхъ войскъ гвардіи. Въ городѣ никто, или почти никто, не зналъ ни о времени, ни о мѣстѣ экзекуціи. Я узналъ объ этомъ случайно и съ товарищемъ моимъ, Парчевскимъ, отправился на Петербургскую сторону. Мы дошли до конца Троицкаго (Петербургскаго) моста, далѣе стража насъ не пустила, но и оттуда все поле и вся обстановка, при помощи биноклей, хорошо были видны. Войска были уже на своихъ мѣстахъ; постороннихъ зрителей было очень немного: не болѣе 150—200. На ближайшемъ къ крѣпости парапетѣ возвышалась висѣлица, одна для всѣхъ пяти осужденныхъ. Внизу, параллельно съ перекладиной, на которой висѣли уже веревки, была скамейка, вышиною около полутора аршина, на которой приговоренные къ казни должны были быть поставлены въ рядъ. На полѣ, въ разныхъ мѣстахъ, дымились костры.

Началась экзекуція. Изъ крѣпости въ ворота, выходившія на поле, стали выводить по нѣскольку осужденныхъ къ разжалованію и лишенію правъ. Изъ нихъ военные были въ формѣ.

Библиотека "Руниверс"

Ихъ подводили къ кострамъ и тамъ палачи обрывали съ нихъ эполеты и мундиры, ломали надъ головами шпаги и все это бросали въ огонь. Затѣмъ надѣвали на нихъ арестантскіе костюмы и отводили опять въ крѣпость, а оттуда выводили новыхъ. Такъ какъ осужденныхъ было много, то церемонія эта продолжалась болѣе часа; воздухъ наполнился дымомъ отъ тлѣвшихъ офицерскихъ вещей. Между тѣмъ изъ города и съ Петербургской стороны собралось не мало зрителей. Былъ уже пятый часъ утра, когда приступили къ казни главныхъ преступниковъ: Пестеля, Каховскаго, Бестужева-Рюмина, Сергѣя Муравьева-Апостола и Рылѣева. Ихъ поставили на упомянутую скамейку въ рядъ, въ разстояніи другъ отъ друга на какіе-нибудь пол-аршина. На голову надѣли колпаки, которые насунули на лица, закрывъ ихъ совсѣмъ, начиная съ шеи и во всю длину ногъ, надѣли бѣлые фартуки и сзади завязали ихъ вверху и внизу такъ, что руки и ноги были фартукомъ спеленаты. Наконецъ наложили на шеи петли, которыя должны были затянуться и удержать казнимыхъ на воздухѣ, когда изъ подъ ихъ ногъ отнята будетъ скамейка. Но тутъ и послѣдовалъ извѣстный потрясающій эпизодъ. Веревки были новы и туги; когда оттолкнули скамейку, то головы двухъ среднихъ въ ряду осужденныхъ просунулись внизъ сквозь незатянувшіяся петли и они тяжело упали на землю. Повисли только трое. Паденіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Всѣ приготовились видѣть пять человѣкъ, заслужившихъ смертную казнь, повѣшенными, но никто не предвидѣлъ случившагося такъ неожиданно, и продолжившаго предсмертную агонію двухъ несчастныхъ. Это были Рылѣевъ и Бестужевъ. Говорятъ, что упавши, Рылѣевъ воскликнулъ: «намъ во всемъ неудача!» Прошло около четверти часа, пока ихъ снова поставили на скамейку, расправили веревки, а между тѣмъ повисшіе до того, вертѣлись на веревкахъ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ. Стража окружала висѣлицу, но по прошествіи получаса, стали всѣхъ пускать и толпа любопытныхъ нахлынула. Казненные висѣли уже неподвижно. Между ними трупъ Каховскаго отличался необыкновенною длиною. Прошло еще полчаса—мертвецовъ сняли и отнесли въ крѣпость.

Библиотека "Руниверс"

X.

В. С. Ланской оставилъ министерство и, вдобавокъ къ другимъ должностямъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора. Послѣ краткаго промежутка, въ который управлялъ Д. В. Дашковъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ, въ 1828 году, финляндскій генералъ-губернаторъ (съ сохраненіемъ и этого званія) бывшій дежурный генералъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ графъ А. А. Закревскій. [1])

Съ этимъ назначеніемъ для всего вѣдомства настала новая эра—эра полнѣйшаго милитаризма, о какомъ мы, пэкены, привыкшіе къ кроткому управленію Василія Сергѣевича Ланскаго, не имѣли понятія. Не только въ механизмѣ общаго управленія, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ службы введена строгая дисциплина и щепетильный формализмъ. Въ сношеніяхъ съ начальниками губерній прежнія вѣжливыя формы отмѣнены и велѣно писать не иначе, какъ «предписываю вашему превосходительству». Для исполнительныхъ отвѣтовъ на такія «предписанія» назначенъ былъ двухнедѣльный срокъ, (съ продолженіемъ его, не помню уже на сколько, для очень отдаленныхъ губерній). По прошествіи его, если не было отвѣта, то сами столоначальники должны были заготовлять «повторенія». Когда же и по истеченіи двухъ другихъ недѣль предписаніе исполнено не было, то посылалось по эстафетѣ, на счетъ виноватаго: «подтвержденіе» съ строгимъ замѣчаніемъ. По всему видно было, что графъ Закревскій предубѣжденъ былъ противъ ввѣренной ему части; онъ предполагалъ, что она была въ запущеніи и что во всемъ управленіи царствовала распущенность. Онъ положилъ себѣ задачею, все вѣдомство заключить и держать въ ежовыхъ рукавицахъ. Директоры дрожали передъ нимъ, что же говорить о насъ, маленькихъ чиновникахъ! Положены были часы, въ которые мы должны были

[1]) Новый министръ съ генералъ-губернаторомъ, своимъ двойникомъ, вели постоянно переписку; графъ Закревскій подписывалъ предписанія, и онъ же подписывалъ отвѣты. Между этими двумя сановниками царствовало примѣрное единомысліе, тѣмъ болѣе, что званію финляндскаго генералъ-губернатора присвоено было большое содержаніе. О. П.

Библиотека "Руниверс"

оставаться на службѣ, именно съ 10-ти до 3-хъ. Экзекуторы обязаны были записывать когда кто приходилъ и когда уходилъ и о каждомъ нарушеніи регламента доносить министру. Доски съ нумерами прибиты были надъ дверьми отдѣленій и надъ головами столоначальниковъ. Формализмъ Закревскаго доведенъ былъ до крайнихъ предѣловъ; приведу одинъ примѣръ. По предложенію министра, совѣтъ его долженъ былъ обсудить, какія имѣютъ быть розданы по столамъ тряпки для вытиранія перьевъ: чернаго коленкора, или чернаго сукна? Журналомъ совѣта, утвержденнымъ министромъ, по зрѣломъ обсужденіи, этотъ важный вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу сукна, и намъ роздали тряпки изъ такого толстаго матеріала, что онѣ никуда не годились. Такое же разсужденіе было о чернильницахъ и песочницахъ.[1])

Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, непосредственные подчиненные старались превзойти свой начальственный образецъ. Директоръ одного департамента «собственнымъ умомъ» выдумалъ слѣдующее правило: за первую ошибку, замѣченную въ бумагѣ, свѣренной столоначальникомъ и поданной директору для поднесенія къ подписанію министра, столоначальнику дѣлается выговоръ, а писецъ назначается безъ очереди на дежурство. За вторую, на такое же дежурство назначается столоначальникъ вмѣстѣ съ писцомъ; за третью—писецъ удаляется изъ службы, а столоначальникъ оставляется дежурнымъ на цѣлую недѣлю; за четвертую, столоначальникъ удаляется изъ службы. Къ ошибкамъ причислялись и погрѣшности противъ русскаго правописанія. Думали сначала, что это не будетъ исполняться, но вышло противное; столоначальникъ П., продежурившій недѣлю, самъ вышелъ въ отставку, не дожидаясь, что-бы его исключили.

Даже въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ должность начальника стола бываетъ самая трудовая и наиболѣе отвѣтственная. Это не видная, но существенная пружина въ механизмѣ дѣлопроизводства; съ нея все начинается и ею же оканчиваются результаты всего начатаго. Кромѣ того, отвѣтственность за внутренній порядокъ и исправность лежитъ непосредственно на этомъ

[1]) Смотри дѣла совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ 1828 и послѣдующихъ годовъ. О. П.

Библиотека "Руниверс"

чиновникѣ. Таково нормальное и даже естественное положеніе; но при Закревскомъ оно усложнилось въ геометрической прогрессіи. Не говоря уже о требовавшейся скорости самаго дѣлопроизводства, контролируемой настольнымъ реэстромъ, выдуманы были новые реэстры и срочныя вѣдомости; таковы были реэстры о сдѣланныхъ подвѣдомственнымъ мѣстамъ и лицамъ «повтореніяхъ», еженедѣльныя таблицы «о движеніи дѣлъ» съ подробнымъ показаніемъ всего, что въ теченіе семи дней было сдѣлано. Таблицы эти по столамъ должны были быть готовы въ каждую субботу до полудня. Онѣ всѣ сосредоточивались въ бухгалтеріи, а тамъ составлялась общая таблица по министерству для представленія министру. До того еще заведены были во всѣхъ управленіяхъ ежемѣсячныя вѣдомости о полученныхъ, но окончательно не исполненныхъ, высочайшихъ повелѣніяхъ и царскихъ резолюціяхъ по положеніямъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, съ показаніемъ, что по нимъ сдѣлано и за кѣмъ исполненіе остановилось. Изъ такихъ частныхъ составлялись по департаментамъ общія вѣдомости и препровождались въ I-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Эти отчеты учреждены были по слѣдующему случаю. Государь далъ министру народнаго просвѣщенія (князю Ливену) повелѣніе о какомъ-то распоряженіи по училищному вѣдомству въ Кронштадтѣ. Недѣли чрезъ двѣ послѣ этого, его величество, бывши въ Кронштадтѣ, лично удостовѣрился, что къ исполненію его воли не было даже приступлено. Вслѣдствіе этого директоръ департамента народнаго просвѣщенія, Д. И. Языковъ, былъ посаженъ на гауптвахту и издано постановленіе объ упомянутыхъ отчетахъ.

Изъ срочныхъ обязанностей столоначальниковъ была однако-жъ одна пріятная и очень интересная По приказанію графа Закревскаго была составлена, въ нѣсколькихъ графахъ, не знаю кѣмъ, подробная вѣдомость о всѣхъ генералъ-губернаторахъ, гражданскихъ губернаторахъ, исправляющихъ ихъ должности и градоначальникахъ. Это было извлеченное изъ послужныхъ списковъ «curriculum vitae» каждаго, съ показаніемъ бытности подъ судомъ, взысканій, выговоровъ и замѣчаній, которымъ когда-либо подвергался кто-либо изъ этихъ личностей. Но что до крайности странно и почти невѣроятно, кромѣ доказанныхъ, со-

Библиотека "Руниверс"

вершившихся фактовъ, въ вѣдомости помѣщались данныя, почерпнутыя изъ «общественной молвы» и, повидимому, изъ частныхъ доносовъ. Такъ, объ одномъ правителѣ, занимавшемъ важный постъ, было сказано, что «онъ, какъ слышно, состоитъ въ связи съ некрещеной еврейкой, которая имѣетъ на него большое вліяніе и отъ его имени беретъ взятки». Кромѣ многихъ другихъ интересныхъ подробностей, о двухъ губернаторахъ были такія странныя свѣдѣнія, что я ихъ не повторяю. Толстая тетрадь, заключающая эти прелести, по временамъ появлялась во всѣхъ департаментахъ и передавалась исключительно столоначальникамъ. Каждый изъ нихъ, по справкѣ съ производимыми имъ дѣлами, долженъ былъ въ особой бумагѣ означать, какія по его столу, въ теченіе мѣсяца и кому изъ начальниковъ губерній, сдѣланы были замѣчанія или повторенія, или какія поступили жалобы и какой данъ имъ ходъ. Бо́льшею частью столоначальникъ отмѣчалъ, что въ этомъ отношеніи, въ теченіе мѣсяца, ничего новаго не послѣдовало, а между тѣмъ мы узнавали презанимательныя подробности скандалезной хроники о правителяхъ всѣхъ губерній. Свѣтлая мысль такой огласки принадлежала самому графу Закревскому. Понятно, что главный начальникъ, для собственнаго своего свѣдѣнія и вообще «для пользы службы», можетъ пожелать имѣть подобную «черную книгу» о своихъ подчиненныхъ; но чѣмъ объяснить, что собраніе такихъ свѣдѣній пускалось въ обращеніе по всему министерству? Вѣдь и безъ того можно было собрать по столамъ всѣ данныя для пополненія хроники. Это было одно изъ тѣхъ мудрыхъ дисциплинарныхъ распоряженій, которыми отличалось управленіе графа Арсенія Андреевича Закревскаго.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ своего назначенія, графъ объявилъ нашему директору, что такого-то дня онъ посѣтитъ канцелярію. Мы приготовились къ «смотру». У каждаго писца было по нѣскольку черновыхъ бумагъ, которыя онъ перебѣлялъ; передъ столоначальниками лежали настольные реэстры и нерѣшенныя дѣла, по которымъ каждый писалъ какое нибудь «исполненіе». Надъ ихъ головами красовались жестяныя досчечки съ нумеромъ стола. Чернильницы, песочницы и тряпки для перьевъ были строго форменныя. Часу въ первомъ министръ пріѣхалъ и, въ сопровожденіи директора, началъ осмотръ по порядку, съ 1-го

Библиотека "Руниверс"

отдѣленія. Въ эту минуту начальникъ этого отдѣленія писалъ что-то карандашемъ, стоя у своей конторки. Графъ пошелъ прямо къ нему и сдѣлалъ замѣчаніе, что если-бы онъ писалъ не карандашемъ, а чернилами, то написанное могло бы служить «отпускомъ» и не требовало бы быть перебѣляемо для пріобщенія къ дѣлу. Оттонъ Александровичъ только поклонился съ нѣсколько саркастическимъ выраженіемъ въ лицѣ, которое можно было понять и такъ: «простите меня, никогда не буду!» Затѣмъ министръ обратился ко мнѣ и спросилъ, чѣмъ я занимаюсь? Я сказалъ, что пишу проектъ записки въ комитетъ министровъ по такому-то дѣлу. Такъ онъ обошелъ другіе столы отдѣленія и перешелъ въ другія отдѣленія. Тамъ обошлось безъ замѣчаній; по увѣдомленію экзекутора всѣ карандаши были уже спрятаны.

Все предъидущее были только прелюдіи къ тому, что должно было разразиться надъ нами. Въ нашей канцеляріи рѣшеныя дѣла, почти съ самаго учрежденія министерствъ (1811 годъ), не были приведены окончательно въ требуемый правилами порядокъ и не были сданы въ архивъ. Для этого нужно, что-бы всѣ входящія и исходящія бумаги были подшиты въ хронологическомъ порядкѣ, листы перенумерованы и скрѣплены по краямъ столоначальникомъ; что-бы на послѣднемъ листѣ, за подписью начальника отдѣленія и за скрѣпою столоначальника, означено было прописью число листовъ, и наконецъ, что-бы къ первому листу приложена была подробная опись всѣмъ составляющимъ дѣло бумагамъ, съ означеніемъ числа, нумера и количества листовъ каждой. Такъ, приведенныя въ порядокъ рѣшеныя дѣла, на случай ихъ возобновленія, хранятся еще въ теченіи трехъ лѣтъ по столамъ, а затѣмъ уже сдаются, при особомъ спискѣ, архиваріусу подъ его росписку. Когда это дѣлается постепенно и въ свое время, то оно необременительно; но можно себѣ представить, въ какую египетскую работу формальность эта превращается, когда придется исполнить ее за какихъ нибудь 17* лѣтъ сразу и въ назначенный, скупо разсчитанный срокъ. И вотъ что на насъ, злополучныхъ столоначальниковъ, упало какъ снѣгъ на голову въ 1828 году.

Министръ повелѣлъ заняться тотчасъ-же приведеніемъ рѣшеныхъ дѣлъ въ порядокъ для сдачи въ архивъ и окончить эту работу сколь возможно скорѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было

Библиотека "Руниверс"

А. А. Закревскимъ, что въ теченіе года никто изъ столоначальниковъ не можетъ просить объ увольненіи ни въ отставку, ни даже во временной отпускъ. Дабы отъ такихъ занятій не останавливались въ своемъ ходѣ текущія дѣла, приказано было чиновникамъ, кромѣ упомянутыхъ уже утреннихъ часовъ службы, собираться въ канцелярію въ 6-ть часовъ и оставаться до 10-ти вечера, подъ наблюденіемъ экзекуторовъ. Вотъ примѣръ какъ строго исполнялось это наблюденіе. Я разъ обѣдалъ въ гостяхъ, и такъ какъ была прекрасная, лѣтняя погода, то хозяйка и еще одна дама пожелали прокатиться водою въ Екатерингофъ, гдѣ долженъ былъ дожидаться экипажъ для возвращенія въ городъ. Съ самой весны лишенный распоряженіемъ министра возможности подышать свѣжимъ воздухомъ, я не устоялъ противъ приглашенія дамъ сопутствовать имъ въ такой пріятной прогулкѣ. Я только послалъ инструкцію квартирующему со мною П. Когда въ 6-ть часовъ я не явился въ канцелярію, то чрезъ четверть часа прискакалъ курьеръ; ему сказали, что у меня страшная мигрень и что я лежу въ постели. Спустя еще четверть часа пріѣхалъ экзекуторъ съ докторомъ для освидѣтельствованія меня. Тутъ П. оказалъ талантъ, котораго я за нимъ не зналъ. Онъ, который никогда не лгалъ, съ дипломатическимъ апломбомъ, достойнымъ Талейрана, сказавшаго что: «рѣчь дана человѣку для скрытія его мысли», увѣрилъ инквизиторовъ, что послѣ мученій мигрени я наконецъ уснулъ, и что было-бы безчеловѣчно разбудить меня для новыхъ страданій. Удовлетворенные этимъ, они удалились и такъ моя плутня обошлась безъ дурныхъ послѣдствій.

Я горько сожалѣлъ, что дождался такого положенія; съ первыхъ пріемовъ новаго министра я уже было предположилъ перейти на службу въ другое вѣдомство, но по славянской медлительности откладывалъ это со дня на день. Впрочемъ, лично для меня это было чистое: «въ чужомъ пиру похмѣлье». Вдругъ на меня свалилось съ другаго министерства множество дѣлъ, запущенныхъ до крайности, которыя не я производилъ. Самая работа была такъ скучна, что я и теперь не могу безъ зѣвоты вспомнить о ней. Кто этого не испыталъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ надоѣдаетъ повтореніе тысячу разъ или болѣе однѣхъ и тѣхъ-же словъ при такъ называемой «скрѣпѣ» по

Библиотека "Руниверс"

листамъ; тутъ собственная фамилія опротивитъ. Графъ Арсеній Андреевичъ, въ бытность свою дежурнымъ генераломъ, устроившій архивъ инспекторскаго департамента такъ, что онъ справедливо слылъ образцовымъ,[1]) не довѣрялъ нашему знанію формальностей и выписалъ къ себѣ изъ этого архива нѣсколькихъ, «съѣвшихъ собаку» въ этомъ дѣлѣ, кантонистовъ, и далъ намъ ихъ въ наставники. Они преподали намъ образцы разныхъ реэстровъ, указателей, списковъ и т. д., а это все, съ описями, которыя нужно было приложить къ каждому дѣлу, составляло такую громадную массу письма, что свои писцы, при другихъ текущихъ дѣлахъ, не успѣвали, и мы принуждены были на свои деньги нанимать копіистовъ.

Наконецъ вся эта «экстренная» работа окончилась; рѣшеныя дѣла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя должны были три года ждать своего совершеннолѣтія, сданы въ архивъ.

Какъ только снято было запрещеніе, лежавшее на столоначальникахъ, ихъ пять человѣкъ въ одинь день заявили о выходѣ изъ министерства; одни подали въ отставку, другіе, въ томъ числѣ и я, по отношеніямъ подлежащихъ властей, перешли на службу въ другія вѣдомства. Я пріютился подъ крылья бывшаго добраго начальника В. С. Ланскаго, и какъ мнѣ для моихъ дѣлъ и для отдыха послѣ такой службы, которой мѣсяцъ стоилъ года всякой другой, нуженъ былъ отдыхъ, то я, въ іюнѣ 1829 года, опредѣлился въ коммиссію о построеніи Исаакіевскаго собора «впредь до усмотрѣнія, на собственное содержаніе», гдѣ мнѣ поручались немногія и нетрудныя канцелярскія занятія.

Послѣ возстанія 1830 года признано было, что обязательные въ Царствѣ Польскомъ законы не вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ благоустройства въ тамошнемъ краѣ. Поэтому, въ 1833 г., составлена была въ Петербургѣ, подъ главнымъ начальствомъ графа Сперанскаго и подъ предсѣдательствомъ министра статсъ секретаря Царства Польскаго Туркула, коммиссія для ревизіи и составленія законовъ Царства (переименованная впослѣдствіи не совсѣмъ правильно въ кодификаціонную), изъ трехъ членовъ, вызванныхъ изъ тамошняго края. Для составленія же канцеляріи,

[1]) Мнѣ сказывали, что, напримѣръ, для отысканія послужнаго списка простаго рядоваго, служившаго при императрицѣ Екатеринѣ, полагалось 10-ть минутъ времени. О. П.

Библиотека "Руниверс"

покойный Туркулъ былъ уполномоченъ набирать изъ всѣхъ вѣдомствъ чиновниковъ по ихъ желанію. Условія sine qua non для такого выбора были: основательное знаніе русскаго, польскаго и французскаго языковъ. Какъ члены не умѣли по-русски, то для ихъ работъ нужны были переводы и по представленію Туркула, я былъ вытребованъ графомъ Сперанскимъ изъ исаакіевской коммиссіи и опредѣленъ въ коммиссію Туркула главнымъ переводчикомъ. Въ этой должности, потомъ правителемъ, и наконецъ директоромъ канцеляріи, я прослужилъ въ коммиссіи съ 1833 г. по день ея упразднения, въ 1861 году.....

X.

Въ половинѣ ноября 1830 года вспыхнулъ въ Варшавѣ польскій мятежъ.

Послѣ этого плачевнаго событія прошло почти пол-вѣка и оно можетъ уже считаться вошедшимъ въ область исторіи, даже и по требованіямъ тѣхъ, которые отдаленность времени признаютъ необходимымъ условіемъ для историческихъ изслѣдованій и для оцѣнки совершившихся фактовъ. Поэтому и пользуясь однимъ изъ драгоцѣнныхъ даровъ истекающаго двадцатилѣтія—свободою выраженія честной мысли, я намѣренъ высказать здѣсь о настоящемъ предметѣ одну изъ такихъ мыслей, внушенную анализомъ, по возможности безстрастнымъ и всестороннимъ.

Конечно, не можетъ быть и рѣчи объ оправданіи возстанія, сколько преступнаго, столько и безразсуднаго. Никто энергичнѣе меня не осуждалъ поведенія Поляковъ, жителей Царства, созданнаго въ 1815 году благостію Александра I-го. Они старались извинить мятежъ нарушеніемъ пожалованной имъ конституціи, тогда какъ они же сами не переставали нарушать ее и дѣлать невозможнымъ продолженіе дарованныхъ имъ преимуществъ, постоянно злоупотребляя ими и въ засѣданіяхъ сеймовъ, и въ ежедневныхъ частныхъ столкновеніяхъ съ законною властью. Нѣтъ, не оправдывать Поляковъ, а лишь должно удивляться непринятію со стороны правительства мѣръ, сдѣлавшихся необходимыми для обузданія своеволія, удивляться долготерпѣнію правительства.

И такъ, повторяю, въ моемъ анализѣ дѣло идетъ не объ

Библиотека "Руниверс"

извиненіи самаго преступнаго событія. Я хочу изложить лишь соображеніе о томъ, какъ, во-1-хъ, мѣрами, основанными на знаніи народнаго характера, принимаемыми въ надлежащее время, можно было ненормальной, вредной пылкости этого характера, дать безвредное и даже полезное направленіе, и тѣмъ, подобно употребляемымъ въ медицинѣ, отвлекательнымъ средствамъ (dérivatif) предотвратить катастрофу; и во-2-хъ, какъ при начавшемся уже возстаніи легко можно было погасить его и не допустить продолжительныхъ кровопролитныхъ его послѣдствій.

Относительно перваго. Преобладающая черта польскаго характера, это воинственный духъ; онъ всячески проявлялся въ жизни народа, когда Польша была самостоятельнымъ государствомъ. Можно бы подумать, что въ большинствѣ польскихъ головъ, самый выдающійся органъ тотъ, который краніологи называютъ боевымъ (organe de la combativité). Вся польская исторія свидѣтельствуетъ о такой неукротимой наклонности; войны Поляковъ не всегда имѣли достаточно основательный предлогъ; нѣкоторыя велись просто «изъ любви къ искусству». Случалось даже, что шляхта, соскучившись миромъ, собиралась въ отдѣльные отряды и, подъ предводительствомъ какого-нибудь отчаяннаго авантюриста, затѣвала войну на свою руку. Такимъ увлеченіемъ народнаго характера объясняется страстная привязанность Поляковъ къ Наполеону, этому олицетворенному миѳу языческаго Марса. Исходивъ за нимъ весь европейскій континентъ, польскіе легіоны переплыли даже океанъ, что-бы на другомъ полушаріи найти случай подраться. Бальзакъ справедливо сказалъ: «personne ne se bat pour son plaisir; les polonais seuls exceptés».[1])

Въ виду такого общаго настроенія, нельзя не признать, что оставлять въ учреждаемомъ царствѣ чисто-польскую армію въ 35 или 40 тысячъ, было крайне неполитично, въ особенности, когда вмѣстѣ съ этимъ значилось въ конституціи, что армія эта никогда не будетъ выводима за границы края. Можно бы поэтому спросить: для чего же она была нужна? На такой вопросъ возможенъ одинъ лишь отвѣтъ: армія была нужна для забавы цесаревича Константина Павловича, избравшаго своимъ мѣстопребываніемъ Варшаву.

[1]) Никто не воюетъ ради удовольствія; одни поляки составляютъ исключеніе.

Библиотека "Руниверс"

Должно было предвидѣть, что отборное войско, составленное изъ Поляковъ, не можетъ въ своихъ пожеланіяхъ быть удовлетворено одними ученіями, парадами и маневрами, и что эти пожеланія, рано или поздно перейдя въ горячечное состояніе, поведутъ къ покушенію на приведеніе въ дѣйствіе, сознаваемаго каждымъ—и солдатомъ и офицеромъ—истиннаго назначенія всякой арміи. А такъ какъ избытку накопившейся силы не могъ быть данъ законный исходъ внѣ края, то онъ естественно долженъ былъ разразиться внутри его и самъ искать себѣ исхода.

Насколько не трудно было предвидѣть такой конецъ, настолько легко было предотвратить его, несмотря на всѣ ненормальности положенія и на неполитичность самаго учрежденія. Польская армія съ восторгомъ приняла бы отмѣну упомянутаго ограниченія и всякую мѣру, которая открыла бы ей поле битвы; стоило только уразумѣть и исполнить ея пламенное желаніе.

Польскіе полки съ радостью послѣдовали бы на Кавказъ и участіе ихъ тамъ въ войнѣ, вѣроятно на многіе годы, сократило бы борьбу съ горцами. Но представлялся и болѣе удобный случай для употребленія этой кипящей, удерживаемой въ бездѣйствіи, силы. Это была турецкая кампанія 1828—1829 гг., окончившаяся адріанопольскимъ трактатомъ. О, съ какимъ рвеніемъ Поляки бросились бы на Турокъ, съ которыми имѣли старые историческіе счеты за короля Владислава, погибшаго подъ Варной! Но, кромѣ того, что этимъ несомнѣнно отвращена была бы варшавская катастрофа 1830 года, кромѣ матеріальной помощи въ войнѣ, сколько другихъ военныхъ и благотворныхъ послѣдствій, имѣло бы призваніе польской арміи къ участію въ кампаніи. Не послѣднимъ изъ нихъ было бы то, что, изъ соревнованія на общемъ полѣ брани, завязалось бы взаимное сближеніе Русскихъ съ Поляками, братство по оружію, и кто можетъ въ настоящее время исчислить всѣ блага, которыя проистекли бы отъ такого сближенія двухъ племенъ, подданныхъ одного монарха, замѣнившія вражду, которая возникла между ними вслѣдствіе мятежа 1830 года и которая, безъ сомнѣнія, повлекла за собою и послѣднее возстаніе? Сближеніе это могло бы быть достигнуто и ранѣе турецкой кампаніи, если-бы, по примѣру того, какъ нѣсколько полковъ императорской гвардіи квартировали въ Варшавѣ, польскіе полки поперемѣнно вызываемы были въ Петербургъ. Мѣра

Библиотека "Руниверс"

эта была бы вполнѣ сообразною съ тѣмъ кореннымъ началомъ учрежденія царства, что оно «составляетъ одно нераздѣльное цѣлое съ имперіею». Между тѣмъ, разъединеніе двухъ армій и существованіе таможенной границы между имперіею и царствомъ, противурѣчили этому началу и препятствовали тому, что-бы населеніе царства усвоило его себѣ и привыкло къ нему.

Я знаю, что о вызываніи полковъ польской арміи въ Петербургъ была рѣчь въ высшихъ правительственныхъ кругахъ и это не состоялось единственно вслѣдствіе сдѣланнаго кѣмъ-то замѣчанія, что пребываніе польскихъ офицеровъ въ столицѣ повлекло бы за собою множество дуэлей съ русскими. Опасеніе неосновательное, какъ это доказалъ опытъ Кавказа и Севастополя, гдѣ, несмотря на множество офицеровъ польскаго происхожденія, ничего подобнаго не случалось. А между тѣмъ, это опасеніе воспрепятствовало принятію мѣры, соотвѣтствовавшей разумной политикѣ.

Относительно втораго. По возникновеніи въ Варшавѣ мятежа, великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ, взявъ съ собою гвардейскіе полки, оставилъ городъ и расположился бивуаками въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, на Бѣлянахъ. На другой же день министръ финансовъ царства, кн. Друцкой-Любецкой, отправившись туда, упрашивалъ его высочество возвратиться въ городъ и усмирить мятежъ послѣдовавшими за нимъ войсками. Великій князь отвѣчалъ: «Les polonais n'ont pas voulu de moi; je ne veux pas les connaître». Несчастная фраза! Одна изъ тѣхъ, которыя такъ часто «заѣдаютъ насъ». Эта фраза стоила болѣе года братоубійственной войны и жизни 200,000 сыновъ одного отечества. Напрасно Любецкой, ссылаясь на то, что и онъ былъ нѣкогда суворовскимъ офицеромъ, умолялъ дать ему два полка и головою отвѣчалъ, что подавитъ мятежъ въ самомъ началѣ, пока онъ не распространился еще на провинціи и не проникнулъ въ армію. Великій князь остался непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи и вскорѣ съ своими полками удалился въ предѣлы имперіи. Тогда уже вся надежда была потеряна и послѣдовало то, что всѣмъ извѣстно.

XI.

Въ предѣлахъ Россіи холера въ первый разъ появилась въ Астрахани. Уже съ 1825 года производилось объ этомъ дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и принимались кое-какія

Библиотека "Руниверс"

мѣры; но онѣ, по незнанію свойства и образа дѣйствія болѣзни, не могли быть успѣшны. Извѣстно было только, что въ Европу она проникла чрезъ Персію изъ Индіи, гдѣ дѣйствовала съ давняго времени почти эпидемически. Замѣтили также ту особенность, что она шла впередъ противъ господствующаго вѣтра, и по рѣкамъ, противъ ихъ теченія. Впослѣдствіи уже, и именно въ 1848 году, наблюденія еще показали, что развитію холеры въ лѣтнее время способствуетъ отсутствіе электрическихъ явленій въ атмосферѣ, и слѣдовательно отстутствіе или слишкомъ малый процентъ въ воздухѣ озона. Впрочемъ, сначала холера распространялась медленно; до Петербурга она дошла только на шестой годъ послѣ появленія своего на южныхъ окраинахъ.

Первые случаи, обнаружившіеся въ Петербургѣ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1831 года, произвели всеобщую панику. Они застали медицину врасплохъ. При незнаніи, въ чемъ заключается сущность болѣзни, наука должна была ограничиться профилактическими мѣрами, въ пользованіе же заболѣвавшихъ, средствами, указываемыми не какою-нибудь теоріею a priori, а аналогіею, сходствомъ наличныхъ симптомовъ съ признаками другихъ, извѣстныхъ наукѣ болѣзней. Изъ заболѣвавшихъ умирало болѣе половины. Сначала считали ее заразительною въ прямомъ смыслѣ, то есть сообщающеюся непосредственно отъ больнаго субъекта здоровому, подобно чумѣ или оспѣ. Вслѣдствіе такого взгляда, еще до появленія холеры въ Петербургѣ, признано было нужнымъ принимать противъ нея такія мѣры, какими останавливается ходъ восточной чумы и это было поручено министру внутреннихъ дѣлъ, графу Закревскому, который долженъ былъ отправиться въ губерніи, пораженныя уже холерою, и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, для недопущенія ея въ другія мѣстности и въ столицу. Управленіе министерствомъ поручено было временно одному изъ сановниковъ, и Закревскій снарядилъ цѣлую экспедицію, набравъ для нея медиковъ, въ томъ числѣ и вольнопрактикующихъ, не спрашивая ихъ на то согласія.

Графъ Арсеній Андреевичъ распорядился по своему, то есть съ возможною строгостью. Онъ оцѣплялъ города; на большихъ дорогахъ между губерніями и уѣздами учреждалъ караулы, заставы и карантины. По тѣмъ, которые старались пробраться мимо ихъ, приказано было стрѣлять. Между тѣмъ холера какъ бы из-

Библиотека "Руниверс"

дѣвалась надъ тщетными предосторожностями; совершала благополучно свою «скачку съ препятствіями» и, перепрыгивая чрезъ всякаго рода заставы, появлялась внезапно въ мѣстахъ наиболѣе охраняемыхъ. Тогда только стали смекать, что она дѣйствуетъ не такимъ образомъ, какъ другія моровыя язвы; что распространеніе ея обусловливается особыми, мало до сихъ поръ извѣстными, обстоятельствами. А между тѣмъ такія принятыя уже предупредительныя средства до крайности стѣсняли торговлю, сообщенія и всѣ сношенія, и причиняли громадные убытки. Тысячи людей и лошадей, съ товарными обозами, были задерживаемы у заставъ и томились высиживая карантинъ, срокъ котораго, сколько помнится, былъ восемь дней. Такое невыносимое положеніе было наконецъ отмѣнено и ограничились предписаніемъ повсемѣстно мѣръ для встрѣчи холеры въ случаѣ ея появленія.

Даже и теперь страшно подумать о томъ волненіи, въ какое пришла столица при появленіи въ ней смертоносной эпидеміи. Внезапность дѣйствія болѣзни, ея ужасные симптомы и то обстоятельство, что она непосредственно развивалась послѣ дурной пищи или холоднаго питья, породили мысль, что эпидеміи нѣтъ, и что люди заболѣваютъ и умираютъ вслѣдствіе отравленія, въ чемъ участвуютъ доктора и полиція. А какъ появленіе холеры въ Петербургѣ пришлось какъ разъ во время перваго польскаго мятежа, то огромное большинство жителей столицы не колебалось эти мнимыя отравленія приписать и непосредственному дѣйствію, а также подкупамъ Поляковъ. По всему городу разошлись и повторялись нелѣпые разсказы о томъ, какъ Поляки ходятъ ночью по огородамъ и посыпаютъ овощи ядомъ; какъ, незамѣтно проходя въ ворота домовъ, всыпаютъ ядъ въ стоящія на дворахъ бочки съ водою, какъ зафрахтованные мятежниками корабли привезли цѣлые грузы мышьяку и всыпали ихъ въ Неву, и т. п. Взволнованная чернь, въ которой коноводами были мальчики-ученики разныхъ мастерскихъ и фабричные рабочіе, расхаживала толпами по улицамъ и всякаго, кто ей казался почему-нибудь «холерщикомъ», била и истязала нерѣдко до смерти. Учрежденная на Сѣнной площади холерная больница была разгорена, да два или три медика, и столько же полицейскихъ, убиты. Дѣло дошло до того, что въ теченіе цѣлыхъ трехъ сутокъ, полиція и доктора прятались, и разсвирѣпѣвшій народъ дѣлалъ что

Библиотека "Руниверс"

хотѣлъ. Только прибытіе государя изъ Царскаго Села или изъ Петергофа и энергичное обращеніе его къ народу, бѣсновавшемуся на Сѣнной площади, а вслѣдъ за этимъ прибытіе изъ лагеря войскъ нѣсколько успокоило городъ.[1]) Послѣ этого народъ ограничился задерживаніемъ заподозрѣнныхъ имъ «отравщиковъ», которыхъ, не довѣряя полиціи, отводилъ въ ордонансгаузъ.

Я жилъ тогда рядомъ съ ордонансгаузомъ и видѣлъ множество несчастныхъ, задержанныхъ Богъ-вѣсть за что. Я видѣлъ, какъ толпы народа отводили ихъ туда избитыхъ и окровавленныхъ. Такимъ образомъ отведено и заарестовано было болѣе 700 человѣкъ всякаго званія, бо́льшею частію иностранцевъ и людей среднихъ классовъ. Назначена была, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Павловича, коммиссія. Она должна была разслѣдовать все дѣло и предать суду тѣхъ изъ арестованныхъ, которые оказались бы виновными въ возводимыхъ на нихъ преступленіяхъ.

Подобное возбужденное состояніе въ средѣ необразованныхъ классовъ, подозрѣніе въ отравленіи народа и послѣдствія его, уличные безпорядки, повторились почти во всей Европѣ во время холеры. Въ Петербургѣ это состояніе усложнилось и приняло опредѣленную форму отъ случайнаго совпаденія эпидеміи съ польскимъ мятежемъ. Знаменитый медикъ, гражданскій генералъ штабъ-докторъ С. Ѳ. Гаевскій, говорилъ мнѣ, что такое волненіе умовъ и расположеніе къ насиліямъ, по его мнѣнію, есть одно изъ отличительныхъ свойствъ господствующей въ холеру а́уры (aura), наводящей на массы родъ временнаго умопомѣшательства. Кромѣ климатическихъ и гигіеническихъ условій, лучшимъ противудѣйствіемъ этой аурѣ служитъ распространенная въ народныхъ массахъ образованность. Въ подтвержденіе такого взгляда Гаевскій сослался на примѣръ Англіи и Швеціи, гдѣ холера не вызвала безпорядковъ.

Приведу здѣсь одинъ извѣстный мнѣ фактъ, относящійся къ изученію сущности эпидеміи. Былъ въ Петербургѣ нѣкто баронъ Шабо (Chabot), пламенный почитатель доктрины Месмера. Онъ

[1]) Объ этой холерной смутѣ въ распоряженіи ред. «Русской Старины» есть нѣсколько интересныхъ разсказовъ очевидцевъ, между прочими, весьма обстоятельный разсказъ г. Фонъ-деръ-Ховена, который мы напечатаемъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ нашего изданія. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ домъ на Англійской набережной и завелъ въ немъ сеансы животнаго магнитизма. Самъ дѣйствовалъ какъ магнитизеръ и заручился ясновидящей, которая ему и собиравшимся у него больнымъ и здоровымъ, разсказывала разныя чудеса въ родѣ «1001-й ночи». Шабо былъ друженъ съ извѣстнымъ медикомъ (впослѣдствіи лейбъ-медикомъ), Н. Ѳ. Арендтомъ, который, кажется, былъ отчасти месмеристъ. Шабо вызвался вывѣдать чрезъ посредство своей ясновидящей, что̀ такое холера и какъ ее лечить для того, что-бы результатъ сообщить доктору. Усыпивъ свою нимфу Эгерію, Шабо предложилъ ей означенный вопросъ, и ясновидящая отвѣчала слѣдующее:

«Триста или болѣе тому лѣтъ, въ восточной Индіи два враждующія съ собою племени дали другъ другу генеральное сраженіе; съ обѣихъ сторонъ было по 100,000 или болѣе воиновъ. Сраженіе продолжалось нѣсколько дней и послѣ того на полѣ битвы осталось огромное количество убитыхъ. Труповъ никто не хоронилъ; въ тамошнемъ жаркомъ климатѣ они скоро разложились и продукты гніенія человѣческихъ тѣлъ глубоко пропитали землю. Со временемъ, на приготовленной такимъ образомъ почвѣ, выросъ большой тропическій лѣсъ и въ немъ появилась, неизвѣстная до того, порода грибовъ. Мѣстные жители употребляли ихъ въ пищу и отъ нихъ заболѣвали также неизвѣстною болѣзнью. Это была холера-морбусъ и таково ея начало. Она сперва имѣла эндемическій характеръ, а затѣмъ, климатическія условія превратили ее въ эпидемическую».

Спрошенная о средствахъ противъ болѣзни, эгерія барона Шабо сказала, что самое дѣйствительное «есть употребленіе внутрь..... продукта пищеваренія, производимаго обыкновеннымъ зайцемъ». Тутъ она подробно предписала пріемы лекарства. Все это, какъ важное для человѣчества открытіе, съ глубокою вѣрой и торжественностью было передано магнитизеромъ доктору.

Не знаю почему Арендту понадобилось легенду о холерѣ, разсказанную ясновидящею, имѣть написанною по-французски. Онъ вообще не мастеръ былъ писать и потому обратился къ моему семейству, съ которымъ онъ и его жена, парижанка, какъ и моя, были очень дружны. Онъ упросилъ молодую дочь моей жены, Софію (теперь графиню д'О***), хорошо писавшую на материнскомъ языкѣ, изложить разсказъ Шабо, говоря, быть мо-

Библиотека "Руниверс"

жетъ нарочно, что намѣренъ представить его государю. Сдѣлалъ-ли это Арендтъ, не знаю; но мнѣ извѣстно, что предписанное сомнамбулою эксцентрическое, въ фармакопеи пропущенное лекарство, онъ пробовалъ давать больнымъ и, разумѣется, безъ всякаго успѣха.

Поражаемый страшнымъ моромъ народъ, несмотря на принятыя мѣры, не переставалъ волноваться; и это при его невѣжествѣ было понятно. Но вотъ грустный фактъ: его нелѣпое убѣжденіе, что «Поляки отравляютъ», раздѣляли многіе изъ числа образованнаго и даже ученаго класса. Положеніе Поляковъ въ Петербургѣ было очень грустное: всѣ они были заподозрѣны. Они перестали бывать въ русскихъ домахъ, замѣтивъ, что иныя хозяйки, заваривая за общимъ столомъ чай, наблюдаютъ за ними и ставятъ подальше отъ нихъ сахарницу, сливки и печенья. Полякамъ небезопасно было ходить по улицамъ. Народъ зорко наблюдалъ за домами, гдѣ жилъ кто-нибудь изъ нихъ. Домъ, бывшій Мижуева, у Семеновскаго моста, гдѣ помѣщался статсъ-секретаріатъ царства и гдѣ жили министръ и почти всѣ чиновники, былъ предметомъ особеннаго надзора со стороны народной толпы; она, казалось, ждала только предлога, что-бы ворваться въ домъ и разомъ покончить съ «холерщиками». Министръ, графъ Грабовскій, запретилъ своимъ чиновникамъ показываться на улицахъ иначе какъ въ экипажѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока публикѣ не сталъ извѣстенъ результатъ дознаній, производимыхъ слѣдственною коммиссіею о лицахъ, заарестованныхъ по подозрѣнію въ отравленіи народа. Наконецъ, во всѣхъ газетахъ появилось оффиціальное извѣщеніе, что изъ 700 и болѣе задержанныхъ лицъ, ни у одного не найдено никакого ядовитаго или вреднаго вещества, и что между ними не было ни одного Поляка.

О. А. Пржецлавскій.

Примѣчаніе. Прессмъ исправить опечатку въ первыхъ главахъ этихъ «Воспоминаній»: на стр. 452, строка 9-я снизу, напечатано: «Броньскимъ»,—читай: «Боржимовскимъ».

На стр. 453, строка 19-я снизу, напеч.: «Броньскій»,—читай: «Боржимовскій». О. Ц.

Библиотека "Руниверс"

ПОСЛѢДНЯЯ ПОЛЬСКАЯ СМУТА.

Разсказы Очевидца.

1861 — 1864.

III.[1])

Намѣстничество графа Ламберта.

Угрюмо и печально встрѣтила Варшава 11-го (23) августа 1861 г. намѣстника Царства Польскаго, прибывшаго съ самыми примирительными намѣреніями и полною рѣшимостью—загладить прошедшее, поддержать людей порядка и умиротворить край кореннымъ преобразованіемъ администраціи, требовавшей существенныхъ измѣненій.

Безъ конвоя ѣхалъ намѣстникъ по опустѣлымъ улицамъ города, не возбуждая даже любопытства; потому что, по принятому руководителями крамолы правилу, встрѣчные должны были уходить подъ ворота домовъ или сворачивать въ ближайшія улицы, лишь бы только не оказывать русскимъ властямъ какого-либо вниманія; впрочемъ, это прятанье взяло начало еще во времена фельдмаршала Паскевича, требовавшаго, что-бы встрѣчные снимали шляпы и фуражки, о чемъ напоминали невнимательнымъ скакавшіе вокругъ коляски Кубанцы.[2])

Кой-гдѣ, при проѣздѣ графа Ламберта, мелькали фигуры въ чер-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 115—150; 339—356.

[2]) Въ Лазенковскомъ саду, когда на площадкѣ передъ дворцомъ играла музыка, мужчины должны были снимать шляпы при появленіи намѣстника на балконѣ дворца. Для напоминанія объ этомъ ходилъ въ рядахъ публики жандармскій полковникъ Пухало-Цивинскій, ежеминутно напоминавшій: «Panowée, dla Boga, pamętajcie o kapelussach». (Ради Бога, господа, помните о шляпахъ). По привычкѣ, онъ повторялъ эту фразу во время сна. Очев.

Библиотека "Руниверс"

номъ, одѣтыя совершенно единообразно: мужчины въ плоскихъ шляпахъ (такъ-называемые цилиндры были запрещены красными и могли подвергнуть носившаго ихъ публичному скандалу или оскорбленію) или въ черныхъ конфедераткахъ, съ бѣлыми снурками по швамъ; въ чамаркахъ, кунтушахъ и блузахъ—послѣднія были уборомъ всей молодежи; блузы подпоясывались широкими поясами изъ лакированной кожи съ стальными пряжками; панталоны, засунутые въ высокіе сапоги, были по большей части изъ полосатой матеріи чернаго съ бѣлымъ. Женщины были также въ глубокомъ траурѣ; многія носили платья съ плерезами, но кокетство красивыхъ варшавянокъ умѣло высказаться даже и въ глубокомъ траурѣ по „ойчизнѣ“. Шляпки убирались бусами изъ лавы; изъ той же массы были серьги, брошки и широкія черныя цѣпи на шеѣ и рукахъ. Цѣпи эти у щеголихъ прикрѣплялись къ браслетамъ обѣихъ рукъ, что придавало варшавянкамъ видъ невольницъ въ кандалахъ.

Магазины, столь оживляющіе городъ пестротою выставленныхъ въ окнахъ товаровъ, не смѣли помѣщать въ окнахъ ничего, кромѣ чернаго.

Было что-то мертвенное, поражающее унынiемъ, въ обстановкѣ и видѣ столь сумасшедше веселаго города, какъ Варшава, которая теперь не смѣла встрепенуться и показать знакъ жизни; вмѣсто оживленныхъ прогулокъ явились бѣшеныя манифестаціи; а танцы, музыка и пѣсни, замѣнились ревомъ патріотическихъ гимновъ, передъ профанируемыми, такимъ образомъ, статуями святыхъ: Божіей Матери и Искупителя.

Трауръ этотъ длился уже болѣе семи мѣсяцевъ послѣ торжественныхъ похоронъ „пяти жертвъ“.[1]) Варшавскій архіепископъ Фіалковскій, лицо ничтожное и безхарактерное, но выдвинутое впередъ революціонною партіею,—просилъ окружнымъ посланіемъ всѣхъ своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ, Литвѣ, Волыни, Подоліи, Познани, Галиціи надѣть трауръ по пяти павшимъ соотечественникамъ и не снимать его, пока не настанетъ день радостнаго освобожденія. Трауръ этотъ долженъ былъ „окаймить“ земли стародавней Польши и служить для всѣхъ знакомъ единоплеменности и единодушія.

Нерадостенъ былъ этотъ пріемъ, еще менѣе пріятнаго долженъ былъ встрѣтить графъ Ламбертъ при ближайшемъ ознакомленіи съ краемъ и своими помощниками и будущими сотрудниками.

---

[1]) Такъ назвали убитыхъ въ день манифестаціи 18-го (27) февраля 1861 г.; пятеро убитыхъ были: Карчевскій, Рутковскій, Брендель, Арцыхевичъ и Адамкевичъ. Авт.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ помощника, пріѣхавшаго съ графомъ Ламбертомъ въ особѣ генерала Герштенцвейга, въ замкѣ ждали намѣстника-главнокомандующаго его „помощники“ по различнымъ отраслямъ управленія краемъ и войсками; они также прежде „помогали“ князю Горчакову и Сухозанету довести край до того положенія, въ какомъ нашелъ его графъ Ламбертъ; каждое изъ этихъ лицъ имѣло свои аттрибуты, свою опредѣленную власть и кругъ дѣятельности; за экипажемъ одного скакали—два; другаго—четыре донскихъ казака; за намѣстникомъ носились кубанцы; впослѣдствіи маркизъ Велепольскій ѣздилъ съ жандармами; а между тѣмъ какое-то подпольное правительство, составленное изъ недоучившихся студентовъ и гимназистовъ, вырвало власть изъ неумѣлыхъ рукъ намѣстника и его помощниковъ; Варшава была переполнена подозрительными лицами, взявшимися Богъ знаетъ откуда и которыхъ дотолѣ никто не зналъ и не видалъ; люди эти дразнили представителей власти пѣніемъ революціонныхъ гимновъ, молебствіями, панихидами, приготовляя массы къ болѣе важному и грозному; а лица долженствовавшія поддерживать законный порядокъ, метались изъ стороны въ сторону, сваливали вину одинъ на другаго и, являясь назойливо въ замокъ, испрашивали разрѣшенія намѣстника въ каждой бездѣлицѣ, гдѣ имъ слѣдовало бы употребить въ дѣло данную власть. Въ свободное же время они грызли заочно другъ друга и охуждали дѣйствія каждаго отсутствующаго собрата.[1])

Перечислимъ для курьозу всѣ тѣ лица, на которыхъ лежала обязанность блюсти за спокойствіемъ Варшавы и края въ столь трудное и опасное время, требовавшее отъ каждаго самостоятельной дѣятельности въ кругу предписанныхъ каждому обязанностей,—дѣятельности, въ которой каждый, по долгу и присягѣ, долженъ былъ рисковать своею особою и брать на свою отвѣтственность способъ рѣ-

---

[1]) Любопытно прочесть стр. 282—297 сочиненія Н. В. Берга, что-бы убѣдиться, до какой степени оказались безсильными и несостоятельными лица, на которыхъ лежала прямая обязанность не допускать народныхъ скопищъ до замка. Храбрый изъ храбрыхъ Хрулевъ разъ ослушался приказанія кн. Горчакова и не рѣшился стрѣлять по мятежнымъ толпамъ; а 8-го апрѣля 1861 г., несмотря на отданное и распубликованное постановленіе совѣта управленія Царства Польскаго «объ употребленіи вооруженной силы, если скопище не разойдется, Хрулевъ вступилъ въ переговоры съ мятежниками и потомъ, когда въ войска стали бросать каменьями, Хрулевъ подъѣхалъ къ окну замка, гдѣ сидѣлъ намѣстникъ (и снимая съ себя всякую отвѣтственность) сказалъ:

— «Я велю стрѣлять».

Горчаковъ кивнулъ головою.....»

И это повѣствуется съ цѣлію возвысить Хрулева на счетъ Горчакова!

Авт.

Библиотека "Руниверс"

шительныхъ дѣйствій, требуемый настоящею минутою, потому что разъ упущенная минута не вознаграждалась рядомъ послѣдующихъ распоряженій. Здѣсь отъ частныхъ начальниковъ требовалось: гражданское мужество, военная находчивость и самоотверженіе.

Невольно, по этому случаю, приходитъ на память поступокъ англійскаго адмирала, героя Нельсона, во время его дѣйствій при Копенгагенѣ въ 1801 году. Англійскій флотъ, встрѣченный мѣткимъ огнемъ датскихъ береговыхъ батарей, остановился и получилъ приказаніе убирать паруса; главнокомандующій адмиралъ Гайдъ-Поркеръ подалъ сигналъ „отступленіе"; но Нельсонъ, сообразившій, что этотъ сигналъ въ настоящемъ случаѣ значилъ тоже, что „погибель", приложилъ зрительную трубку къ правому глазу (котораго лишился при атакѣ Кальви на островѣ Корсикѣ) и сказалъ окружающимъ: „Клянусь честію джентльмена, что я не вижу, но угадываю адмиральскій сигналъ", и, обратясь къ близь стоявшему мичману, прибавилъ: „удвоить огонь, нести всѣ паруса и продолжать наступленіе; прибейте гвоздями этотъ сигналъ къ мачтѣ, что-бы послѣ не произошло ошибокъ".....

И флотъ, предводимый Нельсономъ, прорвался черезъ линію непріятельскихъ судовъ, несмотря на страшный огонь.....

Въ зáмкѣ, для представленія намѣстнику, собрались:

1) Варшавскій оберъ-полиціймейстеръ съ тремя полиціймейстерами, имѣвшими подъ командою 666 нижнихъ чиновъ.

2) Варшавскій генералъ-губернаторъ съ своими многочисленными подчиненными.

3) Варшавскій комендантъ съ плацъ-маіорами и плацъ-адъютантами.

4) Начальникъ жандармскаго округа съ массою своихъ подчиненныхъ.

5) Начальникъ секретной полиціи.

6) Президентъ города, смиренно почивавшій въ своемъ семейномъ и эротическомъ кругу. У него тоже были свои надворцы, принимавшіе участіе во всѣхъ революціонныхъ манифестаціяхъ.

7) Главный директоръ коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, сосредочивавшій въ себѣ высшее управленіе Царствомъ.

8) Губернаторъ города Варшáвы и Варшавской губерніи.

9) Четыре военные начальника отдѣловъ, на которые раздѣлена была Варшава.

10) Командиръ корпуса, квартировавшаго въ Царствѣ и всѣ чины его штаба.

11) Генералъ Хрулевъ, командированный, по распоряженію воен-

Библиотека "Руниверс"

наго министра Сухозанета, на случай дѣйствія противу мятежныхъ скопищъ.

12) Генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи.

13) Начальникъ главнаго штаба съ чинами его.

14) Не одинъ десятокъ генераловъ, состоящихъ при намѣстникѣ, и директоръ его собственной канцеляріи.

Всѣ эти лица аккуратно, каждые два года, а иногда и чаще, получали награды, брали жалованье, занимали казенныя квартиры, отлично ѣли и пили; многіе имѣли своихъ, извѣстныхъ цѣлой Варшавѣ, коханокъ и были чрезвычайно важны въ мирное и спокойное время; но какъ-то съежились во время безпорядковъ. Когда дѣло шло о представительности, то каждый олицетворялъ собою визиря, воспѣтаго Вельтманомъ въ „Странникѣ“:

«Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ:
Усы въ три дюйма, и сѣда
Его въ три локтя борода. —
Янтарь въ аршинъ, чубукъ въ пять саженъ —
Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ».....

А если уличный мальчишка показывалъ языкъ этому „важному“ барину, онъ летѣлъ къ намѣстнику, и спрашивалъ разрѣшенія, какъ дѣйствовать въ этомъ, совершенно непредвидѣнномъ, случаѣ.

При представленіи намѣстнику, каждое изъ этихъ лицъ, власть имѣющихъ, рапортовало: „что все обстоитъ благополучно“. Графъ Ламбертъ хорошо зналъ, въ чемъ состоитъ это „благополучіе“.

Графъ Ламбертъ, понимая, что времени терять не слѣдуетъ, тотчасъ же раздѣлилъ все, подвѣдомственное ему, на три части и оставивъ за собою только верховное наблюденіе за двумя частями; одну лично онъ взялъ на себя, считая ее важнѣйшею и наиболѣе отвѣтственною. Именно: войска и военныя учрежденія предоставлены особой заботливости начальника главнаго штаба и его ближайшихъ помощниковъ; возстановленіе порядка и строгое преслѣдованіе его нарушителей ввѣрено Герштенцвейгу, которому, какъ варшавскому генералъ-губернатору, отданы въ полное распоряженіе чины полицейскаго и военно-полицейскаго управленій, а также войска, въ случаѣ употребленія ихъ для подавленія безпорядковъ. Себѣ предоставилъ намѣстникъ направленіе всѣхъ усилій къ общей цѣли — умиротворенія края и возстановленія уваженія къ законной власти.

Распоряженіе это увѣнчалось замѣчательнымъ успѣхомъ: въ арміи по прежнему соблюдалась строгая дисциплина, учрежденъ бдительный надзоръ за лицами польскаго происхожденія, исповѣдовавшими католическую вѣру; нѣкоторыя изъ нихъ, не внушавшія довѣрія, удалены въ

Библиотека "Руниверс"

Россію; намѣстникъ, навѣщая войска, все болѣе и болѣе пріобрѣталъ ихъ любовь и могъ вполнѣ на нихъ разсчитывать, въ случаѣ открытаго подавленія мятежа.

Попытки къ умиротворенію хотя успѣшно начались сближеніемъ Ламберта съ представителями партіи бѣлыхъ, т. е. друзей порядка и законности, которые были вполнѣ довольны льготами, дарованными имъ правительствомъ, но встрѣчали постоянное противодѣйствіе красныхъ, употреблявшихъ самыя отчаянныя усилія для того, что-бы заставить прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ и сдѣлать всякое примиреніе невозможнымъ. Вполнѣ понимая, что царскій намѣстникъ не можетъ и не долженъ отваживаться на личную борьбу съ толпою, Ламбертъ предоставилъ Герштенцвейгу именно то, что составляло его прямую обязанность, какъ генералъ-губернатора, именно: усмиреніе варшавской революціонной партіи и уничтоженіе подпольнаго правительства, угрожавшаго всѣмъ честнымъ людямъ. Герштенцвейгу даны были всѣ, необходимыя для того, средства, а его молодость и энергія ручались за успѣхъ.

Не такъ было въ дѣйствительности.

Судя по разсказамъ сторонниковъ Герштенцвейга, онъ, еще въ Петербургѣ, сталъ въ непріязненныя отношенія къ Ламберту, желая самостоятельнаго круга дѣйствій. Въ Варшавѣ (какъ уже было сказано) почти всѣ военные примкнули къ Герштенцвейгу за то, что онъ искалъ поддержки исключительно русскаго кружка; Ламбертъ же рѣшился сблизиться съ польскою партіею порядка, когда-то управлявшею всѣмъ и еще надѣявшеюся имѣть вліяніе на всю массу народонаселенія.

Но руководители этой партіи, съ Андреемъ Замойскимъ († 1874 г.) во главѣ, сами не замѣтили, что подъ ними нѣтъ почвы, что все вліяніе ихъ утратилось и цѣликомъ перешло къ краснымъ.

Но можно было совладать и съ ними, сдѣлавъ невозможнымъ притокъ революціонеровъ изъ-за границы, удаленіемъ наиболѣе ярыхъ изъ края,—энергическимъ противодѣйствіемъ малѣйшей манифестаціи, на что высшая и городская полиція имѣла всѣ средства; но она предпочитала стоять сложа руки и выпуча глаза, позволяя мальчишкамъ и праздношатающимся собираться гдѣ имъ было угодно и какъ угодно, а потомъ спѣшила вызвать войска, которыя, прибывъ иногда съ артиллеріею на мѣсто безпорядка, молча и скрестя оружіе, были свидѣтелями неистовствъ и потомъ отводились въ казармы, потому что ни одинъ изъ генераловъ нашихъ не имѣлъ въ то время рѣшимости дать хорошую острастку людямъ, еще игравшимъ въ революцію.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ попытки Ламберта, въ началѣ довольно удачныя, уничтожились апатіею тѣхъ, которые должны были подавлять возмущеніе и открывать мятежъ революціонеровъ, а всякая неудача подливала масла въ огонь, вспыхнувшій наконецъ такъ, что борьба съ нимъ показалась невозможною.

Прибывъ въ Варшаву и осмотрѣвшись, намѣстникъ ясно понялъ положеніе дѣлъ и состояніе края, и началъ дѣйствовать по „строго обдуманному плану"; онъ ясно сознавалъ, что мятежъ только что еще началъ организоваться и ничего прочнаго не было сдѣлано; что красные, своею горячностью и торопливостью возбудили вниманіе правительства и что ихъ происки и затѣи легко могли быть подавлены, если-бы за это взялись люди съ умомъ, рѣшимостью и энергіею; теперь это дѣло возложено было на молодаго, способнаго и, какъ казалось, рѣшительнаго генерала Герштенцвейга; ему даны были всѣ средства и можно было спокойно заняться мирными преобразованіями.

Для предупрежденія уличныхъ безпорядковъ прежде всего слѣдовало остановить притокъ изъ-за границы мятежнаго элемента, именно: молодежи, которая выросла за границею, не имѣя другой будущности, кромѣ мечты о возстановленіи Польши, гдѣ она могла найдти кусокъ хлѣба и какое-нибудь общественное положеніе. Правда, по дорогѣ она могла сложить голову въ неравной борьбѣ, но ей казалось лучше умереть „за ойчизну", нежели отъ голода, потому что скуденъ и горекъ былъ хлѣбъ, подаваемый чужеземцами.

Говоря о смутахъ, необходимо прежде всего сказать объ источникѣ, откуда вышли головорѣзы, изумившіе всѣхъ своею дерзостью,— именно о питомникахъ будущей революціи — польскихъ школахъ, устроенныхъ выходцами во Франціи и Италіи, гдѣ они пользовались покровительствомъ правительствъ обѣихъ странъ.

Замѣчательно, что полякъ Авейда, написавшій въ варшавской слѣдственной тюрьмѣ (подъ надзоромъ благодушнаго и добродушнаго русскаго сановника изъ генераловъ) нѣсколько тетрадей, такъ называемыхъ признаній, ни слова не говоритъ объ этихъ школахъ, тогда какъ это всего бы лучше объяснило начало и развитіе революціонныхъ идей въ Польшѣ. Не забудемъ, что „Признанія" Авейды были чѣмъ-то въ родѣ алкорана для Н. В. Берга.[1])

Школы для дѣтей польскихъ выходцевъ были учреждены въ 1842 г.

---

[1]) Авейда былъ схваченъ въ Вильнѣ и обязанъ генералу П. Л. Соболевскому тѣмъ, что спасся отъ висѣлицы; подробности этого спасенія особенно любопытны. Онѣ разскажутся въ «Русской Старинѣ» впослѣдствіи. **Авт.**

Библиотека "Руниверс"

новый и желтый цвѣта преобладали. По воскресеньямъ они прохо-Дверницкимъ [1]) и графомъ Ледуховскимъ, которые учредили двадцать стипендій въ французскомъ пансіонѣ (находившемся въ Шатильонѣ на Сенѣ, близь Парижа) для малолѣтнихъ поляковъ.

Большое число кандидатовъ побудило основателей стипендій, въ 1843 г., нанять домъ въ улицѣ Fossés P. Jacques (гдѣ теперь мерія XII парижскаго округа); тутъ помѣстилось до 30-ти воспитанниковъ. Первымъ директоромъ школы былъ Гавронскій; при немъ школа переведена на Ватиньольскій бульваръ; съ 1844 по 1845 годъ директоромъ ея былъ аббатъ Домбровскій; съ 1845 по 1846 г.—Малиновскій; съ 1846 по 1853 г.—Климашевскій (бывшій профессоръ виленскаго университета въ 1830 году); потомъ снова Малиновскій, остававшійся въ этой должности до закрытія школы.

Въ 1870 году Батиньольская школа имѣла 300 воспитанниковъ и 30 вольноприходящихъ. Школа управлялась директоромъ, у котораго былъ помощникъ, 30 профессоровъ, 1 секретарь, 1 библіотекарь; 1 библіотека состояла изъ 35,000 томовъ, въ томъ числѣ было 10,000 томовъ, пожертвованныхъ, по завѣщанію, извѣстнымъ Лелевелемъ. Домъ и имущество школы оцѣнивались въ 600,000 р. сер.—все это было пожертвовано Поляками на имя директора Голензовскаго.[2])

Правительство французское выдавало на школу 20,000 рублей серебромъ; главнымъ попечителемъ ея былъ принцъ Наполеонъ, этотъ знаменитый Плонъ-Плонъ, enfant terrible фамиліи Бонапарта. Не любя пороху и оказавшись несостоятельнымъ всюду, гдѣ являлся какъ генералъ и трибунъ народный, принцъ Плонъ-Плонъ сдѣлался жаркимъ покровителемъ Поляковъ; послѣ смерти Мицкевича онъ взялъ на себя опеку дѣтей его и сблизился съ польскою эмиграціею. По его протекціи, Хоецкій,[3]) подъ именемъ Шарля Эдмонда, получилъ мѣсто императорскаго библіотекаря при сенатѣ; наконецъ онъ же, Плонъ-Плонъ, получилъ согласіе итальянскаго правительства на учрежденіе (на его субсидіи) польской военной школы въ Генуѣ, директорами которой были Мирославскій и Высоцкій. Школа эта имѣла чисто военную организацію; она дѣлилась на плутонги (взводы); воспитанники, при общеобязательной для всѣхъ черной чамаркѣ и такихъ же панталонахъ, заткнутыхъ въ высокіе сапоги, имѣли разноцвѣтные кушаки и конфедератки, по цвѣтамъ бывшихъ польскихъ провинцій—мали-

[1]) Извѣстный польскій генералъ, одержавшій поверхность надъ нашими войсками при Сточекѣ. Авт.

[2]) Изъ этой школы вышла наибольшая часть повстанскихъ предводителей.

[3]) Плонъ-Плонъ учился у Хоецкаго польскому языку. Авт.

Библиотека "Руниверс"

дили церемоніальнымъ маршемъ по Корсо, подъ музыку королевскихъ стрѣлковъ (берсальеры).

Батиньольская школа имѣла совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Голензовскаго, котораго членами были: писатели Мицкевичъ и Залѣсскій; генералы Дверницкій, Серавскій и Хржановскій.

Кромѣ Генуэзской и Батиньольской, была еще школа, основанная въ 1846 году Адамомъ Чарторижскимъ въ Монтпарнасѣ; вся эта школа почти цѣликомъ вошла въ полкъ турецкихъ казаковъ Чайковскаго (Садык-паши), дѣйствовавшаго противу насъ въ послѣднюю восточную войну; послѣ ея окончанія, полкъ былъ распущенъ и вся эта голодная и неспособная къ работѣ молодежь осталась безъ занятія.

Надобно замѣтить, что большинство этихъ „султанскихъ казаковъ" служило подъ чужими именами; достать паспортъ для выѣзда въ Польшу было дѣломъ болѣе чѣмъ легкимъ, а переѣхать съ этимъ паспортомъ русскую границу и водвориться въ Царствѣ Польскомъ и Варшавѣ объ этомъ и говорить не стоило. Затѣмъ возвратившіеся выходцы завязали тѣсныя связи съ оставшимися за границею, и часто напроказничавшій въ Варшавѣ Лендовскій уходилъ въ Познань, Галицію или Францію и Швейцарію и являлся снова въ Варшаву подъ именемъ Косы или другимъ вымышленнымъ названіемъ; къ числу наиболѣе прославившихся псевдонимовъ принадлежалъ Гейденрейхъ въ повстаніи—Крукъ [1]) и Сераковскій—Доленга. [2]) Юношество это составило правильную организацію, раскинувшую свои вѣтви всюду гдѣ только была учащаяся молодежь. Если припомнить, что въ 1831 г., послѣ штурма Варшавы и разгонанія корпусовъ Ружицкаго и Каминскаго, вышло за границу однѣхъ польскихъ войскъ до 30 т., что у нихъ были дѣти и вообще число польскихъ выходцевъ значительно увеличилось переходомъ за границу всѣхъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ, то легко убѣдиться, что числительность старыхъ и молодыхъ польскихъ эмигрантовъ доходила до весьма значительной цифры, и всѣ они облегли нашу западную границу, прорываясь черезъ нея при каждой возможности. Большая часть выходцевъ были ярые республиканцы, разорвавшіе всякую связь съ прошедшимъ. Они называли польскую аристократическую партію гнилою, истлѣвшею, отжившею, и что партія эта своими именами напоминала позоръ и разореніе Польши. [3])

---

[1]) Крукъ—воронъ.

[2]) Удача; въ противоположность niedolenga—неудачный.

[3]) Все это было читано Мирославскимъ много лѣтъ назадъ, въ 1845 году

Библиотека "Руниверс"

Зная составъ польской эмиграціи, понятно, что главное дѣло нашей высшей полиціи въ Царствѣ Польскомъ состояло въ томъ, что-бы остановить притокъ революціоннаго элемента изъ-за границы и, наложивъ руку на тѣхъ, которые уже находились въ Польшѣ и Варшавѣ, осилить начинавшееся возстаніе и разомъ прекратить уличные безпорядки.

Высшая исполнительная полиція наша не приняла никакихъ мѣръ для того, что-бы остановить наплывъ выходцевъ изъ-за границы; въ краѣ же, вмѣсто того, что-бы предупреждать безпорядки, полиція являлась тогда, когда они совершились, гоняясь до того, по пословицѣ „за мухой съ обухомъ".

Графъ Ламбертъ настойчиво и энергически повелъ взятое имъ на себя дѣло и какъ ни стараются умалить его заслуги, онѣ были велики и вполнѣ отвѣчали монаршему довѣрію. Ламбертъ рѣшился открыть выборы, разсчитывая, что въ число избранныхъ войдетъ большинство умѣренныхъ, а потомъ, пользуясь этимъ большинствомъ, намѣстникъ надѣялся измѣнить впослѣдствіи самый составъ выбранныхъ, замѣнивъ сомнительныхъ людей людьми преданными правительству, или, проще говоря, чиновниками.

Вполнѣ сознавая вліяніе литературы на общественное мнѣніе, Ламбертъ пригласилъ къ себѣ редакторовъ повременныхъ изданій и объяснилъ имъ привѣтливо и ласково, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо и съ достоинствомъ, тѣ надежды, которыя онъ возлагаетъ на ихъ истинный патріотизмъ и дарованіе; точно также члены бывшей делегаціи: Кронебергъ, Шленперъ, Халубинскій, Вышинскій, получили приглашеніе бывать въ замкѣ, и тамъ, въ интимной бесѣдѣ, обсуждались средства для успѣха будущихъ выборовъ; при чемъ намѣстникъ очаровывалъ всѣхъ своею доступностью, уваженіемъ къ чужому мнѣнію и рѣдкою проницательностію, а въ особенности своимъ вѣрнымъ взглядомъ на современное положеніе дѣлъ.

Умѣренные понимали красныхъ и боялись ихъ; бѣлымъ хотѣлось только воспользоваться дарованными краю льготами и отвязаться отъ патріотовъ, желавшихъ низвергнуть все; въ томъ числѣ сословіе магнатовъ, крупныхъ капиталистовъ и собственниковъ, кололо глаза возвратившимся выходцамъ, которые въ душѣ были отчаянные коммунисты.

Дѣятельность закипѣла въ обоихъ лагеряхъ: бѣлые намѣревались рѣшительно перейти на сторону правительства, забывавшаго и про-

---

воспитанникамъ, посѣщавшимъ его лекціи о кампаніи 1831 года, замѣчательныя въ военномъ отношеніи. Авт.

Библиотека "Руниверс"

шавшаго все при искреннемъ раскаяніи, краснымъ, и во главѣ ихъ Мирославскому, нужно было удержать за собою временно пріобрѣтенную поверхность и сдѣлать предполагаемое примиреніе невозможнымъ; вслѣдствіе этого одновременно учредились въ первой половинѣ сентября 1861 г. два съѣзда: Гамбургскій—за границею, подъ предсѣдательствомъ секретаря Мирославскаго — Куржины, и Варшавскій — изъ значительнаго числа помѣщиковъ, избравшихъ въ члены делегаціи Леопольда Кронеберга, Александра Курца, Адама Гольца, Ѳаддея Эйдзятовича и Карла Маевскаго. Изъ состава этой делегаціи видно, что капиталисты и собственники одержали здѣсь верхъ и составляли большинство. Делегація, побуждаемая намѣстникомъ, рѣшила открыть выборы 7-го (19-го) сентября; Мирославскій же далъ знать красной партіи, что-бы она билась до послѣдняго издыханія, мѣшая, по возможности, осуществленію реформъ.

Такая постановка вопроса и выясненіе его въ столь короткое время дѣлаетъ честь тонкости, проницательности и правительственному такту Ламберта; по началу дѣла можно было судить о его скоромъ и благополучномъ исходѣ, если только „помощники“ намѣстника будутъ дружно, единодушно и разумно помогать ему.

7-го (19) сентября 1861 г. начались выборы и продолжались безъ малѣйшаго замедленія, несмотря на безчисленныя манифестаціи, противъ которыхъ полиція не брала рѣшительно никакихъ мѣръ. Ламбертъ ждалъ, что будетъ дѣлать Герштенцвейгъ, а послѣдній и окружавшая его военная партія (да, къ несчастію это была партія, отшатнувшаяся отъ намѣстника), истощались въ осужденіи его дѣйствій и за сближеніе съ Поляками, а сами не дѣлали рѣшительно ничего для прекращенія манифестацій, а если и вмѣшивались, то было еще хуже. Такъ, наканунѣ выборовъ, красные разбили кандитерскую Веделя, на Медовой улицѣ; потомъ перчаточный магазинъ Островскаго, на Новомъ Свѣтѣ, и булочную Бортца,— на Маршалковской улицѣ,— всѣ эти пункты находятся въ самыхъ людныхъ частяхъ Варшавы и почти въ равномъ разстояніи отъ ратуши, гдѣ помѣщалась полиція съ оберъ-полиціймейстеромъ, отъ Брюлевскаго дворца, гдѣ жилъ генералъ-губернаторъ; магазинъ же Островскаго былъ неподалеку комендантскаго управленія; но тамъ никто не пошевелился, даже изъ любопытныхъ.

На Маршалковскую улицу, къ булочной Бортца, прилетѣлъ начальникъ одного изъ варшавскихъ военныхъ округовъ, бывшій личный адъютантъ Сухозанета 2, а потомъ севастопольскій генералъ Шейдеманъ; туда-же были направлены войска и даже артиллерія. Шейдеманъ ничего не предпринималъ противъ грабившей толпы, а

Библиотека "Руниверс"

только кричалъ, что ему руки связаны, и докричался до того, что ему подали изъ толпы стаканъ воды и попросили успокоиться.

Манифестаціи и молебствія за „дѣло ойчизны" шли одно за другимъ, при чемъ молельщиками и молельщицами являлись небывалыя общества ремесленниковъ и промышленниковъ; въ числѣ упомянутыхъ г. Бергомъ сорока трехъ обществъ и артелей, служившихъ молебны и панихиды по 13-е (25) сентября, не сказано ни слова о курьезномъ „обществѣ повивальныхъ бабокъ", сдѣлавшихся также набожными и заказавшими отъ себя молебенъ; не упомянуто также объ особомъ видѣ манифестаціи, состоявшей въ томъ, что на деревьяхъ или фонарныхъ столбахъ развѣшивались фотографическія карточки лицъ нелюбимыхъ красными и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ „здройцовъ" (т. е. измѣнниковъ). Нитка, за которую привязывались карточки, продѣвалась около шеи, такъ что фигура представлялась какъ бы повѣшенною.

Но всѣ эти мольбы, сопровождаемыя завываніемъ патріотическихъ гимновъ, не останавливали успѣшнаго хода выборовъ; тогда революціонеры рѣшились отвлечь вниманіе правительства отъ Варшавы, устроивъ громадную манифестацію гдѣ-нибудь въ отдаленномъ углу Польши, а въ Варшавѣ вызвать правительство на какую-нибудь крайнюю мѣру, послѣ которой выборы становились невозможными.

Подобною манифестаціею на окраинѣ Польши былъ съѣздъ въ мѣстечкѣ Городло,[1]) установленный королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, въ память соединенія Литвы съ Польшею. Городельскій съѣздъ, подобно бывшей прежде манифестаціи въ Алексотахъ (предмѣстье Ковно), долженъ былъ послужить символомъ соединенія и единомыслія революціонеровъ въ областяхъ давней Польши. Въ Алексотахъ крамольники Литвы братались съ „коронярами"; [2]) а въ Городлѣ — революціонеры варшавскіе протягивали руку братства единомышленникамъ своимъ въ Волыни, Украйнѣ и Подоліи.

Намѣстникъ, зорко слѣдившій за всѣмъ, 14-го (26-го) сентября (т. е за восемь дней до начала манифестаціи) 1861 г. приказалъ начальнику главнаго штаба увѣдомить начальника люблинскаго воевнаго отдѣла—генералъ-лейтенанта Хрущева о готовящемся съѣздѣ и просилъ его пріѣхать лично въ Городло, въ день назначеннаго съѣзда и даже раньше, если онъ признаетъ свое присутствіе тамъ необходимымъ. „Весьма желательно было бы (писалъ начальникъ главнаго

---

[1]) Городло — мѣстечко надъ Бугомъ, Люблинской губерніи, Грубешовскаго уѣзда.

[2]) Такъ называютъ себя жители Царства Польскаго. Авт.

Библиотека "Руниверс"

штаба) разсѣять толпы одними уговорами и увѣщаніями, но если это окажется невозможнымъ, въ такомъ случаѣ разрѣшается прибѣгнуть къ силѣ оружія".[1])

Кажется все было ясно; но Хрущевъ 23-го сентября спрашивалъ разъясненія, и графъ Ламбертъ растолковалъ ему, что значитъ „употребить силу оружія", но, избѣгая напраснаго кровопролитія, совѣтовалъ разгонять процессіи кавалеріею, дѣйствуя съ фланговъ и тыла процессіи, не сталкиваясь при этомъ съ ксендзами и женщинами.

Въ концѣ концовъ было совершенно ясно, что намѣстникъ требовалъ не допустить процессіи до Городло и непремѣнно разогнать ихъ, при чемъ указывался и лучшій для того способъ.

Хрущевъ, одинъ изъ блистательнѣйшихъ героевъ севастопольскихъ, „получивъ такую бумагу, естественно растерялся" [1])... Несмотря на то, что имъ было собрано около Городло 8 ротъ пѣхоты, 8 орудій, 6 эскадроновъ кавалеріи и 130 казаковъ, главная процессія, въ числѣ 10,000 человѣкъ, съ хоругвями, крестами и народными знаменами, не только не была разсѣяна, но торжественно приблизилась къ Городло и, съ разрѣшенія генерала Хрущева, послала за алтаремъ (который и привезли подъ эскортомъ казаковъ), установила его, окружила 54, воткнутыми въ землю, народными знаменами, совершила молебствіе, говорила патріотическія рѣчи и, составивъ актъ, несмотря на пѣхоту, кавалерію, казаковъ и артиллерію, благополучно и спокойно возвратилась домой.

Другая процессія, собравшаяся въ Устилугѣ, безнаказанно сдѣлала то-же самое.

Такъ исполнялись приказанія намѣстника и главнокомандующаго. Подъ Городло повторилось то-же, что было передъ замкомъ въ Варшавѣ: герои, спокойно обрекавшіе себя на гибель въ дѣйствительномъ бою, не рѣшились дѣйствовать строго противу мятежной толпы силою оружія; а другихъ способовъ для противодѣйствія они не знали, и потому, вопреки извѣстной басни, крысамъ и мышамъ удалось привязать звонокъ на шею великодушнаго кота, гладившаго ихъ при этой операціи.

Удача крамольниковъ при Городло дала краснымъ увѣренность попытать свои силы въ Варшавѣ и они исполнили это на похоронахъ безцвѣтнаго и жалкаго Фіалковскаго, котораго они же сами называли kozlem ofiarnym rewolucij (козломъ отпущенія революціи).

Вся цѣль красныхъ состояла, какъ было сказано, въ томъ, что-бы помѣшать благимъ намѣреніямъ намѣстника—замедлить выборы и ра-

[1]) Бергъ, стр. 252 и 354

Библиотека "Руниверс"

зорвать уже начинавшуюся связь между народомъ и правительствомъ, начинавшую приносить благіе плоды.

Пять дней послѣ смерти Фіалковскаго до похоронъ его употреблены были на разсылку воззваній и приглашеній; недавній успѣхъ Городельскаго съѣзда одушевлялъ вожаковъ, ходившихъ съ поднятыми головами и безъ зазрѣнія сталкивавшихъ съ троттуаровъ даже военныхъ. Русскія исполнительныя власти считали мятежъ неодолимымъ и смиренно склонили предъ нимъ головы. Русскія женщины и дѣти носили глубокій трауръ и даже одно лицо, снискавшее себѣ впослѣдствіи печальную извѣстность жестокостями при допросахъ, нарядило своихъ дѣтей — мальчиковъ въ чамарки и конфедератки. Еще не падалъ духомъ храбрый Хрулевъ, но совѣты его нельзя было назвать истекавшими изъ государственной мудрости; онъ неустрашимо ходилъ по улицамъ, когда другіе прятались, прислушивался къ народному говору, хотя и не вполнѣ понималъ его, и, являясь въ средѣ русской военной семьи, громко говорилъ, что пора перестать церемониться съ Поляками и необходимо развязать руки представителямъ русскихъ властей; но руки были давно развязаны, а ими только отмахивались и то, когда мухи садились прямо на носъ.

Больно и тяжко сознаться, что соперничество Герштенцвейга къ Ламберту, а также ничтожество и безхарактерность его ближайшихъ помощниковъ при столкновеніи ихъ съ революціонною партіею, повторявшіяся ежеминутно, остановили все уже сдѣланное Ламбертомъ, и, наконецъ, принудили его стать лицомъ къ лицу съ мятежниками, что, конечно, не могло соотвѣтствовать его видамъ и намѣреніямъ.

Похороны Фіалковскаго, по желанію руководителей мятежа, послѣдовали черезъ пять дней послѣ его смерти. Настоитъ вопросъ, почему полицейская власть допустила этотъ долгій срокъ, и не настояла на томъ, что-бы враждебный правительству Фіалковскій былъ похороненъ на третій день? Тогда не поспѣли бы въ Варшаву представители городовъ, мѣстечекъ и деревень, принявшіе участіе въ погребальной процессіи, и вся эта кукольная комедія кончилась бы полнѣйшимъ фіаско.

Программа похоронъ духовнаго лица установлена церковными уставами; полиціи слѣдовало наблюдать за точностію того, что предписывается церковью. Вмѣсто этого генералъ-губернаторъ приступилъ къ „сочиненію“ программы. Узнавъ о томъ, духовенство предложило свою программу. Намѣстникъ, убѣжденный, что подобная программа болѣе соотвѣтствуетъ церковнымъ положеніямъ, разрѣшилъ послѣднюю, но выразилъ при этомъ желаніе, что-бы составленный городомъ церемоніалъ былъ предварительно сообщенъ генералъ-губернатору для

Библиотека "Руниверс"

просмотра и подписи. Герштенцвейгъ прочелъ представленный ему церемоніалъ и подписалъ его.

Такимъ образомъ все было въ порядкѣ: приличный церемоніалъ составленъ людьми свѣдущими, представленъ намѣстнику, просмотрѣнъ и утвержденъ генералъ-губернаторомъ; оставалось строго наблюдать за его исполненіемъ, именно: нужно было (какъ водится всюду въ подобныхъ случаяхъ, даже и въ спокойное время) возбранить столпленіе народа въ улицахъ, по которымъ проходила процессія, устроить цѣпь изъ полицейскихъ и жандармовъ съ резервами отъ пѣхотныхъ войскъ по всему пути слѣдованія и зорко слѣдить за выступленіемъ процессіи съ мѣста по опредѣленной программѣ, для чего каждый полицейскій долженъ былъ имѣть ее.

Вполнѣ надѣясь на это, намѣстникъ, для примиренія партій, хотѣлъ самъ принять участіе въ погребальной процессіи, для чего на дворѣ замка были приготовлены верховыя лошади и самъ онъ надѣлъ-было мундиръ.

Но представитель царской власти остановился и содрогнулся при видѣ дерзости манифестаторовъ и безсилія той исполнительной власти, на которую было возложено наблюденіе за точнымъ исполненіемъ программы погребенія.

Прежде всего исчезла полиція — ее замѣнили какими-то народовыми констеблями, самовольно всѣмъ распоряжавшимися. Похороны высшаго духовнаго лица въ Царствѣ Польскомъ приняли видъ балаганнаго шествія, скопированнаго съ похоронъ „пяти жертвъ“, съ позднѣйшими прибавками и затѣями; такъ, ученики реальной гимназіи, вмѣсто того, что-бы быть на лекціяхъ, несли на палкѣ таблицу съ гербами Литвы и Польши; студенты медико-хирургической академіи (переставшіе совсѣмъ посѣщать лекціи) окружали знамя съ польскимъ бѣлымъ орломъ и трехцвѣтными лентами; за ними, послѣ школы художественной и земледѣльческаго училища въ Моримонтѣ, шествовалъ нелюбимый и Русскими, и Поляками, „ученикъ Паганини“, директоръ варшавской консерваторіи, Аполлинарій Контскій, съ своимъ геніальнымъ хохломъ, мефистофелевскою профилью и висками à la pigeon.[1]) Этотъ Контскій, принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ манифестаціяхъ, сдѣлался нынѣ жаркимъ русскимъ патріотомъ, усернымъ чиновникомъ и суровымъ начальникомъ относительно подчинен-

[1]) Паганини умеръ 27-го мая 1840 г.; Контскому теперь около 40 лѣтъ и потому онъ былъ слишкомъ юнъ, что-бы учиться у Паганини. Авт.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ ему профессоровъ [1])... Не правда-ли, что пріятно видѣть, какъ люди, перегорѣвшіе въ страстяхъ, становятся людьми порядка.....

Нѣтъ надобности перечислять безобразныхъ прибавленій къ программѣ похоронъ: всюду виднѣлись польскіе орлы, какія-то картонныя короны Литвы и Польши, и наконецъ, все это завершалось процессіею „Поляковъ еврейшскаго вѣроиспповѣданія", какъ называли себя тогда варшавскіе жиды.

Спросимъ: какъ могла варшавская полиція и главный ея начальникъ генералъ-губернаторъ дозволить кому-бы то ни было профанировать одинъ изъ священнѣйшихъ обрядовъ церкви—отданіе послѣдняго долга усопшему собрату, который въ то же время былъ главою католической церкви въ краѣ?

Все это полукарнавальное, полудуховное шествіе, въ которомъ кресты мѣшались съ повстанскими знаменами, образа —съ несомыми на палкахъ гербами Литвы и Польши, статуи святыхъ—съ картонными коронами и наконецъ, католическое духовенство—съ жидовскими раввинами и кантарами, а уличники и лобузы [2]) съ сановниками и сенаторами прослѣдовало передъ окнами замка, гдѣ „съ биноклями" размѣстились русскія власти. Намѣстникъ, по деликатности, молчалъ, мѣнялся въ лицѣ и горько улыбался, какъ-бы спрашивая: ваше-ли тутъ мѣсто, господа?... Всѣ остальные только значительно переглядывались.

Если-бы въ это время появилась на балконѣ замка тѣнь Паскевича, этого „настоящаго фельдмаршала", какъ звали и зовутъ его Поляки, съ его кудрявою львиною головою и молніеноснымъ взглядомъ, это появленіе, какъ голова Медузы, окаменило бы и своихъ, и чужихъ.

Не станемъ повторять дальнѣйшихъ безобразій, именно: патріотическихъ рѣчей, произнесенныхъ на другой день въ костелѣ св. Яна епископомъ Декертомъ и каноникомъ Ржевусскимъ; великолѣпнаго обѣда для крестьянъ и помѣщиковъ въ Европейской гостинницѣ (гдѣ также говорились революціонныя рѣчи); торжественнаго провода крестьянъ во свояси; все это превосходитъ вѣроятіе, какъ по дерзости манифестаторовъ, такъ и по бездѣйствію тѣхъ, которые должны были ихъ образумить во имя закона.

Въ томъ же 1861 г. въ Берлинѣ, вслѣдствіе демократическихъ внушеній, взбунтовалось 4,000 рабочихъ на заводѣ Борзига. Ихъ усми-

---

[1]) Въ Варшавѣ говорили и даже писали, будто-бы причиною смерти Монюшко была какая-то непріятность его по консерваторіи. **Авт.**

[2]) Праздношатающіеся.

Библиотека "Руниверс"

рилъ префектъ берлинской полиціи, вызвавшій для того вблизи квартирующій полкъ императора Александра I, и когда, впослѣдствіи, какой-то русскій путешественникъ выразилъ удивленіе, что бунтъ окончился такъ скоро, несмотря на то, что заводъ Борзига, состоящій изъ каменныхъ зданій, представлялъ всѣ средства для сопротивленія, префектъ, улыбаясь, отвѣчалъ: „Помилуйте, развѣ намъ ежедневно не приходится въ разныхъ углахъ Берлина разнимать и усмирять не одинъ десятокъ дракъ однѣми полицейскими мѣрами. Въ настоящемъ случаѣ было дѣло по серьезнѣе: мои старики полицейскіе не могли сладить съ буянами; тогда я вытребовалъ два баталіона пѣхоты и пустилъ ихъ въ дѣло; бунтовщики порядочно побарахтались; но у насъ вѣдь не шутятъ. Пришлось брать штурмомъ два флигеля, при чемъ одинъ загорѣлся; нѣсколько сумасшедшихъ головъ поплатились за свою попытку; но все кончилось къ утру и я могъ, по чистой совѣсти, отрапортовать, что „все обстоитъ благополучно“.

„Его величество король прислалъ мнѣ за это орденъ Краснаго Орла 2-й степени и тѣмъ наградилъ выше заслугъ. Я только исполнилъ свой долгъ, какъ полицейскій начальникъ города“.

Говорившій такъ просто и дѣйствовавшій такъ энергично, префектъ не имѣлъ даже генеральской формы и былъ скромный гражданскій чиновникъ. Не даромъ подобную храбрость и распорядительность называютъ: „гражданскою храбростію“, дѣйствующею не по приказанію, а по обстоятельствамъ и сознанію важности дѣла, которое требуетъ мгновенной рѣшимости и полнаго самоотверженія.

Мы не любимъ нѣмцевъ, но нельзя не сознаться, что одинъ нѣмецъ, подобный префекту берлинскому, находясь въ Варшавѣ въ описываемую эпоху, стоилъ бы многихъ нашихъ генераловъ, чудо небогатырей, совершенно растерявшихся.

Намѣстникъ послѣ этого событія нашелся вынужденнымъ лично принять на себя водвореніе порядка въ Варшавѣ, указавъ своимъ помощникамъ на ихъ прямыя обязанности, и 14-го октября 1861 г. объявилъ Варшаву въ военномъ положеніи.

Кажется, что графа Ламберта нельзя было упрекнуть въ нерѣшимости и недостаткѣ энергіи.

Съ объявленіемъ военнаго положенія, всѣ власти имѣли право дѣйствовать самостоятельно; принимать всѣ мѣры противу безпорядковъ; преслѣдовать неотступно главныхъ зачинщиковъ; воспрещать все, что могло бы подать поводъ къ стачкамъ и подговорамъ; брать подъ арестъ праздношатающихся и людей подозрительныхъ, а въ случаѣ сопротивленія, употреблять оружіе.

„Сверхъ того, отдѣльнымъ приказомъ полиціи, объявлены всѣ

Библиотека "Руниверс"

шинки, баваріи, сады Саксонскій и Красинскій закрытыми, впредь до особаго распоряженія. Извощикамъ предписывалось: останавливаться мгновенно по требованію полицейскихъ чиновъ, кого бы они ни везли. Студентамъ запрещалось, безъ особенной надобности, выходить на улицу. Болѣе трехъ человѣкъ не должны были нигдѣ сходиться и разговаривать".

Для удостовѣренія, что правила осаднаго положенія будутъ строго и съ точностію исполняться, войска заняли назначенные пункты. Мятежники поняли, что настаетъ конецъ ихъ необузданности „и струсили всѣ" [1]) жители Варшавы.

Руководители мятежа успѣли, однако, изучить нашихъ варшавскихъ сторожиловъ, долженствовавшихъ наблюдать за исполненіемъ осаднаго положенія; знали они ихъ сибаритство, отнимающее, какъ извѣстно, у человѣка всю энергію и мужество; знали они также варшавскую полицію и потому 15-го октября 1861 г., когда должно было начинаться дѣйствіе осаднаго положенія, мятежники рѣшились на послѣдній шагъ, именно: 15-го октября они вознамѣрились отпраздновать годовщину смерти Костюшки.

15-го октября, въ 11 часовъ утра, агитаторы, пользуясь тѣмъ, что варшавская полиція, ея начальники и всѣ начальствующіе генералы еще нѣжились въ пуховикахъ, набравъ многочисленныя толпы, ворвались въ костелы: Свенто-Янскій (соборный), Бернардинскій и Свенто-Кржисскій. Замѣтимъ, что первые два костела находятся шагахъ въ 200 разстоянія отъ замка, гдѣ на площади стояли въ готовности пѣшія и конныя войска и толпилась масса полицейскихъ, и тогда можно судить о степени дѣятельности варшавской полиціи, которая, на другой день объявленія военнаго положенія, прибыла на мѣсто послѣднею; такъ что въ соборъ св. Яна не только успѣли принести портретъ Костюшки, но поставить его на катафалкѣ вмѣсто портрета Фіалковскаго.

Такимъ образомъ, вопреки объявленнаго военнаго положенія, запрещавшаго сходку трехъ человѣкъ и всякую остановку на улицахъ, костелы наполнились народомъ, затянувшимъ свои революціонные гимны; намѣстнику было „по порядку" объ этомъ доложено, и опять испрашивались разрѣшенія: какъ „дѣйствовать?..." Многотерпѣливый графъ Ламбертъ отвѣтилъ: „Въ точности слѣдовать постановленію, выданному особо на случай сборищъ въ костелахъ, т. е. окружать костелы, гдѣ поются гимны, войсками, и когда служба кончится и народъ начнетъ выходить, арестовать всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, не

[1]) Бергъ, стр. 367.

Библиотека "Руниверс"

трогая женщинъ и дѣтей". Въ постановленіи же добавлено, что при арестѣ, „если можно, присутствуетъ одинъ изъ полиціймейстеровъ; во всякомъ-же случаѣ долженъ быть циркуловый коммиссаръ".

Снова повторимъ: кажется ясно объявлены правила военнаго положенія; дополнены особымъ постановленіемъ; приказано въ точности слѣдовать этому постановленію. Теперь бы и дѣйствовать: „руки развязаны"; но встрѣчается новое обстоятельство: служба кончилась и никто не выходитъ изъ костеловъ; такъ проходитъ цѣлый день и наступаетъ ночь, и снова (говоря словами историка) „собираются въ замкѣ всѣ высшіе и гражданскіе чины, не безъ страха прислушивающіеся къ роковой тишинѣ". У этихъ чиновъ въ карманахъ, безъ сомнѣнія, были полусырые экземпляры только что полученнаго военнаго положенія, ясно указывавшаго ихъ обязанности, а между тѣмъ они, пугаясь собственной тѣни, „не безъ страха" прислушиваются къ тишинѣ, почему-то кажущейся имъ „роковою", и если не поютъ, какъ хоры въ „Праотцахъ"—Мицкевича:

«Глухо всюду, темно всюду,
«Что-то будетъ, что-то будетъ?»

то, безъ сомнѣнія, потому, что со страха всѣ они спали съ голоса.

И снова начинаются разсужденія о томъ, что дѣлать съ народомъ, не выходящимъ изъ костеловъ?... Въ этотъ день графъ Ламбертъ почувствовалъ припадки своего страшнаго недуга—кровохарканія. И нельзя не сказать, что все, выстраданное имъ въ теченіе одного мѣсяца, надломило бы и сильнѣйшую организацію, а тутъ нужно было еще страдать, при полномъ безучастіи и злорадствѣ окружающихъ.

Все, послѣдовавшее за тѣмъ, имѣло какой-то простодушно-фамильярный характеръ, несмотря на грозныя переживаемыя минуты; въ замкѣ учредилось нѣчто въ родѣ раута: сюда приходили съ улицы потолковать; уходили спать домой, опять возвращались или спокойно оставались дома въ постеляхъ; потомъ внезапно вскакивали и дѣлали одинъ промахъ за другимъ.

Несмотря на позднюю ночь, пренія въ замкѣ продолжались; около полуночи, Герштенцвейгъ, „чувствуя чрезмѣрную усталость", уѣхалъ въ Брюлевскій дворецъ, „оставивъ Ламберта на жертву его безхарактерности".[1])

Такъ говоритъ поклонникъ Герштенцвейга; спросимъ однако: осмѣлился-ли бы, при князѣ Паскевичѣ, варшавскій генералъ-губернаторъ уѣхать домой для отдыха, не окончивъ возложеннаго на него порученія?... Мѣсто Герштенцвейга было не въ замкѣ, не на постели

[1]) Бергъ, стр. 369.

Библиотека "Руниверс"

Брюлевскаго дворца, а на площади и на улицахъ, для главнаго надзора за дѣйствіями подчиненныхъ ему лицъ и войскъ. — Допустивъ даже, что Ламбертъ былъ „безхарактеренъ", то долгъ присяги и важность настоящаго часа требовали, что-бы Герштенцвейгъ былъ вѣрною поддержкою намѣстника.

Но въ то грустное время „смѣшались шашки"; [1]) епископъ Декертъ осмѣлился ходатайствовать у намѣстника о томъ, что-бы выпустить народъ изъ костеловъ, и когда въ этомъ было отказано, то революціонеры прибѣгли къ угрозѣ: поднять все народонаселеніе Варшавы. Они распустили объ этомъ слухи, начали собирать въ различныхъ частяхъ города толпы и дѣйствовали такъ искусно, что слухи приняли видъ истины, и въ этомъ-то видѣ они дошли до Хрулева, который и далъ послѣдній толчокъ этому несчастно-начатому и несчастно-продолжаемому дѣлу. Онъ явился, въ первомъ часу ночи, въ замокъ; выставилъ настоящую минуту весьма опасною, грозилъ страшнымъ кровопролитіемъ и успѣлъ склонить намѣстника на согласіе „послать въ окруженные войсками костелы офицеровъ съ невооруженными командами солдатъ, которые предложатъ народу выйти; если этого не послѣдуетъ — ввести вооруженныя команды и всѣхъ арестовать".

Понятенъ пылъ Хрулева—у него чесались руки на мятежниковъ; но какъ могли одобрить эту мѣру высшіе чины, собравшіеся въ замкѣ, склонившіе на то и намѣстника; было всего естественнѣе усилить патрули и разъѣзды въ городѣ; разгонять формирующіяся скопища (въ чемъ однако не оказалось надобности), предоставивъ добровольно осудившимъ себя на арестъ въ костелахъ, сидѣть сколько имъ угодно и потомъ арестовать выходящихъ; а что заключенники уже теряли терпѣніе служитъ доказательствомъ уходъ ихъ изъ Свенто-Кржисскаго костела. Когда прибывшія команды растворили двери, костелъ былъ пустъ.

У бернардиновъ дѣло не обошлось безъ сопротивленія; войска заняли костелъ, арестовали всѣхъ мужчинъ и отвели ихъ въ замокъ, хотя и странно казалось устраивать тюрьму во дворцѣ царскаго намѣстника.

Въ Свентоянскій костелъ, для арестовъ, вмѣсто полиціймейстера или циркуловаго явился около 4-хъ часовъ пополуночи самъ генералъ-губернаторъ ... Зачѣмъ, для чего? Это была его тайна. Здѣсь аресты сопровождались звономъ въ церковный колоколъ. Отъ 2 до 3-хъ часовъ происходили они и арестованныхъ отвели въ цитадель.

---

[1]) Денисъ Давыдовъ въ извѣстной пѣснѣ.

Библиотека "Руниверс"

Окончивъ арестаціи, генералъ-губернаторъ не счелъ нужнымъ отрапортовать о томъ намѣстнику, и отправился снова къ себѣ отдохнуть; не то было въ замкѣ: тамъ, оставленный всѣми своими помощниками, „разстроенный, больной, почти не смыкавшій глазъ цѣлыхъ трое сутокъ сряду“ намѣстникъ, долженъ былъ вызвать администратора Бялобржесскаго, у котораго грозно потребовалъ отчета, кто далъ ему право закрыть, 16-го октября, костелы и прекратить въ нихъ служеніе? Озабочиваясь затѣмъ судьбою арестованныхъ въ цитадели, онъ приказалъ произвести имъ сортировку. Дѣло это поручено предсѣдателю слѣдственной коммиссіи и коменданту цитадели, у которыхъ перебывали виновные въ учрежденіи манифестацій, а потому были хорошо извѣстны Левшину и Ермолову, и въ дѣйствительности тѣ повели дѣло такъ успѣшно, что къ 11-ти часамъ утра большая часть арестованныхъ была освобождена. Все, добровольно претерпѣнное, было для нихъ хорошимъ урокомъ.

Въ то время, когда намѣстникъ выбивался изъ силъ въ лихорадочной дѣятельности, „помощникъ“ его отдохнулъ; принялъ въ 9 часовъ утра обычный рапортъ отъ коменданта князя Бебутова; приказалъ ему съѣздить въ цитадель и взглянуть на арестантовъ, а также озаботиться, что-бы у нихъ было все необходимое; принялъ еще нѣсколько лицъ и отправился въ замокъ, куда прибылъ въ 12 часовъ, т. е. въ полдень, узнавъ на дорогѣ объ освобожденіи большей части арестованныхъ въ Свенто-Кржисскомъ костелѣ.

Сопоставивъ это неторопливое явленіе генералъ-губернатора намѣстнику, зная горячность Ламберта, самолюбіе и вспыльчивость Герштенцвейга, понятно, что долженъ былъ произойдти между ними взрывъ по поводу совершившагося. Хотя разговоръ этотъ происходилъ наединѣ, но хвалители Герштенцвейга положительно говорятъ, что онъ высказалъ намѣстнику неудовольствіе за крайнюю безхарактерность его распоряженій.

Кто зналъ Ламберта, тотъ скажетъ, что онъ всюду былъ на мѣстѣ, и заставлялъ каждаго уважать себя и власть, ему ввѣренную.

Наоборотъ, Ламбертъ долженъ былъ высказать и, безъ сомнѣнія, высказалъ многое:

Онъ отдалъ въ руки Герштенцвейга всю исполнительную власть въ Варшавѣ, а власть эта бездѣйствовала.

Онъ возложилъ на Герштенцвейга (по его званію) прекращеніе уличныхъ безпорядковъ, а они производились постоянно.

Онъ обнародовалъ военное положеніе, котораго даже не прочитала варшавская полиція, блиставшая повсюду своимъ отсутствіемъ.

Наконецъ, 15-го октября Герштенцвейгъ не былъ на своемъ посту;

Библиотека "Руниверс"

вмѣшательство его въ аресты не выходившихъ изъ Свенто-Янскаго костела, оказалось неумѣстнымъ и сильно повредило дѣлу, наконецъ онъ уѣхалъ отдыхать, не доложивъ намѣстнику о своихъ распоряженіяхъ и оставивъ до 3,000 арестованныхъ безъ рѣшенія ихъ участи.

Повторяемъ однако, что при объясненіи Ламберта съ Герштенцвейгомъ никого не было; сами они объ этомъ никому не говорили и потому всякія предположенія были бы неумѣстны; еще менѣе можно вѣрить о выходѣ на американскую дуэль Ламберта съ Герштенцвейгомъ, хотя объ этомъ г. Бергъ говоритъ, какъ о неоспоримомъ фактѣ... Слухи и сплетни не могутъ входить въ исторію. Кто знаетъ, не пришла-ли мысль о самоубійствѣ Герштенцвейгу при воспоминаніи о трагической смерти отца.[1])

Не отвергая возможности дуэли должно рѣшительно возстать противу принятія слуховъ за истину.

Такъ прошло 16-е октября 1861 г.

Герштенцвейгъ, по возвращеніи домой, приказалъ, послѣ скучнаго обѣда, никого не принимать; по разрывѣ съ Ламбертомъ и послѣ вчерашняго происшествія, Герштенцвейгъ видѣлъ, что ему въ Варшавѣ оставаться нельзя, а возвращеніе въ Петербургъ было-бы для него почти смертельнымъ ударомъ... И долго думалъ онъ, пока въ головѣ созрѣла наконецъ мысль о самоубійствѣ; а между тѣмъ тяжело было умирать, имѣя прелестную любящую жену и дѣтей!... Князь Бебутовъ, явившійся въ Брюловскій дворецъ вечеромъ, заглядывалъ въ замочную скважину, пріотворялъ дверь, но Герштенцвейгъ лежалъ неподвижно на софѣ, лицомъ къ стѣнѣ.

17-го октября 1861 г., утромъ, Герштенцвейгъ выстрѣлилъ два раза изъ револьвера себѣ въ голову и съ этими ранами пострадалъ девятнадцать дней. Графъ Ламбертъ, какъ разсказывалъ послѣ одинъ изъ приближенныхъ къ нему людей (бывшій при немъ въ Варшавѣ и посѣщавшій его на островѣ Мадерѣ) брился, сидя въ спальнѣ, когда вбѣжавшій адъютантъ объявилъ ему объ этомъ страшномъ происшествіи: бритва выпала у него изъ рукъ, онъ страшно поблѣднѣлъ и опрокинулся въ кресло, какъ бы въ минутномъ обморокѣ, по-

---

[1]) На квартирѣ Герштенцвейга, когда онъ жилъ на Моховой улицѣ, въ Петербургѣ, въ 1849 г., находился въ кабинетѣ, въ особомъ ковчегѣ, прострѣленный мундиръ старика Герштенцвейга, который застрѣлился вслѣдствіе выговора, полученнаго изъ Петербурга за вступленіе въ Молдавію въ 1848 г.

Авт.

Библиотека "Руниверс"

томъ вскочилъ, поспѣшно одѣлся и въ девятомъ часу утра навѣстилъ умирающаго. [1])

Послѣднею вспышкою, угасавшаго отъ тяжкой болѣзни, Ламберта были мѣры строгости противу агитаторовъ и ихъ пособниковъ. Никому не было пощады; взяты всѣ сколько-нибудь подозрительныя личности; коммиссаръ 10 циркула Дзержановскій приговоренъ къ разстрѣлянію, но спасся благодаря „энергическому заступничеству“ Хрулева, вѣроятно для того, что-бы спокойно владѣть своими огромными и доходными домами на Трембацкой улицѣ, въ Варшавѣ. Съ купцовъ, закрывшихъ магазины въ день годовщины Костюшки, взятъ штрафъ по 100 рублей серебромъ съ каждаго... Еще разъ русская власть дала себя почувствовать; но ея представитель-намѣстникъ изнемогъ физически и морально. Едва живой и харкавшій кровью, онъ просилъ объ увольненіи и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простясь, съ тѣмъ, что-бы болѣе не возвращаться на родину.

Съ кѣмъ ему было разставаться, кого жалѣть? Русская колонія въ Варшавѣ, какъ была, такъ и осталась въ своемъ паразитномъ составѣ... Не досчитывались двухъ людей головы и сердца, но вѣдь ихъ собственно и не нужно было тогдашней варшавской русской колоніи; она, слава Богу, здравствовала въ тѣ злополучные годы и безъ такихъ людей.

Въ Варшаву снова ad interium явился Сухозанетъ, вызванный изъ Дрездена; впрочемъ, это была лебединая пѣсня стараго аракчеевца.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очевидецъ.

---

[1]) У г. Берга (стр. 379) это свиданіе описано слѣдующимъ образомъ: «Въ девятомъ часу пріѣхалъ Ламбертъ и, желая говорить съ больнымъ наединѣ, далъ знакъ адъютанту, что-бы онъ вышелъ; но тотъ объяснилъ, что безъ приказанія своего генерала сдѣлать этого не можетъ.—«Прикажите», сказалъ Ламбертъ. Герштенцвейгъ, повидимому неохотно, далъ знакъ ...»

Кажется адъютантъ послѣ гордился этою дерзостью, какъ подвигомъ.

Авт.

Библиотека "Руниверс"

Графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ въ селѣ Циглеровкѣ.

1840 — 1843.

Авторъ разсказовъ: „Послѣдняя польская смута", говоря о бывшемъ намѣстникѣ Царства Польскаго, графѣ К. К. Ламбертѣ, удѣляетъ страницу очерку военной дѣятельности отца намѣстника — графа Карла Осиповича Ламберта („Русская Старина", т. XI, 1874 г., стр. 342). Очерчивая свѣтлыми штрихами боевой обликъ славнаго генерала, которому воздаетъ должное даже Вигель, жолчно, огуломъ хулившій всѣхъ и вся въ своихъ запискахъ,—Очевидецъ говоритъ, что графъ Ламбертъ скончался въ іюлѣ 1843 года, окруженный общимъ уваженіемъ.

Сочувственный отзывъ очевидца о старомъ графѣ Ламбертѣ въ высшей степени справедливъ.

Послѣднее время своей жизни графъ провелъ въ селѣ Циглеровкѣ (близъ гор. Константинограда, Полтавской губерніи). Здѣсь онъ умеръ и похороненъ.

Циглеровка и въ настоящее время и въ началѣ сороковыхъ годовъ представляла и представляетъ обыкновенную малорусскую деревню съ захолустно-будничною физіономіей. Низкія хатенки, узкія улицы, кривые переулки, отсутствіе растительности за выключеніемъ гонкихъ бурьяновъ—вотъ чѣмъ рекомендуетъ себя съ наружной стороны Циглеровка. Только казовой конецъ села нѣсколько скрашиваетъ общее впечатлѣніе: церковь довольно изящной архитектуры, господскій домъ съ многочисленными службами и вѣковымъ паркомъ, волостное правленіе, лавка, производящая торговлю чаемъ, купно съ дегтемъ, все это, сгруппированное на небольшомъ пространствѣ, нѣсколько оживляетъ сонный видъ села.[1])

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Циглеровка принадлежала брату К. О. Ламберта, графу Якову Осиповичу Ламберту. Графъ Карлъ Осиповичъ поселился у брата своего въ 1840 году и съумѣлъ оставить

---

[1]) О Циглеровкѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, писалъ г. Орельскій въ брошюрѣ своей: «Поѣздка изъ Петербурга въ Малороссію». М. П. Погодинъ, въ письмѣ своемъ отъ 6-го января 1873 года къ пишущему эти строки, освѣдомлялся у него не отъ имени-ли извѣстнаго полковника Циклера, покушавшагося на жизнь Петра I, происходитъ названіе Циглеровки. По наведеннымъ справкамъ, оказалось, что Циглеровка возникла не раньше сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. И. П.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь самыя сердечныя воспоминанія въ средѣ селянъ, бывшихъ крѣпостныхъ его брата. По разсказамъ стариковъ-крестьянъ, покойный „военный графъ“ отличался доступностью, необычною привѣтливостью и обходительностью съ ними,—качество помѣщика не изъ заурядныхъ, особенно въ разгарѣ господства крѣпостнаго права. „Добрячій бувъ панъ, то і говорить; нехай (пусть) надъ нимъ земля перомъ лежить“. Такое благожеланіе покойному высказывается крестьянами за-просто. Гуманное отношеніе графа къ обезличенному „крепатствомъ“ люду выражалось не только словомъ, но и дѣломъ. Къ графу нерѣдко обращались крестьяне съ просьбами о денежномъ пособіи, и онъ удовлетворялъ ихъ. Не успѣетъ бывало,—разсказываютъ крестьяне,—графъ выдти лѣтомъ въ садъ, смотри нашъ братъ уже и выходитъ изъ-за куста. Графъ выслушаетъ его, воротится въ комнату и, давъ что-нибудь изъ денегъ просителю, отпуститъ его, приговаривая: „иди, что-бъ тебя никто не видѣлъ“. Статьи хозяйства, на которыя крестьяне испрашивали себѣ пособія, вслѣдствіе незнакомства графа съ малорусскою рѣчью, вели иногда къ довольно курьезнымъ сценамъ. У одного крестьянина пала лошадь. Онъ проситъ у графа десять или двѣнадцать рублей на серебро,—сумма въ то время довольно объемистая для крѣпостнаго. Графъ освѣдомляется—на что крестьянину надобны эти деньги. „Купить шкапу (лошаденку), в—е с—во„.—„Я дамъ денегъ; но на что тебѣ шкапъ, ты купи себѣ лучше сундукъ“.—„Та мені не треба сундука, а треба шкапу“. Графъ принялся убѣждать крестьянина, что ему удобнѣе имѣть сундукъ, а тотъ настаивалъ въ необходимости имѣть „шкапу“. Послѣ почти получасовыхъ преній недоразумѣніе какъ-то выяснилось.

Въ доказательство некичливости и доступности графа къ крестьянамъ существуетъ слѣдующій разсказъ. Разъ, когда графъ отправился на прогулку пѣшкомъ, за селомъ встрѣтился ему крестьянинъ, везшій съ поля снопы. Въ телѣгѣ у него перервалась веревка, которою прикрѣпляется сверху сноповъ прессъ, такъ называемый рубель (небольшое бревно). Крестьянинъ никакъ не могъ соединить разорванныхъ частей веревки, — что свяжетъ, опять разойдутся. Графъ, издали еще подмѣтившій безпроизводительность занятій неумѣлаго хлѣбороба, подошелъ къ нему и, скрѣпивъ веревку мертвымъ узломъ, сказалъ, что теперь можетъ онъ ѣхать спокойно.

Въ одну дождливую весну графу пришлось быть въ Полтавѣ. Экипажъ графа плылъ по улицѣ въ пучинѣ грязи. Графу было необходимо послать по дорогѣ слугу въ одинъ домъ. Послѣдній, выполняя порученіе, замарался въ грязь по-поясъ. По пріѣздѣ домой, графъ объяснилъ слугѣ, что онъ не посылалъ бы его безъ надобно-

Библиотека "Руниверс"

сти въ грязь, вручилъ депозитку изъ крупныхъ и сдѣлалъ новое платье и обувь не въ зачетъ.

Добыть довѣріе, поселить симпатію къ себѣ въ сермяжникѣ человѣку высшаго класса дѣло не легкое. Тѣмъ болѣе требовалось доброты и истинно свѣтлыхъ нравственныхъ качествъ помѣщику, что-бы о немъ вспоминали, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ его смерти, не иначе, какъ съ чувствомъ глубочайшей признательности. И эти вспоминающіе—бывшіе „крепаки". Авторъ статьи, по поводу которой является настоящая замѣтка, говоритъ, что „память стараго графа, его доброта и отеческая привѣтливость къ подчиненнымъ долго жили въ рядахъ русскаго войска". Память о добротѣ графа живетъ и понынѣ въ глухомъ селѣ.

Въ заключеніе исправляемъ погрѣшность автора статьи, вызвавшей нашу замѣтку, о мѣсяцѣ кончины графа Ламберта. Какъ видно изъ метрическаго акта о смерти графа, который выписываемъ изъ архива циглеровской церкви, онъ скончался мѣсяцемъ раньше: „Генералъ отъ кавалеріи, разныхъ орденовъ кавалеръ, графъ Карлъ Іосифовъ Ламбертъ 30-го мая, въ 10 часовъ, жизнь скончалъ; іюня 2-го числа тѣло землѣ предано. Умеръ изнуреніемъ (sic) пуль и старостію".

Иванъ Павловскій.

Село Циглеровка.

Генералы Герштенцвейги.

(Дополнительная замѣтка).

Бывшій старшій адъютантъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба его величества, Михаилъ Золотаревъ, въ замѣткѣ („Рус. Стар.", т. XI, стр. 339—357) силится защитить двухъ своихъ бывшихъ начальниковъ: Герштенцвейга—отца и Герштенцвейга—сына, противу нѣсколькихъ моихъ правдивыхъ указаній на ихъ дѣятельность; при этомъ г. Золотаревъ утверждаетъ, что эти указанія несправедливы.

Съ своей стороны положительно скажу, что статья г. Золотарева грѣшитъ совершеннымъ отсутствіемъ истины и знанія того, что онъ взялся защищать. Вотъ тому доказательства.

Очевидецъ назвалъ стараго Герштенцвейга „Аракчеевцемъ" и назвалъ на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему сослуживцами Герштенцвейга съ 1807 года, когда онъ былъ произведенъ въ подпоручики армейской артиллеріи, и до назначенія его командиромъ своднаго кавалерійскаго корпуса, въ 1835 году. Такого яраго поборника

Библиотека "Руниверс"

прежней системы обращенія съ солдатами (а кто не помнитъ какого рода было это обращеніе!) даже тогда снискать было трудно: въ особенности онъ прославился въ этомъ отношеніи, командуя гвардейскою артиллерійскою бригадою съ 1816 по 1830 годъ въ Варшавѣ. Въ послѣдніе годы жизни, командуя корпусомъ, Герштенцвейгъ—отецъ дѣйствительно сдѣлался мягче; но еще въ 1845 году (за три года до смерти), на маневрахъ въ Елисаветградѣ, будучи оттѣсненъ съ своимъ отрядомъ въ уголъ между рѣками Ингуломъ и Сугаклеею и отрѣзанъ отъ пути отступленія, онъ обругалъ своего оберъ-квартирмейстера, стараго полковника генеральнаго штаба (исправлявшаго должность начальника отряднаго штаба) и грозилъ сейчасъ-же разстрѣлять его и закопать въ землю. Полковникъ тутъ-же упалъ съ лошади отъ нервическаго припадка.

Что-же касается до знанія старикомъ Герштенцвейгомъ службы и его личной храбрости, то противу этого я ничего и не говорилъ.

Насколько вѣрны сужденія г. М. Золотарева о Герштенцвейгѣ — сынѣ можно судить по слѣдующему.

Говоря о кавалерійской академіи, г. Золотаревъ заявляетъ, что вопросъ о ней возникъ въ 1856 году „тотчасъ послѣ окончанія тяжелой Восточной войны". Неправда.—Вопросъ о кавалерійской академіи былъ возбужденъ до войны, именно въ 1852 году, бывшимъ командиромъ Тверскаго драгунскаго полка, а впослѣдствіи директоромъ Александровскаго лицея — генералъ-лейтенантомъ Броневскимъ. Тогдашнія событія, а потомъ война, привели въ забвеніе проектъ Броневскаго, но онъ былъ поднятъ И. П. Оффенбергомъ, который, вмѣсто кавалерійской академіи въ Петербургѣ, предложилъ кавалерійское училище въ Елисаветградѣ; программы для училища были приняты тѣ-же самыя, какія представилъ Броневскій при своемъ проектѣ объ академіи.

Переходимъ къ проекту положенія для юнкерскихъ школъ, который былъ лично доложенъ г. Золотаревымъ генералу Герштенцвейгу „ровно семнадцать разъ". Доказательствомъ того, какъ основательны были эти доклады, служатъ слѣдующія слова г. Золотарева о проектѣ, выработанномъ въ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Ридигера и высочайше утвержденномъ 1-го мая 1856 года. Этотъ проектъ долженъ былъ служить основаніемъ для дальнѣйшихъ работъ; а онъ и не былъ вовсе извѣстенъ г. Золотареву, что можно судить по слѣдующему:

„Здѣсь замѣчу", говоритъ г. Золотаревъ (представлявшій „семнадцать разъ" докладъ о юнкерскихъ школахъ), „что проектъ, составленный въ комитетѣ, въ которомъ, по словамъ Очевидца, участвовалъ

Библиотека "Руниверс"

графъ Карлъ Ламбертъ, отличался своей неполнотою, вслѣдствіе малаго изученія вопроса. Помнится, что на основаніи этого проекта въ школахъ полагалось имѣть 1,500 юнкеровъ и до 500 учителей, наставниковъ и наблюдателей, т. е. на трехъ обучающихся—одного наставника. Подобной несообразности не могъ допустить бывшій дежурный генералъ".

Г. Золотаревъ обязанъ былъ, какъ дѣлопроизводитель и докладчикъ, знать составъ комитета, выработавшаго положеніе о юнкерскихъ школахъ. Предсѣдателемъ комитета былъ графъ О. В. Ридигеръ, главнокомандующій гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами; членами: министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ; начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ; дежурный генералъ А. А. Катенинъ; графъ К. К. Ламбертъ и Д. А. Милютинъ. Нѣтъ надобности говорить, что каждый изъ этихъ лицъ имѣлъ необходимую опытность и отличался совершенно отчетливымъ изученіемъ вопроса.

Цифровыя данныя, приводимыя г. Золотаревымъ изъ отчета, котораго онъ не читалъ, есть чистая и при томъ забавная выдумка, хотя нѣсколько и извиняемая словомъ „помнится"... На дѣлѣ же было такъ: на основаніи точныхъ данныхъ, сообщенныхъ дежурнымъ генераломъ, средняя ежегодная цифра для комплектованія арміи офицерами была 2,335 человѣкъ; въ это число поступало изъ военно-учебныхъ заведеній 500 человѣкъ; а потому общая цифра всего числа производимыхъ изъ юнкеровъ простиралась до 2,000 человѣкъ. Они раздѣлялись на роты, въ которыхъ было четыре офицера, а на каждый классъ въ 30—35 человѣкъ по одному преподавателю на каждый предметъ. Подобная школа была устроена, по разрѣшенію генерала А. И. Лидерса, при 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ уже въ 1856 г.

Не убѣдитъ-ли это, что проектъ, составленный комитетомъ и высочайше утвержденный, лежалъ подъ сукномъ до тѣхъ поръ, пока послѣ Герштенцвейга былъ переработанъ и приведенъ въ исполненіе съ тою полнотою и въ тѣхъ размѣрахъ, которые поставили юнкерскія школы въ положеніе, вполнѣ соотвѣтствующее потребностямъ и достоинству русской арміи.

Маниловщина и самовосхваленіе, подъ видомъ защиты другихъ, всегда производятъ непріятное впечатлѣніе; въ историческихъ же вопросахъ онѣ положительно не должны быть терпимы.

Очевидецъ.

Библиотека "Руниверс"

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ДРЕЗДЕНѢ

въ 1698, 1711 и 1712 гг.

Въ новѣйшемъ выпускѣ историческаго журнала „Archiv für sächsische Geschichte", издаваемаго директоромъ главнаго государственнаго архива въ Дрезденѣ, Карломъ Веберомъ (Leipzig, Verlag von Bernhard Tauchnitz, Leipzig. 1873 г., томъ XI, стр. 337—351), помѣщено довольно подробное и основанное исключительно на архивномъ матеріалѣ, описаніе пребыванія Петра Великаго въ Саксоніи въ 1698, 1711 и 1712 годахъ. Заимствуемъ изъ этой статьи слѣдующія данныя, заслуживающія тѣмъ болѣе вниманія, что даже въ сочиненіи Устрялова о пребываніи Петра въ Саксоніи, въ 1698 году, встрѣчаются лишь весьма немногія данныя.

I.

Во время пребыванія Петра I-го въ Голландіи, весною 1698 года, русскій посланникъ въ Варшавѣ, Никитинъ, извѣстилъ короля Августа II о предстоящемъ проѣздѣ царя чрезъ Саксонію и просилъ оказать покровительство гофъ-юнкеру, проѣзжавшему изъ Москвы къ царю съ значительною суммою денегъ. Король поручилъ намѣстнику князю фонъ-Фюрстенбергу принять надлежащія мѣры для встрѣчи русскаго посольства, въ свитѣ котораго долженъ былъ находиться самъ царь,[1]) при чемъ было сказано, что хотя царь и соблюдаетъ инкогнито, все-таки слѣдуетъ его встрѣтить съ тѣми формами, которыя соблюдаются въ отношеніи къ столь знатнымъ государямъ.[2])

[1]) Unter welchen des Czars Liebden sich in eigner Person mit befinden soll.

[2]) Und ihnen alle Ehre und Entretien gegeben werden soll, wie einem solchen grossen Herrn, als der Czar ist, obwohl er incognito, allenthalben gebühret. **А. В.**

Библиотека "Руниверс"

Члены тайнаго совѣта въ Дрезденѣ обратились къ королю, находившемуся тогда въ Варшавѣ, съ просьбою снабдить ихъ для встрѣчи царя болѣе подробною инструкціею и, между прочимъ, спросили, можно-ли будетъ, въ случаѣ желанія Петра, осмотрѣть знаменитую крѣпость Кенигштейнъ, показать ему оную. Король отвѣчалъ утвердительно. Къ тому же, саксонское правительство обратилось къ прусскому за справками о церемоніалѣ и этикетѣ, соблюденномъ въ Берлинѣ по случаю пребыванія московскаго посольства въ этомъ городѣ.

Изъ Гаги тайный совѣтникъ Бозе писалъ въ Дрезденъ, 24-го мая 1698 года, о желаніи Петра путешествовать инкогнито при проѣздѣ чрезъ Саксонію, о предпочтеніи, даваемомъ имъ обыкновенно людямъ скромнаго сословія и о его отвращеніи къ лишнимъ формальностямъ.

Какъ видно изъ „юрнала“, напечатаннаго въ III томѣ сочиненія Устрялова (стр. 610), Русскіе пріѣхали въ Лейпцигъ вечеромъ 30-го мая. Посланники остановились въ гостинницѣ Раппольда и отклонили предложеніе занять помѣщеніе въ зданіи казначейства, „потому что довольны своею квартирою и не желаютъ особеннаго стеченія народа“. Нѣкоторымъ сановникамъ было поручено торжественно встрѣтить царя, однако всѣ подобныя церемоніи были отмѣнены вслѣдствіе письма Лефорта о строгомъ соблюденіи инкогнито Петра. Сначала хотѣли помѣстить Петра въ гостинницѣ „Das Wälsche Haus“, но, опасаясь, что цѣны въ этой гостинницѣ будутъ слишкомъ высокими, тайные совѣтники назначили квартирою для царя домъ Амелунга. Пробывъ въ Лейпцигѣ ночь и день, царь ночью выѣхалъ изъ Лейпцига, и 1-го іюня 1698 г., въ 11 часовъ вечера, пріѣхалъ въ Дрезденъ.

Въ сочиненіи Устрялова (томъ III, стр. 120) сказано: „Въ Лейпцигѣ царь встрѣченъ былъ пушечной пальбою и съ удовольствіемъ провелъ цѣлый день“. Однако, изъ замѣчанія въ „юрналѣ“: „Были здѣсь и веселились довольно. Изъ пушекъ стрѣляли“, нельзя заключить, что царь „былъ встрѣченъ въ Лейпцигѣ пушечною пальбою“, а скорѣе, что во время пребыванія Петра въ Лейпцигѣ, на другой день послѣ пріѣзда онъ забавлялся артиллерійскими упражненіями.[1])

---

[1]) Изъ словъ у Вебера: «Zur Empfangnahme des Czaren wurde der Oberjägermeister von Erdmannsdorf, der Trabantenhauptmann Freihers von Reichenberg und der Kammerherr Graf von Callenberg bestellt, die eine ausführliche Instruction erhielten, die sich aber erledigte, da ein Schreiben Leforts die Absicht des Czaren das strengste Incognito zu beobachten entschieden wiederholte»,— кажется можно заключить, что если и была пушечная пальба, то она относилась не къ прибытію царя, а къ прибытію московскихъ посланниковъ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

До пріѣзда въ столицу Саксоніи Петръ просилъ не встрѣчать его пушечною пальбою и, для лучшаго соблюденія, инкогнито при въѣздѣ въ городъ сидѣлъ въ четвертой каретѣ. Онъ былъ одѣтъ въ испанскій камзолъ, въ узкое исподнее платье и въ голландскіе башмаки; при выходѣ изъ кареты онъ старался спрятать свое лицо за черною шапочкою. Его помѣстили въ хоромахъ умершей 9-го сентября 1696 г. супруги курфирста Іоганна Георга IV, Элеоноры Эрдмуты. Петръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что нѣкоторыя лица увидѣли его на пути къ назначеннымъ ему комнатамъ, требовалъ, что-бы никто на него не смотрѣлъ и грозилъ, въ случаѣ неисполненія его требованія, немедленнымъ отъѣздомъ. Баронъ Рейхенбергъ съ трудомъ успокоилъ и уговорилъ его поужинать. Послѣ ужина царь согласился принять намѣстника Фюрстенберга, которому изъявилъ желаніе тотчасъ же, въ 1-мъ часу пополуночи, видѣть кунсткамеру. Онъ дѣйствительно отправился туда и остался тамъ до утра, осматривая особенно тщательно математическіе инструменты и ремесленныя орудія. Было устроено такъ, что-бы на пути въ кунсткамеру и обратно въ комнаты, занимаемыя царемъ, никто не могъ встрѣтиться съ нимъ.

2-го іюня 1698 г., утромъ, Фюрстенбергъ былъ у царя; у него затѣмъ обѣдали, кромѣ Фюрстенберга и Рейхенберга, шесть Русскихъ, при чемъ Петръ занялъ мѣсто не во главѣ стола; была музыка. Фюрстенбергъ, хотя и въ тотъ день чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, считалъ своимъ долгомъ пить по возможности больше. Послѣ обѣда Петръ отправился въ цейггаузъ, а на пути туда, между прочимъ, видѣлся съ знаменитою графинею Кенигсмаркъ. Въ цейггаузѣ Петръ удивилъ всѣхъ своими точными свѣдѣніями о пушкахъ, замѣчалъ малѣйшіе недостатки различныхъ, показываемыхъ ему, орудій и объяснялъ причины такихъ недостатковъ. Затѣмъ онъ, весьма довольный посѣщеніемъ цейггауза, отправился къ матери курфирста, Аннѣ-Софіи, у которой онъ засталъ курфирстину Пфальцскую и двухлѣтняго кронпринца Фридриха-Августа. Въ ихъ обществѣ Петръ находился не болѣе четверти часа, былъ очень веселъ, лобызалъ маленькаго принца и сидѣлъ между курфирстинами. Побывавъ послѣ этого еще разъ къ кунсткамерѣ, царь отправился ужинать къ князю Фюрстенбергу, гдѣ, вслѣдствіе выраженнаго имъ желанія, его ожидали дамы, между которыми была прекрасная графиня Кенигсмаркъ, ея сестра графиня Левенгауптъ и другія. Ужинъ былъ веселымъ и шумнымъ. Петръ, развеселившись, взялъ у одного изъ барабанщиковъ барабанъ и барабанилъ такъ искусно, что своимъ искусствомъ даже превзошелъ настоящихъ барабанщиковъ. Пили очень много и каждый тостъ, по требованію Петра, сопровождался пушечными вы-

Библиотека "Руниверс"

стрѣлами, такъ что это веселье, продолжавшееся до 3-хъ часовъ утра, вѣроятно нарушило нѣсколько покой жителей столицы.

3-го іюня 1698 г. князь Фюрстенбергъ опять обѣдалъ у царя при шумѣ и трескѣ трубъ, литавръ и барабановъ; затѣмъ Петръ смотрѣлъ изъ окна на военныя упражненія кадетъ, отправился потомъ въ литейный домъ [1]) и въ кунсткамеру, прокатился по городу въ каретѣ Фюрстенберга и, наконецъ, опять ужиналъ вмѣстѣ съ компаніею предъидущаго дня, при чемъ опять мастерски съигралъ соло на барабанѣ и до утра участвовалъ въ танцахъ. Такъ какъ ужинъ и балъ происходили въ саду, то собралась многочисленная публика, что-бы посмотрѣть на царя.[2]) Прямо съ бала Петръ, въ каретѣ, въ которой для него была приготовлена постель, поѣхалъ въ Кенигштейнъ, куда прибылъ въ 8 часовъ утра, но оставался погруженнымъ въ сонъ въ каретѣ до 11-го часа. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ крѣпость и арсеналъ, просилъ выстрѣлить изъ крѣпости гранатами, отвѣдывалъ изъ единственной по величинѣ бочки вино, обѣдалъ и въ 6 часовъ вечера поѣхалъ далѣе въ Прагъ.[3])

Фюрстенбергъ писалъ къ королю: „я благодарю Бога, что все кончилось благополучно, ибо опасался, что не вполнѣ можно будетъ угодить этому немного странному господину“.[4]) Также и генералъ-маіоръ Іорданъ писалъ къ королю, что царь былъ очень доволенъ угощеніемъ, но что онъ очень радъ, что дорогой гость уѣхалъ.[5])

Ожидали царя въ Фрейбургъ, гдѣ хоромы въ замкѣ были приготовлены для него, но Петръ на этотъ разъ туда не поѣхалъ.

II.

Во второй разъ Петръ былъ въ Дрезденѣ въ 1711 году, послѣ Прутскаго похода, на пути въ Карлсбадъ. Онъ туда пріѣхалъ 20-го сентября 1711 года. И въ этотъ разъ короля Августа II не было въ Саксоніи. Царь на пути въ Дрезденъ заболѣлъ коликою, ѣздилъ весьма

---

[1]) У Вебера «Giesshaus», въ журналѣ сказано «Десятникъ ходилъ въ обалаторіумъ». Устрялова, т. III, 610. А. В.

[2]) Въ журналѣ: «ввечеру отсель (изъ Дрездена) поѣхали, и отъѣхавъ съ версту, были на королевскомъ дворѣ, и кушали, и веселились довольно. И поѣхали передъ свѣтомъ». А. Б.

[3]) См. описаніе мѣстоположенія Кенигштейна, колодца и громадной бочки въ журналѣ у Устрялова, т. III, 610 и 611. А. В.

[4]) «Indem allhier nichts anders gewünscht, als dass mit diesem sehr heiklichen Herrn ich keinen Anstoss haben mögen. А. В.

[5]) «Ich meines Orts bin froh, dass man einen so kostbaren Gast bald wieder los worden». А. В.

Библиотека "Руниверс"

медленно и съ остановками. По его желанію не было торжественныхъ встрѣчъ; въ особенности же царь не желалъ пушечной пальбы. Графъ Фицтумъ-фонъ-Экштетъ, знакомый Петру со времени своего пребыванія въ Россіи въ качествѣ саксонскаго посланника, пригласилъ его занять хоромы во дворцѣ короля, однако Петръ предпочелъ помѣститься въ гостинницѣ „Zum goldnen Ring“, находившейся въ центрѣ города.[1])

Вечеромъ 9-го (20) сентября 1711 г. царь ужиналъ у Фицтума; утромъ 10-го (21) сентября Петръ охотился съ Фицтумомъ на такъ называемой „Ostrawiese“ въ окрестностяхъ города, при чемъ убилъ оленя. Осмотрѣвъ затѣмъ стеклянный заводъ и отобѣдавъ, царь поѣхалъ въ оранжерею, и у крѣпости особенно забавлялся находившеюся тамъ круглою качелью съ каруселемъ,[2]) приведенною, по желанію громко хохотавшаго царя, въ столь быстрое движеніе, что нѣкоторые спутники Петра свалились съ этой качели. Затѣмъ Петръ осмотрѣлъ кунсткамеру, цейггаузъ и большой садъ, гдѣ опять веселился на качели. Вечеромъ былъ ужинъ и балъ у Фицтума.

11-го (22) сентября 1711 г., рано утромъ, Петръ посѣтилъ токаря Крюгера, у котораго заказалъ нѣкоторые предметы, а также придворнаго часоваго мастера Фихтнера. Въ 9 часовъ уже онъ, въ сопровожденіи Фицтума, поѣхалъ въ Фрейбургъ, гдѣ тщательно осмотрѣлъ горные заводы и слушалъ музыку рудокоповъ, какъ разсказано въ такъ называемомъ журналѣ Петра Великаго, изданномъ кн. Щербатовымъ,[3]) а послѣ этого отправился въ Карлсбадъ.

При отъѣздѣ изъ Дрездена случился слѣдующій эпизодъ, о которомъ доносилъ обер-гофмаршалъ Пфлугъ саксонскому правительству. Петръ взялъ съ собою изъ гостинницы нѣсколько простынь или одѣялъ (Bettücher) и хотѣлъ было украсть въ свой багажъ собственноручно зеленыя шелковыя занавѣсы, присланныя вѣроятно саксонскимъ дворомъ въ гостинницу для украшенія комнатъ Петра, но встрѣтилъ сопротивленіе со стороны одного служителя, протестовавшаго противъ этого дѣйствія.

---

[1]) Эта гостинница, въ настоящее время «Hôtel de l'Europe» у т. н. Altmarkt'a, не разъ въ тѣ времена была посѣщаема Русскими. Въ сентябрѣ 1599 г. тамъ жилъ посланникъ Аѳонасій Ивановичъ Власьевъ, которому было поручено дѣйствовать въ пользу заключенія наступательнаго союза противъ Порты. Расходы содержанія московскаго посольства въ Дрезденѣ, суммою 800 рублей, были тогда заплачены саксонскимъ правительствомъ. Въ маѣ 1600 года тамъ остановилось другое русское посольство; въ 1673 г. — также. См. замѣтку у Вебера, стр. 344. А. Б.

[2]) «Oben auf der Festung befindlichen Drehe» (Caroussel).

[3]) Нѣмецкое изданіе, стр. 494. А. Б.

Библиотека "Руниверс"

На обратномъ пути изъ Карлсбада Петръ, 18-го октября 1711 года, опять посѣтилъ столицу Саксоніи и опять остановился въ гостинницѣ „Zum goldnen Ring“, гдѣ его любимымъ мѣстопребываніемъ была комната дворника,[1]) въ которой онъ и завтракалъ. 19-го октября онъ посѣтилъ помѣщеніе игры въ мячь, гдѣ участвовалъ въ игрѣ; пороховую мельницу и фабрику писчей бумаги, въ которой онъ собственноручно сформировалъ нѣсколько листовъ бумаги.[2]) 20-го октября Петръ былъ въ ризницѣ дворцовой церкви; послѣ обѣда ѣздилъ верхомъ, осмотрѣлъ дворецъ и такъ-называемый „Kuffenhaus“, въ которомъ особенно любовался моделью корабля. 21-го октября 1711 г. онъ, между прочимъ, осмотрѣлъ коллекцію минераловъ каммергера графа Лесгеванга (Lesgewang). 22-го октября 1711 г. онъ былъ въ шлифовальной мельницѣ и еще разъ на фабрикѣ писчей бумаги выказалъ мастерство при дѣланіи бумаги. Послѣ обѣда царь посѣтилъ великолѣпный домъ придворнаго брилліантщика Динглингера (Dinglinger); затѣмъ присутствовалъ въ церкви при крестинахъ, а потомъ былъ у извѣстнаго въ то время придворнаго математика и механика Андрея Гертнера, славившагося многими замысловатыми механическими изобрѣтеніями. Тамъ онъ оставался три часа, испыталъ вновь изобрѣтенную машину, при помощи которой можно было спускаться и подыматься изъ одного этажа въ другой; купилъ деревянное зажигательное зеркало и подарилъ Гертнеру нѣсколько соболей, при чемъ выразилъ желаніе, что-бы Гертнеръ заказалъ для себя изъ этихъ соболей теплую обувь на зиму. Вечеромъ Петръ былъ въ манежѣ, гдѣ для него устроено было конное представленіе въ видѣ турнира или каруселя.

29-го октября 1711 г., утромъ, Петръ водою поѣхалъ въ Торгау, гдѣ отпраздновалъ свадьбу царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлоттою-Христиною-Софіею Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою. Оттуда же онъ отправился въ Россію.

III.

Въ 1712-мъ году Петръ опять поѣхалъ въ Карлсбадъ и на пути туда, 16-го октября, былъ въ Лейпцигѣ; на обратномъ пути изъ

---

[1]) «Hausknechtozimmer im Parterre im Hofe». А. В.

[2]) Уже въ 1697 году въ Голландіи Петръ при подобномъ случаѣ обнаружилъ изумительную ловкость. Въ Сардамѣ, на бумажной мельницѣ, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. (Устряловъ, т. III, 64). А. В.

Библиотека "Руниверс"

Карлсбада онъ, 16-го ноября, на суднѣ пріѣхалъ въ Кенигштейнъ, гдѣ былъ встрѣченъ нѣкоторыми сановниками, между которыми находился и вышеупомянутый графъ Лесгевангъ. Хотя Петръ и предварительно выразилъ желаніе, что-бы при встрѣчѣ его не было особеннаго церемоніала, пушечной пальбы и пр., онъ, приближаясь къ крѣпости, шутя сказалъ графу Лесгевангу: „Господинъ адмиралъ, дайте залпъ“, вслѣдствіе чего на суднѣ три раза выстрѣлили изъ пушекъ, на что, однако, не послѣдовало отвѣта съ крѣпости. Вечеромъ царь осматривалъ большую бочку, которую видѣлъ уже въ 1698 году, а на другой день, ночевавъ въ крѣпости, поставилъ коменданта оной въ нѣсколько неловкое положеніе. Коменданту было вмѣнено въ обязанность ни подъ какимъ видомъ не показывать Петру арестантовъ, находившихся въ крѣпости. Въ донесеніи его отъ 19-го ноября 1712 года, однако, разсказывается довольно подробно, какъ царь, осмотрѣвъ тщательно всѣ укрѣпленія, орудія и пр., послѣ обѣда, за которымъ Петръ пилъ за здоровье короля Августа и велѣлъ при этомъ выстрѣлить изъ всѣхъ пушекъ, потребовалъ чрезвычайно настойчиво, что-бы ему были показаны арестанты. Комендантъ сначала извинялся неимѣніемъ особеннаго для этого приказа со стороны генералъ-фельдмаршала, однако Петръ увѣрялъ его, что беретъ всю отвѣтственность на себя и къ тому же обѣщался ни слова не говорить съ арестантами. Такимъ образомъ послѣднихъ извѣстили о предстоящемъ посѣщеніи царемъ, вмѣняя имъ въ то же время въ обязанность ни слова не говорить съ высокимъ посѣтителемъ. Послѣ этого царь прошелъ чрезъ всѣ комнаты, въ которыхъ содержались арестанты.

17-го ноября, въ 8 часовъ вечера, путешественники прибыли въ Дрезденъ, гдѣ царь совсѣмъ неожиданно объявилъ, что желаетъ квартировать у придворнаго брилліантщика Динглингера, такъ что нужно было съ величайшею поспѣшностью принять мѣры для исполненія желанія царя. Графъ Головкинъ и нѣкоторыя другія лица свиты Петра помѣстились въ гостинницѣ.

18-го ноября, рано утромъ, Петръ посѣтилъ придворнаго музыканта ле-Ришь (Le Riche), у котораго осматривалъ разныя галантерейныя вещи и лошадей, недавно привезенныхъ изъ Англіи. Послѣ обѣда онъ качался на той самой качели, которая ему доставила столь большое удовольствіе во время втораго пребыванія въ Дрезденѣ.

19-го ноября Петръ, въ сопровожденіи польскаго лаборанта Клёпеля, былъ въ лабораторіи графа Лесгеванга, и присутствовалъ при расплавленіи рудъ. За обѣдомъ у Лесгеванга царь предложилъ тостъ „une bonne et heureuse bataille“, а послѣ обѣда видѣлъ представленіе въ нѣмецкомъ театрѣ, въ которомъ, между прочимъ, явился на

Библиотека "Руниверс"

сценѣ пьяный мужикъ, что очень понравилось царю. Баронъ Лёвендаль писалъ: „Нѣмецкая комедія намъ приноситъ большую пользу, французская — не по вкусу Русскихъ".

20-го ноября Петръ тщательно осмотрѣлъ всѣ достопримѣчательности въ домѣ Динглингера и во дворцѣ видѣлъ голову кита, теперь находящуюся въ такъ называемомъ Цвингерѣ (зданіи для разныхъ коллекцій), и модель новаго дворца.

Въ слѣдующіе дни царь бывалъ въ лабораторіи Лесгеванга, у лѣпщика изъ воску Бениша, сдѣлавшаго бюстъ Петра; у механика Гертнера; въ разныхъ магазинахъ и пр; а 25-го ноября 1712 г., рано утромъ, уѣхалъ въ Виттенбергъ.

Во время послѣдняго пребыванія въ Дрезденѣ, Петръ обыкновенно обѣдалъ или у графа Лесгеванга или въ гостинницѣ, служившей квартирою Головкину и прочимъ спутникамъ царя. Когда Динглингеру предложили вознагражденіе за принятіе въ домъ Петра, онъ не желалъ взять онаго, но только просилъ нѣсколько дровъ, израсходованныхъ во время пребыванія Петра въ его домѣ и починки предметовъ, поврежденныхъ въ это время.[1])

А. Г. Брикнеръ.

Всепьянѣйшій соборъ, учрежденный Петромъ Великимъ.

Перечитывая весьма интересные документы, помѣщенные въ „Русской Старинѣ" изд. 1872 года, ярко освѣщающіе одну изъ любопытныхъ сторонъ въ характерѣ Петра Великаго — его юморъ, невольно поражаемся изумленіемъ, что Петръ Великій, въ полной мѣрѣ Преобразователь Россіи, ознаменовавшій себя неутомимыми попеченіями о благѣ своего отечества, допустилъ себя до устройства цѣлаго ряда весьма странныхъ потѣхъ и учредилъ всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ, составивъ его изъ знаменитѣйшихъ лицъ, сподвижниковъ своихъ въ патріотическихъ дѣлахъ.

Глава семейства, пользующійся благовиднымъ положеніемъ, если для собственной своей единственно прихотливой потѣхи вводитъ между своими избранными домочадцами пьянственныя торжества, долженъ ожидать неминуемыхъ гибельныхъ послѣдствій для себя и всего своего семейства. Такихъ же послѣдствій должно ожидать тѣмъ болѣе въ государствѣ.

Но къ удивленію всего свѣта, всепьянѣйшій и всешутѣйшій со-

---

[1]) Einen Schragen Holz für das Eincheizen und das zu Schaden gebrachte wieder repariren zu lassen. **А. В.**

Библиотека "Руниверс"

боръ Петра Великаго ни малѣйше не унизилъ Россіи, хотя юмористическое названіе это и тѣшило враговъ ея: „широкій же и грубый разгулъ“ Петра Великаго со своими птенцами (Шутки и потѣхи Петра Великаго, „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 845) послужилъ камнемъ преткновенія шведскому королю Карлу XII.

Это обстоятельство заставляетъ думать, что черта характера Петра Великаго, какъ юмориста, совершенно не разгадана, равно какъ и мнѣніе историка г. Соловьева, что „страсти Великаго Петра, не умѣренныя правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ, соотвѣтствовали его богатырскимъ силамъ“, не вполнѣ достаточно для объясненія учрежденія цѣли всепьянѣйшаго собора.

Что такое въ самомъ дѣлѣ всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра Великаго? Если бросимъ строгій, внимательный и испытующій взглядъ на всепьянѣйшій соборъ, то болѣе чѣмъ неблаговидное названіе это, гласно данное Петромъ Великимъ потѣшному своему учрежденію, наводитъ насъ на вопросъ: можетъ-ли быть, что-бы столь мудрый государь безъ всякой дальней мысли, или безъ тайной какой-либо высокой цѣли, далъ такое позорное названіе публично учрежденному имъ заведенію? Можетъ-ли быть, что-бы онъ гласно учредилъ таковое общество, будто бы для того единственно, „что-бы дать просторъ своему широкому разгулу“ и не было-ли это заведеніе смѣхотворною маскою или „харею“ для сокрытія подъ нею глубокихъ политическихъ видовъ?

Что-бы рѣшить эти вопросы, взглянемъ на самый составъ всепьянѣйшаго собора, членами котораго, почти исключительно, были лица, занимавшія высокіе посты по государственной службѣ, какъ-то: знаменитѣйшіе полководцы, министры и дипломаты.

Взглянемъ на самыя дѣйствія столь замѣчательнаго и забавнаго собора, на торжественное избраніе новаго князя Папы, на шутовской бракъ одного изъ членовъ и на другія подобныя, публично совершавшіяся, сцены. Хотя съ изобиліемъ истощались, свойственно пиршеству, разные увеселительные напитки, но и здѣсь нельзя найти ничего укорительнаго, что-бы могло унизить Петра Великаго до „широкаго, грубаго разгула“. Посмотримъ на выдумку отважнаго пародированія римской іерархіи, гдѣ Петръ Великій, среди всѣхъ лицъ, какъ бы съ намѣреніемъ скрыть свою личность, избралъ для себя низшую степень протодіакона. Эта черта ясно доказываетъ, что онъ избралъ низшее для себя званіе не для простора „своему широкому разгулу“, а для того, что-бы незамѣтно слѣдить за ходомъ дѣйствій мнимыхъ іерарховъ, а вмѣстѣ и за впечатлѣніями, какія сдѣлалъ этотъ соборъ на зрителей, въ особенности иностранныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Россійскіе духовные владыки святѣйшаго синода, хотя для россійской іерархіи пародированіе римской могло считаться косвенною обидою, не могли, по христіанскому братолюбію, не представить, и, безъ сомнѣнія, представили своему монарху о неприличіи названія членовъ всепьянѣйшаго собора іерархическими титулами христіанской, которой бы ни было, церкви. Здѣсь можно спросить: чѣмъ великій государь могъ остановить справедливый ропотъ россійскихъ іерарховъ? Не инымъ чѣмъ, какъ только открытіемъ имъ затаеннаго своего патріотическаго плана, для безопасности Россіи въ тогдашнія времена отважнаго героизма Карла XII и интригъ Польши, что-бы подъ маскою всепьянѣйшаго собора скрыть русскія силы.

И дѣйствительно, на всѣ юмористическія импровизаціи Петра Великаго, по сформированному плану всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, всѣ, не только Русскіе, непосвященные въ тайны его, но и сосѣдственныя державы смотрѣли не болѣе какъ на потѣхи великаго государя и на скандальный „широкій его разгулъ“. Никому, ни тогда, ни послѣ, не вспало на мысль прозрѣть высокій умъ Петра Великаго, при учрежденіи необыкновеннаго, неблаговиднаго по самому названію, пьянственнаго общества. Никому не вспало на мысль заподозрить этотъ всепьянѣйшій соборъ въ томъ, что въ составъ его главнѣйшими лицами вошли знаменитые мужи, дѣятельные по государственной службѣ, великіе полководцы и министры. Никому и до настоящаго даже времени не пришло въ голову вникнуть въ переписку іерарховъ всепьянѣйшаго собора съ всешутѣйшимъ протодіакономъ, въ переписку, исполненную, повидимому, пьянственнаго бреда и разоблачить таинственные, никому непонятные, кромѣ пьяныхъ членовъ собора, термины, дышавшіе, впрочемъ, таинственными и условными намеками. Въ бреду этихъ „вѣчно пьяныхъ“ внимательный взоръ, кажется, могъ найти ключъ, что-бы открыть ларчикъ тайны петровской импровизаціи всепьянѣйшаго собора. Внимательный взоръ могъ бы увидѣть, что подъ титуломъ „вѣчно пьяныхъ“ были дѣйствователями мужи, отличавшіеся стратегическими доблестями, которые въ часы дневнаго свѣта были въ маскѣ отчаянныхъ пьяницъ, а въ часы ночной темноты не дремали и обработывали патріотическія дѣла, такъ что къ нимъ можно приноровить еврейскую пословицу: „Шикеръ бе іомъ, ахохомъ бе лайла“—(днемъ пьянъ, а мудръ въ ночи). Внимательный взоръ не дозволилъ бы на эту переписку смотрѣть сквозь призму шумства и широкаго разгула, и почесть ее за пьянственный бредъ.

Читающій со внимательнымъ взоромъ эту переписку между собою членовъ всепьянѣйшаго собора не могъ бы сказать, что Вели-

Библиотека "Руниверс"

кій Петръ, игравшій роль протодіакона Петра, „скучалъ безъ собора, скучалъ и соборъ въ лицѣ шуточныхъ своихъ представителей безъ шумнѣйшаго протодіакона, и что даже во время войны съ Карломъ XII, въ борьбѣ тяжкой и упорной, когда всей Россіи грозила большая опасность, Петръ Великій не измѣнялъ своему характеру: почти стоя передъ врагомъ, онъ обращаетъ взоръ къ пьянымъ отцамъ, отвѣчаетъ на ихъ письма, весело пробѣгаетъ ихъ курьезныя посланія", но прозрѣлъ бы въ нихъ высокую цѣль Великаго — подъ маскою всепьянѣйшаго собора скрыть военныя приготовленія свои къ отраженію великаго полководца тогдашняго времени.

И такъ, что-бы по возможности разоблачить эту темную для многихъ и непонятную переписку, поищемъ подъ маскою бреда пьяныхъ отцовъ стратегическихъ заявленій, поясняющихъ высокую цѣль великаго полководца государя, вполнѣ оправдавшуюся исходомъ войны.

1) Въ письмѣ смиреннаго князя папы Аникиты (Зотова), отъ 23-го февраля 1697 года, упоминаемая рабыня, т. е. масляница и товарищи ея Ивашка (т. е. пьянство) и Еремка (т. е. распутство), кажется, означаютъ раболѣпство и лукавство ласкательствовавшей Польши и товарищей ея, запорожскаго гетмана и татарскаго хана. Напоминаніе князя папы Аникиты „опасатися отъ нихъ, что-бы они васъ отъ дѣла не отвлекали" есть ясное предостереженіе Петру Великому, мнимому протодіакону, не вдаваться съ ними въ дружескія отношенія или сдѣлки.

2) Въ письмѣ протодіакона Петра (Петра Великаго), въ 1705 г., ясно выражено донесеніе протодіакона всепьянѣйшему собору о побѣгѣ шведскаго военачальника Левіенгаупта отъ грома пушекъ русскихъ, съ прекраснымъ уподобленіемъ главнокомандующаго баснословному Нарцизу, убѣгшему отъ эхо.

3) Въ письмѣ отъ Петра I къ Головину изъ Минска, отъ 10-го марта 1706 года, Петръ I, въ качествѣ протодіакона Петра, проситъ доложить всесвятѣйшему князю папѣ (Зотову), „что-бы изволилъ, конечно, быть къ празднику въ Нарву съ владыкою казанскимъ и Мусиномъ (Пушкинымъ) и Гаврилою Меншиковымъ и что-бы скорѣе ѣхать". Здѣсь ясно видно, что Петръ Великій, подъ мистификаціею просьбы, какъ отъ подчиненнаго, предлагаетъ князю папѣ Аникитѣ, требуя скорѣйшаго прибытія помянутыхъ лицъ въ Нарву не для Бахусовой потѣхи, а для военнаго дѣла. Странно перетолковывать это и приписывать шумству протодіакона Петра и не видѣть причины требованія скорѣйшаго прибытія не на праздникъ, а на военный подвигъ.

4) Въ письмѣ „отъ С.-Петербургскаго владыки Петра (Бутурлина) о веселіи въ С.-Петербургѣ и о печали объ отсутствіи протодіакона

Библиотека "Руниверс"

Петра" легко можно видѣть, что причиною веселія всеобщаго, а не одного всепьянѣйшаго собора, были подвиги Петра Великаго и печали, что его не могутъ поздравить лично съ воинскимъ успѣхомъ.

5) Въ письмѣ отъ царствующаго града митрополита Петра (Бутурлина) отъ 19-го іюля лѣта.... выражено желаніе знать о святости протодіакона Петра съ поклономъ всешутѣйшему князю папѣ, духовнику Козьмѣ и архидіакону Гедеону и всему шумному собору. Это письмо относится, кажется, ко времени, когда Петръ Великій со всею своею свитою, въ 1707 г., былъ въ Люблинѣ. Здѣсь, кажется, замаскировано желаніе знать о послѣдствіяхъ ссоры прусскаго посланника Кейзерлинга съ Меншиковымъ (объ этомъ см „Русскую Старину" 1872 г., т. V, стр. 803).

6) Въ письмѣ Петра Ивановича Бутурлина отъ 15-го февраля 1708 г. прописывается, что преосвященный Петръ Корчага провинился въ томъ, что противъ своего обѣщанія уже въ другой разъ заналъ дворъ противъ указу и нынѣ въ томъ проситъ прощенія съ такимъ закладомъ, что ежели паки провинится, то отдаетъ жену свою Аксинью Михайловну, которую впредь въ крайнемъ угожденіи имѣлъ окольничій Ив. Ив. Чаадаевъ, несмотря на то, что она была ему невѣстка. Письмо это Петръ Бутурлинъ пишетъ не о самомъ себѣ, а о Петрѣ Корчагѣ. Иносказаніе же Петра Бутурлина можно рѣшить скорѣе политическими связями Польши со Швеціею и Швеціи, принявшей намѣреніе отторгнуть Малороссію отъ Россіи, что-бы возвратить ее Польшѣ съ гетманомъ Мазепою.

7) Въ письмѣ царственнаго града митрополита Петра съ Москвы отъ 5-го января 1709 г. много находится загадочныхъ намековъ. А именно: о непріятностяхъ протодіакону Петру отъ сосѣда, объ Алеутскихъ внучатахъ, а также о казанскомъ митрополитѣ изъ крѣпостныхъ крестьянъ. Все это не бредъ пьянаго мнимаго владыки, а подъ маскою бреда сокрыты политическія обстоятельства. Сосѣдъ Петра I есть Карлъ XII, Алеутскіе внучата суть шведскіе выходцы. Казанскій же митрополитъ — не Мазепа-ли?

8) Въ самомъ грозномъ посланіи „отъ прешутѣйшаго и отъ пьянѣйшаго, отъ Петра, митрополита царственнаго града Санктпетербурха, Ермоландіи и всѣхъ принадлежащихъ городовъ любезному нашему сыну и сослужителю нашей мѣрности протодіакону Петру" выражено отлученіе отъ шумства и кабаковъ „дабы не ходить". Отлученіе это есть замаскированное предложеніе Петру Великому хранить собственную свою личность во время жаркаго сраженія и кажется совѣтъ, что-бы онъ не рѣшался дѣлать погони за шведскимъ королемъ, убѣгшимъ въ Турцію.

По разсмотрѣніи всѣхъ „смѣхотворныхъ дѣйствъ" и сценъ всепья-

Библиотека "Руниверс"

нѣйшаго собора, по мановенію протодіакона Петра происходившихъ, смѣло можно сказать, что въ кругу этого собора, несмотря на неблаговидное его названіе, въ теченіе почти тринадцати лѣтъ, ничего не произошло скандальнаго и никакихъ не послѣдовало казусныхъ дикихъ фактовъ, которые бы могли дать основаніе къ обвиненію Петра Великаго въ „широкомъ и грубомъ разгулѣ, соотвѣтствовавшемъ будто бы его богатырскимъ силамъ". Одно только происшествіе, описанное въ статьѣ „Русской Старины" 1872 г., т. V, стр. 803—844, подъ заглавіемъ: Кейзерлингъ, послѣдовавшее въ 1707 году, напоминаетъ неблагопріятную сцену вытолканія по шеямъ прусскаго посланника Кейзерлинга изъ пиршественной залы. Но виною этого происшествія былъ самъ посланникъ, въ заносчивости обругавшій камергера Меншикова бараночникомъ или булочникомъ и хватавшійся за шпагу, въ бытность Петра Великаго въ кабинетѣ. Это непріятное происшествіе кончилось тѣмъ, что Кейзерлингъ, чувствуя свою вину, на слѣдующій день явился къ Меншикову и просилъ прощенія. (Смотри выше въ письмѣ митрополита Петра Бутурлина подъ № 5).

И такъ, что такое есть всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ, открыто и гласно учрежденный Петромъ Великимъ? Всепьянѣйшій соборъ не иное что былъ какъ маска, подъ которою скрывалась высокая цѣль великаго государя утаить предъ сосѣдственными сильными державами политическія силы своего государства. Самая шутовская свадьба Шанскаго, въ 1702 г., имѣла эту же цѣль, что-бы въ тогдашнія времена самонадѣянной отваги храбраго витязя шведскаго короля Карла XII, подъ маскою безпечнаго шумства, обмануть внимательный взоръ политическихъ его агентовъ и дать всѣмъ иностраннымъ наблюдателямъ понятіе, что Петръ Великій, безпечно будто бы предавшійся шумству съ своими „зачастую пьяными птенцами", нисколько не мыслитъ о пріемѣ въ отечествѣ своемъ страшнаго для всѣхъ, кромѣ Петра, гостя, собиравшагося къ нему на кровавое пиршество.

Кто же нынѣ дерзнетъ осуждать величайшаго государя Россіи за учрежденіе всепьянѣйшаго и всешутѣйшаго собора, приписывая таковое широкому и грубому разгулу его? Кто нынѣ не будетъ благоговѣть предъ Великимъ Петромъ, такъ прекрасно розыгравшимъ свой маскарадъ?

Иванъ Носовичъ.

Примѣчаніе. Статья г. Носовича получена редакціей «Русской Старины» отъ Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Географическаго Общества. Наша статья о «шуткахъ и забавахъ Петра Великаго» (Петръ I какъ юмористъ) напечатана въ «Русской Старинѣ» 1872 г., изданіе второе, т. V, стр. 845—892.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

КАВАЛЕРЪ Д'ЭОНЪ.

V.[1])

Въ статьѣ нашей о кавалерѣ д'Эонъ, помѣщенной въ 8-й книгѣ „Русской Старины" (1874 г., т. X, стр. 743) мы разсказали любопытную жизнь этого авантюриста, преимущественно на основаніи записокъ и писемъ его, собранныхъ и изданныхъ въ 1836 г. писателемъ Гальярде. Изъ двухъ объемистыхъ томовъ парижскаго изданія (трехъ—брюссельскаго), въ которыхъ очень подробно и многословно разсказывались дѣянія этой загадочной личности, мы передали, въ сжатомъ очеркѣ, только тѣ событія жизни д'Эона, которыя казались намъ достовѣрными, на основаніи свидѣтельствъ другихъ, современныхъ ему мемуаровъ и выводовъ серьезной критики. Мы отбросили, какъ всю скандальную часть похожденій героя „Записокъ", такъ и разсказъ о его интимныхъ отношеніяхъ къ разнымъ историческимъ лицамъ, игравшимъ важную роль въ событіяхъ той эпохи. Всѣ эти интимныя подробности мы находили и невозможными, и неправдоподобными. Зная страсть Французовъ къ возведенію на пьедесталъ каждаго изъ ихъ соотечественниковъ, на какомъ бы поприщѣ они ни дѣйствовали, мы старались сгладить всѣ преувеличенія въ изображеніи характера д'Эона, представить его какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: ловкимъ, умнымъ дипломатомъ, но далеко не героемъ. Въ разсказѣ нашемъ мы старались поставить и читателя на ту же точку зрѣнія, убѣжденные, что это единственно вѣрная точка, хотя взгляды наши расходились и съ составителемъ Записокъ д'Эона и со многими изъ его панегиристовъ. До какой степени мы правы — могли доказать только послѣдующія изысканія. Но, въ теченіи слишкомъ тридцати пяти лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ „Записокъ д'Эона", никто не писалъ о немъ. Въ 1861 году вышла, правда, книга Журдана „Un hermaphrodite", но

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1874 г., т. X, стр. 743—771.

Библиотека "Руниверс"

это была только перефразировка и частью перепечатка книги Гальярде. Въ 1866 году вышло новое изданіе послѣдней книги, и мы, не имѣя его подъ рукою при составленіи нашей статьи, не могли, конечно, полагать, что-бы авторъ измѣнилъ въ немъ свой взглядъ на д'Эона, тѣмъ болѣе, что въ новомъ изданіи упоминалось только о прибавленіи къ нему 12-ти писемъ Бомарше, относящихся не къ д'Эону, а къ самому автору „Женитьбы Фигаро" и его сношеніямъ съ возставшими англо-американскими колоніями. Мы однако-же ошиблись и, получивъ упомянутое изданіе, были изумлены первыми же строками предисловія, въ которомъ авторъ совершенно измѣнялъ свой взглядъ на д'Эона и сознавался въ томъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ молодости и увлеченія романтизмомъ той эпохи, онъ прикрасилъ весьма многое въ исторіи своего героя и, къ исторической части своего разсказа, присоединилъ много вымышленныхъ имъ подробностей, на томъ основаніи, что такое романтическое лицо должно было имѣть множество пикантныхъ и драматическихъ похожденій. Поэтому, изъ двухъ-трехъ часто совершенно незначительныхъ фразъ какого-нибудь письма, Гальярде выводилъ самыя интимныя отношенія и сознался, что онъ сочинилъ сношенія д'Эона съ принцессой Софіей-Шарлоттою и другія подробности. Эти странныя признанія были съ одной стороны пріятны для насъ, такъ какъ Гальярде сочинилъ въ своемъ разсказѣ именно всю ту часть, которую мы выбросили изъ нашей статьи, не давая ей вѣры; но съ другой стороны такое разоблаченіе своихъ собственныхъ продѣлокъ не могло не поразить безцеремонностью, рѣдкою даже и во Французѣ, хотя впрочемъ оно и было вынуждено слѣдующимъ обстоятельствомъ, о которомъ мы считаемъ не лишнимъ разсказать, такъ какъ оно характеризуетъ нравы современныхъ французскихъ писателей.

Вернувшись въ Парижъ изъ Америки, гдѣ онъ издавалъ газету „Courrier des Etats Unis", Гальярде узналъ, что, во время его отсутствія, въ Парижѣ вышла книга, подписанная именемъ Луи-Журдана, редактора извѣстной газеты „Siècle". Встрѣтившись съ Журданомъ, Гальярде сказалъ ему, что желалъ бы познакомиться съ этой книгой, такъ какъ самъ писалъ о томъ же лицѣ, кавалерѣ д'Эонѣ. Журданъ отвѣчалъ смѣшавшись, что не зналъ ничего о возвращеніи Гальярде, и доставитъ ему книгу. Но проходили недѣли, мѣсяцы, а книга не посылалась. Гальярде долженъ былъ опять надолго оставить Парижъ, и только вернувшись въ него въ 1866 году, могъ достать это сочиненіе, l'Hermaphrodite, оказавшееся перефразировкой „Записокъ д'Эона", не только въ ихъ исторической, но и въ вымышленной части: изъ 300 страницъ книги 222 были буквальной перепечаткой „Запи-

Библиотека "Руниверс"

сокъ", съ нѣкоторыми сокращеніями оригинала и безъ упоминанія о томъ, что трудъ этотъ принадлежалъ Гальярде. Изумленный этой нецеремонностію, Гальярде обвинилъ Журдана въ контрафакціи и наложилъ арестъ на книгу „Гермафродитъ". Тогда Журданъ въ письмѣ къ нему сознался, что отдалъ только свое имя книгѣ другого автора, которому желалъ помочь и который увѣрилъ его, что составилъ книгу о д'Эонѣ по собственнымъ изслѣдованіямъ. Такое объясненіе очевидно было очень неясно и неправдоподобно, и Гальярде высказалъ это въ предисловіи къ новому изданію своей книги и въ нѣкоторыхъ газетахъ. Тогда истинный виновникъ этого литературнаго похищенія подтвердилъ слова Журдана, но съ беззастѣнчивостью объявилъ печатно, что „воспользовался книгою Гальярде, сдѣлавшеюся общественнымъ достояніемъ (tombé das le domaine public) въ твердомъ убѣжденіи, что не нарушаетъ этимъ ничьихъ интересовъ". Это объясненіе показалось уже черезъ-чуръ нецеремоннымъ французскимъ журналистамъ, и даже пресловутый Поль изъ Кассаньяка назвалъ поступокъ этотъ просто воровствомъ. Обиженный контрафакторъ вызвалъ его на дуэль, если онъ не возьметъ назадъ своихъ словъ. Поль вызова не принялъ и словъ назадъ не взялъ, подтвердивъ правильность употребленнаго имъ выраженія академическимъ словаремъ. Тогда друзья взялись помирить противниковъ, и Журданъ, явясь къ Гальярде, подтвердилъ ему все, что говорилъ въ своемъ письмѣ къ нему, сознался, что виноватъ вдвойнѣ: давъ свое имя чужому произведенію и не провѣривъ источниковъ, откуда оно было заимствовано. Но что онъ не зналъ о контрафакціи труда Гальярде— въ этомъ Журданъ поклялся „памятью своего молодого сына, недавно похищеннаго смертью у его отцовской любви". Эта сентиментальная клятва заставила Гальярде отказаться отъ судебнаго преслѣдованія.

Вся эта исторія разсказана съ свойственнымъ Французамъ пафосомъ и напыщенностью въ прологѣ и эпилогѣ къ послѣднему изданію „Записокъ", изъ которыхъ выброшена вся вымышленная часть и оставлена одна историческая, которую мы передали въ статьѣ нашей. Книга называется уже „Записками о д'Эонѣ" а не „Записками д'Эона" (Mémoires sur le chevalier d'Eon). Но, весь вздоръ о Россіи, также выпущенный нами, остался въ ней, вмѣстѣ съ дикими „русскими" именами, въ родѣ Ivan-Ivano-Witz Schwaloff и „la princesse d'Askoff avec sa soeur Romanowena" и т. п. Но, уничтожая всѣ любовныя похожденія своего героя, Гальярде, для приданія ему большаго интереса, старался увѣрить, что онъ былъ, „если не совсѣмъ, то почти дѣвственникомъ всю свою жизнь". Нечего и говорить, что

предположеніе, также какъ и донжуанизмъ д'Эона — двѣ крайности, ничѣмъ не подтверждаемыя въ жизни кавалера.

Новое въ книгѣ Гальярде только одно: это объясненіе причинъ, по которымъ д'Эонъ подъ конецъ своей жизни выдалъ себя за женщину. Въ первомъ изданіи это приписывалось политическимъ причинамъ и, между прочимъ, нежеланію Людовика XVI объявить англійскому королю, что Людовикъ XV былъ обманутъ, увѣряя его въ томъ, что д'Эонъ женщина. Но еще Ломени, въ своей книгѣ о Бомарше, замѣтилъ, что д'Эону, по смерти обоихъ Людовиковъ и послѣ того, какъ пала французская монархія, не было никакой причины выдавать себя за женщину до самой смерти своей. Гальярде объясняетъ это собственнымъ желаніемъ д'Эона прослыть женщиною. Въ самомъ дѣлѣ, при возшествіи на престолъ Людовика XVI, карьера д'Эона, какъ дипломата, была совершенно кончена. Король объявилъ, что не нуждается болѣе въ его услугахъ и велѣлъ прекратить производившуюся ему пенсію, такъ какъ д'Эонъ требовалъ слишкомъ большія суммы, будто-бы истраченныя имъ во время его дипломатическаго служенія. Онъ долженъ былъ сойти со сцены и скрыться въ неизвѣстности. А д'Эонъ болѣе всего боялся, что объ немъ перестанутъ говорить и забудутъ его. Между тѣмъ многіе считали его за женщину. Отчего-же и не выдать себя за нее? Если узнаютъ, что бывшій драгунъ, дипломатъ и посланникъ—женщина,—его военныя и дипломатическія заслуги сдѣлаются еще важнѣе, а самъ онъ будетъ героемъ или героинею всеобщихъ толковъ. Эта метаморфоза привлечетъ къ нему вниманіе всей Европы, а тщеславный авантюристъ всю жизнь свою добивался только извѣстности, какою-бы цѣною ни пріобрѣталась она. Стало быть, желаніе выдать себя за женщину — могло естественно представиться ему. Гальярде сознается, что ни въ бумагахъ д'Эона, ни въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ онъ не нашелъ никакихъ документовъ, что-бы Людовикъ XV требовалъ этой метаморфозы. Что же касается до Людовика XVI, то онъ, черезъ своего министра, тогда только потребовалъ, что-бы д'Эонъ принялъ женскій костюмъ, когда тотъ объявилъ Бомарше, что онъ—женщина. Это было очень непріятно д'Эону, котораго дѣйствительно стѣснялъ такой костюмъ. Но однажды рѣшившись играть принятую имъ на себя роль, онъ долженъ былъ подчиниться и всѣмъ ея требованіямъ. Что Бомарше, а за нимъ министръ Вержень и Людовикъ XVI были убѣждены въ томъ, что д'Эонъ—женщина, это не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Если Людовикъ XV могъ согласиться на подобный маскарадъ, то честный Людовикъ XVI никогда не согласился-бы участвовать въ обманѣ, который долженъ былъ непремѣнно когда-

Библиотека "Руниверс"

нибудь открыться. Да и для чего сдѣлался бы онъ сообщникомъ такого обмана? Правда, и д'Эонъ зналъ, что послѣ его смерти истина откроется, но ему хотѣлось только, что-бы объ немъ говорили при жизни его, о томъ, что̀ будетъ потомъ — онъ заботился точно также мало, какъ и многіе люди XVIII вѣка, выходившіе изъ общаго уровня. Онъ хотѣлъ только, что-бы имъ занимались, говорили о немъ—и достигъ своей цѣли, проживши 49 лѣтъ мужчиной и 34 года женщиною. Жадность, если не къ деньгамъ, то къ роскошной или, по меньшей мѣрѣ, комфортабельной жизни, играла также значительную роль въ его метаморфозѣ, хотя Гальярде защищаетъ его отъ этого упрека, говоря, что онъ хотѣлъ только быть актеромъ и играть въ жизни замѣтную роль, но роль эта была скорѣе сарказмомъ, чѣмъ спекуляціею. Самолюбіе было, конечно, одною изъ главныхъ пружинъ всѣхъ поступковъ д'Эона, но за этимъ слѣдовало и корыстолюбіе. Въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ невозможный счетъ, представленный имъ правительству Людовика XVI, или собственныя слова его, въ письмѣ къ герцогу Ниверне: „жалуются, что все выродилось, писалъ онъ еще въ 1764 году—но чего же ждать отъ народа, для котораго золото — первое благо въ жизни, гдѣ продажный умъ уничтожаетъ всѣ благородные принципы, гдѣ все продается, не исключая добродѣтели? Кто-же не придетъ въ негодованіе, видя, что начальники, во время войны, стараются только захватить деньги непріятеля, ограбить города, а не выиграть сраженіе; во время мира, ослѣпленные роскошью финансистовъ, они унижаются изъ-за денегъ, служа посредниками въ сдѣлкахъ между тѣми, кто нуждается въ протекціи и тѣми, кто продаетъ ее. Старая честь погибла вмѣстѣ съ вырожденіемъ поколѣній". Слова эти, хотя и напыщенныя, какъ вообще все, что писалъ д'Эонъ, совершенно вѣрно обрисовываютъ его современниковъ, но между ними онъ не составлялъ исключенія и поэтому онѣ точно также относятся къ нему самому.

Объ д'Эонѣ есть на русскомъ языкѣ небольшая брошюра, въ 56 страницъ, напечатанная на сѣрой бумагѣ, въ Москвѣ, 1787 года, въ типографіи компаніи типографической „съ указнаго дозволенія". Брошюра носитъ слѣдующее названіе: „Достойная примѣчанія жизнь прежде бывшаго кавалера д'Эона, а нынѣшней дамы д'Эоны де-Бомонтъ. Переводъ съ нѣмецкаго С. В." У Сопикова книга эта показана подъ № 4,007. (Часть III). Въ Смирдинскомъ каталогѣ подъ № 3,402. Въ „Спискѣ русскихъ анонимныхъ книгъ, съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ", изданномъ Г. Г. въ сентябрѣ 1874 года, книги этой не находится и имя переводчика не разоблачено. Любопытно, что цѣна брошюры, во время выхода Сопиковскаго „Опыта россій-

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

КАВАЛЕРЪ Д'ЭОНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1874 г. Типографія В. С. Балашева, Больш. Садовая, № 40—2.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ской библіографіи", появившагося въ 1815 году, показана въ 25 коп., а по „Росписи россійскимъ книгамъ А. Смирдина", вышедшей въ 1828 г., возросла уже до 2-хъ рублей. Теперь это—библіографическая рѣдкость, хотя не имѣетъ ни литературнаго, ни историческаго значенія и написана тяжелымъ языкомъ. Авторъ считаетъ д'Эона, конечно, женщиною и говоритъ, что, „при рожденіи еще, родители ея опредѣлили ей носить мужское одѣяніе. Недостатокъ мужескаго пола въ наслѣдствѣ и героическій видъ сей молодой амазонки принудили родителей ея предпринять такое рѣдкое намѣреніе". Мы видѣли изъ статьи нашей, что такое мнѣніе совершенно неосновательно и что напротивъ, именно при рожденіи и въ дѣтствѣ д'Эона, никто и не принималъ его за дѣвочку; да и какой „героическій видъ амазонки" могъ имѣть ребенокъ при рожденіи? Оцѣнка характера и темперамента д'Эона также весьма неудовлетворительна. Авторъ говоритъ: „мужество, любочестіе, глубокое и тонкое разсужденіе, смѣлыя предпріятія, непрерывный трудъ, рѣшимость, безкорыстіе, любовь къ истинѣ и дружество суть добродѣтели ея темперамента (холерико-сангвиническаго); пороки ея: упрямство, сопротивленіе, исканіе чести и отмщеніе—были въ великомъ стремленіи, которые она недавно имѣла, дабы сдѣлать явными какъ оные, такъ особливо воинскія добродѣтели. Воинское состояніе было притомъ причиною, что она сдѣлалась превосходною... Можетъ быть ея сопротивленіе принудило министровъ опредѣлить ей въ наказаніе жизнь безъ всякой должности. Естьли-бъ она умѣла повиноваться, то бы безъ сомнѣнія, по послѣднему ея прошенію имѣла счастіе служить на флотѣ". Нечего и доказывать странность подобныхъ сужденій, которыя мы приводимъ только какъ образецъ критическаго взгляда автора.[1])

Къ новому парижскому изданію „Записокъ" приложенъ фотографическій портретъ д'Эона, съ рисунка Анджелики Кауфманъ, снятаго съ портрета, сдѣланнаго Латуромъ. Лицо авантюриста слишкомъ моложаво и женственно и не походитъ на изображенное въ сценѣ его фехтовальнаго состязанія съ Сен-Жоржемъ въ Лондонѣ (assaut), о которой мы говорили въ нашей статьѣ и съ которой гравюра была помѣщена въ иллюстрированныхъ изданіяхъ. Тѣмъ не менѣе прилагаемъ, для желающихъ ознакомиться съ этою личностію, снимокъ съ этого портрета, гравированный въ Лейпцигѣ, у Брокгауза. В. З.

[1]) До какой степени интересовала жизнь д'Эона русское общество видно изъ того, что кромѣ названной брошюры были еще двѣ статьи, именно: въ «Заграничномъ Вѣстникѣ» 1866 г. (№ 4, т. IX, стр. 31—51) есть статья Бюлау «Шевалье д'Эонъ» и въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1844 г. (т. 66, отд. VII, стр. 86—96) была помѣщена статья «Тайна кавалера д'Эона». В. З.

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ

Дѣятельность его какъ дипломата

1827 — 1829.[1])

Грибоѣдовъ — гр. Паскевичу.

1-го октября 1828 г.—На переправѣ Аракса противъ Джульфы.

Въ Нахичеванской области нашелъ я еще болѣе безпорядка и притѣсненій отъ переселенія Армянъ, нежели въ Эриванн. В. с. извѣстно, какъ скудна прежними жителями и какъ не богата сія провинція. Здѣсь Армянамъ, пришельцамъ, лучше нежели въ иномъ мѣстѣ, гдѣ я ихъ встрѣчалъ; но броженіе и неудовольствіе въ умахъ татарскихъ доходитъ до высочайшей степени. Насколько ихъ жалобы основаны на справедливости, в. с. сами изволите усмотрѣть изъ нижеслѣдующей таблицы. Я нарочно выбралъ самыя высшія пропорціи между новопоселенными и старожилами, что-бы можно было судить объ истинномъ отягощеніи послѣднихъ. Очень легко можетъ случиться, что они въ отчаяніи бросятъ свое хозяйство и имущество, и тогда напрасно мы это будемъ приписывать персидскимъ внушеніямъ, такъ какъ недавно случилось при бѣгствѣ садаракцевъ. Бѣгство ихъ приписано проѣзжему Мирзѣ-Джафару, который, по собраннымъ мною извѣстіямъ отъ самой же полиціи, ни въ чемъ тутъ непричастенъ; и теперь, когда я объяснилъ областному начальству, что ихъ не должно было пускать и можно воротить, сообразно съ трактатомъ, то, бывъ силою возвращены, они моему переводчику объявили настоящія причины ихъ побѣга: безпорядочное управленіе и тягост-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 516—534.

Библиотека "Руниверс"

ныя повинности, т. е. тоже, что и въ Грузіи. Послѣ я пространнѣе осмѣлюсь изложить в. с. мое мнѣніе по сему предмету; теперь возвращаюсь къ новопереселеннымъ Армянамъ въ Нахичеванской области.

	Старожилы Армяне.	Новопоселенные Армяне.	Старожилы Мусульмане.
Въ Неграмѣ	—	193	93
» Караханбеклу	—	81	26
» Тумбулъ	9	62	12
» Яримджи	13	78	4
» Кунтана	—	113	37
» Газанче	10	58	—
» Бананіаръ	—	72	12
» Аразинъ	—	61	7
» Кузнутъ	—	75	19
Вообще во всей провинціи, кромѣ города	290	1,632	943
Въ г. Нахичевани	114	392	285

Несоразмѣрность сія превышаетъ всякое понятіе; можно смѣло сказать, что послѣ сего ни казна отъ жителей, ни жители отъ своего достоянія ничего не получаютъ, а отъ пришельцевъ правительство обязалось въ теченіи шести лѣтъ ничего не брать.

Двѣ мѣры мнѣ кажутся необходимыми для успокоенія, хотя на время, справедливыхъ опасеній прежнихъ помѣщиковъ:

1) Надлежитъ въ наискорѣйшемъ времени выслать отсюда далѣе, а именно въ Даралагезъ, часть новоприбывшихъ семействъ, хотя не болѣе 500; для нихъ тамъ и мѣста готовы, и старожилы берутся имъ выстроить дома на зиму. По смѣтѣ, которую я видѣлъ въ областномъ правленіи и въ комитетѣ, ихъ можно по 20 и 15-ти водворить на новыхъ мѣстахъ, въ такихъ селеніяхъ, гдѣ первобытныхъ жителей вдвое и втрое противъ сихъ количествъ, отдѣльно взятыхъ. Кромѣ того, есть уже изъ новоприбывшихъ семействъ до 200, которыя отъ тѣсноты сами просятся, что-бы ихъ далѣе выселили; изъ остальныхъ, въ дополненіе къ 500, половину можно уговорить; другую, болѣе упорную, приневолить. Но гораздо менѣе неудобства заслужитъ ропотъ 100 или 150 семействъ, нежели цѣлой провинціи, новоприобрѣтенной и пограничной, которую мы наконецъ заставимъ вздыхать о прежнемъ персидскомъ правленіи, извѣстномъ в. с. своими не отеческими чувствами къ подданнымъ; я даже опасаюсь, что это все скоро явится въ иностранныхъ газетахъ и не слишкомъ въ нашу пользу. Сомнительно состояніе и тѣхъ, которыхъ мы заставили къ себѣ перейти, и другихъ, которые отъ насъ перейдутъ сотнями и тысячами по непрозорливости начальства. Въ бытность мою въ Эривани, кн. Аргутинскій всѣми силами противился новому пересе-

Библиотека "Руниверс"

ленію нѣкоторыхъ семействъ изъ Нахичеванской области въ Даралагезъ. Я и тогда видѣлъ, что онъ слишкомъ горячо вступается за интересы ввѣренныхъ ему выходцевъ, и это ему честь дѣлаетъ; также и здѣшній штабс-капитанъ Невѣровскій, отъ него зависящій. Всякій частный чиновникъ долженъ грудью стоять за ввѣренную ему порученность; но дѣло главнаго начальства знать, какія въ частности допускать уступки для достиженія общей пользы. Если в. с. предпишете въ наискорѣйшемъ времени переселить упомянутое число 500 семействъ новопришедшихъ Армянъ въ Даралагезскій округъ, то окажете симъ истинное благодѣяніе Нахичеванской области.

2) Въ здѣшнемъ мусульманскомъ краю, гдѣ все народонаселеніе похоже на паству, которая живетъ, движется и бродитъ, все по примѣру одного или нѣсколькихъ гасе moutonnière, правительству необходимо имѣть на жалованьи и совершенно за себя нѣкоторыя значительныя лица. Воля в. с., но мы этого не умѣемъ дѣлать и нами никто не доволенъ. У бековъ и хановъ мы власть отнимаемъ, а въ замѣну даемъ народу запутанность чужихъ законовъ. Тѣхъ, которые намъ ввѣрились и оставили отечество, оказавшихъ даже важныя услуги, мы трактуемъ какъ нищихъ; по ихъ примѣру никто намъ не вѣритъ. Такимъ образомъ несчастные братья марандскаго хана, первые принявшіе нашу сторону, когда мы вступили въ Адзербейджанъ, не могли добиться, что-бы имъ отвели, для поселенія, пустопорожнія земли, которыхъ у насъ бездна, и какое-нибудь денежное содержаніе.

Я, коль скоро прибылъ въ Нахичевань, то меня обступили беки, султаны, всѣ съ ропотомъ справедливымъ на стѣсненія, о которомъ я уже выше упомянулъ. Отговориться было нечѣмъ. Тратить пустыя слова было бы безполезно, ибо собственная нужда къ нимъ слишкомъ близка: они требуютъ дѣла и скорой помощи. Я хотя и объяснилъ имъ, что по внутренности не имѣю никакой власти, чиновникъ проѣзжій, посылаемый въ чужое государство; но в. с. извѣстно, что здѣсь, въ Азіи, коль скоро является новое лицо, нѣсколько значительное, то отъ него ожидаютъ всѣхъ благъ и удовлетворенія во всѣхъ просьбахъ. Я почелъ лучшимъ способомъ взять въ сторону Назар-Али-хана и Ших-Али-бека, обошелся съ ними какъ можно почетнѣе и довѣрчивѣе, вашимъ именемъ говорилъ имъ, что на нихъ лежитъ обязанность распространять въ народѣ довѣріе и привязанность къ правительству, что нынѣшній случай въ отношеніи къ переселенцамъ, необыкновенный и скоропроходящій и проч. Нельзя себѣ представить какъ они были довольны оказаннымъ мною ихъ особамъ незначущимъ отличіемъ. Я точно видѣлъ послѣ сего, что они поступили до-

Библиотека "Руниверс"

бросовѣстно, ибо тѣ же лица бековъ и прочихъ помѣщиковъ я нашелъ послѣ невыражающими прежняго неудовольствія.

Еще разъ повторяю, что нельзя дать себя уразумѣть здѣшнему народу иначе, какъ посредствомъ тѣхъ родовыхъ начальниковъ и духовныхъ особъ, которыя давно уже пользуются уваженіемъ и довѣріемъ присвоеннымъ ихъ званіямъ. Нынѣшнею весною, въ проѣздъ мой чрезъ Эривань, я писалъ в. с. о смѣшномъ превращеніи, произведенномъ ген. Красовскимъ, прапорщиковъ въ казіевъ. И теперь тотъ же порядокъ. Муллы досадуютъ, народъ вслѣдъ за ними, а наши городовые и областные суды, нимало не заботясь приноровиться къ мѣстнымъ обычаямъ и не дерзая сего дѣлать въ силу регламентовъ, судятъ протяжно, и подписываютъ опредѣленія и рѣшенія, которымъ жители подчиняются не по убѣжденію, а какъ будто бы насильственно. Что за поспѣшность съ нашей стороны вмѣшиваться во всѣ мелкія тяжбы и ничтожныя соотношенія новыхъ подданныхъ между собою! Боимся-ли мы пристрастія мусульманскихъ судей, — но власть ихъ единственно основана на выборѣ и довѣріи народномъ. Коли кази пристрастенъ, то его бросаютъ и идутъ къ другому, и онъ лишается хлѣба. Прежде сего на ихъ рѣшенія могли дѣйствовать угрозы свѣтскихъ правителей: сердаря, хакима и т. п., у насъ этого быть не можетъ; а гдѣ одинъ изъ тяжущихся христіанинъ, то по мухаммеданскому шаро (духовный законъ) допускается по шести свидѣтелей обоихъ вѣроисповѣданій. Можно бы еще въ такомъ случаѣ наряжать депутата отъ правительства.

Вы простите всѣ эти отступленія, но я, по моему давнему обычаю, пишу къ в. с. какъ думаю и не оффиціально.

О Назар-Али-ханѣ, какъ старшемъ въ семействѣ Кенгерлу, старѣе Эксан-хана и Ших-Али-бека, смѣю представить в. с., что назначеніе ему на ежегодное содержаніе 800 тумановъ или 1,100 червонцевъ, изъ суммы, которая высочайше назначена въ награду перешедшихъ къ намъ и прочихъ хановъ, сдѣлало бы въ здѣшнемъ краю и во всѣхъ нашихъ мусульманскихъ провинціяхъ и пограничныхъ персидскихъ, впечатлѣніе самое выгодное для нашего правительства, и это не такъ, какъ мы обыкновенно дѣлаемъ, даемъ не спросясь чего хотятъ. Я навѣрно знаю, что это maximum его желаній; при томъ онъ старикъ, не долго проживетъ, но долго за насъ томился въ плѣну.

Не худо если бы в. с. написали слова два Ших-Али-беку и Эксан-хану, или хотя первому. Иногда присылка отъ васъ халата съ почетнымъ русскимъ чиновникомъ болѣе подѣйствуетъ, нежели присутствіе войска, строгія наказанія, присяга и прочія понудительныя средства.

Библиотека "Руниверс"

О присягѣ въ Эривани и много кое о чемъ буду уже писать изъ Тавриза.

Грибоѣдовъ — гр. Нессельроде.

20-го октября 1828 г.

(Переводъ съ французскаго). Возвратъ моей тифлисской лихорадки помѣшалъ мнѣ совершить путешествіе съ желаемой быстротой; я медленно дотащился до Тавриза.

Полк. Ренненкампфъ, [1]) почти окончивъ съемку со стороны малаго Арарата, освѣдомлялся у меня, когда пріѣдетъ Мирза-Масудъ для окончанія сообща дѣла разграниченія. Я отправилъ изъ Нахичевани отношеніе къ персидскому комиссару; потомъ, встрѣтивъ его при переправѣ черезъ Араксъ, я лично просилъ его поспѣшить къ мѣсту назначенія Теперь я слышалъ, что оба комиссара пришли къ соглашенію и немедленно отправятся на пограничную линію въ Талишъ.

По ту сторону Аракса я былъ принятъ съ большимъ почетомъ, также какъ въ Тавризѣ. Но всего болѣе понравилась мнѣ та добрая память, которую оставили наши войска въ сельскомъ народѣ. Войско михмандара, присланное ко мнѣ отъ имени шаха, раздражало крестьянъ своими притѣсненіями и грубымъ обращеніемъ; бѣдные люди громко упрекали этихъ солдатъ въ ихъ несходствѣ съ Русскими, ко-

---

(Подлинникъ). Une forte récidive de ma fièvre de Tiflis m'a empêché de mettre la célérité que j'aurais voulu à mon voyage, et ce n'est qu'à très petites journées que j'ai pu parvenir à Tauris.

Le Colonel Rennenkampf, après qu'il eut presque achevé la levée du côté du petit Ararat, vint me demander au sujet de Mirza-Massoud, quand il se présenterait, pour qu'ils pussent terminer conjointement la démarcation des frontières. J'adressai de Nachtschévan un office au commissaire persan et, l'ayant rencontré moi-même au passage de l'Araxe, je le pressai de se rendre à sa destination. Maintenant j'ai l'avis que les deux commissaires se sont entendus pour se porter incessamment sur la ligne frontière du Taliche.

Passé l'Araxe j'ai été reçu avec les plus grandes distinctions, ainsi qu'à Tauris; mais ce qui m'a charmé le plus, c'est le souvenir de bienveillance que la population des campagnes a gardé aux troupes russes. Les gens armés du Mehmendar qui m'a été envoyé de la part du roi, provoquaient par leurs véxa-

---

[1]) Гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Ренненкампфъ былъ назначенъ гр. Паскевичемъ для опредѣленія на мѣстѣ границы между Россіею и Персіею, по туркменчайскому трактату опредѣленной. Со стороны Персіи коммиссарами были: Мирза-Масудъ, интендантъ-капитанъ Семино и Мирза-Ахмедъ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

торые и справедливы, и ласковы, такъ что народъ очень былъ бы радъ ихъ возвращенію.

На другой день, 7-го сего м., Аббас-мирза поспѣшилъ дать мнѣ свиданіе. Онъ сдержалъ слово, данное имъ въ письмѣ изъ Хамадана, пріѣхать въ Тавризъ какъ скоро я туда буду. Болѣзнь моя была причиною, что онъ предупредилъ меня здѣсь нѣсколькими днями. Онъ принялъ меня, такъ какъ и членовъ миссіи, которыхъ я ему представилъ; и вся бесѣда его состояла въ увѣреніяхъ преданности августѣйшей особѣ нашего государя, портретъ котораго украшалъ грудь его.

9-го числа я вручилъ ему ратификацію трактата, которую онъ принялъ стоя, окруженный всѣми сановниками своего двора, и при громѣ пушекъ; затѣмъ послѣдовали тѣ же увѣренія, что̀ наканунѣ, и еще съ бо̀льшею напыщенностью.

Съ тѣхъ поръ нисколько не ослабло вниманіе принца ко мнѣ; онъ радъ бы видѣть меня каждый день, и по нѣскольку разъ въ день, если-бъ болѣзнь не помѣшала мнѣ слѣдовать его частымъ приглашеніямъ. Но, несмотря на всю эту предупредительность, какъ только рѣчь заходитъ о дѣлахъ, начинаются затрудненія. Одно освобожденіе нашихъ плѣнныхъ подданныхъ причиняетъ мнѣ неимовѣрныя заботы; даже содѣйствіе правительства почти недостаточно для того, что-бы отнять ихъ у ихъ настоящихъ владѣльцевъ. Только слу-

---

tions et leurs manières brutales la mauvaise humeur des paysans, et ces malheureux leur reprochaient hautement de ne pas ressembler aux soldats russes, pour l'humanité et les mœurs affables, qu'ils ne cessent de regretter, et dont ils désirent sincèrement le retour.

Abbas-mirza s'empressa de me voir le lendemain même de mon arrivée: c'était le 7 du courant. Il a tenu parole m'ayant écrit d'Hamadan qu'il se rendrait à Tauris, sitôt que j'y serais arrivé. Ma maladie fit qu'il me précéda ici de quelques jours. Il me reçut, ainsi que les membres de la mission et d'autres officiers que je lui présentai, lui même décoré du portrait de Sa Majesté l'Empereur. Les protestations de fidélité, de dévouement à l'Auguste Personne de notre Souverain, remplirent toute la conversation.

Le 9 du crt., je lui remis la ratification du traité qu'il reçut debout, en présence de tous les dignitaires de sa cour; on tira le canon et les protestations de la veille furent réitérées avec plus d'emphase encore.

Les attentions du prince envers moi n'ont pas faibli un seul instant depuis; il aurait voulu me voir tous les jours, et même plusieurs fois dans la journée, si ma maladie ne m'avait empêché de me rendre à ses fréquentes invitations. Mais quoiqu'on use envers moi des procédés les plus prévenants, la manière de traiter les affaires ici est aussi épineuse qu'elle l'a toujours été. La seule mise en liberté de nos sujets prisonniers m'abreuve de soucis; l'assistance même

Библиотека "Руниверс"

чайнымъ образомъ удается мнѣ открыть мѣсто ихъ несправедливаго заключенія, и только тогда мое вмѣшательство имѣетъ успѣхъ.

Уплата 8 курура еще очень далека отъ осуществленія, и дѣло это представляетъ неразрѣшимыя затрудненія:

а) Правда, что 300 т. тумановъ уже выплачены нашими властями въ Хоѣ, за исключеніемъ около 2 т., но и эти не замедлятъ доставить.

б) Остальные 100 т. тумановъ, несмотря на положительныя обѣщанія, выраженныя Макдональду, выплатить ихъ, шахъ вовсе не ставитъ на счетъ, и даже формально отказался отъ уплаты. Такимъ образомъ поручительство англійскаго посланника—одна мечта. Едва-ли его правительство возьметъ на себя эту уплату въ угоду шаха. Въ такомъ случаѣ Макдональдъ, какъ честный человѣкъ, принужденъ будетъ своимъ состояніемъ покрыть сумму подписаннаго имъ векселя, который въ моихъ рукахъ. Вопросъ въ томъ: хватитъ-ли на это его состоянія?

в) У насъ въ залогѣ алмазы, обезпечивающіе остальные 100 т. тумановъ.

Цѣлые дни проходятъ въ выслушиваніи самыхъ нелѣпыхъ предложеній, все на счетъ этого дѣла, то самого шаха, то министровъ его, между тѣмъ какъ въ моей власти только настаивать на одномъ и томъ же, и отвергать одно за другимъ всѣ предложенія. Когда я

---

du gouvernement est à peu-près insuffisante pour les arracher à leurs maîtres actuels. C'est par le plus grand des hasards que je parviens quelquefois à découvrir les lieux de leur injuste détention, et c'est alors seulement, que mon intervention en leur faveur devient efficace.

Le paiement du 8-e courour est si loin d'être effectué, que cette affaire offre des difficultés presque insolubles:

a) Il est vrai que 300 m. tomans ont déjà été remis à nos autorités à Khoy, moins quelques 2,000 qui ne tarderont pas à y être ajoutés.

b) Pour les autres 100 m. le schah, après qu'il se fût engagé par les assurances les plus positives à M-r Macdonald, de donner la somme, n'en a plus tenu aucun compte: il s'en est même dédit formellement; et maintenant la garantie de l'envoyé anglais devient illusoire. Je doute, que son gouvernement prenne sur lui ce paiement pour le bon plaisir du schah. En ce cas M-r Macdonald serait assez honnête homme, pour couvrir de sa propre fortune la réalisation du titre signé par lui, et que j'ai entre mes mains; la question reste: s'il est assez riche pour cela.

c) Nous avons un nantissement en pierreries pour les 100 m. tomans restants.

Toutes mes journées sont absorbées par les différentes propositions des plus saugrenues à ce sujet, que je suis réduit à entendre de la part du prince et

Библиотека "Руниверс"

сюда прибылъ, то воспользовались моимъ званіемъ полномочнаго министра, что-бы склонить меня къ полной уступкѣ 200 т. тумановъ, по причинѣ очень простой, что нѣтъ уже ни гроша лишняго. Я отвѣчалъ Аббас-мирзѣ шутя, что я уполномоченъ вытребовать у него полную и немедленную уплату его долга безъ всякаго права дѣлать снисхожденіе. „Если вы такъ настаиваете на этомъ", сказалъ онъ мнѣ, „то какъ же вы поступите съ 9 и 10 курурами, которые обѣщали мнѣ простить вполнѣ, если я исполню прочія условія?" Но это обѣщаніе просто выдумка его, потому что главнокомандующій никогда не манилъ его этимъ. Я ему отвѣчалъ, что не буду тревожить его по двумъ другимъ курурамъ, предоставляя себѣ требовать ихъ отъ шаха, когда подойдетъ срокъ, и даже теперь я поступилъ бы не иначе, если-бы находящаяся у насъ въ закладѣ провинція не была удѣльною землею е. выс., такъ что я поставленъ въ печальную необходимость докучать ему.

„Точно вы не знаете", говорилъ онъ мнѣ, „что шахъ и слышать не хочетъ объ этихъ деньгахъ; и что оба курура падутъ на мою отвѣтственность". Я возражалъ, что не обязанъ знать, какіе у него домашніе разсчеты съ отцомъ, что шахъ подписалъ и ратификовалъ договоръ, а мое дѣло блюсти за исполненіемъ его, и проч.

Впрочемъ, вѣрно то, что страна до крайности обѣднѣла и отя-

---

de ses ministres, n'ayant moi-même d'autre alternative, que de tenir bon, et de les rejeter successivement, les unes après les autres. A mon arrivée ici, on s'est prévalu de ma qualité de ministre plénipotentiaire, pour m'engager à leur faire grâce en entier des 200 m. tomans, sous le prétexte très valable, qu'on n'a plus le sou à nous donner. Je dis en plaisantant à Abbas-mirza, que j'étais muni du pouvoir nécessaire, pour exiger de lui le paiement prompt et complet de sa dette, mais d'aucun pour une indulgence quelconque. «Si vous me pressez tellement sur ce point,— me dit-il,— que ferez Vous pour les 9-e et 10-e courours, qu'on m'a promis de me remettre en totalité, si je restais fidèle à mes autres engagements». Cette promesse, il se l'est imaginée pourtant, car le général en chef ne l'en a jamais bercé. Je lui répondis, que je ne l'inquiéterai jamais pour les deux autres courours, me réservant de les exiger du schah, quand le terme convenu approcherait, et maintenant encore je n'aurais pas agi autrement, si la province que nous gardons en dépôt n'eut pas été un apanage de S. A., ce qui me met dans la triste nécessité de lui paraître importun. «Comme si Vous ne savez pas»,— me dit-il — «que le schah ne veut pas entendre parler de cet argent, et que les deux courours tomberont encore à ma charge». Je lui objectai, que je n'étais pas censé connaître les arrangements domestiques qui avaient eu lieu entre lui et son illustre père, que c'est le schah qui avait signé et ratifié le traité, à l'exécution duquel je dois veiller etc.

Библиотека "Руниверс"

гощена налогами; такъ что когда подлежащій подати народъ не могъ уже ничего доставить сборщикамъ доходовъ, Аббас-мирза отдалъ намъ въ закладъ всѣ свои драгоцѣнности; его дворъ, его жены отдали даже бриліантовыя пуговицы со своихъ платьевъ. Словомъ, крайность выше всякаго описанія. Но какъ отвѣтственность моя слишкомъ велика, къ тому же я узналъ о существованіи 31 т. тумановъ, недавно силою добытыхъ въ Марагѣ и у Шагаговъ; также о томъ, что золотыя вещи, цѣною въ 15 —.20 т. тумановъ, находятся въ закладѣ у англійскаго посланника, такъ какъ онъ поручился за персидское правительство въ его долгѣ нашему; то по всему этому я объявилъ, что не приму никакого соглашенія для сообщенія его в. с., покуда не будутъ доставлены въ Хой еще 50 т. тумановъ, и прибавилъ, что, въ случаѣ упорнаго отказа, я уѣду въ Тегеранъ, оставивъ дѣла въ statu quo, т. е., за нами останутся полученные изъ Хойскаго комитета 300 т. тумановъ; область Хойская по прежнему будетъ занята нашими войсками, а залогомъ будутъ намъ служить алмазы въ 130 т. тумановъ, хранящіеся въ цитадели за печатями какъ русской, такъ и англійской миссій.

Вотъ, в. с, положеніе этого нескончаемаго дѣла о деньгахъ. Мой категорическій отвѣтъ произвелъ свое дѣйствіе. 50 т. тумановъ зо-

---

Il est vrai néanmoins que le pays est appauvri à l'extrême, grevé d'impôts, et les contribuables n'ayant plus rien à offrir aux collecteurs de revenus. Abbas-mirza s'est déparé de tous ses joyaux, pour nous les engager, son entourage, ses femmes mêmes ont dû fournir les boutons en diamant dont elles ornent leurs habits. C'est une misère au-delà de toute expression. Mais comme ma responsabilité est trop délicate, et que j'étais informé d'ailleurs d'une somme de 31 m. tomans, qu'on avait tout dernièrement extorquée à Maragua et chez les Chahaguis; que des effets en or, de la valeur de 15 à 20 mille tomans, se trouvaient dans la possession de l'envoyé anglais, comme sûreté pour la garantie dont il s'est rendu comptable à notre gouvernement, j'ai déclaré, que je n'écouterai plus aucun terme d'accommodement pour en faire mon rapport à V. E., avant que 50 m. tomans de plus n'ayent été envoyés à Khoy, et que si l'on s'obstinait à ne pas le faire, je partirai à Téhéran, laissant les choses in statu quo; c'est à dire: que les 300 m. tomans reçus par le comité à Khoy, nous resteraient, la Province de Khoy continuerait à être occupée par nos troupes, et que nous garderions comme nantissement les pierreries pour la valeur de 130 m. tomans déposées par le prince à la citadelle, et auxquelles ont été mis les scellés des deux missions: russe et anglaise.

Voilà où nous en sommes, V. E., dans cette interminable affaire d'argent. Ma réponse catégorique a produit son effet. 50 m. tomans, en or et argent, vont être incessament envoyés à Khoy. De très beaux candelabres, des effets du harem, dont l'ouvrage vaut presque à lui seul le prix du métal, ont été fondus en barres aujourd'hui pour compléter la somme, ce qui prouve évidem-

Библиотека "Руниверс"

лотомъ и серебромъ будутъ немедленно доставлены въ Хой. Для пополненія суммы, Аббас-мирза велѣлъ расплавить въ слитки превосходные золотые канделябры и разныя вещи изъ гарема, одна работа которыхъ стоитъ столько же, сколько самый металлъ; это распоряженіе явно доказываетъ безденежье шаха. Кромѣ того, я настоялъ на выдачу одному изъ англійскихъ офицеровъ, а именно маіору Гарту, документа, въ силу котораго онъ вправѣ наложить контрибуцію на какой угодно адербейджанскій округъ, что-бы добыть остальныя 50 т. тумановъ. Я полагаю, что это будетъ исполнено не сегодня, такъ завтра. Я не хотѣлъ употребить кого либо изъ нашихъ для этого дѣла, чтобъ не возбудить ненависти въ странѣ, въ которой мы проживаемъ. Надо было выбрать между Персіяниномъ и Англичаниномъ, и разумѣется выборъ палъ на послѣдняго, такъ какъ ничто не побуждаетъ меня довѣрять Персіянину.

Послѣ уплаты 400 т. тумановъ, мы оставили у себя въ закладѣ алмазы за остающіеся 100 т. тумановъ, а Хой можетъ быть очищенъ, согласно съ разрѣшеніемъ в. с. Однако я замѣчу, что если и несправедливо удерживать двойной залогъ (провинцію и алмазы) безъ всякаго о томъ договора, особенно за недоданную только пятую часть долга, то съ другой стороны я не предвижу выкупа не

---

ment, la pénurie dans laquelle se trouve Abbas-mirza. J'ai exigé de plus, qu'un titre fut délivré à l'un des officiers anglais, nommément le major Hard, en vertu duquel il serait autorisé à frapper de contribution tel arrondissement de l'Aderbéïdjan qu'il jugerait convenable, pour tirer 50 autres mille tomans. Ceci me sera accordé à ce que je pense, aujourd'hui ou demain. Je n'ai pas voulu que quelqu'un des nôtres s'employât à un office aussi odieux pour le pays où nous résidons. Il fallait donc opter entre un fonctionnaire persan ou anglais; le choix ne pouvait être douteux, vu que je n'ai aucune raison de me fier aux premiers.

Quand les 400 m. auront été payés, nous garderons en dépôt les pierreries pour les 100 m. restants, et Khoy pourra être évacué, selon l'autorisation même de V. E. Mais je dois observer, que, s'il est injuste de garder un double nantissement qui n'a été stipulé par aucun traité (la province et les pierres précieuses), et cela pour une dette réduite à un cinquième de sa totalité; d'un autre côté, je ne prévois pas que les effets que nous tenons maintenant puissent être rachetés en argent par Abbas-mirza, qui en est complétement dénué, à moins qu'on ne veuille recevoir de notre part, l'équivalent en coton, soieries, bijoux; ou que l'Intendance du Corps détaché du Caucase n'envoie ici ses commissionaires pour l'achat du matériel de l'armée en bétail, chevaux, blé, etc. mesure à laquelle V. E. m-r le général en chef. comte Paskévitch d'Erivan, avait déjà consenti une fois, et que je m'en vais lui proposer de nouveau. Je supplie en même temps V. E. d'y donner Votre assentiment.

Veuillez excuser l'extension que j'ai donnée à ces détails, m-r le comte,

Библиотека "Руниверс"

щей Аббас-мирзой, такъ какъ онъ положительно не имѣетъ денегъ; развѣ мы согласимся вмѣсто денегъ принять на ту же сумму хлопчатой бумаги, шелку и драгоцѣнныя вещи; а не то интендантство кавказскаго отдѣльнаго корпуса вышлетъ сюда коммиссіонеровъ для закупки скота, лошадей, хлѣба и пр. На послѣднюю мѣру в. с. главнокомандующій гр. Паскевичъ-Эриванскій уже изволили однажды дать свое согласіе, отчего я снова ее предлагаю; вмѣстѣ съ тѣмъ умоляю в. с. дозволить ее и нынче.

Извините, графъ, что я такъ распространился объ этомъ предметѣ; но я опасаюсь отвѣтственности, въ которую такъ легко попасть, когда дѣло идетъ о деньгахъ, и когда нельзя ожидать ни откровенности, ни податливости отъ тѣхъ людей, съ которыми мнѣ приходится имѣть дѣло. Примите, и т. д.

23-го октября 1828 г.

Бунтъ въ Хорасанѣ не имѣлъ другихъ болѣе важныхъ послѣдствій, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я сообщилъ в. с. 21-го прошлаго сентября. Начальство надъ новою арміею, собранною противъ мятежниковъ, распредѣлено между бывшимъ эриванскимъ сардаромъ, его братомъ Хасан-ханомъ и прочими лицами, участвовавшими въ кампаніи 1827 г. противъ насъ.

Царевичъ Александръ просилъ Аббас-мирзу позволенія прибыть сюда изъ Эрзерума, но получилъ отказъ.

По пріѣздѣ моемъ сюда, я узналъ, что принцъ ожидалъ возвращенія изъ Багдада своего посланнаго. Причина его размолвки съ па-

---

mais je ne puis assez me prémunir contre une responsabilité qu'on encourt toujours très facilement dans une matière aussi délicate, que l'est toute affaire pécuniaire, et où il n'y a aucune franchise, ni facilité à attendre des hommes avec lesquels je suis appelé à traiter ici.

Agréez etc.

(Подлинникъ). La révolte du Khorassan n'a pas eu d'autres suites plus graves que celles, dont j'ai eu l'honneur d'informer V. E. en date du 21 septembre dernier. Le ci-devant sardar d'Erivan, son frère Hassan-khan, et tous ceux qui ont figuré à l'ouverture de la campagne de 1827 contre nous, ont été nommés aux différents commandements dans la nouvelle armée qui s'organise contre les insurgés.

Le tzarévitch Alexandre s'est adressé à Abbas-mirza pour revenir ici d'Erzéroum, mais il a été refusé.

A mon arrivée ici, j'ai appris que le prince attendait le retour d'un émissaire, envoyé par lui à Bagdad. Le point de dissension qu'il a avec le pacha, serait la violation du territoire de Kerbelai, sacré pour les Alites, et que les troupes turques viennent d'occuper, contre l'engagement solennel qu'ils ont

Библиотека "Руниверс"

шею заключается въ осквернении священной для олитовъ кербелайской территоріи вступленіемъ въ нее турецкаго войска, въ противность заключеннаго съ Персіею торжественнаго договора, по которому это мѣсто богомолья со всѣмъ его округомъ считаются нейтральными.

Въ разговорѣ со мною Аббас-мирза сказалъ мнѣ, что Персія имѣетъ серьезныя причины жаловаться на Турокъ, которые не исполняютъ ни одного договора (замѣчаніе любопытное въ устахъ персидскаго принца). Онъ прибавилъ, что они не выполнили ни одного изъ условій, въ которыхъ сговорились съ нимъ; и что онъ охотно присталъ бы къ намъ, если-бы только былъ увѣренъ, что это будетъ пріятно императору. Я далъ ему понять, что содѣйствіе его всегда будетъ для насъ пріятно, только бы оно не имѣло послѣдствіемъ общности взаимныхъ интересовъ, потому что это повело бы къ еще бо́льшимъ препятствіямъ, поставляемымъ расположенію его величества къ миру. Кромѣ того я ему замѣтилъ, что теперь онъ уже не можетъ располагать пашалыками, какъ было въ началѣ войны: Баязетъ уже занятъ нами, а Мушъ и Ванъ покорятся при первомъ появленіи русскаго отряда, и что здѣсь вѣроятно мы запасемся продовольствіемъ для войска; а персидскій корпусъ не принесетъ намъ

---

contracté envers la Perse, et par lequel ce lieu de dévotion, ainsi que tout son territoire a été déclaré neutre.

Dans une conversation que j'ai eue avec Abbas-mirza, il m'a dit, que la Perse a des griefs réels contre les Turcs, qui n'observent aucun traité (un propos assez curieux dans la bouche d'un prince persan). Il m'ajouta, qu'aucune des clauses, auxquelles ils s'étaient engagés envers lui, n'a été remplie de leur côté, et qu'il ferait volontiers cause commune avec nous, s'il eût eu seulement la moindre assurance, que l'Empereur lui en aurait su gré. Je lui fis entendre, qu'une coopération de sa part ne pouvait jamais être mal vue chez nous; pourvu qu'il ne s'en suivit aucune solidarité des intérêts réciproques, car cela ne ferait qu'ajouter aux difficultés qu'on oppose aux vues pacifiques de Sa Majesté l'Empereur. Je lui observai de plus, que les Pachaliks qui étaient à sa portée au commencement de la guerre, ne le sont plus actuellement, Bajazet étant déjà occupé par nous, et Mousch et Van se soumettraient à l'apparition d'un détachement russe, que c'est de là que nous tirerions probablement les moyens de subsistance pour nos troupes, et un corps d'armée persan ne nous serait d'aucun secours, et ne ferait qu'épuiser le pays et nous empêcher par là dans nos opérations ultérieures. Mon idée, en lui parlant ainsi, était, que plus j'agirais franchement dans des communications de ce genre, mieux cela serait; car il y a toujours mille moyens indirects de lui enflammer l'imagination, sans que nous lui donnions les motifs de s'en prendre à nous, s'il se décidait à une entreprise peut-être trop hasardée, et dont il se repentirait après. Il m'a dit qu'il était si loin de vouloir nous empêcher en

Библиотека "Руниверс"

никакой пользы; напротивъ, истощитъ страну и тѣмъ помѣшаетъ намъ въ дальнѣйшихъ операціяхъ. Говоря такимъ образомъ, я полагалъ, что чѣмъ откровеннѣе буду въ сообщеніяхъ такого рода, тѣмъ лучше, такъ какъ всегда найдется тысяча средствъ косвеннымъ образомъ воспламенить его воображеніе, не давая ему повода свалить вину на насъ, въ случаѣ, если-бы онъ рѣшился на рискованное дѣло, въ которомъ бы послѣ раскаялся. Онъ говорилъ, что далекъ отъ намѣренія помѣшать намъ въ чемъ-либо, напротивъ: предлагаетъ свои услуги русскому императору. Пусть укажутъ ему куда идти, такъ что-бы это не стѣсняло нашихъ завоевательныхъ плановъ. Онъ обойдетъ Ванъ и нападетъ на Багдадъ.

Два дня спустя, онъ не скрылъ отъ меня полученныхъ имъ свѣжихъ извѣстій отъ Кербелайскаго шейха, отъ Мутофинскаго и отъ другихъ начальниковъ аравійскихъ племенъ, такъ какъ и отъ знатнѣйшихъ лицъ города Багдада, которыя всѣ въ заговорѣ противъ паши, подъ предводительствомъ его кеая. Они приглашаютъ принца придти къ нимъ съ какою бы то ни было, хотя и малочисленною, арміею; тогда немедленно отдѣлаются отъ Давуд-паши, а Аббас-мирзѣ предоставили бы городъ и всю страну.

Такъ какъ время осеннее и въ настоящую минуту Аббас-мирза, не въ состояніи ничего предпринять, то я и не воспользовался его политическими сообщеніями. Я подожду приказанія в. с., которыя

---

quelque chose, qu'au contraire, il offrait ses services à l'Empereur de Russie. Qu'on devait lui indiquer où il pourrait se porter, sans que cela gênât en rien nos projets de conquêtes. Il éluderait Van, et attaquerait Bagdad.

Deux jours après, il ne fit aucun mystère des intelligences, qu'il avait fraichement reçues du Scheik de Kerbélai, de celui des Moutéfics, et d'autres chefs des tribus arabes, ainsi que des notables de la ville de Bagdad, qui conspirent tous contre la pacha, sous la direction de son keaia. Le prince est invité par eux de venir vite à la tête d'une armée quelque peu nombreuse qu'elle soit; on se serait tout de suite défait de Davoud-pacha; on aurait livré à Abbas-mirza la ville et le pays entier. Comme la saison est déjà très avancée, et qu'à cette heure Abbas-mirza n'est pas en mesure de pouvoir entreprendre quelque chose, réduit à l'extrêmité par nos prétentions d'argent, je n'ai donné aucune suite aux confidences politiques qu'il m'a faites. J'attendrai les ordres, que V. E. jugera à propos de me transmettre à ce sujet, et ce serait pour mon retour de Téhéran. Mais, sans que je me permette en rien d'influencer Votre décision, je crois, que si la guerre durait, la prise simultanée d'Erzéroum par les Russes, et celle de Bagdad par Abbas-mirza, serviraient bien notre cause.

Ce que j'ai eu l'honneur de Vous rapporter jusqu'ici, est antérieur de quelques jours à une autre circonstance. L'envoyé anglais a reçu un courrier de Constantinople, d'un agent subalterne, qui y réside sous la protection du mi-

Библиотека "Руниверс"

по безденежью своему, вслѣдствіе нашихъ денежныхъ требованій, послѣдуютъ уже по возвращеніи моемъ въ Тегеранъ. Не позволяя себѣ вліять чѣмъ либо на ваше рѣшеніе, я скажу, что если война продлится, то одновременное взятіе Эрзерума Русскими, а Багдада Аббас-мирзою, принесетъ пользу нашему дѣлу.

То, что я имѣлъ честь доложить вамъ по сихъ поръ, предшествовало нѣсколькими днями другому обстоятельству. Англійскій посланникъ получилъ изъ Константинополя депешу отъ одного подначальнаго агента, находящагося подъ покровительствомъ нидерландскаго посланника. Депеша сообщаетъ, что наши войска потерпѣли подъ Шумлою значительное пораженіе, которое пріободрило Диванъ и народъ въ Константинополѣ. Тамъ увѣрены, что въ нынѣшнемъ году не станутъ пробиваться черезъ Балканы. Извѣстіе о предполагаемомъ уронѣ Русскихъ, до-нельзя преувеличенномъ въ турецкихъ бюлетеняхъ, дѣятельно повліяло на наборъ войска въ Азіи; и войско это, по словамъ англійскаго корреспондента, одушевлено желаніемъ сразиться съ непріятелемъ. Этотъ же успѣхъ до того раздулъ надежды Дивана, что реис-эфенди отвергнулъ предложеніе, сдѣланное портѣ посланникомъ Стратфордъ-Канингъ, изъ Корфу, гдѣ онъ нынѣ живетъ, — предложеніе, клонившееся къ тому, что-бы расположить ее къ миролюбивымъ мѣрамъ. Я принимаю это дѣло за напыщенное извращеніе той вылазки, во время которой у насъ

---

nistre des Pays-Bas. La dépêche porta, que nos troupes ont essuyé une déroute complète auprès de Schoumla, et que cela a ranimé la confiance du Divan et du peuple de Constantinople. On y est persuadé que le passage du Balkan ne sera pas forcé cette année. La nouvelle du désastre supposé des Russes, outré au possible par les bulletins turcs, aurait efficacement influencé la levée des troupes en Asie, qui, selon le rapport du correspondant anglais, seraient animées de la plus grande ardeur à combattre l'armée d'invasion. Un message de l'Ambassadeur Strattford-Canning, résidant maintenant à Corfou, qui tendait à ramener la Porte à des mesures de conciliation, aurait été rejeté par le Reïs-Effendi, vu la nouvelle exaltation dont le Divan a été enflé par ces nouveaux succès. J'ai interprêté cela, comme une version emphatique de la sortie, où on nous enleva une redoute etc., et je me félicite de n'en avoir pas fait mystère à mon arrivée ici.

Selon une autre lettre du général Elphingston, qui est maintenant à Constantinople, cette capitale continue à être approvisionnée par Odessa et la Crimée.

Je ne Vous rapporte ces choses, monsieur le comte, que pour vous faire juger de ce qui circule ici, et de l'effet que cela pourrait produire sur les décisions du gouvernement persan.

Agréez etc.

Библиотека "Руниверс"

отняли редутъ, и т. д., и я радъ, что не скрывалъ о томъ по пріѣздѣ сюда.

Согласно съ другимъ письмомъ генерала Эльфингстона, находящагося теперь въ Константинополѣ, эту столицу по прежнему надѣляютъ продовольствіемъ Одесса и Крымъ.

Сообщаю вамъ объ этомъ, графъ, съ тѣмъ, что-бы дать понятіе о здѣшнихъ слухахъ и о томъ дѣйствіи, которое они могутъ произвести на рѣшенія персидскаго правительства.

Примите, и проч.

26-го октября 1828 г. Тавризъ.

Избѣгая пересочиненія однѣхъ и тѣхъ же бумагъ, честь имѣю представить в. с. въ копіи двѣ депеши мои къ вице-канцлеру. Содержаніе ихъ слишкомъ близко касается важныхъ порученій и обширнаго круга дѣйствія, Высочайшей властью предоставленнаго в. с., и потому я почелъ нужнымъ неукоснительно довести ихъ до вашего свѣдѣнія. Замѣчанія, которыя угодно будетъ вамъ сдѣлать по равнымъ предметамъ, мною излагаемымъ, могутъ раскрыть новые виды, которые по отдаленности избѣжали бы вниманія министерства иностранныхъ дѣлъ. Честь имѣю присовокупить слѣдующее:

1) Аббас-мирза, если уплатитъ 400 т. тумановъ, то рѣшительно не въ состояніи дать болѣе наличными деньгами, ибо ни онъ ихъ не имѣетъ, ни край, ему подвластный, въ которомъ всѣ вообще обѣднѣли. Не благоугодно-ли будетъ в. с. принять въ уплату вещи, цѣнностію своею равняющіяся вполнѣ или частію требуемой суммѣ, иначе мы вѣкъ не выручимъ послѣднихъ 100 т. тумановъ. Если вамъ угодно будетъ сдѣлать здѣсь закупку хлѣба или скота, верблюдовъ, катеровъ и лошадей, то сіе въ теперешнихъ обстоятельствахъ весьма удобно. Не знаю, до какой степени теперь войска дѣйствующаго отряда нуждаются въ продовольствіи; можетъ быть онѣ снабжены имъ достаточно, но что касается до крупнаго рогатаго скота, то я, во время пребыванія моего въ Грузіи, удостовѣрился, что его тамъ весьма мало.

2) По полученіи съ Персіянъ четырехъ пятыхъ долей осьмаго курура, за остальныя 100 т., ни подъ какимъ уже благовиднымъ предлогомъ нельзя намъ удержать Хой, имѣя въ рукахъ нашихъ залогъ изъ драгоцѣнныхъ камней на сумму, превосходящую наше требованіе. Я всемѣрно старался негоціировать дальнѣйшее пребываніе войскъ нашихъ въ Хоѣ, согласно съ желаніемъ в. с., предлагалъ даже возвращеніе драгоцѣнныхъ камней, но здѣшнему правительству слишкомъ ощутителенъ убытокъ, который оно претерпѣваетъ отъ занятія нами сей области, и доводы его неоспоримы, ибо

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ временемъ, какъ мы требуемъ съ нихъ слѣдующую намъ контрибуцію, они платятъ вдвойнѣ, бывъ лишены хойскихъ доходовъ.

3) Послѣднее условіе Аббас-мирзы такого рода, что онъ, сверхъ 350 т., чрезъ сорокъ дней уплатитъ еще 50 т. тумановъ по ракаму,[1]) вытребованному мною англійскому маіору Гарту, для собранія сихъ денегъ, въ различныхъ здѣшнихъ уѣздахъ, съ помѣщикомъ, купцовъ, ремесленниковъ и проч., но съ тѣмъ условіемъ что-бы я, передъ отбытіемъ моимъ въ Тегеранъ, снабдилъ его бумагою къ ген. Панкратьеву, касательно очищенія Хойской области, коль скоро сіи деньги получатся. Я на сіе согласился, имѣя въ виду, что безъ понужденія моего деньги сіи такъ скоро не уплатятся, и наши войска могутъ зимовать въ Хоѣ, по желанію в. с. Съ другой стороны нельзя, однако, такъ вѣрно разсчитывать на неаккуратность персидскую. Въ такомъ случаѣ, если деньги сіи чрезъ сорокъ дней будутъ уплачены, то не угодно-ли будетъ в. с. перевести въ Аббас-абадъ или Нахичеванъ комитетъ для полученія остальныхъ 100 т. тумановъ, весьма, впрочемъ, сомнительныхъ.

4) Аббас-мирза не противится пребыванію войскъ нашихъ въ Хоѣ, лишь бы поставить ему для собиранія податей и внутренняго управленія своихъ собственныхъ чиновниковъ, а нашимъ болѣе ни во что не вмѣшиваться. Если на сіе будетъ разрѣшеніе в. с., то войска наши могутъ тамъ остаться всю зиму; но самъ я не рѣшился принять сіе предложеніе, опасаясь столкновенія властей весьма непріятнаго, и даже безпорядковъ въ самомъ народонаселеніи той области.

5) Полученіе остальныхъ 100 т. тумановъ, по обоюдному условію Аббас-мирзы со мною, отдалено до ноуруза[2]) слѣдующаго года, т. е. до 10-го марта. Между тѣмъ посылается имъ агентъ его въ шаху, что-бы подъ залогъ тѣхъ же драгоцѣнныхъ камней, которые теперь у насъ въ рукахъ, или акта, которымъ Аббас-мирза поступается (?) доходами съ одной изъ своихъ областей въ пользу отца своего, получить отъ е. в. въ займы означенныя 100 т. тумановъ. Я съ моей стороны буду подкрѣплять при шахѣ стараніе сына его, что-бы еще до ноуруза получить сію сумму. Но все сіе весьма не надежно.

6) Надѣюсь, что и в. с. одобрите несовершенную мою довѣренность къ англійскому ручательству. Оно было основано на словѣ и фирманѣ шахскомъ. Но шахъ отказался,—слѣдовательно и ручательство Макдональда — личное, не обезпеченное полномочіемъ на то отъ его правительства. Но хотя я всемѣрно стараюсь отъ самихъ Персі-

[1]) Ракамъ — письмо, приказъ принца крови, шах-заде.
[2]) Ноурузъ, т. е. новый годъ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

янъ выручить тѣ 100 т. тумановъ, за которыя поручился Макдональдъ, и половина коихъ уже отправлена въ Хой, чѣмъ избавляю и его и себя отъ отвѣтственности; со всѣмъ тѣмъ я имѣю въ рукахъ бумагу съ подписью англійскаго посланника, въ силу коей онъ обязывается платить намъ, если-бы Персіяне оказались несостоятельными.

Въ заключеніе честь имѣю испросить окончательнаго распоряженія в. с. насчетъ очищенія Хойской провинціи. Конвенція, одобренная какъ вами, такъ и по представленію вашему Г. И., остается во всей силѣ. За 300 т. в. с. согласны были вызвать оттуда войска наши; сія сумма и, сверхъ того, 50 т. уже уплачены, и 50 т. другихъ также будутъ отданы въ свое время или нѣсколько позже, по обычаю здѣшнему. Но тогда уже не поздно-ли будетъ войскамъ нашимъ выступать въ походъ по испорченности дорогъ въ зимнее время? Если же принуждены онѣ будутъ зазимовать въ Хоѣ, то будете-ли в. с. согласны, что-бы мы не взимали никакихъ денежныхъ податей съ тамошнихъ жителей? Въ такомъ случаѣ и Аббас-мирза не станетъ домагаться скорѣйшаго очищенія сей области. Прошу в. с. почтить меня какъ можно поспѣшнѣе вашимъ отвѣтомъ. Если я уже къ тому времени отбуду въ Тегеранъ, то генеральному консулу нашему предоставляю право распечатывать оффиціальные конверты, которые присылаемы будутъ на мое имя, и онъ по сему предмету будетъ руководствоваться вашимъ предписаніемъ.

30-го октября 1828 г. — Тавризъ.

Тесть мой завоевалъ въ Баязетѣ нѣсколько восточныхъ манускриптовъ; сдѣлайте милость, не посылайте ихъ въ Императорскую библіотеку, гдѣ никто почти грамотѣ не знаетъ, а въ Академію Наукъ, гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія возможную пользу для ученаго свѣта.

31-го октября 1828 г. — Тавризъ.

Въ отвѣтъ на почтеннѣйшее отношеніе, в. с., отъ 22-го сентября, № 414, честь имѣю извѣстить васъ, что я предлагалъ англійскому посланнику получить отъ меня 2,000 черв., которые были выданы мнѣ изъ интендантства отдѣльнаго кавказскаго корпуса на сей предметъ, во время пребыванія моего въ главной квартирѣ в. с. при Ахалкалакѣ. Макдональдъ просилъ меня, что-бы всѣхъ данныхъ имъ въ займы нашему консулу 3,650 черв. и 750 Абуль-Хасан-хана включительно, в. с. взяли на себя трудъ сдѣлать переводъ чрезъ С.-Петербургъ въ Лондонъ, на имя гг. Базетъ, Кольвинъ, Кравфортъ и комп., которыхъ адресъ при семъ честь имѣю приложить. Ассигнація же в. с., данная Абуль-Хасан-хану на 3,000 тумановъ, я пере-

Библиотека "Руниверс"

сылаю съ нынѣшнимъ моимъ курьеромъ. Лестный отзывъ в. с. насчетъ Макдональда и благосклонность, съ которою вы изъявляете угодность быть ему всегда полезнымъ, я имѣлъ удовольствіе ему передать, за что онъ приноситъ в. с. чувствительнѣйшую благодарность.

2,000 черв., которые я получилъ изъ интендантства, я, по собственному разрѣшенію в. с., удержалъ у себя, и прошу васъ покорнѣйше приказать зачесть ихъ въ счетъ моего жалованья на слѣдующій годъ.

А. С. Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу

10-го ноября 1828 г. — Тавризъ.

(Переводъ съ французскаго). Я успѣлъ уже продлить срокъ уплаты должныхъ намъ за очищеніе Хоя денегъ, съ намѣреніемъ оставить тамъ наши войска на зимовку, согласно съ предписаніемъ в. с., какъ получено мною отъ генерала барона Сакена [1]) извѣщеніе о новомъ назначеніи квартирующаго въ Хоѣ отряда.

Я счелъ долгомъ сообщить принцу, что ген. Панкратьевъ, успокоенный мною на счетъ близкаго срока выкупа Хоя, а именно въ 25 дней, считая съ 26-го октября, по уговору нашему съ е. выс., готовится къ выступленію съ большею частію своего отряда, съ намѣреніемъ избѣжать подходящее дурное время года, однако къ этому я прибавилъ, будто генералъ требовалъ отъ меня письменнаго руча-

---

(Подлинникъ). J'avais déjà prolongé le terme du paiement qui nous est dû pour l'évacuation de Khoy, dans le but d'y faire hiverner nos troupes, comme Votre Excellence me l'avait d'abord recommandé, quand le papier du général baron Sacken me parvint, m'annonçant la nouvelle destination du détachement cantonné à Khoy.

J'ai cru devoir communiquer au prince royal, que le général Pankratieff, rassuré par moi sur le terme prochain auquel le rachât de Khoy devait être effectué définitivement, c. à d. dans les 25 jours à dater du 26 octobre, comme nous en étions convenus avec Son Altesse, s'apprêtait à marcher avec la majeure partie de son détachement, pour éviter par la suite la mauvaise saison; mais j'ajoutais comme s'il exigeait une garantie par écrit de moi, qu'à l'avenir ses troupes ne seraient pas replacées dans la fâcheuse alternative de venir réoccuper la Province, si Son Altesse nous manquait de parole. D'un côté la joie imprévue de se voir sitôt débarrassé du Corps d'occupation, et de l'autre la crainte que si nos troupes revenaient, cela serait pour ne plus se désemparer d'une province qui est, peut être, la plus riche de l'Adzerbeïdjan; enfin d'une façon ou de l'autre, on fit en sorte, qu'aujourd'hui encore ou demain, 35

---

[1]) Ген.-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ, былъ въ это время областнымъ начальникомъ Адербейджана. А. В.

Библиотека "Руниверс"

тельства въ томъ, что впредь войска его не будутъ поставлены въ непріятную необходимость снова занять провинцію, въ случаѣ, если е. выс. не сдержитъ даннаго намъ слова. Отъ неожиданной-ли радости, что такъ скоро очистится страна отъ чужаго войска, или отъ страха, какъ бы наши войска, возвратясь, не засѣли уже окончательно въ провинціи, чуть-ли не самой богатой во всемъ Адербейджанѣ; какъ бы то ни было, Персіяне устроили такъ, что не далѣе какъ сегодня или завтра будутъ доставлены изъ Хоя еще 35 т. тумановъ. Такимъ-то образомъ я вымогаю у нихъ по частямъ слѣдующую намъ сумму; теперь менѣе, чѣмъ когда-либо я въ состояніи опредѣлить время, въ которое мы получимъ ее сполна. Можетъ быть виновата собственная моя неопытность въ веденіи дѣлъ съ здѣшнимъ народомъ, но и то надобно сказать, что многое ратуетъ въ его пользу. Это прежде всего совершенный недостатокъ въ средствахъ какъ у принца, такъ и у его подданныхъ; далѣе, положеніе нашихъ дѣлъ въ Турціи, далеко не рѣшенныхъ. Я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ в. с., что если еще продлится война, можно бы склонить Аббас-мирзу вполнѣ въ нашу пользу; но въ такомъ случаѣ не надобно преслѣдовать его нашими денежными претензіями.

Шахъ выѣхалъ изъ своей столицы и направился на Фераханъ, мѣстечко, лежащее на пути изъ Хамадана въ Испаганъ. Онъ писалъ сыну, что-бы тотъ попросилъ меня остаться здѣсь до его возвращенія. Повидимому, важныя обстоятельства заставили его поспѣшить

---

m. tomans de plus seront envoyés à Khoy; et c'est ainsi que je me vois réduit à leur tirer pièce par pièce la somme requise: je saurais fixer, maintenant moins que jamais, l'époque à laquelle nous pourrions la retirer en entier. Peut-être y a-t-il de ma propre inexpérience dans le mode de traiter avec les hommes d'ici, mais je Vous assure, monsieur le comte, que trop de raisons militent en leur faveur. D'abord le dénuement complet dans lequel se trouve le prince et tous ses sujets, et d'autres considérations d'un ordre majeur, ce sont nos affaires en Turquie, si loin d'être terminées, je suis tout à fait de l'opinion de Votre Excellence, qu'on pourrait encore faire adopter chaudement nos intérêts à Abbas-mirza, si la guerre allait durer plus longtemps; mais, en ce cas, il ne faudrait pas le pousser à bout par nos prétentions d'argent.

Le schah vient de quitter sa capitale pour se rendre à Férahan, un petit bourg sur le chemin de Hamadan à Ispahan. Il a adressé une lettre à son fils pour m'engager de rester ici jusqu'à ce qu'il soit de retour. Son départ précipité dans une saison aussi avancée, doit avoir été motivé par des circonstances assez impérieuses. Je m'empresse de transmettre à Votre connaissance celles qui me sont parvenues.

1) Les affaires du Khorassan ne vont pas au gré du gouvernement. On a beaucoup espéré des talents militaires et du crédit dont jouissait parmi les habi-

Библиотека "Руниверс"

отъѣздомъ въ такую позднюю пору. Спѣшу передать вамъ изъ нихъ тѣ, о которыхъ я слышалъ.

1) Дѣла въ Хорасанѣ идутъ не такъ, какъ желало бы правительство. Многаго ожидали отъ военнаго таланта и вліянія на жителей бывшаго эриванскаго сердаря; между тѣмъ, до сихъ поръ онъ принужденъ держаться въ сторонѣ отъ укрѣпленныхъ городовъ, которые не впускаютъ его къ себѣ. Онъ находится еще въ трехъ фарсагахъ[1]) отъ Нишабура, въ ожиданіи присылки отъ брата подкрѣпленія.

2) Въ городѣ Ездѣ и округѣ его открытый мятежъ.

3) Возстаніе также въ Луристанѣ, раздираемомъ нѣсколькими партіями. Двое сыновей шаха: Махмудъ и Мамед-Таги спорятъ изъза власти.

4) Такое же состояніе умовъ въ Кирманѣ, возставшемъ противъ притѣсненій губернатора, сына шаха Хасан-Али-мирзы; генералъ его, Хашим-ханъ, недавно потерпѣлъ пораженіе отъ мятежниковъ, которыми командовалъ Шефи-ханъ.

Эти безпорядки заставили шаха ѣхать какъ для того, что-бы быть ближе къ возставшимъ южнымъ провинціямъ, такъ и для собранія денегъ и войска у сыновей своихъ, губернаторовъ Буруджирскаго, Хамаданскаго и другихъ, которымъ онъ послалъ приказы о немедленномъ прибытіи къ нему въ Фераханъ. Примите, и т. д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Ад. П. Берже.

---

tants. le ci-devant sardar d'Erivan, mais il est réduit jusqu'ici à se tenir à l'écart des villes fortifiées, qui ne lui ouvrent pas les portes. Il est encore à trois farsangues de Nichabour, pour y attendre les renforts que son frère lui doit amener.

2) La ville et le district de Yezd sont en pleine rebellion.

3) Le Louristan s'est insurgé de même, déchiré par différentes parties. Deux des fils du schah s'y trouvent en dispute de pouvoir: Mahmoud et Méhemmed Tagui.

4) C'est de même dans le Kerman que s'est soulevé pour avoir été trop opprimé par son gouverneur, le fils du roi, Hassan-Ali-mirza, dont le général Hachim-khan vient d'essuyer un échec contre les rebelles, commandés par Chéfi-khan.

C'est à la suite de ces désordres que le Schah a résolu son départ autant pour se rapprocher des provinces du midi, nouvellement révoltées, que pour tâcher de tirer de l'argent et des troupes de ses fils le gouverneur de Bouroudgird, celui de Hamadan et d'autres, auxquels il a envoyé des ordres très pressants pour venir le trouver à Férahan.

Veuillez agréer etc.

[1]) Фарсагъ равенъ 1 нѣмецкой милѣ. А. В.

Библиотека "Руниверс"

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Скупка женскихъ волосъ.

1712.

Отписка управителя Рыбинскихъ и Оносовскихъ присельевъ Жохова.

„Великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, свѣтлѣйшему Римскаго и Россійскаго государствъ князю и герцогу Ижерскому, его царскаго величества верховному дѣйствительному тайному совѣтнику и надъ войскіи командующему, генералу-фельтмаршалу и губернатору Санктпитербурхской губерніи, кавалеру святаго апостола Андрея и слона, бѣлаго и чернаго орловъ, и подполковнику отъ Преображенской лейбъ-гвардіи и полковнику надъ тремя полками, Александру Даниловичю Меншикову, Ѳедоръ Жоховъ челомъ бьетъ. Въ присланномъ его царскаго величества указѣ изъ Ярославля изъ приказной палаты писано: велѣно покупать у женска полу долгіе волосы, которые продать пожелаютъ; а за тѣ волосы давать деньги по рублю и по два, и смотря, ежели которые мяхкіе и длинные, и по три рубли, а паче смотрить сѣдыхъ волосовъ у старыхъ бабъ, и буде кто похотятъ такіе волосы продавать и тѣхъ людей велѣно присылать въ Ярославль съ отписками. И объ вышеписанномъ его царскаго величества указъ въ Рыбенскихъ и Оносовскихъ присельяхъ, всякаго чина людемъ сказанъ, и такихъ охочихъ людей сего генваря по осмонадесять число никого не явилось. А сію отписку послалъ я въ Ярославль съ солдатомъ Осипомъ Емельяновымъ и велѣлъ подать въ Ярославлѣ въ приказной палатѣ господину полковнику и оберъкоменданту князю Григорію Ивановичю Волконскому, да господину

Библиотека "Руниверс"

коменданту Степану Яковлевичю Коровину съ товарыщи. 1712 г. генваря въ 20 день. Ѳедоръ Жоховъ".

На адресѣ, подъ полнымъ титуломъ Меншикова, подписано: „1712 г. генваря въ 28-й день, отъ Ѳедора Жохова, подалъ солдатъ Осипъ Емельяновъ".

2. Отписка управителя Верховскаго стану князя Щепина-Ростовскаго.

.... (начало отписки одинаково съ предыдущимъ).... „князь Василей Щепинъ-Ростовской челомъ бьетъ: въ прошломъ, государь, 711 г., по присланному великаго государя указу, велѣно мнѣ объявить указъ великаго государя моемъ вѣдѣніи всякаго чина людемъ: хто похощетъ волосъ продать женскаго полу, а паче старыхъ бабъ. И я въ своемъ вѣдѣніи присланной великаго государя указъ всякому чину сказалъ. А какіе охотники будутъ о продажѣ волосовъ и ко мнѣ моего вѣдѣнія явятся, и я буду такихъ присылать въ Ярославль въ приказную палату не замедля. А отписку послалъ нынѣшняго 712 г. генваря въ 23 числѣ съ кормовымъ Тиханомъ Маметевымъ и велѣлъ подать въ Ярославлѣ, въ приказной палатѣ, господину полковнику и оберъ-коменданту князь Григорью Ивановичю Волконскому, да господину коменданту Стефану Яковлевичю Коровину съ товарыщи. Князь Василей Щепинъ-Ростовской".

На адресѣ: „1712 г. генваря въ 28 день подалъ кормовой Тиханъ Маметевъ".

Деньги для радости.

1712.

4-го іюня 1712 г. посланный изъ С.-Петербурга Митрофанъ Нелюбовъ привезъ въ Ярославль къ оберъ-коменданту тамошней провинціи, отъ вицъ-губернатора С.-Петербургской губерніи Якова Никитича Римскаго-Корсакова, письмо слѣдующаго содержанія:

„Господинъ оберъ-комендантъ Ярославской. Сего марта дня, по имянному царскаго величества указу, велѣно ближнему окольничему Козмѣ Крисанѳовичу Патрекѣеву ѣздить въ Санктпитербурхской губерніи по городамъ со объявленіемъ нынѣшней радости, что его царское величество изволилъ совокупитца законнымъ бракомъ съ великою государынею, благовѣрною царицею и великою княгинею Екатериною Алексѣевною. А нынѣ ему, ближнему окольничему, по городамъ ѣхать не велѣно, а вмѣсто того, что было довелось Санктпитербурхской губерніи, оберъ-комендантомъ и комендантомъ и посацкимъ людемъ, за такую радость, ево, господина ближнева окольничего, почтить, дано изъ санктпитербурхской канцеляріи заимно

Библиотека "Руниверс"

денегъ 2,000 рублевъ; а то число собрать въ санктпитербурхскую канцелярію Санктпитербурхской губерніи, съ архіереовъ и съ оберъ-комендантовъ и комендантовъ и съ приказныхъ и съ посацкихъ людей въ самыхъ скорыхъ числехъ неотложно. И по расположенію довелось взять съ тебя 50, съ коменданта и съ дьяковъ 50, съ бурмистровъ 100, всего 200 рублевъ, и для взятья тѣхъ денегъ посланъ къ вамъ Митрофанъ Нѣловъ. И ваша милость о сборѣ и о присылкѣ въ санктпитербурхскую канцелярію со онымъ посланнымъ вышеупомянутыхъ денегъ, изволь учинить по вышеписанному его, великаго государя, указу непремѣнно, безъ всякаго замедленія. Отъ Санктпитербурха, марта 27-го дня 1712 году".

Оберъ-комендантомъ ярославскимъ въ это время былъ князь Юрій Степановичъ Нелединской-Мелецкой, недавно назначенный на эту должность и потому еще проживавшій въ Москвѣ. Петербургское письмо того же дня послано было къ нему по почтѣ. Между тѣмъ, не выжидая распоряженія оберъ-коменданта, слѣдовало немедленно удовлетворить и отправить Нѣлова. Для этого власть тотчасъ дѣлаетъ запросъ въ палату о деньгахъ: „подъячему Петру Дерябину подъ симъ письмомъ подписать: что въ приказной палатѣ денежные казны, которые сбираны по нарядамъ, а тѣхъ денегъ въ Санктпитербурхъ отсылать не довлѣетъ, и какихъ сборовъ порознь на лицо?" Дерябинъ отвѣчалъ: „по справкѣ у расходу въ приказной палатѣ денежной казны, которые сбираны по нарядамъ, а тѣхъ денегъ въ Санктпитербурхъ отсылать не довлѣетъ, а имянно: каменщикомъ переведенцомъ 1,004 рубли съ деньгою, работникомъ съ 30 душъ 506 рублевъ 30 алтынъ, на наемъ подводъ подъ господина коменданта 115 руб. штрафныхъ, которые взяты за неуправленіе, да съ становыхъ управителей 82 руб., всего 1,707 рублевъ 30 алтынъ 1 деньга".

На основаніи этого на другой же день, т. е. 5-го іюня 1712 г. палатою постановлено: „велѣть вышеписанное число денегъ сто рублевъ за господина оберъ-коменданта Юрья Степановича Нелединскаго-Мелецкаго и за господина коменданта и за дьяковъ выдать изъ вышеозначенныхъ работничьихъ денегъ и присланному отдать съ росписью; а росписку взять на особливомъ листу и о томъ къ расходчику послать письмо и о возвращеніи тѣхъ денегъ къ пріѣзду ево господина оберъ-коменданта выписать тотчасъ; а о присылкѣ такихъ же денегъ въ приказную палату съ доношеніемъ къ земскимъ бурмистрамъ послать указъ и велѣть прислать сего числа неотмѣнно. Да изъ вышеозначенныхъ денегъ присланному дать въ почесть десять рублевъ безъ росписки".

За симъ письмо къ расходчику Петру Дерябину о выдачѣ оныхъ

Библиотека "Руниверс"

денегъ присланному послано того же числа, а получивши деньги, Неѣловъ выѣхалъ изъ Ярославля.

Деньги, выданныя Неѣлову, разложены были, какъ выше сказано, на земскихъ бурмистровъ и лицъ комендантскаго управленія. Первые, нѣтъ сомнѣнія, живо заплатили ихъ, хотя къ сожалѣнію и неизвѣстно, какъ именно. Относительно же послѣднихъ въ дѣлахъ приказной палаты находился слѣдующій документъ: „1712 г., октября въ день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по приказу свѣтлѣйшаго Римскаго и Россійскаго государствъ князя, генерала-фельтмаршала, кавалера и губернатора Санктпитербурхской губерніи, Александра Даниловича Меншикова, вышеписанныхъ денегъ 110 рублевъ, которые даны изъ приказной палаты, на господинѣ оберъ-комендантѣ и на комендантѣ, и дьякахъ, за многое ихъ въ ево государевыхъ дѣлахъ отправленіе, не писать. Сего великаго государя указъ приказалъ записать господинъ оберъ-комендантъ Юрья Степановичъ Нелединской-Мелецкой".

Сообщ. **В. И. Лѣствицынъ.**

Локоны императрицы Анны Іоанновны.

1730—1731.

Щетъ, коликое число сдѣлано про ея императорское величество локоновъ и протчего камеръдинеромъ Петромъ Лобри:

А именно: въ 730 г.

Февраля 12 дня 6 локоновъ	40 р.
Маія 8 дня 8 локоновъ же	50 „
Итого въ 730 г. . . .	90 р.

Въ 731 г.

Генваря 8 дня 8 малыхъ машкаратныхъ локоновъ	25 р.
Машкаратные же армянскіе длинные волосы	10 „
Ѳаворитовъ 8 паръ.	16 „
4 штуки долгихъ волосъ	8 „
2 паручка маленькихъ даискихъ	32 „
За переправку локоновъ	12 „
Итого въ 731 г. . . .	105 р.
Всего въ 730 и въ 731 гг..	195 р.

Pierre Lobry.

Библиотека "Руниверс"

Объявленіе о свиной тушѣ.

1731.

1731 г. декабря 22-го дня отдана изъ канцеляріи его превосходительства генерала и кавалера оберъ-гофмейстера и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковника и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Семена Андреевича Салтыкова дому генерала и кавалера Михаила Аѳанасьевича Матюшкина служителю Никифору Михайлову сыну Звѣреву свиная туша, которая принесена была незнаемымъ человѣкомъ во дворецъ въ покоямъ его превосходительства и отдана часовому лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдату Ивану Вѣляеву подъ часы. А ежели кто въ тое тушу вынщется хозяинъ и ему, Звѣреву, ее поставитъ.

Свѣчи во дворцѣ Анны Іоанновны.

1731.

Указъ Е. И. В. самодержицы всероссійской дворцовой канцеляріи. Отпускается отъ дворцовой канцеляріи въ домъ Е. И. В. восковыя свѣчи самыя плохія, отъ которыхъ великая происходитъ копоть и духъ и оплываютъ. Того ради оныя свѣчи велѣть дѣлать и отпускать въ домъ Е. В. самыя хорошія, въ которыхъ бы духу и копоти не было, чего дворцовой канцеляріи смотрѣть на-крѣпко, а ежели впредь оныя свѣчи отпускаться будутъ таковы какъ нынѣ отпускались, плохія, и за оное несмотрѣніе дворцовой канцеляріи на судьяхъ взыскано будетъ безъ всякаго упущенія.

Семенъ Салтыковъ. Октября 29-го дня 1731 г.

Посылка стерлядей въ Стокгольмъ.

1730.

Промеморія изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ главную дворцовую канцелярію. Въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ реляціи чрезвычайный посланникъ графъ Николай Головинъ, обрѣтающійся при шведскомъ дворѣ, доносилъ, что королевское величество шведской король между нѣкоторыми разговорами съ нимъ, графомъ Головинымъ, о разныхъ сортахъ рыбъ, говорилъ о стерлядяхъ, что его величество зѣло желаетъ изъ Россіи выписать себѣ оной рыбы нѣсколько сотъ живой, но его величество не имѣетъ въ Россіи такого человѣка, который бы въ покупкѣ той рыбы и въ отправленіи въ Стокгольмъ зналъ силу.

Библиотека "Руниверс"

На которое представленіе онъ, графъ Головинъ, за неимѣніемъ въ С.-Петербургѣ корреспондента, обнадежить его королевское величество не могъ, но объявилъ ему, что онъ, графъ Головинъ, о томъ донесетъ ея императорскому величеству. Того ради главная дворцовая канцелярія благоволитъ, по вышепомянутому графа Головина доношенію, къ е. к. величеству шведскому отправить въ Стокгольмъ стерлядей ста четыре изъ С.-Петербурга или гдѣ близь онаго такая рыба имѣется нынѣшнимъ водянымъ путемъ. А судно съ морскими служители для перевозу тѣхъ стерлядей отъ С.-Петербурга до Стокгольма скерами, надлежитъ взять изъ адмиралтейства, а именно: ботъ проверченой, на которомъ бы возможно оную рыбу свободно везти. О чемъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ адмиралтейскую коллегію сего же числа промеморія послана.

Канцлеръ графъ Головкинъ, Андрей Остерманъ. Августа 14 д. 1730 г.

Поиски бѣлой галки въ Твери.

1738.

Артемій Петровичъ Волынскій писалъ къ графу Семену Андреевичу Салтыкову:

„Видятъ здѣсь, въ Твери, бѣлую галку, которая такъ бѣла, какъ голубь, о чемъ мнѣ сказывалъ здѣшній воевода.

„Я прилежно прошу приказать Сергѣю Бутурлину и Герасиму Ларіонову, чтобъ отправили помытчиковъ съ тайниками и съ силками для поимки оной. И пожаловать дать имъ ямскія подводы, а о вспоможеніи къ воеводѣ указъ послать".

Тверской воевода, Иванъ Кирѣевской, на присланный ему указъ отъ Салтыкова 17-го марта 1738 г. отвѣчалъ:

„По указу Е. И. В., присланному сего марта 14-го дня ко мнѣ, велѣно: по представленію его превосходительства оберъ-егермейстера, господина Волынскаго, въ поимкѣ, въ Твери, бѣлой галки присланнымъ изъ Москвы помытчикамъ учинить всякое вспоможеніе. И по тому Е. И. В. указу для поимки той галки, съ показанными приславными помытчиками, отправлено было солдатъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ не малое число; токмо той галки въ Твери и въ уѣздѣ нигдѣ они не сыскали; а для объявленія, кто ее увидитъ или подлинно объ ней свѣдомъ будетъ по Твери и въ уѣздѣ, въ пристойныхъ мѣстахъ публиковано неоднократно, а Тверской провинціи въ городы указы посланы, и что потому явится до вашего высокопре—ства писано будетъ впредь неукоснительно".

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

Библиотека "Руниверс"

Бенигна Готлибъ Бирон, герцогиня курляндская

Замѣтка о ея портретѣ.

Къ числу рѣдчайшихъ гравированныхъ въ Россіи портретовъ принадлежитъ портретъ Бенигны, супруги Бирона, гравированный Вортманомъ. Этотъ портретъ весьма замѣчателенъ не только въ художественномъ, но и въ историческомъ отношеніи; поэтому не безинтересны нѣкоторыя подробности какъ о самой Бенигнѣ, такъ и о рѣдчайшемъ ея портретѣ.

Бенигна Готлибъ фонъ-Тротта-Трейденъ родилась въ Курляндіи въ 1703 году; она была дочь курляндскаго дворянина и по протекціи отца, въ 1720 году, поступила фрейлиною ко двору Анны Іоанновны, вдовствующей герцогини курляндской. Снискавъ себѣ расположеніе герцогини, Бенигна пользовалась особеннымъ ея довѣріемъ и въ 1723 году вышла замужъ за любимца герцогини Анны,—Эрнеста Бирона. По восшествіи на всероссійскій престолъ Анны Іоанновны, въ 1730 году, супруга Бирона, Бенигна, была произведена въ статсъ-дамы, а въ 1738 году получила титулъ герцогини курляндской. Съ этого времени Бенигна Готлибъ считала себя владѣтельною особою и жила съ царскою пышностію. Въ торжественные дни она принимала представлявшихся ей особъ въ великолѣпномъ нарядѣ, осыпанномъ брилліантами, и, занимая мѣсто на высокомъ креслѣ, сдѣланномъ въ видѣ трона, протягивала обѣ руки для цѣлованія. Привыкнувъ къ почестямъ, льстившимъ ея самолюбію, и раболѣпному угожденію придворныхъ, Бенигна Биронъ жила съ необыкновенною роскошью въ продолженіе всего царствованія императрицы Анны Іоанновны и регенства своего супруга.

Вѣроятно, вскорѣ по возведеніи Бенигны Готлибъ въ герцогское званіе, съ нея написанъ былъ портретъ тогдашнимъ придворнымъ живописцемъ Каравакомъ, а съ этого портрета, уже въ послѣдній годъ царствованія Анны, награвировалъ Вортманъ ея портретъ на мѣдной доскѣ. Гравированная Вортманомъ доска была совершенно окончена только при воцареніи малолѣтняго Іоанна Антоновича и при регенствѣ Бирона, продолжавшемся двадцать два дня. Въ это-то время съ доски Вортмана были сдѣланы оттиски портретовъ Бенигны.

Супруга Бирона, Бенигна Готлибъ, изображена на гравюрѣ Вортмана въ богатомъ платьѣ, украшенномъ брилліантами, съ Екатерининскою на груди звѣздою и съ лентою этого ордена, надѣтою черезъ плечо. По верхъ платья на ней одѣта роскошная горностаевая

Библиотека "Руниверс"

мантія. Герцогиня стоитъ у стола, на которомъ лежитъ дорогая подушка съ герцогскою короною, украшенною крупнымъ жемчугомъ. Лѣвая рука герцогини, касаясь короны, какъ бы положена на нее, а правая сокрыта подъ мантіей; позади герцогини видна большая колонна, нѣсколько завѣшанная роскошною занавѣсью съ вышитыми бордюрами, бахрамою и кистями; она занимаетъ собою большую часть гравюры съ правой стороны и служитъ фономъ для портрета; съ лѣвой стороны видна группа цвѣтущихъ деревъ и облачное небо, освѣщенное солнцемъ. Подъ портретомъ, внизу гравюры, посрединѣ, изображенъ фамильный герцогскій гербъ Бирона, поддерживаемый двумя стоящими львами, а по сторонамъ герба справа и слѣва находится подпись на нѣмецкомъ языкѣ, состоящая изъ четырехъ строкъ, слѣдующаго содержанія: „Benigna Gottlieb ihre Hoheit des Regenten von Russland und regierenden Hertzogs in Liefland zu Curland und Semgallen Gemahlin; т. е. Бенигна Готлибъ, супруга его высочества регента Россіи и владѣтельнаго герцога лифляндскаго, курляндскаго и семигальскаго.

Въ такомъ видѣ и съ такою подписью былъ сдѣланъ портретъ Бенигны, гравированный Вортманомъ. Но регентство Бирона и блестящее положеніе Бенигны при дворѣ были весьма кратковременны. Власть герцога курляндскаго надъ Россіею продолжалась только съ 17-го октября до 8-го ноября 1740 года. Вслѣдствіе жалобъ матери императора Анны Леопольдовны, страдавшей отъ притѣсненій временщика, Биронъ былъ внезапно арестованъ въ своемъ дворцѣ, въ ночь на 8-е ноября, и на другой же день отвезенъ въ Шлюссельбургъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Тамъ, бывшій регентъ былъ преданъ суду и, по утвержденіи надъ нимъ приговора, лишенъ всѣхъ чиновъ и почестей, а въ іюнѣ мѣсяцѣ 1741 г. отправленъ въ ссылку съ женою и съ дѣтьми въ отдаленный городъ Пелымъ, находящійся въ Тобольской губерніи.

Съ паденіемъ Бирона были уничтожены портреты его супруги Бенигны; ихъ уничтожали, вѣроятно, для того, что-бы они не напоминали собою о ненавистномъ Россіи властелинѣ. Съ того времени портреты Бенигны, съ приведенною подъ ними подписью и съ герцогскимъ гербомъ, уже нигдѣ болѣе не появлялись и сдѣлались такою величайшею рѣдкостію, что самое ихъ существованіе многими признается невѣроятнымъ.

Г. Фіорило въ своей исторіи искусствъ въ Россіи полагаетъ, что въ Гетингенской библіотекѣ находится единственный экземпляръ этого портрета. Говорятъ, что портретъ Бенигны былъ также въ собраніи Власова, пріобрѣтенномъ Карабановымъ, но это извѣстно только изъ

Библиотека "Руниверс"

рукописныхъ каталоговъ; въ коллекціи же Нарабанова, поступившей въ Эрмитажъ, такого портрета нѣтъ и не было. Многіе любители, не находя нигдѣ въ Россіи подобнаго портрета Бенигны, положительно утверждали, что и самая доска, гравированная Вортманомъ, была уничтожена вмѣстѣ съ портретами тогдашнимъ правительствомъ. Однако же, такое мнѣніе оказалось впослѣдствіи несправедливымъ. Секретарь и членъ Академіи Наукъ К. С. Веселовскій, въ 1870 году, отыскалъ въ Академіи Наукъ гравированную доску Вортмана, но, къ сожалѣнію, сохранившуюся не въ первобытномъ своемъ видѣ. На ней уцѣлѣлъ только одинъ портретъ, но нѣтъ ни фамильнаго герцогскаго герба Бирона, ни тѣхъ строкъ подписи, въ которыхъ именуется Бенигна супругою регента Россіи. Означенный гербъ и подпись совершенно стерты съ доски, вѣроятно, по распоряженію правительства 1740—1741 годовъ, тотчасъ же по низверженіи Бирона. Съ найденной г. Веселовскимъ доски Вортмана сдѣланы новые и вполнѣ хорошіе оттиски портретовъ Бенигны въ количествѣ ста экземпляровъ, но на нихъ подпись подъ гравюрою состоитъ только изъ двухъ словъ: „Benigna Göttlieb.„

Въ моемъ собраніи библіографическихъ, нумизматическихъ и художественныхъ рѣдкостей находится, между прочимъ, и рѣдчайшій современный портретъ Бенигны Готлибъ съ фамильнымъ гербомъ и полною подписью. Втораго такого экземпляра, насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни въ какой коллекціи, и потому можно съ достовѣрностію предполагать, что этотъ, случайно уцѣлѣвшій отъ истребленія, портретъ есть единственный въ Россіи. Кромѣ своей величайшей рѣдкости, портретъ Бенигны весьма замѣчателенъ и въ другихъ отношеніяхъ. Какъ художественное произведеніе, онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ гравюръ Вортмана, а какъ историческій памятникъ— замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что напоминаетъ собою о временахъ необузданнаго самовластія Бирона, дворцовыхъ интригахъ и государственныхъ переворотахъ тогдашняго времени.

Считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о жизни супруги Бирона. Бенигна Готлибъ, отправленная въ ссылку въ Пелымъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, находилась тамъ не долгое время и, по вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, въ 1742 году, была перевезена въ Ярославль, гдѣ и жила въ продолженіе 20 лѣтъ. Въ 1762 году, по воцареніи Петра III-го, Бирону, какъ извѣстно, возвращена была свобода; онъ призванъ былъ въ Петербургъ и 24-го марта получилъ отъ императора Андреевскій орденъ и золотую шпагу. Императрица Екатерина возвратила Бирону и его супругѣ герцогское достоинство и отправила ихъ въ Курляндію. Тамъ Биронъ прожилъ

Библиотека "Руниверс"

еще десять лѣтъ, пользуясь всѣми правами владѣтельной особы, и умеръ 17-го декабря 1772 года. Бенигна Готлибъ, получивъ также отъ императрицы всѣ прежнія почести и екатерининскій орденъ, жила въ Митавѣ 16 лѣтъ по смерти мужа. Здѣсь были изданы, въ 1777 году, духовныя стихотворенія Бенигны, которыя сочинила она во время пребыванія своего въ ссылкѣ. Вдовствующая супруга Бирона, Бенигна, жила въ Митавѣ до конца жизни съ большою пышностію; она умерла въ 1788 г., имѣвъ отъ роду 85 лѣтъ.

Яковъ Веревинъ-Ширяевъ.

Придворные маскарады.

1750 — 1752.

„Государь мой князь Яковъ Петровичъ.[1]) Сего ноября 28-го дня 1750 года отъ господина гофъ-маршала и кавалера Нарышкина, каковое письмо, въ которомъ объявленъ имянной Е. И. В. высочайшій указъ о бытіи въ предбудущее воскресенье, то есть декабря 2-го дня сего 1750 года, при дворѣ Е. И. В. публичному маскараду, мною получено, со онаго для надлежащаго по канцеляріи Св. Прав. Синода исполненія копію при семъ прилагаю, и объ отсылкѣ надлежащей по канцеляріи Св. Прав. Синода въ придворную контору требуемой вѣдомости чрезъ сіе рекомендуя, пребуду всегда, в. с., государя моего, покорный слуга князь Н. Трубецкой".

Содержаніе приложеннаго при семъ письма Нарышкина слѣдующее:

„Сіятельный князь, милостивый государь мой, князь Никита Юрьевичъ. Е. И. В. изволила указать имяннымъ И. В. указомъ, наступающаго декабря 2-го дня, то есть въ воскресенье, при дворѣ Е. И. В. быть публичному маскараду, на который имѣть пріѣздъ всѣмъ придворнымъ и знатнымъ персонамъ и чужестраннымъ и всему дворянству съ фамиліями, окромѣ малолѣтнихъ, въ приличныхъ маскахъ; а при томъ платья перегримскаго (пелегрим.) и арлекинскаго что-бъ не было; а кто не дворянинъ, тотъ бы во оный маскарадъ быть отнюдь не дерзалъ; тако-жъ не отваживались бы вздѣвать какихъ непристойныхъ деревенскихъ платьевъ, подъ опасеніемъ штрафа. И для исчисленія, сколько во ономъ маскарадѣ всѣхъ дамскихъ и кавалерскихъ персонъ быть имѣетъ, пропускъ чинить по билетамъ. Того ради в. с., милостиваго государя моего, покорно прошу, сколько въ

[1]) Письмо генералъ-прокурора правит. сената кн. Никиты Юрьевича Трубецкаго къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода кн. Я. П. Шаховскому. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

тотъ маскарадъ знатныхъ персонъ съ фамиліями и дворянства, находящихся въ штатской службѣ, быть могутъ, о томъ приказать учинить вѣдомость и прислать въ придворную контору, какъ возможно наискоряе, съ таковымъ человѣкомъ, который бы для раздачи тѣмъ персонамъ и билеты отъ придворной конторы принялъ; что-жъ касается до военныхъ чиновъ, то о присылкѣ объ оныхъ вѣдомости,—особо въ военную коллегію сообщено. Впротчемъ пребываю, и проч. Семенъ Нарышкинъ".

Сообщ. Н. И. Григоровичъ.

Примѣчаніе. Подобнаго рода письма князя Н. Ю. Трубецкаго къ князю Шаховскому были писаны по случаю маскарадовъ также и въ другіе дни, а именно: 18-го января, 8-го и 15-го февраля и 29-го апрѣля 1750 г. Въ слѣдующемъ 1751 г. подобная переписка возобновилась по тѣмъ же случаямъ; маскарады въ 1751 году при дворѣ были въ слѣдующіе дни: 13-го и 29-го декабря, и въ 1752 г. 8-го и 17-го февраля. Н. Г.

Политковскій.

(Кража 1834 — 1853 гг.)

Въ „Русской Старинѣ", въ 1874 г. (т. XI, стр. 305 и 306), въ воспоминаніяхъ В. А. Инсарскаго, помѣщенъ разсказъ о бывшемъ директорѣ канцеляріи комитета о раненыхъ, тайн. сов. Политковскомъ, и въ разсказѣ этомъ, на стр. 306, читаемъ:

«Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалидномъ капиталѣ оказалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ, которые Политковскій умѣлъ постепенно забирать и тратить. Политковскій посаженъ въ крѣпость, гдѣ скоро и умеръ, вѣроятно, отравившись. Между стариками-генералами, членами комитета, пошла страшная передряга. Гнѣвъ императора Николая Павловича не зналъ предѣловъ».

Въ дѣйствительности дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Политковскій успѣлъ растратить болѣе 1,100,000 руб., при чемъ, въ тайнѣ его, участвовали чиновники счетнаго отдѣленія: Путвинскій, Рыбкинъ и Таракановъ; довѣреннѣйшимъ лицомъ Политковскаго былъ первый изъ нихъ—страшный гуляка и голова забубенная. Несмотря на всю ловкость Политковскаго и силу его у военнаго министра, князя Чернышева, приходъ и расходъ суммъ комитета о раненыхъ подчинили ревизіи контроля, который, при первой повѣркѣ, открылъ сумму въ 10,000-руб., не занесенную въ отчетъ комитета. Началась переписка; Политковскій увертывался, но контроль напиралъ сильно и эта настойчивость разбудила предсѣдателя комитета, генералъ-адъютанта Ушакова, и членовъ комитета. Рѣшено было произвести ревизію суммъ. При извѣстіи объ этомъ, Политковскій

Библиотека "Руниверс"

заболѣлъ и, спустя нѣсколько дней, умеръ наканунѣ ревизіи. Слухи носились — отъ яда.

Тѣло его убрали въ камергерскій парадный мундиръ и перевезли изъ квартиры въ соборъ Николы Морскаго, гдѣ гробъ поставили на катафалкъ и окружили подушками съ орденами. Комитетъ о раненыхъ, въ полномъ составѣ, и множество народа были на этомъ выносѣ; а въ редакцію „Русскаго Инвалида“ присланъ былъ некрологъ Политковскаго, гдѣ восхвалялись его добродѣтели. Некрологъ долженъ былъ появиться въ день похоронъ Политковскаго.[1])

Между тѣмъ, передъ выносомъ тѣла, въ домѣ Политковскаго совершилось, такъ разсказывали, необыкновенное происшествіе. Въ залу, гдѣ стоялъ гробъ Политковскаго, вошелъ полупьяный Путвинскій, подошелъ къ тѣлу, лежащему въ гробѣ, долго смотрѣлъ на него и промолвилъ: „Молодецъ, Шаша (Александръ), пировалъ, веселился и умеръ наканунѣ суда и каторги; а намъ ея не миновать“. При этомъ онъ, къ ужасу окружающихъ, хлопнулъ трупъ по животу и вышелъ изъ залы.

3-го февраля 1853 г. казначей Рыбкинъ и начальникъ счетнаго отдѣленія Таракановъ явились къ предсѣдателю комитета о раненыхъ и представили ему записку о растратѣ, сдѣланной Политковскимъ. Ушаковъ отослалъ ихъ всѣхъ на гауптвахту, а самъ распорядился произвести у виновныхъ домашній обыскъ и запечатать сундукъ съ кассою комитета. По обыску найдено у Рыбкина всего только 47,120 р., которые и арестованы. Сдѣлавъ все это, Ушаковъ поѣхалъ къ военному министру и сложилъ предъ нимъ повинную голову. Растрата простиралась свыше 1,120,000 руб. сер.

На утро все это было доложено военнымъ министромъ императору Николаю I, который поручилъ генералъ-адъютантамъ Анненкову и Игнатьеву произвести дознаніе и ревизію суммъ комитета; послѣ чего предсѣдатель и члены его арестованы, лишены генералъ-адъютантскаго званія и отданы подъ судъ. Предсѣдателемъ судной коммиссіи былъ назначенъ генералъ-фельдмаршалъ Паскевичъ, находившійся тогда въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, полиція сдѣлала распоряженіе о выносѣ изъ Никольскаго собора табуретовъ съ орденами, окружавшихъ гробъ Политковскаго; съ него сняли камергерскій мундиръ, закрыли гробъ и послѣ отпѣванія вывезли на парѣ лошадей на кладбище. Всѣ его вещи были описаны и проданы на покрытіе растраты. Разсказывали,

[1]) Политковскаго за доступность и готовность на помощь любили старики-инвалиды и жалѣли о немъ. Z.

Библиотека "Руниверс"

что какой-то любитель рѣдкостей дорогою цѣною купилъ портретъ Политковскаго.

При началѣ Восточной войны растрата Политковскаго была покрыта камергеромъ Яковлевымъ, пожертвовавшимъ, въ два раза, милліонъ рублей серебромъ.

z.

Кавказское острословіе.

Въ 1854-мъ году, въ средѣ генералитета и чиновничества, въ Тифлисѣ, было нѣсколько лицъ, имѣвшихъ фамиліи болѣе или менѣе созвучныя. Одинъ изъ мѣстныхъ остряковъ ввелъ ихъ въ слѣдующее склоненіе, которое долго не забывалось въ Тифлисѣ:

Падежи:	Именительный. . .	*Ротъ.*
„	Родительный	*Реадъ.*
„	Дательный	*Реудъ.*
„	Винительный	*Ротъ.*
„	Звательный.	о *Рисъ!*
„	Творительный	*Райсъ.*
„	Предложный . . .	о *Боговутъ.*

Примѣчаніе. Ротъ, Ѳедоръ Филипповичъ,—комендантъ тифлисскій, герой Ахты; Реадъ, Николай Андреевичъ,—генер. отъ кавалеріи, въ 1855 г. убитъ въ Крыму на Черной; Реудъ, Іосифъ Антоновичъ,—генер. лейтен., ум. въ 1855 г.; Ротъ,—оберъ-пасторъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Закавказья; Рисъ,—чиновн. особыхъ порученій при намѣстникѣ Кавказа, ум. въ 1862 г.; Райсъ, — англичанинъ, архитекторъ въ Тифлисѣ, при кн. Воронцовѣ; Боговутъ,—генер. лейтен., участникъ баш-кадык-ларскаго дѣла.

Выше упомянуто укрѣпленіе Ахты. Одного солдатика, участника геройской защиты этой крѣпостцы, спрашиваетъ генералъ:

— „За что получилъ Георгія?“

— „За Ахвы“.

— „Какъ Ахвы? за Ахты?“

— „Не смѣлъ вашему превосходительству сказать Ах — ты!

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЯ и БЫТОВЫЯ ПѢСНИ.

Въ послѣднія два десятилѣтія русская словесность обогатилась нѣсколькими прекрасными и до такой степени обширными сборниками произведеній народнаго творчества (см. напр. сборникъ Кирѣевскаго въ изданіи Общества Любителей Россійской Словесности) что найти что-либо совершенно новое въ этой области словесности—сдѣлалось почти невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе дѣло собирателей не должно останавливаться, какъ бы повидимому ничтожны ни были ими встрѣчаемыя разночтенія въ тѣхъ или другихъ народныхъ пѣсняхъ, или даже въ виршахъ старинныхъ книжниковъ, иногда усвоенныхъ русскою пѣснью. Такимъ образомъ былины и пѣсни—все-таки тщательно должны быть записываемы и, время отъ времени, должны являться въ изданіяхъ, посвященныхъ изученію Россіи.

Редакція „Русской Старины" имѣетъ многіе таковые труды нашихъ этнографовъ и неоднократно уже дѣлилась ими съ своими читателями.[1])

Нынѣ представляемъ еще нѣсколько образцовъ русскаго народнаго творчества, предупреждая, что въ нихъ должно искать лишь не болѣе какъ разночтенія (варіанты) пѣсень, вошедшихъ въ многотомный сборникъ Кирѣевскаго, изданный подъ редакціей г. Безсонова, въ сборникъ П. В. Шейна и друг.

Ред.

Въ плѣну у Татарина.

На горѣ стоитъ высокъ теремъ,
Въ терему сидитъ русска дѣвка;
Передъ ей стоитъ злой Татаринъ,
Злой Татаринъ-бусурманинъ.

[1]) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. IV, стр. 451; т. VI, стр. 497; изд. 1873 г., т. VIII, стр. 813 и 1003; изд. 1874 г., т. XI, стр. 184 и проч.

Библиотека "Руниверс"

На словахъ дѣвку уважаетъ,
На рѣчахъ красну улещаетъ:
«Ты не плачь, не плачь, русска дѣвка.
Я поѣду въ Китай городъ,
Я куплю жо тебѣ подарокъ,
Подарочекъ шолкову юбку.
Ишто вотъ тибѣ, русска дѣвка,
Дорогой отъ меня подарокъ,
Ишто вотъ тибѣ шолкова юбка.
Ты примай, душа, не чумайся,
Не чумайся, не ломайся».
— Не хочу я твой подарокъ,
Не люблю я тебя, зла Татарина,
Зла Татарина, бусурманина.—

Злой Татаринъ въ бѣлой поярковой шляпѣ. на бекрень, стоитъ передъ русской дѣвкой и предлагаетъ подарокъ, но дѣвка его отталкиваетъ. Пѣсня поется сначала. Злой татаринъ предлагаетъ дѣвкѣ:

Подарочекъ тонку фату,
Тонку фату, коновату.

Но дѣвка отталкиваетъ и фату. При третьемъ разѣ Татаринъ предлагаетъ:

Подарочекъ шолкову плеть,

и дѣвка отвѣчаетъ:

— Я хочу принять твой подарокъ,
Я люблю тебя, зла Татарина,
Зла Татарина, бусурманина.—

Пѣсня эта имѣетъ варіантъ. Татаринъ такъ улещаетъ дѣвку:

«Ты не плачь, не плачь, русска дѣвка,
Я поѣду въ Казань городъ.
Я куплю тибѣ три подарка:
Первой подарокъ—лисью шубу нову;
А другоётъ подарокъ—шаль турецку,
Ишто третеётъ подарокъ—на ручиньку золото колечко».
Отвѣчаетъ ему красна дѣвка:
— Мнѣ лисью шубу-то не носити,
Зла Татарина не любити.—

(Записано А. Г. Пупаревымъ въ Казанской губ.)

У вора-разбойника.

Я по батюшкову дворику хожу,
Ахъ ивлю, ахъ ивлю, да ивлю-влю (припѣвъ послѣ каждаго стиха).
Я по матушкиной горенкѣ,
Во правóй рукѣ купечество, (?)
Во лѣвóй рукѣ шириночка,
Во карманѣ чисто зерькальцо.

Библиотека "Руниверс"

Изъ купечества умывалася,
Шириночкой утиралася,
Въ чисто зерькало глядѣлася,
Красотѣ своей дивилася.
Красота-ль моя крáсота,
Красота-ль моя великая,
Кому красота доставалася?
Доставалася красоточка
Самому вору-разбойничку.
Со вечера воръ разбойничекъ коня поилъ,
Со полуночи на разбой пошолъ,
На бѣлóй зарѣ домой пришолъ.
«Отпирай, жена, воротички,
Пущшай мóлодца разбойничка».
Его жонка испужалася,
Рѣзвы ножки подкосилися,
Голова съ плечь покатилася;
Очи ясны помутилися,
Бѣлы ручки опустилися.
«Я привезъ тебѣ подарочокъ,
Отъ твоей родимой матушки,
Со правóй руки колечушко,
Со правóй руки золóчено».

Разбойникъ дѣвушкѣ показываетъ видъ, что передаетъ подругѣ кольцо, но она возвращаетъ его:

— Мнѣ не нуженъ твой подарочокъ,
Мнѣ не нуженъ твой золоченый.

(Записано **А. Г. Пупаревымъ** въ Казанской губ.).

Пѣсня о московскомъ пожарѣ.

Ты, хозяинъ-ли, хозяинъ, всему дому осподинъ,
Навари, сударь-хозяинъ, пива пьянова про насъ,
Накури, сударь-хозяинъ, зелена вина про насъ,
Намъ не дорого, хозяинъ, твоё пиво и вино,
Дорога, сударь-хозяинъ, пиръ-бесѣда весела!
Во бесѣдѣ сидятъ гости, все бояра, оспода,
Они баютъ, разсужаютъ, рѣчь хорошу говорятъ:
«Отъ чево, князья, бояра, загорѣлася Москва?»
—Какъ у нашова у князя была клюшница вѣрна;
Ходила эта клюшница по тайнымъ погребамъ,
Обронила огня искру отъ сальныя свѣчи,
Вѣтромъ дуло искру, раздувало трои суточки со днемъ,
Отъ тово, князья, бояра, загорѣлася Москва!—

(Записано близъ Царевококшайска, въ 1855 г., **А. Г. Пупаревымъ**).

Библиотека "Руниверс"

Пѣсня о самозванцѣ Бѣлобородовѣ.

1770-хъ гг.

Какъ несчастіе вдругъ родилося,
Въ сердце варварство вскоренилося.
Онъ достоинъ былъ наказанію
И жестокому истязанію.
Онъ собралъ полки злыхъ себѣ сердецъ,
Всѣмъ злодѣемъ тѣмъ онъ и былъ отецъ.
Разсорялъ тамо грады многіе,
Объявлялъ письма, пашквиль строгія.
Что-бъ несмысленно сколебалися,
Къ тому-жъ варварству отдавалися.
Присталъ къ толпѣ Бѣлобородой воръ
И металъ къ тому-жъ онъ ехидной взоръ.
Забылъ Вышняго и Его любовь,
Проливалъ тамо невинну кровь.
Но всевышнимъ изволеніемъ
И всемудрымъ повелѣніемъ,
На лугу было на Царицынымъ
Объявилися отечеству вины ихъ.
На шефотъ онъ былъ возведенъ,
Отсѣчь голову онъ былъ осужденъ.
Двое катовъ какъ приступили,
Съ трупомъ голову раздѣлили.

Ярославль. Сообщ. В. И. Лѣтописцынъ.

Девять разбойниковъ.

Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-та была молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ;
А десятая дочь—несчастная...

Воспоили её няньки мамушки,
Возлелѣяли её сѣнны дѣвушки;
Возлелѣявши её, замужъ отдали—
Не за князя её,—не за барина;
Отдали её за мирянина...

Они годъ-то живутъ и другой живутъ,
Какъ на третьемъ году дитя родили;
Спородивши дитя—стосковалися,
Къ родной матушкѣ собиралися...

Они день-то ѣдутъ и другой ѣдутъ,
Какъ на третій день—становилися;

Библиотека "Руниверс"

Какъ мирянинъ самъ сталъ коня поить,
А мирянычька стала дитя кормить.

Изъ-за лѣсику, изъ-за темнова,
Какъ не чорны воронья солеталися.
А злы разбойничьки соѣзжалися,—
И мирянина они зарѣзали,
А мирянёночка въ море бросили,—
А мирянычку во полонъ взяли...

Всѣ разбойничьки спать ложилися,
А какъ самъ атаманъ всеё ночь не спалъ;
Онъ миряночку всё выспрашивалъ:
«Ты скажи, скажи, красотка, изъ какого роду?»

— Ужъ я роду-то пребогатова:
Какъ во городѣ во Саратовѣ,
Тамъ жила-та была, молодая вдова;
Какъ у той вдовы было девять сыновъ,
Я—десятая дочь—несчастная..—

Закричалъ атаманъ громкимъ голосомъ,
«Вы вставайте-ка, братья родные!
Подбѣгайте ко мнѣ скоро-на-скоро,
Надъ моей головой всё несчастьице...
Мы зарѣзали зятя роднаго,
Мы племянничька въ море бросили,
Сестру родную—во полонъ взяли...

Ты не плачь сестра, сестра родная,
У насъ много злата, серебра..»

— Мнѣ не надобно злата-серебра,
Мнѣ отдайте вы друга вѣрнаго,
Друга вѣрнаго и дитя милаго..

Примѣчаніе. Эта пѣсня написана съ голоса, какъ её поютъ у насъ, въ Самарѣ. Она исполнена особенной музыкальной прелести. Къ какому времени отнести эту пѣсню?... Саратовъ построенъ въ XVI столѣтіи.

Самара. Иванъ Акутинъ.

Библиотека "Руниверс"

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства.

1797 г.

У Клостермана, въ Новоисаакіевской, продаются портреты: его императорскаго величества, ихъ высочествъ Александра Павловича и Константина Павловича, императрицы Екатерины II, князей Безбородко, Зубова, Потемкина. гр. Салтыкова, Суворова, Строганова, Мамонова, адмирала Грейга, Ланскаго и пр. по 5 р., польскаго фельдмаршала Костюшки—по 1 р. (№ 66).

21-го августа. На Васильевскомъ островѣ, въ 7-й линіи, подъ № 51, откроется, 29-го августа танцовальный классъ, въ которомъ будутъ танцовать два раза въ недѣлю: по средамъ и субботамъ—въ 4 часа пополудни, гдѣ, выключая обыкновенныхъ, будутъ обучать и побочнымъ танцамъ. (№ 67).

25-го августа. Августа 22-го (приказъ въ С.-Петербургѣ):

Уволенный въ 1796 г. отъ службы унтеръ-офицеръ Холодиловъ, за 37-лѣтнюю службу въ оном звaніи, награжденъ чиномъ прапорщика. (№ 68).

Августа 26-го дня потеряна атласная карманная книжка, въ которой были нѣкоторыя росписки, между прочимъ одна, въ полученіи желѣза и 450 р. банковыми ассигнаціями; нашедшаго просятъ взять себѣ изъ оныхъ денегъ столько, сколько ему заблагоразсудится, а бумажникъ съ бумагами возвратить биржевому сторожу.

Сентября 1-го. Высочайшій приказъ отъ 28-го августа. Е. И. В—во недоволенъ захожденіемъ въ алиньеманъ отъ предъидущаго баталіона; а въ оном причиною одинъ или два офицера, которыхъ отыскать и арестовать и подтвердить имъ, что естли они для того портятъ, что идти хотятъ въ отставку, то и прежде изъ службы могутъ быть выкинуты.

— Давидъ Жирарденъ, имѣвшій свой пансіонъ у Кокушкина моста, подъ № 934, переѣхалъ нынѣ къ Синему мосту, въ угольный домъ, Вагнера, подъ № 447 (№ 70).

— Сего мѣсяца 6-го числа почталіонъ Переслегинъ, шедъ по Васильевскому острову между 1-й и 2-й линіями, поднялъ на дорогѣ золотые часы. По-

Библиотека "Руниверс"

терявшій оные имѣетъ съ ясными на ихъ доказательствами явиться въ Почтамтъ будущаго октября 2 и 6 чиселъ непремѣнно. Въ противномъ же случаѣ лишиться можетъ часовъ.

Сентября 8-го. Государь императоръ, въ приказѣ 6-го сентября въ гор. Гатчинѣ, сдѣлалъ примѣчаніе всему генералитету, что сказываются больными для отбыванія отъ службы, когда оная нужна, то и совѣтуетъ таковымъ лучше оную совсѣмъ оставить. Господа генералитетъ сами между собою разыщутъ, до кого оное слѣдуетъ (№ 72).

Сентября 11-го. Въ приказѣ 7-го сентября въ г. Гатчинѣ Его Императорское Величество объявилъ свое совершенное удовольствіе всему генералитету и всѣмъ нижнимъ чинамъ за исполненіе своего дѣла въ маневрѣ (№ 73).

— На Петербургской сторонѣ, напротивъ церкви апостола Матвѣя, въ домѣ подъ № 340, продается 25-ти лѣтъ дѣвка, весьма здоровая, умѣющая мыть бѣлье и гладить, также и стряпать (№ 73).

Сентября 22-го. Продается 16-ти лѣтъ дѣвка весьма добраго поведенія, которая всему нужному обучена. И немного поѣзженная, нѣмецкой крѣпкой и прочной работы, на новыхъ колесахъ, двумѣстная карета; все сіе видѣть и о цѣнѣ договориться можно противъ Каменнаго театра во второмъ отъ угла небѣленомъ домѣ (№ 76).

Сентября 25-го. Высочайшимъ приказомъ, 20-го сентября, въ гор. Гатчинѣ: Полоцкій комендантъ, князь Хилковъ, исключенъ, по представленію инспектора, за пьянство, въ которомъ онъ находилъ его безъ просыпу. Генералъ-лейтенантъ Паленъ принятъ въ службу тѣмъ же чиномъ, а стоять ему въ спискѣ армейскомъ, съ прежнимъ старшинствомъ (№ 77).

— Реэстръ о должникахъ коллежской ассессорши Натальи Цыгоровой съ коихъ остается ею взысканіе для торжественнаго праздника рожденія его императорскаго величества, 20-го сентября (слѣдуютъ имена). По векселямъ итого 104,004 руб. 86½ коп. (прибавленіе къ № 77).

— Продается хорошій лакей 57-ти лѣтъ, башмачникъ съ женою 28 лѣтъ, она шьетъ въ тамбуръ и золотомъ, съ сыномъ 5-ти лѣтъ, съ грудною дочерью, которыя поведенія хорошаго, спросить въ Малой Коломнѣ, на Пряжкѣ, въ домѣ подполковницы Новощековой, въ верхнемъ этажѣ, у жильца.

Сентября 29-го. Въ Московской Ямской, близъ кузницъ, въ домѣ асессорши Кандауровой, у дворника Михея Елизарова продается дворовый человѣкъ, лѣтъ около двадцати, за сходную цѣну (№ 78).

Октября 2-го. У Николы Морскаго, въ школѣ, продаются банкетныя скатерти длиною 22, шириною 6 аршинъ, также и салфетки. Тутъ же продаются двѣ дѣвки ученыя и мужикъ (№ 79).

— Продается 20-ти лѣтъ дворовый человѣкъ, парикмахеръ, коего можно видѣть и о цѣнѣ узнать Литейной части въ домѣ подъ № 497, противъ Съѣзжей, и еще продается въ оном же домѣ англійской лучшей породы корова (№ 79).

— На внесенныя въ сохранную казну 1,000 руб. данное свидѣтельство сего года 23-го сентября и при немъ двѣ 50 рублевыя ассигнаціи нечаянно потеряны, то благоволитъ нашедшій оное представить Воспитательнаго дома при совѣтѣ швейцару и удержать въ награжденіе обѣ 50 руб. бумажки (№ 79).

Октября 6-го. Женѣ протоколиста Ѳедорова, по поводу поданной отъ нея на высочайшее имя жалобы на своего мужа, въ остановленіи ею въ распут-

Библиотека "Руниверс"

ной его жизни и въ присвоеніи ея собственности; что сія ея просьба, яко не дѣльная, остается безъ дальняго удовлетворенія, поелику свидѣтели, на которыхъ она въ истинѣ своихъ показаній ссылалась, утверждали совсѣмъ онымъ противное и болѣе дурныхъ замѣчаній дѣлали на собственное ея поведеніе, нежели на поведеніе ея мужа. Что-жъ касается до присвоенія имъ ея крѣпостной дѣвки, то сіе ничѣмъ съ ея стороны не доказано (№ 80).

— Надворному совѣтнику Куликовскому, что прошеніе его, на высочайшее имя поданное, о перевершеніи дѣла его съ жителями города Марефы правительствующаго сената межевымъ департаментомъ уже рѣшеннаго, высочайше повелѣно: обратить ему съ наддраніемъ (№ 80).

— Въ книжныхъ лавкахъ противъ Гостинаго двора, Зеркальной линіи, подъ № 21, продаются слѣдующія книги: «Позорище странныхъ и смѣшныхъ обрядовъ при бракосочетаніяхъ разныхъ чужеземныхъ и въ Россіи обитающихъ народовъ; и при томъ нѣчто для холостыхъ и женатыхъ». Книга весьма забавная и любопытная; цѣна ей 1 руб. 30 коп. (№ 80).

— Въ Семеновскомъ полку, въ 9 ротѣ, въ большомъ зеленомъ деревянномъ домѣ, продаются слѣдующія вещи: карета, мебели, разныя фруктовыя деревья, дворовая дѣвка; а о цѣнѣ спросить въ ономъ же домѣ (№ 80).

Октября 16-го. Въ Невскомъ проспектѣ бѣжалъ изъ дому Рудометова, подъ № 301, 6-го числа сего мѣсяца, мальчикъ Карпъ Елисѣевъ, парикмахеръ: а примѣтами онъ: росту небольшаго, волосы на головѣ бѣлые, лицомъ смуглъ, отъ роду ему 16 лѣтъ; при побѣгѣ былъ на немъ байковый сюртукъ и треугольная шляпа; кто его, поймавъ, доставитъ въ оный домъ землемѣру Ивану Даниловичу, тому дано будетъ 25 руб. въ награжденіе (№ 83).

— Въ 3-й Адмиралтейской части, по канавѣ, въ домѣ г. Юдина, продается, у содержательницы кофейнаго дома, за самую умѣренную цѣну, молодой человѣкъ, хорошій сапожникъ, съ женою и двумя дѣтьми, а жена умѣетъ кушанье готовить, мыть, шить и гладить (№ 83).

Октября 23-го. Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся 17-го октября въ гор. Гатчинѣ: маіоръ де-Робертъ, за дурное поведеніе, исключенъ изъ службы (№ 85).

Октября 27-го. Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся 24-го октября въ гор. Гатчинѣ, Пернавскій комендантъ, генералъ-маіоръ Келхенъ за дурное содержаніе полку изъ службы исключенъ.

— Въ Малой Коломнѣ, на Бугоркѣ, подъ (№) 157, продается каменный домъ съ мебелями, также пожилыхъ лѣтъ мужчина и женщина и молодая холмогорская корова съ теленкомъ.

— На Петербургской сторонѣ, по Большому проспекту, въ домѣ коллежскаго совѣтника Антонова, продается мужской и женскій парикмахеръ съ женою, да дѣвка ко всѣмъ домашнимъ услугамъ годная, за умѣренную цѣну.

Новыя книги—у книгопродавца Ивана Глазунова: «Геройскій духъ и любовныя прохлады Густава Вазы короля шведскаго» въ переплетѣ 1 руб. 30 к. «Полезный дворянамъ коновалъ»—въ переплетѣ 2 руб. 50 коп. (№ 86).

Октября 30-го. Высочайшимъ приказомъ, состоявшимся 26-го октября въ г. Гатчинѣ, французской королевской службы генералъ-фельдмаршалъ дюкъ де-Брогліо принятъ въ россійскую императорскую службу въ томъ же генералъ-фельдмаршальскомъ чинѣ (№ 87).

Ноября 13-го. Объявляется продажа съ публичнаго торгу: ноября 17, 18, 19 и 20 чиселъ, пополудни въ 3 часа; продаваться будутъ, въ домѣ покойнаго

Библиотека "Руниверс"

генералъ-фельдмаршала князя Голицына, въ залѣ у г. Ліона, подъ присмотромъ его, разные домовые уборы, мебели съ бронзою, кресла, канапе и диваны, обитые разноцвѣтными штофами, также и гардины къ окнамъ; разныя украшенія бронзовыя: часы столовые, шандалы и вазы; ковры англійскіе и турецкіе, разныя матеріи полосатыя; бархатъ и парчи турецкія; бриліантовыя и золотыя вещи, столовый фарфоровый сервизъ, камины мраморные и разныя вещи, не всѣ описанныя.

— Лучшія моськи продаются противъ Мяснаго ряду, въ домѣ Селиванова, № 1281, а 3-й Адмиралтейской части, у Казанскаго мосту, продается, у содержателъницы кофейнаго дому, семья людей, т. е. молодыхъ лѣтъ мужъ, который при томъ хорошій сапожникъ, жена, умѣющая готовить кушанье, шить и гладить, и двое дѣтей за самую сходную цѣну (№ 91).

Ноября 17-го. Высочайшіе приказы 7-го ноября, въ С.-Петербургѣ: Его императорское величество объявилъ свое удовольствіе военному губернатору графу Буксгевдену за исправность въ городѣ. Генералъ-маіору Аракчееву и его баталіону за тогоднишній разводъ, которымъ и жалуетъ по фунту говядины на человѣка (№ 92).

Приказъ 11-го ноября: По высочайшему повелѣнію мичманъ Феншъ, просящійся въ отпускъ въ Англію, отставленъ отъ службы (№ 92).

Приказъ 14-го ноября: Принцъ Евгеній Виртембергскій принятъ въ службу полковникомъ въ л.-гв. конный полкъ (№ 92).

Ноября 20-го. Вдовѣ артиллеріи капитана Вольфскейль, рожденной графинѣ Минихъ (объявляетъ тайный совѣтникъ Трощинскій, по высочайшей волѣ), что хотя она въ письмѣ къ государю императору изъясняла, будто-бы извѣщена она чрезъ ревельскаго губернскаго прокурора Чернышева о пожалованіи ей въ Лифляндіи аренды; но какъ помянутый губ. прокуроръ Чернышевъ представилъ письменный къ Е. И. В—ву отвѣтъ, состоящій въ томъ, что онъ таковаго увѣренія просительницѣ никогда не дѣлалъ; то потому прошеніе ея высочайше повелѣно оставить безъ уваженія, а несправедливый ея поступокъ опубликовать въ газетахъ (№ 93).

Ноября 24-го. Приказы 22-го ноября: Его императорское величество дѣлаетъ выговоръ тогоднишнему конно-гвардейскому разводу и рекомендуетъ господамъ офицерамъ больше заниматься службой, нежели городскою жизнью (№ 94).

Книги и учебныя пособія продаются въ училищной книжной лавкѣ, въ городѣ Святаго Петра, въ преждебывшемъ Щукиномъ домѣ, а нынѣ принадлежащемъ коммиссіи объ учрежденіи училищъ, съ угла по Чернышеву переулку (№ 94).

Ноября 27-го. Если кто желаетъ продать людей, годныхъ въ рекруты, тотъ можетъ дать знать близь Владимірской, въ домѣ № 1,844 (№ 95).

Декабря 1-го. Нѣкоторый слѣпой желаетъ опредѣлиться въ какой-либо господскій домъ для разсказыванія разныхъ исторій, съ разными повѣстями, со удивительными приключеніями и отчасти русскія сказки; спросить объ оном могутъ на Бугоркѣ, въ домѣ купца Опарина, у погребщика (№ 96).

Декабря 4-го. Государь императоръ въ приказѣ, отданномъ 1-го декабря, дѣлаетъ примѣчаніе военному губернатору с.-петербургскому, чтобъ болѣе было учтивостей на улицахъ (№ 97).

— Отъ Моренгеймовой родильной больницы въ извѣстіе симъ объявляется, дабы неимущія беременныя женщины, желающія пользоваться благодѣяніемъ

Библиотека "Руниверс"

всемилостивѣйшей нашей государыни императрицы, впредь уже не являлись въ домъ Экректора, но въ самую больницу, состоящую близь Калинкина моста, гдѣ имѣютъ только предъявлять отъ духовника ихъ свидѣтельствы о законности брака, а по разрѣшеніи отпускаемы будутъ, коль скоро по свидѣтельству лекаря окажутся въ надежномъ состояніи здравія.

— Въ типографіи при губернскомъ правленіи, что въ Мѣщанской, которая прежде была въ Бецковомъ домѣ у Лѣтняго саду, продаются книги — (въ числѣ другихъ) «Шевалье де-Фобласъ» 13 частей, 13 руб. «Карманная книжка честнаго человѣка» 30 коп. «Суворолида», поэма героическая, твореніе И. Завалишина, 1 р. 10 коп. и др. (№ 97).

Декабря 8-го. Въ именномъ указѣ Е. И. В—ва, въ данномъ дѣйств. тайн. сов. генералъ-прокурору и тайн. совѣтнику князю Куракину, за собственноручнымъ его в—ва подписаніемъ, минувшаго ноября 15-го изображено: «При наступающемъ возобновленіи выборовъ дворянскихъ въ разныя по губерніямъ должности, возлагаемъ на васъ сообщить всѣмъ вообще начальникамъ губерній по гражданской части, дабы дворяне, исключенные изъ воинской службы, не только сами не были ни въ какія должности избираемы и опредѣляемы, но и голосовъ отъ нихъ на выборъ другихъ не принимать» (№ 98).

— При Смоленскомъ кладбищѣ имѣются для парадныхъ похоронъ всѣ нужные приборы, какъ-то: билеты, разные парчевые покровы, для орденовъ подушки, дроги съ покрываломъ, на лошадей попоны, плащи и шляпы съ флеромъ, факелы, катафалкъ и подсвѣчники, что самое можно получить по сходнымъ цѣнамъ (№ 98).

Декабря 11-го. Литейной части, противъ Сергія, продаются въ церковномъ домѣ два человѣка—поваръ и кучеръ, годные въ рекруты, да попугай.

— Въ Щулеповомъ домѣ, что у самаго Аничкова моста, показываютъ разныхъ иностранныхъ живыхъ звѣрей, какъ-то: льва, чрезвычайной красоты и величины; африканскаго леопарда, весьма смирнаго; барса, овцу, африканскую гіену, превеликаго орла, настоящаго пеликана удивительной величины, мандрилъ, бразильскую ару, какаду, 2 перуши и пр., кои видѣть можно всякой день отъ 9 часовъ утра до 7 часовъ вечера. За входъ платятъ въ первомъ мѣстѣ по 1 руб., во второмъ—50 к., а въ третьемъ—25 к. Знатныя-же особы (платятъ) по произволенію (№ 99).

Декабря 22-го. У Николы Морскаго, въ школѣ, продаются двѣ дѣвки, знающія шить, мыть, гладить бѣлье и готовить кушанье (№ 102).

Декабря 29-го. Его императорское величество высочайше указать соизволилъ, по случаю кончины владѣтельнаго герцога Фридриха-Евгенія Виртембергъ-Штутгардскаго, родителя ея императорскаго величества: 1) наложить трауръ на три мѣсяца, съ 28-го декабря; 2) первыя три недѣли при дворѣ и въ столицѣ нигдѣ въ публичныхъ мѣстахъ спектаклямъ, баламъ и концертамъ не быть (№ 104).

— Желающіе у себя въ домѣ видѣть духовный вертепъ, въ которомъ изображена вся священная исторія Рождества Христова въ лицахъ, могутъ спросить въ 7-й линіи въ первой лавочкѣ (№ 104).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1874 г.

Въ теченіе пяти лѣтъ изданія „Русской Старины“ ея цѣль и значеніе на столько выяснились читающей публикѣ, что нѣтъ надобности о нихъ распространяться: цѣль изданія — истина, его руководитель — безпристрастіе. Повторяемъ тоже, что говорили при обзорѣ минувшаго года: страницы „Русской Старины“ радушно открыты описаніямъ событій, составленнымъ людьми противуположныхъ мнѣній и убѣжденій, лишь бы люди эти были очевидцами самыхъ событій и писали о нихъ честно и правдиво. Біографіямъ отечественныхъ дѣятелей,— на всѣхъ поприщахъ служенія родинѣ,— „Русская Старина“ удѣляетъ пространное мѣсто, печатая эти біографіи, нерѣдко изложенныя съ разныхъ точекъ зрѣнія, изображая, такимъ образомъ, достопамятныхъ соотечественниковъ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ дѣятельности, съ указаніемъ на свѣтлыя и на темныя стороны ихъ личностей. Польза подобныхъ всесторонніхъ описаній, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію, и дѣйствительно этотъ пріемъ ни въ комъ не возбуждаетъ желчи, и не вызываетъ полемики до тѣхъ поръ, покуда рѣчь идетъ о временахъ отдаленныхъ; но, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, или только къ рубежу, отдѣляющему исторію отъ современности, измѣняется у многихъ взглядъ на безпристрастіе.

Мы всегда и искренно благодарны тѣмъ лицамъ, которыя предлагаютъ нашему изданію помѣстить то или другое возраженіе, поправку, дополненіе и объясненіе къ біографіи недавняго государственнаго или общественнаго дѣятеля. Тѣмъ болѣе дорожимъ подобными сообщеніями, что въ нашемъ обществѣ, еще не привыкшемъ къ откровенной (и не всегда безошибочной) оцѣнкѣ сошедшихъ со своего поприща дѣятелей, при встрѣчѣ съ таковой оцѣнкой, въ большинствѣ случаевъ, охотнѣе пускаются въ изустныя осужденія автора

Библиотека "Руниверс"

и издателя, гораздо охотнѣе обращаются съ явными и тайными жалобами, нежели принимаются за фактическое опроверженіе ошибочной характеристики, или невѣрностей разсказа. Всего страннѣе то, что издателю матеріаловъ къ новѣйшей отечественной исторіи зачастую доводится слышать: „Помилуйте, какъ у васъ напечатано то и то о такомъ-то, 10 или 20 лѣтъ тому назадъ, умершемъ дѣятелѣ: вѣдь послѣ него остались — сынъ, либо дочь, либо вдова, теща, свекровь и т. д. Какъ вы не обождете изданіемъ такихъ-то мемуаровъ, или такого-то документа, не давъ сойти въ могилу и тещѣ, и свекрови, и вдовѣ, и сыну...“. При этомъ, однако, не объясняютъ, до какого же колѣна, въ восходящей или въ нисходящей линіи, должна дойти коса смерти, что-бы разсѣчь путы, связующія издателя и дать ему право обнародовать мемуары, или документъ, по мнѣнію стыдливаго потомства, компрометирующіе именитаго предка. Но пристрастные къ усопшимъ и черезъ-чуръ строгіе къ намъ судьи упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что чѣмъ скорѣе на могилѣ почившаго общественнаго дѣятеля явится его оцѣнка, хотя бы полная ошибокъ, тѣмъ возможнѣе ея исправленіе, а съ нимъ и разоблаченіе правды. Лица, близкія къ покойному, для которыхъ особенно дорога его память, безъ сомнѣнія, почтутъ долгомъ возстановить истину... А между тѣмъ, сколько у насъ укоренилось лжи въ отзывахъ о тѣхъ или другихъ дѣятеляхъ XVIII и первой четверти XIX вѣка только потому, что біографы ихъ обязаны были ждать кончины какой-нибудь внучатной племянницы, чтобы объ общественной дѣятельности ея двоюроднаго пращура смѣть сказать что-либо иное, кромѣ панегирика, или разсыропленнаго послужнаго списка. Этотъ взглядъ на обработку новѣйшей отечественной исторіи все еще составляетъ не легко поборимый тормазъ и ложный стыдъ потомковъ, набрасывающій покровъ на дѣянія или характеристику предковъ, можно назвать еще сильнымъ на Руси противникомъ историческаго изданія, посвященнаго изученію ея прошлаго за время, преимущественно XVIII и XIX столѣтій.

При самомъ началѣ нашего изданія, мы заявляли, что всякое замѣчаніе, всякую поправку какой бы то ни было статьи, во всякомъ отдѣлѣ нашего сборника, мы примемъ и напечатаемъ съ живѣйшею признательностью. Не смотря однако на это заявленіе, постоянно нами примѣняемое къ дѣлу, иногда, хотя и рѣдко, поправки и дополненія къ нѣкоторымъ статьямъ „Русской Старины“ встрѣчались и въ другихъ изданіяхъ, а потому „не доходили“, такъ сказать, „по адресу“, минуя иногда читателей нашего журнала. Въ виду этого обстоятельства, мы повторяемъ просьбу нашу, какъ къ самимъ чита-

Библиотека "Руниверс"

телямъ, такъ и нашимъ почтеннымъ рецензентамъ: сообщать поправки и замѣтки въ редакцію „Русской Старины“, которая всегда съ благодарностью помѣститъ ихъ на страницахъ своего журнала.

Въ таковыя отношенія къ нашему изданію желали бы мы поставить тѣхъ лицъ, которыя, при любви къ отечественной исторіи и при служеніи наукѣ, сочувствуютъ разработкѣ матеріаловъ для отечествовѣдѣнія. Благосклонное вниманіе публики и, съ каждымъ годомъ развивающееся у насъ, стремленіе во всѣхъ классахъ общества къ изученію родной старины—вотъ источники той энергіи, съ которою мы продолжаемъ и будемъ продолжать наше изданіе.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, заканчивая годъ — дѣлаемъ обзоръ „Русской Старины“ за все его продолженіе.

I.

Матеріалы къ отечественной исторіи, печатаемые въ „Русской Старинѣ“, распадаются, какъ извѣстно, на нѣсколько отдѣловъ. Изъ таковыхъ первое мѣсто принадлежитъ **запискамъ** (**мемуарамъ**).

Приступая къ печатанію новаго и полнаго перевода Записокъ княгини Е. Р. Дашковой, мы цѣнили ихъ какъ матеріалъ, весьма пригодный для исторіи XVIII вѣка и мѣстами очень интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ подлежащій строгой критической разработкѣ.

По причинамъ, отъ редакціи независѣвшимъ, мы были принуждены отложить дальнѣйшее печатаніе Записокъ, сохраняя полный переводъ, до благопріятнѣйшихъ временъ, въ архивѣ редакціи. Однако же и часть „Записокъ“, нами напечатанная, заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ автобіографическихъ данныхъ къ характеристикѣ первой пособницы и сподвижницы Екатерины II въ переворотѣ 28-го іюня 1762 года.

Записки Донскаго атамана Андріяна Денисова — можно назвать рѣзкою противоположностью предъидущимъ. Тамъ—знатная, высокообразованная русская княгиня повѣствуетъ о событіяхъ своей жизни на иностранномъ языкѣ, не безъ прикрасъ и мелодраматической драпировки; здѣсь — простой донецъ, съ самой патріархальной простотой, полуграмотнымъ языкомъ разсказываетъ о своихъ подвигахъ и, какъ истинно русскій герой, даже не сознаетъ въ себѣ никакого особеннаго героизма. Эта простота, и, если можно такъ выразиться, „неотесанность“ изложенія, при совершенномъ отсутствіи ходульности и самохваленія, — одно изъ существенныхъ достоинствъ записокъ удальца-атамана. Окончивъ польскую кампанію, Денисовъ

Библиотека "Руниверс"

черезъ пять лѣтъ со своими полками появляется въ австро-итальянскомъ походѣ Суворова и разсказываетъ о чудесахъ храбрости такъ простодушно и скромно, будто рѣчь идетъ о какихъ-нибудь стычкахъ маловажныхъ. А между тѣмъ эти донцы берутъ Туринъ, Бергамо, Миланъ; безъ всякихъ картъ и предначертанныхъ плановъ — сыны придонскихъ степей совершаютъ переходы по Альпамъ, инстинктивно понимаютъ чуждый языкъ, на которомъ говорятъ проводники, и руководствуются солнышкомъ для знанія времени, поспѣвая всегда въ опредѣленный часъ къ мѣсту, назначенному вождемъ-Суворовымъ. Повѣствованія Денисова тѣмъ драгоцѣннѣе, что донынѣ объ австро-итальянской кампаніи Суворова мы весьма мало имѣли подлинныхъ записокъ русскихъ участниковъ въ этой безсмертной для славы русскаго оружія кампаніи.

Воспоминанія Ивана Меньшаго—любопытны въ двоякомъ отношеніи: по безъискусственности изложенія и по правдивости разсказа стараго служаки той эпохи, когда солдатская служба, по тягостямъ, справедливо почиталась наказаніемъ. Насколько улучшился военный бытъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ, въ этомъ фактически могутъ убѣдить насъ только правдивыя воспоминанія очевидцевъ и лицъ, дѣйствовавшихъ на военномъ поприщѣ. Въ запискахъ Меньшаго можно, шагъ за шагъ, прослѣдить житье-бытье солдата, 1810 — 1820-хъ годовъ, отъ сдачи его въ рекруты до полученія эполетъ — вершины солдатскаго счастья, тогда доступной немногимъ.

Въ напечатанныхъ главахъ изъ Записокъ И. С. Жиркевича находимъ опять разсказы о военной службѣ при Александрѣ I; но здѣсь повѣствуетъ служака изъ дворянскаго сословія, изучавшій ратную службу въ стѣнахъ кадетскаго корпуса, ознакомившійся со всѣми ея сторонами и на ратномъ полѣ, и въ военной административной сферѣ. Въ этихъ Запискахъ, писанныхъ перомъ человѣка образованнаго и наблюдательнаго, находимъ нѣсколько портретовъ историческихъ личностей, преимущественно дѣятелей XII года, очерченныхъ мастерски: кн. Кутузовъ-Смоленскій, А. П. Ермоловъ, гр. Милорадовичъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ и мног. др., являются въ Запискахъ Жиркевича какъ бы въ новомъ свѣтѣ; наконецъ, мрачная личность Аракчеева, изображеннаго на его служебномъ поприщѣ, подъ перомъ Жиркевича до нѣкоторой степени утрачиваетъ свою звѣрообразность. Въ нынѣшней книгѣ, между прочимъ, въ „Запискахъ Жиркевича" находимъ описаніе вступленія и пребыванія русскихъ войскъ въ Парижѣ 1814 года. Предметъ общеизвѣстный и, повидимому, исчерпанный, но въ разсказѣ Жиркевича находимъ новыя краски, свѣтъ и тѣни. Вообще его Записки, несмотря на нѣкоторую вы-

Библиотека "Руниверс"

чурность языка, по своей правдивости, могутъ быть причислены къ немаловажнымъ матеріаламъ для исторіи вѣка Александра I.

Воспоминанія нашего уважаемаго артиста П. А. Каратыгина заключаютъ, помимо очерковъ изъ исторіи русскаго театра 1820—1830-хъ гг., живое описаніе наводненія 7-го ноября 1824 года и вообще имѣютъ тѣсную связь съ бытовыми картинами минувшаго времени.

По отзывамъ нѣкоторыхъ читателей, редакція „Русской Старины“ доставила имъ довольно скучное чтеніе, напечатавъ дневникъ—А. И. Красовскаго. Съ этимъ отзывомъ мы были бы совершенно согласны, если-бы помѣстили отрывки изъ этого курьезнаго дневника въ виду какого-либо (совершенно немыслимаго) его литературнаго достоинства. Цѣль наша была совершенно другая. Этотъ дневникъ только оправдательный документъ (pièce justificative) для біографическаго очерка этой чиновной особы въ теченіе полувѣка стоявшей на стражѣ русскаго общества отъ вліянія на него науки, литературы и искусствъ запада, а въ началѣ своей дѣятельности вершавшей судьбы отечественныхъ литературныхъ произведеній. Въ дневникѣ А. И. Красовскаго въ полномъ блескѣ является представитель цензуры „добраго стараго времени“, видѣвшій въ иностранной литературѣ, по его собственному признанію, „смердящее гноище, распространяющее душегубительное зловоніе“.

Холерный бунтъ въ Старой-Руссѣ въ 1831 году—нѣсколькими кровавыми страницами дополняетъ сборникъ матеріаловъ для исторіи военныхъ поселеній.

Картофельный бунтъ въ Пермской губерніи въ 1842 году—весьма любопытный эпизодъ изъ народнаго быта недавней старины. Главный его интересъ заключается въ описаніи столкновенія темнаго, безграмотнаго люда съ бюрократическимъ крючкотворствомъ. Подъ рукою чиновниковъ, въ формѣ циркуляровъ—мѣра, имѣвшая прямою цѣлію народное благосостояніе, произвела возмущеніе, благополучно утишенное грамотнымъ крестьяниномъ, который объяснилъ и растолковалъ собратьямъ въ чемъ суть дѣла.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго о Петербургѣ въ 1822—1832 годахъ въ большинствѣ читателей возбудятъ живой интересъ такъ какъ авторъ воспроизводитъ многія стороны Петербургской жизни почти за полвѣка до нашего времени. Авторъ разсказываетъ между прочимъ о канцелярскихъ порядкахъ въ столицѣ давно-прошедшаго времени, когда подъ воинскій ранжиръ и чуть не подъ учебный шагъ были подведены дѣлопроизводства гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ и департаменты, и канцеляріи. Разсказы объ

Библиотека "Руниверс"

этомъ времени пробудятъ, можетъ быть, отголосокъ въ воспоминаніяхъ прежнихъ дѣятелей. Этимъ отголоскамъ всегда радушно открыты страницы „Русской Старины“.

Необходимо замѣтить, что въ воспоминаніяхъ лицъ прежнихъ поколѣній — одинъ изъ самыхъ существенныхъ недостатковъ — измѣнчивость памяти, отражающаяся если не на изложеніи факта, то на нѣкоторыхъ подробностяхъ, иногда довольно важныхъ: погрѣшности ихъ бываютъ въ годахъ, числахъ, иногда въ именахъ. Въ подобныхъ случаяхъ прямая обязанность лицъ — не говоримъ, доброжелательныхъ историческому изданію, но уважающихъ историческую правду — возстановить ее посредствомъ указанія на погрѣшность автора, не затрогивая его самолюбія, не заподозривая его добросовѣстность. Исправленія подобнаго рода, вновь повторяемъ, будутъ всегда приняты нами съ глубокой признательностью, которой не будутъ чужды, вѣроятно, и сами авторы. Намъ возразятъ, что исправленіе погрѣшностей — прямая обязанность редакціи. Совершенно справедливо и редакція исполняетъ эту обязанность сколь отъ нея зависитъ; но при множествѣ и сложности трудовъ по изданію, въ особенности-же при срочности выпуска его книгъ, нѣкоторыя погрѣшности все-таки могутъ ускользнуть и дѣйствительно ускользаютъ отъ вниманія редакціи.[1])

Воспоминанія В. А. Инсарскаго посвящены описанію помѣщичьяго быта 1840—1850 годовъ; въ хронологическомъ смыслѣ слова эпоха довольно близкая, но событія послѣднихъ двадцати лѣтъ отмежевали ей мѣсто въ области давно минувшаго и нынѣ, какъ достояніе исторіи, она уже требуетъ разработки всесторонней....

Сказанія иноземцевъ о Россіи XVIII вѣка — могли имѣть большое значеніе между матеріалами для отечественной исторіи въ тѣ времена, когда подъ охраною цензуры и равнодушія общества хранились собственные источники. Сочиненіямъ иноземцевъ о Россіи мы удѣлямъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ исключительно въ виду, или особеннаго интереса съ точки зрѣнія ихъ правдивости, или, наоборотъ, беззастѣнчивой лживости. Мы пожертвовали нѣсколькими страницами Запискамъ Миниха, представивъ изъ нихъ только тѣ извлеченія, изъ которыхъ читателю могло быть понятно, что Миниху, свидѣтелю и участнику административной неурядицы въ Россіи съ 1725 по 1762 г., принадлежитъ мысль объ учрежденіи государственнаго совѣта.

---

[1]) Атаманъ Денисовъ говоритъ, что одно сраженіе было при мѣстечкѣ Колыбель (стр. 601 и 602), но справкѣ оказывается, что при мѣстечкѣ Кобылка. Другое сраженіе было не при Сломникѣ, а при Рацлавицахъ (т. X, стр. 12—16). Просимъ исправить. **Ред.**

Библиотека "Руниверс"

Къ отдѣлу сказаній иноземцевъ принадлежатъ напечатанные въ нынѣшнемъ году „Русской Старины“ извлеченія изъ Записокъ квакера Греллэ де-Мобилье (1818—1819) о любопытной эпохѣ царствованія Александра I, когда вслѣдъ за торжествомъ русскаго оружія, въ нашемъ обществѣ, будто моровое повѣтріе, распространился западный мистицизмъ, сочетавшійся съ русскимъ ханжествомъ и породившій во всѣхъ слояхъ общества изувѣровъ, фанатиковъ и юродивыхъ. Извлеченіе изъ записокъ кавалера д'Эонъ и венеціанца Казановы были составлены именно въ тѣхъ рамкахъ, какія мы находимъ вполнѣ достаточными для нашего изданія.

II.

Располагая статьи, напечатанныя въ 1874 году, по эпохамъ царствованій, къ которымъ онѣ относятся, мы можемъ дать читателю возможность судить о степени важности этихъ матеріаловъ.

Незначительны по объему, но важны по ихъ отношенію къ Петровской эпохѣ: письмо кн. А. Д. Меншикова къ Арсеньевой, рисующее положеніе будущей императрицы Екатерины I предъ ея сближеніемъ съ Петромъ Великимъ. Къ этой-же группѣ причисляемъ интересные разсказы изъ временъ Петра Великаго (1713—1722) Н. Ѳ. Самарина, основанные на подлинныхъ дѣлахъ той эпохи.

Въ составъ обширной монографіи: Наталья Ѳедоровна Лопухина вошли, при нѣкоторой разработкѣ, донынѣ еще неизвѣстные документы изъ подлиннаго дѣла, которое вполнѣ можно назвать замѣчательнымъ эпизодомъ царствованія Елисаветы Петровны. Донынѣ „Лопухинское дѣло“ главнымъ образомъ было извѣстно по иностраннымъ источникамъ, въ которыхъ на частицу правды приходилось не мало лжи и вымысловъ. Тщательная выборка изъ документовъ современныхъ, бо́льшею частью впервые появившихся въ печати на страницахъ лишь нашего изданія, дала намъ возможность разработать упомянутое событіе съ надлежащею полнотою и сказать о немъ послѣднее слово.

Дмитрій Васильевичъ Волковъ, тайный секретарь Петра III (1718—1785), личность для большинства читающаго общества почти новая или весьма мало извѣстная. Д. В. Волкова можно назвать добрымъ геніемъ кратковременнаго царствованія Петра III, ознаменованнаго нѣсколькими благодѣтельными установленіями, изъ которыхъ ни одно не обошлось безъ дѣятельнаго участія Волкова. Снять покровъ несправедливаго забвенія съ имени этого государственнаго мужа — прямой долгъ будущаго историка Россіи XVIII столѣтія, и нѣтъ сомнѣнія, что матеріалы для біографіи Д. В. Волкова, на-

Библиотека "Руниверс"

печатанные нами, обратятъ на себя справедливое вниманіе изслѣдователей. [1])

Вѣкъ Екатерины II, воскрешенный въ памяти потомства сооруженіемъ монумента великой государынѣ, занялъ въ нашемъ изданіи и въ 1874 г., какъ и въ предъидущемъ году, многія страницы, почти по всѣмъ отдѣламъ. Столѣтіе, отдѣляющее насъ отъ этого царствованія, даетъ нынѣ возможность говорить не только о блестящихъ событіяхъ этой эпохи, но и указывать на темныя стороны Екатерининскаго вѣка. Изъ таковыхъ укажемъ на Салтычиху. Біографія этого чудовища — истиннаго олицетворенія крѣпостнаго права — наводя ужасъ, вмѣстѣ съ тѣмъ уясняетъ причины Пугачевщины, бѣдствія неизбѣжнаго, порожденнаго кровоточивою язвою крѣпостнаго ига. Уподобляя Салтычиху наросту дикаго мяса на живомъ организмѣ общества, нельзя не замѣтить (не въ оправданіе людоѣдки, какъ прозвалъ ее народъ, но только въ виду возможности ея появленія въ XVIII в.), что для порожденія подобнаго нароста нужна была подготовка и она была именно въ гнилостныхъ сокахъ, разлитыхъ во всѣхъ слояхъ общества. Доказательствами тому, что явленіе Салтычихъ не было одиночнымъ, что нѣкоторыя даже образованныя помѣщицы отличались жестокостью служатъ разсказы: Княгиня А. В. Козловская (1799) и Графиня А. И. Чернышева (1745—1830)— послѣдняя впрочемъ имѣла многія достоинства. Для противодѣйствія одному злу, какъ-бы для его противоядія, явилось другое; возможность существованіе Салтычихъ допустила возможность появленія Пугачева: за потоки одной невинно пролитой крови рабовъ, потекли ручьи невинной крови властелиновъ; какъ безвинно гибли цѣлыя семьи честныхъ, добрыхъ помѣщиковъ всего лучше видно изъ сказанія современницы, напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

Отъ многихъ тысячъ жертвъ кровавой расправы перейдемъ къ небольшой группѣ жертвъ политики, искупившихъ долголѣтнимъ заточеніемъ мимолетное пребываніе ихъ брата и родителей на престолѣ; говоримъ о статьѣ академика В. А. Полѣнова: Отправленіе Брауншвейгской фамиліи въ Датскія владѣнія въ 1780 г. Новое изданіе этой монографіи, по подлинной рукописи автора, съ возстановленіемъ всѣхъ пропусковъ, неизбѣжныхъ при ея печатаніи въ

---

[1]) Кстати возстановимъ случайный пропускъ. На стр. 482, т. XI, строка 17-я сверху, напечатано: «Бывшій исправляя» — читай: «Бывшій императоръ (Петръ III) исправляя». На стр. 478 того-же тома, строка 8-я, напечатано: «тайный секретарь при Петрѣ II», читай: «тайный секретарь при Петрѣ III».

Ред.

Библиотека "Руниверс"

1837 году, доставило любителямъ отечественной исторіи монографію, давно признанную замѣчательнымъ трудомъ въ области русской исторіи.

Русскіе вольнодумцы, эпизодъ изъ послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II, касающійся правительственныхъ мѣропріятій того времени, вызванныхъ появленіемъ мартинистовъ, на которыхъ Екатерина, старчески подозрительная, подъ наитіемъ ужаса, обуявшаго ее вслѣдствіе французской революціи, видѣла опасныхъ злоумышленниковъ на спокойствіе и цѣлость Россіи. Оправдывая цѣль средствами, правительство Великой Екатерины II, на закатѣ дней своихъ, имѣло слабость предоставить извѣстнымъ чиновникамъ вскрывать письма, перехватываемыя на почтѣ. Имѣя въ виду продолженіе изданія перелюстраціи 1790-хъ гг., редакція руководствуется тѣми соображеніями, что письма мартинистовъ не безполезные матеріалы не только для біографій Новикова, Лопухина и другихъ извѣстныхъ поборниковъ русской мысли, но и вообще для исторіи тайныхъ обществъ въ Россіи XVIII вѣка.

Переписка императрицы Екатерины II съ в. к. Павломъ Петровичемъ и съ в. к. Маріей Ѳеодоровной (1792—1795), сохранившаяся въ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ Павловскѣ и благосклонно сообщенная Его Высочествомъ „Русской Старинѣ“ — заключаетъ множество любопытныхъ данныхъ къ характеристикѣ императрицы и ея отношеній къ сыну и невѣсткѣ. Во многихъ письмахъ видимъ Екатерину II во всемъ могуществѣ ея непреклонной воли и слышимъ голосъ самодержицы въ самыхъ нѣдрахъ ея семьи. Переписка членовъ императорской фамиліи о сватовствѣ короля шведскаго (1796 г.) дала намъ возможность составить особую монографію, въ которой первое мѣсто принадлежитъ преждевременно сраженной смертью дочери цесаревича Павла Петровича, великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, этой безгрѣшной агницѣ, принесенной въ жертву ошибочнымъ политическимъ соображеніямъ.

Къ біографіи цесаревича Павла Петровича до восшествія его на престолъ относятся, также хранящіяся въ Библіотекѣ дворца въ Павловскѣ и напечатанныя въ „Русской Старинѣ“, собственноручныя сочиненія, замѣтки и выписки (1772 — 1776) основателя Павловска, а также дѣланныя имъ уже въ зрѣломъ возрастѣ извлеченія изъ мемуаровъ кардинала Ретца и Сюлли. Изъ группы сподвижниковъ императора Павла въ „Русской Старинѣ“ занялъ видное мѣсто графъ Никита Петровичъ Панинъ на его дипломатическомъ поприщѣ.

Библиотека "Руниверс"

Матеріаловъ относящихся къ эпохѣ царствованія Александра I въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., какъ и въ предъидущихъ годахъ этого изданія, особенно обильно. Кромѣ мемуаровъ, относящихся къ этой эпохѣ, и небольшихъ сообщеній, капитальными статьями были: князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ (1745—1813): письма къ его дочери графинѣ Е. М. Тизенгаузенъ. Біографія М. Л. Булатова, дѣятеля второстепеннаго, но честнаго и мужественнаго, котораго затмили свѣтила XII года. Письмо гр. Аракчеева къ брату (1812), нѣсколькими чертами ярко характеризуетъ знаменитаго временщика на первыхъ ступеняхъ возвышенія и нѣк. друг.

Изъ литераторовъ александровскаго времени на долю А. С. Грибоѣдова выпало наибольшее количество статей и матеріаловъ, существенно пополняющихъ будущую, еще ожидаемую біографію творца „Горя отъ ума“. Таковы статьи: „Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ“ — біографическій очеркъ по подлиннымъ его письмамъ (1795—1829); „Обзоръ всѣхъ изданій „Горя отъ ума“ (1825—1874); „Горе отъ ума“ въ Тифлисѣ (1832); „А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ“ (1818 — 1828) и „А. С. Грибоѣдовъ какъ дипломатъ“ (1827 — 1829) — обѣ статьи Ад. П. Берже, посвященныя обзору дипломатической дѣятельности великаго писателя, впервые знакомятъ съ этого рода общественною его дѣятельностью. Въ виду множества матеріаловъ для біографіи Грибоѣдова, изданныхъ„ Рус. Стар.“, можно сказать, что они исчерпаны окончательно. Обиліе статей къ біографіи Грибоѣдова и къ оцѣнкѣ его безсмертнаго произведенія — оправдывается, какъ интересомъ самой личности Грибоѣдова, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1874 году исполнилось пятидесятилѣтіе со времени перваго появленія рукописи „Горя отъ ума“. Въ послѣдніе десять лѣтъ, сочувствіе Россіи къ великимъ дѣятелямъ, на всѣхъ поприщахъ, выражается, какъ извѣстно, празднованіемъ ихъ юбилеевъ; дни рожденія великихъ соотечественниковъ — дни ликованія признательныхъ потомковъ. Такъ чествовало русское общество память Петра I, Екатерины II, Ломоносова, Сперанскаго, Державина и др. „Русская Старина“ вмѣняетъ себѣ въ прямой долгъ напоминать о приближеніи таковыхъ юбилеевъ и заносить на свои страницы новыя данныя, оживляющія въ памяти потомства жизнь и дѣянія чествуемыхъ великихъ мужей.

Н. М. Карамзинъ — воспоминанія К. С. Сербиновича. По многочисленнымъ отзывамъ, авторъ статьи, уклоняясь отъ ея заглавія, въ разсказахъ своихъ ставитъ на первый планъ собственную личность, слишкомъ часто оставляя Карамзина на второмъ планѣ. Въ оправданіе памяти К. С. Сербиновича мы можемъ заявить во-первыхъ, что

Библиотека "Руниверс"

свои воспоминанія о знаменитомъ исторіографѣ онъ готовилъ ихъ только для посмертнаго изд.; а во-вторыхъ, помимо пріязненныхъ къ нему отношеній Карамзина, К. С. Сербиновичъ былъ его дѣятельнымъ сотрудникомъ при драгоцѣнномъ собраніи примѣчаній къ „Исторіи Государства Россійскаго“ (т. X и XI); а также собирателемъ обширныхъ приложеній къ XII тому, изданному по кончинѣ Карамзина, подъ редакціею Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича. Эта заслуга даетъ К. С. Сербиновичу нѣкоторое право на извѣстность самостоятельную, въ виду которой его воспоминанія не лишены интереса.

Изданіе въ полномъ его составѣ „Дома сумасшедшихъ“ А. Ѳ. Воейкова, съ возможно полными и всесторонними біографическими примѣчаніями объ авторѣ, мы признаемъ, основываясь на отзывахъ многихъ любителей нашей литературной старины, полезнымъ дополненіемъ ихъ библіотекъ. Впервые печатая въ полномъ его составѣ это произведеніе, въ теченіе столькихъ лѣтъ принадлежавшее къ отдѣлу „рукописной“ литературы, мы пополнили его редакцію варіантами и примѣчаніями П. А. Ефремова; кромѣ біографическаго очерка автора имъ помѣщенъ указатель лицъ, упоминаемыхъ въ сатирѣ и два произведенія того же Воейкова: „Парнасскій Адресъ-Календарь“ (1818) и „Война и миръ Булгарина, Греча и Н. Полеваго“ (1828). Въ дополненіе „Дома Сумасшедшихъ“ нами напечатаны отрывки изъ записокъ Н. И. Греча, посвященныя характеристикѣ А. Ѳ. Воейкова (1779—1839). Если Воейковъ щедро изливъ свою желчь на всѣхъ литературныхъ дѣятелей своего времени, то и Н. И. Гречъ, въ свою очередь, не поскупился въ своихъ Запискахъ на краски рѣзкія при описаніи нравственнаго несовершенства личности, ему ненавистной.

Къ тридцатилѣтнему періоду, отдѣляющему александровскую эпоху отъ нашего времени, относятся статьи: Сочиненіе в. к. Николая Павловича (въ 1813 г.) о Маркѣ Авреліи; Н. Н. Муравьевъ; — генералъ-лейтенантъ Клюки-фонъ-Клугенау; — гр. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ — статья М. П. Щербинина. — Воспоминанія графа Д. Е. Остенъ-Сакена о Н. Муравьевѣ и объ эпизодѣ изъ обороны Севастопольской. — „Дѣло о поощреніи сельскаго хозяйства въ Харьковской губерніи“ (1843—1861) — любопытное какъ фактическое доказательство несовмѣстности трезвыхъ воззрѣній политической экономіи съ близорукими, отжившими свой вѣкъ, понятіями крѣпостничества. Записки М. П. Погодина объ отношеніяхъ западной Европы къ Россіи въ 1854—1855 годахъ. — Ѳ. Н. Оберъ, очеркъ и характеристика. — Предсказательница войнъ Россіи 1849 и 1854 гг. — Статсъ-секретарь П. А. Кикинъ. — М. Л. Магницкій (1823—1845) и мн. др.

Библиотека "Руниверс"

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—новые матеріалы для его біографіи (1826 — 1836), статья замѣчательная, не по выводамъ и умозаключеніямъ ея составителя, но единственно по разоблаченію до нынѣ невѣдомыхъ фактовъ и отношеній великаго поэта къ высшимъ административнымъ сферамъ. Сила власти подчинила себѣ силу ума и мощь дарованія, избравъ оружіемъ порабощенія личное самолюбіе автора и вещественные его интересы.

Дополненіями біографіи Пушкина могутъ служить: „А. С. Пушкинъ: эпизодъ изъ его жизни 22 и 23-го апрѣля 1828 г.“ статья А. А. Ивановскаго — лица, принимавшаго дѣятельное участіе въ этомъ событіи; весьма характеристичный приговоръ суда по дѣлу объ элегіи А. С. Пушкина „Андрей Шенье“ и Восточная поэма на персидскомъ языкѣ на кончину Пушкина, переведенная А. А. Бестужевымъ. При всей высокопарности этой поэмы въ ней звучитъ непритворная скорбь и сочувствіе къ утратѣ, понесенной Россіею въ лицѣ Пушкина.

Женитьба Н. В. Гоголя — разнорѣчія изъ черновой подлинной его рукописи. По мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ варьянты эти не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ, но, высоко цѣня дарованія Н. В. Гоголя, мы считаемъ цѣнными и малѣйшія сообщенія, касающіяся его литературной дѣятельности.

Большое значеніе имѣетъ стихотвореніе М. Ю. Лермонтова „Валерикъ“, впервые напечатанное нами по подлинной рукописи, сообщенной П. А. Ефремовымъ.

Изъ художественной семьи этого тридцатилѣтняго періода, предметомъ для біографіи мы избрали М. И. Глинку, къ личности котораго относимся всегда съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ. „Воспоминанія“ А. Н. Струговщикова и письма М. И. Глинки къ Л. А. Гейденрейху заключаютъ въ себѣ многія черты для полнѣйшей характеристики геніальнаго русскаго композитора.

А. Н. Сѣровъ (1820—1871), воспоминанія Ѳ. М. Толстаго, статья, посвященная памяти художника, котораго, вмѣстѣ съ М. И. Глинкою, можно назвать творцомъ русской оперы.

III.

Историческія монографіи принадлежатъ къ одному изъ главныхъ отдѣловъ „Русской Старины“. Въ теченіе 1874 г. нами были напечатаны: „Къ вопросу о началѣ Руси“—Д. И. Иловайскаго; „О критикѣ историка Германа“ — его-же. Петръ I въ Дрезденѣ (1698—1711)—профессора А. Брикнера. Взглядъ на всепьянѣйшій соборъ

Библиотека "Руниверс"

учрежденный Петромъ Великимъ — И. Носовича; обширная монографія Е. П. Карновича: о Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи (1649—1825) написанная въ виду предпріятія новаго изданія этого основнаго источника для исторіи Россіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. „Литература Екатерининскаго юбилея“ статья В. И. Семевскаго; „Послѣдніе годы рѣчи Посполитой“ — рецензія соч. Н. Костомарова, составленная Д. И. Иловайскимъ. „Тереза Угрюмова“ Е. П. Карновича. — „Послѣдняя польская смута“ (1861—1863), разсказы Очевидца и проч.

Историческая драма, историческая повѣсть или романъ изъ извѣстной эпохи, рисующія бытъ русскаго общества въ прошедшія времена и знакомящія съ достопамятными его представителями, всегда найдутъ мѣсто на страницахъ нашего изданія. Каждый согласится, что „Капитанская дочка“ — Пушкина, „Тарасъ Бульба“ — Гоголя, „Война и миръ“ — гр. Л. Толстаго, „Сонъ на Волгѣ“ (Воевода) — А. Островскаго, наконецъ историческіе романы Лажечникова, Кулиша, гр. А. Толстаго, „Пугачевцы“ — гр. Саліаса и нѣкоторыя другія этого рода произведенія отечественныхъ писателей весьма живо воскрешаютъ историческое прошлое русскаго народа; сочиненія этихъ лицъ, основанныя однако на изученіи историческаго матеріала, будутъ всегда служить весьма важнымъ подспорьемъ для ознакомленія современнаго общества съ житьемъ-бытьемъ, со взглядами и убѣжденіями предковъ. Отсюда понятно, почему „Русская Старина“, печатая чисто историческіе матеріалы, охотно готова дать мѣсто исторической драмѣ, историческому роману и исторической повѣсти. Но этотъ родъ литературныхъ произведеній весьма труденъ и безупречныхъ, вполнѣ-художественныхъ созданій въ этой области русской литературы—немного....

Печатая въ „Русской Старинѣ“ Марѳу Посадницу — Н. П. Жандра, мы видѣли въ ней новую попытку объяснить характеръ и то важное участіе, какое принимала въ событіяхъ XV вѣка Марѳа Посадница. Если эта попытка не вполнѣ удачна, тѣмъ не менѣе она не лишена нѣкотораго интереса и заставляетъ вспомнить и вдуматься въ подробности и смыслъ событія громадной важности для исторіи Россіи — покореніе Новгорода Москвою.

IV.

Въ отдѣлѣ: Листки изъ записной книжки „Русской Старины“ съ перваго года нашего изданія печатаются анекдоты, эпизодическіе разсказы, мелочи, курьезы и т. п. Признавая въ историческихъ анекдотахъ несомнѣнную пользу, мы охотно даемъ имъ мѣсто, полагая непреложнымъ условіемъ строгую разборчивость и воз-

Библиотека "Руниверс"

можную провѣрку на основаніи данныхъ документальныхъ. Изъ многихъ анекдотическихъ разсказовъ, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г., укажемъ анекдоты о Екатеринѣ II и Павлѣ I. Въ послѣднихъ находимъ многія черты, пополняющія характеристику императора и знакомящія со свѣтлыми и темными сторонами нрава, сотканнаго изъ противорѣчій. Правда, нѣкоторые анекдоты могли-бы показаться вымышленными, если-бы выборки изъ газетъ того времени не убѣждали въ возможности странностей, о которыхъ упоминается въ анекдотахъ.

V.

Въ 1874 году редакціею было выдано 161 печатныхъ листовъ, т. е. въ трехъ томахъ „Русской Старины“ было болѣе 2500 страницъ. Число изслѣдованій, записокъ (мемуаровъ), воспоминаній, статей, замѣтокъ, литературныхъ произведеній и прочихъ сообщеній, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. простиралось до 150.

Приложенія состояли изъ портретовъ, видовъ разныхъ достопримѣчательныхъ памятниковъ и снимковъ съ автографовъ (fac-simile). Портреты: 1) Д. В. Волковъ; 2) Силуэты дѣтей правительницы Анны Леопольдовны (4 портрета); 3) А. С. Грибоѣдовъ; 4) М. Л. Булатовъ; 5) Н. Ѳ. Лопухина; 6) д'Эонъ. Рисунки: 7) моды въ Россіи въ 1779 г.; 8—9), памятникъ кн. М. И. Голенищеву-Кутузову близь Бунцлау и его могила въ Казанскомъ соборѣ; 10) древняя соборная церковь при Ивановскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, мѣсто заточенія Салтычихи; 11—12) памятникъ основанію Павловска и видъ крѣпости—тамъ-же. Снимки съ автографовъ: 13) Фальконета (въ текстѣ); 14) письмо Екатерины II къ Д. В. Волкову. Всѣ эти художественныя приложенія, бо́льшею частью исполнены рѣзцомъ академика Л. А. Сѣрякова. Портреты, помѣщенные въ „Русской Старинѣ“, принадлежатъ къ рѣдкимъ художественнымъ произведеніямъ, или по малоизвѣстности лицъ (Д. В. Волковъ, Н. Ѳ. Лопухина, Анны Леопольдовны, М. Л. Булатовъ), или какъ воспроизведеніе изображенія извѣстнаго лица, безукоризненнаго портрета котораго еще не было издано (А. С. Грибоѣдовъ). До появленія въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. снимка съ портрета Грибоѣдова, писаннаго И. Н. Крамскимъ, изображенія автора „Горя отъ ума„ такъ-же мало на него походили, какъ первое изданіе его безсмертной комедіи на свой подлинникъ.

Ред.

Библиотека "Руниверс"

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1874 году.

Въ 1874 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

Акмолинская обл. (381,900 жит.)	
Акмолинскъ	1
Кокчетовъ	1
Омскъ	13
	15
Амурская обл. (22,297 жит.)	
Благовѣщенскъ	7
Албазинъ	2
Михайло-Семеновская	1
Покровская	1
	11
Архангельская губ. (283,263 жит.)	
Архангельскъ	9
Кемь	1
Онега	1
Сороцкая	1
	12
Астраханская губ. (606,075 жит.)	
Астрахань	19
Вязовская	1
Поповицкая	1
Сѣроглазовская	1
Царевъ	1
	23
Бакинская губ. (513,560 жит.)	
Баку	7
Геоктопинская	1
Карамарьянская	1
Куба	1
Ленкоранъ Кр.	1
	11
Бессарабская обл (1.097,109 жит.)	
Кишиневъ	16
Акерманъ	3
Байрамча	3
Бендеры	4
Бѣльцы	1
Деневецъ	1
Купчинская	1
Скуляны	1
Секурянская	1
Сороки	2
Хотинъ	2
	35
Варшавская губ. (947,760 жит.)	
Варшава	56
Александровъ пограничный	1
Влоцлавскъ	2
Гостынинъ	1
Кутно	1
Ловичъ	3

Библиотека "Руниверс"

Минскъ	1
Ново-Дворъ	6
Скерневицы	1
Сахачевъ	2
	74

Виленская губ.
(1.016,810 жит.)

Вильно	32
Дисна	3
Жосли	1
Заборье	2
Лида	1
Ораны	1
Ошмяны	1
Свенціаны	1
Сморгони	2
	44

Витебская губ.
(900,808 жит.)

Витебскъ	5
Антонопольская	1
Велижъ	2
Динабургъ	15
Долысы	1
Клясицкая	1
Креславка	1
Лепель	1
Ловша	1
Невель	3
Полоцкъ	4
Сеньковская	1
	36

Владимірская губ.
(1.268,294 жит.)

Владиміръ	14
Александровъ	1
Болтинская	1
Второвская	1
Вязники	1
Гавриловъ пос.	2
Гороховецъ	1
Киржачь	3
Ковровъ	2
Кохма	1
Лежневская	1
Иваново-Вознесенскъ	7
Меленки	1
Мокша	1
Муромъ	3
Никольское	1
Орѣховская	2
Сима	1
Судогда	2
Суздаль	1
Переславль-Залѣскій	1
Шуя	6
Юрьевъ-Польскій	2
	56

Вологодская губ.
(1.012,957 жит.)

Вологда	9
Вельскъ	1
Грязовецъ	1
Никольскъ	1
Сольвычегодскъ	1
Свѣтилова	1
Тотьма	2
Усть-Сысольскъ	1
	17

Волынская губ.
(1.733,158 жит.)

Житоміръ	12
Владиміръ	3
Волочискъ	3
Гощанская	1
Дубно	1
Заславъ	2
Клевань	1
Кременецъ	4
Купель	1
Луцкъ	2
Любарская	1
Новгородъ-Волынскъ	2
Овручь	2
Олыка	1
Радзивиловъ	4
Старо-Константиновъ	1
Чудновъ	1
	42

Воронежская губ.
(2.183,394 жит.)

Воронежъ	29
Бирючь	5
Бобровъ	4
Богучаръ	3
Валуйки	4
Задонскъ	4
Землянскъ	7
Калачь слоб.	4
Коротоякъ	1
Лосевская	1
Мандрово	1
Нижнедѣвицкъ	2
Новхоперскъ	1
Острогожскъ	8
Павловскъ	2
	76

Выборгская губ.
(281,538 жит.)

Выборгъ	3
	3

Вятская губ.
(2.428435 жит.)

Вятка	10
Воткинскій зав.	2
Глазовъ	1
Елабуга	5

Библиотека "Руниверс"

Ижевскій зав.	2
Котельничь	2
Малмыжъ	4
Орловъ	1
Сарапулъ	5
Слободской	3
Уржумъ	1
Яранскъ	2
	38

Гродненская губ.
(1.023,348 жит.)

Гродно	10
Брестъ-Литовскъ	9
Бѣлостокъ	5
Дрогичинъ	1
Иваново	1
Клещели	1
Кобринъ	1
Пружаны	1
Свислочь	1
Семятичи	1
Слонимъ	1
Соколка	1
	33

Дагестанская обл.
(448,299 жит.)

Дербентъ	4
Гунибъ укр.	5
Дашлагаръ	1
Петровское укр.	2
Темир-хан-шура	8
Чиръ-Юртъ	1
	21

Екатеринославская губ.
(1.381,269 жит.)

Екатеринославъ	19
Азовъ	3
Александровскъ	3
Александровка	1
Бахмутъ	3
Благодатное	2
Верхнеднѣпровскъ	6
Гавриловка	1
Еленовское село	1
Лозовая	4
Луганскій зав.	4
Маріуполь	2
Нагибѣдинская	2
Никополь	1
Павлоградъ	4
Перещепино	5
Петропавловка	1
Ростовъ-на-Дону	21
Славяносербскъ	3
Таганрогъ	15
Чумбарская	1
	102

Елисаветинская губ.
(529,412 жит.)

Елисаветполь	7
Делижанъ	1
Новоакстафинская	1
Шуша	2
	11

Енисейская губ.
(372,862 жит.)

Красноярскъ	10
Ачинскъ	1
Енисейскъ	3
Казачинская	1
Канскъ	1
Каргино	1
Минусинскъ	1
	18

Забайкальская обл.
(430,780 жит.)

Чита	3
Баргузинъ	1
Верхнеудинскъ	2
Горбиченская	3
Кавыкучи Газимурская	1
Кяхта	4
Нерчинскъ	4
Нерчинскій зав.	4
Селенгинскъ	2
Средняя Кара	1
Стрѣтенская	2
Троицкосавскъ	2
Укырская	1
Шелопухинская	1
	31

Земля Войска Донскаго.
(1.112,211 жит.)

Новочеркаскъ	44
Боковская	6
Есауловская	3
Иловля	1
Кагальницкая	1
Каменская	1
Константиновская	1
Меркуловская	1
Нижнечирская	1
Новогригорьевская	1
Ольховый рогъ	1
Тарасовка	1
Урюпинская	5
Успенская	1
Усть-Медвѣдицкая	2
Цимлянская	3
	73

Иркутская губ.
(378,244 жит.)

Иркутскъ	22
Витимскъ	1
Жигаловская	1
Нижнеудинскъ	1

Библиотека "Руниверс"

Тельминская	1
Тулуновское	1
Черемховская	3
	30

Казанская губ.
(1.715,396 жит.)

Казань	65
Воробьевскал	2
Козьмодемьянскъ	1
Лаишевъ	4
Мамадышъ	1
Свіяжскъ	1
Спасскъ	5
Тетюши	1
Цивильскъ	1
Чебоксары	1
Чистополь	3
	85

Калишская губ.
(703,377 жит.)

Калишъ	7
Велюнь	1
Клодава пос.	1
Коло	1
Конинъ	1
Ленчица	2
Слупцы	1
	14

Калужская губ.
(1.003,016 жит.)

Калуга	13
Александровскій хут.	3
Боровскъ	1
Жиздра	5
Лихвинъ	1
Малоярославецъ	1
Медынь	5
Мещовскъ	1
Михѣевская	1
Роговичи	1
Серпейскъ	1
Суборовская	1
Таруса	2
	36

Кіевская губ.
(2.211,376 жит.)

Кіевъ	74
Бердичевъ	2
Богуславъ	3
Бѣлая Церковь	3
Звенигородка	4
Казатинъ	2
Каневъ	3
Липовецъ	2
Лысянка	1
Махновка	1
Родомыслъ	2
Ружинъ	1
Сквира	2
Смѣла	6
Тараща	2
Умань	11
Черкасы	2
Чигиринъ	1
Шпола	3
Фастовъ	1
	126

Ковенская губ.
(1.157,043 жит.)

Ковно	9
Вилькоміръ	3
Ново-Александровъ	2
Поневѣжъ	1
Таурогенъ	1
Тельши	3
Шавли	2
Шадовъ	1
Юрбургъ	3
	25

Костромская губ.
(1.185,302 жит.)

Кострома	15
Буй	1
Варнавинъ	1
Ветлуга	1
Вичуга	3
Галичь	2
Горкино	1
Кинешма	8
Малоугорская	1
Нерехта	2
Парфентьевъ пос.	1
Плесъ пос.	1
Пучежъ пос.	1
Судиславъ	2
Юрьевецъ	1
	41

Кубанская обл.
(672,224 жит.)

Екатеринодаръ	12
Ейскъ	5
Кирпильская	1
Крымская укр.	1
Лабинская	2
Майкопъ	4
Прочный Окопъ	4
Темрюкъ	1
Уманская	2
Устьлабинская	4
Щербиновка	1
	37

Курляндская губ.
(621,999 жит.)

Митава	1
Либава	1
Фридрихштадтъ	1
Якобштадтъ	1
	4

Библиотека "Руниверс"

Курская губ.
(1.989,927 жит.)

Курскъ	20
Борисовка	1
Бѣлгородъ	8
Дмитріевъ на Свапѣ	7
Дьяконово	1
Иванино	1
Коренево	1
Кочетки	1
Курская	1
Льговъ	6
Марьино	2
Медвянка	1
Мирополье	2
Никольская	1
Новый Осколъ	2
Обоянь	5
Полевая	1
Прохоровка	2
Путивль	4
Рыльскъ	9
Старый Осколъ	7
Суджа	2
Томаровская	1
Тимъ	3
Фатежъ	3
Щигры	9
	101

Кутаисская губ.
(605,691 жит.)

Кутаисъ	6
Поти	4
	10

Кѣлецкая губ.
(542,945 жит.)

Кѣльцы	4
Пилица пос.	1
Пинчовъ	2
	7

Лифляндская губ.
(1.004,585 жит.)

Рига	14
Балтійскій портъ	1
Верро	1
Гапсаль	1
Дерптъ	6
	23

Ломжинская губ.
(500,789 жит.)

Ломжа	8
Граево пос.	1
Маковъ	1
Островъ	2
Пухтускъ	1
	13

Люблинская губ.
(730,906 жит.)

Люблинъ	5
Бѣлгорай	1
Замостье крѣп.	2
Красноставъ	2
Любартовъ	1
Ново-Александрія	1
Холмъ	2
Яновъ	2
	16

Минская губ.
(1.202,416 жит.)

Минскъ	9
Бобруйскъ	9
Борисовъ	1
Игуменъ	1
Любешевская	1
Миръ	1
Мозырь	1
Несвижъ	1
Новогрудокъ	2
Пинскъ	1
Рѣчица	1
Свислочь	1
Слуцкъ	4
	33

Могилевская губ.
(960,847 жит.)

Могилевъ	9
Быховъ	1
Гомель	2
Горы Горки	1
Застѣнки	1
Климовичи	1
Коски	1
Орша	1
Рогачевъ	1
Сенно	1
Чериковъ	1
	20

Московская губ
(1,780,491 жит.)

Москва: а) чрезъ газетную экспедицію	138
б) чрезъ книжный магазинъ Соловьева	320
Богородскъ	3
Бронницы	1
Верея	1
Воскресенскъ	2
Дмитровъ	2
Завидовская	1
Клинская	1
Клинъ	1
Коломна	3
Можайскъ	5
Подольскъ	2
Пушкинская	2
Раменское	1

Библиотека "Руниверс"

Руза	1
Сергіевъ пос.	12
Серпуховъ	6
Талицкая	1
Фаустово	1
Шелковская	1
	505

Нижегородская губ.
(1.276,988 жит.)

Нижній Новгородъ	28
Ардатовъ	4
Арзамасъ	6
Воскресенское село	1
Городецъ	3
Горбатовъ	2
Княгининъ	2
Лукояновъ	1
Лысково	4
Мангушевская	1
Починки	3
Семеновъ	1
Сергачь	2
	58

Новгородская губ.
(1,015,189 жит.)

Новгородъ	16
Боровичи	3
Бронницы	2
Бологое	1
Бѣлозерскъ	1
Веребьинская	1
Вишера	1
Вытегра	1
Демянскъ	1
Еремино	1
Кириловъ	2
Крестцы	1
Кукуйская	1
Любахино	1
Любань	1
Мегрецкая	1
Меглецы	1
Медвѣдь	2
Оскуйская	1
Подберезье	2
Сомино прис.	2
Спасская Полисть	1
Старая Русса	5
Тихвинъ	3
Торбино	1
Устюжна	3
Череповецъ	6
Чудовская	2
	64

Нюландская губ.
(171,162 жит.)

Гельсингфорсъ	4
Ловиза	1
Свеаборгъ	2
	7

Олонецкая губ.
(296,010 жит.)

Петрозаводскъ	7
Каргополь	1
Прис. Вознесенская	1
	9

Оренбургская губ.
(915,887 жит.)

Оренбургъ	11
Верхнеуральскъ	1
Миясскій зав.	1
Нижнеуральскъ	5
Орскъ	1
Петропавловская	1
Степная Крѣп.	1
Троицкъ	4
Тунгатарова	1
Челябинскъ	5
	31

Орловская губ.
(1,610,045 жит.)

Орелъ	32
Александровка	1
Архангельская	1
Болховъ	1
Брянскъ	9
Выгонская	1
Дросково	2
Елецъ	18
Измайлково	1
Карачевъ	10
Кромы	1
Ливны	11
Малоархангельскъ	6
Мценскъ	5
Нарышкино	2
Русскій Бродъ	1
Становой Колодезь	1
Сѣвскъ	1
Хотынецъ	1
	105

Пензенская губ.
(1,185,524 жит.)

Пенза	16
Городище	3
Инсаръ	4
Исса	1
Каменка	2
Керенскъ	2
Краснослободскъ	2
Мокшаны	1
Нижній Ломовъ	3
Никольскій Пошмъ	1
Наровчатъ	1
Садовка	1
Саранскъ	2
Чембаръ	5
	44

Библиотека "Руниверс"

Пермская губ.
(2,223,127 жит.)

Пермь	16
Билимбаевскій зав.	4
Богословскій зав.	1
Бѣлоярская	1
Веретія	3
Долматовъ	1
Екатеринбургъ	28
Ирбить	1
Камышловъ	1
Каменскій зав.	3
Красноуфимскъ	1
Кунгуръ	4
Кушвинскій зав.	5
Невьянскій зав.	5
Нижнетагильскій зав.	3
Оса	2
Оханскъ	2
Соликамскъ	4
Сугатская	1
Сысертская	1
Чердынь	1
Шадринскъ	4
	92

Петроковская губ.
(706,006 жит.)

Петроковъ	4
Рава	1
Ченстоховъ	4
	9

Плоцкая губ.
(486,596 жит.)

Плоцкъ	5
Млава	1
Прасныш	1
	7

Подольская губ.
(1,968,088 жит.)

Каменецъ-Подольскъ	12
Балта	2
Баръ	1
Брацлавъ	1
Ваппирка	1
Верховецкая	1
Винница	2
Гайсинъ	1
Григоріополь	2
Дубосары	1
Жмеринка	1
Калиновка	1
Константиновская	1
Кривое Озеро	2
Летичевъ	2
Литинъ	1
Марьяновская	2
Меджибожъ	1
Могилевъ	2
Немировъ	2
Новомиргородъ	5
Ольгополь	1
Павлишская	1
Петропавловская	1
Проскуровъ	4
Тульчинъ	3
Ярмолинцы	2
	56

Полтавская губ.
(2.132,522 жит.)

Полтава	28
Александровка	1
Бутеновская	1
Бѣлоцерковка	1
Гадячь	6
Гановка	1
Градижскъ	1
Жуки	2
Зеньковъ	4
Золотоноша	8
Кобеляки	6
Константиноградъ	3
Кременчугъ	14
Лохвица	5
Лубны	6
Миргородъ	2
Опошня	1
Переяславъ	4
Пирятинъ	6
Прилуки	9
Ромны	5
Семеновская	1
Хороль	7
Яготино	1
	123

Приморская обл.
(43,320 жит.)

Николаевскъ на Амурѣ	5
Владивостокъ	2
Новгородскій постъ	1
Софійскъ	1
Хабаровская	2
	11

Псковская губ.
(779,798 жит.)

Псковъ	11
Ашево	1
Бѣжаницы	1
Великія Луки	2
Горицкая	1
Михайловъ погостъ	1
Новоржевъ	4
Опочка	1
Островъ	3
Островъ ст.	1
Порховъ	4
Торопецъ	4
Холмъ	5
	39

Библиотека "Руниверс"

Радомская губ.
(549,273 жит.)

Радомъ	8
Козеницы	1
Опочна	1
Пржедборжъ	1
Сандомиръ	2
	13

Рязанская губ.
(1.498,771 жит.)

Рязань	10
Борки	2
Гавриловская	1
Данковъ	2
Дивово	1
Егорьевскъ	2
Ерахтурская	1
Зарайскъ	6
Ижевское	1
Карабинская	1
Касимовъ	2
Михайловъ	1
Пронскъ	2
Раненбургъ	2
Раненбургская	1
Ряжскъ	3
Сапожокъ	2
Сарай	1
Скопинъ	2
Спасскъ	1
Старожиловка	1
	45

С.-Петербургская губ.
(1.341,298 жит.)

С.-Петербургъ: по почтѣ	1000
безъ доставки	118
чрезъ посредство книжныхъ магазиновъ	200
Бѣлая	1
Гатчино	6
Елисаветино	1
Колпино	3
Кронштадтъ	20
Луга	4
Нарва	4
Новая Ладога	3
Оранienбаумъ	1
Павловскъ	4
Парголово	1
Петрушкино	1
Петергофъ	5
Сергіевская	1
Сестрорѣцкъ	1
Сиверская	1
Тосна	1
Тупичино	2
Царское Село	15
Черковицы	1
Шлиссельбургъ	3
Шувалово	1
Ямбургъ	1
	1399

Самарская губ.
(1.860,268 жит.)

Самара	19
Бугурусланъ	4
Бугульма	2
Бузулукъ	3
Зимникова	1
Каменобродская	1
Кичуй	1
Красноярская	1
Мелекесъ	2
Николаевскъ	3
Новый Узень	1
Сорочинская кр.	1
Ставрополь	1
Чердаклинская	1
	41

Саратовская губ.
(1,766,318 жит.)

Саратовъ	34
Алексѣевская	1
Аткарскъ	8
Балашовъ	2
Вольскъ	7
Дубовскій пос.	3
Екатериновка	2
Камышинъ	4
Каменка	1
Камышкеръ	1
Колено	2
Кондаль	1
Кузнецкъ	5
Маріинская	1
Петровскъ	5
Ртищево	2
Сердобскъ	3
Сосновка	6
Турки	2
Хвалынскъ	2
Царицынъ	3
Чунаки	1
	96

Семипалатинская обл.
(510,063 жит.)

Семипалатинскъ	3
Бухторма	1
Зайсанскій постъ	1
Каркаралъ	1
Павлодаръ	2
Усть-Каменгорскъ	3
	11

Семирѣчинская обл.
(539,530 жит.)

Вѣрный	8
Копалъ	1

Библиотека "Руниверс"

Кульджа	2
Урджарская	1
	12

Симбирская губ.
(1,215,037 жит.)

Симбирскъ	16
Алатырь	1
Ардатовъ	3
Болховская	1
Буинскъ	3
Корсунь	4
Краснососенская	4
Курмышъ	2
Пивоваленые зав.	1
Промзино-Городище	1
Русско-Кондоратская	2
Сызрань	9
Теренгульская	1
Юрловская	2
Ясашно-Ташлинская	1
	51

Смоленская губ.
(1.145,910 жит.)

Смоленскъ	12
Александровская	1
Бѣлой	3
Вязьма	5
Гжатскъ	5
Дорогобужъ	5
Духовщина	2
Духовская	1
Ельня	3
Ивановская	2
Полуево	1
Порѣчье	2
Починокъ	1
Рославль	2
Соловьевская	1
Стадолище	1
Сычевка	4
Теплуха	1
Уваровская	1
	53

Ставропольская губ.
(437,118 жит.)

Ставрополь	12
Александровская	1
Безопасная	1
Медвѣжинская	6
Песчано-Окопская	1
Прáсковея село	2
Пятигорскъ	6
Средне-Егорлыкъ	3
	32

Сувалкская губ.
(531,148 жит.)

Сувалки	7
Августовъ	1
Владиславовъ	1
Кибарды	2
Маріамполь	1
	12

Сухумскій округъ.
(70,701 жит.)

Сухумъ-Кале	3
	3

Сѣдлецкая губ.
(526,727 жит.)

Сѣдлецъ	3
Бѣла	1
Влодава	1
Луковъ	1
Мендзыржецъ	2
Радинъ	2
Соколовъ	1
Яновъ	1
	12

Сыръ-Дарьинская обл.
(1,239,649 жит.)

Ташкентъ	4
Казалинскъ	5
Катты-Курганъ	1
Перовскъ	2
Самаркандъ	3
Туркестанъ	1
Ходжентъ	4
Чимкентъ	2
Чиназъ	1
	33

Таврическая губ.
(731,042 жит.)

Симферополь	10
Алешки	1
Бердянскъ	3
Геническъ	1
Евпаторія	2
Карасубазаръ	4
Каховка	3
Керчь-Еникольскъ	10
Мелитополь	5
Ногайскъ	1
Орѣховъ	2
Перекопъ	1
Севастополь	11
Сирогозская	2
Судакъ	1
Черная Долина	1
Ѳеодосія	4
Ялта	10
	72

Тамбовская губ.
(2.185,550 жит.)

Тамбовъ	27
Борисоглѣбскъ	11
Бурнакъ	1
Грязи	1

Библиотека "Руниверс"

Елатьма	1
Кадомъ	2
Кирсановъ	9
Козловъ	13
Кулики	2
Лебедянь	2
Липецкъ	1
Моршанскъ	6
Муравьевская	1
Окры	2
Просянополянская	1
Разсказово	1
Темниковъ	2
Толстиковская	2
Уметъ	1
Усмань	4
Шацкъ	3
	93

Тверская губ.
(1.538,031 жит.)

Тверь	22
Брусовская	1
Бѣжецкъ	6
Вышній Волочекъ	9
Дѣтково	1
Зубцовъ	1
Калязинъ	4
Кашинъ	9
Кесово	1
Кимры	3
Красный Холмъ	1
Максатиха	1
Осташковъ	2
Осташковская	1
Ржевъ	14
Селижарово	2
Старица	4
Торжокъ	7
Троицкая	1
	90

Терская обл.
(485,237 жит.)

Владикавказъ	14
Грозный	10
Кизляръ	1
Моздокъ	1
Нальчикъ укр.	1
Николаевская	1
Прохладная	1
Слѣпцовская	1
Хасавъ-Юртъ	2
Шелкозаводская	1
	33

Тифлисская губ.
(606,584 жит.)

Тифлисъ	64
Ахалцыхъ кр.	2
Боржомская	1
Бѣлый ключъ	1
Гори	2
Лагодехская	1
Сигнахъ	1
Сурамъ	1
Царскіе Колодцы	1
	74

Тобольская губ.
(1.086,848 жит.)

Тобольскъ	6
Ишимская	1
Ишимъ	1
Курганъ	5
Тюмень	4
Ялуторовскъ	3
	20

Томская губ.
(838,977 жит.)

Томскъ	10
Барнаулъ	11
Бійскъ	1
Булатовская	1
Бѣлоглазова	1
Змѣиногорскъ	1
Колывань	1
Маріинскъ	2
	28

Тульская губ.
(1,178,523 жит.)

Тула	27
Алексинъ	1
Богородскъ	5
Бѣлевъ	4
Веневъ	2
Войновскіе выселки	2
Доробино	1
Епифань	3
Ефремовъ	9
Ст. Иваново	1
Кадное	1
Кашира	3
Крапивна	2
Лукьяновка	2
Новосиль	5
Одоевъ	5
Сергіевская	1
Толстыхъ	1
Чернь	2
Чернская	1
Ясенки	1
	79

Уфимская губ.
(1.385,040 жит.)

Уфа	6
Аскинская	2
Бирскъ	3
Златоустовскій зав.	1
Лапыты	1
Мензелинскъ	5
Стерлитомакъ	5
Ягильдино	1
	24

Библиотека "Руниверс"

Уральская обл.
(346,715 жит.)

Нижнеуральскъ	5
	5

Харьковская губ.
(1.726,732 жит.)

Харьковъ	58
Алексѣевка	1
Ахтырка	3
Богодуховъ	3
Боромля	2
Борки	1
Бѣловодскъ	3
Бѣлополье	1
Волчанскъ	4
Голая Долина	1
Дергачи	3
Дружковка	2
Зміевъ	1
Изюмъ	4
Купянскъ	3
Лебединъ	4
Сеньковская	2
Славянскъ	1
Старобѣльскъ	8
Ставроково	1
Сумы	13
Тарасовка	1
Чугуевъ	4
	124

Херсонская губ.
(1,622,948 жит.)

Херсонъ	15
Александрія	6
Бериславъ	2
Березовка	2
Бирзулова	1
Бобринецъ	3
Вознесенскъ	5
Елисаветградъ	21
Любашевка	1
Максимовская	1
Николаевъ	13
Нововоронцовка	6
Новоукраинка	2
Новая Прага	2
Новогеоргіевскъ	2
Одесса	53
Песчаный Бродъ	1
Петровѣровская	1
Ст. Петроверовская	1
Тирасполь	2
Тирасполь ст.	1
	140

Черниговская губ.
(1.683,706 жит.)

Черниговъ	12
Авдѣевка	1
Алтыновка	1
Батуринъ	1
Березна	1
Бобровицы	1
Борзна	4
Воронежъ	1
Глуховъ	5
Городня	2
Грузское	1
Елионка	2
Клинцы посадъ	1
Козелецъ	3
Конотопъ	10
Красное	1
Краснососенская	1
Кролевецъ	3
Мглинъ	1
Мепская	2
Новгородъ Сѣверскъ	7
Нѣжинъ	4
Погаръ	1
Понуровская	2
Почепъ	2
Рѣпки	1
Стародубъ	4
	75

Черноморскій округъ.
(15,703 жит.)

Новороссійскъ	3
	3

Эриванская губ.
(452,001 жит.)

Эривань	5
Александрополь	2
Караклинская	1
Нахичевань	1
Новый Баязетъ	1
	10

Эстляндская губ.
(322,325 жит.)

Ревель	7
Везенбергъ	1
Іевве	1
	9

Якутская губ.
(231,977 жит.)

Якутскъ	2
Нохтуйскъ	4
Олекминскъ	2
	8

Ярославская губ.
(1,002,512 жит.)

Ярославль	29
Великое село	1
Даниловъ	1
Любимъ	2
Молога	2
Мышкинъ	2
Петровскъ	1
Пошехонье	1
Романово-Борисоглѣбскъ	7
Ростовъ	3
Рыбинскъ	12
Угличъ	4
	65

Библиотека "Руниверс"

ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Австрія	2	Китай	4
Англія	1	Персія	2
Бельгія	1	Пруссія	1
Богемія	1	Соединенные Штаты	1
Венгрія	1	Франція	13
Германія	7	Швейцарія	1
Италія	5	Швеція	2
			42

ОБЩІЙ ИТОГЪ.

I. Въ губерніяхъ.

1. Акмолинская обл.	15	47. Пензенская	44
2. Амурская обл.	11	48. Пермская	92
3. Архангельская	12	49. Петроковская	9
4. Астраханская	23	50. Плоцкая	7
5. Бакинская	11	51. Подольская	56
6. Бессарабская обл.	35	52. Полтавская	123
7. Варшавская	74	53. Приморская обл.	11
8. Виленская	44	54. Псковская	39
9. Вѣтебская	36	55. Радомская	13
10. Владимірская	56	56. Рязанская	45
11. Вологодская	17	57. С.-Петербургская	81
12. Волынская	42	58. Самарская	41
13. Воронежская	76	59. Саратовская	96
14. Выборгская	3	60. Семипалатинская обл.	11
15. Вятская	38	61. Семирѣчинская обл.	12
16. Гродненская	33	62. Симбирская	51
17. Дагестанская обл.	21	63. Смоленская	53
18. Екатеринославская	102	64. Ставропольская	32
19. Елисаветпольская	11	65. Сувалкская	12
20. Енисейская	18	66. Сухумскій округъ	3
21. Забайкальская	31	67. Сѣдлецкая	12
22. Земля Войска Донскаго	73	68. Сыръ-Дарьинская обл.	33
23 Иркутская	30	69. Таврическая	72
24. Казанская	85	70. Тамбовская	93
25. Калишская	14	71. Тверская	90
26. Калужская	36	72. Терская обл.	33
27. Кіевская	126	73. Тифлисская	74
28. Ковенская	25	74. Тобольская	20
29. Костромская	41	75. Томская	28
30. Кубанская обл.	37	76. Тульская	79
31. Курляндская	4	77. Уральская обл.	5
32. Курская	101	78. Уфимская	24
33. Кутаисская	10	79. Харьковская	124
34. Кѣлецкая	7	80. Херсонская	140
35. Лифляндская	23	81. Черниговская	75
36. Ломжинская	13	82. Черноморскій округъ	3
37. Люблинская	16	83. Эриванская	10
38. Минская	33	84. Эстляндская	9
39. Могилевская	20	85. Якутская	8
40. Московская	47	86. Ярославская	65
41. Нижегородская	58	Итого	3552
42. Новгородская	64		
43. Нюландская	7	**II. Въ Москвѣ**	458
44. Олонецкая	9	**III. Въ С.-Петербургѣ**	1318
45. Оренбургская	31	**IV. За границею**	42
46. Орловская	105	**Всего экземпляровъ**	5370

Примѣчаніе. «Русская Старина» напечатана и разошлась: въ 1870 г. (2 изд.)—2,600 экз.; въ 1871 г.—3500 экз.; 1872 г.—(2 изд.)—4.500 экз. изъ нихъ разошлось 4,416 экз.; 1873 г.—5,000 экз., въ 1874 г.—5.500 изъ нихъ разошлось 5,370 экз.

Завѣдывающая экспедиціей *К. Кармалина.*

Библиотека "Руниверс"

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческіе или историко-литературные матеріалы.

Поименовываемъ въ настоящемъ спискѣ тѣхъ лицъ, сообщенія которыхъ-либо только отчасти были напечатаны въ „Русской Старинѣ“, либо и вовсе еще не были въ ней помѣщены, но находятся въ распоряженіи редакціи и, по возможности, будутъ напечатаны въ книгахъ „Русской Старины“ 1875 г. и послѣдующихъ годовъ.

Ред.

Абрамовъ, А. К. Адинцовъ, И. И. Акутинъ, В. А. Альфонскій, И. Андозкій, кн. Андрониковъ, И. А. Анненковъ, гр. С. А. Апраксинъ, И. Амелицкій, А. П. Арбузовъ, К. К. Арнольди, Асташевъ, проф. Н. Я. Аристовъ, П. Я. Аршеневскій, О. С. Балкъ, А. Д., Е. Д. и Н. Д. Бантышъ-Каменскіе, Г. Барабанщиковъ, П. И. Барановъ, А. А. Баранцевъ, В. А. Болотовъ, Н. П. Барышниковъ, Башуцкій, А. В. Башкатовъ, кн. В. Баюшевъ, Я. Безукладиновъ, Ад. П. Берже, П. В. Березинъ, Я. А. Березинъ-Ширяевъ, Л. П. Батюшковъ, Березинъ, Беръ, Н. Билибинъ, М. И. Богдановичъ, Богоявленскій, Бестужевъ-Рюминъ, баронъ Бистромъ, бар. Н. К. Богушевскій, И. Н. Божеряновъ, М. П. Болотовъ, А. А. Бородулинъ, К. А. Бороздинъ, М. Ѳ. Бороздинъ, Д. А. Булатовъ, проф. А. Г. Брикнеръ, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, Е. П. Бурнашева, Гр. М. Д. Бутурлинъ, баронъ Бутлеръ, Н. Д. Быковъ, акад. А. Ѳ. Бычковъ, А. Бѣлаго, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ; В. Н. Вакселъ, И. П. Варпаховскій, И. И. Васильевъ, А. П. Васильевъ, П. П. Васильевъ, П. И. Великопольскій, А. Величковъ, Вельяминовъ, М. А. Веневитиновъ, А. А. Венеціанова, М. И. Венюковъ, акад. К. С. Веселовскій, Н. И. Викинскій, Н. Виноградовъ, Ѳ. А. Витбергъ, М. Владыкинъ, П. П. Возницынъ, А. Ѳ. Волковъ, кн. П. Д. Волконскій, И. И. Вологдинъ, А. С. Воровковъ, Н. Востоковъ, Вріони, Н. Н. Вохинъ, фонъ-Вонцкій, И. В. Вуичъ, А. Н. Вульфъ, С. Н. Гавриловъ, кн. Ив. Гагаринъ, М. Н. Галкинъ-Враскій, К. И. Гамаринъ, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербель, П. П. фонъ-Гецъ, В. С. Глинка, М. С. Глинка, Глуховъ, Гогель, И. Е. Голдинскій, В. В. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Н. Н. Голицынъ, кн. Н. П. Голицынъ, кн. Н. С. Голицынъ, кн. С. П. Голицынъ, Голубевъ, И. Ѳ. Горбуновъ, А. Д. Градовскій, А. К. Гриббе, Е. И. Гречъ, Н. И. Григоровичъ, А. Н. Григорьевъ, А. Громачевскій, акад. Я. К. Гротъ, Н. В. Губерти, П. Гулакъ-Артемовскій, С. И. Гуляевъ, В. Д. Давыдовъ, П. М. Дараганъ, Деви, Н. Д. Де-ла-Флизъ, А. П. Демидовъ, Н. Н. Де-Прерадовичъ, М. Ѳ. Де-Пуле, фонъ-Дерфельденъ, Діятроптовъ, Дмитріевъ, В. Док—ій, А. Долгоруковъ. кн. В. Долгоруковъ, кн. С. В. Друцкой-Соколинскій, Дубасовъ, Н. Ѳ. Дубровинъ, кн. Дундукова-Корсакова. Н. П. Дуровъ, К. Евлентьевъ, И. И. Европеусъ, от. П. П. Еланскій, Н. А. Ермаковъ, А. П. Есиповъ, Г. В. Есиповъ, П. С. Ефименко, И. Ефимовъ, П. А. Ефремовъ, А. Н. Ждановъ, Н. Л. Жемчужниковъ, В. Жуковъ, Д. Жуковъ, Журавскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, И. Д. Захарьинъ, К. Зендергорстъ, В. Р. Зотовъ, Е. Б. Зубова, Д. П. и П. П. Зуевы, В. А. Зыбинъ, Игнатьевъ, И. А. Ибердусовъ, А. В. Ивановъ, О. И. Иванова, Ивановскій, от. И. Иващенковъ, Иловайскій, профессоръ В. С. Иконниковъ, В. А. Инсарскій, Г. Ѳ. Исѣевъ, еп. Іаковъ, Казадаевъ. П. С. Калачевскій, Д. И. Калугинъ, граф. Л. М. Каменская, П. И. Капнистъ, Ф. В. Ка-

Библиотека "Руниверс"

разинъ, А. А. Карасевъ, П. А. Каратыгинъ, С. А. Каратыгинъ, П. П. Каратыгинъ, Н. Карнауховъ, Е. П. Карновичъ, Н. А. Карцевъ, кн. В. Г. Кастріотъ-Скандербекъ, Кояловичъ, Н. Т. Кедровъ, П. А. Катицынъ, В. Ф. и Н. Ф. Клюки-фонъ-Клугенау, Н. П. Кельтъ, Кириловъ, Кисилевъ, Константинова, Князевичъ, А. С. Князевъ, М. М. Ковязинъ, Казачокъ, Колачевскій, К. П. Колзаковъ, Н. М. Колмаковъ, гр. М. Н. Коновницына, О. И. Константиновъ, Д. А. Копьева, от. Кустодіевъ, М. В. Кюхельбекеръ, И. П. Корниловъ, Ю. В. Косова, Н. И. Костомаровъ, А. Красильниковъ, С. Д. Карповъ, М. М. Ковалевскій, С. Козловскій, Козодавлевъ, Краевскій, Н. Ѳ. Крузе, акад. А. А. Куникъ, Н. Курочкинъ, В. А. Краснокутскій, М. П. Кудрявцевъ, М. Куроптевъ, И. К. Куприяновъ, кн. Куракинъ, проф. Н. Лавровскій, С. Лашкаревъ, С. И. Лашкевичъ, П. П. Лебке, А. И. Левшинъ, Леонидъ архимандритъ, Н. А. Лебедевъ, Лебедевъ, А. Ф. Леопольдовъ, В. В. Лермонтовъ, В. Н. Лермонтовъ, К. Ф. де-Ливронъ, В. И. Лихачевъ, А. В. Лишинъ, кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, М. Н. Лонгиновъ, Е. А. Лопушинскій, А. В. Лосевскій, В. Лѣствицынъ, И. Лучицкій, В. К. Луцкій, Любарскій, княгиня С. А. Мадатова, Н. С. Маевскій, Л. Н. Майковъ, В. Н. Майновъ, Макарова, Л. С. Маковъ, Мансуровъ, Маринъ, А. Н. Матвѣевъ, Н. Я. Максимовъ, К. А. Маньковскій, Б. М. Маркевичъ, П. И. Мартосъ, А. А. Мартыновъ, Е. П. Масловъ, Л. С. Мацѣевичъ, бар. Мейендорфъ, П. И. Мельниковъ, П. Н. Меншиковъ, П. К. Меньковъ, А. Е. Мерцаловъ, проф. О. Ѳ. Миллеръ, Ѳ. Б. Миллеръ, гр. Г. А. Милорадовичъ, Милюковъ, П. М. Митьковъ, графъ А. А. Мордвиновъ, В. Михайловъ, Д. К. Морозъ, Е. Т. Морошкина, И. Я. Морошкинъ, А. П. Муликовскій, М. И. Муравьевъ-Апостоловъ, Н. Н. Мурзакевичъ, Мятлевъ, М. Нагорновъ, П. И. Небольсинъ, А. С. Наставинъ, Надеждинъ, акад. А. М. Никитенко, С. А. Никитенко, Нелидовъ, Несвѣтаевъ, А. Н. Неустроевъ, А. А. Никольскій, В. В. Никольскій, М. Д. Ниловъ, бар. Николаи, А. Г. Новоселовъ, Никулинъ, кн. Д. А. Оболенскій, С. Оболенскій, Огаревъ, П. Огіевскій, Озеровъ, Ю. А. Однобишинъ, П. О. Омельяненко, Ѳ. К. Опочининъ, И. Оресусъ, В. Б. Орловъ, П. А. Орловъ, Н. М. Орловъ, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, Л. Н. Павлищевъ, И. Д. Павловскій, А. С. Павловъ, А. А. Павловъ, Полонскій, А. В. Пальчиковъ, Н. И. Пановъ, П. Д. Паренцовъ, В. Пассекъ, Г. Г. Перетцъ, И. В. Пасбачинъ, Т. П. Пассекъ, В. Пащенко, И. Пеньковскій, А. А. Повало-Швейковскій, А. Подвысоцкій, Ал. Н. Петровъ, П. Н. Петровъ, Петровскій, А. П. Петровъ, Е. И. Подтягинъ, А. А. Плансонъ, М. И. Платонова, Я. П. Полонскій, Н. А. Полиновъ, Ан. Н. Поповъ, Александръ Н. Поповъ, М. И. Поповъ, Н. Поповъ, Похвисневъ, Прозоровскій, О. А. Пржецлавскій. А. Преображенскій, М. С. Прокудинъ-Горскій, И. А. Пузыревскій, А. Г. Пупаревъ, А. П. Пятковскій, П. С. Пѣстинскій, М. М. Рангъ, А. Распоповъ, Н. В. Реутскій, Л. И. Рикордъ, М. М. Розенгеймъ, А. В. Рачинскій, П. С. Ревякинъ, графъ А. А. Ржевускій, М. П. Розановъ, бар. А. Е. Розенъ, Д. А. Рокотовъ, П. Рословъ, Роспоповъ, В. Р. Руммель, Руничъ, Рудаковъ, С. А. Рудакова, Г. К. Рѣпинскій, Н. Рудыковскій, Д. Д. Рябининъ, П. И. Савваитовъ, А. А. Савурскій, Садовскій, Н. Ѳ. Самаринъ, В. В. Самойловъ, Свамочкинъ, Сергѣевъ, Свистуновъ, акад. И. И. Свѣязевъ, Н. Н. Селифонтовъ, Н. К. Сербиновичъ, бар. М. Н. Сердобинъ, Сеславина, Симоновъ, А. Скальковскій, Соловьевъ, В. Скоробогатый, Соловьевъ, С. Н. Сулима, В. Сульменевъ, Суходольскій, С. П. Сысоевъ, Д. И. Скобелевъ, Р. Сорокинъ, Т. А. Сосновскій, Н. И. Стародубскій, В. В. Стасовъ, Н. П. Степановъ, А. Д. Столыпинъ, Стороженко, В. Я. Стою-

Библиотека "Руниверс"

нинъ, А. И. Стригоцкій, Н. С. Стромиловъ, Д. Смышляевъ, А. Старчевскій, В. А. Степановъ, П. А. Степановъ, Стрѣлковъ, Г. И. Студенкинъ, А. А. Суворовъ князь Италійскій графъ-Рымникскій, П. П. Софіенко-Сухомлиновъ, Д. П. Сушковъ, Н. М. Тереховъ, Томашевъ, К. Н. Тихонравовъ, проф. Н. С. Тихонравовъ, Толстой, Л. Н. Трефолевъ, А. Трубоѣовъ, Туганъ-Мирза-Барановскій, Тучковъ, С. И. Турбинъ, кн. Н. Н. Туркестановъ, А. И. Фелькнеръ, Т. И. Филипповъ, О. Е. Франкъ, Н. Флиге, И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ, А. В. Фрейгангъ, Б. М. Федоровъ, Н. Федоровъ, П. В. Хавскій, В. В. Хлоповъ, Цвиленевъ, графиня Цукатто, гр. Э. К. Чапскій, А. П. Чеботаревъ, Г. С. Чириковъ, И. А. Чистовичъ, Н. Чупинъ, Е. Г. Шварцъ, К. Н. Шварцъ, П. В. Шейнъ, А. В. Шереметевъ, Б. С. Шевыревъ, Г. И. Ширяевъ, А. Д. Шишковъ, А. С. Шляхтинъ, Шляпкинъ, М. Ѳ. Шугуровъ, Б. К. Шульцъ, П. К. Щебальскій, кн. Н. П. Щетининъ, Н. Н. Щукинъ, П. И. Юркевичъ, С. М. Якимахъ, В. А. Яковлевъ, С. А. Яковлевъ, Якубовичъ, Якушкинъ, Г. Д. Яновичъ, С. Х. Яньковскій, Ястржембскій, А. Н. Яхонтовъ, княгиня Е. М. Яшвиль и др.

Въ заключеніе этого списка долгомъ считаемъ съ признательностью упомянуть о покойныхъ: А. И. Артемьевѣ, А. Н. Аѳанасьевѣ, Я. П. Баклановѣ, Е. А. Бестужевой, М. А. Бестужевѣ, И. Д. Бѣляевѣ, Н. В. Веригинѣ, А. Ѳ. Гильфердингѣ, В. И. Далѣ, А. М. Княжевичѣ, Е. Ф. Лермонтовой, П. П. Ламбинѣ, о. М. Я. Морошкинѣ, Ѳ. Н. Муратовѣ, А. И. Рыжовѣ, В. И. Фелькнерѣ, П. А. Мухановѣ, В. Ѳ. Ратчѣ, акад. П. П. Пекарскомъ и М. Д. Хмыровѣ, — сообщенные ими матеріалы находятся также въ распоряженіи «Русской Старины».

Библиотека "Руниверс"

Въ конторѣ редакціи и въ книжномъ магазинѣ **Базунова** въ Спб. и въ магазинѣ **Соловьева** въ Москвѣ, можно получить всѣ 12-ть книгъ, съ приложеніями, изданія:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1872-й г. *(изданіе второе).*

Въ «Русской Старинѣ» 1872 г., между прочимъ, напечатаны: Записки гр. Чернышева, сподвижника Петра Великаго.—Воспоминанія академика Витберга, съ его словъ записанныя въ Вяткѣ **А. И. Герценомъ (Искандеромъ)** въ 1836 г.—Записки поч. лейбъ-хирурга **Тарасова**.—Записки партизана **Дениса Давыдова**.—Собственноручныя шуточныя произведенія Петра Великаго о князь-папѣ и «всепьянѣйшемъ соборѣ» (Петръ I, какъ юмористъ). — Секретныя депеши прусскаго посла объ обидахъ, нанесенныхъ ему царемъ Петромъ и кн. Меншиковымъ, и др. матеріалы о Петрѣ Великомъ и его времени. — Письма и мнѣнія кн. **М. М. Щербатова, кн. Суворова, кн. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго**, гр. **Мордвинова**, гр. **Сперанскаго, Ермолова** и друг. — Секретныя донесенія **Дибича** и **Паскевича** о Ермоловѣ 1826—1827 гг. — Письмо Ермолова къ Устрялову. — Письмо **Н. Н. Муравьева (Карскаго)** къ Ермолову 1855 г., съ отвѣтомъ на него кн. **Святополкъ-Мірскаго**.—Письмо фельдмаршала кн. **И. Ѳ. Паскевича** къ кн. **М. Д. Горчакову** о защитѣ и паденіи Севастополя (1855 г.).—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ** 1810—1826 гг.—Дѣло о жестокостяхъ генерала **Измайлова** 1825 г.—Историческіе разсказы и анекдоты, записанные со словъ именитыхъ людей **П. Ѳ. Карабановымъ** и др. лицами.—Думы, посланія, сатира на Аракчеева и пророческая ода «Видѣніе» **Рылѣева**.—Воспоминанія о Гоголѣ—**Берга**, о Грибоѣдовѣ—**Каратыгина**, объ Аракчеевѣ — доктора **Европеуса**. — Смерть **Грибоѣдова** — изслѣдованіе по подлиннымъ, неизданнымъ документамъ **Ад. П. Берже**.—Неизд. стихотворенія **Лермонтова**.—«Насильный бракъ» баллада гр. **Е. Ростопчиной**.— Басни и сказки **Хемницера** (по подлинной его рукописи).— Письма **Дубельта**.—«Маіоръ» шутка-поэма **Ѳедотова**.—«Солдатская сказка про царей россійскаго и нѣмецкаго» **Чернышева**.—Записка по дѣлу **Петрашевскаго** 1849 г. Письма и программы оперы «Русланъ и Людмила»—**М. И. Глинки**, и проч.

«РУССКАЯ СТАРИНА» изд. 1872 г., имѣетъ приложенія: «Записки» **А. Т. Болотова**. — Портреты: академика **Витберга** и Пѣвца былинъ **Рябинина**. — Фрески на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора XI вѣка. — Рисунки: Храмъ Спасителя въ Москвѣ — по проекту Витберга.—Домъ, въ которомъ скончался кн. Кутузовъ-Смоленскій, въ Бунцлау, и памятникъ ему тамъ же. — Снимокъ съ письма кн. Кутузова о Бородинской битвѣ 1812 г. — Рисунокъ казни Пугачева и нѣсколько рисунковъ въ Запискахъ **Болотова**.

Гг. Иногородныхъ просятъ исключительно обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“: въ С.-Петербургъ, д. Трута, кв. № 12.

Цѣна „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1872** года съ пересылкой—8 руб.

(Рус. Ст. 1872 г. осталось 84 экземпляра).

Всѣ экземп. „Русской Старины“ **1870** г. (два изд.), **1871** г. и **1873** г. сполна разошлись по подпискѣ.

Библиотека "Руниверс"

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XI ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ"

1874 г.

А.

Аббасъ-мирза, персид. наслѣдный принцъ, р. 1782 † 1833 г. Отношенія къ А. С. Грибоѣдову, 279—280. Осада крѣпости Шуши, 137 — 152. Поступки въ отношеніи Россіи, 281, 497, 503, 517, 528, 751, 765. Письмо къ нему А. П. Ермолова 1820 г., 283 — 285. Упом. 282, 298, 532, 533.

Абердинъ, лордъ, англ. министръ и ст.-секретарь по иностр. части 1828 г., 534.

Абуль-Хасанъ-ханъ, персид. посланникъ въ Россіи 1820-хъ гг., 763.

Августъ II, король польскій, 727, 730, 733.

Августъ III, король польскій, 566.

Авейда, полякъ-революціонеръ 1861 г., 705.

Адамкевичъ, полякъ, убитый въ день манифестаціи 18-го февр. 1861 г., 700.

Адамовичъ, полковникъ 1797 г. Выговоръ ему отъ императора Павла, 590.

Аделунгъ, Карлъ Ѳед., одинъ изъ погибшихъ во время тегеранской катастрофы 1829 г., 276, 292, 293, 294, 296.

Аделунгъ, Ѳедоръ. Письма къ нему И. С. Мальцова о катастрофѣ въ Тегеранѣ 1829 г., 276—277.

Адлербергъ, гр. Влад. Ѳед., генер. отъ инфант., генер.-адъют., мин—ръ император. двора. Свидѣтельство о немъ В. А. Инсарскаго, 304, 309, 313, 314. Упом. 266.

Азентини, итальян. путешественникъ 1822 г., 62.

Аксулевичъ, полковникъ 1783 г., 563.

Акинфовъ, Нилъ, поручикъ Преображ. полка 1743 г. Допросъ его по дѣлу Лопухиной, 22—23. Исключеніе изъ полка и разжалованіе въ подпоручики, 197. Упом. 31.

Аксаковъ, Никол. Тимоѳ., 75, 252, 254, 255, 263.

Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳ., писатель, 75, 254.

Акутинъ, Иванъ. Сообщ. пѣсню о девяти разбойникахъ, 782 — 783.

Александра Николаевна, вел. княжна. Рожденіе ея, 243. Крещеніе, 248.

Александра Ѳедоровна, императрица. Рожденіе дочери Александры, 243.

Александръ Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ. Объ учреждаемомъ въ Москвѣ имени Его Высочества музеѣ, 591—597

Библиотека "Руниверс"

Александръ Николаевичъ, Императоръ, 299.

Александръ Павловичъ, императоръ. Прошеніе, поданное ему протоіереемъ Кубецкимъ 1803 г., 376. Отношенія къ Обольянинову, 161—162. Пребываніе въ Вильнѣ 1812 г., 411—414. Командованіе арміей 1813 г., 418, 427, 436, 439 — 450. Вступленіе въ Парижъ, 642 — 644. Послѣдніе годы царствованія, 465—468. Кончина, 98, 134, 256, 673. Встрѣча тѣла въ Царскомъ Селѣ, 262. Погребеніе, 262. Упом. 166, 173, 452, 482, 543, 579, 690, 715, 784.

Александръ, грузинскій царевичъ, сынъ Ираклія II, 283, 285, 507, 756.

Алексѣева, Акулина, служанка, 224.

Алексѣева, Екатерина, служанка, 224.

Алексѣевъ, штабсъ-капитанъ 1828 г., 584.

Алексѣй Михайловичъ, царь, род. 1629 † 1676 г., 41.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра Великаго, р. 1690 † 1718 г. Легенда о супругѣ его принцессѣ Шарлоттѣ, 360—370. Свадьба его, 732.

Аммосовъ, Александ. Петр., учитель древностей въ Театральн. училищѣ, 555.

Аллах-Яр-ханъ, персид. военоначальникъ 1826 г., 498.

Аллеръ, экономъ Смольнаго монастыря 1825 г., 673.

Алонзо-де-Видо и Кастро, полковникъ корпуса инжен. путей сообщ. 1822 г., 468.

Алфимовъ, сержантъ. Назначеніе его конвоировать въ ссылку Зыбина 1743 г., 199, 202, 217.

Альбрандъ, генералъ, 131.

Алябьевъ, Александ. Вас., астраханскій губернаторъ 1769 г., 608.

Амати, инструмент. мастеръ, 187.

Амбургеръ, Н. С., актуаріусъ при русскомъ посольствѣ въ Персіи 1818 г., впослѣд. генеральн. консулъ въ Персіи 1828 г., 278, 285, 533.

Амир-хан-сардарь, дядя Аббас-мирзы, 151, 152.

Аммосовъ, А. Н., 548.

Ангулемская, герцогиня, дочь короля Людовика XVI, р. 1778 † 1851 г., 653.

Ангулемскій, герцогъ, 653.

Ангусаевъ, Александръ, прапорщикъ 1743, † 1750 г. Донесенія его о ссыльномъ Степанѣ Лопухинѣ 1747 г., 229. Упом. 205.

Андріе (Andrieux), куаферъ, 470.

Анисимовъ, Е. П., воронеж. помѣщикъ, 572.

Анна Іоанновна. Счетъ, относящійся ко ея туалета 1730 — 1731 г., 769. Отношенія къ Бирономъ, 772. Упом. 30, 33, 35, 36, 42, 71, 239, 579, 770, 771.

Анна Леопольдовна, принцесса Брауншвейгъ-Люнебургская, правительница Россіи, р. 1718 † 1746 г. Упом. въ процессѣ Лопухиныхъ 3, 4, 5, 8, 11, 12, 13, 15, 16, 20, 25, 27, 30, 31, 35, 38, 195, 207, 208, 227, 230, 773.

Анна-Софія, мать саксон. курфирста Іоганна-Георга IV, 729.

Анненковъ, генер.-адъютантъ, 777.

Антоновъ, коллеж. совѣт. 1797 г., 787.

Апраксинъ, гр., комендантъ Баку 1796 г., 608.

Апраксинъ, Степ. Степ., генер.-поручикъ, корпусн. командиръ 1794 г., потомъ генер. отъ кавал., р. 1756 † 1827 г., 385, 386, 388.

Апраксинъ. Степ. Ѳед., ген.-лейт., впослѣд. фельдмаршалъ, р. 1702 † 1760 г. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Анд., воен. министръ, † 1834 г. Пожалованіе баронъ 1797 г., 190. Участіе въ войнѣ 1813 г., 433, 435, 440, 447. Отношенія къ А. К. Денисову, 612, 613. Упом. 63, 189, 250, 255, 465, 476, 590, 617, 655, 661, 668, 787.

Аргамаковъ, Михайло, гв. офицеръ. Арестъ его по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 27, 198. Упом. 9, 30, 31, 212, 232.

Аргутинскій-Долгорукой, кн. Моисей Захар., генер.-лейт. (впослѣд. генер.-адъютантъ), командующій войсками въ южномъ Дагестанѣ 1846 г., † 1855 г. Сопротивленіе его переселенію армянъ изъ Нахичевани въ Даралагезъ, 747—748.

Арендтъ, Никол. Ѳед., докторъ, впо-

Библиотека "Руниверс"

слѣд. лейбъ-медикъ. Его справедливость, 372—375.

д'Аржансонъ, французъ, 361.

Арсеньева, Варв. Мих. Письмо къ ней кн. А. Д. Меншикова 1705 г., 357—358.

Арсеньева, Дарья Мих., см. **кнж. Меншикова**.

Арсеньева, Праск. Никол., см. **Ахвердова**.

Арсеньевъ, Ив. Ив., ротмистръ л.-гв. кирас. полка 1743 г., 211—212.

Арсеньевъ, Илья, литераторъ, **бывшій** намѣстникомъ въ Варшаву во время мятежа 1861 г., 119, 126, 129, 356.

Арсеньевъ, Конст. Иван. Посвященная ему Бантышъ-Каменскимъ статья объ Екатеринѣ Трубачевой, 357—360.

Арсеньевъ, Никол., генер.-маіоръ, 299.

д'Артуа, графъ, внукъ Людовика XV, 652.

Арцыбашевъ, историч. изслѣд., 62.

Арцыховичъ, полякъ, убитый въ день манифестаціи 18-го февр. 1861 г., 700.

Астаховъ, Никита, прем.-маіоръ, 1794 г. Участіе въ войнѣ съ Польшею, 379.

Аткинсонъ, англичанинъ, гувернеръ, 475.

Аубель, помощникъ директора театральной школы 1853 г., 308, 310, 312, 556.

Ахвердова, вдова ген.-маіора, 289.

Ахвердова, Праск. Никол., рожд. Арсеньева, 299.

Ахвердовъ, Ѳед. Исаев., ген.-маіоръ, † 1820 г., 299.

Ахмед-ханъ, персид. сановникъ 1828 г., 297—298.

Ашъ, почтмейстеръ. Приказъ ему объ удержаніи писемъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 31—32.

Аѳанасьевъ, Леонтій, крѣпостной человѣкъ, 590.

Б.

Бабтистъ, Жакъ, купецъ 1797 г., 590.

Баговутъ, генер.-лейт., участникъ башкадык-ларскаго дѣла, 778.

Багратіонъ, кн. Петръ Ив., р. 1756 † 1812 г. Участіе въ войнѣ 1799 г., 613, 617, 623, 629, 631, 633, 635. Упом. 342.

Багратіонъ-Мухранскій, кн. Ив. Конст., генер.-маіоръ, команд. кавказ. резервной бригады 1855 г., нынѣ генер.-лейтенантъ, 541.

Баденская, маркграфиня, мать императр. Елизаветы Алексѣевны, 439.

Базановъ, Михаилъ, служитель 1749 г., 216.

Базилевичъ, полковникъ 1813 г., 437.

Байковъ, правитель канцеляріи Н. Н. Новосильцева 1824 г., 72.

Балчіарелли, секретарь короля Станислава Августа Понятовскаго, 57.

Балашевъ, Александ. Дмитр., рязан. генер.-губернаторъ, членъ госуд. совѣта и мин—ра полиціи, р. 1770 † 1838 г., 244.

Балеманъ, начальникъ отдѣленія мин—ства народн. просвѣщ. 1824 г., 69.

Балкъ, Матрена Ив., рожд. Монсъ, 20.

Балкъ, Як. Ѳед., генер.-поручикъ, р. 1712 † 1762 г., 207.

Балкъ-Полевъ, Петръ Ѳед., камергеръ, потомъ генер.-поручикъ, р. 1690 † 1743 г. Арестъ его по участію въ дѣлѣ сестры его Натальи Лопухиной, 22, 31. Упом. 207.

Балле, генер.-лейт. 1797 г., 167.

Балугіанскій, начальникъ II-го отдѣленія канцел. его велич. 1826 г., 261.

Бальзакъ, франц. писатель. Отзывъ его о полякахъ, 691.

Бантышъ-Каменскій, Дмит. Никол., тайн. сов., составитель «Словаря достопамятныхъ людей русской земли», тобольскій, потомъ виленскій гражд. губернаторъ, р. 1788 † 1850 г. Статья его объ Екатеринѣ Трубачевой, впослѣдствіи императ. Екатерина I, посвященная Арсеньеву, 357—360. Ссылки на его «Словарь», 168, 551.

Барановъ, Никол. Иван., сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., † 1834 г., 259.

Барановъ, гр. Эдуардъ Трофим., генер.-маіоръ, командиръ Преображен. полка 1855 г. Участіе его въ битвѣ подъ Валерикомъ 1844 г., 343.

Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд.

Библиотека "Руниверс"

генерал.-фельдмаршалъ, р. 1761 † 1818 г., 118, 342, 432.

Вароніусъ, авторъ «Жизнеописанія папъ», 475.

Варсовъ, Антонъ, профессоръ рус. языка, цензоръ 1825 г., 244.

Барышникова, рожд. Секретарева, 154.

Барышниковъ, генер.-маіоръ, 154.

Барятинскій, кн. Анат. Иван., 330.

Вассевичъ, графиня. Записка къ ней о г-жѣ д'Обанъ, 369.

Ватуринъ, подполковникъ 1797 г., 188.

Ватюшковъ, Конст. Никол., писатель, р. 1788 † 1854 г. Свидѣтельство о немъ Сербиновича, 49. Упом. 46, 57.

Вауеръ, генералъ, 358, 359.

Ваумгартенъ, маіоръ 1809 г., 87, 88.

Вахметевъ, Ив. Ив., генер.-поручикъ, сенаторъ. Подписаніе приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Вахтинъ, Ѳедоръ, засѣдатель тихвинскаго гражд. суда 1803 г., 178.

Веберъ, воспитатель великаго князя Александра Павловича, 467.

Вебутовъ, кн. Вас. Осип., генер. отъ инфант., членъ госуд. совѣта, † 1858 г., 113, 504, 542, 599, 719, 720.

Безбородко, кн. Александ. Анд., госуд. канцлеръ, р. 1747 † 1799 г. Отношенія къ гр. М. И. Воронцову, 241—242. Пожалованіе вотчины 1797 г., 189. Упом. 579, 784.

Безобразова, 72.

Безсоновъ, П. редакторъ сборника пѣсень Кирѣевскаго, 779.

Беклешовъ, Александръ Андр., генералъ-прокуроръ сената 1799 г., 159.

Беллони, композиторъ, 463.

Бенардаки, владѣтель золотыхъ розсыпей на Амурѣ, 186.

Беннигсенъ, саксонскій лѣпщикъ изъ воску. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ 1711 г., 734.

Беннигсенъ, гр. Леонтій Леонт. (Людвигъ-Августъ), генер. отъ кавал., главнокомандующій арміями 1807 и 1813 гг., † 1826 г., 190, 436.

Бенкендорфъ, гр. Александръ Христоф., генер. отъ кавал., генер.-адъютантъ, шефъ корпуса жандармовъ, членъ госуд. совѣта, р. 1783 † 1844 г., 529, 586, 587, 588.

Бергеръ, поруч. кирасир. полка 1743 г. Доносъ его на Лопухина и показанія по этому дѣлу въ коммиссіи, 2—43. Упом. 233.

Бергманъ, Александръ Петр., начальникъ первой гренад. линіи, 372, 375.

Бергъ, генер.-фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго, † 1874 г., 115, 124.

Бергъ, Н. В. О статьѣ его: «О польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ», 115, 116, 124, 339, 340, 343, 346, 348, 355. Сужденія его о Герштенцвейгахъ, 546. По поводу его сказаній о гр. Ламбертѣ, 701, 705, 710, 711, 716, 717, 719, 721.

Бердъ, шотландецъ, содержатель петерб. пароходовъ 1822 г., 471.

Березинъ-Ширяевъ, Яковъ. Сообщ. замѣтку о портретѣ герцогини Бенигны Биронъ, 772—775.

Берже, Ад. П. Ссылка на статью его о Грибоѣдовѣ, 276. Замѣтки по поводу статьи его о Н. Н. Муравьевѣ, 104—112, 535—543. Сообщ. статьи: «А. С. Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ» 276—300». Грибоѣдовъ, какъ дипломатъ», 517—534, 746—765. Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина, 76—79.

Бестужева-Рюмина, гр. Анна Гавр., рожд. гр. Головкина, въ 1-мъ замуж. гр. Ягужинская, ст.-дама. Арестъ и допросы по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 15—16, 36, 38, 39. Пытки, 36—37. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 191—192. Чтеніе приговора и экзекуція, 193—197. Отправленіе въ ссылку, 198—202, 206. Житье въ ссылкѣ и смерть, 228—229. Упом. 3, 12, 14, 17, 23, 25, 28, 30, 31, 207, 208, 209, 212, 233.

Бестужевъ, Александръ Александровичъ (Марлинскій), писатель, декабристъ, р. 1797 † 1837 г. Указаніе на его письма объ Якутскѣ, 206. Отысканіе имъ могилы гр. А. Г. Бестужевой-Рюминой, 229. Переведенная имъ восточная поэма на смерть А. С. Пушкина, 76—79.

Библиотека "Руниверс"

Бестужевъ-Рюминъ, Мих., декабристъ. Совершеніе надъ нимъ казни 1826 г., 681—682.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., посланникъ въ Даніи, потомъ каб.-министръ, наконецъ государ. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1693 † 1766 г. Заслуги его, какъ дипломата и борьба его партіи съ партіей Лестока, 1—3. Интриги Лестока, 19. Подписаніе приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 42, 192, 199. Упом. 28, 35, 209, 233, 234, 487.

Бестужевъ-Рюминъ, гр. Мих. Петр., дѣйств. тайн. сов., об.-гофмаршалъ, посланникъ въ Стокгольмѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ, р. 1688 † 1760 г. Отношенія къ женѣ граф. Аннѣ Гавр., 222, 228.

Бецкій, Ив. Ив., дѣйств. т. сов., об.-камергеръ, р. 1704 † 1795 г., 788.

Бибиковъ, поручикъ Семеновскаго полка, адъютантъ Лаврова 1813 г., 420.

Биронъ, герцогиня Бенигна-Готлибъ, рожд. Тротта-фонъ-Трейденъ, р. 1703 † 1782 г. Замѣтка объ ея портретѣ 772—775.

Биронъ, Іоганъ-Эрнстъ, герцогъ Курляндскій и Семигальскій, правитель и регентъ Россіи, р. 1690 † 1772 г., 11, 239, 579, 772, 773.

Блудовъ, Дмитрій Никол., впослѣд. графъ, ст.-секретарь, товарищъ мин—ра народн. просвѣщ., мин—ръ юстиціи, потомъ внутр. дѣлъ, дѣйств. тайн. сов. и предсѣд. депар—та законовъ въ госуд. совѣтѣ, р. 1785 † 1864 г. Назначеніе статсъ-секретаремъ 1825 г., 259. Изданіе посмертнаго труда Н. М. Карамзина, 270. Отношенія къ Карамзину, 57, 62, 71, 261, 262, 265, 266. Назначеніе его дѣлопроизводителемъ комиссіи по дѣлу декабристовъ, 678.

Воборыкинъ, артил. юнкеръ 1825 г., 254.

Вовыкинъ, купецъ-домовладѣлецъ, 6.

Вове, тайный сов. 1698 г., 728.

Волдыревъ, Павелъ, рядовой 1744 г., 215, 216.

Волотниковъ, Вас. Тимоѳ., 59, 250, 251.

Волотниковъ, С. Д., 288.

Вомарше, франц. писатель, 741.

Воранчюговъ, Ив., сержантъ 1749 г., 216.

Ворженковскій, Фердинандтъ, словинскій уѣздный предводитель дворянства 1818 г., 452, 698.

Боринъ, берлин. заводчикъ, 714.

Воровдинъ, Андрей Мих., ген.-лейт. 1813 г., впослѣд. таврическій губернаторъ и сенаторъ, р. 1765 † 1838 г., 47.

Вортцъ, булочникъ, 709.

Ворцовъ, управляющій конторою петербургскихъ театровъ 1854 г., 314.

де-Вотта, маркизъ, посланникъ вѣнскаго двора въ С.-Петербургѣ 1742 г. Упомин. въ процессѣ Лопухиныхъ, 2, 9, 12—16, 18—21, 23, 25, 26, 31, 33, 35, 37—39, 194—196, 203, 207, 209, 212.

Вояркинъ, Астафій, рядовой 1748 г., 216.

Враницкій, графъ Ксаверій Петр. (Францискъ-Ксаверій), великій корон. гетманъ, впослѣд. росс. генералъ, † 1819 г. Донось на него Угрюмовой, 558, 561, 562, 570, 571.

Вранцію, Александрина-Каролина Шевалье де-Левитъ, р. 1780 † 1850 г., париж. пѣвица. Замѣтка о ней, 656.

Врассевичъ, священникъ, настоятель Мальтійской капеллы 1822 г., 475.

Брауншвейгъ-Вольфенбютельская, герцогиня, 239.

Бревернъ, генер.-лейтенантъ. Участіе въ комиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41, 192.

Брендель, полякъ, убитый въ день манифестаціи 18-го февр. 1861 г., 700.

Бретель, повѣренный франц. двора въ Россіи, 481.

Брзозовскій, генералъ іезуитскаго ордена, 54.

Бринкеръ, А. Г. профес. Сообщ. статью о пребываніи Петра 1-го въ Дрезденѣ 1698, 1711 и 1712 гг., 727—734.

Брисморнъ, директоръ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго 1861 г., 118.

де-Врогліо, франц. генер.-фельдмаршалъ. Принятіе его въ русскую службу 1797 г., 787.

Библиотека "Руниверс"

Броневскій, ген.-лейт., команд. Тверск. драгун. полка, впослѣд. директоръ Александровскаго лицея. О проектѣ его о кавалерійской академіи, 725.

Бронниковскіе, помѣщики, 414.

Бронниковскій, польскій генер. 1812 г., 342.

Брызгаловъ, Вас. Фом., дворовый человѣкъ, 585, 988.

Брылкинъ, Иванъ, генер.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла Лопухиныхъ 1743 г., 41, 192.

Брюзгинъ, А. А., статскій сов., членъ управленія Москов. музея, 594.

Буакинъ, полковникъ 1796 г., 611, 612.

Буксгевденъ, гр. Өед. Өед., генер. отъ инфант., с.-петербург. воен. губернаторъ, главнокомандующій арміею въ Финляндіи 1808 г., р. 1750 † 1811 г., 189, 787.

Булатовъ, Мих. Леонтьев. Рапортъ его о битвѣ при Револаксѣ 1809 г., 80—95.

Булатовъ, Д. А. Сообщ. рапортъ М. Л. Булатова о битвѣ при Револаксѣ 1809 г., 80—98.

Булгаковъ, А. И., водевилистъ, 553.

Булгаковъ, К. А. Разсказъ его о Павлѣ I и Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ, 583.

Булгаковъ, Конст. Яковл., тайн. сов., директоръ почтов. департ—а, с.-петербург. почтъ-директоръ, р. 1782 † 1835 г., 261.

Булгаковъ, Сергѣй Александр., генералъ отъ инфантеріи, † 1808 г., 135.

Булгаринъ, Ѳаддей Венедикт., литераторъ, р. 1789 † 1859 г., 62, 476.

Булохова, учитель пѣнія 1853 г., 312.

Бурнье, писатель, 62.

Бурцовъ, отряден. командиръ 1829 г. Участіе въ турецкой войнѣ, 504, 506.

Бурцовъ, ученикъ школы колоновожатыхъ, 539.

Бутурлинъ, гр. Александръ Борис., генер.-фельдмаршалъ, сенаторъ, конференцъ-министръ и москов. главнокомандующій, р. 1694 † 1767 г. Указъ ему объ арестѣ кн. И. Путятина и М. Аргамакова 1743 г., 12.

Бутурлинъ, Петръ Ивановичъ, боярин, † 1723 г., 737, 738.

Бутурлинъ, Сергѣй, 775.

Бучинскій, Григорій, переводчикъ, 236.

Бушуевъ, Петръ, слуга, 220—221.

фонъ-Бушъ, франкфуртская актриса 1813 г., 439.

Выводоровъ, казакъ. Храбрость его въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 388. Упом. 602.

Вѣлосельскій, кн. Мих. Андр., вице-адмиралъ, членъ адмиралтействъ-коллегіи, р. 1702 † 1755 г. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Вѣльскій, польскій историкъ, 62, 63, 66.

Вѣлякевъ, Иванъ, солдатъ 1731 г., 770.

Вюлау, авторъ статьи «Шевалье д'Эонъ» 1866 г., 745.

Вюргенъ, Андрей Ив., кандидатъ Москов. университета, издатель «Радуги» въ Ревелѣ 1826 г., 274.

Вялобржесскій, 719.

В.

Ваврженцкій, генер. отъ артил. Участіе въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 604—605.

Вагнеръ, домовладѣлецъ 1797 г., 785.

Вадковскій, генер.-лейт. Выговоръ ему отъ императора Павла за упущеніе по службѣ 1797 г., 590, 784.

Вансмутъ, офицеръ 1813 г., 446.

Валленштейнъ, князья, 354.

Вальманъ, Иванъ, маіоръ 1797 г. О побѣгѣ его дворовыхъ, 590.

Вальфингъ, докторъ 1794 г., 399.

Варбекъ, графиня, рожд. Кенигсмаркъ, 362, 367, 368, 369.

Варламовъ, Василій, казакъ 1794 г., 402.

Варпаховскій, Пав. ген.-лейт., начальн. резервн. дивизіи отдѣльн. кавказ. корпуса 1855 г., 539, 540.

Варшавскій, кн. Ив. Өед., см. гр. Паскевичъ-Эриванскій.

Васильева, Елена, вдова, 589.

Васильевъ, капит., ротный командиръ 1850 г., 179.

Васильевъ, Алексѣй Иван. (впослѣд.

Библиотека "Руниверс"

Баронъ, потомъ графъ), госуд. казначей, предс. медицин. академіи, потомъ дѣйств. тайн. сов. и министръ финансовъ, р. 1742 † 1807 г. Пожалованіе барономъ 1797 г., 190. Гнѣвъ императора Павла, 166—168.

Васильчиковъ. Участіе въ воен. сов. въ Севастополѣ 29 іюля 1855 г., 333.

Васьковъ, Дмитр. Никол., 50.

Вахтангъ, царевичъ имеретинскій, 282, 283

Веберъ, Карлъ, директоръ главнаго госуд. архива въ Дрезденѣ. Объ изданномъ имъ описаніи пребыванія Петра Великаго въ Саксоніи, 727—734.

Ведель, варшав. кондитеръ 1861 г., 709.

Ведель, Анна Ирод. см. гр. Чернышева.

Ведель, Марія Ирод., въ замуж. гр. Панина, 572.

Вейдемейеръ, А. И., авторъ соч. «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во второй половинѣ XVIII ст.», 155, 157.

Веймарнъ, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба 1855 г., 467.

Веллингтонъ, герцогъ Артуръ-Веллеслей, полководецъ, разбившій Наполеона при Ватерлоо, р. 1768 † 1852 г., 658.

Вельтманъ, писатель, 703.

Вельяминовъ, Алексѣй Александр., начальникъ корпус. штаба въ Тифлисѣ 1827 г., потомъ генер.-лейт. и начальникъ Кавказской области, † 1838 г. Участіе въ персидск. камп. 1827 г., 499, 509, 510, 515.

Вержень, франц. министръ, 743.

Веселитскій, генералъ 1861 г., 129, 378.

Веселитскій, Гавр. Петр., генер.-лейт., участникъ отечественной войны, р. 1774 † 1829 г., 178.

Веселитскій, Сергѣй Гавр., ген.-лейт. Разсказы о немъ, 178—179.

Веселковъ, чиновникъ 1819 г., 58.

Веселовскій, Конст. Степ., секретарь и членъ Академіи Наукъ, 774.

Веселовъ, отставн. артил. офицеръ, 186.

Вешняковъ, Семенъ, подъячій 1743 г., 213.

Вигель, Ф. Ф., тайн. сов., управлявшій департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣданій, р. 1786 † 1856 г., 722.

Видекиндъ, историкъ, 60, 61.

Вилинскій, об.-секретарь сената 1822 г. Разсказы о его странностяхъ, 458—459.

Вилліамсъ, англ. генералъ 1854 г., 112—541.

Виллие, баронетъ, Яковъ Вас., президентъ с.-петербург. медико-хирургической Академіи 1818—1824 гг., 65, 374, 375.

Вильбоа, Александ. Никит., генералъ-фельдцейхмейстеръ, † 1781 г., 484.

Вильсонъ, англ. генералъ 1813 г., 429—430.

Виндишгрецъ, князья, 354.

Виновъ, Василій, служитель, 187.

Виноградская, Анна Ефим., 137.

Виноградской, Ефимъ, стат. совѣтн. 1826 г., 137.

Винокуровъ, Дмитрій, сержантъ 1744 г., 218.

Виндишгреце, бар. Фердинандъ Өед. (Фердинандъ-Фридрихъ), генер. отъ кавал., генер.-адъютантъ, р. 1770 † 1818 г., 190.

Виртембергская, принцесса Марія, рожд. кн. Чарторижская, 562.

Виртембергскій, принцъ Евгеній, 787.

Виртембергскій, принцъ Людвигъ. Неудовольствіе императрицы Екатерины II по поводу брака его съ кн. Маріею Чарторижскою, 562—562.

Витгенштейнъ, кн. Петръ Христіан., фельдмаршалъ, р. 1768 † 1843 г. Назначеніе главнокомандующимъ 1813 г., 418.

Витовтовъ, Евстигнѣй, управитель Ладож. дворцов. рядковъ 1743 г. Жалоба его на Ѳедотьева, 204—205.

Виттъ, гр. Ив. Іосиф., начальн. поселенной резервн. кавалеріи 1834 г. Хлопоты о дозволеніи Магницкому жить въ Одессѣ, 274 - 275. Упом. 677.

Власовъ, владѣтель собранія портретовъ, 773.

Власьевъ, Аѳан. Иван., посланникъ въ Дрезденѣ 1599 г., 731.

Воейкова, Александра Анд., 241.

Воейковъ, Александръ Ѳед., писатель, р. 1773 † 1839 г., 63, 238, 253.

Воейковъ, Петръ Лукичъ, ген.-маіоръ, генер.-губернаторъ въ Ригѣ. Участіе въ комиссіи для разсмотрѣнія дѣла Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Библиотека "Руниверс"

Вожжинскій, Никита Андреян., кам.-юнкеръ 1743 г., впослѣд. генер.-поручикъ и дѣйств. камергеръ, † 1764 г., 23, 38, 230.

Вонновъ, генералъ, командиръ гвард. корпуса 1825 г., 674.

Войцеховичъ, Александръ Ив., чиновникъ мин. внутр. дѣлъ 1825 г., 668.

Войцеховичъ, Алексѣй Иван., нынѣ членъ госуд. совѣта, 668.

Волкова, танцовщица, 305.

Волковъ, Анд. Анд., генер.-маіоръ и гв. преміеръ-маіоръ при императр. Елизаветѣ Петровнѣ, 482.

Волковъ, Дмитр. Вас., конференцъ-секретарь, тайный секретарь Петра III, потомъ сенаторъ и президентъ мануфактуръ-коллегіи, р. 1718 † 1785 г. Письма его къ кн. Г. Г. Орлову съ объясненіемъ его государственной и дипломатической дѣятельности 1762 г., 478 — 489. Письма къ нему Екатерины II, 1763 г., 489—496.

Волконскій, князь, 539.

Волконскій, кн. Григ. Иван., ярослав. об.-комендантъ 1712 г., 766—767.

Волконскій, кн. Григ. Петр., пѣвецъ, дѣйств. стат. сов., гофмейстеръ 1855 г., 462.

Волконскій, кн. Мих. Никит., генер.-аншефъ, москов. главнокомандующій, р. 1713 † 1789 г., 481—484.

Волконскій, кн. Петръ Мих., министръ двора и фельдмаршалъ, р. 1776 † 1852 г. Отношенія къ гр. В. Ѳ. Адлербергу, 308. Упом. 643—539.

Волчковъ, переводчикъ разныхъ сочиненій въ XVIII в., 242.

Вольтеръ, Франсуа-Мари-Аруэ, франц. писатель, р. 1694 † 1778 г. Письма его по поводу смерти г-жи д'Обанъ, 368—369. Упом. 656, 679.

Вольфовейль, рожд. графиня Минихъ, вдова капитана. Резолюція на прошеніе ея 1797 г., 787.

Вольфъ, служитель, 363.

Вольфъ, 488.

Волынскій, Артемій Петр., генер.-аншефъ, об.-егермейстеръ и каб.-министръ, р. 1689 г., казненъ 27-го іюля 1740 г. Письмо къ С. А. Салтыкову о поимкѣ бѣлой галки 1738 г., 775. Упом. 71, 239.

Воробьевъ, таможенный надсмотрщикъ 1797 г., 188.

Воронцовъ, гр. Александ. Романов., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и президентъ ком.-коллегіи, потомъ госуд. канцлеръ и министръ иностр. дѣлъ, р. 1741 † 1805 г., 242.

Воронцовъ, гр. Мих. Иллар., дѣйств. тайн. сов. и госуд. канцлеръ, р. 1714 † 1767 г., 480.

Воронцовъ, кн. Мих. Сем., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, кавказскій намѣстникъ, р. 1781 † 1856 г. Характеристическій очеркъ пребыванія его на Кавказѣ, 99—114. Упом. 275, 778.

Воронцовъ, гр. Романъ Иллар., генер.-поруч. и сенаторъ, потомъ ген.-аншефъ и генер.-губернат. владимірскій и ярославскій, р. 1707 † 1783 г. Участіе его въ коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла Лопухиныхъ 1743 г., 41, 192. Упом. 32—33.

Воронцовъ, кн. Семенъ Роман., ген. отъ инфант., посолъ при лондон. дворѣ, р. 1744 † 1832 г., 20, 241, 242.

Вортманъ, граверъ. О гравированномъ имъ портретѣ герцогини Бенигны Биронъ, 772—775.

Воскресенскій, протоіерей Скорбященской церкви 1826 г., 268.

Востоковъ, составитель грамматики. Замѣтка о немъ, 475.

Врангель, баронъ. Ссылка на составленное имъ описаніе Якутска 1820 г., 206.

Вревскій, бар. Ипполитъ Александр., генер.-маіоръ, начальникъ владикавказскаго воен. округа, † 1858 г. Дѣйствія его въ Севастопольскую войну, 330—338.

Всеволожскій, лейтенантъ 1828 г., 298.

Вульфъ, командиръ конно-егерскаго полка 1794 г., 404.

Высоцкій, директоръ генуезской школы для поляковъ, 706.

Вышинскій, членъ варшав. делегаціи, въ 1861 г., 708.

Вяземскій, кн. Петръ Анд., писатель р. 1792 г., 55, 57, 72, 243, 244, 269.

Вячеславъ Константиновичъ, великій князь, шефъ Муромскаго полка, 377.

Библиотека "Руниверс"

Г.

Гавріилъ (Розановъ), вологод. архимандритъ 1812 г., впослѣд. херсонскій архіепископъ, 275.

Гаврюнскій, директоръ пансіона въ Шатальонѣ для дѣтей поляковъ 1842 г., 706.

Гагарина, кн. Екат. Семен., см. **Семенова**.

Гагарина, кн. Праск. Павл., рожд. гр. Ягужинская, † 1775 г. Допросъ ея по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 3, 22, 23.

Гагаринъ, кн. Ив. Алексѣев., дѣйств. тайн. сов. и шталмейстеръ, р. 1771 † 1832 г., 473.

Гагаринъ, кн. Сергѣй Вас., дѣйств. тайн. сов. и шталмейстеръ, † 1782 г. Привлеченіе его къ суду по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 36, 39 Упом. 22, 23.

Гагаринъ, кн. Сергѣй Серг., директоръ с.-петербург. император. театровъ 1832 г., 553.

Гази, турецкій трехбунчужн. паша 1829 г., 505.

Гаевскій, Пав. Ив., впослѣд. директ. департамента народн. просвѣщ., членъ главн. управленія училищъ, дѣйств. тайн. сов., 56.

Гаевскій, Семенъ Ѳед., генер. штабъ-докторъ гражд. части 1824 г., 669, 670, 696.

Гайдъ-Портеръ, англ. генер.-адмиралъ 1801 г., 702.

Галдинъ, Ѳедоръ, разночинецъ 1742 г., 224.

Галькерде, издатель записокъ о кавалерѣ д'Эонѣ, 740—746.

Гамзатѣ-бекъ, сообщникъ Кази-муллы, 510, 515.

Гампфъ, Осипъ, ген.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Ганъ, Александръ. Сообщ. поправку къ статьѣ о Сухозанетѣ, 377—378.

Гарнаультъ, генер.-маіоръ 1809 г., 86, 87, 88, 95.

Гарновскій, домовладѣлецъ 1816 г., 179.

Гартъ, англ. офицеръ 1828 г., 755, 761.

Гауеншильдъ, директоръ Царскос. лицейск. пансіона, переводчикъ Исторіи Госуд. Россійск. соч. Карамзина, 59.

Гедеонова, см. **Шишкина**.

Гедеоновъ, Александръ Мих., директоръ с.-петербург. театровъ 1853 г. Слѣдствіе въ Театральн. училищѣ, 306—314. Упом. 552.

Гедеоновъ, Мих. Александр., драматич. цензоръ. Замѣтка о немъ, 552.

Гедеоновъ, Степ. Александр., директоръ император. театровъ, 552—553.

Гейденрейхъ (Крукъ), одинъ изъ польскихъ повстанцевъ 1861 г., 707.

Геліо (Heliot), 1824 г., куаферъ, 470.

Гельбигъ, нѣмецкій историкъ. Ссылка на его соч. «Russische Günstlinge», 233.

Георгъ XII, послѣдній грузинскій царь, 283.

Германъ, нѣмецкій ученый. Отзывъ его о Карамзинѣ, 63.

Гертнеръ, Андрей, саксон. математикъ и механикъ. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ въ 1711 г., 732, 734.

Герштенцвейгъ, рожд. Мадалинская, 349.

Герштенцвейгъ, Александ. Данил., варшав. генер.-губернаторъ. Біографическія и характеристическія замѣтки о немъ и отношенія къ гр. Ламберту, 347—356, 701—704, 712—713, 718—720. Споръ о его заслугахъ и значеніи, 544—549; 724—726. Самоубійство, 720—721. Упом. 116, 340, 343, 345.

Герштенцвейгъ, Данила Александр., команд. своднымъ артил. корпусомъ, † 1848 г. Замѣтки о немъ, 348—349; 544—545; 724—726. Упом. 720.

Герье, В. И. По поводу статьи его «Кронпринцесса Шарлотта, невѣстка Петра Великаго», 360.

Гессенъ-Гомбургская, принцесса Анастасія, рожд. кн. Трубецкая, вдова кн. Кантеміра, 10.

Гессенъ-Гомбургскій, принцъ Людвигъ-Іоаннъ, генералъ-фельдмаршалъ, р. 1704 † 1745 г. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла Лопухиныхъ, 41. Подписаніе приговора по этому дѣлу 1743 г., 42, 192. Упом. 6, 10, 17, 39.

Библиотека "Руниверс"

Гинтеръ, Илья, капитанъ, лекарь 1745г., 225.

Главуновъ, Ив., книгопрод. 1797 г., 787.

Гиасво, профессоръ Полоцкой іезуит. академіи, 46.

Глинка, Сергѣй Никол., редакторъ «Русскаго Вѣстника», р. 1775 † 1847 г., 237.

Глинка, Ѳед. Никол., поэтъ, р. 1787 г., 122.

Глѣбовъ, Ив. Ѳед., генер.-поручикъ, потомъ генер.-аншефъ, † 1774 г., 483.

Глѣбовъ, Александ. Ив., ген.-прокуроръ, генер.-цоручикъ, потомъ генер.-аншефъ, р. 1734 † 1799 г. Отношенія его къ Д. В. Волкову, 483, 485.

Глюкъ, Іоганнъ-Эрнестъ, пасторъ, воспитатель Екатерины I, 358.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель, 63, 238.

Гове, об.-провіантмейстеръ гв. корпуса 1813 г., 412.

Гоголь, Александръ Григор., капитанъ, ротный командиръ. Смерть его 1813 г., 411. Упом. 414.

Годуновъ, Борисъ Ѳед., царь, † 1605 г., 59, 62, 63, 237.

Голенвовскій, директоръ Батильон. школы для малолѣт. поляковъ, 706, 707.

Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Ар. Ар. Сообщ. письма императора Николая къ Пав. В. Голенищеву-Кутузову, 273—274.

Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Вас. (впослѣд. графъ), генер. отъ кавал., генер.-адъют., директоръ кадет. и пажеск. корпусовъ, потомъ с.-петербург. воен. генер.-губернат. и членъ госуд. совѣта, р. 1772 † 1843 г. Увѣщаніе мятежниковъ 14 декабря 1825 г., 258. Записки императора Николая о высылкѣ изъ Петербурга М. Л. Магницкаго 1826 г., 273—275. Упом. 256.

Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн. Мих. Иллар., генер.-фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г. Смерть его, 319. Разсказъ о маневрѣ его съ императоромъ Павломъ, 581—582. Упом. 417.

Голицына, кн. Праск. Степ., см. Лопухина.

Голицынъ, кн. капитанъ 1813 г., 436.

Голицынъ, кн. капит.-лейт. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 190.

Голицынъ, кн. генер. отъ инфант. Увольненіе его отъ службы 1797 г., 590.

Голицынъ, князь. Участіе въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 380, 381.

Голицынъ, кн. Александръ, участникъ битвы подъ Валерикомъ 1844 г., 343.

Голицынъ, кн. Александръ Никол., дѣйствит. тайн. сов., оберъ-прокуроръ синода, впослѣд. мин—ръ народн. просвѣщ. и духовн. дѣлъ, наконецъ главноупр. почтов. департаментомъ, р. 1773 † 1844 г. Покровительство мистицизму, 241. Пожалованіе ему ордена св. Андрея Первозваннаго, 259. Упом. 55, 63, 65, 66, 69, 70, 71, 250, 273.

Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, р. 1697 † 1768 г. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Голицынъ, кн. Дмитр. Влад., москов. воен. генер.-губернаторъ, генер. отъ кавал., р. 1771 † 1844 г. Объясненіе его съ Обольяниновымъ, 162—163. Упом. 173, 238.

Голицынъ, кн. Дмитр. Мих., тайн. сов., сенаторъ, кіевскій губернат., членъ верхов. тайн. сов., р. 1665 † 1738 г., 36.

Голицынъ, кн. Ив. Алексѣев., подполковникъ, р. 1729 † 1767 г., 232.

Голицынъ, кн. Михаилъ Вас., камергеръ, р. 1708 † 1749 г. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Голицынъ, кн. Мих. Мих. старшій, фельдмаршалъ и членъ верховн. тайн. совѣта, р. 1675 † 1730 г., 36.

Голицынъ, кн. Петръ Алексѣев., 554.

Голицынъ, кн. Сергѣй, ген.-маіоръ. Участіе въ засѣданіи коммисіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Головина, гр. Анаст. Степ., см. Лопухина.

Головинъ, Александръ Иван., ген.-маіоръ, впослѣд. адмиралъ, † 1766 г. Участіе въ коммисіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Головина, гр. Никол. Александ., надворн. сов. 1762 г., впослѣд. тайн. совѣт., 282.

Головинъ, гр. Никол. Ѳедор., посланникъ въ Стокгольмѣ 1730 г., потомъ адмиралъ и президъ. адмиралт.-коллегіи, р. 1695 † 1745 г., 770, 771.

Библиотека "Руниверс"

Головкина, гр. Анаст. Гавр., см. кн. **Трубецкая**.

Головкина, гр. Анна Гавр., см. **Бестужева-Рюмина**.

Головкина, гр. Екат. Иван., рожд. кн. Ромодановская, р. 1701 † 1791 г. Сцена прощенія ею кн. Н. Ю. Трубецкаго, 234—235.

Головкинъ, гр. Александръ Гавр., дѣйств. тайн. сов., посланникъ въ Берлинѣ, въ Парижѣ и наконецъ въ Голландіи, † 1760 г., 29.

Головкинъ, гр. Гавр. Иван., р. 1660 † 1734 г., дѣйств. тайн. сов., госуд. канцлеръ, 3, 18, 733, 734, 737, 771.

Головкинъ, гр. Мих. Гавр., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, потомъ вице-канцлеръ и каб.—министръ, † 1755 г. Упом. по поводу ссылки его, 2, 21, 29, 193, 194, 207, 208, 234.

Голубцовъ, полковникъ 1814 г., 650.

Гольцъ, баронъ, прусскій посланникъ въ Россіи, 481, 482, 483.

Гольцъ, Адамъ, членъ варшав. делегаціи 1861 г., 709.

Гольштинская, принцесса, 361.

Гольштинскій, принцъ Георгъ, дядя Петра III, 483.

Горчаковъ, кн. Андрей Ив., генер. отъ инфант., р. 1776 г., 637, 639.

Горчаковъ, кн. Мих. Дмитр., генер. отъ артил., генер.-адъютантъ, главнокомандующій южною арміею, намѣстникъ Царства Польскаго, р. 1790 † 1861 г. Участіе въ войнѣ 1813 г., 438, 444—446, 449. Дѣйствія въ Севастопольскую войну, 330—338. Управленіе Польшею, 116—118, 339—340. Упом. 179, 356, 377, 378, 701.

Госнеръ, нѣмец. проповѣдникъ, 68.

Граббе, генер.-адъютантъ, командующій войсками на Кавказѣ 1830-40 гг., 131.

Грабовскій, гр., министръ народ. просвѣщ. и духов. дѣлъ Царства Польскаго 1826 г., 698.

Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмиралъ, 784.

Грековъ, Петръ, полков. командиръ. Участіе въ войнѣ 1799 г., 399, 613, 620, 621, 622, 623, 625, 634.

Гречъ, Никол. Ив., журналистъ и литераторъ, р. 1787 † 1867 г., 476.

Гржегоржевскій, Исидоръ Александр., полковникъ, † 1871 г. Авторъ очерка военныхъ дѣйствій и событій на Кавказѣ 1818—1850 гг., 131—152; 497—515.

Грибко, Оттонъ Александр., начальникъ 1-го отдѣленія канцеляріи мин—ства внутр. дѣлъ 1825 г., 667, 687.

Грибоѣдова, Анна Ѳед., 301.

Грибоѣдова, Анаст. Ѳед., рожд. Грибоѣдова, † 1833 г., 301.

Грибоѣдова, Марья Ив., 301.

Грибоѣдова, Марія Сергѣев., въ замуж. Дурново, † 1856 г., 301.

Грибоѣдова, Нина Александр., рожд. кн. Чавчавадзе, † 1857 г. Свѣдѣнія о ней, 289, 296. 297, 298, 299.

Грибоѣдовъ, Александръ Серг., † 1829 г. Очеркъ пребыванія его въ Персіи и на Кавказѣ 1818—1828 гг., 276—302. Дѣятельность его какъ дипломата 1827—1828 гг., 516—534; 746—765. Упом. 465.

Грибоѣдовъ, Сергѣй Иван., сек.-маіоръ 1805 г., 301.

Грибоѣдовъ, Ѳед. Алексѣев., стат. сов., † 1780-хъ гг., 301.

Григоровичъ, Н. И. Сообщ. письма къ Н. Ю. Трубецкаго о маскарадахъ 1750—52 гг., 776—777.

Григоровъ, подпоручикъ 1809 г., 84.

Гроссъ, воспитатель дѣтей гр. Анд. И. Остермана, 234.

Гротгусъ, подполковникъ 1855 г., 331.

Гротусъ, штабсъ-капитанъ 1809 г., 89.

Грузиновъ, маіоръ, войсковой старшина 1794 г. Храбрость его въ битвахъ съ поляками, 390, 393, 394, 395, 398, 399.

Грюнштейнъ, лейбъ-кампанецъ 1741—1750 гг., 233.

Губановъ, Савва Яковл., разсыльщикъ, 204.

Гудовичъ, Андрей Вас., генер.-адъютантъ Петра III, генер.-маіоръ, впослѣд. генер. отъ инфант., р. 1731 † 1808 г., 481.

Гудо́вичъ, гр. Ив. Вас., генер.-аншефъ, впослѣд. фельдмаршалъ, москов. главнокомандующій и членъ госуд. совѣта, р. 1741 † 1821 г. Пожалованіе ему графскаго достоинства 1797 г., 190.

Библиотека "Руниверс"

Гуличевъ, сержантъ 1744 г., 218.

Гуляевъ, сержантъ сибирскаго гарнизона 1745 г. Донесенія его сенату объ А. Зыбинѣ, 220—221.

Гульяновъ, греческій писатель, 60.

Гунтъ, капитанъ 1713 г., 420, 422, 423, 424.

Гурьева, полковница, помѣщица, 585.

Гурьевъ, гр. Дмитр. Александров., министръ финансовъ, р. 1751 † 1825 г., 237, 243.

Густавъ III, швед. король, † 1792 г., 157.

Густавъ IV-Адольфъ, швед. король, р. 1778 † 1837 г. Письма его къ Булатову, 96—97, 418.

Д.

Д.-З., Ив. Мих., отставной артилер. офицеръ, 316, 324.

Д.-З., рожд. Подвипентова, мать Рахили, 316.

Д.-З., Антонъ Мих., штабъ-офицеръ, дядя предсказательницы, допрашивавшій ее по порученію императора Николая Павловича, 316, 322, 324, 327.

Д.-З., Рахиль Ивановна, предсказательница войнъ Россіи. Свѣдѣнія о ней и разсказъ объ ея предсказаніяхъ, 315—329.

Давыдовъ, тайн. сов., оренбург. губернаторъ 1763 г., 490.

Давыдовъ, Денисъ Вас., извѣстн. партизанъ и поэтъ, генер.-лейтенантъ, р. 1784 † 1839 г., 348.

Дадіани, кн. Давидъ Леванов., генер.-маіоръ, владѣтель Мингреліи, † 1853 г., 299.

Дадіани, кн. Екатер. Александр., рожд. кж. Чавчавадзе, 299.

Даниловъ, шлиссельбург. полка фельдфебель 1831 г., 180.

Даниловъ, Иванъ, землемѣръ 1797 г., 786.

Данненбергъ, ученикъ школы колоновожатыхъ, генералъ, 539.

Дашковъ, Дмитр. Вас., дѣйств. тайн. сов., министръ юстиціи, † 1839 г. Назначеніе его ст.-секретаремъ 1825 г., 259 Упом. 75, 264, 265, 683.

Дворницкій, начальникъ польскихъ войскъ 1831 г., 706, 707.

Дегай, Пав. Иван., директоръ департамента министерства юстиціи 1822 г., 461.

Дегуровъ, профессоръ, ректоръ С.-Петербургскаго университета, 101.

Демертъ, варшав. епископъ 1861 г., 714.

Дельвигъ, баронъ Антонъ Антонов., поэтъ, р. 1798 † 1831 г., 223.

Демидова, пѣвица, 462.

Демидовъ, капит., ротный командиръ 1813 г. Дѣйствія въ отечественную войну, 414, 420, 431, 435, 437, 445, 447.

Демидовъ, статск. совѣтникъ. Назначеніе его производителемъ дѣлъ въ ком. миссіи по «Лопухинскому» дѣлу 1743 г. 6—7. Упом. 210.

Демутъ, домовладѣлецъ 1797 г., 187.

Денисовъ, маіоръ 1794 г. Участіе въ польской кампаніи, 401, 404, 407.

Денисовъ, Адріанъ Карпов., генер.-маіоръ, донской войсковой атаманъ. Записки его: Польская кампанія 1792—1795 гг., 379—410; 601—605. Поѣздка волонтеромъ въ армію въ Закавказье, 605—612. Походъ въ Италію и итальянская кампанія 1799 г., 613—641.

Денисовъ, графъ Ѳед. Петр., наказной атаманъ войска Донскаго, генер. отъ кавал., † 1811 г. Дѣйствія во время польской кампаніи 1792—1794 гг., 387, 388, 392, 393, 399, 401, 403, 404, 407, 409, 602, 605, 607, 611, 612, 613.

Державинъ, Гавр. Роман., писатель, поэтъ, тайн. сов., министръ юстиціи, род. 1743 † 1816 г. Резолюція его на прошеніе черниг. протоіерея Кубецкаго 1803 г. 376. Упом, 46, 168, 242, 248.

Дерфельденъ, генер. отъ кавал, 1797 г. Выговоръ ему отъ императора, 590.

Дерябинъ, Петръ, подъячій 1712 г., 668, 779.

Дибичъ-Забалканскій, граф. Ив. Ив., фельдмаршалъ, р. 1785 † 1831 г. Письмо къ нему Ермолова объ арестѣ А. С. Грибоѣдова 1826 г., 290—291. Предложеніе

Библиотека "Руниверс"

Паскевичу относительно пріобрѣтенія персидскихъ манускриптовъ 1827 г., 516—517. Упом. 291, 537.

Дивіеръ, гр. Анна Даніл., см. **Меншикова**,

Дивіеръ, гр. Антонъ Эммануиловичъ, 357.

Дивовъ, офицеръ 1813 г., 438, 445.

Дивовъ, переводчикъ Исторіи Карамзина на французскій языкъ, 237.

Дивовъ, Пав. Гавр., дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1763 † 1841 г. Письмо къ нему А. П. Ермолова 1820 г., 286.

Дмитріевъ, Ив. Ив., дѣйств. тайн. сов., министръ юстиціи, поэтъ, р. 1760 † 1837 г., 46, 157, 244, 253.

Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александ. Матв., фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., 784.

Дмитрій Іоанновичъ, царевичъ, сынъ Іоанна Грознаго, убитый въ Угличѣ, 63, 237.

Дмитлингеръ, придв. саксон. бриллiантщикъ. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ въ 1711 г., 732, 733, 734.

Добикъ, полковникъ 1794 г., участникъ польской кампаніи 392, 393, 410.

Долгихъ, Дмитрій, слуга, 218.

Долгорукая, кн. Екатер. Алексѣев., обрученная невѣста Петра II, потомъ въ замуж. гр. Брюсъ, р. 1712 † 1745 г., 289.

Долгорукіе, князья, сосланные, 202.

Долгорукой, кн. юнкеръ 1813 г., 443.

Долгорукой, кн., Алексѣй Алексѣев., дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, управляющій министерствомъ юстиціи 1828 г., р. 1767 † 1834 г., 584.

Долгорукой, кн. Алексѣй Влад., магнитизеръ, 158.

Долгорукой, кн. Анд. Никол., стат. сов., р. 1772 † 1843 г., 440.

Долгорукой, кн. Вас. Анд., генер.-лейт., генер.-адъютантъ, воен. министръ, потомъ шефъ жандармовъ, р. 1804 г. Письмо къ нему гр. Ридигера объ улучшеніяхъ въ арміи 1856 г., 344—345.

Долгорукой, кн. Вас. Влад., посолъ въ Варшавѣ 1721 г., потомъ генер.-фельдмаршалъ, членъ верх. т. совѣта, р. 1667 † 1746 г., 5, 6, 10, 36, 39.

Долгорукой, кн. Влад. Петр., генер.-маіоръ, † 1761 г. Участіе въ засѣданіи комиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Долгорукой, кн. Григ. Алексѣев. Назначеніе его дѣлопроизводителемъ комиссіи по дѣлу Н. И. Новикова и спасеніе отъ бѣды в. кн. Павла Петровича, 157—158.

Домбровскій, польскій генералъ 1812 г. 342.

Домбровскій, аббатъ, директоръ пансіона въ Шатильонѣ для дѣтей поляковъ 1844—1845 гг., 706.

Доминикъ, содержатель ресторана, 470.

Доможировъ, Михаилъ, капитанармусъ л.-гв. Семенов. полка. Назначеніе его конвоировать Ив. Мошкова въ ссылку 1743 г., 199—202, 217.

Дочумминская, польская помѣщица 1793 г., 385.

Дризенъ, баронъ, 670.

Друцкой-Любецкій, князь Ксаверій Францов., гроднен. губерн. предводитель дворянства, потомъ министръ финансовъ въ Царствѣ Польскомъ, наконецъ дѣйств. тайн. сов. и членъ рос. госуд. совѣта, р. 1778 † 1846 г. Предложеніе его цесаревичу Константину Павловичу усмирить Варшаву и отказъ цесаревича, 698. Упом. 454.

Дунинъ-Вармовскій, офицеръ 1813 г., 438.

Дурново, Марія Серг., см. **Грибоѣдова**.

Дѣева, см. **Ламбертъ**.

Дѣевъ, генералъ, 343.

Дюшенуа (Екатерина-Жозефина Рафенъ), знаменитая париж. актриса 1814 г., р. 1780 † 1834 г., 655.

Е.

Евдокія Ѳедоровна, царица, первая супруга Петра Великаго, р. 1669 † 1731 г., 36.

Евреиновъ, Яковъ Матв., 484.

Евреиновъ, адъютантъ гр. Толя, 372.

Европеусъ, И. И., докторъ. Сообщ. эпизодъ изъ жизни гр. Толя, 372—375. Разсказы о Н. Н. Муравьевѣ, 181—184.

Библиотека "Руниверс"

Екатерина I, императрица. Замѣтка объ ея происхожденіи, 357—360. Бракосочетаніе съ Петромъ Великимъ, 767. Упом. 9, 30, 42.

Екатерина II, императрица. Отношенія ея къ Елизаветѣ Петровнѣ, 239. Вступленіе на престолъ, 227. Отношенія къ сыну, 153. Арестъ Волкова, 468. Командировка его въ Оренбургъ, 489. Переписка съ Волковымъ, 489—496. Отношенія къ дѣлу Угрюмовой, 558—571. Возраженіе на легенду о принцессѣ Шарлоттѣ, 360—370. Поступокъ съ Позднякомъ, 370—371. Разсказы объ императрицѣ, 154—158. Упом. 72, 241, 247, 253, 342, 589, 593, 606, 607, 663, 774.

Екатерина Іоанновна, царевна, герцогиня Мекленбургская, † 1733 г., 36.

Екатерина Павловна, великая княжна, въ перв. супруж. принцесса Ольденбургская, а во второмъ—королева Виртембергская, р. 1788 † 1818 г. Отношенія къ Н. М. Карамзину, 244—245.

Елагинъ, Ив. Перфил., дѣйств. стат. сов., об.-гофмейстеръ и сенаторъ, писатель, р. 1725 † 1796 г., 489.

Елена Павловна, великая княг., рожд. Фредерика-Шарлотта, принцесса Виртембергская. Обрученіе съ в. к. Мих. Павл., 65.

Елизавета, германская императрица, 361.

Елизавета Алексѣевна, императрица (Луиза-Марія-Августа), р. 1779 † 1826 г., 72, 250, 269, 439.

Елизавета Петровна, императрица. Распоряженія ея по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 1—42. Отношенія къ в. кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ, 239. Ссылка Бироновъ, 774. Указъ о маскарадахъ 1750 г., 775—776. Упом. 478, 479, 566.

Елисѣевъ, Карпъ, парикмахеръ, 786.

Еліашевичъ, братья, 50.

Еліашевичъ, Петръ Ѳед., впослѣд. директоръ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, 50.

Емельяновъ, Осипъ, рядовой 1712 г., 766, 767.

Ермаковъ, Никол. Андр., дѣйств. ст. сов., членъ управ. москов. музея, 594.

Ермолаевъ, 485.

Ермолаевъ, Александръ Иван., 250, 251.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., генер. отъ артил., членъ госуд. совѣта, р. 1777 † 1861 г. Разговоръ съ Александр. I въ 1814 г., 441. Извѣщеніе его гр. Нессельроде о назначеніи миссіи въ Персію 1818 г., 278—279. Письмо къ Мазаровичу 1819 г., 279—280. Къ А. С. Грибоѣдову 1820 г., 281—283, 285. Къ Аббас-мирзѣ 1820 г., 283—285. Письмо Мазаровича, 285—286. Письмо къ ген. Дивову, 286. Къ Нессельроде, 287. Къ И. И. Дибичу 1826 г., 290—291. Неудовольствіе императора Николая, 291. Дѣйствія на Кавказѣ, 134—152. Усмиреніе джарскихъ лезгиновъ 1829 г., 507—508. Разсказы о гр. Остерманѣ-Толстомъ, 430—431. Отношеніе къ подчиненнымъ, 446—448. Упом. 106, 290, 433, 440, 441, 536, 538, 539, 660, 661, 667, 719.

Ершовъ, Петръ Мих., гофъ-интендантъ, казненъ 1740 г., 239.

Есиповъ, Г. В. Сообщ. документы изъ временъ Петра Великаго и Анны Іоанновны, 766—771.

Ж.

Ж...., начальникъ II Почтоваго Отдѣленія 1853 г. Разсказъ о немъ, 303—304.

Жанлисъ, франц. писательница, 72, 238, 245.

Желиговскій, польскій поэтъ, 316.

Желтухинъ, генералъ 1826 г. Порученіе ему осмотрѣть Казанскій университетъ, 1826 г., 256. Упом. 274.

Желѣщиковъ, Алексѣй, сержантъ 1762 г., 231, 232.

Жирарденъ, Давидъ, содержатель пансіона 1797 г., 785.

Жирневичъ, Ив. Степ., отставн. генер.-маіоръ, р. 1789 † 1848 г. Записки его, 411—450; 642—664.

Жихаревъ, Степ. Петр., тайн. сов. и сенаторъ, р. 1788 † 1860 г., 243.

Жоффре, учит. франц. языка, издатель «Исторіи Государства Россійскаго» на французскомъ языкѣ, 48, 51, 57.

Жоховъ, Ѳедоръ, управитель Рыбинскихъ и Аносовскихъ приселій. Сообще-

Библиотека "Руниверс"

ніе имъ кн. А. Д. Меншикову указа о скупкѣ женскихъ волосъ 1712 г., 766—767.

Жуковскій, Василій Анд., писатель, р. 1783 † 1852 г. Отношенія къ Н. М. Карамзину, 46, 49, 63, 66, 67, 72, 75, 236, 237, 241, 243, 245, 247, 253, 254, 257, 261, 264, 265, 268, 476.

Жуковъ, адъютантъ Н. Н. Муравьева 1854 г., 107.

Журданъ, іезуит. патеръ, 58.

Журданъ, Луи, редакторъ газеты «Siècle», 740, 741, 742.

З.

Забѣлинъ, И. Е., историкъ 594.

Завадовскій, гр. Петръ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, впослѣд. мин—ръ народн. просвѣщ. и предсѣдатель департ—а законовъ, р. 1738 † 1812 г., 54.

Завадскій, мастеръ стекляннаго завода, 298.

Загибенинъ, купецъ 1797 г., 589.

Заикинъ, книгопродавецъ, 73.

Зайченко, И. И., коммерціи совѣтникъ. Пожертвованіе его въ пользу Московскаго музея, 593, 594.

Закревскій, гр. Аркадій Андр., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, финлянд. генер.-губернат., мин—ръ внутр. дѣлъ, москов. главнокомандующій и наконецъ, членъ госуд. совѣта, р. 1783 г. Назначеніе министромъ 1828 г., 683. Крайній формализмъ въ управленіи министерствомъ, 683—689. Дѣйствія во время холерной эпидеміи 1831 г., 694—695.

Залусскіе, графы, 473.

Залѣсскій, писатель, 707.

Замойскіе, графы, 353.

Замойскій, Андрей, одинъ изъ вождей польской смуты 1861 † 1874 г., 704.

Замятинъ, секретарь сената. Чтеніе имъ приговора участникамъ Лопухинскаго дѣла 1743 г., 193—196.

Заничъ, капитанъ 1827 г., 138.

Засс, кавказ. генералъ, 131.

Захаровъ, маіоръ 1809 г., 89.

Звѣревъ, Никита Мих., служитель, 770.

Зеленой, Александръ Алексѣев., ген.-адъютантъ, предсѣдатель управл. Москов. Историч. музея, 594.

Золотаревъ, Михаилъ, бывшій старшій адъютантъ при дежурномъ генералѣ главнаго штаба. Сообщ. замѣтки о генералахъ Герштенцвейгахъ, 544—549. Возраженіе на эти замѣтки, 724—726.

Золотухинъ, капитанъ, ротн. командиръ 1809 г., 89.

Зорничъ, поручикъ 1809 г., 91.

Зотовъ, купецъ-книгопродавецъ, 1797 г., 589.

Зотовъ, гр. Аникита Моисеев. (князь-папа), первый воспитатель Петра Великаго, потомъ думн. дворянинъ, посолъ въ Крыму, генер.-президентъ ближней канцеляріи и тайн. сов., 737.

Зотовъ (Захарушка), любимый камердинеръ Екатерины II. Заключеніе его въ крѣпость, 1797 г., 154.

Зубовъ, гр. Валеріанъ Александр., генер.-аншефъ, членъ госуд. сов., р. 1771 † 1804 г., 189, 606, 608, 610.

Зубовъ, гр. Никол. Александр., оберъ-штальмейстеръ, р. 1763 † 1805 г., 606.

Зубовъ, кн. Плат. Александр., генер.-фельдцейхмейстеръ, впослѣд. генер. отъ инфант. и шефъ перваго кадет. корпуса, р. 1767 † 1822 г., 189, 590, 606, 607. 609, 784.

Зубовы, графы, 384.

Зыбина, Дарья Александ., 210.

Зыбина, Марія Александ., 210.

Зыбина, Праск. Александр., 210.

Зыбинъ, Александ. Ефимов, оберштеръ-кригсъ-комиссаръ флота, 1743 г. Арестъ его по дѣлу Лопухиныхъ, 20. Допросы, 21—25. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 192. Чтеніе приговора и экзекуція, 193—197. Ссылка и житье въ ссылкѣ, 217, 218, 220—221. Упом. 3, 19, 32, 198, 208, 210, 212, 214.

Зыбинъ, Аѳанасій, премьеръ-маіоръ коман. Охотска, 1744 г. Доносы на него Новицкаго, 214—216.

Зыбинъ, Мих. Александр., капралъ л.-гв. Измайлов. полка 1743 г., 210.

Библиотека "Руниверс"

Зыковъ, Ив., сержантъ 1744 г., 217, 218, 219.

И.

Ивановъ, капитанъ 1809 г., 91.

Ивановъ, сельскій священникъ. Закрѣпощеніе ему дѣвушки 1803 г., 177—178.

Ивановъ, Илья, слуга, 22—24.

Ивашкинъ, москов. об.-полиціймейстеръ 1812 г., 551.

Ивашкинъ, прапорщикъ, сосланный за участіе въ заговорѣ въ пользу Анны Леопольдовны 1742 г., 27, 213.

Игельстромъ, гр. Осипъ Анд. (ОттонъГенрихъ), генер.-аншефъ, потомъ генер. отъ инфант., русскій уполномоченный въ Стокгольмѣ, потомъ въ Варшавѣ, р. 1737 † 1823 г. Командованіе авангардомъ 1793 г., 384, 385, 387.

Игнатьевъ, генер.-адъютантъ, 777.

Игнатьевъ, Степанъ Лукичъ, генер.-лейт., † 1747 г. Участіе его въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Измаилъ, сынъ наслѣдника персид. престола Аббас-мирзы, 498.

Измайловъ, Влад. Вас., литераторъ, р. 1775 † 1830 г., 476.

Измайловъ, Петръ, генер.-лейт. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Иловайскій, Алексѣй Вас., генер.-лейт., донской наказн. атаманъ 1821—1827 гг., 610.

Иловайскій, Д. И., историкъ, 594.

Иловайскій, Никол. Вас., премьеръ-маіоръ. Участіе въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 390, 391, 394, 396.

Инсарскій, Вас. Антон. Воспоминанія его: «Тревога въ Театральномъ управленіи» 1853 г., 303—314. Замѣтки на эти воспоминанія, 550—557.

Ираклій II, грузинскій царь, 283.

Истомина, танцовщица, 472.

І.

Іоаннъ IV Грозный, царь, р. 1530 † 1584 г., 53, 184.

Іоаннъ VI Антоновичъ, императоръ, р. 1740 † 1764 г. Заключеніе его въ Шлиссельбургскую крѣпость, 209. Упомин. въ дѣлѣ Лопухиныхъ, 1743 г., 5, 6, 8, 9, 10, 13, 26, 31, 36, 772.

Іоаннъ Георгъ VI, саксонскій курфирстъ 1698 г., 729.

Іорданъ, саксон. генер.-маіоръ 1698 г., 730.

К.

Кадій, французъ-учитель 1743 г., 212.

Казадаевъ, Александръ Вас., оберъ-прокуроръ сената 1822 г. Свидѣтельство о немъ Пржецлавскаго, 460—464.

Кази-мулла, дагестанскій проповѣдникъ 1831 г. Возмущеніе имъ жителей Дагестана, 508—515.

Кайсаринъ, начальникъ департ. мин. народн. просвѣщ. 1826 г., 251.

Каменскій, гр. Никол. Мих., генер. отъ инфант., главнокомандующій дунайскою арміею, р. 1776 † 1811 г. Пожалованіе графомъ и генералъ-фельдмаршаломъ 1797 г., 190.

Кампе, издатель «Дѣтскаго Чтенія» 1802 г., 46.

Кампенгаузенъ, бар. Балтасаръ Балтасаровъ., тайн. сов., членъ госуд. сов., государ. контролеръ, р. 1772 † 1823 г., 457.

Камынинъ, Лукьянъ Ив., офицеръ 1743 г., впослѣдствіи сенаторъ, † 1788 г. Арестъ его и допросъ по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 26, 27, 29, 85, 88, 89, 198.

Кандаурова, асессорша, 785.

Кантемиръ, кн. Анастасія Ив., см. принцесса **Гессенъ-Гомбургская**.

Кантемиръ, кн. Антіохъ Дмитр., посланникъ въ Лондонѣ и Парижѣ, писатель, р. 1708 † 1744 г., 46.

Кантемиръ, кн. Дмитрій Констант., полковникъ, р. 1749 † 1820 г., 10.

Кантемиръ, кн. Сергѣй Дмитр., бригадиръ, † 1797 г., 190.

Каподистрія, гр. Иванъ Антон., рос. ст.-секретарь, потомъ президентъ Греціи, р. 1776 † 1831 г. Представленіе ему Сербиновича, 52—53. Упом. 50, 55.

Библиотека "Руниверс"

Карабановъ, Пав. Ѳед. Ссылка на его біографич. списки ст.-дамъ и фрейлинъ русскаго двора въ XVIII ст., 285, 572.

Караваковъ, придворный живописецъ въ С.-Петербургѣ 1730 гг., 772.

Карамзина, Екат. Анд., жена историка, 49, 56, 61, 62, 64, 72, 75, 237, 243, 252, 254, 259, 264, 268, 269.

Карамзина, Екат. Никол., въ замуж. кн. Мещерская, 49, 61, 72, 73, 75, 247, 260, 261, 268.

Карамзина, Нат. Борис., жена прапорщика, 261.

Карамзина, Софья Никол., 49, 53, 58, 61, 72, 75, 238, 239, 260, 261, 268.

Карамзинъ, Александръ Мих., 257.

Карамзинъ, Алекс. Никол. О сказочкѣ, составленной имъ въ 8-ми лѣтнемъ возрастѣ, 66. Упом. 61.

Карамзинъ, Андрей Никол., 61.

Карамзинъ, Владим. Никол., 266.

Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ. Воспоминанія о немъ К. С. Сербиновича, 44—75; 236—271. Упом. 476, 453.

Карасевскій, Александръ Иван., чиновникъ 1826 г., 266.

Каратыгинъ, Петръ Андр., артистъ и писатель, 277, 555.

Каратыгинъ, Тимоѳей, слуга, привлеч. къ дѣлу Лопух. 1743 г., 210, 212.

Карлъ, швед. принцъ, 155.

Карлъ VI, императоръ Германскій, 361.

Карлъ XII, швед. король, 735—739.

Карлъ XIII (бывшій герцогъ Зюдерманландскій), швед. король. Письмо его къ Булатову 1809 г., 97.

Кармышинъ, поручикъ 1794 г., 394, 395.

Карновичъ, Евгеній Петр. Статья его о Маріи-Терезіи Угрюмовой, 558—571.

Карповъ, казац. полковникъ 1829 г., 505.

Карповъ, Иванъ, маіоръ 1794 г., 400, 405, 407.

Карташевскій, Григ. Иван., начальникъ отдѣленія коллегіи иностр. дѣлъ 1820 г., 58, 69, 70, 257, 260.

Карчевскій, полякъ, убитый въ день манифестаціи 18-го февр. 1861 г., 700.

Катенинъ, Александръ Андр., генер.-адъютантъ, командиръ Преображ. полка, потомъ товарищъ воен. министра и наконецъ оренбургскій генер.-губернаторъ, р. 1800 † 18.. г., 345, 726.

Кауницъ, гр. Венцеславъ-Антонъ, австр. госуд. канцлеръ, р. 1711 † 1794 г., 365.

Кауфманъ, Анджелика, портретистка, 745.

Каховскій, генер. отъ инфант. Пожалованіе ему графскаго достоинства и 2,000 душъ 1797 г., 190.

Каховскій, декабристъ. Совершеніе надъ нимъ казни 1826 г., 682.

Каховскій, Мих. Вас., генер.-аншефъ. Вступленіе его въ командованіе арміею 1792 г., 379. Командованіе арміей, 384.

Каховскій, Петръ Григ., юнкеръ, впослѣд. поручикъ, декабристъ, † 1826 г. Предсказаніе ему его участи, 179—180.

Качаловъ, Анд. Макс., прапорщикъ, новгород. помѣщикъ. Закрѣпощеніе имъ своей дѣвушки священнику за долгъ 1803 г., 177—178.

Качаловъ, Максимъ Вас., секундъ-маіоръ, новгород. помѣщикъ, 177.

Квебекскій, епископъ, 363.

Квятковскій, чиновникъ, потомъ луцкій городничій. Разсказъ о поступкѣ съ нимъ императора Павла, 174—176.

фонъ-Кейзерлингъ, Георгъ-Іоганнъ, представитель прусскаго короля при дворѣ Петра Великаго, † 1711 г. Ссора съ кн. Меншиковымъ въ 1707 г., 738—739.

Келхенъ, генер.-маіоръ. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 786.

Кемпбель, секретарь англ. посольства въ Персіи 1828 г., 298, 533.

Кеневичъ, В. Ѳ. Сообщ. двѣ записки императора Николая къ П. В. Голенищеву-Кутузову о Магницкомъ 1825 г., 273—274.

Кенигсмаркъ, гр., см. гр. **Варбекъ**.

Кеппенъ, Н. П. Сообщ. письма К. Ѳ. Аделунга 1727—1828 гг., 277.

Кикдерманъ, генер.-маіоръ 1745 г., 221.

Библиотека "Руниверс"

Киреевъ, управляющій конторою с.-петерб. театровъ 1853 г. Замѣтки о немъ, 308—314.

Кириковъ, 491.

Кириллъ, архимандритъ Троицко-Сергіевскаго монастыря. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 42, 192.

Кирѣевскій, собиратель русскихъ народн. бытовыхъ и историч. пѣсень, 779.

Кирѣевскій, Иванъ, тверской воевода 1738 г. Отвѣтъ его на присланный ему указъ о поимкѣ галки, 775.

Киселевъ, гр. Пав. Дмитр., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, членъ госуд. сов. и министръ госуд. имуществъ, р. 1788 † 1872 г., 537.

Кламъ-Галласовы, графы, 354

Кламъ-Мартиницы, 354.

Клейнмихель, гр. Петръ Анд., генер.-адъютантъ, генер. отъ инфант., главноуправлявшій путями сообщеній, 121, 347, 379, 376.

Клѣпель, польскій лаборантъ 1711 г., 733.

Климашевскій, профессоръ Вилен. универс. 1830 г., директоръ шатильон. пансіона для дѣтей поляковъ 1846—1853 г., 706.

Клингспоръ, гр. Вильгельмъ, шведск. гофмаршалъ 1809 г. Письмо къ нему отца, 96.

Клингспоръ, гр. Морицъ, швед. фельдмаршалъ 1809 г. Письмо его къ сыну о плѣненномъ Булатовѣ, 96. Упом. 83.

Клостерманъ, содержатель книжнаго магазина, 47.

Клюки-фонъ-Клюгенау, Карлъ, маіоръ, † 1817 г., 134.

Клюки-фонъ-Клюгенау, Николай Франц., полковникъ и командиръ 155-го пѣхот. Кубанскаго полка. Сообщ. записки своего отца, 131—152.

Клюки-фонъ-Клюгенау, Францъ Карловъ., генер.-лейт., р. 1791 † 1850 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ и очеркъ дѣйствій его на Кавказѣ 1818—1850 г., 131—152; 497—515.

Кобеко, Д. Ѳ., тайн. сов., членъ управленія Москов. музея, 594.

Ковалинскій, рязанскій гражд. губернаторъ, 583.

Кожина, Марья Серг., см. **Туровская**.

Кожуховъ, членъ совѣта главноначальств. въ почтовомъ вѣдомствѣ 1853 г., впослѣд. москов. почтъ-директоръ, 304, 666.

Козловъ, Иванъ, генер.-маіоръ. Участіе въ засѣданіи коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Козлиновъ, полковн. Участіе въ воен. сов. въ Севастополѣ 29 іюля 1855 г., 333.

Козминъ, Василій, прапорщикъ 1743 г., 210.

Коковинскій, Никита, капит.-поручикъ 1743 г. Приказъ ему произвести обыскъ въ домѣ С. Лопухина, 25, 27.

Кокоревъ, Вас. Александр., 121.

Коленкуръ, франц. посланникъ, 643.

Колобовъ, Елизаръ, прапорщикъ 1744 г., 223, 224.

Колокольцева, Екат. Ѳед., см. **Муравьева**.

Колычевъ, Степ. Степ., адъютантъ 1743 г. Допросъ его по дѣлу Лопухиныхъ, 22, 24, 27, 28, 29. Исключеніе изъ полка и разжалованіе въ подпоручики 197. Упом. 18, 23, 31, 35, 38, 212.

Комаржевскій, графъ, генералъ, любимецъ короля Станислава Понятовскаго. Участіе его въ дѣлѣ Угрюмовой, 562—565; 567—570.

Комаровскій, гр. Евграфъ Ѳедот., генер. отъ инфант., генералъ-адъютантъ, командиръ отдѣльн. корпуса внутренней стражи, сенаторъ, † 1843 г. Пожалованіе ему ордена Александра Невскаго 1825 г., 259. Упом. 257.

Конде, принцъ Людвигъ-Генрихъ-Іосифъ, герцогъ Бурбонскій, р. 1756 † 1830 г. Замѣтка о немъ, 653—654.

Кондратьевъ, Дмитрій, служитель, 220.

Коковаловъ, Антонъ, слуга, 224—226.

Кононовъ, И. А., коммерціи совѣтникъ. Пожертвованіе его въ пользу Москов. Историческ. музея, 593—594.

Коноплевъ, чиновникъ 1828 г., 584, 587, 588.

Константинъ Павловичъ, цесаре-

Библиотека "Руниверс"

вичъ. Присяга ему, какъ императору, 254, 673. Дѣйствія во время мятежа 1831 г., 693. Упом. 104, 117, 190, 256, 257, 348, 354, 420, 432, 448, 634, 691, 784.

Конта, франц. актриса, † 1847 г., 656.

Контский, Аполинарій, директоръ варшав. консерваторіи 1861 г., музыкантъ, 713.

Коробьинъ, офицеръ 1813 г., 446.

Коровинъ, Степ. Яковл., ярослав. комендантъ 1712 г., 766, 767.

Корфъ, маіоръ 1743 г., 27, 28.

Корфъ, гр. Модестъ Анд. Ссылка на книгу его: «Жизнь графа Сперанскаго», 160. Упом. 473.

Косаговъ, Иванъ, генер.-маіоръ. Участіе въ засѣданіи коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41,

Коссаковскіе, 353.

Костенецкій, генер.-маіоръ 1813 г., 423.

Костюринъ, Ив. Ив., 484, 485.

Костюшко, Ѳаддей, предводитель польскихъ конфедератовъ. Командованіе войсками во время польской войны и плѣненіе, 342, 387, 388, 405—409, 601—604, 716, 784.

Кохановъ, генер.-маіоръ 1831 г., 509.

Кочубей, гр. Викт. Павлов., мин—ръ внутр. дѣлъ, предсѣдатель госуд. сов. и коми—та мин—ровъ и наконецъ госуд. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., 56, 63, 264, 566, 665.

Краевскій, Андр. Александр., издатель «Голоса». Сообщ. записку относительно «Лопухинскаго» дѣла, 3. Сибирскую пѣсню, 185—186.

Красновъ, секундъ-маіоръ 1794 г. Участіе его въ войнѣ съ Польшею, 380, 383, 388, 391.

Красномилошевичъ, Вас. Ив., кіевскій губернаторъ 1795 г., 608.

Красовскій, Аѳан. Иван., генер.-адъютантъ, генер. отъ инфант., командиръ 1-го пѣхотн. корпуса, † 1843 г., 749.

Крейцъ, бар. Кипріанъ Антон. (впослѣд. графъ), генер. отъ кавал., командиръ втораго пѣхотн. корпуса, р. 1778 † 1850 г. Рапортъ ему отъ генер.-лейтен. Н. С. Сулимы 1832 г., 180.

де-Кремп, маркиза, 360.

Кречетниковъ, президентъ ревизіонному коммиссіи въ Москвѣ 1743 г., 210.

Кронебергъ, Леопольдъ, членъ варшавской делегаціи 1861 г., 708, 709.

Кронштетъ, швед. военоначальникъ 1809 г., 83.

Кропотовъ. По поводу составленной имъ біографіи гр. М. Н. Муравьева, 99—114.

Крыловъ, Иванъ Анд., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 46, 63, 475, 476.

Крюгеръ, саксон. токарь. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ 1711 г., 731.

Кубецкій, черниговскій протоіерей, Поданное имъ императору Александру I прошеніе 1803 г. и резолюція на него, написанная Г. Р. Державинымъ, 376.

Кузьминъ, Андрей, сторожъ 1797 г., 188.

Кузьминъ-Караваевъ, владим. губерн. предводитель дворянства. Награжденіе его императ. Павломъ, 171.

Куликовскій, надворн. совѣтн. 1797 г., 786.

Кульневъ, командиръ авангарда въ 1809 г., 83.

Кульневъ, Яковъ Петр., маіоръ, впослѣдствіи генералъ и партизанъ. Разсказъ о немъ изъ временъ Павла I-го, 170—171.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., посланникъ въ Парижѣ, потомъ об.-шталмейстеръ, сенаторъ и конференц-министръ, р. 1697 † 1749 г. Подписалъ приговоръ по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Куракинъ, кн. Александръ Борис., дѣйств. тайн. сов. и вице-канцлеръ, посланникъ въ Вѣнѣ, потомъ въ Парижѣ 1808—1812 гг., р. 1752 † 1818 г. О письмѣ къ нему С. Р. Воронцова, 20. Пожалованіе ему имѣнія 1797 г., 190.

Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., генер.-прокуроръ, р. 1759 † 1829 г., 159, 788.

Куракинъ, кн. Борисъ Ив., дѣйств. тайн. сов., гв. подполковникъ, посланникъ въ Лондонѣ, Ганноверѣ и Парижѣ, р. 1677 † 1727 г., 362.

Курбскій, кн. Анд. Мих., боярин., воевода, р. 1529 † въ 1850-хъ гг., 238.

Библиотека "Руниверс"

Куржинка, предсѣдатель польск. съѣзда въ Гамбургѣ 1861 г., 709.

Курнатовъ, командиръ казац. полка 1799 г., 613.

Курцъ, Александръ, членъ варшавской делегаціи 1861 г., 709.

Кутайсовъ, Ив. Павл., гардеробмейстеръ, впослѣд. об.-шталмейстеръ и графъ, † 1834 г. Отношенія къ гр. И. А. Остерману, 579—580. Упом. 165, 168.

Кутузовъ, Иванъ, капит.-поручикъ 1743 г. Приказъ ему произвести обыскъ въ домѣ гр. Бестужевой-Рюминой, 25, 27.

Кучловскій, полковой докторъ 1813 г., 430.

Кушелевъ, москов. комендантъ 1797 г., 189.

Кюхельбекеръ, Вильгельмъ Карл., поэтъ, декабристъ, р. 1797 † 1846 г. Помѣтка его, 676—677.

Л.

Лабзинъ, переводчикъ, 476.

Лавровъ, сенаторъ, завѣдыв. секретною частью въ министерствѣ внутр. дѣлъ 1825 г., 673,

Лавровъ, корпус. командиръ 1813 г., 420.

Лагода, генералъ-контролеръ военно-счетнаго отдѣленія 1822 г., 457.

Ладыгинъ, командиръ сводной роты, полковникъ. Участіе въ войнѣ 1813 г., 414, 415, 417, 418, 438, 443—445, 447, 449, 450, 644, 650, 658, 659, 661.

Ланэ (François Loy dit Loys), франц. пѣвецъ, р. 1758 † 1827 г. Замѣтка о немъ, 648—649.

Ламартинъ, франц. писатель, 243.

Ламбертъ, графиня, рожд. Дѣева, 343.

Ламбертъ, гр. Іосифъ, 343.

Ламбертъ, гр. Карлъ Осип., генер. отъ кавал. генер.-адъютантъ, сенаторъ, командующій кавал. корпусомъ, р. 1773 † 1843 г. Біографическая замѣтка о немъ и перечень его военныхъ заслугъ, 342—343, 537. Послѣдніе годы жизни въ селѣ Цицлеровкѣ, 722—724.

Ламбертъ, гр. Карлъ Карл., намѣстникъ Царства Польскаго 1861 г. Характеристика его, 119, 120, 330. Назначеніе намѣстникомъ, 129 — 130. Біографическія свѣдѣнія, 339—346. Управленіе Польшей, 699—721. Упом. 116. 614, 726.

Ламбертъ, гр. Як. Осип., полтав. помѣщикъ 1840 г., сенаторъ, р. 1778 г., 722.

Ланские, братья, офицеры л.-гв. кирас. полка. Дѣло объ оскорбленіи ими Анны Ивановны Лопухиной 1743 г., 211—212.

Ланской, Александ. Дмитр., генер.-поручикъ, генер.-адъютантъ, фаворитъ Екатерины II, р. 1758 † 1784 г., 784.

Ланской, Вас. Дмитр., 258.

Ланской, Вас. Серг., дѣйств. тайн. сов., президентъ Царства Польскаго, управляющій мин—ствомъ внутрен. дѣлъ, членъ госуд. совѣта, р. 1762 † 1831 г. Управленіе министерствомъ, 665 — 682. Назначеніе предсѣдателемъ коммиссіи о постройкѣ Исакіевскаго собора, 683. Упом. 454, 689.

Лапшинъ, подмастерье стеклян. завода, 298.

Ларіоновъ, Герасимъ, 775.

Латышевъ, генер.-маіоръ, владим. коменд. Награжденіе его импер. Павломъ, 171—172.

Лачиновъ, А. П., 275.

Лащилинъ, маіоръ, полковой команд. 1794 г., 401.

Левашовъ, капитанъ 1814 г., 660.

Левенвольде, гр. Карлъ-Рейнгольдъ, об.-гофмаршалъ правительницы Анны Леопольдовны, сосланъ въ 1742 г., † 1758 г. Отношенія къ Н. Ѳ. Лопухиной, 2, 4, 32. Упом. 7, 18, 35, 193, 194, 207, 208, 222.

Левенгауптъ, графиня, 729.

Ледоковъ, Андрей служитель 1744 г., 215.

Ледуховскій, графъ, 706.

Леклеркъ, 560.

Леклеркъ, Марія-Терезія, см. **Угрюмова**.

Лелевель, депутатъ отъ Варшавы къ цесаревичу Константину 1830 г., 62, 706.

Ленци, Франсуа, купецъ 1797 г., 599.

Леонтьевъ, капитанъ 1809 г., 82, 84, 85, 86, 87, 90.

Леопольдовъ, Андрей, кандидатъ словесн. наукъ Москов. университета. Сенат-

Библиотека "Руниверс"

скій указъ по дѣлу его объ элегіи «Андре Шенье» 1828 г., 584—588.

Лестевангъ, графъ, саксон. камергеръ, минералогъ 1711 г., 722, 733, 734.

Лестокъ, лейбъ-медикъ императрицы Елизаветы Петровны. Интриги въ отношеніи гр. А. П. Бестужева-Рюмина и возникновеніе по этому поводу извѣстн. «Лопухинскаго дѣла», 1—3, 6. Имен. указъ ему по дѣлу Ивана Лопухина 1743 г., 6—7. Допросъ обвиненныхъ, 8—39. Подпись приговора, 42, 192, 202. Составленный для него экстрактъ изъ дѣла Лопухиныхъ его, 207—209. Ссылка его въ Угличъ 1750 г., 233. Смерть 1767 г., 234. Упом. 202.

Лестреленъ, франц. подданный, 473.

Лестреленъ, Нимфодора Сем., см. Семенова.

Лефортъ, Францъ Яковл., генер.-адмиралъ, любимецъ Петра Вел., 728.

Лещовъ, гусаръ 1809 г., 86.

Либгардъ, кам.-юнкеръ 1743 г., 9.

Либштейнъ, полковникъ 1813 г., 426.

Ливенъ, кн. Христоферъ Анд., генер.-адъютантъ, генер. отъ инфант., посолъ въ Лондонѣ, потомъ членъ госуд. совѣта, р. 1773 † 1838 г., 534.

Ливіо, капиталистъ, 261.

Лидерсъ, генералъ, корпусн. командиръ 1837 г., 538, 726.

Лидерсъ, намѣстникъ Царства Польскаго, 116.

Лиліенфельдъ, ротмистръ 1743 г. Допросъ его по дѣлу Лопухиныхъ, 23, 24, 32. Исключеніе изъ полка и разжалованіе въ капитаны, 197.

Лиліенфельдъ, Карлъ, камергеръ 1743 г. Допросъ его по подозрѣнію въ участіи въ Лопухинскомъ дѣлѣ, 3, 19. 24, 31, 39, 203. Отъѣздъ съ женою въ ссылку, 204. Житье въ Томскѣ и смерть, 222—227.

Лиліенфельдъ, Марія Карл., 224, 227.

Лиліенфельдъ, Николай Карлов., 224, 227.

Лиліенфельдъ, Софья Вас., рожд. кж. Одоевская, бывшая фрейлина правительницы Анны Леопольдовны. Арестъ ея и допросы по дѣлу Лопухиныхъ, 22—24, 29, 38, 39. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 192. Отправленіе въ ссылку, 203—204. Житье въ ссылкѣ, 222—227. Упом. 209, 210.

Линдль, нѣмец. проповѣдникъ, 68.

Липранди, генералъ 1855 г., 331.

Ліеманъ, 1765 г., 496.

Лобачевъ, казац. сотникъ 1808 г., 87, 90.

Лобановъ-Ростовскій, министръ юстиціи, 58.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Алексѣй Борисовичъ, статсъ-секретарь, товарищъ министра внутр. дѣлъ. Объ имѣющемся въ его собраніи портретѣ Н. Ѳ. Лопухиной, 43. Упом. 177.

Лобри, Петръ, камердинеръ императрицы Анны 1730 г., 769.

Логиновъ, домовладѣлецъ 1797 г., 187.

Ломоносовъ, Мих. Вас., писатель, академикъ, р. 1711 † 1765 г., 46, 244.

Лонгиновъ, Мих. Никол. Ссылка на указаніе его о годѣ рожденія А. С. Грибоѣдова, 300. Сообщ. изъ своихъ Воспоминаній свѣдѣнія о Ѳедорѣ Николаевичѣ Оберѣ, 50—557.

Лопухина, А. А., рожд. кж. Юсупова, 232.

Лопухина, А. В., рожд. Панина, 233.

Лопухина, Анаст. Степ., въ замуж. гр. Головина, † 1799 г., 33, 232.

Лопухина, Анна Степ., † 1776 г., 232.

Лопухина, Анна Иван. Дѣло объ оскорбленіи ея Ланскими 1743 г., 211—212.

Лопухина, кж. Анна Петр., въ замуж. кн. Гагарина, р. 1777 † 1805 г. Разсказъ о ней, 173.

Лопухина, Нат. Ѳед., рожд. Балкъ, р. 1699 † 1763 г., ст.—дома. Подробный историч. очеркъ ея дѣла 1743 г. Обвиненіе, арестъ, допросъ и пытки, 1—40. Приговоръ, 41—43. Чтеніе приговора и экзекуція, 192—197. Отправленіе въ ссылку, 198—204. Пребываніе въ ссылкѣ, 230. Принятіе православія, 231. Возвращеніе изъ ссылки и смерть, 232. О портретѣ ея, 43. Упом. 208, 209, 222.

Лопухина, Праск. Степ., въ замуж. кн. Голицына, р. 1734 † 1763 г., 33, 232.

Лопухинъ, офицеръ. Разсказъ о немъ, 172—173.

Библиотека "Руниверс"

Лопухинъ, Авраамъ Степ., генер. поруч., † 1794 г., 33, 203, 232.

Лопухинъ, Вас. Абрам., генералъ-аншефъ, † 1757 г., 217.

Лопухинъ, Владиміръ Иван., генер.-поручикъ, р. 1708 † 1797 г., 30.

Лопухинъ, Владиміръ, мартинистъ, 158.

Лопухинъ, Ив. Степ., подполковникъ, † въ 1750-хъ гг. Доносъ на него Бергера, преданіе его суду, допросъ, пытки и показанія 1743 г., 2—88. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 192. Чтеніе приговора экзекуція, 195—197. Отправленіе въ ссылку, 198 — 204. Жизнь въ ссылкѣ, 213—216. Смерть, 217. Упом. 207.

Лопухинъ, Никита Гавр., контръ-адмиралъ. Допросъ его по дѣлу Степана Лопухина, 32—33, 34.

Лопухинъ, Никол. Степ., 211.

Лопухинъ, кн. Пав. Петр., генералъ-лейтенантъ, р. 1790 † 1873 г., 232.

Лопухинъ, свѣтл. кн. Петръ Васил., генер.-поручикъ и генер.-губернаторъ яросл. и вологод., потомъ тайн. сов. и генер.-прокуроръ сената, наконецъ предсѣдатель госуд. сов. и ком-та министровъ, р. 1753 † 1827 г., 30, 159, 173.

Лопухинъ, Степ. Вас., вице-адмиралъ, генер.-кригсъ-комиссаръ флота, † 1748 г. Арестъ его 1743 г., 27. Допросы и пытки, 35—38. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 191—192. Чтеніе приговора и экзекуція, 193—197. Отправленіе въ ссылку, 198—204. Конфискація имущества, 209—210. Дѣло о подозрительномъ письмѣ, 210—212. Житье въ ссылкѣ и смерть, 229. Упом. 3, 18, 25, 30, 31, 32, 208, 209, 331.

Лопухинъ, Сергѣй Степ., 208.

Лопухинъ, Степ. Степ., дѣйств. камергеръ, р. 1732 † 1784 г., 33, 233.

Лузановъ, офицеръ 1826 г., 141.

Лудвиньянъ, австр. генералъ 1799 г., 626, 638.

Луцкій, В. Сообщ. разсказъ объ Екатеринѣ II и Позднякѣ, 370—371.

Львовъ, Сергѣй Лаврент., любимецъ кн. Потемкина, 617.

Лѣствицынъ, В. И. Сообщ. пѣснь о самозванцѣ Бѣлобородовѣ, 782.

Любецкій, князь, 454, 665.

Любичевъ, казац. сотникъ 1868 г., 81.

Любомирская, княгиня, 1780-хъ гг., 564.

Людовикъ XIV, франц. король, 679.

Людовикъ XV, франц. король, 60, 360, 652, 743.

Людовикъ XVI, франц. король, 652, 653, 743.

Людовикъ XVIII, король франц. Въѣздъ его въ Парижъ 1814 г. и біографическая замѣтка о немъ, 653—654. Упом. 652, 658.

Людовикъ-Филиппъ, король франц., 317, 653.

Люксембургъ, госпожа, 368.

Лялинъ, кам.-юнкеръ 1743 г., 5, 9, 23, 38.

М.

Магницкій, Мих. Леонт., попечитель Казанскаго университета, дѣйств. стат. сов. Увольненіе его и высылка изъ Петербурга, 255—256. Ревизія Казанскаго университета и высылка въ Ревель, 273—275. Переѣздъ въ Одессу, послѣдніе годы жизни и смерть, 275. Упом. 68, 476.

Магницкій, Мих. Мих., адъютантъ гр. Витта 1834 г., 274—275.

Мадалинская, см. Герштенцвейгъ.

Мадалинскій, генералъ, бригадн. начальникъ польскихъ войскъ 1794 г. Военныя дѣйствія его, 349, 386—389.

Мадатовъ, кн. Валер. Григ., генер.-лейт., р. 1782 † 1828 г. Дѣйствія на Кавказѣ, 499—501. Упом. 281, 139, 149, 151.

Маевскій, Карлъ, членъ польской делегаціи 1861 г., 709.

Мазаровичъ, Семенъ Иван., генералъ, русскій повѣренный при персид. дворѣ 1818 г. Письмо къ нему Ермолова 1819 г., 279—280. Письмо къ Ермолову, 285—286. Упом. 278, 284, 287.

Мазепа, Иванъ, малорос. гетманъ, 738.

Майборода, подполковникъ, донесшій на декабристовъ 1825 г., 512, 677.

Макаровъ, Михаилъ Никол., писатель, 157.

Макдональдъ, англ. посланникъ при персид. дворѣ 1828 г., 534, 752, 761, 762, 763.

Маккиль, докторъ, 1828 г., 528.

Библиотека "Руниверс"

Максимовъ, Алексѣй Мих., актеръ, 312.
Максудъ, мирза, 282, 283.
Малеруссовъ, Николай, слуга, 224.
Малиновскій, директоръ пансіона въ Шатильонѣ для дѣтей поляковъ 1845—1846 гг., 252, 706.
Малиновскій, поручикъ 1808 г., 89.
Малчевская, дѣвица, 414.
Мальмбергъ, воен. докторъ 1828 г., 298.
Мальцовъ, Иванъ Сергѣевичъ. Назначеніе его секретаремъ посольства въ Тегеранъ 1828 г., 526. Письмо къ Аделунгу 1829 г., 276—277. Упом. 292, 294.
Малюковъ, домовладѣлецъ, 190.
Мамедъ-Али-мирза, сынъ персидскаго шаха, правитель Кирманшаха 1820 г., 151, 282, 498.
Мамедъ-Таги, сынъ персид. шаха, 765.
Мамедъ-ханъ, персидскій сановникъ 1828 г., 149, 297, 298.
Мамедъ-Эминъ-ханъ, персид. сановникъ 1828 г., 532.
Маметевъ, Тихонъ, кормовой 1712 г., 767.
Мареппа, франц. морской министръ, 1639 г., 368.
Марія-Терезія, австр. императрица 209, 365.
Марія Ѳедоровна, императрица. Посѣщеніе Карамзина, 267. Появленіе въ сновидѣніяхъ Рахили Д-З., 318, 319, 320, 322, 324, 325, 329. Упом. 72, 154, 175, 176, 238, 249, 250, 252, 255, 589.
Марковъ, подполковникъ 1813 г., 422.
Марковъ, гр. Аркадій Ив., тайн. сов., членъ иностр. коллегіи, р. 1747 † 1824 г. 562.
Марковъ, гр. Ираклій Ив., ген.-маіоръ 1794 г., потомъ генер.-лейт. и инспекторъ кавказ. инспекціи, наконецъ начальникъ московскаго ополченія, р. 1753 † 1829 г. Участіе въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 381, 382.
Марсъ, Анна-Ипполита-Франциска Бутe, франц. актриса, р. 1779 † 1847 г., 656.
Мартинау, генералъ, 1855 г., 331.
Мартыновъ, Александръ Евстафьев., актеръ, † 1860 г., 555.
Матюшкинъ, Мих. Аѳан., деньщикъ Петра Великаго, генер.-аншефъ, р. 1676 † 1737 г., 770.
Махмудъ, сынъ персид. шаха, 765.
Машкевичъ. О дневникѣ его, 66, 73.
Маюровъ, А. И.. 275.
Медосытовъ, подполковникъ 1808 г., 85, 86, 89, 90.
Меласъ, главнокомандующій австрійскою арміею 1799 г., 624, 626, 628, 629.
Мельгуновъ, Алексѣй Петр., дѣйств. тайн. сов., ярослав. и вологод. генер.-губернаторъ, 480, 482.
Мельгуновъ, Петр., ген.-маіоръ. Участіе въ засѣданіи коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г, 41.
Менгденъ, Юлія, фрейлина правительницы Анны Леопольдовны, р. 1719 † 1786 г., 25, 38, 39, 196, 209.
Менони-ди-Петро, вдова, 437.
Меншикова, Анна Данил., въ замуж. гр. Дивіеръ. Письмо къ ней брата 1705 г., 357—358.
Меншикова, кн. Дарья Мих., рожд. Арсеньева, р. 1682 † 1728 г. Письмо къ ней жениха, 357—358. Упом. 360.
Меншиковъ, домовладѣлецъ, 187.
Меншиковъ, кн. Александ. Данил., генералиссимусъ, президентъ воен. коллегіи, сенаторъ, членъ верховн. тайн. совѣта и с.-петербург. генер.-губернаторъ, р. 1673 † 1729 г. Письмо его къ сестрѣ о присылкѣ къ нему Екатерины Трубачевой 1705 г., 357—358. Ссора его съ Кейзерлингомъ 1707 г., 738—739. Указъ ему о скупкѣ женскихъ волосъ 1712 г.. 766—767. Упом. 202, 359, 360, 769.
Меншиковъ, кн. Александръ Серг., адмиралъ, генер.-адъютантъ, финлянд. генер.-губернат., главнокоманд. войсками въ Крыму и членъ госуд. совѣта, р. 1787 † 1869 г., 87, 90, 430.
Меншиковъ, Гавриила, 1706 г., 737.
Меркуловъ, управляющій однимъ изъ акцизныхъ губерн. округовъ, 548.
Мероппа, франц. писатель, 656.
Мерсій, австр. посолъ при русскомъ дворѣ, 481.

Библиотека "Руниверс"

Мерхилевичъ, артил. генералъ, варшавскій военный генералъ-губернаторъ 1861 г., 117, 340, 347.

Мерцаловъ, А. Сообщ. пѣсню объ Іоаннѣ Грозномъ въ Вологдѣ, 184—185.

Мехти-Кули-ханъ Карабагскій 1822 г., 149, 281, 282, 509.

Мещерская, кн. Екат. Никол., см. **Карамзина**.

Мижуевъ, купецъ, 65, 266.

Мижуевъ, домовладѣлецъ, 698.

Миклашевскій, полковникъ 1831 г., 141, 509, 510.

Миллеръ, писатель, 250, 359, 360.

Миллеръ, Генріетта, франкфуртская актриса 1813 г., 439.

Милорадовичъ, гр. Мих. Анд., с.-петерб. воен. губернаторъ, † 1825 г. Усмиреніе декабристовъ, 257. Смерть, 258, 674. Упом. 63, 256, 440, 441, 623, 652, 677.

Милютинъ, Дм. Алексѣев., воен. писатель, воен. министръ. Ссылки на его «Истор. Рос. Ав. камп.» 1799 г., 613, 618, 621, 626, 629, 634, 726.

Минаевъ, бомбардиръ 1813 г., 433.

Минихъ, графиня, см. **Вольфсмейль**, 787.

Минихъ, гр. Бурхардъ-Христоферъ, генер.-фельдмаршалъ, р. 1683 † 1767 г., 2, 193, 207.

Минихъ, Іоаннъ-Эрнстъ, об.-гофмейстеръ, д. т. сов., р. 1708 г., 18.

Мирза-Абулъ-Хасанъ-ханъ, совѣтникъ тайныхъ дѣлъ персид. двора, персид. посолъ въ Петербургѣ 1814 г., 282, 284.

Мирза-Везюргъ, каймакамъ и дядька Аббас-мирзы, 284.

Мирза-Джафаръ, 530, 531, 746.

Мирза-Масудъ, ст.-секретарь и главный переводчикъ Аббас-мирзы 1828 г., 528, 750.

Мирза-Фетх-Али (Ахундовъ), нынѣ полковникъ. Поэма его на смерть А. С. Пушкина, 1837 г., 76—79.

Мирковичъ, виленскій генер.-губернаторъ 1848 г. Предписаніе ему Паскевича произвести освидѣтельствованіе умственныхъ способностей Ив. Рахили Д.-З., 318.

Мироновъ, маіоръ 1799 г., 626, 633.

Мирославскій, директоръ гимназіи для дѣтей поляковъ, 706, 707, 709. Предводитель польской эмиграціи 1861 г., 339.

Митишевъ, Василій, капитанармусъ 1757 г., 230.

Михаилъ Николаевичъ, великій кн., главнокомандующій кавказскою арміею и намѣстникъ кавказскій. Обнародованное отъ имени Его Высочества приглашеніе сообщать матеріалы для исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ, 598—600.

Михаилъ Павловичъ, великій князь. Обрученіе его, 65. Сопровожденіе тѣла импер. Александра Павловича, 262. Предсѣдательство въ коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла о холерномъ бунтѣ 1831 г., 696. Упом. 588, 674.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, 59, 243, 593.

Михайловъ, маіоръ 1826 г., 141.

Михайловъ, Мих. Кузьмичъ, директоръ канцел. мин—ства внутр. дѣлъ 1824 г., 665, 669.

Мицкевичъ, польскій поэтъ, 706, 707, 717.

Молчановъ, прапорщикъ. Рѣшеніе суда по участію его въ дѣлѣ объ элегіи «Андре Шенье», 1828 г., 584—588.

Молчановъ, командиръ казац. полка 1799 г., 613, 623, 625, 629, 634.

Монготье, въ замуж. Ѳедорова, 553.

Монморанси-Лаваль, епископъ Квебекскій 1639 г., 368.

Монсъ, Анна Ив., † 1711 г., 2, 20.

Монсъ, Вилимъ Ив., камергеръ, казненъ 1724 г., 2, 20, 33.

Монсъ, Модеста, бабка Н. Ѳ. Лопухиной, 33.

Монтрезоръ, маіоръ Тифлис. мушкетер. полка 1829 г., 297.

Монюшко, композиторъ, 714.

Мордвиновъ, капитанъ, смотритель госпиталя. Арестъ его за неисполненіе приказанія начальника, 182.

Мордвиновъ, гр. Никол. Семен., адмиралъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи и морской министръ, р. 1753

Библиотека "Руниверс"

† 1845 г. Покровительство его Турчаниновой, 669. Упом. 63, 257.

Морена, французъ, 363.

Моро, франц. маршалъ 1812 г., 430, 632.

Москалевъ, Борисъ, прапорщикъ. Донесенія его сенату о Лилiенфельдахъ 1759—1762 гг., 227.

Мосолини, итальянецъ, переводчикъ Исторіи Карамзина, 59.

Моцартъ, композиторъ, 463.

Мошинскій, гр. Августъ, корон. стольникъ 1782 г. Донось Угрюмовой о заговорѣ противъ короля Станислава-Августа, 561.

Мошковъ, Иванъ, гв. поручикъ 1743 г. Арестъ и допросъ его по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 17—19, 23—24, 25—26, 31. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 192. Чтеніе приговора и экзекуція, 193—198. Отправленіе въ ссылку, 199. Упом. 208, 210, 212, 217, 220.

Муравьева, Софія Ѳедор., рожд. Ахвердова. Замѣтка о ней, 543.

Муравьева, Екат. Ѳед., рожд. Колокольцева, р. 1771 † 1848 г., 48, 59, 60, 72, 254.

Муравьева, Наталья Григ., рожд. гр. Чернышева. Замѣтка о ней, 543. Упом. 111.

Муравьевъ, Андрей Никол., дѣйств. стат. сов., камергеръ, р. 1805 † 1874 г., 539.

Муравьевъ, гр. Мих. Никол., генер. отъ инфант. мин—ръ госуд. имуществъ, вилен. генер.-губернаторъ р. 1796 † 1866 г. Усмиреніе смуты въ Литвѣ, 99, 123, 124. Упом. 468, 539

Муравьевъ, Никита Мих., декабристъ, р. 1796 † 1843 г., 60.

Муравьевъ, Никол. Никол., основатель школы колоновожатыхъ, генер.-маіоръ, † 1840 г., 539.

Муравьевъ, Никол. Никол., кавказ. памѣстникъ, генер.-адъютантъ, генер. отъ инфант., р. 1793 † 1866 г. Очеркъ пребыванія его на Кавказѣ, 99—114. Характеристическіе разсказы о немъ, 181—184. Дѣйствія во время турецкой войны 1828 г., 503. Характеристическій очеркъ его служебной дѣятельности, 535—543. Упом. 289.

Муравьевъ-Апостолъ, Ив. Матв., сенаторъ, р. 1762 † 1851 г., 242, 254, 257.

МуравьевъАпостолъ, Сергѣй Иван., декабристъ. Совершеніе надъ нимъ казни 1826 г., 682.

Мурачевъ, капитанъ 1826 г., 144.

Мураневичъ, Н. Н. Сообщ. о послѣднихъ годахъ жизни М. Л. Магницкаго, 274—275.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Алексѣй Ив., об.-прокуроръ синода, президентъ Акад. Худож., потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, р. 1744 † 1817 г. Пожалованіе графомъ, 190.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. Ив. Алексѣев., боярин, потомъ дѣйств. тайн. сов. и сенаторъ, † 1729 г., 737.

Мустафа, турецкій паша, 505.

Мустафа, ханъ Ширванскій. Замѣтка о немъ, 281. Упом. 282.

Н.

Назаръ-Али-ханъ, персид. сановникъ, 748, 749.

Наполеонъ I, 54, 317, 242, 551, 575, 648, 653, 654, 691.

Нарушевичъ, польскій историкъ, 57, 59.

Нарцисъ, придвор. шутъ 1762 г., 488.

Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, дѣйств. тайн. сов., р. 1694 † 1745 г. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Нарышкинъ, Левъ Александровичъ, оберъ-шталмейстеръ, р. 1733 † 1799 г., 275, 482.

Нарышкинъ, Семенъ Кирил., об.-егермейстеръ, р. 1710 † 1775 г. Письмо къ кн. П. Ю. Трубецкому о маскарадѣ 1750 г., 775—776. Упом. 462.

Нассауссскій, принцъ, 367, 368.

Наталья Алексѣевна, царевна, сестра Петра II, † 1728 г., 239, 366.

Наумова. Марія Мих. Допросъ ея по дѣлу Лопухиныхъ, 1743 г., 35, 37, 39, 191.

Наумовъ, Ѳедоръ, генер.-лейт. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Библиотека "Руниверс"

Неваховичъ, Александръ Львов., начальникъ репертуарной части, 556.

Неваховичъ, Мих. Львов., издатель «Ералаша», 555.

Невѣровскій, штабсъ-капитанъ 1827 г., 748.

Недоерѣловъ, Степанъ, сержантъ сибирскаго гарнизона 1745 г., 220.

Некрасовъ, Ник. Алексѣев., поэтъ, 348.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, дѣйств. тайн. сов., сенаторъ, ст.-секретарь императора Павла, писатель, р. 1752 † 1829 г. Разсказы о немъ, 582—583.

Нелединскій-Мелецкій, Юрій Степ., стольникъ, потомъ ярославскій об.-комендантъ 1712 г. и наконецъ сенаторъ. Письмо къ нему Я. Н. Римскаго-Корсакова о выдачѣ денегъ Нѣлову, 767—769.

Нелидовъ, генер.-маіоръ, генер.-адъютантъ. Пожалованіе ему ордена св. Анны 1797 г., 190.

Нельсонъ, англ. адмиралъ. Храбрый поступокъ его въ войнѣ съ датчанами 1801 г., 702.

де-Нери, Марія-Терезія, см. **Угрюмова.**

Несвицкій, кн. Ив. Вас., об.-шенкъ, † 1804 г. Пожалованіе его орденомъ св. Андрея Первозваннаго 1797 г., 190.

Нессельроде, гр. **Карлъ Вас** (Карлъ-Робертъ), госуд. канцлеръ, р. 1780 г. Извѣщеніе Ермолова о назначеніи миссіи въ Персію 1818 г., 278—279. Донесенія Ермолова, 267. Переписка съ Паскевичемъ о персидскихъ дѣлахъ, 1827—1828 гг., 517—519. Письмо къ Грибоѣдову о назначеніи его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ 1828 г., 519—525. Донесенія Грибоѣдова, 750—763. Упом. 55, 250, 667.

Нечаевъ, маіоръ 1794 г., 405—407.

Нѣловъ. анекдотъ о немъ, 580.

Нѣловъ, Митрофанъ, 767—769.

Ниверне, герцогъ, 744.

Никитинъ, русскій посланникъ въ Варшавѣ 1698 г., 727.

Николай Павловичъ, императоръ. Вступленіе на престолъ, 257, 673. Сопровожденіе тѣла императора Александра Павловича изъ Царскаго Села въ Петербургъ, 262. Расположеніе къ П. В. Голенищеву-Кутузову, 273. Письма къ нему о высылкѣ Магницкаго изъ Петербурга, 274—295. Возмущеніе 14-го декабря 1825 г., 674—682. Награжденіе 42-го егерскаго полка за осаду Шуши, 151. Награды приближеннымъ, 259. Вниманіе къ старику Обольянинову, 163. Осмотръ госпиталей, 179. Неудовольствіе на Ермолова 1826 г., 291. Награжденіе Грибоѣдова и Паскевича 1828 г., 519. Учрежденіе постовъ министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ, 525. Назначеніе Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ, 519. Холерный бунтъ 1831 г., 696. Письма Рахили Д.-З. объ явлавшихся ей видѣніяхъ, 318—319. Неудовольствіе на Н. Муравьева 1837 г., 538. Кончина, 107. Упом. 57, 173, 253, 254, 306, 350, 776, 777.

Нимулинъ, казацкій сотникъ 1792 г., 382.

Новиковъ, Никол. Ив., глава московскихъ мартинистовъ, † 1816 г. Арестъ его и милость къ нему в. кн. Павла Петровича, 157—158.

Новицкій, Василій, сержантъ тобольскаго гарнизона 1743 г. Доносы его на Цвиленева и Лопухина, 213—216.

Новицкій, Н. М. Сообщ. разсказъ о С. Г. Веселитскомъ и Каховскомъ, 179—180.

Новосильцевъ, Василій Яковл., президентъ коммерцъ-коллегіи и сенаторъ, † 1743 г. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 192.

Новосильцевъ, гр. Николай Никол., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь, сенаторъ, попечитель Вилен. университета, комиссаръ Царства Польскаго, наконецъ предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, р. 1761 † 1838 г. Жизнь въ Слонимѣ, 452. Упом. 72, 242, 252, 454.

Новощекова, подполковница 1797 г., 785.

Нордбергъ, историкъ, 359.

Норовъ, А. С., министръ народн. просвѣщенія, 726.

Библиотека "Руниверс"

Носовичъ, Иванъ. Статья его о Всепьянѣйшемъ соборѣ, учрежден. Петромъ Великимъ, 734—739.

Нѣмцевичъ, польскій историкъ, 53, 59, 62.

О.

д'Обанъ, госпожа, выдававшая себя за супругу царевича Алексѣя Петровича. Составившаяся по этому поводу легенда, 360—369.

д'Обанъ, франц. офицеръ, 363—369.

Оберъ, Лаврентій Никол., 551—553.

Оберъ, Ѳед. Никол., директоръ театральн. школы 1853 г. Производство слѣдствія въ школѣ и отставка, 308 — 314. Біографическія и характеристическія свѣдѣнія о немъ, 550—557.

Оберъ-Шальме, содержательница роднаго магазина 1810-хъ гг., 550—551.

Оболенскій, кн. Д. А. Сообщ. письмо объ Ю. А. Нелединскомъ-Мелецкомъ, 583.

Обольянинова, Анна Александр., рожд. Ермолаева, въ перв. замуж. Нащокина, р. 1754 † 1822 г., 159.

Обольяниновъ, Петръ Хрисанф., генер. отъ инфант., генер.-прокуроръ, † 1841 г. Причины его возвышенія и характеристическіе разсказы о немъ, 158—164. Разсказы его объ императ. Павлѣ, 164—170.

Обресковъ, Алексѣй Мих., дѣйств. тайн. сов., резидентъ въ Константинополѣ, 483, 484.

Обуховъ, подполковникъ 1808 г., 82, 83.

Огарева, жена полковника, 293.

Огаревъ, полковникъ 1827 г., 293.

Огаревы, семейство, 243, 250.

Огинскій, Михаилъ, 560.

Одоевская, кж. Софья Вас., см. **Лиліенфельдъ**.

Одоевскій, кн. Александ Ив., декабристъ, поэтъ, р. 1804 † 1839 г., 258.

Одоевскій, кн. Ив. Вас., дѣйств. стат. сов., президентъ вотчинной коллегіи 1743 г., 210.

Ожаровскій, графъ, 243, 245.

Оже (Auger), переводчикъ Карамзина, 237.

Озерецковскій, авторъ «Пѣсни на новый 1797 годъ», 589.

Оленина, Елиз. Марк., 249.

Оленинъ, Алексѣй Никол., президентъ Академіи Художествъ, † 1842 г., 63, 254, 473.

Олешкевичъ, портретн. живописецъ 1823 г., 466.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., дѣйств. тайн. сов., ст.-секретарь и управляющій собственной канцеляріей императр. Екатерины II, † 1784 г., 484, 489.

Ольхина, домовладѣлица, 462.

Омеръ-паша, командующій турецкими войсками 1855 г., 541.

Опарина, купецъ, 788.

Орельскій, авторъ брошюры: «Поѣздка изъ Петербурга въ Малороссію», 722.

Орловъ, бригадиръ, командующій авангардомъ 1794 г. Участіе въ войнѣ съ Польшею, 379, 380, 390, 401.

Орловъ, гр. Алексѣй Ѳед., генер.-адъютантъ, командиръ л.-гв. коннаго полка, потомъ генер. отъ кавал., членъ госуд. сов., шефъ корпуса жандармовъ, главный начальникъ III Отдѣленія Собств. Е. В. канцеляріи, † 1861 г. Пожалованіе его графомъ 1825 г., 259. Упом. 327.

Орловъ, Вас. Петр, генер. отъ кавал., наказной атаманъ Войска Донскаго, 610, 612, 616.

Орловъ, кн. Григ. Григ., генер.-фельдцейхмейстеръ, р. 1734 † 1783 г. Автобіографическія письма къ нему Д. В. Волкова 1762 г., 479 – 489.

Орловъ, рядовой 1748 г., 216.

Орловъ-Чесменскій, графъ Алексѣй Григ., генер.-аншефъ, р. 1737 † 1808 г., 72.

Османъ, турец. паша 1829 г., 505.

Остенъ-Сакенъ, кн. Фабіанъ Вильгельм., корпусн. командиръ 1812 г., генер. отъ инфант., губернаторъ въ Парижѣ 1814 г., главнокоманд. первою арміей, членъ госуд. сов. и наконецъ фельдмаршалъ, р. 1752 † 1837 г., 537, 538.

Остенъ-Сакенъ, гр. Дмитрій Ерофеев., генер.-адъютантъ, генер. отъ кавалеріи, начальникъ севастопольскаго гарнизона 1855 г. Сообщ. о военномъ совѣтѣ 29 іюля 1855 г. и рѣшеніи кн. М. Д. Горчакова, 330 — 338. Статью о Н. Н. Муравьевѣ, 535—543. Упом. 763.

Библиотека "Руниверс"

Остерманъ, Анд. Ив. (Генрихъ-Іоаннъ-Фридрихъ), впослѣд. графъ, дѣйст. т. сов., каб.-министръ и ген.-адмиралъ, р. 1686 † 1747 г., 2, 7, 9, 18, 193, 194, 195, 202, 230, 234, 771.

Остерманъ, гр. Ив. Анд., государств. канцлеръ и президентъ коллегіи иностр. дѣлъ, р. 1725 † 1811 г. Отношенія его къ И. П. Кутайсову, 579–580.

Остерманъ-Толстой, гр. Александ. Ив., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ. Замѣтки о его храбрости, 430–431.

Островскіе, 353.

Островскій, содержатель перчаточ. магазина въ Варшавѣ 1861 г., 709.

Остфрисландская, принцесса, 367.

Отрощенко, генер.-лейт., начальникъ дивизіи 1833 г., 537.

Отто, австр. генер. 1799 г., 625.

Оффенбергъ, Ив. Петр., 545, 723.

П.

П...., Титъ Альбертов., 462, 464.

Павелъ Петровичъ, императ. Вступленіе на престолъ и коронація, 610. Пожалованія и награды 1797 г., 190. Характеристическіе разсказы, 153–177; 577–583. Упом. 71, 239, 247, 589, 623, 625, 634.

Павленко, подпоручикъ 1808 г., 84.

Павловскій, Ив. Дан. Сообщ. замѣтки о гр. К. О. Ламбертѣ, 722–724.

Паганини, извѣст. скрипачъ, † 1840 г., 713.

фонъ-дер-Палленъ, гр. Петръ Алексѣев. (Петръ-Людвигъ), губернаторъ лифлянд., эстляндскій и курлянд., потомъ генер. отъ кав. и с.-петерб. воен. губернаторъ, наконецъ первоприсут. въ коллегіи иностр. дѣлъ и глав. директ. почтъ, р. 1745 † 1826 г., 581.

Панина, А. В., см. Лопухина.

Панина, гр. Марія Ирод., рожд. Ведель, 572.

Панины, графы, 572.

Паниратьевъ, подпоручикъ, 1813 г., 438.

Паниратьевъ, варшав. генер.-губернаторъ, 340.

Паниратьевъ, Никита Петр., генер.-адъютантъ временно управляющій кавказ. краемъ 1831 г., 505, 508, 509, 533.

Панютинъ, варшав. воен. генералъ-губернаторъ, 178, 340–350.

Парротъ, академикъ, 241.

Парчевскій, Александръ, 455, 681, 688.

Паскевичъ-Эриванскій, гр. Ив. Өед., кн. **Варшавскій**, фельдмаршалъ, намѣстникъ Царства Польскаго, † 1856 г. Предписанія Дибича-Забалканскаго о пріобрѣтеніи персидскихъ манускриптовъ 1827 г., 516–517. Предписаніе А. С. Грибоѣдову принять въ завѣдываніе заграничныя сношенія съ Турціей и Персіей 1827 г., 293. Предписаніе Сипягину о принятіи Грибоѣдова въ Тифлисѣ, 239. Переписка съ Нессельроде, Грибоѣдовымъ и Родофиникинымъ о персидскихъ дѣлахъ 1828 г., 517–534; 746–750; 763–768. Дѣйствія на Кавказѣ, 497, 500, 501, 505. Отношенія къ Н. Н. Муравьеву, 536–538. Замѣтки изъ его намѣстничества, 699, 714 Письмо Рахили Д.-З. о явившихся ей видѣніяхъ, 318, 321, 322, 340. Упом. 152, 178, 179, 291, 294, 354, 539, 756, 777

Пассекъ, генер.-маіоръ 1845 г., 131.

Патрикѣевъ, Козьма Хрисанфовичъ, ближній стольникъ 1712 г., 767.

Пахомовъ, домовладѣлецъ 1797 г., 189.

Паша-ханъ, персид. сановникъ 1828 г., 298.

Переборенко, Марья Ѳомин., 572.

Переборенко, Ив. Филип., капельмейстеръ гр. Чернышевой, 572.

Перовскій, гр. Вас. Алексѣев., генер.-отъ кав., генер.-адъютантъ, членъ госуд. сов., оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ, 350.

Пестель, Пав. Ив., декабристъ. Совершеніе надъ нимъ казни 1826 г., 682.

Петрикѣевъ, полковникъ, полиціймейстеръ. Пожалованіе ему 86 душъ 1797 г., 190.

Петровскій, офицеръ 1794 г., 399.

Петровъ, Ефимъ, рядовой 1744 г., 214.

Петровъ, писатель 1790-хъ гг., 46, 242, 243.

Петръ Великій, императоръ. Знакомство съ Екатериною 1706 г., 358, 359.

Библиотека "Руниверс"

Бракосочетаніе съ Екатериной, 767—769. Поѣздка въ Дрезденъ и пребываніе за границей 1698, 1711 и 1712 гг., 727—734. Указъ о скупкѣ женскихъ волосъ 1712 г., 766—767. Учрежденіе всепьянѣйшаго собора, 734—739. Указъ о присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ 1719 г., 370. Упом. 3, 8, 9, 20, 41, 69, 131, 238. 360. 361, 366, 367, 368, 491, 494, 559, 593, 672, 674, 722.

Петръ II, императоръ, 5, 9, 26, 238, 239, 366.

Петръ III, императоръ. Возвращеніе изъ ссылки Лопухиной 1762 г., 231—232. Возвращеніе Лестока, 234. Отношенія къ Д. В. Волкову, 478, 487. Отношенія къ Чарторижскому и Понятовскому, 566. Упом. 17, 190, 227, 367, 566, 589, 774.

Пирхъ, генералъ, начальникъ прусскихъ войскъ 1813 г., 423, 424.

Писаревъ, варшав. генер.-губернаторъ, 340.

Пихманъ, Марія, ревельская уроженка, 587, 588.

Платовъ, гр. Матв. Ив., генер. отъ канал., наказной атаманъ войска донскаго, основатель Новочеркаска, р. 1751 † 1818 г., 609.

Плаутинъ, генер.-адъютантъ, предсѣдатель комиссіи для улучшенія воен. части 1855 г., 350, 545.

Плетневъ, казацкій сотникъ. Храбрость его при осадѣ Праги 1794 г., 601.

Плещеевъ, Сергѣй Ив., генер.-маіоръ, ст.-секретарь и наконецъ дѣйств. тайн. сов., 158.

Плещеевъ, писатель, 57, 60, 67, 237, 238.

Плюшаръ, издатель Энциклопедическаго Лексикона, 300.

Повало-Швейковскій, генер.-поручикъ 1799 г., 623.

Погодинъ, Мих. Петр., академикъ, историкъ. 67, 260, 552, 722.

Погорѣловъ, маіоръ 1826 г., 140.

Подвинентова, см. Д.-З.

Пожарскій, кн. Дмитр. Мих., боярин, 59.

Поздѣевъ, сенат. секретарь 1790-хъ гг. Разсказъ о немъ, 370—371.

Позднякъ, отстав. генер.-маіоръ, 371.

Поздѣевъ I-й, командиръ казац. полка 1799 г., 613.

Поздѣевъ 2-й, полковой командиръ 1799 г., 613.

Полетика, П. И., посланникъ въ Америкѣ, 75, 257, 264.

Политковскій, Алексан., директоръ, канцеляріи комитета о раненыхъ, тайн. сов. Растрата болѣе милліона инвалид. капитала, 305—306; 776 - 778.

Полонскій, гв. маіоръ. Участіе въ засѣданіи комиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Полѣновъ, Вас. Алексѣев., правитель дѣлъ канцеляріи коллегіи иностр. дѣлъ 1818 г., 50, 53, 55.

Понинскій, гр. Доносъ на него Угрюмовой 1782 г., 561.

Пономаревъ, казац. сотникъ 1799 г., 632.

Понтусъ-де-ла-Гардія, швед. военоначальникъ, 60.

Понятовскій, кн. Іосифъ, 570.

Понятовскій, Станиславъ - Августъ, послѣдній польскій король. Отношенія его къ дѣлу Угрюмовой, 559—571.

Поповъ, подпоручикъ 1813 г., 438.

Поповъ, полковой командиръ. Участіе его въ польской войнѣ 1794 г., 400 - 401.

Поповъ, войсковой старшина 1794 г., 389.

Поповъ, Василій, промышлен. 1744 г., 216.

Поповъ, В. М., директоръ департамента министерства народн. просвѣщ. 1824 г., 68, 69, 238, 240.

Потемкина, графиня, 188.

Потемкинъ, Алексѣй Яковл., генер.-маіоръ и егермейстеръ. Пожалованіе ему 500 душъ 1797 г., 190.

Потемкинъ, Як. Алексѣев., команд. Семенов. полка 1812 г., потомъ генер.-лейт., генер.-адъютантъ, генер.-губернаторъ кіевскій, волынскій и подольскій, р. 1781†1831 г., 58.

Потемкинъ-Таврическій, кн. Григор. Александр., генер.-фельдмарш., предс. воен. коллегіи, генер.-адъют., сенаторъ, генер.-губернат. новорос., азовскій

Библиотека "Руниверс"

и таврическій, р. 1738 † 1791 г. Разсказы о немъ, 153—154, 157. Упом. 590, 784.

Потоцкіе, графы, 353.

Потоцкій, Игнатій, надвор. маршалъ литовскій, р. 1751 † 1809 г. Отношенія къ королю Станиславу Понятовскому, 559, 563, 564, 567.

Потоцкій, гр. Станиславъ, министръ народн. просвѣщ. и духовн. дѣлъ, президентъ сената въ Царствѣ Польскомъ, р. 1752 † 1822 г., 567.

Похвисневъ, прапорщикъ 1813 г., 438.

Прасковія Іоанновна, царевна, 36.

Пржецлавскій, О. А. Воспоминанія его 1822—1831 гг.: Петербургъ, 451—477. Министерство иностр. дѣлъ, 665 - 668. Магнетизерка Турчанинова, 669 — 670. Наводненіе 7-го ноября 1824 г., 671—673. Кончина императора Александра, 673. Возмущеніе 14-го декабря 1825 г., 673—680. Экзекуція надъ приговоренными къ повѣшенію, 681—682. Министръ внутрен. дѣлъ А. А. Закревскій и его управленіе 1828 г., 683 - 689. Польское возстаніе 1831 г., 689—693 Холера, 693—698.

Прозоровскій, кн. Петръ, подпоручикъ л.-гв. кон. полка 1743 г., 207.

Пряниишниковъ, Ѳед. Ив., дѣйств. тайн. сов. Письмо къ князю М. Д. Горчакову, 122. Къ Сухозанету, 125 Записка къ В. А. Инсарскому, 306. Упом. 121, 308.

Пупаревъ, Аркадій Гавр. Сообщ. русскія историческія пѣсни, 779—781.

Пусловскій, Войцехъ, польскій помѣщикъ, 454, 665.

Путвинскій, чиновникъ канцеляріи комитета о раненыхъ, 776, 777.

Путятинъ, кн. Ив., гв. капит. 1743 г. Арестъ его по дѣлу Лопухиныхъ, 27. Допросъ, 30—31. Приговоръ, 42. Высочайшая резолюція, 192. Чтеніе приговора и экзекуція, 193 — 197. Отправленіе въ ссылку, 198 — 204. Жизнь въ ссылкѣ, 217—219. Упом. 3, 9, 14, 32—36, 208, 210.

Пухало-Цивинскій, варшав. жандарм. полковникъ, 699.

Пушкинъ Алек. Серг., р. 1799 † 1837. Указъ сената по дѣлу объ элегіи его «Андре Шенье», 584 — 588. Упом. 265, 472.

Пушкинъ, Левъ Александр., гв. капитанъ, р. 1728 † 1790 г., 74, 75, 287, 238.

Пушкинъ, Петръ, ген.-маіоръ. Участіе въ комиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Пушкинъ, Сергѣй, 64.

Пфлугъ, саксон. об.-гофмарш. 1711 г., 731.

Р.

Рабо-Сентъ-Этіенъ, 242.

Радецкіе, графы, 351.

Раевскій, Никол. Никол., подполковникъ. Участіе въ польской войнѣ 1794 г., 381, 382.

Разумовскій, гр. Кириллъ Григ., ген.-фельдмаршалъ, р. 1724 † 1803 г., 244

Райсъ, англичанинъ, архитекторъ въ Тифлисѣ при кн. Воронцовѣ, 778.

Раппольдъ, содержатель гостинницы въ Лейпцигѣ 1698 г., 728.

Ратчъ, Вас. Ѳедор., военный писатель Сообщ. о предсказательницѣ войнъ Россіи Рахили Д.-З. 1849—1854 гг., 315—329.

Растопчинъ, гр. Ѳед. Вас., управляющій коллегіею иностр. дѣлъ, потомъ об.-камергеръ, генер. отъ инфантеріи, членъ госуд. совѣта и московск. главнокомандующій, р. 1765 † 1826 г. Пожалованіе имѣніемъ 1797 г., 190. Упом. 551.

Рахмановъ, генер.-маіоръ 1797 г., издатель воен. журнала, 122, 391, 610.

Реадъ, Николай Андр., генер отъ кавалеріи, уб. на рѣкѣ Черной 1855 г. Участіе въ Севастопольской оборонѣ, 330 — 338. Упом. 778.

Рейхенбергъ, 729.

Ренненкампфъ, полковн. гвард генер. штаба 1828 г., 750.

Репнинъ, кн. Василій, генер.-лейт. Участіе въ комиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Репнинъ, кн. Николай Вас., генер.-губернаторъ виленъ., гродн., лифлянд. и эстлянд., потомъ генер.-фельдмаршалъ и посолъ въ Берлинѣ, р. 1734 † 1801 г. Пожалованіе 6,000 душъ 1797 г., 189.

Библиотека "Руниверс"

Репнинъ, кн. Юрій, генер.-лейт. Участіе, въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Решей, книгопродавецъ, 190.

Реудъ, Іосифъ Антон., генер.-лейт. и членъ совѣта главн. управленія Закавказскимъ краемъ, р. 1786 † 1855 г. Участіе въ оборонѣ крѣпости Шуши, 138—152. Упом. 137, 778.

Ридигеръ, Ф. Ф., полковникъ, 183—184.

Ридигеръ, гр. Өед. Вас., командиръ гвардейск. и гренадерск. корпусами; ген. отъ кавал., генер.-адъютантъ, членъ госуд. совѣта, варшав. воен. генер.-губернаторъ, † 1856 г. Заботы его о преобразованіяхъ и улучшеніяхъ въ военномъ дѣлѣ и письмо объ этомъ къ кн. Вас. Ал. Долгорукову, 343—345; 725—726. Упом. 538.

Риза-Кули, Кочанскій ханъ, 532.

Римскій-Корсаковъ, Яковъ Никит., с.-петерб. вице-губернаторъ 1712 г. Письмо его къ Нелединскому-Мелецкому о выдачѣ денегъ Нѣлову, 767—769.

Рисъ, чиновникъ особ. поруч. при кавказскомъ намѣстникѣ, † 1862 г., 778.

Риттихъ, докторъ 1826 г., 264.

Ришелье, маршалъ, франц. министръ, 365, 366, 368, 679.

...ке-Ришъ, саксонск. придворн. музыкантъ. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ, 733.

Ржевскій, Никол., Юрьевичъ, дворянинъ. Арестъ и допросъ его по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 17—19, 32. Резолюція, 192, 197.

Ржевусскій, каноникъ 1861 г., 714.

Ржевусскій, гр. Адамъ, сенаторъ 1823 г., 406.

де-Робертъ, маіоръ. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 786.

Родофиникинъ, Конст. Констант., тайн. сов. Письма его къ гр. Паскевичу: о пріѣздѣ Грибоѣдова въ Петербургъ 1828 г., 519; объ учрежденіи постоянъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ 1828 г., 525—526.

Розановъ, Н. П. Сообщ. замѣтку о годѣ рожденія А. С. Грибоѣдова, 300—302.

Розенбергъ, графъ, австр. посланникъ въ Россіи 1744 г., 209.

Розенбергъ, генер. отъ инфант. 1798 г., 613, 617.

Розенъ, бар. Григ. Влад., главноуправлявшій Грузіей 1834 г., генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, кавказ. генер.-губернаторъ и командиръ отдѣльн. кавказ. корпуса, р. 1782 † 1841 г., 76, 511, 514

Ромодановская, кн. Екатер. Ив., см. гр. Головкина.

Ростовцевъ, Я. И., начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, 345, 726.

Ротъ, генералъ 1813 г., 428.

Ротъ, Өед. Анд., тифлисскій комендантъ, 778.

Ротъ, Ө. Ф., ген. отъ инфант., корпус. командиръ 1828 г., 180, 540.

Ротъ, оберъ-пасторъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ Закавказья, 778.

Ртищевъ, генералъ, предмѣстникъ Ермолова на Кавказѣ, 284.

Рубини, композиторъ, 470, 552.

Рудакова, С. А. Сообщ. документы, относящіеся до біографіи Д. В. Волкова, 478—496.

Рудометовъ, домовладѣлецъ 1797 г., 786.

Румянцевъ, гр. Александръ Иван., генер.-аншефъ, р. 1680 † 1749, 1.

Румянцевъ, В. Е., 594

Румянцевъ, гр. Никол. Петр., госуд. канцлеръ, предсѣдатель государ. совѣта, р. 1754 † 1826 г., 51.

Румянцевъ, гр. Серг. Петр., дѣйств. тайн. сов., посланникъ при прус. дворѣ, р. 1755 † 1838 г., 60, 68, 67, 75.

Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петръ Александр., генер.-фельдмаршалъ, р. 1725 † 1796 г., 487.

Руничъ, Пав. Степ., владим. губернаторъ, впослѣд. сенаторъ. Разсказъ о награжденіи его императ. Павломъ, 171—172.

Русно, Өед. Ив., 47.

Руссетъ, авторъ соч. «Mémoires du règne de Cathérine», 358.

Рутковскій, полякъ, убитый въ день манифестаціи 18-го февр. 1861 г., 700.

Библиотека "Руниверс"

Рыбникъ, чиновникъ канцеляріи комитета о раненыхъ, 776—777.

Рыбникъ, Иродіонъ, капитанармусъ тобольскаго гарнизона 1743 г., 217.

Рывосъ, любимый камердинеръ короля Станислава Понятовскаго. Участіе его въ дѣлѣ Угрюмовой, 562—554, 567—570.

Рылѣевъ, Кондрат. Ѳед., писатель, декабристъ, р. 1795 † 1826 г. Совершеніе надъ нимъ казни 1826 г., 682. Упом. 584, 585, 588, 677.

Рѣпетковъ, Семенъ, служитель 1744 г., 215.

Рябининъ, Д. Д. Сообщ. французскую легенду о принцессѣ Шарлоттѣ, супругѣ царевича Алексѣя Петровича, 360—370. Характеристическіе разсказы о гр. А. И. Чернышевой, 572—576.

С.

Садыкъ-паша, см. Чайковскій.

Саксонскій, графъ Морицъ, впослѣд. маршалъ, 364, 365.

Салаговъ, кн. Семенъ Ив., генералъ-аудиторъ, генер.-лейт., сенаторъ и членъ воен. коллегіи. Письмо къ М. Л. Булатову съ требованіемъ подробнаго изложенія дѣла о битвѣ при Револаксѣ 1809 г., 80—95.

Салтыкова (Салтычиха), Дарія Никол., рожд. Иванова, р. 1730 † 1801 г. Составленная о ней припѣвка, 377.

Салтыкова, гр. Прасковія, 35, 37, 39.

Салтыковъ, Василій Ѳед., генералъ-аншефъ, р. 1675 † 1755 г., 24, 25, 26.

Салтыковъ, Ив. Алексѣев., генер.-аншефъ, † 1773 г. Участіе въ засѣданіи комиссіи для суда по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 41.

Салтыковъ, кн. Никол. Ив., воспитат. вел. кн. Александра и Константина Павловичей, потомъ фельдмаршалъ и предсѣдат. государств. совѣта и комитета мин—ровъ, р. 1736 † 1816 г. Пожалованіе ордена Андрея Первозваннаго, 189. Упом. 606, 784.

Салтыковъ, Петръ Семен., генералъ-фельдмаршалъ, москов. главнокомандующій, р. 1698 † 1782 г., 5, 481.

Салтыковъ, Семен. Андр., генералъ-адъютантъ, генер.-аншефъ, об.-гофмейстеръ и подполков. Преображ. полка 1731 г., р. 1672 † 1742 г., 770.

Самаринъ, 264.

Самаринъ, Петръ, ген.-маіоръ. Участіе въ засѣданіи комиссіи по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 41.

Самойловъ, гр. Александ. Никол., генер.-прокуроръ и государств. казначей, † 1812 г., 159.

Самойловъ, В., пѣвецъ, 471.

Сахарова, Марья Серг., см. Туровская.

Сахарова, Матр. Серг., 663.

Сахаровъ, Ив. Серг. смолен. помѣщикъ 1814 г., 663.

Сахаровъ, Петръ Сергѣев., смолен. помѣщикъ 1814 г., 663.

Сахаровъ, Семенъ Сергѣев., смолен. помѣщикъ 1814 г., 663.

Сахаровъ, Сергѣй Семен., смолен. помѣщикъ 1814 г., 663.

Сварацкій-Сваринъ, Павелъ, 50.

Сватковскій, Иванъ, рядовой 1745 г., 221.

Свиньинъ, Пав. Петр., издатель «Отечественныхъ Записокъ», 476.

Свирской, Степанъ, сержантъ 1761 г., 231.

Свѣчинъ, генер.-маіоръ 1797 г. Объявленіе ему высочайшаго благоволѣнія, 590. Упом. 179.

Свѣшниковъ, книгопродавецъ, 73.

Сегюръ, графъ, франц. посланникъ въ Россіи, писатель, 72.

Сеймуръ, лордъ, 329.

Секретарева, см. Барышникова.

Секретаревъ, камердинеръ кн. Потемкина, потомъ Екатерины II. Разсказъ о немъ, 153—154.

Селиванова, домовладѣлецъ 1797 г., 787.

Семевскій, маіоръ. Пожалованіе, 120 душъ 1797 г., 190.

Семевскій, Вас. Ив., прапорщикъ, новгород. помѣщикъ 1797 г., 590.

Семевскій, Егоръ Иванов., корнетъ 1797 г., 590.

Семенова Екат. Семен., въ замуж.

Библиотека "Руниверс"

кн. Гагарина, извѣстная артистка, р. 1786 † 1849 г., 471—472.

Семенова, Нимфодора Сем., въ замуж. Лестреленъ, оперная актриса, 473.

Семерниковъ, командиръ казац. полка 1799 г., 613.

Семянинъ, генералъ 1855 г., 331, 338.

Сендюковъ, Алексѣй, дворникъ, 589.

Сенковскій (бар. Брамбеусъ), Осипъ Ив., писатель, 516, 762.

Сен-Мартенъ, писатель, 476.

Сен-При, гр. Карлъ Франц., впослѣд. рос. дѣйств. стат. сов., 72

Сен-Тома, воспитатель сына Бороздина, издатель перевода «Исторіи Россійскаго Государства», 47, 48, 51, 57.

Сенявинъ, адмиралъ, 259.

Серавскій, польскій генер. 1794 г., 707.

Сераковскій, Сигизмундъ, студентъ, впослѣд. капитанъ, повѣшен. въ 1864 г. за участіе въ мятежѣ, 316.

Серафимъ, с.-петерб. митрополитъ, 68.

Сербиновичъ, Конст. Степ., † 1874 г., тайн. сов. Воспоминанія его о Н. М. Карамзинѣ, 44 - 75, 236 - 271.

Сербиновичъ, Надежда Карловна. Сообщ. Записки мужа, 44—75; 236—271.

Сердобинъ, бар. М. Н., владѣтель архива кн. Куракина, 20.

Серебряковъ, маіоръ 1794 г., 400, 401.

Серебряковъ, хорунжій 1809 г., 81, 82.

Серчевскій, Евгр. Ссылка на его книгу: «А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія», 300.

Сестренцевичъ, митрополитъ, 63, 74.

Сиверсъ, кам.-юнкеръ 1743 г., 5, 9, 23, 38, 230.

Сигизмундъ-Августъ, польскій король, 710.

Сидѣльниковъ, Ив. Оед., москов. купецъ 1834 г., 301.

Силейсъ, правящій. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 190.

Симеоновъ, Артемій, слуга, 189.

Симонъ, суздальскій епископъ. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 42, 192.

Сипягинъ, генер.-адъютантъ 1827 г. Предписаніе ему Паскевича, 294. Упом. 296, 297, 432.

Сирміусъ, 496.

Сиротининъ, 121.

Скалдинъ, Ив. Серг., странчій 1743 г. Допросъ его по дѣлу о письмѣ Лопухина, 210—212. Упом. 232.

Скворцовъ, Василій, камергеръ 1743 г., 210.

Скотти, Карлъ, помощникъ архитектора 1828 г., 588.

Скрибъ, франц. писатель, 472.

Скугоревскій, офицеръ 1797 г., 188.

Сленинъ, книгопродавецъ, 73.

Слѣпушкинъ, поэтъ-крестьянинъ, 248, 260.

Смирдинъ, Александ. Филип., издатель и книгопродавецъ. Ссылки на его каталогъ, 157, 158, 745.

Смуровъ, домовладѣлецъ, 555.

Сновидовъ, сержантъ. Ссылка его въ Сибирь за участіе въ заговорѣ въ пользу Анны Леопольдовны 1742 г., 27.

Соковнинъ, маіоръ 1743 г., 212.

Соколовъ, бригадный адъютантъ 1813 г., 445.

Соловьевъ, унтеръ-офицеръ 1832 г., 180.

Соловьевъ, Сергѣй-Мих., историкъ, Ссылки на его исторію, 3, 5, 479, 735.

Солтанъ, гр. Адамъ, начальникъ новогрудской франмасонской ложи 1821 г., 454.

Сопиковъ, Василій, библіографъ, 744.

Сосninъ, капитанъ-квартирмейстеръ 1808 г., 82, 82.

Спаксаревъ, маіоръ 1831 г., 512.

Сперанскій, гр. Мих. Мих., государств. секретарь, р. 1772 † 1839 г. Возвышеніе его, 256—257, 263. Предсѣдательствованіе въ коммиссіи для ревизіи и составленія законовъ Царства Польскаго, 689—690. Упом. 63, 162, 237, 244, 247, 248.

Стакельбергъ, баронъ Оттонъ-Магнусъ, посланникъ въ Стокгольмѣ и Варшавѣ. О письмахъ къ нему Екатерины II, 559, 562, 570, 571.

Старженскіе, 353.

Стаховичъ, поручикъ 1813 г. Участіе въ войнѣ 1813 г., 412, 414, 438, 445, 446, 447, 644.

Библиотека "Руниверс"

Стенеръ, Георгъ-Вильгельмъ, докторъ 1746 г., 225.

Степанова, А. М., ученица театральн. училища, 553.

Степановъ, П. А. Сообщ. указъ сената по дѣлу А. С. Пушкина объ элегіи «Андре Шенье», 1828 г., 584—588.

Стефанъ, псковскій епископъ. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 42, 192.

Столыпинъ, адъютантъ кн. М. Д. Горчакова 1855 г., 380.

Страдиваріусъ, инструмент. мастеръ, 187.

Стрекаловъ, генералъ 1829 г., 508.

Строгановъ, бар. Пав. Александров., посланникъ въ Константинополѣ 1820 г., потомъ сенаторъ и товарищъ министра внутр. дѣлъ, р. 1774 † 1817 г., 287.

Студенкинъ, Г. И. Сообщ. припѣвку о Салтычихѣ, 377.

Стурдза, А. С., 50, 275.

Сувестръ, аббатъ 1780-хъ гг., 366.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Александ. Вас., кн. Италійскій, генералиссимусъ, р. 1729 † 1800 г., 181, 188, 258, 343, 349, 602, 606, 617, 618, 621, 622, 623, 625, 628, 629, 635, 637, 784.

Сулима, Н. С., генер.-лейт. Рапортъ его генер. Крейцу 1832 г., 180.

Сулима, С. Н. Сообщ. рапортъ отца Крейцу, 180.

Султанъ-Ахмедъ, аварскій ханъ 1818 г., 135.

Сумароковъ, офицеръ 1813 г., 438, 445.

Сумароковъ, Александръ Петр., писатель, р. 1718 † 1777 г., 46.

Сурхай-ханъ, хамбутай Казикумухскій. Замѣтка о немъ, 281. Упом. 282, 137.

Сухованетъ, Ив. Онуфр., генер.-адъютантъ, начальникъ артил., директоръ воен. академіи, р. 1788 † 1861 г., 340, 434, 435.

Сухованетъ, Никол. Онуфр., воен. министръ, потомъ намѣстникъ Царства Польскаго 1861 г. Время управленія имъ Подольею, 116—130, 339, 347, 350, 351, Поправка, 377—378. Упом. 545, 547, 675, 703, 709, 721.

Суццо, Макарій, греческій митрополитъ. Отпѣваніе тѣла Н. М. Карамзина, 269.

Сычовъ, командиръ казацкаго полка 1799 г., 613.

Сѣверинъ, 50, 264.

Сѣряковъ, Л. А., академикъ. О гравированномъ имъ портретѣ Н. Ѳ. Лопухиной, 43.

Т.

Таліони, танцовщица, 472,

Тальма, Франц-Іосифъ, франц. актеръ, р. 1763 † 1826 г., 656.

Талызина, см. **Шишкина**.

Тараканова, кн. Елизавета, выдавшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны, 57.

Тараканова, чиновникъ канцеляріи комитета о раненыхъ, 776—777.

Тарасовъ, Тимоѳей, крѣпостной человѣкъ, 590.

Татищевъ, гр. Александ. Ив., воен. министръ, генер. отъ инфант., р. 1763 † 1833 г., 261, 266.

Таубе, Карлъ, полковникъ 1813 г. Расположеніе къ нему офицеровъ и заговоръ противъ него, 441—448.

Таубе, бар. Карлъ Максимов., полковникъ 1813 г., 428, 441.

Тейлоръ, Вилліамъ, англ. негоціантъ 1785 г., 563, 564, 567, 569.

Телепневъ, новоладожскій воевода 1743 г., 205.

Телешова, танцовщица, 303.

Темировъ, Василій, маіоръ 1794 г., 399.

Темирязевъ, Г. Ѳ., 104.

Тертори, итальянскій пѣвецъ, 187.

Тецкой, сержантъ 1762 г., 232.

Тизенгаузъ, отставн. литов. подскарбій 1782 г. Донось на него Угрюмовой, 561, 562.

Тиманъ 1-й, подпоручикъ 1813 г., 421, 426, 438, 446, 449.

Тиманъ 2-й, подпоручикъ 1813 г., 433—434, 438, 644.

Библиотека "Руниверс"

Тимофеевъ, подполковникъ 1813 г., 428.

Тимофеевъ. Записанная съ его словъ пѣсня о Салтычихѣ, 377.

Тіеръ, бывшій президентъ франц. республики, 355.

Толстой, прозванный американцемъ, 265.

Толстой, гр. Петръ Александр., генер. отъ инфат. и предсѣдатель департамента воен. дѣлъ въ госуд. сов., р. 1769 † 1844 г. Пожалованіе ему ордена Андрея Первозваннаго 1826 г., 259.

Толь, гр. Карлъ Өед., (Карлъ-Вильгельмъ), генер. отъ инфант., генер.-адъютантъ, впослѣд. главноуправляющій путями сообщеній и публичными зданіями, р. 1777 † 1842 г. Эпизодъ изъ его жизни, 372—376. Упом. 537.

Топильскій, М. И., чиновникъ одесск воен. губернатора 1839 г., 275.

Торнасовъ, графъ Александръ Петр., генер. отъ кавал., генер.-губернат. кіевскій и минскій 1807 г., кавказ. главнокомандующій 1809 г. и москов. воен. генер.-губернаторъ 1816 г. Дѣйствія его въ 1812 г., 342, 386, 387, 397, 417, 418, 602.

Тредьяковскій, Вас. Кирил., стихотворецъ, † 1769 г., 239, 242.

Трипольскій, маіоръ, домовладѣлецъ 1797 г., 589.

Тротта-фонъ-Трейденъ, см. герцогиня **Виронъ**.

Трощинскій, Дмитр. Прокофьев., дѣйст. тайн. сов., сенаторъ, членъ госуд. совѣта, † 1829 г., 190, 272, 372, 787.

Трощинскій, генер.-маіоръ, кіевскій помѣщикъ 1834 г., 272.

Трубачева, Екатерина, см. **Екатерина I.**

Трубецкая, кн. Анаст. Гавр., рожд. гр. Головкина, 234.

Трубецкая, кж. Анастасія Ив, см. принцесса **Гессенъ-Гомбургская**.

Трубецкой, князь, прапорщикъ 1813 г. Участіе въ войнѣ 1813 г., 417, 434, 435, 445, 644.

Трубецкой, кн. Ив. Юрьев., фельдмаршалъ, боярин, р. 1667 † 1750 г. Подписаніе имъ приговора по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 42, 192. Упом. 10.

Трубецкой, кн. Никита Юрьев., фельдмаршалъ, ген.-прокуроръ, р. 1700 † 1768 г. Имен. указъ ему по дѣлу Ивана Лопухина 1743 г., 6—7. Допросъ обвиненныхъ, 7—39. Подпись подъ приговоромъ, 42, 192, 203. Письмо къ кн. Я. П. Шаховскому о маскарадѣ, 775—776. Характеристика, 234. Смерть, 234—235. Упом. 481.

Тургеневъ, Александ. Ив., писатель, директоръ департ—а духовн. дѣлъ 1819 г. Участіе его по дѣлу о высылкѣ изъ Россіи іезуитовъ, 54. Упом. 49, 55—58, 62, 65—73, 239, 243, 245, 247, 260—265, 268, 270.

Тургеневъ, Сергѣй Ив., 243, 247.

Турмулъ, статсъ-секретарь Царства Польскаго. Предсѣдательствованіе въ комиссіи для ревизіи и составленія законовъ для Польши 1833 г., 689—690.

Туровская, Марья Серг., рожд. Сахарова, вдова Кожина, 663.

Турчанинова, магнитизерка. Разсказъ объ одномъ изъ ея сеансовъ, 669—670.

Турчаниновъ, домовладѣлецъ 1797 г., 784.

Турчаниновъ, Александръ, камеръ-лакей, сосланный за участіе въ заговорѣ въ пользу Анны Леопольдовны 1742 г., 27.

Тухачевскій, полковникъ, командиръ Олонецкаго пѣхотнаго полка 1831 г., 180.

Тучковъ, генер.-лейт. Участіе въ битвѣ при Револаксѣ 1808 г., 81, 83, 84, 86, 90, 94, 95.

Тышкевичъ, графиня, 455.

Тюренпъ, франц. полководецъ, 679.

Тютчевъ, Иванъ, прапорщикъ. Назначеніе его конвоировать гр. А. Г. Бестужену-Рюмину въ ссылку 1743 г., 199—202.

У.

Уваровъ, гр. А. С., извѣстн. археологъ, помощникъ предсѣдателя управленія Москов. Историч. музея, 594.

Уваровъ, гр. Сергѣй Сем., дѣйств тайн. сов., членъ госуд. сов., президентъ

Библиотека "Руниверс"

Академіи Наукъ, мин—ръ народн. просвѣщенія 1833—1848 г., 245, 477.

Угрюмова, Марія-Терезія, рожд. де-Нери, въ перв. замуж. Леклеркъ. Свѣдѣнія о ней и о дѣлѣ ея въ Польшѣ, 1782—1785 гг., 558—571.

Угрюмовъ, маіоръ. Показанія его въ судѣ по дѣлу своей жены, 568. Упом. 559.

Угурлу-ханъ, 137.

Умнось, докторъ 1828 г., 297.

Уммалатъ, кумтеркалинскій бекъ, предводитель кавказ. горцевъ 1831 г., 509.

Унгебауеръ, Александръ Андр., помощникъ директора Театральнаго училища, 556.

Унгернъ, баронъ, 482.

Урусовъ, князь, помѣщикъ, 377.

Урусовъ, кн. Серг. Сем., полковникъ, участникъ Севастопольской обороны, 541.

Урусовы, 353.

Усковъ, Вас. Ильичъ, почетн. гражданинъ, 301.

Усовъ, капралъ, 1743 г., 205.

Устряловъ, Никол. Герасим., историкъ, † 1870 г. Отзывы о комедіи Екатерины II: «Горе-Богатырь», 157. Ссылки на его «Исторію», 360, 727, 728, 730, 732.

Ушаковъ, дивизіон. командиръ 1855 г., 331.

Ушаковъ, генер.-адъютантъ, предсѣдатель комитета о раненыхъ, 776—777.

Ушаковъ, гр. Анд. Ив., ген.-аншефъ, ген.-адъютантъ, начальникъ тайной канцеляріи и политич. сыщикъ, † 1747 г. Имен. указъ ему по дѣлу Ивана Лопухина 1743 г., 6—7. Допрашиваніе обвиненныхъ, 7—39. Подпись подъ приговоромъ, 42, 192. Упом. 202, 212.

Ушаковъ, Полікарпъ, новгород. помѣщикъ 1743 г., 205.

Ф.

Фалькенбергъ, Матвѣй, маіоръ 1743 г. Доносъ его на Ивана Лопухина, 5—7, 12, 17, 38, 39.

Федо, президентъ одной изъ французскихъ провинцій, 365.

Феликсъ, капуцинъ. Допросъ его въ Тайной Канцеляріи по подозрѣнію въ участіи въ Лопухинскомъ дѣлѣ 1743 г., 203.

Фенинъ, мичманъ. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 787.

Ферзенъ, гр. Ив. Евстаф., генер.-поручикъ, потомъ генер. отъ инфант., директоръ сухоп. кадет. корпуса † 1800 г. Командованіе надъ войсками въ войнѣ съ поляками 1794 г., 392, 396, 397, 401, 404, 405, 407, 409.

Фетх-Али, персид. шахъ 1818 г., 279, 282, 298, 582.

Фешеръ, баронесса, фаворитка принца Конде, 654.

Фицтумъ-фонъ-Экштетъ, саксонскій посланникъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 731.

Фихтнеръ, саксон. придвор. часовой мастеръ. Посѣщеніе его Петромъ Великимъ 1711 г., 731.

Фичулка, парикмахеръ 1797 г., 189.

Фіалковскій, варшав. архіепископъ 1861 г. Смерть его и погребеніе 711—714. Упом. 700, 716.

Фіорило, писатель, 773.

Флери, Іосифъ-Авраамъ Бенаръ, франц. актеръ, р. 1750 † 1822 г., 656.

Фогель, начальникъ тайной канцеляріи, 677—678.

фонъ-Фокъ, Максимъ Яков., директоръ департ—а мин—ства внутр. дѣлъ, 673, 680—681.

де-Фонтенъ, госпожа, 369.

Фрейтагъ, кавказскій генералъ 1843 г., 131, 343.

Френъ, профессоръ 1828 г., 762.

Фридрихъ II Великій, прус. король, 343, 487.

Фріофъ, докторъ медицины 1822 г., 475.

Фроловъ, смолен. помѣщикъ, шлюзскій смотритель, 660, 661, 662, 663, 664.

Фроловъ-Багреевъ, бригадиръ. Участіе его въ польской войнѣ 1794 г., 388.

Фуксъ, составитель «Исторіи Россійско-Австрійской кампаніи 1799 г.», 613.

Фюрстенбергъ-фонъ, князь, намѣстникъ короля Августа II 1698 г., 727, 729, 730.

Библиотека "Руниверс"

Х.

Халубинскій, членъ польской делегаціи, 1861 г., 708.

Хановъ, докторъ 1813 г., 412.

Ханыковъ, подпоручикъ л.-гв. Преображ. полка 1744 г., 223.

Хасанъ-Али-мирза, сынъ персид. шаха 1828 г., правитель Хорасана, 532, 533, 765.

Хашимъ-ханъ, персид. генералъ 1828 г., 765.

Хвостовъ, гр. Дмит. Иван., об.-прокуроръ синода, потомъ сенаторъ и дѣйств. тайн. сов., р. 1756 † 1835 г. Стихи его на наводненіе 1824 г., 673. Упом. 477.

Хемницеръ, Ив. Ив., баснописецъ, р. 1745 † 1784 г., 46, 292.

Херасковъ, Мих. Матв., писатель, р. 1733 † 1807 г., 46.

Хмощевскій. Ссылка на его записки, 559.

Хилковъ, полоцкій комендантъ. Исключеніе его изъ службы 1797 г., 785.

Хитровъ, Алексѣй, камеръ-юнкеръ.

Хмельницкій, авторъ комедіи «Говорунъ», 349.

Хованскій, кн. Вас. Петр., генер.-маіоръ, шталмейстеръ, р. 1694 † 1746 г. Участіе въ засѣданіи коммиссіи для суда по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 41.

фонъ-деръ-Ховенъ, Романъ Иван., генер.-маіоръ, грузинскій гражд. губернаторъ 1819 г., р. 1775 † 1861 г., 289, 296. 690.

Хоецкій (псевд. Шарль Эдмондъ), 706.

Хозревъ-мирза, внукъ персид. шаха, 1828 г., 302, 465.

Холодиловъ, унтеръ-офицеръ. Награжденіе его чиномъ прапорщика 1797 г., 784.

Храповицкій, Александ. Вас., тайн. сов., ст.-секретарь Екатерины II, † 1807 г. Пожалованіе орденомъ св. Анны и 600 душъ 1797 г., 190.

Хржановскій, польскій генералъ, 707.

Хрулевъ, Степ. Александ., генер.-лейт., участникъ Севастопольской обороны. Покровительство его Ильѣ Арсеньеву, 121, 122, 125. Дѣйствія во время польской смуты 1861—1862 гг., 701, 702, 712, 721. Упом. 331, 334, 129, 355, 356.

Хрущовъ, ген.-маіоръ, отряден. командиръ. Участіе въ войнѣ съ Польшею 1794 г., 387, 388.

Хрущевъ, генер.-лейт., начальн. люблин. военнаго отдѣла. Дѣйствія на съѣздѣ въ Городлѣ 1861 г., 710—711.

Ц.

Цвиленевъ, Иванъ, сержантъ. Назначеніе его конвоировать Ив. Лопухина въ ссылку 1743 г., 199—202. Доносъ на него Новицкаго, 213—214.

Цейсъ, 487.

Циклеръ, полковникъ, покушавшійся на жизнь Петра I, 722.

Циммерманъ, госпожа, 608.

Циммерманъ, Ѳедоръ Христіанов., бригадиръ 1795 г., 607, 612.

Циціановъ, князь, 297.

Цыгорова, Наталья, жена коллеж. ассесора, 785.

Ч.

Чавдаевъ, Петръ, гв. маіоръ. Участіе въ засѣданіи коммиссіи для суда по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 41.

Чавчавадзе, княгиня, 297.

Чавчавадзе, кн. Александ. Гарсевановичъ, тесть Грибоѣдова, 298.

Чавчавадзе, кн. Давидъ Александр., генер.-маіоръ свиты е. в., 299.

Чавчавадзе, кж. Екат. Александр., см. кн. Дадіани.

Чавчавадзе, кж. Нина Александр., см. Грибоѣдова.

Чайковскій (Садыкъ-паша), турец. паша, 707.

Чашкинъ, Тимоѳей, гефрейтъ-капралъ. Назначеніе его конвоировать кн. И. Путятина въ ссылку 1743 г., 199, 202, 217.

Чарторижская, кж. Марія см. принцесса Виртембергская.

Чарторижскіе, князья, 473.

Чарторижскій, кн. Адамъ, генералъ земель подольскихъ 1782 г. Доносъ на него Угрюмовой и отношенія къ королю Ста-

Библиотека "Руниверс"

Чеботаревъ, Адамъ Петровичъ, войска Донскаго ген.-лейт. Сообщ. Записки донскаго атамана Денисова съ примѣчаніями, 379 — 410; 601—641.

Чепаловскій, Н. И., гвардіи полковникъ, помощникъ предсѣдателя управ. Москов. музея, 594.

Черепановъ, Тимоѳей, поручикъ 1750 г., 230.

Черкасская, кн. Екат. Петр., рожд. гр. Апраксина, 35, 37 — 39.

Черкасскій, кн. Петръ Борис., ген.-маіоръ, впослѣд. генер.-аншефъ, † 1768 г. Участіе въ засѣданіи коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Черниковъ, казакъ 1794 г., 388.

Черновубовъ, маіоръ 1796 г., 611.

Чернцовъ, Дмитрій, ген.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Чернышева, гр. Анна Ирод., рожд. Ведель, р. 1745 † 1830 г., ст.-дама. Характеристическіе разсказы о ней, 572—576.

Чернышева, гр. Наталья Григ., см. **Муравьева**.

Чернышевъ, ревельскій губерн. прокуроръ 1797 г., 787.

Чернышевъ, кн. Александ. Иван., генер. отъ кавал., генер.-адъютантъ, воен. мин-ръ, предсѣдатель госуд. совѣта и комитета министровъ, р. 1785 † 1853 г., 272, 576, 776.

Чернышевъ, гр. Зах. Григ., генералъ-фельдмаршалъ, бѣлорус. ген.-губернаторъ, потомъ москов. главнокомандующій, род. 1722 † 1784 г., 480, 481.

Чиновники, чиновники, 60.

Чилаевъ, маіоръ, шушинскій комендантъ 1827 г., 128, 141, 150, 293.

Чирковъ, ст. сов., начальникъ 3-го отдѣленія почтов. департамента 1861 г., 127.

Чулковъ, стат. сов. и с.-петерб. об.-полиціймейстеръ. Пожалованіе ему 300 душъ 1797 г., 190.

Ш.

Шабо, баронъ. Стараніе его узнать о происхожденіи холеры, 696—697.

Шамардинъ, офицеръ. Разсказъ о немъ, 577.

Шамполіонъ, писатель, 60.

Шапошниковъ, Евдокимъ, прапорщикъ сибирскаго гарнизона 1743 г., 205.

Шарлотта-Луиза-Христина-Софія, принцесса Брауншвейгская, супруга царевича Алексѣя Петровича. Французская легенда, придуманная по поводу ея смерти, 360 — 369.

Шарыпкинъ, сельскій старшина, 377.

Шателеръ, маркизъ, австр. ген.-квартирмейстеръ 1799 г., 617, 623, 629, 637, 638.

Шахназаровъ, поручикъ 1828 г., 529.

Шаховской, кн. Александръ Александровичъ, драматич. писатель, р. 1777 † 1846 г., 63.

Шаховской, кн., генер.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Шаховской, кн. Яковъ Петр., дѣйств. тайн. сов., генералъ-прокуроръ, р. 1705 † 1777 г. Переписка съ кн. Н. Ю. Трубецкимъ о придворномъ маскарадѣ 1750 г., 775—776. Упом. 389.

Шахъ-Али-бекъ, персид. сановникъ, 748, 749.

Шварценбергъ, кн. Карлъ-Филиппъ, австр. фельдмаршалъ, р. 1771 † 1820 г. Замѣтка о немъ, 661. Упом. 432.

Шварцъ, командиръ л.-гв. Семенов. полка 1820 г., 58.

Шевалье де-Мальвирадъ, 64.

Шейдеманъ, генералъ, начальникъ варшав. воен. округа 1861 г., 709—710.

Шейнъ, П. В., собиратель народн. пѣсенъ, 779.

Шелковниковъ, петерб. домовладѣлецъ 1819 г., 57.

Шельтингъ, Дарія Алексѣевна, см. **Шишкова**.

Шепелевъ, поручикъ. Исключеніе изъ службы за нерадѣніе 1797 г., 590, 784.

Шепелевъ, Дмитр. Андр., гофмаршалъ,

Библиотека "Руниверс"

† 1759 г. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Шервудъ, (Вѣрный), офицеръ 1825 г., 677.

Шереметевъ, Алексѣй, генер.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія дѣла Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Шереметевъ, гр. Борисъ Петр., фельдмаршалъ, боярин, р. 1652 † 1719 г., 358, 359.

де-ла-Шетарди, маркизъ, франц. посланникъ при рус. дворѣ 1742 г., 1, 9.

Шефи-ханъ, персид. военоначальникъ 1828 г., 765.

Шешуковъ, сержантъ 1797 г., 188.

Шиллингъ, писатель, 476.

Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, извѣстн. синологъ, 247.

Шиповъ, генер.-лейт. Участіе въ коммиссіи по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 41.

Шиповъ, Иванъ, ген.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Шихматовъ, кн. Плат. Александр., директоръ канцеляріи мин-ства народн. просвѣщ. 1825 г., впослѣд. тайн. сов. и мин-ръ народн. просвѣщ., † 1853 г., 241, 242, 245, 251.

Шихматовъ, кн. Сергѣй Александр., въ иночествѣ Аникита, р. 1783 † 1837 г., 240.

Шихматовы, князья, 240.

Шихъ-Али, ханъ Дербентскій и Кубинскій 1820 г., 281, 283, 284.

Шишкина, рожд. Талызина, въ 1-мъ замуж. Гедеонова, 662.

Шишкова, Дарья Алексѣев., рожд. Шельтингъ. Отношенія къ Сербиновичу, 71, 240, 241, 249. Смерть ея, 251.

Шишковъ, Александ. Семен., адмиралъ, госуд. секретарь, членъ госуд. сов., мин-ръ народн. просвѣщ. и духовн. дѣлъ, р. 1753 † 1841 г. Свидѣтельство о немъ Сербиновича, 46, 57, 63, 70—75, 237, 239, 240, 244, 247 — 249, 251, 256 — 260, 477.

Шкутинъ, Илья, прапорщикъ. Донесенія сенату о ввѣренномъ ему семействѣ Лиліенфельдовъ 1744 — 1749 гг., 223—227.

Шлеппперъ, членъ варшав. делегаціи, 708.

Шпакъ, художникъ. О рисованномъ имъ портретѣ Н. Ѳ. Лопухиной, 43.

Шредеръ, перевод. Карамзина, 237.

Штебенъ, прусск. повѣренный въ Спб., 481.

Штейнеръ, инструмент. мастеръ 187.

Штеллингъ, писатель, 476.

Шубертъ, астрономъ, 75.

Шубинъ, Алексѣй, генер.-маіоръ. Участіе въ коммиссіи для разсмотрѣнія Лопухинскаго дѣла 1743 г., 41.

Шуваловъ, гр. Александръ Ив., ген.-фельдмаршалъ, род. 1710 † 1771 г. Указъ ему объ арестѣ Степана Лопухина 1743 г., 12. Упом. 27, 43, 207.

Шуваловъ, Ив. Ив, об.-камергеръ, кураторъ Москов. университета, р. 1727 † 1797 г. Письмо къ нему Вольтера о г-жѣ д'Обанъ, 368 — 369. Упом. 480.

Шуваловъ, гр. Петръ Ив., генер.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г., 484, 485.

Шуйскій, Вас. Иван., царь, 53, 252.

Шулкиусъ, поручикъ, адъютантъ генерала Булатова 1809 г., 92.

Шульцендоретъ, прус. гвард. офицеръ 1813 г., 438.

Шумахеръ, Данила Данил., дѣйств. стат. сов., москов. город. голова. Рескриптъ ему отъ Наслѣдника Цесаревича, 597.

Шумская, Настасья Ѳед., домоправительница Аракчеева. Убіеніе ея дворовыми, 255.

Шымановскій, шляхтичъ, 397.

Щ.

Щелкуновъ, отставн. чиновн. 1819 г., 57.

Щепинъ-Ростовскій, кн. Василій, управитель Верховскаго стана 1712 г. Сообщеніе ему кн. Меньшиковымъ указа о скупкѣ женскихъ волосъ 1712 г., 766—767.

Щербатовъ, князь, 731.

Щербатовъ, кн. Мих. Мих., исторіографъ, сенаторъ, р. 1733 † 1790 г. Ссылка на его записки, 9, 36.

Библиотека "Руниверс"

Щербининъ, М. П. Сообщ. «Очеркъ намѣстничества Воронцова и Муравьева на Кавказѣ», 99 — 114.

Щулеповъ, домовладѣлецъ 1797 г., 788.

Э.

д'Эгмонъ, дочь герцога Ришелье, 368.

Эдлингъ, графиня, 275.

Эйдаятовичъ, Ѳадей, членъ варшав. делегаціи 1861 г., 709.

Эйлеръ, генер.-маіоръ, бригад. начальникъ 1813 г., 427, 431.

Экхартгаузенъ, писатель, 476.

Эйректоръ, домовладѣлецъ 1797 г., 788.

Эксанъ-ханъ, персид. сановникъ, 749.

Элеонора-Эрдмута, супруга саксон. курфирста Іоганна-Георга IV, † 1696 г., 729.

Эльслеръ, Фанни, извѣстн. балерина, 472.

Эльфингстонъ, англ. генералъ 1828 г., 760.

Энгельгардтъ, домовладѣлецъ 1822 г., 462, 468, 469.

Энгіенскій, герцогъ, сынъ принца Конде, 654.

д'Эонъ (Карлъ-Женевьева-Луи-Огюстъ-Андре-Тимоѳей д'Эонъ де-Бомонъ), род. 1728 † 1810 г. Дополнительныя замѣтки о немъ, 740—746.

Эрдманъ, Ф. Н., директоръ Новгородской гимназіи, 181.

Эристовъ, князь Георгій Евсѣев., генер.-лейт. 1827 г., впослѣд. генер. отъ инфант., сенаторъ, 507, 508.

Эртель, петербург. об.-полиціймейстеръ, генер.-полиц. арміи 1813 г., 432.

Ю.

Юдинъ, домовладѣлецъ 1797 г., 786.

Юсупова, кн. А. А. см. **Лопухина**.

Юсуповъ, кн. Борисъ, Григ., дѣйств. тайн. сов. Участіе въ коммиссіи по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 41.

Я.

Ягужинская, гр. Аваст. Павл. Допросъ ея по дѣлу Лопухиныхъ 1743 г., 14 — 15, 39. Упом. 3; 12, 192, 207, 208.

Ягужинская, гр. Анна Гавр. см. **Бестужева-Рюмина**.

Ягужинская, гр. Праск. Павл. см. кн. **Гагарина**.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив. генер.-прокуроръ, каб.-министръ, р. 1683 † 1736 г., 3, 30.

Языковъ, Ник. Мих., поэтъ, 241, 242.

Языковъ, Д. И., начальникъ департамента народн. просвѣщ. 1820-хъ гг., 69, 685.

Яковлевъ, Евграфъ Тихон., писарь в. кн. Михаила Павловича, 588.

Ярошевицкій, артил. поручикъ 1813 г., 434, 435, 446.

Ярошевичъ, докторъ, 316.

Яшвиль, князь, начальникъ артиллеріи 1813 г., 426, 434, 441, 449, 450.

Ѳ.

Ѳедорова, жена протоколиста, 786.

Ѳедорова см. **Монготье**.

Ѳедоровъ, Борис. Мих., литераторъ, 238, 260.

Ѳедоровъ, Дмитр. Яковл., директоръ театральн. училища 1840 г., 553.

Ѳедоровъ, П. С., директоръ театральнаго училища съ 1854 г., 314.

Ѳедоръ Іоанновичъ, царь, 59, 67.

Ѳедотьевъ, подпоручикъ. Назначеніе его для конвоированія осужденныхъ по Лопухинскому дѣлу 1743 г., 193, 199 — 202. Самоуправство его, 204—205.

Библиотека "Руниверс"

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1874 года.

ТОМЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и воспоминанія.

стр.

I. Исторія казака Войска Донскаго, атамана Адріяна Карповича **Денисова**. 1763—1841 гг. Главы VI—XV, съ 1792 по 1799 г. Сообщ. А. П. Чеботаревъ. 379 и 601

II. Записки Ивана Степановича **Жиркевича**. 1789—1848 гг. Главы V—VIII, съ 1813 по 1815 годъ. Сообщ. С. Д. Карповъ . . . . . 411 и 642

III. Николай Михайловичъ Карамзинъ, воспоминанія **К. С. Сербиновича**. 1802—1829 гг Сообщ. Н. К. Сербиновичъ. . . . . 44 и 236

IV. Воспоминанія **О. А. Пржецлавскаго**. Очерки Петербургской жизни. 1822—1832 гг. . . . 451 и 665

V. Воспоминанія Василія Антоновича **Инсарскаго**. Тревога въ Театральномъ Управленіи. 1853 г. . . 303

VI. Послѣдняя Польская смута. 1861—1864 гг. Очерки и разсказы **Очевидца**: намѣстничества генерала Сухозанета и гр. Ламберта. 1861—1862 гг. . 115, 339 и 699

Замѣтка А. Гана. (стр. 377).

Библиотека "Руниверс"

стр.

Изслѣдованія, біографическіе очерки и статьи.

I. Петръ Великій въ Дрезденѣ въ 1698, 1711 и 1712 гг. Статья профессора А. Г. Брикнера. 727
II. Всепьянѣйшій соборъ, учрежденный Петромъ Великимъ. Статья И. Носовича 734
III. Наталья Ѳедоровна Лопухина, статсъ-дама двора императрицы Елисаветы Петровны. Біографическій очеркъ и дѣло по поводу ея обвиненія въ заговорѣ. Составлено по подлиннымъ документамъ 1699—1763 гг. . 1 и 191
IV. Кавалеръ д'Эонъ. Историческій очеркъ В. Р. Зотова. 740
V. Марія-Терезія Угрюмова, авантюристка при дворѣ Станислава Понятовскаго, послѣдняго короля Польскаго. 1782—1785 гг. Очеркъ ея похожденій. Составилъ Е. П. Карновичъ 558
VI. Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ. Очеркъ его боевой службы и описаніе сраженія русскихъ со Шведами при Ревлаксѣ въ 1808 г. Сообщ. Д. А. Булатовъ . . 80
VII. Графъ М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ. Очеркъ М. П. Щербинина. 99
VIII. Генералъ-лейтенантъ Францъ Клюки-фонъ-Клугенау. Очеркъ его жизни и военныхъ событій на Кавказѣ 1818—1850 гг. Главы I—VII, — время съ 1818 по 1832 г. Составилъ И. А. Гржегоржевскій. Сообщ. В. Ф. Клюки-фонъ-Клугенау . . . . . 131 и 497

Указы, переписка, донесенія, историческіе разсказы и анекдоты.

Царствованіе Петра I.

I. Любопытное письмо кн. Меншикова къ невѣстѣ его, Дарьѣ Арсеньевой, 1705 г. Статья Д. Н. Бантыша-Каменскаго 1813 и 1839 гг. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 357
II. Кронпринцесса Шарлотта, супруга царевича Алексѣя Петровича Французская легенда. Сообщ. Д. Д. Рябининъ 360
III. Скупка женскихъ волосъ. 1712 г. Сообщ. В. И. Лѣствицынъ 766

Библиотека "Руниверс"

стр.

IV. Деньги для радости. 1712 г. Сообщ. В. И. Лѣствицынъ 767
V. Указъ Петра I о присылкѣ приходо-расходныхъ книгъ, 1719 г. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ. 370

Царствованіе Анны Іоанновны.

I. Посылка живыхъ стерлядей въ Стокгольмъ. 1730 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 770
II. Локоны императрицы Анны Іоанновны. 1731 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 769
III. Свѣчи во дворцѣ Анны Іоанновны. 1731 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 770
IV. Объявленіе о свиной тушѣ, доставленной ко дворцу. 1731 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 770
V. Поиски бѣлой галки въ Твери. 1738 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 771
VI. Герцогиня Бенигна Готлибъ Бирон. Замѣтка о ея портретѣ, гравированномъ Вортманомъ. 1740 г. Сообщ. Я. Березинъ-Ширяевъ 772

Царствованіе Елисаветы Петровны.

I. Придворные маскарады въ Петербургѣ. 1750—1752 гг. Распоряженія императрицы Елисаветы. Сообщ. Н. И. Григоровичъ 775

Царствованіе Екатерины II.

I. Дмитрій Васильевичъ Волковъ. Матеріалы къ его біографіи. Письма и рескрипты 1762—1767 гг. Сообщ. С. А. Рудаковъ. 478
II. Екатерина II и секретарь Позднякъ. Сообщ. В. Луцкой. 370
III. Гр. Анна Иродіоновна Чернышева. 1745—1830 гг. Разсказъ. Сообщ. Д. Д. Рябининъ 572

Царствованіе Павла I.

I. Историческіе разсказы и анекдоты о дѣятеляхъ и событіяхъ 1797—1801 гг. . . . . 153 и 577
II. Петербургская Старина: новости, объявленія и распоряженія правительства въ Петербургѣ въ 1797 г. 187, 589 и 784

Библиотека "Руниверс"

стр.

Царствованіе Александра I.

I. Особый видъ закрѣпощенія людей въ 1803 г.: довѣренность помѣщика священнику. Сообщ. Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій 177
II. Прошеніе, поданное императору Александру I Черниговскимъ протоіереемъ Кубецкимъ, съ резолюціей на немъ Г. Р. Державина 1803 г. Сообщ. Д. Д. Рябининъ. 377
III. Михаилъ Леонтьевичъ Булатовъ: сраженіе со Шведами при Ревлаксѣ, 1808 г. (см. выше).
IV. Францъ Клюки-фонъ-Клугенау. Очеркъ военныхъ событій на Кавказѣ съ 1822 г. (см. выше).

Царствованіе Николая I.

I. Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій въ 1826 — 1845 гг.
1) Высылка его изъ Петербурга въ 1826 г.: двѣ записки императора Николая. Сообщ. В. Ѳ. Кеневичъ. 273
2) Скитанія Магницкаго съ 1826 г. Сообщ. Н. Н. Мурзакевичъ 274
II. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Дѣятельность его какъ дипломата: переписка съ гр. Паскевичемъ. гр. Нессельроде и друг. 1827—1828 гг. Сообщ. Ад. П. Берже . . . . . 516 и 746
III. Рапортъ генерала Н. Сулимы, 1832 г. Сообщ. С. Н. Сулима. 180
IV. Графъ Карлъ Осиповичъ Ламбертъ въ селѣ Циглеровкѣ, 1840—1843 гг. Сообщ. И. Д. Павловскій . 722
V. Графъ Толь. Эпизодъ изъ его жизни. Сообщ. И. И. Европеусъ 372
VI. Веселитскій и Каховскій. Сообщ. Н. М. Новицкій. 178
VII. Ѳедоръ Николаевичъ Оберъ. Изъ Петербургскихъ воспоминаній. Сообщ. М. Н. Лонгиновъ 550
VIII. Тайный совѣтникъ Политковскій: хищническіе захваты казенныхъ денегъ 1834 — 1853 гг. 776
IX. Предсказательница войнъ Россіи 1849 и 1854 гг. Изъ бумагъ покойнаго генералъ-лейтенанта В. Ѳ. Ратча. 315
X. Николай Николаевичъ Муравьевъ.
1) Воспоминанія о немъ М. П. Щербинина (см. выше).

Библиотека "Руниверс"

стр.

2) Очеркъ службы Н. Н. Муравьева и его характеристика 1828—1856 гг. Сообщ. графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ 535
3) Знакомство мое съ Н. Н. Муравьевымъ, разсказъ. Сообщ. И. И. Европеусъ 181
XI. Военный Совѣтъ при оборонѣ Севастополя 29-го іюля 1855 г. Статья гр. Д. Е. Остенъ-Сакена . 330
XII. Генералы Д. А. и А. Д. Герштенцвейги. Замѣтки. Сообщ. М. Золотаревъ и Очевидецъ . . 544 и 724

Исторія Русской Литературы.

Русскіе писатели XIX вѣка.

I. Николай Михайловичъ Карамзинъ въ 1822—1826 гг. Воспоминанія о немъ К. С. Сербиновича (см. выше).
II. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.
1) О годѣ рожденія Грибоѣдова. Замѣтка. Сообщ. Н. П. Розановъ. 300
2) Грибоѣдовъ въ Персіи и на Кавказѣ 1818—1828 гг. Статья Ад. П. Берже 276
3) Грибоѣдовъ какъ дипломатъ 1827 — 1828 гг. Сообщ. Ад. П. Берже (см. выше).
III. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.
1) Рѣшеніе суда по уголовному дѣлу объ элегіи А. С. Пушкина: „Андрей Шенье“. 1828 г. Сообщ. П. А. Степановъ 584
2) Восточная поэма на смерть А. С. Пушкина, соч. Мирзы-Фехт-Али. Переводъ Александра Бестужева (Марлинскаго). 1837 г. Сообщ. Ад. П. Берже . 76

Народная русская словесность.

I. Пѣсня о Иванѣ Грозномъ. Сообщ. А. Мерцаловъ. 184
II. Сибирская пѣсня. Сообщ. А. А. Краевскій . . . 185
III. Историческія и бытовыя пѣсни. Сообщ. А. Г. Пупаревъ, В. И. Лѣствицынъ и И. Акутинъ . . . 779
IV. Московская припѣвка о Салтычихѣ. Сообщ. Г. И. Студенкинъ. 377

Библиотека "Руниверс"

отр.

Мелочи.

Кавказское острословіе 778

Алфавитный Указатель лицъ, находящихся въ „Русской Старинѣ“ въ томѣ XI-мъ издан. 1874 г. Состав. Ж. К. Піотровская подъ наблюденіемъ Е. П. Карновича . . . . . 1—80

I. Историческій Музей въ Москвѣ имени Государя Наслѣдника Цесаревича 591

II. Кавказцамъ. Отъ имени Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, намѣстника Кавказскаго ко всѣмъ имѣющимъ матеріалы для исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ и за Кавказомъ . 598

III. Обзоръ „Русской Старины“ изд. 1874 г. Отъ Редакціи 789

IV. Матеріалы журнальной статистики: „Русская Старина“ въ 1874 г. 803

V. Списокъ лицъ, сообщившихъ изслѣдованія, очерки, статьи и матеріалы для напечатанія въ „Русской Старинѣ“ 815

VI. Объ изданіи „Русской Старины“ въ 1875 г. (шестой годъ изданія). Прилож. при кн. X, XI и XII. . I—IV

Портреты и снимки.

I. Портретъ статсъ-дамы Натальи Ѳедоровны Лопухиной (р. 1699 † 1763 г.). Рисовалъ съ подлиннаго современнаго ея портрета художникъ Шпакъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 43).

II. Портретъ кавалера д'Эонъ († 1810 г.). Гравировано въ Лейпцигѣ у Г. Брокгауза.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 745).

III. Снимокъ съ подлиннаго письма императрицы Екатерины II къ Дмитрію Васильевичу Волкову.

(См. стр. 496).

Библиотека "Руниверс"

Библіографическій листокъ новыхъ книгъ.

(На обертк**ѣ**).

1. Жизнь графа М. Н. Муравьева въ связи съ событіями его времени и до назначенія его губернаторомъ въ Гродно. Біографическій очеркъ, составилъ **Д. А. Кропотовъ**. Спб., 1874 г., въ б. 8-ю д. 549 стр. Цѣна 3 руб. (На обертк**ѣ** IX-й кн. «Русской Старины» 1874 г).
2. Русскія женщины новаго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. Составилъ **Д. Л. Мордовцевъ**: Женщины девятнадцатаго вѣка. Спб., 1874 г., въ 8-ю д., 323 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп. (Тамъ-же).
3. Историко-статистическое описаніе Черниговской эпархіи. Черниговъ, 1873 — 1874 гг., семь книгъ. Замѣтка графа **Г. А. Милорадовича**. (Тамъ-же).
4. Памятники славяно-русской письменности, изд. Археографическою Коммиссіею. I. Великія Минеи-Четіи: октябрь, дни 4 — 18. Спб., 1874 г., въ листъ, въ два столбца, стр. 793 – 1534. (На обертк**ѣ** X-й кн. «Русской Старины» 1874 г.).
5. Исторія Россійской Академіи. Составилъ **М. И. Сухомлиновъ**. Выпускъ первый. Спб., 1874 г., въ 8-ю д. 427 стр. (Тамъ-же).
6. Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ. Сочиненіе **П. Н. Полеваго**, второе, значительно дополненное изданіе. Спб., 1874 г.;—XVI и 765 стр., въ два столбца, въ 8-ю д. л. Цѣна 4 р. (Тамъ-же).
7. Народныя русскія сказки въ изложеніи **П. Н. Полеваго**, съ рисунками **И. Панова**. Спб., 1874 г., 10 ненумерованныхъ, 320 стр., въ 8-ю д. л., 8 хромолитографій, 114 гравюръ. Цѣна 4 руб. (Тамъ-же).
8. Лѣтопись крушеній и другихъ бѣдственныхъ случаевъ военныхъ судовъ русскаго флота. Спб., 1874 г., въ 8-ю д. больш. форм., X, 408 и 67 стр., съ 9-ю картами морей, омывающихъ берега Россіи и съ чертежами подъема броненосной лодки «Смерчъ». (Тамъ-же).
9. Русская Библіотека, общедоступное изданіе избранныхъ сочиненій русскихъ писателей. 75 копѣекъ каждая книга. Первая книга: **А. С. Пушкинъ**.—Вторая книга: **М. Ю. Лермонтовъ**.—Третья книга: **Н. В. Гоголь**. (Тамъ-же).
10. Труды крестьянина **И. Голышева** по отечественной исторіи и археологіи во Владимірской губерніи: семь брошюръ и два литографированныхъ атласа. Изд. съ 1865 по 1874 гг. (На обертк**ѣ** XI-й книги «Русск. Старины», изд. 1874 г.).
11. Труды Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Выпускъ десятый. Подъ редакціею секретаря комитета **К. Н. Тихонравова**. Владиміръ, 1874 г., въ 8-ю д. (Тамъ-же).
12. Библіографическіе указатели **А. Н. Неустроева** къ русскимъ повременнымъ изданіямъ XVIII-го вѣка. (Тамъ-же).
13. Списокъ архитектурныхъ сочиненій, вышедшихъ на русскомъ языкѣ, и списокъ русскихъ анонимныхъ книгъ, съ именами ихъ авторовъ и переводчиковъ. Спб., 1873 и 1874 г. двѣ брошюры. Составлены **Г. Н. Геннади**. (Тамъ-же).

Библиотека "Руниверс"

14. Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Изданъ Кіевскою Археографическою Коммиссіею. Кіевъ, 1874 г., въ 8-ю б. д. (Тамъ-же).
15. Акты, собранные Кавказскою Археографическою Коммиссіею. Тифлисъ. Изд. 1863—1874 гг. Шесть томовъ отъ 900 до 1000 стр. въ томѣ. Въ больш. листъ. Съ портретами, виньетками, картою и планами. Изд. подъ ред. предсѣдателя Коммиссіи Ад. П. Берже. (На оберткѣ XII-й книги «Русской Старины» 1874 г. Замѣтка М. П. Щербинина).

Библиотека "Руниверс"

Въ конторахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

продаются слѣдующія ея изданія:

I. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей 1801—1825 гг. (Письма, стихотворенія, замѣтки и подписи).

Роскошное изд. ред. «Русской Старины» и **Ѳ. К. Опочинина.** Спб. 1873 г. Въ листъ; 152 стр.; заглавный листъ—рисунокъ академика В. А. Гартмана; собраніе фотолитографическихъ снимковъ съ автографовъ замѣчательныхъ лицъ; въ приложеніяхъ напечатаны (большею частію впервые) подлинники снимковъ, какъ-то письма, стихотворенія и замѣтки русскихъ историческихъ дѣятелей; въ концѣ книги помѣщенъ алфавитный указатель.

Цѣна книги 3 р., съ пересылкой 3 руб. **50** коп.

II. Русская Родословная книга. Изд. «Русской Старины». Спб. 1873, въ 8 д., 400 стр. **Цѣна** 3 р. съ пересылкой.

Въ этотъ томъ вошло значительное собраніе родословій русскихъ титулованныхъ и нетитулованныхъ дворянскихъ фамилій, преимущественно такихъ, многіе представители которыхъ ознаменовали себя, въ разныя эпохи русской исторіи, заслугами на поприщахъ государственномъ, общественномъ, ученомъ или литературномъ.

III. Записки кн. Якова Петровича Шаховскаго. полицій-мейстера при Биронѣ, оберъ-прокурора святѣйшаго синода, генералъ-кригсъ-коммисара, затѣмъ генералъ-прокурора и конференцъ-министра въ царствованіе Елисаветы и сенатора при Екатеринѣ II, 1705—1777 гг. Спб., въ 8-ю д., 325 стр. (въ приложеніяхъ помѣщены подлинныя бумаги кн. Шаховскаго изъ архивовъ: государственнаго и св. синода.)

Цѣна 1 р. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. 1870 г., 1871 г. и 1873 г., стольна разошлись по подпискѣ до послѣдняго экземпляра.

„Русскую Старину“ **1872** г. (изданіе второе), **можно получить** всѣ **двѣнадцать** книгъ съ портретами и рисунками. (Осталось 84 экземпляра). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

„Русская Старина“ изд. **1874** г.—12 книгъ. (Осталось 130 экземпл.). Цѣна 8 руб. съ пересылкою.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ 1875 г. Цѣна за 12 книгъ съ портретами и рисунками — 8 руб. съ пересылкою.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

I.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ДОНСКУЮ ГАЗЕТУ“
въ 1875 году.
(годъ третій).

„ДОНСКАЯ ГАЗЕТА“ въ будущемъ 1875 году будетъ выходить по той же программѣ, какъ и въ прошлые года, ДВА РАЗА въ недѣлю, по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ и ЧЕТВЕРГАМЪ. Подписная цѣна остается прежняя:

На годъ съ пересылкою и доставкою . . . . . 8 руб.
На полгода . . . . . 4 „ 50 коп.

УЧИЛИЩА И ГИМНАЗІИ ВОЙСКА ДОНСКАГО ПЛАТЯТЪ:

За годъ . . . . . 6 руб.
За полгода. . . . . 3 „ 50 коп.

☛ Подписчики 1874 года, не получившіе полнаго количества номеровъ, вслѣдствіе временнаго перевода цензированія „ДОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“ изъ Новочеркаска въ Москву, платятъ за весь 1875 г. 5 руб. 50 коп.

Подписка принимается: Въ гор. Новочеркаскѣ, въ конторѣ Редакціи, въ домѣ генералъ-маіора **Рѣдичкина.**

Редакторъ-Издатель **Х. ПОПОВЪ.**

II.

Въ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы продается:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. Ѳ. ЩЕРБИНЫ.

С.-Петербургъ, 1874 г., въ 16-ю долю, 450 стр. **Цѣна 1 руб. 50 коп.**

Содержаніе книги: Стихотворенія.—Пѣсни о природѣ.—Ямбы и Элегіи.—Пѣсни русскаго на чужбинѣ.—Эпиграммы.—„Сонникъ Русской Литературы“: шутливыя характеристики русскихъ писателей 1840—1860-хъ гг. Доморощенныя наброски русскаго лѣнивца и ипохондрика у себя и за границей.—Сатирическая лѣтопись: ямбы, ксеніи, шутки и эпиграммы.—Школьничество одного пожилаго Коллежскаго ассесора въ Чухонскихъ Аѳинахъ, т. е. въ Петербургѣ.

Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Библиотека "Руниверс"

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

НА 1875 ГОДЪ

свѣжимъ душистымъ чаямъ собственной выписки съ лучшихъ плантацій Китая, поступившимъ въ продажу въ складахъ торговаго дома

ОЛЬГИ КОРЕЩЕНКО

ВЪ МОСКВѢ.

Всѣ ниже-означенные чаи развѣшаны по фунтамъ въ превосходной упаковкѣ; на каждомъ фунтѣ обозначена печатно цѣна и названіе чая, а также находится пломба фирмы.

	За фунтъ Руб.	Коп.
ИМПЕРАТОРСКІЕ ЧЕРНЫЕ БУКЕТНЫЕ ЧАИ (новаго привоза).		
По своему превосходному вкусу и аромату, а равно и по своей умѣренной цѣнѣ, вполнѣ заслуживаютъ похвалу и рекомендацію.		
Жемчужный, пріятнаго вкуса и аромата изъ Фузы Ненхэо-Пеха. . . .	1	40
Тоже душистый, ароматный, высшаго сорта Фузы Лозана-ососка Фучефу.	1	60
Самый высокій сортъ жемчужнаго чернаго чая, необыкновенно пріятнаго вкуса и аромата, именуемый Букетъ Фучана.	1	80
Новаго привоза свѣжій, душистый, чрезвычайно пріятнаго вкуса и аромата, именуемый Царскій Букетъ	2	—
Чуднаго аромата и вкуса свѣжій, душистый, новаго привоза рѣдкостный черный чай, именуемый Царская Роза.	2	30
Необыкновенно нѣжнаго и пріятнѣйшаго вкуса и аромата новоприобрѣтенный нами чай, достоинствомъ своимъ превосходитъ всѣ до сего времени бывшіе въ продажѣ черные чаи, особенно рекомендуемый нами знатокамъ и любителямъ какъ Драгоцѣнная Рѣдкость	2	60
ИМПЕРАТОРСКІЕ ЛЯНСИНЫ (бѣлые букетные).		
Букетный лянсинъ душистый Мынутанъ Наджинъ пеха.	2	50
Императорскій букетный Лянсинъ	2	70
СРЕБРОВИДНЫЕ ХАНСКІЕ (лянсин. букети. чаи).		
Ханскій чрезвычайно пріятнѣйшаго вкуса Букетъ Розы	3	—
Необыкновенно высок. достоинства Китайской Императрицы	3	25
Высшій сортъ ароматическаго Лянсина изъ Фузы Шилунга	3	50
Отборный бѣлый букетный Лянсинъ чуднаго аромата и вкуса. . . .	4	—
Высшаго сорта ароматно-розанистый изъ Фузы Фунлонью	5	—
Лянсинъ Сребровидный, рекомендуемый какъ рѣдкость	6	—
Необыкновенно высокой доброты Сребровидный душистый Лянсинъ Бѣлый перлъ	7	—
ОСОБЫЙ СОРТЪ		
Сребровиднаго ароматнаго Лянсина, вывезеннаго нами изъ Китая для рѣдкости	10	—
За банку вѣсомъ 1/8 фунта	1	50

Императорскіе зеленые чаи. За фунтъ, отъ 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 руб.

Императорскіе желтые чаи. За фунтъ, отъ 2 р. 70 к., 3 р. 50 к., 4 р., 5 р., 6 р., 8 р. и 10 руб.

Библиотека "Руниверс"

Гг. Иногородные,

желающіе выписывать чай чрезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: **Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго, въ Главную Контору Торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко.** Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ чрезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается Конторою на свой счетъ и сверхъ того **дѣлается уступка 5% съ рубля** всѣмъ выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ помянутой уступки, выписывающіе чая единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, получатъ въ приложеніе **безплатно,** по своему выбору, **одинъ** изъ предметовъ, означенныхъ ниже сего.

1) **Новоизобрѣтенный** высшаго достоинства Британскаго металла **Чайникъ** по красотѣ и изящности отдѣлки замѣняетъ собою серебро, а по примѣненію къ практикѣ способствуетъ полнѣйшему раствору чайнаго листа и чрезъ это самое вкусъ, ароматъ и колеръ заваренаго въ немъ чая сохраняются гораздо долѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ чайникахъ.

2) **Новый конструкціи** изящнаго вида **Ларчикъ** для сбереженія вкуса и аромата чая, предназначаемаго для вседневнаго употребленія, вмѣщаетъ въ себѣ 1 ф. чая и запирается внутреннимъ замкомъ.

3) **Серебряно-вызолоченная** 84 проб. **Мѣрка** для опредѣленія количества чая, нужнаго для завариванія.

4) **Серебряная** 84 проб. **Ситца** для чая съ серебряной же ручкой.

5) **Серебряные** 84 пробы **Щипцы** для сахара.

ДО СВѢДѢНІЯ Гг. ИНОГОРОДНЫХЪ

долгомъ считаемъ довести, что нами обращено самое строгое вниманіе **на выборъ** отсылаемаго по ихъ требованіямъ чая, развѣска коего на фунты и отпускъ производятся не иначе, какъ подъ нашимъ **личнымъ** надзоромъ.

Заказы Гг. Иногородныхъ исполняются **непремѣнно въ тотъ самый день,** когда они нами получены.

О. А. Корещенко.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"